И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ ТОМ 3

1837 – 1841

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н.В. ГОГОЛЯ

ТОМ 3

1837 – 1841

А. Г. Венецианов.
Портрет Н. В. Гоголя
1834 г.
литография

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

том второй

1829–1836

Москва
2017

ББК 83.3

И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). Научное издание. В 7 т. Т. 3. 1837–1841. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 672 с.

Книга представляет собой третий том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя. В этой части летописи детально воссоздана картина заграничных путешествий писателя и тех впечатлений, которые были получены им в период двух продолжительных сроков пребывания за рубежом. Эти впечатления нашли отражение в главных художественных творениях писателя – второй редакции повести «Тарас Бульба» (в составе единственного прижизненного собрания гоголевских сочинений) и первого тома «Мертвых душ», представляющих собой своего рода «Илиаду» и «Одиссею» Гоголя. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, документальные архивные свидетельства, собственные воспоминания Гоголя. Отдельные сведения, в частности, датировка писем, получили необходимые уточнения. Данные о каждом дне жизни писателя составляют отдельное аналитическое описание, порой статью, с своей библиографией и необходимыми хронологическими отсылками. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает более двух тысяч имен.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0514-0 (том 3)

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
ГОГОЛЯ

1829–1836

ЯНВАРЯ 3. ЧЕТВЕРГ. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯТКИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку, что уже «около недели», вследствие «хандры или другого подобного»[1], ничего не делает. Пишет, что Л. И. Голенищев-Кутузов (которому он был рекомендован Д. П. Трощинским[2]) «все это время» был болен; собирается явиться к нему «послезавтра» (т. е. на Крещенский сочельник 5 января). Критически отзывается о двоюродном дяде И. П. Косяровском[3], которому передал письмо от матери. Жалуется на петербургскую дороговизну, которая заставляет его жить, «как в пустыне», так что он «принужден отказаться от лучшего своего удовольствия видеть театр»:

«Жить здесь не совсем по-свински, т. е. иметь раз в день щи да кашу, несравненно дороже, нежели думали. За квартиру мы <с А. С. Данилевским> плотим восемьдесят рублей в месяц... <...> Съестные припасы также не дешевы... <...> В одной дороге издержано мною триста слишком, да здесь покупка фрака и панталон стоила мне двух сот, да сотня уехала на шляпу, на сапоги, перчатки, извозчиков и на прочие дрянные, но необходимые мелочи, да на переделку шинели и на покупку к ней воротника[4] до 80 рублей».

Сообщает свой адрес: «...III-й Адмиральтейской части на Гороховой улице подле Семеновского моста в доме купца Галибина под № 130».

[1] По свидетельству А. С. Данилевского, Гоголь при въезде в Петербург, кроме полученных «насморка и легкой простуды» (см. ***1828. Декабря 24. Рождественский сочельник. Вечер. Санкт-Петербург***), «отморозил нос»: «Он чуть не слег в постель, и Данилевский перепугался было за него, опасаясь, чтобы он не разболелся серьезно. От всего этого восторг быстро сменился совершенно противоположным настроением, особенно когда их стали беспокоить страшные петербургские цены...» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // Свод. Т. 1. С. 506). Эти тогдашние впечатления, в частности, нашли отражение в повести Гоголя «Нос» (1835) (см.: *Виноградов 2000*. С. 219).

[2] См. ***1828. Октября 26–28. Пятница-воскресенье. Кибинцы***; ***1828. Декабря 15. Суббота. Кибинцы***.

[3] Впоследствии черты дяди И. П. Косяровского нашли отражение в образах Башмачкина в «Шинели» и петербургского дяди Тентетникова во втором томе «Мертвых душ» (см. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** – примечания).

[4] Очевидно, «переделка» верхней одежды, с «покупкой к ней воротника», была предпринята с целью сделать из «летней шинели» зимнюю. Спустя более года, 2 апреля 1830 г., Гоголь писал матери из Петербурга, что, будучи не в состоянии заказать себе теплую одежду, «привык к морозу и отхватал всю зиму в летней шинели». Впоследствии ранние петербургские впечатления (а также еще более ранние – нежинские; см. ***1822. Января 7. Суббота. Нежин***) нашли отражение в повести Гоголя «Шинель» (1842) (см.: *Виноградов 2000*. С. 217–219). – См. также ***1839. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург***.

ЯНВАРЯ 5. СУББОТА. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятный визит Гоголя к Л. И. Голенищеву-Кутузову с рекомендательным письмом от Д. П. Трощинского[1].

Предположительно, сразу после визита Гоголь отправил письмо к матери в Васильевку (не сохранилось), в котором «хвалился» вниманием к нему Голенищева-Кутузова[2].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал о Гоголе: «Первое время по приезде в Петербург было употреблено Гоголем на всевозможные хлопоты об устройстве. Впрочем по крайней беспечности у него без пользы пролежали в кармане несколько рекомендательных писем. Вначале у него еще были кое-какия небольшие деньги, но их было мало, и приходилось в первый раз в жизни серьезно позаботиться о своей судьбе. Только что оправился он от простуды, как немедленно пошел к Логгину Ивановичу Кутузову, к которому имел рекомендательное письмо от Д. П. Трощинского. <...> ...Кутузов принял его очень хорошо, обласкал, сразу перешел с ним на *ты* и пригласил его часто бывать у себя запросто, хотя этим почти все и ограничилось»[3].

[1] См. ***1829. Января 3. Рождественские святки. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1829. Февраля 18. Васильевка.***

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 508.

ЯНВАРЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Правление Гимназии высших наук получает изввещение попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовского с извещением об утверждении министром народного просвещения А. С. Шишковым в праве на чин представленных ему гимназией выпускников 1828 г., том числе Гоголя.

Журнал конференции за 1829 г. <О выдаче аттестатов об окончании Гимназии высших наук князя Безбородко Гоголю и его одноклассникам> // *Свод.* Т. 1. С. 486. – См. также ***1828. Октября 4. Санкт-Петербург***; ***1828. Декабря 15. Санкт-Петербург***; ***1829. Января 25. Нежин***

ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА (ПОСЛЕ 5 ЧИСЛА). САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь и А. С. Данилевский переехали из дома купца Галибина на Гороховой улице на новую квартиру – в дом аптекаря Трута на Екатерининском канале[1], между Кокушкиным и Вознесенским мостами.

А. С. Данилевский, запамятовавший первое место проживания (в доме купца Галибина на Гороховой улице), вспоминал: «На последней станции перед Петербургом наши путники прочли объявление, где можно остановиться, и выбрали дом Трута у Кокушкина моста...»[2]

Еще менее точен в своих воспоминаниях слуга Гоголя Я. Нимченко, рассказывавший в 1879 г. В. П. Горленко: «Выехали они в Петербург <...>, Гоголь, Данилевский и Яким[3]. По приезде остановились в гостинице, где-то возле Кокушкина моста, а потом поселились на квартире близ того же моста в доме Зверькова...»[4]

Примечательно, что в январе 1820 г. в доме «при Кокушкиным мости у аптекаря Трута» проживал этнограф З. Доленга-Ходаковский, который адресовал оттуда свое письмо к И. С. Орлаю – оказавшееся впослед-

ствии в древлехранилище М. П. Погодина. Рукописным собранием народных песен З. Доленги-Ходаковского Гоголь широко пользовался в первой половине 1830-х гг.[5]

[1] «Теперь <с 1923 г.> канал Грибоедова, 72» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194).

[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 506

[3] «В 1829 году, когда он выехал с Гоголем в Петербург, ему было лет двадцать шесть. Он был при Гоголе лакеем и поваром, жил сначала один, потом с женою <см. ***1832. Сентября 26. Понедельник. Васильевка***>. Поварскому искусству учился в Орловской губернии, у помещика Филип<п>ова, куда отдан был еще отцом Гоголя. В бытность Николая Васильевича в Нежине раза два он ездил провожать его в гимназию с каникул; потом он совсем поступил к нему в услужение. Когда Гоголь уехал за границу, Яким вернулся с женою в Яновщину. Гоголь сам нанял для них извозчика <см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***>, и они ехали из Петербурга с небольшим две недели. При отъезде за границу Николай Васильевич сделал распоряжение, чтобы выпустить Якима на волю, и написал об этом матери; но Яким сам не захотел этого. До смерти Марии Ивановны он жил “во дворе”» (*Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404).

[4] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404.

[5] См. ***1833. Октябрь. Москва***.

МЕЖДУ ЯНВАРЯ 18 И МАРТА 10 ИЛИ МЕЖДУ НОЯБРЯ 9–10 И ДЕКАБРЯ 31. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попытка Гоголя познакомиться с А. С. Пушкиным[1].

Из «Материалов для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (1855): «Не можем удержаться, чтоб не привести здесь забавного рассказа самого Гоголя[2] о попытках его познакомиться с Пушкиным, когда он еще не имел права на это в своем звании писателя. Впоследствии он был представлен ему на вечере у П. А. Плетнева[3], но прежде и тотчас по приезде в С.-Петербург (кажется, в 1829 году), Гоголь, движимый потребностью видеть поэта, который занимал все его воображение еще на школьной скамье, прямо из дома отправился к нему. Чем ближе подходил он к квартире Пушкина, тем более овладевала им робость и наконец у самых дверей квартиры развилась до того, что он убежал в кандитерскую[4] и потребовал рюмку ликера... Подкрепленный им, он снова возвратился на приступ, смело позвонил и на вопрос свой: “Дома ли хозяин”, услыхал ответ слуги: “Почивают!” Было уже поздно на дворе. Гоголь с великим участием спросил: “Верно, всю ночь работал”. – “Как же, работал, – отвечал слуга, – в картишки играл”. Гоголь признавался, что это был первый удар, нанесенный школьной идеализации его. Он иначе не представлял себе Пушкина до тех пор, как окруженного постоянно облаком вдохновения»[5].

[1] В 1829 г. Пушкин приехал в Петербург вечером 18 января и уехал оттуда около 10 марта; вновь вернулся в Петербург 9–10 ноября 1829 г. и прожил здесь до 4 марта 1830 г. (см.: *Тархова.* Т. 3. С. 914, 915, 926, 1011, 1063).

[2] Не ранее первой половины сентября 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург***.

[4] Так в источнике.

[5] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 3. С. 416.

ЯНВАРЯ 25. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголю и его соученикам выписаны аттестаты об окончании Гимназии высших наук.

«Аттестат

Николай Гоголь Яновский, Коллежского Ассессора Василия Афанасиевича сын[1], поступивший *1-го Мая 1821-го* года в Гимназию высших наук Князя Безбородко, окончил в оной полный курс учения в июне месяце *1828* года, при поведении *Очень Хорошем*, с следующими в науках успехами: в Законе Божием с *Очень Хорошими*, в Нравственной Философии с *Очень Хорошими*, в Логике с *Очень Хорошими*, в Российской Словесности с *Очень Хорошими*, в правах: Римском с *Очень Хорошими*, в Российском Гражданском с *Очень Хорошими*, в Уголовном с *Очень хорошими*, в Государственном Хозяйстве с *Очень Хорошими*, в чистой Математике с *Средственными*, в Физике и началах Химии с *Хорошими*, в Естественной Истории с *Превосходными*, в Технологии с — <прочерк; отметки нет>, в Военных науках с *Очень Хорошими*, в Географии Всеобщей и Российской с *Хорошими*, в Истории Всеобщей и Российской с *Очень Хорошими*, в языках: Латинском с *Хорошими*, в Немецком с *Превосходными*, Французском с *Очень хорошими*, Греческом — <прочерк, отметки нет>, и по окончательном испытании Конференциею Гимназии, на основании устава ее, в 19-й день февраля 1825 года ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного, удостоен звания *Студента*, и Г. Министром Народного Просвещения, в силу того же Устава, утвержден в праве на чин *четырнадцатого* класса, при вступлении в Гражданскую службу, с освобождением его от испытания для производства в высшие чины, а при вступлении в Военную службу, чрез шесть месяцев в нижних званиях, на чин Офицера, хотя бы в полку, в который принят будет, на тот раз и ваканции не было. В засвидетельствование чего и дан ему *Николаю Гоголь-Яновскому*, сей Аттестат от Конференции Гимназии высших наук Князя Безбородко, за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. Нежин *1829* года *Января 25-го* дня.

<Подписали:>
Гимназии высших наук Князя Безбородко Директор Данила Ясновский.
Законоучитель Нежинский Протоиерей Павел Волынский.
Старший Профессор Юридических наук Михаил Билевич.
Старший Профессор предметов Российской словесности Надворный Советник Парфений Никольский.
Физико-математических наук Старший Профессор Надворный Советник и Кавалер Карл Шапалинский.
Исторических наук Старший Профессор и Кавалер Кирилл Моисеев.
Французской Словесности Профессор Иван Ландражин.
Немецкой Словесности Профессор Фридрих Зингер.
<Естественной Истории> Профессор Никита Соловьев <и др.>»[2].

Как указал И. А. Сребницкий, в общей гимназической ведомости, на основании которой были выданы Гоголю и его соученикам 25 января 1829 г. аттестаты об окончании гимназии[3], отмечены не «превосходные», а «довольно хорошие» успехи Гоголя по немецкому языку[4]. Годичная отметка Гоголя по немецкому языку в 1828 г. была «2» (или «удовлетворительная»), экзаменационная — 3 (т. е. «довольно хорошая»)[5].

[1] Здесь и далее в аттестате курсивом выделен текст, вписанный в печатный бланк.

[2] Печатается по фотокопии документа в изд.: *Михед, Якубина*. С. 139; см. также: *Р—ий*. Аттестат <об окончании Гоголем Гимназии высших наук князя Безбородко, от 25 января 1829 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 487–488.

[3] См.: *Сребницкий 1902*. С. 419; 1829 года список воспитанников, окончивших в 1828 году полный курс учения в Гимназии высших наук, с показанием поведения и успехов, по которым выданы им аттестаты // *Свод*. Т. 1. С. 488.

[4] *Сребницкий 1902*. С. 296.

[5] *Сребницкий 1902*. С. 296. См. ***1828. Июня не позднее 22. Нежин.***

ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь начинает собирать материалы по истории Малороссии[1].

Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[2], со слов матери Гоголя, сообщал: «По окончании курса в Нежинском Лицее Гоголь был увезен А. С. Д<анилевс>ким в Петербург, где занялся снова науками, в особенности иностранными языками и живописью»[3].

В свою очередь, С. П. Шевырев, со слов Марии Ивановны, записал: «19<-ти> л<ет> <Гоголь> поехал в Петербург – где учился 2 года еще до вступл<ения> в службу»[4].

Сама Мария Ивановна в 1852 г. вспоминала о сыне: «Чувствуя, что он мало успел в Нежинской Гимназии, 2 года употребил на учение себя, приехавши в П<етербург>, и в течение того времени уделял по 2 часа, как я писала[5] <...>, на рисование»[6].

В этом же месяце вышел в свет январский номер журнала П. П. Свиньина «Отечественные Записки» (№ 105), где помещена статья самого редактора «Ответ Фаддею Венедиктовичу Булгарину на письмо его в защиту г. Дова», с критикой английского портретиста[7].

[1] См. ***1830. Февраля 2. Санкт-Петербург***; ***1834. Января 29. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[3] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 289.

[4] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12.

[5] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 28. – См.: «Палитра для акварельных красок» (*Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // *Свод.* Т. 1. С. 382).

[7] См. ***1828. Января 15–18. Воскресенье-среда. Москва*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 14. ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский почувствовал приближение кончины.

Попов 1868. С. 22.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь принимает решение вступить на литературное поприще.

См. ***1829. Марта средина. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 16. СУББОТА. МИРГОРОД

М. И. Гоголь получает от предводителя дворянства Миргородского уезда И. В. Капниста свидетельство на имя ее сына о том, что тот числится в списках миргородского дворянства:

«Малороссийской Полтавской губернии Миргородского повета дворянину Николаю Гоголю-Яновскому дано сие от меня по его прошению в том, что отец оного Николая Василий Гоголь-Яновский был помещик Миргородского повета, имел чин колежского асесора, почему и сын его, упомянутый Николай, по спискам дворянским здешнего повета состоит, имея ныне от роду 19-й год, в том и сие подписом утверждаю с приложением печати, февраля 15-го дня 1829 года. Миргородского повета маршал дворянства <И. В.> Капнист».

В сопроводительной записке от 16 февраля 1829 г. И. В. Капнист писал М. И. Гоголь: «С удовольствием исполняя поручение Ваше, прилагаю у сего свидетельство для сына Вашего, желая искренно, дабы он, определясь на службу, достиг бы трудами и усердием к оной достойной награды и был бы для Вас утешением. Один лист рублевой бумаги[1] также у сего прилагаю»[2].

Свидетельство о дворянском происхождении[3] понадобилось Гоголю для поступления на службу. Поскольку его дед, А. Д. Гоголь-Яновский, в доказательство своих прав на дворянство представлял документы в Киев[4] (Полтавское дворянское депутатское собрание было основано лишь в 1802 г.), то дворянский протокол ему, соответственно, был выдан Киевским дворянским собранием. По замечанию В. П. Горленко, «причисление к киевскому дворянству, очевидно, вносило путаницу в дела, и Марья Ивановна стала хлопотать о приписке рода к полтавскому дворянству. Но дело было в первой половине прошлого века и должно было пройти мытарства канцелярий. Начатое в тридцатых годах, оно кончилось только в 1855 г. утверждением фамилии Гоголей в

потомственном дворянстве, с внесением в III часть родословной книги Полтавской губернии». В деле при этом было сделано следующее примечание: «Николай, сын Василия, родившийся в 1810 году <правильно: в 1809>, но умерший раньше утверждения герольдией отца его в потомственном дворянстве, за жизни в родословную книгу не внесен»[5].

[1] Вероятно, для составления прошения на Высочайшее имя (см. ***1829. Февраля 20. Миргород***).
[2] *Горленко В. П.* Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 343.
[3] См. также ***1849. Февраля средина. Москва.***
[4] См. ***1784. Октября 19. Суббота. Киев***; ***1788. В течение года. Киев.***
[5] *Горленко В. П.* Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 343.

ФЕВРАЛЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает двоюродному брату Павлу П. Косяровскому:

«Я получила от Николиньки моего 2 письма, как он приехал в Петербург; в первом[1] он писал, что нашел Кутузова отчаянно больным и более недели не мог являться, а в другом[2] уже хвалился его ласками, по милости благодетеля нашего»[3].

Свод. Т. 1. С. 104.

[1] См. ***1829. Января 3. Рождественские святки. Санкт-Петербург.***
[2] Вероятно, от 5 января 1829 г. (не сохранилось) (см. ***1829. Января 5. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург***). В письме, вероятно, содержалась просьба выслать необходимое для поступления на службу свидетельство о дворянском происхождении (см. ***1829. Февраля 16. Миргород***; ***1829. Февраля 20. Миргород***).
[3] Д. П. Трощинский.

ФЕВРАЛЯ 20. СРЕДА. МИРГОРОД

М. И. Гоголь подает прошение на Высочайшее имя о выдаче Гоголю свидетельства о дворянском происхождении его отца, Василия Афанасьевича:

«Просит помещика жена колежского асесора Мария Ивановна Гоголь-Яновская о нижеследующем: нужно иметь на имя сына моего, выпущенного из нежинской гимназии графа Кушелева-Безбородка, с чином 14 класса, Николая Гоголя-Яновского, из полтавского депутатского собрания свидетельство для определения в службу о дворянском происхождении умершего отца его колежского асесора Василіа Афанасьевича, сына Гоголя-Яновского, и потому, представляя выданное мне от маршала Миргородского повета о том свидетельство[1], всеподданнейше прошу, дабы Вашего Императорского Величества указом повелено было о выдаче мне изъясненного свидетельства учинить определение. Всемилостивейший государь, прошу ваше императорское величество о сем моем прошении решение учинить. Февраля 20-го дня 1829 г. К выдаче подлежит в полтавское депутатское собрание. Сие прошение переписывал дворовый ея, г-жи Гоголь-Яновской, человек, Антон Шлапак. Подписалась и верю оное по болезни моей подать дворовому человеку моему Симону Палиенку, помещица жена колежского асесора Мария Гоголь-Яновская».

Горленко В. П. Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 343.

[1] См. ***1829. Февраля 16. Миргород.***

ФЕВРАЛЯ 20. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский приобщился Святых Таин.

Попов 1868. С. 22.

ФЕВРАЛЯ 21. ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский объявил свое завещание.

Попов 1868. С. 22.

ФЕВРАЛЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение двенадцатого номера «Сына Отечества и Северного Архива» (журнал Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина), где напечатано, без имени автора, стихотворение Гоголя «Италия».

П А. Кулиш в 1854 г. сообщал: «В продолжение этого <1829> года он пытался открыть себе известность <...> литературою и сценическим[1] искусством. Но и та и другая попытка были безуспешны... <...> ...Гоголь <...> боялся гласности и прокладывал себе дорогу к литературным успехам тайком даже от ближайших друзей своих. Он написал стихотворение "Италия" и отправил его incognito к издателю "Сына Отечества". Стихи были напечатаны[2]. (В № 12 "Сына Отечества и Северного Архива" 1829 года)...»[3]

[1] См. ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1829. Марта 23. Санкт-Петербург.***
[3] *Кулиш 1854 (2).* С. 35–36; см. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 579. – Ср. также: «К этому же времени относится безыменное его стихотворение *Италия*, помещенное в "Сыне Отечества" 1829 года и написанное еще в Нежине» (*Кулиш 1852.* С. 200). – См. также ***1827. Апреля 23. Суббота. Москва*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 23. СУББОТА. КИБИНЦЫ

Над Д. П. Трощинским совершен чин соборования.

Попов 1868. С. 22.

ФЕВРАЛЯ 26. ВТОРНИК. КИБИНЦЫ

Кончина Д. П. Трощинского[1].

«Состояние, оставленное им, было весьма значительно: около 70 т<ысяч> десятин земли и более 6-ти тысяч душ крестьян (большею частию высочайше пожалованных), дома в Петербурге и Киеве; движимость его ценили 1 миллион р<ублей> сер<ебром>. Значительнейшая часть сих богатств завещена им была старшему племяннику, Андрею Андреевичу. <...> После него осталась значительная коллекция старинных монет и медалей, обширная библиотека в несколько тысяч томов, коллекция оружия и табакерок, много разных произведений искусства и картины великих мастеров; замечательные редкости, как наприм<ер>, бюро королевы Марии Антуанетты и ей же принадлежавшие великолепные фарфоровые часы и подсвечники и т. п.»[2].

[1] *Попов 1868*. С. 22.
[2] *Ореус*. С. 656, 658.

ФЕВРАЛЯ 27. СРЕДА. ОДЕССА

Кончина И. С. Орлая.

Супронюк. Словарь. С. 224.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ФЕВРАЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. В. Тарновский приезжает в Петербург и начинает службу по контрольному ведомству.

См. ***1829. Конец года. Санкт-Петербург.***

МАРТА СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку.

Содержание письма известно лишь в изложении матери. 18 апреля 1829 г. М. И. Гоголь сообщала двоюродному брату Петру П. Косяровскому: «Николинька мой о сю пору не определен еще на службу. Покойный благодетель наш Дмитрий Прокофиевич говорил мне[1], чтобы я не скучала нескорым его определением, потому что Кутузов выискивает для него хорошую и выгодную должность, что чрезвычайно трудно теперь по штатской службе, где совершенно набито людей, я о сем писала Николи своему[2], чтобы он не наскучал Кутузову и положился с терпением на его старание, а он мне отвечает: *вы мне советуете не беспокоить Лог<г>ина Ивановича моим определением*, оно бы и хорошо, когда бы я мог ничего не есть, не нанимать квартиры и не изнашивать сапог, но так как я не имею сих талантов, то есть жить воздухом, то и скучаю своим бездействием, сидя в холодной комнате и имея величайшее несчастие просить у вас денег, знавши теперешние ваши обстоятельства, – и я должна была опять занять и послать ему денег. Видно, он был в самом тревожном положении, что прибавил: *недаром я не любил никаких протекций, без них я давно бы определился к месту*, а в конце письма несколько потешил меня, что надежда мелькнула ему, но что он не смеет предаваться ей и жалеет, что не взялся за сие прежде[3] и чрез то много потерял; и я не знаю, что он под этим разумеет».

Свод. Т. 1. С. 104.

[1] До 26 февраля 1829 г. (дата кончины Д. П. Трощинского; см. ***1829. Февраля 26. Кибинцы***).
[2] См. ***1829. Февраля средина. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1829. Февраля 22. Санкт-Петербург***; ***1829. Марта 23. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 20 лет.

МАРТА 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет двенадцатый номер «Сына Отечества и Северного Архива» (журнал Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина), в котором опубликовано, без имени автора, стихотворение Гоголя «Италия»[1].

Тихонравов Н. Библиографические поправки и дополнения к статье: «Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя» // Московские Ведомости. 1853. 28 апр. № 51. Литературный отдел. С. 521.

[1] См. также ***1829. Февраля 22. Санкт-Петербург.***

МАРТА КОНЕЦ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская посылает сыну в Петербург письмо и деньги.

См. ***1829. Апреля 30. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 14. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 18. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь в письме к двоюродному брату Петру П. Косяровскому пересказывает содержание письма сына.

См. ***1829. Марта средина. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 30. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, вместе с А. С. Данилевским, переехал из дома Трута на Екатерининском канале в дом каретника И. А. Иоахима на Большой Мещанской[1]. Приступает к работе над повестями, составившими впоследствии сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832)[2].

Позднее, в письме от 20 декабря 1832 г., Гоголь напоминал Данилевскому о его «прилежании», с каким тот готовился к Школе гвардейских подпрапорщиков, «живя у Иохима».

Вероятно, в доме Иоахима весной 1829 г. В. И. Любич-Романович, католик по вероисповеданию, познакомил Гоголя с А. Мицкевичем, который вторую половину апреля — первую половину мая 1829 г. жил в Петербурге по тому же адресу, на одном с Гоголем (четвертом) этаже[3]. В то время Любич-Романович переводил стихотворения Мицкевича («Крымские сонеты»), которые были изданы в конце 1829 г.[4] Вероятно, перед самым отъездом из России Мицкевич подарил Любичу-Романовичу собственный бюст работы скульптора П. П. Соколова[5].

[1] В конце 1730-х и с 1770-х по 1873 г. улица называлась Большой Мещанской; с 1750-х по 1770-е и с 1873 по 1923 — Казанской. «Теперь <с 1923> <...> улица Плеханова <с 1998 г. с прежним названием — Казанская>, 39» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194).

[2] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] *Гаско М.* Мицкеївич і Гоголь // Всесвіт. 1974. № 12. С. 184–186; см. также: *Беккер И. И.* Мицкевич в Петербурге. Л., 1955. С. 164.

[4] Стихотворения Адама Мицкевича. Перевел с Польского В. Р<оманович>. СПб., 1829 (цензурное разрешение 15 окт.). – См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] О знакомстве Любича-Романовича с Мицкевичем см. также: *Ланда С. С.* Примечания // *Мицкевич А.* Сонеты. Л., 1976. С. 317–319.

АПРЕЛЯ 30. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«В сей день я только получил ваше письмо с деньгами; около двадцати дней шло оно, да более недели пролежало уже здесь на почте по той причине, что я переменил прежнюю свою квартиру. Вы не ошиблись, почтеннейшая маминька, я точно сильно нуждался в это время, но впрочем всё это пустое; что за беда посидеть какую-нибудь неделю без обеда... <...> Вы не поверите, как много в Петербурге издерживается денег. Несмотря на то, что я отказываюсь почти от всех удовольствий, что уже не франчу платьем, как было дома, имею только пару чистого платья для праздника или для выхода и халат для будня; — что я тоже обедаю и питаюсь не слишком роскошно и несмотря на это всё по расчету менее 120 рублей никогда мне не обходится в месяц. Как в этаком случае не приняться за ум, за вымысел, как бы добыть этих проклятых, подлых денег, которых хуже я ничего не знаю в мире, вот я и решился... Когда наши в поле — не робеют».

Просит мать сделать для него «величайшее из одолжений»: «сообщать» ему «нравы и обычаи малороссиян»:

«В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов с поименованием, как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиан; равным образом название платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Вторая статья: название точное и верное платья носимого до времен гетманских. Вы помните, раз мы видели в нашей церкве одну девку, одетую таким образом. Об этом можно будет расспросить старожилов; я думаю, Анна Матвеевна[1] или Агафия Матв<еевна>[2] много знают кое-чего из давних годов.

Еще обстоятельное описание свадьбы не упуская наималейших подробностей; об этом можно расспросить Демьяна (кажется так его зовут, прозвания не вспомню), которого мы видели учредителем свадьб и который знал по-видимому все возможные поверья и обычаи. Еще несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках. Если есть, кроме того, какие-либо духи или домовые, то о них подробнее с их названиями и делами; множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. <...> На этот случай, и чтобы вам не было тягостно, великодушная, добрая моя маминька, советую иметь корреспондентов в разных местах нашего повета. Александра Федоровна[3], которой сметливости и тонким замечаниям я всегда удивлялся, может в этом случае оказать нам очень большую помощь. <...> Хотелось бы мне очень моей милой сестрице Марье Васильевне прислать чего-нибудь, но, Бог видит, не могу, проклятая болезнь, посетившая было меня при вскрытии Невы, помогла еще более истреблению денег <...> Здоровы ли все наши? Свидетельствую мое почтение Дедушке. (Скажите пожалуста, что его тяжба?[4] имеет ли конец), Бабушке Марье Илиничне, также и Анне Матвеевне, – а в заключение всем добрым, искренно вас любящим соседям. – Поцалуйте за меня Аничку. Сделайте милость, прилагайте всевозможное стaранье о воспитании этого умного дитяти, тайное какое-то предчувствие мне предрекает, что от него много можно ожидать. Также шалунью Лизу... <...>

Еще прошу вас выслать мне две Папинькины Малороссийские Комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою. Здесь так занимает всех все малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя

ли одну из <н>их поставить на здешний Театр. За это, по крайней мере, достался бы мне хотя небольшой сбор...»

Сам по себе круг малороссийской словесности в то время был весьма ограничен. В 1827 г. М. Т. Каченовский, публикуя в «Вестнике Европы» переводную балладу с польского языка П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский», замечал: «Теперь, сколько известно, Малороссийская словесность поддерживается единственно стихотворениями в забавном или в шутливом роде: такова Енеида *Котляревского;* таковы стихи при Грамматике г-на *Павловского* и несколько очень замысловатых пиес, напечатанных в *Украинском Вестнике.* Бесспорно сюда принадлежит и *Твардовский*»[5]. Судя по замечанию Каченовского, содержание начатой Гоголем в Нежине «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» по отношению к указанным источникам в действительности «энциклопедично» и практически исчерпывает круг известных к тому времени произведений малороссийской словесности[6]. В «подручной энциклопедии» имеются и материалы из упомянутой «Грамматики малороссийского наречия» Ал. Павловского (СПб., 1818), и выписки из «Энеиды» И. П. Котляревского, и извлечения из «Опыта собрания старинных малороссийских песней» князя Н. А. Цертелева (СПб., 1819). Помещена была Гоголем в «Книгу всякой всячины...» и упоминаемая в «Грамматике...» Павловского «Вирша, говоренная Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения»[7]. Несомненно, Гоголю была хорошо известна и баллада П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский», перепечатанная М. А. Максимовичем в его сборнике «Малороссийские песни...» (М., 1827), – который был издан в свет спустя лишь несколько месяцев после публикации М. Т. Каченовского (этим сборником Гоголь в свою очередь пользовался в своих выписках). Влияние баллады «Твардовский» исследователи, в частности, усматривают в изображении нечистого в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством»[8]. Кроме того, баснями Гулака-Артемовского «Пан та собака» (1818), «Солопий та Хивря» (1819) Гоголь пользовался при создании «Сорочинской ярмарки»[9].

В том же письме к матери Гоголь дает характеристику обитателей Петербурга, высказывая при этом наблюдение, принципиальное для его так называемых «петербургских» повестей и важное для понимания его «мертвых душ» в целом:

«Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву. Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на нее печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объиностранились и сделались ни тем ни другим[10]. Тишина в нем необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, всё подавлено, всё погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их. Забавна очень встреча с ними на проспектах, тротуарах; они до того бывают заняты мыслями, что поровнявшись с кем-нибудь из них слышишь, как он бранится и разговаривает сам с собою[11], иной приправляет телодвижениями и размашками рук[12]. Петербург город довольно велик; если вы захотите пройтиться по улицам его, площадям и островам в разных направлениях, то вы наверно пройдете более 100 верст и, несмотря на такую его обширность, вы можете иметь под рукою всё нужное, не засылая далеко, даже в том самом доме. Дома здесь большие, особливо в главных частях города, но не высоки, большею частию в три и четыре этажа, редко очень бывают в пять, в шесть только четыре или пять по всей столице, во многих домах находится очень много вывесок. Дом, в котором обретаюсь я, содержит в себе 2-х портных, одну маршанд де мод, сапожника, чулочного фабриканта, склеивающего битую посуду, дегатировщика и красильщика, кондитерскую, мелочную лавку, магазин сбережения зимнего платья, табачную лавку, и наконец привилегированную повивальную бабку. Натурально что этот дом должен быть весь облеплен золотыми вывесками. Я живу на четвертом этаже, но чувствую, что и здесь мне не очень выгодно. Когда еще стоял я вместе с Данилевским, тогда ничего, а теперь очень ощутительно для кармана: что тогда платили пополам, за то самое я плачу теперь один. Но впрочем мои работы повернулись и я, наблюдая внимательно за ними, надеюсь в недолгом времени добыть же что-нибудь; если получу верный и несомненный успех, напишу к вам об этом подробнее.

В Петербурге много гуляний. Зимою прохаживаются все праздношатающиеся от двенадцати до двух часов (в это время служащие заняты) по Невскому проспекту. Весною же, если только это время можно назвать весною, потому что деревья до сих пор еще не оделись зеленью, гуляют

в Екатерингофе, Летнем саду и Адмиралтейском бульваре. Все эти однако ж гулянья несносны, особливо екатерингофское первое мая, всё удовольствие состоит в том, что прогуливающиеся садятся в кареты, которых ряд тянется более нежели на 10 верст и притом так тесно, что лошадиные морды задней кареты дружески целуются с богато убранными длинными гайдуками. Эти кареты беспрестанно строятся полицейскими чиновниками и иногда приостанавливаются по целым часам для соблюдения порядка, и всё это для того, чтобы объехать кругом Екатерингоф и возвратиться чинным порядком назад, не вставая из карет. И я было-направил смиренные стопы свои, но обхваченный облаком пыли и едва дыша от тесноты возвратился вспять. В это время Петербург начинает пустеть, все разъезжаются по дачам и деревням на весну и лето. Ночи теперь не продолжаются более часу, летом их и совсем не будет, только промежуток между захождением и восхождением солнца бывает занят столкнувшимися двумя зарями, вечернею и утреннею, и не похож ни на вечер ни на утро».

[1] Трощинская, тетка Марии Ивановны.

[2] Лукашевич, тетка Марии Ивановны.

[3] Тимченко.

[4] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург.***

[5] Вестник Европы, составляемый Михаилом Каченовским. 1827. Март. № 6 (цензурное разрешение 19 марта). С. 123

[6] См. ***1831. Сентября 29–30. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1826. Января конец. Нежин.***

[8] См. ***1826. Августа после 16 – ноября начало. Нежин.***

[9] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 1-2. С. 431.

[10] В повести «Портрет» (1834) соответствующую характеристику Гоголь давал героям петербургской Коломны: «Они похожи на серенький день <...> когда на небе бывает ни се, ни то...» Эти слова, в свою очередь, перекликаются со строками первого тома «Мертвых душ» (1842) о характере Манилова, который принадлежал к роду людей, «известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан...» (тут, при характеристике Манилова, «даже самая погода <...> прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета...»). «Трудно схватить общее выражение Петербурга, – замечал также Гоголь в "Петербургских записках 1836 года". – Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию; так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения...»

Несмотря на, казалось бы, вполне умеренное «ни то ни се» всех этих представителей «мертвых душ», можно догадываться, что указывает оно на самом деле на приговор весьма суровый: «...Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15–16). (О каком Петербурге шла речь в статьях и «петербургских» повестях Гоголя, позволяет, в частности, судить письмо юного Ф. В. Чижова (ставшего впоследствии другом Гоголя) к его матери, У. Д. Чижовой, от 17 марта 1827 г. из Петербурга: «Здесь все равно, что Страстная, что Святая неделя, здесь не почитают за непременный долг идти к заутрене в Светлое Воскресенье, сидят часов до 12-ти или 2-х ночи в Страстную субботу за картами и проч., и не только сами не постятся, но даже смеются над теми, кто постится; впрочем, и здесь есть люди, которые еще похожи на древних русских, которые еще сохранили веру и посреди немцев, занимающих большую часть нашей столицы. Ах, сколь прискорбно смотреть на сих гордецов, по несчастию имеющих везде преимущество пред русскими»; *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 20.)

Подкрепление своим взглядам Гоголь, в частности, мог почерпнуть в 1835 г. в высказываниях своего земляка философа Г. С. Сковороды, опубликованное А. Ф. Хиджеу в «Телескопе» в статье «Григорий Варсава Сковорода. Историко-критический очерк». (Здесь же, в той же части журнала, где был помещен очерк Хиджеу, была напечатана статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» – с упоминанием, в свою очередь, о Сковороде, – которая, по свидетельству П. В. Анненкова, в 1835 г. была прочитана Гоголем; см. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***) «Рус ли ты? – писал Г. С. Сковорода, – будь им: верь православно, служи Царице правно, люби братию нравно. Лях ли ты? Лях будь. Немец ли ты? Немечествуй. <...> Все хорошо на своем месте и в своей мере <...> Не будь ни тепл ни холоден, да не изблюют тебя. Русь не Русская видится мне диковинкою, как если бы родился человек с рыбьим хвостом или с собачьею головою...» (*Хиджеу Б.* Григорий Варсава Сковорода. Историко-критический очерк // Телескоп. 1835. Ч. XXVI. С. 161).

Бесчувственное, «обумоpенное» (церк.-сл.) (обморочное) «ни то ни се» современного человека – отсутствие в нем «холодности» ко злу и «горячности» к добру – Гоголь расценивал как явление не свойственное коренной русской жизни, наносное. Об этом, в частности, можно судить из гоголевской характеристики в повести «Рим» (1842) итальянского народа, с бытом которого прямо соотносил Гоголь «первообразную» жизнь России. «В его природе заключалось что-то младенчески благородное, – замечал Гоголь об итальянском на-

роде, – <...> в нем добродетели и пороки в своих самородных слоях <...> не смешались, как у образованного человека, в неопределенные образы, у которого всяких страстишек понемногу под верховным начальством эгоизма».

2 октября 1833 г. Гоголь писал матери о воспитывавшейся в петербургском Патриотическом институте сестре Елисавете (в выражениях близких к характеристике Манилова; см. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания): «...Меня смущает <...> характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это все из нее вывели. <...> Но это еще хуже, я бы хотел <...> чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же <...> нет никакого сердца, ни доброго, ни злого... <...> Никого она не любит. <...> Вид несчастия <...> ее не тронет; за пустую игрушку она забывает все на свете». В этих словах вполне определенно обозначена тема «мертвой души» обыкновенного, ничем не выдающегося человека – не считающего самого себя грешником и не почитаемого таким другими. «Ныла душа моя, – писал Гоголь в “Театральном разъезде...”, – когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца...»

Размышляя о том, что «незаметный» грех «обыкновенного» человека – не являющегося очевидным преступником – не менее тяжек, а может и более опасен именно этой своей «невыразительностью», кажущейся «невинностью», Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834) писал: «Никто не станет спорить, что дикий горец <...> что зарезал своего врага, притаясь в ущелье, или выжег целую деревню <...> более поражает...» Но не меньшее зло в мир несет, по замечанию Гоголя, и «наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом, посредством справок и выправок, пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ». Герой «Записок сумасшедшего» (1834) замечает по этому поводу: «С виду такой тихенький, говорит так деликатно: “Одолжите ножичка починить перышко”, – а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе». Гоголевское сравнение «дикого горца» с мнимо-«невинным» чиновником проливает дополнительный свет и на настоящее отношение автора к основанному на фальшивых «справках и выправках» мошенничеству главного героя «Мертвых душ» – «любезнейшего и обходительнейшего» Чичикова, ревностного исполнителя «священнейшего долга» светского «комильфо». Такими же «деликатными» разбойниками оказываются, согласно Гоголю, по отношению к своим крепостным и живущие по своим прихотям европейски «просвещенные» помещики. Об этом Гоголь размышляет в отдельном наброске к «Мертвым душам»: «...Иные, живущие по столицам, <...> образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю<бивые>, беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай».

А. О. Смирнова вспоминала о своих беседах с Гоголем в Риме в 1843 г.: «Понемногу я рассказывала ему о тревогах своей совести, о моих сомнениях, отчаянии, о сознании, что поступки мои не соответствуют моим верованиям <...> что <...> я <...> слишком отдаюсь светской жизни <...> Наконец, все эти слабости нашей совести, за которые краснеешь и которые напоминают мне ужасные слова Ж. де Местра: “я не знаю, что такое совесть преступника, но знаю совесть честного человека (ибо я большой грешник, но не преступник) и в ужасе от этого сознания!” Я говорила все это Гоголю на другой день после посещения Колизея, и он мне вдруг ответил: “я тоже переживаю все это”...» (см. ***1843. Марта 6 <февраля 22>. Понедельник. Начало Великого поста. Рим***). Позднее, в письме к Гоголю от 11 апреля 1845 г., жалуясь на «несносное ни то, ни се», Смирнова замечала: «Слова ваши всегда оправдываются <...> Ничего нет труднее, как плавать меж двух вод, – не делать ничего положительно дурного и ничего положительно хорошего, а пока принадлежишь свету, невольно светское овладевает душою, до того мельчаешь, доходишь до таких подлых и низких движений, что, не закрасневшись, нельзя в них признаваться». «Есть много в нашем обществе *des tièdes* <умеренных, безразличных, тепловатых; *фр.*>, – замечала она в другом письме к Гоголю, от 14 января 1846 года, – а это зло горше гонителей».

«Теплому», равнодушному состоянию современного общества Гоголь противопоставлял то религиозное одушевление, которое отличало христиан во времена бедствий и испытаний. Так, в своих лекциях 1834 г. по истории средних веков он обращал внимание слушателей на то, как христианство в Испании, окруженное враждебными народами, «отличалось стремительною ревностию». В том же, 1834 г. им была написана героическая повесть-эпопея «Тарас Бульба», где мысль о том, что пламенная вера только укрепляется от выпадающих на ее долю испытаний, является одной из основных. «Мы никогда не поймем <...> появления “Ревизора” и т. п. вещей», – замечал в 1874 г. украинский историк М. П. Драгоманов, – если «не оценим того контраста, какой представляют <...> образы» этой эпопеи «с теми «мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь», какие видел Гоголь около себя в действительности (*Драгоманов М.* М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 450). Во многом подобным контрастом окружающей «пошлости» Гоголь осмыслял и Отечественную войну 1812 года, во время которой религиозное и патриотическое одушевление народа сплотило его, а также, по свидетельству многих современников той эпохи, сделало из самых заурядных и «пошлых» обитателей отдаленных уголков России пламенных патриотов, живо интересующихся судьбами Отечества. «В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ, – замечал автор в “Мертвых душах”, – сделались, по крайней мере, на целые восемь лет заклятыми политиками».

[11] Ср. описание сосредоточенной отрешенности от окружающего мира художника, выведенного в «Невском проспекте»: «Он никогда не глядит вам прямо в глаза; если же глядит, то как-то мутно, неопределенно <...> он в одно и то же время видит и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсового Геркулеса...» — Сходное замечание встречается в описании ничтожного Башмачкина в «Шинели» (в котором, по мысли Гоголя, погребен художник): «...Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки...»

[12] Ср. характеристику петербургского дяди Тентетникова во втором томе «Мертвых душ»: «...Он во всю жизнь свою не ходил по другой улице, кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий; не замечал никого из встречных, был ли он генерал, или князь; в глаза не знал прихотей, какие дразнят в столицах людей, падких на невоздержанье, и даже отроду не был в театре».

МАРТ-АПРЕЛЬ. НЕЖИН

Н. Я. Прокопович обращается в правление гимназии с просьбой отчислить его в связи с поступлением на военную службу по домашним обстоятельствам, из-за которых он находит невозможным продолжать учебу.

Прошение было согласовано с Я. И. Сполатбогом — «назначенным к 1828 <г.> попечителем над имением и детьми умершего коллежского советника Я. <С.> Прокоповича»[1]. Нежинскую гимназию Прокопович окончил в июне 1829 г. — и уже в июле был в Петербурге[2].

[1] *Супронюк. Словарь.* С. 146. — См. также ***1828. Июнь. Нежин***; ***1828. Декабря 14–15. Пятница-суббота. Нежин.***

[2] См. ***1829. Июля средина, не позднее 21. Санкт-Петербург.***

МАЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В дневнике К. С. Сербиновича отмечено, что его посетил «Гогель-Яновский»[1].

Посещение Гоголя связано с прохождением в цензуре поэмы «Ганц Кюхельгартен»[2].

[1] *Нечаева В. С.* <Гоголь в дневнике К. С. Сербиновича> // *Свод.* Т. 1. С. 619.

[2] См. ***1829. Мая 7. Вторник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 6. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В дневнике К. С. Сербиновича вновь[1] отмечено, что его посетил «Гогель-Яновский»[2].

[1] См. ***1829. Мая 5. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1829. Мая 7. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *Нечаева В. С.* <Гоголь в дневнике К. С. Сербиновича> // *Свод.* Т. 1. С. 619.

МАЯ 7. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение «идиллии в картинах» Гоголя (под псевдонимом: В. Алов) «Ганц Кюхельгартен» (цензор К. С. Сербинович).

Гоголь дебютировал в печати дважды. Сначала — как поэт. Кроме «Ганца Кюхельгартена», он опубликовал в 1829 г. стихотворение «Италия»[1] (которое, по всей видимости, представляет собой фрагмент поэмы)[2]. Стихотворный дебют был неудачен[3]. Второй дебют был в прозе и сразу поставил Гоголя в число первых литераторов России[4].

Мироощущению героя поэмы («Ему казалось душно, пыльно / В сей позаброшенной стране...») и ее автора, воспевающего в заключительных строках «страну высоких помышлений, воздушных призраков страну» — Германию (куда Гоголь отправился в 1829 г.[5] наблюдать «быт и занятия добрых немцев» и писать «сочинение <...> на иностранном языке», — как он сообщал матери 24 июля 1829 г.), созвучны строки гоголевского письма к школьному приятелю Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 г.: «Ты знаешь всех наших существователей... <...> Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. <...> ...Я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине...»

В 1851 г. Гоголь, как бы вспоминая свое давнее стихотворение «Италия», говорил своей одесской знакомой Е. А. Хитрово по поводу одной из журнальных статей об Италии: «И зачем так восхищаться?! Только поселят желания, которые волнуют! Те же самые потом поедут и, не найдя, чего ожидали, бранят Италию»[6]. В 1838 г. он писал также своей бывшей ученице М. П. Балабиной: «...Я сомневаюсь, та ли эта Германия, какою ее мы представляем себе. Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана? <...> ...Та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию на самом деле... <...> Я знаю, есть эта земля, где все чудно и не так, как здесь; но к этой земле не всякие знают дорогу»[7]. Поездка в Германию в 1829 г. во многом определила эволюцию Гоголя от «Ганца Кюхельгартена» к «Вечерам на хуторе близ Диканьки»[8].

Одно из размышлений Гоголя, воплощенное в его юношеской поэме, стало впоследствии основополагающим для композиции сборника «Миргород». Это мысль о непреходящей ценности патриархальной идиллии перед честолюбивыми, суетными исканиями человека — и в то же время ущербность, «недостаточность» самой патриархальной идиллии перед миром возвышенной героики, «великих трудов» во имя «блага и добра» (лирическое отступление «Дума» в «Ганце Кюхельгартене»). Это двоякое сопоставление лежит в основе концепции «Миргорода», которая заключает в себе, с одной стороны, утверждение идиллии «Старосветских помещиков» перед честолюбивыми устремлениями «низких малороссиян», с другой, — противопоставление самой этой «скромной» старосветской идиллии высокого героического эпоса «Тараса Бульбы»[9].

[1] См. ***1829. Февраля 22. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См.: *Жданов И. Н.* Н. В. Гоголь. Литограф. курс лекций 1896–1897. СПб., 1897. С. 130; *Гиппиус В. В.* Ганц Кюхельгартен // Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб., 1994. С. 369–370; *Алексеев М. П.* Гоголь и Т. Мур // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 345.

[3] См. ***1829. Июля между воскресеньем 21 и пятницей 26. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1831. Февраля 22. Воскресенье. Неделя масленая. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1829. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Санкт-Петербург или Кронштадт — сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1851. Марта 3. Суббота. Одесса.***

[7] Подробнее см. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург*** (примечания).

[8] Подробнее см.: ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] См.: *Абрамович Г. Л.* Идиллия Гоголя «Ганц Кюхельгартен» (к проблеме жанра) // Ученые записки Московского обл. пед. ин-та. 1968. Т. 212. Вып. 12. С. 3–11.

МАЯ 9. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя.

МАЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В дневнике К. С. Сербиновича еще раз[1] отмечено, что его посетил «Гогель-Яновский»[2].

В книжных лавках «Ганц Кюхельгартен» появился после 5 июня 1829 г., когда Гоголь обратился с письменной просьбой к цензору К. С. Сербиновичу «ускорить выдачу билета на выпуск в продажу» (письмо без даты)[3].

[1] См. ***1829. Мая 5. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1829. Мая 6. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1829. Мая 7. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *Нечаева В. С.* <Гоголь в дневнике К. С. Сербиновича> // *Свод.* Т. 1. С. 619.

[3] См. ***1829. Июня начало. Санкт-Петербург.***

МАЯ 22. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что его «великодушный друг» (возможно, кто-то из петербургских друзей Г. И. Высоцкого[1]), обещавший оплатить ему заграничное путешествие, «скоропостижно умер», а потому он остается в Петербурге, где ему «предлагают место с 1000 рублей жалованья в год». По поводу этого он замечает:

«Но за цену ли, едва могущую выкупить годовой наем квартиры и стола, мне должно продать свое здоровье и драгоценное время? и на совершенные пустяки, на что это похоже[2]? в день иметь свободного времени не более, как два часа, а прочее время не отходить от стола и переписывать старые бредни и глупости господ столоначальников и проч., в которых мне столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому в сухом дереве, на котором нет ни хорошего листу, ни рясных ветвей[3]. Итак я стою в раздумьи на жизненном пути, ожидая решения еще некоторым моим ожиданиям. Может быть, на днях откроется место немного выгоднее и благороднее, но признаюсь, ежели и там мне нужно будет употребить столько времени на глупые занятия, то я — слуга покорный».

Просит мать прислать 300 рублей. Напоминает о просьбе «постоянно» описывать ему «обычаи малороссиян»[4]:

«Я всё с нетерпением ожидаю вашего письма[5]. <...> Между прочим я прошу узнать вас, почтеннейшая маминька, теперь о некоторых играх, из карточных: у *Панхвиля* как играть и в чем состоит он, равным образом, что за игра *пашок, семь листов*; из хороводных — в *хрещика*, в *журавля*. Если знаете другие какие, то не премините. У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь из них».

Сообщает свой адрес: «...На Большой Мещанской в доме карет<ного> маст<ера> Иохима».

[1] См. ***1827. Июня 26. Воскресенье — июня конец. Нежин, Васильевка.***

[2] Гоголь приехал в Петербург с чрезвычайно широкими (и смутными) планами о благородном труде на благо Отечества. Однако ему предстояло начать свою деятельность с низших ступеней чиновничьей лестницы. Это очень болезненно отразилось на его юношеском честолюбии. Вскоре — после случившейся с Гоголем литературной неудачи с изданием «Ганца Кюхельгартена» (см. ***1829. Июля между воскресеньем 21 и пятницей 26. Санкт-Петербург***) — к этому присоединяется ужас от возможного превращения в обыкновенного и даже ничтожного чиновника — в Акакия Акакиевича Башмачкина из будущей «Шинели».

[3] Е. В. Надержинский — сосед Гоголей по имению. Вероятно, Гоголь вспоминает его суждение 1827 г. (см. ***1827. Июня конец — августа средина. Васильевка*** — примечания), о котором замечал позднее в статье «Несколько слов о Пушкине» (1832; опубл. 1835): «Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружные соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: "Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое". В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе».

[4] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1829. Июня 4. Вторник. Васильевка***; ***1829. Июля 2. Вторник. Васильевка.***

МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет книги «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова» (цензурное разрешение 30 апреля 1829 г.).

В начале 1831 г. Гоголь написал статью «О поэзии Козлова»[1], где упомянул об этом стихотворении.

[1] См. ***1831. Января первая половина. Санкт-Петербург.***

ВЕСНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет двенадцатого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина[1].

[1] *<Полевой Н. А.> Н. П.* История Государства Российского (сочинение Н. М. Карамзина) // Московский Телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. Июнь. С. 467–500; Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания *К. С. Сербиновича* // Русская Старина. 1874. № 10. С. 271.

ИЮНЯ 4. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

По-видимому, в этот день М. И. Гоголь отправляет сыну в Петербург 1450 рублей для уплаты процентов в Опекунский совет[1].

Кроме того, откликаясь на просьбу сына[2], посылает ему письмо с подробным описанием свадебных обрядов, старинных материй, женских головных уборов, одежды малороссиян.

Эти сведения были позднее внесены Гоголем в «Книгу всякой всячины, или подручная Энциклопедия» и затем использованы при создании повестей «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В частности, в «Вечере накануне Ивана Купала» (1829; опубл. в 1830) упомянуты описанные матерью свадебные обряды разрезания коровая, ряжения и женские головные уборы; в тринадцатой главе «Сорочинской ярмарки» (позднейшая авторская датировка – 1829; опубл. в 1831) в качестве эпиграфа поставлен куплет присланной матерью свадебной песни «Не бійся, матінко, не бійся...» (в примеривании Параской «очипка» замужней женщины в той же главе повести использовано описание М. И. Гоголь одевания свадебного «очипка»[3]); в повестях «Страшная месть» (1832) и «Вий» (1834) Гоголь вновь обратился к описанию обряда разрезания коровая. В «Вии» нашел также отражение описанный матерью обряд «женского праздника», когда «жинки бьют своих чоловиков днищами, чтобы они их целой год не били»[4].

[1] См. ***1829. Июня 23. Воскресенье. Васильевка***; ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1829. Апреля 30. Санкт-Петербург.***
[3] См.: *Виноградов 2000.* С. 19.
[4] См. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания); *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

ИЮНЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь просит цензора К. С. Сербиновича ускорить выдачу билета на выпуск в свет «Ганца Кюхельгартена»:

«Издатель идиллии Ганца Кюхельгартена просит усерднейше вас, если только принесут из типографии ее сегодня, сделать ему величайшее одолжение, если только это не обеспокоит вас, ускорить выдачу билета на выпуск в продажу».

ИЮНЯ ПОСЛЕ 5. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Ганц Кюхельгартен» появляется в книжных лавках[1]. Гоголь инкогнито посылает свою книгу М. П. Погодину и П. А. Плетневу[2].

Надпись Гоголя на одном из подаренных экземпляров «Ганца Кюхельгартена»: «Михаилу Петровичу Погодину от Издателя».

[1] См. ***1829. Мая 11. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1829. Июля между воскресеньем 21 и пятницей 26. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«В опекунский совет в с<ем> ме<сяце> послала 1450 рублей, заняла у Борковской (Иван Ефимович[1] отдал ей 1200 рублей, заплатил долг за Прасковию Давидовну), да продали медной куб из винокурни[2], а себе сделаю деревянный, и с казной разделалась за сей год, да Николеньке надобно послать, сколько смогу, он еще не определился о сю пору, я часто от него получаю письма и ему пишу по нескольку листов морали. – Ангел мой, благодетель Дмитрий Прокофиевич, платил за меня в казну и редко от меня принимал и, видно, для памяти писал у себя, сколько я ему должна, и вышло 4060 рублей, и сия записка нашлась, и мне платить сии деньги; но так как никакого средства нет мне их уплатить, то я предложила Андрею Андреевичу принять Яресковское мое имение, состоящее из 70-ти десятин земли; он согласился, но больше не дает, как по 30 рублей десятину, и выходит, что имения лишусь и долгу не уплачу...»[3]

Свод. Т. 1. С. 105.

[1] Трощинский.
[2] См. ***1825. Конец года.***
[3] См. также ***1842. Ноября 7. Васильевка*** (воспоминания О. В. Головни).

ИЮНЯ 26. СРЕДА. МОСКВА

В «Московских Ведомостях» (№ 51) напечатано объявление о продаже у А. С. Ширяева книжки В. Алова «Ганц Кюхельгартен», «полученной на сих днях из С.-Петербурга».

ИЮНЯ 28. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 12 «Московского Телеграфа» с рецензией Н. А. Полевого (без указания имени автора) на «Ганца Кюхельгартена»:

«Издатель сей книжки говорит, что сочинение Г-на Алова не было предназначено для печати, но, что *важные для одного автора причины* побудили его переменить свое намерение, Мы думаем, что еще важнейшие причины имел он не издавать своей Идиллии. Достоинство следующих пяти стихов укажет на одну из сих причин:

Мне лютые дела не новость;
Но дьявола отрекся я,
И остальная жизнь моя –
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повесть.

Заплатою таких стихов должно бы быть сбережение оных под спудом».

<*Полевой Н. А.*> Современная библиография. Книги 1829 года // Московский Телеграф. 1829. Ч. 27. № 12. Июнь (цензурное разрешение 28 июня). С. 515–516.

ИЮНЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Встреча Гоголя с неведомой красавицей, определившая его решение отправиться за границу.

См. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 2. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну в Петербург, по его просьбе[1], еще одно[2] письмо с описанием народных обычаев (малороссийских игр[3]: в «ворона»; в «свиньи», в «крагли»; карточной – «в семь листов»).

К своему посланию прилагает также письмо иерея Саввы Кирилловича Яновского (двоюродного брата отца Гоголя)[4] из с. Олиферовки, в котором тот сообщает детали описания одежды дьячка.

Выписки из писем матери и о. Саввы содержатся в гоголевской «Книге всякой всячины...» Описанием в письме матери игры «в свиньи» Гоголь воспользовался позднее при создании «Тараса Бульбы» (см. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Миргород. С приложением. М., 1996. С. 502). Описание игры в «крагли» нашло прямое отражение в повести «Вий» (см. коммент. в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 1–2. С. 487).

Сообщенные иереем Саввой сведения использованы при создании главы «Учитель» (1830) из незавершенной «малороссийской повести» «Страшный кабан» и в упоминании в «Ночи перед Рождеством» о том, что «канцелярист и дьяк третьего года взяли [синего сукна] синей китайки на [8] 6 рублей аршин» (черновая редакция) (в окончательной редакции: «Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин»), а также о «приехавшем из архиерейской певческой родиче дьяка, в синем сюртуке».

[1] См. ***1829. Апреля 30. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1829. Июня 4. Вторник. Васильевка.***
[3] См. также ***1833. Июня 28. Среда. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1738. В течение года. С. Кононовка (?).***

ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 5. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, по-видимому, получает от матери 1450 рублей для уплаты процентов в Опекунский совет, а также первое письмо с описанием украинских свадебных обрядов[1].

Получив деньги, Гоголь принимает окончательное[2] решение отправиться за границу[3] – в Германию и, далее, в Америку.

М. И. Гоголь в записке о сыне сообщала: «Вступить в должность по прошествии двух лет своего ученья[4] он не мог, потому что места лучшие были заняты, а какого-нибудь он не хотел занять; ходя в таком раздумьи по набережной, и видит пароход, готовящийся отплыть в Германию; будучи в таком бездействии, он подумал, как бы хорошо воспользуваться ему этим временем и поехать путешествовать, если бы были у него деньги, но их не было, и он печально возвратился на квартиру, и в тот же вечер получил он объявление на полторы тысячи рублей, я посылая в опекунский совет процент по заложенному моему имению, всегда посылала прямо, а тут вздумалось мне послать ему, чтоб он сам отнес их. Он, получа, обрадувался, сде<ла>л по форме уступку мне свою часть имения и прислал мне проче<сть>[5], чтоб я его простила, за то, что он берет эти деньги, и едет в Германию, но чтобы я не беспокоилась о нем, что я буду чаще получать, чем с П<етербурга>, от него письма, что ему совес<т>но и вообразить, если он причинит мне беспокойство, и когда мне будет угодно, тогда он и возвратится [не чрез два месяца]»[6].

Сестра Гоголя Анна Васильевна в 1889 г. писала А. М. Черницкой: «Когда брат взял деньги, выслан<ные> на уплату процентов, я была права, сказав, что это более его деньги, основываясь на рассказе матери, она всем говорила, не осуждая его, как он взял эти деньги и уехал за границу, и с похвалой отзывалась, как он извинялся и тогда же написал отречение от своей части имения[7]. И никогда нам не казался этот поступок неблаговидным!»[8]

В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского, с которым общался в 1887 г., писал: «...Целый ряд разочарований и неудач произвел вскоре на Гоголя настолько удручающее впечатление, что он, как известно, задумал оставить Петербург и пуститься за границу. В самом начале столичной жизни он было отдался с жадностью наблюдениям над новым, незнакомым ему миром, осмотрел и изучил город и его окрестности (Екатерингоф[9] и проч.), но вскоре им овладели попеременно — сперва безотчетная, но сильная тоска по родине, а потом еще более сильное и более неясное ему самому стремление куда-то в даль, в чужие края. Очевидно, Гоголь не нашел в Петербурге того, что искал и на что страстно надеялся (Данилевский знал об этом, но мало тогда ему сочувствовал и не мог разделять его фантастических стремлений). <...> В душе его был запрос на что-то призрачно грандиозное, на что действительность не могла дать ответа. Его тянуло в какую-то фантастическую страну счастья и разумного, производительного труда. По словам покойного Данилевского, такой страной представлялась ему Америка»[10].

Спустя полгода, 9 января 1830 г., В. Я. Ломиковский не без сарказма сообщал И. Р. Мартосу: «Хотелось мне на праздник <вероятно, имеется в виду праздник Крещения Господня 6 января> быть в теплой церкви, и был в Кибинцах, и сожалел, — что за пустыня! что за тощий и голый народ! Хозяин, выезжая в Петербург, дал выговор, что будто бы большой расход в церкви и поставили желтые свечички, и спешат гасить — ей, правда! а свой завод имеется на белые свечки. Вот каковы нынче люди. <...> Отняв у церкви белые свечки, заплатил между тем в банк весь долг, лежавший на Марье Ивановне под залог всего имения. И здесь дьявол действует. — Марья Ивановна весьма ошиблась заключениями своими о гениальном муже, сыне ее Никоше; он был выпущен из Нежинского училища, нигде не захотел служить, как в одном из министерств, и отправился в столицу с великими намерениями и вообще с общеполезными предприятиями; *во-первых,* сообщить матушке не менее 6000 рублей денег, кои он имеет получить за свои трагедии; *во-вторых,* исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей[11]. Таковые способности восхищали матушку, и она находит любимой разговор свой рассказами о необыкновенных дарованиях Никоши. Едва Никоша приехал в столицу, как начал просить у матушки денег, коих она переслала выше состояния; наконец, она, думаю, не без помощи А<ндрея> А<ндреевича> <Трощинского> собрала 1800 рублей для заплаты процентов в банк; для исполнения сего, вернее человека не могла найти матушка, как сына своего, и тем вернее было сие, что сыново же имение находится под залогом. Гений Никоша, получив такой куш, зело возрадовался и поехал с сими деньгами вояжировать за границу, но, увидевши границу, издержал все деньги и возвратился вспять в столицу. Но чтобы матушка не была в убытке, то он дал ей письменное позволение пользоваться его доходами с имения, а в том имении ныне оказалось великое изобилие в снеговых слоях и глыбах. Андр<ей> Андр<еевич>, будучи еще в Кибенцах, узнав о таковых подвигах Никоши, сказал: мерзавец! не будет с него добра, — и по-

шло бы имение в публичную продажу с пятью <четырьмя> дочками, но теперь, как сказано выше, долг заплачен. Теперь же Никоша пишет к матушке: "я удивляюся, почему хвалят Петербург, город сей более превозносится, чем заслуживает, и я, любезная маменька, намерен ехать в Соединенные Штаты и проч. тому подобное". — Вот о трех лицах я сделал описание, являющее искаженность нравов»[12].

[1] См. ***1829. Июня 4. Вторник. Васильевка***; ***1829. Июня 23. Воскресенье. Васильевка.***
[2] См. ***1829. Июнь. Санкт-Петербург***; ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1829. 1829. Июля 5, пятница; июля 9, вторник; июля 12, пятница. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1829. Январь. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1829. Июля 23. Санкт-Петербург.***
[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 28.
[7] См. ***1829. Июля 23. Санкт-Петербург.***
[8] *Свод.* Т. 1. С. 154.
[9] См. письмо Гоголя к матери от 30 апреля 1829 г.
[10] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 508.
[11] Возможно, с этим намерением Гоголя связана подготовленная им (предположительно) публикация в июньском номере «Отечественных Записок» за 1830 г. статьи «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян» (см. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург***). – См. также ***1831. Октября 20. Вторник. Васильевка***; ***1840. Апреля 12. Страстная пятница. Москва.***
[12] *Свод.* Т. 1. С. 624.

ИЮЛЯ 5, ПЯТНИЦА; ИЮЛЯ 9, ВТОРНИК; ИЮЛЯ 12, ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Имя Гоголя значится в списке лиц, «отъезжающих за границу», в трех номерах «Санкт-Петербургских Ведомостей».

«Николай Гоголь-Яновский, дворянин, российский подданный; спрос<ить> 2-й Адм<иралтейской> части в доме каретного фабриканта Иохима» (в извещениях от 5 и 9 июля ошибочно: «Гогонь-Яновский»[1]).

По предположению Н. В. Большаковой, «троекратность сообщения об отъезде была вызвана необходимостью оповещения <вероятных> кредиторов отъезжающего лица с целью взыскания <возможного> долга»[2].

[1] Отъезжающие за границу // Прибавление № 159 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, июля 5-го 1829 года. С. 1466; Прибавление № 162 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник, июля 9-го 1829 года. С. 1496; Прибавление № 165 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, июля 12-го 1829 года. С. 1524; *Свод.* Т. 1. С. 620.
[2] *Большакова Н. В.* Гоголь в шинели на исторической подкладке. М., 2009. С. 24.

ИЮЛЯ СРЕДИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 21. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Предположительное время приезда в Петербург Н. Я. Прокоповича, окончившего к тому времени нежинскую гимназию. Прокопович остановился на квартире у Гоголя, в доме каретника Иоахима на Большой Мещанской[1].

Письмо Гоголя к матери от 24 июля 1829 г.

[1] К тому времени А. С. Данилевский, вероятно, либо собирался съехать, либо уже съехал с этой квартиры, поступив в Школу гвардейских подпрапорщиков (см. ниже ***1829. Июля не позднее 24. Санкт-Петербург***).

ИЮЛЯ 20. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В разделе «Новые книги» № 87 «Северной Пчелы» напечатан, без имени автора, первый отзыв О. М. Сомова об «идиллии в картинах» В. Алова (псевдоним Гоголя) «Ганц Кюхельгартен»[1].

«Идиллия сия осостоит из *осмнадцати* картин. В Сочинителе заметно воображение и способность писать (со временем) хорошие стихи, ибо Издатели говорят, что "это произведение его восемнадцатилетней юности"; но скажем откровенно: сии господа издатели напрасно "гордятся тем, что по возможности спопешествовали свету ознакомиться с созданьем юного таланта" В Гансе Кюхельгартене столь много несообразностей, картины часто так чудовищны, и Авторская смелость, в поэтических украшениях, в слоге и даже в стихосложении, так безотчетлива, что свет ничего бы не потерял, когда бы сия первая попытка юного таланта залежалась под спудом. Не лучше ли б было дождаться от Сочинителя чего-нибудь более зрелого, обдуманного и обработанного»[2].

[1] См. также ***1829. Декабря 20. Санкт-Петербург.***

[2] Новые книги. 76. Ганц Кюхельгартен, Идиллия в картинах. Сочинение В. Алова. (Писано в 1827). — С. П. б., в типогр<афии> А. Плюшара, 1829. 71 стр. в 12-ю д<олю> листа. — Продается во всех книжных лавках по 5 рублей, за пересылку прилагается 1 рубль // Северная Пчела. 1829. 20 июля. № 87. С. 1.

ИЮЛЯ 23. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет доверенность[1] о передаче своей части имения в полное безотчетное распоряжение матери:

«Любезнейшая Родительница.

Руководствуясь чувствами сыновней к Вам любви, я ничем не могу доказать их более, как во время отсутствия моего утвердить благосостояние Ваше на прочном основании. — По сему единственно побуждению все недвижимое имение Полтавской Губернии в поветах: Полтавском и Миргородском в селе Васильевке, состоящее в крестьянах, пашенных и сенокосных землях, лесах и прочих угодиях, как из наследственного с сестрами моими имения, по разделу между нами законным образом мне достанется, — я вверяю в полное и беспрекословное распоряжение Ваше, так точно, как бы Вы распоряжались Вашею собственностью, представляя Вам право продавать и закладывать из оного часть или все вообще по усмотрению Вашему, в чем я Вам верю совершенно, и что Вы сходно с сею доверенностью сделаете, на все то я в полной мере согласен.

Вам преданнейший сын, 14 класса Николай Гоголь-Яновский.

Сия доверенность принадлежит Родительнице моей Коллежской Ассесорше Марье Ивановне Гоголь-Яновской».

Доверенность заверена свидетельством, составленным и подписанным, вероятно, самим Гоголем (см. примеч. ниже):

«1829 года июля 23 дня сие письмо С.-Петербургской Палаты Гражданского Суда в 1 Департаменте чиновник 14 класса Николай Гоголь-Яновский явил и лично на основании указа 1765 года сентября 5 дня[2] объявил, что оное собственноручно им подписано и дано родительнице его Коллежской Ассесорше Марье Ивановне Гоголь-Яновской. Подлинную подписали: Заседатели Меняйлов и Секретарь Деркач».

Деркач – «голик, истершийся веник»[3]; «голик и птица дергун» (дергач, коростель)[4]. Имя «Деркач» Гоголь использовал позднее в повести «Майская ночь, или Утопленница» (1831). Этим именем подписана записка, данная казаку Левко панночкой-утопленницей: «Комиссар, отставной поручик *Козьма Деркач-Дришпановский*». В месяцесловах 1829 и 1830 г. среди чиновников Санкт-Петербургской палаты Гражданского Суда в 1-м Департаменте заседатель с фамилией Меняйлов и секретарь с фамилией Деркач не значатся[5]. В этой связи обращает на себя внимание то, что в служебном аттестате Гоголя 1832 г., а также в послужном списке 1836 г. сообщается о наличии у него «родового» имения из «80 душ крестьян и 700 десятин в Полтавской губернии, Миргородского уезда»[6].

Эти наблюдения позволяют высказать предположение, что свидетельство к доверенности Гоголя о передаче имения матери (свидетельство, но не сама доверенность!) было фиктивным. Действенность самой доверенности Гоголь подтвердил в 1845 г. в шестом пункте своего завещания: «Все <...> мое недвижимое имущество, какое я имел, отдано мною уже давно моей матери. Если же акт, утверждавший сию дачу и сделанный назад тому пятнадцать лет, не покажется довольно утвердительным, то я подтверждаю это вновь здесь, дабы никто не дерзнул у ней оспаривать ее право»[7].

В 1902 г. П. Е. Щеголев писал: «Для своей первой поездки за границу в 1829 году Н. В. Гоголь воспользовался теми деньгами, которые прислала ему М<ария> Ив<ановна> для внесения в Опекунский Совет[8]. Гоголь решился взять их на поездку; он очень мучился этим присвоением чужих денег и, не зная, как оправдаться перед матерью, прислал ей доверенность на распоряжение его долей наследства после отца»[9]. (Гоголь задумывал отказаться, перед отъездом за границу, от принадлежащей ему части имения в пользу матери еще в 1828 г.[10])

Позднее, 9 января (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал А. О. Смирновой: «...Я не почитаю себя сыном, исполнившим все свои обязанности относительно родителей, но рассмотрите сами, не сделал ли я, что по возможности мне можно было сделать: мне следовала половина имения (и при том лучшая, [из] 100 душ кр<естьян> и земли). Я их отдал матери и сестрам в то время, когда я сам не имел верного пропитанья. Этот поступок называли в свое время <...> донкишотским многие добрые люди».

[1] Доверенность приложена к письму матери от 24 июля 1829 г. (см. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***).

[2] См.: 12.467. – 1765. Сентября 6. Сенатский. О порядке свидетельства верющих писем // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. XVII. С. 320.

[3] *Павловский А.* Краткий малороссийский словарь // *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия. СПб., 1818. С. 33.

[4] «Лексикон малороссийский» гоголевской «Книги всякой всячины...» (толкование взято Гоголем из «Словаря Малороссийских слов», приложенных к «Энеиде» И. П. Котляревского).

[5] См.: «Местные правления. <...> Губерния Санктпетербургская. (Состояние чинов по 15-е Генваря 1829 г.) <...> В Палатах: <...> Гражданского Суда: В 1-м Департаменте: *Председатель*, Ст<атский> С<оветник> Василий Поликарпов<ич> *Никитин*, <...> *Советник*, Кол<лежский> Асс<есор> Федор Васильев<ич> *Федоров*. – *Заседатели:* от Дворянства: Кол<лежский> Сов<етник> Александр Филип<пович> *Прохоров*, <...> и Над<ворный> Сов<етник> Иван Сергеев<ич> *Венедиктов*. – *Секретари:* Тит<улярные> Советники: Дмитрий Андреев<ич> *Дерюгин*, Федор Иванов<ич> *Гредякин* и Губ<ернский> Секр<етарь> Павел Кирил<л>ов<ич> *Моисеенко*» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1829. СПб., <1829>. Ч. 2. С. 1, 7); «Местные правления. <...> Губерния Санктпетербургская. (Состояние чинов по 15-е Генваря 1830 г.) <...> В Палатах: <...> Гражданского Суда: В 1-м Департаменте: *Председатель*, Ст<атский> С<оветник> Василий Поликарпов<ич> *Никитин*, <...> *Советник*, Кол<лежский> Асс<есор> Иван Ильич *Кондорский*. – *Заседатели:* от Дворян<ства>: Кол<лежский> Асс<есор> и К<а>в<алер> Дмитрий Ив<анович> *Грязнов* и Над<ворный> С<о>в<етник> Иван Серг<еевич> *Венедиктов*. <...> – *Секретари:* Тит<улярный> С<о>в<етник>: Дмитрий Андреев<ич> *Дерюгин* и Губ<ернский> С<е>к<ретарь> Павел Кирил<лович> *Моисеенко*» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1830. СПб., <1830>. Ч. 2. С. 1, 5).

[6] См. ***1832. Января 25. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1840. Марта 12. Вторник. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1845. Июня между 18 и 26 <между 6 и 14>. Гостиница по дороге из Франкфурта-на-Майне в Гастейн***.

[8] См. ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург***.

[9] *Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 59.

[10] См. ***1828. Сентября 8. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка***.

ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 24. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Данилевский поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и съехал от Гоголя (с квартиры в доме Иоахима на Большой Мещанской).

24 июля 1829 г. Гоголь сообщал матери о А. С. Данилевском: «Адрес его: В школу гвардейских подпрапорщиков у Синего мосту».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., писал: «Вскоре Данилевский выдержал экзамен в школу гвардейских подпрапорщиков. Во все время пребывания в школе, пользуясь отпусками в воскресные и праздничные дни, он постоянно проводил их у Гоголя, тем более, что других знакомых у него не было. В Петербурге наши приезжие застали, впрочем, многих однокашников-нежинцев. Все они в определенные дни сходились друг у друга и составляли тесно сплотившуюся товарищескую компанию»;

«Когда А. С. Данилевский, сожитель Гоголя, поступил в школу гвардейских подпрапорщиков, последнему стало еще тяжелее: все расходы, распределявшиеся прежде между двоими, обрушиваются на одного Гоголя».

Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 506, 507.

ИЮЛЯ 24. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь высылает матери в Васильевку доверенность на владение принадлежащей ему частью имения[1]; описывает обстоятельства, определившие его намерение уехать за границу, воспользовавшись деньгами, которые высланы ему для уплаты в Опекунский совет. В числе главных причин называет встречу с неведомой красавицей, вынудившую его «бежать от самого себя»[2]:

«...Я решился, в угодность вам больше, служить здесь во что бы ни стало, но Богу не было этого угодно. Везде совершенно я встречал одни неудачи, и что всего страннее там, где их вовсе нельзя было ожидать. Люди, совершенно неспособные, без всякой протекции легко получали то, чего я с помощью своих покровителей не мог достигнуть; не явный ли был здесь надо мною промысл Божий?.. <...> Что ж? я и тут упорствовал, ожидал целые месяцы, не получу ли чего. Наконец... какое ужасное наказание! Ядовитее и жесточе его для меня ничего не было в мире. Я не могу, я не в силах написать... Маминька! Дражайшая маминька! Я знаю, вы одни истинный друг мне. Но верите ли, и теперь, когда мысли мои уже не тем заняты, и теперь при напоминании невыразимая тоска врезывается в сердце. Одним вам я только могу сказать... Вы знаете, что я был одарен твердостью, даже редкою в молодом человеке... Кто бы мог ожидать от меня подобной слабости. Но я видел ее... нет, не назову ее... она слишком высока для всякого, не только для меня. Я бы назвал ее ангелом, но это выражение низко и не кстати для нее. Ангел — существо, не имеющее ни добродетелей, ни пороков, не имеющее характера, потому что не человек, и живущее мыслями в одном небе. Но нет, болтаю пустяки и не могу выразить ее. Это божество, но облеченное слегка в человеческие страсти. <...> Нет, это не любовь была... я по крайней <мере> не слыхал подобной любви... В порыве бешенства и ужаснейших душевных терзаний, я жаждал, кипел упиться одним только взглядом, только одного взгляда алкал я... Взглянуть на нее еще раз — вот бывало одно единственное желание... <...> Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь... <...>

Безумный! я хотел-было противиться <...> вечно-неумолкаемым желаниям души, которые один Бог вдвинул в меня... <...> Он указал мне путь в землю чуждую, чтобы там воспитал свои страсти в тишине, в уединении, в шуме вечного труда и деятельности, чтобы я сам по скользким ступеням[3] поднялся на высшую, откуда бы был в состоянии рассеевать благо и работать на поль-

зу мира. И я осмелился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться в столице здешней между сими служащими, издерживающими жизнь так бесплодно. <...>

В умилении я признал невидимую десницу, пекущуюся о мне, и благословил так дивно назначаемый путь мне. Нет, это существо, которое Он послал лишить меня покоя, расстроить шатко-созданный мир мой, не была женщина. Если бы она была женщина, она бы всею силою своих очарований не могла произвесть таких ужасных, невыразимых впечатлений. Это было божество, Им созданное, часть Его же Самого! <...>

Итак я решился. <...> Одна остановка была наконец за деньгами. <...> Но вдруг получаю следуемые в Опекунский совет. Я сейчас отправился туда и узнал, сколько они могут нам дать просрочки на уплату процентов; узнал, что просрочка длится на четыре месяца после сроку, с платою по пяти рублей от тысячи в каждый месяц штрафу. Стало быть, до самого ноября месяца будут ждать. Поступок решительный, безрассудный; но что же было мне делать?.. Все деньги, следуемые в опекунский, оставил я себе и теперь могу решительно сказать: больше от вас не потребую. <...> Что же касается до того, как вознаградить эту сумму, как внесть ее сполна, вы имеете полное право данною и прилагаемою мною при сем доверенностью продать следуемое мне имение, часть или всё, заложить его, подарить и проч. и проч. <...>

Не огорчайтесь, добрая, несравненная маминька! Этот перелом для меня необходим. <...> ...Мне нужно переделать себя, переродиться, оживиться новою жизнью, расцвесть силою души в вечном труде и деятельности, и если я не могу быть счастлив (нет, я никогда не буду счастлив для себя. Это божественное существо вырвало покой из груди моей и удалилось от меня), по крайней мере всю жизнь посвящу для счастия и блага себе подобных.

Но не ужасайтесь разлуки, я недалеко поеду: путь мой теперь лежит в *Любек*. Это большой приморский город Германии, известный торговыми своими сношениями всему миру. Расстоянием от Петербурга на четыре дня езды. Я еду на пароходе и потому времени употреблю еще менее. <...> Что же касается до свидания нашего, то не менее как чрез два или три года, могу я быть в Васильевке вашей. Не забудьте прислать пашпорт Екиму[4], т. е. плакатный билет (ему нельзя жить здесь без места)...»

В заключение письма просит мать прислать 100 рублей А. С. Данилевскому за взятые у него шубу и «несколько белья»; передает привет сестрам Анне и Елисавете («Ради Бога, прилагайте возможное попечение о воспитании Аниньки; старайтесь ей дать уразуметь языки и всё полезное. Я предрекаю вам, что это удивительное дитя будет гений, какого не видывали»); благодарит мать и иерея Савву Яновского за «драгоценные известия о малороссиянах», просит «не оставлять и впредь таковыми письмами»:

«В тиши уединения я готовлю запас, которого, порядочно не обработавши, не пущу в свет, я не люблю спешить, а тем более занимать поверхностно. Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке[5], и тем более мне нужна точность, <чтобы> не исказить неправильными именованиями существенного имени нации».

В записке о сыне М. И. Гоголь сообщала: «Я написала ему выговор, зачем он отдает мне свое имение, что его не нужно, и велела ему возвратиться как можно скорее, зная, что ему тех денег мало и <что> плохо ему остаться вне своего государства безо всякой помощи. Получа мое письмо, он [чрез] тотчас уехал при случившемся пароходе...»[6]

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., выразил недоверие к словам Гоголя: «Ссылаясь на пламенную страсть к какой-то неизвестной особе, как на причину своей странной поездки, Гоголь, по всей вероятности, лукавил, ни Данилевский, ни другие товарищи не видели в нем

никаких следов романтических увлечений и вообще никакой нравственной перемены. Никогда и впоследствии никому не обмолвился Гоголь об этой страсти, существовавшей в его воображении. <...> Правда, Гоголь был весьма скрытен по природе, но, сколько ни припоминал А. С. Данилевский, — все его душевное состояние и самое поведение в то время нисколько не подтверждали это невероятное сообщение. <...> Достаточно внимательно прочитать несколько писем Гоголя сряду в рассматриваемую пору и сопоставить их со словами Данилевского, чтобы доверие к искренности слов Гоголя о любви его к неизвестной особе поколебалось. В письме от 22 мая 1829 года[7] Гоголь явно заботится подготовить Марью Ивановну к убийственному для нее известию о предстоящей продолжительной разлуке. <...> "Это путешествие, сопряженное обыкновенно с величайшими издержками, мне ничего не стоило; все бы за меня было заплачено, и малейшие мои нужды во время пути долженствовали быть удовлетворены". После этого следует сообщение, что "великодушный друг скоропостижно умер"[8]. Но кто бы мог быть таким великодушным другом Гоголя в совершенно чуждом городе? А. С. Данилевский не слыхал от него ни о чем подобном»[9].

Некоторый свет на загадку проливает дальнейшее творчество Гоголя. Изображенная пять лет спустя в «Невском проспекте» падшая женщина, вероятно, и встретилась тогда Гоголю. Описание терзаний, приведших к самоубийству художника Пискарева, прямо повторяет рассказ Гоголя в письме к матери от 24 июля 1829 г. о пережитых им страданиях от той встречи: «Постигнутый стыдом и робостью, он остановился, потупив глаза; но как утерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось гостить? <...> Где же она? дайте ее мне! о, я не могу жить, не взглянувши на нее!...» В письме к матери от 24 июля 1829 г. Гоголь замечал о встреченной им тогда красавице: «Я бы назвал ее ангелом... <...> Это божество, но облеченное слегка в человеческие страсти. <...> Взглянуть на нее еще раз — вот бывало одно единственное желание... <...> Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь...»

Эта история имела продолжение. Неделю спустя Гоголь отправил матери новое письмо, где объяснял свой внезапный отъезд на сей раз тем, что врачи предписали ему лечиться за границей («...у меня высыпала по всему лицу и рукам большая сыпь. Доктора сказали, что это следствие золотухи...»[10]). Мать (которой была присуща, по свидетельству ее дочерей и самого Гоголя, изрядная доля мнительности), сопоставив оба письма, сделала неожиданный вывод, что причиной болезни сына была встреча с женщиной[11]. Гоголь же, получив письмо матери, пришел в ужас от одного этого предположения: «...как! вы могли, маминька, подумать даже, что я <...> нахожусь на последней степени унижения человечества! <...> Но я готов дать ответ пред лицом Бога, если я учинил хоть один развратный подвиг...»[12].

По замечанию современного исследователя, эти слова Гоголя, воспитанного в благочестивой религиозной семейной традиции, полностью исключают предположение о полученном им заболевании[13]. В. И. Шенрок указывал, что слова Гоголя в письме к матери о «большой сыпи» «не на шутку перепугали Марью Ивановну и заставили ее сделать невыгодное предположение, но, по словам А. С. Данилевского, никакой подобной болезни никогда и не было, да это и без того очевидно: целью путешествия Гоголя был вовсе не Любек и даже никак не Гамбург; это был только первые станции на его предполагавшемся пути»[14].

Позднее, в письме к А. С. Данилевскому от 20 декабря 1832 года Гоголь замечал по поводу сердечных увлечений друга: «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье»[15].

При всем том, сама возможность представленного в «догадке» матери случая — и то потрясение, которое пережил тогда Гоголь от одного этого предположения, — обладавший недюжинным, «страшным» воображением, судя по всему, и дала писателю впоследствии материал для повести «Нос».

Переживания, описанные Гоголем в послании к матери, легли также в основу статьи «Женщина» (1831).

[1] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] «...Гоголь влюбился в какую-то девушку совершенно без надежды на взаимность...» (Гоголь (Николай Васильевич)... // Справочный Энциклопедический Словарь, издающийся под редакциею А. Старчевского. СПб., 1854. Т. 3. В и Г. (цензурное разрешение 1 июля). С. 437).

[3] См. также ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1843. Марта после 20 <после 8>. Рим*** (слова Гоголя в письме к Н. Н. Шереметевой о предстоящем ему «долгом воспитаньи», «великой, трудной лестнице»). — Почти одновременно, с 1830 г., в гоголевском творчестве открыто возникает тема духовного «недоросля» — не пытающегося возрасти «в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). Так, домашний учитель Иван Осипович из незавершенной повести «Страшный кабан» (1830) принадлежит, по словам рассказчика, «к числу <...> семинаристов, *убоявшихся бездны премудрости*». Выделенные Гоголем строки взяты из «Недоросля» Д. И. Фонвизина и принадлежат там одному из наставников Митрофана — вышедшему «из ученых» семинаристу Кутейкину, который, по словам этого героя, «подавал в консисторию»

следующее «челобитье»: «Такой-то де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении».

О судьбе подобных «недорослей», сменивших свое духовное возрастание на мирскую карьеру, упоминал позднее Гоголь в черновом наброске к седьмой главе первого тома «Мертвых душ», при характеристике губернских чиновников, – употребляя при этом, кстати, имя, данное в 1834 г., в «Вии», нерадивому семинаристу Хоме Бруту (прямому «наследнику» «недоросля»-учителя Ивана Осиповича): «Все были большею частью из семинарии, народ дюжий, точно Бруты римских времен». – Позднее Киевский митрополит Антоний (Храповицкий) пустил в оборот для таких бывших семинаристов кличку «Ракитины» (по Достоевскому) (*Киприан <Керн>*, проф., архимандрит. Православное пастырское служение. Париж, 1957. С. 34.)

Очевидно, что в отличие от Фонвизина, Гоголь поднимает в теме «недоросля» прежде всего проблему духовной неразвитости своего современника, и в этом отношении фонвизинскому Митрофану в чем-то, на взгляд писателя, можно, оказывается, даже отдать предпочтение. Если «недоросль» Фонвизина «доучивает Часослов» («а там, думать надобно, примутся и за Псалтирь»), то новейшим Митрофанам, по наблюдениям Гоголя, эта книга уже недоступна. «Знаю, – замечает он устами дьячка-рассказчика в «Вечере накануне Ивана Купала» (1830), – что много наберется таких умников, пописывающих по судам и читающих даже гражданскую грамоту, которые, если дать им в руки простой Часослов, не разобрали бы ни аза в нем...»

Подвигам святых – восхождению по «лествице» добродетелей до «Господня возраста» – Гоголь, в частности, и противопоставляет несостоявшиеся «жития» своих «недорослей» Хомы Брута и Андрия Бульбы (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь 2009-2010.* Т. 1-2. С. 620-625; *Виноградов И. А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233).

[4] Я. Нимченко.

[5] По предположению Ф. А. Витберга, сочинением, которое Гоголь намеревался подготовить и издать «на иностранном языке», была история Малороссии (*Витберг Ф. А.* Гоголь как историк // Исторический Вестник. 1892. № 8. С. 393–394).

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 29.

[7] См. ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[8] «Ничего подобного, по словам покойного А. С. Данилевского, не было» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 121).

[9] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 508.

[10] См. ***1829. Августа 13 <1>. Четверг. Любек.***

[11] «...М<ария> И<вановна> вывела заключение, что ее сын заболел от развратной жизни, что еще более опечалило ее, нежели его самовольное распоряжение ее деньгами...» (*Белозерская Н. А.* Мария Ивановна Гоголь // Русская Старина. 1887. № 3. С. 688).

[12] Письмо матери Гоголя, как и большинство ее писем к сыну, до нас не дошло. Однако о его содержании можно судить из ее послания к двоюродному брату Петру П. Косяровскому от 23 июня 1829 года, в котором она сообщает, что «часто получает» от сына письма и сама пишет ему «по нескольку листов морали» (см. ***1829. Июня 23. Васильевка***). Эта самокритическая нотка в оценке содержания собственных писем, возможно, появилась у Марии Ивановны именно после ответа Гоголя на ее неосновательное – но как бы само собой напрашивающееся (по подсказке «морали»), предположение о полученном сыном заболевании.

[13] *Крейцер А.* Зачем уезжал Гоголь из Петербурга в 1829 году? // Нева. 1993. № 4. С. 285–286.

[14] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 508. – См. также ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург.***

[15] См. ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ МЕЖДУ ВОСКРЕСЕНЬЕМ 21 И ПЯТНИЦЕЙ 26. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

За несколько дней до отъезда за границу[1] Гоголь втайне от Н. Я. Прокоповича, проживавшего вместе с ним в доме каретника И. А. Иоахима на Большой Мещанской, нанял неподалеку, на Вознесенском проспекте, номер в гостинице «Неаполь», забрал, вместе с слугой Я. Нимченко, из книжных лавок экземпляры своей поэмы «Ганц Кюхельгартен» и сжег их в номере гостиницы.

Петербургский книготорговец И. Т. Лисенков[2] 13 ноября 1850 г. писал одесским издателям Криворотовым о Гоголе[3]: «Он прежде был такой молчаливый и таинственный, что напечатал он в первый раз свое сочинение: "Ганц Кюхельгартен или картины", принес ко мне на продажу[4] и через неделю спросил, продаются ли. Я сказал, что нет, он забрал их – и только и видели, должно быть печка поглотила и тем кончилось, что и теперь нигде нет этой книги и публика не знает и не видала его первого произведения»[5].

П. А. Кулиш в 1854 г. сообщал: «Между тем у Гоголя была в запасе поэма "Ганц Кюхельгартен", написанная, как сказано на заглавном листке, в 1827 году. (Г<-н> Прокопович думает, что это мистификация. "Если бы Гоголь написал свою поэму в Гимназии, – говорит он, – то хоть отрывок из нее был бы известен кому-нибудь из тогдашней его публики. Нет, эта поэма была написана именно в то время, когда он проживал без дела в Петербурге".) Не доверяя своим силам и боясь критики, Гоголь скрыл это раннее произведение свое под псевдонимом В. Алова. Он напечатал его на собственный счет, вслед за стихотворением "Италия"[6], и роздал экземпляры книгопродавцам на комиссию. В это время он жил вместе со своим земляком и соучеником по Гимназии, Н. Я. Прокоповичем, который по этому-то и знал, откуда выпорхнул "Ганц Кюхельгартен". Для всех прочих знакомых Гоголя это оставалось непроницаемою тайною. Некоторые из них, – и в том числе П. А. Плетнев, которого Гоголь знал тогда еще только по имени, и М. П. Погодин[7], получили incognito по экземпляру его поэмы; но автор никогда ни одним словом не дал им понять, от кого была прислана книжка. Он притаился за своим псевдонимом и ждал, что будут говорить о его поэме. Ожидания его не оправдались. Знакомые молчали или отзывались о "Ганце" равнодушно, а между тем Н. Полевой прихлопнул ее в своем журнале насмешкою[8], от которой сердце юноши-поэта сжалось болезненною скорбью. Он понял, что это не его род сочинений...»[9]

Об истории издания «Ганца Кюхельгартена» впервые сообщил Кулишу (без упоминания названия книги), по-видимому, О. М. Бодянский в несохранившемся письме из Москвы, которое отправил Кулишу в ответ на его просьбу в послании от 27 февраля 1852 г. (спустя шесть дней после смерти Гоголя) «собрать известия о жизни и деяниях» писателя[10]. Вероятно, откликаясь тогда на просьбу приятеля, Бодянский, в частности, сообщил Кулишу о своей давней – еще при жизни Гоголя (возможно, осенью 1832 или в мае или августе 1835 гг.) – беседе с слугой Гоголя Я. Нимченко, рассказавшем Бодянскому «о сожжении» в первый год проживания писателя в Петербурге «какой-то книги».

Сведения, полученные от Бодянского, подтвердил тогда же Кулишу Н. Я. Прокопович, впервые сообщив при этом название уничтоженной поэмы (о сожжении Прокопович, вероятно, также узнал ранее от Я. Нимченко). Спустя два месяца по смерти Гоголя Кулиш в своей первой биографической статье о писателе сообщал: «Никто, однако ж, из его <Гоголя> покровителей не знал о стихотворном сочинении, которым он начал свое печатное поприще, и до сих пор оно было известно только одному человеку <Н. Я. Прокоповичу>, если не считать неграмотного Гоголева слуги, малороссиянина Якима. Это *Ганц Кюхельгартен...* <...> Прочитав рецензию Полевого, он <Гоголь> тотчас[11], в сопровождении верного своего слуги Якима, отправился по книжным магазинам, собрал экземпляры, нанял в гостинице нумер и сжег все до одного. Нам, однако ж, удалось у одного из старых друзей Гоголя <П. А. Плетнева> найти один экземпляр этой редкой книги (позднее в "Записках о жизни Н. В. Гоголя..." Кулиш сообщал: "Один экземпляр ее находится в библиотеке П. А. Плетнева, другой принадлежит М. П. Погодину, третий Н. С. Тихонравову"[12]. – *И. В.*). Она была прислана автором этому другу incognito, и никогда между ними не было о ней помину. Книжка была брошена, в числе других негодных для чтения, в шкап, и покоилась там мирным сном двадцать три года, пока хозяин не узнал от пишущего эти строки, чье это сочинение»[13].

Летом 1852 г. Я. Нимченко заново (после рассказов Прокоповичу и, предположительно, Бодянскому) поведал о сожжении юношеской поэмы Гоголя Г. П. Данилевскому, приехавшему в Васильевку для сбора сведений о жизни писателя. Данилевский сообщал: «Известно, что впоследствии, разгадав в себе призвание и начав писать прозою, Гоголь молчал о своем стихотворном поприще. Он сжег своего "Ганца Кюхельгартена". Яким, человек его, о котором уже упомянуто в "Отечественных Записках"[14], находится теперь в Яновщине. Я расспрашивал его об этом сожжении. Робкий и застенчивый Яким, бывший камердинер Гоголя, а теперь дворецкий и ключник, рассказал мне, что его барин точно однажды вдруг пришел домой и послал его скупать и отбирать отданные на комиссию книгопродавцам синенькие экземпляры "Ганца Кюхельгартена". Шестьсот книжек сожжены без всякого милосердия»[15].

В 1854 г. свидетельство Я. Нимченко вновь подтвердил Кулишу Прокопович, указав при этом и адрес гостиницы, где Гоголь сжег свою поэму. Тогда же Кулиш сообщил и то, что сведениями о сожженном произве-

дении он обязан, кроме Прокоповича, одному из своих «друзей» (вероятно, Бодянскому): «"Им <Гоголем> овладела (скажем его словами) та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящим в душе благородство таланта, которая заставляет если не истреблять, то по крайней мере скрывать от света те произведения, в которых он сам видит несовершенство" ("Арабески", т. I, стр. 132). Он бросился с своим верным слугой Якимом по книжным лавкам, отобрал у книгопродавцев экземпляры, нанял нумер в гостинице (эта гостиница, по указанию г. Прокоповича, находилась в Вознесенской улице, на углу, у Вознесенского моста), и сжег все до одного. Гоголь, по-видимому, не подозревал, что Прокопович знал, кто автор "Ганца Кюхельгартена", – иначе он, дорожа своей литературной тайною, просил бы приятеля не разглашать ее. Что касается до слуги малороссиянина <Я. Нимченко>, то он был неграмотен и рассказывал впоследствии одному из моих друзей <по-видимому, Бодянскому>, только о сожжении какой-то книги, – но какая то была книга, об этом г. Прокопович объявил мне только после смерти поэта. Ему же обязан я большею частью сведений о первом периоде жизни Гоголя. Прокопович был неразлучным спутником поэта от самого вступления его в Гимназию Князя Безбородко до выезда за границу. Ни о ком Гоголь не отзывался впоследствии с таким братским чувством, как об этом свидетеле его первых усилий проложить себе дорогу в жизни, и никто не знал так Гоголя-юноши, как Прокопович»[16].

По мнению современных исследователей, гостиницей, где в 1829 г. Гоголь сжег свою первую книгу, была гостиница «Неаполь», в квартале от дома Иоахима, прямо у Вознесенского моста через Екатерининский канал: «Речь идет о гостинице "Неаполь" (ныне участок по проспекту Майорова <с 1991 г. с прежним названием – Вознесенский проспект>, 79/23; дом не сохранился)»[17].

[1] См. ***1829. Июля 26. Санкт-Петербург или Кронштадт.***

[2] Иван Тимофеевич Лисенков (1795–1881), петербургский книготорговец и издатель, знакомый А. С. Пушкина.

[3] См. также ***1850. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] В книжных лавках «Ганц Кюхельгартен» появился после 5 июня 1829 г., когда Гоголь обратился с письменной просьбой к цензору К. С. Сербиновичу «ускорить выдачу билета на выпуск в продажу» (см. ***1829. Мая 11. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1829. Июня после 5. Санкт-Петербург***).

[5] *Свод.* Т. 3. С. 740.

[6] См. ***1829. Февраля 22. Санкт-Петербург.***

[7] Слова: «и М. П. Погодин», – отсутствовали в изд. 1854 г. и впервые появились в 1856 г.

[8] См. ***1829. Июня 28. Пятница. Москва.***

[9] *Кулиш 1854 (2).* С. 37; ср. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 579.

[10] *Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 55

[11] Между выходом в свет рецензии Полевого и сожжением «Ганца Кюхельгартена» прошел месяц (см. ***1829. Июня 28. Пятница. Москва***). За несколько дней до сожжения появилась в печати отрицательная рецензия на гоголевскую поэму О. М. Сомова (см. ***1829. Июля 20. Санкт-Петербург***).

[12] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 66; см. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 579.

[13] *Кулиш 1852.* С. 199.

[14] Имеется в виду статья Кулиша (*Кулиш 1852*).

[15] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 288.

[16] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 579–580.

[17] *Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 33.

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ИЛИ КРОНШТАДТ – СЕНТЯБРЯ 22 <ОКТЯБРЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Первая поездка Гоголя за границу[1].

[1] См. также ***1828. Сентября 8. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка.***

ИЮЛЯ 26 <АВГУСТА 7>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ИЛИ КРОНШТАДТ

Гоголь, оставив в Петербурге слугу Я. Нимченко[1], на английском пароходе отправляется в Германию[2].

Спустя более трех месяцев, в письме от 12 ноября 1829 г., Гоголь сообщал матери о своем плавании: «Занимательного <...> мало. Терпел только порядочную бурю на корабле, во время которой к собственному удивлению моему и мысль о страхе не закрадывалась в мою душу; чувствовал только дурноту — неминуемое следствие качки; после двухдневного плавания, не видя ничего, кроме моря и неба, прибыли мы к берегам Швеции[3], где увидел я несколько странного вида разбросанных хижин. Народ вообще хорош, особливо женщины стройны и недурны собою. Вид острова Борнгольма с его дикими, обнаженными скалами и вместе цветущею зеленью долин и красивыми домиками восхитителен. Из острова Борнгольма мы прямо пристали чрез четыре дни и вышли на берег Дании».

Позднее, в «Авторской исповеди» (1847), Гоголь так объяснял свою первую поездку за границу: «Почти у всех писателей, которые не лишены *творчества*, есть способность, которую я не назову воображеньем, способность представлять предметы отсутствующие так живо, как бы они были пред нашими глазами. Способность эта действует в нас только тогда, когда мы отдалимся от предметов, которые описываем[4]. Вот почему поэты большею частью избирали эпоху, от нас отдалившуюся, и погружались в прошедшее. Прошедшее, отрывая нас от всего, что ни есть вокруг нас, приводит душу в то тихое, спокойное настроение, которое необходимо для труда. У меня не было влеченья к прошедшему. Предмет мой была современность и жизнь в ее нынешнем быту, может быть, оттого, что ум мой был всегда наклонен к существенности и к пользе, более осязательной. Чем далее, тем более усиливалось во мне желанье быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; перо писателя нечувствительно и незаметно переходит в сатиру. Притом, находясь сам в ряду других и более или менее действуя с ними, видишь перед собою только тех человек, которые стоят близко от тебя; всей толпы и массы не видишь, оглянуть всего не можешь. Я стал думать о том, как бы выбраться из ряду других и стать на такое место, откуда бы я мог увидать всю массу, а не людей только, возле меня стоящих, — как бы, отдалившись от настоящего, обратить его некоторым образом для себя в прошедшее. Мое расстроившееся здоровье и вместе с ним маленькие неприятности, которые я бы теперь перенес легко, но которых тогда не умел еще переносить, заставили меня подняться в чужие края. Я никогда не имел влеченья и страсти к чужим краям. Я не имел также того безотчетного любопытства, которым бывает снедаем юноша, жадный впечатлений. Но, странное дело, даже в детстве, даже во время школьного ученья, даже в то время, когда я помышлял только об одной службе, а не о писательстве, мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвованье и что именно для службы моей отчизне я должен буду воспитаться где-то вдали от нее. Я не знал, ни как это будет, ни почему это нужно; я даже не задумывался об этом, но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле, тоскующим по своей отчизне; картина эта так часто меня преследовала, что я чувствовал от нее грусть. Может быть, это было просто то непонятное поэтическое влечение, которое тревожило иногда и Пушкина, — ехать в чужие края единственно затем, чтобы, по выраженью его,

Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России[5].

Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влеченье было так сильно, что не прошло пяти месяцев по прибытье моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному. Проект и цель моего путешествия были очень неясны. Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, — точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее. Едва только я очутился в море, на чужом корабле, среди чужих людей (пароход был аглицкий, и на нем ни души русской), мне стало грустно; мне сделалось так жалко друзей и товарищей моего детства, которых я оставил и которых я всегда любил, что, прежде чем вступить на твердую землю, я уже подумал о возврате. Три дни[6] только я пробыл в чужих краях, и, несмотря на то что новость предметов начала меня завлекать, я поспешил на том же самом пароходе возвратиться, боясь, что иначе мне не удастся возвратиться. С тех пор я дал себе слово не питать и мысли о чужих краях, — и точно, во все время пребыванья моего в Петербурге, в продолжение целых семи лет, не приходили

мне никогда на мысли чужие края, покамест обстоятельства моего здоровья, некоторые огорченья и, наконец, потребность большего уединенья не заставили меня оставить Россию»[7].

[1] См. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***; ***1829. Ноября 17. Васильевка.***

[2] См. ***1829. Августа 13 <1>. Четверг. Любек.***

[3] 8 августа (н. ст.) 1829 г.

[4] В 1850 г. в прошении о предоставлении заграничного паспорта Гоголь также писал: «...Точно так же, как тому, кто бы хотел обозреть выстроенное в равнине войско, необходимо подняться на возвышенье, откуда бы всё видно было, как на ладоне, точно так же писателю, приобыкшему созерцать, бывает необходимо временное отдаленье от предмета <...> затем, чтобы лучше обнять его. У меня же это преимущественная особенность моего глаза» (см. ***1850. Июля 10–18. Васильевка***).

[5] Из главы первой «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

[6] На самом деле почти два месяца (см. ***1829. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Санкт-Петербург или Кронштадт – сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

АВГУСТА 13 <1>. ЧЕТВЕРГ. ЛЮБЕК

Гоголь в письме к матери в Васильевку извещает ее, что «плыл водою» шесть дней и рано утром прибыл в Любек, просит прощения за причиненные огорчения:

«Часто я думаю о себе, зачем Бог, создав сердце, может, единственное, по крайней мере редкое в мире, чистую, пламенеющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному душу, зачем он дал всему этому такую грубую оболочку, зачем он одел всё это в такую страшную смесь противоречий, упрямства, дерзкой самонадеянности и самого униженного смирения».

Вновь объясняя свой отъезд необходимостью «бежать от самого себя», добавляет:

«Я, кажется, и забыл объявить вам главной причины, заставившей меня именно ехать в Любек. Во всё почти время весны и лета в Петербурге я был болен; теперь хотя и здоров, но у меня высыпала по всему лицу и рукам большая сыпь. Доктора сказали, что это следствие золотухи, что у меня кровь крепко испорчена, что мне нужно было принимать кровочистительный декокт, и присудили пользоваться водами в *Травемунде*, в небольшом городке, в 18 верстах от Любека...»[1]

Передает привет сестрам Марии, Анне, Елисавете и Ольге. Обещает вскоре вернуться в Петербург и поступить на службу. Просит адресовать письма в Петербург, на имя Н. Я. Прокоповича, «в дом Иохима». Описывает Любек:

«Этот довольно старинный, вольный торговый город был из числа первых, составлявших знаменитый Ганзейский союз, с которым наше отечество (особливо Новгород) было во всегдашних торговых сношениях. <...> ...Домы в Любеке <...> сплочены тесно один к другому и не разделяются ни в одном месте забором. Чистота в домах необыкновенная; неприятного запаху нет вовсе в целом городе, как обыкновенно бывает в Петербурге, в котором мимо иного дома нельзя бывает пройти. Крестьянки девушки в красивых корсетиках, с зонтиком в руках толпятся с утра до вечера по рынкам и чистым улицам. Экипажей здесь вовсе не употребляют: добрые немцы обыкновенно отправляются пешком, и даже за город на несколько верст. Извозчиков нет в помине; зато вы увидите огромные фуры, которые здесь в большом употреблении, посреди которых укреплены на ремнях ящики (в роде висячего стула); в этих-то фурах вы увидите семейство, достойное фламандской школы, везущее в город продукты. В ящике обыкновенно сидит мать с дочерью; на лошади, запряженной в фуру, верхом усаживается сын; если же обретается зять, то и тот себе находит место на

той же самой лошади, а сзади уже пешком какой-нибудь по нашему наймыт. Зато уж и езда: ничего хуже я не знаю. Лошади здоровы и жирны, как волы, а между тем не скорее их идут».

В 1856 г. П. А. Кулиш[2] отметил почти дословные переклички между содержанием этого письма и начальными строками «Сорочинской ярмарки»: «Одиноко в стороне тащился на истомленных волах воз, наваленный мешками, пенькою, полотном и разною домашнею поклажею, за которым брел <...> его хозяин <...> на возу сидела хорошенькая дочка <...>. Неугомонная супруга <...> тут же сидела на высоте воза...»[3]

Впечатлениями от Германии Гоголь был, очевидно, разочарован, о чем писал матери (13 августа (н. ст.) 1829 г.): «Сначала, за год пред сим, думал я: каковы-то будут первые впечатления при взгляде на совершенно новое, совершенно бывшее чуждым доселе для меня, на другие нравы, других людей; как любопытство мое будет разгораться постепенно; ничего не бывало. Я въехал так, как бы в давно знакомую деревню, которую привык видеть часто». С впечатлениями от первой поездки за границу, очевидно, связана и критика европейской цивилизации, пронизывающая его так называемые «петербургские» повести: «Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Портрет», «Нос» (1834)[4].

Позднее, 28 июня (н. ст.) 1836 г., Гоголь, едва выехав за границу, в письме к В. А. Жуковскому из Гамбурга обещал приготовить для пушкинского «Современника» «кое-что <...> из немецкой жизни» — «будет смешно». В письме к Н. М. Смирнову от 3 сентября (н. ст.) 1837 г. из Франкфурта Гоголь также замечал: «...Франкфурт страшно пахнет жидом, включая в то число немцев». В письме Гоголя к М. П. Балабиной от 30 мая (н. ст.) 1839 г. из Рима Гоголь писал: «Германия есть ничто другое, как самая неблаговонная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива».

Продолжая описание Любека, Гоголь сообщал:

«Из замечательных зданий преимущественно кафедральная церковь, которой считают около тысячи лет; в течение десяти столетий устояла среди всех перемен и волнений; триста лет назад, как она переименована из католической в лютеранскую. Завтра[5] я собираюсь побывать в ней и в следующем письме представлю вам подробное описание ее».

[1] Об ответе матери см.: ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] См.: *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 79.

[3] Позднее Гоголь писал С. П. Шевыреву о своем пребывании за границей: «...Из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России» (письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 г.). В повести «Рим» Гоголь в свою очередь так объяснял «многосторонность» взгляда своего героя, итальянского князя, после его пребывания за границей: «Среди сей жизни почувствовал он <...> желание проникнуть поглубже историю Италии <...> он жадно принялся за архивы, летописи и записки. Он теперь мог их читать не так, как итальянец-домосед, входящий и телом и душою в читаемые события и не видящий из-за обступивших его лиц и происшествий всей массы целого. <...> Пребыванье вне Италии, в виду шума и движенья действующих народов и государств, служило ему строгою поверкою всех выводов, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу». Ср. также письмо П. В. Киреевского к брату И. В. Киреевскому в ноябре 1829 г.: «Только побывавши в Германии, вполне понимаешь великое значение Русского народа, свежесть и гибкость его способностей, его одушевленность» (цит. по: *Лясковский В. Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 22–23).

[4] См.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь 2009–2010*. Т. 3–4. С. 505–570.

[5] См. ***1829. Августа 14 <2>. Пятница. Любек***.

АВГУСТА 14 <2>. ПЯТНИЦА. ЛЮБЕК

Гоголь осматривает кафедральный храм Marienkirche[1] в Любеке[2].

Через полторы недели, 23 августа (н. ст.) 1829 г., в письме из Травемюнде Гоголь сообщал матери: «В первом письме я сделал вам небольшое описание города Любека; теперь прибавлю, что успел после того заметить. Я был в огромной здешней кафедральной церкве. Это здание решительно превосходит всё, что я до сих пор видел, своим древним готическим великолепием. Здешние церкви не оканчиваются, подобно нашим, круглым или неправильным куполом, но имеют потолок ровной высоты во всех местах, изредка только пересекаемый изломленными готическими свода-

ми. Высота ровная во всех местах и, вообразите, несравненно выше, нежели у нас в Петербурге Казанская церковь, с шпицем и крестом. Всё здание оканчивается по углам длинным и угловатым, необыкновенной толщины, каменным шпицем, теряющимся в небе...»

Впечатления от любекского храма позднее легли в основу характеристики готической архитектуры в статье Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» (1834)[3], а также отразились в заключительных строках статьи-лекции «О Средних веках» (авторская датировка – 1830; опубл. в 1834): «...Ни один век не представляет таких гигантских открытий, как XV; век, которым так блистательно оканчиваются Средние века, величественные, как колоссальный готический храм, темные, мрачные, как его пересекаемые один другим своды, пестрые, как разноцветные его окна и куча изузоривающих его украшений, возвышенные, исполненные порывов, как его летящие к небу столбы и стены, оканчивающиеся мелькающим в облаках шпицем».

Со строками статьи об архитектуре о Миланском и Кёльнском соборах, о «недоконченной башне Страсбургского монастыря» («Здесь одна законодательная идея – высота»), – перекликается содержание выписки Гоголя в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) «Высота некоторых замечательных памятников» (на фр. яз.). В повести «Вий» (1834) Гоголь упоминал также о сооруженной в 1731–1745 гг. Великой колокольне Киево-Печерской лавры. По высоте (96, 5 м) она превосходила все колокольни России того времени, в том числе Ивана Великого в Москве (81 м). В соответствии с содержанием выписки «Высота некоторых замечательных памятников» (о «высочайшей из пирамид Египта» – «449 футов или 146 метров», о высоте «купола Св. Петра в Риме» – «406 футов или 132 метра» – и «верхушки Пантеона» – «250 футов или 79 метров») Гоголь в лекции «Обозрение Всеобщей Истории» (1835) писал: «Остатки Колоссальных памятников в Фивах и Мемфисе еще до этих пор возбуждают любопытство и заставляют изумляться над их развалинами...», а в статье о географии (1830) замечал: «При мысли о Риме <...> неразлучна <...> мысль о зданиях-исполинах...» Здесь же Гоголь упоминал и о Киево-Печерской лавре как памятнике мирового значения: «...Кремля, Ватикана, Пале-Рояля, Фальконетова Петра, Киево-Печерской лавры, Кинг-Бенча нет других в мире».

Продолжая описывать любекскую церковь, Гоголь обращает внимание на картины и часы в храме: «Живопись внутри церкви удивительная. Много есть таких картин, которым около 700 лет, но которые всё еще пленяют необыкновенною свежестью красок и осенены печатью необыкновенного искусства. Знаменитое произведение Альбрехта Дюрера, изваяние Квелино[4], всё было мною рассмотрено с жадностью. На одной стене церкви находятся необыкновенной величины часы[5], с означением разных метеорологических наблюдений, с календарем на несколько сот лет и проч. Когда настанет 12 часов, большая мраморная фигура вверху бьет в колокол 12 раз. Двери с шумом отворяются вверху; из них выходят стройно один за одним 12 апостолов, в обыкновенный человеческий рост, поют и наклоняются каждый, когда проходят мимо изваяния Иисуса Христа, и таким же самым порядком уходят в противоположные двери; привратник их встречает поклоном, и двери с шумом за ними затворяются. Апостолы так искусно сделаны, что можно принять их за живых».

[1] Церковь Св. Марии в Любеке начата в 1163 г.; перестроена в 1276 и 1310 гг.

[2] См. ***1829. Августа 13 <1>. Четверг. Любек***.

[3] Статья «Об архитектуре нынешнего времени» примечательна, в частности, тем, что Гоголь предсказал в ней возникновение и развитие архитектуры железных и железобетонных конструкций XX века из храмовых сооружений средневековой готики. (О том, что «железо как новый материал достигло возможности игривых, живых форм, парящих ввысь», Гоголь говорил и позднее, в 1850 г. в беседе с младшим современником, художником и архитектором В. О. Шервудом; см.: ***1850. Февраля средина. Москва***.) По словам исследователя, Гоголь на полвека опередил «французского архитектора Виоле ле Дюка, который в своих теоретических трудах пропагандировал внедрение металлических конструкций в архитектурную практику» (*Ключарев Ю.* Статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» // Архитектура СССР. 1952. № 2. С. 21).

Со временем Гоголь переосмыслил свое увлечение готикой, воплотив новое отношение к ней во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842), где обольщение Андрия красотой и великолепием католического костела изобразил как одну из причин его предательства и гибели (см. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева*** – примечания). Позднее, в 1844 г., Гоголь писал: «Таким же самым образом, как русский путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности. Они не в архитектурных строениях и древностях, но в людях» (статья «Нужно проездиться по России»).

Интерес в архитектуре зародился у Гоголя еще в Нежине. В его «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» сохранились вырезки из печатного издания изображений капителей и других частей колонн

древнегреческих стилей с указанием рукою Гоголя их пропорций. Позднее, в Петербурге, Гоголь, по воспоминаниям П. В. Анненкова, «собирал <...> английское кипсеки (keepsake; *англ.* – роскошное иллюстрированное издание. – *И. В.*) с видами Греции, Индии, Персии и проч., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью. Он любил показывать дорогие альманахи, из которых, между прочим, почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных народов и на их художественные требования» (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

[4] «Итализированным именем *Квелино* назван Томас Квелинус – скульптор, проживавший в Копенгагене и участвовавший в перестройке алтаря любекской Мариенкирфе в конце XVII века. За дюреровскую работу Гоголь, очевидно, принял настенный цикл "Пляска смерти" ("Totentanzfries"), созданный на самом деле совсем другим мастером – северонемецким художником Бернтом Нотке в 1463 году, то есть за несколько лет до появления Альбрехта Дюрера на свет (к сожалению, это произведение изобразительного искусства не сохранилось: оно погибло при бомбёжке Любека британской авиацией в 1942 году)» (*Соколянский М. Г.* Гоголь: грани творчества: Статьи. Очерки. Одесса, 2009. С. 7–8; см. также: *Соколянский М. Г.* Гоголь в Любеке // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 89).

[5] Часы относятся к началу XV в. Впечатлительной Марии Ивановне описание этих часов запомнилось, так что спустя более чем шесть лет они привиделись ей во сне за полгода до нового отъезда Гоголя за границу. 10 ноября 1835 г. он писал матери: «...Вам с идеею о мне вспомнились и те часы, о которых я писал вам из Любека, что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фигур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границей».

АВГУСТА ПОСЛЕ 14 – НЕ ПОЗДНЕЕ 22 <АВГУСТА ПОСЛЕ 2 – НЕ ПОЗДНЕЕ 10>. ГАМБУРГ

Гоголь побывал в Гамбурге.

Позднее, в письме к матери от 25 августа (н. ст.) 1829 г. из Травемюнде, Гоголь сообщал: «Дорога от Травемунда до Любека и особливо от Любека до Гамбурга представляет большой и разнообразный сад. Поля здешние разделены на небольшие участки, которые все обсажены в два ряда кустарниками».

В письме к матери от 12 ноября 1829 г. из Петербурга Гоголь также замечал: «В Гамбурге я пробыл очень мало».

Спустя более шести лет, 29 июня (н. ст.) 1836 г., он писал матери из Гамбурга: «Выбравшись из парохода, который мне надоел жестоко, я проехал очень скоро Травемунде, Любек и несколько деревень, не останавливаясь почти нигде до самого Гамбурга. Места эти все мне знакомы. Гамбург тоже старинный знакомый. Теперь только я рассмотрел лучше, нежели в прежнее время».

АВГУСТА 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТРАВЕМЮНДЕ

Гоголь через Любек приехал из Гамбурга в Травемюнде.

См. ***1829. Августа 25 <13>. Вторник. Травемюнде***.

АВГУСТА 25 <13>. ВТОРНИК. ТРАВЕМЮНДЕ

Гоголь в письме к матери сообщает, что уже два дня находится в Травемюнде и завтра возвращается в Любек. Пишет, что здешний климат его «ощутительно» «поправил» и что вскоре он отправится назад в Петербург, где собирается занять «предлагаемую должность». Отмечает, что «здешние жители не имеют никаких собраний и живут почти в трактирах»:

«Эти трактиры мне очень нравятся: вообразите себе какого-нибудь богатого помещика хлебосола, как прежде например бывало в Кибенцах, у которого множество гостей тут и живут и сходят вместе только обедать или ужинать. Хозяин трактира занимает здесь точно такую же роль и первое место за столом, возле него его супруга, которой это не мешает несколько раз сбегать во время стола на кухню; прочие места занимаются гражданами всех наций. Со мною вместе находились два швейцара, англичанин, индейский набоб, гражданин из Амер<иканских> Штатов и множество разноземельных немцев, и все мы были совершенно как лет 10 друг с другом знакомы. (Этого уже в Петербурге не водится.) Ужин всегда оканчивается пением и всегда довольно поздно».

АВГУСТА 26 <14>. СРЕДА. ЛЮБЕК

Гоголь возвращается в Любек.

См. ***1829. Августа 25 <13>. Вторник. Травемюнде.***

СЕНТЯБРЯ 6 <18>. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет сыну ответное[1] письмо[2].

[1] См. ***1829. Августа 13 <1>. Четверг. Любек.***
[2] См. ***1829. Сентября 24. Вторник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА>. ГАМБУРГ

Гоголь из Гамбурга отправляется в Петербург.

См. ***1829. Сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 22 <ОКТЯБРЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, с небольшим остатком денег, вернулся из-за границы в Петербург[1].

Из воспоминаний Н. Я. Прокоповича, записанных П. А. Кулишом: «Гоголь, перед отъездом за границу, квартировал[2] вместе с Н. Я. Прокоповичем. Они не вели в отсутствие Гоголя переписки, и Прокопович воображал его странствующим Бог знает где. Каково же было его удивление, когда, возвращаясь однажды (именно 22-го сентября) вечером от знакомого, он встретил Якима, идущего с салфеткою к булочнику, и узнал, что у них “есть гости”! Когда он вошел в комнату, Гоголь сидел, облокотясь на стол и закрыв лицо руками. Расспрашивать, как и что, было бы напрасно, и таким образом обстоятельства, сопровождавшие фантастическое путешествие, как и многое в жизни Гоголя, остались для него тайною»[3].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, добавлял: «Известен рассказ Прокоповича о том, как он был изумлен, неожиданно увидев в своей квартире возвратившегося из-за границы Гоголя с лицом, закрытым руками. Не менее удивлен был и А. С. Данилевский, когда он, входя к Прокоповичу[4], услышал звуки хорошо знакомого голоса. Хотя, по собственным словам его, он совершенно не верил в серьезность плана, составленного Гоголем, и предвидел его скорое возвращение, но все-таки никак не ожидал, что это случится так быстро»[5].

Г. П. Данилевский в 1853 г. писал: «В 1829 году он неожиданно уехал за границу. Известны последствия этой фантастической поездки. Гоголь приехал в Любек, написал оттуда письмо к матери, которое мы сами читали, описал ей подробно все муки своего разочарования в местах, которые он так жаждал увидеть, к письму

приложил очерк пером улицы, в которой нанял себе помещение, скоро увидел последний конец своих денег и с грустию возвратился в Петербург»[6].

Вместо слов: «скоро увидел последний конец своих денег», – в первоначальной редакции статьи Данилевского 1852 г. было: «скоро досчитал последний рубль своих денег». Поправка была сделана Данилевским вследствие замечания П. А. Кулиша: «Если б у него было на дорогу полторы тысячи рублей ассигнациями, то в Любеке, где немецкая жизнь так дешева, Гоголь не "досчитал бы скоро последний свой рубль" <...> и не возвратился бы так скоро в Петербург от недостатка денег»[7].

Между тем Данилевский по существу был прав[8]. Гоголь, по-видимому, действительно истратил в свою первую поездку за границу довольно крупную сумму денег. Дело в том, что, как указывал сам Гоголь, при излишних потребностях разорительной становится самая дешевизна вещей. Наряду с темой дорогостоящей роскоши, Гоголь размышлял позднее о пагубности безграничного и «дешевого» изобилия. В одном из набросков 1833 г. по древней истории, он, в частности, замечал: «Плодотворная почва трех частей света, омываемая Средиз<емным морем>, благорастворенный климат и сильная деятельность природы двинули чрезвычайно быстро развитие древнего человечества и наконец [подави<ли> его необыкновенным обилием и роскошью]». Позднее, 29 июня (н. ст.) 1836 г., Гоголь сообщал матери свои впечатления от Германии: «Места эти все мне знакомы. Гамбург тоже старинный знакомый (Гоголь имеет в виду свою первую поездку в Германию в 1829 г. – *И. В.*). <...> Это торговый город, один из огромнейших, который, можно сказать, потонул в магазинах. Тут продаются вещи, собранные со всей Европы <...> Все дешево и прекрасно, и эта дешевизна невыгоднее всего для бедного путешественника, потому что поневоле заставляет его разоряться». По свидетельству И. Ф. Золотарева[9], в 1836 г. Гоголь, будучи в Гамбурге, заказал себе «все платье из тика (то есть из дешевой, идущей на обивку льняной или хлопчатобумажной ткани. – *И. В.*), и когда ему указывали, что он делает себя смешным, Гоголь возражал: "Что ж тут смешного? Дешево, моется, и удобно"»[10].

П. В. Анненков 12 ноября 1840 г. писал из Гамбурга: «Город так же тесен и узок, как Любек, но торговля, богатство совлекли уже с него несколько строгий, готический вид, и старые суровые дома изукрасились огромными зеркальными стеклами и великолепными магазинами. Не знаю, по той же ли причине, или самая реакция против католицизма была здесь сильнее, или время и французы 1813 года грабили здесь дружнее, – только главные церкви не сохранили в себе от давно прошедшего ничего, кроме наружного вида. <...> В Гамбурге все чрезвычайно дешево: сюртучная пара с жилетом, очень хорошая, 90 рублей, а за 120 – превосходная. А у нас в Петербурге!..»[11] 5 июня 1838 г. граф И. М. Виельгорский в свою очередь сообщал сестре Софье Михайловне из Берлина: «Вообще здесь вещи чрезвычайно дешевы в сравнении с Петербургом. Паткуль проводит все время, свободное от обедов и балов, в магазинах; и он накупил на 1500 рублей дамских вещей, которые он отправил в Петербург...»[12]

Л. И. Арнольди вспоминал: «Гоголь очень любил и ценил хорошие вещи и в молодости, как сам он мне говорил, имел страстишку к приобретению разных ненужных вещиц: чернильниц, вазочек, пресс-папье и проч. Страсть эта могла бы, без сомнения, развиться в громадный порок Чичикова – хозяина-приобретателя»[13]. «Страсть ко всему изящному была в нем очень сильна еще в юности: по свидетельству Данилевского, во время своей первой заграничной поездки Гоголь накупил множество разных небольших, но чрезвычайно изящных и красивых вещей, которые особенно пришлись ему по вкусу...»[14] Из денег, взятых Гоголем в 1829 г. в заграничное путешествие (это была немалая сумма: «Все деньги, следуемые в Опекунский совет...» – 1450 рублей), к 1 декабря 1829 г. у него осталось только двадцать рублей (согласно реестру, приложенному Гоголем к письму к матери от 2 апреля 1830 г.). «...Он приехал назад почти без денег»[15]. «Для своей первой поездки за границу в 1829 году Н. В. Гоголь воспользовался теми деньгами, которые прислала ему М<ария> Ив<ановна> для внесения в Опекунский Совет. Гоголь решился взять их на поездку; он очень мучился этим присвоением чужих денег и, не зная, как оправдаться перед матерью, прислал ей доверенность <от 23 июля 1829 г.> на распоряжение его долей наследства после отца»[16].

[1] См. ***1829. Сентября 24. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Вместо: «квартировал», – в журнальной публикации 1854 г.: «жил в Мещанской, против Столярного переулка, в доме каретника Иохима, в четвертом этаже» (*Кулиш 1854 (1)*. № 2. Отд. 2. С. 77).

[3] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 580.

[4] А. С. Данилевский, живший с июля 1829 г. при Школе гвардейских подпрапорщиков, навещал друзей по праздничным и воскресным дням (см. ***1829. Июля не позднее 24. Санкт-Петербург***).

[5] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 508.

[6] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод*. Т. 1. С. 289–290.

[7] *Кулиш 1853*. С. 117.

[8] Напротив, неверным было предположение самого Кулиша в его первой статье о Гоголе: «Это было истинно-фантастическое путешествие, потому что у будущего писателя не было на дорогу денег; он доехал только до Гамбурга и должен был воротиться в Петербург» (*Кулиш 1852*. С. 198).

[9] Иван Федорович Золотарев (1812–1881), в 1831–1836 гг. учился в Дерптском университете; 16 марта 1836 г. защитил кандидатскую диссертацию «О дипломатическом церемониале при дворе русских царей»; познакомился с Гоголем и А. С. Данилевским во время поездки на пароходе по пути за границу в июне 1836 г. (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***); жил с Гоголем в Риме в 1838 г. (см. ***1838. Апреля около 8 <марта около 26>. Рим***); впоследствии служил полковым командиром Грузинского линейного 18-го батальона; состоял товарищем председателя Славянского комитета.

[10] См. ***1836. Июня 27 <15>. Понедельник. Травемюнде, Любек, Гамбург.***

[11] *Анненков П. В.* Письма из-за границы // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 8–9.

[12] *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 337.

[13] *Арнольди Л. И.* Мое знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 2. С. 384.

[14] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 509.

[15] *Б<асисто>в П. Е.* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя... Статья вторая // Отечественные Записки. 1856. № 11. Отд. 2. С. 18.

[16] *Щеголев П. Е.* К биографии Н. В. Гоголя // Литературный Вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 59.

СЕНТЯБРЯ 24. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что два дня назад «приехал из Гамбурга в Петербург». Отвечает на ее подозрения по поводу его мнимой болезни:

«С ужасом читал я письмо ваше, пущенное 6-го сентября[1]. Я всего ожидал от вас: заслуженных упреков, которые еще для меня слишком милостивы, справедливого негодования и всего, что только мог вызвать на меня безрассудный поступок мой... Но этого я никогда не мог ожидать: как! вы могли, маминька, подумать даже, что я добыча гнусного разврата, что нахожусь на последней степени унижения человечества! Наконец решились приписать мне болезнь, при мысли о которой всегда трепетали от ужаса даже самые мысли мои! <...> Мне казалось всё равно, как будто я слышу проклятие. Как вы могли подумать, чтобы сын таких ангелов-родителей мог быть чудовищем, в котором не осталось ни одной черты добродетели! Нет, этого не может быть в природе. Вот вам мое признание: одни только гордые помыслы юности, проистекавшие, однако ж, из чистого источника, из одного только пламенного желания быть полезным, не будучи умеряемы благоразумием, завлекли меня слишком далеко. Но я готов дать ответ пред лицом Бога, если я учинил хоть один развратный подвиг, и нравственность моя здесь была несравненно чище, нежели в бытность мою в заведении и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имел этой привычки. Дома я пил еще вино; здесь же не помню, чтобы употреблял его когда-либо. Но я не могу никаким образом понять, из чего вы заключили, что я должен болен быть непременно этою болезнию. В письме моем я ничего, кажется, не сказал такого, что бы могло именно означить эту самую болезнь. Мне кажется, я вам писал про мою грудную болезнь, от которой я насилу мог дышать, которая, к счастию, теперь меня оставила. <...> ...Об одном только прошу я вас со слезами: не считайте меня способным на разврат, не принимайте безумия за него, хотя бы вы услышали, что нахожусь между развратнейшими из развратнейших, верьте, что никогда не отступлю от священных правил добродетели, которые неизгладимым резцом врезались мне в сердце».

[1] См. ***1829. Сентября 6 <18>. Пятница. Васильевка.***

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь предпринимает попытку поступить на сцену (возможно, под влиянием или по примеру Н. Я. Прокоповича[1]).

Возможно, к этому врѐмени относится появление в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) «Списка Рос<с>ийской <Драматической> и Балетной труп<п>ы С<анкт->П<е-тер>бургского театра Артистов. (Из Р<усской> Т<алии>). (1825 год)»[2]. Список открывают имена В. А. Каратыгина, Я. Г. Брянского, П. И. Толченова (раздел «Трагедия»); среди актеров «Комедии и драмы» на первом месте стоят имена И. И. Сосницкого, П. А. Каратыгина. Напротив фамилии Л. О. Дюровой в выписке имеется помета Гоголя: «Умер<ла> <в> 1828». Помета написана в автографе теми же чернилами и тем же почерком, что и весь текст списка. О смерти Дюровой (Дюр) (в замужестве Каратыгиной) 4 декабря 1828 г.[3] Гоголь мог узнать лишь в Петербурге, куда приехал в конце декабря 1828 г.[4]

Предположительно, тогда же Гоголь внес в «Книгу всякой всячины...» список пьес французского драматурга Э. Скриба (на фр. яз. – «Pieces de M. Scribe»). Перечень состоит из трех последовательных алфавитных списков 69-ти пьес Скриба 1815–1828 гг.

В 1852 г. П. А. Кулиш, со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал: «Повинуясь прежнему настройству души, он пробовал здесь <в Петербурге> поступить на сцену в число актеров, но не выдержал пробы – что надобно приписать робости молодого человека, не видавшего света, – и оставил театр после первой, неудачной репетиции»[5].

М. И. Гоголь, прочитав эти строки, в том же году возражала: «Что же напечатано, что мой сын хотел быть актером, то слух совершенно был несправедлив, можно ли, чтоб тот человек, которой с детских лет твердил, что он не умрет, не бывши полезным Рос<с>ии, любя так свое отечество, желал остаться актером, и в помышлении у него этого никогда не было, а театр он очень любил и желал бы бывать ежедневно, если бы позволило его состояние»[6].

(Ранее такое же мнение выразила сестра Гоголя Анна Васильевна в приписке к письму матери к С. П. Шевыреву от апреля 1852 г.: «...На днях мы прочли в "Отечественных записках" статью под заглавием "Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя". В этой статье очень мало правды, что заставило меня немедленно написать Вам некоторые возражения на эту статью, на многие пункты. Н. В. Гоголь <...> не имел желания быть актером, что также можно видеть из его писем из Петербурга за 30-й и 31-й год»[7].)

Тем не менее Кулиш в данном случае был прав. В 1854 г. он вновь писал: «Не снискав известности на поприще литературном, Гоголь обратился к театру. Успехи его на гимназической сцене внушали ему надежду, что здесь он будет в своей стихии. Он изъявил желание вступить в число актеров и подвергнуться испытанию. Неизвестно, какую роль должен был он играть на пробном представлении, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодого человека, не видавшего света. Как бы то ни было, но Гоголь должен был отказаться от театра после первой неудачной репетиции (проба комического его таланта происходила в кабинете директора театров, князя С. С. Гагарина[8], в присутствии актеров В. А. Каратыгина и Брянского)...»[9]

В 1861 г. было опубликовано свидетельство о попытке поступления Гоголя на сцену Н. П. Мундта: «В одно утро 1830 или 1831 года, хорошо не помню, мне доложили, что кто-то желает меня видеть. В то время я занимал должность секретаря при директоре Императорских театров, князе Сергее Сергеевиче Гагарине, который жил тогда на Английской набережной, в доме бывшем Бетлинга, а теперь, кажется, Риттера, где помещалась и канцелярия директора.

Приказав дежурному капельдинеру просить пришедшего, я увидел молодого человека, весьма непривлекательной наружности, с подвязанною черным платком[10] щекою и в костюме, хотя приличном, но далеко не изящном.

Молодой человек поклонился как-то неловко и довольно робко сказал мне, что желает быть представленным директору театров.

– Позвольте узнать вашу фамилию? – спросил я.

– Гоголь-Яновский.

– Вы имеете к князю какую-нибудь просьбу?

– Да, я желаю поступить на театр. <...>

Я попросил его сесть и обождать. Было довольно рано; князь еще не одевался. Гоголь сел у окна, облокотился на него рукою и стал смотреть на Неву. Он часто морщился, прикладывал другую руку к щеке, и, мне казалось, что у него болят зубы.

— У вас, кажется, болит зуб? — спросил я. — Не хотите ли одеколону?

— Благодарю, это пройдет и так!

Помолчав с полчаса, он спросил:

— А скоро ли могу я видеть князя?

— Полагаю, что скоро. Он еще не одевался.

Гоголь замолчал и опять глядел на Неву, барабаня пальцами по стеклу.

Вышел чиновник Крутицкий, и я попросил его узнать, оделся ли князь. Через минуту он вернулся и сказал, что князь уже в кабинете.

Доложив директору, что какой-то Гоголь-Яновский пришел просить об определении его к театру, я ввел Гоголя в кабинет к князю.

— Что вам угодно? — спросил князь.

Надобно заметить, что князь Гагарин, человек в высшей степени добрый, благородный и приветливый, имел наружность довольно строгую и даже суровую, и тому, кто не знал его близко, внушал всегда какую-то робость. Вероятно, такое же впечатление произвел он и на Гоголя, который, вертя в руках шляпу, запинаясь отвечал:

— Я желал бы поступить на сцену и пришел просить ваше сиятельство о принятии меня в число актеров русской труппы.

— Ваша фамилия?

— Гоголь-Яновский.

— Из какого звания?

— Дворянин.

— Что же побуждает вас идти на сцену? Как дворянин, вы могли бы служить.

Между тем Гоголь имел время оправиться и отвечал уже не с прежнею робостью:

— Я человек небогатый, служба вряд ли может обеспечить меня; мне кажется, что я не гожусь для нее; к тому ж я чувствую призвание к театру.

— Играли ли вы когда-нибудь?

— Никогда, ваше сиятельство.

— Не думайте, чтоб актером мог быть всякий: для этого нужен талант.

— Может быть, во мне и есть какой-нибудь талант.

— Может быть! На какое же амплуа думаете вы поступить?

— Я сам этого теперь еще хорошо не знаю; но полагал бы на драматические роли.

Князь окинул его глазами и с усмешкой сказал:

— Ну, господин Гоголь, я думаю, что для вас была бы приличнее комедия; впрочем, это ваше дело.

Потом, обратясь ко мне, прибавил:

— Дайте господину Гоголю записку к Александру Ивановичу, чтоб он испытал его и доложил мне.

Князь поклонился, и мы вышли.

В то время инспектором русской труппы был известный любитель театра Александр Иванович Храповицкий. Он был человек очень добрый, но принадлежал к старой, классической школе. Он сам часто играл в домашних спектаклях, вместе с знаменитой Е. С. Семеновой (княгиней Гагариной), считал себя великим знатоком театра и был убежден, что для истинного трагического актера необходимы: протяжное чтение стихов, декламация, дикие завывания и неизбежные всхлипывания, или, как тогда выражались, *драматическая икота*.

К этому-то великому знатоку драматического искусства адресовал я бедного Гоголя. Храповицкий назначил день для испытания, кажется в Большом театре, утром, в репетиционное время. Там заставил он читать Гоголя монологи из “Дмитрия Донского”, “Гофолии” и “Андромахи”, перевода графа Хвостова.

Я не присутствовал при этом испытании, но потом слышал, помнится мне, от М. А. Азаревичевой, И. П. Борецкого и режиссера Боченкова, а также, кажется, и от П. А. Каратыгина, что Гоголь читал просто, без всякой декламации; но как чтение это происходило в присутствии некоторых артистов, и Гоголь, не зная на память ни одной тирады, читал по тетрадке, то сильно конфузился и, действительно, читал робко, вяло и с беспрестанными остановками.

Разумеется, такое чтение не понравилось, и не могло нравиться Храповицкому, истому поклоннику всякого рода завываний и драматической икоты. Он, как мне сказывали, морщился, делал нетерпеливые жесты и, не дав Гоголю кончить монолог Ореста из "Андромахи", с которым Гоголь никак не мог сладить, вероятно, потому, что не постигал всей прелести стихов графа Хвостова, предложил ему прочитать сцену из комедии "Школа стариков"; но и тут остался совершенно недоволен.

Результатом этого испытания было то, что Храповицкий запискою донес князю Гагарину, "что присланный на испытание Гоголь-Яновский оказался совершенно неспособным не только к трагедии или драме, но даже к комедии. Что он, не имея никакого понятия о декламации, даже и по тетради читал очень плохо и нетвердо, что фигура его совершенно неприлична для сцены, и в особенности для трагедии, что он не признает в нем решительно никаких способностей для театра и что, если его сиятельству угодно будет оказать Гоголю милость принятием его на службу к театру, то его можно было бы употребить разве только *на выход*". (Под этим выражением на театральном языке означались люди, которым поручалось на сцене выносить письма, подавать стулья и составлять толпу гостей, но которым никогда не позволялось разевать рта.)

Гоголь, вероятно, сам чувствовал неуспех своего испытания и не являлся за ответом; тем дело и кончилось.

Через несколько времени потом И. И. Сосницкий[11], которому Гоголь читал своего "Ревизора"[12], с восторгом отзывался об этой пьесе. Храповицкий, услыхав это, спросил:

– Какой это Гоголь? Уж не тот ли, который хотел быть актером? Хороша же должна быть пьеса! Да он просто дурень и ни на что порядочное не годится.

Каково же было удивление бедного Александра Ивановича, когда "Ревизор", поставленный вскоре потом на сцену, возбудил такой восторг и когда в авторе он узнал того самого Гоголя, которого забраковал и прочил разве только на выход! Потом я часто подтрунивал над Александром Ивановичем.

– Да, да... я точно ошибся, что он ни к чему неспособен; но утверждаю, что он все-таки был бы скверный актер... Да и в "Ревизоре" есть гадости, например, где говорится о монументах и о поднятии рубашонки... ну, на что это похоже, сами посудите!

Впоследствии я встречался иногда с Гоголем у князя В. Ф. Одоевского, на его субботних вечерах. Гоголь был тогда уже знаменит, пользовался дружбой Жуковского и других известных писателей. Он или действительно не узнал меня, или делал вид, что не узнает[13]. По крайней мере мне казалось, что каждый раз, когда взоры наши встречались, он отводил глаза в другую сторону, как будто конфузясь, и никогда не заводил со мною разговора, хотя мы и были представлены друг другу князем Одоевским. <...> Сознавая, как-то инстинктивно, что Гоголю не хотелось, чтоб намерение его и попытка сделаться актером были известны, я при жизни его никогда и никому не говорил об этом»[14].

Спустя еще около двух десятков лет, в 1879 г., слуга Гоголя Я. Нимченко сообщал В. П. Горленко: «"Сначала Николай Васильевич хотел поступить на театр". То же желание имели и два брата Прокоповичи, приехавшие в Петербург после Гоголя. Один из них ("он и женат был на актерке"[15]) поступил-таки на сцену и пробыл там года два, а Гоголь скоро бросил эту мысль и определился на службу»[16].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг., в свою очередь, вспоминал: «По выходе из гимназии, как известно, Гоголь хотел поступить в актеры и даже добился дебюта на сцене Александринского театра, но дебют этот не состоялся вследствие того, что на первой же репетиции театральное начальство нашло его совершенно неспособным и признало за благо не выпускать его на явный провал. <...> ...Впоследствии всем резко бросалась в глаза его актерская манера превосходно подражать, передразнивать и, наконец, он был выдающимся чтецом, что тоже говорит в пользу его сценического дарования»[17].

[1] См. ***1830. Декабря 1. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Список Артистов Российской и Балетной труппы Санктпетербургского Придворного Театра // Русская Талия, подарок любителям и любительницам отечественного театра на 1825 год. Издал Фаддей Булгарин. СПб.,

<1825> (цензурное разрешение 15 ноября 1824 г.; предисловие «От издателя» от 1 декабря 1824 г.). С. 436–443 (после слова «Российской» в публикации, очевидно, пропущено слово «Драматической»).

[3] «Каратыгина, Любовь Осиповна, рожд. *Дюр*, жена *П. А. Каратыгина;* р<одилась> 9 декабря 1805 † 4 декабря 1828 (Смоленское православное кладбище)» (*Великий Князь Николай Михайлович, Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 2. С. 327).

[4] См. ***1828. Декабря 24. Понедельник. Рождественский сочельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[5] *Кулиш 1852.* С. 198.

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 26.

[7] *Свод.* Т. 1. С. 122–123.

[8] Князь Сергей Сергеевич Гагарин (1795–1852), директор Императорских театров в 1829–1833 гг., гофмейстер. – См. также ***1837. Августа 14 <2>. Понедельник. Вечер. Баден-Баден.***

[9] *Кулиш 1854 (2).* С. 40; см. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 580.

[10] См. также ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1835. Января 24. Четверг. Санкт-Петербург.***

[11] Иван Иванович Сосницкий (1794–1871), петербургский актер, первый исполнитель роли городничего.

[12] См. ***1836. Марта после 9. Санкт-Петербург.***

[13] «Не понимаю, – говорит О. Н. Смирнова, – почему г. Мундт прибавляет нелепые размышления, что будто Гоголь не хотел его признать потом, когда они ветречались у Одоевскаго: Гоголь не скрывал своей бедности, не гнушался своего одиночества; все знали, что он искал уроков, что ему не повезло в департаменте и что его мать помогала ему деньгами. Брошенный на чуждой ему петербургской почве, бедный, одинокий, он должен был искать себе занятий и заботиться о куске насущного хлеба; он этого и не скрывал, он никогда не гнушался своей бедностью и никогда не краснел при воспоминании о том, как ему приходилось временами трудно и жутко. Обо всем этом он часто любил говорить моей матери» (<Воспоминания о Гоголе А. О. и О. Н. Смирновых в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока> // *Свод.* Т. 2. С. 358).

К этому возражению О. Н. Смирновой на свидетельство Н. П. Мундта, В. И. Шенрок, в свою очередь, сделал примечание: «Заметим, впрочем, что воспоминания Гоголя в его беседах о А. О. Смирновой (и трудных обстоятельствах в самом начале его петербургской жизни) относятся, вероятно, к более поздней поре, когда Гоголь значительно переменился. Кроме того, не следует забывать, что Александра Осиповна Смирнова принадлежала к числу самых задушевных и интимных друзей Гоголя, так что, бесспорно, что многое, охотно сообщаемое ей, Гоголь ни за что не сказал бы многим и многим другим, даже близким приятелям» (Там же. Т. 2. С. 358).

[14] *Мундт Н. П.* Попытка Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 621–623.

[15] Имеется в виду Мария Никифоровна Прокопович (рожд. Трохнева, 1812–1879), актриса, жена Н. Я. Прокоповича с апреля 1833 г. (см. ***1833. Апреля 9. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1833. Апреля 19. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***; *Супронюк О. К.* Новые материалы о Н. Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. С. 249). – См. также ***1835. Сентябрь-ноябрь. Санкт-Петербург.*** 19 августа 1835 г. А. Н. Мокрицкий, в частности, отметил в дневнике: «Пишу портрет Прокоповичевой...» (Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 43).

[16] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404

[17] *Шевляков М. В.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Свод.* Т. 1. С. 558.

КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ОКТЯБРЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По малодостоверным сведениям, сообщенным спустя два года после кончины Гоголя его давним недоброжелателем Ф. В. Булгариным[1], Гоголь в 1829 г. нанес Булгарину визит, поднес ему свои «похвальные стихи»[2], просил помощи и был рекомендован в канцелярию III Отделения.

Сведения о визите Гоголя в 1829 г. появились в сообщениях Булгарина не сразу. Сначала, в 1836 г., в рецензии на гоголевскую комедию, он сообщал, что «не имеет чести знать лично автора Ревизора»[3]. Тем не менее в 1847 г., откликаясь на слова Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями», что «в критиках Булгарина, Сенковского и Полевого <по поводу “Мертвых душ”> есть много справедливого», Булгарин заявлял: «...Г<-н> Гоголь едва ли не с первыми нами (т. е. с Ф. Б<улгариным>) познакомился, прибыв в Петербург из Малороссии, прежде чем напечатал первое свое сочинение, и если б <...> послу-

шался бы наших советов, пошел бы в литературе чистым и светлым путем, проложенным Карамзиным и Жуковским...»[4]

Новое свидетельство Булгарина о визите к нему Гоголя в 1829 г. появилось два месяца спустя после кончины писателя[5], в газете «Северная Пчела» от 3 мая 1852 г. Здесь сообщались уже подробности посещения: «Г<-н> Гоголь, приехав в Петербург, явился <...> ко мне, с тетрадью *Малороссийских повестей и рассказов,* которые после, по совету приятелей <П. А. Плетнева>, назвал: *"Вечера на хуторе близ Диканьки"*, по названию родового села одного вельможи[6]. <...> Г<-н> Гоголь не что иное, как Русский Поль-де-Кок, с тою разницею, что Поль-де-Кок знает основательно свой природный язык[7], а Г<-н> Гоголь весьма плохо знал язык Великороссийский, что ваш покорнейший слуга и сказал ему в глаза, когда прочел в рукописи *Вечера на хуторе*»[8].

Спустя более двух лет, 7 августа 1854 г., Булгарин, познакомившись с «Опытом биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша, вновь обратился к рассказу о гоголевском визите 1829 г. — и на этот раз изложил его иначе. Теперь он сообщал о «похвальных» — в адрес Булгарина — «стихах» Гоголя и данной ему рекомендации в III Отделение: «Господин биограф <...> утверждает, что Гоголь, прожив год в Петербурге, определился на службу в Департамент Уделов, заняв место столоначальника, но не прослужил в этом месте даже одного года[9]. Не знаю, по какому случаю, господин биограф Гоголя, описывая величайшие мелочи, позабыл[10] одно важное обстоятельство, которое я ему напомню. В конце 1829 или в начале 1830 года, хорошо не помню, один из наших журналистов[11], живший тогда в Почтамтской, в доме Господ Яковлевых (ныне А. М. Княжевича), сидел утром за литературною работою, как вдруг зазвенел в передней колокольчик, и в комнату вошел молодой человек, белокурый, низкого роста, расшаркался и подал журналисту бумагу. Журналист, попросив посетителя присесть, стал читать поданную ему бумагу — это были *похвальные стихи*, в которых журналиста сравнивали с Вальтер-Скоттом, Адиссоном и так далее. Разумеется, что журналист поблагодарил посетителя, автора стихов за лестное об нем мнение, и спросил, чем он может ему служить. Тут посетитель рассказал, что он прибыл в столицу из учебного заведения искать места, и не знает к кому обратиться с просьбою. Журналист просил посетителя прийти чрез два дня, обещая в это время похлопотать у людей, которые могут определять на места. Журналист в тот же день пошел к покойному Максиму Яковлевичу фон-Фоку, Управляющему III Отделением Собственной Канцелярии Его Императорского Величества[12], рассказал о несчастном положении молодого человека, и усердно просил спасти его и пристроить к месту, потому что молодой человек казался близким к отчаянию. Кто только знал покойного М. Я. фон-Фока, тот умел ценить его добрую, благородную, нежную душу. Журналиста знал М. Я. фон-Фок еще в детстве, в родительском доме, быв сам молодым человеком и офицером в Легкоконном Харьковском полку, и потому охотно согласился помочь приезжему из провинции, и дал место Гоголю в Канцелярии III Отделения. Не помню, сколько времени прослужил Гоголь в этой канцелярии, в которую он являлся только за получением жалованья; но знаю, что какой-то приятель Гоголя принес в канцелярию просьбу об отставке, и взял обратно его бумаги[13]. Сам же Гоголь исчез куда неизвестно! У журналиста до сих пор хранятся *похвальные стихи Гоголя* и *два его письма* (о содержании которых почитаю излишним извещать); но более Гоголь журналиста не навещал. Вот истина, которую можно подтвердить стихами и двумя письмами!»[14]

И. С. Аксаков 27 августа 1854 г. писал отцу, С. Т. Аксакову: «Читали ли вы, милый Отесинька, *Северную Пчелу*, те №№, где Булгарин разбирает биографию Гоголя[15] и рассказывает, как в 1828 или 29 году Гоголь явился к нему со стихами, в которых Булгарин превознесен до небес, и с просьбой о месте, и Булгарин определил его в III-е Отделение Канцелярии Государя, куда, впрочем, Гоголь являлся только за получением жалованья и где он числился недолго. Если не читали, то верно слышали. Эти две статьи гнусны в высшей степени по той явной цели, с которой писаны, по старанию представить Гоголя человека подлецом, и по самому тону. Верно, они вызовут возражения. Очень могло быть (Булгарин обещает, в случае нужды, напечатать и стихи и письмо Гоголя[16] — последнее чуть ли не о деньгах), что мальчик Гоголь, попавши в Петербург и не имея ни о чем верного понятия, ни о Булгарине, ни о III Отделении, последовал совету какого-нибудь приятеля, уверившего его, что таков обычай и порядок, что так у практических людей заведено и проч.»[17]

[1] О вероятных личных мотивах ненависти и клеветы Булгарина в отношении Гоголя, а также о степени этой ненависти см.: ***1834. Августа конец — сентябрь. Санкт-Петербург***.

[2] Ср. ***1829. Февраля 22. Пятница. Санкт-Петербург***. См. также ***1852. Марта 21. Пятница. Санкт-Петербург***.

[3] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Ревизор, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя // Северная Пчела. 1836. 1 мая. № 98. С. 392; *Свод*. Т. 3. С. 975. См. также ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***.

[4] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 31; *Свод*. Т. 3. С. 976.

[5] ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва.***

[6] Имеется в виду князь (с 1831 г.) В. П. Кочубей. Сведения о совете П. А. Плетнева дать гоголевскому сборнику название «"Повестей, изданных пасичником Рудым Паньком", который будто бы жил возле Диканьки,

принадлежавшей князю Кочубею», содержатся в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша (см. ***1831. Марта до 20. Санкт-Петербург***). Однако еще в 1847 г. Булгарин писал: «За несколько лет до смерти Пушкина появился на поприще Изящной Словесности Г. Гоголь, с собранием рассказов, под заглавием: *Вечера на хуторе близ Дикан<ь>ки*. <...> Не всем известно, что Диканька есть наследственная вотчина знаменитого рода Кочубеев... <...> Заглавием книги заменялось посвещение ее просвещенному вельможе, покойному Князю В. П. Кочубею» (<*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29). – См. также ***1852. Марта 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] Ср. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1852. 3 мая. № 99. С. 394; *Свод.* Т. 3. С. 977–978. См. также ***1852. Мая 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] Имеются в виду следующие сведения, сообщаемые П. А. Кулишом: «10 апреля 1830 г. он определился на службу в Департамент Уделов и занял место помощника столоначальника, – но не прослужил здесь и году» (*Кулиш 1854 (2).* С. 42). См. ***1830. Марта 27. Четверг. Санкт-Петербург; 1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург; 1831. Февраля 23. Понедельник. Санкт-Петербург; 1831. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[10] Сомнительное свидетельство Булгарина о визите к нему Гоголя является единственным источником этих сведений, поэтому «позабыть» приведенное Булгариным «важное обстоятельство» гоголевский биограф мог лишь в том случае, если общался с самим Булгариным. В переписке Кулиша имеется упоминание о некоем «письме Булгарина», которое было в его распоряжении в период работы над «Опытом биографии Н. В. Гоголя...» 26 августа 1853 г. Кулиш писал Н. Д. Белозерскому: «Я рад остаться сегодня дома, потому что меня сильно занимает биография Гоголя и пределы ее раздвигаются все более и более. <...> Если можете выбрать пять минут свободы от обязанностей гостеприимства, то потрудитесь вручить сему посланцу: 1) Родословную Гоголя; 2) Арабески; 3) Вечера на хуторе; 4) Письмо Булгарина; 5) Мою поэму» (Пантелеймон Куліш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 115–116).

[11] Подразумевается сам Ф. В. Булгарин.

[12] Максим Яковлевич фон Фок (1777–1831), директор Особой канцелярии при Министерстве внутренних дел, с 1826 г. – управляющий III Отделением Императорской канцелярии.

[13] До службы в Департаменте уделов (с 10 апреля 1830 г. по 9 марта 1831 г.), «студент» Гоголь с середины ноября 1829 г. по февраль 1830 г. проходил испытательный срок (был «употреблен на испытание») в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий (см. прошения Гоголя к министру внутренних дел А. А. Закревскому от 1 ноября 1829 г., и к директору государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкеру от 25 февраля 1830 г.; прошения впервые были опубликованы в 1936 г.). См. ***1829. Ноября 1. Пятница. Санкт-Петербург; 1829. Ноября 15. Пятница. Санкт-Петербург; 1830. Февраля 25. Вторник. Санкт-Петербург.***

[14] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1854. 7 августа. № 175. С. 829; *Свод.* Т. 2. С. 978.

[15] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Пчелка. Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1854. 7 авг. № 175; 14 авг. № 181.

[16] Обещание не было выполнено.

[17] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 940.

ОКТЯБРЯ 1. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возможная сходка товарищей-земляков у Гоголя[1].

Спустя около полутора месяцев, в письме от 12 ноября 1829 г., Гоголь оправдывался перед матерью (в ответ на ее письмо от 14 октября[2]): «Вы пишете, что довольно нерассчетно живу или по крайней мере жил прежде, но, ради Бога, не верьте Светличному, в жизнь мою я не видал такого жестокого лгуна: когда он видел, чтобы у меня пировало множество гостей на мой счет? когда я нанимал квартиру, состоящую из 3-х комнат[3], один?»

Много лет спустя, 23 сентября 1850 г., Гоголь писал одной из своих учениц по Патриотическому институту, П. Ф. фон Минстер: «Знаю по опыту, что нет торжественней того торжества, когда собираются школьные друзья-товарищи провести день вместе»[4].

[1] См. ***1831. Октября 1. Четверг. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1829. Октября 14. Понедельник. Васильевка.***
[3] Ср. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1850. Сентября 23. Суббота. Васильевка.***

ОКТЯБРЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 27. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что «в скором времени надеется определиться в службу»[1]. Просит сшить для него шесть манишек по прилагаемому образцу (однако образец послать забывает[2]). Сообщает о помощи А. А. Трощинского, с которым передает – «незапечатанным»[3] – свое письмо:

«Я познаю теперь невидимую руку Всевышнего, меня охраняющую: Он послал мне Ангела-спасителя в лице нашего благодетеля, его превосходительства Андрея Андреевича, который сделал для меня всё то, что может только один отец для своего сына...»

[1] См. ***1829. Ноября 1. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает письмо от матери от 14 октября 1829 г.

См. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 1. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь подал прошение на имя министра внутренних дел А. А. Закревского о зачислении на службу.

На прошении, оставленном Гоголем без даты («1829 года октября <*оставлено место для числа*> дня») имеются две канцелярские пометы: первая – «1 ноября 1829», вторая, карандашом, – «№ 14.716. Получен 1-го ноября 1829 г.». Далее надпись неизвестной рукой, тоже карандашом: «Справиться есть ли ваканция». Позднее последовала резолюция, также написанная карандашом и принадлежащая, по-видимому, А. А. Закревскому (вступившему в должность министра внутренних дел в апреле 1828 г.; с 1830 г. – граф): «Употребить на испытание в деп<артамент> госуд<арственного> хозяйст<ва> и публичных зданий, и при первом докладе лично г-ну директору со мною объясниться. 15-го ноября 1829» (Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 288). Заключительная канцелярская помета на прошении: «18 ноября 1829».

В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь, в частности, писал: «Мысль о службе у меня никогда не пропадала. Прежде чем вступить на поприще писателя, я переменил множество разных мест и должностей[1], чтобы узнать, к которой из них я был больше способен; но не был доволен ни службой, ни собой, ни теми, которые надо мной

были поставлены. Я еще не знал тогда, как многого мне недоставало затем, чтобы служить так, как я хотел служить. Я не знал тогда, что нужно для этого победить в себе все щекотливые струны самолюбья личного и гордости личной, не позабывать ни на минуту, что взял место не для своего счастья, но для счастья многих тех, которые будут несчастны, если благородный человек бросит свое место, что позабыть нужно обо всех огорчениях собственных. Я не знал еще тогда, что тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова. А потому и не мудрено, что, не имея этого в себе, я не мог служить так, как хотел, несмотря на то что сгорал действительно желаньем служить честно».

[1] См. ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург***; ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург***; ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 12. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Письмо ваше, пущенное 14-го октября, я получил, но не отвечал так долго потому, что вручил незадолго пред сим одно письмо Андрею Андреевичу[1] по его требованию, в собственные его руки незапечатанное; следовательно вы не подивитесь, если я в нем немного польстил ему; впрочем он, точно, для меня много сделал: по его милости я теперь имею теплое на зиму платье, также заплатил должные мною за квартиру».

Сообщает о предстоящей службе и денежных затруднениях:

«Я надеюсь получить довольно порядочное место в министерстве внутренних дел[2], но жалованья не могу получить раньше, как через два месяца. Нечего делать, нужно будет прибегнуть снова к Андрею Андреевичу, хотя он и слишком много издержался в Петербурге. Однако ж всё-таки где-нибудь достану 300 рублей, а перед вами сдержу свое слово. Боже сохрани, чтобы я осмелился просить у вас, а особливо еще в нынешнее время...»

Извещает о своем новом адресе, по которому поселился, вероятно, вместе с Н. Я. Прокоповичем и еще с кем-то: «у Кукушкина мосту, в доме *Зверькова,* комната под № 16» (на пятом этаже)[3]:

«...Нанимаем мы 3 комнаты[4], но нас три человека вместе стоят, и комнатки очень небольшие»[5].

Дом Зверкова находился на углу Столярного переулка[6] и набережной Екатерининского канала. Один только небольшой Кокушкин мост (упоминаемый Гоголем) отделял этот дом от рыночной Сенной площади, так что в воспоминаниях Гоголя о «вихре сельской ярмарки», отразившихся в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (над которыми Гоголь возобновляет в то время работу), вероятно, сказались впечатления и от этого многолюдного торгового стечения.

Дом Зверкова был первым пятиэтажным домом в Петербурге. Упоминается Гоголем в «Записках сумасшедшего» (1834): «Перешли в Гороховую, поворотили в Мещанскую, оттуда в Столярную, наконец к Кокушкину мосту и остановились перед большим домом. "Этот дом я знаю, — сказал я сам себе. — Это дом Зверкова". Эка машина! Какого в нем народа не живет: сколько кухарок, сколько приезжих! а нашей братьи чиновников — как собак, один на другом сидит. Там есть и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе. Дамы взошли в пятый этаж».

Просит вновь[7] доставлять ему «сведения о поверьях, обычаях малороссиан, сказках, преданьях, находящихся в простонародьи», а также предлагает прислать «план и фасад» нового дома в Васильевке, «в нынешнем его состоянии с масштабом»:

«Я нашел способ расположить его чрезвычайно удобно, при самой небольшой переделке, на манер некоторых домов, виденных мною в Германии».

[1] Трощинскому.

[2] См. ***1829. Ноября 1. Пятница.. Санкт-Петербург***; ***1829. Ноября 15. Пятница. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург***.

[4] См. также ***1829. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***.

[5] Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко: «Как в доме Зверькова, так и в следующем своем местожительстве, на углу Гороховой и Малой Морской <см. ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург***>, Гоголь занимал квартиру комнат в пять» (*Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод*. Т. 1. С. 404).

[6] «...Во времена Гоголя Столярная считалась улицей, позднее переулком; теперь <с 1950 г.> это улица Пржевальского <с 1998 г. – Столярный переулок>, дом 18)...» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194).

[7] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург***; ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Резолюция министра внутренних дел А. А. Закревского на прошении Гоголя, о зачислении его на испытание в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий.

См. ***1829. Ноября 1. Пятница. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает своему двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Николай мой много занимал меня своими письмами из Германии, описывая все, что достойно было его примечания, очень занимательно, но не смотря на то, я ему велела возвратиться в Петербург и вступить в службу, полно уже терпеть нужду, в чужих краях быть без денег крайне тяжело; и даже без человека[1], которого он оставил в С.-П<етербурге>, и он отвечает[2], что как ему там ни приятно, воздух здоровее петербургского и жить сноснее, но когда я приказываю, то он возвратится непременно и вступит в службу, и последнее его письмо[3] вместе с вашим я уже с Петербурга получила. Он пишет, что с Гамбурга приехал в Петербург и намерен вступить в должность, если Бог поможет, но не знаю еще, в какую».

Свод. Т. 1. С. 106.

[1] Я. Нимченко.

[2] См. ***1829. Августа 25 <13>. Травемюнде***.

[3] См. ***1829. Сентября 24. Вторник. Санкт-Петербург***.

ДЕКАБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович поступил в Санкт-Петербургское театральное училище на драматическое отделение своекоштным пансионером[1]. (Прошение о поступлении было подано 23 ноября 1829 г.)[2]

В. И. Шенрок, общавшийся в 1887 г. с А. С. Данилевским, писал о Прокоповиче: «По словам Данилевского, это была чрезвычайно даровитая личность. Но Прокопович вдруг увлекся в Петербурге

театром до того, что хотел поступить на сцену и вместо того поступил в театральную школу. Это всех сильно поразило: человек с большим развитием и знаниями садится на скамью театральнаго училища! Он был чрезвычайво скромен, и эта скромность губила его; еще в Нежине он стал выдаваться и заявлять себя. В Петербурге он познакомился с актером Сосницким, и тот его завербовал. Вероятно, к этому времени относится также начало знакомства Гоголя с Сосницким. Вскоре Прокопович познакомился с Комаровым, племянником Федорова, тогдашнего начальника <с 1853 г.> театральной школы, а Комаров, в свою очередь, ввел в нежинский кружок Анненкова[3], и через него же Прокопович и Гоголь узнали впоследствии Белинского... (Все это сообщено мне покойным А. С. Данилевским)»[4].

[1] *Супронюк. Словарь*. С. 146.

[2] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 111.

[3] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 513.

ДЕКАБРЯ 12. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург.***

КОНЕЦ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. В. Тарновский перед отъездом в Житомир оставляет Гоголю рукописный сборник, озаглавленный: «Книга для записи книг, тетрадей, белья, платья и других вещей, принадлежащих Василию Тарновскому. Заведена 1826 года сентября 24. Москва»[1].

Под владельческой надписью Тарновского Гоголь подписал: «Но после переведена в другую шнуровую [на толкучий рынок], а на место оной введен Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского]»[2].

Слова: «Департамен<т> Сельского Хозяйства» (под «управлением» Гоголя) указывают на помещенные Гоголем в книге в 1830–1834 гг. статьи хозяйственного содержания[3]. Помимо хозяйственных заметок, книга содержит также ряд следующих записей Гоголя: с одной стороны, здесь находится черновой автограф повести «Ночь перед Рождеством» 1831 г., отрывки: «Я давно уже ничего не рассказывал вам...» (вероятно, 1831 г.), «Комедия» 1832 г.[4], «Страшная рука» 1833 г.[5], «На бесчисленных тысячах могил...» 1833 г.[6], отдельные фразы: «Обеты, клятвы внутри души при возведении в высокий сан»[7], «Начать с тех мест, где древний мир уже видим перед глазами»[8]; с другой, – тетрадь заключает в себе несколько черновых автографов произведений, написанных в июле-октябре 1834 г. для сборника «Арабески» («Скульптура, живопись и музыка», «Несколько слов о Пушкине», «Портрет», «Невский проспект», «Об архитектуре нынешнего времени», «Шлецер, Миллер и Гердер», «Записки сумасшедшего», «Жизнь», «Последний день Помпеи», «Ал-Мамун», а также план сборника[9]). В книгу вклеен также отрывок из письма к Гоголю матери (вероятно, от 4 июня 1829 г.) с описанием «женского праздника», использованным Гоголем при создании повести «Вий» (1834)[10].

[1] В 1826–1828 гг. Тарновский, после окончания Нежинской гимназии (см. ***1826. Июня 30. Среда. Нежин***), учился вместе с П. Г. Редкиным на юридическом факультете Московского университета, который окончил со степенью кандидата в 1828 г. В январе 1829 г. отправился из родного имения в Полтавской губернии в Петербург, о чем свидетельствуют две записи в книге: «Реестр тетрадей, оставленных под сохранение сестре моей Марии Антуанете при отъезде в Петербург 1829 году Генваря» (*РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 89 об.); «Реестр тетрадей, взятых в Петербург при отъезде из дому 1829 года Генваря» (*РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 90). – См. также ***1829. Января вторая половина – февраля первая половина. Санкт-Петербург***. – Тарновский «по желанию родителей службу начал в СПб., по контрольному ведомству. Описание впечатлений о городе, о дру-

зьях, круге чтения сохранилось в письме Т<арновского> от 20.06.1829 из СПб. к дяде Григорию Степановичу. Однако климат столицы оказался вредным для здоровья Т<арновского>, и ему пришлось уехать в Житомир, где он поступил на службу в местную г<имна>зию учителем истории» (*Супронюк. Словарь*. С. 178).

[2] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 1. – См. также ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См., в частности: ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург***; ***1830. Июня 26. Четверг. Санкт-Петербург***. – В изображении патриархальной идиллии «старосветских помещиков» в «Миргороде» Гоголь использовал не только черты быта родной Васильевки, но и содержание хранившегося в его семье «домашнего “домостроя”» – рукописной книги с заметками, касающимися хозяйства, медицины и ветеринарии (см. ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка***). «Департамен<т> Сельского Хозяйства...» в записной книге Гоголя 1830–1834 гг. является как бы продолжением этого домашнего собрания.

[4] См. ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания).

[5] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] См. ***1833. Конец года. Санкт-Петербург.***

[7] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 69.

[8] *РГБ*. Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 71.

[9] См. ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1829. Июня 4. Вторник. Васильевка*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 29–30. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1830 год»[1], где, в частности, напечатаны «Отрывок из VII главы Евгения Онегина»[2] и эпиграмма «К NN» («Счастлив ты в прелестных дурах...»)[3] А. С. Пушкина, стихотворение барона А. А. Дельвига «Изобретение ваяния»[4], а также новый критический отзыв О. М. Сомова о «Ганце Кюхельгартене»[5]:

«*Ганц Кюхельгартен, идиллия в картинах*, соч. В. Алова. Осьмнадцатилетний стихотворец написал сии осьмнадцать картин, в которых заметны еще молодость воображения, незрелость дарования относительно к слогу, языку и стихосложению, и крайняя безотчетливость в создании; но в сочинителе виден талант, обещающий в нем будущего поэта. Если он станет прилежнее обдумывать свои произведения и не станет спешить изданием их в свет тогда, когда они еще должны покоиться и укрепляться в силах под младенческою пеленою, то, конечно, надежды доброжелательной критики не будут обмануты»[6].

[1] *Тархова*. Т. 3. С. 1026.

[2] Были напечатаны четыре начальные строфы, в том числе, вторая, влияние которой ощутимо в начале шестой, «плюшкинской» главы первого тома «Мертвых душ» («О моя юность! о моя свежесть!»):

«Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей груди!
С каким тяжелым умиленьем
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу, мертвую давно,
И все ей кажется темно?»

(*Пушкин А.* Отрывок из VII главы Евгения Онегина // Северные Цветы на 1830 год. СПб., 1829 (цензурное разрешение 20 дек.; цензор К. С. Сербинович). <Отд. 2>. Поэзия. С. 5).

[3] См. ***1832. Июня 15. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] *Барон Дельвиг.* Изобретение ваяния. Идиллия. (Посвящается В. И. Григоровичу) // Северные Цветы на 1830 год. СПб., 1829. <Отд. 2>. Поэзия. С. 126–131. – См. также ***1831. Января 25. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1829. Июля 20. Санкт-Петербург.***

[6] *Сомов О.* Обозрение Российской Словесности за первую половину 1829 года // Северные Цветы на 1830 год. СПб., 1829. <Отд. 1>. Проза. С. 77–78.

1829

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Знакомство Гоголя с М. А. Максимовичем.

В 1854 г. П. А. Кулиш, со слов М. А. Максимовича, сообщал: «Знакомство их началось с 1829 года, когда г. Максимович, посетив Петербург, видел Гоголя за чаем у одного общего их земляка, где собралось еще несколько малороссиян. По словам его, Гоголь ничем особенным не выда<ва>лся из круга собеседников, и он не сохранил в памяти даже наружности будущего знаменитого писателя». По свидетельству Максимовича, он видел тогда Гоголя «не более, как в продолжение двух часов».

Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 632.

1830

ЯНВАРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с Новым годом:

«Ни один день так не шумен в Петербурге, как первый нового года: всё утро экипажи, лошади, люди то и дело что разъезжают вдоль и поперек по всем улицам; все спешат, как бы не опоздать поздравить, или хотя завезть карточку, и только в четыре часа пополудни переводят немного дух. От Андрея Андреевича[1] узнал я, что вы недавно гостили у Политики[2]; этому я рад несказанно, тем более, что это хотя минутным послужило развлечением ваших беспрерывных забот. Новостей в Петербурге никаких: проговорили-было об уничтожении чинов, но до сих пор еще ничего не последовало. На Дворцовой площади воздвигается великолепный памятник Александру[3], состоящий из колосальной колоны, высеченной из одного куска цельного гранита. Что-то скажет нам новый 30-й год? <...> Наступление нового года всегда было торжественною минутою для меня. Каков-то будет для меня этот год?»

[1] Трощинского.

[2] Александр Иванович Полетика, помещик Роменского уезда Полтавской губернии, был знаком с М. И. Гоголь по своей второй жене Екатерине Васильевне, рожденной Капнист, дочери В. В. Капниста. М. И. Гоголь гостила у Полетики в его именьи Аксютинцы, Роменского уезда.

[3] См. также ***1834. Августа 30. Четверг. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 2. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Цензурное разрешение январского номера журнала «Атеней»[1] за 1830 г., откуда Гоголь переписал в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» статью «Сравнение садового года Франции и России».

Автор статьи пояснял: «...Сравнение сие может обратить внимание и на различие самых климатов, следственно, послужит указанием: каким образом пользоваться наставлениями чужеземными, которые усвоивать

можно не иначе, как соображаясь с температурою страны... <...> В противном случае надежда охотника будет обманута – и от буквального последования руководству и размеру чужеземному, он лишится удовольствия, ожидаемого от занятий своих»[2].

Позднее в заметке, посвященной «рассмотрению хода просвещения России», Гоголь писал: «Множество переводных книг о земледелии, о всех отраслях садоводства спутали хозяев. Каждый переломал, перековеркал все у себя и ничего не установил нового. Те, которые поумнее, перепробовав все, возвратились вновь к прежнему простому первобытному, близкому к природе той земли, в которой он родился» (записная книжка 1846–1850 гг.). С содержанием этого отрывка перекликаются также слова о полковнике Кошкареве в третьей главе второго тома «Мертвых душ»: «...Он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы "Георгики", или "Химическое исследование почв"».

[1] См. также ***1830. Июня 26. Четверг. Москва.***

[2] *Z.* Сравнение садового года Франции и России // Атеней, журнал наук, искусств и изящной словесности, с присовокуплением Записок для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов, издаваемый Михаилом Павловым. М., 1830. Ч. 1 (цензурное разрешение 2 января 1830) / Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов, издаваемые М. Павловым. М., 1830. Ч. 3. Январь. № 1 (цензурное разрешение 2 декабря 1829). С. 1–2.

ЯНВАРЯ 4. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение февральского номера «Отечественных Записок», где напечатана первая часть «Договорной окончательной грамоты, составленной и подписанной в 1634 <1631>[1] году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства»[2].

[1] См. ***1631. Июня 4. Суббота. У реки Поляновки, между Вязьмой и Дорогобужем.***

[2] Договорная окончательная грамота, при державе Государя Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича, в 1634 <1631> году <...> составленная и подписанная полномочными Послами – Русскими <...> и Польскими <...> об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Январь. № 117. С. 47–75. – См. также ***1830. Февраля 4. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Санкт-Петербург***; ***1830. Мая 4. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку, что получил от нее письмо (от 12 декабря) с планом нового (начатого отцом в 1823 г.) дома[1]; советует, как осуществить его перестройку:

«Сначала было думал я увеличить дом пристройками, но теперь вижу я, что это дело несбыточное для вас, потому что издержки значительно бы увеличились и дом остался бы опять нескончаемым на многие века. <...> Из приложенного при сем мною плана вы увидите, что я, сколько возможно, выгоднейшее старался дать ему расположение, и как можно менее переделок. <...> Что же касается до фасада, то я старался дать ему сколько возможно лучший вид, и также чтобы переделок было очень мало. Я хотел-было также сначала дать ему фасад совершенно в новом вкусе, на манер виденных мною в образованной Европе; но поразмыслив, что это стоило бы многих переделок, притом еще не поймут, переиначут, и выйдет Бог знает что, – решился оставить лишние затеи и приложить фасад, осуществление которого ничего почти не будет стоить.

По снятии мезонима, редкое размещение четырех колон на широком крыльце будет уродливо и безобразно, и потому я решился поставить восемь колон, по две вместе[2]. Чрез это крыльцо еще расширится, но вид уже будет прекрасный, как вы можете усмотреть из прилагаемого при сем фасада. Колоны эти дорического ордена[3], с дорожками, или выемками по всему продолжению

их, что служит также немалым украшением. Для этого прежние колоны можно перепилить надвое и из четырех будет восемь... <...> Небольшая пристройка будет со стороны, прилегающей к старому дому. Она заключает в себе маленькую кладовую, сени и нужные места. В гостинной и спальне окна и стеклянные двери в сад будут иметь готической вид: это нынче всеобщий вкус, и в деревне я нахожу, что это будет прелестно. Рисунок их прилагаю особенно, а при нем также и пояснение».

В пояснительной подписи к рисунку «готических» окон Гоголь сообщал: «На окошках цветные стекла. Это необыкновенно красиво. Я еще не помню, чтобы мода когда-нибудь могла изобресть что-нибудь лучше этого. Не думайте, чтобы стало дорого, стоит только послать на фабрику, что находится в шести верстах от Нежина (в лавках не советую покупать и простого стекла, в них очень дорого). На фабрике нужно заказать простого бутылочного зелено-желтого да синего, употребляемого обыкновенно на сулеях стекла несколько шибок или листов. Если же не будет оказии ехать на фабрику, то покаместь вставлять одни белые».

Просит мать сшить ему полдюжины рубашек, полдюжины исподнего белья и дюжину манишек, для которых посылает забытый ранее[4] образец.

Младшая сестра Гоголя Ольга, родившаяся[5] незадолго до кончины отца[6], позднее, со слов матери, сообщала: «Отец последнее время начал строить дом[7]; не кончив ее — умер. Мать кончила. Наверху был мезонин. Ей посоветовали снять верхний этаж и по бокам пристроить, потому что стены тонки, и через пристройки вышли длинны до безобразия. <...> ...<Этот> дом <...> брат хотел уничтожить и на том месте хотел построить новый, даже план нарисовал»[8].

Возможно, тогдашняя перестройка дома в Васильевке нашла отражение в гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833): «Да, домишко очень недурен. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички...» По свидетельству Г. П. Данилевского (см. ниже), перестройка дома в Васильевке была произведена «незадолго» до отъезда сестер Гоголя <Анны и Елисаветы> в Петербург», т. е. до 1 октября 1832 г.[9]

В 1885 г. сестра Гоголя Анна Васильевна сообщала Г. П. Данилевскому: «На месте теперешнего нашего деревенского дома был другой; там брат провел детство. Его рисунок долго хранился у брата. Теперешний дом, где вы когда-то <в 1852 г.>[10] были, я помню, долго стоял недостроенный. На нем был мезонин, который потом сняли. На этом мезонине одна комната была наскоро отделана для приезда брата из Нежина, и я помню, что мы, сестры, детьми ходили к нему туда, по узенькой лесенке»[11].

Г. П. Данилевский, комментируя письмо А. В. Гоголь, указывал: «Впоследствии этот мезонин был сломан и новый дом достроен. Это произошло незадолго до отъезда сестер Гоголя в Петербург, в Патриотический институт. Новый дом был вначале около 28 аршин длиною и 15 аршин шириною. Когда же сняли его верхний ярус, т. е. мезонин, и через это в доме уменьшилось число комнат, то по обеим его сторонам прибавили пристройки, около 6 аршин длиною, и дом увеличился до 40 аршин длины»[12]; «Анна Васильевна Гоголь обязательно прислала мне также фотографию дома и части усадьбы села Васильевки, исполненную В. А. Волковым, имевшим недавно собственную фотографическую мастерскую в Полтаве. При этой фотографии она доставила мне, по моей просьбе, и долго хранившийся у ее брата, исполненный, по преданию, самим Н. В. Гоголем, акварельный рисунок "старого дома" Васильевки, где Гоголь провел свое детство. Оба эти рисунка переданы мною редакции "Исторического Вестника" и будут воспроизведены в одной из первых книжек журнала 1887 года»[13].

В опубликованной в 1887 г. во втором номере «Исторического Вестника» статье «Усадьба Н. В. Гоголя» Г. П. Данилевский указывал: «На первом рисунке изображен старый деревянный дом родителей Гоголя, впоследствии сломанный, в котором автор "Мертвых душ" провел свои первые, детские годы. Акварельный рисунок этого дома, сделанный самим Гоголем, долго хранился у него и ныне находится у его сестры, А. В. Гоголь, в Полтаве, с надписью 1856 года: "Печатать разрешается. Цензор Н. Крузе"»[14]. — По-видимому, указанное цензурное разрешение было получено для публикации рисунка в «Записках о жизни Николая Васильевича Гоголя...» П. А. Кулиша (разрешение на издание «Записок...» дал 15 января 1856 г. цензор Н. Ф. фон-Крузе).

Г. П. Данилевский опубликовал первый из двух рисунков Гоголя, хранившихся ранее в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии»: передний фасад дома в д. Васильевке, в готическом вкусе; задний фасад того же дома. В настоящее время эти рисунки в «Книге всякой всячины...» отсутствуют. Согласно описанию П. А. Кулиша, рисунки находились между рисунками садовых беседок[15] и заметкой «Славянские

цифры»: «Это два рисунка акварелью, сделанные очень старательно самим Гоголем. Домики обрезаны и наклеены на синюю бумагу, которая и составляет их фон; а синяя бумага вклеена в один из листов книги»[16].

Кулиш датировал эти рисунки временем пребывания Гоголя в Васильевке в 1850–1851 гг. Посетив осенью 1854 г. Васильевку, Кулиш писал: «Дом, в котором теперь помещается семейство покойного Гоголя, построен не очень давно. Не в нем протекло детство Гоголя. На этом самом месте стоял низенький, ветхий домик, украшенный затейливыми зубцами вдоль крыши, крыльцом с намеками на готический вкус, боковыми башенками и остроконечными окнами по углам. Гоголю, видно, дорого было воспоминание об этом домике, потому что он хранил собственноручный рисунок с него в своей записной книге. Что касается до нынешнего господского дома в Васильевке, то <...> Гоголь <...> оставался им недоволен и намерен был выстроить новый дом <...> Отдыхая после утренних трудов в семейном кругу, он любил предаваться архитектурным фантазиям и выражал их отчасти карандашом на бумаге. Я видел набросанные им чертежи двух фасадов и одного плана. Оба фасада интересны, между прочим в том отношении, что сохраняют черты домика, в котором протекло его детство; а план напоминает его мысль, высказанную еще в 1832 году Н. Д. Белозерскому[17], что хорошо было бы построить дом, в котором зала входила бы глубоко между других комнат и была бы почти темною. Такая зала (говорил он) летом была бы очень прохладна и удобна для семейных бесед»[18]. Г. П. Данилевский также сообщал: «По словам его близких, он "всегда мечтал построить в селе Васильевке новый, более удобный и поместительный дом, где бы у каждого была своя особая, хорошая комната, а в средине дома – большая, где бы все собирались. Лично для себя он никогда не хотел иметь в деревне отдельного дома"»[19].

В. И. Шенрок, поместивший гоголевские рисунки в седьмом томе 10-го издания Сочинений Гоголя («Передний фасад (прежний) дома в д. Васильевке в готическом вкусе»; «Задний фасад того же самого дома». – «По собственноручной акварели Гоголя»), сделал к ним примечание, в котором предположил, что подлинник находился в письме Гоголя к матери от 5 января 1830 г.: «Снимок сделан с другого снимка, находящегося в настоящее время в Московском Публичном и Румянцевском музее. Следует думать, что подлинный рисунок находился в письме Гоголя к матери от 5 января 1830 г. (к сожалению, не сохранившемся), причем нижний рисунок представляет план, снятый для постройки нового дома в Васильевке плотником, а верхний – дом, предлагаемый Гоголем...»[20]

См. также сообщение В. А. Гиляровского о вещах, хранившихся у Н. В. Быкова: «Виды домов: в котором Гоголь провел детство, и позднейший, в котором он останавливался, приезжая уже взрослым»[21].

[1] См. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. в пятой главе первого тома «Мертвых душ»: «Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три».

[3] Рисунок «Оглавие и отбор Дорический», в котором был использован чертеж из гоголевской «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830), Гоголь приложил к письму (см.: Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902. Отд. 5. С. 36, вклейка).

[4] См. также ***1829. Октября 27. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1825. Марта 19. Четверг. Васильевка.***

[6] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***

[7] См. ***1823. Января 17. Среда***; ***1823. Декабрь. Васильевка.*** – См. также ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка.***

[8] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 207.

[9] См. ***1832. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Полтава.***

[10] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[11] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 317

[12] *Данилевский Г. П.* Усадьба Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 321.

[13] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 318.

[14] *Данилевский Г. П.* Усадьба Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 321.

[15] См. ***1827. В течение года. Нежин.***

[16] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 57.

[17] См. ***1832. Июня начало.***

[18] *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 197–198; Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 644.

[19] *Данилевский Г. П.* Усадьба Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 321.

[20] *Шенрок В. И.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 7. С. 1089.

[21] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 354.

ЯНВАРЯ 10. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера «Вильгельма Телля» Ф. Шиллера на сцене Александринского театра в бенефис П. А. Каратыгина.

Северная Пчела. 1830. 9 янв. № 4.

ЯНВАРЬ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет сыну письмо в Петербург[1]. В тот же день извещает двоюродного брата Петра П. Косяровского:

«Праздники для меня так прошли, что я их и не видала, будучи в горе, сидя с больными детьми несносной болезней корью, и в нашем домике холодном и невыгодном чрезвычайно трудно было их сберечь, и оттого они о сю пору не выздоровели... <...> Благодаря Бога, что за Николиньку я теперь спокойнее, по милости доброго брата А<ндрея> Андре<е>вича[2], который взял его под свое покровительство и снабжает его и деньгами и прямо дружескими советами, как он пишет ко мне, и этим благодеянием совершенно оживил меня, и я не знаю, как уже ему благодарить, так душа полна, теперь я должна бы была продать за бесценок все имение, чтобы его содержать в Петербурге. Мы ужасную от холоду терпим нужду и я весною хочу еще занять денег и во что бы то ни стало буду оканчивать дом, терпения моего недостает, пропадает здоровье у меня и у детей в сем домике».

Свод. Т. 1. С. 106.

[1] См. ***1830. Февраля 2. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург.***
[2] Трощинский.

ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь перевел с французского для журнала Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Сын Отечества и Северный Архив» статью «О торговле русских в конце XVI и начале XVII века». Перевод был принят и оплачен (20 рублей), но напечатан не был.

См. ***1830. Февраля 2. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург***; ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Я получил письмо ваше, почтеннейшая маминька, пущенное вами 12 генваря. <...> Месяц назад я сам был нездоров, но теперь поправился, слава Богу. Снова хожу каждый день в должность и в силу, в силу перебиваюсь. Еще недавно взял у Андрея Андреевича[1] 150 р<ублей> на обмундировку. <...> Жалованья получаю сущую безделицу. Весь мой доход состоит в том, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для г. журналистов[2], и потому вы не серди-

тесь, моя великодушная маминька, если я вас часто беспокою просьбою доставлять мне сведения о Малороссии, или что-либо подобное. Это составляет мой хлеб. Я и теперь попрошу вас собрать несколько таковых сведений, если где-либо услышите забавный анекдот между мужиками в нашем селе, или в другом каком, или между помещиками. Сделайте милость, вписуйте для меня также нравы, обычаи, поверья. Да расспросите про старину хоть у Анны Матвеевны <Трощинской> или Агафию Матв<еевну> <Лукашевич>: какие платья были в их время у сотников, их жен, у тысячников, у них самих; какие материи были известны в их время, и всё с подробнейшею подробностью; какие анекдоты и истории случались в их время смешные, забавные, печальные, ужасные. Не пренебрегайте ничем, всё имеет для меня цену. В столице нельзя пропасть с голоду имеющему хотя скудный от Бога талант. Одного только нужно опасаться здесь бедняку — заболеть. Тогда-то уже ему почти нет спасенья: источники его доходов прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство — умереть. Но этого со мною никогда не может случиться: здесь есть Арендт, которого искусство и благородная душа чужды всякого интереса. <...>

Еще осмеливаюсь побеспокоить одною просьбою: ради Бога, если будете иметь случай, собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости, какие отыщутся в наших местах, стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. Я помню, их целыми горстями доставали. Сделайте милость, пришлите их. Я хочу прислужиться этим одному вельможе[3], страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи. Нет ли в наших местах каких записок, веденных предками какой-нибудь старинной фамилии, рукописей стародавних про времена гетманщины и прочего подобного[4]? <...>

Глубокое почтение и поклон дедушке Ивану Матвеевичу <Косяровскому>, бабушкам Марье Илиничне <Косяровской> и Анне Матвеевне. Целую заочно ручки милой тетиньки Катерины Ивановны <Ходаревской> и милую сестрицу <Марию>, также и маленьких <сестер Анну, Елисавету и Ольгу>. <...>

Турецкие посланники прибыли сюда благополучно и не нахвалятся учтивостью и ловкостью нашего садовника — форрейтора Павла».

В последних строках письма речь идет о турецком посольстве, отправленном султаном Махмудом II к Николаю I после заключения Адрианопольского мира (1829). В начале января 1830 г. турецкие послы проезжали Кременчуг и Полтаву, и крепостному Гоголей «выпала честь» исполнять роль форейтора при лошадях из Васильевки, потребовавшихся для карет посольства. Шутка о «похвалах» турецких посланников «форрейтору Павлу» нашла, по-видимому, отражение в повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (1831), в образе головы Евтуха Макогоненка, удостоенного однажды «высокой чести» сидеть во время проезда Екатерины II в Крым на козлах с царицыным кучером.

[1] Трощинского.
[2] См. ***1830. Январь. Санкт-Петербург***.
[3] Возможно, Л. А. Перовскому (см. ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург***).
[4] См. также ***1829. Январь. Санкт-Петербург***.

ФЕВРАЛЯ 4. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение февральского номера «Отечественных Записок», где напечатана первая половина повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (без имени автора)[1], а также вторая часть «Договорной окончательной грамоты, составленной и подписанной в 1634 <1631>[2] году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства»[3].

[1] Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 238–264. – См. также ***1830. Марта 4. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1631. Июня 4. Суббота. У реки Поляновки, между Вязьмой и Дорогобужем.***

[3] Договорная окончательная грамота, составленная и подписанная в 1634 году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства (продолжение) // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 194–220. – См. также ***1830. Января 4. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 25. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Студент» Николай Гоголь-Яновский подал прошение на имя директора Департамента государственного хозяйства и публичных зданий И. У. Пейкера об увольнении его из департамента – «по причине воспоследующей в скором времени долговременной <...> отлучки» – и о возвращении ему аттестата[1], выданного в Нежине.

На прошении имеется канцелярская помета: «25 февраля 1830 г.»; а также резолюция, принадлежащая, очевидно, директору департамента: «Возвратить. 26 февраля 1830»[2].

[1] Спустя месяц, 27 марта 1830 г., аттестат был представлен Гоголем в Департамент уделов (см. ***1830. Марта 27. Санкт-Петербург***).

[2] Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 288–289.

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь навещает племянника петербургского откупщика Григория Ильича Шостака, а спустя некоторое время – и самого Г. И. Шостака (приходившегося дядей М. И. Гоголь)[1].

Год спустя, 10 февраля 1831 г., Гоголь сообщал матери о визите к Г. И. Шостаку в 1830 г.: «Он еще в то время был один из числа 7-ми откупщиков, взявших на себя город Петербург. Откупщики эти не получили никаких совершенно выгод; в разговоре однако ж со мною он старался не давать этого заметить. Мне странно только было найти в этом человеке, можно сказать, изжившем всю жизнь свою прожектами, черты юношеской неосновательности и то, что с своим, по-видимому, добрым сердцем успел наделать столько неприятностей другим. После я узнал уже стороною, что он находился всё это время под арестом и ему запрещен был вовсе из дому выезд; бывшие с ним в коротких связях говорят, что он никогда даже не был в хороших обстоятельствах и при редком счастии всегда бывал почти сам причиною его утраты. Впрочем один поступок тот, посредством которого он помог родным своим, извиняет его много. Удастся ли ему уберечь что-нибудь для детей? Долг у него в несколько раз превышает имение. Теперь я его не видал, потому что не мог отыскать: несколько месяцев, как он съехал с своей квартиры, – куда, зачем и как, никто не знает[2]. Петербург взят на откуп в сем году какою-<то> Ост-Зейдскою компаниею».

О «поступке, посредством которого» Г. И. Шостак «помог родным своим», М. И. Гоголь вспоминала: «Один из братьев маменьки моей, меньшой[3], будучи небольшим, всегда задумывался, и когда его спрашивали, – о чем думает, то он отвечал: "Я ищу места вырыть колодезь такой, чтобы можно было черпать деньги", – и в продолжении своей жизни точно имел большие деньги от прожектов своих, но окружен был всегда [неблагонадежными] неблагонамеренными людьми, которые, получая от него по нескольку тысяч жалованья, обирали его. Он, по себе судя, не подозревал их. Он брал на откупа города, и случалось у него по миллиону, и потом ровно ничего, и опять наоборот. В одно время[4], имея деньги, он разослал в подарок сестрам своим по 10 тысяч,

братьям по 25, а старшему брату, любящему жить хорошо, 50 тысяч, покуда еще не успели распорядиться его деньгами [его агенты].

Получа от него деньги, мои родители[5] не успели еще рассудить, как полезнее их употребить для детей, как один услужливый человек[6] предложил отдать ему на процент, который будет платить с большой аккуратностью до востребования капитала. Но мои родители не только не получили проценту, но и капитала не могли вытребовать; и бедный отец мой должен был завесть иск, и весь свой век хлопотал по тому делу[7], всегда сам писал бумаги и при конце уже жизни получил имениийце в Хорольском уезде в число тех денег[8]. Он отдал его мне. Я землю продала, так как она была вся в лоскутках, а людей перевела в Васильевку[9]. За вырученные деньги послушала неопытных людей и завела кожевенную фабрику[10], на которую после еще занимала деньги, по просьбе моего зятя <П. О. Трушковского>»[11].

Возможно, судьба Г. И. Шостака нашла отражение в незавершенном отрывке Гоголя <Рудокопов>[12]: «Я знал одного чрезвычайно замечательного человека. Фамилия его была Рудокопов и действительно отвечала его занятиям, потому, что казалось, к чему ни притрогивался он, все то обращалось в деньги[13]. Я его еще помню, когда он имел только двадцать душ крестьян да сотню десятин земли и ничего больше...»

[1] См. ***1831. Февраля 10. Санкт-Петербург.***

[2] Ср.: «Дело пошло сначала, по-видимому, успешно, но вскоре он разорился, подвергся за долги домашнему аресту и наконец скрылся неизвестно куда (слышано от покойной Анны Васильевны Гоголь). См. «Материалы для биографии», <М., 1893>, т. II, стр. 32). <...> По словам Анны Васильевны Гоголь, он прислал всем сестрам по десяти тысяч, разумеется, вначале, когда дело приняло было хороший оборот (там же)» (Письма *Н. В. Гоголя*. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 169–170).

По-видимому, А. В. Гоголь, сообщая о том, что Г. И. Шостак «скрылся неизвестно куда», повторяла слова брата, поскольку, съехав с квартиры, штабс-капитан Григорий Ильич Шостак тем не менее продолжал службу в Петербурге вплоть до начала 1840-х гг. Сведения о нем как члене отделения Сельского домоводства и опытного земледелия (с 1831 г. – Сельского домоводства и опытного хозяйства) Императорского Вольного экономического общества встречаются в адрес-календарях с 1829 по 1841 г.: «Императорское Вольное Экономическое Общество. <...> *В отделениях:* <...> *В 3-м: Сельского домоводства и опытного земледелия:* <...> *Члены:* <...> Шт<абс>-Кап<итан> Григорий Ильич *Шостак*» (Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1829. СПб., <1829>. Ч. 1. С. 904; см. также: Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1830. СПб., <1830>. Ч. 1. С. 710; Месяцеслов с росписью чиновных особ или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1831. СПб., <1831>. Ч. 1. С. 710; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1833. СПб., <1833>. Ч. 1. С. 784; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1834. СПб., <1834>. Ч. 1. С. 849; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 1. С. 857; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 1. С. 883; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1837. СПб., <1837>. Ч. 1. С. 993; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1840. СПб., <1840>. Ч. 1. С. 967; Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1841. СПб., <1841>. Ч. 1. С. 624).

Вероятно, перу Г. И. Шостака принадлежит ряд статей: *Шостак Григорий.* О Российском государственном и частном кредите // Северная Пчела. 1835. 19 марта. № 63. С. 252; 20 марта. № 64. С. 255–256; 21 марта. № 65. С. 259–260; 22 марта. № 66. С. 264; *Шостак Григорий.* Дополнение к статье о государственном кредите // Северная Пчела. 1835. № 83. 17 апр. С. 332; *Шостак Григорий.* Взгляд на Санктпетербург в отношении Государственного Хозяйства России // Северная Пчела. 1835. 18 мая. № 109. С. 436; 20 мая. № 110. С. 439–440.

[3] Г. И. Шостак.

[4] В средине 1820-х гг.

[5] Деньги (десять тысяч рублей) были получены матерью Марии Ивановны М. И. Косяровской (в девичестве Шостак), приходившейся сестрой Г. И. Шостаку.

[6] Возможно, этим «услужливым человеком» был либо Степан Васильевич Лукашевич, либо его брат Павел Васильевич Лукашевич, муж сестры И. М. Косяровского Агафьи Матвеевны Лукашевич (рожд. Косяровской) . В 1980 г. 93-летняя С. Н. Данилевская вспоминала: «Ее <М. И. Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской)> отец <И. М. Косяровский> одолжил 25 тысяч рублей под проценты <П. В. Лукашевичу> мужу своей сестры <Агафьи М. Лукашевич (рожд. Косяровской)>. Не получив назад денег, он отсудил часть его имения – село Лукашевку» (*Смирнова Р. А.* <Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)> / Из апокрифической мемуарной литературы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 967).

[7] См. ***1829. Апреля 30. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта конец – апреля начало. Васильевка.***

[8] Вероятно, имение Лукашевка в Хорольском уезде в возмещение части долга было получено И. М. Косяровским за два года до его смерти, в 1831 г. (см. ***1831. Ноября 17. Санкт-Петербург***). – См. также ***1844. Июня 15 <3>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[9] После 1832 г. (см. ***1832. Декабря 13. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1833. Июня 8. Четверг. Санкт-Петербург***).

[10] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***.

[11] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 53–54.

[12] См. ***1833. Вторая половина года. Санкт-Петербург***.

[13] Подразумевается свойство мифического царя Фригии Мидаса.

МАРТА 4. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение мартовского номера «Отечественных Записок», где напечатана вторая половина повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (без имени автора)[1], а также первая часть «Наставления Выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения Г. Коллежскому Советнику и Члену той Коллегии Наталину»[2] и последняя часть «Договорной окончательной грамоты, составленной и подписанной в 1634 <1631>[3] году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства»[4].

[1] Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви (окончание) // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Февраль. № 118. С. 421–442. См. также ***1830. Февраля 4. Санкт-Петербург***.

[2] Наставление Выборному от Малороссийской Коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения Г. Коллежскому Советнику и Члену той Коллегии Наталину // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Март. № 119. С. 347–376. – См. также ***1830. Апреля 4. Великий пяток. Санкт-Петербург***; ***1830. Мая 4. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1631. Июня 4. Суббота. У реки Поляновки, между Вязьмой и Дорогобужем***.

[4] Договорная окончательная грамота, составленная и подписанная в 1634 году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства (окончание) // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 41. Март. № 119. С. 372–399. – См. также ***1830. Февраля 4. Санкт-Петербург***.

МАРТА 7. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение альманаха «Подснежник на 1830 год», где, в частности, напечатано стихотворение Н. М. Языкова (с подписью: ***) «К П. А. Ос–й» (Осиповой).

В начале 1831 г. Гоголь написал статью «О поэзии Козлова»[1], где процитировал одну из строф этого стихотворения.

[1] См. ***1831. Января первая половина. Санкт-Петербург***.

МАРТА 18–19. ВТОРНИК-СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания седьмой главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Цявловский, Тархова. С. 1069.

МАРТА 19. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 21 год.

МАРТА 27. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь подает В. И. Панаеву, начальнику второго отделения Департамента уделов, прошение на имя вице-президента департамента графа Л. А. Перовского об определении на службу.

«Имея желание служить под лестным начальством Вашего Превосходительства, приемлю смелость всепокорнейше просить об определении меня в департамент уделов в число канцелярских чиновников по II-му отделению оного.

Выданный мне из Гимназии высших наук князя Безбородко аттестат[1] у сего имею честь представить».

В тот же день В. И. Панаев ходатайствует об определении Гоголя «на имеющуюся во временном столе вакансию старшего писца, с жалованьем по 600 рублей в год»[2].

[1] См. ***1830. Февраля 25. Санкт-Петербург.***

[2] <Представление о зачислении Гоголя на службу> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 625. См. также ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

МАРТА КОНЕЦ – АПРЕЛЯ НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь поздравляет Петра П. Косяровского с праздником Пасхи[1] и сообщает:

«Николай мой служит в министерстве внутренних дел[2]. Андрей Андреевич <Трощинский> по милости своей поддерживает его там, а я не в состоянии теперь ему послать ничего, тем более, что дом начала отделывать, и не могу вспомнить без ужасу, что он мне будет стоить; но полагаюсь на Бога и не предаюсь отчаянию. <...> Дело папиньки моего[3] все в том же положении, как вы его оставили, зрение его притупляется с каждым днем, и сие несчастное его положение разрывает мою душу».

Свод. Т. 1. С. 107.

[1] См. ***1830. Апреля 6. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи.***

[2] Ср. ***1830. Февраля 25. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 2. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку извиняется, что долго не писал ей. Сообщает, что «после бесконечных исканий» ему «удалось наконец сыскать место[1], очень однако ж незавидное». Жалуется матери на тяжелое материальное положение, в удостоверение чего прилагает перечень расходов и доходов за декабрь 1829 г. и январь 1830 г. (в числе доходов, в частности, означено: «Выручил за

статью, переведенную с французского: О торговле русских в конце XVI и начале XVII века для Северного Архива... 20 р<ублей>»). Пишет матери:

«...Многие получают достаточное количество для своего содержания из дому, а мне должно жить одним жалованьем. <...> ...Отказавшись от любимого моего развлечения – от театра, и за всем тем я никаким образом не могу издерживать менее 100 рублей в месяц... <...> ...До сих пор я не в состоянии был сделать нового, не только фрака, но даже теплого плаща, необходимого для зимы. Хорошо еще, я немного привык к морозу и отхватал всю зиму в летней шинели. Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича[2], никогда не мог употребить на платье, потому что они все выходили на содержание... <...> Теперь, в добавку, он располагает ехать в мае месяце совсем из Петербурга. <...> Теперь остается мне спросить вас, маминька: <...> можете ли вы мне высылать по 80 рублей в месяц?..»

Вновь[3] обсуждает план перестройки нового дома. Передает матери практические рекомендации, содержащиеся в рукописной книге, доставшейся ему от одного из школьных приятелей, В. В. Тарновского[4]: «О построении зданий деревенских из мокрой глины. Сочинение Карла Штифера»; «Дешевый способ покрывать кровли сельских строений (его же)»; «Способ производить картофельные семена разных сортов»; «Вино из картофеля производится следующим образом...»[5]

Благодарит за посылки из дома и малороссийские песни:

«Приношу благодарность тетиньке Катерине Ивановне <Ходаревской>, которая решилась пожертвовать временем – собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские»[6].

Посылает матери «Отечественные Записки» со своей повестью «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (не указывая имени автора) и роман «Ягуб Скупалов»:

«Вы теперь, кажется, не получаете никакого журнала. Посылаю вам один[7], который, по важности своих статей, почитается здесь лучшим и который достается мне даром, по причине небольшого моего участья в издании его. Каждый месяц выходит книжка, которую я буду немедленно препровождать к вам. Посылаю вам также нововышедший роман[8], подаренный мне самим автором».

[1] См. ***1830. Марта 27. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург***.

[2] Трощинский.

[3] См. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1829. Конец года. Санкт-Петербург***.

[5] См. статьи хозяйственного содержания под заглавием «Департамен<т> Сельского Хозяйства под управлен<ием> Голтвянского Помещика Николая Васильева сына Гоголь-[Яновского]» в записной книге 1830–1834 гг. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 8.

[6] Возможно, одну из песен Гоголь вскоре опубликовал в «Отечественных Записках» (см. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[7] Во втором и третьем номерах «Отечественных Записок» за 1830 г. был напечатан «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви» (см. ***1830. Февраля 4. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Вторник. Санкт-Петербург***). Получив журнал, мать Гоголя легко догадалась, кто был создателем «Бисаврюка». По ее словам в письме к Павлу П. Косяровскому от 11 июля 1830 г., в этой повести «помещены мужиков наших имена и фамилии, которые он <ее сын> находил странными» (см. ***1830. Июля 11. Пятница. Васильевка***).

[8] Подразумевается «Ягуб Скупалов, или Исправленный муж. Нравственно-сатирический роман современ-

ных нравов» (печатался анонимно в «Отечественных Записках» в 1821–1822 гг, в 1830 г. вышел отдельным изданием за подписью П. П. Свиньина, в том же году переиздан анонимно, в 4-х частях). Наиболее вероятный автор романа Александр Карлович Бошняк; возможно, однако, соавторство П. П. Свиньина, от которого Гоголь получил книгу.

АПРЕЛЯ 4. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение апрельского номера «Отечественных Записок», где напечатаны очерк «Полтава»[1], а также вторая часть «Наставления Выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения Г. Коллежскому Советнику и Члену той Коллегии Наталину»[2].

Первый биограф Гоголя П. А. Кулиш, со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал: «В то же самое время, когда был сожжен несчастный “Ганц”[3], или вскоре после того, Гоголь написал для Свиньина статью “Полтава”, напечатанную в тогдашних крошечных “Отечественных Записках”»[4]; «...В феврале 1830 года, в № 118 “Отечественных Записок”, и в марте, в № 119, явилась без подписи повесть Гоголя “Басаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала”, а в апреле 1830 года, в № 130 <следует: в № 120> “Отечественных Записок”, напечатана статья “Полтава”. В заглавии ее сказано: “Из живописного путешествия по России издателя Отечественных Записок”, но я знаю от Н. Я. Прокоповича, что статья “Полтава” писана Гоголем, и, может быть, только переделана издателем журнала, подобно тому, как и “Басаврюк”...»[5]

Однако сам Гоголь, 3 июня 1830 г., высылая матери номер журнала с очерком «Полтава», писал: «Предуведомляю вас, что в этой книжке, равно и во всех последующих, вы не встретите уже ни одной статьи моей. Занятий моих литературных хотя я и не прекратил, однако ж как они готовятся не для журнала, то и появятся не прежде, как по истечении довольно продолжительного времени. Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свиньина, в котором я, хотя и природный жилец Полтавы, много однако ж нашел для меня нового и доселе неизвестного».

Таким образом, Гоголь подтвердил принадлежность Свиньину очерка «Полтава». Однако, имея в виду указание Прокоповича, а также то, что Гоголь сам обратил внимание матери на этот очерк, В. В. Данилов все-таки допускал определенное участие Гоголя в создании «Полтавы» и даже возможность использования Свиньиным каких-то гоголевских материалов[6]. С некоторой степенью вероятности можно говорить о принадлежности Гоголю отрывка о малороссийском языке: «Язык малороссийский довольно звучен, несмотря на то, что принял много грубых татарских слов, и к церковному славянскому гораздо ближе, чем русский. Находясь под влиянием Польши и Литвы, он во многих местах, особливо пограничных, потерпел большое изменение. Полтава может назваться столицею его; здесь он в первоначальной чистоте своей, без посторонней примеси звучит по хуторам и селам. При приближении к Чернигову он заметно начинает портиться, за Черниговым изменяется в литвинский, в Киеве смешивается с польским, а за Киевом совершенно исчезает»[7].

Как указал А. Н. Степанов, искажения, которые Свиньин внес в этот отрывок при последующем, в 1839 г., переиздании статьи явно свидетельствуют, что он не был автором этого фрагмента[8]. С другой стороны, строки о запорожском казачестве в статье Гоголя «Взгляд на составление Малороссии» (1834) во многом перекликаются с содержанием данного фрагмента: «Большая часть этого общества состояла <...> из первобытных, коренных обитателей южной России. Доказательство – в языке, который, несмотря на принятие множества татарских и польских слов, имел всегда чисто славянскую южную физиономию, приближавшую его к тогдашнему русскому, и в вере, которая всегда была греческая».

В ноябре 1852 г. П. А. Кулиш, имея в виду сложившуюся литературную репутацию Свиньина, записал: «О Свиньине, касательно “Полтавы” Гоголя, сличить с тем, что сказано в «Доме Сумасшедших» Воейкова. <...>

Вот чужих статей писатель
И маляр чужих картин,

Книг безграмотных издатель,
Северный орел Свиньин.
Он фальшивою монетой
Целый век перебивал
И, оплеванный всем светом,
На цепи приют сыскал[9].
Воейков»[10].

[1] Полтава. (Из живописного путешествия по России Издателя О<течественных> З<аписок>) // Отечественные Записки, издаваемые Павлом Свиньиным. СПб., 1830. Ч. 42. Апрель. № 120. С. 1–43.

[2] Наставление Выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения Г. Коллежскому Советнику и Члену той Коллегии Наталину (окончание) // Отечественные Записки. СПб., 1830. Ч. 42. Апрель. № 120. С. 44–74. См. также ***1830. Марта 4. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1829. Июля между 21 и 26. Санкт-Петербург.***

[4] *Кулиш 1852.* С. 200; *Свод.* Т. 1. С. 325.

[5] *Кулиш 1854.* С. 43.

[6] *Данилов В. В.* Следы творчества Н. В. Гоголя в очерке П. П. Свиньина «Полтава» // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 39–44.

[7] Полтава. (Из живописного путешествия по России Издателя О<течественных> З<аписок>) // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. № 120. С. 31.

[8] *Степанов А. Н.* Гоголь в «Отечественных записках» (1830) // Труды Отдела новой русской литературы. Ин-т русской литературы. 1957. № 1. С. 66.

[9] Строфа из сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (1814–1838), написанная, предположительно, в 1828–1829 гг. – О *«сатире на литераторов Воейкова – "Дом сумасшедших"»* Гоголь упоминал позднее в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

[10] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 37.

АПРЕЛЯ 6. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 10. ЧЕТВЕРГ СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальник третьего отделения Департамента уделов А. Н. Францен представляет вице-президенту департамента графу Л. А. Перовскому служебную записку «Об определении во 2-е отделение департамента на вакансию писца студента Гоголь-Яновского» (составлена на основании ходатайства В. И. Панаева от 27 марта 1830 г. об определении Гоголя «на имеющуюся во временном столе вакансию старшего писца, с жалованьем по 600 рублей в год»[1]).

Согласно резолюции Перовского и главных членов департамента М. С. Маврина, А. Г. Волкова, Х. А. Ященко и П. И. Колошина, Гоголь зачислен в департамент коллежским регистратором, с утверждением в чине 14 класса[2], с указанным жалованьем:

«Означенного студента Гимназии высших наук князя Безбородко Гоголь-Яновского, определив на ваканцию писца во 2 отделение, с жалованьем по шести сот рублей в год и приведя его на верность службы к присяге, обязать подпискою о непринадлежности его к масонским ложам; об утверждении же его в чине 14 класса представить Правительствующему сенату...»[3]

Позднее, к концу года, сведения о службе Гоголя появились в официальном издании (к тому времени Гоголь был переведен, 11 июля 1830 г.[4], из помощников начальника «временного стола» Д. И. Ермолова[5] в помощники столоначальника 1-го стола А. Д. Уманова[6]): «Департамент Уделов: *Вице-Президент,* Лев Алексеев<ич> *Перовский,* Гофмейстер и Каммерг<ер>. <...> *В Отделениях:* <...> Во 2-м: *Начальник,* Н<адворный> С<о>в<етник> Владимир Ив<анович> *Панаев,* орд<ен> с<вятой> Ан<ны> 2 и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени>. К<а>в<алер>, им<енной> зн<ак> за XV л<ет службы>. – *Столоначальники: 1-го стола,* Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Александр Данил<ович> *Уманов,* орд<ен> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени>. К<а>в<алер>, им<енной> зн<ак> за XV л<ет службы>; *Помощник его,* К<оллежский> Рег<истратор> Николай Вас<ильевич> *Гоголь-Яновский.* <...> *Времен<ного> стола,* К<оллежский> С<е>к<ретарь> Дмитрий Ив<анович> *Ермолов; Помощник его,* 10 кл<асса> Николай Андреев<ич> *Аничков* <Аничков>»[7].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «10 апреля 1830 года он поступил на службу в Департамент Уделов...»[8]

Возможно, графа Л. А. Перовского имел в виду Гоголь, когда 2 февраля 1830 г. писал матери: «...Собирайте все попадающиеся вам древние монеты и редкости <...> стародавние старопечатные книги, другие какие-нибудь вещи, антики, а особливо стрелы, которые во множестве находимы были в Псле. <...> Я хочу прислужиться этим одному вельможе[9], страстному любителю отечественных древностей, от которого зависит улучшение моей участи».

Позднее, 3 июня 1830 г., в письме к матери Гоголь сообщал: «...Одна из статей моих[10] доставила мне место, ныне мною занимаемое. <...> Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства Двора. Главный начальник мой — вице-президент департамента, гофмейстер Л. А. Перовский». (Министром уделов был князь П. М. Волконский.)

«В Департаменте Уделов Гоголь был плохим чиновником и, по собственным словам, извлек из службы в этом учреждении только разве ту пользу, что научился сшивать бумагу. Об этом он упоминал не раз, показывая сшитые в тетради письма Пушкина, Жуковского и других, которыми он дорожил (и не выпускал этих тетрадей из рук, в буквальном смысле слова)»[11].

Определенная «дистанция» между высоким смыслом государственной присяги и той ничтожной, формальной деятельностью, которой пришлось заниматься Гоголю в Департаменте уделов, по-видимому, дала ему материал для последующего изображения мнимого «религиозного» самопожертвования ничтожного чиновника Башмачкина в «Шинели». Именно департамент уделов был в Петербурге первым по части внешнего европейского «облагораживания» присутственных мест. Эти преобразования были сделаны здесь в 1827 г. министром Императорского Двора и уделов князем П. М. Волконским, после чего в следующем, 1828 г., 21 января, департамент посетил, с целью осмотра, Император Николай Павлович. Позднее непосредственный начальник Гоголя в департаменте уделов В. И. Панаев (крайне неодобрительно отзывавшийся позднее о гоголевском «Ревизоре»: «...Вдруг какой-то колежский регистраторишка дерзает осмеивать <...> даже самих губернаторов»[12]) вспоминал: «Столы, стулья, конторки, шкафы, все явилось новое, просто, но изящно сделанное. Для хранения дел придуманы форменные картонки; на столах однообразные чернильницы; пол парке́, ковровые дорожки через анфиладу комнат. Это был первый пример благоприличного устройства присутственных мест, поданный князем Волконским»[13].

Во втором томе «Мертвых душ» Гоголь так описывал поступление своего героя на службу: «...Проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он наконец место списывателя бумаг в каком-то департаменте. <...> Когда ввели его в великолепный светлый зал с паркетами и письменными лакированными столами, походивший на то, как бы заседали здесь первые вельможи государства <...> и увидел он легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями <...> и посадили его самого за стол, предложа тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания <...> необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний».

[1] См. ***1830. Марта 27. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] <Отношение и резолюция о зачислении Гоголя на службу> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 625–626.

[4] См. ***1830. Июля 11. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

[6] Всего в отделении было пять столов: первый-третий, мануфактурный и временный.

[7] Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1831. СПб., <1831>. Ч. 1. С. 47–48.

[8] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

[9] По мнению Ф. А. Витберга, «“вельможа” этот был, по всей вероятности, Свиньин, известный собиратель древностей и редкостей, действительно содействовавший служебному поприщу Гоголя (см. статью <...> <самого Витберга>: “Н. В. Гоголь в своих отношениях к М. П. Погодину” в газете “Русская Жизнь” за 1891 г., № 168)» (*Витберг Ф. А.* Гоголь как историк // Исторический Вестник. 1892. № С. 396); «...Благодаря, по всей вероятности, Свиньину (см. статью мою: “Н. В. Гоголь в своих отношениях к М. П. Погодину” в № 168 газеты “Русская Жизнь” за 1891 год), в журнале которого (“Отечественные Записки”) он сотрудничал, ему удалось определиться в 1830 году на службу в департамент уделов, а в конце того же года он завел сношения с бароном Дельвигом, приведшие его в следующем году к знакомству с Жуковским, Плетневым и Пушкиным» (*Витберг Ф. А.* Н. В. Гоголь в 1831 году // Исторический Вестник. 1892. № 4. С. 662). – Однако, «едва ли Гоголь назвал бы “вельможей” Свиньина <...>, хотя не исключено, что редактор “Отечественных Записок” послужил здесь в роли посредника» (*Манн Ю. В.* Гоголь: Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 184). Л. А. Перовский (с 1849 г. граф), внебрачный сын графа А. К. Разумовского (внук гетмана графа К. Г. Разумовского), был братом писателя А. А. Перовского (псевдоним Погорельский), увлекался археологией и коллекционированием.

[10] См. ***1830. Января 4. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1830. Январь. Санкт-Петербург***; ***1830. Февраля 4. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] *Кулиш 1854 (2).* С. 42.

[12] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[13] Воспоминания *В. И. Панаева* // Вестник Европы. 1867. № 12. С. 143.

АПРЕЛЯ 18. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Департамент уделов представляет в Правительствующий Сенат аттестат Гоголя-Яновского для утверждения «студента» в чине 14 класса.

<Отношение и резолюция о приведении Гоголя к присяге> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 627.

АПРЕЛЯ 25. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшим указом «выпущенный из Гимназии высших наук князя Безбородко студент Николай Гоголь-Яновский, на основании Высочайше утвержденного в 19 день февраля 1825 года проэкта устава помянутой Гимназии § 72», утвержден «в чине коллежского регистратора, с старшинством со дня вступления его в действительную службу».

<Представление о приведении Гоголя к присяге> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 627.

МАЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение майского номера журнала «Отечественные Записки», где напечатана «Историческая запорожская песня»[1] (о запорожском атамане Константине Гордиенко), которую, вероятно, подготовил к публикации Гоголь[2].

В. П. Гаевский в 1852 г. указывал: «...Будущему издателю его <Гоголя> сочинений предстоит немаловажный труд пересмотреть с 1828 года «Сын Отечества», «Отечественные Записки»... <...> Весьма вероятно что найдутся еще статьи Гоголя, напечатанные без его имени»[3].

«Историческая запорожская песня» была напечатана в журнале П. П. Свиньина «Отечественные Записки» в тот период, когда в этом издании Гоголь принимал активное участие. Предположение о том, что опубликованная Свиньиным запорожская песня была доставлена ему Гоголем, было высказано в 1915 г. В. В. Даниловым и позднее, в 1957 г., поддержано А. Н. Степановым[4].

В 1961 г. исследователи также отмечали: «"Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви" была опубликована в февральско-мартовской книжке "Отечественных Записок" за 1830 год[5] (Отечественные Записки. 1830, ч. 41, № 118, стр. 238–264, и № 119, стр. 421–442). Разрыв <Гоголя> со Свиньиным произошел несколько позднее, в конце апреля или даже в мае. Кроме повести, Гоголь передал Свиньину ряд исторических и фольклорных материалов. Среди них следует назвать "Наставление выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения г. коллежскому советнику и члену той коллегии Наталину"[6] (Там же, ч. 41, № 119, стр. 347–376; ч. 42, № 120, стр. 44–74), "О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссии"[7] (Там же, ч. 42, № 122, стр. 324–356), "Нигде не напечатанное доселе письмо Петра I к нежинскому наказному полковнику Жураковскому"[8] (Там же, ч. 43, № 124, стр. 324–356) и "Историческая запорожская песня" (Там же, ч. 42, № 121, стр. 253). Одним из доказательств принадлежности последней публикации Гоголю является его письмо к матери от 2 апреля 1830 года, где он пишет: "Приношу благодарность тетиньке Катерине Ивановне <Ходаревской>, которая решилась пожертвовать временем — собрать для меня несколько любопытных песен; но драгоценейшие из них есть, однако ж, списанные вами две запорожские"»[9].

К этим наблюдениям следует добавить, что в апрельском номере «Отечественных Записок» за 1830 г. (№ 120) был напечатан очерк Свиньина «Полтава». В работе над этим очерком также, по всей видимости, принимал участие Гоголь[10]. Кроме того, в январском, февральском и мартовском номерах «Отечественных Записок» за 1830 г. (№ 117–119) была напечатана, с продолжением, «Договорная окончательная грамота, составленная и подписанная в 1634 году Полномочными Послами Русскими и Польскими об отречении Владислава, Короля Польского, от Престола Московского и от всех Царских титулов Российского Государства»[11] (первая публикация документа). Возможно, эта грамота была также доставлена Свиньину Гоголем. Отметим, что все указанные номера журнала за этот год Гоголь регулярно посылал матери (см. его письма к ней 2 апреля[12], 3 июня[13] и 10 октября[14] 1830 г.).

Вопрос о том, появились ли названные исторические материалы[15] в журнале Свиньина благодаря Гоголю, остается открытым. Однако, гипотеза о публикации Гоголем в «Отечественных Записках» запорожской песни может быть принята с достаточным основанием, поскольку текст песни полностью совпадает с гоголевским автографом песни «Про атамана Гордiенка», включенной писателем в XIII раздел его сборника украинских песен и дум[16]. Позднее эта песня была напечатана И. И. Срезневским[17] и М. А. Максимовичем[18]. Поскольку ранее Гоголь посылал М. А. Максимовичу песни для его сборника[19], то, думается, в его издании 1834 г. песня появилась именно благодаря Гоголю.

Константин Гордиенко (ум. в 1733 г.), кошевой атаман Запорожской Сечи, сторонник Мазепы. В марте 1709 г.[20] перешел на сторону Карла XII, что вызвало на Сечи восстание. Вследствие этого 14 мая 1709 г. русские войска заняли Сечь, почти покинутую запорожцами. М. А. Максимович предпослал песне следующую заметку: «Песня о Гордиенке относится к той осаде Полтавы[21], на которую вызвался кошевой Гордиенко в 1709 г. — С мая он производил ее в течение 1 ½ месяца, но исполнил неудачно, предварив тем Полтавскую битву 27 июля <июня>. – В это время разорена была Сечь»[22]. Текст, напечатанный Максимовичем, почти совпадает с гоголевским автографом, тогда как незначительные отличия от него публикации «Отечественных Записок» можно объяснить ошибками наборщика или исправлениями редактора журнала Свиньина, по обыкновению исправлявшего поступавшие к нему статьи.

[1] Историческая запорожская песня // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Май. № 121. С. 253.

[2] Возможно, песня была получена Гоголем от матери (см. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург***).

[3] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 331.

[4] *Данилов В. В.* Н. В. Гоголь и П. П. Свиньин // Русский Филологический Вестник. 1915. № 1. С. 36–37; *Степанов А. Н.* Гоголь в «Отечественных записках» (1830) // Труды Отдела новой русской литературы. Ин-т русской литературы. 1957. № 1. С. 58–59.

[5] См. ***1830. Февраля 4. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Вторник. Санкт-Петербург***.

[6] См. ***1767. В течение года. Глухов***; ***1830. Марта 4. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1830. Апреля 4. Страстная пятница. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-***Петербург (примечания); ***1831. Октября 20. Вторник. Васильевка***. – См. также ***1569. Июня 6. Понедельник. Речь Посполитая***; ***1654. Марта 27. Понедельник Светлой седмицы. Москва***; ***1676. Февраля 1. Вторник. Москва***; ***1708. Ноября 1. Понедельник***; ***1708. Ноября 6. Суббота. Глухов***; ***1709. Февраля 3. Четверг***; ***1709. Мая 30. Понедельник***; ***1711. Января 5. Пятница. Крещенский сочельник***; ***1717. Января 8. Вторник***; ***1749. Декабря 15. Пятница***; ***1751. В течение года***; ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург***.

[8] См. ***1708. Октября 28 – ноября 1. Четверг-понедельник***; ***1830. Сентября начало. Санкт-Петербург***.

[9] *Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 53–54.

[10] См. ***1830. Апреля 4. Страстная пятница. Санкт-Петербург***.

[11] См. ***1631. Июня 4. Суббота. У реки Поляновки, между Вязьмой и Дорогобужем***; ***1830. Января 4. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1830. Февраля 4. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 4. Вторник. Санкт-Петербург***.

[12] См. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург***.

[13] См. ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург***.

[14] См. ***1830. Октября 10. Пятница. Санкт-Петербург***.

[15] См. также ***1649. В течение года. Киев***.

[16] См.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 393. – См. также ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[17] *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 2. Кн. 1. С. 71.

[18] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 109–110.

[19] См. ***1833. Февраль-апрель. Санкт-Петербург***.

[20] См. ***1709. Марта 28. Понедельник***.

[21] См. ***1709. Мая 1. Фомино воскресенье. Полтава***.

[22] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 109.

МАЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«Четвертой уже месяц, как не получаю от Николиньки писем. Последнее от 2-го февраля получила, писал, что был болен и уже выздоровел и опять начал заниматься должностию, и мог очень легко опять простудиться и, Боже сохрани, впасть в рецедиву. На сих днях я получила письмо от Авдотьи Степановны г. Леонтьевой, и ни слова не пишет о Никоше... <...> Одна религия только держит меня на свете. <...> Завтра я еду в Диканьку; во-первых, поклониться Чудотворцу Николаю и <во-вторых> посоветоваться с тамошним лекарем насчет моих детей».

Свод. Т. 1. С. 107.

МАЯ 9. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя, которые он, вероятно, отмечает в кругу школьных друзей.

Позднее, 15 мая 1842 г., Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу: «Благодарю тебя именно за то, что ты в день 9 мая написал письмо ко мне. Это было движение сердечное; оно сквозит и слышно в твоих строках. Я хорошо провел день сей, и не может быть иначе; с каждым годом торжественней и торжественней он для меня становится. Нет нужды, что не сидят за пиром пировавшие прежде...»

МАЯ 15. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Отъезд из Петербурга в Италию художника А. А. Иванова.

Виноградов 2001. С. 45.

ИЮНЯ 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Из Правительствующего Сената в Департамент уделов направлен Высочайший указ от 25 апреля 1830 г. об утверждении «студента» Гоголя-Яновского в чине коллежского регистратора, «с старшинством со дня вступления его в действительную службу»[1].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «...Указом Сената 3 июня того же года <Гоголь> утвержден в чине коллежского регистратора со старшинством со дня вступления в службу...»[2]

В тот же день выдано цензурное разрешение июньского номера «Отечественных Записок», где напечатана статья «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян»[3], представляющая собой «экстракт» из документа, составленного в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского[4].

В этот же день, 3 июня 1830 г., Гоголь отправил матери в Васильевку апрельский номер журнала «Отечественные Записки» за 1830 г.[5], с ответным письмом:

«...Буду отвечать на письмо ваше по пунктам. Служу я еще только третий месяц в департаменте уделов, находящемся в ведении министерства Двора. Главный начальник мой – вице-президент департамента, гофмейстер Л. А. Перовский. Начальник отделения мой, от которого я непосредственно завишу (я нахожусь во 2-м отделении) В. И. Панаев, человек очень хороший, которого в душе я истинно уважаю; если же вы хотите знать и столоначальника, которого должность не велика однако ж и который мало надо мною влияния имеет, то фамилия его Д. И. Ермолов[6], человек впрочем недурной и не без воспитания. <...>

Вы говорите, почтеннейшая маминька, что многие приехавшие в Петербург, сначала не имевшие ничего, жившие одним жалованием, приобрели себе впоследствии довольно значительное состояние единственно стараниями и прилежанием по службе, и приводите в пример Гежелинского[7]. <...> ...Но вспомните, к какому времени это относится, когда протекало их поприще службы. <...> Тогда, особливо в царствование блаженной памяти Екатерины и Павла, сенат, губернские правления, казенные палаты были самые наживные места. Теперь взятки господ служащих в них гораздо ограничены... <...> В департаментах же министерств служба несколько более еще облагорожена. <...> Стало быть, вы спросите, теперь никаких нет выгод служить? Напротив, они есть, особливо для того, кто имеет ум <...>, предположивший впереди себе мету, ставши на которую, он в состоянии <...> сделаться необходимым огромной массе государственной[8]; этот ум должен <...> не содрогнуться крутой, длинной – почти до бесконечности – и скользкой лестницы... <...> Через год, а может быть, и ранее, надеюсь я получить штатное место. <...> Не думайте, почтеннейшая маминька, что я нерадиво занимаюсь своею должностью. <...> Теперь я собираю материалы только и в тишине обдумываю свой обширный труд[9]. Надеюсь, что вы попрежнему, почтеннейшая маминька, не оставите иногда в часы досуга присылать все любопытные для меня известия, которые только удастся собрать. <...>

Несмотря на все старания свои, я не мог, однако ж, иметь никакой возможности переехать на дачу. Судьба никаким образом не захотела свесть меня с высоты моего пятого этажа в низменный домик на каком-нибудь из островов. <...> В 9 часов утра отправляюсь я каждый день в свою должность и пробываю там до 3-х часов, в половине четвертого я обедаю, после обеда в 5 часов отправляюсь я в класс, в академию художеств[10], где занимаюсь живописью, которую я никак не в состоянии оставить, – тем более, что здесь есть все средства совершенствоваться в ней, и все они кроме труда и старания ничего не требуют. По знакомству своему с художниками, и со многими даже знаменитыми, я имею возможность пользоваться средствами и выгодами, для многих недоступными. Не говоря уже об их таланте, я не могу не восхищаться их характером и обращением; что это за люди! Узнавши их, нельзя отвязаться от них навеки, какая скромность при величайшем таланте! Об чинах и в помине нет, хотя некоторые из них статские и даже действительные советники. В классе, который посещаю я три раза в неделю, просиживаю два часа; в семь часов прихожу домой, иду к кому-нибудь из своих знакомых на вечер, – которых у меня таки не мало. Верите ли, что одних однокорытников моих из Нежина до 25 человек. <...> Три раза в течение недели отправляюсь я к людям семейным, у которых пью чай и провожу вечер. С 9 часов вечера я начинаю свою прогулку, или бываю на общем гуляньи, или сам отправляюсь на разные дачи; в 11 часов вечера гулянье прекращается, и я возвращаюсь домой, пью чай, если нигде не пил (вам не должно показаться это поздним: я не ужинаю), иногда прихожу домой часов в 12 и в 1 час, и в это время еще можно видеть толпу гуляющих. Ночей, как вам известно, здесь нет; всё светло и ясно, как днем, только что нет солнца. Вот вам описание моего летнего дня... <...> ...Всё лето и весна продолжаются здесь только три месяца; остальными девятью месяцами управляют деспотически зима и осень».

В 1852 г. П. А. Кулиш сообщал о Гоголе: «...В рисовании и в русской словесности он сделал большие успехи. В Гимназии было тогда, и до сих пор (в Лицее) есть, несколько хороших пейзажей, исторического стиля картин и портретов. Вслушиваясь в суждения о них учителя рисования, человека необыкновенно преданного своему искусству (Это был К. С. Павлов, от которого я многое узнал о Гоголе. – *Примеч. П. А. Кулиша. – И. В.*), и будучи приготовлен к этому практически, Гоголь уже в школе получил основные понятия об изящных искусствах, о которых впоследствии он так сильно, так пламенно писал в разных статьях своих и уже с того времени предметы стали обрисовываться для его глаза так определительно, как видят их только люди, знакомые с живописью»[11].

М. И. Гоголь, имея в виду эти слова Кулиша, замечала: «Сын мой <...> имел большой дар к живописи и усовершенствовал его в Академии Художеств, куда при науках своих посещал ежедневно по два часа, и оттого приписано ему неряшество[12], как сам тер масляные краски и не обращал на себя внимания, и, верно, видели его испачканного[13], и может кто заметил ему и он бросил это искусство; мне говорил его товарищ, что он оставил в картинной галерее в пол-аршина его работы картину в благодарность, которую оценили в 6 тысяч рублей; сюжет был взят такой, что проходящие не могли взглянуть без удушающего смеха, но от него я никогда не слышала ни о чем подобном. Если это и правда, то в последствии времени он, верно, истребил ту картину, если ее уже там нет»[14].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, в свою очередь, отмечал: «Любовь к рисованию, заметно проявлявшаяся еще в Гоголе-ребенке, с новой силой заговорила в нем тотчас по приезде в столицу, где он получал возможность на досуге иногда заниматься любимым искусством под руководством опытных и сведущих людей; в тяжелое время своей департаментской службы Гоголь находил иногда часы для посещения музеев и картинных галлерей»[15].

[1] См. ***1830. Апреля 25. Санкт-Петербург***; см. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

[3] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 324–356.

[4] См. ***1830. Мая 4. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] См. ***1830. Апреля 4. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[7] Вероятно, имеется в виду статский советник Григорий Федорович Гежелинский (1784–1859), сын ахтырского почтмейстера, начавший свою карьеру в должности секретаря Гатчинского сельского воспитательного

дома и завершивший ее в 1821 г. в должности вице-губернатора Слободско-Украинской губернии (с 1815 г.); владелец крупного имения Чернявка в Курской губернии.

[8] Мечтая быть полезным «огромной массе государственной», Гоголь на деле столкнулся с ничтожной деятельностью переписчика, какой ему пришлось заниматься в Департаменте уделов (см. ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург*** – примечания).

[9] См. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] «Именно в 1830 году академические классы стали доступными для вольноприходящих...» (*Молева Н.* Загадка «Невского проспекта» // Знание – сила. 1976. № 4. С. 43). Классы для вольноприходящих вели художники А. Е. Егоров и В. К. Шебуев. – См. также ***1830–1833. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1828. Июня 27. Среда. Нежин.***

[12] Мария Ивановна имеет в виду следующие слова Кулиша: «...Он был <...> страшный неряха» (см. ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин***).

[13] Ср. в «Невском проспекте» (1834): «На нем был сюртук и весь запачканный красками: спеша ехать, он позабыл даже переодеться в пристойное платье. Он покраснел до ушей и, потупив голову, хотел провалиться, но провалиться решительно было некуда...»

[14] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27.

[15] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 509.

ИЮНЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Департаменте уделов получен направленный из Правительствующего Сената Высочайший указ об утверждении «студента» Гоголя-Яновского в чине коллежского регистратора, а также распоряжение Сената о приведении Гоголя к присяге.

См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 26. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Департаменте уделов Гоголю объявляют Высочайший указ от 25 апреля 1830 г.[1] и указ Правительствующего Сената от 3 июня 1830 г.[2] об утверждении его в чине коллежского регистратора, «с старшинством со дня вступления его в действительную службу». После объявления указов Гоголь приведен к присяге[3].

[1] См. ***1830. Апреля 25. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

[3] <Отношение и резолюция о приведении Гоголя к присяге> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 627.

ИЮНЯ 26. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Цензурное разрешение майского номера журнала «Атеней»[1] за 1830 г.[2], откуда Гоголь переписал в свою записную книгу[3] статью «Общие правила. О содержании домашнего скота».

[1] См. также ***1830. Января 2. Четверг. Москва.***

[2] Атеней, Журнал Наук, Искусств и Изящной Словесности, с присовокуплением Записок для Сельских Хозяев, Заводчиков и Фабрикантов. 1830. Ч. 2. № 9. Май; *Гоголь 2001–2012.* Т. 1. С. 608.

[3] См. ***1829. Конец года. Санкт-Петербург.***

1828–1830 ИЮНЬ[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вносит в «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (1826–1830) заметку «Об архитектуре театров»:

«Мнение Оленина[2], президента Петербургской Академии художеств, касательно боковых лож, что они должны быть не горизонтальные, но косвенные или облическйе, параллельно к косине партера, предполагая, что сидящие в ложах, которые одна другой ниже, могут беспрепятственно видеть один через другого».

По-видимому, имеется в виду устройство Александринского театра, проект которого был утвержден 5 апреля 1828 г. (открытие состоялось 31 августа 1832 г.[3]).

Содержание выписки отзывается в первой редакции «Тараса Бульбы» (1834), в описании казни Остапа в Варшаве: «Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее».

[1] См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания).

[2] Алексей Николаевич Оленин (1763–1843), президент Академии художеств с 1817 г., историк, археолог, художник, государственный секретарь, член Государственного совета.

[3] См. ***1832. Августа 31. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 10. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальник второго отделения Департамента уделов В. И. Панаев подает вице-президенту департамента графу Л. А. Перовскому представление о переводе Гоголя-Яновского из помощников начальника «временного стола» Д. И. Ермолова[1] в помощники столоначальника[2] 1-го стола А. Д. Уманова, «с жалованьем на первый случай по 750 рублей».

Решением Перовского от 22 июля 1830 г. Гоголю с 10 июля начинают выплачивать жалованье вместо 600 рублей в год, – 750[3] (т. е. по 62 рубля 50 копеек в месяц, вместо прежних 50 рублей)[4].

Представление о назначении Гоголя на новую должность было связано с увольнением от должности помощника столоначальника 1-го стола чиновника 14-го класса Я. Ф. Геронтьева. По словам Панаева, хотя Гоголь «состоит на службе не более четырех месяцев, но получив хорошее образование и оказывая должное усердие, может с пользою исправлять сию должность»[5].

[1] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1830. Июля 22. Санкт-Петербург.***

[4] В повести «Шинель» (1842) герой Гоголя получает 400 рублей в год, мечтает о «сорока пяти или пятидесяти рублях» наградных (вместо обычных сорока). («Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей».) Ранее, на службе в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий, Гоголь, по его словам в письме к матери от 2 апреля 1830 г., получал жалованья менее 500 рублей («...[жалованья я получаю только до 500 рублей] жалованья я не получаю и 500 рублей...»)

С последующим поступлением Гоголя в Патриотический институт жалованье его опять уменьшилось – и точно «сравнялось» с жалованьем героя «Шинели», – он стал получать 400 рублей – что, впрочем, продолжалось, вероятно, лишь один-два месяца, после чего оклад ему был повышен в три раза, до 1200 рублей (см. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1831. Сентября 28. Понедельник. Санкт-Петербург***). Однако с началом 1832/33 учебного года это жалованье полностью перечислялось (в течение полутора лет) в уплату

обучения сестер в институте, и вновь получать свой преподавательский заработок Гоголь стал лишь с конца июля 1834 г. (т. е. почти два года Гоголь жил без жалованья). Судя по гоголевским письмам той поры — к М. П. Погодину от 4 апреля 1834 г., к матери от 10 июля 1834 г., — он испытывал тогда серьезные материальные затруднения.

[5] <Представление об определении Гоголя в должность помощника столоначальника> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 628.

ИЮЛЯ 11. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вице-президент Департамента уделов граф Л. А. Перовский, по представлению В. И. Панаева[1], выносит резолюцию о переводе Гоголя-Яновского из помощников начальника «временного стола» Д. И. Ермолова[2] в помощники столоначальника 1-го стола А. Д. Уманова, «с жалованьем на первый случай по 750 рублей»[3].

[1] См. ***1830. Июля 10. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1830. Июля 22. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 11. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«Сын мой, слава Богу, здоров. Я получила от него скоро после написания к вам[1] письмо. Я бы не воображала беспокоиться об нем, но Авдотьи Степановны[2] письмо было в таком странном роде было написанное, что напугало меня ужасно. Я знаю, что часто ему нельзя писать по причине многих его занятий по должности и притом еще отвлеченных, удовлетворяя своей страсти сочинять, хотя он хочет показать мне, что необходимость заставляет его сим заниматься, оттого что трудно себя содержать одним жалованьем, но тем только он хочет извинить свою склонность к сему роду занятий. Мне очень не нравится, что он себя так изнуряет, не имея времени к отдохновению, занимаясь по службе и не имея покою дома, но вижу точно большой дар в нем к сочинению, читая их, хотя они еще все без подписи его имени, считает еще недостойными подписывать. Он присылает мне один из лучших журналов под названием Отечественные записки, которой, он пишет, достается ему даром, потому что он помещает свои статейки, но все они без подписи и по одним догадкам только я узнаю, что его, иные малороссийские, в которых помещены мужиков наших имена и фамилии, которые он находил странными[3]. И при сих журналах прислал мне новой нравственной роман[4], которой, пишет, получил он от самого сочинителя, мне любопытно было его узнать, но подписи не было, и по слогу заключаю, что должен быть его, и написала теперь ему, что излишняя уже скромность не подписать на нем своего имени, и не знаю, что-то он будет ко мне отвечать. Роман сей сочинен отлично; характеры <так> выставленны чрезвычайно и добродетель в высшей степени.

Дочери мои, слава Богу, перенесли корь, но Машенька все нездорова».

Свод. Т. 1. С. 108.

[1] См. ***1830. Мая 5. Васильевка.***
[2] Леонтьева.
[3] Гоголь послал тогда матери номера журнала, где была опубликована, без имени автора, его повесть «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (Отечественные Записки. 1830. № 118. Февраль (цензурное разрешение 4 февр.). С. 238–264; № 119. Март (цензурное разрешение 4 марта). С. 421–442). — См. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург.***

[1] См. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮЛЯ 22. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Главные члены Департамента уделов М. С. Маврин, А. Г. Волков, Х. А. Ященко и П. И. Колошин и вице-президент департамента граф Л. А. Перовский выносят окончательное решение о переводе Гоголя-Яновского из помощников начальника «временного стола» Д. И. Ермолова[1] в помощники столоначальника 1-го стола А. Д. Уманова, «с жалованьем на первый случай по 750 рублей в год» (вместо прежних 600), которые решено выплачивать Гоголю «с 10 текущего июля»[2].

[1] См. ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***

[2] <Отношение и резолюция об определении Гоголя в должность помощника столоначальника> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 628–629. См. также ***1830. Июля 10. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 13. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«Андрей Андре<е>вич[1] в се<н>тябре только еще из Петербурга выедет, пишет к матушке своей. <...> Николенька мой пишет[2], что он теперь служит в департаменте уделов в министерстве двора, куда попал он чрез одно из своих сочинений, или, лучше сказать, по произволу Божию. Гофмейстер в том департаменте г. Перовский. Начальник отделения г. Панаев, очень хорошой и добрейший человек. Николя пишет, что он душою к нему предан».

Свод. Т. 1. С. 108.

[1] Трощинский.

[2] См. ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери и сестре Марии в Васильевку высказывает беспокойство по поводу отсутствия писем из дома в течение почти двух месяцев. Сообщает, что А. А. Трощинский выдавал ему деньги в июне, июле и августе и дал денег вперед за первую половину сентября, но завтра или послезавтра уезжает из Петербурга. Просит у матери выслать ему без замедления до конца года 300 рублей:

«Часто большие неудобства встречаются иногда от замедления присылки, и тогда принужден я бываю продавать за бесценок самонужнейшие вещи, которых приобретение становится впоследствии мне несравненно дороже».

Сообщает об успехах по службе:

«Всего только четыре месяца, как я служу, а получил на днях уже штатное место, до которого многие по пяти лет дослуживаются, иные даже по десяти, а всё не получают. С нового года надеюсь получать 1000 рублей жалованья...»

СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение августовского номера «Отечественных Записок», где напечатано заимствованное из рукописной хроники А. И. Ригельмана «Нигде не напечатанное доселе письмо Петра I к нежинскому наказному полковнику Жураковскому» 1708 г.

См. ***1708. Октября 28 – ноября 1; 1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 11. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1830. Сентября 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь присутствует на праздновании столетия Лейб-Гвардии Измайловского и Конного полков (возможно, по приглашению А. С. Данилевского, обучавшегося в Школе гвардейских подпрапорщиков).

Спустя три дня, 25 сентября 1830 г., «Северная Пчела» сообщала: «...22-го ч<исла> с<его> м<есяца>, по случаю совершившегося столетия полков Лейб-Гвардии Измайловского и Конного, был на Дворцовой площади сим полкам парад. <...> По сему торжественному случаю дан был *Его Величеством* обеденный стол, для гг. Генералов, Штаб и Обер-Офицеров Лейб-Гвардии Измайловского и Конного полков в манеже Берейторской Школы <...> на 500 кувертов <...>, а для нижних чинов сих полков – в Михайловском экзерцир-гаузе <...> на 5000 человек»[1].

Позднее, 29 сентября 1830 г., Гоголь писал матери: «Лейб-гвардии Измайловский и Конный полк праздновали на днях столетнее свое существованье. Праздник был блистательный; все офицеры, которые когда бы то ни было служили в этих полках, в полных мундирах присутствовали при нем, и солдаты, в первый раз, может быть, от роду, пили шампанское».

[1] Внутренние известия // Северная Пчела. 1830. 25 сент. № 115.

СЕНТЯБРЯ 23–27. ВТОРНИК-СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посещает выставку Академии художеств.

29 сентября 1830 г. Гоголь сообщал матери: «С 23-го сентября Академия художеств открыла выставку произведений своих за три прошедшие года. Это для жителей столицы другое гулянье: около тридцати огромных зал наполнены были каждый день до 27 числа толкающимися взад и вперед мужчинами и дамами, и здесь встречались такие, которые года по два не видались между собою. С 27 числа Академия открыта и для простого народа».

На выставке были представлены копии («во всю величину оригинала») фресок Рафаэля «Изведение Св. Апостола Петра из темницы» (1514) (копия П. В. Басина) и «Афинская школа» (1509) (копия К. П. Брюллова)[1], а также картины А. Е. Егорова «Обручение св. Екатерины», «Богоматерь со спящим Христом», «Дети, играющие с сатиром», картина В. К. Шебуева «Тайная вечеря» и его же «Двенадцать рисунков, изображающих деяния и страсти Господни, группы Ангелов, Апостолов и Пророков»[2] и др.

[1] Академическая выставка 1830 года. Письмо I // Северная Пчела. 1830. 14 окт. № 123; Академическая выставка 1830 года. Письмо II // Северная Пчела. 1830. 16 окт. № 124.
[2] Академическая выставка 1830 года. Письмо III // Северная Пчела. 1830. 30 окт. № 130.

СЕНТЯБРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку извещает о получении от нее денег «за сентябрь, октябрь и ноябрь» и письма от 11 сентября, поздравляет ее с наступающим днем Ангела (1 октября), сообщает об открытии выставки в Академии художеств[1] и праздновании 100-летия Лейб-Гвардии Измайловского и Конного полков[2]. Просит ходатайствовать за него у знакомых М. И. Гоголь в Полтаве Шамшевых:

«Не будете ли видеться с Шамшевыми? Они хорошо знакомы с <В. И.> Панаевым[3] и ведут с ним переписку. В таком случае не мешало бы, если бы они упомянули и обо мне. Это, я думаю, ускорило бы мне прибавку жалованья».

[1] См. ***1830. Сентября 23–27. Вторник-суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1830. Сентября 22. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] Непосредственный начальник Гоголя в Департаменте уделов.

ОКТЯБРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возможная сходка товарищей-земляков у Гоголя.

См. ***1829. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 10. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает матери в Васильевку «три следующие книжки» «Отечественных Записок», с предупреждением, чтобы она не искала в них его сочинений: «...Я уже с давнего времени не участвую в сем журнале...» Сообщает об отъезде А. А. Трощинского из Петербурга в Кагорлык 8 октября 1830 г. Беспокоится по поводу болезни сестры Марии.

ОКТЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход поэмы И. И. Козлова «Безумная»: Безумная. Русская Повесть в стихах. Сочинение Ивана Козлова (СПб., 1830).

В рецензии на поэму барон А. А. Дельвиг писал: «Разделяешь печаль с милым Певцом и невольно сердишься на него, что он заставил нас плакать от несчастий вымышленных и рассказанных оперною актрисой, а не настоящею поселянкой. Безумная его – театральная Нина, а не Офелия Шекспира, не Мария Кочубей Пушкина»[1].

Критик «Телескопа» также замечал: «С художественной точки зрения сие стихотворение не должно быть и рассматриваемо <...>, потому что Поэт вздумал вставить свою картину в рамы Рус-

ского ландшафта, под наше родное суровое небо, и написал ее — совершенно чужими красками. Кто узнает в *Безумной* подмосковную поселянку?»[2]

В начале 1831 г. Гоголь написал статью «О поэзии Козлова»[3], где, в частности, замечал: «Мне кажутся и доныне странными замечания и упреки многих Козлову, что в поэмах у него вечное торжество и однообразие жизни, что лица его не имеют полной романтической отделки и не живут собственной жизнью, что Безумная нимало не похожа на русскую крестьянку, словом, требуют от Козлова того, чего только вправе мы требовать от Пушкина, забывая, что для Козлова полная разнообразия внешняя жизнь не существует... <...> ...Лица и герои у него только образы, условные знаки, в которые облекает он явления души своей».

Размышления в этой статье о представляющихся поэту во мраке ярких цветах и красках («Глядя на радужные цвета <...>, тотчас узнаешь <...>, что они уже утрачены для него...») Гоголь перенес впоследствии в отрывок «Кровавый бандурист», где изобразил ощущения заключенного в темницу пленника (отрывок датирован Гоголем 1830–1832 гг.): «Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цвета, которые видел». Во второй редакции «Тараса Бульбы» это описание легло в основу величественной картины готического храма, куда попадает плененный страстью к прекрасной панночке Андрий[4].

[1] <*Дельвиг А. А., барон*>. Русские книги // Литературная Газета. 1830. 2 дек. № 68. С. 262.

[2] Библиография // Телескоп. Журнал современного просвещения, издаваемый Николаем Надеждиным. 1831. Ч. 1 (цензурное разрешение 6 янв.). С. 117–118.

[3] См. ***1831. Января первая половина. Санкт-Петербург***.

[4] См. также ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева*** (примечания).

НОЯБРЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет А. А. Трощинскому (в Кагорлык) о получении письма от сына[1]. Сообщает[2], что в трех других письмах он не раз писал о помощи, полученной от Трощинского:

«...Первый раз 300 рублей[3] и платье теплое и все, что было нужно ему; во второй раз 150 руб<лей>[4]; третий — то, что следовало от меня получить за 3 месяца[5] с половиною — я полагаю, 280 или 300 рублей. О прочих вспомоществованиях[6] ваших не именовал числа денег, а писал всегда, что опять получил вновь от редкого благотворителя моего помощь; и заключил, что он целый год от вас одних получал содержание... <...> и прибавлял: “что бы я делал, не имея такого благодетеля? Вы мне, маменька, не высылаете денег; видно ваши обстоятельства слишком трудны”. Я полагаю, что он, всякий раз, когда получал от вас помощь, писал ко мне, потому что почти в каждом письме хвалился мне новыми, вашими ему милостями, а я не думаю, чтобы он что утаил от меня; и потому с меня половину только просит из прежде назначаемой ему суммы за сей год[7], — чем много меня облегчил по вашей благотворительности; и на будущий год просит высылать половину, надеясь с нового года прибавки жалованья; а на предбудущий год надеется уже мне помогать. Но я никак не надеюсь на сие обещание; только приятно мне его намерение. Остающиеся за сей год 100 рублей я ему пошлю в конце месяца. Я также вижу, что он не выучился еще расчетливо жить».

Замечает, что нерасчетливость Николая заключается в его «страсти» к книгам, «для которых он в состоянии лишиться и пищи»[8], и в такой же недостаточно благоразумной помощи бедным[9].

«Я вас покорнейше прошу, благодетельный друг, — заключает письмо Мария Ивановна, — если вы удостоите иногда ответами Николая моего письма, продолжать строгие ваши ему поучения, чтобы он ни на минуту не выпускал из виду получавшие<ся> им изустные от вас наставления; а я, с своей стороны, буду продолжать ему свои морали; и тогда, с помощию Божиею, можно ожидать, что он будет истинный христианин и добрый гражданин...»

Свод. Т. 1. С. 83–84.

[1] См. ***1830. Октября 10. Санкт-Петербург.***

[2] 2 апреля 1830 г. Гоголь писал матери: «Хорошо, что я еще имел всё это время такого редкого благодетеля, как Андрей Андреевич. До сих пор я жил одним его вспомоществованием. <...> Деньги, которые я выпрашивал у Андрея Андреевича, никогда не мог употребить на платье, потому что они все выходили на содержание, а много я просить не осмеливался, потому что заметил, что я становлюсь уже ему в тягость. <...> Вы бы не худо однако же сделали, почтеннейшая маминька, если бы написали к нему письмо, в котором бы выразили ему в самых живейших и трогательнейших словах свою благодарность и вместе сказали бы ему, что я в своих письмах к вам не могу нахвалиться его ласками и его благодеяниями, беспрестанно мне оказываемыми».

[3] См. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1830. Февраля 2. Воскресенье. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург.***

[5] В письме от 1 сентября 1830 г. Гоголь сообщал матери: «Андрей Андреевич был так милостив, видя нужду мою, что оказал мне помощь, какой только можно было ожидать от добрейшего родственника. С июня месяца, т. е. с тех пор, когда я не получал ничего уже от вас, я пользовался его благодея<нием>: на три месяца он мне выдал сумму, какую следовало бы мне получить от вас. Следовательно за прошедшие месяцы июнь, июль и август вам нечего беспокоиться». В письме от 29 сентября 1830 г. Гоголь также писал: «Деньги, присланные вами, я принимаю за сентябрь, октябрь и ноябрь; прежние же месяцы, благодаря редкому, добрейшему нашему благодетелю Андрею Андреевичу, прожил я его деньгами».

[6] См. ***1829. Октября 27. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1830. Сентября 29. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1827. Апреля 6. Нежин.***

[9] См. ***1826. Апреля 21. Нежин.***

ИЮНЯ 3 – НОЯБРЯ 29. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К этому периоду относится подпись, сделанная, вероятно, Гоголем под его карандашным портретом работы неизвестного художника:

«Это я, Николай Васильев сын Гоголь-Яновский[1], — четырнадцатого класса»[2].

Лист с портретом и подписью Гоголя позднее был вложен в экземпляр четвертого тома «Сочинений Николая Гоголя» 1842 г. изд.; в 1948 г. поступил в Государственный литературный музей из Центрального Музея Татарской Республики[3].

[1] См. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См.: Н. В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Сост. А. М. Гордин. 2-е изд. Л., 1959. С. 268; Лики Гоголя. Гоголевская коллекция Государственного литературного музея. К 200-летию со дня рождения писателя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 17.

НОЯБРЯ 29. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 143) напечатано правительственное сообщение о начале 17 ноября 1830 г. в Варшаве польского восстания.

В связи с польским восстанием конца 1830–1831 гг. Гоголь перестал употреблять вторую часть своей фамилии – Яновский. Вторая часть фамилии Гоголь-Яновский была выскоблена им тогда в сделанной ранее владельческой подписи в записной книге 1830–1834 гг.: «...осталось только *Гоголь* и тире»[1]. (С О. М. Сомовым, который в письме к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1831 г. по-прежнему называет Гоголя Гоголем-Яновским, он, очевидно, познакомился до 29 ноября 1830 г.[2])

М. Н. Лонгинов, познакомившийся с Гоголем как домашним учителем в феврале 1831 г.[3], вспоминал: «Двойная фамилия учителя — Гоголь-Яновский, как обыкновенно бывает в подобных случаях, затруднила нас вначале; почему-то нам казалось сподручнее называть его г. Яновским, а не г. Гоголем; но он сильно протестовал против этого с первого раза.

— Зачем называете вы меня Яновским? — сказал он. — Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали»[4].

О нежелании Гоголя, чтобы его называли Яновским, вспоминал также Н. В. Кукольник: «...В Гимназии Гоголь, как между товарищами, так и по официальным спискам, Гоголем не назывался, а просто Яновским[5]. Едва ли удастся сказать в другом месте, так да позволено будет здесь прибавить, что однажды, уже в Петербурге, один из товарищей при мне спросил у Гоголя:

— С чего ты это переменил фамилию?..

— И не думал.

— Да ведь ты Яновский...

— И Гоголь — тож.

— Да что значит Гоголь?..

— Селезень, — отвечал Гоголь сухо и свернул разговор на другую материю»[6].

6 февраля 1832 г. сам Гоголь писал матери: «...Впредь прошу вас адресовать мне просто Гоголю, потому что кончик моей фамилии я не знаю, где делся. <...> ...Я нигде не известен здесь под именем Яновского, и почталионы всегда почти затрудняются, отыскивая меня под этою вывескою».

В письме к В. В. Тарновскому от 2 октября 1833 г. Гоголь также замечал: «Адрес мой: в Малой Морской, в доме под № 97, артиста Лепена; прямо Гоголю, Яновского не называть».

П. И. Бартенев, со слов княжны В. Н. Репниной-Волконской, в свою очередь, сообщал: «Гоголь был у Репниных свой человек и гащивал у них за границей, в Яготине[7] под Киевом и в Одессе. Позднее, в Москве[8], встретив где-то Гоголя, одна из Репниных обрадовалась и пригласила его к себе обедать запискою, на которой написала адрес: Н. В. Яновскому (так его звали в Малороссии). Гоголь обиделся, обедать не приехал и дал знать, что его имя Гоголь достаточно известно в Москве»[9].

С. П. Шелухин увидел в этом поступке отражение неприязненного отношения писателя к фактам «отречения от народности» своих предков — перехода на польскую сторону Евстафия (Остапа) (по другим источникам — Андрея) Гоголя[10], а также причисление себя дедом Гоголя Афанасием Гоголем-Яновским, к «польской нации»[11] ради получения дворянской грамоты: «Хотя это типичные явления в среде малорусского панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь некоторые черты для Андрея <так в источнике> взял из своих фамильных преданий. Гоголю эти отречения от народности были столько противными, что он отбросил от своей фамилии польскую приставку “Яновский”»[12].

[1] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 163. — См. также ***1829. Конец года. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Ноября 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург.***

[4] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 645.

[5] Ср. в воспоминаниях о Н. В. Кукольнике П. М. Ковалевского: «К старику (так называл он Державина) он обращался с набожным благоговением, к Пушкину снисходил, Гоголя не одобрял и к имени его постоянно прибавлял — Яновский» (*Ковалевский П. М.* Встречи на жизненном пути // *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. С прил. полного текста воспоминаний П. М. Ковалевского. Л., 1928. С. 308, 349). «По воспоминаниям К. А. Моисеева, Гоголь и Кукольник в гимназии были друзьями...» (*Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1991. Т. 50. № 1. С. 61; см. также: *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 69). — См. ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург.***

[6] *Кукольник Н. В.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // *Свод.* Т. 1. С. 551.

[7] См. ***1848. Мая между 25 и 29. Яготин.***

[8] См. ***1842. Февраля 13. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] Отрывки из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи П. И. Бартенева // *Свод.* Т. 3. С. 114.

[10] См. ***1674. Ноября 21–22. Польский королевский лагерь под Баром.***

[11] См. ***1788. В течение года. Киев.***

[12] *Шелухин С. П.* Гоголь и малорусское общество // Сборник, изданный Имп. Новороссийским ун-том по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. Одесса, 1909. С. 90–91.

ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь знакомится с бароном А. А. Дельвигом, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым.

В 1854 г. двоюродный брат А. А. Дельвига барон А. И. Дельвиг сообщал В. П. Гаевскому: «Молодые, только что начинавшие таланты находили у Дельвига самый радушный, ободрительный прием. В этом обществе явился, на самое короткое время Веневитинов, так рано похищенный у русской литературы. Он особенно сочувствовал Дельвигу, и бывал у него почти каждый день. В этот же кружок введены были А. И. Подолинский, барон Розен, В. Н. Щастный и, несколько позже, Гоголь. По смерти Дельвига[1] эти литературные собрания перенесены к П. А. Плетневу...»[2]

П. А. Кулиш, со слов Плетнева, сообщал: «Он <Гоголь> достал от кого-то рекомендательное письмо к В. А. Жуковскому, который сдал молодого человека на руки П. А. Плетневу[3], с просьбою позаботиться о нем»[4]. В. И. Шенрок добавлял: «Первые свои произведения Гоголь печатал или в "Северных Цветах", или в "Литературной Газете", причем первый № последнего издания был преимущественно занят его статьями[5]. Так как оба издания принадлежали Дельвигу, то естественно возникает мысль, не он ли рекомендовал Гоголя Жуковскому»[6].

Сам Гоголь в письме к Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. вспоминал: «Вот уже скоро двадцать лет с тех пор, как я, едва вступавший в свет юноша, пришел в первый раз к тебе, уже совершившему полдороги на этом поприще. Это было в Шепелевском дворце. Комнаты этой уже нет. Но я ее вижу как теперь, всю, до малейшей мебели и вещицы. Ты подал мне руку и так исполнился желаньем помочь будущему сподвижнику! Как был благосклонно-любовен твой взор!.. Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства».

Плетнев 27 октября / 8 ноября 1844 г. писал Гоголю: «...Что такое я? В отношении к общему ремеслу нашему — литературе — человек без таланта и необходимых сведений. Но человек, заменивший то и другое долговременною практикою, постоянными, многолетними, непосредственными, даже, смею сказать, дружескими сношениями с Дельвигом, Гнедичем, Пушкиным, Жуковским и Крыловым. <...> Наконец, что я как человек? Прямое, простое и мирное существо, закрывавшееся в тени своих привычек и чистых привязанностей, без претензий на что-либо, без всяких замыслов, любящее солнце, поэзию и безлюдье. Таков я был всегда; таким и ты нашел меня некогда; таким ты знал меня, если я не ошибался».

В письме к А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал: «...Скажу вам о характере моих сношений с моими литературными друзьями и приятелями, к числу которых принадлежит и Плетнев. Прежде всего у меня начались знакомства и сношенья с литераторами, потому что я сам был литератор. Я всегда умел уважать их достоинства и умел от каждого из них воспользоваться *тем, что* каждый из них в силах был дать мне. Для этого у меня был всегда ум. Так как в уме моем была всегда многосторонность и как пользоваться другими и воспитываться была у меня всегда охота, то неудивительно, что мне всякий из них сделался приятелем и близким, как имеющий в себе что-нибудь такое, чего другой собрат его не имеет. <...> Итак, умея ценить их, я умел от каждого из них воспользоваться кое-чем, а возблагодарить их за это откладывал всегда на дальше, то есть на то время, когда поумнею сам и буду в состоянии поучить их тому, чего у них недостает. Но никогда никому из них я не навязывался на дружбу, никого не просил из них или, что еще несправедливее, ни от кого не требовал жить со мной душа в душу, разделять со мною мои мнения и т. п. Словом, никаких никому не давал обещаний и никого не обязывал ничем относительно меня. Никому из них не поверял ни предположений, ни планов относительно меня самого и всего, что относилось лично к судьбе моей, считая это ненужным по многим причинам, во-первых, потому, что я и сам бы не мог в ясном виде сказать им того, что во мне самом еще находилось в младенчестве, во-вторых, потому, что посильное знание людей у меня, благодаря Бога, было уже и тогда, и я мог уже и тогда чувствовать, чем какой человек мог быть мне полезен и, стало быть, что именно ему следует и что не следует говорить, наконец, в-третьих, я уже и тогда чувствовал, что любить мы должны всех более или

менее, смотря по их достоинствам, но истинным и ближайшим другом, которому бы могли поверять мы все до малейшего движения нашего сердца, мы должны избирать только одного Бога. Это я живее и более должен был почувствовать, чем все другие, потому что одаренный по Его небесной милости многими сторонами характера и способностей, я бы никогда не мог высказать себя всего никому, и потому что за всякую глупую попытку быть откровенным не кстати и не у места платил уже и тогда весьма дорого. Итак, я уже и в начале смекнул мое положение и вел себя в отношении к моим литературным приятелям так, как следовало себя вести, говорил с ними слегка о некоторых моих литературных предположениях, но о себе самом, относительно моего душевного внутреннего состояния не говорил ни с кем. Со всеми ими я остался приятелем. И таково было положение дел до времени выезда моего из России[7]. Никто из них меня не знал [на самом деле]. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература, и что всё прочее ровно не существует для меня на свете».

23 марта 1851 г. сам Плетнев не без раздражения писал Гоголю: «Со мною ты и речи не заведешь о том, сколько и как у тебя идет литературная работа. <...> Не так жили со мною отшедшие друзья наши, о которых так мило говоришь ты в последнем письме ко мне[8]. У них, правда, не было по целому свету столько других друзей, как у тебя. Это одно объясняет мне особенность отношений твоих ко мне и несколько успокаивает меня. Тогда кружок наш был маленький, но так крепко сомкнутый, что ни одна чуждая нам фигура не могла втесниться к нам и разделить кого-нибудь из нас от другого. Невозвратное время! Ты худо его помнишь, потому что поздно пристал к нам. Смешно мне, что ты свои лета равняешь с моими[9]. Куда же тебе соваться тут? Ведь ты перед нами молокосос!»

[1] 14 января 1831 г. (см. ***1831. Января 25. Санкт-Петербург***).

[2] *Гаевский В. П.* Дельвиг. Статья четвертая // *Свод.* Т. 1. С. 722.

[3] См. ***1831. Февраля 22. Воскресенье. Неделя масленая. Санкт-Петербург.***

[4] *Кулиш 1852.* С. 198; *Свод.* Т. 1. С. 325.

[5] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[6] *Шенрок.* Т. 1. С. 297.

[7] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[8] 25 января 1851 г. Гоголь писал Плетневу из Одессы: «...Мне хочется очень с тобой, по старине, запершись в кабинете, в виду книжных полок, на которых стоят друзья наши, уже ныне отшедшие, потолковать, и почитать, вспомнив старину».

[9] К тому времени Плетневу было 58 лет, Гоголю – 42.

ДЕКАБРЯ 19. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку благодарит ее за присылку 100 рублей. Просит не верить сплетням о нем и не приписывать ему чужих сочинений:

«Вы мне приписываете те сочинения, которых бы я никогда не признал своими ни за какие деньги. <...> Вы бы по крайней мере обратились к какому-нибудь человеку, которому известен ход нашей литературы; тот бы вам сказал, что отрывки из комедии *Светский Быт*[1] были помещаемы три года назад тому, когда я был еще в Нежине, в журналах и альманахах, с полною подписью автора: *Павел Свиньин,* от которого я получил и роман *Якуб Скупалов*[2]. Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы я избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий. <...> Третью же, самую глупейшую статью я принужден был теперь только прочитать нарочно. Что вы нашли моего в этом *Лоскутке бумаги*[3]? и я, посвятивший себя всего пользе, обработывающий себя в тишине для благородных подвигов, пущусь писать подобные глупости, унижусь до того, чтобы описывать презренную жизнь каких-то низких тварей, и таким площадным, вялым слогом, буду способен на такое низкое дело, буду столько неблагодарен, черен душою, чтобы позабыть мою редкую мать, моих сестер, моих родственников, жертвовавших для меня последним, для какой-нибудь девчонки. Даже имя, подписанное под этой статьею, не похоже на мое – там, если не ошибаюсь, написано: В. Б–в. Зная, что вы мне не поверите без доказательства (я не знаю, чем я утратил ваше ко мне доверие; я вам говорил, что вы не встретите в посылаемом вам журнале ничего моего, вы мне не поверили), я старался всеми силами узнать имя

автора этой пьесы, и наконец узнал, что с моей стороны и не хорошо, потому что автор сам, может быть, чувствовал глупость этой статьи и не выставил полного своего имени, а я принужден объявить: это некто *Владимир Бурнашев*, служащий здесь, говорят, даже хороший молодой человек».

[1] Отрывки из комедии в стихах П. П. Свиньина «Светский быт» (славянофильского характера) печатались, без подписи автора, в «Отечественных Записках» 1830 г. № 117 (январь), № 119 (март), № 121 (май). Несколько сцен той же комедии появились в том же 1830 г. в альманахе «Радуга»; сцены, помещенные в альманахе, подписаны «П. Свиньин».

[2] См. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург.***

[3] Имеется в виду очерк «Лоскуток бумаги», напечатанный в № 122 «Отечественных Записок» (июнь 1830 г.), с подписью: «Вл. Б—в». Автор – писатель Владимир Павлович Бурнашев (1812–1888). Герой рассказа В. П. Бурнашева повергает к ногам «девчонки» Анеты денежное вознаграждение по службе.

ДЕКАБРЯ 20. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет в Васильевку написанное накануне письмо к матери.

См. ***1832. Января 15. Васильевка.***

ДЕКАБРЯ 21–22. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев получает из типографии отпечатанный тираж «Бориса Годунова» А. С. Пушкина.

Тархова. Т. 3. С. 1178.

ДЕКАБРЯ 23. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 153) напечатано извещение:

«Поступила в продажу в книжном магазине А. Ф. Смирдина: Трагедия *Борис Годунов, соч. А. С. Пушкина* Цена 10 р<ублей>, с пересылкою 11 р<ублей>»[1].

На последней странице обложки издания было напечатано: «Продается: В С.-Петербурге. В книжном магазине Александра Смирдина у Синего моста в доме г-жи Гавриловой под № 164».

[1] См. также ***1830 декабря после 23 – 1831 января начало. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 24. СРЕДА. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1831 год»[1] (цензурное разрешение 18 декабря 1830 г.; цензор Н. Щеглов), где напечатана «Глава из исторического романа» Гоголя «Гетьман» (с подписью «оооо» и датой «1830»)[2]; повести «Последний квартет Беетговена»[3] князя В. Ф. Одоевского, «Монастырь Св. Бригитты» В. П. Титова[4]; стихотворения А. С. Пушкина «Поэту» («Поэт! не дорожи любовию народной...»)[5], «Ответ анониму» («О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье...»)[6], «Монастырь на Казбеке»[7], «Отрывок» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»)[8], «Обвал»[9]; четверостишие князя П. А. Вяземского «К А. О. Рос-

сети»[10], а также сочувственные отзывы О. М. Сомова о повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» [11], о переводе Н. И. Гнедича «Илиады» Гомера[12], о переводах В. И. Любича-Романовича сонетов А. Мицкевича[13] и др.

П. А. Кулиш в 1852 г. писал: «В конце 1830 года напечатана была в “Северных Цветах” на 1831 год его <Гоголя> статья, под заглавием *Глава из Исторического Романа...* <...> Вместо имени автора под нею подписаны буквы или цифры: *оооо*»[14]. В. П. Гаевский в том же году предложил следующее объяснение (с которым позднее согласился Кулиш[15]): «Это не цифры, а буква *о*, выставленная четыре раза, потому что она встречается четыре раза в имени и фамилии автора: Николай Гоголь-Яновский»[16]. Поскольку с началом польского восстания Гоголь отказался от второй части своей фамилии[17], то, вероятно, такой псевдоним был придуман им до этого времени. (Впрочем, сам Гоголь в письме к матери от 21 августа 1831 г. сообщал, что его повесть «подписана четырьмя нулями»[18].)

«Глава из исторического романа» с небольшими изменениями была перепечатана позднее в сборнике «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя» (СПб., 1835. Ч. 1), с той же датой и примечанием: «Из романа под заглавием: “Гетьман”. Первая часть его была написана и сожжена, потому что сам автор не был ею доволен; две главы, напечатанные в периодических изданиях, помещаются в этом собрании». Вторая «глава» – «Пленник (Отрывок из исторического романа)»[19] – также была помещена в «Арабесках» с датой «1830».

[1] *Тархова.* Т. 3. С. 1179.

[2] <*Гоголь-Яновский Н. В.*> *оооо.* Глава. Из исторического романа // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830 (цензурное разрешение 18 дек.; цензор Н. Щеглов). <Отд. 1>. Проза. С. 225–256. – Незадолго перед тем, в конце 1820-х гг. или в начале 1830 г. Гоголь занес в «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (1826–1830) размышление французского историка О. Тьерри о необходимости художественного постижения прошлого и образного его представления.

[3] <*Одоевский В. Ф., князь*> *ь. ъ. й.* Последний квартет Беетговена // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 101–119.

[4] <*Титов В. П.*> *Тит Космократов.* Монастырь Св. Бригитты. (Повесть) // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 125–172.

[5] *Пушкин А.* Поэту. (Сонет) // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 3.

[6] *Пушкин А.* Ответ анониму // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 28–29.

[7] *Пушкин А.* Монастырь на Казбеке // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 47–48.

[8] *Пушкин А.* Отрывок // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 56.

[9] *Пушкин А.* Обвал // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 95–96.

[10] *К<нязь> Вяземский.* К А. О. Р*** // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 2>. Поэзия. С. 122. – См. ***1831. Июля после 10. Царское Село***; ***1831. Ноября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[11] «...Мы с удовольствием отдадим справедливость помещенной в О<течественных> З<аписках> малороссийской повести: *Бисаврюк,* сочиненной одним молодым литератором, Г-ном Г. Я . . . : в ней черты народные и поверья Малороссиян выведены верно и занимательно» (*Сомов О.* Обозрение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 17).

[12] «Замечательнейшим поэтическим явлением сего полугодия была бесспорно *Илиада Гомерова,* переведенная Н. И. Гнедичем» (*Сомов О.* Обозрение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 35).

[13] «Из произведений Поэзии, в конце 1829 года появились: <...> Два переложения Сонетов Мицкевича: 1) *Крымские Сонеты Адама Мицкевича, переводы и подражания И. Козлова,* и 2) *Стихотворения Адама Мицкевича, пер. с Польского В. Р<омановича>.* Оба перелагателя редко придерживались формы сонетов, и по большей части передавали оные в виде станцов. Отделкою стихов, искус<с>твом владеть языком и талантом находить счастливые, живые выражения, Г. Козлов, конечно, берет великие преимущества над своим состязателем; но переводы сего последнего, при всей небрежности слога и стихосложения, более имеют в себе той сжатости, которая составляет отличительный характер стихов Мицкевича» (*Сомов О.* Обозрение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные Цветы на 1831 год. СПб., 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 4–5). – См. также ***1829. Апреля не позднее 30. Санкт-Петербург.***

[14] *Кулиш 1852.* С. 200.

[15] См.: *Кулиш 1854.* С. 43; *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 88–89.

[16] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 330.

[17] См. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***
[18] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург.***
[19] См. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКОЛО 1830. ВАСИЛЬЕВКА

1830

Кончина Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб), бабушки Гоголя по отцовской линии.

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «...Бабушка, отца мать <...> умерла после отца моего; должно быть, мне тогда было пять лет»[1].

Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 206.

[1] Ср. ***1825. Марта 19. Четверг. Васильевка.***

ЯНВАРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1831

Вышел № 1 «Литературной Газеты», где напечатаны: «Учитель. (*Из Малороссийской повести: Страшный кабан*)» (с подписью: П. Глечик – псевдоним Гоголя), стихотворение А. С. Пушкина «Кавказ» и статья «Несколько мыслей о преподавании детям Географии» (с подписью: Г. Янов – тоже псевдоним Гоголя)[1].

В. П. Гаевский в 1852 г. указывал: «В первом нумере “Литературной Газеты” 1831 года напечатан отрывок: *Учитель*, из малороссийский повести *Страшный Кабан.* Употребленный здесь псевдоним *П. Глечик* <...> имеет то основание, что в историческом романе, из которого напечатана глава в “Северных Цветах”[2], одно из действующих лиц – миргородский *полковник Глечик.* <...> Напечатанная в том же нумере “Литературной Газеты” 1831 года статья Гоголя: *Несколько мыслей о преподавании детям Географии*, подписана *Г. Янов*, т. е. Гоголь-Яновский. Это была первая подпись, сколько-нибудь приближающаяся к настоящей фамилии автора и разоблачающая его таинственность»[3].

По предположению С. Н. Киселева, одним из поводов к написанию статьи «Несколько мыслей о преподавании детям Географии» послужило Гоголю прибытие в Петербург в 1829 г. знаменитого немецкого географа А. Гумбольдта, которому как гостю Императора был устроен торжественный прием (Гоголь датировал создание своей статьи именно 1829 г.)[4]. В апреле Гумбольдт был приглашен в императорский дворец, а 7 мая отправился в путешествие по России, во время которого посетил Москву, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Северный и Средний Урал, Западную Сибирь и Алтай. 1 ноября 1829 г. Гумбольдт вернулся в Петербург. 16 ноября его путешествию была посвящена специальная сессия Российской Академии наук, организованная по инициативе президента Академии С. С. Уварова. В ноябре 1829 г. Гумбольдт виделся также с А. С. Пушкиным[5]. 15 декабря 1829 г. немецкий ученый отбыл в Германию[6]. После посещения России между ним и Уваровым завязалась переписка, продолжавшаяся вплоть до 1852 г.[7]

Определенную роль в создании статьи сыграло также знакомство Гоголя в декабре 1830 г.[8] с В. А. Жуковским и П. А. Плетневым, из которых первый был наставником Наследника Престола, великого князя Александра Николаевича, второй – преподавал будущему Александру II и великим княжнам русскую словесность. Статья Гоголя может быть поставлена в прямую связь с путешествием Наследника по России. Эту поездку Цесаревич совершил в 1837 г. (она продолжалось с 2 мая по 12 декабря), но решение о ней было принято еще в 1827 г. (Как явствует из Проекта плана учения Наследника, составленного в то время Жуковским, «Путеш<ествие> по России» предполагалось совершить в заключение обучения, после 1835/36 учебного года[9].) Путешествие носило ознакомительный характер и, согласно инструкции Государя, имело целью помочь Наследнику «узнать Россию, сколько сие возможно» – «так, как она есть»[10].

Статья «о преподавании детям Географии» явилась своего рода «заявкой» Гоголя на занятие места учителя истории и географии в Патриотическом институте[11]. Тогда же Гоголь приступил к написанию детской книги по географии, фрагмент которой сохранился в его бумагах: «Что это за зима! Как уже она нам надоела, эта зима! Все снег да снег; куды как весело, не выходи из дому, не закутавшись наперед в шубу» и т. д.

Интерес Гоголя к географии — это прежде всего его восхищение делом рук Творца. «...Не больно ли, — как бы объясняет он во вступлении замысел статьи, — если показывают <...> вместо <...> этого какой-то безжизненный, сухой скелет, холодно говоря: "Вот земля, на которой живем мы, вот тот прекрасный мир, подаренный нам непостижимым его Зодчим!"»

Возможно, Гоголю был известен перевод М. П. Погодина статьи И. Г. Гердера «О приятности, пользе и необходимости географии»: «...География, представленная во всем разнообразии своем, богатстве, приведенная в умозрение, нераздельна с естественною и народною Историею, и служит для обеих самым прочным основанием. <...> Я смею сказать, что История без Географии, как и без летосчисления, сделалась бы, о большей части, настоящим воздушным замком: какая польза юноше, если он знает, что случилось, не зная, где ето случилось? <...> Словом, География есть основание Истории, а История есть не что иное, как приведенная в движение География всех времен и народов. — Кто занимается одною без другой, тот ни одной не понимает. <...> География и История <...> суть феатр <театр> и книга домостроительства Божия: История — книга; География — феатр»[12]. Перевод Погодин сопроводил примечанием: «К Редактору статья сия доставлена при следующей записке: "Во 2 № В<естника> Е<вропы> была помещена статья незабвенного нашего Черевина *о преподавании детям истории;* недавно в С<ыне> О<течества> также были напечатаны прекрасные мысли г-на Корниловича о преподавании детям Географии: это самое побудило меня отыскать в бумагах своих старой перевод одной *Гердеровой* речи, которую Автор произнес в школе, перед экзаменом. Речь эта написана наскоро, быть может накануне учебного акта; но в ней заключаются указания на те стороны Географии, о которых у нас вовсе не думают. Вскоре доставлю вам отрывок из прекрасной Шлецеровой *Истории для детей*, которую надеюсь вполне издать для нашей публики»[13].

В конце жизни, занимаясь продолжением своего главного труда — поэмы «Мертвые души», Гоголь одновременно задумывает книгу по географии России для юношества[14]. В июле 1851 г. Гоголь получил благословение на написание книги по русской географии у Оптинского старца Макария[15]. Сохранились некоторые подготовительные материалы к книге, в частности, сделанный Гоголем обширный конспект книги академика П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768–1773 гг.».

[1] Литературная Газета. 1831. 1 янв. Т. 3. № 1 (цензурное разрешение — 31 дек. 1830 г.). С. 1–7.

[2] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[3] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 330.

[4] *Киселев С. Н.* Статья Н. В. Гоголя «Мысли о географии» (история создания и источники) // Вопросы русской литературы. Межвузовский научный сборник. Вып. 2. Симферополь, 1996. С. 24.

[5] *Тархова.* Т. 3. С. 1016.

[6] См.: *Есаков В. А.* Александр Гумбольдт в России. М., 1960.

[7] Уваров еще в 1810 г., во время пребывания в Вене при русском посольстве, познакомился с братом А. Гумбольдта, известным ученым-лингвистом В. Гумбольдтом. В письме от 20 июля 1833 г. А. Гумбольдт поздравлял, в частности, Уварова с назначением на должность управляющего министерством (Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. М., 1962. С. 118).

[8] См. ***1830. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[9] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 10. С. 12.

[10] Николай I: наставления наследнику. Материалы к путешествию цесаревича Александра Николаевича по России и Европе в 1837–1839 гг. Публ., примеч., послесл. Н. Самовер // Наше наследие. 1997. № 39–40. С. 51, 54.

[11] См. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] *<Гердер И. Г.> <Погодин М. П. (перевод)> М. П—н.* О приятности, пользе и необходимости географии // Вестник Европы. 1825. № 9. С. 30–31, 32, 33–34.

[13] Там же. С. 23. — См. также ***1827. Марта 19. Суббота. Москва.***

[14] См. ***1847. Марта 5 <февраля 21>. Пятница. Неаполь***; ***1850. Июля 10–18. Васильевка***; ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***

[15] См. ***1851. Июля 21. Суббота. Оптина Пустынь.***

1830 ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 23 – 1831 ЯНВАРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь написал статью «Борис Годунов. Поэма Пушкина», с посвящением П. А. Плетневу[1].

Статья начинается с упоминания о книжном магазине А. Ф. Смирдина, куда 23 декабря 1830 г. поступила в продажу трагедия А. С. Пушкина[2]: «Книжный магазин блестел в бельэтаже * * * ой улицы...»

[1] См. также ***1830. Декабря 21–22. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1830. Декабря 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Предположительно в этот период Гоголь написал статью «О поэзии Козлова»[1] (статья, вероятно, предназначалась для «Литературной Газеты» барона А. А. Дельвига[2]).

[1] Ср. ***1829. Май. Санкт-Петербург***; ***1830. Марта 7. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1830. Октябрь. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает А. А. Трощинскому[1], что получила от сына письмо, «20-го декабря опущенное»[2]. Посылает ответное письмо сыну в Петербург[3].

[1] *Свод.* Т. 1. С. 84.
[2] См. ***1831. Декабря 19. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1831. Февраля 10. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 25. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел № 4 «Литературной Газеты» от 16 января, где в качестве заглавной статьи напечатано эссе Гоголя «Женщина»[1], являющееся данью памяти скончавшегося 14 января 1831 г. поэта барона А. А. Дельвига.

По смерти Дельвига проходившие у него по субботам литературные вечера, которые посещал Гоголь, переносятся к Плетневу и назначаются на среды и воскресенья[2].

Статья «Женщина» была написана Гоголем в период с 14 по 24 января 1831 г. на смерть барона А. А. Дельвига и развивает (как дань памяти поэта) мотивы дельвиговской поэзии. Она была напечатана в № 4 «Литературной Газеты», помеченной 16 января 1831 г. Однако поставленная здесь же дата цензурного разрешения – 24 января – сообщает о более позднем выходе газеты. Газета запоздала на семь дней по причине смерти ее издателя, барона Дельвига – последовавшей 14 января. Вышедший спустя десять дней после смерти Дельвига номер был полностью посвящен памяти поэта.

«Четвертый нумер, за болезнию редактора, запоздал десятью днями, и наконец вышел 25-го января, уже под редакциею О. М. Сомова, который с того времени и принял на себя издание Литературной Газеты»[3].

«В № 4 "Литературной Газеты" 16 января 1831 г., который начинается статьею "Женщина" с подписью Н. Гоголь, в первый раз появившеюся в печати, были помещены "Некролог Дельвига", написанный Плетневым, и «К гробу барона Дельвига» В. Туманского. <...> В той же газете были напечатаны стихотворения: "На смерть Дельвига" Гнедича, "Полет души" М. Деларю; его же "К могиле Дельвига", "Б. С. М. Д-г" (Баронессе Софье Михайловне Дельвиг) и "К Лизаньке Дельвиг" (дочери покойного) и барона Розена "Баронессе Елисавете Антоновне Дельвиг" и "Тени друга"»[4].

Гоголевская статья, открывавшая номер – и, в частности, содержащая прямые переклички с идиллией Дельвига «Изобретение ваяния»[5], – стала здесь своеобразным литературным памятником поэту и не вполне

отражает взгляды самого Гоголя. Можно, в частности, заметить, что описание в статье «греческой» красавицы Алкинои прямо перекликается с изображением волхвований колдуна, вызывающего «душу» Катерины в повести Гоголя «Страшная месть» (1832)[6]. Такое же двойственное отношение к идиллиям Дельвига встречается в известной Гоголю заметке А. С. Пушкина 1827 г. По словам поэта, Дельвиг, передавая в своих идиллиях «роскошь» и «негу» древнегреческой поэзии, выразил в них «прелесть более отрицательную, чем положительную»[7].

В образе охваченного преступной страстью колдуна «Страшной мести» содержится несомненная «поправка» к дельвиговскому безотчетному восхищению «прекрасным». Отдав дань памяти поэта, Гоголь оставляет за собой заветную для него — «сквозную» для всего его творчества — мысль о внеморализме эстетических переживаний. Согласно его взглядам, «бессилием» героев «против чувственности» объясняется возможность самоубийства кузнеца Вакулы в «Ночи перед Рождеством», предательство веры и отчизны «эстетически развитого» Андрия в «Тарасе Бульбе», казака Остраницы в незавершенном романе «Гетьман». (С этим же мотивом связан использованный Гоголем в «Ночи перед Рождеством» случай из жития св. Василия Великого, в котором объясняется, «почему запретили вход в алтарь женщинам»[8].)

[1] *Гоголь Н.* Женщина // Литературная Газета. 1831. 16 янв. Т. 3. № 4 (цензурное разрешение 24 янв.). С. 27–29.

[2] См. ***1830. Декабрь. Санкт-Петербург***; ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] <*Савельев-Ростиславич Н. В.*> *Н. В. С.* Дельвиг, барон... // Энциклопедический лексикон... СПб.: В типографии А. Плюшара, 1841. Т. 17 (цензурное разрешение 30 мая). С. 434.

[4] *Дельвиг А. И.*, барон. Мои воспоминания. Издание Моск. Публ. и Румянцевского музеев, <1912>. Т. 1. С. 119–120.

[5] См. ***1829. Декабря 20. Санкт-Петербург.***

[6] Еще одним источником при создании «Страшной мести» стала, в частности, «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Так, реплики героев «Страшной мести» о запечатанных в их подвале «медах» прямо перекликаются с содержанием нескольких заметок Гоголя, сделанных при чтении «Истории...» Карамзина: «У князей бывало не мало богатства в подвалах, кладовых и погребах: железо, медь, вино, мед, на гумнах множества хлеба. У Святослава Черниговского, брата Игоря, нашли 900 000 скирд. <...> Меду в подвалах 500 берковцев и 80 корчаг вина <берковец — русская мера веса в десять пудов; корчага — "большой сосуд", "глиняный горшок" — гоголевский "объяснительный словарь" русского языка>. <...> В междоусобных бранях обыкновенно дружина и вожди прежде всего старались овладеть кладовыми и погребами...» (заметка «Обычаи»). Эта заметка в свою очередь связана с размышлениями Гоголя о причинах замедления и «остановки» тогдашнего «хода развития» Руси, которую писатель усматривал в корыстолюбии князей: «Уделами менялись и торговались, как воины своими оружьями. <...> Часто иные князья, когда нравился им чужой удел, изгоняли с сильною дружиною князя... <...> Здесь-то нужно искать причины остановки хода развития в России» (заметка «Внутреннее устройство»). Эти же размышления отразились позднее и в строках первой главы «Тараса Бульбы» о «враждующих и торгующих городами мелких князьях», а также в знаменитой речи Тараса Бульбы о товариществе: «Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные меды их <...> Паскудная милость польского магната <...> дороже для них всякого братства...»

Кроме того, в заключении «Страшной мести» упоминаются «смешные присказки про Хому и Ерему». Одна из таких «присказок» — «Ой, що Хома да Ерема да роднi братья...» — сохранилась в гоголевском сборнике <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая> (см. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка*** — примечания).

[7] См. ***1834. Сентября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1851. Марта 18. Воскресенье. Одесса.*** — «Имяше же святый Василий Великий и благодать сию, яко егда возношаше литургисающи святыя дары, Духа Святаго благодать приходящую познаваше в знамении сицевом: голубь злат над Божественною трапезою висящь с Божественными дары, Божиею силою движимый, трикрыты сотрясашеся. Некогда же служащу блаженному и возносящу святая, и не бе обычного знамения в голубе, иже трикратным своим сотрясением знаменоваше Святаго Духа нашествие. Помышляющу убо Василию, что есть сие, узре единого от держащих рипиды диакона, помизающа на некую жену, стоящую пред олтарем. <...> От того убо времени святый Василий повеле быти в церкви пред олтарем завесам и преграде жен ради, да не кая дерзнет приникнути во олтарь во время Божественныя службы...» (Месяца Iаннуария в 1 день. Житие иже во святых отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийския // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Iаннуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 119). — Ср. в «Ночи перед Рождеством»: «А пойдет ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх ее синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза...» («из читаемой им книги», — добавлял Гоголь в черновой редакции). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону

Диканьки // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 521–523; То же // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции / Научн. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск, 2012. С. 148–150.

ЯНВАРЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» на сцене Александринского театра.

«В Понедельник, *26-го Января.* На Бол<ьшом> Т<еатре>: Горе от ума, Ком<едия>; Большой дивертиссемент (бенефис г. Брянского)».

Зрелища // Северная Пчела. 1831. 26 янв. № 20.

ЯНВАРЯ 31. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издан манифест об издании Свода действующих Законов Российской Империи.

Полн. собр. законов Российской Империи. 2 собр. СПб., 1834. Т. 8. Отд. 1. С. 68.

ФЕВРАЛЯ 6. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института благородных девиц Л. Ф. Вистенгаузен, по рекомендации П. А. Плетнева, ходатайствует перед статс-секретарем Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгиновым об определении «служащего ныне в Департаменте Уделов чиновника Г. Бюля» преподавателем истории «во 2-м и 3-м отделениях младшего возраста», с жалованьем 400 рублей в год (фамилия в документе искажена при переписывании; имеется в виду Гоголь)[1].

Необходимость в «особом учителе для преподавания Истории» в указанных отделениях мотивирована в ходатайстве тем, что «преподавание Истории в младшем Классе Патриотического Института, которое доныне относилось к обязанностям Младших Классных Дам Мелентьевой[2] и Шемелевой, по причине увеличившегося числа воспитанниц младшего возраста, оказывается для сих двух девиц обременительным»[3].

Из воспоминаний воспитанницы института: «Патриотический институт, младший из трех первостепенных петербургских заведений, основан вскоре после отечественной войны для детей убитых или раненых воинов... <...> Кроме благоговения к *Императрице Елизавете Алексеевне*, любви и доверенности к царствующему *Императору* и *Императрице*, в Патриотическом Институте сильно господствовало патриотическое чувство; было ли оно врождено или привито с детства? — мудрено решить; но так как большинство воспитанниц были дочери раненых воинов отечественной войны, то и понятно, что они охотно слушали о 12-м годе, и каждая сообщала к чужим рассказам что-либо слышанное ею в доме.

— У отца моего, — говорила одна, — оторвана рука под Тарутиным, а дядя убит под Бородиным.

— А моего отца, — говорила другая, — нашли замертво изрубленного на Бородинском поле, а двоих дядей и следов не нашли. <...>

Имена героев-предводителей, имена партизанов и анекдоты об них, быть может преувеличенные детским воображением, знали все наизусть. <...>

...Мы также гордились и своим институтом и дорогим именем *Патриоток*... <...>

Екатерининских Государь звал образцовым полком, а нас — своими Патриотками, и мы не считали себя в обиде. <...>

Расскажу еще случай: разнеслась смутная молва, что дочь декабриста Рылеева[4] поступает к нам, — никто не хотел этому верить...

Однажды вошла в класс начальница, чинная и несколько более обыкновенного грустная; она держала за руку маленькую, бледно-желтую девочку, которая робко озиралась большими, черными, выпуклыми глазами; цвет кожи и все движения ее были болезненны.

— Вот, дети, это сиротка Рылеева; Государю угодно было определить ее к нам, будьте к ней приветливы, — сказала maman.

При входе начальницы дети поднялись с мест своих; при словах же ее, краска негодования вспыхнула на лицах, но дети удержались от шума и слез, молча сели на места и опустили глаза в тетради.

Начальница подвела Настиньку Рылееву к первой скамье; велела подвинуться, и посадила первою с начала лавки. Maman ушла, классная дама ожидала взрыва, но девочки сидели молча, изредка меняясь друг с другом взглядом или тихим словом. Прозвонил колокольчик к обеду, дети начали становиться по парам, но первая лавка не трогалась с места, потому что никто не хотел заговорить с новенькой и сказать, чтоб она вышла из-за лавки и пропустила их идти к обеду. Увидя это, классная дама взяла новенькую, поставила ее парою с одноросткой ее; заметя же однако, что та не подавала руки своей, классная дама поставила сама их рука под руку, и пошла вперед, ведя все отделение.

— Несчастная! — послышалось сзади, в виде участия к той, которую заставили подать руку Настиньке. Проходя столовую, мы слышали отовсюду глухие возгласы: «несчастные, mesdames!» И действительно, мы считали себя такими — к нам, патриоткам, отдали дочь бунтовщика!

Не позорная смерть Рылеева, но дело его клало непроходимую преграду между нами и его дочерью.

— Мы обижать ее не станем; она не услышит от нас попрека или обидного слова, — решили девицы, — но пусть ее возьмут назад!

На другой день, по обычаю, новенькую увели в лазарет, где она оставлена была долее положенного срока, потом пришла в классы, и намерение девиц на ее счет не изменилось.

Улучив свободное время, когда Настиньки не было, M<ademois>elle M<елентьева> принялась уговаривать нас и дивиться нашему жестокосердию.

— Да ее отец покушался на жизнь Государя! — закричали мы в негодовании.

— Ее отца судили, и закон присудил его к смерти, — теперь же Рылеев перед Богом, Который простил кающегося разбойника!

M<ademois>elle M<елентьева> волновалась, ее лицо горело, в голосе и на глазах дрожали слезы.

— Царь милосерд, он простил, принял сироту на свое попеченье, вверил ее нам, — а вы что делаете? грех и стыд! Вы обижаете ребенка-сироту ни в чем не виноватую!

Еще много говорила она, многое вызвала, осмыслила и развила в нас; после этой беседы Настинька вошла в общую колею, ее полюбили не из одной жалости, но из-за личных ее достоинств: добра была, замечательно добра, тиха и услужлива»[5].

С начала 1820 г. Патриотический институт помещался в новом здании на Васильевском Острове, 10 линия, двухэтажный дом купца Бопре, достроенный третьим этажом к 1820 г. (по соседству с Морским Корпусом)[6]. «В 1831 году преподаватели Патриотического Института по своему служебному положению были приравнены к преподавателям подобных же заведений Ведомства Императрицы Марии...»[7]

В декабре 1832 г. в Патриотический институт поступили, по просьбе Гоголя, его сестры Анна (11-ти лет) и Елисавета (8-ми лет)[8]. Они проучились здесь семь лет (или неполных восемь лет учебных) и покинули его накануне 8-го выпуска 1840 г.[9] (выпуски воспитанниц совершались в институте раз в три года).

В 1833 г. в Патриотическом институте насчитывалось 234 воспитанницы[10].

В 1852 г., после кончины Гоголя, «одна из патриоток» А. Неклюдова (рожд. Беклешова) писала сестрам Гоголя: «...С вами заплакала и вся Русь святая над свежей могилой так рано похищенного гениального писателя нашего; не одну слезу пролили все наши патриотки 6 и 7 выпуска по своем добром, снисходительном учителе.

Не знаю, писали ли вам кто из наших, а мне писали некоторые и все заплатили дань скорби и сердечного сожаления нашему незабвенному Николаю Васильевичу»[11].

П. А. Кулиш, со слов Плетнева, сообщал: «Г. Плетнев был тогда инспектором Патриотического Института и исходатайствовал у Ее Императорского Величества для Гоголя в этом заведении место старшего учителя истории, которое он и занял с 10-го марта 1831 года»[12].

[1] См. также ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[2] М. А. Мелентьева, классная дама в Патриотическом институте в 1829–1844 гг. В 1829–1831 гг., до прихода в институт Гоголя, она, в частности, исполняла здесь должность учителя истории. Мелентьева, которую Гоголь называл «очень доброй и милой», присматривала в институте за его сестрами (см. ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***; ***1838. Июня 30 <18>. Суббота. Рим***).

[3] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 733.

[4] Согласно «Списку *Пансионеркам* Патриотического Института», составленному начальницей института Л. Ф. Вистенгаузен 7 октября 1831 г., Анастасия (Настасья) Рылеева поступила в институт 30 апреля 1829 г. (см.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 46). Ее имя («Рылеева Настасья») встречается также в «Списке Воспитанницам и Пенсионеркам Патриотического Института младшего возраста, назначенным к переводу в *старший* возраст» (см.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 48). Законоучителем Патриотического института, начиная с 1829 г. до самой своей кончины был духовник декабристов протоиерей Казанского собора П. Н. Мысловский (1777–1846). Возможно, Анастасия Рылеева была принята в Патриотический институт не без участия отца Петра. Впоследствии Анастасия Кондратьевна Рылеева (в замужестве Пущина, 1823–1890) стала издательницей сочинений своего отца: в 1861 г., с помощью внука Н. Н. Шереметевой Е. И. Якушкина, она издала их в Лейпциге, затем добилась издания в России (изд. 1872 и 1874 гг.). В 1878 г. с А. К. Рылеевой-Пущиной встречался Л. Н. Толстой, работавший над романом о декабристах. (О Рылеевой-Пущиной см.: *Рабкина Н. А.* Дочь К. Ф. Рылеева // Вопросы истории. 1969. № 7. С. 211–214).

Кроме Анастасии Кондратьевны Рылеевой, в Патриотическом институте училась также Елисавета Михайловна Рылеева, поступившая 1 марта 1830 г. (см.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 46; Список Пансионеркам Патриотического Института, назначаемым *к выпуску* в 1834 г. // *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 136). (А. К. Рылеева в последнем списке, а также в «Списке Воспитанницам Патриотического Института, назначаемым к выпуску в 1832 г.»; *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 135; не значится.) В архиве Патриотического института сохранилось также представление начальницы института Л. Ф. Вистенгаузен от 22 сентября 1833 г. об увольнении дочери «генеральши Рылеевой» Елисаветы, «до наступления выпуска», с резолюцией статс-секретаря Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгинова от 25 сентября того же года:

«П<атриотический> И<нститут>.
№ 738.
Ея И<мператорско>е В<еличест>во соизволяет на выпуск девицы Рылеевой из Патриотического Института на попечение ея матери.
25 сентября 1833.
Н. Лонгинов.

Генеральша Рылеева – мать воспитывающейся в Патриотическом Институте пансионерки Государя Императора девицы Елисаветы Рылеевой, – просит об увольнении сей ея дочери из Института до наступления выпуска, коего она не может ожидать по случаю скорого отъезда ея из Петербурга.

О таковой просьбе честь имею представить на благорассмотрение Вашего Превосходительства.

Начальница Института *Л. Вистенгаузен.*

№ 190.
22 сентября 1833 г.
Выпущена 20 октября 1833»
(*ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 44).

[5] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 743, 745–746.

[6] *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 161.

[7] Там же. С. 58. – См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1832. Декабря 5. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[10] См.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 56.

[11] *Шенрок.* Т. 3. С. 546; *Свод.* Т. 1. С. 749.

[12] *Кулиш 1852.* С. 198; *Свод.* Т. 1. С. 325.

ФЕВРАЛЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает из Васильевки письмо от матери.

См. ***1831. Февраля 10. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На официальном ходатайстве Л. Ф. Вистенгаузен[1] рукою Н. М. Лонгинова написана резолюция о зачислении Императрицей Александрой Феодоровной «Г. Бюля» (фамилия искажена; имеется в виду Гоголь) учителем истории в Патриотический институт:

«Ея И<мператорско>е В<еличест>во соизволяя на сие представление повелевает допустить Г. Бюля к преподаванию».

Ниже следует помета: «Гоголь-Яновский. Бюлем назван по ошибке»[2].

Позднее, 16 апреля 1831 г., Гоголь сообщал матери: «Государиня приказала читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц»[3].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «В начале <...> <1831> года, с Высочайшего соизволения Ея Императорского Величества, Гоголь определен в Патриотический Институт старшим учителем истории, состоя в чине титулярного советника[4] со дня вступления в эту должность...»[5].

[1] См. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 733.
[3] См. ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург.***
[4] Подробнее см. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[5] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

ФЕВРАЛЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает, что получил ее письмо от 15 января[1] «третьего дня» (т. е. 8 февраля[2]). В связи с эпидемией холеры замечает: «Письмо ваше меня обрадовало тем, что из него увидел я, что места наши, славу Богу, благополучны». Объясняет матери причины, по которым не может встретиться с ее двоюродным дядей, петербургским откупщиком Г. И. Шостаком[3]. Далее сообщает:

«Насчет дела г-жи Клименковой[4] удовлетворительного ничего не могу сказать. <...> ...Комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием; следовательно не только не в праве требовать себе пенсии, но даже могут ожидать неприятностей. Впрочем Государь милостив. Если бы она нашла себе другой какой предлог требовать, может быть, тогда было бы это успешнее».

Пишет, что в следующем году будет иметь «возможность содержать себя собственными трудами»; просит прислать «немедленно»[5] 250 рублей на первые полгода и такую же сумму в июне — на второе полугодие:

«Весь этот год будет более ничего, как только утвержение мое, укрепление на месте, обеспечение от всех нужд; и потому весь этот год я не могу и не должен даже на время оставлять поста своего, следовательно должен даже отложить надежду на радостное свидание с вами; но в следующем году вы прижмете к нежной материнской груди вашей жарко любящего вас сына...»

[1] См. ***1831. Января 15. Четверг. Васильевка.***
[2] См. ***1831. Февраля 8. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург.***
[4] Речь, по-видимому, идет о соседке Гоголей по имению Марии Васильевне Клименко (см. ***1832. Апреля 16. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1832. Апреля 24. Васильевка***), вдове титулярного советника Григория Федоровича Клименко, бывшего в 1823–1825 гг. одним из трех секретарей Комиссии для строений в Москве, в 1826–1827 гг. – одним из «смотрителей материалов» Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя (по сведениям на 8 декабря 1826 г.) (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1827. СПб., <1827>. Ч. 1. С. 970). В 1828 г. Г. Ф. Клименко продолжал состоять в числе «смотрителей материалов» при Комитете, Высочайше учрежденном по делам бывшей Комиссии о сооружении в Москве Храма во имя Христа Спасителя (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1828. СПб., <1828>. Ч. 1. С. 972).
[5] См. ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 18. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издан указ «О воспитании Российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях».

«4364. – Февраля 18. (Распублкован 25 февраля.) – О воспитании Российского юношества предпочтительно в отечественных учебных заведениях.

При способах воспитания, в Отечестве нашем ныне существующих и при твердом намерении Нашем еще более распространить и усилить их, Мы с прискорбием усматриваем некоторые примеры стремления к образованию юношества вне Государства и вредные последствия для тех, кои таковое чужеземное воспитание получают. Молодые люди возвращаются иногда в Россию с самыми ложными о ней понятиями. Не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного.

В отвращение столь важных неудобств, Мы признали нужным постановить следующее:

1. Российское юношество от 10 до 18 лет возраста, должно быть воспитываемо предпочтительно в отечественных публичных заведениях, или хотя и в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России.

2. Изъятия из сего правила могут быть делаемы единственно по каким-либо важным паричинам и никогда иначе, как с Нашего разрешения.

3. Юноши моложе 18 лет возраста не могут быть отправляемы в чужие краи для усовершения в науках.

4. Те, при воспитании коих не будут соблюдены вышеизложенные правила, лишаются права вступать в Военную и во всякую другую Государственную службу, и чтобы изъятия из сего допускаемы были не иначе, как с Высочайшего разрешения; юношей моложе 18 лет вообще запрещено отправлять в чужие краи для усовершения в науках. Те, при воспитании коих не будет впредь соблюдены сии правила, лишаются права вступать во всякую Государственную службу»[1].

В 1831 г. в Отчете Министерства Народного Просвещения был выделен также отдельный раздел «Меры для предупреждения вреда от воспитания чужеземного», в котором говорилось: «При способах воспитания, в России ныне существующих, и при твердом намерении Правительства еще более распространить и усилить их, оно обратило внимание на вредные последствия, проистекающие от чужеземного воспитания для тех молодых людей, которые, получив образование свое вне отечества, возвращаются иногда с самыми ложными о нем понятиями, и не зная его истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, являются чуждыми посреди всего отечественного. В отвращение столь важных неудобств Указом 25 Февраля 1831 года поста-

новлено, чтобы Российское юношество, от 10 до 18 лет, воспитываемо было предпочтительно в отечественных публичных заведениях, или хотя и в домах своих под надзором родителей и опекунов, но всегда в России и чтобы изъятия из сего допускаемы были не иначе, как с Высочайшего разрешения; юношей моложе 18 лет вообще запрещено отправлять в чужие края для усовершения в науках. Те, при воспитании коих не будет впредь соблюдены сии правила, лишаются права вступать во всякую Государственную службу»[2].

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. Отделение 1. С. 167–168.

[2] Извлечение из Отчета Министерства Народного Просвещения за 1831 год. Издано по Высочайшему повелению. СПб., 1833. С. 9–10.

ФЕВРАЛЯ 18. СРЕДА. МОСКВА

Венчание А. С. Пушкина с Н. Н. Гончаровой.

Тархова. Т. 3. С. 1209–1210.

ФЕВРАЛЬ (?). САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь по протекции П. А. Плетнева получает частные уроки в домах П. И. Балабина, Н. М. Лонгинова и, вероятно, чуть позже[1], – у князя А. В. Васильчикова[2].

П. А. Кулиш, со слов Плетнева, сообщал: «Чтоб доставить ему <Гоголю> больше средств для жизни, Плетнев ввел его наставником детей в дома П. И. Балабина, Лонгинова и А. В. Васильчикова[3], к которым поэт до конца жизни[4] сохранил самые дружеские чувства»[5].

Я. К. Грот указывал: «Петр Иванович Балабин был отставной генерал корпуса жандармов. Он жил в своем доме на Английской набережной, близ Николаевскаго моста. Супруга его, Варвара Осиповна, француженка по происхождению, была женщина чрезвычайно образованная, начитанная, с тонким вкусом в оценке произведений литературы и искусств. У них были два сына и дочь[6]. Один из братьев, покойный Виктор Петрович[7], был посланником в Вене, другой, Евгений, проживает в Париже, как член ордена иезуитов[8]. Когда Гоголь начал приобретать известность, Плетнев ввел его в дом Балабиных, и будущий автор «Мертвых Душ» сделался учителем даровитой и любознательной Марии Петровны (впоследствии <с 1844 г.[9]> госпожи Вагнер)»[10].

М. Н. Лонгинов[11] в 1854 г. вспоминал: «В первый раз увидел я Гоголя в начале 1831 года. Два старшие мои брата и я поступили в число учеников его. Это было в то же время, когда он сделался домашним учителем и в доме П. И. Балабина, и, сколько помню, несколько раньше, чем знакомство его с домом А. В. Васильчикова. Гоголь был рекомендован моим родителям покойным В. А. Жуковским и П. А. Плетневым, которые, по дружбе своей к ним, всегда принимали живое участие в деле нашего воспитания и образования.

В то время, о котором я говорю, Гоголь действительно был очень похож на портрет, изображенный автором “Опыта биографии”[12]. Первое впечатление, произведенное им на нас, мальчиков от девяти до тринадцати лет, было довольно выгодно, потому что в добродушной физиономии нового нашего учителя, не лишенной, впрочем, какой-то насмешливости, не нашли мы и тени педантизма, угрюмости и взыскательности, которые считаются часто принадлежностию звания наставника. Не могу скрыть, что, с другой стороны, одно чувство приличия, может быть, удержало нас от порыва свойственной нашему возрасту смешливости, которую должна была возбудить в нас наружность Гоголя. Небольшой рост, худой и искривленный нос, кривые ноги, хохолок волосов на голове, не отличавшейся вообще изяществом прически, отрывистая речь, беспрестанно прерываемая легким носовым звуком, подергивающим лицо, – все это прежде всего бросалось в глаза. Прибавьте к это-

му костюм, составленный из резких противоположностей щегольства и неряшества, — вот каков был Гоголь в молодости[13]. <...>

Уроки начались немедленно и происходили более по вечерам. Несмотря на то, что такие необыкновенные часы могли бы произвести неудовольствие в мальчиках, привыкших, как мы, учиться только до обеда, классы Гоголя так нас веселили, что мы не роптали на эти вечерние уроки. Сначала предполагалось, что он будет преподавать нам русский язык. Немало удивились мы, когда в первый же урок Гоголь начал толковать нам о трех царствах природы и разных предметах, касающихся естественной истории[14]. На второй урок он заговорил о географических делениях земного шара, о системах гор, рек и проч. На третий — речь зашла о введении во всеобщую историю. Тогда покойный старший брат мой решился спросить у Гоголя: "Когда же начнем мы, Николай Васильевич, уроки русского языка?" Гоголь усмехнулся своею сардоническою усмешкою и ответил: "На что вам это, господа? В русском языке главное дело — уметь ставить ѣ и *е*, а это вы и так знаете, как видно из ваших тетрадей. Просматривая их, я найду иногда случай заметить вам кое-что. Выучить писать гладко и увлекательно не может никто; эта способность дается природой, а не ученьем". После этого классы продолжались на прежнем основании и в той же последовательности, т<о> е<сть> один посвящался естественной истории, другой — географии, третий — всеобщей истории.

Я сказал уже, что уроки Гоголя нам очень нравились. Это немудрено: они так мало походили на другие классы; в них не боялись мы ненужной взыскательности со стороны учителя, слышали от него много нового, для нас любопытного, хотя часто и не очень идущего к делу. Кроме того Гоголь при всяком случае рассказывал множество анекдотов, причем простодушно хохотал вместе с нами. Новаторство было одним из отличительных признаков его характера. Когда кто-нибудь из нас употреблял какое-нибудь выражение, уже сделавшееся давно стереотипным, он быстро останавливал речь и говорил, усмехаясь: "Кто это научил вас говорить так? Это неправильно; надобно сказать так-то". Помню, что однажды я назвал Бальтийское море. Он тотчас же перебил меня: "Кто это научил вас говорить: Бальтийское море?" Я удивился вопросу. Он усмехнулся и сказал: "Надобно говорить: *Бальтическое* море; называют его именем Бальтийского — невежды, и вы их не слушайте". Но какой тон добродушия слышался во всех его замечаниях! Какою неистощимою веселостию и оригинальностию исполнены были его рассказы о древней истории! Не могу вспомнить без улыбки анекдоты его о войнах Амазиса, о происхождении гражданских обществ и проч.

Свидетельство многих опытных людей доказывает, что Гоголь не был сотворен ни профессором, ни педагогом. Кажется, это не подлежит сомнению. Конечно, блестящий талант его мог облекать роскошными красками какие-либо исторические материалы и создать из них исполненную интереса лекцию, подобную той, о которой говорится в "Опыте его биографии". Но от такой попытки, доступной людям, уже знакомым с предметом и ищущим только рассмотрения его лектором с новой стороны, до возможности преподавать целый ученый курс — так же далеко, как и до уменья элементарным образом передавать ученикам какие-либо сведения. В начале тридцатых годов Гоголь занимался сочинением синхронистических таблиц для преподавания истории по новой методе и, кажется, содействовал В. А. Жуковскому в составлении новой системы обучения этой науке, основания которой были изданы в свет впоследствии. Таблицы свои приносил Гоголь и к нам, но употреблял их только в виде опыта.

Гоголь скоро сделался в нашем доме очень близким человеком. В дни уроков своих он часто у нас обедал и выбирал обыкновенно за столом место поближе к нам, детям, потешаясь и нашею болтовней и сам предаваясь своей веселости»[15].

Вызывает сомнение подлинность гоголевского портрета, датируемого, предположительно, этим временем и приписываемого шестнадцатилетнему М. Ю. Лермонтову. В 1977 г. М. Э. Гаско высказано предположение, что в конце октября 1830 – начале января 1831 г. Лермонтов с своей бабушкой Е. М. Арсеньевой был в Москве, где навещал своих родственников Лонгиновых, три брата которых были в то время учениками Гоголя, и написал тогда шаржированный, близкий к «карикатурности» портрет Гоголя (где писатель изображен «сутулым или почти горбуном»), с подписью: «1830. Гоголь. Lermantoff»: «Портрет этот, сделанный гуашью, небольшого размера, изображает Гоголя в полный рост, в профиль. Гоголь здесь во фраке, с длинной трубкой, в очках, с книжками и тетрадями под мышкой. Упомянутый портрет хранится сейчас в Центральном историческом музее СССР, в Москве, куда попал из коллекции известного театрального деятеля и коллекционера А. А. Бахрушина.

<...> ...Лермонтов в 1830 году часто подписывался на французском языке и <...> писался тогда не "Лермонтов", а "Лермантов", как это видим и на портрете, о котором идет речь... <...> 1 октября <1830 г.> Сушкова с отцом выехала из Москвы, где оставался Лермонтов со своей бабушкой. <...> ...5 октября <...> эта дата стоит со ссылкой на Москву и холеру под стихотворением "Могила бойца". Вероятнее всего, они двинулись из Москвы в тот же или в один из ближайших дней. И оставляя охваченный холерой город, Арсеньева с внуком направилась в Петербург... <...> Это подтверждает стихотворние (зачеркнутое) Лермонтова "Сыны снегов, сыны славян" с заглавием (не зачеркнутым): "Новгород 13 октября 1830". <...> Впрочем, заголовок "Новгород 13 октября 1830" не единственное доказательство путешествия Лермонтова. <...> ...М. Н. Лонгинов, дальний родственник Лермонтова по матери, пишет в своих воспоминаниях: "Я узнал Лермонтова в 1830 году, когда он был еще отроком, а я ребенком. Он привезен был тогда из Москвы в Петербург..."[16] Добавим к этому, что три брата Лонгиновых были в это время учениками Гоголя... <...> Да и сам рисунок изображает Гоголя в роли учителя: с книгами и тетрадями под мышкой. Портрет, очевидно, рисовался Лермонтовым у Лонгиновых в конце 1830 года. Что касается самого Лермонтова, то в начале 1831 года, когда в Москве холера прекратилась, а в Петербурге, напротив, вспыхнула, — он с бабушкой, вероятно, отправился в обратный путь»[17].

[1] См. ***1831. Июня конец. Павловск***.

[2] Князь Алексей Васильевич Васильчиков (1778–1854), действительный тайный советник, сенатор. «Он был родной брат княгини М. В. Кочубей, супруги канцлера <В. П. Кочубея>, и внук гетмана Разумовского. Мать его, Анна Кирилловна, окончила жизнь схимонахинею в Калужском Казанском монастыре, под именем старицы Агнии» (*Бартенев П.* Александра Ивановна Васильчикова (некролог) // Московские Ведомости. 1855. 20 сент. № 113 / Литературный отдел Московских Ведомостей 1855 года, сентября 20-го дня, № 113. С. 463).

[3] Гоголевскую характеристику этих семейств см., в частности: ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***; ***1850–1851. Москва***.

[5] *Кулиш 1852*. С. 198; *Свод*. Т. 1. С. 325.

[6] Две дочери — Мария и Елизавета Петровны Балабины. Позднее у сына Елизаветы Петровны (в замужестве княгиня Репниной-Волконской), князя Н. В. Репнина-Волконского, хранились два недошедших до нас гоголевских автографа по всемирной истории. В 1890 г. об этих автографах сообщал редактору журнала «Киевская Старина» Е. А. Кивлицкому этнограф и критик В. П. Горленко: «Рукопись эта была у меня в руках. Она принадлежит князю Репнину и взята была мной из его архива... По сходству почерка и отчасти по слогу я сразу сделал предположение о принадлежности этих рукописей Гоголю. Но Н. В. Стороженко, с свойственным ему холодным взглядом... стал оспаривать мое мненье, доказывая, что почерк похож на Дунин-Борковской, жившей у Репниных. Несколько времени я держал рукописи у себя, желая показать их <С. И.> Пономареву как эксперту по гоголевскому почерку (очень менявшемуся в разные периоды), но, не дождавшись его, я поддался сомненью и сам и, не застав кн<язя> Репнина в Киеве, отдал рукописи (две тетради) Н. Стороженку для возвращения их, вместе с другими бумагами, Репнину. Бывши в последний раз в Киеве, я купил новое, замечательное тихонравовское издание Гоголя... и, к удивлению своему, в томе пятом, на стр. 539, нашел маленький отрывок "Введение в древнюю историю", представляющий, как мне кажется (репнинской рукописи у меня нет, и я сужу по памяти) буквально начало (первые одна или две страницы) рукописи Гоголя, бывшей у меня...» (*Айзеншток И. Я.* Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского государственного ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 36. В. П. Горленко имеет в виду отрывок Гоголя 1833–1834 г. «Введение в древнюю историю»; см. раздел «Наброски и заметки по истории древнего мира» в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 8). Упомянутое «Введение» Гоголя в древнюю историю перекликается с содержанием лекций «Древняя Всеобщая История», «Обозрение Всеобщей Истории» в записной книге Гоголя 1835 г.

[7] В. П. Балабин (1811–1864), впоследствии тайный советник, русский посол в Вене (см. ***1844. Мая 6 <апреля 24>. Понедельник. Париж***).

[8] Перешел в католичество в 1852 г. (см. также ***1836. Июля конец — августа средина <июля средина — августа начало>. Баден-Баден***).

[9] См. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург***.

[10] *Грот Я. К.* Письма Плетнева к Гоголю. 1844–1851 // Русский Вестник. 1890. № 11. С. 36; *Свод*. Т. 1. С. 326.

[11] Михаил Николаевич Лонгинов (1823–1875), библиограф и историк литературы. В начале 1831 г. Гоголь получил место домашнего учителя 8-летнего Михаила Лонгинова и его двух старших братьев.

[12] «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша был опубликован, под именем Николая М., с продолжением, в трех номерах журнала «Современник» за 1854 г. (№ 2–4; дата цензурного разрешения последнего номера — 31 марта), а затем вышел отдельным изданием (цензурное разрешение 22 апр. 1854 г.). Статья М. Н. Лонгинова следовала в журнале непосредственно за публикацией Кулиша: *Николай М.* Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Окончание второго периода // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1854. № 3 (цензурное разрешение 28 февр.). Отд. 2. С. 1–84;

Лонгинов Мих. Воспоминание о Гоголе. (По поводу Опыта его биографии) // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1854. № 3. Отд. 2. С. 85–90. В следующем номере журнала публикация «Опыта...» Кулиша была завершена: *Николай М.* Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Окончание третьего (и последнего) периода // Современник. Литературный журнал, издаваемый с 1847 года И. Панаевым и Н. Некрасовым. 1854. № 4. Отд. 2. С. 91–154).

[13] См. также ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[14] Речь идет о минералогии, ботанике и зоологии. См., в частности: ***1825. Августа вторая половина – декабря 17. Нежин***; ***1826. Августа 16 – декабря 18. Нежин***; ***1827. Августа 19 – декабрь. Нежин.***

[15] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 645–646.

[16] Ср. полный текст цитируемого отрывка воспоминаний М. Н. Лонгинова: «Я узнал Лермонтова в 1830 или 1831 году, когда он был еще отроком, а я ребенком. Он привезен был тогда из Москвы в Петербург, кажется, чтобы поступить в университет, но вместо того вступил в 1832 году в юнкерскую школу лейб-гусарским юнкером...» (*Лонгинов М. Н.* Заметки о Лермонтове // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 191).

[17] *Гаско М.* Лермонтов рисует Гоголя // Правда Украины. 1977. 3 марта. № 52. С. 4.

ФЕВРАЛЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕДЕЛЯ МАСЛЕНАЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев в письме к А. С. Пушкину в Москву рекомендует Гоголя:

«Надобно познакомить тебя с молодым писателем[1], который обещает что-то очень хорошее. Ты, может быть, заметил в Сев<ерных> Цветах отрывок из исторического романа, с подписью “0000”[2], также в Литературной Газете “Мысли о преподавании географии”[3], статью “Женщина”[4] и главу из малороссийской повести “Учитель”[5]. Их писал Гоголь-Яновский. Он воспитывался в Нежинском Лицее Безбородки. Сперва он пошел было по гражданской службе, но страсть к педагогике привела его под мои знамена: он перешел также в учители. Жуковский от него в восторге[6]. Я нетерпеливо желаю подвести его к тебе под благословение. Он любит науки только для них самих и как художник готов для них подвергать себя всем лишениям. Это меня трогает и восхищает»[7].

[1] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1830. Декабря 18. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1830. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[7] *Свод.* Т. 1. С. 658.

ФЕВРАЛЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Студент 14 класса Николай Гоголь-Яновский», подает начальнику второго отделения Департамента уделов В. И. Панаеву, на имя вице-президента департамента графа Л. А. Перовского, прошение о своем увольнении.

«Не имея возможности по домашним обстоятельствам продолжать службу под начальством Вашего Превосходительства всепокорнейше прошу уволить меня из департамента уделов и снабдить надлежащим аттестатом».

В тот же день Панаев представляет прошение Гоголя Перовскому[1].

В записке о сыне Мария Ивановна сообщала: «Он, увидя, что там сидячая жизнь и только копированье, писал ко мне, что он безжалостно оставляет свою должность, которую другой с удовольствием приймет; потом он издал прожект о воспитании детей[2] так, чтоб их ум действувал и

чтоб они говорили уроки своим языком, а не пунктуально выговаривали затверженное, и Государыне угодно было приказать ему показать на опыте, и так он очутился нечаянно в патриотическом институте, где преподавал историю средних веков, и оправдал свое мнение, получил в должности той 4 табакерки и 2 перс<т>ня. Все это я знаю не от него, а от посторонних; он никогда ничего не любил об себе говорить»[3].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Не имея ни призвания, ни охоты к службе, Гоголь тяготился ею, скучал, и потому часто пропускал служебные дни, в которые занимался на квартире литературою. Вот после двух-трех дней пропуска является он в департамент, и секретарь или начальник отделения делают ему замечания: "Так служить нельзя, Николай Васильевич; службой надо заниматься серьезно". Гоголь вынимает из кармана загодя изготовленное на Высочайшее имя прошение об увольнении от службы и подает. Увольняется и определяется в другое место. И так увольнялся и определялся он несколько раз»[4].

[1] См. <Представление об увольнении Гоголя> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 629. См. также ***1830. Марта 9. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[3] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 29.

[4] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 595.

МАРТА 6. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет Петру П. Косяровскому:

«Я получила от Николеньки письмо[1] очень приятное, что он счастливо продолжает службу и благодарит Бога за все претерпенные им нужды и разнообразия, которых иному во весь век не придется испытывать. Зато, пишет, какая теперь тишина в моем сердце и какая твердость в душе моей, и как приятно мне, что не я ищу, но моего ищут знакомства, и притом пишет, что я теперь утверждаюсь более на своем месте, и надеется, что если не в сем, то в следующем году будет уже в возможности содержать себя собственными трудами, по крайней мере, основание положенно из самого крепкого камня, — вот содержание его письма».

Свод. Т. 1. С. 109.

[1] См. ***1831. Февраля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

МАРТА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, «помощник столоначальника 14 класса», согласно его прошению от 23 февраля 1831 г.[1], уволен из Департамента уделов[2]. Аттестат о службе не выдан «за неявкою»[3]. (За аттестатом Гоголь явился спустя почти год, 22 января 1832 г.)[4]

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «...В 1831 году, 8 <9> марта, из Департамента Уделов <Гоголь> уволен по прошению...»[5]

[1] См. ***1831. Февраля 23. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] <Отношение и резолюция об увольнении Гоголя> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 629–630.

[4] См. ***1832. Января 22. Санкт-Петербург.***

[5] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

МАРТА 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вступил в должность учителя истории младших классов Патриотического института[1].

Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко о Гоголе: «Он два раза в неделю ходил в Институт, большею частью пешком, а то давал частные уроки, напр<имер>, в доме генерала Балабина. К нему приходили на дом ученики из дома Католической церкви и другие. Из дому он получал очень мало и жил уроками»[2].

[1] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404.

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 22 года.

МАРТА ДО 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев советует Гоголю издать сборник его повестей («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота») без имени автора; возможно, вместе они придумывают заглавие: «Вечера на хуторе близ Диканьки».

В 1852 г. П. А. Кулиш, со слов Плетнева (и, вероятно, Ф. В. Булгарина[1]), сообщал: «Не зная, как распорядиться этими повестями, Гоголь обратился за советом к П. А. Плетневу. Г. Плетнев хотел оградить юношу от влияния литературных партий и в то же время спасти повести от предубеждения людей, которые знали Гоголя лично или по первым его опытам и не получили о нем высокого понятия. Поэтому он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое возбудило бы в публике любопытство. Так появились в свет "Повести, изданные пасичником Рудым Паньком", который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю[2] Кочубею»[3].

П. В. Анненков в 1855 г. замечал: «Издание "Вечеров" и самое заглавие этой книги (как ныне известно) задумано и совершено по совету П. А. Плетнева, который говорил тогда не умевшим ценить этот талант: "В его произведениях хранятся цельные куски золота"»[4].

В 1902 г. В. А. Чаговец указывал: «...Не пустой произвол руководил нашим писателем дать именно такое название своему сборнику. Диканька по многим причинам была очень хорошо известна всему семейству Гоголей и, может быть, не один вечер пришлось провести нашему писателю под тенью вековых дубов, слушая рассказы стариков-пасечников, а то и самого дьячка Диканьской церкви. В настоящее время в Яновщине (родина Гоголя) у помещицы Ольги Васильевны Головни (родной сестры поэта) на пасеке живет крестьянин, лет около 40, отец которого и дед были пасечниками на княжеской (Кочубеевской) пасеке под Диканькой, а возле церкви в Диканьке, на погосте есть могила псаломщика, прослужившего "в сем сане" пятьдесят лет и скончавшегося около десяти лет тому назад в глубокой старости. <...> Хотя из сохранившейся надписи видно, что имя его было не Фома Григорьевич, тем не менее, мне кажется, что именно он и был вдохновителем Рудого Панька[5]. Вспомним также, что имя Николай дано Гоголю в честь чудотворного образа св. Николая (этот образ находится в Диканьской церкви), что в великий пост мать Гоголя часто приезжала со своим семейством в Диканьку говеть»[6].

В. А. Гиляровский в том же, 1902 году указывал: «Подле церкви, собственно между церковью и плотиной, которая разделяет два пруда и которая когда-то была усажена старыми-престарыми вербами, четыре раза в год собирается ярмарка. Ее-то, говорят, Гоголь и описал и назвал ее "Сорочинской" потому, что Сорочинцы были известны по всей округе, а Яновщину в те времена и не знал никто. Какая, мол, такая ярмарка в какой-то Янов-

щине! Вот в Сорочинцах так ярмарка! Назови Гоголь ярмарку не Сорочинской, которая знаменита, а Яновщицкой – и тоже б подняли на смех. Вот по тому же самому Гоголь и назвал свои рассказы "Вечера на хуторе близ Диканьки". Диканьку все знают. После Полтавы там это самое крупное имя»[7].

Важным комментарием к повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» может служить также статья племянника Гоголя Н. П. Трушковского «Диканька», опубликованная три недели спустя после кончины Гоголя в «Москвитянине» М. П. Погодина[8].

12 декабря (н. ст.) 1846 г. Гоголь, обсуждая с Плетневым продажу тиража книги «Выбранные места из переписки с друзьями», в частности, замечал: «Думаю, что тебе не следует говорить о том, чтобы не давать без денег никому из книгопродавцев. Это ты сам знаешь, потому что и меня тому выучил. По твоей милости, я в Петербурге так расторопно распоряжался с печатаньем книг своих, как не знаю, распоряжается ли теперь кто из литераторов. Книгу мою я, бывало, отпечатаю в месяц тихомолком, так что появленье ее бывало сюрпризом даже и для самых близких знакомых. Никогда у меня не бывало никаких неприятных возней ни с типографиями, ни с книгопродавцами, как случилось у Прокоповича[9]. Денежки мне, бывало, принесут сполна все наперед; всё это бывало у меня тот же час записано и занесено в книгу. И сверх того весь мой книжный счет я носил всегда в голове так обстоятельно, что мог наизусть его рассказать весь. Несмотря на то, что я считаюсь в глазах многих человеком, беспутным и то, что называется поэтом, живущим в каком-то тридевятом государстве, я родился быть хозяином и даже всегда чувствовал любовь к хозяйству, и даже, невидимо от всех, приобретал весьма многие качества хозяйственные, и даже много кой-чего украл у тебя самого, хотя этого и не показал в себе».

[1] См. свидетельство Ф. В. Булгарина 1847 г.: ***1829. Конец сентября – первая половина октября. Санкт-Петербург*** (примечания); и 1852 г.: ***1852. Марта 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), с 1799 г. граф, в княжеское достоинство был возведен 6 декабря 1831 г.

[3] *Кулиш 1852.* С. 200–201; *Свод.* Т. 1. С. 325–326; Воспоминания П. А. Плетнева в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 704. См. также свидетельство Ф. В. Булгарина (***1829. Конец сентября – первая половина октября. Санкт-Петербург*** – примечания).

[4] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 330.

[5] См. также ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка*** (примечания).

[6] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 219–220. См. также ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания).

[7] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 356.

[8] См.: ***1852. Марта 15. Суббота. Москва***; *Свод.* Т. 1. С. 267–270.

[9] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАРТА 20. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отдает в цензуру начало[1] рукописи первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

В «Ведомости Санктпетербургского цензурного комитета» значится: «Рукопись вечера на хуторе близь Диканьки. Малороссийская повесть, изданная Пасичником от Студента Гоголя. Число страниц – 36»[2].

Судя по соотношению количества страниц начала и окончания рукописи (36 и 27[3]), 20 марта 1831 г. в цензуру были отданы «Сорочинская ярмарка» и «Вечер накануне Ивана Купала»; 27 мая 1831 г. – «Майская ночь, или Утопленница» и «Пропавшая грамота».

[1] См. также ***1831. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] *Гоголь 2001–2012.* Т. 1. С. 611.

[3] См. ***1831. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург.***

МАРТА 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел свет № 17 «Литературной Газеты», где напечатан, без подписи, «Успех посольства (Из малороссийской повести “Страшный кабан”)», – второй[1] отрывок из незавершенной повести Гоголя.

[1] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

МАРТА 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начало рукописи первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»[1] получило цензурное одобрение[2].

[1] См. ***1831. Марта 20. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Гоголь 2001–2012.* Т. 1. С. 611.

МАРТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в записке к А. С. Данилевскому просит приятеля зайти к нему для разговора:

«...Мне хочется поговорить с тобою об одном деле, а между прочим и о том, о чем ты намекнул мне вчера, что меня очень интересует».

В еще одной записке к Данилевскому, относящейся, предположительно, к тому же времени, Гоголь посылает ему билет в Мариинский институт (на обороте записки: «Александру Семеновичу – душечке бесстыднику. В доме Зверкова»):

«Зная, что ты охотник до институток, посылаю тебе билет на сегоднишний и на завтрешний день. Подъезд с Екатерининского канала, подле дома Шереметьева, с 10 часов. Для шинели лучше возьми Афанасия».

В другой недатированной записке к Данилевскому (возможно, также относящейся к марту 1831 г., когда Данилевский по болезни собирался оставить военную службу[1]) Гоголь пишет:

«То место еще не вакантное, как говорит Плетнев. Правда, инженер этот сначала отказывался по причине уменьшения ему жалованья, но после взялся снова. Впрочем, он ничего не знает про происшествие, случившееся с ним на днях; с своей же стороны рад всеми силами действовать в мою пользу. Но я не решился сегодня явиться по его совету к вашему генералу[2], потому что и неприятно и конфузно будет для меня, если объявит он мне о невозможности выполнить по этой причине моего желания. И потому я прошу тебя узнать, сколько можно пообстоятельнее, про это дело и если нельзя сегодня, то, по крайней мере, завтра уведомить меня».

[1] См. ***1831. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Полковым командиром лейб-гвардии Уланского полка, где служил Данилевский (см. ***1831. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург***), был (с 1 января 1827 г.) генерал-майор Павел Васильевич Олферьев (Алферьев, 1787–1864). – См. также ***1845. Марта 27–28 <апреля 8–9>. Вторник-среда. Санкт-Петербург.***

МАРТА 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Данилевский, получив свидетельство об увольнении из лейб-гвардии Уланского полка («по случаю грудной болезни»)[1], переселяется к Гоголю и живет у него до дня отъезда[2].

Возможно, тогда же у Гоголя на некоторое время остановился приехавший в Петербург И. Г. Пащенко.

Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко: «...Данилевский, тогда восемнадцатилетний юноша, поступил в старшие классы школы гвардейских подпрапорщиков и, в качестве родственника Гоголя, приходил к нему по праздникам. Когда вспыхнуло польское восстание, Данилевскому, Карскому и другим юным воинам, посещавшим Гоголя, пришлось по обязанности службы ехать в Варшаву. Но, вероятно, присмотр родственника не был особенно рачителен и строг, так как юный Данилевский попался на глаза своему начальству в одном из петербургских гуляний, в то время, когда его считали уже выехавшим из столицы. Последовало сиденье на гауптвахте, после которого пришлось все-таки проститься и с Петербургом и с Гоголем»[3].

В 1880 г. В. К. Пашков, со слов Т. Г. Пащенко, сообщал: «По выходе из лицея Гоголь, Данилевский и Пащенко (Иван Григорьевич) <окончил гимназию в 1830 г.[4]> собрались в 1829 году ехать в Петербург на службу. Трощинский дал Гоголю рекомендательное письмо к министру народного просвещения[5]. Вот приехали они в Петербург, остановились в скромной гостинице и заняли в ней одну комнату с передней. Живут приятели неделю, живут и другую, и Гоголь все собирался ехать с письмом к министру; собирался, откладывал со дня на день, так прошло шесть недель, и Гоголь не поехал... Письмо у него так и осталось»[6].

Хотя настоящее сообщение во многом апокрифично, однако В. И. Шенрок, обсуждавший в 1887 г. мемуары Т. Г. Пащенко с А. С. Данилевским, отмечал: «...А. С. Данилевский говорил, что, быть может, на короткое время, до приискания квартиры, присоединился к ним и <И. Г.> Пащенко и затем вскоре уехал»[7].

[1] *Супронюк. Словарь.* С. 61.

[2] См. ***1831. Апреля 28.***

[3] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404. – См. также ***1831. Апреля 28. Санкт-Петербург.***

[4] См.: Список студентов, окончивших курс в Гимназии Высших Наук князя Безбородко со времени ее основания до преобразования в Лицей // Гимназия Высших Наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. CXXXII.

[5] Тогдашним министром народного просвещения был князь К. А. Ливен. На самом деле Д. Н. Трощинский снабдил Гоголя рекомендательным письмом к Л. И. Голенищеву-Кутузову (см. ***1828. Октября 26–28. Пятница-воскресенье. Кибинцы***; ***1828. Декабря 15. Суббота. Кибинцы. 1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург***).

[6] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 594.

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 507.

АПРЕЛЯ 1, СРЕДА, И 13, ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1 апреля 1831 г. Император Николай I подписывает «Именный, данный Сенату», указ («распубликован 13 апреля») «О распространении силы и действия указа 3 Сентября 1829 года, относительно чинов и выгод по заведениям Государыни Императрицы Марии, на Учебные заведения, под непосредствен-

ным покровительством и управлением Государыни Императрицы Александры Феодоровны состоящие».

В указе сообщалось: «Указом 3 сентября 1829 года распространены на Инспекторов и Учителей, состоящих при Учебных заведениях учреждений Императрицы Марии, чины и выгоды, предоставленные Инспекторам и Учителям Гимназий, Пажеского и Кадетских Корпусов.

Признавая за справедливое, в сих преимуществах уравнить также Учебные заведения, под непосредственным покровительством и управлением Ея Императорского Величества Любезнейшей Супруги Моей состоящие, а именно: Институты: a) Патриотический Комитета 18 Августа 1814 года; b) Полтавский Благородных Девиц, <...> – Повелеваю: распространить и на оные силу и действие указа 3 сентября 1829 года.

Правительствующий Сенат не оставит учинить о том надлежащее распоряжение»[1].

Указом от 3 сентября 1829 г. («распубликован от Сената 16 сентября») относительно «присвоения» инспекторам и учителям Пажеского и Кадетского Корпусов государственных «чинов и выгод» сообщалось:

«1. Инспекторы классов состоят в 8-м классе Государственной службы; Старшие Учители, т. е. Учители Наук и Словесности – в 9-м, а младшие, или Учители Грамматики Русской и иностранных языков – в 10-м классе, Учители же рисования в 12-м классе. Учители прочих Искусств не имеют чинов. Прослужив четыре года, каждый утверждается в принадлежащем его званию классе, с старшинством со времени вступления в должность.

2. Классы сии присвоивать тем только Учителям, которые представят аттестаты о том, что с успехом прошли полный курс Университетского учения, или, подвергнувшись испытанию в Университете Российском, оказались к преподаванию избранного ими предмета способными.

3. Они в следующие чины производятся на основании общих постановлений; но Инспекторы классов и Старшие Учители не подвергаются испытаниям, положенным в указе 6 Августа 1809 года»[2].

Указ от 1 апреля 1831 г. упоминается в послужном списке Гоголя, составленном в канцелярии Санкт-Петербургского университета, а также в аттестате, выданном Гоголю из правления университета 14 мая 1836 г. Согласно этим документам, он был «определен в Патриотический институт старшим учителем истории, состоя в исполнение указа 1 апреля 1831 года в чине титулярного советника со дня вступления в нынешнюю должность 1831 марта 10»[3]. (Хотя Гоголь преподавал историю в младших классах Патриотического института, однако относился к категории «Старших Учителей, т. е. Учителей Наук и Словесности» – в отличие от младших учителей, преподавателей языков. Нигде в документах Патриотического института «младшим» учителем он не называется, а именуется просто «учителем», или «учителем младших классов».)

Таким образом, по указу от 1 апреля 1831 г., Гоголь должен был состоять в Патриотическом институте в девятом чиновном классе, т. е. в звании титулярного советника. Однако в сохранившихся четырех документах института 1832 и 1834 гг. (от 10 июня 1832 г.[4], от второй половины июня 1832 г.[5], от 13 ноября 1832 г.[6] и от января 1834 г.[7]) Гоголь называется учителем «14 класса» (т. е. состоящим в звании коллежского регистратора; с этим званием Гоголь был выпущен из Гимназии высших наук в Нежине), и только с июня 1834 г. упоминания о 14 классе исчезают[8]. К этому времени – еще до зачисления Гоголя адъюнкт-профессором в Петербургский университет (19 июля 1834 г.) – писатель в письме к М. А. Максимовичу от 8 июня 1834 г. сообщает о наличии у него уже следующего, восьмого чиновного класса: «Я имею чин коллежского асессора...» Ранее (как полагал М. Н. Сперанский, в конце 1832-го – 1833-м гг., но более вероятно, – в конце апреля – мае 1834 г.[9]), Гоголь, посылая П. В. Киреевскому три тетради с песнями, в соответствии с позднейшим указанием университетского аттестата, подписался: «Чыновник 9 клас<с>а Н. Гоголь»[10].

Можно предположить, что руководство института, экономя средства, не спешило присваивать Гоголю новый чин, но намеревалось сделать это (или «утвердить» за Гоголем полагающийся ему чин) только спустя четыре года, т. е. к весне 1835 г., – руководствуясь строками указа от 3 сентября 1829 г., что, «прослужив четыре года, каждый утверждается в принадлежащем его званию классе» (см. выше). Примечательно в этой связи, что хотя нежинская Гимназия высших наук занимала «первую степень после университетов» и давала своим выпускникам право на получение высших чинов без экзаменов («Аттестаты, получаемые от сей гимназии, имеют равную силу с аттестатами, выдаваемыми от Российских университетов...»[11]), однако в самом начале 1834 г. по каким-то причинам понадобилось издание дополнительного указа «О предоставлении воспитанникам Лицея

Князя Безбородко, окончившим курс учения, преимуществ, дарованных Уставом 1825 года»[12]. Указ датирован 2 января 1834 г.; он был издан Императором по представлению С. С. Уварова в период сближения Гоголя с министром. Примечательно также, что в аттестате, выданном Гоголю 25 января 1832 г. в Департаменте уделов (для представления в Патриотический институт), слово «Гимназия» (во фразе: «по окончании курса учения в Гимназии высших наук Князя Безбородко») выскоблено и вместо него вписано: «Лицей» (в результате исправленное место стало выглядеть в документе следующим образом: «по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко»)[13]. Между тем новый «Высочайше утвержденный Устав Лицея Князя Безбородко», согласно которому «высших наук Училище» в Нежине и стало именоваться «Лицем», вышел лишь спустя восемь месяцев, 7 октября 1832 г. («распубликован Сенатом 31 октября»)[14].

Возможно, чин 9 класса был присвоен Гоголю только после указа от 2 января 1834 г. Это произошло, вероятно, в конце марта 1834 г.[15] (Именно к весне 1834 г. относится, предположительно, отправление П. В. Киреевскому тетради с песнями. 11 января 1834 г. Гоголь, в частности, писал М. П. Погодину: «Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни?»)

Следует напомнить в этой связи и о сомнительном предании П. В. Анненкова, что будто бы Гоголь, «после издания “Вечеров”, проезжая через Москву <летом 1832 г.>[16], <...> чрезвычайно хлопотал на заставе, чтоб прописаться и попасть в Московские Ведомости не “коллежским регистратором”, каковым был, а “коллежским ассесором”»[17]. Хотя предание Анненкова (познакомившегося с Гоголем лишь в 1833 г.[18]) в целом апокрифично (в газете публиковались лишь сведения о проезде чиновников, состоявших в более высоком чине, начиная с восьмого[19]), однако это не исключает, что во время пребывания в Москве в конце июня – начале июля 1832 г. Гоголь действительно мог еще состоять только в звании «коллежского регистратора».

Мать Гоголя в 1852 г. вспоминала: «Кол<лежского> асес<с>ора чин <8 класс> он получил [когда], <с>давши экзамен. Когда он приезжал домой <летом 1832 г.>[20], издавши уже пасичника своего, он был 9-го клас<с>а чиновник[21], и я ему говорила: хотя бы ты имел чин, что<бы> можно надписывать Высокоблагородие, он удивился и сказал: неужели у нас в Малорос<с>ии так дорожат чинами. Как же, – я ему отвечала, – да когда большой чиновник, то более уважают, т. е. задерживают на почтам<т>. Он улыбнулся и сказал: ну я, приехавши, <с>дам экзамен и мне дадут чин колежского ассесора; так и случилось»[22].

Вскоре после публикации указа «относительно чинов и выгод по заведениям Государыни Императрицы Марии» сам Гоголь в надежде на повышение чина писал матери: «Чины идут»[23].

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1832. Т. 6. Отделение 1. С. 279.

[2] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1830. Т. 4. С. 633. – См. также ***1809. Августа 6. Пятница. Праздник Преображения Господня. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1832. Июня 10. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1832. Июня между 13 и 27. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***

[8] См.: ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 22. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург.***

[10] *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 348.

[11] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 209–210, 225–226.

[12] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. III; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1835. Т. 9. С. 16.

[13] См.: ***1832. Января 25. Санкт-Петербург.***

[14] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1833. Т. 7. С. 689.

[15] См. также ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва*** (примечания).

[16] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***

[17] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 437.

[18] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва*** (примечания).

[20] См. ***1832. Июля около 20 – октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка.***

[21] Вероятнее, имел право на этот чин.

[22] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 29.

[23] См. ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 3. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет О. Д. Трощинской:

«...От сына моего я очень редко получаю письма, но за то, благодаря Бога, все приятные; и я не сетую на него за нечастое писание, во-первых потому, чтобы не мешать ему заниматься по должности, и так как он еще положил на себя занятие в Академии Художеств, желая усовершенствоваться в любимом своем искусстве, рисовании; а во-вторых, что в его состоянии немножко и накладно часто писать из С. Петербурга...»

Свод. Т. 1. С. 85.

АПРЕЛЯ 14. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. МОСКВА

А. С. Пушкин отвечает[1] П. А. Плетневу:

«О Гоголе не скажу тебе ничего, потому что доселе [ничего] его не читал, за недосугом. Отлагаю чтение до Царского села, где ради Бога найми мне фатерку...»[2]

[1] См. ***1831. Февраля 22. Воскресенье. Неделя масленая. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 706.

АПРЕЛЯ 16. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку благодарит ее за присланные 250 рублей[1], обещает в следующем, 1832 г. приехать домой, а в 1833 г. – помочь материально. Сообщает, что службу в Департаменте уделов оставил и преподает в Институте благородных девиц[2]:

«Государиня приказала[3] читать мне в находящемся в ее ведении институте благородных девиц. <...> ...Вместо мучительного сидения по целым утрам, вместо 42-х часов в неделю, я занимаю теперь 6, между тем как жалованье даже немного более; вместо глупой, бестолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидел, занятия мои теперь составляют неизъяснимые для души удовольствия. Осенью поступит ко мне Екатерининский институт и еще два заведения[4]; тогда я буду занимать 20 часов и жалованья буду получать вчетверо более теперешнего. [Чины идут][5] Но между тем занятия мои, которые еще большую принесут мне известность, совершаются мною в тиши, в моей уединенной комнатке: для них теперь времени много. <...> Труд, но только спокойный, полезный, без хлопот, суетливости и поспешности, всегда имеет неразлучную себе спутницу – веселость. <...> Я теперь, более нежели когда-либо, тружусь, и более нежели когда-либо, весел».

Просит мать прислать ему планы «нынешнего двора», «конюшен» и «теперешнего фасада дома». Пишет, что «достоинство» «внутреннего убранства дома» должны составлять «наивозможнейшая простота и дешевизна»:

«Наши помещики большею частию заражены все каким-то восточным великолепием: держут кучу прислужников, покупают продукты, которые весьма можно заменить домашними, и дивятся, что не удаются им прожекты и новые предприятия, когда они между тем не умеют даже завести порядка в своем дворе и доме, не умеют сделать так, чтобы расход не превышал прихода. <...> О, до-

моводство великое дело! Я бы непременно послал многих помещиков учиться в Петербург. Они бы увидели, как всем огромным двором и домом управляет один человек, и всё в величайшем порядке; как знатные люди знают совершенно всё, что делается в имениях их, издерживают менее многих незнатных и в кругу своего семейства гораздо более находят удовольствия, нежели в клубах и балах. Не удивительно, что богатства их возрастают беспрестанно. Более всего удивлялся я уму здешних знатных дам (лестным для меня дружеством некоторых мне удалось пользоваться[6]). Они, можно сказать, еще вдвое образованнее мужей своих. Никогда не думал я, чтобы женщина (исключение я прежде делал для одних вас только), чтобы женщина могла иметь столько самоотвержения, столько любви к своим детям, чтобы, отказываясь от всех посещений и даже зазывов во дворец, посвящать и проводить с ними всё время. И это здесь делает большая часть из них. Я часто думаю, что, если бы одна из них решилась на время приехать в Малороссию пожить, она бы тотчас прослыла гордою, недоступною, и никто бы не понял, какой драгоценный бриллиант переселился к ним. Нигде столько не скупы на знакомство, как здесь. Круг знакомых всегда бывает тесен; но зато знакомые все соединены между собою неразрывно, за то знакомые выбираются с величайшею разборчивостью, так чтобы ни один из них не был в тягость и каждый мог доставить приятное <и> полезное общество».

Предупреждает мать (вероятно, по поводу предложения будущего зятя землемера П. О. Трушковского завести в имении кожевенную фабрику[7]):

«Опасайтесь как можно более людей, которые набиваются сами помогать в хозяйстве, особливо если они успели запятнать себя дурными поступками, мотовством и совершенным незнанием хозяйства, несмотря на свою всегдашнюю хвастливость. <...> Кажется, я когда-то писал вам известить меня о делах Пет<ра> Фед<оровича> Цуревского[8]. Пошел ли его завод[9] в прок? Я чрезвычайно любопытен знать состояние земляков наших, которых беспрестанные разорения имений чрезвычайно трогают меня. Часто на досуге раздумываю о средствах, какие могут найтиться для того, чтобы вывесть их на прямую дорогу, и если со временем удастся что-нибудь сделать для нашей общей пользы, то почту себя наисчастливейшим человеком...»

Интересуется здоровьем домашних и соседей. Сообщает адрес: «Институт благородных девиц». Шутит по поводу увлечения сестры Трушковским[10]:

«Сестрице Марии не пишу потому, [что должен бы был говорить о часто поминаемом ею в письме поляке, а они теперь люди подозрительные]» [11].

[1] См. ***1831. Февраля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1831. Марта 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1831. Февраля 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] Планы Гоголя преподавать в Екатерининском институте и еще в «двух заведениях» не осуществились.

[5] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] Давая частные уроки, Гоголь сделался коротким знакомым княгини А. И. Васильчиковой, В. О. Балабиной и Лонгиновой (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка***; ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[8] «Зять А. Ф. Тимченко» (примеч. В. И. Шенрока).

[9] «У него был селитряный завод (слышано от А. В. Гоголь)» (примеч. В. И. Шенрока).

[10] Через год стал ее супругом (см. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка***).

[11] В связи с польским восстанием 1830–1831 гг.

АПРЕЛЯ 28. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Данилевский уезжает на родину в Малороссию. Гоголь передает с ним записку к матери в Васильевку:

«Примите радушно нашего Александра Семеновича. Это вестник о моем прибытии на следующий год».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., писал: «...Вскоре по возвращении Гоголя в Петербург он постепенно вошел в круг Пушкина[1], Жуковского, Плетнева и Смирновой (тогда еще Россет)[2]. Все это произошло уже в половине 1831 г., когда Данилевский оставил школу гвардейских подпрапорщиков и уехал из Петербурга[3]. В марте 1831 года[4], распростившись с школой, он переселился прямо к Гоголю и оставался у него до дня отъезда (28 апреля 1831 г.). Около того же времени Пушкин приехал из Москвы с молодой женой и поселился в Царском Селе (в мае 1831 г.). Данилевский полагал, что если бы Гоголь познакомился с Пушкиным[5] до его отъезда, то он непременно знал бы об этом, тем более, что Гоголь всегда гордился знакомством и дружбой Пушкина и говорил о нем с энтузиазмом. Из всех названных выше лиц А. С. Данилевский знал только Плетнева, но пока единственно как преподавателя в школе гвардейских подпрапорщиков, лично же познакомился с ним позднее, по возвращении в Петербург с Кавказа в 1834 году[6]. Как профессора, он так характеризовал Плетнева: "он говорил очень хорошо, но особенно не выдавался; он только что поступил еще на службу и, видимо, конфузился. Товарищи и ученики его любили". <...> На прощанье друзья обещали часто писать друг другу...»;

«Покойный А. С. Данилевский передавал нам, что о Пушкине Гоголь во всю жизнь не мог вспоминать без восторга, а иногда он даже несколько наивно щеголял своими отношениями к нему»[7].

[1] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Июля после 10. Царское Село.***

[3] «В 1831 году я должен был уехать лечиться на Кавказ» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 514).

[4] См. ***1831. Марта 31. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1834. Июнь — июля начало. Санкт-Петербург.***

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 510, 511.

АПРЕЛЯ 29. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь по поручению А. С. Данилевского заходит к доктору Н. Ф. Арндту.

Спустя несколько дней, 2 мая 1831 г., Гоголь сообщал Данилевскому: «Вышла моя правда: Арендт совершенно забыл и об тебе и о твоей болезни[1], несмотря на то, что я был у него на другой день после твоего отъезда[2]; и когда я сказал несколько слов о болезни твоей, он советовал написать к тебе, чтобы ехал скорее на Кавказ и следовал в точности предписаниям тамошнего доктора, который даст тебе все предуготовительные к тому средства. Пилюли же не почитает он нужным теперь по благорастворенности малороссийского воздуха и потому что — время для них прошло».

[1] См. также ***1831. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1831. Апреля 28. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

МАЯ 2. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает А. С. Данилевскому о первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Моя книга вряд ли выйдет летом[1]: наборщик пьет запоем».

Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко о Гоголе: «Когда "сочинял", то писал сначала сам, а потом отдавал переписывать писарю, так как в типографии не всегда могли

разобрать его руку. В это время рассказчику часто приходилось бегать в типографию на Большую Морскую, иногда раза по два в день. “Прочтет Николай Васильевич, вписывает еще на печатных листах, тогда несет обратно”. <...> Писал Гоголь иногда днем, но чаще вечером. Тогда никого не пускал. Сидел ночью долго, пока две свечи не сгорят»[2].

В письме к Данилевскому Гоголь спрашивает также об общих знакомых; передает поклоны отчиму и матери Данилевского. Собирается сменить квартиру, а пока просит адресовать ему в Патриотический институт. Передает новости о товарищах в Петербурге:

«Красненькой[3] (эта вещь принадлежит тоже к внезапным явлениям) не показывался со дня отъезда твоего. С друзьями твоими, Беранжером и Близнецовым[4], случились несчастия. Первый долго скитался без приюта и уголка, изгнанный из ученого сообщества Смирдина[5] неумолимым хозяином дома, вздумавшим переделывать его квартиру. Три дня и три ночи не было вести о Беранжере; наконец, на четвертый день увидели на окошках дому графини Ланской[6] (где были звери) Хозревов[7] на белых лошадях, а бедный Близнецов сошел с ума. Вот что наши знания! На первый день мая по обыкновению шел снег, и даже твой Сом[8] не показывался на улицу».

Вероятно, судьба петербургского знакомого Беранжера послужила Гоголю материалом к созданию образа художника Черткова в «Портрете» (1834). «Портрет Хозрева-Мирзы» упоминается в первых строках этой повести.

[1] Окончательное цензурное разрешение первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» было подписано 27 мая 1831 г. (см. ***1831. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург***).

[2] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404–405.

[3] «Красненький... <...> – Н. Я. Прокопович, прозванный так еще в Нежине за румяный цвет лица» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 512); «В молодости Прокопович был хорош собой и отличался цветущим здоровьем... <...> Благодаря своим румяным щекам, он получил в школе прозвище “Красненький”, с которым и оставался до конца» (*Гербель Н. В.* Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю // Стихотворения Н. Я. Прокоповича. Издание Н. В. Гербеля. СПб., 1858 (цензурное разрешение 20 февр.). С. 14).

[4] Вероятно, учитель истории в Патриотическом институте Гавриил Павлович Близнецов – скончавшийся летом или в начале осени 1831 г. (см. ***1831. Сентября 28. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1831. Сентября 28 – октября 24. Санкт-Петербург***).

[5] До начала 1832 г. книжный магазин А. Ф. Смирдина располагался у Синего моста (см. ***1832. Февраля 19. Пятница. Санкт-Петербург***). Там же, у Синего моста, находилась Школа гвардейских подпрапорщиков, где учился Данилевский (см. ***1829. Июля не позднее 24. Санкт-Петербург***).

[6] Вероятно, имеется в виду дом гофмаршала Степана Сергеевича Ланского (1760–1813) и его жены Марии Васильевны Ланской (рожд. Шатиловой; 1767–1842), где жил князь В. Ф. Одоевский, состоявший в браке (с 1826 г.) с их дочерью Ольгой Степановной (рожд. Ланской; 1797–1873), – № 6: «Ланской, М. В. Тай<ной> Сов<етницы>. <...> На углу Мошкова переулк<а>. По Дворцов<ой> набережной» (Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов. Издал С. Аллер. На 1823 год. СПБ., 1822. С. 1). – См. также ***1832. Ноября 5 или 12 или 19 или 26. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим***.

[7] Хозрев-Мирза, персидский принц, возглавлял посольство в Россию в августе 1829 г. после убийства в Тегеране А. С. Грибоедова, бывшего русским послом в Персии.

[8] Возможно, О. М. Сомов.

МАЯ 9. СУББОТА.
ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя, которые он, возможно, отмечает в кругу школьных друзей.

См. ***1830. Мая 9. Пятница. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург***.

МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. ЛУБНЫ

А. С. Данилевский отправляет Гоголю послание с описанием приезда домой (письмо до адресата не дошло).

См. ***1832. Января 1. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

МАЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин с женой прибыли из Москвы в Петербург.

Тархова. Т. 3. С. 1240.

МАЯ 20, СРЕДА, ИЛИ МАЯ 24, ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, после отъезда из Петербурга А. С. Данилевского[1], на литературном вечере у П. А. Плетнева, возможно[2], знакомится с А. С. Пушкиным (который заранее был подготовлен к этому знакомству Плетневым[3]).

В 1855 г. П. В. Анненков, возможно, со слов самого Гоголя, сообщал о его знакомстве с Пушкиным: «...Он был представлен ему на вечере у П. А. Плетнева...»[4]

Барон А. И. Дельвиг, который при первой встрече Пушкина с Гоголем не присутствовал (9 мая 1831 г. он выехал из Петербурга в Москву и возвратился в столицу лишь к 1 сентября этого года[5]), позднее вспоминал: «...Я бывал часто у Плетнева, у которого литературные вечера при жизни <А. А.> Дельвига[6] были по субботам, а после его смерти по воскресеньям и средам[7]. По этим дням литературные вечера Плетнева постоянно продолжались в течение 25 лет до отъезда его по болезни за границы. На эти вечера, впрочем, являлось менее литераторов, чем к Дельвигу»[8]; «На вечерах Плетнева я видал многих литераторов и в том числе А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Пушкин и Плетнев были очень внимательны к Гоголю. Со стороны Плетнева это меня нисколько не удивляло; он вообще любил покровительствовать новым талантам, но со стороны Пушкина это было мне вовсе непонятно. Пушкин всегда холодно и надменно обращался с людьми мало ему знакомыми, не аристократического круга и с талантами мало известными. Гоголь же тогда не напечатал еще своего первого творения "Вечера на хуторе близ Диканьки" и казался мне ничем более, как учителем в каком-то женском заведении[9], плохо одетым и ничем на вечерах Плетнева не выказывавшимся. Я и не подозревал тогда в нем великой его гениальности. Пушкин бывал иногда у Плетнева и с женою[10]; видев меня у него на вечерах, он не приглашал меня к себе и я у него не бывал. Гоголь жил в верхнем этаже дома Зайцева[11], тогда самого высокого в Петербурге, близ Кокушкина моста, а так как я жил в доме Дружинина, вблизи того же моста, то мне иногда случалось завозить его»[12].

[1] См. ***1831. Апреля 28. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. ***1831. Июня конец. Павловск*** (воспоминания графа В. А. Соллогуба).

[3] См. ***1831. Февраля 22. Санкт-Петербург***; ***1831. Апреля 14. Великий вторник. Москва.***

[4] *Анненков П.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 3. С. 416.

[5] См.: *Манн Ю. В.* Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 220.

[6] Скончался 14 января 1831 г. (см. ***1831. Января 25. Санкт-Петербург***).

[7] П. А. Кулиш 5 января 1890 г. писал также В. И. Шенроку, что Гоголь «бывал у Плетнева по средам и воскресеньям» (*Свод.* Т. 1. С. 704). См. также ***1835. Октября 9. Среда. Санкт-Петербург***; ***1836. Февраля 5. Среда. Санкт-Петербург.***

[8] *Дельвиг А. И., барон.* Мои воспоминания. М.: Издание Московского Публичного и Румянцевского музеев. 1912. Т. 1. С. 129.

[9] См. ***1831. Марта 10. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1831. Февраля 18. Москва.***
[11] Имеется в виду дом Зверкова. См. ***1829. Ноября 12. Санкт-Петербург.***
[12] *Дельвиг А. И., барон.* Мои воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 722–723.

МАЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин с женой переезжают из Петербурга в Царское Село.

Тархова. Т. 3. С. 1244.

МАЯ 27. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отдает в цензуру окончание рукописи первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (вероятно, повести «Майская ночь, или Утопленница» и «Пропавшая грамота»[1]).

В «Ведомости Санктпетербургского цензурного комитета» помечено, что рукопись поступила «от Г-на Гогеля» и составляет 27 страниц[2].

Вероятно, в тот же день сборник из четырех повестей, с предисловием, без указания имени автора, «Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком» («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота»), получил одобрение цензора Н. Бутырского. (В «Ведомости Санктпетербургского цензурного комитета» и в печатном издании «Вечеров...», вероятно, ошибочно значится: 26 мая.)

[1] См. ***1831. Марта 20. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Гоголь 2001–2012.* Т. 1. С. 611.

ВЕСНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятный визит Гоголя к Н. И. Гнедичу.

См. ***1831. Июня конец. Павловск*** (воспоминания графа В. А. Соллогуба).

ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Прекращение занятий и введение карантина в Патриотическом институте в связи с эпидемией холеры[1].

Из воспоминаний воспитанницы Патриотического института: «...Институт оцепили, <...> с лишком два месяца ни к нам, ни от нас никого не пускали. Везде расставили хлорную известь. Нас посадили на строгую диэту <...> Вот по улице повезли засмоленные гроба, — ужас усиливался, — каждая думала о своих родных и знакомых. Так как видеться с ними было не позволено, то родители и надумали в условный день и час приходить к институту; они становились на противуположной стороне улицы, дети же появлялись у окон и радостно приветствовали своих. Раза два видели Гоголя, который смотрел в окно и, завидев детей, весело кивал им головой, потом, накинув на нескончаемый хохол шляпу, бежал своей неровной походкой к набережной.

— Mesdames, смотрите, Гоголь! он жив, слава Богу!

— Mesdames, он и на улице машет платком! — кричали дети.
Большое счастие было для нас хоть мельком увидать кого-нибудь из учителей»[2].

[1] См. также ***1831. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[2] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 746–747.

ИЮНЯ КОНЕЦ. ПАВЛОВСК

Гоголь живет в Павловске у княгини А. И. Васильчиковой (рожд. Архаровой); дает уроки ее слабоумному от рождения сыну Василию. Бывает в Царском Селе, где встречается с А. С. Пушкиным[1]; рассказывает ему о своем визите к Н. И. Гнедичу. Работает над заключительной повестью второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» «Заколдованное место».

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба (1865): «...В 1831 году летом я приехал на вакации из Дерпта в Павловск. В Павловске жила моя бабушка <Е. А. Архарова>[2] и с нею вместе — покойная тетка моя Александра Ивановна Васильчикова[3], женщина высокой добродетели, постоянно тогда озабоченная воспитанием своих детей[4]. Один из сыновей ее[5], ныне умерший, к сожалению, родился с поврежденным при рождении черепом, так что умственные его способности остались навсегда в тумане. Все средства истощались, чтоб помочь горю, все было напрасно. Тетка придумала, наконец, нанять учителя, который бы мог развивать, хотя несколько, мутную понятливость бедного страдальца, показывая ему картинки и беседуя с ним целый день. Такой учитель был найден, и когда я приехал в Павловск, тетка моя просила меня познакомиться с ним и обласкать его, так как, по словам ее, он тоже был охотником до русской словесности и, как ей сказывали, даже что-то пописывал. Как теперь помню это знакомство. Мы вошли в детскую, где у письменного стола сидел наставник с учеником и указывал ему на изображения разных животных, подражая при том их блеянию, мычанию, хрюканью и т. д. "Вот это, душенька, баран, понимаешь ли? баран, — бе, бе... Вот это корова, знаешь, корова, му, му". При этом учитель с каким-то особым оригинальным наслаждением упражнялся в звукоподражаниях. Признаюсь, мне грустно было глядеть на подобную сцену, на такую жалкую долю человека, принужденного из-за куска хлеба согласиться на подобное занятие. Я поспешил выйти из комнаты, едва расслыхав слова тетки, представлявшей мне учителя и назвавшей мне его по имени *Николай Васильевич Гоголь.*

У покойницы моей бабушки, как у всех тогдашних старушек, жили постоянно бедные дворянки, компанионки, приживалки. Им-то по вечерам читал Гоголь свои первые произведения. Вскоре после странного знакомства я шел однажды по коридору и услышал, что кто-то читает в ближней комнате. Я вошел из любопытства и нашел Гоголя посреди дамского домашнего ареопага. Александра Николаевна вязала чулок, Анна Антоновна хлопала глазами, Анна Николаевна по обыкновению оправляла напомаженные виски. Их было еще две или три, если не ошибаюсь. Перед ними сидел Гоголь и читал про украинскую ночь. "Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!" Кто не слыхал читавшего Гоголя, тот не знает вполне его произведений. Он придавал им особый колорит своим спокойствием, своим произношением, неуловимыми оттенками насмешливости и комизма, дрожавшими в его голосе и быстро пробегавшими по его оригинальному остроносому лицу, в то время как серые маленькие его глаза добродушно улыбались и он встряхивал всегда падавшими ему на лоб волосами. Описывая украинскую ночь, он как будто переливал в душу впечатления летней свежести, синей, усеянной звездами выси, благоухания, душевного простора. Вдруг он остановился. "Да гопак не так танцуется!" Приживалки вскрикнули: "Отчего не так?" Они подумали, что Гоголь обращался к ним. Гоголь улыбнулся и продолжал монолог пьяного мужика. Признаюсь откровенно, я был поражен, уничтожен; мне хотелось взять его на руки, вынести его на свежий воздух, на настоящее его место. *Майская ночь* осталась для меня любимым Гоголевским творением, быть может, оттого, что я ей обязан тем, что из первых в России мог узнать и оценить этого гениального человека. Карамзины жили тогда в Царском Селе, у них

я часто видал Жуковского, который сказал мне, что уже познакомился с Гоголем и думает, как бы освободить его от настоящего места. Пушкина я встретил в Царскосельском парке. Он только что женился и гулял под ручку с женой, первой европейской красавицей, как говорил он мне после. Он представил меня тут жене и на вопрос мой, знает ли он Гоголя, отвечал, что еще не знает[6], но слышал о нем и желает с ним познакомиться»[7].

В 1874 г. граф Соллогуб также вспоминал: «В эту эпоху моей жизни я приезжал на вакантное время зимой в Петербург, где Архарова жила с моими родителями, а летом в Павловск, где она жила с Васильчиковыми, у которых Гоголь был некоторое время домашним дядькою умалишенного ребенка»[8].

Позднее Соллогуб добавлял: «Когда Гнедич получил место библиотекаря при императорской публичной библиотеке[9], он переехал на казенную квартиру. К нему явился Гоголь[10] поздравить с новосельем[11].

— Ах, какая славная у вас квартира, — воскликнул он с свойственной ему ужимкою.

— Да, — отвечал высокомерно Гнедич, — посмотри на стенах краска-то какая! Не простая краска! Чистый голубец[12]!

Подивившись чудной краске, Гоголь отправился к Пушкину и рассказал ему о великолепии голубца. Пушкин рассмеялся своим детским, звонким смехом, и с того времени, когда хвалил какую-нибудь вещь, нередко приговаривал: "Да, эта вещь не простая, чистый голубец". <...>

...Летом, сколько припоминаю в 1832 <1831> году, я приехал к своим родителям в Павловск на вакации; поздоровавшись с ними, я переоделся и отправился, как и следовало, на поклон к бабушке Архаровой; время для бабушки было уже позднее, она собиралась спать. — "Пойди-ка к Александре Степановне (ее приживалка), там у Васильчиковых при Васе студент какой-то живет, говорят, тоже пописывает, — так ты пойди, послушай", — сказала мне бабушка, отпуская меня. Я отправился к Александре Степановне; она занимала на даче у бабушки небольшую, довольно низенькую комнату; кровать стыдливо была загорожена ширмами, у стены стоял старомодный обтянутый ситцем диван, перед ним круглый стол, покрытый красной бумажной скатертью; на столе под темно-зеленым абажуром горела лампа. Стол был высок, а сиденья, то есть диван и стулья, низки, и потому лица присутствующих были ясно освещены пламенем лампы. Подле Александры Степановны на диване сидела другая приживалка бабушки, Анна Семеновна, тут же находилась третья старушка, призренная Васильчиковыми, тоже какая-то дворянка, имени ее я не помню; все три старухи вязали чулки, глядя снисходительно поверх очков на тут же у стола сидевшего худощавого молодого человека; старушки поднялись мне навстречу, усадили меня у стола, потом Александра Степановна, предварительно глянув на меня, обратилась к юноше:

— Что же, Николай Васильевич, начинайте!

Молодой человек вопросительно посмотрел на меня; он был бедно одет и казался очень застенчив; я приосанился.

— Читайте, — сказал я несколько свысока, — я сам *«пишу»* (Читатель, я был так молод!) и очень интересуюсь русской словесностью, пожалуйста, читайте.

Век мне не забыть выражения его лица! Какой тонкий ум сказался в его чуть прищуренных глазах, какая язвительная усмешка скривила на миг его тонкие губы. Он все так же скромно подвинулся к столу, не спеша развернул своими длинными худыми руками рукопись и стал читать. Я развалился в кресле и стал его слушать; старушки опять зашевелили своими спицами. С первых слов я отделился от спинки своего кресла, очарованный и пристыженный, слушал жадно; несколько раз порывался я его остановить, сказать ему, до чего он поразил меня, но он холодно вскидывал на меня глазами и неуклонно продолжал свое чтение. Когда он кончил, я бросился к нему на шею и заплакал. Что он нам читал, я и сказать не сумею теперь, но я, несмотря на свою молодость, инстинктом, можно сказать, понял, сколько таланта, сколько высокого художества было в том, что он нам читал. Молодого этого человека звали Николай Васильевич Гоголь, и через несколько лет ему суждено было занять в отечественной литературе первое место после великого Пушкина. У тетки Васильчиковой было пятеро детей: два сына, две дочери и третий сын слабоумный с детства, впро-

чем, рано умерший; к этому-то сыну в виде не то наставника, не то дядьки и был приглашен Гоголь для того, чтобы по мере возможности стараться хотя немного развить это бедное существо. На другой день после чтения я пошел опять к Васильчиковым и увидел следующее зрелище: на балконе, в тени, сидел на соломенном низком стуле Гоголь, у него на коленях полулежал Вася, тупо глядя на большую развернутую на столе, стоящем перед ним, книгу; Гоголь указывал своим длинным худым пальцем на картинки, нарисованные в книге, и терпеливо раз двадцать повторял следующее:

— Вот это, Васинька, барашек — бе...е...е, а вот это корова — му...у...му...у, а вот это собачка — гау...ау...ау...

О Гоголе мне придется говорить много, так как впоследствии я был с ним в самых дружественных отношениях. Гоголь у Васильчиковых, впрочем, оставался недолго, и хотя впоследствии он не любил припоминать того незавидного положения, в котором находился в их доме, но нет сомнения, что его будущей известности, независимо, разумеется, от его громадного таланта, много также способствовали знакомства, приобретенные в доме Васильчиковых; везде, а в особенности в России, и в те времена, *только таланту*, как бы велик он ни был, трудно было пробиться на свет Божий»[13].

В 1909 г. внучка А. И. Васильчиковой А-ра А. Милорадович (рожд. княжна Васильчикова), со слов своего отца князя А–ра Ал. Васильчикова, также сообщала: «Гоголь жил некоторое время в доме бабушки моей Александры Ивановны Васильчиковой и занимал место воспитателя или, вернее, дядьки слабоумного нашего брата Василия. Мой отец хорошо помнил, как Гоголь сиживал на балконе, держа на коленях долговязого Васеньку, и пытался научить его азбуке, по букварю в картинках: “вот это, душенька, барашек — *бе*, скажи — *б*”, — терпеливо и мягко твердит он своему ученику.

Живучи в доме бабушки, Гоголь написал “Майскую ночь”[14] и под вечер заходил в комнату, где собирались многочисленные приживалки и воспитанницы при бабушке, и читал им эту повесть. Раз идет по коридору Александра Ивановна и слышит, как знакомый голос незнакомым для нее звуком читает: “Знаете ли вы украинскую ночь?” Остановилась бабушка, заслушалась, и тут же вырос у нее в глазах облик бедного учителя ее слабоумного сына в великого, бессмертного Гоголя.

Гоголь не любил вспоминать, что он был учителем, говорил всегда, что он не помнит этого, однако поддерживал знакомство и посещал[15] Васильчиковых»[16].

Менее достоверно сообщение о пребывании Гоголя в доме Васильчиковой, со слов графа Соллогуба, доктора Н. К. Беркута[17], опубликованные в 1911 г.: «...Едва ли не с целью педагогического воздействия был приглашен в дом Васильчиковых Николай Васильевич Гоголь, рекомендованный В. А. Жуковским... <...> Жил Гоголь <...> вместе с Васей... <...> ...Гоголь считался сначала чудаком и оригиналом, пока случайное знакомство графа В. Соллогуба с его первыми рукописными сочинениями “Вечеров близ Диканьки” не изменило коренным образом этого мнения. Рассказывали, что Гоголь вообще обыкновенно молчал и только ел, когда это было за завтраком, обедом, или если приходил к чаю. Оставшись в своей комнате, он запирался и что-то писал, иногда занимаясь эти сряду дней 5–6, не выходя из комнаты, потом опять вступал в прежнюю колею. Естественно было ожидать, что такой чудак ничего дельного и умного не напишет. Случилось открытие таланта будто так. Граф В. Соллогуб (автор “Аптекарши” и проч., племянник Васильчикова), приехавши <...> тотчас по окончании Дерптского университета изломанным аристократом-школьником, предложил кузинам узнать, что именно пишет Гоголь. Гуляя как-то по саду и поровнявшись с открытым окном Гоголя, он подошел, посмотрел через окно и, видя, что в комнате никого нет, а рукопись лежит на столе, махнул через окно и наткнулся, кажется, на “Вакулу кузнеца”. Как ошпаренный, он выскочил к кузинам и объявил, что этот чудак себе на уме. С большим трудом А. И. Васильчикова упросила Гоголя познакомить ее и чад с его произведением, и тот согласился прочесть две главы... Эффект был поразительный. Это при мне рассказывал граф В. Соллогуб. <...> Гоголь уехал скоро в Москву[18] или за границу[19]. Для Васи же выписали специально англичанина Джонса...»[20]

[1] См. ***1831. Июня 27. Суббота. Павловск.***

[2] «Старушка Архарова каждое лето проводила в Павловском, и тут Александра Ивановна имела счастие ежедневно бывать в обществе Императрицы Марии Феодоровны <1759–1828>» (*Бартенев П.* Александра Ивановна Васильчикова (некролог) // Московские Ведомости. 1855. 20 сент. № 113 / Литературный отдел Московских Ведомостей 1855 года, сентября 20-го дня, № 113. С. 462).

[3] Княгиня Александра Ивановна Васильчикова (рожд. Архарова, 1791–1855), сестра графини С. И. Соллогуб (рожд. Архаровой), жена сенатора князя А. В. Васильчикова.

[4] «См. наше некрологическое известие об А. И. Васильчиковой, в Московск<овских> Ведомостях 1855 г., осенние месяцы» (примеч. П. И. Бартенева). – См.: *Бартенев П.* Александра Ивановна Васильчикова (некролог) // Московские Ведомости. 1855. 20 сент. № 113 / Литературный отдел Московских Ведомостей 1855 года, сентября 20-го дня, № 113. С. 462–463.

[5] Василий.

[6] Ср. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[7] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 649–650.

[8] *Соллогуб В. А., граф.* Пережитые дни. (Рассказы о себе по поводу других) // *Свод.* Т. 1. С. 652.

[9] Речь, вероятно, идет о назначении Н. И. Гнедича Императором Николаем Павловичем членом Главного правления училищ (см. письмо А. С. Пушкина к П. А. Плетневу от 24 февраля 1831 г.). См. также: «Министерство Народного Просвещения.<...> Главное Правление Училищ. (По списку от 5-го Марта 1831 года). Члены: <...> Ст<атский> С<о>в<етник> Николай Ив<анович> *Гнедич*, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> с алм<азами> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>» (Месяцеслов и Общий Штат Российской Империи на 1831. СПб., <1831>. Ч. 1. С. 380). Гнедич переехал тогда из казенной квартиры в жилом доме библиотеки в дом А. К. Оливье (Оливио).

[10] См. ***1831. Весна. Санкт-Петербург.***

[11] Возможно, Гоголь явился к Н. И. Гнедичу в качестве земляка (см. ***1822–1823. Нежин, Васильевка или Кибинцы***).

[12] См. также ***1842. Августа 5 <июля 24>. Пятница. Мюнхен***; ***1851. Марта 21. Среда. Одесса.***

[13] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 652–653.

[14] Еще за месяц до приезда в Павловск «Майская ночь» и «Пропавшая грамота» получили одобрение в цензуре (см. ***1831. Мая 27. Среда. Санкт-Петербург***).

[15] См. ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург.***

[16] *Милорадович А.* О Гоголе. (Со слов покойного А. А. Васильчикова) // *Свод.* Т. 1. С. 657.

[17] Николай Кононович Беркут (1818–1890), московский врач.

[18] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***

[19] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[20] Записки Н. К. Беркута // Исторический Вестник. 1911. № 10. С. 85–86.

ИЮНЯ 27. СУББОТА. ПАВЛОВСК

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Холера теперь почти повсеместна... <...> У нас в Павловске все спокойно, и я намерен не выезжать отсюда до тех пор, покаместь и в Петербурге не будет все спокойно. <...> Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское Село, так: Его Высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину. А вас прошу отдать Н. В. Гоголю».

ИЮНЯ 27. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Умер от холеры актер В. И. Рязанцев[1], игравший на петербургской сцене с 1828 г.

Позднее, 25 мая 1836 г., Гоголь писал А. С. Пушкину о первой постановке «Ревизора» в Петербурге: «...Оба наши приятели, Бобчинский и Добчинский, вышли, сверх ожиданий, дурны. Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит» («Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления “Ревизора” к одному литератору»).

[1] См.: *Великий Князь Николай Михайлович, Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 649.

ИЮЛЯ ПОСЛЕ 10. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Посещая в Царском Селе А. С. Пушкина и В. А. Жуковского (прибывшего сюда 9 июля[1]), Гоголь, вероятно, знакомится с фрейлиной А. О. Россет[2] (о которой ранее, в декабре 1830 г., узнал из четверостишия князя П. А. Вяземского «К А. О. Россети»[3]). (Россет, вероятно, прибыла в Царское Село вместе с Двором 10 июля.)

Позднее, 10 сентября 1831 г., Гоголь, посылая В. А. Жуковскому экземпляры только что вышедшей первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки», писал: «Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти...»[4]

А. О. Смирнова (рожд. Россет) о своем знакомстве с Гоголем в Царском Селе сообщала в записках 1880–1881 гг. «Биография Александры Осиповны Чаграновой»: «Однажды я ему сказала: "Николай Василь<евич>, когда и как мы с вами познакомились?" – "Вот прекрасно, так вы не помните, так я не скажу вам, это значит, что мы были всегда знакомы". – "Вот теперь я помню: во-первых, я вас видела в Царском, вы мне попадались, когда я гуляла вокруг озера, вы оборачивались и шли назад, вы были закутаны в альмавиву". – "Совсем не в альмавиву, а просто в шинель". – "Ну, шинель, но я видела, что у вас белый нос и спросила, кто вы, – он мне сказал, что Гоголь – хохол, он писатель, а потом, кажется, Плетнев привел вас ко мне". – "Совсем нет, вы меня встретили у Аркадия Осиповича <Россета> и сами пригласили меня быть у вас – а все-таки я и прежде был с вами знаком. Помните, как мы любили говорить о Малороссии, о галушках, варениках, коржиках и шуляках?"»[5]

П. А. Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856), со слов Смирновой, также сообщал: «Знакомство их началось так давно и таким обыкновенным образом, что А<лександра> О<сиповна> не может даже припомнить времени, когда она увидела Гоголя в первый раз. В год его смерти[6] она спрашивала его об этом.

– Неужели вы не помните? – отвечал Гоголь. – Вот прекрасно! Так я же вам и не скажу. Это, впрочем, тем лучше: это значит, что мы всегда были с вами знакомы.

Сколько раз она ни повторяла потом свой вопрос, он отвечал:

– Когда не знаете, так не скажу ж. Мы всегда были знакомы»[7].

Из разысканий В. И. Шенрока: «...В июле <в июне>[8] 1831 г. Гоголь уже просит мать адресовать ему письма на имя Пушкина, в Царское Село. Таким образом знакомство Гоголя с Пушкиным, а следовательно и с Смирновой <тогда еще Россет>, относится к летним месяцам 1831 года...»[9]

Шестнадцать лет спустя, 28 августа (н. ст.) 1847 г., Гоголь писал С. Т. Аксакову: «Не сердитесь на Смирнову; не называйте ее безрассудною женщиною. Женщина эта почтена была короткою дружбой Пушкина и Жуковского, которые любили ее именно за здравый рассудок и за добрую душу. Она меня знала еще прежде, чем вы меня знали[10], – знала как человека, а не как писателя, видела меня в те душевные состояния мои, в которые вы меня не видели. С ней мы были издавна, как брат и сестра...»[11]

[1] См.: *Тархова*. Т. 3. С. 1260.

[2] В замужестве, с 1832 г., – Смирнова (см. ***1832. Января 11. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 290.

[6] Очевидно, за семь месяцев до кончины (см. ***1851. Июня после 25 – июля не позднее 8. С. Спасское***).

[7] Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 215. См. также: <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 227; *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2.

С. 237; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 241; *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 248.

[8] См. ***1831. Июня 27. Суббота. Павловск.***

[9] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 309.

[10] См. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва.***

[11] См. ***1847. Августа 28 <16>. Суббота. Остенде.***

ИЮЛЯ 23. ЧЕТВЕРГ. ПАВЛОВСК

Гоголь получает известие из Петербурга, что на почте для него лежит письмо матери и деньгами[1].

Письмо Гоголя к матери от 24 июля 1831 г.

[1] См. также ***1831. Августа не позднее 15. Царское Село.***

ИЮЛЯ 24. ПЯТНИЦА. ПАВЛОВСК

Гоголь пишет матери в Васильевку, что холера в Петербурге прекращается, сообщает несколько способов ее лечения. Просит уведомить о А. С. Данилевском[1], о котором не имеет известий «со времени отъезда его из Петербурга»[2]. Напоминает адрес: «...На имя Пушкина, в Царское Село». «Всем родственникам и знакомым» передает поклоны:

«Сестрицу Марию целую и прошу быть всегда здоровою и побольше развлекать вас. Это же самое приказываю делать и сестрицам Ане, Лизе и Оле».

Сестра Ольга позднее вспоминала: «Помню, как я оглохла. У меня постоянно текло из уха и мне затыкали ухо корпией. Мне тогда <в 1831 г.> было 6 лет. Я случайно заткнула корпию глубоко, а прислуга думала, что потеряла, и затыкала новой. Потом няня заметила, что я совсем оглохла, и позвали бабу; она вставляла в ухо какую-то трубочку. После мать жаловалась, что я оттого оглохла, что без нее меня стали лечить. И так я росла, несчастная, со своей глухотой, на всю жизнь»[3].

[1] Данилевский, уехав из Петербурга на Кавказ, останавливался в своем имении Семереньках, неподалеку от Васильевки.

[2] См. ***1831. Апреля 28. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

[3] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 195.

ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА НАЧАЛО. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Гоголь читает в рукописи произведения А. С. Пушкина: статью «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»[1]; поэму «Домик в Коломне»; «Сказку о попе и работнике его Балде»; вероятно, узнает о только что (3 июля) законченной Пушкиным подготовке к печати «Повестей Белкина»[2] и его работе над «Сказкой о царе Салтане» (закончена в Царском Селе 29 августа 1831 г.); о том, что В. А. Жуковский, в свою очередь, работает над «Сказкой о царе Берендее...»[3] (написана в Царском Селе 2 августа – 12 сентября 1831 г.). Возможно, знакомится с только что вышедшим в свет первым изданием сбор-

ника Жуковского «Баллады и повести»[4] и принадлежащим Пушкину списком «Истории Русов»[5].

2 ноября 1831 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Всё лето я прожил в Павловске и Царском Селе. Стало быть, не был свидетелем времен терроризма, бывших в столице[6]. Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая[7]. – Кроме того, сказки русские народные – не то что Руслан и Людмила[8], но совершенно русские. Одна писана даже без размера, только с рифмами и прелесть невообразимая[9]. – У Жуковского [новые] тоже русские народные сказки, одне экзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего[10]. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут»[11].

[1] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).
[2] См. ***1831. Августа не позднее 15. Царское Село***.
[3] См. ***1831. Сентября 8. Вторник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***.
[4] См. ***1832. Января 1. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***.
[5] См. ***1829 апрель – 1831 октябрь***.
[6] Имеется в виду вспыхнувший в июне 1831 г. в Петербурге холерный бунт.
[7] Речь идет о поэме Пушкина «Домик в Коломне» (1829; впервые напечатана в альманахе А. Ф. Смирдина «Новоселье», вышедшем в свет 19 февраля 1833 г.). Один из мотивов пушкинской поэмы нашел отражение во второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» в повести «Ночь перед Рождеством» (*Виноградов 2000*. С. 50). Позднее сам Гоголь описал петербургскую Коломну в первой редакции повести «Портрет» (1834); это описание впоследствии легло в основу характеристик главных героев-помещиков первого тома «Мертвых душ» (*Виноградов 2000*. С. 320–321). Концовка «Домика в Коломне» («Как, разве все тут? <...> Ужель иных предметов не нашли? Да нет ли хоть у вас нравоученья?») напоминает также финал повести Гоголя «Нос» (*Вацуро В. Э.* «Великий меланхолик» // *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 326–327).
[8] Как заметил Д. П. Шестаков, в повести «Страшная месть», создававшейся в то же время, встречается реминисценция из «Руслана и Людмилы» («И зашатавшись, голова, / Перевернулась, покатилась... <...> / Вдруг, изумленный, внемлет он / Главы молящей жалкий стон...»): «...Свистнет сабля – катится по земле голова, бормоча языком несвязные речи» (см.: *Шестаков Д. П.* Личность и творчество Гоголя. Казань, 1902. С. 37).
[9] Имеется в виду «Сказка о попе и работнике его Балде».
[10] О том, что это высказывание относится отчасти к самому Гоголю см.: ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).
[11] Речь идет о втором издании сборника «Баллады и повести», в двух частях (см. ***1832. Января 1. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург*** – примечания).

АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 15. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин пишет П. А. Плетневу в Петербург:

«Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга, Ив. П. Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию»[1].

15 августа 1831 г. Гоголь вернулся из Павловска в Петербург[2]. По дороге он обещал заехать к Пушкину в Царское Село и захватить у него для передачи Плетневу рукопись «Повестей Белкина». Однако это намерение не было выполнено.

16 августа 1831 г. Гоголь писал Пушкину в Царское Село: «Приношу повинную голову, что не устоял в своем обещании по странному случаю. Я никак не мог думать, чтобы была другая дорога не мимо вашего дома в Петербург. И преспокойно ехал в намерении остановиться возле вас. Но вышло иначе. Я спохватился уже поздо. А сопутницы мои, спешившиеся к карантину для свидания с мужьями, никаким образом не захотели склониться на мою просьбу и потерять несколько минут.

Если же посылка ваша может немножко обождать, то вы можете отдать Васильчиковой, которой я сказал (она думает ехать в среду <19 августа>) заслать за нею к вам, и тогда она будет доставленна в мои руки. Я только-что приехал в город и никого еще не видал. Здесь я узнал большую глупость моего корреспондента[3]. Он, получивши на имя мое деньги[4], и знавши, что я непременно буду к 15 числу, послал их таки ко мне на имя ваше в Царское Село вместе с письмом. И вам теперь, и мне новое затруднение. Но вы снисходительны и великодушны. Может быть, и ругнете меня лихим словом; но где гнев, там и милость. Письмо с деньгами вы можете также отдать для отправки ко мне Васильчиковой».

Пушкин воспользовался советом Гоголя и 18 августа 1831 г. послал княгине А. И. Васильчиковой в Павловск рукопись «Повестей Белкина», а также письмо и деньги, присланные на имя Гоголя[5]. 21 августа 1831 г. Гоголь известил Пушкина[6], что передал П. А. Плетневу посылку и письмо от него. 25 августа 1831 г. Пушкин благодарил Гоголя в письме за доставление рукописи Плетневу[7].

[1] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 706.
[2] См. ***1831. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[3] Лицо неустановленное.
[4] См. ***1831. Июля 23. Четверг. Павловск.***
[5] См. ***1831. Августа 19. Среда. Царское Село.***
[6] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***1831. Августа 25. Вторник. Царское Село.***

АВГУСТА 14. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Прошение Л. Ф. Вистенгаузен на Высочайшее имя о дозволении преподавания в классах Патриотического института после прекращения эпидемии холеры.

Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 735.

АВГУСТА 15. СУББОТА. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшее повеление о допущении учителей к преподаванию в классах Патриотического института[1].

В этот же день Гоголь вернулся в Петербург[2].

Из воспоминаний воспитанницы Патриотического института: «Наконец осенью нам объявили, что холера прошла, и что институт открыт. <...> Наш добрый Плетнев, приветливо разговаривая, обошел все классы.

— А господин Гоголь? — спрашивали мы у инспектора.

— Он, слава Богу здоров, — весело отвечал Плетнев, — и скоро придет к вам.

— Ах, какое счастье, все здоровы! — кричали мы.

— Не все, — задумчиво сказал Плетнев.

Пришел и И. Ф. Постников[3], но такой худой и бледный, что мы испугались.

— Ничего, ничего, девицы; Господь помиловал, я совсем оправился от холеры.

— А где же г-н Вальпульский[4]? — спросили мы.

— Вальпульский и Bavion[5] скончались, — отвечали нам»[6].

[1] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 735.
[2] См. ***1831. Августа не позднее 15. Царское Село*** (письмо Гоголя к А. С. Пушкину от 16 августа 1831 г.).

[3] Иван Федорович Постников (род. в 1793), преподаватель истории (1820–1829), географии (1820–1847) и арифметики в Патриотическом институте (формулярный список И. Ф. Постникова 1832 г. см.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 102–106).

[4] Вальпусский, преподаватель немецкого языка и словесности (1820–1831).

[5] Бавион, преподаватель французской грамматики (1829–1830).

[6] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 747.

АВГУСТА 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет А. С. Пушкину в Царское Село, что, выезжая из Павловска, не сумел заехать к нему за рукописью «Повестей Белкина» для передачи П. А. Плетневу[1]. Просит адресовать ему в Патриотический институт.

[1] См. ***1831. Августа не позднее 15. Царское Село.***

АВГУСТА МЕЖДУ 16 И 21. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь поселяется в доме Г. Е. Брунста на Офицерской улице[1] во 2-й Адмиралтейской части[2].

«В “Обывательской книге” на букву “Б” <...> нашлась нужная запись, помеченная 1832 годом: “Густав Ефимов сын Брунст, чиновник 12-го класса. Имеет дом во 2-й Адмиралтейской части под № 153-м”. По адресной системе, введенной в 1834 году, этот дом получил номер 3, а теперь это дом № 4 по улице Декабристов <новое название улице дано в 1918 г.>. <...> ...Сохранился чертеж лицевого фасада дома Брунста, выполненный в 1833 году, то есть около того времени, когда в нем жил Гоголь. Дом был трехэтажным (вспомним – Гоголь писал, что живет в третьем этаже), но в 1833 году его новый хозяин, мастер столярного цеха Ф. Крамер, решил надстроить его четвертым этажом. Таким и остался он до наших дней»[3].

[1] «...На Офицерской (улица Декабристов, 4)...» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194).

[2] Письма Гоголя к А. С. Пушкину от 16 и 21 августа 1831 г.

[3] *Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 192.

АВГУСТА 19. СРЕДА. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин по совету Гоголя[1] посылает ему в Петербург с княгиней А. И. Васильчиковой Гоголю рукопись «Повестей Белкина» (для передачи П. А. Плетневу), а также письмо и деньги, присланные на имя Гоголя[2].

[1] См. ***1831. Августа не позднее 15. Царское Село.***

[2] *Тархова.* Т. 3. С. 1277.

АВГУСТА 21. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, встретившись незадолго перед тем с княгиней А. И. Васильчиковой и передав от нее П. А. Плетневу посылку и письмо А. С. Пушкина[1], а также посетив типографию Департамента народного просвещения, где печаталась первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», пишет письма Пушкину в Царское Село и матери в Васильевку.

В письме к Пушкину сообщает, что передал Плетневу посылку и письмо от него. Рассказывает о посещении типографии, где печатается его книга[2]. Напоминая поэту написанную в средине июля 1831 г. в Царском Селе статью «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов»[3], излагает собственный шуточный план статьи о Ф. В. Булгарине и А. А. Орлове[4] (комическое противопоставление которых сходно с «противоположными» характеристиками Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича из будущей Повести о ссоре 1833 г.[5]): «Начать таким образом, как теперь начинают у нас в журналах: "Наконец, кажется, приспело то время, когда романтизм решительно восторжествовал над классицизмом[6], и старые поборники франц<узского> корана на ходульных ножках (что-нибудь в роде Надеждина[7]), убрались к чорту. В Англии Байрон, во Франции необъятный великостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений. Россия, мудрости правления которой дивятся все образованные народы Европы, и проч., и проч., не могла оставаться также в одном положении. Вскоре возникли и у ней два представителя ее преображенного величия. Читатели догадаются, что я говорю о гг. Булгарине и Орлове. На одном из них, т. е. на Булгарине, означено направление чисто Байронское (ведь это мысль не дурна сравнить Булгарина с Байроном). <...> Самая даже жизнь Булгарина есть больше ничего, как повторение жизни Байрона; в самых даже портретах их заметно необыкновенное сходство. На счет Алекс<андра> Анфим<овича> можно опровергать мнение Феофилакта Косичкина[8]; говорят, что скорее Орлов более философ, что Булгарин весь поэт". <...> Но самое главное — нужно соглашаться с жалобами журналистов наших, что действительно литературу нашу раздирает дух партий ужасным образом, и оттого никак нельзя подслушать справедливого суждения. Все мнения разделенны на две стороны: одне на стороне Булгарина, а другие на стороне Орлова, и что они, между тем как их приверженцы нападают с таким ожесточением друг на друга, совершенно не знают между собою никакой вражды и внутренно, подобно всем великим гениям, уважают друг друга».

Ошибочно называет жену Пушкина Наталью Николаевну Надеждой Николаевной, сообщает, что живет теперь на третьем этаже «во 2 Адмиральте<йской> части, в Офицер<ской> улице, выходящей на Вознесенской проспект, в доме *Брунста*»[9].

В письме к матери Гоголь сообщает, что «записку» и деньги от нее получил[10] (вероятно, 250 рублей[11]); посылает домой альманах «Северные Цветы на 1831 год» (восьмимесячной давности), где напечатана его «Глава из исторического романа»[12]: «Книжка вам будет приятна, потому что в ней вы найдете мою статью, которую я писал, бывши еще в нежинской Гимназии[13]. Как она попала сюда, я никак не могу понять. Издатели говорят, что они давно ее получили при письме от неизвестного и если бы прежде знали, что моя, то не поместили бы, не спросивши наперед меня, и потому я прошу вас не объявлять ее моею никому; сохраняйте ее для себя. Приятно похвастать чем-нибудь совершенным; но тем, что носит на себе печать младенческого несовершенства, не совсем приятно. — Она подписана четырьмя нулями: *0000*». Сообщает свой новый адрес: «2-й Адмиралт<ейской> части в Офицерской улице в доме Брунста».

[1] См. ***1831. Августа 19. Среда. Царское Село.***

[2] Рассказом Гоголя Пушкин воспользовался при написании заметки <Письмо к издателю «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду» А. Ф. Воейкову> (см. ***1831. Сентября после 10 — сентября средина. Царское Село***; ***1831. Октября 3. Суббота. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1831. Июля средина — августа начало. Царское Село.***

[4] Александр Анфимович Орлов (1791–1840), автор многочисленных повестей и романов, часть из которых была написана как продолжение булгаринских романов о Выжигине. Произведения Орлова в 1830-х гг. служили мишенью для насмешек литературных критиков, особенно Булгарина. В 1831 г. Пушкин иронически сравнивал двух «гениев» — Булгарина и Орлова в памфлетах «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (средина июля 1831) и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (сентябрь 1831), напечатанных в том же году в «Телескопе» под псевдонимом Феофилакт Косичкин: первая статья — в № 13 журнала (цензурное разрешение 2 авг.; выход в свет 26–27 авг.); вторая — в № 15 (цензурное разрешение 27 сент.; выход в свет после 28 сент.). В «Невском проспекте» (1834) при характеристике поручика Пирогова Гоголь, в свою очередь, замечал: «Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча и говорят с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове».

[5] *См. 1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.*

[6] Позднее, в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», Гоголь писал: «...Что такое романтизм?.. <...> это больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу, от которого мы были совершенно отдалены подражанием обществу и людям, являвшимся в созданиях писателей древних. <...> Но как только <...> выказывался талант великий, он <...> обращал это романтическое, с великим вдохновенным спокойством художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание. Так совершил это Вальтер Скотт и, имея столько же размышляющего, спокойного ума, совершил бы Байрон...» Однако Байрон не только не «подвинулся ближе к нашему обществу», но, как замечает Гоголь в статье «О поэзии Козлова» (1831), напротив, – «от бессилия передать <...> светлость и величие» жизни создал себе «в замену отвергнутого собственный <...> нестройный и чудный мир». «Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно» (из письма к А. С. Данилевскому от 20 декабря 1832 г.). Еще менее Байрона, согласно статье «Петербургская сцена...», оказались способными к созданию нового «классического» произведения французские романтики во главе с В. Гюго. «Их имя,– пишет Гоголь,– не остается в числе чистых воспоминаний». Далее он замечает о драме «Венецианская актриса» В. Гюго: «В этой драме, как во всех других, показал Гюго в полной мере молодость и незрелость своего таланта..» В «напряженных произведениях необузданной французской музы» (повесть «Рим») обнаруживается, на взгляд Гоголя, отрыв от жизни едва ли не больший, чем в удаленных от современности созданиях «писателей древних». «Когда весь мир ладил под лиру Байрона... – размышляет он в «Петербургских записках 1836 года», – в этом стремлении было даже что-то утешительное. Но Дюма, Дюканж и другие стали всемирными законодателями!.. <...> О Мольер, великий Мольер!.. <...> Где <...> жизнь наша? где мы со всеми современными страстями?.. <...> лжет самым бессовестным образом наша мелодрама...» (примечательно, что патетическим обращением к «классицисту» Мольеру Гоголь был обязан Пушкину; см. ***1836. Апреля между 19 и 29. Санкт-Петербург***). В статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь также писал: «Стремление к странному произвело <...> в такой степени отступление в драме, какого не производили прежние классические писатели педантическою аккуратностью и отчетливостью. <...> Мольер <...> явившись в нынешнее время, изгнал бы нынешнюю <...> беззаконную драму».

Очевидно, таким образом, что замечание в настоящем письме о «торжестве» романтизма над классицизмом, будто «в Англии Байрон, во Франции необъятный величкостью своею Виктор Гюго, Дюканж и другие, в каком-нибудь проявлении объективной жизни, воспроизвели новый мир ее нераздельно-индивидуальных явлений», проникнуто, как и все письмо, глубокой иронией. Не случайно оба явления – романтизм и называемый здесь «кораном на ходульных ножках» классицизм – в своем равном отвлечении от реальной жизни одинаково подходят у Гоголя под определение (в статье «Об архитектуре нынешнего времени», 1835) «восточного воображения» – источника арабских «волшебных сказок» и «азиатской роскоши» – «воображения <...> горячего, чудесного, облекшегося в <г>иперболу и аллегорию, пролетевшего мимо жизни и прозаических нужд ее». Ср. замечание Гоголя о создателе Корана в лекции «Первобытная жизнь арабов. Переворот в образовании нации, произведенный Магометом...»: «Желая сильнее действовать на пламенную, чувственную природу арабов, обещал рай, облеченный всею роскошью восточных красок...» И слова Гоголя в «Авторской исповеди»: «Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни». Размышления о «раздоре мечты с существенностью» – об отвлеченности от жизни «романтизма» нашли также отражение в повести Гоголя «Невский проспект». Как заметил в 1924 г. В. В. Гиппиус, художник Пискарев, «отрицая действительность во имя воображения <...>, питает свое воображение наркотиками и этим предсказывает дальнейшие пути и перепутья эстетического иллюзионизма в Европе, является первым в нашей литературе декадентом» (*Гиппиус В.* Гоголь // *Гиппиус В.* Гоголь; *Зеньковский В.*, <протопресвитер>. Н. В. Гоголь. СПб., 1994. С. 47). См. также сопроводит. статьи к т. 3 и 4 в изд.: *Гоголь 2009–2010*; коммент. к строкам шестой главы первого тома «Мертвых душ» – ***...какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой... он в небесах и к Шиллеру заехал в гости...*** – в т. 5 этого же изд.; коммент. к строкам шестого раздела статьи «О преподавании всеобщей истории» – *...вся Европа... валится в Азию... это великое событие порождает рыцарство...* – в т. 6 указ. изд.; и коммент. к статье «Шлецер, Миллер и Гердер» в т. 7. (См. также коммент. в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 9. С. 539–540.)

[7] Николай Иванович Надеждин (1804–1856), критик и журналист, профессор Московского университета; резко критиковал романтические произведения Байрона, В. Гюго, раннего Пушкина, говорил о создании новой поэзии, которая бы соединяла в себе романтизм и классицизм.

[8] Псевдоним Пушкина.

[9] См. ***1831. Августа между 16 и 21. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1831. Августа 19. Среда. Царское Село.***

[11] См. ***1831. Февраля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[13] В «Северных Цветах...» и позднее в «Арабесках» (1835) «Глава из исторического романа» была датирована Гоголем 1830 г.

АВГУСТА 25. ВТОРНИК. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин в ответном[1] письме к Гоголю в Петербург благодарит его за доставление посылки П. А. Плетневу; хвалит шутливый план статьи о Ф. В. Булгарине и А. А. Орлове:

«Проект Вашей ученой критики удивительно хорош. Но Вы слишком ленивы, чтоб привести его в действие. Статья Ф<еофилакта> Косичкина еще не явилась; не знаю, что это значит: не убоялся ли Надеждин гнева Фаддея Венедиктовича[2]?»

Поздравляет с первым «торжеством», связанным с выходом в свет[3] первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — «фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора»: «С нетерпением ожидаю и другого: толков журналистов и отзыва остренького сидельца» (Н. А. Полевого). Сообщает, что В. А. Жуковский «расписался» и он тоже «собирается засесть». Передает поклон от жены: «Ваша Надежда Николавна, т. е. моя Наталья Николавна — благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам».

[1] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Июльский номер московского журнала Н. И. Надеждина «Телескоп» (№ 13), со статьей Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» (подписана: Феофилакт Косичкин), вышел в свет 26–27 августа 1831 г. (см. ***1831*. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург** — примечания).

[3] См. ***1831. Сентября начало. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 28. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Павловск.

См. ***1831. Октября 9. Пятница. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 1. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение книги «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П<ушкиным>» («Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка»).

Книга вышла из печати 24 октября 1831 г.[1]

[1] *Тархова.* Т. 3. С. 1307.

СЕНТЯБРЯ 8. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Неожиданная встреча Гоголя на Вознесенском проспекте с А. С. Пушкиным (приезжавшим на один-два дня из Царского Села в Петербург). Возможно, встреча произошла неподалеку от дома Г. Е. Брунста, где жил Гоголь[1], и Пушкин побывал тогда на его квартире. Во время встречи Пушкин сообщил Гоголю[2], что

окончил «Сказку о царе Салтане», а В. А. Жуковский закончил «Сказку о царе Берендее...»[3] и начал другую — «Сказку о спящей царевне» (написана 26 августа — 12 сентября 1831 г.).

[1] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (письмо к Пушкину).
[2] См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1831. Июля средина — августа начало. Царское Село.***

СЕНТЯБРЯ 7–9. ПОНЕДЕЛЬНИК-СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Хлопоты Гоголя о выходе в свет первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 10. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургским цензурным комитетом выдан билет на выпуск в свет первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»[1].

В тот же день Гоголь посылает свою книгу В. А. Жуковскому в Царское Село:

«...Теперь только получил экземпляры для отправления вам. Один собственно для вас, другой для Пушкина, третий, с сентиментальною надписью, для Розетти, а остальные тем, кому вы по усмотрению своему определите. Сколько хлопот наделала мне эта книга. Три дня[2] я толкался беспрестанно из типографии в Цензур<ный> комитет, из Цензур<ного> комитета в типографию, и наконец теперь только перевел дух».

Сетует, что холерные карантины превратили 24 версты между Петербургом и Царским Селом «в дорогу от Петербурга до Камчатки». Шутит, что причиной этому — «карантинный надзиратель», в мундир которого перерядился сам нечистый (реминисценция создававшейся в те же месяцы повести «Ночь перед Рождеством»[3]). Извещает, что, несмотря на это, Пушкин 8 сентября явился в Петербург и на Вознесенском проспекте «воззвал» к нему, «лепившемуся по низменному тротуару под высокими домами», — однако «к вечеру того же дня стало всё снова скучно, темно, как в доме опустелом». (Гоголь цитирует далее строки из шестой главы «Евгения Онегина»: «Окна мелом / Забелены; хозяйки нет, / А где? Бог весть, пропал и след».)

По поводу создаваемых Пушкиным и Жуковским сказок[4] восклицает:

«Боже мой, что то будет далее? Мне кажется, что теперь воздвигается огромное здание чисто русской поэзии, страшные граниты положены в фундамент, и те же самые зодчие выведут и стены, и купол, на славу векам, да покланяются потомки и да имут место, где возносить умиленные молитвы свои[5]. Как прекрасен удел ваш, Великие Зодчие! Какой рай готовите вы истинным християнам! И как ужасен ад, уготовленный для язычников, ренегатов и прочего сброду: они не понимают вас, и не умеют молиться. Когда-то приобщусь я этой божественной сказки?.. <...> Прощайте! извините мою несвязную грамоту! не далось Божественное Писание в руки».

Спустя около двух месяцев, в письме к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г., Гоголь замечал по поводу выхода в свет стихотворных переложений народных сказок В. А. Жуковского: «Жуковского узнать нельзя. Кажется появился новый обширный поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего»[6].

Если принять во внимание, что эти слова были сказаны спустя непродолжительное время после выхода в свет романтической поэмы Гоголя «Ганц Кюхельгартен»[7] — незадолго до окончания второй части «Вечеров...», а также то, что в создании юношеской поэмы существенную роль сыграло увлечение Гоголя переводами европейских поэтов Жуковского (позднее, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), увлечение немецким романтизмом в русской поэзии, сказавшееся по преимуществу в «Ганце...», Гоголь обозначил именно именем Жуковского), то становится очевидным, что не столько о творчестве Жуковского, сколько о своей собственной эволюции говорил писатель, отмечая в письме к школьному товарищу появление, взамен «германского и прежнего», «нового», «уже чисто русского» поэта[8]. Строки эти вполне отражают тогдашнее развитие самого Гоголя — от сожженного «Ганца Кюхельгартена» к «сказкам» «Вечеров...» Как заметил в 1892 г. В. И. Шенрок, еще до издания «Ганца...» Гоголь наметил себе иной путь и задачи для творчества[9]. Приехав в конце 1828 г. в Петербург, он был поражен, как, по его словам, здесь «занимало» тогда «всех все малороссийское»[10]. Едва отправив в цензуру «Ганца Кюхельгартена» (цензурное разрешение — 7 мая; выход в свет — после 5 июня 1829 г.), Гоголь 30 апреля 1829 г. обратился в письме к матери с просьбой о присылке ему этнографических и фольклорных материалов: «...Множество носится между простым народом поверий, страшных сказаний, преданий, разных анекдотов, и проч. и проч. и проч. Все это будет для меня чрезвычайно занимательно». В письме к ней от 22 мая Гоголь повторял: «У нас есть поверья в некоторых наших хуторах, разные повести, рассказываемые простолюдинами, в которых участвуют духи и нечистые. Сделайте милость, удружите меня которою-нибудь»[11]. С подобными просьбами Гоголь обращался к родным и позднее. 19 сентября 1831 г. он писал сестре, Марии Васильевне: «...Ты так хорошо было начала собирать малороссийские сказки и песни и, к сожалению, прекратила. Нельзя ли возобновить это? Мне оно необходимо нужно»[12]. О. М. Сомов 9 ноября 1831 г. извещал М. А. Максимовича: «У Гоголя есть много малороссийских песен, побасенок, сказок и пр., и пр., коих я еще ни от кого не слыхивал...»[13].

Первыми читателями «Вечеров...» повести, составившие этот цикл, были восприняты прежде всего как переложение украинских народных сказок. Критик Н. И. Надеждин в 1832 г. извещал читателей «Молвы»: «Рудый Пасочник, которого прекрасные малороссийские сказки приняты были с особенным удовольствием, недавно проехал чрез Москву на свою родину. Мы надеемся, что он соберет там нового меду для услаждения публики»[14]. Князь В. Ф. Одоевский 23 сентября 1831 г. писал А. И. Кошелеву: «...На сих днях вышли Вечера на хуторе — малороссийские народные сказки. Они, говорят, написаны молодым человеком <...> Гоголем...»[15] «Благодарим вас за то, что вы разрыли клад малороссийских преданий и присказок...» — обращался к автору «Вечеров...» Н. А. Полевой в «Московском Телеграфе»[16]. А. Я. Строженко в свою очередь замечал: «Повести, или, справедливее, сказки Пасичника Рудаго Панька, появились в свет...»[17] «Остроумным сказочником» называл в 1832 г. Гоголя корреспондент «Русского Инвалида»[18]. М. П. Погодин 8 августа 1832 г. записал в дневнике о «Вечерах...»: «Шир<яев> <московский книгопродавец> не хочет покупать сказок Гог<оля>»[19]. В свою очередь П. А. Плетнев, имея в виду «Вечера на хуторе близ Диканьки», 8 декабря 1832 года писал В. А. Жуковскому: «В его сказках меня всегда поражали драматические места»[20]. А. О. Смирнова позднее замечала, что в русском обществе Гоголь был известен прежде всего как «автор романа "Мертвые души" и малороссийских сказок»[21]. Сам Гоголь в то время, когда его занимали уже другие замыслы, в письме М. П. Погодину от 1 февраля 1833 г. говорил о возможном продолжении «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «...Прибавлять сказки не могу». Характерно, что и сами рассказчики «Вечеров...» называют у Гоголя свои истории «сказками»[22].

[1] *Гоголь 2001–2012*. Т. 1. С. 611.

[2] См. ***1831. Сентября 7–9. Понедельник–среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1826. Августа после 16 — ноября начало. Нежин*** (примечания).

[4] См. ***1831. Сентября 8. Вторник. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[5] Образ несет в себе скрытые новозаветные реминисценции. Ср. в Послании св. апостола Павла к Ефесянам: «Итак вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе...» (гл. 2, ст. 19–21). В Первом Соборном послании св. апостола Петра: «Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом» (гл. 2, ст. 4–5). Примечательно, что в конце жизни Гоголь называл А. С. Пушкина «нашим первоапостолом» (см. ***1851. Ноября 5. Понедельник. Москва***). См. также строки письма Гоголя к М. П. Погодину от 1 декабря (н. ст.) 1838 г.: «Но мы можем, как первые христиане в катакомбах и затворах совершать наши творения» (см. ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим***); и строки письма Гоголя к А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г.: «К этому примешалась мысль о единстве Церкви в каком-то безотчетном, не объяснившемся для него самого соединении с литературой...» (см. ***1845 января 9 <1844 декабря 28>. Четверг. Франкфурт-на-Майне***).

[6] См. *1831. **Июля средина – августа начало. Царское Село.***
[7] См. ***1829. Июня после 5. Санкт-Петербург.***
[8] См. также ***1829. Мая 7. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).
[9] См.: *Шенрок.* Т. 1. С. 255.
[10] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург.***
[11] См. ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург.***
[12] Ср. также: «Иногда брат просил нас присылать ему малороссийские сказочки, и мы с удовольствием посылали ему...» (см. ***1832. Февраля 6. Суббота. Санкт-Петербург***).
[13] См. ***1831. Ноября 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[14] См. ***1832. Июля начало. Москва.***
[15] См. ***1831. Сентября 23. Среда. Санкт-Петербург.***
[16] Московский Телеграф. 1831. № 17.
[17] *<Стороженко А. Я.> Андрий Царынный.* Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго Панька, изданных им в книжке под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки,* и рецензий на оныя // Сын Отечества и Северный архив. 1832. № 1. С. 41.
[18] См. ***1832. Февраля 19. Пятница. Санкт-Петербург.***
[19] См. ***1832. Августа 5. Пятница. Москва.***
[20] См. ***1832. Декабря 8. Четверг. Санкт-Петербург.***
[21] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[22] Позднее связь гоголевских повестей с народными сказками неоднократно отмечалась исследователями; см.: *Драгоманов М.* М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 448; *Петров Н. И.* Очерки украинской литературы // Исторический Вестник. 1882. № 8. С. 242–244; *Мочульский В. Н.* Малороссийские и петербургские повести Н. В. Гоголя. (К истории художественного творчества) // Записки Имп. Новороссийского ин-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 2. С. 469–488; То же. Одесса, 1902. С. 4–13; *Трубицын Н. Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). СПб., 1912. С. 459–462; *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 682–683.

СЕНТЯБРЯ 11–13. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет брошюры «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (цензурное разрешение 7 сентября) с стихотворениями Жуковского «Старая песня на новый лад» (с датой: «5-го Сентября 1831 года»; подпись: В. Ж.) и Пушкина «Клеветникам России» (с датой: «16-го Августа 1831 года»; подпись: А. П.) и «Бородинская годовщина» (с датой: «5-го Сентября 1831 года»; подпись: А. П.).

Тархова. Т. 3. С. 1287–1288.

СЕНТЯБРЯ ПОСЛЕ 10 – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин пишет письмо к А. Ф. Воейкову о первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»[1]:

«Сейчас прочел *Вечера близъ Диканьки.* Они изумили меня. Вот настоящая весёлость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали[2], что когда издатель вошел в типографию где печатались *Вечера,* то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. *Мольер* и *Фильдинг,* вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обык-

новению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч. Пора, пора нам осмеять les précieuses ridicules[3] нашей словесности, людей толкующих вечно о прекрасных читательницах, которых у них не бывало, о высшем обществе, куда их не просят, и всё это слогом камердинера профессора *Тредьяковского*»[4].

[1] См. также ***1831. Октября 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Пушкин пересказывает содержание письма к нему Гоголя от 21 августа 1831 г.: «Любопытнее всего было мое свидание с типографией. Только что я просунулся в двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себе в руку, отворотившись к стенке. Это меня несколько удивило. Я к фактору, и он после некоторых ловких уклонений наконец сказал, что: *штучки, которые изволили прислать из Павловска для печатания, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикам принесли большую забаву.* Из этого я заключил, что я писатель совершенно во вкусе черни». На это письмо Пушкин 25 августа 1831 г. отвечал: «Поздравляю Вас с первым Вашим торжеством, с фырканьем наборщиков и изъяснениями фактора».

[3] Жеманниц (*фр.*).

[4] *Пушкин А. С.* <Письмо к издателю «Литературных Прибавлений к Русскому Инвалиду» А. Ф. Воейкову> // *Свод.* Т. 1. С. 709.

СЕНТЯБРЯ 19. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с днем Ангела (1 октября), посылает в подарок пряник[1] и «небольшую книжку» — первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: «Она понравилась здесь всем, начиная от Государыни...» Просит сестру Марию возобновить для него собирание «малороссийских сказок и песен»[2]. Обращается с просьбой к матери собирать, «если попадутся где, старинные костюмы малороссийские»:

«Если владельцы будут требовать за них дорого, пишите ко мне, я постараюсь собрать и выслать нужные деньги. Я помню очень хорошо, что один раз в церькве нашей мы все видели одну девушку в старинном платье. Она, верно, продаст его. Если встретите где-нибудь у мужика странную шапку или платье, отличающееся чем-нибудь необыкновенным, хотя бы даже оно было изорванное — приобретайте! Также нынешний мужеский и женский костюм, только хороший и новый. Всё это складывайте в один сундук или чемодан, и при случае, когда встретится оказия, можете переслать ко мне. Но так как это не к спеху, то вам будет довольно времени для собирания. А сказки, песни, происшествия, можете посылать в письмах или небольших посылках».

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, писал: «...Черты сходства могут быть отмечены <...> между "Страшной Местью" и другими рассказами в "Вечерах"... <...> Изображение пани Катерины <...> сходно с описанием дивчин в первой части "Вечеров", а описание ее наряда — полутабенек, серебренные подковы, синий кунтуш, кораблик на голове — почти без перемен или с самыми незначительными вариациями воспроизводит описание женских нарядов в "Вечере накануне Ивана Купала". <...> Везде <...> незначительная разница сводится к тому, что убранство пани Катерины является более великолепным и изящным сравнительно с тем, что носят обыкновенно девушки и бабы. Все это не имело бы особого значения, если бы нам не было известно наверное, что Гоголь не только собирал точные описания нарядов, но и нарочно покупал их[3], — следовательно, очевидно, пользовался в обоих случаях одинаковым полученным им материалом; притом указанными кунтушами и корабликами не исчерпываются, конечно, женские малороссийские наряды»[4].

Возможно, в тот же день, 19 сентября 1831 г., Гоголь посылает А. С. Данилевскому — в Семереньки (или в Сорочинцы[5]) — первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (вероятно, с надписью, заканчивающейся словами: «...... будь здоров, милый, близкий душа-братец. Твой Н. Гоголь»[6]), а также словарь Е. И. Ольдекопа (русско-французский или русско-немецкий).

Позднее, 1 января 1832 г., Гоголь сообщал А. С. Данилевскому: «Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича[7], в котором он извещает меня, что книги, посланные мною тебе в Семереньки, он получил».

[1] См. ***1831. Октября 30. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] См. также ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка.***
[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 513.
[5] См. ***1831. Ноября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[6] *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 476.
[7] В. И. Черныш, отчим Данилевского.

СЕНТЯБРЯ 23. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь В. Ф. Одоевский пишет А. И. Кошелеву:

«На сих днях вышли *Вечера на хуторе* – Малороссийские народные сказки. Они, говорят, написаны молодым человеком, по имени *Гоголем*, в котором я предвижу большой талант: ты не можешь себе представить, как его повести выше по вымыслу, и по рассказу, и по слогу всего того, что доныне издавали под названием русских романов».

Гоголь в письмах князя В. Ф. Одоевского // *Свод.* Т. 1. С. 720.

СЕНТЯБРЯ 27 <ОКТЯБРЯ 9>. НАФПЛИОН

Убит первый президент Греции (с 1827 г.) граф И. А. Каподистрия.

Фамилия убийц И. Каподистрии – Г. и К. Мавромихали – дважды встречается в черновой редакции гоголевского «Портрета» (1834): «образ Мавромихала», «портрет Мавромихала».

Сахаров В. И. Граф Иоаннис Каподистрия – вождь греческой революции // Греческая газета. 2003. Январь. № 6. С. 23.

СЕНТЯБРЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно «Расписанию окладам жалованья учителям Патриотического института», составленному 26 сентября 1831 г. начальницей института Л. Ф. Вистенгаузен и утвержденному, по представлению Н. М. Лонгинова, 28 сентября 1831 Императрицей Александрой Феодоровной, «учителю истории в младшем классе» Гоголю оставлен прежний оклад в 400 рублей в год[1].

Годовой оклад инспектора классов и учителя российской словесности П. А. Плетнева составлял 3000 рублей; учителя российской словесности в младшем классе П. В. Клейменова – 600; законоучителя иерея В. И. Полянского – 500; учителя российской и всеобщей истории Г. П. Близнецова – 800; учителя географии и арифметики И. Ф. Постникова – 1500; учителя французской словесности Л. И. Лустоно – 1200; учителя французских переводов Вихмана[2] – 300; учителя французской грамматики Трико[3] – 600; учителя немецкой словесности Э. Ф. Штейберга – 1200; учителя немецкой грамматики А. О. Рота – 500; учителя каллиграфии Л. И. Ломана – 900; учителя рисования И. Я. Яковлева – 1000; учителя музыки И. М. Высоцкого – 400; учителя церковного пения А. И. Макушина – 500; учителя танцев танцовщицы А. А. Шемаевой – 1800[4].

По воспоминаниям одной из учениц Патриотического института, Гавриил Павлович Близнецов, по-видимому, в том же 1831 г. умер, после чего его должность учителя российской и всеобщей истории в старших

классах стал замещать Гоголь[5] (при этом вероятно, жалованье его выросло до 1200 рублей в год)[6]. Вероятно, это произошло в период между 28 сентября и 24 октября 1831 г., когда Гоголю вдруг понадобился список воспитанниц старших классов, назначенных к выпуску 1832 г.[7]

[1] Ср. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Андрей Федорович Вихманн; в 1826–1830 гг. состоял учителем французского языка при Гатчинском воспитательном доме.

[3] Иван Иванович Трико; состоял также учителем французского языка в Царскосельском лицее.

[4] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 734–735.

[5] См. ***1831. Сентября 28 — октября 24. Санкт-Петербург.***

[6] В составленном позднее, после оставления Гоголем Патриотического института, документе о прибавке учителю истории Соколовскому 450 рублей к прежнему жалованью говорится: «...Бывший учитель исторических наук в Патриотическом институте Гоголь-Яновский получал жалованья за 12 часов по 100 р<ублей>, 1200 <рублей> в год» (Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 742). — См. также ***1830. Июля 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] См. ***1831. Октября 24. Суббота. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 29–30. ВТОРНИК-СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 219–220) в разделе «Новые книги», за подписью «В», помещен «разбор» В. А. Ушакова первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:

«Небольшое Литературное Общество, издавна составившееся в Малороссии и постоянно действовавшее в духе местного патриотизма, сколько можно судить по первым трудам оного, имело сперва целию сохранить во всей чистоте особенность своего наречия и оригинальность давнопрошедшего быта. К сему периоду принадлежат печатные опыты Гг. Котляревского, Артемовского-Гулака и Издателей Украинского Вестника — кроме других опытов, не изданных и составляющих некоторого рода домашнюю Литературу Малороссиян[1]. Но в последнее время Малороссийская школа оставила сию слишком местную цель свою и обратилась к мысли более глубокой — удерживать только характерное отличие того наречия, поставляя главнейшею целью раскрывать народность, во всей обширности этого понятия. Анекдоты, печатанные в книжках Вестника Европы, кажется, были первым шагом к новой цели; публике известны прекрасные мелодии Маркевича[2]. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком, представляют нам новый, изящний плод этого же, умного и истинно народного усилия. <...> Элементы собственно Русского характера до сих пор остаются неуловимы. По крайней мере, мы не имеем еще ни одного произведения, которое можно бы было поставить в парал<л>ель с Повестями Пасичника Рудаго Панька. <...> На сем поприще резко и упрямо идет Г<-н> Погодин, но костюм его слишком изыскан. <...> В Г<-не> Загоскине мы видим такое же одностороннее направление... <...> Мы не знаем ни одного произведения в нашей Литературе, которое можно было бы сравнить, в этом отношении, с Повестями, изданными Пасичником Рудым Паньком, — разве Борис Годунов <А. С. Пушкина> пойдет в сравнение».

Позднее, 1 января 1832 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому: «Незадолго до твоего я получил письмо от Василия Ивановича <Черныша>[3]... <...> Не излишним почитаю при сем привесть его слова, сказанные в похвалу моей книги: "Если выдадите еще книгу в свет Вечера, то пришлите для любопытства и прочету. Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше. Это есть прекраснейшее дело, благороднейшее занятие. Я читал и рекомендацию ей от Булгарина <от В. А. Ушакова> в Северной Пчеле очень с хорошей стороны и к поощрению сочинителя. Это видеть приятно"».

[1] См. также ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] Имеются в виду «Украинские мелодии» Н. А. Маркевича (М., 1831). Один из вероятных источников описания степей в «Тарасе Бульбе» (см.: *Гоголь 1937–1952.* Т. 2. С. 728–729).

[3] См. также ***1831. Сентября 19. Суббота. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 30. СРЕДА. МОСКВА

В газете «Московские Ведомости» (С. 3296, 3308) напечатано объявление о продаже полученной из Петербурга первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (цена 7 рублей 50 копеек, в цветной обертке).

СЕНТЯБРЯ 30. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1831. Октября 17. Суббота. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возможно, в этот день состоялось традиционное собрание выпускников Нежинской гимназии[1].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Приехали в Петербург и другие товарищи Гоголя, и собралось их там более десяти человек: Гоголь, Прокопович[2], <А. С.> Данилевский, Пащенко[3], Кукольник[4], Базили[5], Гребенка[6], Мокрицкий[7] и еще некоторые. Определились по разным министерствам и начали служить. Мокрицкий хорошо рисовал и заявил себя замечательным художником по живописи. Товарищи часто сходились у кого-нибудь из своих, составляли тесный, приятельский кружок и приятно проводили время. Гоголь был душою кружка. Гоголь и Кукольник сильно интересовались литературой. После знакомства с Пушкиным[8] Гоголь всецело предался литературе. Вот приходит однажды в этот кружок товарищей М<окрицкий> и приносит с собою что-то завязанное в узелке. "А что это у тебя, брате Аполлоне?" — спрашивает Гоголь. М<окрицкий> был заика и с трудом отвечает: "Это... это, Николай Васильевич, не по твоей части; это — священне..." — "Как, что такое, покажи!" — "Пожалуйста, не трогай, Н<иколай> В<асильевич>,— говорю тебе нельзя — это священне". (В узелке были костюмчики детей князя N. <вероятно, А. В. Васильчикова>; костюмчики нужны были М<окрицкому> для картины, и он добыл их не без труда.) Гоголь схватил узелок, развязал, увидел, что там такое, плюнул в него и швырнул в окно на улицу. М<окрицкий> вскрикнул от ужаса, бросился к окну и хотел выскочить, но было высоко; бросается в дверь, бежит на улицу и схватывает свой узелок... Хохотали все до упаду»[9].

[1] См. ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] Приехал в Петербург в средине июля 1829 г. (см. ***1829. Июля средина, не позднее 21. Санкт-Петербург***).

[3] И. Г. Пащенко приехал в Петербург в конце 1830 г. – весной 1831 гг. (см. ***1831. Марта 31. Вторник. Санкт-Петербург***).

[4] Приехал в Петербург в 1831 г. (*Супронюк. Словарь.* С. 99). – См. также ***1832. Марта 30. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Приехал в Петербург в 1833 г. (см. ***1833. Сентябрь-ноябрь. Санкт-Петербург***).

[6] Е. П. Гребенка приехал в Петербург в конце 1833 г.

[7] А. Н. Мокрицкий приехал в Петербург в конце 1830 г. Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко, что Гоголь «несколько времени жил в одной квартире с живописцем Мокрицким, также земляком» (*Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 404). С конца августа 1833 до 30 ноября 1834 г. Мокрицкий проживал на родине в Малороссии (см. ***1833. Августа конец. Санкт-Петербург***; ***1834. Ноября 30. Пятница. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 594–595.

ОКТЯБРЯ 3. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду» (№ 79) помещена рецензия Л. А. Якубовича на первую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки». В рецензии помещено письмо А. С. Пушкина к А. Ф. Воейкову о книге Гоголя[1], с добавлением:

«Рецензент, будучи совершенно согласен с знаменитым поэтом, радуется, что великий талант, вмея постигать все прекрасное – отдает и полную справедливость юному таланту»[2].

[1] См. ***1831. Сентября после 10 – сентября средина. Царское Село.***
[2] *Тархова.* Т. 3. С. 1299.

ОКТЯБРЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Н. М. Языков[1] пишет брату А. М. Языкову:

«“Вечера на хуторе” – славная вещь!»[2]

Позднее Н. М. Языков в письме к П. М. и А. М. Языковым от 4 ноября 1831 г. сообщал одному из братьев: «С Ширяевым я счелся: ты должен ему только за “Вечера на хуторе”»[3].

[1] С поэтом Николаем Михайловичем Языковым (1803 – 26 декабря 1846), а также с его старшим братом, этнографом, геологом и общественным деятелем Петром Михайловичем Языковым (1798–1851), Гоголь познакомился спустя несколько лет, 30 июня (н. ст.) 1839 г., в Ганау (см. ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау***). С конца августа (после 26-го числа н. ст.) по 26 сентября (н. ст.) 1841 г. Гоголь вновь жил в Ганау в обществе Языковых и пообещал тогда поселиться с Н. М. Языковым на одной квартире по возвращении больного поэта в Москву. 14 июля (н. ст.) 1842 г. Гоголь прибыл в Гастейн к Н. М. Языкову, откуда 17 сентября (н. ст.) 1842 г. они отправились вместе в Рим. Они пробыли там с 4 октября (н. ст.) 1842 г. по 2 мая (н. ст.) 1843 г., после чего вернулись вместе в Гастейн. Прибыв туда 14 мая (н. ст.) 1843 г., Гоголь пробыл в Гастейне с Языковым до конца мая этого года (28 мая н. ст. он был уже в Мюнхене), после этого их пути больше не пересекались, хотя переписка между ними не прекращалась вплоть до кончины Языкова в Москве 26 декабря 1846 г. – См. также ***1842. Сентября 9 <августа 28>. Пятница. Гастейн*** (примечания).
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 140.
[3] *Карпов А. А.* Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 276.

ОКТЯБРЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЦАРСКОЕ СЕЛО

А. С. Пушкин, возобновивший в сентябре 1831 г. работу над восьмой главой «Евгения Онегина», завершает эту главу.

Цявловский, Тархова. С. 1297, 1299.

ОКТЯБРЯ 8. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет А. А. Трощинскому:

«...Сын мой посвящает всю свою жизнь службе, стараясь быть нам полезным; но покуда я дождусь сего счастия, то много еще должна буду терять здоровья в трудах... На днях я получила от сына моего письмо[1], с поздравлением меня с именинами, и при оном посылает мне книгу своего сочинения; пишет: она есть плод отдохновения досужных часов от трудов моих; она понравилась здесь всем, начиная от государыни, надеюсь, что и вам она принесет сколько-нибудь удовольствия, и тогда я буду счастлив. Книга сия под названием *Вечера на хуторе близ Диканьки*; сочинителем подписал пасечника *Рудаго Панька*...»

Свод. Т. 1. С. 85.

[1] См. ***1831. Сентября 19. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 9. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что ее письмо от 28 августа 1831 г.[1], в Павловск, «получил уже давно». Утешает мать, что, может быть, со следующего года будет помогать ей деньгами. Обещает принять участие в обеспечении приданым сестры Марии и устроить младших сестер в «самые лучшие» петербургские институты:

«Не могу без жалости вспомнить про глупый Полтавский институт[2], где так бестолково и безрассудно воспитание девиц. Как далеки там и княгиня[3] и ее набранные из всякой сволочи гувернантки от одной мысли о образовании настоящем и твердом неопытной девушки. Я не могу налюбоваться здешним порядком. Здесь воспитанницы получают сведения обо всем, что нужно для них, начиная от домашнего хозяйства до знания языков и опытного обращения в свете, и вовсе не выходят теми ветренными, легкомысленными девчонками, какими дарят другие институты, к числу которых можно причислить некоторые и здешние и даже Смольный монастырь. Два здешние института, Патриотический и Екатерининский, самые лучшие. И в них-то, будьте уверены, что мои маленькие сестрицы будут помещены».

Просит составить подробную записку долга в казну:

«Директор Опекунского совета мне знаком[4], и мне, может быть, очень бы легко удалось склонить его к отсрочке. Но я не знаю, как приступить к этому, не зная даже году, в котором взяты деньги, не ведая ни имени, ни количества остающихся и взятых денег. А без этого трудно и отыскать это дело».

[1] См. ***1831. Августа 28. Пятница. Васильевка.***

[2] В Полтавском институте обучалась сестра Гоголя Мария (см. ***1825. Мая 25. Понедельник. С. Богдановка, близ Полтавы***; ***1828. Марта 30. Пятница Светлой седмицы. Нежин***; ***1828. Мая 30. Среда. Нежин***).

[3] Имеется в виду княгиня В. А. Репнина-Волконская (рожд. графиня Разумовская), по чьей инициативе в 1818 г. был основан Полтавский институт благородных девиц (см. ***1818. Декабря 12. Четверг. Полтава***); она же была его председательницей и попечительницей. Должность начальницы института исправляли: в 1829 г. – Юлия Александровна Реньи; в 1830–1831 г. – Александра Федоровна Лукашевичева. В. А. Репнина-Волконская являлась также одной из учредительниц петербургского Патриотического института, где с марта 1831 г. по апрель 1835 г. преподавал Гоголь. В числе других знакомых Гоголю великосветских дам, входила в состав первого Совета Женского Патриотического Общества, в ведении которого находился институт (см.: *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 5).

[4] Управляющим петербургской ссудной казны был почетный опекун, князь Николай Леонтьевич Шаховской, директорами ссудной казны были А. П. Энгельсов и Г. И. Кузьминский. С кем из них был знаком Гоголь, – неизвестно.

ОКТЯБРЯ 9. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну в Петербург письмо с извещением о том, что А. А. Трощинский помог ей уплатить проценты за заложенное имение.

См. ***1831. Октября 30. Пятница. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1838. Сентября 9 <августа 28>. Воскресенье. Ливорно.***

ОКТЯБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин с женой переехал из Царского Села[1] в Петербург[2].

[1] См. ***1831. Мая 25. Понедельник. Санкт-Петербург, Царское Село.***
[2] *Тархова.* Т. 3. С. 1303.

ОКТЯБРЯ 17. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее письма (от 30 сентября[1]): «Очень рад, что вам пришлись очень кстати посланные мною безделицы и сожалею только, что не в состоянии послать вам лучшего». Посылает матери «хозяйственный ридикуль и перчатки», а сестре Марии «браслеты и пряжку»; прилагает также кушак и конфеты[2]. Собирается прислать платья или материал на платья матери и сестре (для чего просит сообшить, какие цвета им «идут больше к лицу»), а также «хорошие башмаки» для матери (просит прислать «мерку» с ее ног)[3].

[1] См. ***1831. Сентября 30. Среда. Васильевка.***
[2] См. ***1831. Декабря 8. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1832. Февраля 6. Суббота. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЯТИГОРСК

А. С. Данилевский посылает Гоголю письмо с просьбой о присылке нот для Э. А. Клингенберг[1].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «Данилевский, прожив некоторое время в деревне, успел, по совету Арендта, уехать на Кавказ, чтобы пользоваться лечением нарзаном. Но прежде чем ехать в Кисловодск, он поселился в доме какого-то генерала в Пятигорске. Вскоре сердце его было завоевано ослепительной красотой известной родственницы Лермонтова, Эмилии Александровны Верзилиной (впоследствии Шан-Гирей)[2]. Не знаем, насколько мог он рассчитывать на сочувствие, но о браке, вследствие значительной разницы в положении, нельзя было и мечтать юному воину»[3].

[1] См. ***1831. Ноября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] Э. А. Клингенберг (род. в 1815; в замужестве Шан-Гирей).
[3] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 510.

ОКТЯБРЯ 20. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает О. Д. Трощинской первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки»[1]:

«...Книгу сына моего при сем посылаю и прошу вас, при случае, когда будете посылать в Кибенцы, прислать мне. Здесь все просят ее прочесть. Николай мой все стремится быть полезным для родного края[2] и я несколько понимаю его цель; в сей книге он коснулся ее; но в продолжении более будет; и обыкновенно в таком роде, как он пишет[3], более нравится публике...»[4]

[1] См. ***1831. Октября 8. Васильевка.***
[2] Ср. также ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1829. Июля не позднее 5. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] *Свод.* Т. 1. С. 85.

СЕНТЯБРЯ 28 – ОКТЯБРЯ 24. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

После кончины учителя российской и всеобщей истории в старших классах Патриотического института Г. П. Близнецова на Гоголя возложена обязанность преподавать историю не только в младших, но и в старших классах института, с повышением жалованья[1].

Первый вопрос, который задал воспитанницам старших классов Гоголь, был вопрос из Священной истории.

Одна из воспитанниц Патриотического института вспоминала: «Мы очень любили всеобщую историю, и учитель наш, покойный Близнецов, умел не только поддержать любовь эту, но усилил ее своими живописными рассказами. Мы всегда как праздника ожидали его класса; у него все оживало, становилось живыми картинами: Троянская война рассказывалась так же просто и поэтично, как у Гомера, Марафонская битва, смерть Сократа, речи Демосфена волновали нас так, как бы все это воочию совершалось.

Так прошли мы с Близнецовым почти всю древнюю историю, зная хронологические таблицы не хуже таблички умножения. Вдруг Близнецов заболел; долго ждали его, но он не являлся, потом разнесся слух, что он умер. Мы его сердечно оплакали как доброго, умного и занимательного учителя.

Однажды в свободный час вошел к нам улыбающийся Плетнев и, пристально, шутливо поглядывая, представил нам бледного, белокурого молодого человека, с неизмеримым хохлом, с большим острым носом, с быстрыми карими глазами и с порывистыми, торопливыми движениями[2].

– Вот вам новый учитель истории, Н. В. Гоголь, прошу учиться у него так же хорошо, как у покойного Близнецова, – и нам обоим ничего более не останется желать, – сказал Плетнев, потом стал нас экзаменовать.

Происшествия и годы лились у нас безостановочно; кажется, Гоголь смутился нашими хронологическими знаниями и, думая, что мы все заучили в долбежку, вдруг предложил вопрос: “Кто жил у Евреев в таком-то году?” Ему ответили верно и, не переводя духу, назвали всех современников по народам.

Гоголь замолчал и более не предлагал вопросов, а стал порывисто грызть кончик носового платка. Впоследствии мы догадались, что это был признак нетерпения и неудовольствия.

Плетнев один продолжал спрашивать и, покончa у нас, прошел своим медленным шагом, вытягивая ногу за ногой, в соседнее отделение; следом за ним, неровно и вертляво, пробежал Гоголь, помахивая белым носовым платком.

Вскоре мы заметили, что изучение истории у нас совершенно изменилось; последовательные, красноречивые рассказы, подкрепляемые годами, сменились отрывочными; о хронологических

таблицах[3] помину не было, но появилось нечто вроде исторической критики; философия взяла перевес над простым знанием событий, — везде отыскивались причины и будущие последствия их. — Насколько основательны были умозаключения двадцатитрехлетнего философа? не знаю; но об познаниях наших скажу, что они значительно понизились; впрочем, едва ли и сам Гоголь так был силен в истории, как бы следовало адъюнкт-профессору Петербургского университета.

Преподавание его было неровное, отрывочное; одних событий он едва касался, о других же слишком распространялся; главной заботой его была наглядность, живость представления. Однажды, пробегая общим взором историю Франции, Гоголь схватил мел и, продолжая рассказывать, в то же время чертил на черной доске какие-то фигуры в роде гор, площадок и обрывов; на каждом подъеме или спуске писал имя Государя, возвысившего или уронившего Францию; нас особенно удивила высокая скала, на подъеме, на верхушке и на подошве которой стояло одно и то же имя Людовика XIV-го. Мы ахнули, а Гоголь весело засмеялся, — он достиг своей цели — увлек нас!»[4]

Сохранился отдельный набросок Гоголя «Век Людовика XIV», где он, в частности, замечал: «..Людовик [не знал] меры своей щедрости и обратил ее после в безумную расточительность. <...> Франция его расточительностью доведена была до жалкого состояния. Долги ее были огромны, народ в бедности и разврате». В статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь, в свою очередь, писал: «Я должен изобразить блестящий век, произведенный этим государем (Лудовиком XIV), когда Франция закипела изделиями роскоши, фабриками, писателями, когда Париж сделался всемирною столицею, куда съезжались со всей Европы, и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи распространились по всей Европе. Но, нарушивши неприкосновенность чужих владений, этот честолюбивый король хотя и расстроивает торговлю голландцев, но вместе разоряет свое государство и сам убивает свое величие».

Содержание заметки «Век Людовика XIV» перекликается также с гоголевской «исторической характеристикой» арабского халифа Ал-Мамуна в статье с одноименным названием («Ал-Мамун», 1834), что связано с размышлениями Гоголя об арабских корнях европейской цивилизации. О роли арабо-мусульманского Востока в «просвещении» средневековой Европы и, в частности, в возникновении ее рыцарских орденов Гоголь, в частности, писал в своей программе лекций по истории Средних веков (1834): «Острова христианские и невозможность удержаться среди магометанских соседей... <...> Следствия крестовых походов... <...> Перенесение восточных нравов, обычаев, аравийского просвещения... <...> и оттого происхождение рыцарства...» В статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь, говоря о крестовых походах, также замечал: «...Вся Европа, двинувшись с мест, валится в Азию, Восток сшибается с Западом, и две грозные силы, христианство с магометанством; <...> это великое событие порождает рыцарство...» На арабские истоки европейской цивилизации он указывал и в статье «О Средних веках» (1834): «...Вся масса <...> извергается в другую часть света, где потухающее аравийское просвещение силится передать ей свой пламень, и — вся Европа вояжирует по Азии. <...> ...Народы сами <...> приходят за образованием...» В статье «Ал-Мамун», посвященной характеристике арабского мира накануне крестовых походов, Гоголь сообщает и о самом характере и содержании восточного «образования». Аравийская культура, по Гоголю, — это прежде всего культура вооруженной силы и роскоши: «Дамаск мог одеть всех сластолюбцев дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами...» В результате совершенного христианской Европой похода на Восток «христиане <становятся> сильнее» (синхронистическая таблица Гоголя 1830-х гг. по истории стран Европы и Востока в X–XII вв.). Именно с Востока берет свое начало европейская «цивилизованная» роскошь. Коспектируя в 1833 г. книгу английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века», Гоголь отметил следующее исходное состояние Европы в V–XI вв.: «Бедность Европы. Не в состоянии была ничего купить у роскошного Востока». Это же состояние Европы Гоголь отмечал и в древности: «...Позади Финикии находилась Азия, плодоносная, уже роскошная и изобретательная, впереди Европа, еще грубая, с произведениями нетронутыми» (заметка «Финикияне»). Ср. также замечание Н. М. Карамзина о «просвещении» средневековой Европы в «Истории государства Российского»: «Крестовые походы сообщили ей сведения и художества Востока; оживили, распространили ее торговлю» (т. 5, гл. 4).

Кроме заметки «Век Людовика XIV», в бумагах Гоголя сохранились другие наброски лекций по истории Нового времени, которые он читал только в Патриотическом институте (позднее в Петербургском университете Гоголь преподавал лишь древнюю и средневековую историю). В заметке о доходах европейских стран Гоголь, в частности, замечал: «Бавария есть плодоноснейшая область в Германии, но жители глупы. Это земной рай, населенный животными». О содержании лекций по новейшей истории позволяют также судить слова, сохранившиеся у корешка вырванных страниц одной из записных книг Гоголя: «...завоевания <...> Васко де Гама <...> Папа составил <...>ского короля. Это <...> Америку. Нужно <... тор>говлю <...> немецкого импер<атора ...> [Явили свое право] <...> воины <...> Наполеону <...> Мюрату <...> Бурбон <...> франц<узы ...> роскошь <...> Эдикты <...> был <...> дворянство <...> Людовик <XIV ...> франц<узский>... <...> ...жрецы <...> Греческой <...> монету <...> просв<ещение ...> роскошь <...> Естеств<енные> сред<ства ...> Астрономия <...>

микроскоп <...> 14 <в.> 16 в. <...> газеты <...> ружье <...> в 17 в. <...> Американ<ский ...> чугунные доро<ги>... <...> Изобретение телеграфа»[5].

Далее воспитанница Патриотического института вспоминала о Гоголе: «Чтоб яснее и ближе познакомить нас с историческим временем, он приносил множество дорогих картин в красках, изображающих одежду, утварь, оружие и памятники древнего мира[6]; картины средних веков: готические замки, храмы, разодетых дам и рыцарей, потом – галлерею королей французских, картины времени Лудовика XIV.

Иногда, увлекаясь своим поэтическим воображением, он вдруг изображал перед нами причудливые, калейдоскопические картины, быстро перенося слушательниц из места в место: то указывал на прекрасную Грецию, всю в садах и правильных рощах, из-за которых белеются мраморные колонны и портики; то на жителей ее, достойных резца и кисти Фидия и Праксителя; то вдруг обращал внимание наше на древний Египет, покрытый пирамидами, где между стройными пальмами покоятся гранитные сфинксы и тускло глядят каменными очами на обелиски со священными иероглифами[7]. Одна картина сменяла другую; едва дыша, следили мы за ними и не замечали того, что оратор в пылу рассказа драл перо, комкал и рвал тетрадь или опрокидывал чернильницу.

Впоследствии исторические статьи его, помещенные в "Арабесках", воскресили в памяти моей увлекательные лекции Гоголя; мне точно снова слышалась его торопливая речь, неправильный выговор, и снова становилась передо мною бледная, вертлявая фигура с огромным светло-русым хохлом, с искристыми карими глазами и саркастически подергиваемым ртом. <...>

Все дети были набожны; ханжей не существовало, но набожность была, так сказать, доморощенная, составившаяся из домашних преданий, влияния некоторых дам, преимущественно же нашей доброй лазаретной дамы К. И. Р<ыбаковой>[8] <...> Между детьми были записные рассказчицы: одни славились тем, что хорошо пересказывали читанное и слышанное; одни по большей части рассказывали о привидениях, другие сами сочиняли волшебные сказки, которые мы очень любили, но мало-помалу стали у нас являться другие рассказчицы, возможной действительности, в чем была неподражаема Машенька М....[9], уроженка южных губерний, вся пропитанная прекрасной природой, которую она описывала так увлекательно, что мы заслушивались ее не хуже Гоголевского описания степи. <...> ...Она выросла в редкой семье: брат ее четырнадцати лет ушел из детского помещичьего танцкласса в монастырь и славился там аскетическою жизнию; впоследствии он сделался известным, и служил при миссии в Константинополе и Иерусалиме.

Если бы Машеньку мать не выдала на 16-м году замуж, то она последовала бы примеру брата, и вероятно была бы счастливее, потому что замужество ее было самое горестное. <...>

Однажды, в страстную субботу, нас тотчас после чаю привели в спальну, чтобы мы отдохнули до заутрени; вдруг сделалась суматоха.

– Что такое? – спрашивала вбежавшая дама...

– Marie M. дурно!

– Быть не может!

И действительно, трудно было поверить, чтобы самая здоровая изо всего класса девушка упала в обморок.

А случилось это так: Машенька хотела узнать, много ли времени она может пропоститься без пищи и питья, оказалось, что не выдержала трех полных суток.

Уже с этих лет в ней проявилась наклонность к аскетизму и самосозерцанию.

Слушая были и небылицы ее, мы увлекались рассказами о путешествиях в разные пустыни и монастыри, так же, как увлекались рассказами Гоголя о средних веках, о крестовых походах; то и другое охватывало нас, и мы мечтали о путешествии целым отделением в Святую землю. <...> Чуть не годы собирались и толковали мы о том, как пойдем и где назначим сойтись; отыскивали на карте какой-нибудь мыс на Черном море и назначали его сборным местом. <...>

– А подумайте, какое счастие, когда мы вступим на берег Палестины, когда увидим горы и озеро, на которые смотрел Спаситель? <...>

Рассказы Гоголя были сущие импровизации даровитого поэта, но только тогда, когда поэт был в хорошем расположении; если же приходил не в духе, то зевал, говорил вяло, не поднимая глаз, грыз перо или кончик носового платка, спрашивал слабых, насмехался, не досиживая своих часов,

бросал урок и уходил; иногда неделями не являлся, и ему это спускали, ради Плетнева. Начальница укоризненно говаривала инспектору:

– Мне кажется, вы балуете Гоголя; носитесь с ним, как с сырым яичком!

– Погодите, Луиза Федоровна, дайте срок, он выровняется, и из него выйдет отличный учитель!

Но Плетнев ошибался, Гоголь не выровнялся; соскучился и бросил профессорство; возможно ли было ему, кипучему, гениальному человеку, усвоить скромную труженическую жизнь учителя?

Гоголь был не только своенравен, но и ленив; он никогда не приносил своих записок, а заставлял лучших учениц составлять их со слов своих, вписывая к тому еще не помянутые года; по этим-то детским запискам мы и учили историю[10].

Конечно, некоторым из нас и это принесло пользу, навострило внимание, заставило вдумываться и последовательно рассказывать слышанное.

Гоголь был то доверчив, то скрытен и подозрителен; но несмотря на это его любили за редкое искусство говорить и за несравненные, только что вышедшие тогда *Вечера на хуторе*.

Общим числом его любили, а говоря институтским слогом, – обожали, но считали его сторонним. Девочки чутьем слышат, кто привязывается к институту и, так сказать, входит в состав его, или кто остается сторонним, чуждым.

Хотя Гоголь и учил в Патриотическом институте около пяти лет, но он оставил по себе память какого-то блестящего метеора, осветившего небывалым, причудливым светом тихо, спокойно трудящееся заведение»[11].

[1] См. ***1831. Сентября 28. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] До этого Гоголь был знаком воспитанницам только как учитель, преподававший историю в младших классах института (см. ***1831. Июня первая половина. Санкт-Петербург***; ***1831. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***).

[3] Ср. ***1834. Июня после 8–10 – августа не позднее 23. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 746–748.

[5] Фраза «Изобретение телеграфа» написана на последней странице записной книги.

[6] Соответствующие рисунки находятся в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии».

[7] Пересказ напоминает содержание статьи Гоголя «Жизнь», датированной автором 1831 г. и опубликованной впервые в «Арабесках» (1835).

[8] Катерина (Екатерина) Ивановна Рыбакова (ум. 6 янв. 1834), «вдова морской артиллерии капитана 3-го ранга» Алексея Рыбакова (ум. в 1807), состоявшая в Патриотическом институте в должности лазаретной надзирательницы с 1818 г., была уволена 15 мая 1833 г., по ее прошению, с награждением, по ходатайству Императрицы Александры Феодоровны, 24 октября 1833 г., Мариинским знаком отличия беспорочной службы пятнадцатилетнего достоинства (см.: *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 65, 66, 68, 70, 77, 83–84).

[9] Возможно, Мария Егоровна Макеева (род. в 1817 г., в марте), поступила в Патриотический институт 1 февраля 1829 г. (см.: Список Воспитанницам Патриотического Института, назначаемым к выпуску в 1832 г. // *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 135; Список *Воспитанницам* Патриотического Института <от 7 октября 1831 г.> // *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 47 об., 61).

В печатной «Программе публичного испытания воспитанниц Патриотического Института Комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 года, 5-го выпуска. 11, 12 и 13 генваря 1832 года» значится также Марья Григорьевна Могденко (*ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 58). Однако в газетной публикации и в рукописных списках она называется Марфой (Марфой Григорьевной): «Марфа Могденко, <род. в> апр<еле> 1816, <поступила в институт> 1 июня 1825» (Список *Пансионерок* Патриотического Института <от 7 октября 1831 г.> // *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 46; Список Воспитанницам и Пенсионеркам Патриотического Института, назначенным *к выпуску* в будущем 1832-м году // *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 49; Воспитанницы и пансионерки, назначенные к выпуску 1832 года // Прибавление № 250 к Санктпетербургским Ведомостям. Суббота Октября 24-го дня 1831 года. С. 2209; газетная вырезка последнего списка сохранилась в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии»).

В «Списке *Пансионеркам* Патриотического Института» от 7 октября 1831 года (*ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 46), а также в «Списке Пансионеркам Патриотического Института, назначаемым *к выпуску* в 1834 г.» упоминается также Мария Мелецкая (Малецкая) (род. в 1820), пансионерка великого князя Михаила Павловича, поступившая в институт 13 октября 1827 г., однако о ней в списке 1834 г. сообщается: «Остается <в институте> за неполучением от родителей никаких известий» (*ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 15. 386 л. Л. 136 об.).

Кроме того, 11 августа 1831 г. из института были уволены «по случаю весьма слабого здоровья» пансионерки Мария и Софья Мирковичевы, дочери генерал-майора Мирковичева (*ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 30).

[10] О записках своих учениц упоминает сам Гоголь в письме к Погодину от 20 февраля 1833 г.: «Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем *Земля и Люди*».

[11] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 748.

ОКТЯБРЯ 24. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Прибавлении № 250 к Санктпетербургским Ведомостям напечатан список «Воспитанницы и пансионерки, назначенные к выпуску 1832 года» (речь идет о выпускницах Патриотического института, где Гоголь преподавал историю). Газетная вырезка с этим списком была вложена Гоголем в его «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию»[1].

Список, очевидно, понадобился Гоголю после того, как на него возложили преподавание в старших классах[2].

Списку воспитанниц в «Прибавлении...» предшествовало сообщение: «С Высочайшего соизволения Ея Императорского Величества Патриотический Институт Комитета 18-го Августа 1814 года сообщает кому следует для надлежащего сведения, что в Январе будущего 1832 года назначается в сем заведении публичное испытание кончившим полный учебный курс нижепоименованным воспитанницам и в то же время имеет быть выпуск их из Института. Почему родители сих девиц, родственники, равно и все имеющие кого-либо из них на своем попечении, благоволят к вышеозначенному выпуску явиться сами для принятия их к себе, или прислать доверенных от себя лиц, уполномоченных законными в сем случае свидетельствами». Далее следовал список воспитанниц[3].

Выпуск 1832 г. был пятым в истории института. Первые четыре выпуска состоялись в 1819, 1822, 1826 и 1829 гг. Таким образом, для Гоголя, поступившего в институт на должность учителя истории в 1831 г., это был первый выпуск. Приготовления к выпуску начались в декабре 1831 г. «По желанию Императрицы частные, т. е. предварительные, испытания воспитанниц были назначены на 16, 18[4] и 21 декабря, а публичные испытания на 11[5], 12, 13 янв<аря> 1832 г. <...> Выпускной акт происходил 19 января»[6].

[1] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 738–739.

[2] См. ***1831. Сентября 28. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Прибавление № 250 к Санктпетербургским Ведомостям. Суббота Октября 24-го дня 1831 года. С. 2209.

[4] См. ***1831. Декабря 18. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1832. Января 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 58–60. — Здесь же напечатан список воспитанниц, выпущенных в 1832 г., с указанием полученных при выпуске наград (с. 188).

ОКТЯБРЯ 28. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1831. Ноября 14. Суббота. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 30. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку извещает о получении от нее письма (от 9 октября[1]):

«Рад, что понравилась вам книга[2]. Смешно только мне, что вы бережете пряник[3]. Воображаю, в каком искушении находятся мои сестрицы, когда вы отпираете комод. <...> Более всего я рад тому, что вы теперь несколько успокоились. Разве вы не видите теперь, что Бог вас особенно любит за прекрасную вашу душу? Не всегда ли, когда вы уже думали, что находитесь в самом критическом положении, Он неожиданно посылал вам помощь? Теперь Он подвигнул Андрея Андреевича[4] помочь вам».

Понуждает сестер писать:

«Да что не пишут ко мне маленькие сестрицы? Неужели они до сих пор не умеют писать? Если же они будут писать ко мне, то сделайте милость, ни вы, ни сестра[5], не диктуйте им ничего. Пусть сами от себя пишут, что им вздумается. Чем больше будет у них вздору, тем это приятнее и любопытнее для меня. Нет ничего несноснее, когда дитя умничает или его заставляют умничать».

[1] См. ***1831. Октября 9. Пятница. Васильевка***.
[2] Первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки».
[3] Ср. реплику Плюшкина из шестой главы первого тома «Мертвых душ»: «...Там на полке есть сухарь из кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его к чаю!..»
[4] Трощинский.
[5] Мария.

1829 АПРЕЛЬ – 1831 ОКТЯБРЬ

А. С. Пушкин работает над историей Украины[1].

В конце сентября – начале октября 1829 г. Пушкин, будучи в Москве, получил от М. А. Максимовича список «Истории Русов»[2], фрагменты которой опубликовал впоследствии в первом томе журнала «Современник»[3]. 1831-м г. предположительно датируются пушкинские <Очерк истории Украины> («Sous le nom d'Ukraïne...») и набросок со схемой периодизации истории Украины («Что ныне называется Малор<оссией?>»), соответствующей материалам «Истории Русов»[4].

Возможно, в 1831 г.[5] Пушкин познакомил с «Историей Русов» Гоголя, который позднее пользовался этим источником при создании статьи «Взгляд на составление Малороссии»[6] и повести «Тарас Бульба»[7]. (Позднее Гоголь мог получить список «Истории Русов» и от Максимовича[8].)

[1] *Тархова.* Т. 3. С. 951.
[2] *Тархова.* Т. 3. С. 999.
[3] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург***.
[4] *Оксман Ю.* Неосуществленный замысел истории Украины // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 211–222.
[5] См. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1831. Июля средина – августа начало. Царское Село***.
[6] См. ***1832 конец года – 1833 начало года. Санкт-Петербург***.
[7] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).
[8] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва***.

НОЯБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном[1] письме к А. С. Данилевскому в Пятигорск сообщает о получении от него письма с просьбой о присылке нот для «Великодушной Смертной» (Э. А. Клингенберг): «Пишу ответ сегодня же, а отправляю завтра». Пеняет, что первое известие от приятеля получил спустя столь продолжительное время после его отъезда из Петербурга[2]:

«Пятый месяц на Кавказе и может быть еще бы столько прошло до первой вести, если бы *Купидо сердца не подогнало лозою*[3]. Впустили молодца на Кавказ. *Ой лыхо закаблукам, достанетця й*

передам[4]. <...> Ты мне обещал описать прибытие свое домой, прием, встречи и про<чее> и про<чее>, да мне кажется, что у тебя, на квартире и пера чиненого нет, только один карандаш в часы досуга подмахивает злодейское деревцо».

Откликаясь на настоятельные просьбы Данилевского, посылает ему ноты, посоветовавшись с фрейлинами княжной С. А. Урусовой и А. О. Россет («Сильфида Урусова и Ласточка Розетти»[5]):

«Французские кадрили в большой моде здесь Титова[6]. Однако ж, я посылаю тебе и Россини, несколько французск<их> романсов, русских новых песен...»

Вновь[7] посылает Данилевскому первую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:

«Порося мое давно уже вышло в свет. Один экземпляр послал я к тебе в Сорочинцы. Теперь я думаю, Василий Иванович[8], совокупно с любезным зятем, Егором Львовичем[9], его почитывают. Однако ж, на всякой случай, посылаю тебе еще один. Оно успело уже заслужить славы дань, кривые толки, шум и брань. В Сорочинцы я тебе отправил и Ольдекопов словарь»[10].

Описывает свое летнее общение в Павловске и Царском Селе с А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским[11] и сообщает свой адрес:

«2 Адм<иралтейской> части в Офицерскую улицу, в доме Брунста».

[1] См. ***1831. Октября 18. Воскресенье. Пятигорск.***

[2] См. ***1831. Апреля 28. Санкт-Петербург.***

[3] Из комедии Я. Б. Княжнина «Неудачный примиритель, или Без обеда домой поеду»: «Купидо сердце мое, как всадник коня, лозою подстрекает; и оно к очам моей всевожделенной бежит, стремится, летит, парит... <...> Купидо, как ездок, сел верхом на сердце мое, как на лошадь, и погоняет его лозою» (действие III, явление I) (1787). – См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[4] Припев украинской плясовой песни: «Дам лиха закаблукам, Закаблукам лиха дам! Дам лиха закаблукам, Дістанеться й передам».

[5] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург***; ***1831. Июля после 10. Царское Село.***

[6] Николай Александрович Титов (1800–1875), популярный композитор-дилетант, прозванный «дедушкой русского романса», сочинявший также танцы, марши и т. п. Гоголь имеет в виду французскую кадриль (a mol) «Vieux peches», сочиненную в 1824 г.

[7] См. ***1831. Сентября 19. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] Черныш, отчим Данилевского.

[9] Е. Л. Лаппо-Данилевский, женатый на сестре А. С. Данилевского, Марье Семеновне.

[10] Имеется в виду один из словарей, составленных Е. И. Ольдекопом: либо русско-немецкий и немецко-русский, в 4-х частях (СПб., 1824), либо французско-русский и русско-французский (СПб., 1830).

[11] См. ***1831. Июля средина – августа начало. Царское Село.***

НОЯБРЯ 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет письмо к А. С. Данилевскому в Пятигорск.

См. ***1831. Ноября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 7. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. А. Муханов пишет брату В. А. Муханову:

«Здесь вышли две кножоньки, *вечера на Хуторе,* не знаю, кем <изданные>, которые очень хвалят. И повести *Белкина,* изданные Александ<ром> Пушкиным, не весьма важные, обе сие книжки вскоре тебе перешлю».

Гоголь 2001–2012. Т. 1. С. 633.

НОЯБРЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

О. М. Сомов сообщает М. А. Максимовичу сведения о «земляке-пасечнике», авторе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголе-Яновском.

12 января 1858 г., Максимович писал Г. П. Галагану: «...В своей статье, напечатанной в Русском Вестнике (1857 г., № 24), г. Кулиш называет Гоголя "не знавшим *демократической* Малороссии» изображавшим ее "*как барин,* видящей одно смешное в мужике..."

При этом мне вспомянулось время первого появления повестей Гоголя: в каком восторге был от них М. С. Щепкин, так хорошо знающий Малороссию *демократическую* и *аристократическую!* И как посмеялись мы тогда над отзывом Московского Телеграфа о "Вечерах" Гоголя[1]!

Вот что писал мне из Петербурга от 9 ноября 1831 года О. М. Сомов (писавший Малороссийские повести и стихи, под именем Порфирия Байского): "Кстати, прилагаю при сем давно вами желаемую песню о Богдане Хмельницком. Да читали ль вы Украинский Альманах? Там есть несколько Малороссийских песень. Я познакомил бы вас, хоть заочно, если вы желаете того, с одним очень интересным земляком-пасечником Паньком Рудым, издавшим Вечера на хуторе, т. е. Гоголем-Яновским, которому... Полевой решился сказать: «вы, сударь, *Москаль,* да еще и *горожанин*», и пр. и пр. и пр. Не правда ли, что Полевой совершенно оправдал басню Крылова «Осел и Соловей»?.. У Гоголя есть много Малороссийских песень, побасенок, сказок и пр. и пр., коих я еще ни от кого не слыхивал, и он не откажется поступиться песнями доброму своему земляку, которого заочно уважает. Он человек с отличными дарованиями и знает Малороссию как пять пальцев; в ней воспитывался, а сюда приехал не более, как года три тому назад. В прошлогодних или лучше нынешних «Цветах» был его отрывок из романа[2]; и в «Газете» моей было тоже несколько статей его"[3]. <...>

...Г. Кулиш о появлении Гоголя на поприще литературном говорит так: "<...> По своему воспитанию и по времени, с которым совпало его детство, он не мог владеть Малороссийским языком в такой степени совершенства, чтобы не останавливаться на каждом шагу в своем творчестве, за недостатком форм и красок. <...>". <...>

Г<-н> Кулиш потому разве решился сказать так о Гоголе, что не знал его лично. Но мне, как и всем Малороссиянам, знавшим Гоголя близко, несомненно известно, что он свое родное Украинское наречие знал основательно и владел им в совершенстве. В иной час, когда, бывало, заговорит он по-украински, представляя какое-нибудь оригинальное, типическое лицо, то — заслушаешься его, как заслушивались мы поющего Шевченка...»

Максимович М. А. Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г. (Письмо к Г. П. Галагану) // *Свод.* Т. 1. С. 641–642.

[1] Имеется в виду отзыв о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. А. Полевого в № 17 «Московского Телеграфа» за 1831 г.; цитата из этого отзыва приводится далее в письме Максимовича: «Полевой решился сказать: "вы, сударь, *Москаль,* да еще и *горожанин*"...»

[2] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. *1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург*; *1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург*; *1831. Марта 22. Воскресенье. Санкт-Петербург*.

НОЯБРЯ 11. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков пишет В. Д. Комовскому[1] в Петербург:

«Я не читал еще повестей Белкина: их многие хвалят. А каков Гоголь Яновский? Он мне очень нравится. Может быть и за то, что житье-бытье парубков чрезвычайно похоже на студентское, которого аз есмь пророк!»

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 140.

[1] Василий Дмитриевич Комовский (1803–1851), переводчик и археолог, с 16 марта 1833 г. – библиотекарь Императорской публичной библиотеки, с 22 ноября 1836 г. – член Археографической комиссии, с 13 марта 1838 г. – директор канцелярии министра народного просвещения, с 6 февраля 1850 г. – председатель Археографической Комиссии.

НОЯБРЯ 14. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил от матери письмо из Васильевки от 28 октября.

См. *1831. Ноября 17. Вторник. Санкт-Петербург*.

НОЯБРЯ 17. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что ее письмо от 28 октября[1] получил 14 ноября[2]. Благодарит за внимание к его просьбе отыскивать старинные малороссийские костюмы[3]:

«...Отведите нарочно для этого гардероба какой-нибудь просторный сундук, и всё, что ни попадется, складывайте туда. “На что ему”, я думаю, поговаривает Домна Матвеевна[4], “весь этот скарб?” – “То-то он еще с измалу был затейник!” прибавляет Олимпиада Федоровна[5]. “Они еще вместе с Симоном[6], как приезжали из Нежина, то выстругивали какой-то орган из дерева”. Обо всем, что ни соберете вы, пришлете маленькую роспись, чтобы я знал, что такое именно у вас находится. Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей, от них бы верно можно было пощечиться многим. Но нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света, у которых кроме чепцов да фраков ничего не увидишь, и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завесть о старине»[7].

Сожалеет о затянувшейся тяжбе И. М. Косяровского:

«Очень досадно мне, что дедушке нанесена такая неприятность[8], но что ж делать? Я и тогда предвидел, что с этого дела не будет проку. Жалко мне было только смотреть на его заботы и беспокойства. Но теперь нужно успокоиться, почему знать? может быть, это и к лучшему. Кто может постигнуть вышние намерения? Не нужно поэтому и нам сокрушаться: сегодня ненастье, завтра будет хорошая погода».

Интересуется новостями о А. А. Трощинском, Петре П. Косяровском; обращается к сестрам: «А что же сестрицы? Они всё только целуют, а сами не пишут»[9]; упоминает об «испанском посланнике»[10]:

«Зима у нас наступила и очень похожа на постоянную, несмотря на то, что испанский посланник, большой чудак и погодопредвещатель, уверяет, что такой непостоянной и мерзкой зимы, какова будет теперь, еще никогда не бывало».

В тот же день, 17 ноября 1831 г., В. Д. Комовский отвечал[11] Н. М. Языкову в Москву:

«Как идеалист в поэзии я поклоняюсь тому и чествую того, кто наше стихотворство материальное и матерное — выносит в мир фантазии — свободный, безграничный. Поэтому-то и Гоголь-Яновский мне особенно по сердцу; не говорю уже (я хохол по происхождению, хотя ничего малороссийского никогда не видал и не знаю) — не говорю о родственной привязанности к малороссийскому и Малороссии, которая, вы согласитесь, есть самый поэтический член России и в географическом, и в историческом отношении. Может быть повестей Пушк<ина>[12] не сумел я оценить по достоинству оттого именно, что читал их вслед за вечерами на Хуторе. Пожив в такой тесной связи с ведьмами и колдунами, не заслушаешься москаля, который думает, что и Бог весть как игриво его воображение, создавшее высокий вымысел о пьяном гробовщике, который во сне угощает мертвецов. У Пушкина не нашел я только ничего охаять; но ничего особенно похвалы достойного не отыскал»[13].

[1] См. ***1831. Октября 28. Среда. Васильевка.***
[2] См. ***1831. Ноября 14. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1831. Сентября 19. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] Косяровская, тетка М. И. Гоголь.
[5] Тимченко, сестра А. Ф. Тимченко.
[6] С. Стокоза.
[7] См. ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка*** (примечания).
[8] Речь идет о долге, которого несколько лет не мог взыскать с должника И. М. Косяровский, получив в конце концов взамен небольшое имение Лукашевку в Хорольском уезде (подробнее см. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург***).
[9] См. также ***1831. Октября 30. Пятница. Санкт-Петербург.***
[10] Ср. реплику Хлестакова в «Ревизоре» (1836): «...У нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я».
[11] См. ***1831. Ноября 11. Среда. Москва.***
[12] Имеются в виду «Повести Белкина».
[13] *Свод.* Т. 3. С. 140.

НОЯБРЯ 17. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1831. Декабря 8. Вторник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 29. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАЙМАРЫ

Е. А. Боратынский пишет И. В. Киреевскому в Москву:

«Благодарю тебя за обещание прислать повести малороссийского автора[1]. Как скоро прочту, так и напишу о них».

Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844 / Составитель А. М. Песков. М., 1998. С. 279; *Свод*. Т. 1. С. 751.

[1] Имеется в виду первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА (ДО 25 ЧИСЛА) ИЛИ НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, предположительно, читает на вечерах у фрейлины А. О. Россет повести «Сорочинская ярмарка» и «Майская ночь, или Утопленница».

По словам дочери А. О. Смирновой (рожд. Россет) Ольги Николаевны, «в дневнике Александры Осиповны в 1831 г. <...> отмечено, что однажды вечером у нее при великом князе Михаиле Павловиче, в присутствии Пушкина, Гоголя, Жуковского, Вьельгорских и фрейлин Урусовой и Эйлер[2], происходило чтение "Вечеров на Хуторе близ Диканьки"»[3].

По свидетельству О. Н. Смирновой, ее мать записывала: «Я представила "хохла" В<елико-му> К<нязю> Михаилу; он был очень любезен и доволен вечером. Гоголь читал "Майскую ночь". Я была очень взволнована воспоминаниями о моей милой Малороссии. Я даже сказала Великому Князю, что желала бы, чтобы столица была в Киеве.

Гоголь читает очень хорошо, он оживляется, становится не таким неловким, смеется про себя, когда смешно; при чтении и акцент его пропадает.

Говорили о Малороссии, о гетманах. У Пушкина были целые взрывы остроумия. Когда он в ударе — это просто фейерверк. А его гомерический, заразительный смех! Во всем мире нет человека, менее его рисующегося; это большая прелесть. <...>

Великий князь говорил со мной о Гоголе; он прозвал его: "Малоросс, прирученный доньей Соль". Он находит в нем много юмора, оригинальности, веселости, а также поэзии. <...>

У меня был вечер: весь мой кружок и Великий Князь. Гоголь прочел нам оригинальную малороссийскую повесть "Сорочинская ярмарка"»[4].

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской: «В начале тридцатых годов в Петербурге, живя у сестры своей графини Александры Николаевны Кушелевой-Безбородко[5], я получила от своей родственницы Анны Алексеевны Олениной[6] книгу "Вечера на хуторе близ Диканьки". Она не умела назвать мне автора, но очень хвалила произведение юного литератора. Не помню, какое произвела на меня действие эта книга, но верно, что не восторга, потому что об этом я бы помнила. К тому же я мало смыслила в литературе, мало читала, и не в состоянии была судить о достоинстве сочинения. Фантастическое и смешное мало были мне симпатичны: моя душа требовала высокого, святого. Мне не столько нужен слог, как *суть*, и вот вероятно вследствие этого и позднее для меня непостижимо было, почему вся читающая и образованная публика пришла в такой восторг при появлении первого тома "Мертвых Душ"»[7].

[1] А. С. Пушкин переехал из Царского Села в Петербург 15 октября 1831 г. (см. ***1831. Октября 15. Четверг. Санкт-Петербург***), выехал из Петербурга в Москву 3 декабря 1831 г. (см. ***1831. Декабря 3. Четверг. Санкт-Петербург***). В. А. Жуковского не было в Петербурге с 25 октября по 15 ноября 1831 г. (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 372).

[2] Александра Александровна Эйлер (в замужестве Зубова, 1808–1870), фрейлина.

[3] <«Отрывки из дневника» А. О. Смирновой, присланные О. Н. Смирновой В. И. Шенроку около 1888 г.> // *Свод*. Т. 2. С. 309.

[4] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод*. Т. 2. С. 330, 332; см. также: *Смирнова О. Н.* Предисловие / *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод*. Т. 2. С. 324.

[5] Графиня А. Н. Кушелева-Безбородко (рожд. княжна Репнина-Волконская, 1805–1836), сестра княжны В. Н. Репниной-Волконской, жена (с 30 января 1829 г.) почетного попечителя Гимназии высших наук в Нежине графа А. Г. Кушелева-Безбородко. Негативный отзыв Кушелева-Безбородко о произведениях Гоголя см.: ***1822. Марта 3. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] А. А. Оленина (в замужестве графиня Оленина-Андро, 1808–1888), дочь А. Н. Оленина.

[7] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе <1890> // *Свод.* Т. 3. С. 99. – См. также ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 3. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин выехал из Петербурга в Москву.

Тархова. Т. 3. С. 1320.

ДЕКАБРЯ 8. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее письма (от 17 ноября[1]); сетует, что до нее не дошла посылка «на девяносто рублей», с «ридикулем», «браслетами, пряжкою, кушаком и конфектами»[2]. Просит «сделать полтавскому почтмейстеру[3] строгий допрос»: где находится посылка и почему он не дал знать тотчас по получении ее: «Это дело такого рода, за которое сажают под суд».

[1] См. ***1831. Ноября 17. Вторник. Васильевка.***

[2] См. ***1831. Октября 17. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] Коллежский советник Александр Иванович Ротмистров.

ДЕКАБРЯ 8. ВТОРНИК. МОСКВА

А. С. Пушкин пишет жене в Петербург:

«Москва полна еще пребыванием Двора <...> и еще не отдохнула от балов. Цыхлер сделала в один месяц 80 тысяч чистого барыша»[1].

Имеются в виду сестры Сихлер, или Циклер (Sichler), портнихи, владелицы модных магазинов в Петербурге и Москве. Имя Сихлер (Циклер) часто встречается в письмах и бумагах А. С. Пушкина. У Сихлер постоянно заказывала свои наряды сама Н. Н. Пушкина. «...Воображаю первое число, – писал ей поэт 2 сентября 1833 г. – Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, Mde Sichler etc., у тебя не хватает денег...»[2] Вплоть до самой смерти Пушкина долги Сихлер неизменно обновлялись.

В первой редакции повести «Портрет» (1834) Гоголь, имея в виду законодательницу петербургской моды Сихлер, упоминал, в частности, о нетерпеливом желании молоденькой дочери светской дамы встретиться с приятельницей, чтобы рассказать ей, «какую мадам Сихлер сделала уборку к платью княгини Б.».

Позднее, в статье ***XXIV. Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России*** «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь также замечал: «...Настоящее comme il faut[3] есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, который приводит в систему обеды, даже и не тот, который сочиняет всякий день меняющиеся этикеты, даже и не сама мадам Сихлер».

[1] *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1941. Т. 14. С. 246.

[2] Там же. Т. 15. С. 76.

[3] Комильфо (*фр.*) – буквально: как надо, как следует; прилично, в соответствии с правилами светского приличия.

ДЕКАБРЯ 16. СРЕДА. МОСКВА

Н. М. Языков отвечает[1] В. Д. Комовскому в Петербург:

«Пушкин здесь; кажется, он ничего не сделал важного в истекающем году, включая сюда и Белкина»[2].

[1] См. ***1831. Ноября 17. Вторник. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1831. Ноября 11. Среда. Москва.***
[2] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 141.

ДЕКАБРЯ 18. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Императрица Александра Феодоровна присутствует на предварительном, или «частном» экзамене воспитанниц Патриотического института выпуска 1832 г. по истории и географии («оба предмета вместе»), немецкой словесности и арифметике[1].

Поскольку единственным преподавателем истории в Патриотическом институте в ту пору был, вероятно, Гоголь[2], то он должен был присутствовать на экзамене[3].

В тот же день Ф. В. Булгарин писал в «Северной Пчеле»:

«Книги *Вечера на хуторе близ Диканки* — я не успел еще прочесть. Прочел предисловие — и утомился. Развертываю в нескольких местах, и описательная проза с необыкновенным многословием ужасает меня. Не терплю многословия и длинного описания бугров и рощей; но как многие хвалят эти Повести, то удосужусь прочесть и скажу об них мое мнение»[4].

[1] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 735.
[2] См. ***1831. Сентября 28 – октября 24. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1831. Октября 24. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] <*Булгарин Ф. Б.*> *Ф. Б.* Петербургские заметки. Письма из Петербурга в Москву к В. А. У<шакову>. Окончание второго письма // 11 Северная Пчела. 1831. 18 дек. № 288.

ДЕКАБРЯ 22. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«"Вечера на Диканьке" сочинял Гоголь-Яновский (я, кажется, писал тебе это?). Мне они по нраву: если не ошибаюсь, то Гоголь пойдет гоголем по нашей литературе: в нем очень много поэзии, смышленности, юмора и проч.»

Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 281; см. также: Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 141.

ДЕКАБРЯ 23. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1832 год»[1], где напечатаны следующие произведения А. С. Пушкина: «Моцарт и Сальери»; четыре «Анфологические эпиграммы» («1. Царскосельская статуя», «2. Отрок», «3. Рифма», «4. Труд»); «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять на свете...»); стихотворения «Эхо» («Ревет ли зверь в лесу глухом...»); «Делибаш» («Перестрелка за холмами...»); «Анчар, древо яда» («В пустыне чахлой и скупой...»); «Бесы» («Мчатся

бесы, вьются тучи...»); стихотворения Н. М. Языкова «Песня» («Он был поэт: беспечными глазами...»), «Им», «Бессонница», «К<аролин>е К<арловн>е Я<ниш>ъ» («Вы, чьей душе во цвете лучших лет...»), «И. В. К<иреевскому>» («Щеки нежно пурпуровы...»), «А. А. Дельвигу» («Там, где картинно обгибая...»), а также повесть князя В. Ф. Одоевского «Opere del cavaliere Giambatista Piranesi» (с подписью: ъ. ъ. й.; и посвящением: «А. С. Хомякову»)[2] и др.

1 января 1832 г. Гоголь сообщал А. С. Данилевскому об альманахе «Северные Цветы на 1832 год»: «Тут ты найдешь Языкова, так прелестным, как еще никогда, Пушкина чудную пиесу “Моцарт и Салиери”, в которой, кроме яркого поэтического создания, такое высокое драматическое искусство, картинного “Делибаша”[3], и все, что ни есть его, – чудесно. Жуковского Змия[4]. Сюда затесалась и Красненького Полночь»[5].

[1] *Тархова.* Т. 3. С. 1330.

[2] Напечатано с подстрочным примечанием: «Для тех, которые найдут сходство между предметом сей статьи и статьи, напечатанной в Сев<ерных> Цв<етах> 1831 года; под названием: *Последний квартет Бетговена,* – считаем нужным заметить, что они суть отрывки одного и того же сочинения, лишь несколько округленные». – См. также ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[3] Это стихотворение, по-видимому, имел в виду Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834), когда замечал о поэте: «Рисует ли он боевую схватку чеченца с козаком – слог его молния...» Это пушкинское стихотворение Гоголь, вероятно, вспоминал тогда же, создавая батальные сцены «Тараса Бульбы» (1834). Позднее Гоголь включил стихотворение «Делибаш» в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества» (1846; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания).

[4] Стихотворная повесть «Сражение со змеем. Подражание Шиллеру» (написана в Царском Селе 18–22 августа 1831 г.).

[5] Стихотворение Н. Я. Прокоповича (см. ***1835. Февраля после 20 – марта до 11. Санкт-Петербург*** – примечания).

ДЕКАБРЯ 27. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин вернулся[1] из Москвы в Петербург[2].

[1] См. ***1831. Декабря 3. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] *Тархова.* Т. 3. С. 1331.

ДЕКАБРЯ 29. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение «Стихотворений Василия Романовича»[1] (СПб., 1832), с посвящением: «Гимназии высших наук Князя Безбородко»:

«Тебе – святилище наук –/ Питомец вдохновенья юный, / В златые ударяя струны, / Свой первый посвящает звук! / Так, солнца первыми лучами / Колосс Мемнонов озарён, / Звучал – и звук его, с веками / Переходя из уст племён / Давно погасших в поколения, / Казался гимн благодаренья / Светилу, коим освещён / Был этот Царь степи – Мемнон!»

[1] В. И. Любич-Романович.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

«КИЕВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. *Военный губернатор,* Управл<яющий> и Гражд<анскою> частию, Ген<ерал>-Л<ейтенант>, Сенатор, Борис Яков<левич> *Княжнин...* <...> При нем: *Правитель Канцелярии,* <...> *Секретарь* <...> *Помощники его:* <...> по хозяйств<енной части>, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Иларион Ив<анович> *Трощинский...*»

Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1832. СПб., <1832>. Ч. 2. С. 289.

ЯНВАРЯ 1. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет в Пятигорск ответное письмо А. С. Данилевскому, поздравляет друга с Новым годом. На просьбу приятеля прислать ему литературные новинки, посылает альманахи «Северные Цветы на 1832 год»[1] и «Альциону» («Невский Альманах еще не вышел, да вряд ли в нем будет что-нибудь путнее»). Спрашивает, читал ли Данилевский замечательные новые баллады В. А. Жуковского, только что вышедшие «в двух частях вместе со старыми»[2]. Сожалеет, что не получил письма Данилевского, отправленного из Лубен, с описанием его приезда домой[3]. Иронизирует над любовным увлечением друга:

«Подлинно много чудного в письме твоем. Я сам бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма, каким глядишь ты на мышей, выбегающих на середину твоей комнаты[4]. Право, должно быть, что-то не в шутку чрезвычайное засело Кавказской области в город Пятигорск. <...> Кто это кавказское солнце?»

Сообщает новости о земляках-нежинцах:

«Что тебе сказать о наших? Они все, слава Богу, здоровы, прозябают по-прежнему, навещают каждую среду и воскресение меня, старика, и к удивлению, до сих пор еще ни один из них не имеет звезды и не директор департамента».

В тот же день, 1 января 1832 г., подписано цензурное разрешение четырех номеров журнала «Сын Отечества и Северный Архив», со статьей А. Н. Царынного (А. Я. Стороженко) «Мысли Малороссиянина по прочтении повестей пасичника Рудого Панька, изданных им в книжке под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки* и рецензий на оные»[5].

В своей статье А. Я. Стороженко, в частности, замечал: «Я Малороссиянин, люблю мою родину... <...> Знавал и <...> Пасичников, веселых, словоохотливых старичков: и Стецка, и Грицька, и Панька: но Панёк не наш! ей-ей, не наш! и из трех вышепоименованных каждый <...> на кличку <...>, конечно, отвечал бы <...>: *сам ты Пенек!* не рассуждая, что так назвал его Москаль, никогда не живавший в Малороссии, следовательно, не имевший случая слышать *имен крещеных*, присвоенных у нас простолюдинами[6]. О! никакой у нас Панько, не прогневайтесь, не смолчит, если бы назвали его Панек. – У нас пан-отец, как мы величаем священника, нарекая мальчика Григорием или Пантелеем, обыкновенно приветствует родителей, в угождение им, с новорожденным Грицьком или Паньком, что повторяет и баба, принявшая младенца от купели; и таким образом от колыбели до

могилы окрещенные в сих, по поверью, уменьшительных именах, носят оные с тяжелым крестом житейским[7]. <...>

Возможно ли, чтобы поселяне Малороссии, строго наблюдающие обычаи, освященные временем, такой торжественный обряд, как свадьба, стали праздновать среди ярмарки, приехавши на оную для продажи пшеницы и кобылы[8]? Разве Солопий и Хивря цыганы, не имеющие своей собственной хаты? Разве у них и у дочки нет ни роду, ни племени[9]? <...>

...Притом сам скажи: видано ли у нас, чтобы тесть с нареченным зятем запивали руку на руку (сватовство) *могорыч* <...> чтобы первый в священном сане отца, видя "как нареченный зять его налил кружку, величиною в полкварты, и нимало не поморщившись выпил ее до дна", — стал говорить своей дочери, в похвалу жениху ее: "что скажешь, Параска? какого я тебе жениха достал! – смотри, смотри, как он молодецки тянет пенную[10]!"»[11]

[1] См. ***1831. Декабря 23. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] Сборник Жуковского «Баллады и повести» вышел в свет в июле 1831 г. (см. ***1831. Июля средина – августа начало. Царское Село***); второе издание, в двух частях, появилось в конце этого же года.

[3] См. ***1831. Мая вторая половина. Лубны.***

[4] См. ***1832. Июня 15. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] *<Стороженко А. Я.> Андрий Царынный.* Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька, изданных им в книжке под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки,* и рецензий на оныя // Сын Отечества и Северный архив. 1832. № 1 (цензурное разрешение 1 января). С. 41–49; № 2. С. 101–115; № 3. С. 159–164; № 4. С. 223–242; № 5. С. 288–312; в последнем номере подпись и дата: «4 декабря 1831».

[6] При создании «Вечеров...» (и «Миргорода») Гоголь широко пользовался выпиской «Имена, даемые при крещении», из «Грамматики малороссийского наречия» А. П. Павловского (СПб., 1818. С. 75–77), в своей «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830). Список представляет собой не просто украинские клички известных имен, а отражает действительную (отмеченную и А. Я. Стороженко) практику, сложившуюся некогда в Южной Руси, когда при крещении человеку давалось не само имя святого, а уменьшительный вариант этого имени. Позднее Н. И. Ульянов замечал об украинизированных в средине XX в. святцах, в которых «греко-римские и библейские имена святых, ставшие за тысячу лет своими на Руси, заменены обыденными простонародными кличками – Тимошь, Василь, Гнат, Горпина, Наталка, Полинарка»: «В последнем имени лишь с трудом можно опознать св. Аполлинарию. Женские имена в "молитовнике" звучат особенно жутко для православного уха, тем более, когда перед ними значится "мученица" или "преподобная": "Святыя мученицы Параска, Тодоська, Явдоха". Не успевает православный человек подавить содрогание, вызванное такой украинизацией, как его сражают "святыми Яриной и Гапкой". Потом идет "мученицы Палажка и Юлька" и так до... "преподобной Хиври"» (*Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. (Репринтное воспроизведение изд. 1966 г.; Нью-Йорк; Мадрид.) С. 267–268). Сам Гоголь сознательно использовал контраст между украинской кличкой и именем святого. Проблема «пошлости пошлого человека» занимала писателя уже в период создания его первых повестей – уже тогда он задумывался над тем, как под земными Грицьками и Стецьками скрываются святые Григории и Стефаны (см. сопроводит. статью к т. 1 в изд.: *Гоголь 2009–2010*; а также фрагмент раздела «Исправления и дополнения к комментариям предшествующих томов...» в т. 17 указанного изд. – с. 884–885).

[7] *<Стороженко А. Я.> Андрий Царынный.* Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька... С. 43–44.

[8] На самом деле Гоголь в «Сорочинской ярмарке» *намеренно* подчеркивает противоречие между высоким смыслом свадебного обряда и обстановки, в которой он совершается. Сходный свадебный «торг» совершается и в «Ночи перед Рождеством»: «Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей <...>, и сказал решительно: "*Добре!* присылай сватов!"» Эпизод представляет собой реминисценцию одной из любимых Гоголем свадебных песен: «Чи се тыи чоботы, що зять дав? / А за тыи чоботы дочку взяв!» Подробнее см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // Творчество Н. В. Гоголя в контексте православной традиции: Коллективная монография / Науч. ред., сост., предисл. Г. В. Мосалевой. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 118–122.

[9] *<Стороженко А. Я.> Андрий Царынный.* Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька... С. 226.

[10] На самом деле Гоголь дает понять, что Параске не очень-то повезло с женихом – изрядным любителем «пенной». «Достоинства» в этом отношении будущего супруга Параски поясняет эпиграф к третьей главе «Сорочинской ярмарки», взятый Гоголем из «Энеиды» И. П. Котляревского: «Сивуху так, как брагу, хлище», – «на світи трохи <мало> есть таких». «Не знаю, люблю ли я тебя, – говорит своему жениху героиня незавершенной повести Гоголя «Страшный кабан» (1831), – знаю только, что ни за что бы на свете не вышла за пьяницу. Кому любо жить с ним? Несчастная доля семье той, где выберется такой человек; в хату и не заглядывай: нищенство да голь; голодные дети плачут...»

[11] *<Стороженко А. Я.> Андрий Царынный.* Мысли Малороссиянина, по прочтении Повестей Пасичника Рудаго-Панька... С. 114–115.

ЯНВАРЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, получив письмо от матери из Васильевки, снова[1] справляется у нее о затерявшейся посылке «с браслетами, пряжкою, перчатками, ридикулем, конфектами», посланной 17 октября 1831 г.[2]:

«Скажите мошеннику полтавскому почтмейстеру[3], что я на днях, видевшись с кн<язем> Голицыным[4], жаловался ему о неисправности почт. Он заметил это Булгакову[5], директору почтового департамента; но я просил Булгакова, чтоб не требовал объяснения от полтавского почтмейстера до тех пор, покамест я не получу его от вас».

Пишет, что рад «хорошей партии» для сестры Марии[6], просит сообщить сведения о женихе, «по крайней мере фамилию»[7].

[1] См. ***1831. Декабря 8. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1831. Октября 17. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] А. И. Ротмистров.
[4] Князь А. Н. Голицын занимал в то время пост главноначальствующего над Почтовым департаментом.
[5] К. Я. Булгаков.
[6] См. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***
[7] П. О. Трушковский. – См. также ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург***; ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***

ЯНВАРЯ 6. СРЕДА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Н. М. Языков пишет брату А. М. Языкову:

«“Стрельцы”, как мне кажется, вздорное произведение, а Мосальский — наследник бездушия и пошлости Булгарина в романе. Жаль, что у нас исторические предметы — и самые важные, своехарактерные и действительные — попадаются в руки бесталанных головушек! Но это должно же скоро пройти, потому что пора — и потому что есть сильная и благая надежда на Марлинского[1], который, ей-Богу, и пишет лучше и имеет больше таланта романтического, чем все иные прочие знаменитые и простые. И <потому что есть> “Вечера на Диканьке”, слава Богу...»

Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 107; см. также: Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 141.

[1] Псевдоним А. А. Бестужева.

ЯНВАРЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Патриотическом институте благородных девиц проходит публичный экзамен по Закону Божию, литургике, географии, истории и немецкой словесности.

«Предметы испытания. 11-го генваря.
1. Закон Божий, Литургия и Нравоучение.
2. География.
3. История.
4. Немецкая словесность»[1].

Поскольку в ту пору единственным преподавателем истории в Патриотическом институте был, по-видимому, Гоголь[2], он должен был присутствовать на экзамене[3].

В тот же день, 11 января 1832 г., в Зимнем дворце состоялась свадьба камер-юнкера Н. М. Смирнова и фрейлины А. О. Россет. Посаженным отцом со стороны невесты был великий князь Михаил Павлович, со стороны жениха – князь П. А. Вяземский. На церемонию были приглашены А. С. Пушкин с женой, но по неизвестным причинам не присутствовали[4].

[1] Программа публичного испытания воспитанниц Патриотического Института Комитета, учрежденного в 18 день августа 1814 года, 5-го выпуска. 11, 12 и 13 генваря 1832 года. Начало в 6 часов вечера / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 736.

[2] См. ***1831. Сентября 28 – октября 24. Санкт-Петербург.***

[3] См. также ***1831. Октября 24. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] *Шалина Е. С.* «Черноокая Россети» // Временник Пушкинской Комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 201–202.

ЯНВАРЯ 19. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выпускной акт в Патриотическом институте[1].

«Прощальное слово окончившим курс воспитанницам было сказано во время литургии прот<оиереем> Мысловским. В церкви и затем на акте присутствовали: Государь Император, Государыня Императрица с Вел<икой> Княжной Александрой Николаевной в сопровождении фрейлины Загряжской, и Великий Князь Михаил Павлович»[2].

[1] См. ***1831. Октября 24. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] *Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 г. СПб., 1913. С. 60.

ЯНВАРЯ 19. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1832. Февраля 6. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ ОКОЛО 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания восьмой главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина[1].

Позднее, 10 марта 1832 г., Гоголь, посылая А. С. Данилевскому это издание, писал: «Посылаю тебе <...> наудачу Онегина. Может быть, у вас в глуши его еще не читали. В таком случае, ты обомлеешь от радости и верно не найдешь слов, чем выразить мне свою благодарность».

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 1341.

ЯНВАРЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь «является» в Департамент уделов за аттестатом о службе, который не был получен им при увольнении 9 марта 1831 г., «по неявке его в департамент».

<Отношение и резолюция о выдаче Гоголю аттестата> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 630. См. также ***1831. Марта 9. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Департаменте уделов Гоголю выписан аттестат о прохождении службы.

«Служивший Министерства Императорского Двора в Департаменте Уделов Помощником Столоначальника Коллежский Регистратор Николай Васильевич сын Гоголь-Яновский, как из формулярного о службе его списка видно, происходя из Дворян, имеет Полтавской Губернии, в уездах Полтавском и Миргородском, 80 душ крестьян и 700 десятин земли[1]; по окончании курса учения в Гимназии[2] высших наук Князя Безбородко с правом на чин 14-го класса, поступил на службу в Департамент Уделов 1830-го апреля 10-го; Указом Правительствующего Сената того же года, июня 3-го, утвержден в чине Коллежского Регистратора со старшинством со дня вступления в службу, а 10 июля помещен на вакансию помощника столоначальника[3]; прошлого же 1831 года марта 9-го, по прошению его, из Департамента Уделов уволен. По служению его в сем Департаменте поведения был отличного и должность свою исправлял с усердием; в штрафах, под судом и отпусках не был; от роду ему ныне 24 года[4], холост»[5].

[1] Ср. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] Слово: «Гимназии», – в аттестате, представленном Гоголем в канцелярию Патриотического института благородных девиц, было выскоблено и вместо него вписано: «Лицее». Вероятное объяснение этого см. в примечаниях к дате: ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] В аттестате, представленном Гоголем в канцелярию Патриотического института, вместо слов: «помещен на вакансию помощника столоначальника», – следует: «помещен Помощником Столоначальника».

[4] В аттестате, представленном Гоголем в канцелярию Патриотического института, вместо: «24 года», – следует: «23 года».

[5] <Аттестат, выданный Гоголю в Департаменте уделов> / Документы о службе Гоголя в Департаменте уделов // *Свод.* Т. 1. С. 630. См. также ***1831. Января 22. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 27. СРЕДА. МОСКВА

Выход в свет № 2 журнала «Европеец», в котором напечатаны стихотворения Н. М. Языкова «Воспоминание об А. А. Воейковой», «Конь», «Элегия» («Ночь безлунная звездами...») и два стихотворения А. С. Хомякова, посвященные А. О. Россет, «Иностранка» и «Ей же» («О дева-роза, для чего...»)[1].

А. С. Хомяков, вероятно, познакомился с А. О. Россет во время своего пребывания в Петербурге в марте-мае 1831 г.[2] 11 января 1832 г. Россет вышла замуж за Н. М. Смирнова[3].

А. И. Кошелев вспоминал: «У К. А. Карамзиной мы видали часто Блудова, Жуковского, П. А. Муханова и других; а из женщин особенно нас очаровывала и красотою, и умом девица Россети, вышедшая впоследствии замуж за Н. М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи “Иностранке”; но когда она их узнала от П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно»[4].

В. А. Кошелевым в 2002 г. было высказано предположение: «Хомяков познакомился с Гоголем, кажется, еще в Петербурге в 1831–1832 году: тогда “Гоголёк”, недавний выпускник нежинского лицея, начинающий литератор, живший на положении домашнего учителя в богатых петербургских домах, был введен в кружки Ка-

рамзиных, Одоевского, «девицы Россет», в которых наездами бывал и Хомяков. Но никакой особенной дружбы между ними тогда не возникло — разве что мимолетные отношения»[5].

Однако с А. О. Россет Гоголь познакомился только летом 1831 г. в Царском Селе[6] (спустя полтора месяца после пребывания в Петербурге Хомякова весной 1831 г.). Тогда же, летом 1831 г., Гоголь впервые мог встретиться и с Карамзиными[7]. Знакомство с князем В. Ф. Одоевским состоялось позднее[8] (во всяком случае до сентября 1831 г. они знакомы не были)[9]. Знакомство Гоголя с Хомяковым можно предположить лишь в период с средины февраля до средины апреля 1832 г., когда после весны 1831 г. Хомяков вновь приехал в Петербург[10].

[1] См. ***1843. Февраля 27 <15>. Понедельник. Рим.***

[2] *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М., 2000. С. 148.

[3] См. ***1832. Января 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] *Кошелев А. И.* Мои воспоминания об А. С. Хомякове // Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. М., 2002. С. 345.

[5] *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. С. 237.

[6] См. ***1831. Июля после 10. Царское Село.***

[7] См. ***1831. Июня конец. Павловск.***

[8] См. ***1832. Февраля 19. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1831. Сентября 23. Среда. Санкт-Петербург.***

[10] См.: *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. С. 148.

ЯНВАРЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (цензор Н. И. Бутырский).

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал: «Никогда не забуду того нетерпения, с которым ожидали мы появления второй части его “Вечеров на Хуторе близь Диканьки”. Любопытство наше так было возбуждено первым томом этих несравненных рассказов! Он иногда читал их сам, принося матушке экземпляр вновь вышедшей своей книги. Это бывал настоящий праздник. Заметим здесь, что Гоголь, так скоро и легко сделавшийся коротким знакомым матушки, которой говорил часто о своих литературных занятиях, надеждах и проч., никак не мог победить какой-то робости в отношении к моему покойному отцу[1]. Причиною этому должно полагать то, что он никак не мог отделить отношений своих как доброго знакомого от мысли о подчиненности: отец мой был начальником его по Патриотическому Институту, куда Гоголь определен был учителем. Черта довольно оригинальная, потому что все знавшие покойного моего отца могут засвидетельствовать, что он с своей стороны никогда не подавал подчиненным повода не только робеть перед ним, но и всячески заставлял, вне служебных отношений, забывать, что он начальник. Но такова уже была странность Гоголя. При отце он, например, ни слова почти не говорил о литературе, хотя предмет этот, как известно, всегда занимал Гоголя.

Если не ошибаюсь, уроки Гоголя продолжались года полтора[2]. После этого Гоголь пропадал месяца два, и, сколько могу припомнить, в это время было ему передано от матушки удивление об его отсутствии и объяснено, что нам без учителя нельзя долее оставаться. Так как он и после этого не явился, то место его занял П. П. Максимович. Вдруг однажды Гоголь является к обеду. Дело ему немедленно объяснилось; но это нисколько не переменило отношений его к нашему дому»[3].

[1] «Статс-секретарь Николай Михайлович Лонгинов, скончавшийся в прошедшем году» (примечание редакции «Современника»).

[2] Ср. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург; 1833. Декабря 17. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 646–647.

ФЕВРАЛЯ 6. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку о получении от нее письма (от 19 января[1]). Сожалеет, что до него не дошло ее письмо, отправленное по получении нашедшейся, наконец, посылки[2]. Объясняет это тем, что мать адресовала свое письмо «Гоголю-Яновскому», а не «просто Гоголю»[3].

Просит известить, когда будет свадьба сестры Марии[4]; обещает прислать ей нужные вещи:

«Старшей сестре скажите, что она напрасно думает, будто вы не так рады теперь, имея прежде желание выдать ее за богатого[5]. Богатство всегда в руках человека. Он всегда может нажить его. Нужны только труды. Но доброй души и прекрасных качеств человек никогда не наживет, если их не имеет».

Посылает для всех подарки и вновь[6] просит младших сестер писать к нему:

«Дурно очень, что вы не написали[7], какой цвет к лицу вам и сестре, а также не прислали мерок с ножек ваших, и потому не погневайтесь, если в посылаемой при сем письме посылке всё будет не по вашему вкусу. <...> Маленькие сестрицы найдут в этой посылке и себе конфекты, только за это они должны не забывать писать. Да нельзя ли их как-нибудь заставить, чтобы в письме говорили они побольше о том, что делают дома и что с ними случается. Например, если бы Лиза сама описала происшествие с курицей, ведь это, верно, было бы не дурно».

Сестра Гоголя Елисавета позднее вспоминала: «Сестра М<ария> учила Анет и меня... <...> Мы часто писали к брату, и мои письма вечно наполнены <были> пустяками. Я была в дружбе с собаками; Дорогой и барбос (дворовая собака) были мои фавориты, и я переда<ва>ла всегда поклон от них брату и описывала ему все подробности [в том числе, что мой <*1 нрзб.*> слава Богу износился]. Иногда брат просил нас присылать ему малороссийские сказочки, и мы с удовольствием посылали ему, хотя <они> были писаны иероглифами, из которых, я думаю, он ничего не понимал. Он нам за это часто присылал конфектки; Маминьке и сестре — подарки»[8].

Вероятно, содержание писем сестры Елисаветы нашло отражение в переписке собачек в «Записках сумасшедшего», материалы для которых Гоголь стал собирать в 1833 г.[9]

[1] См. ***1832. Февраля 6. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1832. Января 4. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***
[5] См. также ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка*** (примечания).
[6] См. ***1831. Ноября 17. Вторник. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***1831. Октября 17. Суббота. Санкт-Петербург.***
[8] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 178–179.
[9] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 15. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1832. Февраля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 19. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь присутствует на обеде петербургских литераторов у А. Ф. Смирдина по случаю переселения его книжного магазина от Синего моста в новый дом на Невском проспекте[1] и открытия там публичной библиотеки. В числе других Гоголь обязуется дать статью в альманах «Новоселье»[2].

Через три дня, 22 февраля 1832 г., корреспондент газеты «Русский Инвалид» сообщал: «Февраля 19-го числа, в пятницу, известный новым изданием сочинений *Державина,* Баллад и повестей *Жуковского,* Басен *Крылова* и многими другими полезными предприятиями на пользу просвещения *А. Ф. Смирдин* давал Русским Литераторам новоселье в прекрасном доме на Невском проспекте. Вверху, в светлых, обширных залах размещена Библиотека чтения, внизу великолепно отделанная книжная лавка. На сей праздник приглашено было до 120 Русских Писателей. Из них за болезнию и другими обстоятельствами, к сожалению, не находились: Князь *А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич, Илличевский, Якубович* и немногие другие. Обед дан роскошный; собрание блестящее. Тут видели мы Графа *Д. И. Хвостова,* Ветерана Русских Словесников; Тайного Советника *Розенкампфа,* Истолкователя Кормчей книги; Сенатора *Корнилова,* написавшего дельные замечания о Сибири, где Е<го> П<ревосходительство> был Губернатором; Ген<ерал>-Майора А. И. Данилевского, издателя отменно любопытных записок. На одном конце стола сидели: *И. А. Крылов, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин,* Князь *П. А. Вяземский,* Барон *Е. Ф. Розен, П. А. Плетнев.* На другом — *Б. М. Федоров* (Автор недописанного Исторического романа Князь Курбский); *Масальский,* сочинитель романа Стрельцы; *Гоголь-Яснопольский* <так в публикации>, остроумный сказочник; *Калашников,* Автор весьма занимательного романа Дочь купца Жолобова; *Карлгоф,* написавший несколько приятных повестей; *Ротчев,* трудолюбивый, хотя не совсем счастливый прелагатель *Шакспира* <так!> и *Шиллера.* Средину стола занимали издатели Журналов, между коими заседал старейшина Русских Журналистов *Н. И. Греч,* 20 лет издающий Сын Отечества, и *Булгарин,* Автор остроумных статеек о нравах и животрепещущих известий о достопамятных происшествиях в столице. <...> Признательные, за радушное гостеприимство хозяина, Писатели, желая достойным образом возблагодарить его, сделали подписку, которою каждый обязался доставить ему статью своего сочинения. Сии статьи составят книгу, конечно, не менее, как в 4 части. Она будет продаваться в пользу *А. Ф. Смирдина*»[3].

23 февраля 1832 г., Н. И. Греч также писал: «В прошедшую пятницу, 19-го февраля, открыл он <А. Ф. Смирдин> сию библиотеку празднеством, на которое пригласил многих литераторов и других любителей просвещения. <...> Обеденный стол накрыт был в большой зале библиотеки, посреди шкафов, наполненных произведениями нашими и наших предшественников. (Сообщаем имена присутствовавших на сем празднике литераторов и художников, по азбучному порядку, для избежания всякой ранжировки: Е. В. Аладьин, А. М. Алексеев (переводчик Геометрии Дюпена), В. Н. Берх, А. П. Брюл<л>ов, Ф. В. Булгарин, А. Ф. Воейков, Б. А. Врасский, князь П. А. Вяземский, П. И. Гаевский, С. А. Галактионов, Г. Гоголь-Ясновский <так в публикации> (автор Вечеров на хуторе), Греч, А. Н. Данилевский, И. Д. Ершов, В. А. Жуковский, К. А. Зеленцов, И. Т. Калашников, В. И. Карлгоф, Д. М. Княжевич[4], А. М. Княжевич, В. Д. Комовский, И. А. Крылов, А. М. Корнилов, М. Е. Лобанов, К. П. Масальский, Андрей Аф. Никитин, Александр Никитич Никитин, А. С. Норов, князь В. Ф. Одоевский, Е. И. Ольдекоп, А. Н. Очкин, В. И. Панаев, П. А. Плетнев, А. С. Пушкин, Н. Ф. Рожественский, барон Г. А. Розенкампф, барон Е. Ф. Розен, А. Г. Ротчев, В. Н. Семенов, О. М. Сомов, А. И. Стойкович, Н. И. <Н. Г.> Устрялов, Н. И. Уткин, граф Д. И. Хвостов, С. С. де Шаплет, Д. И. Языков, М. Л. Яковлев, И. И. Ястребцов, Б. М. Федоров.) В шестом часу сели за стол... <...> Любопытно и забавно было видеть здесь представителей веков минувшего, истекающего и наступающего; видеть журнальных противников, выражающих друг другу чувства уважения и приязни... <...> После обеда гости, желая возблагодарить хозяина за радушное угощение <...>, положили составить общими трудами альманах: *Новоселье А. Ф. Смирдина.* Каждый обязался сообщить для сего статью — первый подписался В. А. Жуковский; все последовали его примеру»[5].

Князь П. А. Вяземский в письме к И. И. Дмитриеву от 13 апреля 1832 г. также сообщал: «На первый случай рекомендую Вам новую книжную лавку — Смирдина, первую европейскую лавку русскими книгами. <...> Везде — красное дерево, бронза... <...> Об обеде для новоселья, на котором журналисты перепились пьяные <...>, говорить не стану»[6].

По воспоминаниям М. Е. Лобанова (озаглавленным: «Обед у книгопродавца А. Ф. Смирдина. 19 февраля 1832 года»), «гости разошлись в половине 11-го часа»[7].

В 1854 г. П. А. Кулиш сообщал: «В первый раз Гоголь был введен в круг литераторов, как автор "Вечеров на хуторе", 19 февраля 1832 года, на известном обеде А. Ф. Смирдина, по случаю перенесения его книжного магазина от Синего моста на Невский проспект. Гости подарили хозяина разными пьесами, составившими альманах "Новоселье", в котором помещена и Гоголева "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем"»[8].

[1] Как сообщал 23 февраля 1832 г. Н. И. Греч, это был «конченный недавно правый флигель Петровской церкви»: «...Там помещаются магазины: лучших шляп, Циммермана; отличных ситцев Русского изделия, Биттепажа; древнейший в Петербурге косметический магазин, Герке; нотная книжная лавка и музыкальная библиотека для чтения, и наконец *книжный магазин и библиотека для чтения почтенного нашего книгопродавца Александра Филипповича Смирдина*. Вам уже известно, думаю, из Северной Пчелы, что он в минувшем Декабре открыл в сем доме книжный свой магазин, устроив и расположив оный со вкусом и великолепием. Ныне перевел он в сей же дом и библиотеку для чтения. Магазин занимает часть нижнего яруса, а библиотека помещается в среднем, бель-этаже, в огромной, светлой, великолепной зале» (*Греч Н.* Письмо к В. А. Ушакову // Северная Пчела. 1832. 26 февр. № 45).

[2] Свое обещание Гоголь смог выполнить лишь осенью 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

[3] Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1832. 22 февр. № 46. С. 183; *Свод*. Т. 3. С. 370.

[4] Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844), археолог, этнограф, журналист; попечитель Одесского учебного округа (с 1837 г.) и издатель «Одесского альманаха», приятель С. Т. Аксакова.

[5] *Греч Н.* Письмо к В. А. Ушакову // Северная Пчела. 1832. 26 февр. № 45; *Свод*. Т. 3. С. 370.

[6] Русский Архив. 1868. Вып. 1–6. Стб. 616.

[7] *Шимкевич К. А.* Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина // Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Л., 1927. Вып. 31/32. С. 118; *Свод*. Т. 3. С. 370.

[8] Воспоминания П. А. Плетнева в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 704.

ФЕВРАЛЯ 26. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее письма (от 15 февраля[1]); уверяет, что предстоящий брак сестры Марии[2] его радует. Просит известить его о А. А. Трощинском. Выражает недовольство стилем и содержанием письма десятилетней сестры Анны[3]:

«Очень жалею, что сестра Аничка пишет не своими словами. Этих оборотов и этих обыкновенных выражений, приличных взрослому, она никогда не может сделать от себя. Если же она точно писала сама (чего совершенно не может быть в натуре), то она будет жалкое создание. В письме ее правильность и ни одного чувства, которое бы обличало прелесть детской души и что-то похожее на талант. В прежнем маленьком ее письме, которое она сама писала, одно только слово уже уверило меня в том, что она имеет талант большой и богатство будущее души. Этого слова ни вы, ни сестра не заметили, верно. Пусть они пишут пустяки, весь вздор, который говорят своей няне. Чем, повидимому, будет глупее письмо, тем лучше: тут будут видны они совершенно».

[1] См. ***1832. Февраля 15. Понедельник. Васильевка***.

[2] См. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка***.

[3] См. также *1832. Февраля 6. Суббота. Санкт-Петербург.*

МАРТА 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. *1832. Марта 25. Пятница. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.*

МАРТА 10. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает на письмо матери из Васильевки (посылает при этом к свадьбе[1] сестры Марии 500 рублей: «Когда буду побогаче, тогда пришлю больше»). Пишет также письмо А. С. Данилевскому в Пятигорск.

Из письма к матери: «Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Багрееве[2]. Я верю, что он хороший человек и достоин всякого уважения; но, несмотря на то, не поеду к нему ни с сего, ни с другого в дом. <...> Странно! Вдруг бы я приехал к нему потому, что вы были один раз у него и были приняты хорошо. Другое дело, если я встречусь с ним у Кочубея, или где-нибудь в другом обществе, я не премину с ним познакомиться <...>, но не потому, чтобы он мог быть для меня чем-нибудь полезным, а потому, что он доставил вам несколько, как вы говорите, приятных минут своею любезностью. Касательно же состояния его быть мне полезным, скажу вам вот что. Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом. Путь я имею гораздо прямее и, признаюсь, не знаю такого добра, которое бы мог мне сделать человек. Добра я желаю от Бога, и именно — быть всегда здоровым и видеть вас всегда здоровыми. Верьте моему слову, маминька, что всё, кроме этого, гниль и суета; однако я всё-таки благодарю вас за желание, чтобы я познакомился с Багреевым, особенно если он хороший человек».

Впервые настоящее письмо Гоголя было опубликовано в 1857 г. в собрании сочинений и писем Гоголя, подготовленных к печати П. А. Кулишом. В публикации Кулиша фамилия Багреева была представлена инициалом Б****: «Мне очень странно, маминька, что вы столько хлопочете о Б****. <...> ...Однако я все-таки благодарю вас за желание, чтобы я познакомился с Б****...»[3] В 1887 г. В. И. Шенрок, пользуясь изданием Кулиша в беседе с Данилевским, спросил друга Гоголя о том, кто имеется в виду под инициалом Б****. Данилевский тогда отвечал: «...Марья Ивановна не переставала иногда раздражать сына своей бестактностью... <...> Однажды она сильно заботилась о том, чтобы сын ее поехал познакомиться с отправившимся на некоторое время в Петербург богатым соседом, <И. А.> Базилевским[4] <на самом деле с А. А. Фроловым-Багреевым>, <...> <который> был занят своим богатством и вообще был крайне несимпатичная личность. Ехать к нему, по мнению Данилевского, было бы просто неприлично и ненужно. Неудивительно, что по этому поводу Гоголь писал матери: "Вы всё еще, кажется, привыкли почитать меня за нищего, для которого всякой человек с небольшим именем и знакомством может наделать кучу добра. Но прошу вас не беспокоиться об этом"»[5].

Позднее, в 1901 г., Шенрок раскрыл инициал, напечатав письмо с правильной фамилией — Багреев. При этом он пояснил: «Покойный А. С. Данилевский при объяснении этого инициала колебался между двумя фамилиями: Базилевский и Багреев, но, сообщая мне подробности об этих лицах, высказывал свое заключение о том, что ехать к тому или другому было бы для Гоголя совершенно некстати и что это была совершенно неподобающая фантазия со стороны Марьи Ивановны навязывать сыну подобные знакомства. А. В. Гоголь полагала, что здесь в письме инициал Б. означает Багреева, что безусловно подтверждается копией, принадлежавшей Н. С. Тихонравову»[6].

Данилевскому Гоголь в тот же день, 10 марта 1832 г., посылает вторую книжку «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и отдельное издание восьмой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина[7]. Сетует на молчание друга и признается ему в чувствах к какой-то «суровой», «северной повелительнице» своего «южного сердца»: «Мне бы следовало просто на тебя рассердиться и начхать, как

говаривал Ландражен, за твои эдакие пакости. <...> Даже не известил меня, получил ли в исправности посланные мною альманахи[8]. <...> Может быть ты находишься уже в седьмом небе и оттого не пишешь. Чорт меня возьми, если я сам теперь не близко седьмого неба и с таким же сарказмом, как ты, гляжу на славу и на всё, хотя моя владычица куды суровее твоей. Если б я был, как ты, военный человек, я бы с оружием в руках доказал бы тебе, что северная повелительница моего южного сердца томительнее и блистательнее твоей кавказской. Ни в небе, ни в земле, нигде ты не встретишь, хотя порознь, тех неуловимо божественных черт и роскошных вдохновений, которые ensemble дышут и уместились в ее, Боже, как гармоническом лице»[9].

[1] См. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***

[2] Александр Алексеевич Фролов-Багреев (1785–1845), зять графа М. М. Сперанского, муж Е. М. Фроловой-Багреевой (рожд. Сперанской; 1799–1857); служил гражданским губернатором в Чернигове; с 1824 г. стал членом совета министерства финансов, с 1834 г. – сенатором. А. А. Фролов-Багреев был полтавским помещиком, и в 1832 г. на Украине с ним и познакомилась мать Гоголя.

[3] Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 147.

[4] О И. А. Базилевском см. также: ***1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим.*** – Ср. также: «Одно из упоминаний о сатирических литературных опытах Гоголя находим мы <...> в свидетельстве Данилевского, что в числе школьных стихов Гоголя “были и разные сатирические куплеты, напр<имер>, на скрягу полтавского помещика Базилевского”» (*Заболотский П.* Опыт обзора материалов для биографии Гоголя в юношескую пору // Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 2. С. 52).

[5] А. С. Данилевский об отношениях к Гоголю его матери. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 496.

[6] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 205.

[7] См. ***1832. Января около 20. Санкт-Петербург.*** – Около того же времени Гоголь, вероятно, подарил вторую часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. И. Гнедичу, сопроводив книгу надписью: «Знаменитому земляку от Сочинителя» (см.: *Лямина Е. Э., Самовер Н. В.* «...Жили тогда в трогательной дружбе...»: Крылов, Гнедич и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» // Slověne. М., 2015. Т. 4. № 2. С. 20). – См. также ***1822–1823. Нежин, Васильевка или Кибинцы*** (письмо М. И. Гоголь).

[8] См. ***1832. Января 1. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[9] Спустя несколько месяцев, 20 декабря 1832 г., Гоголь также признавался Данилевскому: «Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия и потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня от желания заглянуть в пропасть <см. также ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***>. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете – любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм» (см. ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург***).

МАРТА 12. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 59) напечатано извещение о продаже второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» («в книжном магазине А. Ф. Смирдина по 7 р<ублей> 50 коп<еек>»), с рецензией, написанной, вероятно, Ф. В. Булгариным:

«В сей книжке <...> четыре повести... <...> Они отличаются тою же живостью и замысловатостью рас<с>каза, тем же милым, но не всегда непритворным простодушием, которые нравились читателю в первой книжке».

Позднее, в 1847 г., в рецензии на «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя Булгарин писал: «За несколько лет до смерти Пушкина появился на поприще Изящной Словесности Г<-н> Гоголь, с собранием рассказов, под заглавием: *Вечера на хуторе близ Диканьки.* Это бесспорно лучшее из всего, что написал Г<-н> Гоголь, и сочинению отдана была полная справедливость во всех журналах»[1].

В тот же день, 12 марта 1832 г., издан Именной указ «О строгом подтверждении, чтобы сборища для запрещенной картежной игры местными Начальствами были открываемы и все найденные игроки были предаваемы суду, для строгого по законам наказания...» («распубликован Сенатом 17 марта»):

«В Бозе почивающий Вселюбезнейший Брат Наш, Государь Император, указом, данным в 11-й день Июля 1801 года Санкт-Петербургскому Военному Губернатору <М. И. Голенищеву-Кутузову>, по дошедшим до Него сведениям о производимой в сей Столице картежной игре, многими предшествовавшими узаконениями запрещенной[2], признав ее за благовидную отрасль грабежа, повелел игроков без всякого различия мест и лиц, забирая под стражу, отсылать суду[3]. <...> ...Мы убедились, что азартная игра, в одно мгновение отъемлющая достояние у семейств, многолетними трудами приобретенное, и предающая оное людям, своими поступками позор общества составляющим, есть нравственная зараза, в благоустроенном Государстве никогда и ни под каким видом нетерпимая. В следствие сего, подтверждая прежние узаконения, Мы Повелеваем: чтобы повсюду в Империи Нашей сборища для запрещенной картежной игры, а также и для всяких азартных игр вообще, были неукоснительно местными Начальствами открываемы, и чтобы все найденные на оных игроки были предаваемы суду для строгого по законам наказания, *без вякого различия званий и чинов*, усугубляющих по мере возвышения оных виновность ими отличенного»[4].

С выходом настоящего указа, вероятно, связано создание комедии Гоголя «Игроки». (В свою очередь, М. Ю. Лермонтов, имея в виду издание этого указа, в одной из редакций драмы «Маскарад» (1835) вложил в уста своего героя, карточного шулера, следующую реплику: «За то, что прежде, как нелепость, / Сходило с рук не в счет бедам, / Теперь Сибирь грозится нам / И Петропавловская крепость».)

[1] <*Булгарин Ф. В.*> *Ф. Б.* Журнальная всякая всячина // Северная Пчела. 1847. 11 янв. № 8. С. 29.

[2] См.: «Буде игра игроку служила забавою или отдохновением посреди своей семьи и с друзьями, и игра не запрещена, то вины нет; буде же игра игроку служит единственным упражнением и промыслом, <...> то о том исследовав, учинить по законам. <...> Буде кто в игре употребил воровство, мошенничество, того отослать к Суду, и да накажется яко мошенник, как законом предписано» (15.379. – 1782. Апреля 8. Устав Благочиния, или Полицейский // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 21. С. 467, 484). – См. также: 6313. – 1733. Генваря 23. Именный. О запрещении, по силе указа 1717 года, играть на деньги в карты и в кости... // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 9. С. 20; 9380. – 1747. Марта 11. Сенатский. О неиграпии в карты и ни в какие игры на деньги, или на какие вещи и пожитки // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 12. С. 670–671; 11.275. – 1761. Июня 16. Сенатский. О запрещении азардных игр <фаро, квинтич> и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры <кадрилию, пикет, контру, памфиль> // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 15. С. 731–732; 11.877. – 1763. Июля 21. Сенатский, в следствие Именного указа. О неиграпии никому в большие азардные игры // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 16. С. 310–311; 12.560. – 1766. Генваря 30. Сенатский. О неиграпии в запрещенные игры // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 17. С. 551; 16.440. – 1786. Октября 16. Именный, данный Главнокомандующему в Москве Еропкину. О наблюдении, дабы в клубах, маскерадах и других публичных сборищах не играли в банк и другие запрещенные игры // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 22. С. 684; 16. 543. – 1787. Мая 28. Сенатский. О учинении С.Петербургскою Казенною Палатою распоряжении относительно разделения гербергов и трактиров на разные нумера и о взыскании платежа акцизов // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 22. С. 858; 22.107. – 1806. Апреля 28. Именный, данный Московскому Военному Губернатору. О принятии точных мер к открытию и пресечению азартной карточной игры // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 29. С. 207; 23.094. – 1808. Июня 15. Именный, объявленный Министру Внутренних дел Дежурным Генерал-Адъютантом. Подтверждение Гражданским Губернаторам об искоренении запрещенных карточных игр // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 30. С. 326–327; и др.

[3] Указ Императора Александра I гласил: «Признавая зло сие вреднейшим в своих последствиях, нежели самое открытое грабительство, коего оно есть благовидная отрасль, и зная, сколь глубоко при малейшем попущении может оно пустить свои корни в скопищах разврата, где толпа бесчестных хищников, с хладнокровием обдумав разорение целых фамилий, из рук неопытного юношества или нерасчетливой алчности, одним ударом исторгают достоиние предков, веками службы и трудов уготованное, и испровергая все законы чести и чело-

вечества, без угрызения совести и с челом бесстыдным, нередко поглащают даже до последнего пропитания семейств невинных, Я признаю справедливым обратить всю строгость закона на сие преступление...» (19.938. 1801. Июля 11. Именный, данный Санкт-Петербургскому Военному Губернатору Голенищеву-Кутузову. — О истреблении непозволенных карточных игр // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 26. С. 713).

[4] Полн. собр. законов Российской Империи. 2 собр. СПб., 1833. Т. 7. С. 139–140.

МАРТА 19. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 23 года.

МАРТА 25. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь извещает мать о получении от нее письма (от 7 марта[1]); сообщает, что посылает ей «башмаки, какие только удалось сыскать на скорую руку»: «Ботинков на вашу ногу не было. Я заказал их — как будут готовы, то пришлю». Удивлен тем, что мать пообещала в этом году заплатить долг А. А. Трощинскому: «...Разве вы позабыли о том, что приближается время платежа в казну процентов?..» Одобряет намерение сыграть свадьбу М. В. Гоголь и П. О. Трушковского «без всякого шума»: «Я даже полагаю, что, если мне не удастся достать ни полотна, ни платков батистовых, то обойтись и без них, тем более, когда вы в таком состоянии, что не можете уплатить казенных податей, не только долгов». Расспрашивает о планах молодых, призывает сестру к «строгой бережливости и величайшему ограничению себя во всем».

[1] См. ***1832. Марта 7. Понедельник. Васильевка***.

МАРТА 30. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к А. С. Данилевскому в Пятигорск сообщает, что деньги от него на пошив модного сюртука (по хранящейся у портного Руча[1] «мерке» Данилевского[2]) пришли не вовремя:

«...За две недели до праздника[3] ни один портной не возьмется шить <...> ...спустя только неделю после праздника примутся шить его тебе. На требование же мое поставить тебе сукно по 25 р<ублей> аршин, Руч дал мне один обыкновенный свой ответ, что он низких сортов сукон не держит».

Размышляет о любви, упоминая при этом о своей повести «Иван Федорович Шпонька...» — и как бы в продолжение ее намечая замысел будущих «Старосветских помещиков» (1834):

«Прекрасна, пламенна, томительна и ничем не изъяснима любовь до брака; но тот только показал один порыв, одну попытку к любви, кто любил до брака. Эта любовь не полна; она только

начало, мгновенный, но зато сильный и свирепый энтузиазм, потрясающий надолго весь организм человека[4]. Но вторая часть, или лучше сказать, самая книга — потому что первая только предуведомление к ней — спокойна и целое море тихих наслаждений, которых с каждым днем открывается более и более, и тем с большим наслаждением изумляешься им, что они казались совершенно незаметными и обыкновенными. Это художник, влюбленный в произведенье великого мастера, с которого уже он никогда не отрывает глаз своих и каждый день открывает в нем новые и новые очаровательные и полные обширного гения черты, изумляясь сам себе, что он не мог их увидать прежде. Любовь до брака — стихи Языкова: они эффектны, огненны и с первого раза уже овладевают всеми чувствами. Но после брака любовь — это поэзия Пушкина: она не вдруг обхватит нас, но чем более вглядываешься в нее, тем она более открывается, развертывается и наконец превращается в величавый и обширный океан, в который чем более вглядываешься, тем он кажется необъятнее, и тогда самые стихи Языкова кажутся только частию, небольшою рекою, впадающею в этот океан. Видишь, как я прекрасно рассказываю! О, с меня бы был славный романист, если бы я стал писать романы! Впрочем это самое я докажу тебе примером, ибо без примера никакое доказательство не доказательство, и древние очень хорошо делали, что помещали его во всякую хрию. Ты, я думаю, уже прочел Ивана Федоровича Шпоньку. Он до брака удивительно как похож на стихи Языкова, между тем, как после брака сделается совершенно поэзией Пушкина».

Передает поклон от «Красненького» (Н. Я. Прокоповича): «Он еще не актер, но скоро будет им и, может быть, тотчас после святой»[5].

Сообщает о приезде в «водяной город»[6] — Петербург братьев Н. В. и П. В. Кукольников[7], вместе с ректором Виленского университета В. В. Пеликаном (при котором Н. В. Кукольник состоит «чиновником для письменных дел»[8]).

[1] Руч (Рутч) — модный петербургский портной. Ср. упоминание Поприщина в «Записках сумасшедшего» (1834): «Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде...»; и несколько реплик Хлестакова в первоначальных редакциях «Ревизора» (1835–1836): «Ведь Руч работал — вот что важно»; «...Руч тебе ни за что в долг не сошьет фрака...»; «...Венгерку ему шил какой-то дрянной портнишка, совсем не Руч...»; «...Если б к счастию Осип не догадался припрятать моей новой пары платья, которой <которую> сделал мне Руч перед выездом, то я бы не знаю, как я бы показался Батюшке»; «Там из наших чиновников никто так не одевается. Платье заказываю Ручу, триста рублей за пару» (*Гоголь 2001–2012*. Т. 4. С. 153, 194, 235, 239, 236). Портной Руч упоминается также в статье неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии, сохранившейся в бумагах Гоголя (см. ***1832. Сентября 26. Понедельник. Васильевка***).

[2] См. ***1832. Апреля 26. Вторник. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1832. Апреля 10. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи***.

[4] Ср. в «Старосветских помещиках»: «Я знал одного человека <...> влюбленным нежно, страстно, бешено <...>, и при мне <...> предмет его страсти <...> была поражена ненасытною смертию. <...> Год после этого я видел его в одном многолюдном зале: он сидел за столом, весело говорил: "петит-уверт", закрывши одну карту, и за ним стояла, облокотившись на спинку его стула, молоденькая жена его...»

[5] См. ***1832. Апрель 2. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***.

[6] Характерная примета «водяного» Петербурга — непрекращающийся дождь, «как бы желающий вдавить еще ниже этот болотный город», стала основным содержанием одного из ранних набросков Гоголя (<Дождь был продолжительный>, 1833), в котором слышны мотивы многих будущих «петербургских» повестей — обыватели Петербурга сравниваются здесь с обитателями подводного царства: «амфибиями», «моллюсками», «мокрыми крысами». Примечательно также упоминание в повести «Портрет» (1834) о «неприятной мокроте, сеявшейся в воздухе», после посещения художника Чарткова демоническим ростовщиком, который наделяет художника (подобно русалке из «Майской ночи...») «жаркими, как огонь», червонцами. Знаменательна и прямая перекличка между образом русалки-утопленницы в «Майской ночи...» и образом «чудной» красавицы в «Невском проспекте» (1834) — «тронутой тлетворным дыханием разврата», вверженной «какою-то ужасною волею адского духа <...> в его пучину». То, что кажется унизительным для одной — исполнять работу «простой мужички» («Она мучила меня, заставляла работать, как простую мужичку»), то же вызывает презрение и у другой: «Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою».

[7] См. ***1824. Августа конец — сентября начало — декабря 18. Нежин*** (примечания).

[8] *Охотин Н. Г., Ранчин А. М.* Кукольник Нестор Васильевич... // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 212.

МАРТ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь последовательно посылает сыну два письма в Петербург.

См. ***1832. Апреля 16. Суббота. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЬ 2. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович окончил Санкт-Петербургское театральное училище и выпущен актером в русскую труппу Императорских театров.

Супронюк. Словарь. С. 146.

АПРЕЛЯ 3. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург. Жених сестры Гоголя Марии П. О. Трушковский, по-видимому, присоединяет к нему свое письмо к Гоголю[1].

Позднее, 5 февраля (н. ст.) 1838 г., Гоголь писал матери из Рима: «Вы говорите о намерениях сестры моей Мари вступить в новое супружество. Говорите о том, который привлекает ее внимание и ищет руки ее, но всё таким же загадочным образом, как и в первый раз ее помолвки, когда я узнал только о имени и фамилии жениха не прежде, как получив уже от него письмо с известием, что всё уже кончено и что за мной только дело, и если бы он не вздумал подписать внизу свое имя, то я бы долго не знал, кого имею честь называть своим зятем. Таким же образом и теперь вы не упоминаете ни слова ни о его фамилии, ни о его звании и чине».

[1] См. ***1832. Апреля 27. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 10. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 12. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КАЗАНЬ

Е. А. Боратынский пишет И. В. Киреевскому в Москву:

«“Вечера на Диканьке”, без сомнения, показывают человека с дарованием. Я приписывал их <А. А.> Перовскому, хоть я вовсе в них не узнавал его. В них вообще меньше толку и больше жизни и оригинальности, чем в сочинениях сего последнего. Молодость Яновского служит достаточным извинением тому, что в его повестях есть неполного и поверхностного. Я очень рад буду с ним познакомиться».

Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 751.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА – АПРЕЛЯ СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возможное мимолетное знакомство Гоголя с А. С. Хомяковым.

См. ***1832. Января 27. Среда. Москва.***

МАРТ – АПРЕЛЯ СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает Е. А. Боратынскому «Вечера на хуторе близ Диканьки».

См. ***1832. Апреля конец – мая начало. Казань.***

АПРЕЛЯ 16. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку извещает о получении от нее двух писем, отправленных в марте. Одобряет скорое заключение брака сестры Марии, желает молодым «быть вечно довольными друг другом и вечно довольными своим состоянием»: «Это первое условие счастливого брака». Опровергает слухи о появлении кометы в Петербурге:

«Кто-то, я воображаю, трудится в Полтаве над выдумкою всех этих вздоров? Я думаю, люди всё значительные: правитель губернаторской канцелярии[1], губернский стряпчий[2], прокурор[3]. А Марья Васильевна Клименко[4], верно, развозит всё это, как запечатанные письма по провинциям».

[1] Секретарем полтавского губернатора П. И. Могилянского был в то время титулярный советник Иван Степанович Гординский. – Ср. ***1792. Август (?). Полтава.***

[2] Стряпчими при полтавском губернском прокуроре были в то время: по казенным делам – И. В. Збуровский; по уголовым – Н. Т. Гак.

[3] И. И. Гуржеев.

[4] См. также ***1831. Февраля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 17. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет Петру П. Косяровскому:

«С душевной радостью читала я приписку вашу в письме Степана Меркуриевича[1], мой милой друг и брат! Вообразите, что я с тех пор, как получила, что у вас приготовляются к большому сражению[2], с тех пор до сего дня не имела никакого от вас известия и не думала уже в сем мире еще с вами увидеться... <...> По воле Божией у меня теперь перемена в семействе: дочь моя Машинька вышла замуж[3] за уроженца краковского, служащего в Полтаве землемером[4], а со временем переменит свою службу; человек он очень доброй и любит свою жену как нельзя уже больше. Никоша мой довольно часто утешает меня своими отзывами и при каждом почти присылает нам что-нибудь из своих трудов».

Свод. Т. 1. С. 109.

[1] Яновский, сын иерея Меркурия Кирилловича Яновского, племянника А. Д. Гоголя-Яновского. – Ср. ***1828. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка*** (примечание).

[2] Возможно, имеется в виду штурм Варшавы 25–26 августа 1831 г. На письме имеется отметка о получении: «Майя 16-го 1832. *В Варшаве*».

[3] Т. е. на днях выходит замуж – и к моменту получения письма уже будет в браке (см. ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка***).

[4] П. О. Трушковский служил в Полтаве землемером с 1830 по 1836 г. См.: «Полтавская губерния. <...> В Полтаве. <...> В Нижнем Земском Суде: <...> Землемер, Павел Осип<ович> Трушковский» (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1830. СПб., <1830>. Ч. 2. С. 299); «Полтавская губерния. <...> В Полтаве.

<...> В Земском Суде: <...> Землемер, 14 кл<асса> Павел Осип<ович> Трушковский» (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 2. С. 330).

АПРЕЛЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь устраивает встречу с нежинскими приятелями. Знакомится с А. В. Никитенко. На встрече, возможно, присутствует знакомый Гоголя по Нежину Н. Д. Белозерский.

А. В. Никитенко 22 апреля 1832 г. записал в дневнике: «Был на вечере у Гоголя-Яновского, автора весьма приятных, особенно для малороссиянина, "Повестей пасечника Рудаго Панька". Это молодой человек лет 26-ти, приятной наружности. В физиономии его, однако, доля лукавства, которое возбуждает к нему недоверие. У него застал я человек до десяти малороссиян, все почти воспитанников Нежинской гимназии. Между ними никого замечательного. Ромашевич <В. И. Любич-Романович>, правда, не без дарований, но, вспыхнув маленьким огоньком, он уже быстро гаснет»[1].

Н. Д. Белозерский, вспоминая о Гоголе, сообщал П. А. Кулишу, что «они встретились, уже как старые знакомые[2], в Петербурге, в эпоху "Вечеров на хуторе" и "Миргорода"»: «Белозерский нашел Гоголя уже приятелем Пушкина и Жуковского... <...> Это была самая цветущая пора в характере поэта. Он писал все сцены из воспоминаний родины, трудился над "Историею Малороссии" и любил проводить время в кругу земляков. Тут-то чаще всего видели его таким оживленным, как рассказывает г. Гаевский, в своих "Заметках для биографии Гоголя". <...> Гоголь отличался тогда щеголеватостью своего костюма, которым впоследствии начал пренебрегать, но боялся холоду и носил зимою шинель, плотно запахнув ее и подняв воротник обеими руками выше ушей»[3].

В. П. Гаевский в упомянутой статье сообщал: «По словам одного из товарищей Гоголя, В. М. П—ки, жившего с ним несколько времени в Петербурге, не было человека скрытнее Гоголя: по словам его, он умел сообразить средство с целью, удачно выбрать средство и самым скрытным образом достигать цели. <...> По временам только он предавался порывам неудержимой веселости и являлся таким, как представляют себе его, судя по произведениям, все не знавшие его лично. В эти редкие минуты он болтал без умолку, острота следовала за остротою, и веселый смех его слушателей не умолкал ни на минуту»[4].

[1] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726.
[2] См. ***Около 1827. Нежин.***
[3] Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 643.
[4] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 328.

АПРЕЛЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Свадьба Марии Васильевны Гоголь и Павла Осиповича Трушковского[1].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Помню по рассказам, как сестра моя замуж выходила. Соседка наша Клеменкова[2], имела двух дочерей. Одна — молодая вдовушка, другая — девица. К ним ездил Трушковский, лет 22, очень красивый. Но Клименкова боялась, чтобы ее дочери не влюбились в него, а тем более, что он не имел никаких средств к жизни, кроме службы в чертежной; вот она и придумала, как от него отвязаться, и привезла к моей матери. Тогда сестре было 19 лет. И так он пристал к нам, и сестра влюбилась в него. Мать была против него и ужасно не хотела ее отдавать, а тем более за поляка, но что было между ними — не знаю. Потому ли, что сестра сказала ей: "Вы потому не хотите, чтобы я выходила замуж, что боитесь быть бабушкой"[3], — не знаю, но свадьба состоялась. Они остались жить у нас, потому что у него не было средств даже квартиру нанять. Он ездил на службу в Полтаву, а большую часть жил у нас. Завел парники и виноград и табачную плантацию, — помню, как я ему помогала листья расправлять, — после затеял

кожевенную фабрику[4], ввел мать в долги (ей пришлось продать свой хутор в Кременчугском уезде, такой, как Косяровщина, который ей достался в приданое, кроме того, заложили половину Васильевки), и на этой фабрике прогорел»[5].

[1] Письмо М. И. Гоголь-Яновской к А. А. Трощинскому от 10 мая 1832 г. (*Виноградов Г. С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 21).

[2] См. также ***1831. Февраля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] 6 февраля 1832 г. Гоголь писал матери: «Очень рад счастью моей сестры и вижу в вас настоящую мать, которую скоро будут приводить в пример везде, умевшую восторжествовать над мелочным честолюбием и сребролюбием, пренебречь ими для истинного счастия. Должно однако ж признаться, маминька, что у вас дети пренегодные. Например, хотя бы и старшая ваша дочь: она готовится вам сделать самый неприятный комплимент, несноснее которого нет для женщины, еще далеко не достигшей возраста старух: что, ежели она, года через два, поздравит вас бабушкою?»

[4] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 196.

АПРЕЛЯ 26. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает А. С. Данилевскому в Пятигорск сюртук с жилетом и сообщает, что сильно «похудел»:

«Сей час только что принесли мне от Руча твой модный сюртук[1]. Мерка у него твоя была в сохранности, и он уверяет, что совершенно сделал по ней. <...> ...Я слишком теперь стал тебя тонее. <...> Твой сюртук на меня так широк, как халат».

[1] См. ***1832. Марта 30. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 27. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее письма (от 3 апреля[1]). Желает, чтобы избранный матерью новый управляющий имением обладал всеми необходимыми достоинствами:

«...Хорошие управители такая редкость, какой почти невозможно отыскать. Иной бывает добр и имеет много совести, но зато мало понимает свое дело; другой знает свое дело, но зато плут. Дай Бог, чтобы ваш не походил ни на того, ни на другого...»

Сожалеет, что за недостатком времени не может отвечать на письмо П. О. Трушковского (мужа сестры Марии), так как свое письмо посылает с оказией — с «нашим добрым соседом» А. В. Капнистом. Просит мать сообщить ему новости о Е. И. Ходаревской.

[1] См. ***1832. Апреля 3. Вербное воскресенье. Васильевка.***

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. КАЗАНЬ

Е. А. Боратынский пишет И. В. Киреевскому в Москву:

«Я очень благодарен Яновскому за его подарок. Я очень бы желал с ним познакомиться. Еще не было у нас автора с такою веселою веселостью, у нас на севере она великая редкость. Яновский — человек с решительным талантом. Слог его жив, оригинален, исполнен красок и часто вкуса. Во многих местах в нем виден наблюдатель, и в повести своей "Страшная месть" он не однажды был поэтом. Нашего полку прибыло: это заключение немножко нескромно, но оно хорошо выражает мое чувство к Яновскому».

Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 751.

МАЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя, которые он, возможно, отмечает в кругу школьных друзей.

См. ***1830. Мая 9. Пятница. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***

МАЯ. 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь в день именин сына посылает ему письмо в Петербург.

См. ***1832. Июня 9. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАЯ 12. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сожалеет, что посланные башмаки[1] оказались велики. Посылает ей и сестре Марии «по две пары»: «Эти поменьше и должны быть вам в пору...» Возвращает сестре старое платье (присланное, вероятно, для определения размера) и посылает новое.

[1] См. ***1832. Марта 25. Пятница. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

МАЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович подает прошение инспектору русской труппы А. И. Храповицкому:

«Желая устроить домашние обстоятельства, касательно раздела с братом моим[1] доставшегося нам от покойного родителя[2] имения, я покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство исходатайствовать мне у Его сиятельства господина директора увольнение на три месяца для поездки в Нежин Черниговской губернии».

Супронюк О. К. Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112.

[1] В. Я. Прокопович.
[2] Я. С. Прокопович умер в 1828 г. (см. ***1828. Июнь. Нежин***).

ИЮНЯ НАЧАЛО. ПОКЛОННАЯ ГОРА, БЛИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Гоголь снял двухэтажный домик на даче Гинтера, близ Поклонной горы. Дал объявление в газете об отдаче в наем половины дачи и сдал нижний этаж некоему Половинкину. Вынашивает планы перестройки «нового» (начатого в 1823 г.[1]) дома в Васильевке.

Н. Д. Белозерский рассказывал П. А. Кулишу о Гоголе: «В то время переменчивость в настроении его души обнаруживалась в скором созидании и разрушении планов. Так однажды весною он объявил, что едет в Малороссию, и, действительно, совсем собрался в дорогу. Приходят к нему проститься и узнают, что он переехал на дачу. Н. Д. Белозерский посетил его в этом сельском уединении. Гоголь занимал отдельный домик с мезонином, недалеко от Поклонной горы, на даче Гинтера.

– Кто же у вас внизу живет? – спросил гость.

– Низ я нанял другому жильцу, – отвечал Гоголь.

– Где же вы его поймали?

– Он сам явился ко мне, по объявлению в газетах. И еще какая странная случайность! Звонит ко мне какой-то господин. Отпирают.

– Вы публиковали в газетах об отдаче в наем половины дачи?

– Публиковал.

– Нельзя ли мне воспользоваться?..

– Очень рад. Не угодно ли садиться? Позвольте узнать вашу фамилию.

– Половинкин.

– Так и прекрасно! вот вам и половина дачи. – Тотчас без торгу и порешили.

Через несколько времени г. Белозерский опять посетил Гоголя на даче и нашел в ней одного г. Половинкина. Гоголь, вставши раз очень рано и увидев на термометре 8 град<усов> тепла, уехал в Малороссию, и с такою поспешностью, что не сделал даже никаких распоряжений касательно своего зимнего платья, оставленного в комоде. Потом уж он писал из Малороссии[2], к своему земляку Белозерскому, чтоб он съездил к Половинкину и попросил его развесить платье на свежем воздухе. Белозерский отправился на дачу и нашел платье уже развешенным»[3].

Кулиш, опубликовавший воспоминания Белозерского, добавлял, что в 1832 г. Гоголь делился с последним желанием «построить дом, в котором зала входила бы глубоко между других комнат и была бы почти темною», что создавало бы прохладу летом и делало гостиную удобной для бесед[4].

[1] См. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Июля конец. Васильевка.***

[3] Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 643.

[4] См. ***1830. Января 5. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокоповичу предоставлен, по его прошению[1], отпуск на три месяца (начиная с 3 июня 1832 г.)[2].

О своем отъезде Прокопович около того же времени известил Гоголя[3].

[1] См. ***1832. Мая 30. Понедельник. День Святого Духа. Санкт-Петербург.***

[2] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112. – См. также ***1832. Сентября 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1832. Июня 15. Среда. Санкт-Петербург***; ***1832. Июля 8. Пятница. Подольск.***

ИЮНЯ 3. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение книги В. А. Ушакова «Досуги инвалида» (М., 1832), с крупной надписью на шмуцтитуле: «ПОСВЯЩАЮТСЯ ДИКАНЬСКОМУ ПАСИЧНИКУ РУДОМУ ПАНЬКУ». В предисловии автор писал:

«Повести <...> посвящены вам, почтеннейший Панько, яко умнейшему из всех Малороссийских, да едва ли и не Великороссийских рассказчиков! Читайте на здоровье, или сна ради! Но не взыщите. Я не могу писать так умно, как вы пишете».

<*Ушаков В. А.*> Досуги инвалида. М., 1832. Ч. 1. С. VII.

ИЮНЯ 9. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь подает на имя статс-секретаря Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгинова прошение о предоставлении отпуска:

«Будучи в необходимости ехать по домашним обстоятельствам в имение мое, находящееся в Полтавской губернии Миргородского повета, покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать снабдить меня надлежащим отпуском на каникулярное время».

В тот же день Гоголь писал матери, что живет на даче; сообщал о получении от нее письма (от 9 мая[1]) и обещал приехать домой:

«Благодарю вас за то, что ели пирог на моих именинах и желали совокупно мне здоровья. Я сам бы очень рад был провесть этот день с вами, тем более, что совершенно не помню, когда мы проводили его вместе. Да как кажется, то я весною никогда почти не бывал с вами. <...> ...В будущем месяце, может быть, увижусь с вами...»

[1] См. ***1832. Мая. 9. Понедельник. День памяти св. Николая Мирликийского. Васильевка.***

ИЮНЯ 10. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института Л. К. Вистенгаузен препроводила прошение Гоголя об отпуске[1] Н. М. Лонгинову:

«Учитель истории в Патриотическом Институте 14 класса[2], Николай-Гоголь-Яновский, желая воспользоваться наступающим вакантным от учения временем, просит об увольнении на сие время в отпуск Полтавской губернии в Миргородский повет, с выдачею надлежащего паспорта»[3].

[1] См. ***1832. Июня 9. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 737.

ИЮНЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рукою Н. М. Лонгинова на прошении Гоголя об увольнении в отпуск[1] написана резолюция Императрицы Александры Феодоровны: «Высочайше уволен»[2].

[1] См. ***1832. Июня 9. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1832. Июня 10. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 737.

ИЮНЯ 15. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет в Пятигорск письмо к А. С. Данилевскому, где цитирует, по поводу любовного увлечения друга, эпиграмму А. С. Пушкина «К NN»[1]; предлагает встретиться с приятелем в июле на родине[2]:

«Счастлив ты в прелестных... Ты Сенпри в карикатурах. Желалось бы мне поглядеть на тебя. Да нельзя ли это сделать таким образом, чтобы мы выехали один другому навстречу; сборное место положить хотя в Толстом или в Васильевке. Наши нежинцы почти все потянулись на это лето в Малороссию, даже Красненькой <Н. Я. Прокопович> уехал[3]. А в июле месяце, если бы тебе вздумалось заглянуть в Малороссию, то застал бы и меня, лениво возвращающегося с поля от косарей, или беззаботно лежащего под широкою яблоней без сюртука, на ковре, возле ведра холодной воды со льдом и проч. Приезжай!.. <...> Письма можешь адресовать мне в Полтаву, а оттуда в Васильевку».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «К страсти Данилевского Гоголь относился с какой-то шутливой иронией. <...> К таким бесцеремонным выходкам нельзя не отнести, например, применение им к Данилевскому известных стихов Пушкина:

"Счастлив ты в прелестных дурах,
Ты Saint-Priest в карикатурах". <...>

Но не так представлялось дело заинтересованному в нем Данилевскому. Его коробил и отчасти оскорблял слишком шутливый тон приятеля. Особенно задели его за живое <...> шутки относительно "кавказского солнца"[4], когда Гоголь, принимая роль благоразумного скептика, не удовлетворился дифирамбами очаровательной красоте, но по праву дружбы потребовал более существенных и обстоятельных сведений о предмете такой возвышенной страсти, без стеснений называя ее "страстишкой" и выражая юмористическое желание самому "принять на время образ влюбленного и взглянуть на других таким же взором, исполненным сарказма", каким, по его словам, Данилевский смотрел на каких-то мышей, выбегавших на середину его комнаты. (Очевидно, намек на какое-нибудь шутливое сообщение в утраченном письме к Гоголю Данилевского. – А. С. Данилевский не мог, спустя более 50 лет, припомнить эти мелочи. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*)»[5].

[1] См. ***1829. Декабря 29–30. Воскресенье-понедельник. Санкт-Петербург.*** – «Стихи эти были сказаны Пушкиным за два года перед тем об одном знакомом, встреченном им на кавказских водах. Гоголь, без сомнения, знал, и к кому они относятся; знал это и А. С. Данилевский, но, к сожалению, во время моего непродолжительного пребывания у него не мог припомнить, – к кому именно» (примеч. В. И. Шенрока); «А. С. Данилевский знал, к кому Пушкин обращался в этих стихах, но во время моего свидания с ним не мог припомнить имени» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 215).
[2] См. ***1832. Июля конец – октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Толстое.***
[3] См. ***1832. Июня 3. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1832. Января 1. Пятница. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***
[5] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 510.

ИЮНЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Отъезд В. А. Жуковского из Петербурга в Германию.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 319. – См. также ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ МЕЖДУ 13 И 27. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. М. Лонгиновым выписан паспорт о том, что «предъявитель сего, служащий при состоящем под Высочайшим покровительством Государыни Императрицы Патриотическом Институте учителем 14-го класса[1] Николай Васильевич сын Гоголь-Яновский, вследствие Высочайшего Ее Императорского Величества соизволения, уволен в Полтавскую губернию от сего числа на двадцать восемь дней»[2] (начиная с 1 июля 1832 г.[3]).

[1] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] Точная дата в документе не поставлена; обозначено лишь: «Июня 1832 г.» (Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 737).
[3] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ ОКОЛО ПОНЕДЕЛЬНИКА 27. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вместе с А. А. Божко выехал из Петербурга в Васильевку.

Позднее, в письме к матери из Москвы от 4 июля 1832 г., Гоголь сообщал: «Я ехал день и ночь, потому что товарищ мой, ехавший до Москвы вместе со мною, не имел времени останавливаться».

Имя попутчика Гоголь назвал в письме к Н. Я. Прокоповичу из Подольска от 8 июля 1832 г.: «Я думаю, ты уже слышал от Божка, что путь мой не слишком был благополучен».

Около 20 июля 1832 г. Гоголь писал также из Васильевки в Москву И. И. Дмитриеву: «В дороге занимало меня одно только небо, которое, по мере приближения к югу, становилось синее и синее. Мне надоело серое, почти зеленое северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы».

Впечатления от дороги от Петербурга до Москвы, полученные Гоголем в июне 1832 г., а также в апреле 1835 г., впоследствии легли в основу описания выезда Чичикова из губернского города NN во второй главе первого тома «Мертвых душ».

См. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ КОНЕЦ, НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕТВЕРГА 30. МОСКВА

Гоголь прибыл в Москву проездом в Васильевку. Знакомится с М. П. Погодиным. Говорит с ним о малороссийской истории и своей преподавательской деятельности в Патриотическом институте.

30 июня 1832 г. Погодин сообщал С. П. Шевыреву: «...Нов<остей> лит<ературных> писать не хочется: скоро приедешь[1]. Гоголь-Яновский написал две части повестей малорос<сий-

ских> волшебных – много прекрасного. – Он здесь. И Федор Никол<аевич> Глинка здесь же»[2].

В своем дневнике Погодин записал: «*Июнь* <...> *11 – 7 июля.* <...> Познакомился с рудым пасичником Гогелем Яновским <так в автографе> и имел случай сделать ему много одолжения[3]. Гов<орили> с ним о Малорос<сийской> Истории, и проч. – Большая надежда, если восстановится его здоровье. – Он [большая над<ежда>] рассказал много чудес о своем Курсе Истории в Педаг<огическом> инстит<уте> женском в Петерб<урге>. (Из его воспитанниц нет ни одной неуспевшей.)»[4].

Н. П. Барсуков писал: «Погодин так заинтересовался педагогической деятельностью Гоголя, что тотчас написал Плетневу просьбу прислать ему для просмотра тетради Гоголевых учениц[5] в Патриотическом Институте»[6].

Позднее, по возвращении Гоголя в Петербург, Погодин обратился с такой же просьбой к самому Гоголю[7].

В 1855 г. Погодин сообщал о себе в третьем лице: «Связь П<огодина> с *Гоголем* продолжалась около двадцати пяти лет[8], с первого поступления его на поприще»[9].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «...После издания “Вечеров”, проезжая через Москву[10], где, между прочим, он был принят с большим почетом тамошними литераторами, он чрезвычайно хлопотал на заставе, чтоб прописаться и попасть в Московские Ведомости не “коллежским регистратором”, каковым был, а “коллежским ассесором”. “Это надо”, – говорил он приятелю, его сопровождавшему»[11].

В 1877 г., при переиздании мемуаров Анненкова, слова: «чрезвычайно хлопотал на заставе», – были исправлены: «на заставе устроил дело так». Поправка была сделана М. М. Стасюлевичем, выразившим сомнение в достоверности описанного Анненковым случая. В письме, отправленном Анненкову около 10 августа (н. ст.) 1876 г., Стасюлевич спрашивал: «“Чтобы попасть в Моск<овские> Вед<омости> не коллежским регистратором, *каковым был*, а коллежским ассессором” и т. д. Но это время Г<оголь> был уже адъюнктом университета; да притом и как воспитанник лицея, он не мог быть коллежским регистратором. Тут что-то не ладно, а выходит такая штука, что Гоголь на заставе, будучи кол<лежским> регистрат<ором>, объявил себя коллеж<ским> ассессором. Вот слово в слово у Вас: “Г<оголь> чрезвычайно хлопотал на заставе, чтобы попасть и т. д. см. выше»[12]. В ответ Анненков заявлял: «Позвольте. Не то, что выходит такая штука – будто Гоголь наврал на себя штабский чин, а действительно такая штука вышла в натуре и только осторожный не в меру тон статьи может рождать некоторое сомнение в этом факте. Гоголь подчистил на подорожной предикат “регистратор” и заместил его другим “асесор”. Так он и был припечатан и явился в Москву, где ему была сделана овация – все это принадлежит к началу его карьеры. Адъюнктом Университета он еще не был, а задумывал сделаться им, а что он выпущен из Нежинского лицея, не имевшего всех прав Петербургского – регистратором – это несомненно. Следовало бы автору, конечно, яснее выразиться, да как же говорить о подчистке – ведь это значило бы обвинять в уголовщине, на что я и теперь никак не могу согласиться»[13].

Несмотря на категорическое возражение Анненкова, сообщаемые им в данном случае сведения малодостоверны. Основанием для сообщения мемуариста послужило то, что из нежинской Гимназии высших наук Гоголь, действительно, был выпущен с правом на чин коллежского регистратора (14-го, низшего класса). Как явствует из послужного списка Гоголя, в чине коллежского регистратора он был утвержден 3 июня 1830 г. при прохождении службы в Департаменте уделов[14]. «Коллежским регистраторишкой» и называл Гоголя – уже в период выхода в свет «Ревизора» (1836) – его бывший начальник в Департаменте уделов В. И. Панаев[15] – приходившийся родным дядей И. И. Панаеву, близкому приятелю Анненкова с начала 1830-х гг.[16] (Добавим, что к июню-ноябрю 1830 г. относится подпись Гоголя, сделанная под рисунком неизвестного художника: «Это я, Николай Васильев сын Гоголь-Яновский, – четырнадцатого класса», – которая была вклеена позднее в экземпляр четвертого тома «Сочинений Николая Гоголя» 1842 г. изд.[17]) Однако напрасно было бы искать в «Московских Ведомостях» 1832 г. сообщения о прибывшем в Москву «коллежском ассесоре» Гоголе.

Летом 1832 г. Гоголь действительно состоял еще лишь в звании «коллежского регистратора»[18], хотя, согласно принятому за год перед тем Высочайшему указу, он уже 1 апреля 1831 г. (т. е. спустя лишь три недели после определения его учителем в Патриотический институт 10 марта 1831 г.[19]) получил право на присвоение ему чина титулярного советника (9 класс). (По малодостоверному свидетельству матери Гоголя, именно в этом чине он и приехал на родину в Васильевку в июле 1832 г.[20]) Поскольку в документах Патриотического института Гоголь вплоть до 19 марта 1834 г. продолжал числиться чиновником «14 класса», т. е. коллежским регистратором[21], то, вероятно, чин титулярного советника он получил лишь в конце марта 1834 г[22]. Посылая в

конце апреля – мае 1834 г. П. В. Киреевскому тетради с песнями, Гоголь подписался: «Чыновник 9 клас<с>а Н. Гоголь»[23]. 8 июня 1834 г., Гоголь сообщал М. А. Максимовичу о наличии у него уже следующего, 8 чиновного класса: «Я имею чин коллежского асессора...»[24] (Получение Гоголем нового чина произошло еще до его зачисления адъюнкт-профессором в Петербургский университет 19 июля 1834 г.[25]. 6 ноября 1834 г. он также извещал мать, что с поступлением на службу в университет нового чина не получил: «Вы до сих пор еще не охладели от страсти к чинам и думаете, что я непременно и чин должен получить выше. Ничуть не бывало, я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором и ничего более»[26].)

Тем не менее «хлопотать» о том, чтобы «попасть в «Московские Ведомости» <...> коллежским асессором», Гоголь не мог уже потому, что в газете публиковались лишь сведения о прибытии в Москву (и отъезде оттуда) чиновников, состоявших в более высоком чине, начиная с восьмого[27], – так что имя чиновника девятого класса в любом случае «попасть» в газету не могло.

Недостоверное предание о начинающем карьеру Гоголе – «коллежском регистраторе», тщеславно выдающем себя в 1832 г. за «коллежского асессора», понадобилось Анненкову (который познакомился с Гоголем лишь в 1833 г.) с единственной целью: лишний раз подчеркнуть различие между «ранним» и «поздним» Гоголем. Именно после приведенного рассказа, Анненков заявляет: «Таким был <...> молодой Гоголь! Великую ошибку сделает тот, кто смешает Гоголя последнего периода с тем, который начинал <...> жизнь в Петербурге...»[28]

[1] Из-за границы.

[2] Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 59; Из писем М. П. Погодина // *Свод*. Т. 2. С. 409.

[3] См. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва***.

[4] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 415.

[5] Ответ П. А. Плетнева на эту просьбу Погодина см.: ***1833. Июля средина. Санкт-Петербург***.

[6] *Барсуков*. 1891. Кн. 4. С. 113.

[7] См. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург***; ***1833. Февраля 20. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[8] Ср. ***1829. Июня после 5. Санкт-Петербург***.

[9] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 274.

[10] Гоголь вместе с А. А. Божко выехал из Петербурга на родину около 27 июня 1832 г.; прибыл с ним в Москву около 30 июня и пробыл здесь до 7 июля 1832 г.

[11] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 437.

[12] *Свод*. Т. 3. С. 540.

[13] Из писем П. В. Анненкова // *Свод*. Т. 3. С. 537.

[14] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***.

[15] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[16] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1846. Октября 23 <ноября 4>. Среда. Санкт-Петербург***.

[17] См. ***1830. Июня 3 – ноября 29. Санкт-Петербург***.

[18] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург***.

[19] См. ***1831. Марта 10. Вторник. Санкт-Петербург***.

[20] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[21] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. В течение года. Санкт-Петербург***.

[22] См. также ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[23] См. ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***.

[24] См. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург***.

[25] См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург***.

[26] См. ***1834. Ноября 6. Вторник. Санкт-Петербург***. См. также ***1834. Июля 24. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[27] См.: Известие о приехавших в сию Столицу и выехавших из иной восьми классах Особах // Московские Ведомости. 1832. 29 июня. № 52. С. 2308; Известие о приехавших в сию Столицу и выехавших из иной восьми классах Особах // Московские Ведомости. 1832. 2 июля. № 53. С. 2356; Известие о приехавших в сию Столицу и выехавших из иной восьми классах Особах // Московские Ведомости. 1832. 6 июля. № 54. С. 2404; Известие о приехавших в сию Столицу и выехавших из иной восьми классах Особах // Московские Ведомости. 1832. 9 июля. № 54. С. 2449.

[28] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 437.

ИЮЛЯ 2. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин знакомит Гоголя с Аксаковыми.

В 1854 г. С. Т. Аксаков вспоминал: «В 1832 году Г<оголь> говорил Константину <Аксакову>: "Я был сперва толстяк, а теперь болен"»[1].

В «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксаков также писал: «В 1832 году, кажется весною, когда мы жили в доме Слепцова на Сивцевом Вражке, Погодин привез ко мне в первый раз, и совершенно неожиданно, Николая Васильевича Гоголя. "Вечера на Хуторе близ Диканьки" были давно уже прочтены, и мы все восхищались ими. Я прочел, впрочем, "Диканьку" нечаянно: я получил ее из книжной лавки, вместе с другими книгами, для чтения вслух моей жене[2], по случаю ее нездоровья. Можно себе представить нашу радость при таком сюрпризе. Не вдруг узнали мы настоящее имя сочинителя; но Погодин ездил зачем-то в Петербург, узнал там, кто такой был "Рудый Панько", познакомился с ним[3] и привез нам известие, что "Диканьку" написал Гоголь-Яновский, и так это имя было уже нам известно и драгоценно.

По субботам постоянно обедали у нас и проводили вечер короткие мои приятели. В один из таких вечеров[4], в кабинете моем, находившемся в мезонине, играл я в карты в четверной бостон, а человека три не игравших сидели около стола. В комнате было жарко, и некоторые, в том числе и я, сидели без фраков. Вдруг Погодин, без всякого предуведомления, вошел в комнату с неизвестным мне очень молодым человеком, подошел прямо ко мне и сказал: "Вот вам Николай Васильевич Гоголь!" Эффект был сильный. Я очень сконфузился, бросился надевать сюртук, бормоча пустые слова пошлых рекомендаций. Во всякое другое время я не так бы встретил Гоголя. Все мои гости (тут были П. Г. Фролов[5], М. М. <Карниолин>-Пинский и П. С. Щепкин[6] – прочих не помню) тоже как-то озадачились и молчали. Прием был не то что холодный, но конфузный. Игра на время прекратилась; но Гоголь и Погодин упросили меня продолжать игру, потому что заменить меня было некому. Скоро, однако, прибежал Константин[7], бросился к Гоголю и заговорил с ним с большим чувством и пылкостью. Я очень обрадовался и рассеянно продолжал игру, прислушиваясь одним ухом к словам Гоголя; но он говорил тихо, и я ничего не слыхал.

Наружный вид Гоголя был тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохол на голове, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородок, большие и крепко накрахмаленные воротнички придавали совсем другую физиономию его лицу: нам показалось, что в нем было что-то хохлацкое и плутоватое. В платье Гоголя приметна была претензия на щегольство. У меня осталось в памяти, что на нем был пестрый светлый жилет с большой цепочкой. У нас остались портреты, изображающие его в тогдашнем виде[8], подаренные впоследствии Константину самим Гоголем.

К сожалению, я совершенно не помню моих разговоров с Гоголем в первое наше свидание; но помню, что я часто заговаривал с ним[9]. Через час он ушел, сказав, что побывает *у* меня на днях, как-нибудь поранее утром, и попросит сводить его к Загоскину, с которым ему очень хотелось познакомиться и который жил очень близко от меня. Константин тоже не помнит своих разговоров с ним, кроме того, что Гоголь сказал про себя, что он был прежде толстяк, а теперь болен; но помнит, что он держал себя неприветливо, небрежно и как-то свысока, чего, разумеется, не было, но могло так показаться. Ему не понравились манеры Гоголя, который произвел на всех без исключения невыгодное, несимпатичное впечатление. Отдать визит Гоголю не было возможности, потому что не знали, где он остановился: Гоголь не хотел этого сказать»[10].

[1] *Аксаков С. Т.* Из истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 656.

[2] О. Сем. Аксаковой.

[3] На самом деле М. П. Погодин познакомился с Гоголем около 30 июня 1832 г., по приезде Гоголя в Москву (см. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва***).

[4] Летом 1832 г. Гоголь прибыл из Петербурга в Москву около 30 июня и 7 июля отправился далее на родину. Из дней, проведенных в Москве, на субботу приходилось 2 июля 1832 г.

[5] Петр Григорьевич Фролов.

[6] «Профессор математики при Моск<овском> Университете. *Ред<актор>*» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 16). Павел Степанович Щепкин (1793–1836), математик.

[7] «Конст. Серг. Аксаков, родившийся в 1817 г. 29 марта. Он в 1832 г. поступил уже в университет, 15-ти лет. *Ред.*» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 16).

[8] Возможно, речь идет о литографии А. Г. Венецианова 1834 г. (см. ***1834. В течение года. Санкт-Петербург***).

[9] В ту пору Гоголь вынашивал замыслы нового сборника, получившего впоследствии название «Миргород». Его остановки в Москве в 1832 г. – и тогдашнее общение с москвичами – пришлись кстати для созревания замысла этого сборника. Хотя название своей новой книге Гоголь дал по имени уездного города в Полтавской губернии – где находилось его родовое имение; хотя самую основу новых произведений – повестей «Старосветские помещики», «Тарас Бульба» и др. – составили размышления писателя о прошлом и настоящем родного края (и непосредственные впечатления от родных мест), – однако какие-то черты попали на страницы «малороссийского» «Миргорода» и из московского быта. По воспоминаниям современников и наблюдениям исследователей, можно заключить, что именно рассказы С. Т. Аксакова и М. С. Щепкина, сама обстановка московской жизни, во многом напомнившая Гоголю родной малороссийский быт, послужили ему материалом для создания первой повести миргородского цикла – «Старосветские помещики». Критик В. Н. Майков позднее указывал на близкое сходство содержания этой повести с мемуарным рассказом С. Т. Аксакова о патриархальном, «старосветском» семействе оренбургских помещиков Угличаниных – родственников Аксакова, с которыми тот встречался в 1800–1820-х годах (см.: *Майков В.* Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаков. К истории литературных влияний. СПб., 1892. С. 3–9). Этот рассказ был напечатан много лет спустя, в 1856 г., в аксаковских «Воспоминаниях». В свою очередь Гоголь своими произведениями оказал значительное влияние на С. Т. Аксакова. В 1902 г. Д. П. Шестаков, говоря о творчестве Аксакова, замечал по поводу «Старосветских помещиков»: «Заслугой Гоголя перед родной литературой останется и то, что он подсказал старику Аксакову создание *Семейной хроники*» (*Шестаков Д. П.* Личность и творчество Гоголя. Казань, 1902. С. 9). И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях» также замечал: «Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом. Они вывели его из рутины старой литературной школы (он принадлежал к самым записным литераторам-рутинерам) и пробудили в нем новые, свежие силы для будущей деятельности. Без Гоголя Аксаков едва ли бы написал "Семейство Багровых"» (см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***). Сам Аксаков признавался, что своим развитием как писателя он обязан влиянию двух лиц – сына Константина и Гоголя. Несомненно и обратное влияние – С. Т. Аксакова на Гоголя. Беседы Аксакова с Гоголем на протяжении многих лет (в первой и второй половине 1830-х, зимой 1841/42, в конце 1840-х – начале 1850-х гг.) вызвали к жизни целый ряд других книг Аксакова – содержание которых было заимствовано из той же патриархальной поместной жизни: «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855). Материалы всех этих книг первоначально появлялись в записных книжках и художественных созданиях Гоголя – в «Миргороде» , «Женихах», «Мертвых душах» – и лишь спустя несколько лет нашли место в произведениях самого Аксакова.

Так, в комедии «Женихи» (1833) встречается, в частности, слово «кулебяка», по-видимому, почерпнутое Гоголем в 1832 г. в Москве у Аксакова. Беседы с Аксаковым послужили также Гоголю основой для упоминания в «Вии» в 1834 г. о рыбной ловле, об охоте на «стрепетов», «крольшнепов» и «дроф», а также для замечания в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» об охоте героя, Ивана Ивановича, на перепелов «под дудочку» и употребление здесь слова «качка» (утка). – См. также ***1841. Октября после 20 – декабря первая половина. Москва.***

[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>// *Свод.* Т. 2. С. 663–664.

ИЮЛЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что при выезде из Петербурга заболел и задерживается в Москве:

«...Я в Москву приехал нездоровым, <...> здешние врачи[1] советуют мне недельку обождать для совершенного поправления. Итак я теперь не уверен, буду ли у вас, или нет, потому что срок моего отпуска недалеко до окончания своего[2] и мне нужно будет поспешать в Петербург...»

В тот же день в Малом театре М. С. Щепкин играл Фамусова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (в роли Чацкого – П. С. Мочалов)[3].

[1] Имеется в виду Иустин Евдокимович Дядьковский (1784 – 22 июля 1841), врач, профессор Московского университета (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***).
[2] Отпуск Гоголя истекал 28 июля 1832 г. (см. ***1832. Июня между 13 и 27. Санкт-Петербург***).
[3] *Гриц*. С. 183.

ИЮЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь знакомится с И. И. Дмитриевым[1], М. Н. Загоскиным, П. В. Киреевским[2] и, вероятно, с его старшим братом И. В. Киреевским, с М. С. Щепкиным, А. П. Елагиной[3]. Вероятно, у Елагиной знакомится с Д. Н. Свербеевым[4] и, возможно, с князем В. Ф. Одоевским.

Позднее, 9 декабря 1832 г., П. А. Плетнев, со слов Гоголя, сообщал В. А. Жуковскому в Верне: «Гоголь нынешним летом ездил на родину. <...> В Москве он виделся с И. И. Дмитриевым, который принял его со всею любезностию своею»[5].

Отзыв Дмитриева о Гоголе, сразу после их знакомства, передал позднее, в черновой редакции статьи «Иван Иванович Дмитриев» (1866), князь П. А. Вяземский (рукопись носит название «Домашний быт И. И. Дмитриева»): «...Встреча <...> с Гоголем возбуждала в нем <Дмитриеве> даже радость. "О-о! Да он-таки смотрит Гоголем, – сказал он, проводивши почти до дверей <будущего> автора «Мертвых душ», проездом в свою Украину обедавшего у него. – Завтра же пошлю за его сочинениями[6] и перечту их снова. У него и теперь много авторского запаса. Он не говорит *Батёвщина, Лагарповщина*. И Лагарп и Батё[7] имели в свое время и всегда будут иметь свое место. Я благодарен, что меня ознакомили с этим молодым человеком. Я очень доволен, что его узнал: в нем будет прок"»[8].

В 1854 г. П. А. Кулиш, читая в рукописи «Историю нашего знакомства с Гоголем...» С. Т. Аксакова, записал: «В 1832 году <после 2 июля>[9] Г<оголь> <...> С<ергею> Тим<офееви>чу сказал, что он болен неизлечимо и что болезнь его находится в кишках, хотя казался здоровым. Уже в 1832 году в ответ на замеч<ание> С<ергея> Т<имофеевича>, что писать нашему комику не о чем, что в свете все однообразно, гладко, прилично и пусто, он сказал, что это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим, но что если художник перенесет его в искус<с>тво, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху»[10].

К 1832 г. относятся первые попытки обращения Гоголя к жанру комедии. После отъезда Гоголя из Москвы критик Н. И. Надеждин 19 августа 1832 г. извещал читателей «Молвы»: «Рудый Пасочник, которого прекрасные малороссийские сказки приняты были с особенным удовольствием, недавно проехал чрез Москву на свою родину <...> Кроме повестей, у старика замышлено нечто важнейшее, но мы, опасаясь, чтоб он не обвинил москалей в нескромности, умалчиваем до времени»[11].

Летом 1832 г. датируется черновой набросок «Комед<ия>» («Матер<иалы> общие», «Матер<иалы> частн<ые>»)[12]. К тому же времени относятся строки чернового наброска Гоголя на отдельном листе к «Отрывку из Истории Малороссии»[13] (позднейшее название – «Взгляд на составление Малороссии»): «Особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам. С начала весны все девки и парни выходят на улицу из хат и поют приветствия весне. Улица делается всеобщим собранием. Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство (о свадьбах). Человек ничего так не боится, как стыда». Последние строки позволяют судить, что Гоголь имеет здесь в виду свадебные обычаи козаков, описанные Г. де Бопланом[14]. Свой рассказ о малороссийской свадьбе Боплан заключает: «Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна; но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются оне, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения»[15]. По-видимому, с размышлениями 1832 г. связаны также позднейшие строки Гоголя в «Театральном разъезде...» (1842): «...Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Через несколько дней[16], в продолжение которых я уже предупредил Загоскина, что Гоголь хочет с ним познакомиться и что я приведу его к нему, явился ко мне довольно рано Николай Васильевич. Я обратился к нему с искренними похвалами его "Диканьке"; но, видно, слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и он принял их очень сухо. Вообще в нем было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искреннего излияния и увлечения, к которым я способен до излишества. По его просьбе мы скоро пошли пешком к Загоскину. Дорогой он удивил меня тем, что начал жаловаться на свои болезни (я не знал тогда, что он говорил об этом Константину) и сказал даже, что болен неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоверчивыми глазами, потому что он казался здоровым, я спросил его: "Да чем же вы больны?" Он отвечал неопределенно и сказал, что причина болезни его находится в кишках. Дорогой разговор шел о Загоскине. Гоголь хвалил его за веселость, но сказал, что он не то пишет, что следует, особенно для театра. Я легкомысленно возразил, что у нас писать не о чем, что в свете все так однообразно, гладко, прилично и пусто, что

Даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой[17].

Но Гоголь посмотрел на меня как-то значительно и сказал, что "это неправда, что комизм кроется везде, что, живя посреди него, мы его не видим; но что, если художник перенесет его в искусство, на сцену, то мы же сами над собой будем валяться со смеху и будем дивиться, что прежде не замечали его". Может быть, он выразился не совсем такими словами, но мысль была точно та. Я был ею озадачен, особенно потому, что никак не ожидал ее услышать от Гоголя. Я заметил, что русская комедия его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взгляд на нее. Надобно сказать, что Загоскин, также давно прочитавший "Диканьку" и хваливший ее, в то же время не оценил вполне; а в описаниях украинской природы находил неестественность, напыщенность, восторженность молодого писателя; он находил везде неправильность языка, даже безграмотность. Последнее очень было забавно, потому что Загоскина нельзя было обвинить в большой грамотности. Он даже оскорблялся излишними, преувеличенными, по его мнению, нашими похвалами. Но по добродушию своему и по самолюбию человеческому ему приятно было, что превозносимый всеми Гоголь поспешил к нему приехать. Он принял его с отверстыми объятиями, с криком и похвалами; несколько раз принимался целовать Гоголя, потом кинулся обнимать меня, бил кулаком в спину, называл хомяком, сусликом и пр. и пр.; одним словом, был вполне любезен по-своему. Загоскин говорил без умолку о себе: о множестве своих занятий, о бесчисленном количестве прочитанных им книг, о своих археологических трудах, о пребывании в чужих краях (он не был далее Данцига), о том, что он изъездил вдоль и поперек всю Русь и пр. и пр. Все знают, что это совершенный вздор и что ему искренно верил один Загоскин. Гоголь понял это сразу и говорил с хозяином, как будто век с ним жил, совершенно в пору и в меру. Он обратился к шкафам с книгами... Тут началась новая, а для меня уже старая история: Загоскин начал показывать и хвастаться книгами, потом табакерками и, наконец, шкатулками. Я сидел молча и забавлялся этой сценой. Но Гоголю она наскучила довольно скоро: он вдруг вынул часы и сказал, что ему пора итти, обещал еще забежать как-нибудь и ушел.

"Ну что, – спросил я Загоскина, – как понравился тебе Гоголь?" – "Ах, какой милый, – закричал Загоскин, – милый, скромный, да какой, братец, умница!"... и пр. и пр.; а Гоголь ничего не сказал, кроме самых обиходных, пошлых слов.

В этот проезд Гоголя из Полтавы в Петербург[18] наше знакомство не сделалось близким»[19].

Спустя полторы недели после отъезда Гоголя из Москвы[20], 18 июля 1832 г., Н. М. Языков, вероятно, со слов Д. Н. Свербеева, сообщал брату А. М. Языкову: «Свербеев познакомился с двумя петербургскими литераторами, проезжавшими через Москву: с князем Одоевским и с Гоголем»[21].

В 1870 г. Свербеев вспоминал: «...Еще гораздо прежде моего приезда в Москву <в 1826 г.> составился литературный кружок, который еженедельно сходился у Красных ворот, в доме Елагиных. Авд. Петр. Елагина, урожденная Юшкова, родственница и друг Жуковского, была мать

служивших в архиве братьев Киреевских. Почетными посетителями ее гостиной, кроме архивных юношей, товарищей ее сыновей и друзей по литературе и философии, бывали нередко: Нестор русских писателей И. И. Дмитриев, Михаил Александрович Салтыков, М. Ф. Орлов и наезжавшие по временам в Москву Вяземский, Жуковский и А. И. Тургенев, всюду известный своим обширным образованием и европейскими учеными и общественными связями. Там бывал и Пушкин уже после своего *Бориса Годунова,* и в первый раз явился там Гоголь еще до *Ревизора*»[22].

П. И. Бартенев в 1877 г. писал о Елагиной: «...В хозяйке дома было что-то примиряющее, безотносительно высокое и общее людям обоих направлений. У нее бывали и менялись мыслями А. И. Тургенев, Гоголь, Хомяков, Погодин, Шевырев, Вигель, Иноземцев[23], Редкин, Н. Ф. Павлов, Мельгунов[24], М. А. Дмитриев, Крюков, Огарев[25], Сатин. <...> Поколение, явившееся на смену спутников ее молодости, сверстники и товарищи младших сыновей ее <В. А., Н. А. и А. А. Елагиных> — Валуев, Кавелин, А. Н. Попов, А. П. Ефремов, Вас. А. Панов, Стахович, отец и братья Аксаковы, братья Бакунины, Ф. В. Чижов, Ю. Ф. Самарин, князь Черкасский[26] — любили пользоваться ее беседою»[27].

К. Д. Кавелин в мемуарном очерке-некрологе об А. П. Елагиной, опубликованном 7 июля 1877 г. в газете «Северный Вестник», сообщал: «1835 года в салоне Елагиных появились новые лица — некоторые из молодых профессоров Московского университета, недавно возвратившиеся из-за границы и вдохнувших в университет новую жизнь <имеются в виду Н. И. Крылов, Д. Л. Крюков, П. Г. Редкин, А. И. Чивилев и С. И. Баршев>. То было время его процветания и небывалого блеска. В 1838 году <вероятнее, в 1832> с Елагиными познакомился Гоголь, а в сороковых годах салон Авдотьи Петровны стали посещать Герцен, Ю. Ф. Самарин, Аксаковы, Сергей Тимофеевич и Константин Сергеевич, Н. П. Огарев, Н. М. Сатин»[28].

Из воспоминаний А. Д. Галахова (1892): «Самые образованные семейства, жившие в Москве, интересовались нашим великим юмористом, ценили его талант и входили с ним в близкие отношения. Таковы были семейства С. Т. Аксакова и А. П. Елагиной, матери Киреевских, великой поклонницы немецкой поэзии. В один из своих визитов Гоголь застал ее за книгой. «Что вы читаете?» — спросил он. «Балладу Шиллера "Кассандра"». — «Ах, прочтите мне что-нибудь, я так люблю этого автора»[29]. — «С удовольствием», — и Гоголь внимательно выслушал «Жалобу Цереры» и «Торжество победителей». Вскоре после того он уехал за границу[30], где и пробыл не малое время. Возвратясь, он явился к Елагиной[31] и застал ее опять за Шиллером. Выслушав рассказ о его путешествии и заграничной жизни, она обращается к нему с предложением прочесть что-нибудь из Шиллера: «Ведь вы так любите его». — «Кто? я? Господь с вами, Авдотья Петровна: да я ни бельмеса не знаю по-немецки; ваше чтение будет не в коня корм». Любопытно бы знать, для чего притворялся или просто лгал человек»[32].

В 1864 г. А. Н. Афанасьев, со слов М. С. Щепкина[33], сообщал: «Знакомство М<ихаила> С<еменови>ча с Гоголем началось довольно оригинально. По приезде в Москву в 1832 году Гоголь, желая видеть знаменитого артиста, явился к нему в дом и застал многочисленное его семейство за обедом. Он вошел в залу с этими словами малороссийской песни:

"Ходыть гарбуз по городу,
Пытаетця свого роду:
Чи вы живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?"

В то время Гоголь еще был далек от тех мрачных аскетических взглядов на жизнь, которые впоследствии изменили его характер и так много повредили его творческому таланту; он бывал шутливо весел, любил вкусно и плотно покушать, и нередко беседы его с М<ихаилом> С<еменовиче>м склонялись на исчисление и разбор различных малороссийских кушаньев. Винам он давал названия *квартального* и *городничего,* как добрых распорядителей, устрояющих и приво-

дящих в набитом желудке все в должной порядок; а жженке, потому что зажженная она горит голубым пламенем, давал имя Бенкендорфа. "А что? – говорил он Щепкину после сытного обеда, – не отправить ли теперь Бенкендорфа?" – и они вместе приготовляли жженку и любовались ее пламенем[34]. <...>

Гоголь не раз пользовался любопытными рассказами знаменитого артиста, как материалом для своих поэтических созданий. Случай, рассказанный в "Старосветских помещиках", о том, как Пульхерия Ивановна появление одичалой кошки приняла за предвестие своей близкой кончины, взят из действительности. Подобное происшествие было с бабкою М<ихаила> С<еменови>ча. Щепкин как-то рассказал о нем Гоголю, и тот мастерски воспользовался им в своей повести. М<ихаил> С<еменови>ч прочитал повесть и при встрече[35] с автором сказал ему шутя: "А кошка-то моя!" – "Зато коты мои!" – отвечал Гоголь, и в самом деле коты принадлежали его вымыслу»[36].

В ноябре 1852 г. П. А. Кулиш, также со слов Щепкина, записал: «Наевшись струсит, успокоивал себя тем, что отправлял в желудок рюмку *Бенкендорфа*. Так называл он жженку из рому. Синее пламя – мундир.

Гоголь показывал Щепкину обрывки из оберток журнала. Для меня обертка была важнее содержания. – У Щепкина черновые пов<ес>ти»[37].

Н. И. Иваницкий в 1844 г. отметил в своем дневнике: «16 сент<ября>. На прошедшей неделе в пятницу <8 сентября> был у Никитенки и видел Краевского[38]. Никитенко отрекомендовал меня ему. <...> Говорили о Щепкине, который приехал сюда из Москвы. <...> Между прочим, Краевский упомянул, что *Старосветские помещики* Гоголя написаны с рассказа Щепкина»[39].

А. Н. Афанасьев в 1852 г., вскоре после смерти Гоголя, в свою очередь, сообщал: «Гоголь любил хорошенько покушать, пока не впал в монашеское настроение, и часто проводил время в россказнях с М. С. Щепкиным о разного рода малороссийских кушаньях, причем у обоих глаза бывали масляные и на губах слюнки. <...> Кажется, Петух, представленный во 2 т<оме> «Мертвых душ», списан с самого Мих<аила> Семеновича, который любил и поесть и поговорить о еде и который так же толст и на воде не тонет[40], как пузырь»[41].

Позднее, в 1872 г., сын Щепкина, Петр Михайлович[42], рассказывал В. И. Веселовскому[43]: «Мы знали, что Гоголь, бывший профессором Петербургского университета и только что напечатавший "Вечера на хуторе близ Диканьки", приехал в Москву. Это был его первый приезд сюда. Не помню, как-то на обед к отцу собралось человек двадцать пять – у нас всегда много собиралось; стол по обыкновению накрыт был в зале; дверь в переднюю, для удобства прислуги, отворена настежь. В середине обеда вошел в переднюю новый гость, совершенно нам незнакомый. Пока он медленно раздевался, все мы, в том числе и отец, оставались в недоумении. Гость остановился на пороге в залу и, окинув всех быстрым взглядом, проговорил слова всем известной малороссийской песни:

Ходит гарбуз по городу,
Пытается свого роду:
"Ой, чи живы, чи здоровы,
Вси родичи гарбузовы?"[44]

Недоумение скоро разъяснилось – нашим гостем был Н. В. Гоголь, узнавший, что мой отец тоже, как и он, из малороссов.

Н. В. Берг[45] едва ли верно подметил ту черту характера Гоголя, что он был в обществе молчалив и необщителен до странности и оживлялся, только столкнувшись нечаянно с кем-нибудь из малороссов. Гоголь в нашем кружке – а большинство было русское – был всегда самым очаровательным собеседником: рассказывал, острил, читал свои сочинения, никем и ничем не стесняясь. Нелюдимом он являлся только на тех вечерах, которые устраивались так часто *с Гоголем* многими из его почитателей и почитательниц...»[46]

Спустя еще четверть века, в 1900 г., внук Щепкина, Михаил Александрович[47], со слов своего отца А. М. Щепкина[48], также писал: «О первом знакомстве Н. В. Гоголя со Щепкиным отец мой рассказывал так. Как-то все сидели за обедом. Вдруг стукнула дверь из передней в залу, все оглянулись и увидели, что вошел незнакомый господин небольшого роста, в длинном сюртуке; слегка склонив голову набок, с улыбочкой на губах и скороговоркой он проговорил известное четверостишие: "Ходит гарбуз по городу". Вскоре, конечно, все узнали, что это Н. В. Гоголь. Михаил Семенович бросился его обнимать, и все послеобеденное время они просидели вдвоем в диванной, о чем-то горячо беседуя. Гоголь очень часто приезжал к Щепкину и оставался несколько раз ночевать»[49].

Видеть М. С. Щепкина на сцене Гоголь мог еще в отроческом возрасте, когда с августа 1818 по июнь 1819 г. и с весны по август 1820 г. обучался в Полтаве[50]. Именно в 1818 г. Щепкин приехал в Полтаву, где стал ведущим актером театра, директором которого был И. П. Котляревский, содействовавший тогда выкупу Щепкина из крепостного состояния[51].

Позднее Гоголь, по-видимому, не раз видел на сцене Щепкина во время своих четырех проездов через Москву в 1832 и 1835 гг. В 1838 г. анонимный критик, отмечая мастерское исполнение Щепкиным роли Городничего, восклицал: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем»[52]. М. П. Погодин в 1853 г., в свою очередь, замечал: «Выводя на сцену многие действующие лица, Гоголь не имел ли в виду Щепкина?..»[53] 25 мая 1836 г. сам Гоголь писал А. С. Пушкину по поводу первой петербургской постановки «Ревизора», что «воображал» в «коже Щепкина» Бобчинского[54]. А. Н. Афанасьев допускал даже обратное влияние Щепкина на Гоголя, после исполнения актером ролей в гоголевских пьесах: «"Городничий" и другие роли из пиес Гоголя были лучшими в репертуаре Щепкина; здесь вполне выяснился его великий комический талант. Но, с другой стороны, ничто так не раскрыло истинного значения комедий и драматических сцен Гоголя, как превосходная игра Щепкина; поэт нашел в нем гениального объяснителя своих произведений, и едва ли когда выпадало такое счастие на долю другого драматического писателя, при его жизни. Это особенно тесно связывало обоих художников, не говоря уже об их общих симпатиях к Малороссии и ко всему родному»[55].

В своей пьесе, в роли Городничего, Гоголь наблюдал игру Щепкина по крайней мере трижды: 17 октября 1839 г.[56], 22 октября[57] и 11 декабря 1851 г.[58] (Нельзя исключать также, что Гоголь присутствовал на московском представлении пьесы 23 апреля 1840 г., куда, возможно, водил мать с сестрами[59].) В 1839 г., судя по реакции Гоголя, его впечатление от спектакля было сходным с тем, какое он испытал в 1836 г. от петербургской постановки[60]. (Несмотря на то, что Гоголь, возможно, за полмесяца перед спектаклем 1839 г., давал Щепкину ряд указаний к постановке пьесы[61].) Сведениями о том, что Гоголь мог присутствовать на двух представлениях «Ревизора» в Москве в период с 17 октября 1841 по 23 мая 1842 г. (именно 19 декабря 1841 г. и 3 февраля 1842 г.[62]) мы не располагаем. Возможно, памятуя о неприятной истории, случившейся во время спектакля 17 октября 1839 г., Гоголь с новым приездом в Москву предпочел избежать повторения истории. (Известие о том, что в это время Гоголь устраивал для Щепкина, В. И. Живокини и братьев-актеров Горшковых авторское чтение комедии, противоречит свидетельству самого Гоголя, что, «бывши в Москве», он «не мог читать <...> "Ревизора"»[63].) Вероятно, главным образом впечатлениями от спектакля 1839 г. вызваны строки письма Гоголя к Щепкину от 16 декабря (н. ст.) 1846 г. из Неаполя о том, как «нужно будет дать» «Ревизора», для чего Гоголь вновь собирался прочесть Щепкину свою комедию[64]. (Конкретные замечания по поводу исполнения Щепкиным роли Городничего Гоголь высказал в письме к актеру около 10 июля (н. ст.) 1847 г.[65]) Игрой московских актеров 22 октября 1851 г. Гоголь также не был доволен, вследствие чего еще раз устроил для них авторское чтение «Ревизора»[66], а 11 декабря ездил смотреть, насколько его чтение помогло постановке.

Кроме «Ревизора» Гоголь в 1836 г. обещал Щепкину для исполнения на сцене «Женитьбу»[67], которую читал актеру в Москве в августе 1835 г.[68] Работа над комедией затянулась[69] — и в 1838 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Меня ты очень разжалобил Щепкиным. Мне самому очень жалко его. Я о нем часто думаю. Я даже, признаюсь, намерен собрать черновые, какие у меня есть лоскутки истребленной мною комедии и хочу что-нибудь из них для него сшить»[70]. Речь в письме шла, по-видимому, об еще одной незавершенной комедии Гоголя — «Владимир 3-ей степени», с содержанием которой Гоголь познакомил М. С. Щепкина еще в 1832 г.[71] Однако и эта работа шла медленно, и по приезде в Москву осенью 1839 г. Гоголь пообещал Щепкину близкую к окончанию «драму за выбритый ус» (драму «вроде "Тараса Бульбы"» из эпохи Богдана Хмельницкого[72]). В конечном счете к исходу 1839 г. Гоголь предложил Щепкину для его бенефисов три иностранных пьесы, переводы которых обещал исправить сам. Работа над двумя из них была завершена (комедии «Сганарель, или Муж, думающий, что он обманут женою» Мольера и «Дядька в затруднительном положении» графа Дж. Жиро)[73]; обработка последнего, третьего перевода (какой-то пьесы Шекспира) не была, видимо, доведена Гоголем до конца[74].

Наконец, 28 ноября (н. ст.) 1842 г. Гоголь отправил Щепкину письмо, удостоверяющее в том, что «все» «драматические сцены и отрывки, заключающиеся в четвертом томе» гоголевских сочинений 1842 г., принадлежат актеру, и что тот может давать их по своему усмотрению «в свои бенефисы»[75].

Жена Н. М. Щепкина (сына актера)[76] А. В. Щепкина (рожд. Станкевич), познакомившаяся с М. С. Щепкиным в Москве в мае 1845 г., в 1887 г. вспоминала: «Сам М. С. Щепкин развивался одиноко; лишь позднее, в Москве, встретил он круг знакомых, разнообразное развитие которых, конечно, имело влияние и на его дальнейшее развитие. Так, знакомство с Н. В. Гоголем и появление его пьес в русском репертуаре значительно оживило и воскресило М. С. Щепкина, начинавшего хандрить от однообразия своих ролей. <...> Действительно, если он несколько дней сряду играл пустые роли и в пустых пьесах, то впадал в совершенную апатию и мрачно и молча ходил по комнатам. Но хорошая пьеса и хорошая роль могли преобразить М. С. Щепкина. Он оживлялся и начинал много говорить о новой пьесе, о трудных местах своей роли, но они одушевляли его. Так радовался он пьесам Тургенева, так одушевлялся пьесами Гоголя»[77].

В записной книжке 1842–1845 гг.[78] Гоголь написал о Щепкине следующую заметку: «Вмешали в грязь, заставляют играть мелкие, ничтожные роли, над которым<и> нечего дела<ть>. Заставляют то делать мастера, что делают ученики. Это всё равно, что архитектора, который возносит гениально соображенное здание, заставляют быть каменщиком и делать кирпичи». (Размышления о невзгодах актерской профессии Гоголь продолжил в статье *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* «Выбранных мест из переписки с друзьями».)

По словам Н. В. Берга, «Щепкин <...> был один из самых близких к Гоголю людей. Все почти пьесы Гоголя шли в бенефисы Щепкина и потому не дали автору ничего ровно»[79].

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[2] См. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***;. – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[3] Авдотья Петровна Елагина (рожд. Юшкова, в первом браке Киреевская, 1789–1877), мать братьев П. В. и И. В. Киреевских.

[4] Дмитрий Николаевич Свербеев (1799–1874), дипломат, мемуарист, хозяин московского литературного салона.

[5] См. ***1832. Декабря 8. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] Дмитриев прочел тогда «Вечера на хуторе близ Диканьки» (см. ***1832. Сентября 23. Четверг. Васильевка***).

[7] См. также ***1825. Августа вторая половина – декабря 17. Нежин***; ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[8] *Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. С. 115.

[9] См. ниже.

[10] *Аксаков С. Т.* Из истории Нашего Знакомства с Гоголем <1832–1840 гг.>. <Выписки рукою П. А. Кулиша>. <Конец ноября – начало декабря 1854 г.> // *Свод.* Т. 2. С. 656.

[11] Молва. 1832. 19 августа. № 67.

[12] Обозначенное в отрывке «Комедия» «старое правило» («уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанного предмета на огромное расстояние») положено Гоголем в основу целого ряда произведений. Отчетливо эта идея воплощена уже в «Вечере накануне Ивана Купала»: «Уже хотел он было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже...» Это же «правило» позднее, по-видимому, определило сюжет незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени». По воспоминаниям А. Н. Афанасьева, «герой комедии добивается получить Владимирский крест, и судьба несколько раз безжалостно обманывает его чиновничье честолюбие: уже, кажется, все сделано, вот-вот повесят Владимирский крест, а тут как нарочно что-нибудь да помешает. Последняя неудача сводит героя комедии с ума» (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***). Герой «Записок сумасшедшего», замысел которых восходит к «Владимиру 3-ей степени», также замечает: «Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, – срывает у тебя камер-юнкер или генерал». Очевидно, что и судьба Чичикова, все предприятия которого, направленные к обогащению, срываются одно за другим, строится Гоголем в согласии со «старым правилом». «...Как только начинаешь <...> уже касаться рукой <...> вдруг буря, подводный камень, сокрушенье в щепки всего корабля», – говорит Чичиков в заключительной главе второго тома поэмы.

[13] См. также ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания).

[14] Описание Украйны. Соч. *Боплана.* Перевод с французского. СПб., 1832 (цензурное разрешение 27 окт. 1831; издано с обширными примечаниями переводчика Ф. Г. Устрялова). С. 75–77; указано: *Тихонравов Н.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 5. С. 578.

[15] Описание Украйны. Соч. *Боплана.* С. 77.

[16] См. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва.***

[17] Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

[18] Из Петербурга в Полтаву.

[19] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>// *Свод.* Т. 2. С. 664–665.

[20] См. ***1832. Июля 7. Четверг. Москва.***

[21] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 141.

[22] Впервые опубликовано: *Свербеев Д. Н.* Воспоминание об А. И. Герцене // Русский Архив. 1870. С. 673; цит. по изд.: *Свербеев Д. Н.* Записки. (1799–1826). М., 1889. С. 496–497; см. также: *Барсуков.* 1891. Кн. 4. С. 37; *Свод.* Т. 2. С. 130.

[23] Федор Иванович Иноземцев (1802–1869), московский врач, профессор, знакомый Гоголя.

[24] Николай Александрович Мельгунов (1804–1867), писатель, сотрудник «Москвитянина» и «Отечественных Записок».

[25] Николай Платонович Огарев (1813–1877), поэт, публицист. В 1834 г. по решению Императора Николая I был арестован за непозволительный образ мыслей и после девятимесячного тюремного заключения с 1835 по 1839 г. находился в ссылке в Пензенской губернии.

[26] Князь Владимир Александрович Черкасский (1824–1878), воспитанник О. М. Бодянского, муж Е. А. Васильчиковой, государственный и общественный деятель.

[27] *<Бартенев П. И.> П. Б.* Авдотья Петровна Елагина // Русский Архив. 1877. Кн. 2. № 8. С. 494–495; *Свод.* Т. 2. С. 130.

[28] *Кавелин К. Д.* Авдотья Петровна Елагина // *Кавелин К. Д.* Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 327; *Свод.* Т. 2. С. 130.

[29] За исключением «минутного» увлечения Ф. Шиллером в 1827 г. (см. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин***), отношение Гоголя к творчеству немецкого поэта всегда было критическим (см., в частности: ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

[30] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[31] См. ***1839. Октября 9. Понедельник. Вечер. Москва.***

[32] *Галахов А. Д.* Сороковые годы // *Свод.* Т. 3. С. 302.

[33] Земляк и друг Гоголя М. С. Щепкин не оставил написанных мемуаров о Гоголе. До нас дошел ряд его устных рассказов и воспоминаний о писателе, которыми он делился с современниками. «Наш знаменитый комик М. С. Щепкин был горячим поклонником Гоголя и немало боролся с предубеждениями, существовавшими в обществе, в цензуре, даже среди драматических артистов, – против его любимого писателя. По словам Щепкина, даже такие артисты, как Мартынов, не понимали значения Гоголя, считая его грубым и сальным писателем. Цензура разделяла такой взгляд...» (*Вульферт В. К.* «Тяжба» Гоголя под цензурой Дубельта // Русский Архив. 1887. № 6. С. 256). «С 25 мая 1836 года по 4 июля 1863 года Щепкин выступил в <...> роли <городничего> в общей сложности (на сцене Малого театра и во время гастролей в Петербурге и провинции) сто сорок четыре раза» (*Холодов Е. Г.* Репертуар <русского театра в 1846–1861 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4. С. 63).

[34] См. также ***1840. Мая 9. Четверг. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[35] Вероятно, 27 сентября 1839 г. (см. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва***).

[36] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // *Свод.* Т. 3. С. 23.

[37] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 36.

[38] Андрей Александрович Краевский (1810–1889), журналист; начинал свою литературную карьеру как сотрудник министра народного просвещения С. С. Уварова; был помощником редактора «Журнала Министерства Народного Просвещения». В конце 1830-х – начале 1840-х гг. занял откровенно прозападническую позицию. В. А. Жуковский в письме к Гоголю от 1 августа (н. ст.) 1844 г. назвал редактируемые А. А. Краевским «Отечественные Записки» «бесовским чтением».

[39] Автобиография Николая Ивановича Иваницкого // Щукинский сборник. М., 1909. Вып. 8. С. 320.

[40] См. также ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское.***

[41] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод.* Т. 3. С. 25.

[42] Петр Михайлович Щепкин (1821–1877), сын М. С. Щепкина, юрист.

[43] Владимир Иванович Веселовский (род. около 1833), выпускник Московского университета, адвокат, член Московского окружного суда, коллежский асессор. С 1868 г. назначен официальным опекуном (совместно с А. М. Достоевским и по его просьбе) впавшей в детство тетки братьев Достоевских А. Ф. Куманиной (рожд. Нечаевой, ум. в 1871); впоследствии поверенный в делах А. М. Достоевского.

[44] Песня внесена Гоголем в его сборник <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая> (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 305). – См. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка*** (примечания).

[45] См. ***1848. Ноября 22. Понедельник. Москва.***

[46] *Веселовский В. И.* Первое знакомство Гоголя с Щепкиным // *Свод.* Т. 3. С. 3.

[47] Михаил Александрович Щепкин (1853–1917), внук М. С. Щепкина, актер Александринского театра с 1897 г.

[48] Александр Михайлович Щепкин (1828 – 15 января 1885), сын М. С. Щепкина, чиновник, управляющий Тульской казенной палатой.

[49] *Щепкин М. А.* Воспоминания о М. С. Щепкине // *Свод.* Т. 3. С. 32.

[50] См. ***1819. В течение года. Полтава.***
[51] См. ***1818. Июля 26. Пятница. Полтава.***
[52] Александринский театр // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1838. 30 апр.
[53] См. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***
[54] См. ***1831. Июня 27. Суббота. Санкт-Петербург.***
[55] *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // *Свод.* Т. 3. С. 23.
[56] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***
[57] См. ***1851. Октября 22. Понедельник. Москва.***
[58] См. ***1851. Декабря 11. Вторник. Москва.***
[59] См. ***1840. Апреля 23. Вторник. Москва.***
[60] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***
[61] См. ***1839. Сентября 29. Пятница – октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. С. Волынское.***
[62] См. ***1841. Декабря 19. Пятница. Москва***; ***1842. Февраля 3. Вторник. Москва.***
[63] См. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** (примечания).
[64] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва.***
[65] См. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** (примечания).
[66] См. ***1851. Ноября 5. Понедельник. Москва.***
[67] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***
[68] См. ***1835. Августа около 27–28. Москва.***
[69] См. ***1836. Ноября 22 <декабря 4>. Воскресенье. Москва.***
[70] См. ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим.***
[71] См. ***1832. Октября 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***
[72] См. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва.***
[73] См. ***1840. Февраля 3. Суббота. Москва***; ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.***
[74] См. ***1840. Сентября 10 <августа 29>. Четверг. Венеция.*** См. также раздел «Переводы под редакцией Н. В. Гоголя. Пьесы для бенефисов М. С. Щепкина» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7.
[75] См. ***1842. Ноября 28 <16>. Понедельник. Рим.*** – См. также ***1842. Ноября 23 <декабря 5>. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания; ***1842. Декабря 9 <21>. Среда. Санкт-Петербург.***
[76] Николай Михайлович Щепкин (1820–1886), сын М. С. Щепкина, издатель и общественный деятель.
[77] *Щепкина А. В.* Михаил Семенович Щепкин в семье и на сцене // *Свод.* Т. 3. С. 34.
[78] Датировка записной книжки уточнена (см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** – примечания; ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания).
[79] См. ***1851. Декабря 11. Вторник. Москва.***

ИЮЛЯ 7. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА, ПОДОЛЬСК

Гоголь выехал из Москвы в Васильевку. В тот же день прибыл в Подольск.

См. ***1832. Июля 8. Пятница. Подольск.***

ИЮЛЯ 8. ПЯТНИЦА. ПОДОЛЬСК

Гоголь из Подольска пишет письма М. П. Погодину в Москву и Н. Я. Прокоповичу в Нежин[1].

В письме к Погодину сообщает, что переночевал в Подольске и теперь «сидит за Ричардсоновой Кларисою[2] в ожидании лошадей».

После шести часов ожидания Гоголь в письме к Прокоповичу пишет, что едет в Васильевку и приглашает его с братом в гости: «Жизнь мы проведем самым эстетическим[3] образом: спать будем в волю, есть тоже будем очень много, а главное, что варварский нос твой, лишенный всякого обоняния, прошибет запах настоящей деревни. Еще должен тебе сказать, что в этом же месяце прибудет, если уже не прибыл, Данилевский с Кавказа. Нет, ты будешь совершенный лошадиный помет, если всё это не подействует на твою вялую душу».

[1] См. ***1832. Июня 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду роман в письмах английского писателя С. Ричардсона «Клариса» («Clarissa, or the History of a young lady», 1748; рус. пер. 1791–1792).

[3] Т. е. чувственным (от греч. αισθητικός — чувственный).

ИЮЛЯ СРЕДИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев в письме к М. П. Погодину в Москву отвечает на его просьбу прислать тетради учениц Гоголя в Патриотическом институте[1]:

«Не думаю, чтобы тетради учениц Гоголя могли вам на что-нибудь пригодиться. Их рассказ уроков его очень приятен, потому что Гоголь останавливает внимание учениц больше на подробностях предметов, нежели на их связи и порядке. Я после вашего письма нарочно пересматривал эти тетради и уверился, что ученические записки все равны, т. е. с ошибками грамматическими, логическими и пр., и пр. Что касается до порядка в Истории или какого-нибудь придуманного Гоголем облегчения — этого ничего нет. Он тем же превосходит товарищей своих как учитель, чем он выше стал многих как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сообщает чудную жизнь и увлекательное правдоподобие»[2].

[1] См. ***1832. Июня конец, не позднее 30. Москва.***

[2] *Свод.* Т. 1. С. 658.

ИЮЛЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Гоголь проездом в Полтаве. Обращается к местным докторам[1]. Возможно, встречается с И. П. Котляревским.

В 1984 г. внучатая племянница Гоголя С. Н. Данилевская (рожд. Быкова) сообщала: «В семье нашей жило предание о том, как юный Гоголь в 1832 году (ему тогда исполнилось 23 года), уже будучи автором “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, приезжал в Полтаву, чтобы встретиться со знаменитым автором “Энеиды”[2] и “Наталки Полтавки” — Иваном Петровичем Котляревским[3]. Стареющий великий поэт и драматург Украины тепло, по-отечески принял гостя, говорил с ним о его работе, долго не хотел отпускать, подарил свою “Энеиду”, а молодой Гоголь вручил поэту свои “Вечера...” Об этой встрече Николай Васильевич потом не однажды рассказывал своим родным, с восхищением говорил о Котляревском...»[4]

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[2] Выписки из «Енеїди» Котляревского (из рукописного источника) — «Епиграфы» — находятся в гоголевской «Книге всякой всячины...» (1826–1830). Три из этих «епиграфов» были действительно использованы Гоголем в качестве эпиграфов в «Сорочинской ярмарке» (1831). Реминисценции этих выписок встречаются также в «Вечере накануне Ивана Купала», «Страшной мести», «Вии» (см. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 1–2; коммент. и сопровод. статьи в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2).

[3] См. также ***1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

[4] *Данилевская С. Н.* Нетленная память // *Свод.* Т. 1. С. 276.

ИЮЛЯ ОКОЛО 20 – ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь в Васильевке[1]. По приезде знакомится с мужем старшей сестры Марии П. О. Трушковским[2]. В период пребывания на родине, возможно, занимается перестройкой дома[3].

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1832. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Полтава.***

[2] См. ***1833. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***

[3] См. ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮЛЯ 20. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь сообщает М. П. Погодину в Москву:

«Приехавши в Полтаву (17 июля), я тотчас объездил докторов и удостоверился, что ни один цех не имеет меньше согласия и единодушия, как этот. <...> ...Мне не остается иного средства, как просить вас прибегнуть к Дядьковскому и попросить у него первый рецепт[1]. <...> Теперешнее состояние моего здоровья совершенно таково, в каком он меня видел»[2].

Пишет, что «приехал в имение совершенно расстроенное»: «Долгов множество невыплаченных. Пристают со всех сторон, а уплатить теперь совершенная невозможность». Просит похлопотать у московских книгопродавцев о втором издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки»[3].

В 1832 г. М. И. Гоголь в приказе общественного призрения Полтавы сделала заем в 3800 рублей[4].

Около того же времени Гоголь писал в Москву И. И. Дмитриеву:

«Ваш ласковый прием[5] и ваша доброта напечатлелись неизгладимо в моей памяти. <...> Теперь я живу в деревне, совершенно такой, какая описана незабвенным Карамзиным[6]. Мне кажется, что он копировал малороссийскую деревню: так краски его ярки и сходны с здешней природой. Чего бы, казалось, недоставало этому краю? Полное, роскошное лето! Хлеба, фруктов, всего растительного гибель! А народ беден, имения разорены и недоимки неоплатные. Всему виною недостаток сообщения[7]. Он усыпил и обленивил жителей. Помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно возвысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуры и фабрики; но капиталов нет, счастливая мысль дремлет, наконец умирает, а они рыскают с горя за зайцами. Признаюсь, мне очень грустно было смотреть на расстроенное имение моей матери; если бы одна только лишняя тысяча, оно бы в три года пришло в состояние приносить шестерной против нынешнего доход. Но деньги здесь совершенная редкость».

М. И. Гоголь, вспоминая, как по просьбе своего зятя П. О. Трушковского[8], завела в 1832 г. кожевенную фабрику, сообщала: «Он был очень солиден, хотя и молод. Попавшийся нам шарлатан, австрийский подданный[9], уверил его, что мы будем получать по 8000 годового доходу на первый случай, а дальше и еще больше, и такие резоны представлял, что можно было поверить. Из теляч<ь>ей кожи, стоющей с выделкой 1 р<убль> ассигнациями, сшивши сапоги, получается по крайней мере 8 р<ублей>. В тот год приехал сын мой[10] и советовал нам начать с маленького масштабу. Фабрикант сказал: “Зачем терять время даром! почему не получать вместо пяти тысяч сто?» Мой сын велел ему из отлично выделанных им кож сшить на пробу сапоги и прислать ему в С. Петербург. Он сшил сам также отличные сапоги с золотыми гвоздиками на подошве[11] и <по новой просьбе сына[12]> калоши зимние – шерстью в средину, на лице незаметно, что они теплые, что для военных людей было бы очень нужно. Получа те вещи, сын мой, увидя такую изящную работу, познакомился нарочно для этого с фабрикантами тамошними, чтоб доставить нам выгоду. Они сказали, чтобы доставить на фабрику такую работу и разных ремешков в промежутки той работы, что могут и малолетние дети работать. Нанято было сапожников 25 человек, как подскочил

страшный голод, покупали хлеб по 3 р<убля> пуд, а между тем фабрикант наш намочил кожи и сдал на руки ученикам, которые ничего не знали, а сам, набравши несколько сотен сапогов, поехал продавать. Люди, с ним поехавшие, не знали, почем он продавал, а только возили, куда он продал. Он, как мы после узнали, продавал даже по 2 рубля и, получа деньги, на шампанском со своими знакомыми пропил. Мы не знали, что он имел слабость пить. Когда начал управитель, тогда бывший у нас, спрашивать отчета, то он сказал, что ездил для больших для фабрики дел, а о такой безделице он не намерен отдавать отчета, что он договорился с полковником на ранцы. Тогда я его позвала и объявила, что больше на словах не верю ничего, когда не покажется на деле. Итак, как он долго не возвращался, то кожи, оставленные им, все испортились и он бежал[13], и мы не знали, что с теми кожами делать. Он обманул еще пять помещиков очень аккуратных и умных. Наконец умер, и столько наделал долгов, занимая в разных руках, что должны были заложить Васильевку, чтоб с ними расплатиться, на 26 лет и платить по 500 рублей серебром проценту. И винокурня уничтожена, земляная мельница уничтожена для толчения дубовой коры на выделку кож, — и совершенно осталось нам расстроенное имение[14]. Это случилось гораздо после смерти моего мужа»[15].

Возможно, лопнувшая затея Марии Ивановны с заведением, под руководством «австрийского подданного», доходной кожевенной и сапожной фабрики позднее нашла отражение в седьмой главе первого тома «Мертвых душ» (1842): «Максим Телятников, сапожник. <...> "Пьян, как сапожник", говорит пословица. <...> ...Учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил ремнем по спине за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец, говоря с женой или с камрадом. А как кончилось твое ученье: "А вот теперь я заведусь своим домиком, — сказал ты, — да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею". И вот, давши барину порядочный оброк, завел ты лавчонку, набрав заказов кучу, и пошел работать. Достал где-то втридешева гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлейшим образом. И вот лавчонка твоя запустела, и ты пошел попивать да валяться по улицам, приговаривая: "Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают"».

С пребыванием Гоголя в Васильевке летом 1832 г. связан также один из эпизодов повести Гоголя «Рим» (1842) — имеющий, по замечанию В. И. Шенрока, «несомненно автобиографическое значение»[16]. Здесь встречаются строки, посвященные изображению состояния героя по возвращении на родину: «Грустное чувство овладело им, — чувство, понятное всякому приезжающему после нескольких лет отсутствия домой, когда все что ни было кажется еще старее, еще пустее и когда тягостно говорит всякий предмет, знаемый в детстве, — и чем веселее были с ним сопряженные случаи, тем сокрушительней грусть, насылаемая им на сердце». Почти то же чувство овладевает и рассказчиком «Старосветских помещиков» при воспоминании о героях повести: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет, но душа моя полна еще до сих пор жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себе, что приеду со временем опять на их прежнее, ныне опустелое жилище и увижу кучу развалившихся хат, заглохший пруд, заросший ров на том месте, где стоял низенький домик, — и ничего более. Грустно! мне заранее грустно!»

С тогдашним пребыванием Гоголя в Васильевке связано начало его творческого кризиса[17]. В письме к И. И. Дмитриеву от 23 сентября 1832 г. Гоголь впервые дал критическую оценку своим ранним повестям из украинской жизни, называя их «несовершенными начатками». Немного позднее, в письме к М. П. Погодину из Петербурга от 1 февраля 1833 г. Гоголь замечал о «Вечерах...»: «Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня». Позднее, в предисловии к собранию своих сочинений в четырех томах 1842 г., Гоголь также замечал: «Предпринимая издание сочинений моих, выходивших доселе отдельно и разбросанных частию в повременных изданиях, я пересмотрел их вновь: много незрелого, много необдуманного, много детски-несовершенного! <...> Всю первую часть <«Вечера на хуторе близ Диканьки»> следовало бы исключить вовсе: это первоначальные ученические опыты, недостойные строгого внимания читателя... <...> Снисходительный читатель может пропустить весь первый том и начать чтение со второго». В «Авторской исповеди» (1847) Гоголь признавался: «Причина той веселости, которую заметили в первых сочинениях моих, показавшихся в печати, заключалась в некоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски[18], мне самому необъяснимой, которая происходила, может быть, от моего болезненного состояния. Чтобы развлекать себя самого, я придумывал себе все смешное, что только мог выдумать. Выдумывал целиком смешные лица и характеры, поставлял их мысленно в самые смешные положения, вовсе не заботясь о том, зачем это, для чего и кому от этого выйдет какая польза. Молодость, во время которой не приходят на ум никакие вопросы, подталкивала. Вот происхождение тех первых моих произведений, которые одних заставили смеяться так же беззаботно и безотчетно, как и меня самого, а других приводили в недоумение решить, как могли человеку умному приходить в голову такие глупости». По воспоминаниям О. М. Бодянского, в конце жизни Гоголь намеревался вовсе исключить первый том из собрания своих сочинений, находя в нем

«много незрелого». «Мне бы хотелось, – говорил он, – дать публике такое собрание своих сочинений, которым я был бы в теперешнюю минуту больше всего доволен. А после, пожалуй, кто хочет, может из них (т. е. "Вечеров на хуторе") составить еще новый томик»[19].

Поездка на родину определила многое в оценке первого цикла и содержании и интонации написанных позднее «Старосветских помещиков» и других повестей сборника «Миргород» (1835). Прежде всего это касается серьезности звучания всех повестей. Приехав домой после почти трех с половиной лет пребывания в Петербурге, Гоголь поневоле был поражен представшим ему контрастом между столичной и провинциальной жизнью. С выходом из творческого кризиса и было связано создание «Миргорода»[20]. Созревание «идеологической идиллии» «Старосветских помещиков» было связано с утверждением мысли о самодостаточности патриархального земледельческого быта, – способного удовлетворить самым разнообразным человеческим потребностям без обращения к разорительным и развращающим новшествам европейской цивилизации[21]. С другой стороны, Гоголь обращается к недавним событиям Отечественной войны 1812 г., – а также к еще более отдаленному героическому прошлому украинского казачества («Тарас Бульба»). Эти два мотива становятся основополагающими для первой части «Миргорода». Во второй части цикла («Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») нашли отражение по преимуществу «внутренние» причины разорения[22].

[1] См. ***1832*. Августа 5. Пятница. Москва.**

[2] См. ***1832. Июля 4. Понедельник. Москва.***

[3] См. ***1832. Августа 5. Пятница. Москва.***

[4] См. ***1832. В течение года. Полтава.***

[5] См. ***1832. Июля начало. Москва.***

[6] Имеется в виду очерк Н. М. Карамзина «Деревня» (1792). Вероятная реминисценция этого произведения содержится в реплике Хлестакова в «Ревизоре» (1836): «Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом!»

[7] Позднее, 6 марта 1834 г., Гоголь писал И. И. Срезневскому: «Песен я знаю и имею много. <...> Но <...> бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору»; 17 марта матери: «Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню». В «Мертвых душах» первое, что встречается на пути Чичикова, выезжающего из захолустья Коробочки на «столбовую дорогу», – трактир, и здесь, словно мимоходом замечает автор, содержательница трактира запрашивает с Ноздрева «вчетверо против того, что стоила водка». 24 мая 1850 г. Гоголь вновь писал матери: «Опечалило меня <...> известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь будет подущать и развращать мужиков, которые, слава Богу, до сих пор все еще нравственней других. Доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это только тем, что она в стороне от большой дороги». В первой главе второго тома «Мертвых душ» Гоголь еще раз замечал: «Творец! как еще прекрасен Твой мир <...> вдали от подлых больших дорог...»

Летом 1832 г. тревога о судьбе Малороссии и патриархальной России в целом вплотную поставила перед Гоголем вопрос о средствах, которые при невоздержности помещиков приостановили бы начавшееся истощение. Он размышляет о невольной надобности заведения помещиками в своих имениях «мануфактур и фабрик», о «недостатке сообщения» – обо всем том, что, по его мнению, могло бы «возвысить доходы» (так же, как размышляет он в то время о применении «физической железной силы» в эпоху крестовых походов перед угрозой арабо-мусульманского нашествия. В статье «Взгляд на составление Малороссии», начатой в 1832 г., он пишет о казаках: «Они поворотили против татар их же образ войны...»). Однако нравственная оценка этих средств остается прежней. Стоило Марии Ивановне, поддавшись на уговоры своего зятя П. О. Трушковского, приступить к заведению в Васильевке кожевенной фабрики, как Гоголь пишет ей: «Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику <...> Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги <...> мне все кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребреники...» (письмо от 8 июня 1833 г.). 12 апреля 1835 г. он еще раз замечал: «...Вспомните, как я вам отсоветывал заводить фабрику...» – См. также ***1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] Далее в черновой редакции мемуаров было: «Наговоря моему зятю, который был 22-х лет, что мы будем получать по несколько десятков тысяч в год, и насилу осталось наше имение, когда я отказала ему, не веря ему более ничему на словах, и столько наделано было долгу, что одно средство было заложить Васильевку в приказ. Зять, увидя как нас обманывали, очень грустил и оставил нас одних после своей смерти уплачивать ежегодно по 500 рублей серебром в приказ». – См. также ***1831. Апреля 16. Великий четверг. Санкт-Петербург***; ***1832. Апреля 24. Воскресенье. Васильевка.***

[10] Имеется в виду пребывание Гоголя в Васильевке с конца июля по конец сентября 1832 г.

[11] См. ***1833. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1833. Декабря 20. Среда. Санкт-Петербург.***

[13] Вероятно, в начале лета 1834 г. (см. ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург***).

[14] Сохранилось свидетельство о займе денег сроком на 26 лет в сумме 18450 рублей, сделанном Гоголем и его сестрой М. В. Трушковской 31 января 1836 г. в Полтавском приказе общественного призрения (см. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава***). (Гоголь жил в то время в Петербурге.)

[15] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 54.

[16] *Шенрок.* Т. 2. С. 124.

[17] См. ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка.***

[18] См. также ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания). – См. также ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[19] См. ***1852. Января 25. Пятница. Москва.*** – См. также ***1844. Ноября 23 <11>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[20] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. Сб. статей. М., 2000. С. 117–119.

[21] Ко времени созревания «идеологической идиллии» «Старосветских помещиков» относятся, в частности, строки чернового наброска Гоголя на отдельном листе (датируемого концом 1832 – началом 1833 г.) к «Отрывку из Истории Малороссии» (позднейшее название – «Взгляд на составление Малороссии»; см. также ***1832. Июля начало. Москва*** – примечания): «Народ не мог сделаться торговым, получивши заматерелость, следствие местоположения. Никогда малороссийские купцы не были значительны. Всегда или русские ныне, или греки и жиды прежде держали в руках своих торговлю. Этот народ не имел строгой расчетливости и размера на всю жизнь, следствие местоположения, беспечность, равнодушие к богатству и неуверенность в нем. Часто все, накопленное трудами, обращалось в одну праздничную попойку, в увеселение и забвение на одну минуту. <...> Все, что до наслажденья относилось, все это имел народ. Он в этом не отказывал себе никогда. Разнообразие разных блюд, совершенно отличных в разные времена года, в разных случаях». – Как и в письме к Дмитриеву («Хлеба, фруктов, всего растительного гибель!» – см. выше), свою повесть Гоголь также начинает с замечания о том, что «ни одно желание» не перелетало за пределы уединенного имения старосветских помещиков. «...Благословенная земля, – продолжает он далее, – производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне так мало было нужно», что даже «страшные хищения» были «вовсе незаметными в их хозяйстве». – См. также ***1834. Декабря 29. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

Пояснением замысла «Старосветских помещиков» могут служить слова одного из современников Гоголя, автора статьи «Практическое наставление о заведении шестипольного землепашества в Малороссийских хуторах» (1850): «Трудно вообразить себе человека, который был бы счастливее Малороссийского хуторянина. Чего нет у него? Все есть! и все свое собственное! свои вареники, свои пампушки, свои паляницы, свой мед, свои яблоки, свои груши... Но, увы, <...> одними варениками да пампушками мы уже не довольны: надобно купить сахару, чаю и кофе. Домашние наливки, прославившие некогда Малороссию, теперь уже почти вышли из употребления и остаются "в преданиях старины глубокой"; мы разлакомились на Шато-Лафит, Шато-Марго и на другие басурманские "*шаты*", – а все это требует денег!.. Теперь – чтоб дворянину прилично показаться в город, надобно иметь какую-нибудь колясочку, тарантас, порядочную бричку и что-либо другое в этом роде. Вместо того, чтобы улучшать свои собственные произведения, и из волны собственных овец делать для себя хорошее и прочное сукно, мы сбываем нашу волну за такую цену, какую барышники в свою пользу установляют на ярмарках, и вырученными деньгами не всегда бываем в состоянии расплатиться в лавках за то сукно, которое покупаем для своей одежды. А с одеждою нашею что происходит? Не успеешь обносить новый фрак или сюртук, – ан смотришь, уже мода на покрой платья переменилась! То фалды шире, то стан ниже, то вместо одного борта ставят пуговицы в два борта: беда да и только! Непременно надобно чрез каждый год наново экипироваться, чтоб не оказаться чудаком, отставшим от века. А в старину, бывало, внук щеголяет в дедовской *кирее,* да еще и сыну своему оставит в наследство. – О платьях наших жен и дочерей уже и говорить нечего. Они, голубушки, кажется, для того только и на свете живут, чтоб ежедневно переменять покрой, фасоны, узоры и материи для своих платьев, чепчиков и шляпок... Какой тут хутор может удовлетворять всем этим "*потребностям*"? Какого тут ожидать счастья?.. Итак, <...> первая причина всеобщей недостаточности поземельных наших доходов к удовлетворению наших нужд есть – излишество наших нужд, *роскошь и мода!* Мы все, более или менее, живем выше своего состояния, и самым деятельным, успешным образом приготовляемся к всеобщему банкротству, если не к материальному, то к нравственному, к всеобщему оскудению любви и дружбы, гостеприимства, чести и правды» (Практическое наставление о заведении шестипольного землепашества в Малороссийских хуторах // Черниговские Губернские Ведомости. 1850. 5 мая, № 18. Отд. 2. С. 180–181; см. также: Правила земледелия для простонародного чтения и Практическое наставление о заведении шестипольного землепашества в Малороссийских хуторах. Из Черниг<овских> Губ<ернских> Вед<омостей> 1850 г. № 14, 15, 16 и 18. Чернигов, 1850. С. 21–23; брошюра заслужила положительную рецензию, опубликованную в 1850 г. в погодинском «Москвитяние»: Критика и библиография // Москвитянин. 1850. № 19. С. 111–112).

[22] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестный Миргород // *Гоголь Н. В.* Миргород. Повести. С приложением. М., 1996. С. 5–76; *Виноградов 2000.* С. 105–178. – См. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка*** (примечания).

ИЮЛЯ 29. ПЯТНИЦА

Срок, к которому Гоголь должен был вернуться на службу в Патриотический институт.

См. ***1832. Июня между 13 и 27. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ. ВАСИЛЬЕВКА

Начало творческого кризиса Гоголя.

См. ***1833. Июля 2. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 28. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава*** (примечания).

ИЮЛЯ КОНЕЦ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь отправляет в Петербург письмо к Н. Д. Белозерскому (не сохранилось), где просит приятеля съездить на дачу близ Поклонной горы, чтобы «развесить <...> на свежем воздухе» оставленную там одежду.

См. ***1832. Июня начало. Поклонная гора, близ Санкт-Петербурга.***

АВГУСТА 5. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Август* <...> *5.* <...> К Шир<яеву>[1]. – Письмо от Гоголя пр<ия>тное[2]. – К Дядьк<овскому> об его здоровье. Взял рецепт[3]. <...> Шир<яев> не хочет покупать сказок Гог<оля>[4] <...> Пис<ал> письмо к Гог<олю>»[5].

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 415–416.

[1] Александр Сергеевич Ширяев (ум. 15 февраля 1841), московский книгопродавец.

[2] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[3] По просьбе Гоголя (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***).

[4] 20 июля 1832 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Я еще вас обременю просьбою. Если будете в городе, дайте знать книгопродавцам, авось-либо не купят 2-го издания Вечеров на хуторе. Много из здешних помещиков посылало в Москву и Петербург, нигде не могли достать ни одного экземпляра. Что это за глупый народ книгопродавцы! Неужели они не видят всеобщих требований? Отказываются от собственной прибыли! Я готов уступить за 3000 р<ублей>, если не будут давать более. Ведь это им приходится менее, нежели по три рубли за экземпляр, а они будут продавать по 15 р<ублей>, итого 12 р<ублей> барыша на книжке. Пусть они вдруг продадут только 200 экземпляров то вырученная сумма за эти экземпляры уже вдруг окупит издержки. Остальные 1000 экземпл<яров> в течение года или двух, верно, разойдутся, особливо когда еще выйдет новое детище. Теперь я бы взял от них только 1500 р<ублей>, потому что мне они очень нужны, а остальных я бы мог подождать месяца два или три».

[5] Не сохранилось. Ответное письмо Гоголя – от 2 сентября 1832 г. из Васильевки (см. ***1832. Сентября 2. Пятница. Васильевка***).

АВГУСТА 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВОРОНЕЖ

Торжественное открытие мощей святителя Митрофана, первого епископа Воронежского.

АВГУСТА КОНЕЦ. ВАСИЛЬЕВКА

Отъезд из Васильевки в Одессу Петра П. Косяровского.

Позднее, 9 сентября 1832 г., Гоголь писал Петру П. Косяровскому: «Два дни было бы вам только подождать, и вы бы получили ваши лексиконы. Но вы так спешили расстаться с нами, как будто хотели убраться из чужой стороны. Лексиконы эти вы переплетите: французской особо, а русские две части соедините в один том так, как у меня. Доехали вы, верно, хорошо: погода как будто нарочно для вас, прелестная. У нас всё начало сентября было настоящее лето».

АВГУСТА 31. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Открытие Александринского театра.

СЕНТЯБРЯ 2. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь благодарит М. П. Погодина за рецепт от И. Е. Дядьковского[1] и предложение денег; надеется вскоре увидеться в Москве:

«Через месяц я обниму вас в Москве... <...> Денег, покамест, мне не нужно. Здоровье мое, кажется, немного лучше... <...> Пилюль Дядьк<овского> боюсь принимать (которые давно уже я получил из аптеки), потому что в рецепте, как вы пишете, была ошибка».

[1] См. ***1832. Августа 5. Пятница. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович вернулся[1] из отпуска в Петербург[2].

[1] См. ***1832. Июня 3. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112.

СЕНТЯБРЯ 9. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь и его мать в письме к Петру П. Косяровскому в Одессу передают приветы его сестре и братьям: Варваре Петровне, Павлу и Ивану Петровичам Косяровским. Гоголь посылает Косяровскому французский и русский «лексиконы»[1], советует для поправления здоровья «не оставлять вытираться хорошенько на ночь уксусом».

[1] См. ***1832. Августа конец. Васильевка.***

СЕНТЯБРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет письмо к П. А. Плетневу в Петербург (не сохранилось).

См. ***1832. Октября 9. Воскресенье. Курск.***

СЕНТЯБРЯ 23. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь в письме к И. И. Дмитриеву благодарит за его ответное[1] письмо с благожелательным отзывом о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» (однако сам отзывается о них критически: «Рад, что вам понравились мои несовершенные начатки...»[2]). Выражает надежду «со временем произвести что-нибудь достойное». Сообщает, что через месяц едет в Москву, где «лично» принесет Дмитриеву благодарность за «снисходительное внимание». Признается:

«Может быть, нет в мире другого, влюбленного с таким исступлением в природу, как я. Я боюсь выпустить ее на минуту, ловлю все движения ее, и чем далее, тем более открываю в ней неуловимых прелестей».

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***
[2] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания).

ИЮЛЯ КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА, ТОЛСТОЕ

Гоголь встречается в Васильевке с А. С. Данилевским, ездит к нему в с. Толстое. Слушает в Васильевке песни Е. И. Ходаревской; занимается собиранием старинных малороссийских нарядов[1].

В 1887 г. Данилевский сообщал В. И. Шенроку: «В 1832 г. <я> возвратился домой, и летом мы с Гоголем часто видались в деревне (Данилевский говорит здесь о приезде Гоголя летом 1832 г. домой на каникулы. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*). После того, как мы встречались у его матери, он уехал в Петербург, а я остался в Толстом, – у родителей»[2].

20 декабря 1832 г. сам Гоголь писал Данилевскому из Петербурга: «Жаль, нам дома так мало удалось пожить вместе. Мне всё кажется, что я тебя почти что не видел».

В другом письме к приятелю, от 8 февраля 1833 г., Гоголь замечал: «Мне уже кажется, что время то, когда мы были вместе в Василевке и в Толстом, чорт знает, как отдалилось, как будто ему минуло лет пять. Оно получило уже для меня прелесть воспоминания. <...> Я думаю Катерина Ивановна <Ходаревская> напела тебе уши песнями про бойрендом, духтером»[3].

В апреле 1833 г. Гоголь в приписке к письму матери, обращаясь к Ходаревской с просьбой собирать для него песни, писал: «Глядите, припасайте новых и не забывайте старых, особенно советую вам почаще протверживать Байрендом эппером <т. е. бойрендом, янтером>. Не мешает также иногда напевать Прохалася Катруся».

В письме к матери от первой половины ноября 1832 г., Гоголь также замечал: «Скажите Катерине Ивановне, что мне часто приходят на ум ее песни, но я их не пою, потому что я мастер только подтягивать. А если бы запел соло, то мороз подрал бы по коже слушателей».

Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Катерина Ивановна хорошо пела, у нее был хороший голос. Большей частью она пела малороссийские песни. Гости всегда просили ее петь, в особенности брат любил слушать ее пение[4]. Долго она у нас жила; пережила мою мать и мужа моего, ей было около 90 лет»[5].

8 февраля 1833 г. Гоголь, узнав из письма Данилевского, что тот едет в Петербург, писал матери: «Приготовьте к отъезду его шапку смушевую с суконным верхом, шаровары и кунтуш, хотя тот самый, который тогда <летом 1832 г.> приносили ко мне».

В этот же период Гоголь готовит сестер, одиннадцатилетнюю Анну и девятилетнюю Елисавету, для поступления в Патриотический институт в Петербурге.

В июле 1852 г. мать Гоголя рассказывала С. П. Шевыреву о сыне: «Учил сестер для приготовл<ения> в Институт Истории и Географии. Подслушал их слова в играх – и за столом их передает, а они удивляются. Дар подмечать и наблюдать, и рассказывать теми же словами, как слышал»[6].

Сестра Гоголя Анна Васильевна 24 марта 1853 г. сообщала В. С. Аксаковой: «В детстве я только помню, что он нас учил истории и грамматике, рассказывая нам и потом заставляя повторять меня, а потом Лизу; но книги он нам никогда и не показывал, часто шутил с нами, особенно с Лизой, сажал ее верхом на большую собаку, меня заставлял причесываться a la chinoise[7], от чего я ужасно плакала. Впрочем, он обо мне был тогда высокого мнения; теперь я это прочла в двух его письмах, писанных в то время[8]. Как жаль, что я не оправдала его ожиданий и даже не подозревала этого»[9].

Сестра Елисавета Васильевна в письме к той же Вере Аксаковой от 1 апреля 1853 г. вспоминала: «Во время моего детства он всё жил в Петербурге и только приезжал, чтоб взять нас. Знаю только, что он мне казался самого веселого характера и шалуном; он часто шутил со мной...»[10].

Позднее она же сообщала о брате: «Со мной он больше, чем с другими, шутил и ласкал. У сестры Марии была датская собака Дорогой, очень большая, брат, бывало, посадит меня на его и с балкона погоняет; и много других шалостей. <...> Когда он приезжал, то тогда привозил много разных разностей и бонбоньерок, любил очень делать сюрпризы, и не все подарки вдруг отдавал. Он занимался улучшением дома, сам рисовал кайму в зале наверху, арабески[11], а на средине потолка букет; наденет, бывало, фартук белый и станет на высокие скамейки [с большими щетками]. По утрам он занимался со мной и Анет, учил нас географии и рассказывал историю, и заставлял после повторить, наперед А<нет>, а потом меня»[12].

Младшая сестра Ольга Васильевна, в свою очередь, вспоминала: «Мне было <в 1832 г.> семь лет, когда меня стали учить: буки-аз, ба, веди-аз, ва, и я не могла понять. Как видно, сестре <Марии> тяжело было меня учить, и тетка мне долбила, и это врезалось мне в память. <...> Приехал брат, чтобы взять сестер в Петербург, и сам занимался с ними, а меня прогонял и дверь закрывал, чтобы не мешала. Помню, я отворила немного дверь, просунула голову, а он мазнул меня по носу кисточкой с краской. Как видно, сестра хорошо подготовила младших сестер, и они уехали. <...>

Помню, как дедушка и бабушка <И. М. и М. И. Косяровские> приезжали со своего хутора Косяровщины каждую субботу, чтобы в церкви быть; а в понедельник возвращались домой»[13];

«Волосы у него <у брата> были русые, а глаза – коричневые. В детстве у него были светлые волосы, а потом потемнели. Особенно у него потемнели волосы после того, как он обрился в Петербурге[14]. Существовало такое убеждение, что, кто из Малороссии приезжает в Петербург, на того вода петербургская так действует, что волосы вылезают... И брат, как приехал в Петербург, обрился. После того волосы у него потемнели. Ездил с ним лакей отсюда, он и тому советовал обриться, но лакей не пóслушался и лысым стал... Росту брат был ниже среднего; худощавым я его никогда не видела; лицо у него было круглое, как видите на портрете, и всегда у него был хороший цвет лица, я не видала его болезненно-бледным... Немножко он был сутуловат, это заметнее было, когда он сидел»[15].

В 1952 г. Е. П. Серебровская[16] записала свидетельства о Гоголе (апокрифического характера), переданные уроженцами с. Гоголево (бывшей Васильевки) Шишакского района Полтавской области братьями Шабельниками, 79-летним Никифором Ивановичем и 71-летним Федором Ивановичем, со слов их отца Ивана

Михайловича Шабельника (1818–1896): «"Вот когда я был в их возрасте, – Никифор Иванович показывает на внуков-подростков, – я частенько слушал отцовы рассказы о Гоголе. Наш отец лично знал Николая Васильевича, ему доводилось с Гоголем разговаривать".

Федор Иванович участвует в рассказе, помогая припомнить обстоятельства. Он тоже не раз слыхал от отца эти рассказы о Гоголе... Рассказы эти запомнились, они дополнялись воспоминаниями других стариков-односельчан: Федора Дзюбы[17], Скочко Тимиша, Антона Высоцкого.

Отец наш, Иван Михайлович Шабельник, родился в 1818 году и умер в 1896 году, – на 9 лет моложе Гоголя был... <...> Он считался крепостным человеком родителей Николая Васильевича. Его в доме любили. Сначала садовнику в помощники поставили, потом стал он "тютюнником" – работал на посадках табака, а затем – пасечником, и оставался им до самой смерти. <...>

– В первый раз отец увидел Гоголя на полтавской дороге, – раньше через Васильевку дорога шла на Полтаву. Отец с другими крестьянами копал ямы для деревьев. Жарко было, спины у всех мокрые. Глядят – волы едут, а на телеге – Николай Васильевич. Видно, на лето в отпуск приехал.

Гоголь соскочил с телеги, вознице сказал, чтоб отвел волов в экономию. Остановил работу, чтоб отдохнули, сел с ними, беседует. Расспрашивает, как люди живут.

А жили тогда очень бедно. <...> ...У кого железные вещи были, тот считался богатым. Ведра были деревянные, дужка – из веревочки, кружки тоже деревянные. О крышах не говорю – у самих помещиков крыши были деревянные или соломенные. Даже на сбруе для коней всё деревянное было. И, конечно, много было бескоровных крестьян. Земля богатая, а людям есть нечего.

Поговорил Гоголь, потом всем, кто копал, роздал наличные серебряные деньги, – он их держал в тросточке, оттуда и доставал. Потом, когда познакомился поближе с народом, обошел бескоровных и дал каждому на телку по 2–3 рубля. Антон Высоцкий рассказывал, что у него и до сих пор гоголевский подарок не перевелся: коровушка выросла хорошая, от нее на племя телок оставляли, и до сих пор память осталась. <...>

И еще отец нам рассказывал: когда он мальчишкой был, у Гоголей были в Яворивщине лес и пасека. Пасечником был там безродный дед Панько. Он до самой смерти жил у Гоголей. Отец наш у него приучался на пасеке, а позднее, когда дед Панько помер, – отец сам стал пасечником и так работал до конца дней своих (пасека принадлежала уже сестре Гоголя Ольге Васильевне). Был ли этот Панько рудым, рыжим – отец сказать не мог: он этого старика седым запомнил. Н. В. Гоголь любил ходить гулять в Яворивщину на ту пасеку[18].

Гоголь не терпел, чтобы человека унижали. Ему до всего было дело. Приказчик его матери Марии Ивановны Гоголь имел привычку носить с собой цепок металлический. Отец рассказывал: работают они в парке, ямы для деревьев роют, а приказчик с цепком тут же. Чуть заметит, что люди словом перекинулись, так и ударит. Николай Васильевич увидел это, подошел и говорит приказчику: "А ну, как я принесу замок и тебе на губу повешу, хорошо тебе будет?" Приказчик надулся, говорит: "Разве я бык?" А Гоголь ему: "А разве мужики скотина, что ты их цепком погоняешь?" При Гоголе приказчик всегда с тех пор потише делался.

Все наши старики подтверждали, что Николай Васильевич просил мамашу отпустить своих крепостных. Отец наш не раз рассказывал про это. Уговаривал Николай Васильевич матушку свою. Но она на уговоры не пошла. "Не можно", – говорит, и только. Заставить ее Гоголь не мог и очень был убит этим отказом.

Мать сильно любила Николая Васильевича. Чтобы развеселить сына, решила она созвать соседей, бал устроить. Съехались помещики, пир идет на славу, окна в доме раскрыты. А Николай Васильевич ушел с обеда, не хочет с ними сидеть. Зовет он приказчика и наказывает поставить во дворе большие столы, бочку водки прикатить и закуску мужицкую подать – сало, мед, яблоки. И созвал всю голоту – нехай гуляют! Такое веселье во дворе пошло, что куда там. Ну, а мужик, выпивши, и такое скажет, чего паны и не слыхали. А Гоголь не останавливает, только пуще угощает, – пируй, голота! Пусть паны позавидуют, в окна глядя.

И вот кличет Гоголь нашего батька: "Ванько, иди сюда!" Увел его к себе во флигель, там дает ему одеть свой костюм – рубашку, жилет, шляпу и прочее. Батько наш был совсем молодой паренек тогда. Одел он гоголевский костюм, а Гоголь ему говорит: "Иди, погуляй под панскими окнами". Послал, а сам неподалеку наблюдает. «Только подошел я под первое окно, – рассказывал отец, – как меня горничные увидели, выбежали, дергают за рукав. Иду дальше, а тут сама барыня выскочила, да как замахнется... Гоголь как из-под земли вырос: "Мамаша, зачем мальчика трогаете? Я его сам послал, пусть мой костюм с вами погуляет... А я с мужиками посижу"».

Этот случай отец наш чаще всего рассказывал, потому что тогда он не только слышал Гоголя, но и костюм его надевал. Рассказывал он и про то, как Гоголь на том пиру с мужиками разговаривал, но мы уж позабыли подробности. Ведь слушали мы эти рассказы больше 60 лет назад.

В котором году был этот случай с переодеванием, сказать трудно. Гоголь в то лето из Питера в отпуск приезжал. Отец был совсем еще молодым пареньком, – гоголевский костюм напяливал, – ведь Гоголь ростом был не так велик, а мы все, Шабельники, рослые. Может, было отцу лет 13–15, не больше. <...>

Случай, о котором Иван Михайлович Шабельник рассказывал сыновьям, вернее всего мог произойти в 1832 году, судя по тому, что Гоголь называл его «мальчиком». <...> В письмах Гоголя Погодину этих лет есть следы рассказов о переодевании человека в необычайный для него костюм[19]. Такие "опыты" были характерны для Гоголя, стремившегося хоть условно, хоть на короткий срок нарушить установленный нелепый порядок...»[20]

[1] См. также ***1831. Сентября 19. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 514.

[3] Припев к украинской народной песне: «Ой у поля долина, / А в долині калина... / Бойрендом, янтером, / Духрейдом, духтером».

[4] «В письмах Г<оголь> не раз вспоминает о пеньи Катерины Ивановны. Ей он обязан также и теми песнями, которые с ее слов были записаны и пересланы ему в Петербург. Кроме того, она знала много преданий и рассказов из старого украинского быта, чем также воспользовался Г<оголь>» (примеч. В. А. Чаговца).

[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 208.

[6] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 13.

[7] На китайский манер (*фр.*).

[8] 30 апреля 1829 г. Гоголь писал матери: «Поцалуйте за меня Аничку. Сделайте милость, прилагайте всевозможное старанье о воспитании этого умного дитяти, тайное какое-то предчувствие мне предрекает, что от него много можно ожидать. Также шалунью Лизу...»; 24 июля 1829 г.: «Ради Бога, прилагайте возможное попечение о воспитании Аниньки; старайтесь ей дать уразуметь языки и всё полезное. Я предрекаю вам, что это удивительное дитя будет гений, какого не видывали».

[9] *Свод.* Т. 1. С. 144.

[10] *Свод.* Т. 1. С. 177.

[11] Название изданного позднее сборника — «Арабески» (1835).

[12] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 178, 179.

[13] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 195, 197.

[14] См. также ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин*** (примечания).

[15] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 249.

[16] Елена Павловна Серебровская (1915–2003), писатель, секретарь М. А. Шолохова; автор сценария художественного фильма «Белинский» (1951, совместно с Ю. П. Германом и Г. М. Козинцевым; в главной роли — С. И. Курилов; в роли Гоголя — Г. М. Вицин) и двух книг о В. Г. Белинском, содержащих ряд фактических ошибок (*Серебровская Е. П.* Белинский и Гоголь. (К истории борьбы за реализм). Л., 1952; *Серебровская Е. П.* Я в мире — боец. Повесть о жизни Виссариона Белинского. М., 1964).

[17] «В письмах Гоголя мы нашли подтверждение одной из фамилий, названных в рассказе Никифора Ивановича Шабельника. Он назвал Федора Дзюбу в числе крестьян, которые свидетельствовали, что Гоголь помогал семьям их отцов. В четвертом томе писем Гоголя под редакцией Шенрока на стр. 408 в письме Гоголя к сестре Ольге сказано: "В распределении денег я пропустил Наума Дзюба, которому дай тоже целковый"» (*Серебровская Е. П.* Рассказы о Гоголе. <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке> // *Свод.* Т. 3. С. 974). — Имеется в виду письмо от 5 июня 1851 г. В записной книжке Гоголя 1842–1851 гг. имя Наума Дзюбы встречается еще раз; кроме того здесь упоминаются Антон и Максим Высоцкие и Яков Шабельник: «Плотники работавшие. Антон Высоцкий. <...> Дзюба, Наум. Компанеец»; «Максим Высоцкий, волы не работают»; «Хорошие пешие. <...> Яков Шабельн<ик>...» Ср. пояснение Е. П. Серебровской 1991 г.: «В моей памяти что-то шевельнулось: Шабельник... Есть, есть такая фамилия в записной книжке Гоголя! Сверху надпись: "Хорошие пешие", под ней — "Яков Шабельник". Да, Яков был родственником Федора Ивановича, но, конечно, не отцом. <...> Дзюба? Вспоминаю: есть в записной книжке Гоголя и Дзюба. Только не Федор, а Наум» (*Серебровская Е.* Свидание с Гоголем // Учительская газета. 1991. 6–13 августа. № 32. С. 12).

[18] Ср.: «Рассказчиком повестей в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" Гоголь сделал крестьянина-пасечника Панько... <...> Из записанных нами воспоминаний крестьян села Гоголево Шишакского района Полтавской области (бывшей Яворивщины) Никифора Ивановича и Федора Ивановича Шабельников о рассказах их отца, встречавшегося с Гоголем, следует, что в двадцатые-тридцатые годы прошлого века на пасеке Гоголей в Яворивщине был пасечником старик по имени Панько. Был он безродным, фамилии его никто не помнил, жил у Гоголей до конца дней своих, и ему был отдан в ученики отец Никифора и Федора Ивановичей — Иван Михайлович Шабельник, 1819 года рождения. Вероятнее всего, что Гоголь и воспользовался этим готовым именем...» (*Серебровская Е.* Белинский и Гоголь. С. 14). Предание о том, что пасечника в гоголевской Яворивщине звали Паньком, другими источниками не подтверждается. В. А. Чаговец, общавшийся с родными писателя, в 1901 г. сообщал: «В настоящее время в Яновщине (родина Гоголя) у помещицы Ольги Васильевны Головни (родной сестры поэта) на пасеке живет крестьянин, лет около 40, отец которого и дед были пасечниками на княжеской (Кочубеевской) пасеке под Диканькой, а возле церкви в Диканьке, на погосте есть могила псаломщика, прослужившего "в сем сане" пятьдесят лет и скончавшегося около десяти лет тому назад в глубокой старости. <...> Хотя из сохранившейся надписи видно, что имя его было не Фома Григорьевич, тем не менее, мне кажется, что именно он и был вдохновителем Рудого Панька» (см. ***1831. Марта до 20. Санкт-Петербург***). С. Н. Данилевская в начале 1980-х гг. также вспоминала: «Как рассказывали мои родители, пасека в Яворивщине началась с одного-двух ульев, а потом разрослась... <...> И Василий Афанасьевич поручил пасеку самому опытному и старательному из дворовых, понимавшему толк в пчелах. Человек этот обычно жил в Яворивщине все лето

в уютном шалаше, походившем на небольшую избу. Родители не помнили, как звали этого пасечника, но все говорили, что был он наделен острым умом, знал множество преданий, народных украинских дум и песен» (см. ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка***).

[19] Имеется в виду письмо Гоголя к М. П. Погодину от 1 февраля 1833 г. Ср. также упоминание во втором томе «Мертвых душ» о слухах, будто «мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики...» Подробнее см. коммент. к отрывку Гоголя 1833 г. «На бесчисленных тысячах могил...» в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 675–677.

[20] *Серебровская Е. П.* Рассказы о Гоголе. <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке> // *Свод.* Т. 3. С. 971–974.

СЕНТЯБРЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

Женитьба крепостного слуги Гоголя Якима Нимченко на дворовой девушке Матрене, которую М. И. Гоголь назначила в горничные к дочерям Анне и Елисавете.

«Анна Васильевна вспоминает подробности женитьбы <...> Якима на Матрене. Перед отправлением дочерей в институт Марья Ивановна Гоголь была очень озабочена назначением к ним горничной, но все находила, что было бы лучше, если б человек Н<иколая> В<асильеви>ча Яким был женат. И вот она призывает Якима и предлагает ему жениться на выбранной горничной, объясняя, что женить его против желания не хочет, а что желает только слышать его мнение. Но Яким на все отвечал: “Мне все равно-с, а это как вам угодно”. Видя такое равнодушие, его женили за три дня до отъезда, и таким образом совершенно неожиданно для себя и для всех Яким отправился в Петербург с женою и барышни – с горничною, а Марья Ивановна была очень довольна, что все так устроилось по-семейному»[1].

Сестра Ольга Васильевна также вспоминала: «Чтобы не брать в дорогу няни для сестер, брат женил своего лакея Якима на горничной Матрене, которая была у сестры <Марии>. Приехавши в Петербург, он пристроил сестер в институт. Якима с женою оставил в Петербурге, чтобы Яким научился поваром, а жена прачкой. Матрена часто навещала сестер в институте, пока они привыкли. Когда у Якима оказалось двое детей, тогда брат отправил их домой в деревню. Яким оказался великолепным поваром, Матрена – отличная прачка. Потом она была у матери до самой смерти»[2].

В. А. Чаговец к сообщению Ольги Васильевны сделал примечание: «Яким Нимченко – слуга Гоголя в петербургский период. По воспоминаниям, был очень привязан к Гоголю, любил делать ему наставления в духе Осипа <в “Ревизоре”>, но страдал слабостью к напиткам, чем иногда доводил поэта до раздражения»[3].

С желанием Гоголя, чтобы Яким «научился поваром», перекликается содержание сохранившейся в бумагах писателя статьи неизвестного автора о положении крепостных крестьян в Малороссии (предположительно, первой половины 1830-х гг.[4]). Здесь, в частности, говорится: «Недостаток ремесленности есть одна из главнейших причин бедности Малорос<с>ии... <...> ...Целые толпы великорос<с>иян, плотников, каменьщиков, токарей, грабарей, набойщиков населяют Малорос<с>ию и выносят огромные заработки из края, так бедного деньгами. <...> Есть много имений, в которых благоразумными мерами ремесла распространились...» Далее в статье обсуждаются негативные последствия обучения крестьян в Петербурге «ремеслам, удовлетворяющим роскоши»: «Имея мало работы для <таких> мастеровых, <помещики> употребляют их на грубые работы того же мастерства или даже для земледелия и чрез то приводят их в уныние: сапожник, учившийся в Петербурге у Пел<л>я, шьет чоботы для скотаря, портной, бывший подмастерием у Руча[5] в Петербурге, шьет кобиняки и проч. Будучи употребляемы на такую работу, мастеровые не имеют средств ничего заработать, тяготятся, и кроме того <...> скучают за удовольствиями, которые всякий порядочный мастеровой находит в последний год в Петербурге, за волею, которую испытал, и делаются большею частию пьяницами»[6]. Вероятно, вместе с этими размышлениями, конкретные наблюдения Гоголя над тем, как обучается в Петербурге ремеслу его слуга Я. Нимченко, нашли впоследствии прямое отражение в образе портного Петровича (бывшего крепостного) в повести «Шинель» (1842).

[1] *Свод.* Т. 1. С. 179.

[2] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 195. – См. также ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[3] *Свод*. Т. 1. С. 195.

[4] См. ***1848. Мая 11. Васильевка.***

[5] См. ***1832. Марта 30. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 575–577.

СЕНТЯБРЯ ДО 27. МОСКВА

С. П. Шевырев вернулся в Москву из-за границы.

<*Шевырев С.П.*> Шевырев, Степан Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 610. – См. также ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА, ПОЛТАВА

День рожденья и именин М. И. Гоголь.

Позднее, 22 сентября 1835 г., Гоголь писал матери из Петербурга: «Ведь я, кажется, два <три> года тому назад был у вас на Именинах, и, помнится мне, довольно не скучно мы <их> провели».

Сестра Гоголя Анна в конце 1835 г. также писала матери: «Вот уж 3-тий год, как я не была на ваших именинах»[1].

Вероятно, в тот же день, 1 октября 1832 г., Гоголь вместе с сестрами Анной и Елисаветой выехал из Васильевки в Петербург (сестер Гоголь вез, чтобы определить в Патриотический институт[2]). Мать с старшей дочерью Марией (Трушковской) провожали их до Полтавы. С Гоголем в Петербург отправились также слуга Яким Нимченко и его жена Матрена, горничная.

Из воспоминаний Елисаветы Васильевны: «Наконец он приехал за нами, чтобы везти нас в Патриотический институт в Петерб<ург>, где он преподавал историю, поэтому сделала Государыня такую милость, что платила за нас[3]. Он хлопотал сам обо всем, входил во все подробности, какие платья нам сделать для дороги, и какие, чтобы явиться в институт. Нас снабдили всем нужным и отправили в путь. Сестра Мария была замужем около полгода, они венчались к заутрени и, кажется, никого не было, муж ее желал, чтобы все так и было, я это время почти не пом<ню>. Сестра М<ария> жила дома, а муж ее служил в Полтаве, он был городским землемером и приезжал каждую суб<боту> в деревню. Дедушка и бабушка <И. М. и М. И. Косяровские> съехались с нами проститься, и это было последнее прощание, оттого что чрез два года уже никого из них не стало[4], добрые были старички. Сестра <М. В. Гоголь> и Маминька провожали нас до Полтавы. Когда мы уезжали из дома, то очень плакали, нам так жаль было няни Варички; она не могла с нами проститься, убежала в сад, мы же хотели непременно с ней проститься, ее позвали, прощание было самое трогательное, она и мы рыдали. Это прощание так глубоко врезалось нам в память, что в Институте когда нужно было слез, а их не было, то вспомнишь только было прощание с Варичкой, как тут они являлись»[5].

[1] См. ***1835. Октября начало. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Октября 9. Воскресенье. Курск.***

[3] Первоначально, с декабря 1832 г., сестры Гоголя Анна и Елисавета обучались в институте по просьбе брата в счет его жалованья (см. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург***). В январе 1834 г. состоялся

очередной, шестой выпуск воспитанниц, в связи с чем преподаватели института были награждены, в том числе Гоголь, получивший бриллиантовый перстень. Особым награждением Гоголя за преподавательскую работу стало также распоряжение Императрицы о том, чтобы его сестер принять в число сверхкомплектных воспитанниц и с 1 января 1834 г. начать выплачивать ему жалованье. Повеление это получило ход только после обращения Гоголя к начальнице института Л. Ф. Вистенгаузен в июле 1834 г.; распоряжение об этом статс-секретаря Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгинова относится к 26 июля (см. ***1834. Июля 22. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 26. Четверг. Санкт-Петербург***).

4 См. ***1834. Ноября первая половина. Хутор Косяровщина***; ***1836. Март – начало мая. Хутор Косяровщина.***

5 Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 179.

ОКТЯБРЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой проводят день в Полтаве, где прощаются с матерью и сестрой Марией. Возможно, в этот день М. И. Гоголь сделала в приказе общественного призрения Полтавы заем в 3800 рублей[1].

Из воспоминаний Елисаветы Васильевны: «В Полтаве мы пробыли день и простились с сестрой и Маминькой, здесь уже Анет более меня плакала, брат нас долго утешал и старался рассеять, как мог»[2].

1 См. ***1832. В течение года. Полтава.***

2 Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 179.

ОКТЯБРЯ ОКОЛО СРЕДЫ 5. КУРСК

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой по пути в Санкт-Петербург прибыли в Курск. Из-за поломки экипажа задержались в Курске на несколько дней[1]. Вероятно, Гоголь познакомился здесь с курским мещанином В. М. Лагочевым[2].

1 См. ***1832. Октября 9. Воскресенье. Курск.***

2 См. ***1833. Июня 28. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КУРСК

Гоголь, просрочивший к тому дню на два с лишним месяца время своего возвращения из отпуска в Патриотический институт[1], сообщает П. А. Плетневу (инспектору классов института[2], по протекции которого получил здесь место учителя[3]):

«Я всеминутно думаю об вас и рвуся скорее повеситься к вам на шею. Но судьба, как будто нарочно, поперечит мне на каждом шагу. В последнем письме моем, пущенном 11 сентября[4], я писал вам о моем горе: что, поправившись немного в здоровьи своем, собрался было ехать совсем; но сестры мои, которых везу с собою в Патр<иотический> инст<итут>, заболели корью и я принужден был дожидаться, пока проклятая корь прошла. Наконец 29 сентября <1 октября>[5] я выехал из дому и, не сделавши 100 верст, переломал так свой экипаж, что принужден был прожить целую неделю в Курске... <...> ...Завтра, чуть свет, я подвигаюсь далее, и если даст Бог, то к 20 октябрю буду в Петербурге»[6].

1 См. ***1832. Июля 29. Пятница.***

[2] Реакцию Плетнева на опоздание Гоголя см.: ***1832. Декабря 8. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1832. Сентября 11. Воскресенье. Васильевка.***
[5] См. ***1832. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Полтава.***
[6] См. ***1832. Октября 30. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. КУРСК

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой выехал из Курска в Санкт-Петербург.

См. ***1832. Октября 9. Воскресенье. Курск.***

ОКТЯБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. СТАНЦИЯ ПОД КУРСКОМ[1]

Гоголь в письме к матери в Васильевку извещает ее, что он и сестры (Анна и Елисавета) здоровы и веселы, несмотря на то, что экипаж их «беспрестанно ломается».

[1] Ближайшими от Курска, в сторону Москвы, станциями в то время были: Исакиевские постоялые дворы (17 верст), Сороковой колодезь (еще 23 версты), Ольховатка (еще 21 верста), Очки (еще 16 верст).

ОКТЯБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. С. Пушкин выехал из Москвы в Петербург.

Тархова. Т. 3. С. 1415.

ОКТЯБРЯ 12. СРЕДА. МОСКВА

А. С. Пушкин прибыл в Петербург.

Тархова. Т. 3. С. 1415–1416.

ОКТЯБРЬ 18–23. ВТОРНИК-ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой находится, проездом в Петербург, в Москве[1]. Посетил Аксаковых[2], М. Н. Загоскина, М. С. Щепкина. Вероятно, сообщил актеру содержание своей комедии «Владимир 3-ей степени». Сблизился[3] с М. А. Максимовичем, познакомился у него с О. М. Бодянским[4]. Вновь[5], как намеревался[6], навестил И. И. Дмитриева[7]. Побывал у И. Е. Дядьковского[8], у М. П. Погодина. С последним, предположительно, вел разговор о переезде в Москву — с тем, чтобы поступить на службу в Московский университет[9].

С Максимовичем и Погодиным Гоголь, по-видимому, разговаривал об обозрении Московского университета товарищем министра народного просвещения С. С. Уваровым[10], а также об инициативе Уварова провозгласить в России в качестве основ народного образования начала Православия, Самодержавия, Народности.

Принципы Православия, Самодержавия, Народности, которым следовал еще в 1824–1828 гг. в своей деятельности на посту министра народного просвещения А. С. Шишков, были заявлены в 1832 г. С. С. Уваровым в его Отчете по обозрению Московского университета от 4 декабря этого года[11] – и еще раз подчеркнуты им в его обращении 21 марта 1833 г. к попечителям учебных округов при вступлении в должность управляющего Министерством народного просвещения[12]. Последнее обращение нового главы министерства было напечатано в 1834 г. в первом номере основанного Уваровым журнала – «Журнала Министерства Народного Просвещения»[13].

Проводимый Уваровым по инициативе Императора Николая I правительственный курс оказался глубоко созвучен современникам, в том числе А. С. Пушкину и Гоголю[14]. Для Гоголя, в частности, безусловно значимым было совместное посещение 27 сентября 1832 г. Уваровым и Пушкиным Московского университета[15]. Одними из первых, кто поддержал начинания Уварова, были также Погодин и С. П. Шевырев. Осенью 1832 г. Погодин открыл в Московском университете, в присутствии Уварова, курс лекций по русской истории. (Лекция «О Всеобщей Истории» – при вступлении Погодина «в должность Ординарного Профессора в Императорском Московском Университете» – «очень нравилась Пушкину»[16] и была напечатана позднее в первом номере «Журнала Министерства Народного Просвещения»[17].) Уваров, познакомившись на лекции Погодина с Шевыревым, предложил ему тогда же место адъюнкт-профессора по кафедре русской словесности Московского университета[18]. Визит Уварова в Москву оказался значимым и для А. С. Хомякова: после встречи с Уваровым в сентябре 1832 г. он написал стихотворение «Разговор с С. С. Уваровым»[19]. Еще ранее в числе тех, кто публично откликнулся на мероприятия Государя в области образования, был и Максимович. Выступая в начале 1832 г. в собрании Московского университета, Максимович говорил: «Наш Царь, постановив *воспитание* важнейшим делом Государственным, желает, чтобы оно было *отечественное;* <...> Он назначил для будущего преподавания в Университетах избрать юношей из природных Россиян: *будьте истинно Русскими,* вещал Он воспитанникам Университетского Пансиона»[20]. Осенью 1832 г. на преподавательскую деятельность Максимовича, как и на труды Погодина, обратил внимание Уваров, побывав и на его вступительной лекции (посвященной ботанике). За свою лекцию Максимович удостоился тогда, в присутствии Пушкина, Погодина и Шевырева, похвалы будущего министра[21]. (4 декабря 1832 г. Погодин и Максимович были упомянуты, в числе многообещающих преподавателей, Уваровым в его докладе на имя Императора Николая I[22].)

Пушкин был едва ли не первым из литераторов, с кем Гоголь встретился по приезде в Петербург в октябре 1832 г. Несомненно, о начинаниях Уварова Гоголь узнал почти сразу и «из первых рук» – от Максимовича, Погодина, Пушкина, Плетнева...

(П. А. Плетнев, профессор российской словесности Петербургского университета, не без ведома Уварова выступил в 1833 г. в университетском собрании с речью, в которой провозгласил литературу главной составляющей Народности. Тем самым литература объявлялась делом государственной важности. И прямо в ответ этим начинаниям вскоре появились гоголевские «Миргород», «Арабески», «Ревизор» – лично разрешенный Императором к постановке и печатанию[23]. Официальный призыв к самобытности нашел непосредственный «отклик» в произведениях Гоголя.)

Очевидно, что рассказы друзей в 1832 г., а также соответствие собственных устремлений провозглашенному Уваровым курсу побудили Гоголя к непосредственному участию в осуществлении заявленной министром программы[24].

(Судя по всему, само знакомство Гоголя с Уваровым в 1834 г. состоялось благодаря Пушкину[25]. Результатом знакомства стало то, что Гоголь вступил тогда в открытое сотрудничество с Уваровым, заняв кафедру истории Петербургского университета и опубликовав в только что основанном министром журнале четыре статьи[26]. Эти статьи – «План преподавания всеобщей истории», «Отрывок из Истории Малороссии», «О малороссийских песнях», «О Средних веках» – стали основой написанной в том же 1834 г. повести «Тарас Бульба»[27].)

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Не помню, через сколько времени Гоголь опять был в Москве проездом, на самое короткое время; был у нас и опять попросил меня ехать вместе с ним к Загоскину, на что я охотно согласился. Мы были у Загоскина также поутру; он по-прежнему принял Гоголя очень радушно и любезничал по-своему; а Гоголь держал себя также по-своему, т<о> е<сть> говорил о совершенных пустяках и ни слова о литературе, хотя хозяин заговаривал о ней не один раз. Замечательного ничего не происходило, кроме того, что Загоскин, показывая Гоголю свои раскидные кресла, так прищемил мне обе руки пружинами, что я закричал; а Загоскин оторопел и не вдруг освободил меня из моего тяжкого положения, в котором я был похож [на распятого] [на растленного] на растянутого для пытки человека. От этой потехи руки у меня долго болели. Гоголь даже не улыбнулся, но впоследствии часто вспоминал этот случай и, не смеясь сам, так мастерски его рассказывал, что заставлял всех хохотать до слез. Вообще в его шутках было очень много оригинальных приемов, выражений, складу и того

особенного юмора, который составляет исключительную собственность малороссов; передать их невозможно. [Я часто слыхал и даже испытал над самим собою] Впоследствии, бесчисленными опытами убедился я, что повторение Гоголевых слов, от которых слушатели валялись со смеху, когда он сам их произносил, — не производило ни малейшего эффекта, когда говорил их я или кто-нибудь другой.

И в этот приезд знакомство наше с Гоголем не подвинулось вперед: но, кажется, он познакомился с Ольгой Семеновной и с Верой <В. С. Аксаковой>»[28].

20 февраля 1833 г., в письме к Погодину из Петербурга, Гоголь сообщал о своей комедии «Владимир 3-ей степени»: «Она, когда я был в Москве, в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей...»[29]

В 1865 г. В. И. Родиславский[30] писал: «...Я, зная, как интересно все, относящееся к произведениям Гоголя, счел не лишним сообщить газете, посвященной преимущественно театру, те сведения, которые удалось мне собрать о комедии Гоголя *Владимир 3-й степени*, или, по другим, *Крест св. Владимира*.

В *Москвитянине* (книга 1-я, 1841 г.) было сообщено известие, перепечатанное и в Репертуаре за тот же год (кн. 2-я), что "из комедии *Владимир 3-й степени* написано Гоголем два действия"[31]. <...> Желая разузнать подробнее об этой пиесе, я обращался с расспросами об ней к лицу, хорошо знакомому с Гоголем, к покойному М. С. Щепкину и от него узнал, что действительно Гоголь писал комедию "*Владимир 3-й степени*". Он даже читал некоторые из нее сцены, но потом бросил ее, впрочем, некоторые отрывки ее напечатаны в драматических сценах этого писателя, но знаменитый артист не объяснил мне, какие именно из напечатанных отрывков входили в состав комедии *Владимир 3-й степени*[32].

Вот что я узнал от М. С. Щепкина о содержании этой комедии[33]. Героем ее был человек, поставивший себе целию жизни получить крест Св. Владимира 3-й степени. Известно, что из всех орденов — орден Св. Владимира пользуется особенными привилегиями и уважением и дается за особенные заслуги и долговременную службу. Даже теперь, когда с получением других орденов не даются уже дворянские права, как это было прежде, орден св. Владимира удержал еще за собою это право. Старания героя пиесы получить этот орден составляли ее сюжет и давали богатую канву для комедии, которою, как говорят, превосходно воспользовался наш великий комик. В конце пиесы герой ее сходил с ума и воображал, что он сам и есть Владимир 3-й степени. С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем»[34].

В 1854 г. П. А. Кулиш, со слов М. А. Максимовича, сообщал: «На возвратном пути из родины, Гоголь отыскал в Москве своего земляка М. А. Максимовича, который был тогда профессором ботаники при Московском Университете. <...> Гоголь не застал г. Максимовича дома, и г. Максимович, узнав, что у него был автор "Вечеров на хуторе", поспешил к нему в гостиницу. Гоголь встретил своего гостя, как старого знакомого, видев его три года тому назад[35] не более, как в продолжение двух часов, и г. Максимовичу стоило большого труда не дать заметить поэту, что он совсем его не помнит. По словам г. Максимовича, Гоголь был тогда хорошеньким молодым человеком, в шелковом архалуке вишневого цвета. Оба они заняты были в то время Малороссиею: Гоголь готовился писать историю этой страны, а Максимович собирался печатать свои "Украинские народные песни", и потому они нашли друг друга очень интересными людьми»[36].

12 декабря 1832 г. Гоголь писал также из Петербурга М. А. Максимовичу: «Я до сих пор не перестал досадовать на судьбу, столкнувшую нас мельком на такое короткое время. Не досталось нам ни покалякать о том и о сем, ни помолчать, глядя друг на друга».

Спустя более трех недель по приезде в Петербург, 25 ноября 1832 г., Гоголь писал Погодину: «Не сердитесь, Михал Петрович... <...> Я так по приезде сюда завяз в хлопотах, что насилу теперь только отрезвился. <...> Представьте себе мое горе: я не могу приехать к вам так скоро, как бы мне хотелось. Патриотический институт, видно, пронюхал мое намерение. Вы знаете, что я вез туда

своих сестер с тем, чтобы за них платить. Я знал, что комплект полон, что больше не могут принять; но надеялся, что для меня будет сделано снисхождение. Какой же бы, вы думали, я получил ответ? Что сестры мои принимаются, и плата за них не требуется, но чтобы я за то находился при институте неотлучно. Я согласился... <...> Отдохнувши же, я очень хорошо знаю, как поступить, и до весны надеюсь быть у вас в Москве. Очень жалею, что не прежде, но нечего делать. <...> Досада только, что творческая сила меня не посещает до сих пор. Может быть, она ожидает меня в Москве»[37].

Спустя более года, 23 декабря 1833 г., Гоголь сообщал также А. С. Пушкину: «...Я назад тому три года <...> мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали...»

[1] См. ***1832. Октября 21. Пятница. Москва***.

[2] См. ***1832. Октября 22. Суббота. Москва.***

[3] См. ***1829. В течение года. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1832. Декабря 12. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1832. Июля начало. Москва***.

[6] См. ***1832. Сентября 23. Четверг. Васильевка***.

[7] См. ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург***.

[8] См. ***1832. Ноября 25. Пятница. Санкт-Петербург***.

[9] См. ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[10] См. также ***1832. Октября 19. Среда. Москва***.

[11] См. ***1832. Декабря 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1833. Марта 21. Вторник. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания). – О значении выдвинутой Уваровым программы для развития русской культуры см.: *Казаков Н. И.* Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст-1989. М., 1989. С. 5–41.

[14] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 1. С. 83–91; *Виноградов И. А.* Гоголь и Уваров. Неизвестная страница биографии писателя // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. М., 2002. С. 189–202; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: из истории взаимоотношений // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 127–149; *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя: В 2 ч. М.: Русское слово, 2009. Ч. 2. С. 184–227.

[15] См. письмо Пушкина к жене от 28–30 сентября 1832 г. и воспоминания И. А. Гончарова (*Гончаров И. А.* Из университетских воспоминаний // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Вступ. статья В. Э. Вацуро. Сост и примеч. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович: В 2 т. М.: Худож. лит., 1985. Т. 2. С. 253). – Годом раньше – в то время, когда Пушкин написал свой известный отзыв о «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголя, – Уваров перевел на французский язык стихотворение поэта «Клеветникам России» (1831) (см. письмо Уварова к Пушкину от 8 октября 1831 г. и ответ Пушкина от 21 октября того же года). В последующие годы, вплоть до начала 1835-го, Пушкин также не прерывал общения с Уваровым. В дневнике поэта, в частности, сохранилась запись от 10 апреля 1834 г.: «Вчера вечер у Уварова – живые картины».

[16] <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 245.

[17] О Всеобщей Истории. Лекция г. Погодина при вступлении в должность Ординарного Профессора в Императорском Московском Университете // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 31–44.

[18] <*Шевырев С. П.*> Шевырев, Степан Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Ч. 2. С. 610.

[19] П. И. Бартенев писал по поводу этого стихотворения Хомякова: «Облеченная в стихотворную форму, тут впервые высказалась мысль об отношении европейского просвещения к миру православному и славянскому. <...> Гр<аф> С. С. Уваров <...> приезжал тогда осматривать Московский университет <...> Может быть, разговор с Хомяковым навел его на мысль или утвердил его намерение – расширить круг деятельности Археографической комиссии, и основать в Русских университетах кафедры Славянских наречий <см. ***1835. Июля 26. Пятница. Санкт-Петербург***>» (*Б<артенев> П.* Неизданные стихи А. С. Хомякова. Разговор с С. С. Уваровым // Русский Архив. 1863. Вып. 4. С. 303).

[20] *Максимович М.* О Русском Просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского Университета, 1832, января 12 // Телескоп. 1832. № 2. С. 177.

[21] См.: Автобиография Мих<аила> Алек<сандровича> Максимовича. <Письмо Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 336–337.

[22] См.: 1832. Декабря 4. С представлением отчета Тайного Советника Уварова по обозрению им Московского Университета и Гимназий // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 344. – См. ***1832. Декабря 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[23] См. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

[24] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[25] См. ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1834. Март – апреля не позднее 7. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 13. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[26] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестные автографы Гоголя // *Гоголь 2001.* С. 3–38.

[27] Подробнее см.: *Гоголь 2009.* С. 428. – См. также ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[28] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.>// *Свод.* Т. 2. С. 664–665.

[29] См. ***1833. Февраля 20. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[30] Владимир Иванович Родиславский (1828–1885), драматург, историк театра.

[31] См. ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва.***

[32] На основе сцен «Владимира 3-ей степени» Гоголем были созданы драматические отрывки «Утро делового человека» (опубл. в т. 1 «Современника» 1836 г.; в письме к А. С. Пушкину от 2 марта 1836 г. Гоголь назвал этот отрывок «Утро чиновника»), «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» (опубл. в «Сочинениях Николая Гоголя» 1842 г.).

[33] О содержании этой комедии см. также: ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[34] *Родиславский В. И.* О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени» // *Свод.* Т. 3. С. 31.

[35] См. ***1829. В течение года. Санкт-Петербург.***

[36] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 632.

[37] См. также ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 19. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*2 <сентября> – октября 19.* <...> С Шев<ыревым> об Италии, и взманил меня: как легко путешествовать: в 3 недели от Москвы до Рима. Можно на летнюю вакацию. Не попроситься ли теперь в Берлин? – Много толков об Уварове – предмет Унив<ерситетских> разговоров. – Он человек суетны<й>, тщеславный, не <1 нрзб.>, но может принести пользу просвещен<ию> даже своими недостатками, которых не имеют по своему невежеству Ливен и Ливены»[1].

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.

[1] Светлейший князь Карл Андреевич Ливен (1767–1844), министр народного просвещения (с 1828 по 20 марта 1833 г.), назначенный на этот пост после А. С. Шишкова; в прошлом один из директоров Библейского общества, немец, протестант, принадлежавший к секте моравских братьев (гернгутеров). (О гернгутерах см.: ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** – примечания).

С самого начала деятельности С. С. Уварова на посту министра народного просвещения многие современники относились к нему как человеку, который, несмотря на известные его недостатки, может принести пользу России. К примеру, Ф. Ф. Вигель 17 марта 1836 г. писал М. Н. Загоскину: «Я не в чем е<му> <Уварову> не верю, знаю, что он прикидывается только Руссоманом, но и за то ему спасибо; другие верят ему, он дает юношеству хорошее направление и неумышленно творит великое добро» (*РНБ.* Ф. 291. Ед. хр. 54. Л. 3 об.). – См. также ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 21. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Вот уже четвертый день, как мы в Москве. Почти две недели мы тянулись к ней, за проклятым экипажем, беспрестанно ломавшимся. Здесь я перечинил его снова и кроме того приделал зонтик... <...> Какой дорогою я выдумал прелестный узор для ковра! Я вам пришлю его из Петербурга. Москва так же радушно меня приняла, как и прежде, и умоляет усердно остаться здесь еще на

сколько-нибудь времени. Но мы очень опоздали, и потому в воскресение, 23, я думаю непременно выехать...»

Из воспоминаний Елисаветы Васильевны: «В Москве мы пробыли 3 дня, брат возил нас в театр».

Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 179.

ОКТЯБРЯ 21. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 17 журнала «Телескоп», где напечатан сочувственный отзыв Н. И. Надеждина о второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

ОКТЯБРЯ 22. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*22 <октября>*. <...> Обед<ал> у Акс<аковых>»[1].

Суббота – традиционный день приема у Аксаковых. С 18 по 23 октября 1832 г. в Москве проездом в Петербург был также Гоголь.

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.

ОКТЯБРЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Вероятно, в этот день Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой выехал из Москвы в Санкт-Петербург.

См. ***1832. Октября 21. Пятница. Москва.***

ОКТЯБРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с сестрами Анной и Елисаветой прибыл в Санкт-Петербург[1] (спустя некоторое время поселился вместе с ними в Новом переулке 2-й Адмиралтейской части, в доме скульптора В. И. Демут-Малиновского[2]).

«В конце октября он <Гоголь> вернулся в Петербург и поселился неподалеку от прежней квартиры – в доме известного скульптора В. И. Демут-Малиновского в Новом переулке (ныне переулок Антоненко <...> участок дома №1 <...>). Где стоял этот дом, до недавнего времени оставалось неизвестным. Теперь удалось установить, что он находился на правой стороне переулка и был вторым от Мойки. Снесли его в 1839 году, когда здесь началось сооружение дворца для дочери Николая I Марии (Мариинский дворец, теперь здание Ленгорисполкома)»[3].

В Патриотическом институте, где преподавал Гоголь, училась дочь В. И. Демут-Малиновского (1779–1846) Марья Васильевна (род. в сент. 1812)[4], которая в январе 1832 г. окончила институт. Она упоминается в печатной «Программе публичного испытания воспитанниц Патриотического Института Комитета, учрежденного в

18 день августа 1814 года, 5-го выпуска. 11, 12 и 13 генваря 1832 года»[5], а также в печатном списке «Воспитанниц и пансионерок, назначенных к выпуску 1832 года», сохранившемся в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии»[6]. На дочери Демут-Малиновского был женат скульптор С. И. Гальберг (1787–1839).

Спустя непродолжительное время обнаружилось, что снятая квартира довольно холодна. 25 ноября 1832 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Напишите, сколько градусов тепла у вас в кабинете. У меня холодная квартира, и я теперь всякого, у кого в комнате 15 градусов тепла, почитаю счастливцем». 11 марта 1833 г. П. А. Плетнев сообщал о Гоголе В. А. Жуковскому за границу: «...Он в такой холодной поселился квартире, что целую зиму принужден был бегать от дому, боясь там заморозить себя»[7]. 24 июня 1833 г. Гоголь писал также матери: «...Я ищу теперь себе другую квартиру, потому что старая надоела мне до смерти. Она меня заморозила зимою так, что одно только лето, подобное нынешнему, отогрело меня».

5 июня (н. ст.) 1839 г. Гоголь в письме к матери[8] рассказывал о том времени, когда привез сестер в Петербург: «Они, приехавши из деревни, были совершенные дикарки, от которых посторонний человек не мог добиться слова».

Сестра Гоголя Анна в письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. вспоминала: «...Когда он нас вез в институт, заставлял нас переводить и был доволен всякой галиматьей и приносил подарки всякий раз, когда выходил из дому (это было в Петербурге; мы у него пробыли недели 2 или 3 – до вступления в институт)»[9].

Сестра Елисавета также вспоминала: «В Петербурге также он старался доставлять нам удовольствие, возил в театры, зверинец. Раз повез он нас в театр, взял извощика и сказал нам снять капоры и положить в санях, по окончании ищем извощика, нет, он пропал вместе с нашими чепчиками зелеными, и так брат заказал нам опять розовые. Квартиру брат переменял два раза при нас, и все сам устраивал, кроме занавесок. Помню, последние были каленкоровые с розочками, он сам кроил и показывал женщине, как шить. У него были гости вечерами, но мы почти никогда не выходили, иногда он делал званные [вечеринки] вечера, и тогда сам приготовлял сухарики, как-то обмакивал в шоколад; мы не выходили на эти вечера, но выглядывали из своей комнаты в окошко, которое шло в переднюю. Но обо всем этом времени воспоминание самое неясное. Мы пробыли у брата, кажется, месяц, он это время нас приготовлял в институт, занимался с нами и покупал игрушки; да, редкий брат у нас был, так молод и так заботился об нас, как мать. Он часто уезжал вечерами, а мы ложились рано спать»[10].

[1] См. ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Ноября 25. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург***; ***1832. Декабря 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] *Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194, 195.

[4] *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 62.

[5] *ЦГИА СПб.* Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 58.

[6] Вырезка из «Прибавлений № 250 к Санктпетербургским Ведомостям. Суббота Октября 24-го дня 1831 года». С. 2209.

[7] См. ***1833. Марта 11. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1839. Июня 5 <мая 24>. Среда. Рим.***

[9] *Свод.* Т. 1. С. 144.

[10] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 179.

НОЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь является на службу в Патриотический институт, просрочив отпуск (истекший 28 июля 1832 г.[1]) более чем на три месяца[2].

[1] См. ***1832. Июня между 13 и 27. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института Л. Ф. Вистенгаузен направляет статс-секретарю Императрицы Н. М. Лонгинову представление о трехмесячной просрочке Гоголем отпуска:

«С Высочайшего соизволения Государыни Императрицы, в июне месяце последовавшего, учитель Патриотического Института Гоголь-Яновский уволен в отпуск на 28 дней, без вычета жалованья, считая с 1-го июля. По истечении сего срока г. Гоголь к должности не являлся и объяснения на сей случай никакого не представлял, но уже прибыл в первых числах сего ноября, следственно просрочивши три месяца.

Не решаясь сам собою выдать следующее г. Гоголю жалованье за сии просроченные три месяца, честь имею испрашивать разрешение Вашего Превосходительства, не будет ли таковой отпуск жалованья противен общим законоположениям о домовых отпусках чиновников, коим со дня просрочки жалованье прекращается?»[1]

Согласно позднейшему документу, за трехмесячную просрочку отпуска из жалованья у Гоголя было удержано лишь 200 рублей (которые в 1833 г. были также выплачены)[2].

В тот же день, 13 ноября 1832 г., Л. Ф. Вистенгаузен направила Н. М. Лонгинову представление о приеме в институт сестер Гоголя (Анны и Елисаветы), в счет его жалованья:

«Учитель Патриотического института 14 класса[3] Гоголь-Яновский, возвратясь из домового отпуска, привез с собою двух сестер в том предположении, чтобы определить их в Патриотический институт для воспитания. Девицы сии не могут поступить ни на правах штатных воспитанниц, ни пансионерок[4], но г. Гоголь просит, чтобы их поместить взамен его жалованья, коего производится ему от института 1200 р<ублей> в год.

Принять сих девиц сверхкомплектными воспитанницами на таком положении, чтобы содержание их, как на платье, белье, так и на стол, производилось из экономии, без всяких для института особых издержек, я нахожу возможным и выгодным для института. Выгода сия дает еще новый способ составить особый капитал, если Вашему Превосходительству благоугодно будет исходатайствовать Высочайшее соизволение Ее Императорского Величества на обращение означенных остающихся в экономии 1200 р<ублей> для пенсионов служащих при заведении, тем более, что институт не имеет в виду особых сумм для такого назначения, но, считая обязанностию объяснить в сем случае мнение мое, я все сие предоставляю благоусмотрению Вашего Превосходительства»[5].

Позднее, 9 января (н. ст.) 1845 г., Гоголь писал А. О. Смирновой: «...Я поместил сестер моих в институт и платил за них из своего кармана до времени, пока добрая Государыня не взяла их на свой счет»[6].

Сестра Гоголя Анна в письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. вспоминала: «Накануне нашего вступления поздно вечером, когда мы уже спали, разбудил нас, чтобы завить нам волосы, но букли были неудачны, особенно мои, и в институт я явилась всклокоченная сильно»[7].

Сестра Елисавета также вспоминала: «Раз будит нас Матрена (жена человека брата Екима), брат велел нас завить, чтобы [завтра] на другой день везти в институт, и так нас, сонных совсем, она завила, и на другой день нас одели в широчайшие дамского сукна платья, закрытые, шоколадного цвета. Брат вручил нас Начальнице М<-me> Вистенгаузен (горбатая старушка), мы много плакали, когда брат уезжал. Maman ввела нас в классы и отрекомендовала: "Сестры Гоголя"; тут нас по обыкновению обступили все как новеньких и сестер своего учителя, нас ласкали, особенно большие; дама тот же день подарила мне куклу; я очень маленькая была, Анет очень росла до 14 <лет>,

я же очень тупо, так и была в самой первой паре, и классная дама вела меня за <руку>... <...> Так как мы поступили полгода раньше выпуска[8], то мало очень учились и играли большею частию в коридоре»[9].

Из воспоминаний воспитанницы института: «Институтское однообразие лучше всего приучает детей к общему порядку; кто-то давно сказал, что две институтки походят на семь Симеонов, все в один голос, в один волос. Мы вставали, молились, пили сбитень или молоко, шли в классы, обедали, играли, опять шли в классы, полдничали ржаным хлебом с квасом, опять играли, ужинали, молились на общей молитве, и укладывались спать; завтра и послезавтра делалось то же. Это однообразие казенное порядка ввело нас в одну общую колею, и жизнь наша пошла тихо и мирно. Прощаясь со мною в лазарете, M<ademois>elle Лонгинович дала мне добрый совет: ничего не рассказывать детям про свое домашнее житье, а то, ma chere, вас девицы задразнят. Совет ее мне пригодился... <...> Дразнить друг друга чем-нибудь домашним, не подходящим под институтские обычаи и понятия, было дурной привычкой. Бывало, какая-нибудь из породы льстюшек выведает всю подноготную, и потом, поссорясь, начнет дразнить; к ней пристанут другие, пойдет потеха! тут ничего не помогало: ни вмешательство классных дам, ни заступничество подруг.

Вероятно, недостаток этот был всем довольно сроден, потому что дети долго не могли от него отстать; он даже был известен вне институтских стен. Николай Васильевич Гоголь, отдавая сестер своих к нам, строго запретил им откровенность об нем самом и об домашних»[10].

[1] <Представление по предполагаемом прекращении Гоголю выплаты жалованья за просрочку летнего отпуска на три месяца> / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 738.

[2] См. ***1833. Октября 23. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] «В правилах Патриотического института заключается статья, по которой “принимаются в сие заведение только дочери военных чинов”» (примеч. Н. А. Белозерской, опубликовавшей в 1887 г. этот документ).

[5] <О приеме в Патриотический институт в счет жалованья Гоголя его сестер Анны и Елисаветы> / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 738–739. – См. также ***1832. Декабря 5. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1834. Июля 26. Четверг. Санкт-Петербург.***

[7] *Свод.* Т. 1. С. 144.

[8] На самом деле Анна и Елисавета поступили в институт более чем за год до очередного выпуска воспитанниц. Шестой выпуск состоялся в средине января 1834 г. При поступлении в институт в декабре 1832 г. сестре Анне было одиннадцать лет, Елисавете – девять. Согласно правилам, «принимаемые девицы» должны были быть «не моложе 10 лет и не старше 12» (*Бардовский А. Ф.* Патриотический Институт. Исторический очерк за 100 лет. 1813–1913 гг. СПб., 1913. С. 30). Срок обучения в институте составлял шесть лет, при этом положено было «ни в коем случае» не принимать девиц моложе восьми лет, а «в случае приема девицы моложе десяти лет оставлять ее вместо шести на девять лет» (Там же. С. 30). Сестры Гоголя проучились в институте семь лет (или неполных восемь лет учебных) и оставили его 19 ноября 1839 г. (см. ***1839. Ноября 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***) – более чем за три месяца до восьмого выпуска 1840 г. (выпуски воспитанниц совершались в институте раз в три года) (Там же. С. 192). В списке выпускниц 1840 г. значатся под именами: «Гоголь-Яновская, Анна. Гоголь-Яновская, Елизавета» (Там же. С. 191). – См. также ***1833. Марта 23–26. Четверг – вербное воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 179–180.

[10] Записки институтки. Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г. // *Свод.* Т. 1. С. 744.

НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку, вероятно, посылает узор для ковра[1]; просит передать Е. И. Ходаревской, что ему часто вспоминаются ее песни[2].

[1] См. ***1832. Октября 21. Пятница. Москва.***

[2] См. ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка.***

НОЯБРЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки.

См. ***1832. Ноября 22. Вторник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 22. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку, что накануне[1] получил от нее письмо с «метрическими выписками» (очевидно, необходимыми для определения сестер Анны и Елисаветы в Патриотический институт):

«Дети покамест живут у меня, потому что в институте произошли небольшие переделки, и помещения совсем нет. На следующей недели я их отвезу[2]. Насчет отягощения их учением не беспокойтесь. Они так мало успели, что будут помещены вместе с семилетними в предуготовительное отделение, где почти ничем не будут заниматься, выключая первых начал».

Обещает на неделе побывать в Опекунском совете[3] по делу об уплате процентов за заложенное имение. Негодует, что летом в Васильевке приживал Петр Борисович «выучил» Якима Нимченко «пьянствовать»:

«Теперь всё мне открылось, когда они вместе, Яким с Яковом и Борисовичем, ходили за утками и пропадали три дня: это всё они пьянствовали и были так мертвецки пьяны, что их чужие люди перенесли. Я Акима больно <*не дописано*>».

[1] См. ***1832. Ноября 21. Понедельник. Праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1832. Декабря 5. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1832. Декабря 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 23. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург[1], адресуя послание в Патриотический институт[2].

[1] См. ***1832. Декабря 13. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 25. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. П. Погодину в Москву сообщает, что договорился об устройстве своих сестер Анны и Елисаветы в Патриотический институт, однако вследствие этого его переезд в Москву откладывается до конца зимы[1]. Извещает, что советы И. Е. Дядьковского и петербургского доктора С. Ф. Гаевского ему помогли, и он «покамест здоров».

Передает поклон Киреевскому (вероятно, Петру[2]), С. Т. Аксакову и «всем нашим москвичам». Сообщает адрес («квартира моя II-й Адм<иралтейской части>, в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки»); желает Погодину творческих успехов:

«Да снидет на вас благодать и да разрешитесь вы к новому году томом широким, увесистым, читая который, был бы

— сам как будто на земли,
А пред тобою небо открывалось[3].

Так как вы, без всякого сомнения, испугались бы, если бы моя рука вытянулась на 700 верст в длину и, пробившись сквозь капитальные стены вашего кабинета, любовно пожала бы вашу, то вместо того я посылаю вам мысленно рукопожатие и братское объятие».

[1] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

[2] См. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург***. — См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[3] Цитата из «Фауста» Гете в переводе Д. В. Веневитинова: «Недаром иногда пороешься в пыли, / И, право, отрывать случалось / Такой столбец, что сам ты на земли, / А будто небо открывалось» (впервые опубл.: Соч. *Д. В. Веневитинова.* Ч. 1. Стихотворения. М., 1829. С. 121). Цитата была впоследствии использована также Гоголем в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» при характеристике взглядов швейцарского историка Иоганна Миллера (Мюллера; 1752–1809): «...Они так высоки и глубоки, что открывшему их открывается, по выражению Вагнера в “Фаусте”, на земле небо».

НОЯБРЯ 5 ИЛИ 12 ИЛИ 19 ИЛИ 26. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь начинает посещать литературные субботы у князя В. Ф. Одоевского. Вероятно, на одном из вечеров Одоевский читал Гоголю повести из готовящегося сборника «Дом сумасшедших»[1].

В 1869 г. М. П. Погодин сообщал: «С тех пор, как Одоевский начал жить в Петербурге своим хозяйством[2], открылись у него вечера, однажды в неделю, где собирались его друзья и знакомые — литераторы, ученые, музыканты, чиновники. Это было оригинальное сборище людей разнородных, часто даже между собой неприязненных, но почему-либо замечательных. Все они, на нейтральной земле, чувствовали себя совершенно свободными и относились друг к другу без всяких стеснений. Здесь сходились весёлый Пушкин и отец Иакинф[3] с китайскими, сузившимися глазками, толстый путешественник, тяжелый немец — барон Шиллинг[4], возвратившийся из Сибири, и живая, миловидная графиня Ростопчина, Глинка и профессор химии Гесс[5], Лермонтов и неуклюжий, но многознающий археолог Сахаров. Крылов, Жуковский[6] и Вяземский были постоянными посетителями. Здесь явился на сцену большого света и Гоголь, встреченный Одоевским на первых порах с дружеским участием»[7].

Граф В. А. Соллогуб в свою очередь, вспоминал о князе В. Ф. Одоевском: «Я сблизился с ним в тридцатых годах, когда он жил в Мошковом переулке, где занимал флигель в доме его тестя С. С. Ланского[8]. Квартира его, как всегда, была скромна, но уже украшалась замечательною библиотекой, постоянно им дополнявшейся до дня кончины. В этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходился по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг

на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. <...> На этом диване Пушкин слушал благоговейно Жуковского; графиня Ростопчина читала Лермонтову свое последнее стихотворение; Гоголь подслушивал светские речи; Глинка расспрашивал графа Виельгорского про разрешение контрапунктных задач; Даргомыжский замышлял новую оперу и мечтал о либреттисте»[9].

Соллогуб сообщал также о посещении Гоголем гостиной Елизаветы Михайловны Хитрово (рожд. княжна Голенищева-Кутузова, в первом браке графиня Тизенгаузен, 1783–1839): «Самой оживлённой, самой "эклектической", чтобы выразиться модным словом, петербургской гостиной была гостиная Елизаветы Михайловны Хитрово, рожденной Кутузовой. Кутузовы по рождению не принадлежали к петербургской знати, но доблестное положение, которое занял в истории России фельдмаршал, выдвинуло их на первое место; у Кутузова было пять дочерей: старшая, вышедшая за Матвея Толстого, вторая замужем сперва за графом Тизенгаузеном, от которого имела двух дочерей: известную красавицу графиню Фикельмонт, жену австрийского посла при российском дворе, и фрейлину графиню Екатерину Федоровну Тизенгаузен — потом камерфрейлину, вышедшую за Хитрово; третья в замужестве за Опочининым, четвертая за татарским или грузинским князем Кудашевым и пятая за другим Хитрово. Самой из них известной и самой привлекательной была, разумеется, Елизавета Михайловна Хитрово. Она никогда не была красавицей, но имела сонмище поклонников, хотя молва никогда и никого не смогла назвать избранником, что в те времена была большая редкость. Елизавета Михайловна даже не отличалась особенным умом, но обладала в высшей степени светскостью, приветливостью самой изысканной и той особенной всепрощающей добротой, которая только и встречается в настоящих больших барынях. В ее салоне, кроме представителей большого света, ежедневно можно было встретить Жуковского, Пушкина, Гоголя, Нелединского-Мелецкого и двух-трех других тогдашних модных литераторов. По этому поводу молва, любившая позлословить, выдумала следующий анекдот. Елизавета Михайловна поздно просыпалась, долго лежала в кровати и принимала избранных посетителей у себя в спальне; когда гость допускался к ней, то, поздоровавшись с хозяйкой, он, разумеется, намеревался сесть; г-жа Хитрово останавливала его. "Нет, не садитесь на это кресло— это Пушкина, — говорила она, — нет, не на диван — это место Жуковского, нет, не на этот стул — это стул Гоголя — садитесь ко мне на кровать; это место всех!" (Asseyez-vous sur mon lit, c'est la place de tout le monde)»[10].

[1] См. ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург***; ***1832. Декабря 8. Четверг. Санкт-Петербург***.

[2] С 1826 г.

[3] Архимандрит Иакинф (Бичурин, 1777–1853), синолог.

[4] Барон Павел Львович Шиллинг фон Капштадт (1786–1837), изобретатель электромагнитного телеграфа и ориенталист. В 1830 г. был послан по службе в Сибирь, откуда вернулся в марте 1832 г. Возобновил дружеское общение с А. С. Пушкиным в конце 1832 г. (см.: *Тархова*. Т. 3. С. 1431).

[5] Герман (Герман Генрих) Иванович Гесс (1802 — 1 декабря 1850), химик.

[6] Ср. ***1832. Июня 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] *Погодин М. П.* Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском // *Свод*. Т. 2. С. 414.

[8] Ср. ***1831. Мая 2. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1838. Марта 15 <3>. Четверг. Рим***.

[9] *Соллогуб В., граф.* Воспоминание о князе В. Ф. Одоевском // *Свод*. Т. 2. С. 414–415.

[10] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод*. Т. 2. С. 415.

НОЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь встречается с А. С. Пушкиным.

См. ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 30. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к И. И. Дмитриеву извиняется, что не был у него перед самым выездом из Москвы в Петербург. Сообщает, что в Петербурге успел повидаться с А. С. Пушкиным[1] и князем В. Ф. Одоевским[2]:

«Сегодня будет месяц, как я нахожусь здесь[3], и хотя еще не успел побывать у кого бы следовало (чему причиною лень, вывезенная мною из Малороссии), однако ж виделся с Пушкиным. Газеты[4] он не будет издавать, — и лучше! В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком. Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север<ных> Цветах на 1831[5]. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших[6]. <...> Если на случай вам понадобится знать мой чердак, то вот его адрес: II-й Адм<иралтейской> части в Новом переулке, дом Демут-Малиновского, близ Мойки».

[1] См. ***1832. Ноября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Ноября 5 или 12 или 19 или 26. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1832. Октября 30. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] Речь идет о газете «Дневник», о которой Пушкин разговаривал с А. Х. Бенкендорфом в первой половине ноября 1832 г. — и от издания которой отказался к 16 ноября того же года (см.: *Тархова.* Т. 3. С. 1422–1423).

[5] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[6] «Первое достоверное свидетельство о характере и масштабах "Дома сумасшедших", его оформленные контуры, как и само название, сохранил для нас <...> Гоголь... <...> Гоголь оказался, очевидно, первым, кому рассказал Одоевский о результатах своей летней работы...» (*Турьян М. А.* Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М., 1991. С. 196, 197). — См. также ***1832. Июля начало. Москва***; ***1832. Декабря 8. Четверг. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 3. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, побывав в Опекунском совете, извещает мать о допустимой отсрочке выплаты процентов[1] за заложенную Васильевку. Посылает конфеты, сообщая, что это подарок от дочерей (Анны и Елисаветы), а также узоры для ковров, с подробными объяснениями:

«Посылаю вам узоры: моего изобретения[2] здесь нет, потому что я его еще не кончил. Эти же узоры посылаю вам для тех ковров, о которых я вам говорил еще дома. Поле всё в клетках под тень так, как я вам оставил рисунок на стулья. По полю белые круги (3/4 аршина в диаметре). Они должны <быть> чаще и ближе один от другого, чтобы поля (хотя оно и клетчатое) видно было немного; в круге букет цветов, который при сем посылаю. Один букет ставьте на все круги. Это не будет однообразно; а ковер будет между тем чрезвычайно ярок. Кайму, какую хотите из двух, употребите: или *гирлянды на палке по белому полю* (только не по черному, как там начато), или другую, по голубому. Лучше, я думаю, первую. Другой же ковер — ландшафт, который тоже посылаю, будет прелестен. Кайму к нему я пришлю вам скоро. Она необыкновенно широка и вся в цветах, так что для ландшафта остается небольшая середина ковра, и чрез это ковер очень выдет поразителен: ландшафт с рамкою кажется в отдалении».

Сообщает адрес: «...Квартира моя: Адмиралтейской части в Новом переулке. Дом Демут-Малиновского, близ Мойки».

[1] Ср. ***1832. В течение года. Полтава.***

[2] См. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Будущий[1] министр народного просвещения С. С. Уваров (в то время исполнявший обязанности товарища министра – светлейшего князя К. А. Ливена) в Отчете по обозрению (в июле 1832 г.) Московского университета[2] – на имя Императора Николая I – впервые[3] провозглашает в качестве основы образования, в противодействие западному влиянию, начала Православия, Самодержавия, Народности. Ставит задачу придать литературным журналам направление «сходственное с видами правительства». (Спустя несколько месяцев, в 1833 г., литература была названа одной из главных составляющих Народности[4].)

В третьем разделе отчета – «Об общем духе Университета» – Уваров писал: «...Особенно убедился я в том, что прежние примеры неустройства и буйного расположения в некоторых молодых людях не были ими почерпнуты в Университете, а внесены в оный под влиянием посторонних лиц... <...> Утверждая, что в общем смысле дух и расположение умов молодых людей ожидают только обдуманного направления, <...> что сей дух готов принять впечатления верноподданнической любви к существующему порядку, я не хочу безусловно утверждать, чтобы легко было удержать их в сем желаемом равновесии между понятиями заманчивыми для умов недозрелых и, к несчастию Европы, овладевшими ею, и теми твердыми началами, на коих основано не только настоящее, но и будущее благосостояние Отечества; <...> но я твердо уповаю, что нам остаются средства <...> к разрешению одной из труднейших задач времени, – образование правильное, <...> с глубоким убеждением и теплою верой в истинно Русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения... <...>

...Убедился я в том, что можно постепенно дать периодической литературе, сделавшейся ныне столь уважительною и столь опасною, направление, сходственное с видами правительства...»[5]

[1] С 21 апреля 1833 г. – См. также ***1833. Марта 21. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва***; ***1832. Октября 19. Среда. Москва.***

[3] См. также ***1833. Марта 21. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1833. Августа 31. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] 1832. Декабря 4. С представлением отчета Тайного Советника Уварова по обозрению им Московского Университета и Гимназий // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 348–349, 352. – В 1834 г. был закрыт журнал «Московский Телеграф».

ДЕКАБРЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На представлении Л. К. Вистенгаузен о зачислении сестер Гоголя в Патриотический институт[1] рукою Н. М. Лонгинова вынесена резолюция Императрицы Александры Феодоровны:

«Ее Императорское Величество соизволила утвердить сие представление, с тем, чтобы милость сия не служила примером впредь для других, единственно по уважению к ходатайству г-жи начальницы института, повелев также и в списках воспитанниц и пансионерок девиц Гоголь-Яновских не считать, за неимением ими права на поступление в Патриотический Институт»[2].

Возможно, в тот же день было вынесено Высочайшее решение об удержании из жалованья Гоголя 200 рублей за трехмесячную просрочку отпуска[3].

[1] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 739.

[3] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 8. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому в Верне:

«Кстати о чадах Малороссии. Гоголь нынешним летом ездил на родину. Вы помните, что он в службе и обязан о себе давать отчет. Как же он поступил? Четыре месяца не было про него ни слуху, ни духу[1]. Оригинал. В Москве он виделся с И. И. Дмитриевым[2], который принял его со всею любезностию своею. Вообще тамошние литераторы, кажется, порадовали его особенным вниманием к его таланту. Он не может нахвалиться Погодиным, <П. В.> Киреевским[3] и прочими. Гоголь очень сожалеет, что Киреевский при его прекрасном уме слишком рассеянно, слишком светски проводит время. У Гоголя вертится на уме комедия[4]. Не знаю, разродится ли он ею нынешней зимой; но я ожидаю в этом роде от него необыкновенного совершенства. В его сказках[5] меня всегда поражали драматические места. Гоголь мне сказывал, что князь Одоевский (с которым я сам не видался больше полгода) готовит собрание своих повестей, под названием: Дом сумасшедших. Некоторые прочитывал он с Гоголем[6]: они ему так нравятся, что он их предпочитает напечатанным, как наприм<ер>, Последний концерт Бетговена»[7].

Свод. Т. 1. С. 659.

[1] См. ***1832. Ноября начало. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Июля начало. Москва.***

[3] См. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[4] «Владимир 3-ей степени».

[5] Имеются в виду повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (см. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** – примечания).

[6] См. ***1832. Ноября 5 или 12 или 19 или 26. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1831. Декабря 18. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки.

См. ***1832. Декабря 13. Вторник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. А. Максимовичу в Москву:

«Я думаю, вы, земляче, порядочно меня браните за то, что я до сих пор не откликнулся к вам? Ваша виньетка меня долго задерживала. Тот художник, малоросс в обоих смыслах, про которого я вам говорил и который один мог бы сделать национальную виньетку, пропал как в воду, и я до сих пор не могу его отыскать. Другой, которому я поручил, наляпал каких-то чухонцев и так гадко, что я посовестился вам посылать. О Русь, старая рыжая борода, когда ты поумнеешь? <...> Можно ли надеяться мне вашего приезду нынешней зимой сюда? <...> Посылаю вам виршу, говоренную запорожцами[1]... <...> Поклонитесь от меня, когда увидите,

Щепкину. Посылаю поклон также земляку, живущему с вами[2], и желаю ему успехов в трудах, так интересных для нас»[3].

[1] «Вирша, говоренная Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения», переписанная Гоголем с рукописных источников, находится в его «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830). Впервые она была напечатана лишь в 1882 г. в «Киевской Старине» (см. ниже). Автор «Вирши...» (1781) – войсковой судья общины черноморских казаков Антон Андреевич Головатый (1732–1797); в 1764 г. в должности войскового писаря был в числе депутатов от запорожцев на коронации Императрицы Екатерины II; в 1774 г. он вновь вошел в составе депутации от Запорожского войска к Императрице с прошением о восстановлении прав и привилегий войска. (События, получившие отражение в «Ночи перед Рождеством»; см. ***1774. Апреля 20. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург.***) Пользовался уважением и доверием светлейшего князя Таврического Г. А. Потемкина, поручившего ему формирование Черноморского казачьего войска. Автор еще двух песен, сложенных по поводу исторических событий, в которых он участвовал.

Содержание «Вирши...» нашло также отражение в повести «Вий» (см. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания); *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5; а также сопроводит. статью к т. 2 в изд.: *Гоголь 2009–2010*).

В бумагах М. А. Максимовича оказалось несколько списков этой вирши, причем один из них, переданный в редакцию «Киевской Старины» С. И. Пономаревым, «писал собственной рукой Н. В. Гоголя» (Киевская Старина. 1882. № 4. С. 168; Житє і Слово. Львов. 1894. № 3. С. 444–449).

[2] К этим строкам М. А. Максимович на подлиннике письма приписал: «Бодянскому, который, будучи тогда студентом, жил у меня в Ботаническом саду».

[3] Речь идет о собирании украинских народных песен. Позднее, в 1837 г., О. М. Бодянский сообщал: «Что касается до многочисленности песень Украинских, то скажем, что в нашем собрании их, которого отнюдь не выдаем за полное, начатом за 7 лет пред этим и наполненном песнями, собранными только в одной Полтавской губернии, то в нем теперь имеется уже слишком за *восемь тысяч*, 8000, песень» (О народной поэзии Славянских племен. Рассуждения на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Осипа Бодянского. М., 1837. С. 136). – См. также ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва.***

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 5 И 13. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает записку от сестры Елисаветы из Патриотического института.

Позднее, 7 августа 1840 г., Гоголь писал матери из Вены: «Я Лизу знаю с давних пор. Она слишком живо принимает минутные впечатления и не имеет терпения подождать конца. Я помню, в институте в первые дни определения, она писала мне, что она несчастнейшая в мире, что ее снедает горесть и что она через три дни непременно умрет».

ДЕКАБРЯ 13. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет на родину письма к матери и к А. С. Данилевскому.

В письме к матери сообщает: «Я получил письмо ваше от 23 ноября[1] третьего дня[2]. <...> В письме вы извещаете, между прочим, что хотите продать одну землю[3], а людей оставить. Но выгодно ли это будет вам? Ведь вам нужно, маминька, денег и в приказ отдать, и в Опекунский совет, и еще несколько тысяч на предполагаемый вами кожевенный завод». Пишет, что сестры Анна и Елисавета «уже в институте, покамест ничего не делают, только привыкают»[4]. Благодарит за обещанный[5] для него «гаман» (вероятно, для того, чтобы ознакомиться с этим предметом[6]): «Ожидаю с нетерпением скорее его увидеть». Просит переправить прилагаемое письмо Данилевскому.

В письме к Данилевскому упрекает друга за долгое молчание: «Я от маминьки слышу, что ты уже не едешь в Петербург, а думаешь служить в Одессе. Если этому виною, как говорят, холод, ко-

торый ты воображаешь найти в Петербурге, то уверяю тебя, что здесь теперь теплее, нежели у нас, в Малороссии. Вот уже ползимы, слава Богу, а еще не было ни одного порядочного морозу. – Термометр постоянно показывает или 2 или один градус тепла. Ты всё меряешь Петербург по параду, на котором заставляли тебя мерзнуть несколько часов Звегинцов и Гудим». Сообщает свой адрес: «...2-й Адмирал<тейской> части, в Новом переулке, в доме *Демут-Малиновского*. Это очень близко возле твоего гнезда, твоих воспоминаний – юнкерской школы».

[1] См. ***1832. Ноября 23. Среда. Васильевка***.
[2] См. ***1832. Декабря 11. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[3] См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург***.
[4] См. ***1832. Декабря между 5 и 13. Санкт-Петербург***.
[5] См. также ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург***.
[6] «Гаман с блестящим огнивом» впервые упоминается у Гоголя во второй части «Вечеров...» в повести «Страшная месть» (1832). Слово поясняется тут же в словарике «не всякому понятых» слов (предваряющем эту часть сборника): «Гаман, род бумажника, где держут огниво, кремень, губку, табак, а иногда и деньги».

ДЕКАБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Петербург приехал брат Н. Я. Прокоповича Василий.

См. ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург***.

ДЕКАБРЯ 20. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет ответное письмо к А. С. Данилевскому (в Семереньки или в Толстое):

«Наконец я получил-таки от тебя письмо. Я уже думал, что ты дал тягу в Одессу или в иное место. Очень понимаю и чувствую состояние души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю: благодаря, что это пламя меня бы превратило в прах в одно мгновенье. Я бы не нашел себе в прошедшем наслажденья, я силился бы превратить это в настоящее и был бы сам жертвою этого усилия и потому-то к спасенью моему у меня есть твердая воля, два раза[1] отводившая меня от желания заглянуть в пропасть. Ты счастливец, тебе удел вкусить первое благо в свете – любовь. А я... но мы, кажется, своротили на байронизм. Да зачем ты нападаешь на Пушкина, что он прикидывался? Мне кажется, что Байрон скорее. Он слишком жарок, слишком много говорит о любви и почти всегда с исступлением. Это что-то подозрительно. Сильная продолжительная любовь проста, как голубица, то есть выражается просто, без всяких определительных и живописных прилагательных, она не выражает, но видно, что хочет что-то выразить, чего, однако ж, нельзя выразить, и этим говорит сильнее всех пламенных красноречивых тирад. <...> Скажу тебе, что Красненькой <Н. Я. Прокопович> заходился не на шутку жениться на какой-то актрисе[2] с необыкновенным, говорит, талантом, лучше Брянского – я ее, впрочем, не видел – и доказывает очень сильно, что ему необходимо жениться. <...> Здесь и драгун[3]. Такой молодец с себя! с страшными бакенбардами и очками, но необыкновенный флегма. Братец, чтобы показать ему всё любопытное в городе, повел его на другой день в бордель; только он во всё время, когда тот потел за ширмами, прехладнокровно читал книгу и вышел не прикоснувшись ни к чему, не сделав даже значительной мины брату, как будто из кондитерской. – Получивши от тебя письмо, я получил такую о тебе живую идею, что когда встретил близ Синего мосту шедшего подпрапорщика, то подумал про себя: Нужно зайти к нему[4]. Его верно не пустили за невзноску денег в казну за чичеры <?> и поворотил к школе и уже спросил солдата на часах, был ли сегодня великий князь[5] и не ожидают ли его, да после опомнился и пошел домой. Прощай! Где бы ни был ты, желаю, чтоб тебя посетил необыкновенный труд и прилежание такое, с каким ты готовился к школе, живя у Иохима[6]».

[1] См. ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург***; ***1832. Марта 10. Четверг. Санкт-Петербург***. – См. также ***1839. Марта 7 <февраля 23>. Четверг. Рим***.

[2] Прошение Н. Я. Прокоповича и актрисы Марии Никифоровны Трохневой о разрешении на вступление в законный брак было подано в театральную дирекцию 9 апреля 1833 г. По этому прошению им 19 апреля 1833 г. было выдано свидетельство о том, что со стороны дирекции на вступление их в брак препятствий не имеется (см. ***1833. Апреля 9. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1833. Апреля 19. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***). Первый ребенок в семье Н. Я. и М. Н. Прокоповичей, сын Николай, родился в 1835 г. (*Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112). – См. ***1835. Сентябрь-ноябрь. Санкт-Петербург***.

[3] Василий Яковлевич Прокопович, младший брат Н. Я. Прокоповича.

[4] Т. е. зайти к Данилевскому, который представился ему живущим, как прежде, в Петербурге в казармах Школы гвардейских подпрапорщиков.

[5] Михаил Павлович.

[6] См. ***1829. Апреля не позднее 30. Санкт-Петербург***.

1832

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВА

М. И. Гоголь в приказе общественного призрения Полтавы сделала заем в 3800 рублей.

Назаревский. С. 348.

1832–33

1832 КОНЕЦ ГОДА – 1833 НАЧАЛО ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь приступает к работе над статьей «Взгляд на составление Малороссии» (первоначальное название – «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I») и повестью «Старосветские помещики»[1].

В написании статьи Гоголь использовал наброски своих незавершенных очерков о славянстве[2], о единовластии (создававшихся при чтении «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина)[3], выписки из «Истории Русов»[4] и др.

[1] *Виноградов 2000*. С. 112–116. – См. также ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания); ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания);

[2] *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 622. – См. ***1832 – 1834 начало. Санкт-Петербург***.

[3] *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 592, 621, 626–628.

[4] *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 630. – См. также ***1829 апрель – 1831 октябрь***.

1833

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

«КИЕВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. *Военный губернатор,* Управл<яющий> и Гражд<анскою> частию, Генерал Губернатор Подол<ьский> и Волын<ский>, Ген<ерал>-Адъют<ант>, Ген<ерал> Лейт<енант> и разн<ых> орд<енов> К<а>в<алер> Василий Вас<ильевич> Левашов 1-й. <...> При нем: *Правитель Канцелярии,* <...> *Секретарь* <...> *Помощники его:* <...> по хозяйств<енной части>, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Иларион Ив<анович> *Трощинский...*»

Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1833. СПб., <1833>. Ч. 2. С. 292.

ЯНВАРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ И ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь поздравляет В. И. Григоровича с Новым годом и днем Ангела. Сожалеет, что нездоровье не позволяет сделать это лично.

В 1887 г. В. В. Стасов писал: «Дом Григоровича был в те времена (в 30-х и 40-х годах) чем-то вроде очень значительного и очень влиятельного художественного центра в Петербурге. Там собирались очень часто все наши художественные знаменитости. Там бывали и Пушкин, и Жуковский[1], и князь Вяземский, и Гоголь (только что входивший в славу), и Крылов, и Струговщиков, и множество всяких литераторов того времени, между прочим, Кукольник, Сенковский, Греч, Булгарин, но вместе с тем бывала там и вся Академия художеств, все профессора, академики, а также все ученики, казавшиеся наиболее талантливыми и выходящими из ряду».

Стасов В. В. Живописец В. И. Штернберг // *Свод.* Т. 3. С. 370.

[1] Ср. ***1832. Июня 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ 6. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Александринском театре, в бенефис В. А. Каратыгина, премьера — Вечер на хуторе близ Диканьки. Интермедия-водевиль в 1 действии, взятая из повестей Н. В. Гоголя[1].

Афиша спектакля:
«1833.
На Большом театре.
В будущий понедельник, 9 генваря, <...> представлен будет в пользу актера г. Каратыгина 6.
в первый раз:
Ричард Дарлингтон,
драма в трех отделениях, переведенная с французского В. А. Каратыгиным. <...>
В заключение спектакля дан будет
в первый же раз:
Вечер на хуторе близь Диканьки,
малороссийская интермедия в одном действии, взятая из повестей сего же названия: Пасичника Рудого Панька, с принадлежащими к ней пением и танцами; музыка набрана из малороссийских песен г. Шелиховым 6. <...>
Действующие лица

Солоха, вдова	Г–жа Самойлова.
Оксана, дочь ее	Г–жа Шелихова 6.

Чуб, козак	Г–н Петров.
Вакула, кузнец, сын его	Г–н Шемаев.
Дьяк	Г–н Воротников.
Парубки и дивчаты.	

Начало в 7 часов»[2].

Инсценировка была разрешена к постановке цензором Е. И. Ольдекопом. Цензурный экземпляр инсценировки визирован 1 декабря 1832 г.[3] «Как рядовая бенефисная подделка "Вечер на хуторе близ Диканьки" выдержал всего два спектакля[4] и на казенной сцене больше не возобновлялся, а позднее <...> вовсе был запрещен к постановке из-за комической фигуры дьячка, в которой цензура усмотрела высмеиванье церковнослужителя. Запрещение последовало по рапорту цензора <А.> Гедерштерна, который дал по поводу этой пьесы заключение: "Весь интерес этой неприличной шутки основан на изображении пьяного дьячка, который объясняется церковным наречием и которого вдова Солоха, его любовница, прячет в угольный мешок" (<...> Рапорты о пьесах, рассмотренных в 1852 году)»[5].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 229.
[2] <Афиша спектакля Александринского театра 9 января 1833 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 762.
[3] См.: *Данилов С. С.* Гоголь в инсценировках // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 431.
[4] См. также ***1833. Мая 19. Пятница***; ***1833. Москва. Мая 23. Вторник.***
[5] *Данилов С. С.* Гоголь в инсценировках. Т. 2. С. 431.

ЯНВАРЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет письма матери в Васильевку и М. П. Погодину в Москву.

В письме к матери поздравляет ее с Новым годом и сообщает, что до сих пор не получил от нее ответа на три его письма и посылку: «Письмо ваше, адресованное ко мне в Патриот<ический> институт[1], уже два месяца как я получил[2], и это письмо от вас было последнее. Я вам и адрес свой послал»[3]. Извещает, что в Патриотическом институте, у сестер Анны и Елисаветы, «недавно был маскерад».

Поздравляет также с Новым годом Погодина, упрекает и его за молчание: «По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий – заметьте, и у вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее – словом, всё меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути. Я к вам писал письмо одно[4] и после другое[5], в которых изъяснял причины, почему я не еду скоро в Москву. Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли. <...> Если увидите Максимовича, упрекните его за то, что и он не дал мне ответа на письмо мое[6]. Вся Москва, кажется, забыла меня. Тогда как ее беспрестанно вижу в мыслях своих».

[1] См. ***1832. Ноября 23. Среда. Васильевка.***
[2] См. ***1832. Декабря 13. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1832. Декабря 3. Суббота. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1832. Ноября 25. Пятница. Санкт-Петербург.***
[5] Не сохранилось.
[6] См. ***1832. Декабря 12. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 14. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Генварь.* <...> *14.* <...> Нап<исал> к Гог<олю>»[1].

Погодин написал Гоголю в ответ на его письмо от 10 января 1833 г. из Петербурга[2]. Ответное послание Гоголя – от 1 февраля 1833 г. из Петербурга[3].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.
[2] См. ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 17. ВТОРНИК. МОСКВА

Н. А. Мельгунов пишет князю В. Ф. Одоевскому в Петербург:

«...Наша литературная братия московская предложила мне издать Альманах к Святой неделе <2–8 апреля 1833 г.>[1]. В нем назначено встретиться вместе нашим; сверх того вкладчиками нашими будут и сотрудники Северных Цветов. Баратынский пишет о том к Пушкину, Вяземскому[2], Козлову, Гоголю; молвите им и вы от себя слово. Я же пишу к Жуковскому, Языкову, Ф. Глинке и пр. Надеемся и на ваше соучастие. Не пришлете ли нам одного из оригиналов вашего Сумасшедшего дома?»

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 758.

[1] Речь идет об альманахе «Шехерезада» (см. ***1833. Февраля 3. Пятница. Москва***).
[2] См. ***1833. Февраля 3. Пятница. Москва***.

ЯНВАРЯ 20. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Александринском театре – Вечер на хуторе близ Диканьки. Интермедия-водевиль в 1 действии, взятая из повестей Н. В. Гоголя.

Ельницкая 1978. С. 229.

ФЕВРАЛЯ 1. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает[1] М. П. Погодину в Москву:

«Насилу дождался я письма вашего! Узнавши из него причину вашего молчания, уже не досадую на вас. Зависть только одолевает меня. Как! в такое непродолжительное время и уже готова драма, огромная драма[2], между тем как я сижу, как дурак, при непостижимой лени мыслей. Это ужасно! Но поговорим о драме. Я нетерпелив прочесть ее. Тем более, что в Петре вашем драматическое искусство несравненно совершеннее, нежели в Марфе[3]. Итак Борис, верно, еще ступенькою стал выше Петра. Если вы хотите непременно вынудить из меня примечание, то у меня только одно имеется. Ради Бога, прибавьте боярам несколько глупой физиогномии[4]. Это необходимо так даже, чтобы они непременно были смешны. Чем знатнее, чем выше класс, тем он глупее. Это вечная истина! А доказательство в наше время. – Через это небольшой ум между ними уже будет резок. Об нем идут речи, как об разученой голове. Так бывает в государстве. А у вас, не прогневайтесь, иногда бояре умнее теперешних наших вельмож. Какая смешная смесь во время Петра, когда Русь превратилась на время в цирюльню, битком набитую народом; один сам подставлял свою бороду, другому насильно брили. Вообразите, что один бранит Антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника. Я не иначе представляю себе это, как вообразя попа

во фраке[5]. Не пожалейте красненькой, нарядите попа во фрак, за другую – обрейте ему бороду и введите его в собрание или толкните меж дам. Я это пробовал[6], и клянусь, что в жизнь не видел ничего лучше и смешнее: каждое слово и движение нового фрачника нужно было записывать. Благословенный вы избрали подвиг! Ваш род очень хорош. Ни у кого столько истины и истории в герое пиесы. Бориса я очень жажду прочесть. Как бы мне достать ваших Афоризмов[7]? Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга. Эх, зачем я не в Москве!

Журнальца, который ведут мои ученицы[8], я не посылаю, потому что они очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями, которые они присоединяют иногда от себя из дрянных печатных книжонок, какие попадутся им в руки. Притом же я только такое подносил им, что можно понять женским мелким умом. Лучше обождите несколько времени: я вам пришлю, или привезу чисто свое, которое подготовляю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием *Земля и Люди*[9]. Из этого гораздо лучше вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках.

Да. Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера[10]. Это, точно, одна из удобнейших и лучших для нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими, и потому тотчас выбросил их у себя. Это несколько глупо с моей стороны, потому что в истории приобретение делается для пользы всех и владение им законно. – Но что делать, проклятое желание быть оригинальным!

Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и [слабо] быстро промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образованного величия, у него – звезда не больше других, а не солнце древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями[11], заняли места против других. Но это замечания собственно для нас, а для Руси, для преподавания, это са<мая> золотая книга.

Вы спрашиваете об Вечерах Диканских. Чорт с ними! Я не издаю их[12]. И хотя денежные приобретения были бы не лишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки[13] не могу. Никак не имею таланта заняться спекуляционными оборотами. <...> Впрочем, Смирдин отпечатал полтораста экземпляров 1-й части, потому что второй у него не покупали без первой. Я и рад, что не больше. Да обрекутся они неизвестности! покамест что-нибудь увесистое, великое, художническое не изыдет из меня.

Но я стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! великое не выдумывается! Одним словом, умственный запор».

[1] См. ***1833. Января 14. Суббота. Москва.***

[2] Имеется в виду драма М. П. Погодина «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (отрывок из драмы впервые опубл. в «Современнике». 1837. Т. V; отд. изд. – 1835 г., 2 изд. – 1868 г.).

[3] Речь идет о трагедиях М. П. Погодина «Петр I» (закончена 24 июня 1831 г.; запрещена для отдельного издания личным распоряжением Императора Николая I в декабре 1831 г.; отрывки напечатаны: Новоселье. 1833. Ч. 1; Московский Наблюдатель. 1835. Ч. 1. Октябрь. Кн. 2; полное изд. – М., 1873) и «Марфа, посадница новгородская» (М., 1830; напечатана без имени автора).

[4] Еще в 1828 г., в письме к матери из Нежина (от 1 марта), Гоголь писал: «Видел я здесь и тех, которые находились под особым покровительством. Им только лучше ставили классные шары, а впрочем они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались». Ср., напротив, характеристику бурсаков в «Тарасе Бульбе», «плохое содержание» и «частые наказания» которых «голодом» рождали «в них ту предприимчивость, которая после развивалась на Запорожье». «Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы, – писал Гоголь в "Тарасе Бульбе" о возникновении запорожского казачества, – его вышибло из народной груди огниво бед». Эту же мысль Гоголь повторял позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), размышляя о судьбе всей патриархальной России в эпоху петровских преобразований: «...Европейское просвещение было огниво <«огниво бед»>, которым следовало ударить по всей начинавшей дремать нашей массе». «Что же касается до страхов и ужасов в России, – писал Гоголь в статье "Страхи и ужасы России", – то они не без пользы: посреди их многие воспитались таким воспитаньем, которого не дадут никакие школы. Самая затруднительность обстоятельств, предоставивши новые извороты уму, разбудила дремавшие способности многих, и в то время, когда на одних концах России еще доплясывают польку и доигрывают преферанс, уже незримо образовываются на разных поприщах истинные мудрецы жизненного дела». – См. также: *Виноградов 2000.* С. 121–122.

[5] Реминисценция образа европейски-«просвещенного» дьяка Фомы Григорьевича из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». (Должность «дьяка», или дьячка, причетника, церковного чтеца, псаломщика – низшая среди церковных должностей, была на Украине выборной, эту должность мог занять по назначению прихода человек любого происхождения.) Так, в предисловии к первой части «Вечеров...» «издатель» этой книги сельский пасичник Рудый Панько хвалит рассказчика нескольких своих повестей местного дьячка Фому Григорьевича: «И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. <...> Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича?» Далее выясняется, что в пример Рудый Панько ставит Фому Григорьевича вовсе не потому, что он дьяк, то есть духовное лицо, но, напротив, как раз за то, что тот отличается от «людей его звания» блестящими светскими «достоинствами» – тем, что он «никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках» (халата из пестряди – грубой домашней ткани), а ходил «в балахоне» из тонкого дорогого сукна – «цвету застуженного картофельного киселя», «за которое платил <...> в Полтаве чуть не по шести рублей аршин»; тем, что чистил сапоги не дегтем, а «самым лучшим смальцем» – какого «с радостью иной мужик положил бы себе в кашу» (существовал указ Петра I, от 17 января 1718 г., под страхом «вечной» каторги, не употреблять «обувей <...> с дегтем»; ср. также ***1754. Февраля 24. Четверг. Санкт-Петербург***); тем также, что, вытирая нос, пользовался платком, который, «по обыкновению», аккуратно складывал «в двенадцатую долю и прятал в пазуху» (ср. замечание В. И. Любича-Романовича, что в Нежине Гоголь, выражая протест против светского этикета, «платков носовых <...> никогда с собой не носил», а на предложение «завести» их «ответил в журнале язвительным стишком», напоминавшим товарищам о «носе, который должно держать по ветру»; см. ***1821. Апреля между 25 и 30. Между понедельником и субботой. Нежин***; ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин***). Цвет «балахона» Фомы Григорьевича – «застуженного картофельного киселя» – несомненная пародия на тогдашние причудливые названия модных материй: цвета поджаренного хлеба, лесных каштанов, нильской воды, влюбленной жабы, «наваринского пламени с дымом» (цвет фрака Чичикова во втором томе «Мертвых душ») и т. д. Такого рода названия часто встречались в журналах первой половины XIX в. в описаниях европейских мод. Однако можно заметить, что именно Фоме Григорьевичу – «бьющемуся из сил сковеркать ужимку французокафтанника» – принадлежат в «Вечерах...» реплики, обличающие в нем, по воле автора, изрядного суевера – что, конечно же, несовместимо с его духовным званием, но вполне объяснимо в нем как ревностном исполнителе мирских «законов», – заключающих в себе, помимо «законов света», такую же «законодательную» власть суеверных преданий. Суеверные реплики дьяка Фомы Григорьевича призваны, по замыслу автора, явить читателю истинную цену светских «достоинств» героя. Эту черту сельского дьячка Гоголь подчеркивает в «Вечере накануне Ивана Купала», рассказывая о суеверии жены Петруся Пидорки – над которой, как «простодушно» замечает Фома Григорьевич, «раз кто-то уже *сжалился*» и для исцеления мужа – «посоветовал идти к колдунье» (по церковным правилам, обращающиеся к колдунам лишаются, по степени вины, участия в таинствах на несколько лет и отлучаются от Церкви). Обращениям Пидорки в «Вечере накануне Ивана Купала» к знахарям и колдунье подчеркнуто противопоставлено автором упоминание в начале повести о бывшей в селе церкви Святого Великомученика и целителя Пантелеимона, к которому, очевидно, и следовало прибегнуть за настоящей помощью.

Для понимания гоголевского выражения «поп во фраке» – употребленного как обобщающий образ последствий петровских преобразований – следует иметь в виду еще одного героя «Вечеров...» – церемонного «поповича» в «Сорочинской ярмарке». «...Батюшка всего получил за весь пост мешков пятнадцать ярового, проса мешка четыре... – сообщает этот учтивый герой “любезнейшей” Хивре. – Но единственно сладостные приношения <...> единственно от вас предстоит получить, Хавронья Никифоровна!» Этот весьма легкий – как бы вполне «естественный» для героя – переход от разговора о приношениях прихожан священнику во время поста – к предвкушению «сладостных приношений» Хиври имеет прямое соответствие в библейской истории, которую, вероятно, имел в виду Гоголь, создавая образ своего «поповича» (сына священника). Это рассказ о «погибельных сыновьях» священника Илия в Первой Книге Царств, которые, презирая «долг священников в отношении к народу», развращали народ, отнимая приносимое в жертву Богу, – «что вынет вилка, то брал себе <...> и говорил приносившему жертву: дай мяса на жаркое священнику», – и спали с «женщинами, собиравшимися у входа в скинию собрания» (гл. 2, ст. 12–17, 22). – Дальнейшее развитие образ «нового фрачника» получил у Гоголя в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833) в изображении бывшего семинариста и «поповича» Ивана Ивановича, все благочестие которого ограничивается «деликатностью в поступках» и светской «благопристойностью». Свое замечание об образцовом исполнении Иваном Ивановичем «долга христианского» рассказчик сопровождает тут же – не без глубокой иронии – упоминанием о детях ключницы Гапки – здоровой девки, «с свежими икрами и щеками». «А какой богомольный человек Иван Иванович!» – восклицает далее рассказчик. Эта «богомольность» героя тут же и «доказывается» разговором его с нищей: «Чего же ты стоишь? ведь я тебя не бью!» «Бездна тонкости» в «познании света» при духовной бесплодности отличает и непосредственного «преемника» Ивана Ивановича в гоголевском творчестве – европейски-«утонченного» помещика Манилова в «Мертвых душах» (см.: *Виноградов И. А.* От «Миргорода» к «Мертвым душам»: об идейной преемственности образов Гоголя // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. научн. тр. / Мос. гос. обл. ун-т. М., 2007. С. 366–375).

[6] Вероятнее всего, Гоголь вспоминает здесь о шутках над «отставленным вследствие умопомешательства заштатным священником, отцом Варфоломеем» в доме Д. П. Трощинского: «Он был главной мишенью для насмешек и издевательства, а иногда и побоев со стороны не знавшей удержу толпы, не считавшей для себя обязательным даже уважение к прежнему сану помешанного. Этого мало: была изобретена особая, часто повторявшаяся жестокая потеха, состоявшая, в том, что бороду несчастного шута припечатывали сургучем к столу и заставляли его, делая разные движения, выдергивать ее по волоску. И это могло быть на глазах умного и доброго по природе, а главное — просвещенного вельможи!..» (см. ***1823. Июль. Нежин, Васильевка, Кибинцы***). Позднее сходные шутки над беззащитным «маленьким человеком» светски-«образованной» «толпы» Гоголь описал в повести «Шинель» (1842): «Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, <...> сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом». Очевидно, что, несмотря на столы из красного дерева и европейски-«тонкое» обращение начальников с подчиненными, отношение между людьми в «благородных» службах не приобретает «благородства». Настоящая цена европейской светскости и открывается молодому чиновнику, услышавшему «немой» возглас Башмачкина «я брат твой»: «...И много раз содрогался он потом на веку своем, видя <...> как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и <...> даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...»

[7] Фрагменты будущей книги печатались в 1827 и 1834 гг. (см. ***1827. Января 15. Суббота. Москва***). Полностью книга была издана позднее: Исторические афоризмы Михаила Погодина. М., 1836. На эту книгу Гоголь в 1836 г. написал рецензию, опубликованную в «Современнике».

[8] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***

[9] См. также ***1833. Февраля 20. Понедельник. Санкт-Петербург.*** — Идею о промыслительной зависимости истории от географии Гоголь высказывал еще ранее в «Нескольких мыслях о преподавании детям географии» (1830). Сама же мысль о тесной связи истории с географией не была введена в научный оборот Гоголем; на эту связь указывали едва ли не все современные ему историки. Положение это было воспринято Гоголем и стало для него принципиальным.

[10] Гоголь прочел переведенный с немецкого под руководством М. П. Погодина учебник «Всеобщая история. Гимназический курс. Сочинение эрлангенского профессора Беттигера» (М., 1832). Этой книгой Гоголь широко пользовался при составлении своих лекций; в частности, почти дословные совпадения с «Всеобщей историей» К. А. Беттигера встречаются в записной книге Гоголя 1835 г. с лекциями и статьями по истории и географии (см. ***1835. Января конец — июля первая половина. Санкт-Петербург; Васильевка***; и коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 8). 20 февраля 1833 г. он сообщал Погодину: «Беттиг<ера> я не читал на немецком. Прочел в переводе. Имеется ли у него и Новая история? или только одна древняя? Мне нравится в ней то, что есть по крайней мере хоть несколько верный анатомический скелет. У нас и этого нигде не найдешь».

[11] В рукописном фонде Гоголя *РГБ* хранится фрагмент статьи неизвестного автора об отношении политики к нравственности, написанный рукою неизвестного лица на двух листах плотной бумаги с водяным знаком: «RWILLIAMS» (Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 75). Отрывок (без начала и конца) поступил из материалов первого биографа Гоголя П. А. Кулиша. В статье, в частности, говорится: «Нравоучение может ли быть правилом Политики? Спасение отечества да будет верховной Закон, гласит известное изречение. <...> Но как Государства не могут быть уравнены в силе своей в рассуждении многолюдства, богатства и степени просвещения, то Благоразумие становится участию слабых и часто перерождается в коварство... <...> Знаменитость предметов и особ возвышает похвальными именами несправедливости Политики. Но потомство справедливее, потому что бесстрастнее умеет оценить каждое действие, и отвергает славу, которая не основана на чести. Между тем частные народы пользуются сими несправедливостями и похищениями. Македония возросла и усилилась хитростями Филиппа. Рим поглотил все царства и народы, которых он касался» (*Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 567).

[12] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1832. Августа 5. Пятница. Москва.***

[13] См. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина Н. И. Гнедича.

ФЕВРАЛЯ 3. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Е. А. Боратынский пишет князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«Наша московская литературная братия задумала издать альманах к Светлому празднику <2 апреля 1833 г.>, и мне препоручено, любезный князь, просить Вашего содействия. Подайте нам руку помощи во имя Москвы, Вами любимой. Здешние вкладчики – <И. В.> Киреевский, <Н. М.> Языков, Чадаев (в переводе), я и несколько других молодых людей, Вам незнакомых, но которых, может быть, выгодно с Вами познакомить. Попросите Пушкина нас не оставить и дать хоть безделицу в знак товарищества. Вероятно у Вас бывает Гоголь, автор "Вечеров на Диканьке", и наверное он часто видится с Пушкиным. У него много в запасе. Попросите у него от всех нас посильной вкладчины[1]. Не забудьте и <И. И.> Козлова. Одним словом, похлопочите об нас с дружеским радушием. Надеюсь на Вашу любовь к Москве, к литературе, а я несколько полагаюсь на Ваше доброе расположение к некоторым из участников»[2].

Инициатором издания альманаха был Н. А. Мельгунов. Из его неизданного письма к И. В. Киреевскому явствует, что альманаху предполагалось дать название «Шехерезада»[3]. Альманах в свет не вышел. Князь В. Ф. Одоевский в одном из писем к И. В. Киреевскому иронически замечал: «Поклонись Баратынскому, Мельгунову и самому себе и поблагодари за прекрасный альманах, который вы издали в нынешнем году, несмотря на все ваши хлопотливые занятия»[4].

[1] В письме от 20 февраля 1833 г. Гоголь спрашивал М. П. Погодина: «Я слышал, у вас в Москве альманах составляется и участвуют люди такие, которых статьи непременно будут значительны. Будешь ли там?»

[2] Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 751.

[3] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 545; *Свод.* Т. 1. С. 752.

[4] Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 545; *Свод.* Т. 1. С. 752. – См. также ***1833. Января 17. Вторник. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 8. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответные письма к А. С. Данилевскому (в Семереньки или в Толстое) и к своей матери в Васильевку.

В письме к Данилевскому Гоголь сообщает другу о получении от него, «почти в одно время», двух писем. Радуется извещению о скором приезде Данилевского в Петербург[1]. Удивляется известию об одновременном выходе замуж его родственницы М. А. Данилевской и С. В. Капнист)[2]. Сообщает, что «вывез <...> из дому[3] всю роскошь лени и ничего решительно» не делает: «Ум в странном бездействии. Мысли так растеряны, что никак не могут собраться в одно целое, и не один я, всё, кажется, дремлет. Литература не двигается: пара только вздорных альманахов вышло – Альциона и Комета Белы. Но в них может быть чайная ложка меду, и прочее всё деготь. Пушкина нигде не встретишь, как только на балах[4]. Там он протранжирит всю жизнь свою, если только какой-нибудь случай и более необходимость не затащут его в деревню. Один только князь Одоевский деятельнее. На днях печатает он фантастические сцены под заглавием *Пестрые сказки*[5]. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром. Читаешь ли ты Илиаду? Бедный Гнедич уже не существует[6]. Как мухи мрут люди и поэты. Один Хвостов и Шишков на зло и посмеяние векам остаются тверды и переживают всех, <......> свои исподние платья. Поздравляю тебя с новым земляком – приобретением нашей родине. Это Фадей Бенедиктович Булгарин. Вообрази себе, уже печатает малороссийский роман под названием Мазепа[7]. Пришлось и нам терпеть! В альманахе Комета Белы был помещен его отрывок под титулом Поход Палеевой вольницы, где лица говорят даже малороссийским языком. Попотчивать ли тебя чем-нибудь из Языкова, чтобы закусить <...> конфектами. Но я похвастал, а ничего и не вспомню» (цитирует на память стихотворение Н. М. Языкова «Вино»).

Сообщает новости о школьных товарищах: о В. И. Любиче-Романовиче («...Приятель твой, Василий Игнатьевич, о котором ты заботишься, ни на волос не переменился с того времени, как ты его оставил. Та же ловкость, та же охота забегать по дороге к приятелям за две версты в сторону.

Кажется, он чем далее делается легче на подъем, так что в глубокой старости улетит, я думаю, с телом в поднебесные страны, отчизну поэтов»); о Н. Я. Прокоповиче («Красненькой еще не женился...»[8]). В сообщении о Н. В. Кукольнике предвосхищает образы будущих «Мертвых душ»[9]: «Ты меня ужасно как ошеломил известием, что у вас снег тает и пахнет весною. Что это такое весна? <...> ...как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий[10]) повторял, помнишь, — Поза, Поза, Поза[11]. Кстати о Возвышеном[12]: он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и толкует, или о Моцарте и интеграле, или движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то. Не терпит людности и выберет такое время притти, когда я один и тогда, или душит трагедией[13], или говорит так странно, так вяло, так непонятно, что я решительно не могу понять, какой он секты, и не могу заметить никакого направления в нем».

В письме к матери сообщает, что получил от матери два письма: одно, от 6 января[14], по-видимому, несколько дней назад; второе — «сию минуту». Сожалеет, что «плут Лукашевич»[15] ввел мать в «беспокойства и не плотит денег»: «Если еще можно, то лучше возвратите ему его задаток; а я напечатаю в газетах объявление о продаже имения, и тут же у меня его купят. Здесь теперь много охотников покупать имения, и многие взяли свои деньги из ломбарда по поводу разнесшихся слухов, что один процент казна сбавляет. Досадно, если вам придется вести с ним тяжбу, потому что, мне кажется, очень сомнительно, чтобы он где достал 4000 руб<лей>».

Посылает узор для ковра своего «изобретения»: «Всё поле должно состоять из осьмиугольников, один голубой, другой оранжевый. В голубом, как видите, оранжевая розетка, а в оранжевом голубая. Между осьмиугольниками черные четыреугольники. Кайма: вьющаяся лента по белому полю. Ковер будет прелестен». Жалеет, что мать «не достала» для него гамана[16]: «...А теперь очень удобный случай всё переслать ко мне, потому что Данилевский <едет> сюды. <...> С нетерпением ожидаю сказок и присказок. <...> Пусть <...> сестрица моя[17] этим займется, призвавши на помощь Катерину Ивановну <Ходаревскую>». Благодарит мать за то, что она поручила это дело «Антошке» (вероятно, А. Шлапаку): «Когда бы только он не умничал и не выбрасывал многого».

Посылает письма сестер Анны и Елисаветы («Смотрение за ними <в Патриотическом институте> как нельзя лучшее. Начальница их редкая женщина»), а также конфеты и по «две пары» башмаков матери и сестре Марии. Рассказывает о петербургской масленице[18] (5–11 февраля). Поздравляет с замужеством М. А. Данилевскую. Извиняется, что не может прислать бритв зятю П. О. Трушковскому, так как их у него «украли»: «Я хотел-было купить, но настоящих аглицких теперь и в Петербурге нет, привоз запрещен, мне же достались они по случаю». Справляется о здоровье А. М. Трощинской и об обстоятельствах А. А. Трощинского: «Мне сказывал Леонтьев[19] (который только что уехал из Петербурга, по его просьбе к нему), что он, бедняк, очень запутал сам себя и теперь не знает, что делать»[20]. Сообщает (как и в письме к Данилевскому), что «не делает совершенно ничего»: «...Может быть, я из дому вывез с собою лень. И досадно, а ничего не хочется делать».

[1] См. ***1833. Марта около 23. Санкт-Петербург.***

[2] С. В. Капнист вышла замуж за Василия Антоновича Скалона) (1805–1882), армейского офицера, преподавателя Полтавского кадетского корпуса.

[3] См. ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка.***

[4] Об этом же сообщал тогда же, 17 февраля 1833 г., П. А. Плетнев в письме к В. А. Жуковскому: «...Пушкин <...> ничего не делает, как только утром перебирает <...> старые к себе письма, а вечером возит жену свою по балам, не столько для ее потехи, сколько для собственной» (*Плетнев П. А.* Соч. и переписка. СПб., 1885. Т. 3. С. 524).

[5] С именем одного из героев «Пестрых сказок...» князя В. Ф. Одоевского связан образ переписчика-«немеца» Шрейдер из незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-ей степени» (вторая половина 1832–1833) – героя, «претворившегося» позднее в образ переписчика Башмачкина в «Шинели» (1842). В статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь писал: «Петербург большой охотник наслаждаться прекрасным. Чиновник идет в театр, купец идет в театр, даже немец часто идет в русской театр... <...> Не сравню его <Петербург> я <...> с немецкими городами. Слишком уж холодны и расчетливо они скупы <на> наслаждения. Если взять, например, наше сословие, <...> сословие малоденежное <...> и чисто русское, то (нет нужды, что попадет-

ся другой, третий чиновник, совершенно похожий на то отношение, которое он пишет) в нем есть много очень замечательного – и русская дворянская решительность, и при этом терпение, и толк, и соль...» «Немецкий» герой «Владимира 3-ей степени» – это, согласно строкам гоголевской статьи, именно «исключение из правила» – «по-немецки» скупой на театральные «наслаждения» чиновник, «совершенно похожий на то отношение, которое он пишет». В этой характеристике нашло отражение фамильное прозвище героя Одоевского из «Пестрых сказок...»: «Коллежский Советник Иван Богданович Отношенье в течении 40-летнего служения своего в звании Председателя какой-то временной комиссии провождал жизнь тихую и безмятежную <...> не ломая голову понапрасну, очищал нумера, подписывал отношения, помечал входящие» (<*Одоевский В. Ф.*, князь>. Сказка о том, по какому случаю Коллежскому Советнику Ивану Богдановичу Отношению не удалось в Светлое Воскресение поздравить своих начальников с праздником // Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою... СПб., 1833. С. 77–78). – См. также ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] См. ***1833. Февраля 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] «Мазепа» – второй, после «Димитрия Самозванца» (1830), исторический роман Ф. Б. Булгарина (СПб., 1833–1834. Ч. 1–2).

[8] См. ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] В начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ» некоему «возвышенному» поэту – который «окурил упоительным куревом людские очи <...> чудно польстил им, показав им прекрасного человека» – противопоставляет другого (имея в виду, по-видимому, самого себя) – «дерзнувшего вызвать наружу <...> всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь». Из содержания предшествующей, шестой главы следует, что под «возвышенным» поэтом Гоголь подразумевал Ф. Шиллера. В конце этой главы выведен образ «замечтавшегося двадцатилетнего юноши», который «в небесах и к Шиллеру заехал в гости» – «когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный образ с гитарой». Очевидно, что в упоминании об этом «двадцатилетнем юноши» Гоголь имел в виду «возвышенного» Кукольника, с его увлечением Шиллером.

[10] К этому времени Н. В. Кукольником были закончены следующие драмы и трагедии: «Тартини», «Торквато Тассо», «Джакобо Санназар», «Рука Всевышнего отечество спасла», «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», «Роксолана» и, возможно, «Джулио Мости».

[11] Маркиз Поза, герой драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» (1785), испанец, возвышенный мечтатель. – См. ***1827. Октября 30. Воскресенье. Нежин.***

[12] Возвышенный – прозвище Кукольника (см. ***1827. Август. Нежин*** – примечания).

[13] Выражение из «Евгения Онегина» (гл. IV, строфа XXXV).

[14] См. ***1833. Января 6. Пятница. Праздник Крещения Господня. Васильевка.***

[15] Возможно, С. В. или П. В. Лукашевич. См. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1832. Декабря 13. Вторник. Санкт-Петербург.***

[17] Мария.

[18] См. ***1836. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург.***

[19] Владимир Юрьевич Леонтьев, статский советник, хранитель архива Государственной Канцелярии Государственного Совета, сводный брат А. А. Трощинского. – См. также ***1835. Января 23. Среда. Санкт-Петербург***; ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[20] В письме к матери от 30 августа 1833 г. Гоголь также спрашивал: «Получаете ли какие-нибудь известия об Андрее Андреевиче, что он поделывает, бедный, в Кагорлыке?»

ФЕВРАЛЯ 12. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от М. П. Погодина из Москвы.

См. ***1833. Февраля 20. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 14. ВТОРНИК. С. ЯЗЫКОВО КОРСУНСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. М. Языков пишет В. Д. Комовскому в Петербург:

«Получили, получили и благодарим, благодарим! Все хорошо, все красота![1] <...> Полагая печатание уже оконченным и выход моих стихотворений происходящим[2], прошу вас отдать, кому следует, список, здесь прилагаемый, для отправления дарственных экземпляров в разные грады Российской империи. Еще прошу вас подписать на оных экземплярах: такому-то, такой-то, от автора.

В *Петербурге:*

<И. А.> Крылову, Пушкину[3], Вяземскому[4], Гнедичу[5], Хвостову[6], Гоголю, Далю, Воейкову, Марлинскому[7], <А. Н.> Очкину».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 141–142.

[1] Речь идет о первых четырех печатных листах книги «Стихотворения Николая Языкова» (СПб., 1833).

[2] Билет на выпуск «Стихотворений Николая Языкова» (СПб., 1833) был подписан 7 марта 1833 г., но книга вышла месяц спустя. Об ее выходе газета «Северная Пчела» сообщила 6 апреля 1833 г. (№ 74. С. 293). 14 апреля 1833 г. Н. М. Языков писал брату А. М. Языкову из с. Языково: «Наконец мы получили мои стихотворения в переплете, как было прошено. Великолепно убранную книжку труда моего отсылаю к Комовскому, совершившему дело издания отчетисто, красиво, достохвально, совершенно!» (*Карпов А. А.* Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 287).

[3] По предположению исследователей, экземпляр «Стихотворений Николая Языкова» В. Д. Комовский вручил А. С. Пушкину около средины апреля 1833 г. (*Абрамович С. Л.* Пушкин в 1833 году: Хроника. М., 1994. С. 128; *Тархова.* Т. 4. С. 42).

[4] В письме к князю П. А. Вяземскому от 3 июня 1833 г. из Симбирска Н. М. Языков спрашивал о своей книге: «...Получили ли Вы мои стихотворения от сочинителя? Великодушно ожидаю, что скажет об них Полевой, сей безукоризненный, хотя громогласный вития! Пушкин некогда обещался отстаивать честь моей музы; если, дескать он получит на то литературные ерыжки. Потрудитесь напомнить ему об этом обещании» (Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Публикация и комментарий Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 112). Отзыв Пушкина об издании стихотворений Языкова 1833 г. дошел до нас в изложении Гоголя в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (см. ***1833. Апреля около средины. Санкт-Петербург***).

[5] См. ***1833. Февраля 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), писатель.

[7] Псевдоним писателя Александра Александровича Бестужева (1797–1837).

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин видится с Гоголем и рассказывает ему о состоявшемся 6 февраля 1833 г.[1], в понедельник масленицы, разговоре с Государем Николаем I о работе над историей Петра I и о возможном участии в этой работе М. П. Погодина.

20 февраля 1833 г. Гоголь сообщал Погодину в Москву: «Пушкин недавно говорил о тебе с Государем насчет Петра и желания твоего трудиться вместе с ним. Государь наперед желал узнать о трудах твоих, и когда ему вычислили длинный ранг твоих изданий, то он тот же час изъявил согласие, и Пушкин говорит, что ты можешь, живя здесь или в Москве, издавать все выкапываемое в Архивах и брать за это деньги. Как же велико будет твое жалованье, это ему еще неизвестно».

Пушкин в письме к Погодину от 5 марта 1833 г. (с пометой: «По секрету»), в свою очередь, писал: «...По уговору нашему, долго собирался я улучить время, чтоб выпросить у Государя вас в сотрудники. <...> Наконец на масленице царь заговорил как-то со мною о Петре I, и я тут же и представил ему, что трудиться мне одному над архивами невозможно, и что помощь просвещенного, умного и деятельного ученого мне необходима. Государь спросил, кого же мне надобно, и при вашем имени, было нахмурился — (он смешивает вас с Полевым; извините великодушно; он литератор не весьма твердый, хоть молодец, и славный царь). Я кое-как успел вас отрекомендовать, а Д. Н. Блудов все поправил и объяснил, что между вами и Полевым общего только первый слог ваших фамилий. К сему присовокупился и благосклонный отзыв Бенкендорфа. Таким образом дело слажено; и архивы вам открыты (кроме тайного). Теперь остается решить, на каком основании на-

мерены вы приступить к делу: думаю, что вам надо требовать вашего адъюнктского жалования, во всё время ваших трудов — и только. А труды ваши не пропадут ни в каком отношении. Ибо всё, елико можно будет напечатать, напечатаете вы и для себя; это будет вам и приятно и выгодно. Сколько отдельных книг можно составить тут! сколько творческих мыслей тут могут развиться! С вашей вдохновенной деятельностию, с вашей чистой добросовестностию — Вы произведете такие чудеса, что мы и потомство наше будем за вас Бога молить, как за Шлецера и Ломоносова. Напишите же мне официальное письмо, которое мог бы я показать Блудову; и я поспешу всё здесь окончить. Ожидаю вас с распростертыми объятиями».

Из письма А. О. Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «...Гоголь давал своим героям настоящие имена, а не вздорные и бессмысленные, как в наших водевилях: Ленский, Онегин и пр. Он всегда читал в "Инвалиде" статью о приезжающих и отъезжающих. Это он научил Пушкина и Мятлева вычитывать в "Инвалиде" имена, когда они писали "Поминки"»[2].

[1] *Тархова.* Т. 4. С. 1448.
[2] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 273.

ФЕВРАЛЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к М. П. Погодину в Москву извещает о получении от него письма неделю назад. Пишет, что в последнее время его занимали два каких-то затруднительных «историч<еских> вопроса». Сообщает что И. А. Крылова нигде не нашел (чтобы напомнить ему «за портрет»: «Этот блюдолиз, несмотря на то, что породою слон, летает как муха по обедам»). Спрашивает, читал ли Погодин только что вышедшую (19 февраля) первую часть альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье»[1]:

«Книжища ужасная; человека можно уколотить. Для меня она замечательна тем, что здесь в первый раз показались в печати такие гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса[2]: сколько тут и подлости, и вони, и всего».

Далее в письме к Погодину Гоголь хвалит его повесть «Галеева комета», опубликованную в альманахе «Комета Белы» (СПб., 1833). Сообщает о собственных незавершенных замыслах:

«Журнала девиц я потому не посылал, что приводил его в порядок, и его-то, совершенно преобразивши, хотел я издать под именем *Земля и Люди*[3]. Но я не знаю отчего на меня нашла тоска... корректурный листок выпал из рук моих, и я остановил печатание. Как-то не так теперь работается! Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает [ленивое] перо бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу из Ист<ории>, уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один — друг. Но не могу, не в силах. Чорт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени. Я не знаю, отчего я теперь так жажду современной славы. Вся глубина души так и рвется внаружу. Но я до сих пор не написал ровно ничего. Я не писал тебе: я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве[4], в дороге, и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написалось на белой толстой тетради: *Владимир 3-ей степени,* и сколько злости! смеху! соли!.. Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит. А что из того, когда пиеса не будет играться? Драма живет

только на сцене. Без нее она как душа без тела. Какой же мастер понесет на показ народу неоконченное произведение? — Мне больше ничего не остается, как выдумать сюжет самый невинный, которым даже квартальный не мог бы обидеться. Но что комедия без правды и злости! Итак за комедию не могу приняться. Примусь за Историю — передо мною движется сцена [комедия], шумит аплодисмент, рожи высовываются из лож, из райка, из кресел и оскаливают зубы, и — история к чорту. — И вот почему я сижу при лени мыслей».

[1] См. ***1831. Июля средина — августа начало. Царское Село*** (примечания).
[2] Псевдоним О. И. Сенковского. В альманахе «Новоселье» за подписью Брамбеуса были опубликованы его повести «Антар», «Незнакомка» и фельетон «Большой выход у сатаны».
[3] См. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1832. Октября 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

МЕЖДУ ФЕВРАЛЯ 17 И МАРТА 11. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь видится с П. А. Плетневым.

См. ***1833. Марта 11. Санкт-Петербург.***

МАРТА 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев пишет В. А. Жуковскому в Веве:

«Одоевский еще не напечатал своих сказок, которые называются Пестрыми с красным словцом. У Пушкина ничего нет нового, у Гоголя тоже. Его комедия[1] не пошла из головы. Он слишком много хотел обнять в ней, встречал беспрестанно затруднения в представлении и потому с досады ничего не написал. Еще есть другая причина его неудачи: он в такой холодной поселился квартире, что целую зиму принужден был бегать от дому, боясь там заморозить себя. Так-то физическая сторона человека иногда губит его духовную половину со всеми в ней зародышами».

Свод. Т. 1. С. 659 (письмо от 17 февраля — 11 марта 1833 г.).

[1] См. ***1832. Декабря 8. Санкт-Петербург***; ***1833. Февраля 20. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 24 года.

МАРТА 21. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

С. С. Уваров при своем вступлении в должность управляющего Министерством народного просвещения обращается к попечителям учебных округов с посланием, в котором впервые публично[1] объявляет:

«Общая наша обязанность состоит в том, чтобы народное образование, согласно с ВЫСОЧАЙШИМ намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности»[2].

Обращение нового главы министерства было напечатано в начале 1834 г. в первом номере основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения». В этом же — программном — номере журнала

Уваров поместил статьи профессоров Петербургского университета П. А. Плетнева и Н. И. Бутырского[3], в которых литература объявлялась главным содержанием Народности[4].

[1] Распоряжение Уварова попечители округов должны были довести до сведения всех членов своих университетов. – См. также ***1832. Декабря 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Циркулярное предложение Г<-на> Управляющего Министерством Народного Просвещения Начальствам Учебных Округов, о вступлении в управление Министерством // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. XLIX–L. – См. также: Сборник распоряжений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1866. Т. 1. С. 838.

[3] См. ***1833. Августа 31. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

МАРТА ОКОЛО 23. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возвращение в Петербург А. С. Данилевского, который вновь поселился у Гоголя.

См. ***1833. Марта 23–26. Четверг – вербное воскресенье. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1831. 28 апреля. Санкт-Петербург***; ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург.***

МАРТА 23–26. ЧЕТВЕРГ – ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет в Васильевку ответное письмо матери, в котором сообщает:

«Письма ваши, одно почтою, другое чрез Данилевского, получил. Очень благодарен вам за присылку шапки, пояса и прочего. Жаль, что не застала вас вовремя просьба о кунтуше»[1].

Сообщает, что сестры Анна и Елисавета здоровы и что он намерен оставить их в том же классе еще на год:

«Так как природных способностей у них не много, то я не нахожу, чтобы им нужно было непременно упреждать их. Лучше пусть этот год они почти ничего не делают и остаются в том же классе еще на два года[2]! притом же зачем им выходить слишком молодыми?»

Надеется весной будущего года приехать домой:

«Я всегда очень сожалею, что мне никогда почти не доводилось встретить весну в нашем крае. Может быть, на следующий год Бог поможет исполниться этому моему желанию».

[1] См. ***1832. Июля конец – октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Толстое.***

[2] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания). – Позднее, 2 мая 1833 г., Гоголь отвечал матери: «Жаль <...> мне очень, что вас слишком огорчило известие, что дети не имеют слишком больших способностей. Как будто я вам этого не говорил прежде! Что ж делать! Тем более им необходимо лучшее воспитание. Притом же, сколько есть на свете, куда ни повернись, девушек, которых ум до 14 лет в состоянии заниматься только куклами, а от 14 лет нарядами, впрочем они, кажется, будут добры. Лиза уже совсем перестала упрямиться. Анет тоже расположена учиться. Я совсем, однако ж, не писал вам, что они еще молоды для того, чтобы учиться в институте. Я напротив того писал, что они должны остаться на следующий год в этом классе, и не потому, что молоды летами (напротив, они старше всех в своем классе), но потому, что молоды умом и мало приготовлены. От них в этот год ничего и требовать не будут, потому что им невозможно узнать то в один год, что другие узнали в три года. Но в следующие шесть лет они пройдут весь курс и верно тогда ни в чем не будут отставать от других».

АПРЕЛЯ 2. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 5. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с праздником Пасхи (2 апреля). Передает также поздравления сестер Анны и Елисаветы. Спрашивает:

«Получили ли вы какое-нибудь сведение от отца Емельяна[1]? пришлет ли он ноты? Очень бы меня обрадовал он, если бы прислал. Я думаю, что Ольга Д<митриевна>[2] позабыла отдать письмо ему»[3].

Передает приветы сестре Марии с мужем П. О. Трушковским, Е. И. Ходаревской и В. И. Чернышу.

[1] Священник в имении Д. П. Трощинского, сначала в Кибинцах, потом в Кагорлыке; был с хороших отношениях с отцом Гоголя (см. ***1825. Марта 2. Понедельник. Кибинцы***).

[2] Трощинская.

[3] Письмо Гоголя не сохранилось. В следующем письме к матери, от апреля 1833 г., он также спрашивал: «<Жаль>, что Омельян не присылает ноты, и, как видно из ваших слов, совершенно нет никакой надежды получить их. Нельзя ли каким-нибудь образом послать вам кого-нибудь в Кибенцы расторопного и хитрого человека. Не осталось ли сколько-нибудь их там. — Какой бы для меня был это подарок!»

АПРЕЛЯ 9. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович и актриса М. Н. Трохнева подают в театральную дирекцию прошение на вступление в законный брак.

Супронюк О. К. Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112. — См. также ***1833. Апреля 19. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 9. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

В семье П. О. и М. В. Трушковских родился сын Николай, племянник Гоголя.

Письмо М. И. Гоголь к А. А. Трощинскому от 3–9 апреля 1833 г. (*Виноградов Г. С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 23); письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову от апреля-мая 1857 г. (*Свод.* Т. 1. С. 118).

АПРЕЛЯ ОКОЛО СРЕДИНЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. Д. Комовский по просьбе Н. М. Языкова предположительно вручает А. С. Пушкину только что вышедшую из типографии книгу «Стихотворения Николая Языкова»[1].

Позднее, в 1846 г., в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь сообщал: «Когда появились его <Языкова> стихи отдельной книгой, Пушкин сказал с до-

садой: «Зачем он назвал их: “Стихотворенья Языкова”! их бы следовало назвать просто: “хмель”! Человек с обыкновенными силами ничего не сделает подобного; тут потребно буйство сил».

[1] См. ***1833. Февраля 14. Вторник. С. Языково Корсунского уезда Симбирской губернии.***

АПРЕЛЯ 19. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович и актриса М. Н. Трохнева получают, в ответ на их прошение[1], свидетельство, что со стороны театральной дирекции на вступление их в законный брак препятствий не имеется[2].

[1] См. ***1833. Апреля 9. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 112.

АПРЕЛЯ 27. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. В. Кукольник поступил на службу в канцелярию Министерства финансов.

Манн Ю. В. Гоголь: Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 293.

ФЕВРАЛЬ-АПРЕЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, посылает М. А. Максимовичу в Москву 150 украинских песен[1].

Около года спустя, 6 марта 1834 г., Гоголь в письме к И. И. Срезневскому сообщал: «Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу, совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150».

9 ноября 1833 г. Гоголь писал также самому Максимовичу: «Я вам <...> пришлю находящиеся у меня <песни>, которых будет до двух сот, и что замечательно — что многие из них похожи совершенно на антики, на которых лежит печать древности, но которые совершенно не были в обращении и лежали зарытые».

Максимович в «Предисловии» к своему сборнику «Украинские народные песни...» сообщал, что со времени выхода в свет его книги «Малороссийские песни...» (М., 1827) он продолжал пополнять свое песенное собрание и что «оно теперь простирается уже до 2 ½ тысяч песен и отрывков»: «Настоящим богатством мое Собрание обязано участию в труде моем Князя *П. П.* <*Н. А.*> *Цертелева* — первого издателя Украинских Дум, *Н. В. Гоголя* — нового историка Малороссии и автора Вечеров на хуторе близь Диканьки, *И. И. Срезневского* — издателя Запорожской Старины, *А. Г. Шпигоцкого* — переводчика Валленрода[2], почтенного *И. В. Крамаренка, О. М. Бодянского* и некоторых других лиц, которым всем приношу мою благодарность. Кроме того, я приобрел известное Собрание народных песен покойного *З. Я. Ходаковского*[3], обильное песнями обрядными и особенно свадебными»[4].

[1] См. ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] *Мицкевич А.* Конрад Валленрод. Историческая повесть из литовских и прусских событий Адама Мицкевича. Перевел с польского Афанасий Шпигоцкий. М., 1832.
[3] Опубл.: *Дей О. І., Малаш Л. А.* Українські народні пісні в записах Зоріана Доленги-Ходаковського (з Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини і Полісся). К., 1974.
[4] Украинские народные песни, изданные *Михаилом Максимовичем.* М., 1834. Ч. 1 (цензурное разрешение 23 марта). С. III–IV.

АПРЕЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку вновь сожалеет, что отец Емельян не прислал ему ноты[1]. Благодарит Е. И. Ходаревскую за приписку в письме, спрашивает, много ли она собрала для него «песень»[2]. Передает поклоны дедушке и бабушке И. М. и М. И. Косяровским, а также А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской). Обращается к матери увещанием:

«Вы извещаете, что к вам приезжали Ларион Тро<щинский>[3] с сестрами. Сделайте милость, не покажите им виду, что вам в тягость их посещение. – Не хорошо, если нами будут недовольны. Лучше поступать так, чтобы нас все любили. Такими поступками можно даже исправить людей, в которых остается хотя немного добрых наклонностей».

[1] См. ***1833. Апреля 5. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1832. Июля конец – октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Толстое.***

[3] Илларион (Ларион) Иванович Трощинский, внучатый племянник Д. П. Трощинского. – См. также ***1819. Мая 6. Вторник. Харьков***; ***1834. Августа 1. Среда. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЬ

В. В. Тарновский отправляет письмо Гоголю.

См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает в Москву письмо к М. П. Погодину (письмо не сохранилось).

См. ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечителем Санкт-Петербургского учебного округа назначается князь М. А. Дондуков-Корсаков.

Кочубинский Ал. Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // *Свод.* Т. 1. С. 797.

МАЯ 2. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку поздравляет сестру Марию и зятя П. О. Трушковского с рождением сына[1]. Обещает разузнать для детей Е. Л. Лаппы-Данилевского (мужа сестры А. С. Данилевского, Марьи Семеновны) условия приема в медико-хирургическую академию[2]. Передает поклоны Е. И. Ходаревской и всем домашним. Выражает сомнение в успехе заводимых матерью в имении кожевенной и сапожной фабрик:

«Я очень рад, что вы хвалитесь хорошею выделкою кож. Но не много ли будет четырех тысяч, которыми вы жертвуете для него? Не лишите ли вы через это себя опять всего необходимого? Я нарочно здесь расспрашивал искусных фабрикантов в выделывании кож, с которыми именно для этого познакомился[3]. Некоторые из них заводили в Малороссии и жалуются особенным неуспехом, жалуются на то, что Москва всегда подрывает. Там выделываются кожи довольно дурно, и оттого чрезвычайно дешево[4]; а народ мало смотрит на доброту, но более на дешевизну. Из Москвы же развозят их по всей России. Особенно не советуют делать из нее сапог, седел и других вещей, а лучше продавать ее тотчас по выделке, потому что эти вещи московской работы делаются как попало, продаются так дешево, как грибы, и потому здешние фабриканты ни одной кожи, ниже сделанной из нее вещи, не отпускают в провинцию, а продают всё это здесь, потому что здесь только могут им выгодно заплатить. Главное, еще советуют смотреть в оба за фабрикантом, не отпускать его в дальние места, не взяв у него пашпорта, и не вверять ему никогда слишком большой суммы»[5].

[1] См. ***1833. Апреля 9. Фомино воскресенье. Васильевка***.

[2] Спустя около двух месяцев, 24 июня 1833 г., Гоголь извещал мать: «Уведомьте Лаппу-Данилевского, что прием в Медико-хирургическую школу не имеет большой трудности; только, если кто хочет поместить на казенный счет, должен подать просьбу заблаговременно еще к сроку. Вот и всё! Только его детям, кажется, еще очень рано. Они должны быть слишком молоды; а здесь не принимают раньше шестнадцатилетнего возраста».

[3] Позднее, в письме к матери от 12 апреля 1835 г., Гоголь признавался: «Я не хотел итти явно наперекор и вооружать против себя, но я из Петербурга писал к вам и, чтобы придать более весу словам моим, говорил, что советовался с опытными мастерами, между тем как это было просто мое мнение».

[4] Гоголевские наблюдения впоследствии нашли отражение в рассуждениях Чичикова о сапожнике Максиме Телятникове в седьмой главе первого тома «Мертвых душ»: «...Учился ты у немца, <...> и не нахвалился тобою немец, говоря с женой или с камрадом. А как кончилось твое ученье: "А вот теперь я заведусь своим домиком, – сказал ты, – да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею". <...> Достал где-то втридешева гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлейшим образом». – См. также ***1833. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург***.

[5] Опасения Гоголя оказались не напрасными (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***).

МАЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает М. П. Погодину в Москву, что получил его «записку» через А. А. Краевского и что предыдущее письмо до него не дошло. Выражает удивление, что Погодин, в свою очередь, не получил его письма, которое он писал «не так давно». Посылает Погодину, по его просьбе, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и замечает:

«...Очень рад, что уже Самозванец[1] пишется. Может быть, он и кончен! Когда-то мне достанется читать! Хотелось бы. <...> Нельзя ли напечатать скорее Афоризмы[2], у меня горло пересохло от жажды. С генваря месяца и до сих пор я не встретил нигде ни одной новой исторической истины. Набору слов пропасть, выражения усилены, сколько можно усилить, и фигурно чрезвычайно, а мысль, разглядишь давно знакомая».

Сообщает о скором завершении А. С. Пушкиным «Истории Пугачева»[3], интересуется трудами М. А. Максимовича, Е. А. Боратынского и Киреевского (вероятно, Петра[4]):

«Пушкин уже почти кончил Историю Пугачева. Это будет единственное у нас в этом роде сочинение. Замечательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный роман! Что делают наши москвичи? Что Максимович печатает точно Наума[5] и песни[6], или только нас надувает? А Киреевский, неужели он до сих пор на ложе лени. Не делает ли чего Баратынский? и не будет ли кто из вас этого лета в Петербурге?»

Вероятно, отвечая на вопрос Погодина о своем переезде в Москву[7], замечает:

«Я не иначе надеюсь отсюда вырваться, как только тогда, когда зашибу деньгу большую. А это не иначе может сделаться, как по написании увесистой вещи[8]. А начало к этому уже сделано. Не знаю, как пойдет дальше».

Просит адресовать письма на имя А. Ф. Смирдина, так как намерен на этой или следующей неделе «непременно» переменить квартиру[9]. Спрашивает, не случалось ли Погодину когда-нибудь «слышать про Историю Римской импер<ии> и славянских народов» («Издана в Оснабрике. <...> 1503 года и вся в опечатках...»):

«Это чудо, а не книга, типографическая редкость! <...> а главное, что во введении прежде всего говорится о истреблении вшей и привезенных в Германию индейских клопов».

Современная Гоголю историография почти игнорировала славян, и сама славянская история оставалась в то время в значительной мере неизученной. Характерно название одной из первых книг по истории славян — упоминаемого Гоголем в <Набросках очерка о славянах> (1832 — начало 1834) труда архимандрита Иоанна (Раича) — «История разных Славенских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов, *из тмы забвения из<ъ>ятая и в свет исторический произведенная...*» (курсив наш. — *И. В.*)[10] В 1835 г. Погодин, вернувшись из Германии, сообщал: «...Немецкие Писатели, занимаясь всеми языками на свете, живыми и мертвыми, Еврейским и Санскритским, Китайским и Коптским, имеют до сих пор какое-то непонятное отвращение от Славянского, и печатают об этом всемирном народе так, что читать стыдно за них. Они никак не могут вразумиться, что Общая История не может быть без Славянской...»[11] Соученик Гоголя П. А. Лукашевич в 1843 г. также свидетельствовал: «В наш положительный сомневающийся век первобытная История Славянских племен много пострадала от новейших скептиков, а еще более от иностранных Западных писателей, которые все лучшее приписывают своему народу, а того, чего не могут отнять, отдают в жертву орьенталистам, так что бедным Славянам остается в молчании пожимать плечами»[12]. Позднее, в 1889 г., А. Н. Пыпин заявлял: «...В начале XIX в. у нас не было ни одного человека (по крайней мере, нельзя указать этого в литературе), который был бы в состоянии пересчитать правильно славянские племена, указать на карте места их жительства и хотя бы самым общим образом обозначить их исторические отношения. Правда, и в самом славянском мире эти вопросы также были еще весьма неясны...»[13]

Именно Гоголь, вслед за Н. М. Карамзиным, взялся одним из первых восполнять пробелы в истории славянства[14], так что само формирование славянофильства и западничества было отчасти обязано произведениям Гоголя — в частности, выходу в свет повести «Тарас Бульба» (1835), восторженно встреченной не только С. П. Шевыревым и М. П. Погодиным, но и молодым В. Г. Белинским; впоследствии она прямо способствовала становлению национального самосознания славянства[15]. Не меньшее значение имела публикация первого тома «Мертвых душ» (1842), полемика о которых Константина Аксакова и Белинского явилась *первым* публичным актом размежевания критиков двух лагерей[16].

[1] Имеется в виду «История в лицах о Димитрии Самозванце», напечатанная в Москве в 1835 г. (отзыв Гоголя см. в его письме к М. П. Погодину от 18 января 1836 г.: ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1827. Января 15. Суббота. Москва***; ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург***.

[3] Первоначальный текст «Истории Пугачева» Пушкин завершил к 22 мая 1833 г. (см.: *Тархова*. Т. 4. С. 1481). С измененным заглавием — «История Пугачевского бунта» — книга, в двух частях, вышла в свет 25–27 декабря 1834 г. (Там же. Т. 4. С. 1689). — См. также ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург***. — См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва***.

[5] Имеется в виду «Книга Наума о великом Божием мире» (М., 1833). «Книга Наума...» до 4 июля 1833 г. была поднесена Максимовичем, через С. С. Уварова, Императору Николаю I (см.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. XLVIII).

[6] См. ***1833. Февраль-апрель. Санкт-Петербург***.

[7] См. ***1832. Ноября 25. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1833. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург***.

[8] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***.

[9] См. ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург.***

[10] История разных Славенских народов, наипаче Болгар, Хорватов и Сербов, из тмы забвения из<ъ>ятая и в свет исторический произведенная Иоанном Раичем, Архимандритом во Свято-Архангельском монастыре Ковиле. Вена, 1794–1795. Ч. 1–4; В Будином Граде: Печатана при Типографии Кралевского Университета, 1823. Ч. 1–4. (Первый том был издан также в Петербурге в 1796 г.). В заметке «Характер славян вообще» Гоголь писал: «По грекам славяне дунайские, ибо к ним это относится: Русоволосые, смуглые, нечистоплотные, в грязи жили (у Раича они умывались 3 раза в год, в день рождения, женитьбы и смерти)...» Вероятно, сведения, сообщаемые архимандритом Иоанном, Гоголь почерпнул из примечания Н. М. Карамзина к первому тому его «Истории государства Российского»: «Некоторые пишут, что Славяне омывались три раза во всю жизнь свою: в день рождения, женидьбы и смерти (см. в Раичевой *Исторіи Славян<ских> народовъ* кн. 1, гл. V)» (История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1818. Т. 1. Примечания. С. 60). В 1841 г. книга о. Иоанна (Раича) была отправлена М. П. Погодиным в Рим в составе библиотеки для Гоголя и русских художников (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 735).

[11] Письмо Ординарного Профессора Московского Университета Погодина к Г. Министру Народного Просвещения из Германии, от 7/15 Сентября 1835 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. № 9. Сентябрь. Отд. 6. С. 547–548.

[12] *Лукашевич Платон.* Предысторический Славянский мир. Статья 1-я // Москвитянин. 1843. Ч. 6. № 12 (цензурное разрешение 17 дек.). С. 347.

[13] *Пыпин А. Н.* Русское славяноведение в XIX-м столетии // Вестник Европы. 1889. № 7. С. 238.

[14] См.: *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы. Доклады международной конференции / Ин-т мировой литературы им. М. Горького; Моск. гос. гуманитарный ун-т им. М. А. Шолохова. М., 2007. Т. 1. С. 5–24; *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва. 30 марта – 1 апреля 2012 г. Новосибирск, 2012. С. 20–27; *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

[15] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. С. 494–495, 526–527, 554–556, 559–561, 569–574, 577, 580–581, 591–606.

[16] См.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75.

МАЯ 9. ВТОРНИК.
ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя, которые он, возможно, отмечает в кругу школьных друзей.

См. ***1830. Мая 9. Пятница. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***

МАЯ 19. ПЯТНИЦА.
МОСКВА

В Малом театре премьера – Вечер на хуторе близ Диканьки. Интермедия-водевиль в 1 действии, взятая из повестей Н. В. Гоголя[1].

«Щ<епкин> в Большом театре <в Москве> (бенефис К. Н. Баранова) в первый раз исп<олнил> роль Чуба – “Вечера на хуторе близ Диканьки”, малороссийская интермедия в 1 д<ействии>, по повести Н. В. Гоголя. Присутствовавший на спектакле Н. В. Станкевич в письме возмущался инсценировкой повести Гоголя, называл ее “вздором”, оканчивающимся традиционной пляской. “Ни одна рожа по-хохлацки не умеет говорить, но Щепкин – гений. Он говорит прекрасно по-малороссийски и настоящий хохол!”»[2]

[1] *Ельницкая 1978.* С. 229.

[2] *Гриц.* С. 192.

МАЯ 23. ВТОРНИК. МОСКВА

В Малом театре — Вечер на хуторе близ Диканьки. Интермедия-водевиль в 1 действии, взятая из повестей Н. В. Гоголя.

Гриц. С. 192; *Ельницкая 1978.* С. 229.

МАЯ 27. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина О. М. Сомова.

ИЮНЯ 8. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, получив из Васильевки три письма от матери, разделяет ее беспокойство по поводу сапожной фабрики[1]:

«Я получил почти вдруг три письма ваших. <...> Жаль мне, очень жаль, <что> около вас, как неугомонные мухи, вьются вечные заботы[2]. Сколько раз я проклинал мысленно эту сапожную фабрику за то, что она прибавила вам новый вьюк хлопот. Часто думал я, зачем нам новые заведения, и особливо теперь, когда еще имение не совсем устроилось. <...> Зачем нам деньги, когда они ценою вашего спокойствия? На эти деньги (если только они будут) мне всё кажется, что мы будем глядеть такими глазами, как Иуда на сребренники: за них проданы ваша тишина и, может быть, часть самой жизни, потому что заботы коротают век. Для меня удивительно одно в вашей фабрике: как фабрикант готов подрядиться на 10 000 пар сапогов и решается их сделать в один год? Кто за него будет работать, неужели невидимая сила? Вопрос: где он наберет работников (один человек в три дни может сделать только пару). Положим, он работников ученых наберет немного, остальных составит из неучей, но ведь их нужно же обучить. Для этого время! Когда же предположить, что они все знающие, то где наберется средства для содержания их, выдачи им жалованья? а чтобы сшить в год 10 000 сапогов, нужно работников не меньше, как 100 или 80 человек. Шутка ли? целая деревня!

Вы, кажется, говорили мне, что имеете намерение заложить те души, которые переведены из Лукашевки[3]; в таком случае я бы советовал вам сделать это, скорее удовлетворить фабриканта, так чтобы он вас больше не беспокоил, и построек флигелей не производить в этот год. Отдохните немного. А там уже общими силами, на следующий год приеду я, и мы начнем...»

Сообщает, что сестры Анна и Елисавета здоровы и учатся хорошо:

«...Взглянувши на них, нельзя теперь узнать, что они деревенщина, по крайней мере до тех пор, покаместь не заговоришь с ними. <...> Здесь при мне привозили почти таких же — и через год нельзя их было узнать».

Благодарит за присланный, наконец, с оказией кунтуш[4]. Возмущается необязательностью доставившего посылку:

«...Он и не подумал явиться ко мне, живя здесь, как я узнал, почти месяц. И если бы Данилевский не послал к нему за письмами, которые были к нему, то он и не догадался бы прислать, и то прислал уже к Данилевскому. Как справедлива пословица: *с Хама не будет пана*».

Передает поклоны дедушке И. М. Косяровскому и «бабушкам» – М. И. Косяровской и, вероятно, А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской)[5], а также Е. И. Ходаревской.

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург***.
[2] См. также ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).
[3] Имеется в виду имение, полученное за долги и тогда же проданное (см. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург*** – примечания).
[4] См. ***1833. Марта 23–26. Четверг – вербное воскресенье. Санкт-Петербург***.
[5] См. ***1833. Апрель. Санкт-Петербург***.

ИЮНЯ МЕЖДУ 8 И 24. ДАЧА БЛИЗ ПЕТЕРГОФА

Гоголь живет на даче за городом, около Петергофа.

См. ***1833. Июня 24. Суббота. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Санкт-Петербург***; ***1833. Июля 2. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

ИЮНЯ 24. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что ищет новую квартиру[1] («Я редко живу теперь в городе, в котором душно, как в бане»[2]) и поэтому временно просит писать ему в Патриотический институт или в магазин А. Ф. Смирдина. Прилагает письма сестер Анны и Елисаветы. Передает поклоны И. М. Косяровскому, А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской), А. М. Трощинской (рожд. Косяровской), сестре Марии, зятю П. О. Трушковскому и «всем домашним».

[1] См. ***1832. Октября 30. Воскресенье. Санкт-Петербург***.
[2] См. ***1833. Июня между 8 и 24. Дача близ Петергофа***.

ИЮНЯ 28. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь подарил курскому мещанину В. М. Лагочеву[1] роман М. М. Хераскова «Кадм и Гармония. Древнее повествование» (2-е изд. – М., 1793. Ч. 1–2; без указания имени автора). Книга принадлежала ранее родителям Гоголя[2].

Из романа Хераскова Гоголь, в частности, мог почерпнуть важное для него размышление о том что «народные забавы и увеселения <...> необходимы в общежитии, <...> ибо в противном разуме может народ <...> впасть в уныние, толико же силы душевные истощающее, как и неумолкаемое напряжение душевных сил к забавам и роскошествам»[3]. Еще в 1829 г. Гоголь завел в «Книге всякой всячины...» раздел «Игры, увеселения малороссиян», материалы которого непосредственно использовал в повестях «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода»[4].

[1] См. ***1832. Октября около среды 5. Курск***.
[2] См. ***1805. Ноября средина. Васильевка***.
[3] <*Херасков М. М.*> Кадм и Гармония. М., 1793. Ч. 2. С. 82–83.
[4] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 490–494. – См. также ***1829. Июля 2. Вторник. Васильевка***. (примечания).

ИЮЛЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает М. А. Максимовичу в Москву:

«Чувствительно благодарю вас, земляче, за *Наума*[1] и *Размышления*[2], а также и за приложенное к ним письмо ваше. Всё я прочел с большим аппетитом, хотя и получил, к сожалению, поздно, потому что теперь только приехал из Петергофа, где прожил около месяца[3], и застал их у Смирдина лежавшими около месяца. Жаль мне очень, что вы хвораете. Бросьте в самом деле кацапию, да поезжайте в гетьманщину. Я сам думаю то же сделать и на следующий год махнуть отсюда. Дурни мы, право, как рассудишь хорошенько. Для чего и кому мы жертвуем всем. Едем! Сколько мы там насобираем всякой всячины! Всё выкопаем».

Сообщает о своих возможных планах отправиться в следующем году лечиться на Кавказ и о продолжающемся почти год творческом кризисе:

«Не знаю, напишу ли я что-нибудь для вас! Я так теперь остыл, очерствел, сделался такою прозой, что не узнаю себя. Вот скоро будет год, как я ни строчки[4]. Как ни принуждаю себя, нет да и только. Но, однако ж, для Денницы[5] вашей употреблю все силы разбудить мозг свой и разворушить воображение».

[1] «Книга Наума о великом Божием мире» (М., 1833). – См. также ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] «Размышления о природе» (М., 1833). По предположению В. В. Гиппиуса, своеобразным откликом Гоголя на эту книгу должна была стать оставшаяся ненаписанной статья «О естественной истории» из первоначального плана сборника «Арабески» (см. ***1834. Июль. Санкт-Петербург***; *Гиппиус В.* Заметки о Гоголе // Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. Сер. филологич. наук. Вып. II. 1941. С. 7–9). «У него в Естественной истории, – писал Гоголь А. С. Пушкину о книге Максимовича 23 декабря 1833 г., – есть много хорошего, по крайней мере ничего похожего на галиматью Надеждина» (имеются в виду натурфилософские статьи, печатавшиеся в издаваемом Н. И. Надеждиным «Телескопе»). Можно предположить, что содержание гоголевской статьи должно было определяться центральной идеей книги Максимовича: «...Природа представляет собою храм, полный неисчетными выражениями мыслей Художника Всевышнего, – книгу, где каждое слово есть изреченная мысль Творца, отголосок всемощного *да будет;* – символ, в котором пламенеет вечная Премудрость» (*Максимович М.* Размышления о природе. М., 1833. С. 3). Эта же идея лежит в основе написанной ранее Гоголем (и включенной в «Арабески») статьи «Мысли о географии» (см. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***). По воспоминаниям М. Н. Лонгинова, к которому Гоголь был приглашен в начале 1831 г. в качестве домашнего учителя русского языка, «в первый же урок Гоголь начал толковать» своим ученикам «о трех царствах природы (изучаемых, соответственно, минералогией, ботаникой и зоологией. – *И. В.*) и разных предметах, касающихся естественной истории» (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

Именно после прочтения летом 1833 г. изданных Максимовичем книг в письмах к нему Гоголя появляется особо доверительный тон. Благодаря Максимовича за присылку этих книг, Гоголь в цитированном письме от 2 июля 1833 г. добавлял: «...Поручая вас деятельности, молю Бога, да ниспошлет вам здоровье и силы, что лучше всего на этом грешном мире». Письма к Максимовичу 1834 г. он неизменно заключает: «...Поручаю тебя охранению невидимых благих сил» (от 7 апреля); «Поручаю тебя Ангелу Хранителю твоему» (от 20 апреля); «Да хранят тебя небеса...» (от 8 июня); «...Да почиет над тобою благословение Божие!» (от 27 июня). Именно Максимович – в роду которого был святой – святитель Иоанн (Максимович), митрополит Сибирский и Тобольский (1651–1715) (позднее из этого же рода вышел владыка Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский, 1896–1966), был одним из тех, с кем Гоголь в 1830-х годах мог «соутешаться общею верою» (Рим. 1, 12). Максимовичу Гоголь, не таивший от него своего внутреннего мира, неожиданно раскрылся летом 1835 г. самой сокровенной стороной при посещении святых мест Киева. «Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа,– вспоминал позднее Максимович о прогулках Гоголя по Киеву в августе этого года,– он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым... Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях – под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссиян XVII века назывался "Русским Иерусалимом"» (см. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев***). Максимович был близок также к известному духовному писателю и проповеднику святителю Иннокентию (Борисову), епископу Харьковскому (с 1841 г., с 1845 г. – архиепископу), с 1848 г. архиепископу Херсонскому

и Таврическому; он оставил о владыке свои воспоминания. 22 мая 1842 г. Гоголь, посылая письмо к святителю Иннокентию, писал: «Обнимите за меня Максимовича...»

[3] См. ***1833. Июня между 8 и 24. Дача близ Петергофа***.

[4] См. также ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка***; ***1833. Сентября 28. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург***.

[5] Обещание Гоголя написать что-нибудь для третьей книги издаваемого М А. Максимовичем альманаха «Денница» (первые две книги вышли в 1830 и 1831 гг.) (денница – утренняя заря, рассвет, аврора, утренняя звезда, светоносный ангел) осталось неисполненным. 28 сентября 1833 г. Гоголь писал М. П. Погодину: «Извини меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха...»

ИЮЛЯ МЕЖДУ 2 И 4. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь снял квартиру[1] в доме Лепена на Малой Морской[2] (однако, бывая в Петербурге, продолжает проживать, до конца лета – начала сентября 1833 г., на загородной даче, избрав на этот раз Стрельну[3]).

А. С. Данилевский в 1887 г. сообщал В. И. Шенроку: «В 1835 <1833> г. я приехал в Петербург[4] и поступил в канцелярию Министра Внутренних Дел. Я приехал прямо к нему. Он жил в Демутовом переулке[5]. Я нанял квартиру с братом, Иваном Семеновичем[6], а он переселился в Малую Морскую (д<ом> Модераха), где и прожил до отъезда за границу. Здесь были нежинские вечера»[7].

Со слов Данилевского, В. И. Шенрок также писал: «В Петербурге Данилевский поступил на службу в канцелярию министерства внутренних дел. Он поселился вместе с своим младшим братом Иваном Семеновичем, а Гоголь переехал на Малую Морскую, в дом Модераха, где оставался все время до отъезда за границу. Здесь-то происходили те вечера, на которых в среде нежинцев стали появляться некоторые другие лица, как П. В. Анненков»[8].

В «Ревизоре» Гоголь упоминает номер дома, в который переехал в июле 1833 г., изменив в пьесе название улицы: «Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под нумером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо». Гоголь жил на продолжающей Почтамтскую улицу Малой Морской, в доме № 97, вход со двора, на третьем этаже.

[1] См. ***1833. Июля 2. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1833. Июля 4. Вторник. Санкт-Петербург***.

[2] «Теперь <с 1902 г.> улица Гоголя <с 1993 г. с прежним названием – Малая Морская>, 17» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194). Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко: «Как в доме Зверькова, так и в следующем своем местожительстве, на углу Гороховой и Малой Морской, Гоголь занимал квартиру комнат в пять» (см. ***1829. Ноября 12. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1833. Июля после 14 – сентября начало. Стрельна***.

[4] См. ***1833. Марта около 23. Санкт-Петербург***.

[5] См. ***1832. Октября 30. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1832. Декабря 13. Санкт-Петербург***.

[6] И. С. Данилевский приехал в Петербург в марте 1834 г. (см. ***1834. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург***).

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 514.

[8] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 511. – Знакомство Гоголя с П. В. Анненковым состоялось в первой половине сентября 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

ИЮЛЯ 4. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку пишет, что снял новую квартиру[1]. Сообщает адрес: «...В Малую Морскую, в доме Лепеня под № 97».

[1] См. ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург.***

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь приступает к работе над повестью «Нос»[1].

В записной тетради Гоголя, датируемой периодом с конца 1832 г. до конца августа — начала декабря 1834 г., сохранился первоначальный набросок повести, начинающийся словами: «23 числа 1832-го года случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие».

К истории создания «Носа», возможно, имеет отношение приписываемая Гоголю повесть «Прачка». О ее содержании известно лишь из пересказа. В 1860 г. А. С. Гиероглифов, со слов С. Н. Терпигорева, сообщал: «Во время пребывания Гоголя в Петербурге он был знаком и часто посещал г. Семенова[2], бывшего в то время одним из цензоров здешнего цензурного комитета; Гоголь часто читал г. Семенову свои произведения не только как хорошему знакомому, но и как цензору, спрашивая его мнения о том, удобно или неудобно прочитанное к печати.

В одно из таких посещений, когда у г. Семенова было несколько человек гостей, Гоголь принес свою "Прачку", написанную на нескольких почтовых листочках, и читал ее вслух. Живой и веселый юмор этого маленького рассказа заставил слушателей хохотать до слез; но, к несчастию, некоторая бесцеремонность и двусмысленность выражений были причиной того, что рассказ не мог быть признан в то время удобным к печати. Гоголь хотел было уничтожить рукопись, но г. Семенов попросил ее у него себе на память; затем рукопись оставалась у г. Семенова до отъезда его из Петербурга. Г. Семенов, по своей обязанности, имея в числе своих знакомых многих литераторов, собрал от них много рукописей и получал также много книг, которые он, при отъезде из Петербурга, подарил своему родственнику Н. И. Терпигореву, любителю литературы и библиофилу.

Г. Терпигорев тоже уехал из Петербурга в свою тамбовскую деревню и увез с собою все книги и рукописи, в том числе и "Прачку". Это подтверждается тем, что сын Н. И. Терпигорева, С. Н. Терпигорев, студент здешнего университета, читал эти листочки в деревне отца и даже помнит содержание "Прачки", которое, с его слов, мы и передаем... <...> Содержание рассказа, по словам С. Н. Терпигорева, следующее:

Действующие лица рассказа — петербургский чиновник и прачка, моющая на него белье; при сдаче прачкой вымытого белья не оказывается одной штуки; чиновник требует ее; прачка обижается, и между ними происходит перебранка; оскорбленное самолюбие прачки доходит до высшей степени, сыплются крупные слова, колкости и т. п., чиновник требует своей штуки, прачка говорит, что у нее нет никакой его ***штуки*** и чтобы он лучше поискал ее у себя ***в белье***»[3].

Кроме того, к творческой истории «Носа», возможно, имеет отношение следующее недатированное письмо В. А. Жуковского к А. О. Смирновой (возможно, первой половины 1832 г.[4]): «Вчера я возвратился домой с благим намерением быть сегодня к вам на вечер; но, ложась спать, как-то хватил себя за нос, а на носу и сидит прыщ. Господи помилуй, что это такое? За что от Тебя такое наказание? Нынче поутру, проснувшись, подымаю правую руку свою и прикасаюсь к тому же носу... Нет, брат! Это не нос, а поношение: прыщ знай себе сидит, каналья, колбасник! Сидит бестия! Вот я и не знаю, что мне делать; если этот подлец-прыщ останется на носу моем, то я к вам не приду; если же он уйдет (чтоб его прорвало!), то и меня увидите вы у себя. А ему разбойнику и не скучно: ведь у меня на носу давно есть маленькая бородавочка; вот он, волокита, и вздумал ей строить куры, да и сел близехонько подле нее, так что они вместе составляют род просфоры. Да что же это такое! Разве нос мой какая просвирня! Вот тебе еще какая выдумка! Смотри пожалуй! Э! э! э!»[5] (С повестью Гоголя Жуковский познакомился в авторском чтении 4 апреля 1836 г.[6])

В этот же период Гоголь пишет отрывок <Рудокопов>[7] и комедию «Женихи» (позднейшее название — «Женитьба»).

В 1842 г. Гоголь сопроводил название комедии пометой: «Писано в 1833 году». Сюжет пьесы обнаруживает переклички с повестью «Ночь перед Рождеством». Действие «Женихов», как и в «Ночи перед Рождеством», разворачивалось в деревне — причем в том, и в другом произведениях завязывалось в пост. В Рождественский сочельник в повести происходит греховное само по себе посещение Солохи ее ухажерами; в Великий пост в комедии совершается столь же непозволительное сватовство женихов Агафьи Тихоновны (в том и другом случае их четверо).

Тогда же Гоголь предпринимает новую попытку реализовать давний замысел исторического романа из малороссийского прошлого («Гетьман»)[8]. (От этой попытки до нас дошло <Начало исторического романа>, состоящее из шести глав, и отрывок <Мне нужно видеть полковника>.)

Неудовлетворенный новой попыткой, Гоголь вскоре принял решение издать отдельно, в дополнение к напечатанной ранее «Главе из исторического романа»[9], еще одну из прежде написанных глав, отказавшись, вероятно, тем самым от реализации замысла в целом. В начале 1834 г. он сдал отрывок «Кровавый бандурист. Глава из романа» в «Библиотеку для Чтения» (представленный в цензуру в корректуре отрывок 27 февраля 1834 г. был запрещен к печати)[10]. В дальнейшем ряд эпизодов и повествовательная манера <Начала исторического романа> были отчасти использованы Гоголем при создании «Тараса Бульбы»[11]. Именование же главного героя «Главы из исторического романа» «миргородским полковником» косвенно поясняет включение «Тараса Бульбы» в состав «Миргорода». В миргородских местах — местечке Камишна Миргородского уезда Полтавской губернии — происходит и действие <Начала исторического романа>[12].

[1] См. также ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург.***

[2] Василий Николаевич Семенов (1801–1863), литератор и цензор. Подписал к печати сборники Гоголя: «Арабески» (10 ноября 1834 г.), второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (того же числа), «Миргород» (29 декабря 1834 г.); присутствовал на заседании Петербургского цензурного комитета при представлении цензором А. Л. Крыловом 3 марта 1836 г. повести Гоголя «Коляска», напечатанной в первом томе «Современника» (цензурное разрешение 31 марта 1836 г.) (см.: <Постановление Санкт-Петербургского Цензурного комитета о повести Гоголя «Коляска»> // *Свод.* Т. 1. С. 822).

[3] *Гиероглифов А. С.* О ненапечатанном рассказе Н. В. Гоголя «Прачка» // *Свод.* Т. 1. С. 764–765.

[4] См. ***1832. Января 11. Понедельник. Санкт-Петербург*** (свадьба Н. М. Смирнова и А. О. Россет); ***1832. Июня 18. Суббота. Санкт-Петербург*** (отъезд Жуковского за границу).

[5] <*Бартенев П. И.*> *П. Б.* К биографии Жуковского // Русский Архив. 1883. № 2. С. 335. См. также ***1836. Апреля 4. Суббота Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Апреля 4. Суббота Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[7] См. также ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург.***

[8] *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 420.

[9] См. ***1831. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] См.: <*Чернышевский Н. Г.*> Сочинения Н. В. Гоголя // Современник. 1856. № 6. <Отд. 2>. С. 46.

[12] См. ***1645. Апреля 5. Великая Суббота. Село Камишна Миргородского полка.***

ИЮЛЯ 14. ПЯТНИЦА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пожертвовал на сооружение памятника Н. М. Карамзину 25 рублей (вместе с П. А. Плетневым и А. С. Пушкиным, пожертвовавшими также по 25 рублей).

Подписной лист жертвователей:

«С Высочайшего соизволения. На сооружение памятника Карамзину в Симбирске.

И. Дмитриев вносит пятьсот рублей.
Д. Блудов ____________ пятьсот рублей.
Д<ействительный> Т<айный> С<оветник> Кушников[1]__ тысяча руб<лей>.
Граф Кутайсов _________ триста рублей.
П. Вяземский _________ двести рублей.
Уваров __________ пятьдесят[2] руб<лей>.
Пушкин ___________ двадцать пять <рублей>.
Плетнев ___________ двадцать пять <рублей>.

Гоголь ___________ двадцать пять <рублей>.
Д<*нрзб.*> ________ сто рублей.
Вигель[3] ________ сто рублей.
Граф Виельгорский 1-й ___ триста рублей.
Граф Хвостов[4] ______ 50 руб<лей>.
Веневитинов[5] ______ сто рублей.

3275 <рублей>»[6].

Подписка на сооружение памятника Н. М. Карамазину была объявлена на прощальном обеде, данном И. И. Дмитриеву 14 июля 1833 г. перед отъездом его из Петербурга в Дерпт, куда он отправлялся к вдове Н. М. Карамзина Екатерине Андреевне, находившейся в большом горе после смерти 21 апреля 1833 г. ее пятнадцатилетнего сына Николая[7].

П. А. Плетнев 15 июля 1833 г. сообщал: «Вчера, на дружеском обеде, куда собралось несколько почитателей знаменитого Поэта нашего, Ив. Ив. Дмитриева, по случаю отъезда его из С. Петербурга, после заздравного и прощального тоста почетному гостю, Дм. Ник. Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного благодарными земляками Карамзина, замечая притом, что никто не имеет столько прав начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Ив. Ив. Дмитриев, который начал, вместе с бессмертным другом своим, великое дело преобразвания нашего языка. <...> Из чужестранцев присутствовал здесь Саксонский Посланник, Барон Люцероде... <...> Общество состояло из 20 особ, денег собрано при сем случае 4525 рублей»[8].

19 июля 1833 г. князь П. А. Вяземский писал также А. И. Тургеневу: «Знаешь ли, что вы, симбиряки, просили дозволения соорудить памятник Карамзину в Симбирске, и что государь очень одобрил этот проект? Знаешь ли ты, что и ты в числе зачинщиков этого дела, и что Аржевитинов по доверенности подписал за тебя. На днях Вьельгорские братья, Пушкин и я давали обед Дмитриеву, и после заздравного и прощального тоста ему (потому что он уехал в Дерпт и оттуда прямо проедет в Москву) Блудов предложил тост за благополучное окончание предприятия, задуманного симбирскими дворянами и, заметив, что никто не имеет столько права начать открывающуюся по сему предмету подписку, как Дмитриев, который начал вместе с бессмертным другом своим великое дело преобразования нашего языка, подал лист бумаги Дмитриеву, который подписал 500 рублей; Кушников 1000, Уваров, Блудов по 500, так что от двадцати человек, бывших на обеде сем, собрано 4525 рублей. Тут и 50 рублей Хвостова, который, пронюхав, что дается обед, назвался на него. Ай да симбиряки! Спасибо! Вот циркуляр Блудова о сооружении памятника: “Некоторые из дворян Симбирской губернии, желая почтить память российского историографа Карамзина, уроженца сей губернии, изъявили желание воздвигнуть ему памятник в г. Симбирске; по всеподданнейшему докладу моему о сем Государю Императору, Его Величество благоволил изъявить совершенное согласие свое на приведение в действо сего предположения и высочайше повелел открыть для сего повсеместную подписку”...»[9]

1 октября 1833 г. Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Д. Н. Блудова я теперь с приезда не видал еще и не знаю, как идет подписка и проект памятника; но о вашем приношении, вместе с прочими, последовавшими на нашем обеде, кажется, было объявлено в журнале М<инистерства> В<нутренних> Д<ел>. (В приезд И. И. Дмитриева в Петербург, некоторые приятели его давали ему обед в гостинице; на этом обеде, чтобы порадовать и отпраздновать дорогого гостя, Блудов объявил о высочайшем соизволении Государя на сооружение памятника Карамзину. Тут же сейчас и открыта была подписка, которая, разумеется, началась с имени Дмитриева. – *Примеч. П. И. Бартенева. – И. В.*) Собеседник наш барон Люцероде не нахвалится Москвою и благосклонным приемом вашим»[10].

Заголовок подписного листа написан рукою Д. Н. Блудова (граф с 1842 г.). Остальные записи автографические.

[1] Сергей Сергеевич Кушников (1765–1839), действительный тайный советник, сенатор, племянник Н. М. Карамзина и родственник И. И. Дмитриева, в прошлом адъютант князя А. В. Суворова; сторонник графа А. А. Аракчеева; петербургский гражданский губернатор в 1802–1804 гг.; член верховного суда над декабристами в 1826 г., с 1832 г. – член комиссии прошений.

[2] Так в источнике.

[3] Филипп Филиппович Вигель (1786–1856), чиновник, мемуарист. Позднее, в письме к Гоголю от 18 февраля 1847 г., Вигель писал: «Было время, что я вас долго и близко знал (о, горе мне) и не узнал! с обеих сторон излишнее самолюбие не дозволяло нам сблизиться. И как за суровостию ваших взглядов мог бы я угадать сокровища ваших чувств? До сокровищ ума не трудно было у вас добраться; несмотря на всю скупость речей ваших, он сам собою выказывался» (см. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва***).

[4] Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), писатель.

[5] Вероятно, Алексей Владимирович Веневитинов (1806–1872), впоследствии товарищ министра уделов, действительный тайный советник, сенатор, муж Апполинарии Михайловны Веневитиновой (рожд. графини Виельгорской).

[6] С Высочайшего соизволения. На сооружение памятника Карамзину в Симбирске. <Подписной лист> // *Свод.* Т. 1. С. 763.

[7] См. коммент. Л. Б. Модзалевского в изд.: *Пушкин.* Письма. <Без м. изд.>, 1935. Т. 3. С. 594; см. также: *Соловьева О. С.* Новейшие приобретения пушкинского текста (1955–1956) // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 400–402; *Тархова.* Т. 4. С. 64.

[8] *Плетнев.* Отрывок из письма. С.-Петербург, 15-го июля 1835 г. Обед И. И. Дмитриеву и памятник Карамзину // Северная Пчела. 1833. 21 июля. № 162. С. 645–646.

[9] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 243–244.

[10] <*Бартенев П. И.*> Письма к И. И. Дмитриеву. Печатаются с подлинников, обязательно сообщенных профессором Московского университета Ф. М. Дмитриевым // Русский Архив. 1868. № 1–6. Стб. 634.

ИЮЛЯ ПОСЛЕ 14 – СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО. СТРЕЛЬНА

Гоголь живет на загородной даче в Стрельне, изредка приезжая в Петербург.

См. ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1833. Августа 9. Среда. Санкт-Петербург***; ***1833. Августа 30. Среда. Стрельна***; ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***.

ИЮЛЯ КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ИЛИ СТРЕЛЬНА

Гоголь посылает письмо к М. П. Погодину в Москву, поздравляет его с женитьбой[1] (письмо не сохранилось)[2].

[1] М. П. Погодин 9 июля 1833 г. женился на Елизавете Васильевне Вагнер.

[2] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В бумагах А. С. Пушкина, связанных с работой над «Историей Петра I», появляются карандашные рисунки – шесть мужских портретов, определяемых как А. Ф. Воейков, Вольтер, Гоголь, Е. И. Пугачев, братья Н. А. и К. А. Полевые.

Тархова. Т. 4. С. 69.

АВГУСТА 9. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее писем («даже адресованных на старую квартиру») и извещает, что «более трех дней», как находится в городе, а до этого времени жил «за городом в Стрельне и около Петергофа». Спрашивает, «в какой степени велик неурожай и что стоит четверть хлеба». Просит не приписывать ему «всякого вздору» (чужих сочинений) и жалуется на творческий застой:

«...Я в первый раз слышу, и то от вас, что существует книга под названием Кулябка[1]. Верьте, что если бы я что-нибудь выпустил свое, то верно бы прислал вам. Впрочем вряд ли будет что-нибудь у меня в этом или даже в следующем году. Пошлет ли всемогущий Бог мне вдохновенье – не знаю».

На вопрос о приезде «будущею весною» отвечает, что «всеми силами» будет стараться это исполнить, «но всё зависит от обстоятельств»[2]. Передает поклон Е. И. Ходаревской, П. О. Трушковскому и «всем» домашним. Принимает участие в делах по устройству кожевенной и сапожной фабрик[3]:

«Я позабыл название инструментов, употребляемых в кожевенном деле, а письма вашего, в котором вы писали о них, никак не отыскал, и потому не осведомлялся о них. Но если вы возьмете труд опять написать названия их, то я не премину уведомить».

[1] «Гоголь прав: ни книги с таким заглавием, ни такого автора в действительности не было. Но в 1833 г. в Петербурге вышли "Рассказы прадеда". Картины нравов, обычаев и домашнего быта малороссов. Кн. I. Один из рассказов этой книжки и носил заглавие "Семейство Кулябки". Н. Полевой в "Московском телеграфе" дал резкий отзыв о "Рассказах прадеда": "Неужели сочинитель думает быть народным, представляя своим читателям разные грубые, комические описания, напр<имер>, как отец бил прекрасную Оксану плетью... как щенок вскарабкался в окно, уронил ендову с пирогами, выпачкался в сметану, и уплетал, разбойник, пироги, без зазрения совести" и т. д. Но свой суровый отзыв Н. Полевой заканчивал указанием "смягчающих обстоятельств" для автора: "Кажется, грех на душе *Рудого Панька:* он соблазнил сочинителя «Рассказов прадеда»" ("Московский телеграф" 1833 г. 51, стр. 466–468). Весьма сомнительно, чтобы Гоголь, ревниво относившийся к суждениям критики об его произведениях, не натолкнулся на этот отзыв, притом напечатанный в виднейшем журнале эпохи» (*Десницкий В. А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения // *Десницкий В. А.* На литературные темы. М.; Л., 1933. С. 227).

[2] Ср. ***1835. Мая около 17 — июнь; июля начало— августа около 11. Васильевка.***

[3] См. также ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1833. Июня 8. Четверг. Санкт-Петербург.***

ИЮНЬ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА АВГУСТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает А. С. Пушкину отрывки из своей незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени».

См. ***1833. Сентября 30. Суббота. Деревня Языково Симбирской губернии***; ***1833. Октября 30. Понедельник. Болдино***; ***1834. Мая 3. Четверг. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 17. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин вместе с С. А. Соболевским выезжает в Москву.

Тархова. Т. 4. С. 72.

АВГУСТА 26. СУББОТА. МОСКВА

А. С. Пушкин сообщает жене, что в Ярополье[1] «ходил на поклонение» праху ее прадедушки П. Д. Дорошенко[2].

Пушкин упоминал также ранее о Петре Дорошенко в поэме «Полтава» (1829): «Что ж гетман? — юноши твердили, — / Он изнемог, он слишком стар; / Труды и годы угасили / В нем прежний, деятельный жар. / Зачем дрожащею рукою / Еще он носит булаву? / Теперь бы грянуть нам войною / На ненавистную Москву! / Когда бы старый Дорошенко, / Иль Самойлович молодой, / Иль наш Палей, иль Гордиенко / Владели силой войсковой, / Тогда б в снегах чужбины дальней / Не погибали казаки / И Малороссии печальной / Освобождались уж полки...»

[1] 24 августа 1833 г.
[2] См. ***1698. Ноября 9. Среда. Ярополец.***

АВГУСТА 30. СРЕДА. СТРЕЛЬНА

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что писем от нее давно не получал и что еще живет на загородной даче в Стрельне. Вновь[1] спрашивает, каков неурожай в Малороссии и «в какой цене хлеб». Прилагает письма сестер Анны и Елисаветы. Спрашивает, есть ли известия от А. А. Трощинского[2], пишут ли Косяровские (Петр, Павел и Иван Петровичи и их сестра Варвара Петровна). Интересуется здоровьем И. М. и М. И. Косяровских, А. М. Трощинской (рожд. Косяровской), А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской). Передает всем привет, упоминая также сестру Марию, ее мужа П. О. Трушковского, Е. И. Ходаревскую. Просит обнять «маленького Николиньку» (своего племянника Н. П. Трушковского).

[1] См. ***1833. Августа 9. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЬ-АВГУСТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий знакомится с С. Д. Шаржинским.

См. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий более чем на год уезжает из Петербурга на родину в Малороссию.

Позднее, 22 сентября 1834 г., Мокрицкий пометил в дневнике: «Уже я более года в Малороссии...»[1]

«4 ноября 1833 г. Н. А. Маркевич, украинский помещик и знакомый семьи Мокрицких, заносит в свои "Записки, отметки из корреспонденций, из денежных счетов и т. д.": "Мокрицкий живет в Пирятине, в доме отца своего[2], почтмейстера"»[3].

[1] Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 32.
[2] Николай Алексеевич Мокрицкий (1776 – начало 1834).
[3] Дневник художника А. Н. Мокрицкого. С. 9.

АВГУСТА 31. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Торжественное собрание Императорского Петербургского университета. В соответствии с провозглашенными министром народного просвещения С. С. Уваровым принципами Православия, Самодержавия, Народности, профессора

П. А. Плетнев и Н. И. Бутырский в своих докладах называют литературу главной составляющей Народности[1].

Статьи Плетнева и Бутырского были напечатаны в начале 1834 г. в первом номере основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения». «Официальные» статьи этого номера получили тогда же высокую оценку Гоголя[2].

[1] См. ***1834. Февраля 11. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).
[2] См. там же.

СЕНТЯБРЯ 14 <2>. СУББОТА. РИМ

Вскрытие гробницы С. Рафаэля.

«Стояла в Пантеоне урна Рафаэля с надписью и на ней бюст его. Но места погребения не знали точно. В Римской Академии Св. Луки хранился мнимый череп Рафаэля. Рассказывают, что Гал<л>ь[1], наблюдая его, отказывал ему в дарованиях живописных. В 1833 году, конгрегация художников в Риме, с позволения Папы <Григория XVI>, решилась отыскать его гроб. Произведены были поиски, сначала тщетные, но потом статуя, известная в народе под именем Мадонны del sasso (камня), навела на место. Народ давно считал это изваяние чудотворным и молился ему с особенным благоговением. Позднее объяснили, что del sasso есть искаженное del Sancio и что эта та самая статуя, которую Рафаэль завещал поставить над своей гробницею, поручив ее резцу художника Лоренцо Лотти. И вот, 14-го сентября 1833 года, в присутствии всех художников, бывших в Риме, ученых и литераторов, вскрыт был гроб Рафаэля. Здесь были Торвальдсен и Камучини, Гораций Вернет, наши <К. П.> Брюллов, Бруни, <А-р Анд.> Иванов и многие другие. Скелет сохранился почти в целости; длиною был он в 5 фунтов и 2 дюйма Парижских. Сняли слепок с костяка левой руки, который, вскоре после того, рассыпался прахом. Череп сохранился превосходно, за исключением задней части, потерпевшей, вероятно, от частых наводнений Тибра. Зубы, необыкновенной белизны, и горловой канал, были совершенно целы. В течении месяца выставлены были останки Рафаэля на показ всему Риму, и 18-го октября снова преданы погребению; надпись на пиластре престола Мадонны напоминает об этом событии»[2].

Очерк истории живописи италиянской, сосредоточенной в Рафаэле и его произведениях. Четыре публичные лекции, читанные Ординарным Профессором С. Шевыревым в 1851 году. М., 1852. С. 128–129.

[1] Франц Йозеф Галль (1758–1828), врач, основатель френологии.
[2] См. также ***1839. Марта 13 <1>. Среда. Рим***.

СЕНТЯБРЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Возвращение В. А. Жуковского из-за границы.

Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 394.

СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович на одном из вечеров у Гоголя знакомит с ним П. В. Анненкова[1].

В 1857 г. Анненков, стремясь придать своим «Воспоминаниям о Гоголе» большую весомость[2] и потому стараясь представить себя как можно более «давним» приятелем писателя, сообщал:

«...Около 1832 года <...> я впервые познакомился с Гоголем...»[3] Спустя много лет, в письме от 16 августа (н. ст.) 1876 г., мемуарист на вопрос М. М. Стасюлевича по поводу его сообщения о знакомстве с Гоголем в 1832 г.: «Так ли?»[4], – вновь уверял: «Именно в 1832 году, вскоре после появления "Вечеров на хуторе"»[5] (цензурное разрешение второй части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» было дано 31 января 1832 г.[6]; книга вышла в свет в начале марта этого года[7]).

Между тем свидетельство Анненкова другими данными не подтверждается. Далее в своих «Воспоминаниях о Гоголе» сам мемуарист сообщал, что познакомился с Гоголем в то время, когда тот жил «на Малой Морской, в доме Лепена»[8], – т. е., очевидно, не ранее осени 1833 г. Квартиру в доме Лепена, № 97, на Малой Морской Гоголь снял лишь в начале июля 1833 г.[9] и вплоть до начала сентября жил на загородной даче в Стрельне[10]. (Сообщая о переезде Гоголя в дом Лепена, В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского, в частности, замечал: «Здесь-то происходили те вечера, на которых в среде нежинцев стали появляться некоторые другие лица, как П. В. Анненков»[11].)

Прозвище, данное Гоголем Анненкову вскоре после знакомства – Жюль Жанен, также не могло появиться ранее 1833 г.[12] (Замысел альманаха «Тройчатка», толчком к возникновению которого, вероятно, послужила Гоголю и Одоевскому «Исповедь» Ж. Жанена, в свою очередь, относится к осени 1833 г.[13]) По-видимому, знакомство Гоголя с Анненковым состоялось не ранее первой половины сентября 1833 г.[14]

Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «Данилевского Гоголь старался ввести в свой кружок и познакомил раньше всех именно с Анненковым, а потом уже с Плетневым и князем Одоевским. С первым Гоголь был в то время уже коротко знаком, а последнего узнал близко только за несколько месяцев до отъезда за границу[15]. У Плетнева Данилевский встречал также нередко Крылова и Пушкина»[16];

«В кружке нежинцев Гоголю особенно были близки два брата Прокоповичи (приятель его Николай, прозванный за румяный цвет лица Красненьким, и Василий[17], обыкновенно называемый Гоголем – Васька), Иван Григорьевич Пащенко и художник Мокрицкий[18]. Вечера проходили оживленно и шумно, и кружок постепенно расширялся от присоединения к нему новых лиц. Так, спустя несколько лет, в 1834 году, в нем часто бывал известный впоследствии писатель П. В. Анненков, получивший в кружке прозвание Жюль-Жанен»[19];

«В "Записках о жизни Гоголя" г. Кулиш упоминает об энтузиазме, с которым впоследствии относился к петербургскому периоду жизни своего приятеля Прокопович[20]; мы лично имели случай слышать такой же сочувственный, почти восторженный отзыв уже престарелого Данилевского. Но <...> чувствуя себя среди товарищей-однокашников совершенно в родной сфере и отдыхая в их обществе от светских и служебных отношений, от всяких житейских дрязг, – Гоголь, несмотря на то, никогда не держал себя "нараспашку" и совсем не был склонен даже самых близких людей посвящать в свои заветные планы. Наиболее любимый им из кружка, Данилевский, по его собственному признанию, никогда не решался начинать с Гоголем разговор о серьезных его интересах, а вступал в откровенную беседу о таких предметах только по приглашению последнего»;

<...> ...*Полной* искренности не признавал в Гоголе ни Данилевский, ни другие лица, которыя знали его лично и *любили*, ни даже его близкие родственники, признававшие его скрытность, не составляющую, впрочем, порока, но являющуюся просто чертой личного характера Гоголя. <...> ...Самым близким людям характер Гоголя казался скрытым...»[21];

«А. С. Данилевский называл мне несколько лиц, послуживших, по его предположению, прототипами некоторых произведений Гоголя: Акакий Акакиевич – Юдин, о котором он часто рассказывал Гоголю. Юдин заходил к ним. Это было несчастнейшее создание. Манилов – Юрьев, Василий Иванович, был женат на двоюродной сестре А. С. Данилевского. Чичиков – общий знакомый[22] в начале 30-х годов»[23].

В 1857 г. Анненков также вспоминал: «...Гоголь часто сходил с шумного, трудового своего жизненного поприща в уединенный круг своих приятелей – потолковать преимущественно о явлениях искусства, которые, в сущности, одни только и наполняли его душу. Он никогда не говорил с приятелями об ученых своих предприятиях и других замыслах, потому что хотел оставаться с

ними искренним и таким, каким его знали сначала. Гоголь жил на Малой Морской, в доме Лепена[24], на дворе, в двух небольших комнатах, и я живо помню темную лестницу квартиры, маленькую переднюю с перегородкой, небольшую спальню, где он разливал чай своим гостям, и другую комнату, попросторнее, с простым диваном у стены, большим столом у окна, заваленным книгами, и письменным бюро возле него. В первый раз, как я попал на один из чайных вечеров его, он стоял у самовара и только сказал мне: "Вот, вы как раз поспели". В числе гостей был у него пожилой человек, рассказывавший о привычках сумасшедших, строгой, почти логической последовательности, замечаемой в развитии нелепых их идей. Гоголь подсел к нему, внимательно слушал его повествование, и когда один из приятелей стал звать всех по домам, Гоголь возразил, намекая на своего посетителя: "Ты ступай... Они уже знают свой час, и когда надобно, уйдут". Большая часть материалов, собранных из рассказов пожилого человека, употреблены были Гоголем потом в "Записках Сумасшедшего". Часто потом случалось мне сидеть и в этой скромной чайной, и в зале. Гоголь собирал тогда английские кипсеки[25] с видами Греции, Индии, Персии и проч., той известной тонкой работы на стали, где главный эффект составляют необычайная обделка гравюры и резкие противоположности света с тенью. Он любил показывать дорогие альманахи, из которых, между прочим, почерпал свои поэтические воззрения на архитектуру различных народов и на их художественные требования. Степенный, всегда серьезный Яким <Нимченко> состоял тогда в должности его камердинера. Гоголь обращался с ним совершенно патриархально, говоря ему иногда: "Я тебе рожу побью", что не мешало Якиму постоянно грубить хозяину[26], а хозяину заботиться о существенных его пользах и наконец устроить ему покойную будущность. <...>

Приятели сходились также друг у друга на чайные вечера, где всякий очередной хозяин старался превзойти другого разнообразием, выбором и изяществом кренделей, прибавляя всегда, что они куплены *на вес золота*. Гоголь был в этих случаях строгий, нелицеприятный судья и оценщик. На этих сходках царствовала веселость, бойкая насмешка над низостию и лицемерием, которой журнальные, литературные и всякие другие анекдоты служили пищей, но особенно любил Гоголь составлять куплеты и песни на общих знакомых. С помощью Н. Я. Про<копови>ча и А. С. Д<анилевско>го[27] некоторые из них выходили действительно карикатурно метки и уморительны. Много тогда было сочинено подобных песен. <...> В памяти у меня остается также довольно нелепый куплет, долженствовавший увековечить подвиги молодых учителей из его знакомых, отправлявшихся каждый день на свои лекции на Васильевский остров[28]. Куплет, кажется, принадлежал Гоголю безраздельно:

Все *бобрами* завелись,
У Фаге все завились —
И пошли через Неву,
Как чрез мягку мураву, и т. д.

Точно то же происходило и на обедах в складчину, где Гоголь сам приготовлял вареники, галушки и другие малороссийские блюда. <...>

Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми, усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского[29] ружья рублей в 200 (асс<игнациями>). В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу — за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидал своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии он уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности на лице... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его "Шинель", и она заронилась в душу его в тот же самый вечер»[30].

Показание Анненкова о творческой истории «Шинели» (1842; первоначальное название – «Повесть о чиновнике, крадущем шинели»[31]) не вызывает сомнений и вполне подтверждается содержанием статьи самого Гоголя «Петербургская сцена в 1835–36 г.», написанной в конце апреля 1836 г.[32] Однако, по-видимому, первоначально – задолго до создания «Шинели» – история о всепоглощающей любви человека к ружью послужила Гоголю материалом для написанной вскоре после рассказа Повести о ссоре из-за ружья (подобного повести о разбое из-за шинели). (В этом же ряду находится «Повесть о капитане Копейкине» в десятой главе первого тома «Мертвых душ», изображающая петербургские соблазны героя и его бунт из-за задержки пенсиона.)

Эти наблюдения позволяют датировать создание «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (опубл. в 1834) сентябрем 1833 г.[33] Примечательно также то, что начало ссоры героев Гоголь приурочил к дню памяти преподобного Акакия, о котором повествуется в «Лествице»[34]. Это позволяет предположить одновременное развитие сюжетов об Акакии Акакиевиче и Иване Ивановиче с Иваном Никифоровичем. (Поскольку с «ничтожным» Башмачкиным имеет также много общего «переписчик» Тентетников во втором томе «Мертвых душ», то и его участие в «одном неразумном деле», куда он оказался замешанным вследствие знакомства с «двумя приятелями, принадлежавшими к классу огорченных людей»[35], может быть поставлено в связь с неразумным поведением героев-«недорослей» «Шинели», Повести о ссоре и «Повести о капитане Копейкине» – «мертвых душ», не помышляющих о восхождении по «лествице» добродетелей, до Господня «возраста»[36].)

По свидетельству матери Гоголя, «историю о гусаке он списал с натуры, точно были такие оригиналы, фамилии которых я не упомяну, что за подобные безделицы заводили дела не из гнева, потому что они езжали в одном экипаже нередко подавать друг на друга жалобу, считая это должным, чтоб другие их урезонивали»[37].

15 мая 1853 г. Н. П. Бектышев сообщал С. П. Шевыреву: «За долг поставляю известить Вас при сем, что я познакомился недавно с человеком, который может очень много рассказать любопытного о Николае Васильевиче, о героях некоторых его повестей, а в особенности о Миргороде и о личностях этого повета, так живо и так верно изображенных нашим писателем. Этот человек, о котором я теперь говорю, не иной кто, как учитель Каллиграфии Николай Наумович Трифинский. С ним познакомился я в доме Дарагана, где и теперь живу; онто между делом сообщал мне эти чрезвычайно любопытные подробности. Трифинский родился и жил долгое время близ Миргорода, а потому многих лиц, столь известных нам, каковы: Иван Иванович, Иван Никифорович и т. д., знал очень хорошо и может Вам доказать, что все это характеры невымышленные, но действительно существовавшие и с изумительною верностию изображенные. Ему известна даже и позднейшая судьба этих героев, судьба, о которой Гоголь, по всему вероятию, не знал еще тогда, когда писал эти повести. – Она в высшей степени жалка и смешна»[38].

В 1861 г. А. Н. Афанасьев записал в дневнике: «От П. В. Анненкова слышал, что Гоголь написал комедию "Владимирский крест"[39] и, когда он жил в С<анкт>-П<етер>б<урге>, читал своим знакомым 2 акта. – Анненков был в числе слушателей. "Отрывок" ("Собачкин"), "Лакейская", "Тяжба" и "Утро делового человека" – все отрывки из этой комедии. Герой комедии добивается получить владимирский крест, и судьба несколько раз безжалостно обманывает его чиновничье честолюбие: уже, кажется, все сделано, вот-вот повесят владимирский крест, а тут как нарочно что-нибудь да помешает. Последняя неудача сводит героя комедии с ума. Помешательство в том, что будто он сам есть не более как владимирский крест. Любопытны гоголевские рассуждения о кресте, вкладываемые в уста этого чиновника: "Боже мой, – говорил он, – ну что такое этот крестик, и стоит ли он, кажись, всех хлопот, золота будет в нем на столько-то рублей, ну эмали, пожалуй, еще на столько, – а чего не даст за него человек!" В последней сцене сумасшедший, воображая себя крестом, становится перед зеркалом, подымает [растопыривает] руки (так что делает из себя подобие креста) и не насмотрится на свое изображение»[40].

«Надо сказать, – сообщал также Анненков в своих воспоминаниях, – что в Петербурге около Гоголя составился круг его школьных приятелей и новых, молодых знакомых, которые любили его горячо и были ему по душе. Перед этим кругом Гоголь всегда стоял просто, в обыкновенной своей позиции, хотя сосредоточенный, несколько скрытный характер и наклонность овладевать и управлять людьми не оставляли его никогда. Кроме жаркой привязанности, которую он питал вообще к двум-трем товарищам своего детства, – "ближайшим людям своим", как он их называл[41], – Гоголю должен был нравиться и тот откровенный энтузиазм, который высказывался тут к тогдашней литературной деятельности его, несмотря на совершенно короткое, нецеремонное обращение приятелей между собою. В этом круге он встречал только ласковые, часто им же воодушевленные лица, и не было ему надобности осматриваться, беречься и отклонять от себя взоры. За чертой круга Гоголь открывал себе широкий путь жизни всеми средствами, которые находились в его богатой натуре, не исключая хитрости и сноровки

затрагивать наиболее живые струны человеческого сердца. Он сходил с этой арены в безвестный и, так сказать, уединенный круг своих приятелей, если не отдыхать (в это время он не отдыхал почти никогда, но *жил* постоянно всеми своими способностями), то, по крайней мере, сравнивать его бескорыстные суждения о себе и ряд надежд, возлагаемых на него, с тем, что говорилось и делалось по поводу его особы на другом, более обширном поприще. Он был прост перед своим кругом, добродушен, весел, хотя и сохранял тонкий, может быть, невольный оттенок чувства своего превосходства и своего значения. Мало-помалу род поучения, ободрения и удовольствия, какие он почерпал в этом круге, становились ему менее нужны и менее привлекательны; жизнь начала нестись с такой силой вокруг него, показались такие горячие, страстные привязанности, действовавшие и на общественное мнение, что никем неведомый и запертый в себе самом кружок должен был потерять значение в его глазах. Притом же вскоре явились требования со стороны других приверженцев Гоголя[42], на которые старый круг не мог отвечать, и явления в самом Гоголе, которые трудно было понять ему; но почти ко всем его лицам Н<иколай> В<асильевич> сохранил неизменное расположение, доказывавшее теплоту и благородство его сердца. Он даже в минуту развития самостоятельных, наиболее исключительных своих мнений еще вопрошал мысль прежних своих приятелей и прислушивался к ней с большим любопытством. Так, иногда писатель, пресыщенный критикой и разбором своих произведений, охотно склоняет ухо к мнению какого-либо оригинального чудака, живущего вдали партий, литературных вечеров и течения господствующих понятий. <...>

Когда я <...> познакомился с Гоголем <...> ...он был весь обращен лицом к будущему, к расчищению себе путей во все направления, движимый потребностью развить все силы свои, богатство которых невольно сознавал в себе. Необычайная житейская опытность, приобретенная размышлениями о людях, выказывалась на каждом шагу. Он исчерпывал людей так свободно и легко, как другие живут с ними. Не довольствуясь ограниченным кругом ближайших знакомых, он смело вступал во все круга, и цели его умножались и росли по мере того, как преодолевал он первые препятствия на пути. Он сводил до себя лица, стоявшие, казалось, вне обычной сферы его деятельности, и зорко открывал в них те нити, которыми мог привязать к себе. Искусство подчинять себе чужие воли изощрялось вместе с навыком в деле, и мало-помалу приобреталось не менее важное искусство направлять обстоятельства так, что они переставали быть препонами и помехами, а обращались в покровителей и поборников человека. Никто тогда не походил более его на итальянских художников XVI века, которые были в одно время гениальными людьми, благородными любящими натурами и глубоко практическими умами. <...> Можно употребить, например, много времени и много бумаги на перечисление всех доказательств его осторожности в обращении с людьми и снисхождения к любимым их представлениям, посредством которого Гоголь приковывал к себе сердца знакомых в эту эпоху; можно также исписать порядочный лист, подбирая черты, в которых проявляется его врожденная скрытность, наклонность выставлять призраки и за ними скрывать свою мысль... <...> И не одни влиятельные лица того времени вызывали у Гоголя уменье приноровляться к понятиям и взгляду общества, но и на самых друзьях своих Н<иколай> В<асильевич> еще испытывал способность говорить языком их помыслов и наклонностей. <...>

В тогдашних беседах его постоянно выражалось одно стремление к оригинальности, к смелым построениям науки и искусства на других основаниях, чем те, какие существуют, к идеалам жизни, созданным с помощью отвлеченной, логической мысли, — словом, ко всем тем более или менее поэтическим призракам, которые мучат всякую деятельную, благородную молодость. При этом направлении два предмета служили как бы ограничением его мысли и пределом для нее, именно: страстная любовь к песням, думам, умершему прошлому Малороссии, что составляло в нем истинное охранительное начало, и художественный смысл, ненавидевший все резкое, произвольное, необузданно дикое. Они были, так сказать, умерителями его порывов. В этом соединении страсти, бодрости, независимости всех представлений, со скромностию, отличающей практический взгляд, и благородством художественных требований заключался и весь характер первого периода его развития, того, о котором мы теперь говорим.

Никогда, однако ж, даже в среде одушевленных и жарких прений, происходивших в кружке по поводу современных литературных и жизненных явлений, не покидала его лица постоянная, как бы приросшая к нему, наблюдательность. Он, можно сказать, не раздевался никогда, и застать его обезоруженным не было возможности. Зоркий глаз его постоянно следил за душевными и характеристическими явлениями в других: он хотел видеть даже и то, что легко мог предугадать. Сколько было тогда подмечено в некоторых общих приятелях мимолетных черт лукавства, мелкого искательства, которыми трудолюбивая бездарность старается обыкновенно вознаградить отсутствие производительных способов; сколько разоблачено риторической пышности, за которой любит скрываться бедность взгляда и понимания; сколько открыто скудного житейского расчета под маской приличия и благонамеренности! Все это составляло потеху кружка, которому не малое удовольствие доставлял и тогдашний союз денежных интересов в литературе со всеми его изворотами, войнами, триумфами и победными маршами[43]! Для Гоголя как здесь, так и в других сферах жизни ничего не пропадало даром. Он прислушивался к замечаниям, описаниям, анекдотам, наблюдениям своего круга и, случалось, пользовался ими. В этом, да и в свободном изложении своих мыслей и мнений круг работал на него. <...>

Поэтический взгляд на предметы был так свойственен его природе и казался ему таким обыкновенным делом, что самая теория творчества, которую он излагал тогда, отличалась поэтому необыкновенной простотой.

Он говорил, что для успеха повести и вообще рассказа достаточно, если автор опишет знакомую ему комнату и знакомую улицу. "У кого есть способность передать живописно свою квартиру – тот может быть и весьма замечательным автором впоследствии", – говорил он. На этом основании он побуждал даже многих из своих друзей приняться за писательство. Но если теория была слишком проста и умалчивала о многих качествах, необходимых писателю, то критика Гоголя, наоборот, отличалась разнообразием, глубиной и замечательной многосложностию требований. Не говоря уже о том, что он угадывал по инстинкту всякое не живое, а придуманное лицо, сознаваясь, что оно возбуждает в нем почти такое же отвращение, как труп или скелет, но Гоголь ненавидел *идеальничанье* в искусстве прежде критиков, возбудивших гонение на него. Он никак не мог приучить себя ни к трескучим драмам г. Кукольника, которые тогда хвалились в Петербурге, ни к сентиментальным романам г. Полевого, которые тогда хвалились в Москве[44]. Поэзия, которая почерпается в созерцании живых, существующих, действительных предметов, так глубоко понималась и чувствовалась им, что он, постоянно и упорно удаляясь от умников, имеющих готовые определения на всякий предмет, постоянно и упорно смеялся над ними и, наоборот, мог проводить целые часы с любым конным заводчиком, с фабрикантом, с мастеровым, излагающим глубочайшие тонкости *игры в бабки,* со всяким специальным человеком, который далее своей специальности и ничего не знает. Он собирал сведения, полученные от этих людей, в свои записочки, которых было гораздо более, чем сколько их видел г. Кулиш, – и они дожидались там случая превратиться в части чудных поэтических картин. Для него даже мера уважения к людям определялась мерой их познания и опытности в каком-либо отдельном предмете. При выборе собеседника он не запинался между остроумцем, праздным, даже, пожалуй, дельным литературным судьею и первым попавшимся знатоком какого-либо производства. Он тотчас становился лицом к последнему. Но, по нашему мнению, важнее всего этого была в Гоголе та мысль, которую он приносил с собой в это время повсюду. Мы говорим об энергическом понимании вреда, производимого пошлостию, ленью, потворством злу с одной стороны, и грубым самодовольством, кичливостию и ничтожеством моральных оснований – с другой. Он относился ко всем этим явлениям совсем не равнодушно, как можно заключить даже из напечатанных его писем о московской журналистике и об условиях хорошей комедии[45]. В его преследовании темных сторон человеческого существования была страсть, которая составляла и истинное нравственное выражение его физиономии. Он и не думал еще тогда представлять свою деятельность как подвиг личного совершенствования[46], да и никто из знавших его не согласится видеть в ней намеки на какое-либо страдание, томление, жажду примирения и проч. Он ненавидел пошлость откровенно и наносил ей удары, к каким только была способна его рука, с единственной целью: потрясти ее, если можно, в основании. Этот род одушевления сказывался тогда во всей его особе, составляя и существенную часть нравственной красоты ее. Честь бескорыстной борьбы за добро, во имя только самого добра и по одному только отвращению к извращенной и опошленной жизни, должна быть удержана за Гоголем этой эпохи, даже и против него самого, если бы нужно было. Несомненные исторические свидетельства тут важнее признаний автора[47], подсказанных другого рода соображениями и сильным подавляющим влиянием новых идей, позднее возникших в его сердце»[48].

24 октября (н. ст.) 1874 г. Анненков, настаивая на «противоречии» между «ранним» и «поздним» Гоголем, писал М. М. Стасюлевичу: «Я все держусь <...> того мнения, что в первую пору своего развития Гоголь был совсем свободным человеком, чрезвычайно искусно пробивавшим себе дорогу, а то, что кажется в нем порывами в иной мир, чем действительный, должно считать не более, как маленьким, невинным плутовством, отводившим глаза и потешавшим людей, иначе настроенных, чем он. Лирическим субъектом он сделался вполне только тогда, когда успехи его внушили ему идею об особенном его призвании на Руси, не просто литературном, а реформаторском. Тогда он и заговорил с друзьями языком ветхозаветного пророка, тогда и явилась разладица между талантом и умственным настроением, которая и свела его в могилу»[49].

[1] См. ***1829. Декабря 1. Санкт-Петербург*** (примечание).
[2] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания).
[3] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 426.
[4] *Свод.* Т. 3. С. 540.
[5] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 537.
[6] См. ***1832. Января 31. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***1832. Марта 12. Суббота. Санкт-Петербург.***
[8] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 433.
[9] См. ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург.***
[10] См. ***1833. Июля после 14 – сентября начало. Стрельна.***
[11] См. ***1833. Июля между 2 и 4. Санкт-Петербург.***
[12] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург.***
[13] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург.***
[14] См. также ***1834. Мая 9. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***
[15] См. ***1833. Февраля 8. Санкт-Петербург.***

[16] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 511.

[17] Приехал в Петербург в декабре 1832 г. (см. ***1832. Декабря не позднее 20. Санкт-Петербург***).

[18] С конца августа 1833 по 30 ноября 1834 г. А. Н. Мокрицкого в Петербурге не было (см. ***1833. Августа конец. Санкт-Петербург***; ***1834. Ноября 30. Пятница. Санкт-Петербург***).

[19] *Шенрок*. Т. 1. С. 153.

[20] См. ***1833. Декабря 22. Санкт-Петербург.***

[21] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 513.

[22] Под прототипом Чичикова («общий знакомый в начале 30-х годов») А. С. Данилевский, вероятно, подразумевал общего приятеля А. С. Пушкина, П. А. Плетнева и Гоголя Семена Даниловича Шаржинского (см. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург***).

[23] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 528.

[24] См. выше.

[25] Keepsake (*англ.*) – роскошное иллюстрированное издание.

[26] Ср. ***1832. Сентября 26. Понедельник. Васильевка*** (свидетельство В. А. Чаговца).

[27] Далее в изд. 1877 г.: «товарища Гоголя по Лицею, человека веселых нравов». 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков на вопрос М. М. Стасюлевича: «Кто это *А. С. Д–ий*, с помощью которого Гоголь составлял куплеты и песни?» – отвечал: «Это был А. С. Данилевский, товарищ Г<оголя> по лицею, ничем не замечательный, кроме способности к виршеплетству, но прямой, очень честный и веселый человек. Он, кажется, и теперь живет стариком в Полтаве и членом земства» (см.: *Свод*. Т. 3. С. 540, 537).

[28] Вероятно, имеются в виду учителя Патриотического института благородных девиц, находившегося на Васильевском острове.

[29] Лепаж – французский оружейник.

[30] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 436.

[31] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота – августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад.***

[32] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 3. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214–239.

[33] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург.***

[34] См. ***1810. Июля 7. Четверг. День памяти преподобного Акакия, о котором повествуется в Лествице.***

[35] См. ***1826. Января 7. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1826. Июля 15. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1837. Мая 25 <13>. Четверг. Париж*** (примечания); ***1839. Июля 12 <июня 30>. Пятница. Ганау*** (примечания); ***1844. Октября 24 <12>. Четверг. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

[36] См. ***1828. Конец 1820-х (не позднее 1829).***

[37] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 28.

[38] *Свод*. Т. 2. С. 129.

[39] О содержании этой комедии см. также: ***1832. Октября 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

[40] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод*. Т. 3. С. 504.

[41] Подразумеваются А. С. Данилевский и Н. Я. Прокопович.

[42] Имеются в виду П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Аксаковы и др.

[43] Имеется в виду так называемое «торговое направление» в русской журналистике, начало которому положил в 1834 г. выход в свет первого номера журнала «Библиотека для Чтения», издававшегося А. Ф. Смирдиным под редакцией О. И. Сенковского и Н. И. Греча. К этому времени относится замысел Гоголя написать «историю русской критики» (см. ***1834. Апреля не позднее 7. Санкт-Петербург***). Результатом этого неосуществленного замысла стала опубликованная в 1836 г. в первом томе пушкинского «Современника» статья Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». Заглавие этой статьи напоминает заглавие написанной ранее Гоголем статьи-лекции «О движении народов в конце V века». Эта перекличка связана с представлением Гоголя о журнальной литературе (и журналисте) как новом «вожде» общества и нации в целом. Журналистскую деятельность Гоголь прямо описывает в этой статье в терминах военных кампаний (ср. с комментируемыми строками Анненкова о «союзе денежных интересов в литературе со всеми его изворотами, войнами, триумфами и победными маршами»): «Литературный корпус ограничился только слабою перестрелкою небольших, самовольно поднявшихся эскадронов...»; «...никогда, может быть, не было легче делать нападение... неприятель решительно действовал без всякого плана, врассыпную, наездами и набегами...»; «Этот журнал всегда оказывал оппозицию противу всякого счастливого наездника...» С азиатским «набегом» и сравнивается в статье появле-

ние в свет «Библиотеки для Чтения»: «Что ж делать? Это набег. Это явление, часто происходящее в природе... Всегда история извиняла счастливых завоевателей...» 20 февраля 1835 г. Гоголь, побуждая М. П. Погодина к более деятельному участию в издании «Московского Наблюдателя», писал: «Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем» (см. ***1835. Февраля 20. Среда. Санкт-Петербург*** – примечания). Продолжает свою мысль Гоголь в письме к другому пайщику «Московского Наблюдателя», С. П. Шевыреву: «Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков» (письмо от 10 марта 1835 г.). Имея в виду статью Шевырева «Словесность и торговля», открывавшую «Московский Наблюдатель» (1835. Март. Кн. 1), Гоголь в статье «О движении журнальной литературы...», в частности, замечал: «...Автор <...> обратил внимание не на главный предмет. <...> ...Он гремел против пишущих за деньги, но не разрушил никакого мнения в публике касательно внутренней ценности товара. <...> Что литератор купил себе доходный дом или пару лошадей, это еще не беда; дурно то, что часть бедного народа купила худой товар и еще хвалится своею покупкою». Позднее эти размышления Гоголя нашли отражение в повести «Портрет» (см. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 587).

[44] Подразумевается В. Г. Белинский. Ср. отзыв Гоголя о Белинском 1835 г., переданный Анненковым в «Замечательном десятилетии»: «...Не понимаю, чем он (Белинский) <...> восхищается в повестях Полевого» (см. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***).

[45] Имеются в виду статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и «Петербургские записки 1836 года».

[46] Сам Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 28 декабря (н. ст.) 1844 г. замечал о своей жизни 1830-х гг. среди петербургских литераторов: «Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература...»

[47] Имеется в виду письмо Гоголя к С. Т. Аксакову из Рима от 28 декабря (н. ст.) 1840 г. Возражения Анненкова вызваны отрывком из мемуаров С. Т. Аксакова о Гоголе, включенных П. А. Кулишом в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...», а именно пояснением Аксакова к указанному гоголевскому письму: «Очевидно, (продолжает С. Т. Аксаков), что это письмо написано уже совсем в другом тоне, чем все предыдущие. Этот тон сохранился уже навсегда. Должно поверить, что *много чудного совершилось* с Гоголем, потому что он с этих пор изменился в нравственном существе своем. Это не значит, что он сделался другим человеком, чем был прежде; внутренняя основа всегда лежала в нем, даже в самых молодых годах; но она скрывалась, так сказать, наружностью внешнего человека. Отсюда начинается постоянное стремление Гоголя к улучшению в себе духовного человека и преобладание религиозного направления, достигшего впоследствии, по моему мнению, такого высокого настроения, которое уже несовместимо с телесным организмом человека. <...> Слова самого Гоголя в этом письме утверждают меня в том мнении, что он начал писать "Мертвые души", как любопытный и забавный анекдот, — что только впоследствии он узнал, говоря его словами, "на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет", — что впоследствии мало-помалу составилось это колоссальное создание, наполнившееся болезненными явлениями нашей общественной жизни, — что впоследствии почувствовал он необходимость исхода из этого страшного сборища человеческих уродов, необходимость примирения...» (см. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена***).

[48] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 428–429, 431–432, 435–437, 457–458.

[49] Из писем П. В. Анненкова // *Свод.* Т. 3. С. 535–536.

СЕНТЯБРЯ 26. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с наступающим днем Ангела (1 октября). Сообщает, что сестры, Анна и Елисавета, здоровы и посылают ей конфеты.

СЕНТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, вскоре после знакомства с П. В. Анненковым[1], прочел в рукописи какую-то его «повесть» — и за стремление молодого приятеля посвятить себя писательскому ремеслу дал ему прозвище Жюль Жанен.

В 1857 г. Анненков вспоминал: «...Когда я впервые познакомился с Гоголем, он дал всем своим товарищам по Нежинскому Лицею и их приятелям прозвища, украсив их именами *знаменитых* французских писателей, которыми тогда восхищался весь Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге[2]. Не знаю, почему я получил титул Жюль Жанена, под которым и состоял до конца»[3].

24 мая 1835 г. Гоголь в письме из Полтавы, в частности, спрашивал Н. Я. Прокоповича: «...Как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен и проч. и проч. и проч.»

Позднее, 25 января (н. ст.) 1837 г., Гоголь просил Прокоповича обратиться к «Жюлю» (т. е. к Анненкову) с предложением написать повесть: «Я читал одну из старых его повестей, которая длинна и растянута, но в ней много есть такого, что говорит, что вторая будет лучше, а третья еще лучше».

Анненков, оставив в 1832 г. Петербургский горный корпус, стал тогда вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета и, поступив в 1833 г. на службу в канцелярию Министерства финансов, где прослужил недолго[4]. По воспоминаниям И. И. Панаева (1861), в те годы Анненков вошел в кружок почитателей Э. Т. А. Гофмана – «серапионов», и на «серапионовых вечерах» читал свои первые литературные опыты: «В описываемое мною время[5] <...> были еще известные немногим литературные небольшие сходки любителей, еще, так сказать, домашним образом занимавшихся литературой. К таким собраниям принадлежали вечера в квартирах у А. А. Комарова и кадетского капитана Клюге фон Клугенау. Они назывались *серапионовскими вечерами* (Гофман у нас был тогда в большом ходу). На этих вечерах *наши серапионы* читали по очереди свои сочинения. К числу их принадлежал и П. В. Анненков, впоследствии получивший в литературе известность изданием Пушкина и критическими статьями»[6].

В том же 1833 г. появился ряд журнальных публикаций – переводов на русский язык – сочинений французского критика-фельетониста Ж. Г. Жанена (1804–1874), в том числе посвященных Гофману. Вероятно, все это вместе взятое и послужило поводом для прозвища, данного Анненкову Гоголем.

Летом 1833 г. в двух номерах «Московского Телеграфа» были напечатаны «Литературные признания» Ж. Г. Жанена (предисловие к его «Новым рассказам», 1833), в которых автор рассуждал о значении журналистской деятельности[7]. (В тех же номерах журнала было опубликовано начало повести Н. А. Полевого «Живописец»[8], следы влияния которой можно обнаружить в повести Гоголя «Портрет».) Кроме того, ранее в 1833 г. в «Московском Телеграфе» был напечатан перевод «иронической» повести Ж. Г. Жанена «Гоффман и Паганини», содержание которой нашло отражение в образе пьяницы Гофмана в гоголевском «Невском проспекте». Эта публикация была сопровождена следующим примечанием переводчика: «Читатели, знакомые с жизнью и сочинениями Гоффмана, увидят в этих фантастических очерках верный портрет великого Германского писателя». В начале повести сообщалось: «Он <Гофман> любил полусвет соборной церкви, любил ее продолжительное эхо... <...> Очень часто Теодор плакал в этом храме, и уже потом шел предаться безумному веселью – в кабаке. Но храмы опустели во Франции: там нет более святых хоругвей, нет инокинь с белыми руками, нет благоухания роскошного, нет великолепного органа, нет музыки, нет более ничего. Теодор закрывает лицо перед храмом, не входит туда, и вздыхает проходя перед порталом, еще прекрасным. Зато каждый вечер уходит он, часом раньше прежнего, в кабак. Итак, и я не пойду в храм: пойду прямо в кабак. Поспешим, в этот час Теодор укрывается там...»[9] Далее рассказчик признается: «Я понял также, отчего я столько любил Теодора. Теодор – это само Искусство, скрытое, Искусство не понимающее себя, Искусство пьяное, ленивое, себялюбивое, однако ж Искусство истинное, народное, Искусство, которое презирает свет, и составляет славу какой-нибудь лавки, или счастие кабака»[10]. Возможно, эти признания рассказчика, в свою очередь, послужили Гоголю поводом назвать приятеля пьяниц-ремесленников Гофмана и Шиллера в «Невском проспекте» именем Кунц (die Kunst – искусство; *нем.*).

Изучение происхождения прозвища Анненкова позволяет, таким образом, обозначить некоторые особенности «петербургских» повестей Гоголя. Показательно, что в помещенном в 1833 г. Н. И. Надеждиным в «Телескопе» биографическом очерке Кс. Мармье «Гофман» также отмечалось пристрастие Гофмана к вину для возбуждения художнического воображения: «...не вино ему нравится, нет, совсем нет! ему сладостна новая теплота, разливаемая в нем вином... Пары Иоганнисбергского бросаются ему в мозг: воображение чувствует себя оседланным и пускается во весь опор. <...> ...Вы хотите, чтобы он не пил? – О! нет! это невозможно!..»[11] По словам самого Анненкова, зимой 1840/41 г. по приезде в Берлин он «прямо побежал в погреб, где пьянствовал Гофман»[12].

В 1911 г. В. В. Розанов в статье «О происхождении некоторых типов Достоевского» указывал: «Кармазинов и Степан Трофимович, в каковых преобразовал Достоевский Тургенева и Грановского, суть эти вот именно "Шиллер" и "Гофман" гоголевского творчества <...> Гоголь взял самое мечтательное, самое эфирное и посадил

в "сапожника"...»[13] «Гоголь, сражаясь с романтизмом, дерзко награждает ничтожных и пошлых ремесленников громкими и святыми для романтиков именами известнейших писателей: Шиллера <...> и Гофмана...»[14]

По-видимому, в именование Анненкова Жюлем Жаненом Гоголь вкладывал такую же иронию, как и в «литературные» прозвища немцев-ремесленников. Остается лишь догадываться, была ли эта ирония понятна самому Анненкову. Возможно, мемуарист предпочел об этом умолчать. Хотя он же, вспоминая о знакомстве с Гоголем в 1833 г., сообщал: «Он не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за "моду, которую они ввели по Европе", как он говорил: "быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты"»[15].

[1] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[2] Мари Франсуаза Софи Ге (Sophie Gay, 1776–1852), французская романистка и драматург.

[3] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 426.

[4] См. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***; ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[5] В средине 1830-х гг.

[6] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 279.

[7] Литературные признания Юлия Жанена // Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1833. № 9. Май (цензурное разрешение 27 июня). С. 34–73; № 10. Май (цензурное разрешение 10 августа). С. 197–238.

[8] Там же. № 9. С. 74–131; № 10. С. 239–264.

[9] Гоффман и Паганини. Соч. Юлия Жанена // Московский Телеграф. 1833. № 8. Апрель (цензурное разрешение 27 июня). С. 522–523.

[10] Там же. С. 537–538.

[11] *Мармье К.* Гофман // Телескоп. 1833. Ч. 16. № 13. С. 109, 111.

[12] *<Анненков П. В.> А—в.* Письма из-за границы. Письмо II // Отечественные Записки. 1841. № 3. Отд. «Смесь». С. 19; см. также: *Анненков П. В.* Письма из-за границы (1841) // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 10.

[13] *<Розанов В. В.> Варварин В.* О происхождении некоторых типов Достоевского // Русское Слово. 1911. 28 окт., 4 и 15 ноября, № 248, 254, 263; цит. по: *Розанов В. В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе. М., 1996. Т. 7. С. 575.

[14] *Макогоненко Г. П.* Примечания // *Пушкин А. С., Гоголь Н. В.* Петербургские повести. М., 1986, С. 330; см. также: *Гоголь 1994.* Т. 3–4. С. 480–481; *Виноградов 2000.* С. 215–216; *Дунаев М. М.* Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. М., 1997. Ч. 2. С. 121–122.

[15] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 435. — Об отношении Гоголя к модным французским знаменитостям см.: ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ ДО 28. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь написал «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, получив из Москвы письмо от М. П. Погодина, сообщает, что писал ему «назад тому месяца два»[1], и сожалеет, что письмо не дошло, «тем более, что в нем не было ни о цензуре, ни о квартальных». Вновь поздравляет Погодина с женитьбой и сообщает о продолжающемся целый год творческом кризисе:

«Какой ужасный для меня этот 1833-й год! Боже сколько кризисов! <...> Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил[2]! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою. <...> Человек, в которого вселилось это ад-чувство, весь превращается в злость, он один составляет опозицию против всего, он ужасно издевается над собственным бессилием. <...> Извини

меня перед Максимовичем, что я не могу ничего дать ему, у меня ничего нет, ничего совершенно для альманаха, исключая разве двух начал двух огромных творений[3], на которых лежит печать отвержения и которых я не смею развернуть. <...> Где-то Смирдин выкопал одну повесть мою и то в чужих руках, писанную за Царя гороха[4]. Я даже не глядел на нее, впрочем она не годится для альманаха на 1834-й год, я отдал ее ему».

Передает поклон «любезному земляку» М. А. Максимовичу и Киреевскому (вероятно, Петру[5]): «Скажи ему, – что я очень часто об нем думаю и эти мысли мне почти так же приятны, как о тебе и о родине». Сообщает свой адрес: «в Малой Морской в доме под № 97 *Лепена*».

В этот же день, 28 сентября 1833 г., князь В. Ф. Одоевский в письме к А. С. Пушкину в Болдино[6] приглашал его участвовать в альманахе, задуманном им вместе с Гоголем и одобренном В. А. Жуковским[7]:

«Скажите, любезнейший Александр Сергеевич, что делает ваш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко[8] и Рудый Панек <Гоголь> по странному стечению обстоятельств описали: первый – *гостиную*[9], второй – *чердак*[10]; нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность – *погреб*, тогда бы вышел весь дом в три этажа и можно было бы к Тройчатке[11] сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами; Рудый Панек даже предлагал самый альманах назвать таким образом: *Тройчатка, или Альманах в три этажа*, соч<инение> и проч. – что на это все скажет г. Белкин[12]? Его решение нужно бы знать немедленно, ибо заказывать картинку должно теперь, иначе она не поспеет и Тройчатка не выйдет к новому году, что кажется необходимым. <...> Я видел Жуковского... <...> Мысль трехэтажного альманаха ему очень нравится»[13].

[1] См. ***1833. Июля конец. Санкт-Петербург или Стрельна.***

[2] См. также ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка***; ***1833. Июля 2. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург***.

[3] Речь идет об «Истории Малороссии» и «Всеобщей истории» (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии» в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 7). – См. также ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Вопреки словам Гоголя, повесть, по-видимому, была написана им незадолго перед тем, в сентябре 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург*** – примечания). – См. также ***1833. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***. – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[6] Послание отправлено при письме С. А. Соболевского А. С. Пушкину от 2 октября 1833 г.

[7] 10 сентября 1833 г. В. А. Жуковский вернулся из-за границы в Царское Село (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. С. 376). – См. также ***1832. Июня 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[8] Литературный псевдоним В. Ф. Одоевского.

[9] Одоевский, по-видимому, предполагал поместить в альманахе повесть «Княжна Мими», напечатанную позднее в «Библиотеке для Чтения» (1834. Т. 8. Кн. 1).

[10] Подзаголовок чернового наброска Гоголя «Страшная рука» – «Повесть из книги под названием: "Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16-й линии"» – позволяет отнести к замыслу альманаха «Тройчатка» именно это незавершенное гоголевское произведение. Подзаголовок «Страшной руки» напоминает название повести В. П. Титова «Уединенный домик в Васильевском», восходящей к устному рассказу Пушкина и опубликованной в «Северных Цветах на 1829 год» (см. ***1828. Декабря 27–31. Санкт-Петербург***). В основу повести Гоголь, вероятно, предполагал положить автобиографический материал. «...Мы люди такого сорта, – писал он, в частности, М. П. Погодину 9 февраля 1835 г., – которых вся жизнь протекает на чердаке». О своем «чердаке» Гоголь упоминал также в письме к И. И. Дмитриеву от 30 ноября 1832 г. (см. ***1832. Ноября 30. Среда. Санкт-Петербург***). Во втором наброске повести «Страшная рука» – <Фонарь умирал> – отчетливо слышны мотивы, по крайней мере, трех будущих петербургских повестей Гоголя: «Невского проспекта», «Носа» и «Шинели».

В то же время толчком к зарождению замысла альманаха, по-видимому, послужило Гоголю и Одоевскому одно из произведений Ж. Жанена – «Исповедь» (Париж, 1830). В. В. Виноградов в 1925 г. указывал: «Вся эта идея коллективного «романа», посвященного изображению жизни столичного дома – в разных его этажах, вела литератора 30-х годов к тем главам «La confession» Жанена (XLII–XLIII), которые к тому же были самим Жаненом выделены из романа (в «Revue de Paris», 1830, т. XII) как наиболее яркая иллюстрация принципов <...> поэтики его школы» (цит. по.: *Виноградов В. В.* Романтический натурализм. Жюль Жанен и Гоголь // *Виноградов В. В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 79; см. также: *Томашевский Б. В., Вольперт Л. И.* Жанен... // Пушкин: Исследования и материалы / Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб., 2004. Т. XVIII/XIX. С. 142–143).

Исследователь подразумевал начало XLII главы книги Жанена: «Есть нечто более любопытное, чем пирамиды Египта, Кремль или ледники Швейцарии; более удивительное, чем все чудеса, которые стремятся увидеть с такими затратами и усилиями: это большой парижский дом в многолюдном квартале, заселенный от фундамента до крыши. Чрезвычайная роскошь на втором этаже <*в источнике:* premier étage; *фр.*>, крайняя нищета на чердаке, трудолюбивая деятельность в середине» (цит. по изд.: La Confession, par Jules Janin. Nouvelle édition. Paris, 1861. P. 217). В письме Одоевского описывается «дом в три этажа»: «гостиная» (или, следуя описанию Жанена, premier étage – второй этаж; изобразить гостиную должен был Одоевский); «подвал» (или первый этаж – относительно premier étage – отводился Пушкину) и чердак (или, в сопоставлении с «домом» Жанена, третий этаж, «наполнение» которого, уготованное гоголевскому перу, может быть охарактеризовано и как «крайняя нищета», и как «трудолюбивая деятельность»).

[11] В копии этого письма князь В. Ф. Одоевский позднее сделал примечание: «Под этим названием Пушкин, Гоголь и кн<язь> Одоевский предполагали издать три повести: Белкина, Рудого Панька и Гомозейки, в роде альманаха». «Тройчатка – тройная плеть» (словарик «не всякому понятных» слов, приложенный Гоголем к первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки»).

[12] Пушкин, вероятно, предполагал в альманах повесть «Пиковая дама», начатую в октябре 1833 г., однако 30 октября 1833 г. ответил отказом на предложение Одоевского (см.: ***1833. Октября 30. Понедельник. Болдино***). После отказа Пушкина Одоевский и Гоголь намеревались издать альманах «Двойчатка» (см. ***1833. Конец года. Санкт-Петербург***).

[13] Гоголь в письмах князя В. Ф. Одоевского // *Свод.* Т. 1. С. 720.

СЕНТЯБРЯ 30. СУББОТА. ДЕРЕВНЯ ЯЗЫКОВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. М. Языков[1] сообщает В. Д. Комовскому в Петербург:

«Вчера был у нас Пушкин, возвращавшийся из Оренбурга. <...> Знаете ли вы, что Гоголь написал комедию “Чиновник”[2]? Из нее Пушкин сказал нам несколько пассажей, чрезвычайно острых и объективных»[3].

[1] Александр Михайлович Языков (1799–1874), брат поэта Н. М. Языкова.

[2] Имеется в виду незавершенная комедия Гоголя «Владимир 3-ей степени». По-видимому, Гоголь читал Пушкину эту комедию (или отрывки из нее) летом 1833 г. (см. ***1833. Лето. Санкт-Петербург***; ***1833. Октября 30. Понедельник. Болдино***; ***1834. Мая 3. Четверг. Санкт-Петербург***).

[3] Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 180.

ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятно, в этот день состоялось традиционное собрание выпускников Нежинской гимназии[1].

В этот же день Гоголь получил от В. В. Тарновского письмо из Житомира[2].

[1] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***.

ОКТЯБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответные письма матери в Васильевку и В. В. Тарновскому в Житомир.

В письме к матери сообщает, что получил от нее два письма, одно – с извещением о смерти А. М. Трощинской (рожд. Косяровской) – «второй матери»[1] М. И. Гоголь. По поводу ожидаемой ревизии советует ей сделать так, как она сочтет нужным: «Имение гораздо лучше, если будет всегда записываемо на одно ваше имя». Обещает, по просьбе матери, доставить сестрам Анне и Елисавете возможность обучаться музыке[2].

Дает сестре Елисавете (и заодно полученному ею дома и в институте воспитанию) характеристику, сходную с его оценкой «просвещенных» петербургских обитателей и героев будущих «Мертвых душ»[3]: «Одно только меня смущает, это характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это всё из нее вывели. На нее не жалуются, ею бывают даже иногда довольны. Но это хуже, я бы хотел, чтобы она шалостями выводила всех из терпения, чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же – у ней нет никакого сердца ни доброго, ни злого; никаких признаков сильных чувств. Никого она не любит. Никакой сильной привязанности[4]! Вид несчастия, печали ее не тронет; за пустую игрушку она забывает всё на свете».

Просит уделить больше внимания воспитанию младшей сестры Ольги: «...Не воспитывайте таким образом Олю, как воспиталась Лиза. Отдалите от нее девичью, чтобы она никогда туда не заходила. <...> Даже играть с своими игрушками она должна при вас... <...> Это одно истребит ту дикость, которую получают дети, находясь в девичьей. <...> Найдете ли вы хоть одну девицу в окружности у нас, <...> с которой бы не было скучно. А сколько есть таких, которые не умеют совсем слова связать! А отчего? От этих девичей, от нерассудительности матерей, которые тогда только берут дочерей под свое покровительство и удаляют из девичей, когда они уже делаются совершеннолетними и берегут их, когда уже нечего беречь, когда глупости и предрассудки пустили слишком глубоко свои корни».

Позднее Ольга Васильевна вспоминала: «Из писем <брата> к матери видно, что он и обо мне заботился. Одно письмо попало мне, в котором он писал: "не позволяйте Оле в девичьей сидеть, пусть она неотлучно с вами сидит". Я помню, когда войду в девичью, то девки говорили: "грязную тряпку надену на шею", и боялась туда ходить. Вероятно, велели им так говорить, чтобы отучить меня»[5].

«Внушите ей правила религии, – замечает Гоголь. – Это фундамент всего. Если бы над Лизой имела власть религия, тогда с нею бы всё можно было сделать. Не учите ее какому-нибудь катехизису, который тарабарская грамота для дитяти. И это немного тоже сделает добра, если она будет беспрестанно ходить в церковь. Там для дитяти тоже всё непонятно: ни язык, ни обряды. Она привыкнет на это глядеть, как на комедию. Но вместо всего этого говорите, что Бог всё видит, всё знает, что она ни делает. Говорите ей поболее о будущей жизни, опишите всеми возможными и нравящимися для детей красками те радости и наслаждения, которые ожидают праведных, и какие ужасные, жестокие муки ждут грешных. <...> Нужно сильно потрясти детские чувства, и тогда они надолго сохранят всё прекрасное. Я испытал это на себе. Я очень хорошо помню, как меня воспитывали[6]. <...> У меня болит сердце, когда я вижу, как заблуждаются люди. Толкуют о добродетели, о Боге, и между тем не делают ничего».

В шутливом письме к Тарновскому Гоголь извещает, что «в октябре»[7] получил его письмо, отправленное еще в апреле, так как Л. П. Рудановский (обучавшийся в Нежинской гимназии с августа 1826 г. и окончивший ее в 1832 г.), весной его не нашел, а в продолжение лета и «не мог найти»: «...Я лето и часть осени живу на даче[8], весьма не близко от города». Пишет, что был «очень сердит» на приятеля, когда тот два года назад «вдруг заглох и не дал никакой об себе вести»: «Потом сердце мое прошло. Я хотел писать к тебе, несмотря на два года антракта. <...> Но Рудановский с письмом твоим весьма во время упредил меня. Итак, ты находишься в Житомире! Житомир!

<...> ...Во второй раз только приходится произносить это имя. Один раз, когда <К. А.> Моисеев спрашивал урок, а другой – ныне. Житомир! у тебя, должно быть много слушателей жидов. Тебе должно удовлетворить меня подробным описанием этого города в отношении к тебе, только чтоб это описание не пахло кафедрой! Как у тебя бежит день твой? Домосед ли ты, или гость? Какова твоя даже квартира и проч. и проч.?»

Сообщает новости о нежинских приятелях: «Наши одноборщники все, слава Богу, здоровы. Прокопович Николай женился на молоденькой, едва только выпущенной актрисе[9]. Прокопович Василий получил <......>, Кукольник навалял дюжину дюжинных трагедий. Романович[10] не добыл ума ни на копейку после того и часто, идя в должность из Литейной на Гагаринскую, забегает по дороге ко мне в Малую Морскую. Данилевский опять здесь, только служит не в военной, а в министерстве внутренних дел. *Благопристойный*, иначе Николай Бороздин, кланяется тебе (его костыль получил такую гибкость, что он отваживается с ним даже плясать мазурку). Кобеляцкий так же мастерски умеет плевать, как и прежде. Прочие лица так же бесцветны, как и прежде».

В свою очередь, спрашивает, не слышал ли Тарновский что-нибудь о П. А. Лукашевиче, П. Г. Редкине и «особенно о <Г. И.> Высоцком».

[1] См. ***1805. Январь-лето. Харьков.***

[2] См. ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 26. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Во второй главе первого тома «Мертвых душ» Гоголь писал: «Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. <...> От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор <...>, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было».

[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 216.

[6] См. ***1814. Первая половина года. Васильевка.***

[7] См. ***1833. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1833. Июня между 8 и 24. Дача близ Петергофа***; ***1833. Июля после 14 – сентября начало. Стрельна.***

[9] См. ***1833. Апреля 19. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

[10] В. И. Любич-Романович.

ОКТЯБРЯ 11. СРЕДА. БОЛДИНО

А. С. Пушкин пишет жене, Наталье Николаевне:

«Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет – перед ним стоит штоф славнейшей настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! – Это слава!»[1]

Позднее, в черновой редакции «Ревизора», Гоголь вложил в уста завравшегося Хлестакова следующую реплику: «А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе: перед ним стоит в стакане ром, рублей по сту бутылка... и потому уж как начнет писать, так перо только: тр... тр... тр...»

Настоящая реплика представляет собой своеобразный отклик на теорию о бессознательности художественного творчества, принятую в 1835 г. в отношении к произведениям Гоголя В. Г. Белинским[2].

[1] *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1937–1950. Т. 15. С. 87.

[2] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Эконом Патриотического института А. Ф. Кормилов (Кормилев) ходатайствует перед статс-секретарем Императрицы Александры Феодоровны Н. М. Лонгиновым

о выдаче «учителю Гогелю-Яновскому <так> жалованья 200 р<ублей>, приостановленного в прошедшем году по случаю неявки его на срок из домового отпуска[1], каковая сумма имеется ныне в наличности и хранится при Институте».

Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 739.

[1] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На ходатайстве А. Ф. Кормилова[1] рукою Н. М. Лонгинова написана резолюция Императрицы Александры Феодоровны о выдаче Гоголю 200 рублей[2].

[1] См. ***1832. Октября 19. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 739.

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. БОЛДИНО

А. С. Пушкин в письме к князю В. Ф. Одоевскому в Петербург отвечет отказом на приглашение участвовать в альманахе «Тройчатка»[1]:

«Приехал в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень — барская, помещичья лень — так одолели меня, что не приведи Боже. Не дожидайтесь Белкина; не на шутку видно он покойник; не бывать ему на новосельи ни в гостиной Гомозейки <Одоевского>, ни на чердаке Панка <Гоголя>. Не достоин он видно быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться. <...> Кланяюсь Гоголю. Что его комедия? В ней же есть закарючка[2]».

Свод. Т. 1. С. 707.

[1] См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] Речь, вероятно, идет о комедии «Владимир 3-ей степени» (см. также ***1833. Лето. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 30. Суббота. Деревня Языково Симбирской губернии***; ***1834. Мая 3. Четверг. Санкт-Петербург***).

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ. ВАСИЛЬЕВКА

«“Ведомость о посеве и урожае озимого и ярового хлеба в селе Васильевке” за 1833 г. дает общую цифру посеянного озимого хлеба 180 четвертей. <...> Перемалывался хлеб в Васильевке на своих же ветряных мельницах. Если верить черновому “Описанию Васильевки” <...> хлеб, сбывавшийся на месте, приносил две тысячи рублей дохода (в рукописи *две* переправлено карандашом на *три*)»[1].

[1] *Назаревский.* С. 335–337.

ОКТЯБРЬ. МОСКВА

М. А. Максимович отправляет Гоголю в Петербург письмо (не сохранилось)[1], в котором сообщает о приобретении рукописного сборника народных песен

З. Я. Доленги-Ходаковского (сборник был куплен Максимовичем у вдовы этнографа Е. М. Василевской).

Зориан Яковлевич Доленга-Ходаковский (настоящее имя Адам Чарноцкий, 1784–1825), археолог, этнограф, занимался изучением славянства, полагая что «Славянские народы отныне могут более и более возвращаться в первобытное свое единство»[2]. Был знаком с директором нежинской Гимназии высших наук (с 1821 г.) И. С. Орлаем, с которым переписывался. В январе 1820 г. Ходаковский послал Орлаю письмо из Петербурга – из того самого доходного дома «при Кокушкиным мости у аптекаря Трута», где позднее, с средины января по апрель 1829 г., проживали Гоголь с А. С. Данилевским[3]. (Письмо Ходаковского к Орлаю оказалось впоследствии в древлехранилище М. П. Погодина[4].)

Две объемные рукописные книги собрания З. Я. Доленги-Ходаковского, приобретенные Максимовичем, в которых находилось более тысячи песен, записанных в разных местах Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской губерниях, в Червонной Руси и Галичине, в 1834–1837 гг. были в распоряжении Гоголя. Из этих книг Гоголь в первой половине 1830-х гг. сделал для себя многочисленные выписки, в частности, помещенные позднее в сборник 1841–1842 гг. «Южнорусские песни. <Тетрадь первая>»[5].

[1] См. ***1833. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] <*Савельев-Ростиславич Н. В.*> *Н. В. С.* Доленга-Ходаковский... // Энциклопедический лексикон... СПб.: В типографии А. Плюшара, 1841. Т. 17 (цензурное разрешение 30 мая). С. 98.

[3] См. ***1829. Января первая половина (после 5 числа). Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.*** – См. также ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург***; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17.

НОЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает от сестры Марии Васильевны из Васильевки «старинную тетрадь с песнями»[1].

Сборник не сохранился. Возможно, о позднейшей утрате этой тетради рассказывала сестра Гоголя Ольга Васильевна в своих воспоминаниях: «Также попадалось мне его <брата> письмо из Петербурга, в котором пишет матери: "пришлите мне малороссийские песни и разные прибаутки, это будет мне хлеб". А в другом письме писал, что у него украли те песни, которые мать посылала»[2].

[1] См. ***1833. Ноября 22. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург.***

[2] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 195.

НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 9. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает через А. Ф. Смирдина письмо от М. А. Максимовича из Москвы.

См. ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 9. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, получив из Москвы письмо от М. А. Максимовича, отвечает, что сможет послать ему что-нибудь из своих произведений лишь к следующему выпуску альманаха «Денница»:

«У меня есть сто разных начал и ни одной повести... <...> Смирдин из других уже рук достал одну мою старинную повесть[1], о которой я совсем было позабыл и которую я стыжусь назвать сво-

ею; впрочем она так велика и неуклюжа, что никак не годится в ваш альманах. <...> Я вам в другой раз непременно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь».

Сообщает о пережитых творческих «переворотах»[2] и утешительных занятиях украинской историей:

«Если б вы знали, какие со мною происходили страшные перевороты, как сильно растерзано всё внутри меня. Боже, сколько я пережег, сколько перестрадал! Но теперь я надеюсь, что всё успокоится, и я буду снова деятельный, движущийся. Теперь я принялся за историю нашей единственной, бедной Украины. Ничто так не успокоивает, как история».

В ответ на извещение Максимовича о приобретении им сборника народных песен З. Я. Доленги-Ходаковского[3] восклицает:

«Моя радость, жизнь моя! песни! как я вас люблю! Что все черствые летописи, в которых я теперь роюсь, пред этими звонкими, живыми летописями! <...> Вы не можете представить как мне помогают в истории песни. Даже не исторические, даже похабные[4] <...> разоблачают яснее <...> прошедших людей...»

В том же письме Гоголь сообщает Максимовичу, что сам получил недавно «много новых» песен[5], которых у него теперь «до двух сот»; обещает послать их другу и, в свою очередь, просит от него того же[6].

[1] Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Вопреки заявлению Гоголя, повесть, по-видимому, была написана им незадолго перед тем, в сентябре 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург*** – примечания). – См. также ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***.

[2] См. также ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка***; ***1833. Июля 2. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1833. Октябрь. Москва***.

[4] В частности, в создании образа Хомы Брута в повести «Вий» (1834), по-видимому, сказалось влияние двух украинских «соромицких» песен, внесенных Гоголем в присланный Максимовичем в апреле 1834 г. рукописный сборник «Украинские песни, собранные Ходаковским» (см. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***). Речь идет о куплетах «У Киеве на дзвенници сидит чернец на черныци...» и «Ой, поихала до торгу, Хома на мени...» (Сороміцькі пісні в записах М. Гоголя // Бандурка. Українські сороміцькі пісні в записах З. Доленги-Ходаковського, М. Максимовича, П. Лукашевича, М. Гоголя, Т. Шевченка, П. Чубинского, Хв. Вовка, І. Франка, В. Гнатюка / Упоряд. М. Сулима. Київ. 2001. С. 66; см. также коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 775–776; Т. 9. С. 907).

Позднее П. А. Кулиш в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...», передавая воспоминания Максимовича о Гоголе, ошибочно отнес гоголевские записи «соромицких» песен к более позднему периоду. (Как следует из дневниковой записи О. М. Бодянского от 1 ноября 1852 г., с рукописными книгами Доленги-Ходаковского, хранившимися у Максимовича и бывшими одно время, в 1834–1835 гг., в распоряжении Гоголя, Максимович познакомил Кулиша еще в 1852 г.; вероятно, тогда же Максимович поделился с Кулишом и своими воспоминаниями о Гоголе; см.: Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 232.)

В 1854 г. Кулиш, рассказывая о пребывании Гоголя в Киеве у Максимовича в августе 1835 г. (см. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев***; ***1835. Августа 15. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Киев***), замечал: «В то время в нем еще не было заметно мрачного сосредоточения в самом себе и сокрушения о своих грехах и недостатках; он был еще живой и даже немножко ветреный юноша. У г. Максимовича хранятся песни, записанные Гоголем в Киеве от знакомых и относящие к некоторым киевским местностям. Безотчетная склонность его к юмору, которой он только впоследствии дал определенное направление, ни в чем не находила столько пищи, как в этом – весьма обширном – отделе малороссийской народной поэзии...» (*Кулиш 1854*. С. 83). В 1856 г. к словам: «У г. Максимовича хранятся песни, записанные Гоголем в Киеве...» – Кулиш сделал дополнение: «У г. Максимовича хранятся цинические песни, записанные Гоголем в Киеве...» (*Кулиш 1856*. Т. 1. 175; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 633).

В 1870 г. Максимович опроверг это утверждение Кулиша: «Биограф Гоголя перемешал мои рассказы о нем и неверно представил его пребывание в Киеве, сказав, что тогда "он был еще живой и даже немного ветреный юноша". Те "цинические песни", о которых упоминает биограф, были записаны Гоголем не "в Киеве", а еще в Петербурге 1834 года, в тех двух рукописных книгах Малороссийских песен, которые я посылал ему из Москвы, и которые того же года переслал он мне в Киев, чрез своих родичей Трощинских» (Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде, *Михаила Максимовича*. СПб., 1871 (цензурное разрешение 2 окт. 1870 г.). С. 55; *Свод*. Т. 1. С. 638). (На самом деле сборник Ходаковского Гоголь вернул Максимовичу, при помощи матери, лишь в конце 1837 – начале 1838 гг.; см. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***)

К вопросу о «цинических песнях», записанных Гоголем, Кулиш вернулся вновь в 1890 г. в письме к В. И. Шенроку, охарактеризовав писателя как «обыкновенного шалуна», ставшего «ханжою» (см. также ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава***).

[5] См. ***1833. Ноября начало. Санкт-Петербург.***

[6] См. также ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург***; ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 14. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Опубликован Императорский указ от 8 ноября 1833 г. «Об учреждении в Киеве Университета с наименованием Императорским Университетом Св. Владимира»[1].

В связи с возникшим у Гоголя спустя некоторое время намерением занять кафедру всеобщей истории в университете Св. Владимира[2], он, предположительно, приступает к составлению конспекта книги английского историка Г. Галлама[3] «Взгляд на состояние Европы в Средние века» (1818. Т. 1–2)[4]. Рукописный перевод этой книги, с французского на русский, Гоголь, вероятно, одолжил у кого-то из знакомых.

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1834. Т. 8. Отд. 1. С. 648.

[2] См. ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург***; ***1833. Декабря 25. Понедельник. Праздник Рождества Христова. Санкт-Петербург.***

[3] Генри Галлам (1777–1859), английский историк, представитель вигского направления, автор «Конституционной истории Англии от Генриха VII до Георга II (1485–1760)» (1827. Т. 1–3) и конспектируемого Гоголем труда «Взгляд на состояние Европы в Средние века» (1818. Т. 1–2). Как установил Н. С. Тихонравов, Гоголь пользовался для своего конспекта французским переводом книги Г. Галлама (H. Hallam. L'Europe au moyen âge. Tr. par P. Dudouit et A. Borghers. T. 1–4. Paris, 1820–1822; 1828).

[4] В разделе «Венеция» своего конспекта Гоголь записал: «Битвы редко были кровопролитны. Даже побежденные теряли мало людей... <...> Кавалерия сражалась копьями и саблями. <...> Самострел, который равнял силы слабого и сильного, был мало в употреблении... <...> Многие папы запретили его, как вероломное оружие...» – В «Плане преподавания всеобщей истории», написанном в декабре 1833 г. (***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург***; позднейшее название – «О преподавании всеобщей истории»), Гоголь также замечал: «...Война жестокая <...> обхватила вдруг всю Европу... <...> ...Уже не копьями и не стрелами производилась она. Нет, пушками, ядрами, громом и огнем, ужасным и благодетельным изобретением монаха-алхимиста...»

НОЯБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин возвращается[1] в Москву[2].

[1] См. ***1833. Августа 17. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] *Тархова*. Т. 4. С. 113.

НОЯБРЯ 22. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«...Прежде всего я должен благодарить вас за посылку, сестру за песни, из которых особенно та, что: *Що се братця як барятця*[1], очень характерна и хороша. Но более всего одолжили вы меня присылкою старинной тетради с песнями, между ними есть многие очень замечательны. Сделаете большое одолжение, если отыщете подобные той тетради с песнями, которые, я думаю, более всего водятся в старинных сундуках между старинными бумагами у старинных панов или у потомков старинных панов».

Одобряет намерение матери отдать младшую дочь Ольгу в пансион Полтавского института благородных девиц (где ранее училась ее старшая дочь Мария; намерение осталось неисполненным). Передает поклоны сестре Марии, Е. И. Ходаревской, «дедушке» И. М. Косяровскому и «бабушкам»: М. И. Косяровской и А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской).

Сожалеет, что не сможет помочь матери при «большой нужде по случаю неурожая». По поводу присланного образца сапог (изготовленных по его размеру на заведенной в Васильевке фабрике) замечает:

«Сапоги теплые хороши и недурно сделаны. Одно только дурно: где сыщете вы покупщиков? Вряд ли хорошие вещи найдут сбыт. Нужны хорошие, но самые грубые, в которых бы нуждался окружающий народ»[2].

Мать Гоголя вспоминала: «Мой сын велел <фабриканту летом 1832 г.> <...> сшить на пробу сапоги и прислать ему в С. Петербург. Он сшил <...> отличные сапоги с золотыми гвоздиками на подошве...»[3]

[1] См. также ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург.***
[2] См. также ***1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посетил выставку Императорской Академии художеств, где видел одну из работ К. П. Брюллова – групповой портрет «Дети графа Л. П. Витгенштейна у ручья с нянькою, скидывающею с ноги чулок» (1831).

На портрете изображены дети графа Льва Петровича Витгенштейна (1799–1866) и графини Стефании Доминиковны Витгенштейн (рожд. княжны Радзивилл, 1809–1832), подруги А. О. Смирновой по Екатерининскому институту. Указанная работа Брюллова упоминается в статье Гоголя «Последний день Помпеи. (Картина Брюллова)» (1834): «Его кисть остается навеки в памяти. Я прежде видел одну только его картину – семейство Витгенштейна. Она с первого раза, вдруг, врезалась в мое воображение и осталась в нем вечно в своем ярком блеске». Впечатления от портрета нашли отражение в обольстительном образе красавицы, надевающей (или скидывающей) чулок или башмак, в «Записках сумасшедшего», в «Носе» и в черновой редакции «Тараса Бульбы»[1] (ср. изображение красавицы-полячки, снимающей с себя обольстительные украшения, когда в ее комнате оказывается Андрий: «...он пробрался прямо в спальню красавицы, которая в это время сидела перед свечою и скидала <*1 нрзб.*> б<ашмак>»; в окончательном, печатном тексте: «...вынимала из ушей дорогие серьги». – Сцена в спальне ветреной полячки во многом предвещает, по замыслу Гоголя, будущее предательство Андрия.)

Гоголю, посещавшему в 1830–1833 гг. классы петербургской Академии художеств[2], было, вероятно, хорошо известно – в той или другой форме – одно из положений, выдвинутых в начале 1830-х гг. Обществом Поощрения Художников: «Насмотревшись на прелестные парижские литографии в окнах магазинов, даже *крестьянин* будет смотреть не теми глазами на произведения лубочной печати, которые прежде восхищали его»[3]. Скрытая полемика с этим утверждением слышна, помимо «Носа», в «Шинели», где в свою очередь упоминаются выставленные в «окошках магазинов» соблазнительные французские литографии с нескромными изображениями. Главенствующим на групповом портрете Брюллова является не изображение детей, но – как это отразилось в самом названии – «образ няни-итальянки, кокетливо наклонившейся, чтобы снять с ноги ажурный чулок»: «Своей экзо-

тической яркостью и манящим лукавством она затмила безликие образы детей. Красный фон лифа итальянки, взятый в предельной светосиле, сделал ее фигуру центральным пятном цветовой композиции»[4]. На это же указывали современники: «...Как много самобытности в сей прекрасной картине, на которую чем более смотришь, тем более кажется, будто это не картина, будто в самом деле вы видите, сквозь отворенное окно, няню, снимающую чулки, на берегу светлого источника, и улыбающуюся, глядя на двух амурчиков Севера, беленьких и белокурых <...> Брюллов вероятно писал картину сию не на берегу ручья, ибо он не мог же всякий раз заставлять этих детей для его сеансов идти по колено в воду, а нянюшку снимать чулок с своей прелестной ноги...»[5]; «Няня начинает еще раздеваться, и только успела скинуть с одной ноги чулок и скидает с другой <...> Конечно эта картина не везде равно выдержана <...> няня, сидящая на втором плане картины, более выходит вперед, нежели дети, что на первом плане»[6].

В этот же период в Петербург из Константинополя прибыл К. М. Базили. В Петербурге Базили «тотчас вступил в Министерство Иностранных Дел», в Азиатский департамент[7].

[1] См. также ***1821. Сентября 19. Понедельник. Нежин***.
[2] См. ***1830–1833. Санкт-Петербург***.
[3] *Столпянский П. Н.* Старый Петербург и Общество Поощрения Художеств. Л., 1928. С. 68.
[4] *Ацаркина Э.* К. П. Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 97.
[5] Отчет моих чувствований и ощущений после нескольких посещений Выставки Академии Художеств. (Посв<ящается> Ф. Н. Глинке) // Северная Пчела. 1833. 30 ноября. № 273. С. 1092; 1 дек. № 274. С. 1096.
[6] *Лобанов М.* Выставка Академии Художеств 1833 года // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1833. № 12. <Отд. 2>. С. 34–35.
[7] *Халчинский И.* К. М. Базили // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 331.

ДЕКАБРЯ 2. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает А. С. Пушкину написанную в его отсутствие[1] «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

3 декабря 1833 г. Пушкин записал в дневнике: «Вчера Гоголь читал мне сказку, *Как Ив<ан> Ив<анович> поссорился с Ив<аном> Тимоф<еевичем>*, — очень оригинально и очень смешно»[2].

[1] См. ***1833. Августа 17. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1833. Сентября до 28. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 20. Понедельник. Санкт-Петербург***.
[2] *Пушкин А. С.* <Дневник 1833–1834 гг.> // *Свод.* Т. 1. С. 709.

ДЕКАБРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин записывает в дневнике:

«В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству. — Кн<язь> В. Долгорукий нарядил следствие. — Один из чиновников призвал попа, но во время молебна сулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N. сказал, что мебель придворная и просится в Аничков»[1].

Князь П. А. Вяземский писал также 4 января 1834 г. из Петербурга А. И. Тургеневу: «Здесь долго говорили о странном явлении в доме конюшни придворной: в комнатах одного из чиновников стулья, столы плясали, кувыркались, рюмки, налитые вином, кидались в потолок; призвали свидетелей, священника со святою водою, но бал не унимался»[2].

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал о Гоголе: «Рассказы его бывали уморительны; как теперь помню комизм, с которым он передавал, например, городские слухи и толки о танцующих стульях в каком-то доме Ко-

нюшенной улицы, бывшие тогда во всем разгаре. Кажется, этот анекдот особенно забавлял его, потому что несколько лет спустя вспоминал он о нем в своей повести "Нос". (См. Соч. Гоголя, т. III, стр. 124.)»[3].

Ср. в повести Гоголя «Нос» (1835): «...История о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа, и потому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту».

[1] *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 317–318.
[2] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 254–255.
[3] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 646.

ДЕКАБРЯ 20. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с наступающим праздником Рождества Христова (25 декабря). Интересуется, есть ли известия от А. А. Трощинского и «что поделывает управитель в Кагорлыке вместе с отцом Емельяном». Упоминает о получении письма от П. О. Трушковского и отклоняет его приезд в Петербург, ссылаясь на то, что ему самому «на два или три месяца» нужно ехать в Ревель (вероятно, причина была вымышленной)[1]. Спрашивает, как идет «завод кожевенный», «имеется ли сбыт»:

«Кстати, если можно будет, прикажите мне сделать колоши[2] в таком роде, как присланные вами теплые сапоги, которые, несмотря на то, что недурно сделаны и как раз по ноге, лежат у меня совершенно без употребления. Ходить в них на улице хорошо, но с улицы нужно же войти в комнату, где нельзя сидеть, по причине их теплоты; а носить с собою сапоги для перемены другие – тоже не слишком ловко. Но колоши мне бы очень теперь были нужны; когда бы только они были сделаны в пору и могли бы удобно находить на сапоги».

[1] См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1834. Февраля 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к М. А. Максимовичу в Москву благодарит его за письмо и высказывает желание переехать вместе с приятелем в Киев, чтобы занять кафедру всеобщей истории во вновь открываемом Киевском университете Св. Владимира[1] (основан на базе переведенного из Кременца в Киев Волынского Лицея, взамен закрытых после польского восстания университетов в Вильно и Варшаве):

«Представь, я тоже думал. Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев! Он наш, он не их, не правда? Там или вокруг него деялись дела старины нашей».

6 марта 1812 г. В. В. Капнист писал графу В. П. Кочубею: «Я видел Киев и не познал его. <...> Пятнадцать лет прошло, как я оставил его... русским городом... Теперь польский театр, польские контракты, польский язык. Одни мощи угодников остались невредимы...»[2]

«Да превратится он в русские Афины, богоспасаемый наш город!» – восклицал, в свою очередь, Гоголь о Киеве в письме к Максимовичу от 7 января 1834 г.

Далее в письме к Максимовичу Гоголь упоминает о своей работе и мечтает о будущей жизни в Киеве:

«Я работаю. Я всеми силами стараюсь; но на меня находит страх: может быть, я не успею. Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает. Да, это славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры. Много можно будет наделать добра. А новая жизнь среди такого хорошего края! Там можно обновиться всеми силами. <...> Но меня смущает, если это не исполнится... Если же исполнится, да ты надуешь[3] — тогда одному приехать в этот край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души — это страшно! Говорят, уже очень много назначено туда каких-то немцев[4], это тоже не так приятно. Хотя бы для святого Владимира побольше славян. Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою».

Напоминает, что с нетерпением ждет «обещанной тетради песен»[5] и посылает полный текст песни «Наварыла сечевыци...» (с припевом: «Що се братця, як барятця?») (за месяц перед тем эта песня была прислана ему из Васильевки сестрой Марией[6]; другой вариант песни сохранился в рукописном сборнике Гоголя <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая>[7]). Сообщает, что говорил с А. С. Пушкиным о стихах для альманаха «Денницы», что он написал, «путешествуя», «две большие пиесы» («Анджело» и «Медный всадник»)[8], «но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких» стихотворений: «Я с своей стороны употреблю старание его подгонять».

В основу гоголевского образа «цивилизованного» Петербурга — заставившего Гоголя обратить внимание на «географическую» сторону преобразований Петра I[9] — лег, по-видимому, не только собственный житейский «материал» (от самого приезда в Петербург Гоголь испытывал лишения от холода и дороговизны[10]). К осмыслению этой проблемы, по-видимому, подтолкнул Гоголя и Пушкин, когда в конце 1833 г. познакомил его в рукописи с своим «Медным всадником» (опуб. в 1837). По замечанию В. Ф. Ходасевича, Пушкин, изображая в «Медном всаднике» вторжение в мир обитателей Петербурга стихийных, демонических сил — сметающих «все на своем пути, как воды, разрушившие домик Параши и ее матери», — понимал, что «все-таки царь Петр есть гений, душа того бедствия, которое стряслось над Евгением»: «...Ужасен был миг, когда Евгений <...> понял <...> связь Петра с волнами, сгубившими несчастную Парашу». «Знал» Пушкин, добавлял В. Ф. Ходасевич, и то, что «олицетворяя ужас в Петре, он в известном смысле делает трагедию “бедного Евгения” трагедией всей России»[11].

Примечательны две детали первой редакции гоголевского «Портрета» (редакции «Арабесок» 1835 г.), связанные с образом петербургского ростовщика (в 1842 г. Гоголь исключил их при переработке повести). Это, во-первых, упоминание среди заложенных вещей в кладовых ростовщика о «бриллиантовом перстне бедного чиновника, получившего его в награду неутомимых своих трудов». Согласно послужному списку Гоголя, он сам 9 марта 1834 г. (в год создания «Портрета»), будучи учителем истории в Патриотическом институте благородных девиц, был по случаю награждения преподавателей при выпуске воспитанниц пожалован от Ея Императорского Величества Императрицы Александры Феодоровны — «в награду отличных трудов» — «бриллиантовым перстнем»[12]. Вероятно, именно этот перстень и пришлось тогда заложить Гоголю — и тогда же соответствующий образ появился в «Портрете». С другой стороны, многозначительно имя петербургского ростовщика в первой редакции «Портрета» — Петромихали. В этом имени Гоголь заключил прямой намек на Петра I — *Петра Михайлова* в его заграничной поездке. Согласно этим реминисценциям, Гоголь во время своего проживания в Петербурге испытывал не просто бытовые трудности, но, так сказать, вторжение в судьбу петербургского обитателя самого «гения Петра».

[1] См. ***1833. Ноября 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1812. Марта 6. Среда. Обуховка.***

[3] На подлиннике Максимович приписал к этим словам: «А вышло наоборот! И я изведал то, чего он так боялся».

[4] Профессорами нового университета были, по преимуществу, поляки — преподаватели незадолго перед тем закрытого Волынского (Кременецкого) лицея.

[5] См. ***1833. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1833. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[7] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 282; ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка*** (примечания).

[8] Поэмы «Анджело» и «Медный всадник» были написаны Пушкиным в октябре 1833 г. в Болдино.

[9] «Выкинет штуку русская столица, если подсоседится к ледяному полюсу» («Петербургские записки 1836 года»).

[10] См., в частности: ***1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург.***

[11] *Ходасевич Вл.* Петербургские повести Пушкина // *Пушкин – Титов.* Уединенный домик на Васильевском. М., 1915. С. 17–19. – См. также: *Ульянов Н. И.* Кто подлинный создатель «демонического» Петербурга? // Новый журнал. Нью-Йорк, 1969. № 94. С. 103–111; перепечатано: *Гоголь Н. В.* Петербургские повести. М.: Синергия, 2001. С. 329–337.

[12] См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 21. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин посетил Гоголя, живущего на Малой Морской в доме Лепена, но, не застав, оставил записку[1] (не сохранилась)[2].

Г. П. Данилевский, побывавший в Васильевке в 1852 г., сообщал о слуге Гоголя Я. Нимченко: «Вот случай, обрисовывающий характер Якима. Узнав о смерти Пушкина, в 1837 году, он сидел в передней и плакал.

– О чем ты плачешь, Яким? – спросили его.

– Как мне не плакать... Пушкин умер!

– Да тебе-то что? разве ты его знаешь?

– Как что? как не знать?.. Помилуйте, да они так любили барина! Бывало, снег, дождь, слякоть в Петербурге, а они в своей шинельке бегут с Мойки, от Полицейского моста, в Мещанскую, в дом Иохима-каретника, где мы жили!..[3] По целым ночам[4] просиживали у барина, слушая, как тот им читал свои сочинения, а у нас иногда и свечей не было.

Я расспрашивал Якима об этом периоде жизни Гоголя, и он сообщил мне много любопытного. Интересны его рассказы, объясняющие отношения первой тогдашней литературной славы к Гоголю. Пушкин иногда приходил к Гоголю в кабинет и рылся в его бумагах, когда его не было дома. Занимаясь "Дубровским", "Повестями Белкина" и "Капитанскою дочкою", Пушкин с любовию следил за развитием будущего автора "Мертвых Душ" и "Ревизора"»[5].

В 1886 г. Данилевский в новой редакции своих воспоминаний о Гоголе добавил: «Зная об этом слуге Гоголя от Плетнева, я стал расспрашивать Якима о времени знакомства Гоголя с Пушкиным. По словам Якима, Пушкин, заходя к Гоголю и не заставая его, с досадою рылся в его бумагах, желая знать, что он написал нового. Он с любовью следил за развитием Гоголя и все твердил ему: "Пишите, пишите", а от его повестей хохотал и уходил от Гоголя всегда веселый и в духе»[6].

В 1879 г. Я. Нимченко сообщал В. П. Горленко: «Раза два в неделю у Гоголя собирались гости по вечерам; соберутся, бывало, сидят долго. Бывали часто земляки; из прочих Пушкин бывал, "генерал" Жуковский, "полковник" Плетнев, "еще много, позабывал всех". "Пушкин заходил часто". Небольшого роста, курчавый, рябоватый, некрасивый, одевался странно, кое-как. К Пушкину, бывало, на неделю раза три-четыре с запиской хожу или с письмом. Он жил тогда на набережной. Тоже и к генералу Жуковскому во дворец. Летом Николай Васильевич переезжал на дачу на Выборгскую сторону, а чаще оставалась квартира в городе, а Николай Васильевич, бывало, ездит в Царское Село или в Москву, и я с ними»[7].

Возможно, в тот же день, 21 декабря 1833 г., посетил и не застал Гоголя дома А. Г. Венецианов.

Через день, 23 декабря 1833 г., Венецианов писал В. Г. Анастасевичу[8]: «Вчерась было надеялся я вас, почтеннейший Василий Григорьевич, видеть у Григория Ивановича, а третьего дня – у Николая Васильевича[9]; но их не было дома. Там имел я намерение просить вас узнать <...>, кого просить об определении по Экзамену на вакации (имеющиеся) в дальних губерниях молодого художника в учителя (он вам предстоит), которому покровительствует Г. Дебу, бывший губернатор Уфы. <...> ...Кого просить сенатору Дебу об определении по экзамену Г. Серебрякова на открывшиеся вакансии?»[10]

По мнению Н. Г. Машковцева, настоящее письмо позволяет предполагать о визите Венецианова к Гоголю: «...Венецианов нуждался в совете Анастасевича по делу некоего Серебрякова, художника, который домогался места учителя рисования где-нибудь "в далеких губерниях" России. Предполагая застать Анастасевича у кого-нибудь из общих знакомых, Венецианов побывал <...> у "Григория Ивановича" (то есть Спасского), а накануне с той же целью был у "Николая Васильевича", в котором есть все основания видеть Гоголя. Ведь если у Гоголя бывали Пушкин, Одоевский и Никитенко, то почему бы не бывать у него Анастасевичу[11] и Венецианову, тем более, что к следующему, 1834 году относится, бесспорно, достоверный памятник личных встреч писателя и художника, — портрет Гоголя, исполненный Венециановым»[12].

«Г<-н> Прокопович вспоминает с восхищением об этой поре жизни своего друга. У него я видел портрет Гоголя, рисованный и литографированный Венециановым[13] и который, по словам владельца, можно назвать портретом автора "Тараса Бульбы"»[14].

«А. Г. Венецианов — ученик Боровиковского. Его отец переселился в Москву из Нежина, так что Гоголь в какой-то степени мог считать его своим земляком»[15].

[1] Ответ Гоголя см.: ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Тархова.* Т. 4. С. 127; Хроника жизни и творчества Пушкина. Сост. Г. И. Долдобанов. М., 2009. Т. 2. Кн. 2. 1833–1834. С. 248.

[3] В доме И. А. Иохима Гоголь жил с апреля по начало ноября 1829 г. — еще до знакомства с Пушкиным в 1831 г. (см. ***1831. Мая 20, среда, или мая 24, воскресенье. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 289.

[6] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 314.

[7] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 405.

[8] Василий Григорьевич Анастасевич (1775–1845), библиограф и переводчик.

[9] «Очевидно, Николай Васильевич Гоголь. (*Машковцев Н. Г.* Венецианов и Гоголь. — В кн.: Гоголь в кругу художников. М., 1955, с. 9–62)» (*Корнилова А. В.* Примечания // Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи, письма, современники о художнике / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Корниловой. Л., 1980. С. 310).

[10] Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи, письма, современники о художнике. С. 137.

[11] Ср. ***1838. Февраля 14 <26>. Понедельник.***

[12] *Машковцев.* С. 18, 20. — См. также ***1834. В течение года. Санкт-Петербург.***

[13] См. также ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва.***

[14] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 580.

[15] *Машковцев.* С. 141.

ДЕКАБРЯ 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к А. С. Пушкину сообщает о завершении «Плана преподавания всеобщей истории»[1], который собирается представить министру народного просвещения С. С. Уварову в качестве profession de foi для занятия должности профессора всеобщей истории в Киевском университете. Говорит о своих планах, которые намеревается осуществить в Киеве:

«Если бы вы знали, как я жалел, что застал вместо вас одну записку вашу[2] на моем столе. Минутой мне бы возвратиться раньше, и я бы увидел вас еще у себя. На другой же день я хотел непременно побывать у вас; но <...> к моим гемороидальным добродетелям вздумала еще присоединиться простуда, и у меня теперь на шее целый хомут платков. По всему видно, что эта болезнь запрет меня на неделю. Я решился, однако ж, не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу. Если бы Уваров был из тех, каких не мало у нас на первых местах, я бы не решился просить и представлять ему мои мысли. Как и поступил я назад тому три года, когда мог бы занять место в Московском университете, которое мне предлагали[3], но тогда был Ливен, человек ума недального. Грустно, когда некому оценить нашей работы. Но Уваров собаку съел. Я понял его еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во

взгляде на жизнь Гётте[4]. Не говорю уже о мыслях его по случаю экзаметров[5], где столько философического познания языка и ума быстрого. — Я уверен, что у нас он более сделает, нежели Гизо[6] во Франции. [Если только он прочтет план мой] Во мне живет уверенность, [что он поймет меня] что если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты.

Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал вам. Там кончу я историю Украйны и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор к сожалению не только на Руси, но даже и в Европе, нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! Кстати, ко мне пишет Максимович, что он хочет оставить Московский университет и ехать в Киевский. Ему вреден климат. <...> Я его люблю[7]. <...> Если бы Погодин не обзавелся домом[8], я бы уговорил его проситься в Киев. Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае!»

В заключение письма извещает о «находке»:

«...Я достал летопись без конца, без начала об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII-го века» (судьба этой рукописи неизвестна).

В 1856 г. П. А. Кулиш писал: «Письма его <Гоголя> к М. А. Максимовичу о кафедре всеобщей истории в Киевском Университете, которой он напрасно домогался, покажут, для чего ему нужно было получить место профессора. Встретив в этом искании препятствия, он ограничился званием адъюнкта в столичном университете. "Здесь он не переставал работать по мере данных ему Богом сил, не переставал учиться и постоянно имел в виду цель — сделаться наконец ученым хорошим профессором, именно историком. Но его художническая природа мешала постоянно той пассивной деятельности, которая нужна для обогащения себя сведениями. Его понимание истории не могло обратиться в спокойное преподавание. Тем не менее с юных лет Гоголь делал постоянные усилия образовать себя, которые тем более имеют в себе заслуги, что для художника они тяжелее, нежели для всякого другого. Доказательством этому служит его записная книга, о которой говорено было выше[9]. Такие записные книги видали у него постоянно. Чем далее, тем более заставлял он себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшие могут это засвидетельствовать. Быстрота соображения, гениальная отгадка смысла вещей и событий мешает также заниматься последовательно. Человек, для которого смысл события является выводом, часто тяжело добываемым долгими трудами, видит всю цену и необходимость для него этих трудов. Но для того, чей острый взор проникает в смысл события, не дожидаясь полной, окончательной работы, для того не составляет она той необходимости, как для медленно идущего ума. Не хочу сказать, чтобы дар прозрения освобождал человека от труда: я хочу сказать только то, что этот дар, предупреждая вывод постепенный, мешает последовательности работы"[10]. (Два места в этом оправдании характера Гоголя, отмеченные кавычками, заимствованы мною, почти без всякой перемены, из письма ко мне С. Т. Аксакова. — *Примеч. П. А. Кулиша. — И. В.*) <...>

В письмах к г. Максимовичу Гоголь ненароком открывает местами, под какими впечатлениями и влияниями писал он свои первые повести; но по ним трудно было бы составить себе понятие о самом процессе его авторства. Гораздо яснее говорят об этом его черновые книги, в которых он обыкновенно писал свои сочинения. Эти книги, принадлежащие ныне одному из ближайших друзей Гоголя, К. С. Аксакову[11], одним уже видом своим дают понятие о простом уголке, в котором роилось столько грез. Каждый знает переплетенные тетради из простой бумаги, с кожаными корешками, накрапленными кой-как купоросным раствором, продающиеся в бумажных лавках низшего разряда, в Петербурге, и покупаемые присутственными местами для записывания входящих и исходящих бумаг. Такие книги служили Гоголю для черновых рукописей его сочинений. У К. С. Аксакова хранится их шесть, не считая записной книги, переплетенной в кожу[12], и отдельных листов, на которых написаны: "Сорочинская ярмарка", "Майская ночь" и начало комедии "Женихи"»[13].

[1] Опубликован позднее в уваровском «Журнале Министерства Народного Просвещения» (1834. Ч. 1. № 2). При создании статьи Гоголь учитывал ее непосредственного «адресата» — Уварова, в ту пору управляющего министерством народного просвещения, в 1834 г. назначенного министром. Излагая свой «План...», Гоголь имел в виду две «программные» работы Уварова, посвященные преподаванию мировой истории, которые были написаны еще во время пребывания будущего министра на посту попечителя Петербургского учебного округа, в 1813 и 1818 гг.: *<Уваров С. С.> Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа.* О преподавании Истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813; *<Уваров С. С.>* Речь президента Имп. Академии наук, по-

печителя Санктпетербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта, 1818 года. СПб., 1818. – Подробнее см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 648–649.

[2] См. ***1833. Декабря 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

[4] Имеется в виду «антиромантическая» интерпретациия творчества И. В. Гете, высказанная Уваровым в начале 1833 г. (см. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания).

[5] Имеются в виду следующие статьи Уварова: *Уваров С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1813. Чтение 13. С. 56–68; Ответ Г<-на> *Уварова* на письмо Г<-на> Капниста об экзаметре // Чтение в Беседе Любителей Русского Слова. 1815. Чтение 17. С. 18–42.

В переводе поэм Гомера на русский язык гекзаметром, а не александрийским стихом (на французский манер), Уваров видел одно из проявлений народности отечественной словесности. Рекомендациям Уварова последовали переводчик «Илиады» Н. И. Гнедич и переводчик «Одиссеи» В. А. Жуковский. Строки позднейшей статьи Гоголя «Об Одиссее, переводимой Жуковским» (1846) о том, что «теперь перевод первейшего поэтического творения производится на языке, полнейшем и богатейшем всех европейских языков», прямо перекликаются со словами Уварова 1813 г. из его «Письма к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре»: «Не забудьте Шлецера, который говорит, что перевод Омера на Славянорусском языке должен превосходить все прочие переводы» (*Уваров С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре. С. 66–67).

С этой же статьей Уварова о гекзаметре 1813 г., возможно, связаны и размышления Гоголя о порожденном «обезьянством» внезапном переходе нации из юности в старость (этот переход писатель связывал с образом Плюшкина и давал ему название детской болезни «собачья старость»; см. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне***). В письме к Н. И. Гнедичу Уваров писал: «...Предрассудок, слабость, влияние Французской словесности увлекали нас до сих пор и отклоняли от истинного пути, но если мы хотим возвысить достоинство нашего языка, если мы хотим иметь словесность *народную* <...> то перестанем писать, или переводить Александрийскими стихами, перестанем отягощать младенчество нашей словесности тяжелыми цепями Французского вкуса. Если же мы не возвратимся к истинному характеру нашего языка, если не сделаем метрическую систему, на самом гении языка основанную, если мы не будем иметь способа воскресить *прозодию* древнего нашего стихотворства, то без сомнения опасаться должно, что в весьма коротком времени наша Поезия будет походить на младенца, носящего все признаки дряхлости, или на увядшего юношу» (*Уваров С.* Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о Греческом экзаметре. С. 66).

[6] Франсуа Пьер Гийом Гизо, французский историк; в 1833 г. был назначен министром народного просвещения Франции.

[7] См. также ***1833. Июля 2. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1833. Июля конец. Санкт-Петербург или Стрельна.***

[9] «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» (1826–1830).

[10] Ср.: *Виноградов И. А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

[11] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[12] См. ***1826. Января конец. Нежин.***

[13] Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 659–660.

ДЕКАБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Утверждены устав и штат Университета Св. Владимира в Киеве, принят указ «О мерах к открытию Университета Св. Владимира» (в числе мер обозначены «выбор и назначение ординарных и экстраординарных профессоров и адъюнктов»)[1].

Указ «Об учреждении в городе Киеве Императорского Университете Св. Владимира» от 8 ноября 1833 года[2], а также указ «О приведении в действие Проекта Устава и Штата Университета Св. Владимира» от

25 декабря 1833 г. были опубликованы в том же номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», в котором появился гоголевский «План преподавания всеобщей истории»[3].

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1834. Т. 8. Отд. 1. С. 790–798; Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1864. Т. 2. Отд. 1. Стб. 499.

[2] См. ***1833. Ноября 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 2. С. LXXXIX–LCV.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь неоднократно посещает дом графа Ф. П. Толстого.

Дочь графа Толстого Мария Федоровна (в замужестве Каменская) вспоминала: «И Василий Иванович Григорович, и друг его литератор Гребенка[1] немало морили всех со смеху своими малороссийскими анекдотами... Но я не берусь передавать их, потому что совсем не владею малороссийским языком, а без этого, разумеется, вся пикантность рассказа будет потеряна. Года два позднее[2] в этой вечерней болтовне у нас изощрялся сам Николай Васильевич Гоголь. Но в нем было дорого то, что он, рассказывая такие вещи, от которых слушатели его лопались от смеха, сам никогда не смеялся: сидит серьезно, как на похоронах, и даже ни разу не улыбнется... От этого все, что он ни скажет, казалось вдвое смешнее, и все гости наши так его заслушаются, что и не заметят, как ночь пролетит и рассветать начнет... а все никому домой идти не хочется. Попросят, бывало, маменьку приказать самоварчик поставить и чайку попьют, и еще похохочут... и только тогда нехотя поднимутся с мест и веселою толпою пойдут по площади к перевозу, потому что Исаакиевский мост в эти часы еще не был наведен. <...> ...Воскресения наши, с появлением у нас Кукольника[3], оживились еще больше. <...> За ужином, вместе с Николаем Васильевичем Гоголем и Василием Ивановичем Григоровичем, рассказывал он такие хохлацкие анекдоты, что от них можно было умереть со смеху...»[4]

[1] Е. П. Гребенка приехал в Петербург в конце 1833 г. 7 марта 1834 г. он сообщал из Петербурга своему школьному товарищу Н. М. Новицкому: «Я бываю <...> у Григоровича, помнишь, который издавал журнал изящных искусств; он уроженец Пирятина и служит секретарем в Академии. Двадцать лет его пребывания в Петербурге не могли изменить его малороссийского выговора. Он человек с большими сведениями и служит мне ключом ко всему изящному, что только находится в Академии. Прелестные картины, колоссальные изваяния древних героев, обворожительные контуры богинь греческих, – все приводит в восхищение. <...> Петербург есть колония образованных малороссиян. Все присутственные места, все академии, все университеты наводнены земляками... <...> Кланяются тебе: <В. И.> Хоменко, <Н. Г.> Гербаневский, Горовый, <А. М.> Садовничий, <А.> Савицкий, <П. И.> Колодеев, Белоусов и все итальянцы, Литвин, Андриевский и немец из белых мест, <К. Г.> Венцель. <...> ...На здешних театрах публичных славятся более всего пьеса Кукольника Нестора Васильевича: "Рука Всевышнего Отечество спасла". Сюжет взят из эпохи 1612 года. (Примечательно, что за эту пьесу Государь Император подарил ему перстень и делал ему замечания для переправки некоторых монологов.). Вторая пьеса Скриба (музыка Обера) "Немая из Портичи". <...> На придворных праздниках дамы иначе не являются, как в русских сарафанах и кокошниках. Государь часто является в казакине, а наследник и не носит другого платья. Государыня выезжает четверкою лошадей, и на запятках наши два малороссийские камер-казака. Государь часто, говорят, шутит с ними на малороссийском языке. Он даже в безделках велик» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 566–567).

[2] Цитируемый фрагмент воспоминаний М. Ф. Каменской относится к событиям осени (начиная с конца сентября) 1831 года.

[3] По свидетельству М. Ф. Каменской, Н. В. Кукольник впервые появился в их доме незадолго до ее шестнадцатилетия, то есть до 30 октября 1833 г. (Воспоминания М. Ф. Каменской // Исторический Вестник. 1894. Июль. С. 331; Август. С. 637). Одновременно Каменская указывала, что первый визит в их дом Кукольника относится к зиме 1832/33 г. (Воспоминания М. Ф. Каменской // Исторический Вестник. 1894. Июль. С. 331).

[4] *Каменская М. Ф.* Воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 769.

1830–1833. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«В течение трех <четырех> лет (1830–1833) Гоголь получал билеты на посещение академических классов».

Молева Н. Загадка «Невского проспекта» // Знание – сила. 1976. № 4. С. 43. – См. также ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Бумаги, касающиеся служебной деятельности покойного Д. П. Трощинского[1], отправлены его племянником А. А. Трощинским в Петербург Императору Николаю I.

Ореус. С. 656.

[1] См. также ***1835. Января 21. Санкт-Петербург; 1850. Ноября 24. Пятница. День памяти св. великомученицы Екатерины. Калуга.***

КОНЕЦ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет набросок <На бесчисленных тысячах могил>.

Отрывок находится в гоголевской тетради среди разновременных записей: с одной стороны, текстов, датируемых 1830–1833 гг., с другой – статей, написанных позднее, в июле-октябре 1834 г. для сборника «Арабески». Положение наброска в рукописи позволяет отнести его к первой группе материалов. Ему непосредственно предшествует повесть «Ночь перед Рождеством», после которой был вписан позднее фрагмент статьи из «Арабесок» «Несколько слов о Пушкине». Эта же статья продолжается и вслед за наброском. По широте замысла отрывок близок к написанному Гоголем в декабре 1833 г. «Плану преподавания всеобщей истории»[1].

В этот же период князь В. Ф. Одоевский сообщал М. А. Максимовичу в Москву:

«Я печатаю – ужас – что! – с Гоголем "Двойчатку"[2] <в публикации: Двейчатку>, книгу, составленную из двух новых повестей...»[3]

Возможно, повестью, которую Гоголь задумывал для совместного с Одоевским альманаха, был «Портрет», название которого отсутствует по этой причине в двух гоголевских перечнях статей для сборника «Арабески», составленных, последовательно, в 1834 г.[4] Черновая редакция повести написана в период с июля по конец августа – сентябрь 1834 г. Как показывает автограф, «Портрет» создавался одновременно с «Невским проспектом», включенным во второй план «Арабесок»[5]. Сюжет «Портрета» намечен отчасти в статье «Несколько слов о Пушкине». В судьбе художника Черткова, начавшего льстить самолюбию своих заказчиков от самого первого визита к нему «почтенной дамы» с дочерью, угадываются следующие строки статьи о Пушкине: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: "Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были". Но попробуй поэт <...> изобразить все в совершенной истине <...> она тотчас заговорит: "...это нехорошо..." Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий; но горе ему, если он не умел скрыть всех ее недостатков!»[6] Впоследствии эти размышления легли также в основу противопоставления в заключении шестой – начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ» «возвышенного» Шиллера и «писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи», и размышлений в одиннадцатой главе о «так называемых патриотах»: «...Они выбегут со всех углов <...> и подымут вдруг крики: "Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом?"» Примечательно,

что «пепельные» обитатели петербургской Коломны, перечисленные Гоголем во второй части «Портрета», поразительно напоминают героев-помещиков первого тома «Мертвых душ» (см.: *Виноградов 2000.* С. 320–321).

В повести «Портрет» Гоголь среди обитателей петербургской Коломны называет бедных актеров («...актеры, которым жалованье не позволяет выехать из Коломны...»). Исследователи сходятся во мнении, что прототипом ростовщика-азиата в этой повести является известный Гоголю по рассказам (возможно, из бесед с А. С. Пушкиным[7]) индиец-ростовщик Моджерам (Моджерама) Мотомалов, ссужавший деньгами петербургских актеров. В 1850–1870-х гг. актер П. А. Каратыгин вспоминал: «27-го ноября 1825 года было получено известие из Таганрога о кончине императора Александра Павловича; разумеется, на другой же день театры были закрыты. Настало грустное, тяжелое время. Вскоре после того театральная дирекция прекратила выдачу жалованья артистам. <...> Легко вообразить, каково было тем из артистов, которые не припасли денежки на черный день, — особенно людям семейным; они, бедняги, должны были входить в долги, занимать деньги под жидовские проценты, закладывать свои вещи сколько-нибудь поценнее и перебиваться кое-как со дня на день. В то время не было такого изобилия на каждой улице вывесок с заманчивой надписью: *Гласная касса ссуд, Контора для заклада движимости, Выдача денег под залог,* и проч. и проч. Но тогдашние ростовщики были, конечно, не лучше нынешних и с ними борьба за существование приходилась многим не под силу. Некоторые петербургские старожилы, вероятно, и теперь помнят, например, известного в то время богатого индийского ростовщика *Моджерама-Мотомалова,* который с незапамятных времен поселился в Петербурге и объяснялся по-русски довольно порядочно. Эту оригинальную личность можно было встретить ежедневно на Невском проспекте в своем национальном костюме: широкий темный балахон надет у него на шелковом пестром халате, подпоясанном блестящим кушаком; высокая баранья папаха, с красной бархатной верхушкой, была обыкновенно заломана на затылок; бронзовое лицо его было татуировано разноцветными красками, черные зрачки его, как угли, блистали на желтоватых белках с кровяными прожилками; черные широкие брови, сросшиеся на самом переносье, довершали красоту этого индийского набоба; в правой руке у него была постоянно длинная бамбуковая палка, с большим костяным набалдашником; а в левой — он держал перламутровые и янтарные четки. Он был тогда уже очень стар, приземист и, ходя, пыхтел от своей безобразной тучности. <...> ...Он пользовался особенной привилегией у театрального казначея и вычеты из жалованья своих должников получал беспрепятственно по предъявлении их расписок. Каждый месяц, 1-го числа, он аккуратно являлся спозаранка в театральную контору с целым ворохом векселей и расписок, садился около казначея и, потирая руки от удовольствия, поджидал своих горемычных заемщиков. В конце 1820-х годов этот благодетель страждущего человечества покончил свое земное странствование и, по индусскому обряду, бренные его останки были торжественно сожжены на костре, на Волковом поле»[8].

[1] См. ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Замысел альманаха «Двойчатка», как и замысел задуманной ранее «Тройчатки» (см. также ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***), остался неисполненным.

[3] *Пономарев С.* Из писем к М. А. Максимовичу // Киевская Старина. 1883. № 4. С. 846; *Свод.* Т. 3. С. 473.

[4] См.: ***1834. Июль. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа конец — сентябрь. Санкт-Петербург***; *Фомичев С.* Неосуществленный замысел альманаха «Тройчатка» и повесть «Пиковая дама» // Альманах библиофила. М., 1987. Вып. 23. С. 133.

[5] См. ***1834. Августа конец — сентябрь. Санкт-Петербург.***

[6] Высказано предположение, что само вызревание критического пафоса Гоголя было связано с чтением «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (см.: *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 154–155). Карамзин, как известно, получил в свое время отдельные упреки в недостаточном патриотизме (см., в частности: Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина / Публ. и коммент. Л. Я. Вильде. Вступ. ст. М. В. Нечкиной // Лит. наследство. М., 1954. Т. 59. С. 557–568). Попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий в конфиденциальной записке для Императора Александра I «Краткий опыт о народном воспитании» (1823), в свою очередь, замечал: «В истории отечественной, следуя истории государства Российского, некоторые помазанники Божии поносятся именами *тиранов* и *злодеев...*» (Собственноручное всеподданнейшее письмо действительного статского советника Магницкого, с поднесением записки о народном воспитании // Сборник исторических материалов, извлеченных из Архива Собств. Его Имп. Величества канцелярии. СПб., 1876. Т. 1. С. 371). — См. также ***1822. Июля 6. Среда. Яреськи*** (примечания).

В первой половине 1830-х гг. в отрывке «Летописи» Гоголь, имея в виду преподобного Нестора-летописца, замечал: «А тот монах был правдив, писал то только, что <было>, не мудрствовал лукаво и не смотрел ни на кого. И начали последователи его раскрашивать». Впоследствии именно эти размышления — о бескомпромиссной правде в трудах Нестора-летописца, Карамзина и Пушкина, — нашли воплощение в образе художника Черткова в «Портрете», а еще позднее отразились в упоминании в начале седьмой главы первого тома «Мерт-

вых душ» о «писателе, дерзнувшем вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами».

В свою очередь, гоголевское стремление к изображению «неприукрашенной» действительности было отчасти воспринято позднее историком М. П. Погодиным. 13 августа 1848 г. он, в частности, писал Гоголю: «Тебе, то есть впечатлениям, тобою произведенным, понятиям, тобою возбужденным в "Ревизоре" и "Мертвых душах" об объективности действующих лиц, обязана моя "История" много». В 1847 г. он сообщал также профессору И. И. Давыдову: «О тоне Истории своей, о тоне Истории вообще для нашего времени я думал ни много, ни мало десять лет; принимался писать в продолжение этого времени несколько раз, и недовольный оставлял; смотря и слушая Гоголя, записал на своей тетради, 1840 года, января 5: вот каких *живых* людей надо в историю...» (см. ***1840. Января 5. Пятница. Крещенский сочельник. Москва***).

[7] *Цявловский М. А.* Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя // *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 254.

[8] *Каратыгин П. А.* Записки. Новое издание по рукописи под ред. Б. В. Казанского, при участии Ю. А. Нелидова, Ю. Г. Оксмана и Н. С. Цепша. Л., 1929. С. 263–265.

1833

ДЕКАБРЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет лирическое воззвание к Ангелу-Хранителю («Молю тебя, жизнь души моей, [Хранитель Ангел] мой – Гений») и к наступающему 1834 году – «Будь и ты моим Ангелом»:

«Таинственный, неизъяснимый 1834! Где означу я тебя великими трудами? Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности... <...> В моем ли прекрасном, древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами... <...> Я совершу... Я совершу! <...> Труды мои будут вдохновенны».

Воззвание связано с выходом Гоголя из творческого кризиса, продолжавшегося со второй половины 1832 г. до осени 1833 г. В письме к М. П. Погодину от 28 сентября 1833 г. он, в частности, замечал: «Какой ужасный для меня этот 1833-й год!»

См. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***. – См. также ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка***; ***1833. Июля 2. Санкт-Петербург***; ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург***.

1834

ЯНВАРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет первого тома «Библиотеки для Чтения» (цензурное разрешение 31 декабря 1833 г.), на титульном листе которого в числе более чем пятидесяти авторов, «литературными и учеными трудами» которых составляется журнал, значится имя «Рудаго-Панко», т. е. Гоголя[1].

На начальных порах «Библиотека для Чтения» была «первым» среди всех тогдашних русских журналов периодическим изданием[2], так что в первые два года его существования – в 1834 и 1835 – активное участие в ней принимали почти все известные литераторы того времени – А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, князь В. Ф. Одоевский, М. П. Погодин и др. Печататься в этом журнале намеревался и Гоголь. Для февральского номера журнала он готовил главу «Кровавый бандурист» из романа «Гетьман»[3]. Имя «Рудаго-Панько» стоит не только на первом, но и на всех последующих номерах «Библиотеки для Чтения» за 1834 г.

[1] <Титульный лист первого номера журнала «Библиотека для Чтения» (1834)> // *Свод.* Т. 1. С. 766.

[2] См., в частности, письмо Е. П. Гребенки к Н. М. Новицкому от 7 марта 1834 г. (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 567).

[3] См. ***1834. Января 10. Среда. Санкт-Петербург***; ***1834. Между января 31 – февраля 20. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля конец – марта начало. Санкт-Петербург***.

ЯНВАРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. А. Максимовичу поздравляет его с новым 1834 г., благодарит за присланный альманах «Денница на 1834 год» — которого он, однако, не получил, потому что князь В. Ф. Одоевский «заблагорассудил кому-то» отдать его экземпляр: «Слышу, однако ж, что в ней есть много хорошего; по крайней мере, мне так говорил Жуковский». Призывает приятеля оставить лень по переезде в Киев, напоминает о присылке песен[1]. Сообщает об издании «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyka instrumentowana przez Karola Lipinskiego[2]. Zebral i wydal Waclaw z Oleska» (We Lwowie. 1833):

«Знаешь ли ты собрание галицких песень, вышедших в прошлом году (довольно толстая книга in-8)? Очень замечательная вещь! Между ними есть множество настоящих малороссийских, так хороших, с такими свежими красками и мыслями, что весьма не мешает их включить в гадаемое собрание».

Максимович заинтересовался сообщением Гоголя и просил прислать ему экземпляр книги. 12 февраля 1834 г. Гоголь отвечал: «Экземпляра песень галицких здесь нигде нет; мой же собственный у меня замотал один задушевный приятель». 26 марта 1834 г. Гоголь повторял (откликаясь, по-видимому, на новую просьбу Максимовича): «Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города». (Установлено, что принадлежавшим Гоголю экземпляром собрания «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» пользовался в мае-июне 1834 г. А. С. Пушкин[3].) 29 марта 1834 г. Гоголь послал Максимовичу лишь одну переписанную им из сборника «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» песню — о Нечае[4]. 20 апреля 1834 г. Гоголь вновь извещал Максимовича: «За *Песнями Люду Галичского* я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришлю их тебе». Максимович в «Предисловии» к своему сборнику «Украинские народные песни...», сообщал: «В Лемберге издано *Вацлавом* Собрание Галицких песен, коего, однако ж, к сожалению, я не получил еще: большая часть Галицких песен не только сходны с песнями Украинскими, но многие песни даже одни и те же...»[5]

Сборником «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» Гоголь широко пользовался в 1834 г. при создании «Тараса Бульбы»[6] и «Вия»[7], а позднее при работе над незавершенной драмой из эпохи Богдана Хмельницкого[8]. Интерес к собранию песен Wacław'a z Oleska (Вацлава из Олеска) Гоголь проявлял и в конце жизни[9].

Содержанием сборника «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» отчасти проясняется вопрос о фольклорном источнике повести «Вий». Сам Гоголь в примечании к повести указывал: «Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание». Между тем, несмотря на старания многих ученых, «народное предание», которое автор «почти в такой же простоте, как слышал», пересказал в своем произведении, не обнаружено[10]. Не найдены и фольклорные тексты с образом, который соответствовал бы гоголевскому Вию. В украинских народных сказках Вия замещает «старшая киевская ведьма». Это, однако, не ставит под сомнение фольклорную основу повести. Гоголь использовал сюжет народной сказки о парубке, проведшем три ночи у гроба умершей ведьмы.

В 1907 г. И. Я. Франко указал наиболее вероятный источник распространенного фольклорного образа демонических сил с длинными веками или ресницами. По наблюдению исследователя, в описании длинных, до земли, век гоголевского Вия отразилось свидетельство одного из апостольских мужей, Папия, епископа Иерапольского (ум. около 165 г.), ученика св. Иоанна Богослова, о внешнем облике Иуды-предателя незадолго до смерти: «Вежди же очїю его толико израстошася, якож ему ни весма свет възмощи видети»[11]. Франко обнаружил это свидетельство в двух рукописных церковных книгах XVI в. (в частности, в праздничной Минее) и указал на отражение его в народном украинском предании о Шелудивом Буняке. Несомненно, названное древнее свидетельство об Иуде Искариотском было хорошо известно на Руси. «Думаю, что не ошибусь, — заключал Франко, — усматривая в этом описании источник и народной вставки в повествования о Буняке <...> и эффектного изображения <...> Вия в повести Гоголя»[12]. (Предание об Иуде-предателе с огромными ве́ками, в частности, нашло отражение в описании находящегося в аду слепого Иуды в «Вирше, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на Светлый праздник Воскресения», которую Гоголь поместил в свою «Книгу всякой

всячины, или подручную Энциклопедию»[13]: «А Иуда сам стоячи там зъюридився як макуха <увалень, неповоротливый человек; *укр.*> <...> За той свой грех <...> не бачить очима».)

Украинское слово «вій» означает: крышка на диже, или квашне — кадке, в которой квасят и месят тесто; синонимом его является слово «віко» (веко), имеющее также значения: крышка сундука, бадьи, гроба (ср. также слово «вія» — ресница, веко). Мертвая панночка все время как бы смотрит на Хому Брута из своего «тесного жилища» («...философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами»), а ее месть Хоме Бруту изображается как внезапное, происходящее от внутреннего усилия, вскрытие железного «віка» гроба панночки: «...с треском лопнула железная крышка гроба...» Мотив «страшной мести» женщины за ее избиение, связанный с образом «віка» — крышки гроба, сундука или «огромной дижи», был почерпнут Гоголем из письма к нему матери. В гоголевской записной тетради 1830–1834 гг. имеется отрывок из ее письма на эту тему: «Еще один обряд у малороссиян; на масляной, в Четверг, всегда бывает женской праздник, называемый Власьем, хотя и никогда не бывает тогда сего Святого имени; и жинки бьют своих чоловиков днищами, чтобы они их целой год не были <не били>»[14]. В создании повести Гоголь использовал также присланное ему матерью в письме от 4 июня 1829 г. описание украинского свадебного обряда: «Коровай делают на диже, а по-ихнему на вики <...> содят его без крышки в печь, а вико надевают на дижу» (выписка «О свадьбах малороссиян» в «Книге всякой всячины...»). К этому месту в гоголевском «Лексиконе малороссийском» «Книги всякой всячины...» имеется пояснение: «Віко, крышка на диже или на скрыне». В 1896 г. один из исследователей языческих обрядов народной украинской свадьбы археолог Х. П. Ящуржинский отметил: «Когда посадят коровай в печь, то берут *дижу*, ставят в нее бутылку водки, накрывают "віям" (крышкой), подымают до потолка, танцуют и поют...»[15]

Определенное влияние при создании образа панночки в «Вии» оказали на Гоголя народные свадебные песни, большое число записей которых, с краткими указаниями на соответствующие обряды, содержится в упомянутом сборнике «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego». Среди песен этого сборника наибольшее внимание обращает на себя первая, в которой содержится явственное уподобление невесты поднимающемуся коровайному тесту: «Коровайове тисто / Не змистилося в мисто, / Но ся влизло на ринок, / Зацвило, як калинок. <...> / Час з тебе, коровай, опхати; / Ой, збере Петруненко...» Шутливое уподобление невесты «коровайному тесту» объясняется тем, что после приготовления каравая (накрываемого «вієм») в традиционном украинском свадебном обряде на «дижу» сажали уже саму невесту — и тоже «накрывали», почему этот обряд назывался «покрываньем». Посадив невесту на «дижу», ей расплетали косу и «покрывали» ее «очипком» («род женской шапочки», или «чепца», по объяснению Гоголя) — что означало переход девушки в разряд замужних женщин. Описание обряда «покрыванья» в свою очередь содержится в выписке Гоголя в «Книге всякой всячины...» из письма матери от 4 июня 1829 г.: «...Женщины <...> с пеньем расплетают ей косу и подают очипок, который она бросает, и за третьим уже разом надевают ей на голову и выпроваживают ее к мужу».

В гоголевском «Лексиконе малороссийском» к замыслу «Вия» имеет также отношение толкование слова «Вирлоокий, пучеглазый». С этим словом связано описание одного (и единственного) из «адских гномов», упоминаемых Гоголем в главе из незавершенного романа «Гетьман» «Кровавый бандурист»: «Почти исполинского роста жаба остановилась неподвижно, выпучив свои страшные глаза на нарушителей ее уединения». Описание этого «гнома»-жабы отзывается в изображении первого и главного из «подчиненных» гномов «Вия» (которому также приданы здесь черты жабы, ловящей длинным языком мух): «Выше всех возвышалось странное существо в виде правильной пирамиды, покрытое слизью. Вместо ног у него было внизу с одной стороны половина челюсти, с другой другая; вверху, на самой верхушке этой пирамиды, высовывался беспрестанно длинный язык и беспрестанно ломался на все стороны». Образ этого гнома-жабы представляет собой одновременно образ «веельзевула» — «повелителя мух», его пáсти[16]. Этот образ, в свою очередь, восходит к находящейся в гоголевской «Книге всякой всячины...» «Вирше, говоренной гетьману Потемкину запорожцами на Светлый праздник Воскресения», где есть и «мухи», и веельзевул, и его «ненасытный рот».

В создании «фантастических» образов повести, вероятно, нашло также отражение изображение бесов на иконах «Св. Феодор Стратилат, убивающий змея», «Чудо св. Георгия» и др., на книжных заставках (апокалиптические звери), лубочных картинках — «Трапеза благочестивых и нечестивых», «Бесы искушают св. Антония» и др.[17]

Существенное значение для понимания замысла «Вия» имеет также архитектура изображаемого здесь храма. Это традиционный южнорусский тип трехчастной старинной церкви, чрезвычайно широко распространенный на Украине и в свое время являвшийся для нее господствующим. Подобный же храм угадывается у Гоголя в «Ночи перед Рождеством»; о нем он упоминает в описании светлицы Тараса Бульбы; рисунок архитектурной композиции из трех конусообразных контуров, венчаемых куполами (напоминающий архитектуру украинских деревянных храмов), встречается в записной книжке Гоголя 1842–1845 гг.[18] Гоголь был в XIX в. едва ли не первым, кто обратил внимание на своеобразие южнорусского церковного зодчества. Ранее особенность южнорусской архитектуры была отмечена лишь в средине XVII в. сирийским путешественником по России архидиаконом Павлом Алеппским[19]. В 1862 г. в изданном Л. М. Жемчужниковым в качестве приложения к журналу «Основа» альбоме офортов «Живописная Украйна» (СПб.) был помещен рисунок В. В. Верещагина «Церковь

в местечке Горошине, Полтавской губернии»[20]. Первая заметка об украинских храмах, изображенных Гоголем в его «малороссийских» повестях, появилась спустя десятилетие[21].

О широком распространении подобного типа храмов на родине Гоголя можно судить из составленного в конце XIX в. по клировым ведомостям П. Д. Мартиновичем и В. П. Горленко списка «Церкви старинной постройки в Полтавской епархии»[22]. Строительство деревянных храмов было запрещено на Украине во избежание пожаров указом российского правительства от 25 декабря 1800 г., а также указом Святейшего Правительствующего Синода от 26 мая 1801 г. Об этих указах упоминает в своей «Автобиографической записке» мать Гоголя[23]. В литературе, однако, встречаются упоминания, что трехчастные деревянные храмы на Украине были по преимуществу церквями униатскими[24]. «...Многие формы и мотивы украинского архитектурного стиля, — указывал И. Э. Грабарь, — имеют чрезвычайно близкое сходство с формами и мотивами западного искусства»[25]. Некоторые авторы говорят даже о существовании синодального запрета 1801 или 1803 г. строить церкви «в украинском стиле»[26].

С этим прямо перекликается давно сделанное наблюдение, что завязнувшие в окнах и дверях церкви гномы «Вия» соотносятся с химерами готических храмов[27]. По-видимому, в повести (как и в статье «Об архитектуре нынешнего времени») нашли отражение впечатления Гоголя от готических храмов северной Германии, где он побывал впервые в 1829 г. П. В. Анненков, повторивший отчасти в 1842–1843 гг. маршрут Гоголя, замечал по поводу одного из «примечательнейших» храмов Гамбурга: «Действие света, проницающего в подземелье, обольстительно: кажется вам, будто попали вы во дворец *гномов*»[28] (курсив наш. — *И. В.*).

Кое-какие из изображенных в «Вии» «гномов» (например, «гном», состоящий только из головы) наводят также на мысль, что первоначальным толчком к их созданию послужили Гоголю впечатления от посещения Петербургской кунсткамеры. Одно лишь расположение анатомических препаратов в кабинете кунсткамеры — приобретенных Петром I в Голландии «у славного Руйша» (профессора анатомии Ф. Рюйша) — должно было произвести на Гоголя удручающее впечатление: «В нижнем отделении содержатся *Анатомические препараты*, разделенные по классам и заключающиеся в 19 больших великолепных с стеклянными дверями шкафах, вокруг зала по стене расположенных <...> В 1 и 2 шкафах содержится собрание *кож* <...> из которых <...> *верхняя кожица* <...> с ногтями весьма искусно с младенческой руки снятая <...> и различные *руки* и *ноги* младенческие, приготовленные посредством состава Г. Руишем <...> заслуживают особенное внимание <...> В 17 и 18 заключаются скорбные и другие к ним принадлежащие части <...> Как в сих <...> так и в других <...> шкафах расположены понизу разные человеческие уроды (monstra), коих число свыше 100 простирается. <...> Наконец 19 шкаф составляет собрание *костей* со многими *оставами*, из которых большие расставлены по разным местам нижнего зала»[29]. Ср. описание «гномов» в «Вии»: «Немного далее возвышалось какое-то черное <...> со множеством тонких рук <...> С вершины <...> грянулось <...> какое-то черное, все состоявшее из одних ног <...> насупротив <...> стояло высокое, которого черный скелет выдвинулся на поверхность <...> Множество других <...> ходили, лежали и ползали в разных направлениях: одно состояло только из головы...» Можно предположить, что в сюжете «Вия» нашли отражение и «разные басни и нелепости», ходившие в Петербурге по поводу одного из анатомических препаратов Ф. Рюйша: «4 и 5 <шкаф> составляют *собрание мозгов* <...> из сего собрания <...> второй предмет есть *голова* небольшого мальчика <...> Головка сия известна ныне публике под названием головы одной *девицы красавицы* 15 лет, о которой плетутся разные басни и нелепости»[30]. Возможно, этот заморский экспонат и стал (наряду с мертвой помпеянкой на картине К. П. Брюллова «Гибель Помпеи»[31]) одним из «прообразов» мертвой красавицы в «Вии»[32].

[1] См. ***1833. Ноября 9. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург.***

[2] Карл Липинский (1790–1861), польский скрипач.

[3] *Ясинский Я. И.* Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. М., 1941. Вып. 6. С. 343–344.

[4] См. ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] Украинские народные песни, изданные *Михаилом Максимовичем*. М., 1834. Ч. 1 (цензурное разрешение 23 марта). С. VI.

[6] См.: *Гоголь 2009*. С. 423, 439, 440, 570.

[7] См.: *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 88–89.

[8] См. ***1839. Августа 22–23 <10–11>. Четверг-пятница. Прага.***

[9] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***; ***1850. Мая 12. Пятница. Москва.***

[10] См.: Заметка П. А. Бессонова о песнях, помещенных во всех 4-х выпусках I-й Части, с соответствующими дополнениями, сказками, преданиями... // *Киреевский П. В.* Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1862. Ч. I. Вып. 4. С. XL–XLI; см. также: *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 170–171; М., 1869. Т. 3. С. 583–584; *Владимиров П. В.* Великое зерцало. (Из истории русской переводной ли-

тературы XVII века). М., 1884. С. 23; <*Драгоманов М. П.*> *Кузьмичевский П.* Шолудивый Буняка в украинских народных сказаниях // Киевская Старина. 1887. № 9–10. С. 238–239; <*Драгоманов М. П.*> *Р. Л. Н.* К рассказам о Шелудивом Буняке // Киевская Старина. 1891. № 7–9. С. 299–304; *Сумцов Н.* Параллели к повести Н. В. Гоголя «Вий» // Киевская Старина. 1892. № 1–3. С. 472–477; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 2. С. 74–77, 381–382; *Милорадович В.* К вопросу об источниках «Вия» // Киевская Старина. 1896. № 7–9. Отд. 2. С. 45–48; *Петров Н. И.* Южно-русский народный элемент в ранних повестях Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. 2. С. 20; <*Кревецкий И. И.*> *Королевський Ф.* Жерела «Вія», повісті М. Гоголя // Діло. 1902, 20 июня (3 июля); *Diederich B.* Von Gespenstergeschichten. Leipzig, 1903. S. 199–223, 238; Сказ Л. Д. Онбиша «Народный источник повести Гоголя "Вий"», записанный В. В. Лесевичем. <Конец XIX – начало XX в.> // *РГАЛИ.* Ф. 301. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 1–4; *Чудаков Г. И.* Отражение мотивов народной словесности в произведениях Н. В. Гоголя // Университетские Известия. (Киев). 1906. № 12. С. 29–32; *Франко Ів.* Вій, Шолудивый Буняка і Юда Іскариотский // Україна. 1907. № 1. С. 50–55; *Невірова К.* Мотиви української демонольогії в «Вечерах» та «Миргороді» Гоголя. Київ, 1909. С. 18–25; *Bolte J., Polivka G.* Amerkungen zu den Kinder- u<nd> Hausmärchen der Brüder Grimm. Leipzig, 1918, Bd. 3. S. 531–537; *Петров В. П.* <Комментарий к повести «Вий»> // *Гоголь 1937–1952.* Т. 2. С. 735–745; *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 60; *Карабанов Р. А.* О роли фантастики в композиции произведений Н. В. Гоголя // Уч. зап. Черновицкого гос. ун-та. 1961. Т. 42. Вып. 12. С. 61; *Иванов Вяч. Вс.* Об одной параллели к гоголевскому Вию // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 284. Труды по знаковым системам. 1971. Т. 5. С. 133–142; *Иванов Вяч. Вс.* Категория «видимого» и «невидимого»: еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию» // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris, 1973. С. 151–176; *Еремина В. И.* Н. В. Гоголь // Русская литература и фольклор (первая половина XIX века). Л., 1976. С. 256–257; *Молдавский Д. М.* О фольклоризме Н. В. Гоголя. Предположение об имени «Вий» // *Молдавский Д. М.* Товарищ Смех. Л., 1981. С. 148–150; *Крутикова Н. Е.* Великое братство // Гоголь и современность. Творческое наследие писателя в движении эпох. Киев, 1983. С. 23–25; *Юрьева З., Филипп В.* О поэтике страха в повести Гоголя «Вий» // Записки Русской Академической Группы в США. New York, 1984. Т. 17. С. 15; *Скрипник Г., Курочкін О.* Народні вірування, демонологія, космогония // Українська минувщина. Ілюстрований етнографічний довідник. Київ, 1993. С. 220; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

[11] *Франко Ів.* Вій, Шолудивый Буняка і Юда Іскариотский // Україна. 1907. № 1. С. 53. – Ср.: «Вежди бо очію его, гл<агол>етъ, толико надвешени бяху, яко самъ убо никакоже света глядати можаше» (Апостол толковый. Почаев, 1784. Л. 8 об.). См. также: Блаженного *Феофилакта,* архиепископа Болгарского, Толкование на Деяния Святых Апостолов, сокращенно избранные из толкований святаго Иоанна Златоуста и некоторых других отцев (в русском переводе). М.: Изд-во «Скит», 1993. С. 21.

[12] *Франко Ів.* Вій, Шолудивый Буняка і Юда Іскариотский. С. 55.

[13] См. ***1826. Января конец. Нежин***; ***1832. Декабря 12. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1829. Июня 4. Вторник. Васильевка.***

[15] *Ящуржинский Хр.* Свадьба малорусская как религиозно-бытовая драма // Киевская Старина. 1896. № 11. С. 244.

[16] См. также ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева*** (примечания).

[17] См. также ***1826 или 1827 или 1828. Июня конец – июля начало*** (примечания).

[18] Датировка записной книжки уточнена (см. ***1842. Марта 14. Суббота. Вечер. Москва*** – примечания; ***1842 октября 4 <сентября 22> – 1843 мая 2 <апреля 20>. Рим*** – примечания).

[19] См.: Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом *Павлом Алеппским.* М., 1897. Вып. 2. С. 19, 38. См. также: *Грабарь И.* Барокко Украины. Деревянное церковное зодчество на Украине // *Грабарь И.* История русского искусства. М., <1909>. Т. 2. С. 343.

[20] Офорт имеется в фондах *РНБ*; переизд.: *Гоголь 1994.* Т. 9. Илл. 14.

[21] *Даль Л.* Трехглавые церкви // Зодчий. 1874. № 11.

[22] Полтавские Епархиальные Ведомости. 1888. Часть неофиц. № 16–18. С. 613–630, 643–663. См. также: *Филянский Н.* Наследие Украины // Искусство. 1905. № 3. С. 27–45.

[23] См. ***1821. Сентября 21. Среда*** (примечания).

[24] См.: *Даль Л.* Трехглавые церкви. С. 139; *Сецинский Е., протоиерей.* Исчезающий тип деревянных церквей Подолии. Каменец-Подольск, 1904. С. 6.

[25] *Грабарь И.* Барокко Украины. С. 337.

[26] *Щербаківський В.* Архітектура у ріжних народів і на Україні. Львів; Київ, 1910. С. 236; *Малаков Д. В.* По Восточному Подолью. М., 1988. С. 13, 150.

[27] См.: *Шамбинаго С.* Трилогия романтизма. (Н. В. Гоголь). М., 1911. С. 11; *Осипов Н. Е.* Страшное у Гоголя и Достоевского (1927) // *РГАЛИ.* Ф. 2299. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 36; *Молдавский Д. М.* «Вий» и мифология XVIII века // Альманах библиофила. Вып. 27. М., 1990. С. 144–145.

[28] *Анненков П. В.* Путевые записки // *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1983. С. 244.
[29] *Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 2. С. 30, 34.
[30] Там же. С. 31.
[31] См. ***1834. Август. Санкт-Петербург*** (примечания).
[32] Книга О. П. Беляева «Кабинет Петра Великого» была известна Гоголю (см. «Реестр книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года Июля 11 дня» М. П. Погодиным в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 725). Кроме того, о кунсткамере Гоголь многое мог узнать еще в Нежине от директора Нежинской гимназии доктора медицины И. С. Орлая, которой в свое время «немало сделал для развития Петербургской кунсткамеры» – и при этом переписывался с И. В. Гете, бывшим на протяжении около тридцати лет меценатом кунсткамеры в Веймаре (см.: ***1822. Сентября 3. Суббота. Санкт-Петербург*** – примечания). Впечатлениями от кунсткамеры отзываются у Гоголя и строки первой редакции повести «Портрет», посвященные описанию глаз портрета ростовщика-антихриста («Казалось, как будто они были вырезаны из живого человека...»), а также совет «медика» майору Ковалеву в повести «Нос» положить найденный нос «в банку со спиртом» – чтобы «взять за него порядочные деньги». Ср. в описании Петербургской кунсткамеры: «6 шкаф состоит из собрания частей до четырех чувств принадлежащих <...> из частей *глаза, уха, языка* и *носа...*» (*Беляев О. П.* Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Отд. 2. С. 32). Гоголь прямо упоминал о петербургской кунсткамере (в соответствующем контексте) в статье «Петербургские записки 1836 года», где сравнивал с ней низкопробные, исполненные «диких страстей» и кровавых эффектов произведения французских романтиков А. Дюма и В. Дюканжа («...можно подумать, что это кунсткамера, в которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы...»). С этим же мотивом связано у Гоголя именование в «Невском проспекте» петербургских немцев ремесленников Шиллерами, Гофманами и Кунцами (die Kunst; *нем.* – искусство; отсюда – кунсткамера, или «кунцкамера» – согласно орфографии XVIII в.) (*Виноградов 2000.* С. 215–216; *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // Гоголь Н. В. Петербургские повести. М., 2001. С. 7–10; см. также: ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

ЯНВАРЯ 9–15.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Патриотическом институте благородных девиц проводятся публичные экзамены, на которых трижды присутствовала Императрица Александра Феодоровна.

Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте // *Свод.* Т. 1. С. 740.

ЯНВАРЯ 10. СРЕДА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посетил А. В. Никитенко и возмущался по поводу самоуправного редакторства О. И. Сенковского в «Библиотеке для Чтения».

Никитенко в этот день записал в дневнике: «На Сенковского поднялся страшный шум. Все участники в “Библиотеке”[1] пришли в ужасное волнение. Разнесся слух, будто он позволяет себе статьи, поступающие к нему в редакцию, переделывать по-своему. <...> У меня сегодня был Гоголь-Яновский в великом против него негодовании».

Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726.

[1] См. ***1834. Января начало. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 11. ЧЕТВЕРГ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Счастлив ты, златой кузнечик[1], что сидишь в новоустроенном своем доме... <...> Скоро ли тебя поздравить отцом?..»

Сообщает об успехе у читателей первого номера только что основанной «Библиотеки для Чтения» (журнал положил начало «торговому направлению» в русской литературе):

«Это довольно смешная история. Сенковский очень похож на старого пьяницу и забулдыжника, которого долго не решался впускать в кабак даже сам целовальник. Но который, однако ж, ворвался и бьет, очертя голову спьяна, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препарат. Сословие, стоящее выше Брамбеусины, негодует на бесстыдство и наглость кабачного гуляки; сословие, любящее приличие, гнушается и читает. Начальники отделений и директоры департаментов читают и надрывают бока от смеху. Офицеры читают и говорят: "Сукин сын, как хорошо пишет!" Помещики покупают и подписываются и, верно, будут читать. — Одни мы, грешные, откладываем на запас для домашнего хозяйства. Смирдина капитал растет. Но это еще всё ничего. А вот что хорошо. Сенковский уполномочил сам себя властью решить, вязать: марает, переделывает, отрезывает концы и пришивает другие к поступающим пьесам. Натурально, что если все так будут кротки, как почтеннейший Фадей Бенедиктович[2] (которого лицо очень похоже на лорда Байрона, как изъяснялся не шутя один лейб-гвардии Кирасирского полка офицер), который объявил, что он всегда за большую честь для себя почтет, если его статьи будут исправлены таким высоким корректором, которого Фантастические путешествия даже лучше его собственных[3]. Но сомнительно, чтобы все были так робки, как этот почтенный государственный муж.

Но вот что плохо, что мы все в дураках! В этом и спохватились наши [настоящие] тузы литературные, да поздо. Почтенные редакторы зазвонили нашими именами[4], набрали подписчиков, заставили народ разинуть рот и на наших же спинах и разъезжают теперь. Они поставили новый краеугольный камень своей власти. Это другая Пчела[5]! И вот литература наша без голоса! А между тем наездники[6] эти действуют на всю Русь. Ведь в столице нашей чухонство, в вашей купечество, а Русь только среди Руси»[7].

Пишет, что был бы «страх сердит на все эти обстоятельства», если бы не занятия историей:

«Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную; и та и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер... <...> Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что не-общее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна! Кстати: я прочел только изо всего № 1-го Брамбеуса[8] твои Афоризмы. Мне с тобою хотелось бы поговорить о них. Я люблю всегда у тебя читать их[9], потому что или найду в них такие мысли, которые верны и новы, или же найду такие, с которыми хоть и не соглашусь иногда, но они зато всегда наведут меня на другую новую мысль. Да печатай их скорей!»

Передает привет П. В. Киреевскому[10]:

«Поцелуй за меня Киреевского! Правда ли, что он печатает русские песни»[11].

[1] Реминисценция из стихотворения Г. Р. Державина «Кузнечик» сборника «Анакреонтические песни» (1804).

[2] Булгарин.

[3] Имеются в виду «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» О. И. Сенковского (СПб., 1833) и очерки Ф. В. Булгарина «Правдоподобные небылицы» (1824) и «Невероятные небылицы» (1825).

[4] См. ***1834. Января начало. Санкт-Петербург***.

[5] «Северная Пчела» — первая крупная частная газета в России, издававшаяся в Петербурге Ф. В. Булгариным (с 1825 по 1830 г. единолично, с 1831 по 1859 г. совместно с Н. И. Гречем).

[6] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] Подробнее см.: ***1851. Января 11. Четверг. Одесса*** (примечания).

[8] Имеется в виду первый номер «Библиотеки для Чтения», издававшийся А. Ф. Смирдиным под редакцией О. М. Сенковского (псевдоним — Брамбеус).

[9] См. ***1827. Января 15. Суббота. Москва.***

[10] См. также ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[11] Первая часть собрания русских народных песен П. В. Киреевского вышла в свет только в 1848 г. (см. ***1834. Апреля конец — май. Санкт-Петербург***).

ЯНВАРЯ 17. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Патриотическом институте проводится заключительный экзамен воспитанниц шестого выпуска; присутствуют Государь Николай Павлович, Наследник Александр Николаевич, великий князь Михаил Павлович и великая княгиня Елена Павловна[1].

Вероятно, после экзаменов Императрица Александра Феодоровна распорядилась в качестве особого награждения Гоголя за службу в институте включить его сестер Анну и Елисавету в состав сверхкомплектных воспитанниц и начать выплату ему прекращенного в ноябре 1832 г. жалованья[2]. Распоряжение возымело ход только после нового прошения Гоголя в июле 1834 г.[3]

[1] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте // *Свод.* Т. 1. С. 740.

[2] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1832. Декабря 5. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1834. Июля 26. Четверг. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 24. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну в Петербург письмо и посылку.

См. ***1834. Февраля 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 26. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. А. Максимович посылает в Петербург письмо к Гоголю.

См. ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург.***

1832–1834 НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет очерк о славянах.

Очерк остался незавершенным и был использован Гоголем при создании статьи «Взгляд на составление Малороссии»[1] и составлении университетских лекций[2]. Возможно, позднее <Наброски очерка о славянах> Гоголь предполагал использовать в статье «Древняя Россия»[3], где собирался подчеркнуть достоинства древнерусского патриархального оседлого быта перед цивилизацией кочевых народов Западной Европы[4].

[1] См. ***1832 конец года — 1833 начало года. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Июня после 8–10 — августа не позднее 23. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***
[4] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

1833 КОНЕЦ – 1834 ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь переписывает народные песни из сборника «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego».

См. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также коммент. к разделу *<III> Южнорусские песни. <Тетрадь первая>* в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17.

ЯНВАРЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение газеты «Северная Пчела» с объявлением «Об издании Истории Малороссийских казаков»[1], в котором Гоголь сообщает:

«Около пяти лет[2] собирал я с большим тщанием летописи и все, относящееся до Истории этого края[3]. – Половина моей Истории уже готова[4], но я медлю выпускать ее в свет, подозревая существование многих, может быть, мне неизвестных источников, которые, без сомнения, хранятся где-нибудь в частных руках. И потому, обращаясь ко всем, я усердно прошу (и нельзя, чтобы просвещенные соотечественники отказали в моей просьбе) всех, имеющих какие бы то ни было материалы, записки, летописи, песни, повести бандуристов, деловые бумаги, относящиеся особенно к первобытной Малороссии, присылать мне, если не в оригиналах, то в копиях, назначая время, какое я могу продержать их у себя (если они им нужны), и означая адрес своих жительств.

Мне же прошу адресовать в С.П.Б. или в магазин Смирдина, или прямо в мою квартиру: в Малой Морской, в доме Лепена, Николаю Васильевичу Гоголю»[5].

[1] См. также ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества).***
[2] См. ***1830. Февраля 2. Санкт-Петербург.***
[3] Имеется в виду Малороссия.
[4] 12 февраля 1834 г. Гоголь сообщал М. А. Максимовичу, что пишет «Историю Малороссии» «всю от начала до конца» (см. ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург***). В гоголевских бумагах сохранился <Отрывок из «Истории Малороссии». Размышления Мазепы>, написанный не позднее весны 1834 г. (бумага автографа имеет водяной знак «<18>29»). Кроме того, в апреле 1834 г. Гоголь опубликовал «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I» (позднейшее название – «Взгляд на составление Малороссии») (см. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург***).
[5] Об издании Истории Малороссийских Казаков, сочинения Н. Гоголя (автора Вечеров на хуторе близ Диканьки) / Новые книги // Северная Пчела. 1834. 30 янв. № 24 (цензурное разрешение 29 янв.). С. 93–94. – См. также ***1834. Февраля 10. Суббота. Москва***; ***1834. Февраля 23. Пятница. Москва.***

ЯНВАРЯ КОНЕЦ – ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь возвращает редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К. С. Сербиновичу рукопись своей статьи «План преподавания всеобщей истории»[1] и сообщает:

«Все ваши и Сергея Семеновича <Уварова> замечания я нахожу очень справедливыми и, как видите, воспользовался ими. <...> Я очень вам благодарен за ваше присовокупление о истиной религии[2]. Оно очень хорошо, и я бы не выдумал так. Я к вам заеду в 12 часов».

[1] См. также *1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.*

[2] Имеется в виду замечание о Ветхозаветной Церкви в шестом разделе статьи: «Я должен изобразить Восток с его древними патриархальными царствами, с религиями, облеченными в глубокую таинственность, так непонятную для простого народа, кроме религии евреев, между коими сохранилось чистое, первобытное ведение истинного Бога».

ФЕВРАЛЯ 8. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. А. Максимович посылает в Петербург письмо к Гоголю.

См. *1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург.*

ФЕВРАЛЯ 10. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает от матери посылку с сапогами и заказанными[1] калошами (изделия сапожной фабрики в Васильевке) и письмо (от 24 января[2]). В ответном письме благодарит мать и «фабриканта» за труды.

Мать Гоголя вспоминала: «Фабрикант <...> сшил <...> калоши зимние – шерстью в средину, на лице незаметно, что они теплые, что для военных людей было бы очень нужно. Получа те вещи[3], сын мой, увидя такую изящную работу, познакомился нарочно для этого с фабрикантами тамошними[4], чтоб доставить нам выгоду»[5].

Далее в письме Гоголь просит отговорить брата А. С. Данилевского Ивана от приезда Петербург[6], где он «навсегда» может расстроить свое здоровье[7]: «...Я сам, года через два, думаю навострить отсюда лыжи, хотя и не чувствую себя нездоровым слишком». Передает поклон матери Данилевских и их отчиму, Т. И. и В. И. Чернышам, а также своей сестре Марии.

[1] См. *1833. Декабря 20. Среда. Санкт-Петербург.*

[2] См. *1834. Января 24. Среда. Васильевка.*

[3] См. также *1833. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.*

[4] См. *1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.* – См. также *1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург* (примечания).

[5] См. *1832. Июля 20. Среда. Васильевка.*

[6] См. *1834. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.*

[7] См. *1834. Марта 17. Санкт-Петербург.*

ФЕВРАЛЯ 10. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 3 «Московского Телеграфа» с гоголевским объявлением «Об издании Истории Малороссийских казаков».

См. также *1834. Января 29. Санкт-Петербург; 1834. Февраля 23. Москва.*

ФЕВРАЛЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к редактору «Журнала Министерства Народного Просвещения» К. С. Сербиновичу просит извинения за задержку корректуры своей статьи

«План преподавания всеобщей истории» (вскоре напечатанной во втором номере только что основанного С. С. Уваровым журнала). Обещает вскоре ее возвратить. Хвалит первый номер издания:

«Я читаю теперь журнал ваш. В нем очень много интересного, даже в самых официальных статьях[1], которые изложены так занимательно, как я не мог предполагать!»

Как показывает исследование, именно «официальные статьи», вошедшие в первый номер «Журнала Миинистерства Народного Просвещения», оказали впоследствии существенное влияние на формирование замысла «Мертвых душ»[2]. Наибольшие переклички с гоголевскими представлениями обнаруживают две статьи, опубликованные в 1834 г. в первом номере основанного Уваровым журнала. Это статья П. А. Плетнева «О народности в литературе» – представлявшая в журнале «голос» историко-филологического факультета Петербургского университета, и обзорная статья о деятельности университета декана философско-юридического факультета Н. И. Бутырского[3]. Оба автора выражали не только собственные воззрения на литературу, но и взгляды самого министра[4]. Литература в этих статьях рассматривалась в непосредственной связи с провозглашенными – в том же номере журнала, в циркулярном распоряжении Уварова[5], – началами Православия, Самодержавия, Народности[6]. Тем самым отечественная словесность официально ставилась на такую высоту, на какой она до этого еще никогда не стояла.

«...Словесность, – писал Плетнев, – представила нам первый и прекрасный образец народности. <...> ...Истинная, действительная История народа есть его Литература...»[7] Бутырский указывал, что из всех сфер образования и культуры к народности прямое отношение имеет прежде всего словесность: «Все прочее можно заимствовать от чужестранцев, но Русскую Словесность должны мы создать сами: в противном случае останемся только подражателями...»[8]

Позднее, в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», Гоголь замечал: «Писатели наши отлились совершенно в особенную форму и, *несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания*, они заключают в себе чисто русские элементы...» (курсив наш. – *И. В.*). В этих строках изложена как бы сама «концепция» образов «Мертвых душ» – как воплощения искаженных подражанием «русских элементов».

«...В уроде вы почувствуете идеал того, чего карикатурой стал урод», – писал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» о людях, имеющих, подобно его героям, «отталкивающую наружность». «Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены». «Герои мои вовсе не злодеи, – добавлял он в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"», – прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми».

В 1836 г. в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь восклицал: «Русского мы просим! Своего давайте нам! Что нам французы и весь заморский люд, разве мало у нас нашего народа? Русских характеров, своих характеров!.. Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной <Руси>, сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел...»

Из многочисленных высказываний Гоголя можно судить вполне определенно, чьи характеры – подразумевая и вполне конкретные лица – он считал средоточием «истинно русских коренных свойств наших». «...Поэт <...> чистейшее отражение <...> народа...» – замечал он в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Советуя в 1848 г. графине Анне М. Виельгорской знакомиться с русскими литераторами, Гоголь писал: «Эти люди более русские, нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека»[9].

По словам Плетнева в упомянутой статье «О народности в литературе», «народность не может совершенно исчезнуть <...> при самых уклонениях умственной деятельности от первого пути»: «Много было происшествий, которые <...> противодействовали направлению первобытной нашей словесности <...> Ни характер народа, ни его обыкновенный быт, ни язык самый не остались без изменения и чуждого влияния. Но посреди сих разрушительных явлений <...> прожила еще несколько столетий своеобразная Русская дума, которой воззрения на жизнь и природу <...> высказывались то в назидательном поучении, то в простодушной летописи, то в любопытном описании путешествия, то в аллегорической сказке, то в народных песнях, дышащих тою истиною, которая составляет верх совершенства в произведениях человека»[10].

Выступление Плетнева на торжественном заседании Петербургского университета послужило Гоголю основой для намеченной позднее в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» концепции образов «мертвых душ». Сходное с гоголевским представление о русских писателях и поэтах как главных выразителях народности – несмотря на «чуждое влияние» и «уклонения» «первобытной нашей словесности» – явля-

ется основополагающим для статьи Плетнева. Такими выразителями народности Плетнев называет Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова[11]. Таким же представлением о русских поэтах и писателях как «чистейшем отражении <...> народа» – «несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания» – руководствовался и Гоголь, предполагая «избрать» их «характеры» для воплощения в «Мертвых душах».

К содержанию статьи Плетнева «О народности в литературе», по-видимому, восходят и слова Гоголя в «Переписке с друзьями» о русских поэтах как собирателях и хранителях национальных духовных «сокровищ наших» – «орудий» и «материалов» для будущего построения «нашей русской России». «Ежели в это время, – писал Плетнев об эпохе Екатерины II, – еще мало было писателей, блиставших свежими национальными красками, по крайней мере тогда началось приготовление необходимых для них материалов»[12]. «Где изучил певец Фелицы свое искусство? – замечал Плетнев о Державине. – Откуда он извлек этот неслыханный, но понятный всем язык?.. В нем все так могущественно, так стремительно, так ново и неуравнено, как сама Россия»[13]. Много лет спустя Гоголь писал: «...Заговорит Державин о России – слышишь в себе неестественную силу и как бы сам дышишь величием России».

Поскольку размышления Гоголя о том, какие характеры следует избрать для изображения в «Мертвых душах», хронологически должны быть приурочены к концу 1835 – началу 1836 г., то неудивительно, что в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (написанной в феврале – марте 1836 г.) обнаруживается настоящий «ключ» к пониманию этой стороны замысла поэмы. Именно в этой статье встречается мысль о том, что русские поэты являются наиболее полным отражением черт народного характера. А это значит, что к изучению поэмы Гоголя мы имеем материал самый богатый – многочисленные его высказывания о русских писателях и, в частности, наиболее обширную из всех глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» – статью «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». По признанию Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 16 октября (н. ст.) 1846 года, эта статья была написана им «в объясненье элементов русского человека». Именно здесь писатель утверждает, что «свойства, обнаруженные нашими поэтами, есть наши народные свойства, в них только видней развившиеся». И сразу обращает на себя внимание главное. Характеристики пяти главных «строителей наших» – русских поэтов в данной статье – В А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Н. М. Языкова, Г. Р. Державина и А. С. Пушкина – отчетливо напоминают типы, выведенные в образах пяти героев-помещиков первого тома «Мертвых душ».

Так, мечтательность Манилова отзывается в «отвлеченной идеальности» Жуковского, его стремлении к незримому и таинственному. Приземленность Коробочки – в погруженности в «очаровательную прелесть осязаемой существенности» Батюшкова. Буйство Ноздрева напоминает удаль и восторг поэзии Языкова. Неуклюжее богатырство Собакевича приводит на ум «невозделанную громадную скалу» Державина и его стремление «начертать образ какого-то крепкого мужа». («...Собакевич <...> это просто державинский величавый муж!»[14]) Что же касается всеядного, мелочного стяжательства Плюшкина, то соотнести его в гоголевской статье можно ни с чем иным, как только со всеслышащим «ухом» и всеотражающим «зеркалом» пушкинской поэзии, характеристика которой здесь доселе составляет непревзойденный образец критического разбора наследия поэта. – Вот те покрытые «корой» «самоцветные камни», те опутанные «тиной мелочей» непочатые силы, которые скрывают в себе гоголевские герои. «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен, – писал Гоголь в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности». – Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из нее сделали <...> Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их...»[15]

[1] См. также ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).

[2] Подробнее см. в сопроводит. статье к т. 5 в изд.: *Гоголь 2009–2010.*

[3] См. ***1833. Августа 31. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См., в частности: ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] См. ***1833. Марта 21. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва.***

[7] О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С. Петербургского университета профессором оного *П. А. Плетневым,* 31 августа 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 5.

[8] Краткое обозрение действий и состояния Императорского С. Петербургского Университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832–1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного *Бутырским* // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1834. № 1. С. 56, 58).

[9] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[10] О народности в Литературе. Рассуждение, читанное... *П. А. Плетневым...* С. 21.

[11] В своей речи Плетнев почему-то не назвал А. С. Пушкина. Первым, кто восполнил это упущение Плетнева, был именно Гоголь, который в 1834 г. (см. ***1834. Июль. Санкт-Петербург***) подчеркнул глубокую народность Пушкина: «Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа». Само по себе это определение Гоголем «истинной

национальности» поэта ничего оригинального не представляло. Такое же представление о народности применительно к пушкинской поэзии высказывали ранее, во второй половине 1820-х гг., Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, Кс. А. Полевой, М. А. Максимович, И. В. Киреевский (см.: *Трубицын Н. Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). СПб., 1912. С. 413–416; <*Киреевский И. В.*> 9.11. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 193–196; ***1828. Марта 24. Великая суббота. Москва***). Достаточно привести высказывание Веневитинова 1825 г.: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. <...> но в самих чувствах Поэта...» (<*Веневитинов Д. В.*> – ъ. Ответ Г. Полевому // Сын Отечества. 1825. Ч. 103. № 19 / Прибавление к Сыну Отечества. <№ I>. С. 38). Принципиальная новизна Гоголя заключалась в «актуальности» такой постановки вопроса, в приложении мысли о народности поэзии Пушкина к «текущему моменту».

[12] О народности в Литературе. Рассуждение, читанное... *П. А. Плетневым*... С. 26.

[13] Там же. С. 25.

[14] <*Феодор (Бухарев А. М.), архимандрит*>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. С. 88.

[15] О замысле «Мертвых душ» см. также: ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца***.

ФЕВРАЛЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. А. Максимовичу извещает о получении от него, через князя В. Ф. Одоевского, двух писем, от 26 января[1] и 8 февраля[2]:

«В одном письме ты пишешь за Киев. Я думаю ехать. Дела, кажется, мои идут на лад. Но вот что скверно: министр <С. С. Уваров> не соглашается на твое желание: как, дискать, тебя сделать профессором словесности в Киеве, когда ты недавно сделан ординарным ботаником. Такой перелом чрезвычайно кажется странен, и он и слышать не хочет. А между тем Брадкае очень нуждается в профессоре словесности. Я думаю вот что: не мешает тебе написать обстоятельно к Брадке[3], что ты, дискать, недомогаешь страшно в московском климате, что тебе потребно и проч. Бери кафедру ботаники или зоологии. А так как профессора словесности нет, то ты можешь занять на время и его кафедру. А там, по праву давности, ее отжилить, а от ботаники отказаться».

Уговаривает Максимовича ехать в Киев:

«Типография будет под боком. <...> А воздух! а гливы! а рогиз! а соняшники! а паслин! а цыбуля! а *вино хлебное*, как говорит приятель наш Ушаков. Тополи, груши, яблони, сливы, морели, дерен, вареники, борщ, лопух!.. Это просто роскошь! Это один только город у нас, в котором как-то пристало быть келье ученого».

Сообщает, что «до сих пор нигде» не может достать «Запорожской Старины» И. И. Срезневского[4] и что книги «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» в Петербурге тоже «нигде» нет, тогда как его экземпляр «замотал один задушевный приятель» (А. С. Пушкин)[5]. На вопрос о работе над историей Малороссии и на просьбу прислать песни отвечает:

«Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах. Песень я тебе с большою охотою прислал <бы>, но у меня их ужасная путаница. Незнакомых тебе, может быть, будет не более ста, зато известных верно около тысячи, из которых большую часть мне теперь нельзя посылать. Если бы ты прислал свой список с находящихся у тебя, тогда бы я знал, какие тебе нужны, и прочие бы выправил с моими списками и послал бы тебе».

[1] См. ***1834. Января 26. Пятница. Москва***.

[2] См. ***1834. Февраля 8. Четверг. Москва***.

[3] Е. Ф. фон Брадке, попечитель Киевского учебного округа.

[4] Имеются в виду первая часть издания (в двух книгах): *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 1 (цензурное разрешение 19 мая); Ч. 1. Кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа).

[5] См. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

ФЕВРАЛЯ 16. ПЯТНИЦА. ХАРЬКОВ

И. И. Срезневский, откликаясь на газетное объявление Гоголя «Об издании Истории Малороссийских казаков»[1], пишет Гоголю письмо в Петербург, предлагая помощь в работе:

«И я, в числе, вероятно, многого множества других, читавших № <34> Северной Пчелы, был сердечно обрадован известием, что тот самый Писатель, который столь мило, столь искусно забавлял многочисленных читателей поэтическими рассказами об Украине под именем Рудаго Панка, хочет подарить Украинцев и трудом важным, — трудом, в котором, действительно, передается наша историческая литература — Историей Козаков войска Запорожского. Дай Бог, чтобы эта История появилась как можно скорее... <...> ...Материалы для Вашей Истории и моей Старины — одни и те же, с тою разницею, что сии материалы в моем издании останутся по-прежнему материалами или сводом материалов, а в Вашей Истории преобразуются в стройное целое. <...> ...Соперничества с моей стороны быть не может — по причине и разности направления труда Вашего и моего и моего образа мыслей. Можете быть вполне уверены, что, со всею возможною полнотою и усердием, буду исполнять все Ваши требования, отвечать на все Ваши запросы и пр.»

Измаил Иванович Срезневский (1812–1880), филолог-славист. Заочное знакомство Гоголя с Срезневским началось с настоящего письма. Спустя несколько месяцев, в ноябре 1834 г., незадолго до выхода в свет «Миргорода» и «Арабесок», в газете «Северная Пчела» было опубликовано извещение И. И. Срезневского о том, что читатели, подписавшиеся на первую часть «Запорожской Старины» «в непродолжительном времени получат в добавок к трем книжкам этой части издания... книжку первую *литературных прибавлений*». В числе произведений других авторов здесь были обещаны повести «Рудаго Панька» (издание не состоялось)[2]. Очное знакомство Гоголя и Срезневского состоялось в 1839 г., когда Срезневский, отправляясь в путешествие по славянским землям, несколько дней провел в Москве. Согласно письму И. И. Срезневского к матери от 15–16 октября 1839 г., 10 октября 1839 г. Гоголь посетил Срезневского вместе с актером М. С. Щепкиным[3]. По словам Срезневского, на вечере говорили «всё о Малороссии», читали украинские песни, баллады и думы. Однако почти в то же время Срезневский, по свидетельству В. Г. Белинского в письме к В. П. Боткину из Петербурга от 22 ноября 1839 г.[4], неожиданно критически отозвался о «Тарасе Бульбе» (отзыв этот был тем более неожиданен, что при создании повести Гоголь широко пользовался изданием Срезневского «Запорожская Старина»; Харьков, 1833. Ч. 1. <Кн. 1–2>; 1834. Ч. 1. Кн. 3; Ч. 2. <Кн. 1>; 1835. Ч. 2. Кн. 2; 1838. Ч. 2. Кн. 3). Позднее сын Срезневского, Всеволод Измайлович, публикуя переписку Гоголя с его отцом 1834–1835 гг., писал: «Знакомые с личностью И. И. Срезневского, знакомые с его несочувственными взглядами, как на самого Гоголя, так и на его литературную деятельность[5], вероятно, удивятся, прочитав печатаемые здесь их дружеские, радушные письма»[6].

[1] См. ***1834. Января 29. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Ноября 15. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

[4] См. ***1839. Ноября 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. также ***1848. Сентября 18. Суббота — октября 9. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[6] *Срезневский В. И.* Н. В. Гоголь в переписке с И. И. Срезневским в 1834–1835 гг. // Русская Старина. 1892. № 3. С. 751.

ФЕВРАЛЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет сыну письмо в Петербург.

См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***

МЕЖДУ ЯНВАРЯ 31 – ФЕВРАЛЯ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголем и редактором журнала «Библиотека для Чтения» О. И. Сенковским вносятся авторские и корректорские исправления в «главу из романа» «Кровавый бандурист» Гоголя, которая, в числе произведений других авторов, готовится для публикации во втором томе журнала (цензурное разрешение 31 января 1834 г.; цензор А. В. Никитенко[1]).

«В правом верхнем углу начальной страницы <корректуры “Кровавого бандуриста”> рукою редактора “Библиотеки” – О. И. Сенковского – сделана отметка следующего содержания: “Поставив пробелы и абзацы, перейдет строк десяток на 12-ю страницу. Нельзя ли, чтобы автор прибавил в конце еще строк десяток или пятнадцать, а то никак не выходят листы в наборе”. В левом верхнем углу той же страницы сохранилась пометка, очевидно, метранпажа – (*Г. Автору*). Широкие поля оттиска, отражая стилистические и корректурные недочеты печатного текста, использованы для всякого рода исправлений, причем характерный почерк Гоголя позволяет легко отделить здесь поправки авторские от технических ремарок редактора»[2].

[1] См. ***1834. Февраля 20. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] *Оксман Ю.* Кровавый Бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 354.

ФЕВРАЛЯ 20. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. И. Греч[1] отправляет записку А. В. Никитенко:

«Сделайте милость, не позволяйте печатать в “Библиотеке для чтения” статьи “Кровавый бандурист”[2]. Эта гнусная картина противна всем цензурным уставам в мире. Мы негодуем на французскую литературу, а сами начинаем писать еще хуже. В звании редактора я исключил статью, но на меня нападают целою ватагою, утверждая, что я это делаю из зависти к таланту г. Гоголя. Помогите Вы, почтеннейший, и попросите помощи князя Михаила Александровича[3]. Все отцы семейства к вам взывают: не позволяйте гнусных картин хотя в “Библиотеке”. В целом романе пусть читают! Извините меня, что я вмешиваюсь в дело, которое касается меня не прямо. Цензура вольна делать что угодно, но я счел обязанностию обратить Ваше внимание на сей важный предмет»[4].

Письмо Греча легло в основу суждения Никитенко, высказанного им на заседании Петербургского цензурного комитета 27 февраля 1834 г.[5]

[1] Николай Иванович Греч (1787–1867), лютеранин, член нескольких петербургских масонских лож в 1810–1821 гг.; журналист, редактор «Сына Отечества» (1812–1839) и издатель (совместно с Ф. В. Булгариным) «Северной Пчелы»; автор и составитель книг: «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (СПб., 1819–1822. Ч. 1–4; 2-е изд., испр. – СПб., 1830; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания); «Практическая русская грамматика» (СПб., 1827); «Пространная русская грамматика« (СПб., 1827; см. ***1824. Июня 16–19. Понедельник-четверг. Нежин*** – примечания); «Начальные правила русской грамматики» (СПб., 1828); один из редакторов «Библиотеки для Чтения», начавшей выходить с января 1834 г. и положившей начало «торговому направлению» в русской литературе.

[2] «Кровавый бандурист. Глава из романа», с подписью «Гоголь» и датой «1832», предназначалась для помещения в «Библиотеке для Чтения» (1834. Т. 2. Отд. 1).

[3] Князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869), попечитель Санкт-Петербургского учебного округа и председатель Цензурного комитета.

[4] Свидетельства о Гоголе Н. И. Греча // *Свод*. Т. 1. С. 767.
[5] См. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 23. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 8 «Молвы» с гоголевским «Объявлением об издании Истории Малороссии».

См. также ***1834. Января 29. Санкт-Петербург; 1834. Февраля 23. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет сыну письмо в Петербург.

См. ***1834. Марта 17. Суббота. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 27. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное запрещение «Кровавого бандуриста», предназначавшегося (с подписью «Гоголь» и датой «1832») для «Библиотеки для Чтения»[1].

А. В. Никитенко на заседании Петербургского цензурного комитета, основываясь на письме Н. И. Греча от 20 февраля 1834 г.[2], докладывал: «Прочитав статью, назначенную для напечатания в Библиотеке для чтения под названием: *Кровавый бандурист, глава из романа*, я нашел в ней как многие выражения, так и самый предмет в нравственном смысле неприличным. Это картина страданий и уничижения человеческого, написанная совершенно в духе новейшей французской школы, отвратительная, возбуждающая не сострадание и даже не ужас эстетический, а просто омерзение. Посему, имея в виду распоряжение Высшего Начальства о воспрещении новейших французских романов и повестей, я тем менее могу согласиться на пропуск русского сочинения, написанного в их тоне»[3].

По докладу Никитенко князем М. А. Дондуковым-Корсаковым было вынесено определение: «Удержать статью сию при делах и о запрещении оной уведомить прочие цензурные комитеты»[4].

По мнению Ю. Г. Оксмана, под упоминаемым Никитенко «распоряжением Высшего Начальства о воспрещении новейших французских романов и повестей» имелась в виду отрицательная оценка С. С. Уваровым европейского романтизма в его официальном циркуляре от 27 июня 1832 г. о борьбе с романтическим направлением в литературе (прежде всего переводами французских романов) — как направлением, действующим на читателя ко вреду его «морального чувства и религиозных понятий»[5].

Очевидно, Греча и Никитенко ввело в заблуждение лишь внешнее сходство гоголевского отрывка с произведениями французских романтиков (точно так же, как позднее подобное сходство породило, в частности, ошибочное мнение исследователей о «романтизме» гоголевских петербургских повестей). По замечанию П. Г. Паламарчука, «картины страданий» в «Кровавом бандуристе» были навеяны Гоголю не «новейшей французской школой», а украинскими летописями[6]. Сам Гоголь, если не считать его юношеской, написанной еще в Нежине идиллии «Ганц Кюхельгартен»[7], критично относился к европейскому романтизму и в своих произведениях прямо полемизировал, подобно Уварову, с взглядами романтиков[8]. Это относится и к «антишиллеровской» по идейному замыслу поэме «Мертвые души»[9]. Отметим, в частности, интерес, проявленный Гоголем в 1833 г. к характеристике романтизма Уваровым в связи с «антиромантической» интерпретацией последним творчества И. В. фон Гете. «...В то время, когда безверие проникло в Германию, — писал Уваров, — когда страсть к отвлеченностям поколебала основания нравственных знаний, Гете <...> бичевал грозным сарказмом их суесловие и пытливость. <...> *Фауст* <...> представляет собой <...> возвышенную сатиру на страсть немцев копаться в глубинах и пропастях таинственности <...> страсть, безумно воспитанную трансцендентальною фи-

лософиею, разрушительное действие коей ускорили позднейшие мудрования»[10]. В письме к А. С. Пушкину от 23 декабря 1833 г. Гоголь дал следующую оценку этому выступлению Уварова: «Я понял его <Уварова> еще более по тем беглым, исполненным ума замечаниям и глубоким мыслям во взгляде на жизнь Гётте».

Позднее в «Арабесках» (1835) Гоголь напечатал «отрывок» из «Кровавого бандуриста» под другим названием: «Пленник (Отрывок из исторического романа)»; и с новой датой: «1830».

[1] См. ***1834. Между января 31 – февраля 20. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Февраля 20. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] <Мнение А. В. Никитенко об отрывке Гоголя «Кровавый бандурист. Глава из романа», высказанное на заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета 27 февраля 1834 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 730.

[4] *Оксман Ю.* Кровавый бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 352.

[5] <*Стасов В. В.*> Цензура в царствование императора Николая I // Русская Старина. 1903. № 3. С. 571–572; *Оксман Ю.* Кровавый бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 352.

[6] *Паламарчук П. Г.* Примечания // Гоголь Н. В. Арабески. М., 1990. С. 420.

[7] См. ***1821. Сентября 19. Нежин***; ***1827. В течение года. Нежин***; ***1829. Июля между 21 и 26. Санкт-Петербург.***

[8] См.: *Виноградов 2000.* С. 228–232; *Виноградов И. А.* Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя // Русская литература. 1999. № 1. С. 36–44; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 84–108.

[9] См.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 99–220.

[10] Гете. Слово, произнесенное в память Гете в торжественном собрании Академии наук президентом оной, *С. С. Уваровым* // Уч. зап. Моск. ун-та. 1833. Ч. 1. № 1. С. 83, 85.

ФЕВРАЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В февральском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» напечатана статья Гоголя «План преподавания всеобщей истории».

ФЕВРАЛЬ – МАРТА НАЧАЛО. МОСКВА

Гоголь, вероятно, по инициативе М. П. Погодина, избран в действительные члены Общества любителей российской словесности при Московском университете.

См. ***1834. Марта 13. Вторник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 12 – МАРТА НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает от С. С. Уварова присланные министру И. И. Срезневским первые две книги «Запорожской Старины»[1]. Уваров передает книги Гоголю с тем, чтобы тот высказал о них свое мнение в «Журнале Министерства Народного Просвещения».

Позднее, 29 мая 1834 г., Гоголь сообщал М. А. Максимовичу: «Недавно С<ергей> С<еменович> получил от Срезневского экземпляр песней и адресовался ко мне с желанием видеть мое мне-

ние о них в Журнале Просвещения, так же как и о бывших до него изданиях – твоем[2] и Цертелева[3]. Что ж я сделал? я написал статью, только самого главного позабыл: ничего не сказал ни о тебе, ни <о> Срезневском, ни о Цертелеве. После я спохватился и хотел было прибавить и проболтаться о твоем великолепном новом издании, но опоздал: статья уже была отпечатана»[4].

1 июня 1834 г. Гоголь писал также самому Срезневскому: «Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием *О малоросс<ийских> песнях* отослал в Журнал Просвещения. Но лень проклятая одолела, и я сел на одном приступе...»

[1] См. ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Имеются в виду «Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем» (М., 1827). Выписки из этого издания имеются в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830).

[3] «Опыт собрания старинных малороссийских песней» князя Н. А. Цертелева (СПб., 1819). В журнальном тексте статьи о собраниях Максимовича и Срезневского только упомянуто в сноске; кроме того, в тексте статьи приведена цитата из книги Максимовича; в «Арабесках» о собрании Максимовича в той же сноске сказано несколько больше, а указание на Срезневского исключено; о Цертелеве вообще не было упоминания.

[4] См. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ – МАРТА НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет второго тома «Библиотеки для Чтения», в котором должна была появиться «глава из романа» «Кровавый бандурист»[1] (с подписью: Гоголь; и датой: 1832)[2].

Произведение Гоголя должно было замыкать собой в журнале первый раздел «Русская словесность», открывавшийся «Сказкой о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина, стихотворениями «Старый рыцарь» В. А. Жуковского и «Изречение Мельхиседека» К. Н. Батюшкова и др. «Кровавому бандуристу» непосредственно предшествовали повести «Пиковая дама» Пушкина (без имени автора; с подписью: Р.), «Любовь и смерть» О. И. Сенковского (под псевдонимом: Барон Брамбеус), «Отрывок из записок Иринея Модестовича Гомозейки» (князя В. Ф. Одоевского; под псевдонимом: В. Безгласный)[3] и статья П. П. Свиньина «Потомки и современники Ломоносова». На титульном листе номера «Библиотеки для Чтения», в числе других авторов журнала, как и в первом номере[4], стояло имя «Рудаго-Панько».

Позднее, по совету А. С. Пушкина, Гоголь начал работу над составлением «Истории русской критики»[5], из которой в 1836 г. в первом томе пушкинского «Современника» была напечатана статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»[6], с критикой «Библиотеки для Чтения» (статья была неодобрительно встречена Пушкиным).

В «страшнейшем фантоме» «Кровавого бандуриста» («подземном» заступнике плененной девушки) угадывается мотив возмездия, дважды встречающийся у Гоголя уже в «Ганце Кюхельгартене» (упоминание о звездах, ниспосылающих «добрым мир, а злым – яд гибельный упрека»; о «мудреце», размышляющем о том, «кому за доблести бессмертие готово, кому позор, кому венец»). Эта же тема воплощена Гоголем в «Майской ночи» в образе казака Левко (указывающего, подобно Вию, героине-утопленнице на ее «губительницу» мачеху); в сравнении воина-казака, защитника Малороссии, с «подземным гномом» в черновых набросках статьи «Взгляд на составление Малороссии»; в образе «ужасного» – для предателя Андрия – отца в «Тарасе Бульбе» (в описании также, в этой повести, «страшной казни, определенной за смертоубийство»[7]).

«Совпадение» во всех этих случаях – по «функции» – положительных героев Гоголя с образом демонического Вия связано со святоотеческим представлением о том, что наказателями преступника могут быть не только демоны, но и ангелы, – которые при этом являются для грешника не менее «ужасными» (см. Притч. 17, 11). Если для героев-грешников встреча с потусторонним миром предстает как «ужасный, черный», «зловещий», «подземный голос», то, в отличие от Хомы Брута, для старосветского Афанасия Ивановича, преданного «любви»-привычке к отшедшей подруге, – это «таинственный зов» (который в то же время пугает самого рассказчика); для казнимого за веру Остапа Бульбы – это уже желанный ответ на мольбу об укреплении духа, приносящий утешение в предсмертные минуты (заставляя, опять-таки, «вздрогнуть» «весь миллион» собравшегося на зрелище казни народа). (Сам Гоголь «имел какие-то видения» и слышал «голоса – предвестники смерти» во время тяжелой

болезни в Вене[8] и незадолго до смерти в 1852 г.[9] Слова, сказанные писателем незадолго до смерти: «Как сладко умирать»[10].) «Строки "Кровавого Бандуриста" о "черном голосе, который слышит человек перед смертью"[11], в несколько иной вариации обусловили позднее одну из заключительных страниц "Старосветских Помещиков"»[12].

[1] См. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] «Текст этот, задержанный цензором в корректуре, <...> должен был появиться в февральской книжке "Библиотеки для чтения" за 1834 год одновременно с Пушкинской "Пиковой дамой"» (*Оксман Ю.* Кровавый Бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 349).

[3] Образ городничего Ивана Трофимовича Зернушкина из повести Одоевского, по-видимому, сказался впоследствии в образе городничего Сквозника-Дмухановского в гоголевском «Ревизоре» (сквозник – сорт чая): «Иван Трофимович очень любил чай, и даже был в нем большей знаток. По сей-то причине он часто хаживал по лавкам собирать у купцов чайные пробочки... <...> ...Которого чай он похвалит, тот купец и несет ему гостинец. <...> Не то, чтобы это можно было назвать взяткою! Наши Реженские лавочники так любили Ивана Трофимовича, что носили к нему все из чести» (*<Одоевский В. Ф., князь> Безгласный В.* Отрывок из записок Иринея Модестовича Гомозейки // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 2. С. 194–195). См. также ***1836. Апрель 28. Вторник. Москва.***

[4] См. ***1834. Января начало. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1834. Апреля не позднее 7. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1663. Июня 18. Четверг. Нежин*** (примечания).

[8] См. ***1840. Августа вторая половина – конец <августа начало – средина>. Вена.***

[9] См. ***1852. Февраля в ночь с 8 на 9. С пятницы на субботу масленицы. Москва.***

[10] См. ***1852. Февраля 19. Вторник второй недели Великого Поста. Москва.***

[11] См. также ***1834. Август. Санкт-Петербург*** (примечания).

[12] *Оксман Ю.* Кровавый Бандурист (запрещенные страницы Гоголя) // Литературный музеум. (Цензурные материалы 1-го Отд<еления> IV секции Государственного Архивного Фонда). Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пг., <1921>. Вып. I. С. 351.

МАРТА 2. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает[1] письмо И. И. Срезневского из Харькова от 16 февраля 1834 г.[2]

[1] См. ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Февраля 16. Пятница. Харьков.***

МАРТА 6. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет в Харьков ответное[1] письмо к И. И. Срезневскому; благодарит за «готовность помогать» в его «труде» (написании истории Малороссии). Очерчивает круг известных ему источников по украинской истории[2], указывает на важное значение в этом отношении народных песен:

«Я уверен, что в образе мыслей не встречусь с другими, денежной прибыли от нее не ищу – стало быть у меня нет соперников! Вы уже сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины. – Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять были мне известны прежде, прочие были для меня все – новость! Я к нашим летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями. Народ, которого вся жизнь состояла из движений, которого невольно (если бы он даже был совершенно недеятелен от природы) соседи, положение земли, опасность бытия выводили на дела и подвиги, этот народ...

Я недоволен польскими историками[3], они очень мало говорят об этих подвигах; впрочем они могли знать хорошо только со времени унии, но и там ни одного летописца с нечерствою душою, мыслями. Если бы крымцы и турки имели литературу, я бы был уверен, что ни одного самостоятельного тогда народа в Европе не была бы так интересна история, как козаков. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Конис<с>кий[4], который выхватил хоть горсть преданий и знал о чем он пишет[5]. Но все другие так пусты, так бесцветны! и вместо того, чтобы дослушиваться к умирающему голосу последних воспоминаний, они обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий. Если бы наш край не имел такого богатства песень — я бы никогда не писал Истории его, потому что я не постигнул бы и не имел понятия о прошедшем, или История моя была бы совершенно не то, что я думаю с нею сделать теперь. Эти-то песни заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору. Я имел случай многие перечесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать. Из означенных вами в Запорожской Старине мне неизвестны две: Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. Заглавие этой рукописи мне показалось незнакомым. Уведомите меня, имеется ли в ней что-нибудь новое против летописей Кониского, Шафонского, Ригельмана[6]? если на мое счастье в ней окажется новое, то я буду надеяться на снихождение ваше и попрошу вас отдать ее теперь же понемногу переписывать. Мне хочется иметь ее всю, тогда я могу в ней отыскать может быть другими незамеченное или не казавшееся важным, что случалось со мною довольно часто. Я очень знаю, что [наши летописи под теми же именами] наши списки летописей иногда между собою разнят: у одних выпущено что-нибудь и у других прибавлено. Иногда одна прибавка стоит всей летописи. Потому-то я имею и стараюсь иметь по нескольку списков. Для этого-то я и не означал, какие находятся у меня материалы, зная, что тогда я не получу многих списков. Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бандыш-Каменский[7]. Песен я знаю и имею много. Около 150 песен я отдал прошлый год Максимовичу[8], совершенно ему неизвестных. После того я приобрел еще около 150. У Максимовича теперь уже 1200. Но я бьюсь об чем угодно, что теперь же еще можно сыскать в каждом хуторе, подальше от большой дороги и разврата, десятка два неизвестных другому хутору. Если я управлюсь с моими делами, то, может быть, летом буду в Малороссию и буду благодарить вас, может быть, лично за ваше радушие и готовность. А между тем ожидаю с нетерпением страшным выхода в свет вашей Старины 3 и 4 книжки»[9].

[1] См. ***1834. Марта 2. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

[3] В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина Гоголь, в частности, обратил внимание на отрывки из «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» М. Стрыйковского (см. коммент. к статье «Взгляд на составление Малороссии» и к <Наброскам к статье «Взгляд на составление Малороссии»> в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7).

[4] Имеется в виду «История Русов, или Малой России», приписывавшаяся святителю Георгию (Конисскому), архиепископу Могилевскуму и Белорусскому. Составленная в конце XVIII или начале XIX в., она была впервые опубликована в 1846 г., однако задолго до этого получила широкую известность благодаря многочисленным спискам. Гоголь, вероятно, познакомился с «Историей Русов» в 1831 г. через А. С. Пушкина (*Гоголь 1937–1952.* Т. 3. С. 715) или через М. А. Максимовича (*Машинский 1940.* С. 99). «Историей Русов» Гоголь пользовался при создании «Тараса Бульбы» (см. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** — примечания; *Гоголь 2009*; а также коммент. к т. 2 в изд.: *Гоголь 2009–2010*).

[5] См. также ***1834. Июня 1. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] Имеется в виду краткое географическое и историческое описание Малой России А. Ф. Шафонского (опубл. 1851), «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще...» А. И. Ригельмана (опубл. 1847).

[7] Имеется в виду «История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1822. Т. 1–4; 2-е изд. — СПб., 1830. Т. 1–3).

[8] См. ***1833. Февраль-апрель. Санкт-Петербург.***

[9] Имеются в виду третья книга первой части издания и первая книга второй: *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 1. Кн. 3 (цензурное разрешение 25 мая); Ч. 2. Кн. 1 (цензурное разрешение 2 октября). – См. также ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАРТА 7. СРЕДА. МОСКВА

М. А. Максимович отправляет Гоголю в Петербург письмо и свою двухтомную рукописную копию собрания народных песен З. Я. Доленги-Ходаковского (этими двумя томами сам Максимович незадолго перед тем пользовался в работе над изданием «Украинские народные песни»).

Перед отправлением рукописи Гоголю Максимович на внутренней стороне верхних крышек переплета обоих томов собрания надписал: «Книгу сию по прочтении следует возвратить М. Максимовичу. 1834, марта 7. Москва».

Красильников С. А. Источники собрания украинских песен Гоголя // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 392, 395.

МАРТА 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МАСЛЕНАЯ НЕДЕЛЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«...Учителю истории 14 класса[1] Гоголь-Яновскому пожалован от Ее Величества <Императрицы Александры Феодоровны> бриллиантовый перстень...»[2]

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «...В награду отличных трудов он был пожалован от Е я В е л и ч е с т в а, 9 марта 1834 года, брильянтовым перстнем»[3].

В тот же день Гоголь в ответном[4] письме к матери в Васильевку сообщал, что только что получил ее письмо. В связи с хлопотами матери по кожевенной и сапожной фабрике замечал:

«Очень рад, что вы надеетесь получить выгоду от фабрики. Дай Бог, чтобы всё пошло хорошо, в чем я и не сумневаюсь. <...> Правили ли вы молебен об успешном ходе фабрики? Если нет, то поручите отцу Ивану[5] отправить молебен, чтобы все дела ваши шли хорошо, а равным образом, чтоб и мои пошли таким чередом, как я думаю. <...> ...Я <...> имею в виду доставить фабриканту самую выгодную работу. Я вам после напишу об этом подробнее. Теперь я вам советую обращать наиболее внимание на то, чтобы работников как можно более было из своих людей, нежели из нанятых, чтобы исподволь приучать и занимать всех мальчишек, даже девочек, и всё, что ни есть из мелкого народа. Работа и сбыт будут. Я нарочно сделал для этого сношения и знакомства со многими нужными людьми»[6].

Мать Гоголя вспоминала: «Они <фабриканты, с которыми познакомился Гоголь> сказали, чтобы доставить на фабрику такую работу и разных ремешков в промежутки той работы, что могут и малолетние дети работать. Нанято было сапожников 25 человек, как подскочил страшный голод, <...> а между тем фабрикант наш <...>, набравши несколько сотен сапогов, поехал продавать <...> и, получа деньги, <...> со своими знакомыми пропил»[7].

Далее Гоголь писал, что в Ревель[8] уже не едет и что надеется приехать «чрез четыре месяца» в Васильевку, благодарил мать и сестру Марию за песни, передавал поклоны сестре и зятю П. О. Трушковскому.

[1] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Список лицам и учителям при Патриотическом институте, удостоенным наград по случаю бывшего в нынешнем 1834 году <шестого> выпуска из сего заведения окончивших воспитание девиц / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте // *Свод.* Т. 1. С. 740.

[3] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329. – См. также ***1833. Декабря после 20. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1834. Февраля 18. Воскресенье. Васильевка.***

[5] Священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Васильевке (см. также ***1825. Марта между 9 и 14. Кибинцы***).

[6] См. ***1834. Февраля 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[8] См. ***1833. Декабря 20. Среда. Санкт-Петербург.***

МАРТА 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В письме к М. А. Максимовичу в Москву Гоголь вновь уговаривает его переехать в Киев:

«...Я почти что не на выезде уже. Что ж, едешь или нет? влюбился же в эту старую толстую бабу Москву, от которой, кроме щей да матерщины, ничего не услышишь. Слушай: ведь ты посуди сам по чистой совести, каково мне одному быть в Киеве. <...> Песни нам нужно издать непременно в Киеве. Соединившись вместе, мы такое удерем издание, какого еще никогда ни у кого не было».

Несмотря на намерение осуществить в Киеве это совместное издание, еще раз напоминает о присылке «обещанных песен».

См. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

МАРТА 13. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь благодарит М. П. Погодина за принятие его в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете[1]:

«При <...> вашем письме я получил <...> прибавление <...> о венчании меня, недостойного, в члены Общества любителей слова... <...> Приношу вам чувствительную благодарность, почтеннейший секретарь общества, Михаил Петрович... <...> Но, увы! вы избрали самого негодного члена, который даже не может ничего прислать вам... <...> ...Болезнь, которая приколотила меня <...> к кровати ровно на две недели, отняла всякую к тому возможность. Скажи Надеждину, что эта же самая причина помешала мне прислать обещанный ему отрывок из истории[2]. <...> Выговоры ваши за объявление[3] имел тоже честь получить. Это правда, я писал его, совершенно не раздумавши. Впрочем, охота тебе вступаться за Бандыша[4]! ведь он <......> и замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи[5]. Где ты летом будешь жить? Могу ли я тебя застать в Москве? <...> Популярная история твоя[6] скоро выйдет?»

[1] См. ***1834. Февраль – марта начало. Москва.***

[2] Гоголь, по-видимому, обещал для помещения в «Телескопе» Н. И. Надеждина отрывок из задуманной «Истории Малороссии». Опубликовать этот отрывок он предпочел в «Журнале Министерства Народного Просвещения» С. С. Уварова (см. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург***).

[3] См. ***1834. Января 29. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Февраля 10. Суббота. Москва***; ***1834. Февраля 23. Пятница. Москва.***

[4] Д. Н. Бантыш-Каменский.

[5] Речь, возможно, идет о «материалах и рукописях» директора Нежинской гимназии И. С. Орлая (см. ***1596. Октября 6–10. Брест*** – примечания; ***1711. Август. Лагерь в местечке Самара (на р. Самаре, притоке Днепра)*** – примечания).

[6] Вероятно, имеется в виду книга М. П. Погодина «Начертание русской истории для училищ» (М., 1835). Отзыв Гоголя об этой книге содержится в письме к М. П. Погодину от 18 января 1836 г. (см. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***).

МАРТА СРЕДИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Приезд в Петербург И. С. Данилевского, окончившего в июне 1833 г. нежинскую гимназию[1]. Иван Данилевский поселился у брата А. С. Данилевского.

В «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) сохранилось стихотворение И. С. Данилевского, относящееся к тому времени, когда тот учился в Гимназии высших наук в Нежине:

«Чем доказать тебе любовь
Свою, во веки неизменну,
Чем взволновать застывшу кровь
Твою, ничем не поврежденну?
Скажи, небесной ангел мой,
Скажи, я брат родимый твой.

Иван Дан-левск.

1828го октября 1го.
Город Нежин»[2].

Стихотворение сопровождено дарственной надписью на отдельном листе: «Настасии Семеновне Гже Слатиной в знак полнейшего усердия подарил Иван Дан-лев. 1828 года».

[1] См. ***1834. Февраля 10. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 17. Суббота. Санкт-Петербург***.
[2] *РГБ*. Ф. 74. К. 9. Ед. хр. 11. Л. 1.

МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – АВГУСТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Аукционная продажа коллекции Русского Музеума «отечественных древностей» П. П. Свиньина[1].

Настоящий аукцион нашел отражение в повести Гоголя «Портрет» (1834), а также в первом томе «Мертвых душ». Вторая часть «Портрета» начинается с упоминания о том, как «множество карет, дрожек и колясок стояло перед подъездом дома, в котором производилась аукционная продажа вещей одного из тех богатых любителей искусств, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные в зефиры и амуры, которые невинно прослыли меценатами и простодушно издержали для этого миллионы, накопленные их основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами». Перечисление вещей аукционной продажи, «набросанных горою на полу», предваряет в «Портрете» рассказ о ростовщике Петромихали (имя ростовщика в первой редакции, содержащее намек на Петра I – *Петра Михайлова* в его заграничной поездке), а содержимое кладовых Петромихали, где «кучами были набросаны <...> вазы, всякий хлам, даже мебели <...> старое негодное белье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги», прямо напоминает заваленную хламом комнату «скряги» Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ», – который в свою очередь имеет с ростовщиком «Портрета» несколько общих черт. В одной из черновых редакций сохранился отрывок из описания имения Плюшкина, также позволяющий предполагать, что в его основу были положены впечатления Гоголя от аукционной продажи Русского музея Свиньина: «Изб было столько, что не перечесть. Они были такое старье и ветхость, что можно было дивиться, как они не попали в тот музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торга, вместе с вещами, принадлежавшими Петру Первому, на кото-

рые, однако ж, покупатели глядели сомнительно». (В собрании Свиньина, действительно, были вещи, якобы принадлежавшие Петру I: «Трюмо из орехового дерева с барельефами, превосходной отделки. Бесценное произведение державных рук Петра Великого»; «Ковш, жалованный Петром I Комиссару Жукову»; «Инструмент от токарного станка Петра Великого». Хранилась здесь даже «вывеска первого питейного дома в Петербурге, бывшего на Выборгской стороне подле Дворца Петра I-го. Посредине сей вывески портрет Его Величества, а по краям арабески с разными аллегорическими надписями»[2].) О сомнительной принадлежности Петру I вещей из музея Свиньина В. М. Строев писал в «Северной Пчеле»: «Я с нетерпением ожидал продажи тех редкостей, коих историческая достоверность подвержена сомнению. Что делать с XIX веком? Избаловался до крайности; ничему не верит на слово <...> Где найти доказательств? Их нет, милостивые государи, а *на нет и суда нет!* <...> Покупайте вещи под теми именами, какими их окрестили в Русском Музеуме...»[3]

[1] Историю распродажи этого музея см.: *Модзалевский Б. Л.* Объяснительные примечания к Дневнику Пушкина // Дневник Пушкина. 1833–1835. М.; Пг., 1923. С. 147–150. – См. также ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

[2] Краткая опись предметов, составляющих Русский Музеум Павла Свиньина. 1829 года. СПб., 1829. С. 19, 32, 138; см. также: Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей П<авла> С<виньина>. 1829 года // Отечественные Записки. 1829. Ч. 38. Июнь. № 110. С. 331, 344; Ч. 39. Июль. № 111. С. 77; *М. Р.* Санктпетербургские Ведомости. 1834. 15 марта, № 61. С. 235–236.

[3] *В. В. В.* <*Строев В. М.*> Продажа Русского Музеума // Северная Пчела. 1834. 17 апр., № 87. С.346.

МАРТА 17. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Письмо ваше от 26 февраля[1] я получил чрез Ивана Данилевского[2]. О здоровье моем не беспокойтесь: я еще не так нездоров, чтобы мне не можно было жить здесь. В прошлом месяце я чувствовал себя немного нездоровым, но в это время весь город был почти болен кашлем и прочими принадлежностями простуды. Теперь же я опять здоров».

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Однажды брат Александра Семеновича Данилевского, Иван Семенович, собирался надолго переехать в Петербург. Гоголь писал матери, чтобы она отсоветовала болезненному Данилевскому настаивать на своей мечте, ссылаясь на дурное влияние на непривычность петербургского климата, причем приводил в пример самого себя[3]. Марья Ивановна, безумно любившая сына и смотревшая, так сказать, в микроскоп, когда обсуждала какие-либо касавшиеся его неприятности, требовала, чтобы Гоголь немедленно ехал в деревню. Тогда пришлось ее успокоивать и писать[4], что "весь город болен кашлем и прочими принадлежностями простуды"»[5];

«Покойный А. С. Данилевский говорил мне, что его брата, кроме Гоголя, очень многие отговаривали от приезда в Петербург в виду его крайне слабого здоровья, но он приехал-таки»[6].

Предупреждает мать не слишком предаваться надеждам на прибыль от кожевенной и сапожной фабрики:

«...Разве этого не может случиться, что фабрикант, взявши деньги, вдруг вздумает улизнуть[7], что тогда? Искать его — напрасный труд, потому что сама полиция за 500 рублей укажет ему дорогу, куда бежать. <...> ...Кто знает людей? Как многие из них долго могут носить личину и казаться совершенно не тем, чем они есть на самом деле. Но что тогда будет, если это случится? Вы должны будете отвечать всем имением вашим: казна в этом случае никакой не может иметь отсрочки. <...> Не лучше ли вам держать деньги у себя и не все вдруг выдавать фабриканту, но по мере надобности. Ведь ему не все же восемь тысяч возить с собою на каждую ярманку. <...> Я тоже почитаю излишним говорить об этом много соседям. Это, несмотря на всё доброжелательство видимое, всегда возбуждает зависть; а зависть нечувствительно ведет за собою ненависть, и вы вдруг приобретете себе недоброжелателей. Кроме того, это возбудит в других жадность <...>; они будут стараться всячески сманивать фабриканта, предлагать ему выгоднее условия, которых хотя они и не в состоянии будут

выполнить, но которые вскружат ему голову. Он будет самонадеяннее, приобретет самоуверенность и наглость, беспрестанно увеличивающиеся требования и будет манкировать своим делом, зная, что не вы ему, а он вам нужен. Вы скажете: он совершенно не такой человек; он истинно добрый и совестный, и привязанный. Так! покаместь беден, покаместь успех не сделал его дерзким! Сколько есть людей, которые, покамест были малы и незначительны, были добродетельнее ангелов, но как только приобретали богатство и имя, вдруг становились совершенно другими. <...> ...Вся ваша фабрика держится на одном человеке. Умри он и фабрика ваша лопнула: работники у вас нанятые, своих мастеров еще нет; стало быть, без него невольно она должна расстроиться. Вот почему я советовал вам[8], чтобы сначала не давать большого размера фабрике, но стараться понемногу прежде обучить собственных несколько человек... <...> Нанятые сегодня здесь, завтра Бог знает где; свои же всегда остаются дома. Я уже не говорю о том, что нанятые мастеровые всегда приносят с собою разврат, часто разные заразительные болезни в деревню».

[1] См. ***1834. Февраля 26. Понедельник. Васильевка.***

[2] См. ***1834. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1834. Февраля 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] Письмо от 17 марта 1834 г. из Петербурга.

[5] А. С. Данилевский об отношениях к Гоголю его матери. Фрагменты из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 496.

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 514.

[7] Опасение Гоголя оказалось не напрасным (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***).

[8] См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 25 лет.

МАРТА 22. ЧЕТВЕРГ

Н. М. Языков пишет М. П. Погодину:

«У нас есть нечто для Гоголя — по истории Малороссии, собираемся ему доставить».

Из писем Н. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 142.

МАРТА 25. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК БЛАГОВЕЩЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В связи с провозглашенным министром народного просведения С. С. Уваровым курсом на укрепление начал Православия, Самодержавия и Народности[1] издан Высочайше утвержденный указ «О воспрещении принимать иностранцев обоего пола без надлежащих свидетельств в дома Дворян, Чиновников и купцов, в учительские, наставнические и гувернерские звания»[2].

Вскоре, 1 июля 1834 г., было издано также Высочайше утвержденное «Положение о домашних наставниках и учителях»[3].

В прямой связи с этим находится ироническое упоминание у Гоголя в повести «Невский проспект» о «гувернерах всех наций», «английских Джонсах и французских Коках», гуляющих с своими питомцами по Невскому проспекту[4].

[1] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).
[2] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. LXXI–LXXIII.
[3] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 8. С. XVII–XXXVI. – См. также: <*Уваров С. С.*> Замечания Французских газет касательно распоряжения Русского Правительства о частных Пансионах // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. 138–145.
[4] См. также ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

МАРТА 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, получив из Москвы письмо М. А. Максимовича (от 7 марта[1]), с вложением начальных страниц корректуры сборника «Украинские народные песни», в ответном письме сообщает, что дело приятеля о переводе в Киевский университет, несмотря на ходатайства князя П. А. Вяземского и В. А. Жуковского, «не клеится»; просит приехать и похлопотать его самого, обещает поддержку Вяземского, Жуковского и А. С. Пушкина.

Остальную часть письма посвящает песням, в частности, обсуждению печатаемой Максимовичем книги:

«Поговорим об объявлении твоем[2]: зачем ты делишь свое собрание на гулливые, козацкие и любовные? Разве козацкие не гулливые и гулливые не все ли козацкие. Впрочем, я не знаю настоящего значения твоего слова: козацкие.

Разве нет таких песней, у которых одна половина любовная, а другая гулливая. По мне, разделения не нужно в песнях. Чем больше разнообразия, тем лучше. Я люблю вдруг возле одной песни встретить другую, совершенно противного содержания. Мне кажется, что песни должно разделить на два разряда: в первом должны поместиться все твои три первые отделения, во втором – обрядные. Много же, если на три разряда: 1-й – исторические, 2-й – все, выражающие различные оттенки народного духа, и 3<-й> – обрядные. Впрочем, как бы то ни было, разделение вещь последняя».

Сообщает, что готов писать комментарии к публикуемым песням, однако не имеет даже их «списка». В ответ на извещение Максимовича о посылке песен (имеется в виду рукописная копия собрания З. Я. Доленги-Ходаковского в двух томах), с сожалением сообщает, что до сих пор их не получал:

«А я справлялся около недели в почтамте и у Смирдина, нет ли посылки ко мне... <...> Ты, нечего сказать, мастер надувать. <...> ... Заставил разинуть рот, а вареника и не всунул».

На новую просьбу Максимовича прислать ему сборник «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego», снова[3] замечает:

«Вацлав, я тебе говорил, что отжилен у меня совершенно безбожно одним молодцом, взявшим на два часа и улизнувшим, как я узнал, совершенно из города».

[1] См. ***1834. Марта 7. Среда. Москва.***
[2] Судя из дальнейших слов Гоголя, «объявлением» он называет присланный ему М. А. Максимовичем отдельный типографский лист (лист, включающий в себя несколько страниц) с «Предисловием» к сборнику «Украинские народные песни» (М., 1834; цензурное разрешение 23 марта), в котором содержится классификация народных песен (с. III–VII). См. также ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург.***

В «Предисловии» М. А. Максимович, в частности, писал: «Это <песни> надгробные памятники и вместе живые свидетели отжившей старины <...> События казацкой жизни отливались в звонкие песни, а потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии» (*Максимович М.* Предисловие // Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. IV–V). Очевидной реминисценцией этих строк Максимовича являются слова Гоголя в статье «О малороссийских песнях», напечатанной в 1834 г. в апрельском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «Это <песни> народная история, живая, яркая, исполненная красок, истины, обнажающая всю жизнь народа <...> Они – надгробный памятник былого, более нежели надгробный памятник: камень с красноречивым рельефом, с историческою надписью – ничто против этой живой, говорящей, звучащей о прошедшем летописи».

[3] См. ***1834. Февраля 12. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАРТА 28. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает от М. А. Максимовича из Москвы письмо с списком песни о Д. Нечае («Ой з темного лису, лису, из Чорного гаю...»).

См. ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 29. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. А. Максимовичу в Москву сообщает о получении от него накануне, «вместо обещанных каких-то книг»[1], песни о Нечае[2] («Ой з темного лису, лису, из Чорного гаю...»). Посылает ему другой список той же песни («В чыстым полу, пры тыхым Дунаю...») (из сборника «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego»[3]):

«Посылаю тебе за Нечая другой список Нечая, который списан из галичского собрания. Видно, как много она терпела изменений. Каневский переменен на Потоцкого[4]; даже самые обстоятельства в описании другие, исключая главного».

Еще один вариант песни сохранился в гоголевском сборнике <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая>[5], – *189. Ой, из<-за> горы, та з за крутой, ой, из горы висти...*[6] Песня была одной из любимых Гоголем[7].

Обсуждает обстоятельства предполагаемого совместного переезда в Киев:

«Что ты пишешь про Цыха[8]? разве есть какое-нибудь официальное об этом известие? Министр[9] мне обещал непременно это место и требовал даже, чтоб я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя впрочем, что через год непременно сделают ординарным; и признаюсь, я сижу затем только еще здесь, чтобы как-нибудь выработать себе на подъем и разделаться кое с какими здешними обстоятельствами. Эй, не зевай! садись скорее в дилижанс! Без твоего присутствия[10] ничего не будет».

В 1854 г. И. Г. Кулжинский сообщал о Гоголе: «В 1834 году его пригласили адъюнкт-профессором Истории в Киевский Университет, но он отказался... потому что приглашали не прямо в ординарные профессоры! – Вот что я слышал от лица, уполномоченного пригласить Гоголя адъюнктом в Киев. Зимою 1834 года в Министерстве приготовляли устав и штаты для Университета Св. Владимира и заботились о приискании наставников. Воспитанники профессорского института тогда еще не возвратились из ученого путешествия по Европе, – нужно было запастись домашними средствами. Для всех кафедр были уже в виду достойные кандидаты, только для Русской Истории не было человека. Начальство само вспомнило о Гоголе, и предложило лицу уполномоченному познакомиться с ним и пригласить его на кафедру адъюнктом. Гоголю тогда было 26 лет. Пришедши к лицу, пригласившему его, он с первого слова очаровал его своим умным и красноречивым разговором. К концу

беседы Гоголю было объявлено, чтоб он принес свои документы и прошение. – Чрез несколько дней Гоголь опять явился, опять очаровал своим разговором, но ни документов, ни просьбы не принес. Когда ему за третьим разом напомнили об этом, он не без некоторого замешательства вынул из бокового кармана и подал свой аттестат об окончании курса гимназии высших наук с правом на чин XIV класса и прошение об определении его ординарным профессором!

– Знаете ли что? – отвечали ему, – вас нельзя вдруг определить ординарным при этом аттестате; согласитесь сперва в адъюнкты.

Гоголь долго упрямился, не соглашался; дело дошло до Министра, который и с своей стороны приказал объявить молодому писателю, что он охотно определит его адъюнктом. – Но Гоголь не согласился и дело расстроил. – Не далее года после того он поступил адъюнктом в Петербургский Университет»[11].

[1] Имеются в виду два тома рукописной копии собрания З. Я. Доленги-Ходаковского (см. ***1834. Марта 7. Среда. Москва***).

[2] См. ***1651. Февраля между 3 и 9. Масленица. М. Красное на Подолье.***

[3] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 370–372, 753–754.

[4] Посланный Гоголем список песни про Нечая был включен М. А. Максимовичем в его издание «Украинских народных песен» (М., 1834). Песня была приведена здесь в двух вариантах (с. 97–100), а во вводной заметке издатель упоминал о том, что в одном из имеющихся у него списков песни вместо Канёвского значится Потоцкий (см.: Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 97).

[5] См. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка.***

[6] *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 319.

[7] См.: *<XIII. Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича)>* // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 430.

[8] Владимир Францевич Цых (Цих, 1805–1837, по происхождению из Венгрии или Чехии, уроженец Харьковской губернии), воспитанник Екатеринославской гимназии и Харьковского университета, впоследствии профессор всеобщей истории и ректор университета Св. Владимира в Киеве. О знакомстве с В. Ф. Цыхом М. П. Погодин 26 октября 1833 г. записал в дневнике: «Цых» (*Погодин М. П.* Дневник. 1829–1840 // *РГБ.* Ф. 231. Разд. I. К. 32. Ед. хр. 1).

[9] С. С. Уваров.

[10] См. также ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[11] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 427.

АПРЕЛЯ 4. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к М. П. Погодину сообщает, что в Москве надеется быть «не раньше июня или мая последних чисел». Извиняется за краткость письма:

«Натурально, если хорошенько подумать, то, конечно, нельзя сказать, чтобы, как говорят, не набралось предметов для письма. Но чорт меня возьми, если я уважаю хоть сколько-нибудь письменное искусство. Такая лень находит, что мочи нет. То ли дело язык! куда лучше пера! В чернильницу его не нужно обмокать, разве только слегка в бокал шампанского, после чего он так исправно ворочается, что никакое перо за ним не угонится».

АПРЕЛЯ 5. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь во время визита к министру народного просвещения С. С. Уварова ходатайствовал о переводе М. А. Максимовича в Киевский университет.

См. ***1834. Апреля 7. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТ – АПРЕЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 7. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин посылает Гоголю записку:

«Вы правы – я постараюсь. До свидания».

Записка представляет собой ответ на несохранившееся письмо Гоголя, в котором тот, вероятно, просил Пушкина ходатайствовать за него перед министром народного просвещения С. С. Уваровым о назначении на кафедру истории в Киевском университете[1]. Поверх текста записки Гоголь написал письмо к М. А. Максимовичу от 7 апреля 1834 г.

[1] См. ***1834. Мая 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 7. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь по совету А. С. Пушкина решает писать историю русской критики.

7 апреля 1834 г. Пушкин записал в дневнике: «Гоголь по моему совету начал Историю русской критики»[1].

Результатом этого неосуществленного замысла явилась опубликованная в 1836 г. в первом томе «Современника» статья Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»[2].

[1] *Пушкин А. С.* <Дневник 1833–1834 гг.> // *Свод.* Т. 1. С. 709.
[2] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 7. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. А. Максимовичу в Москву поздравляет его с решением министра народного просвещения С. С. Уварова о переводе в Киевский университет:

«...Старания кн<я>зя Вяземского и Жуковского не были тщетны. <...> Третьего дня[1] я был у министра; он говорил мне такими словами: кажется, я Максимовича переведу в Киев, потому что для русской словесности не находится более достойный его человек. Хотя предмет для него нов, но он имеет дар слова, и ему можно успеть легко в нем, хотя впрочем он теоретического никакого не выпустил еще сочинения. На что я сказал, что ты мне показывал многие свои сочинения, обнаруживающие верное познание литературы и долгое занятие ею. Также при этом напомнил ему о твоих трудах в этом роде, помещаемых в разных периодических изданиях. <...> Для окончательного дела тебе бы весьма не мешало бы предстать самому, потому что, сколько я мог заметить, личное присутствие ему нравится».

[1] См. ***1834. Апреля 5. Четверг. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 14. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь был у П. А. Плетнева и выказал недовольство цензору А. В. Никитенко по поводу сделанных тем изъятий в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»[1].

Никитенко в тот же день записал в дневнике: «Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в “Новоселье”. Бедный литератор! Бедный цензор!»[2]

[1] См. также ***1834. Апреля 18. Великая среда. Санкт-Петербург.***
[2] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726.

МАРТА КОНЕЦ – АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает, что посылает ей «для огорода» семена овощей, которые он «очень любит»: испанских артишоков, цветной капусты и брокколей: «...садовник здешний уверяет меня, что при аккуратном поливании они весьма могут поспеть в июне». В связи с слухами о неурожае советует «насеять побольше картофелю» и приостановить строительство кожевенной и сапожной фабрики:

«Неужели в винокурне нельзя покаместь выделывать кож... <...> Фабрикант большой фантазер. Ему, конечно, приятно видеть огромное строение с пышным названием фабрика, но уговорите его, скажите, что вы на следующий год выстроите ему золотую фабрику с бриллиантовою крышею, но что теперь нельзя ли как-нибудь пристроить в винокурне все препараты...»

АПРЕЛЯ 16. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. А. Максимович отправляет ответное[1] письмо Гоголю в Петербург[2].

[1] См. ***1834. Апреля 7. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 17. ВЕЛИКИЙ ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 87), в разделе «Новые книги», напечатано извещение:

«*Новоселье, часть вторая и последняя*, на сих днях окончится печатанием и поступит в продажу в Понедельник, на Фоминой неделе, 30-го Апреля. Желающие получить оную в первый день Пасхи через городскую почту, благоволят заранее известить об этом в книжном магазине А. Ф. Смирдина. Содержание статей сей книги следующее: <...> XXII. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, Панько-Рудого».

АПРЕЛЯ 18. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение А. В. Никитенко второй части альманаха «Новоселье», где напечатана «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

В 1855 г. К. С. Аксаков вспоминал: «В те года только что появлялись творения Гоголя; дышащие новою небывалою художественностью, как действовали они тогда на все юношество, и в особенности на кружок

Станкевича! Во время нашего студентства вышло *Новоселье,* альманах; там была повесть Гоголя "О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Помню я то впечатление, какое она произвела. Что может равняться радостному сильному чувству художественного откровения? Как освежало, ободряло оно души всех! как само постепенное появление изданий гениального художника оживляло, двигало общество! Рад я, что испытал и видел все это. Станкевич ценил очень верно и тонко художественность Гоголя, особенно в безделицах».

Воспоминание студентства 1832–1835 годов. К. С. Аксакова // День. 1862. 6 окт. № 40. С. 4; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 801.

АПРЕЛЯ 20. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от М. А. Максимовича; пишет ему ответное письмо в Москву. Посылает также ответное письмо матери в Васильевку.

В письме к Максимовичу сообщает: «Письмо твое от 16[1] я получил сегодня. Ну, я рад от души и от сердца, что дело твое подтвердилось уже официально[2]. Теперь тебе точно незачем уже ехать в Петербург. Тебя только беспокоят дела московские. Смелее с ними: одно по боку, другому киселя дай, и всё кончено. Из необходимого нужно выбирать необходимейшее[3], и ты выкрутишься скоро. Я сужу по себе».

Просит Максимовича похлопотать за него об определении в Киевский университет у попечителя Киевского учебного округа Е. Ф. Брадке: «...Знаешь ли, что представления Брадке чуть ли не больше значат, нежели наших здешних ходатаев. Это я узнал верно. <...> Когда будешь писать к Брадке, намекни ему о мне вот каким образом: что вы бы, дискать, хорошо сделали, если бы залучили в университет Гоголя, что ты не знаешь никого, кто бы имел такие глубокие исторические сведения и так бы владел языком преподавания, и тому подобные скромные похвалы, как будто вскользь. Для примера ты можешь прочесть предисловие <Ф. Б. Булгарина> к грамматике Греча[4] или Греча к романам Булгарина. Он, сколько я заметил, основывается на видимом авторитете и на занимаемом месте. Ты, будучи ординарным профессором московского университета, во мнении его много значишь. Я же бедный почти нуль для него; грешных сочинений моих он не читывал, имени не слыхивал, стало быть, ему нечего и беспокоиться обо мне. Тем более мне это нужно, что министр[5], кажется, расположен сделать для меня всё, что можно, если бы только попечитель ему хоть слово прибавил от себя. Тогда бы я скорее в дорогу и, может быть, еще бы застал тебя в Москве».

Благодарит Максимовича за присылку рукописного собрания З. Я. Доленги-Ходаковского[6]: «Я теперь читаю твои толстые книги; в них есть много прелестей». По поводу присланных печатных листов «Украинских народных песен»[7] рассуждает о переводах с украинского языка на русский: «Отпечатанные листки меня очень порадовали. Издание хорошо. Примечания с большим толком. О переводах я тебе замечу вот что. Иногда нужно отдаляться от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе. Есть пропасть таких фраз, выражений, оборотов, которые нам, малороссианам, кажутся очень будут понятны для русских, если мы переведем их слово в слово, но которые иногда уничтожают половину силы подлинника. Почти всегда сильное лаконическое место становится непонятным на русском, потому что оно не в духе русского языка; и тогда лучше десятью словами определить всю обширность его, нежели скрыть его.

Этих замечаний, впрочем, ты не можешь еще приноровить к приведенному тобою переводу, потому что он очень хорош; окончание его прекрасно... Но, чтобы и к нему сделать придирку, вот тебе замечание на первый случай, мотай на ус:

Федора Безродного[8], атамана куренного, постреляли, порубили, только не поймали чуры.

Во-первых, *постреляли* не русское слово, оно не по-русски спрягнулося и скомпоновалося, и вместе с словом *порубили* на русском слабее выражает, нежели на нашем. Мне кажется, вот как бы нужно было сказать:

Куренного атамана, Федора Безродного, они всего пронизали пулями, всего изрубили, не поймали только его чуры.

В переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны, и, признаюсь, я сам, который теперь рассуждаю об этом с таким хладнокровным беспристрастием, вряд ли бы уберегся от того, чтобы не влепить звонкое словцо в русскую речь, в простодушной уверенности, что его и другие так же поймут. Помни, что твой перевод для русских, и потому все малороссийские обороты речи и конструкцию прочь! Ведь ты, верно, не хочешь делать подстрочного перевода? Да, впрочем, это было бы излишне, потому что он у тебя и без того приложен к каждой песни. Ты каждое слово так удачно и хорошо растолковал, что кладешь его в рот всякому, кто захочет понять песню. Я бы тебе много кой-чего хотел еще сказать, но, право, чертовски скучно писать о том, что можно переговорить гораздо с большею ясностью и толком. Да притом это такая длинная материя, зацепи только — и пойдет тянуться. В подобных случаях более всего нужны толки с другою головою, потому что, верно, одна заметит то, что другая пропустит[9]. Как бы то ни было, я с радостью ребенка держу в руках твой первый лист и говорю: "Вот всё, что отстоялось от прежних дум, от прежних лет!" как выразился Дельвиг[10]. Я еще никому не успел показать его, но понесу к Жуковскому и похвастаюсь Пушкину, и мнения их сообщу тебе поскорее. А между тем подгоняй свои типографские станки. Я тебе пришлю скоро кое-какие песни, которые, впрочем, войдут в последний разве только отдел твоего первого тома[11]. За *Песнями Люду Галичского*[12] я послал в Варшаву, и как только получу их, то ту же минуту пришлю их тебе. Здешние скоты книгопродавцы так пугаются всего, что выходит на польском языке[13], что даже польского букваря нигде не отыщешь, и с важным видом говорят только: запрещен. Одоевскому скажу, чтобы он скорее пристроил твоего Наума[14]. Эти дни, может быть, не увижу его, потому что ты сам знаешь, что за безалаберщина деется у людей на праздниках: они все как шальные. По улицам мечутся шитые мундиры и трехугольные шляпы[15], а дома между тем никого. У Плетнева постараюсь тоже на этих днях отобрать нужные для тебя сведения».

В письме к матери Гоголь поздравляет ее с наступающим праздником Пасхи[16]. Пишет о хозяйственных делах: «Насчет фабрики я не то[17] хотел сказать — но об этом после. Поручение ваше к Князю Кочубею[18] я постараюсь исполнить. <...> Жаль мне очень, что вы должны занимать и покупать в долг. Это беспрестанно вас вводит в новые хлопоты. Как бы мне хотелось, хотя немного помочь вам; но до сих пор не имею никакой возможности».

Передает поклоны «дедушке» И. М. Косяровскому и «бабушкам»: М. И. Косяровской и А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской), а также сестре Марии, зятю П. О. Трушковскому и Е. И. Ходаревской. Спрашивает о А. А. Трощинском: «Вы не знаете, на сколько времени едет Андрей Андреевич на воды и к которому месяцу думает возвратиться? это мне нужно знать». Благодарит мать за молитвы о нем: «Они, верно, будут услышаны, потому что Бог ни в чем не отказывает добродетельным».

В заключение вновь[19] просит мать не приписывать ему чужих сочинений (на этот раз О. И. Сенковского), «по крайней мере» не рассказывать о своих догадках другим: «...Автор Барона Брамбеуса не на слишком хорошем счету. Его грязные сочинения нравятся только низшему классу». Сообщает, что сестры Анна и Елисавета здоровы: «Они бы, верно, написали вам письма, но мне некогда итти в Институт, — тем более, что почта сейчас отходит».

[1] См. ***1834. Апреля 16. Великий понедельник. Москва.***

[2] Назначение Максимовича профессором русской словесности Киевского университета состоялось 4 мая 1834 г.

[3] См. также слова Гоголя из письма к матери от того же числа: «Мы должны <...> выбирать, что из полезного самое полезное».

[4] См.: *Булгарин Ф.* Предисловие // Пространная Русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827. Т. 1 (цензурное разрешение 23 апреля 1825). С. III–XI. («Предисловие» Булгарина датировано 5 сентября 1827 г.)

[5] С. С. Уваров.

[6] См. ***1834. Марта 7. Среда. Москва.***

[7] Отдельные листы (типографские) сборника «Украинских народных песнях, изданных Михаилом Максимовичем» (М., 1834) Максимович высылал Гоголю по мере печатания. Первый лист, не считая высланного ра-

нее «Предисловия», с отдельной пагинацией (см. ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург***), состоял из с. 1–16; второй – с. 17–32; третий – с. 33–48 (далее см. ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург***).

[8] Пример взят из «Думы о Федоре Безродном», открывавшей издание Максимовича (с. 5–8).

[9] Позднее, в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Переписки с друзьями» (1846) Гоголь писал В. А. Жуковскому: «Вспомни сам, что в тебе не все стороны русской природы; напротив, некоторые из них взошли в тебе на такую высокую степень и так развились просторно, что через это не дали места другим...» «...Мы позабыли, – замечал он также в письме к С. Т. Аксакову от 18 августа (н. ст.) 1842 г., – что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи у других. У всякого есть что-то, чего нет у другого <...> и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть <...> со всех сторон предмет». – См. также ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***.

[10] Неточная цитата из стихотворения барона А. А. Дельвига «К П.***» (П. А. Плетневу), напечатанного в № 55 «Литературной Газеты» за 1830 г.: «Броженье юности унялось, / Остепенился твой поэт: / И вот ему что отстоялось / От прежних дел, от прошлых лет...»

[11] Последний отдел первой части в сборнике Максимовича составляют «Песни казацкие бытовые».

[12] Имеется в виду сборник «Piesni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego» (см. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[13] Затруднения с приобретением книг на польском языке были следствием польского восстания 1830–1831 гг.

[14] Речь, возможно, идет о новом предполагаемом издании «Книга Наума о великом Божием мире» (М., 1833) (переиздавалась неоднократно).

[15] Письмо написано за несколько дней до Пасхи, которая праздновалась в 1834 г. 22 апреля. Гоголь выражает недовольство тем, что чиновничьи поздравления на Пасху становятся главным содержанием праздника. Одна из «Пестрых сказок» князя В. Ф. Одоевского (1833), в издании которых Гоголь принимал участие, кстати, так и называлась: «Сказка о том, по какому случаю Коллежскому Советнику Ивану Богдановичу Отношению не удалось в Светлое Воскресение поздравить своих начальников с праздником». – См. также ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[16] См. ***1834. Апреля 22. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи***.

[17] См. ***1834. Марта 17. Суббота. Санкт-Петербург***.

[18] Князь Виктор Павлович Кочубей, государственный канцлер, скончался в Москве в ночь с 2 на 3 июня 1834 г., «чрез несколько часов по прибытии туда из С<анкт>-Петербурга» (Внутренние известия // Северная Пчела. 1834. 15 июня. № 133). Поручение М. И. Гоголь сыну могло быть связано с размежеванием владений князя В. П. Кочубея в Диканьке и Гоголей в Яворивщине. 8 июня 1833 г. Гоголь писал матери: «Велика важность, что Кочубей мерял нашу землю! <...> Жаль, что в Яворивщине живут у нас такие олухи, которым ни до чего нет нужды, у которых, если бы собственный язык их стали мерять аршинами, так они не спросили бы. <...> Если бы тогда какой-нибудь уполномоченный от вас, положим, Василий Иванович <Черныш>, подъехавши к князю, спросил его: “Помещица приказала мне узнать от ваш<его> сия<тельства>, с каким намерением меряете вы принадлежащую ей землю?”, то тогда же бы всякое сомнение и разрешилось».

[19] См. ***1830. Декабря 19. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1833. Августа 9. Среда. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 22. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Наследник престола великий князь Александр Николаевич приведен к присяге по случаю его совершеннолетия[1].

Спустя около месяца, 15 мая 1834 г., Е. П. Гребенка сообщал родным: «...Наследник Российского престола в Зимнем дворце давал присягу на верность Государю и народу (по случаю своего совершеннолетия). Во дворце был обед для особ первых трех классов, в продолжение коего из крепости сделано было 303 пушечных выстрела, а вечером город был иллюминирован. Все было в огне, но лучше всего была Биржа, это какой-то волшебный храм из “Тысячи и одной ночи”. Колонны, архитрав, купол из блистательного огня, над куполом высоко горела лучезарная звезда и в звезде вензель наследника (А). По Неве разъезжали корабли, на которых всякая веревочка была унизана светлыми фонарями. Это имело особую прелесть; народ толпился по улицам почти до света. “Велик батюшка Николай”, – слышал я в толпе и мысленно повторял эту фразу»[2].

[1] Внутренние известия // Северная Пчела. 1834. 26 апр. № 92. С. 365–367.

[2] *Гребiнка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 569.

АПРЕЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В апрельской книжке «Журнала Министерства Народного Просвещения» напечатаны статьи Гоголя «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I» и «О малороссийских песнях».

МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 3. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у Д. В. Дашкова[1] читает отрывки из своей незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени»[2].

Вероятно, в этот день Гоголь подарил Дашкову отдельный оттиск «Отрывка из Истории Малороссии» (из апрельского номера «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г.)[3], с дарственной надписью:

«Его Высокопревосходительству Дмитрию Васильевичу Дашкову. В знак глубочайшего уважения. Н. Гоголь».

[1] Дмитрий Васильевич Дашков (1788–1839), друг В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, литератор, министр юстиции. – См. также ***1839. Ноября 20–25. Понедельник-суббота. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1834. Мая 3. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург***.

МАЯ 3. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин записывает в дневнике:

«Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях[1]. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III... <...> Гоголь читал у <Д. В.> Дашкова свою комедию»[2].

Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 328; *Пушкин А. С.* <Дневник 1833–1834 гг.> // *Свод.* Т. 1. С. 709.

[1] Речь идет об указе от 17 апреля 1834 г., которым русским дворянам воспрещалось пребывание за границей долее пяти лет, а лицам других сословий срок зарубежных вояжей сокращался до трех лет: «Указом нашим, в 18 день февраля 1831 года (4364) Правительствующему Сенату данным, положив преграду чужеземному воспитанию Российского юношества, Мы признали нужным впоследствии обратить внимание и вообще на пребывание Российских подданных за границею. Законами Нашими разрешены, как дворянству, так и всем свободным состояниям, отлучки за границу с установленными паспортами; но никогда не было разрешаемо оставление отечества и произвольное в чужих краях водворение. <...> Срок дозволенного пребывания за границею с узаконенным паспортом постановляется: 1) Для дворян пятилетний. 2) Для всех прочих состояний трехлетний. <...> Кто, отлучаясь за границу с узаконенным паспортом, останется там на жительстве долее срока <...> определенного, тот в виду Правительства считается безвестно отсутствующим. <...> Наличное имущество лица, безвестно отсутствующего, берется после сего в опеку» (1834. Апреля 17 (распубликован 27 апреля). Именный, данный Сенату. Об ограничении пребывания Русских подданных в иностранных землях // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1835. Т. 9. Отделение 1. С. 294–295).

[2] Вероятно, речь идет о незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» (см. также ***1833. Лето. Санкт-Петербург***; ***1833. Октября 30. Понедельник. Болдино***).

МАЯ 4. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. А. Максимович назначен ординарным профессором русской словесности университета Св. Владимира в Киеве.

В 1854 г. Максимович вспоминал: «...Назначение нового университета в Киеве повлекло меня туда неодолимою силою. Туда же согласился со мною переместиться и мой незабвенный земляк Гоголь; но ему не удалось этого: да и мне для того надо было вместо ботаники взять кафедру русской словесности. – Мая 4-го 1834 года назначен был я ординарным профессором русской словесности в университет св. Владимира и вместе деканом 1-го отделения философского факультета».

Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 337–338; см. также: <*Максимович М. А.*> Максимович, Михаил Александрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 10.

МАЯ 9. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Именины Гоголя, которые он отмечает в кругу школьных друзей[1].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Важнее других бывал складчинный обед в день его именин, 9 мая[2], к которому он обыкновенно уже одевался по-летнему, сам изобретая какой-то фантастический наряд. Он надевал обыкновенно ярко пестрый галстучек, взбивал высоко свой завитой *кок*, облекался в какой-то белый, чрезвычайно короткий и распашной сюртучок, с высокой талией и буфами на плечах, что делало его действительно похожим на *петушка*, по замечанию одного из его знакомых (Белоусова[3]). Как далек еще тогда он был от позднейшей самоуверенности в оценке собственных произведений, может служить то, что на одном из складчинных обедов 1832 <1834>[4] г. он сомнительно и даже отчасти грустно покачал головой при похвалах, расточаемых новой повести его "Ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем". "Это *вы* говорите, – сказал он, – а другие считают ее фарсом". Вообще суждениями так называемых избранных людей Гоголь, по благородно высокой практической натуре своей, никогда не довольствовался. Ему всегда нужна была публика»[5].

[1] См. ***1830. Мая 9. Пятница. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург***.

[2] На именинных обедах Гоголя 9 мая Анненков мог присутствовать только дважды: в 1834 и 1836 г. (см. ***1836. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург***).

[3] Ошибка Анненкова. Имеется в виду свидетельство Н. Д. Белозерского, записанное П. А. Кулишом (см. ***Около 1827. Нежин***).

[4] Речь может идти только об именинном обеде Гоголя 9 мая 1834 г. Анненков познакомился с Гоголем осенью 1833 г. (см. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***). «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» была впервые напечатана в 1834 г. во второй части альманаха А. Ф. Смирдина «Новоселье» (цензурное разрешение 29 декабря 1833 г.; выход в свет – вторая половина апреля 1834 г.; см. ***1834. Апреля 17. Великий вторник. Санкт-Петербург***). Работа над повестью относится к сентябрю 1833 г. (см. ***1833. Сентября до 28. Санкт-Петербург***), хотя в альманахе Смирдина она появилась с датой: 1831 г., и с подзаголовком: «Одна из неизданных былей пасичника Рудого Панька».

[5] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 434.

МАЯ 10. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. А. Максимович посылает Гоголю из Москвы письмо с вложением пятого (с. 65–80) листа «Украинских народных песен».

См. ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет письмо матери в Васильевку. В тот же день обменивается записками с А. С. Пушкиным.

В письме к матери Гоголь извещает о получении от нее письма с пасхальными поздравлениями. Обсуждает дела кожевенной и сапожной фабрики и, расчитывая на свой переезд в Киев, упоминает о возможном приезде летом домой: «Я бы <...> не советовал вам давать знать фабриканту, что вы ему ни в чем не верите, но растолковать ему хорошенько всё дело, обходиться с ним ласково, короче сказать, держать его крепко в руках, но не давать ему этого заметить, что вы держите его в руках. <...> Если Вы отправили молебень об успехе ваших предприятий, то всё пойдет хорошо. А там, как приеду, то, может быть, найдем средство дать ей <фабрике> лучший ход. Что начато, того уже нельзя оставлять. Я удивляюсь только, что это предприятие съело так много денег, между тем как ничего почти не сделано и не сбыто».

Сообщает, что он и сестры Анна и Елисавета здоровы. Спрашивает, как принялись посланные им семена[1]. Передает поклоны сестре Марии, ее мужу П. О. Трушковскому, Е. И. Ходаревской и «всем домашним».

В записке к Пушкину Гоголь обсуждает ходатайства о своем определении в Киевский университет: «Я раздумавши увидел, что теперь писать к Левашеву[2] точно будет излишне. Это лучше сделать тогда, когда я буду уже собираться в дорогу и через меня. Теперь же я буду вас беспокоить вот какою просьбою: если зайдет обо мне речь с Уваровым, скажите, что вы были у меня и застали меня еле жива. При этом случае выбраните меня хорошенько за то, <что> живу здесь и не убираюсь сей же час вон из города; что доктора велели ехать сей же час и стараться захватить там это время. И сказавши, что я могу весьма легко через месяц протянуть совсем ножки, завесть речь о другом, как<-то> о погоде, или о чем-нибудь подобном. Мне кажется, что это не совсем будет бесполезно».

В тот же день Пушкин отвечал Гоголю: «Я совершенно с Вами согласен. Пойду сегодня же назидать Уварова, и к стати о смерти Телеграфа[3] поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, его ожидающему. Авось уладим».

[1] См. ***1834. Марта конец – апреля первая половина. Санкт-Петербург.***

[2] Василий Васильевич Левашов (1783–1848), граф (с 1833 г.), в 1832–1835 гг. – киевский генерал-губернатор. Два письма об определении Гоголя в Киевский университет позднее писал к Левашову друг В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, министр юстиции Д. В. Дашков (см. ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] Журнал Н. А. Полевого «Московский Телеграф» был закрыт в марте 1834 г.

МАЯ 16. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну в Петербург письмо с извещением о рождении в семье ее дочери Марии второго сына (Ивана).

См. ***1834. Июня 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАЯ 19. СУББОТА. МОСКВА

М. А. Максимович посылает Гоголю в Москву письмо с вложением шестого (с. 81–95) листа «Украинских народных песен».

См. ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЬ – МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 28. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает книгу Ж. Ж. Шамполиона-Фижака «Древний Египет», представляющую собой первый том предпринятого братьями Дидо многотомного издания «Вселенная, или История и описание всех народов, их религий, нравов, обычаев и пр.»[1]

В бумагах Гоголя сохранился отрывок русского перевода начала книги, озаглавленный: «Вселенная, или История и описание всех народов, их религий, нравов, обычаев и т. д. Египет». В конце мая Гоголю стало известно, что С. С. Уваров предназначает его для преподавания в университете Средней истории[2], и, возможно, поэтому работа над книгой о древнем Египте была оставлена.

[1] *Наркевич А.* Мнимая заметка Гоголя // Вопросы литературы. 1960. № 3. С. 125. – Сообщения о выходе книги см.: «L'univers pittoresque, ou *Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, mœurs, coutumes,* etc. Première livraison. *Afrique. Egypte.* Par M. Champollion Figeac. № I» (Bibliographie de la France. 1834. 15 mars. № 11. P. 180); «Univers pittoresque, histoire et description de tous les peuples, leurs religions, mœurs, coutumes, etc. avec 800 planches. 4 sous la livraison» (Новые книги. Март. Французские // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 3 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. VII. С. 71).

[2] См. ***1834. Мая не позднее 28. Санкт-Петербург*** (примечания).

МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 28. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает А. С. Пушкину:

«Я вчера был у Уварова. Ничего я не могу вам сказать утешительного для себя. Если бы я был хотя в таком состоянии, как вчера, я бы явился к вам. Но теперь я так зло захворал, что никуда не могу носа показать. Если вы будете в нашей стороне и станете проходить мимо Малой Морской, то будьте великодушны и загляните ко мне страдающему и телом и духом. Я имею вам кое-что сказать».

На обороте письма рукою А. С. Пушкина записан отрывок украинской песни: «Черна роля[1] заорана / Гей, гей. <...> Билым тилом взвлочена / Гей, гей / И кровию сполочена»[2].

Возможно, в тот же день Гоголь извещал, в свою очередь, К. С. Сербиновича, что, несмотря на болезнь, накануне был у Уварова (по поводу своего определения в Киевский университет). Просит Сербиновича прислать ему оттиски[3] двух своих статей, напечатанных в апрельском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» – «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I» и «О малороссийских песнях»:

«Убедительно прошу Вас прислать особо отпечатаные для меня листки моих статей. Я очень болен и лежу дома, вчера однако ж отважился итти к Сергею Семеновичу по его приказанию. Он дал мне тему для статьи в журнал[4], но ничего не узнал я о моей участи. Представьте себе мое несчастие. Доктора мне говорят ехать теперь же. А между тем сижу здесь и лучшее для моего леченья время убиваю здесь и убиваю в тоске и досаде. Если бы я твердо был уверен, что не получу желаемого, я бы ехал теперь же на Кавказ с одним моим приятелем[5], который даже обеспечивает меня на счет путевых издержек. Но Сергей Семенович говорит, чтобы я не отчаивался, что всё будет хорошо. А между тем время идет и я не знаю, что со мной будет; здоровье мое гроша не стоит».

[1] Роля (рiлля) – нива, пашня (*укр.*).

[2] *ОР ГЛМ.* Ф. 255. Оп. 1. № 12. Л. 2 об.

[3] См. также ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] По-видимому, речь идет о статье, напечтанной позднее в № 9 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г. – «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем». – Подробнее о сотрудничестве Гоголя с министром народного просвещения С. С. Уваровым см. в сопроводит. статье к т. 8 в изд.: *Гоголь 2009–2010.*

[5] Лицо неустановленное. Предполагаемая поездка Гоголя на Кавказ не состоялась.

МАЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает М. А. Максимовичу в Москву:

«Благодарю тебя за лист песень, который ты называешь шестым и который, по моему счету, 4-й[1]. О Введении твоем ничего не могу сказать, потому что я не имею его и не знаю, отпечатано ли оно у тебя[2]. Кстати: ты можешь прочесть в Журнале Просвещения, 4-м номере, статью мою о малороссийских песнях; там же находится и кусок из Введения моего в историю Малороссии, впрочем, писанный мною очень давно.

Мои обстоятельства очень странны: С<ергей> С<еменович>[3] дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь, тогда как мне нужно действовать и ехать. Между тем Б<радке> пишет ко мне, что не угодно ли мне взять кафедру русской истории, что сие де прилично занятиям моим, тогда как он сам обещал мне, бывши здесь, что всеобщая история не будет занята до самого моего приезда, хотя бы это было через год. А теперь, верно, ее отдали этому Цыху, которого принесло как нарочно. Право, странно они воображают, что различие предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; как будто пирожник для того создан, чтобы тачать сапоги. Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю[4]. Если же они меня поводят далее и не отправят теперь же, то, признаюсь, я брошу всё и откланяюсь. Бог с ними со всеми. И тогда махну или на Кавказ, или в долы Грузии, потому что здоровье мое здесь еле держится. Ты знаешь Цыха? кто это Цых? кажется, Погодин его знает[5]. Нельзя ли как-нибудь уговорить Цыха, чтобы он взял себе, или просил, или бы по крайней мере соглашался бы взять кафедру русской истории. <...> ...Как бы ни было, а всё-таки надеюсь быть в следующем месяце в Москве».

[1] На четвертом листе (с. 49–64) из сборника «Украинских народных песен, изданных Михаилом Максимовичем» (М., 1834), присланном Гоголю, находится малороссийская дума XVII в. о казаке Иване (Ивасе) Коновченко, а также толкование слова «оковитая», встречающееся в этой думе. Об отражении содержания этой думы в «Тарасе Бульбе» см. сопроводит. статью к т. 2 т. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* (О других полученных Гоголем от Максимовича листах «Украинских народных песен» см. ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург.***)

[2] В сборнике Максимовича есть «Предисловие» (с. III–VII), содержащее предложенную М. А. Максимовичем классификацию песен, о которой Гоголь уже высказывал свое мнение (см. ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург***). Однако по сути и по содержанию это «Предисловие» никак не может претендовать на роль действительного введения к книге – и потому Гоголь принял его ранее за «объявление», а позднее (при

написании настоящего послания) «естественно» предположил, что введение к сборнику он еще не получал.

[3] Уваров.

[4] «Болевой точкой» в русской истории были для Гоголя многочисленные княжеские междоусобицы, размышления о которых, в частности, нашли отражение в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». – См. также ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** (примечания). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь как славянофил: Славянская тема в наследии писателя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 12: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XXI веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Вып. 9. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2014. С. 199–219; *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

[5] См. ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

МАЯ 29. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. А. Максимовичу в Москву:

«Только что я успел отправить к тебе вчерашнее письмо мое, как вдруг получил два твоих письма: одно еще от 10 мая[1], другое от 19 мая[2]. <...> Благодарю, очень благодарю тебя за листки песень[3]. Я не пишу к тебе никаких замечаний, потому что я ужасно не люблю печатных или письменных критик, т. е. не читать их не люблю, но писать».

Рассказывает Максимовичу историю создания своей статьи «О малороссийских песнях»[4], посылает ее оттиск вместе с оттиском статьи «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I»[5]:

«Так как не скоро к вам доходят петербургские книги, то посылаю тебе особый отпечатанный листок, также и листок из истории Малороссии, которой мне зело не хотелось давать. Я слышал уже суждения некоторых присяжных знатоков, которые глядят на этот кусок, как на полную историю Малороссии, позабывая, что еще впереди целых 80 глав они будут читать и что эта глава только – фронтиспис. Я бы, впрочем, весьма желал видеть твои замечания, тем более, что этот отрывок не войдет в целое сочинение, потому что оно начато писаться после того гораздо позже и ныне почти в другом виде. Но из новой моей истории Малороссии я никуда не хочу давать отрывков. Кстати. Ты просил меня сказать о твоем разделении истории[6]. Оно очень натурально и, верно, приходило в голову каждому, кто только слишком много занимался чтением и изучением нашего прошедшего. У меня почти такое же разделение, и потому я не хвалю его, считая неприличным хвалить то, что сделалось уже нашим – и твоим, и моим вместе».

[1] См. ***1834. Мая 10. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1834. Мая 19. Суббота. Москва.***

[3] Речь, по-видимому, идет о пятом (с. 65–80) и шестом (с. 81–95) листах «Украинских народных песен, изданных Михаилом Максимовичем» (см. ***1834. Марта 26. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1834. Февраля после 12 – марта начало. Санкт-Петербург.***

[5] Печатные оттиски из «Журнала Министерства Народного Просвещения» (см. ***1834. Мая не позднее 28. Санкт-Петербург***).

[6] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

МАЯ 30. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вместе с А. С. Пушкиным в гостях у П. А. Плетнева.

А. В. Никитенко в этот день записал в дневнике: «Заходил на минуту к Плетневу: там встретил Пушкина и Гоголя; первый почтил меня холодным камер-юнкерским поклоном».

Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь послал П. В. Киреевскому в Москву три тетради, содержащие 46 украинских песен[1], и, возможно, тетрадку с пятью рождественскими колядками[2].

2 июня 1848 г. П. В. Киреевский в предисловии к изданному им тому «Русских народных стихов»[3] сообщал: «...Н. В. Гоголь сообщил мне тетрадь песен, собранную в разных местах России...»[4]

Три тетради песен, отправленных Гоголем Киреевскому, впервые были опубликованы в 1912 г. М. Н. Сперанским. Последний замечал: «...Прямых сношений у Гоголя с <П. В.> Киреевским мы не видим: надо полагать, что знакомство их в Москве в 1832 году[5] осталось мимолетным. Надо думать, что единственным результатом его была посылка Гоголем Киреевскому своих песен... но малорусских... <...> Можно предполагать, что посланы <они> раньше 1834 г., т. е. либо в конце 1832 г. или <в> 1833 г., под свежим впечатлением знакомства с Киреевским. Обращаясь к собранию бумаг Киреевского, которому Гоголь, как было сказано, посылал песни, мы вправе были искать здесь гоголевских песен, и они, действительно нашлись в его автографе: это – песни малорусские, числом 46. <...> ...На л. 402 об. видим запись: "Чиновник 9 класса Н. Гоголь". На основании послужного списка Гоголя мы узнаем, что чиновником 9 класса (т. е. титулярным советником) Гоголь стал с 1-го апреля 1831 года[6], а в 1834 году <в начале июня>[7] он <был> уже коллежским асессором (т. е. 8-го класса)...»[8]

Оригинальными среди 46 песен сборника являются 34, остальные взяты Гоголем из собрания З. Я. Доленги-Ходаковского[9]. Поскольку рукописные книги собрания Ходаковского Гоголь получил от М. А. Максимовича около 20 апреля 1834 г.[10], а к 8 июня 1834 г. был уже не титулярным советником («Чыновник 9 клас<с>а...»), а «коллежским асессором» (8 класс), то отправление сборника Киреевскому датируется концом апреля – маем 1834 г.

Из указанного числа оригинальных песен (тридцати четырех) шесть повторяются во второй тетради южнорусских песен, собранных Гоголем (<*IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая*>)[11], а семь из того же числа Гоголь включил в собрание из восемнадцати песен, подаренное Н. Д. Белозерскому[12].

[1] <VII. Песни малорусские. Три тетради из архива П. В. Киреевского> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 346–370. – См. также: ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Января 11. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1824 декабря после 18 – 1825 января начало. Васильевка*** (примечания).

[3] См. также ***1849. Декабря 21. Среда. Москва.***

[4] *Киреевский.* Предисловие <к тому «Русских народных стихов»> // Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Часть I. Русские народные стихи // Чтения в Имп. Обществе Истории Древностей Российских при Московском университете. 1848. № 9. Отд. 4. С. V; с подписью: «Москва. Июня 2 дня, 1848», См. также: *Свод.* Т. 1. С. 756.

[5] См. ***1832. Июля начало. Москва.***

[6] Точнее, получил формальное право на этот чин (см. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 24. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Ноября 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[8] *Сперанский М. Н.* К истории собирания песен Н. В. Гоголя. Нежин, 1912. С. 15–17, 24.

[9] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 750.

[10] См. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка*** (примечания).

[12] См. ***1834. Май-декабрь. Санкт-Петербург. В течение указанного периода.***

ИЮНЯ 1. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает И. И. Срезневскому в Харьков:

«Не сердитесь на меня, почтеннейший Измаил Иванович, что долго не отвечал на ваше письмо. Оно залежалось в лавке у Смирдина. Я тоже был в отсутствии[1]... <...> Поблагодарите также земляка нашего[2] (о котором вы упоминаете в письме вашем как о пишущем историю Малор<оссии>) за его благородный труд. Я очень рад, что не один я занимаюсь этим. Я хотел было сделать несколько замечаний и оценку с своей стороны Вашей Запорожской Старины и уже приступ к этому под заглавием *О малоросс<ийских> песнях* отослал в Журнал Просвещения[3]. Но лень проклятая одолела, и я сел на одном приступе: летом я ничего больше не делаю, кроме леженья; к тому же еще и болезнь меня беспокоит... Вы там же найдете и кусок из первой части моей истории. Не налягайте слишком на нее: я нарочно выбрал самое начало, в котором показана только перспектива того, что будет впереди. — Конисскому[4] я также, как и вы, во многом не верю, но я говорил[5] совсем не касательно достоинства летописца. Все происшествия <летописи> его со времени Петра замечательны. Справедливость многих я узнал, нашедши доказательства в здешних архивах.

Да выпускайте скорее свою Старину[6], я жажду. <...> Ваша мысль напечатать песни обрядные очень хороша. Недурно бы их было поместить совершенно в том порядке, в каком они следуют одна за другою во время обрядов, с объяснением при каких обстоятельствах. Это была бы очень нужная вещь».

[1] В марте-мае 1834 г. Гоголь, по-видимому, из Петербурга не выезжал.

[2] Лицо неустановленное.

[3] См. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург.***

[4] Имеется в виду «История Русов» (см. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** — примечания).

[5] См. ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ 2. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает письмо от матери из Васильевки.

См. ***1834. Июня 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург с извещением о получении семян.

См. ***1834. Марта конец — апреля первая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Июня 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 5. ВТОРНИК. МОСКВА

М. А. Максимович посылает письмо Гоголю в Петербург.

См. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 8. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь через М. С. Щепкина получил письмо от М. А. Максимовича из Москвы[1].

8 июня 1834 г. Гоголь сообщал Максимовичу: «Я получил твое письмо через Щепкина, который меня очень обрадовал своим приездом».

Слуга Гоголя Я. Нимченко в 1879 г. сообщал В. П. Горленко: «Щепкин, приезжая из Москвы, каждый раз останавливался “у нас”[2]. Как идет по лестнице, то уже кричит мне снизу: “Нема лучше як у нас, Якиме; ступыв, уже и в хати, а тут дерысь-дерысь!..”»[3]

[1] См. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Щепкин останавливался в Москве у И. И. Сосницкого (*Гриц.* С. 197).
[3] *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // *Свод.* Т. 1. С. 405.

ИЮНЯ 8. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо М. А. Максимовичу в Москву:

«Что же касается до моих обстоятельств, то я сам, хоть убей, не могу понять их. За меня просили Дашков[1], Блудов[2], С<ергей> С<еменович> сам, кажется, благоволит ко мне и очень доволен моими статьями[3]. Кажется, какой сильный авторитет! Если бы какие особенные препятствия мне преграждали путь, но их нет. Я имею чин коллежского асессора[4], не новичок, потому что занимался довольно преподаванием, между тем как всех учителей Кременецкого Лицея[5] произвели прямо в ординарные. И при всем я не могу понять: слышу уверения, ласки – и больше ничего. Чорт возьми, они воображают, что у меня не достанет духу плюнуть на всё. Я не могу также понять и Б<радке>. Давши слово Жуковскому ожидать меня далее целый год и не отдавать никому кафедры всеобщей истории, и через месяц отдать ее Цыху. Это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я <не> ехал в Киев. Досадно, досадно, потому что мне нужно, очень нужно: мое здоровье, мое занятие, мое упрямство требует этого. А между тем мне не видать его. Песни твои идут, чем дальше, лучше. Да что ты не присылаешь мне до сих пор введения[6]? мне очень хочется его видеть. Кстати о введении: если ты встретишь что-нибудь новое в моей статье о песнях, то можешь прибавить к своему: дискать, вот что еще об этом говорит Гоголь. Да что, ведь книжка должна у тебя быть теперь совершенно готова».

[1] Д. В. Дашков.
[2] Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864), граф (с 1842 г.).
[3] Вероятно, к тому времени Гоголь уже закончил и представил Уварову заказанную ему в мае статью «О Средних веках» (см. ***1834. Мая не позднее 28. Санкт-Петербург***). Говоря о том, что Уваров «очень доволен» его статьями, Гоголь имел в виду еще три своих статьи. После представления министру «Плана преподавания всеобщей истории» (см. ***1834. Января конец – февраля начало. Санкт-Петербург***) Гоголь, пребывая в неизвестности относительно своего определения в Киевский университет, получает, однако, от Уварова по крайней мере два новых заказа – сначала на статью «О малороссийских песнях» (см. ***1834. Февраля после 12 – марта начало. Санкт-Петербург***), а затем, вероятно, и на статью «О Средних веках». Возможно, по инициативе Уварова Гоголь опубликовал в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I» – который Гоголю, по его признанию в письме к М. А. Максимовичу, «зело не хотелось давать» (см. ***1834. Мая 29. Вторник. Санкт-Петербург***). По-видимому, Уваров не хотел отпускать Гоголя в Киев и новыми заказами продолжил его проверку, которую тот прошел успешно.

После этого, возможно, не без участия Уварова попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке нарушил данное Гоголю обещание предоставить ему кафедру в Киевском университете (сообщив об отказе в письме к В. А. Жуковскому; см. ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург***), а попечитель С.-Петербургского округа М. А. Дондуков-Корсаков (он же председатель цензурного комитета, запретившего незадолго перед тем гоголевского «Кровавого бандуриста»; см. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***) предложил Гоголю место адъюнкт-профессора всеобщей истории в Петербургском университете (см. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург***). Вероятно, случилось это после того, как Гоголь представил Уварову заказанную статью «О Средних веках». Вследствие этого 19 июля 1834 г. Гоголь был определен в Петербургский университет (см. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург***; прошение о поступлении на службу было подано Гоголем не позднее 10 июня; см. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург***), а публикация статьи была отложена до начала учебного года. В сентябре 1834 г. статьей «О Средних веках» Гоголь открыл свой курс лекций по истории Средних веков в Петербургском университете (см. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***).

[4] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва*** (примечания).

[5] Кременецкий лицей (1806–1831) был закрыт вскоре после ликвидации польского восстания 1830–1831 г.; часть преподавательского состава лицея была переведена в университет Св. Владимира в Киеве.

[6] См. также ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

ИЮНЯ 9. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает письмо от М. А. Максимовича из Москвы.

См. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 8–10. ПЯТНИЦА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь подал прошение об определении его на кафедру всеобщей истории историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

См. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ ПОСЛЕ 8–10[1] – АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 23[2]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь готовится к преподавательской деятельности в университете; составляет курс и программу лекций по истории Средних веков, а также «Библиографию Средних веков»[3].

При составлении курса Гоголем, вероятно, были использованы лекции по всеобщей истории, читанные им с марта 1831 г.[4] в Патриотическом институте благородных девиц. В лекции <*8*>. *Состояние Европы неримской и народов, основавшихся на землях, не принадлежавших Римской империи* Гоголь использовал свой незавершенный очерк о славянах[5].

При составлении программы Гоголь, в частности, пользовался своей <Синхронистической таблицей[6] по истории стран Европы и Востока в X–XII вв.> (1831–1833). Разделу программы «Упадок государства Гарунова» соответствует написанная позднее статья-лекция «Ал-Мамун»[7]; эпохе вторжения норманов в Англию — незавершенная драма «Альфред» (работа над которой была начата в 1835 г.[8]). При создании «Альфреда» Гоголь обращался также к разделу «Англия англосаксонская» своего конспекта книги Г. Галлама «Европа в Средние века»[9].

В записных тетрадях Гоголя сохранились списки книг на иностранных языках по истории Средних веков[10], а также библиографические выписки из «Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (СПб., 1829)[11], использованные при составлении «Библиографии...»

Содержание первой из лекций — «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее» — впоследствии нашло отражение в замысле «Мертвых душ»[12].

[1] См. ***1834. Июня 8–10. Пятница-воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Августа 23. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1831. Марта 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1832–1834 начало. Санкт-Петербург.***

[6] С синхронистическими таблицами Гоголь был знаком еще с Нежинской гимназии. Здесь, в частности, для преподавания истории применялась большая стенная синхронистическая таблица «Леточислительное изображение древней всемирной истории» (см. ***1822. Конец года. Нежин***); такими таблицами были снабжены учебники по всеобщей истории И. К. Кайданова, которыми пользовался Гоголь: Основания Всеобщей политической Истории. Часть первая. Древняя История. Изданная по повелению Министерства Народного Просвещения в пользу воспитанников Императорского Царско-Сельского Лицея Адъюнкт-Профессором *И. Кайдановым*. СПб., 1814. С. 80, 106, 198, 238, 441; Руководство к познанию Всеобщей политической Истории, сочиненное Профессором Императорского Царскосельского Лицея *Иваном Кайдановым*. Часть третия, История Новая, или трех последних веков. СПб., 1821 (см. ***1821. Ноября 19. Суббота. Нежин***; ***1835. Января конец — июля первая половина. Санкт-Петербург; Васильевка*** — примечания).

Над составлением синхронистических таблиц работал в конце 1820 – начале 1830-х гг. В. А. Жуковский, ставший с 1826 г. воспитателем Наследника престола, великого князя Александра Николаевича (будущего Императора Александра II). По воспоминаниям А. О. Смирновой, в 1828 г., «чтобы побудить Наследника хорошо учиться, ему дали двух товарищей: старшего сына Виельгорского Иосифа (см. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим***) и Паткуля. Жуковский усердно принялся за дело, составил какие-то таблицы для изучения древней, средней и новейшей истории синхронно» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подготовила С. В. Житомирская. М., 1989. С. 169; см. также: Годы учения Е. И. В. Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора. 1826–1838. СПб., 1880. Т. 1. С. XXII). В начале 1831 г. Гоголь по рекомендации П. А. Плетнева и В. А. Жуковского получил место домашнего учителя восьмилетнего М. Н. Лонгинова и его двух старших братьев, которым давал уроки до 1833 г. Как вспоминал позднее М. Н. Лонгинов, «в начале тридцатых годов Гоголь занимался сочинением синхронистических таблиц для преподавания истории по новой методе и, кажется, содействовал В. А. Жуковскому в составлении новой системы обучения этой науке, основания которой были изданы в свет впоследствии. Таблицы свои Гоголь приносил и к нам, но употреблял их только в виде опыта» (см. ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург***).

О синхронистических таблицах см. также: <*Погодин М. П.*> *М. П.* Некоторые замечания на таблицы Российской Истории Филистри. (Письмо к Редактору Вестника Европы) // Вестник Европы. 1822. № 11/12. С. 232–239; Новая метода преподавания хронологии <А. Ф. Язвинского> // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 5. С. 196–214; *Краевский А.* Об исторических таблицах В. А. Жуковского // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. № 6. С.409–438; (отд. изд. — СПб., 1836; «С образцовою сокращенною таблицею для Древней Истории»).

[7] См. ***1834. Августа конец — сентябрь. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***; ***1835. Октябрь. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1833. Ноября 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

[10] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 8. С. 656–659.

[11] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 489–491.

[12] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне*** (примечания).

ИЮНЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков направляет в Патриотический институт официальное отношение о предоставлении ему копии формулярного списка Гоголя для определения его на службу в Петербургский университет:

«Служащий в оном институте учителем истории в высших классах, Николай Гоголь, подал мне прошение об определении его на кафедру всеобщей истории в С.-Петербургский университет.

Посему покорнейше прошу оное правление доставить ко мне засвидетельствованную копию с формулярного о службе Гоголя списка»[1].

В тот же день Гоголь сообщал М. А. Максимовичу в Москву:

«Я получил твое письмо от 5-го июня[2] вчера, т. е. 9-го числа[3]. Тебя удивляет, почему меня так останавливает русская история. <...> Чорт возьми, если бы я не согласился взять скорее ботанику или патологию, нежели русскую историю. Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю на два часа отдать себя скуке[4]. Но, оставляя Петербург, знаешь ли, что я оставляю? Мне оставить Петербург не то, что тебе Москву: здесь всё, что дорого, что было мило моему сердцу; люди, с которыми сдружился и которых алчет душа; всё, что привычка сделала еще драгоценнейшим. Бросивши всё это, нужно стараться всеми силами заглушить сердечную тоску; нужно отдалять всеми мерами то, что может вызывать ее. И ты вдобавок хочешь еще, чтоб самая должность была для меня тягостью. Если меня не будет занимать предмет мой, тогда я буду несчастлив. Я очень хорошо знаю свое сердце, и потому то, что для другого кажется своенравием, то есть у меня следствие дальновидности. Но, впрочем, кажется, это не может остановить их. С<ергей> С<еменович>[5] сказал мне, что это ничего не значит, что можно поменяться кафедрами. Только то скверно, что я теперь мало всему этому верю, после всех проводов. Остановка вся за одним Б<радке>, без Б<радке> С<ергей> С<еменович> ни до порога. Итак, я жду теперь от него решения и по нем узнаю, велит ли мне судьба ехать, или нет. О песнях твоих постараюсь написать извещение и одолеть сколько-нибудь свою лень, которая уже почула лето и становится деспотом»[6].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., писал: «...Перспектива близкой разлуки с Петербургом <в связи с предполагаемым переездом в Киев> обнаружила, что Гоголь был привязан ко многому в этом городе. <...> Гоголю, конечно, всего тяжелее было расставаться с своими нежинцами, из которых в то время самым близким к нему был Прокопович (Данилевского тогда не было в Петербурге)»[7].

[1] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 741.

[2] См. ***1834. Июня 5. Вторник. Москва.***

[3] См. ***1834. Июня 9. Троицкая родительская суббота. Санкт-Петербург.***

[4] Из дальнейших объяснений Гоголя следует, что, не желая посвящать себя курсу русской истории, он избегал этим отнюдь не банальной скуки, но куда более серьезного душевного испытания – возможной, вдали от близких людей, «сердечной тоски», связанной с этими лекциями. Речь в письме идет, по-видимому, о той же самой «тоске», что звучит и в заключительном «скучно» «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Замечая, в частности, в черновой редакции повести «Портрет» 1834 г. о затруднительности «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю», Гоголь при создании Повести о ссоре глубоко переживал общеизвестное locus communis древнерусской старины – многочисленные княжеские распри, часто расторгавшие русское и славянское единство. Это переживание не в меньшей мере относилось и к современности. В 1846 г. в статье «Нужно проездиться по России», Гоголь, размышляя о непрекращающейся на Руси «повести о ссоре», замечал: «Все перессорилось: дворяне у нас между собой, как кошки с собаками; купцы между собой, как кошки с собаками; мещане между собой, как кошки с собаками...» 25 мая (н. ст.) 1847 г. он, в частности, писал С. П. Шевыреву: «Я чувствовал всегда, что я буду участник сильный в деле общего добра и что без меня не обойдется примиренье многого, между собою враждующего». – См. также ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[5] Уваров.

[6] На обороте последней страницы письма помета М. А. Максимовича: «Ответ 23 июня» (см. ***1834. Июня 23. Суббота. Москва***).

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 513.

ИЮНЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает, что получил ее письмо «от 16 мая[1], сего июня 2-го числа»[2], а когда начал отвечать на письмо, то ему принесли «другое от 4-го июня»[3]. Поздравляет сестру Марию и ее мужа П. О. Трушковского с рождением второго сына (Ивана). Недоумевает, почему посланные им семена[4] только теперь получены матерью: «Но однако же они всё-таки должны принять<ся>». Прилагает письма сестер Анны и Елисаветы. В заключение сообщает о предстоящих праздниках (по случаю открытия Александровской колонны[5]):

«Здесь теперь большой съезд: затеваются праздники и проч. по случаю приезда короля прусского, принцев голландских и прусских. Это лето я живу в городе и не переезжаю на дачу. Если буду к вам, то не раньше августа».

[1] См. ***1834. Мая 16. Среда. Васильевка.***
[2] См. ***1834. Июня 2. Суббота. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1834. Июня 4. Понедельник. Васильевка.***
[4] См. ***1834. Марта конец – апреля первая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Мая 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1834. Августа 30. Четверг. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 17 ИЛИ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ ИЛИ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. О. Смирнова родила двойняшек-дочерей[1], из которых одна, Александра, в 1837 г. умерла, другая – Ольга – прожила до 1893 г. (оставила воспоминания о Гоголе).

[1] Письмо А. С. Пушкина к жене от 26–27 июня 1834 г. (*Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15. М; Л.: АН СССР, 1948. С. 166).

ИЮНЯ 19. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 20. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от М. П. Погодина из Москвы.

См. ***1834. Июня 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Москву:

«Письмо твое, против обыкновения, довольно обширное (вся 16-я доля листа была исписана кругом), я получил сего 20 июня[1] и заранее догадывался, что дело должно быть важное. На предложение твое об адъюнктстве[2] я вот что скажу тебе. Я недавно только что просился профессором в Киев, потому что здоровье мое требует этого непременно, также и труды мои. Вот чем можно извинить мне искание профессорства, которое, если бы не у нас на Руси, то было бы самое благородное звание. Прося профессорства в Киеве, я обеспечиваю там себя совершенно в моих нуждах, больших и малых; но взявши московского адъюнкта, я не буду сыт, да и климат у вас в Москве ничуть не лучше нашего чухонского, петербургского. Итак ты видишь физически невозможным мое перемещение. Впрочем в июле месяце я постараюсь побывать в Москве, и мы потолкуем о том о сем.

Весьма рад, что тебе понравились мои статьи[3], хотя, признаюсь, я в них, особливо в первой, мало нахожу того, что нужно бы и что можно бы сказать об этом предмете. Но как бы то ни было, мысли об этом можно изъявить в другом, более удобном случае и месте. Ты говоришь о Цыхе. Что это за Цых? Откуда он и как он взялся? Я имени его еще нигде не встречал в литературном мире. <...> Если я приеду в Москву, то или к тебе, или к кому-нибудь другому, только в деревню, потому что мне город так надоел, что не могу смотреть на него равнодушно».

[1] См. ***1834. Июня 20. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] По-видимому, М. П. Погодин предлагал Гоголю просить места адъюнкта в Московском университете. О своем скором переезде в Москву Гоголь договаривался с Погодиным еще осенью 1832 г. (см. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва***).

[3] Три статьи, напечатанные во втором и четвертом номерах «Журнала Министерства Народного Просвещения»: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Отрывок из Истории Малороссии» и «О малороссийских песнях» (№ 4).

ИЮНЯ 23. СУББОТА. МОСКВА

М. А. Максимович перед отъездом[1] из Москвы в Киев, посылает ответное[2] письмо Гоголю в Петербург[3].

[1] См. ***1834. Июня 30. Суббота. Москва***; ***1834. Июля 5. Четверг. Москва***; ***1834. Июля 13. Пятница. Киев***; ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 27. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное[1] письмо М. А. Максимовичу, в котором по-прежнему уверяет приятеля в своем желании переехать в Киев:

«Я получил сегодня письмо твое от 23 июня. Итак, ты в дороге. Благословляю тебя! Я уверен, что тебе будет весело, очень весело в Киеве. <...> Я к тебе буду, непременно буду, и мы заживем вместе... <...> Дела свои я повел таким порядком, что непременно буду в состоянии ехать в Киев хотя нераннею осенью или зимою; но когда бы то ни было, а я всё-таки буду. Я дал себе слово, и твердое слово; стало быть, всё кончено: нет гранита, которого бы не пробили человеческая сила и желание. <...> Терпением и хладнокровием всё достанешь. <...> ...Впрочем хорошо, что ты едешь вперед. Ты приготовишь там всё к моему прибытию и приищешь местечко для покупки, ибо я хочу непременно завестись домком в Киеве, что, без сомнения, и ты не замедлишь учинить с своей стороны. <...> <...> Жаль, что я не с тобою теперь... <...> Я бы тебя повез по Пслу, где бы мы лежали в натуре, купались, а вдобавок бы еще женил тебя на одной хорошенькой, если не на распрехорошенькой. Но так и быть, пожди до лета следующего».

Уговаривая приятеля веселиться и не грустить, невольно передает атмосферу своих повестей «Тарас Бульба» и «Вий», над которыми он, вероятно, в то время работает[2]:

«Ради Бога, не предавайся грустным мыслям, будь весел, как весел теперь я, решивший, что всё на свете трын-трава. <...> ...Сбережение здоровья состоит в следующем секрете: быть как можно более спокойным, стараться беситься и веселиться сколько можно, до упадку, хотя бывает и не всегда весело, и помнить мудрое правило, что всё на свете трын-трава и <......> <...>. В этих немногих, но значительных словах заключается вся мудрость человеческая. <...> ...Я как воображу, что теперь на киевском рынке целые рядна вываливают персик, абрикос <...>, что киево-печерские монахи уже облизывают уста, помышляя о делании вина из доморощенного винограду <...>, — так, право, и разбирает ехать, бросивши всё».

Помимо переклички с изображением бурсаков на киевском рынке в «Вии», с содержанием «Миргорода»[3] настоящий фрагмент письма обнаруживает еще и словами о побеждающем уныние «козацком» «трын-трава». Позднее, 22 марта 1835 г. Гоголь, посылая Максимовичу свой только что вышедший сборник и повторяя прежнее пожелание «не предаваться грустным мыслям», писал: «Посылаю тебе "Миргород", <...> я бы желал, чтобы он прогнал хандрическое твое расположение духа <...> Мы никак не привыкнем <...> глядеть на жизнь, как на трын-траву, как всегда глядел козак. Пробовал ли ты когда-нибудь, вставши поутру с постели, дернуть в одной рубашке по всей комнате тропака? <...> Чем сильнее подходит к сердцу старая печаль, тем шумнее должна быть новая веселость. Есть чудная вещь на свете: это бутылка доброго вина».

Как образно подметил П. А. Кулиш, «уже одно начало» этого письма «показывает, что автор только что воротился с Запорожской Сечи»[4]. В соответствии с замечанием Кулиша, все перечисленные в письме «казацкие» утешения (тропак, вино и даже само чтение исполненного «глубокого юмора» «Миргорода») повторяют изображенные в «Тарасе Бульбе» мирские утехи запорожцев (шумные пляски — «гопаки и тропаки», бражничество и «дышавшие» юмором «рассказы, балагуры, которые можно было слышать среди собравшейся толпы»). В этом смысле определенным автокомментарием к «Тарасу Бульбе» может служить признание Гоголя в «Авторской исповеди» (1847) о своих первых произведениях, что причиной явившейся в них «веселости» были «болезнь и хандра», «припадки тоски», развеять которые ему удавалось с помощью шутки[5]. Как указал Н. С. Тихонравов, важнейшими из тем и мотивов, объединяющих «Тараса Бульбу» с «Выбранными местами из переписки с друзьями», является мотив уныния и связанная с ним тема утешения скорбящего человека. Исследователь обнаружил прямые переклички между речами казацких атаманов, воздвигающих упадший дух воинов в седьмой, восьмой и девятой главах повести, и содержанием статей «Переписки с друзьями»: *XV. Предметы для лирического поэта в нынешнее время*; *VII. Об Одиссее, переводимой Жуковским*; *X. О лиризме наших поэтов*[6]. Проблема уныния и различных средств борьбы с ним составляет одну из основ идейно-художественного замысла «Тараса Бульбы»[7]. На исключительное значение борьбы с унынием Гоголь указывал в заключительных строках «Авторской исповеди» (1847): «...Я не знаю выше подвига, как подать руку изнемогшему духом». В письме к Н. М. Языкову от 2 апреля (н. ст.) 1844 г. Гоголь еще раз замечал, что «привести человека в то светлое состояние, о котором заранее предслышат поэты», есть «вещь слишком важная, ибо из-за нее работает весь мир и совершаются все события».

В том же письме к Максимовичу Гоголь сообщает, что необходимые приятелю книги он собирается[8] посылать теперь прямо в Киев:

«Как нарочно, эти книги нашлись у меня, и потому денег тебе за них платить не нужно».

Просит при этом Максимовича не сидеть над книгами и передает советы П. А. Плетнева по преподаванию словесности:

«...Ради всего нашего, ради нашей Украйны, ради отцовских могил, не сиди над книгами. Чорт возьми, если они не служат теперь для тебя к тому только, чтобы отемнить свои мысли. Будь таков, как ты есть, говори свое, и то как можно поменьше. Студенты твои такой глупый будет народ, особливо сначала, что, право, совестно будет для них слишком много трудиться. Но, впрочем, лучше

всего ты делай эстетические с ними разборы. Это для них полезнее всего, скорее разовьет их ум, и тебе будет приятно. Так делают все благоразумные люди. Таким образом поступает и Плетнев, который нашел — и весьма справедливо — что все теории — совершенный вздор и ни к чему не ведут. Он теперь бросил все прежде читанные лекции и делает с ними в классе эстетические разборы, толкует и наталкивает их морду на хорошее. Он очень удивляется тому, что ты затрудняешься, и советует, с своей стороны, тебе работать прямо с плеча, что придется. Вкус у тебя хорош. Словесность русскую ты знаешь лучше всех педагогов-толмачей; итак, чего тебе больше».

Пишет о невысоких организаторских способностях попечителя Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке и советует Максимовичу познакомиться в Киеве с бывшим инспектором гимназического пансиона в Нежине Н. Г. Белоусовым (осужденным в 1830 г. по «делу о вольнодумстве»[9]):

«Из всех открытий, сделанных мною и другими достоверными людьми, оказывается, что наш Б<радке> знает славно экзекуторскую должность при университ<ете>. Высшая же оркестровка не так им сподручна, и потому ты можешь, принявши сие сведение, как следует распорядиться своими поступками: сиречь, приходить в назначенное время на лекцию, ни раньше, ни позже, и вести аккуратность и порядок, чтобы смирно сидели по местам и проч. <...> ...Приехавши в Киев, ты должен непременно познакомиться с экс-профессором Белоусовым. Он живет в собственном доме, на Подоле, кажется. Скажи ему, что я просил его тебя полюбить, как и меня. Он славный малый, и тебе будет приятно сойтись с ним».

Размышления о «высшей оркестровке» в деле воспитания (в отличие от «экзекуторских» методов, употребляемых Брадке) позднее определили создание образа «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ». Главным прототипом этого героя служил Гоголю директор Гимназии высших наук в Нежине И. С. Орлай[10] и отчасти (как продолжатель Орлая) младший профессор юридических наук, инспектор пансиона гимназии Белоусов, о котором Гоголь упоминает в письме.

Слова о «высшей оркестровке» позволяют предположить, что ко времени написания письма относится одна из бесед Гоголя с А. С. Пушкиным, о которой он вспоминал позднее в статье *Х. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «Как умно определял Пушкин значение полномощного монарха и как он вообще был умен во всем, что ни говорил в последнее время своей жизни! "Зачем нужно, — говорил он, — чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жестокое и небратское. С одним буквальным исполненьем закона не далеко уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти. Государство без полномощного монарха — автомат: много-много, если оно достигнет того, до чего достигнули Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина; человек в них выветрился до того, что и выеденного яйца не стоит[11]. Государство без полномощного монарха то же, что оркестр без капельмейстера: как ни хороши будь все музыканты, но, если нет среди них одного такого, который бы движеньем палочки всему подавал знак, никуды не пойдет концерт. А кажется, он сам ничего не делает, не играет ни на каком инструменте, только слегка помахивает палочкой да поглядывает на всех, и уже один взгляд его достаточен на то, чтобы умягчить, в том и другом месте, какой-нибудь шершавый звук, который испустил бы иной дурак-барабан или неуклюжий тулумбас. При нем и мастерская скрыпка не смеет слишком разгуляться на счет других: блюдет он общий строй, всего оживитель, верховодец верховного согласья!" Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значенье великих истин!»

[1] См. ***1834. Июня 23. Суббота. Москва.***

[2] См. ***1834. Июнь — июля начало. Санкт-Петербург.***

[3] Сборник из четырех повестей: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[4] *Кулиш 1854 (2).* С. 80.

[5] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания). — См. также ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[6] *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 670–671.

[7] См: *Гоголь 2009.* С. 490–494. — См. также ***1833. Июня 28. Среда. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1834. Июля 1. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин*** (примечания).

[10] см. ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва.***

[11] Приводимое Гоголем высказывание Пушкина о Соединенных Штатах находит подтверждение в мемуарах В. И. Анненковой, видевшей поэта в январе 1837 г. у великой княгини Елены Павловны: «Разговор был всеобщим, говорили об Америке. И Пушкин сказал: "Мне мешает восхищаться этой страной, которой теперь принято очаровываться, то, что там слишком забывают, что человек жив не единым хлебом"» (*Андроников И.* Лермонтов: Исследования и находки. М., 1964. С. 175).

В статье «Джон Теннер», напечатанной (с подписью: The Reviewer) в третьем томе «Современника» (см. ***1836. Октября до 9. Санкт-Петербург***), Пушкин также писал: «С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. <...> ...Несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских... <...> Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)...»

В статье «О преподавании всеобщей истории» (1834) Гоголь называл Америку «всемирной колонией, вавилонским смешением наций». В 1846 г., в статье *XXVIII. Занимающему важное место* «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь также писал: «Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить прежнего в его воровстве, значит сделать двух воров наместо одного. Да и вообще система ограничения — самая мелочная система <...> Эта <...> система <...> могла образоваться только в государствах колониальных, которые составились из народа всякого сброда, не имеющего национальной целизны и духа народного, где неизвестны ни самоотверженье, ни благородство, а только одни корыстные личные выгоды».

ИЮНЯ 30. СУББОТА. МОСКВА

М. А. Максимович завершил преподавание ботаники в Московском университете.

Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 338.

ИЮНЬ – ИЮЛЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Первое определенное указание на работу Гоголя над «Тарасом Бульбой»[1].

По свидетельствам П. В. Нащокина и С. А. Соболевского, описание степей во второй главе повести возникло по совету А. С. Пушкина.

Нащокин 4 ноября 1851 г. вспоминал, что Пукшин, «хвалил он ему <...> особенно Тараса Бульбу»: «О сей последней пьесе Пушкин рассказывал Нащокину, что описание степей внушил он. Пушкину какой-то знакомый господин очень живо описывал в разговоре степи. Пушкин дал случай Гоголю послушать и внушил ему вставить в Бульбу описание степи»[2].

Соболевский, ознакомившийся с рукописью Нащокина в первой половине 1852 г., в словах: «какой-то знакомый господин», — подчеркнул слово: «какой-то», а на полях автографа сделал примечание: «да; это было при мне. С. Соболевский. Стражинский, что в Житомире. Портрет его в кабинете у Плетнева». (Позднее после фамилии: «Стражинский», — П. И. Бартенев поставил вопросительный знак, указывающий, вероятно, на искажение фамилии; следует: «Шаржинский»).

Речь в воспоминаниях Нащокина и Соболевского идет о чиновнике из Житомира Семене Даниловиче Шаржинском (Шержинском; ум. не ранее 1851). Кроме Пушкина, Соболевского, Плетнева и Гоголя, с Шаржинским в Петербурге были знакомы соученик Гоголя по Нежинской гимназии художник А. Н. Мокрицкий, А. Г. Венецианов[3], Н. Д. Белозерский (приятель нежинского профессора Н. Г. Белоусова).

Знакомство Гоголя с Шаржинским состоялось, вероятно, летом 1834 г., когда в Петербурге жил и С. А. Соболевский. 18 июля 1834 г. Гоголь уже был знаком с Шаржинским и писал о нем М. А. Максимовичу именно как об «охотнике страшном до степей»[4]. П. А. Кулиш, опубликовавший это письмо, сделал к словам «охотник

страшный до степей» примечание (вероятно, со слов М. А. Максимовича): «Из его рассказов Гоголь заимствовал много красок для своего "Тараса Бульбы", например, степные пожары и лебеди, летящие в зареве по темному ночному небу, как красные платки»[5].

Очевидно, что воспользоваться пушкинским советом при создании «Тараса Бульбы» Гоголь мог не позднее средины июля 1834 г.

Мокрицкий, которого с конца августа 1833 по 30 ноября 1834 г. в Петербурге не было[6], тем не менее по поводу влияния рассказов Шаржинского на Гоголя, в свою очередь, замечал: «С Шержинским я познакомился еще в Петербурге в 1833 году[7]. Он был весьма образован и начитан, обладал редкою способностью рассказывать анекдоты, которых у него был неисчерпаемый запас. По своей поэтической натуре он любил все прекрасное, а потому изящные искусства были для него потребностью. Он искал знакомство с молодыми даровитыми художниками и, просиживая у них подолгу в мастерской, давал им весьма полезные советы. Его опытность в жизни, богатая память и наблюдательность, а также и редкая способность рассказывать делали его в обществе до того приятным, что и частым посещениям его всегда были рады. Николай Васильевич Гоголь очень любил его. По субботам у Гоголя собирались все нежинцы, а также и другие земляки. Весело проводили мы эти субботы, но когда являлся Шержинский, то разговор оживлялся, все с нетерпением ожидали какого-либо интересного рассказа, который невольно, привлекая внимание, часто или вызывал взрыв громкого смеха, или глубокий вздох. Не одну поэтическую красоту заимствовал Гоголь из рассказов Шержинского. Ясные очерки, последовательность, меткие сравнения, поэтические блестящие выражения придавали его импровизированному описанию художественную отделку. Шержинского на вечерах у Петра Александровича Плетнева, где собирались наши поэты, с жадностью слушал и А. С. Пушкин. Усевшись на диван, он слушал его с сверкающими глазами, впивался в рассказчика и хохотал от души своим наивно детским звонким смехом. В Житомире[8] половину населения составляют евреи. Их шахер-махеры, пронырливый характер, костюм, походка и движения доставляли неистощимую пищу юмору Шержинского»[9].

По-видимому, кроме описания степей в «Тарасе Бульбе», из рассказов Шаржинского Гоголь почерпнул и определенный материал к созданию образа Янкеля в этой повести.

Позднее Шаржинский послужил также Гоголю одним из прототипов главного героя «Мертвых душ» Чичикова[10], с чем, в частности, связан повышенный интерес Гоголя к статье П. А. Плетнева о «Мертвых душах», опубликованной в «Современнике» с инициалами «С. Ш.» (что означает: Семен Шаржинский). Очевидно, Плетнев таким образом показывал, что узнал в гоголевском герое его прототип[11].

К лету 1834 г. относится также знакомство А. С. Данилевского, через посредство Гоголя, с Пушкиным и, вероятно, с Шаржинским[12].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «О знакомстве с Пушкиным Александр Семенович припоминал следующее. Однажды летом отправились они с Гоголем в Лесной на дачу к Плетневу, у которого довольно часто бывали запросто. Чрез несколько времени, почти следом за ними, явились Пушкин с Соболевским. Они пришли почему-то пешком с зонтиками на плечах. Это первое знакомство с Пушкиным осталось особенно памятно Данилевскому. Он живо передавал, как вскоре к Плетневу приехала еще вдова Н. М. Карамзина, и Пушкин затеял с нею спор. Карамзина выразилась о ком-то: "она в интересном положении". Пушкин стал горячо восставать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, чисто русского выражения: она *брюхата*, что последнее выражение совершенно прилично, а напротив неприлично говорить: "она в интересном положении".

После обеда был любопытный разговор. Плетнев сказал, что Пушкина надо рассердить и тогда только он будет настоящим Пушкиным, и стал ему противоречить.

Впечатление, произведенное на Данилевского Пушкиным, было то, что он и в обыкновенном разговоре являлся замечательным человеком, каждое слово его было веско и носило печать гениальности; в нем не было ни малейшей натянутости или жеманства; но особенно поражал его долго не выходивший из памяти совершенно детский, задушевный смех. Он бывал с женой у Плетнева.

В это время Плетнев делал уже быстрые успехи в обществе и был преподавателем при меньших великих княжнах, Ольге Николаевне и Александре Николаевне»[13].

[1] См. также ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] *Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине. Тетрадь 1851–1860 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 550–551.

[3] В апреле 1843 г. Венецианов писал, в частности, Л. А. Стромиловой о Шаржинском: «...Плетнев мне сказал, что Шержинский по ветрености своей не может кому-либо помогать, но свои здесь долги худо платит» (Алексей Гаврилович Венецианов. Статьи, письма, современники о художнике / Сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Корниловой. Л., 1980. С. 204).

[4] См. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 633.

[6] См. ***1833. Августа конец. Санкт-Петербург***; ***1834. Ноября 30. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1833. Январь-август. Санкт-Петербург.***

[8] С. Д. Шаржинский служил губернским почтмейстером в Житомире. Здесь в 1840–1841 гг. А. Н. Мокрицкий написал его портрет.

[9] *Мокрицкий А. Н.* Автобиография // *Свод.* Т. 1. С. 600–601. – Ср. также ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург*** (свидетельство Л. Н. Павлищева).

[10] См. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[13] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 511.

ИЮЛЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает М. А. Максимовичу в Киев необходимые ему книги, а также тетрадь народных песен:

«Итак посылаю тебе книги[1] прямо в Киев, где, надеюсь, они тебя уже застанут; вместе с ними и тетрадь песень, которая в разные времена списывалась. Она замечательна тем, что содержит в себе самые обыкновенные, общеупотребительные песни, но которых вряд ли кто может пересказать из поющих, так утратились слова их. Я думаю, ты теперь можешь много кое-чего отрыть в Киево-печерской лавре, а для чичероне возьми Белоусова, о котором я тебе писал[2]. <...> Опиши всё до иголки, как ты найдешь Киев, в каком виде представится тебе твое новое житье; всё это ты должен неукоснительно описать. Я же буду ожидать с нетерпением твоего отзыва».

[1] См. также ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки.

См. ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 5. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. А. Максимович выехал из Москвы в Киев.

Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 338.

ИЮЛЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Я получил письмо ваше, бесценная маминька, от 19 июня[1], сего месяца 3 числа[2]. Из вашего письма я узнаю, маминька, что вы фабрику[3] бросили совершенно. Я прошу вас в таком случае, пришлите мне подробный счет издержкам... <...> ...Ведет ли Василий Иванович <Черныш>, приход и расход по имению аккуратно каждый месяц? <...> Соображаясь с приходом, можно размерять и расход свой... <...> Богу никак нельзя приписывать наших неудач. Бог милостив, и всякому, кто трудится с благоразумием и с осмотрительностью принимается за дело, он всегда оказывает всемогущую свою помощь. <...> Но если, вместо этого, мы предадимся бесплодным мечтаниям и будем сидеть сложа руки, надеясь во всем на милосердие Божие, то мы никогда не будем иметь ничего. <...> По этому-то самому я не вижу даже большой необходимости ехать в Воронеж[4]. Я уважаю очень угодников Божиих, но молиться Богу всё равно, в каком бы месте вы ни молились. Он вездесущ, стало быть, Он везде слышит нашу молитву, и Ему столько молитва нужна, сколько нужны дела наши. Впрочем я не настою на том, чтобы вы не ехали в Воронеж, особливо если позволят вам ваши финансы».

Пишет, что выслать денег, а также приехать сам пока не может («Но зато в генваре или феврале месяце уже ничто не удержит меня»). Сообщает, что сестры Анна и Елисавета «в музыке[5] делаются доки и начинают играть довольно трудные пиесы». На просьбу прислать «Библиотеку для чтения» А. Ф. Смирдина отвечает, что журнал этот «так толст, что за пересылку его больше нужно заплатить, нежели сколько он сам стоит»:

«...Притом же он очень глуп. Все порядочные люди и великие писатели от него отказываются; в высшем кругу его никто не читает. Только в провинции находятся люди, которые его читают еще и восхищаются дрянью».

[1] См. ***1834. Июня 19. Вторник. Васильевка.***

[2] См. ***1834. Июля 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка.***

[4] М. И. Гоголь, огорченная неуспехом фабрики, собиралась на богомолье в Воронеж, где двумя годами ранее, 8 августа 1832 г., состоялось торжественное открытие мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского (см. ***1832. Мая 14. Понедельник. Васильевка***). По свидетельству Г. П. Данилевского, посетившего Васильевку в 1852 г., образ святителя Митрофана Воронежского висел во флигеле, где жил Гоголь, над его кроватью (см. ***1851. Мая 14. Понедельник. Васильевка***). Ф. В. Чижов, вспоминая о пребывании Гоголя в Риме в 1843 г., сообщал П. А. Кулишу: «В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. <...> Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: “Была ли она у Святителя Митрофана?” Я отвечал: “Не знаю”. – “Если не была, скажите ей, чтоб она дала обет помолиться у его гроба...”» (см. ***1843. Марта 1 <февраля 17>. «Пепельная среда» (начало католического Великого поста). Рим***).

[5] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Декабря 15. Суббота. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 13. ПЯТНИЦА. КИЕВ

М. А. Максимович прибыл из Москвы в Киев.

Автобиография Мих. Алек. Максимовича. <Письмо М. А. Максимовича к С. П. Шевыреву от 2–3 апреля 1854 г.> // Киевская Старина. 1904. № 9. С. 338; Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде, *Михаила Максимовича*. СПб., 1871. С. 37.

ИЮЛЯ 18. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет письмо к М. А. Максимовичу в Киев. Сообщает, что так и не дождался от него еще одного письма из Москвы (перед отъездом приятеля в Киев)[1]:

«Я, однако же, всё ожидал, что ты еще будешь писать ко мне из Москвы. Мне хотелось знать, как ты собирался в дорогу, сел в бричку и прочее».

Извещает Максимовича о получении экземпляров его сборника «Украинские народные песни» (М., 1834). Добавляет, что песни понравились воспитаннику В. А. Жуковского, шестнадцатилетнему великому князю Александру Николаевичу:

«Я получил твои экземпляры песень и по принадлежности роздал, кому следовало. Препровождаю к тебе благодарность получателей. Жуковский читал некоторые: они произвели эффект. Многие понравились наследнику».

Спрашивает, познакомился ли Максимович в Киеве с Н. Г. Белоусовым[2], о котором он упоминал в письме от 1 июля 1834 г. (а также в письме от 27 июня 1834 г.). Уточняет, что тот находится теперь на службе у киевского военного генерал-губернатора графа (с 1 июня 1833 г.) В. В. Левашова (Белоусов состоял при Левашове канцелярским чиновником):

«Познакомился ли ты с Белоусовым, как я тебе писал в прежнем письме? Он находится теперь при графе Левашеве».

Сетует, что Максимович не прислал ему нот к своему сборнику песен:

«Да что ты не прислал мне нот малороссийских песень? Прислал один лист под названием Голоса, а самих-то голосов и нет[3]. Я с нетерпением дожидаюсь их».

Кроме того, в том же письме Гоголь обратился к Максимовичу с просьбой рекомендовать попечителю Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке некоего чиновника Почтового департамента на должность директора гимназии в Киеве или другом городе округа (речь идет о помощнике контролера 5-го отделения департамента, титулярном советнике Семене Даниловиче Шаржинском[4]; его имя Гоголь назвал Максимовичу лишь в следующем письме[5]):

«А кстати, чтобы не позабыть: к вам, или к нам, в Киев хочет ехать один преинтереснейший и прелюбезнейший человек, который тебе понравится до-нельзя, настоящий земляк и человек, с которым никогда не будет скучно, никогда, сохранивший всё то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет. Он хочет занять место директора гимназии, если нельзя в Киеве, то в какой-нибудь другой [вашего же] Киевского же округа. Вначале он служил по ученой части, потом был за границей, потом в таможнях[6], изъездил всю Русь, охотник страшный до степей и Крыма и, наконец, служит здесь в почтовом департаменте. Извести только, если у вас <есть> какое-нибудь вакантное место, и в таком случае замолвь словечко от себя Брадке, не прямо, но косвенно, т. е. вот каким образом: что ты знаешь де человека, весьма годного занять место и истинно достойного, но что

не знаешь де, согласится ли он на это, потому что в Петербурге имеет выгодное место, и считают его нужным человеком, [но что знаешь] что прежде он хотел ехать в Киев; то попробовать, может быть, он согласится, тем более, что там близко его родина. А с своей стороны ты очень будешь доволен им».

Впоследствии бывший «таможеник» Шаржинский послужил Гоголю одним из прототипов главного героя «Мертвых душ» Чичикова[7] – который, согласно строкам заключительной главы второго тома поэмы, тоже служил ранее на таможне. Образ Чичикова, немало поколесившего по Руси, напоминает и гоголевская характеристика Шаржинского как человека изъездившего «всю Русь». В свою очередь, слова Гоголя о Шаржинском как «охотнике страшном до степей и Крыма» приводят на память пристрастие главного героя поэмы к Херсонской губернии (куда он намеревается «переселять» свои «мертвые души»: «О, там отличные земли, не заселено только, – сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав»; глава седьмая поэмы). (Со слов о незаселенности Новороссии, куда входила и образованная в 1778 г. Херсонская губерния, как раз и начинается восходящее к рассказам Шаржинского[8] описание степей в «Тарасе Бульбе»: «...Высокая трава, обступивши, скрыла их <...> Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию <...> было зеленою девственною пустынею»[9].)

Значим и одинаковый возраст Чичикова и Шаржинского: «нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод» (строки первой главы «Мертвых душ») – «сохранивший все то, что требуется для молодости, несмотря на то, что ему за сорок лет» (письмо Гоголя к Максимовичу).

Некоторые герои «Мертвых душ» (жандармский полковник, помещики Ноздрев и Тентетников) принимают Чичикова и за занятого какими-то «учеными предметами»[10], что соответствует словам Гоголя о Шаржинском в письме к приятелю: «служил по ученой части».

Со временем тон сообщений Гоголя о Шаржинском становится вольнее. 21 февраля 1836 г. Гоголь пишет Н. Д. Белозерскому: «Шаржинский, как вам известно, навостряет лыжи в Радзивилов почтмейстером и, вероятно, скоро удерет оттуда опять в Петербург, если только какая-нибудь полька не сядет верхом на его синие очки». Предположение о «какой-нибудь польке», могущей прельстить Шаржинского в Радзивиллове, отзывается в ссоре Чичикова со своим товарищем на радзивилловской таможне «за какую-то бабенку».

А то, как с самого начала аттестует Гоголь Шаржинского – «преинтереснейший и прелюбейзнейший человек», – заставляет вспомнить характеристику, данную «любезнейшему и обходительнейшему» Чичикову в его жизнеописании: «Не загляни автор поглубже ему в душу <...> все <...> приняли бы его за интересного человека».

Позднее, в 1842 г., П. А. Плетнев, вероятно, узнал в герое Гоголя черты Шаржинского, подписав свою статью о «Мертвых душах» его инициалами «С. Ш.» – чем Гоголь был «страшно» заинтригован[11].

В свою очередь, А. С. Данилевский в 1887 г. свидетельствовал, что прототипом Чичикова был их «общий знакомый в начале 30-х годов»[12].

То, что сам Шаржинский, несмотря на данную ему первоначально Гоголем хвалебную рекомендацию, попал затем, вслед за выведенными из его рассказов еврейскими типами[13], в число «мертвых душ» – став прототипом мошенника Чичикова[14] (добавим, в частности, что Шаржинский был и членом масонской ложи, в 1817–1819 гг. он состоял в «Ложе Иордан» в Феодосии[15]), вполне соответствует общей логике художественной мысли писателя, изображавшего своих героев в соответствии со словами Апостола: «...как иудеи, так и еллины, все под грехом...» (Рим., 3, 9)[16].

[1] См. ***1834. Июня 23. Суббота. Москва***; ***1834. Июля 5. Четверг. Москва.***

[2] См. ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 1. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] Имеется в виду сборник: Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Тетрадь первая. М., 1834 (цензурное разешение 22 июня; разрешение на выпуск в свет 13 июля). Этот сборник, включающий в себя 25 песен, переиздан: Голоса украинских песен, изданные Михаилом Максимовичем. Аранжировка Александра Алябьева. 2-е изд. под ред. и с историко-критическим очерком Б. С. Штейнпресса. М., 1961.

О сборнике Максимовича – Алябьева «Голоса украинских песен» Гоголь упомянул в примечании к статье «О малороссийских песнях» при перепечатке ее в «Арабесках» (1835): «...Любители музыки, поэзии могут несколько утешиться; недавно издано прекрасное собрание песен Максимовичем, и при нем голоса, переложенные Алябьевым».

Сборник явился первым в литературе нотным изданием, специально посвященным украинскому народному песенному творчеству. В «Предисловии» к книге Максимович замечал: «Занимаясь собранием украинских песен, я, сколько мог, доставал и *напевы* или *мотивы* оных. А. А. Алябьев взял на себя труд аранжировать оные для пенья и фортепьяно: и вот *первая* тетрадь, за которую любители народного пения, которых теперь так много, будут обязаны новою благодарностью своему любимому певцу; я же винюсь пред ними в том, что так замедлил изданием оной» (*Максимович М.* Предисловие // Голоса украинских песен, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Вып. 1. Отд. 1. С. 3). (М. А. Максимович познакомился с А. А. Алябьевым летом 1832 г. на Кавказе, на Минеральных Водах.) Заглавие на титульном листе книги было сопровождено следующим эпиграфом: «Ничто

не может быть выше народной музыки, если только народ имел поэтическое расположение, разнообразие и деятельность жизни. Н. Гоголь, *о Малорос<сийских> песнях*». В конце первого отдела сборника, заключающего в себе песенные тексты, Максимович сделал также примечание: «Об украинских песнях и музыке оных читатели найдут прекрасную статью г. Гоголя в Журн<але> Минист<ерства> Нар<одного> Просв<ещения> 1834 г. № 4» (Там же. Вып. 1. Отд. 1. С. 16).

Впоследствии девять песен из тех, напевы которых были опубликованы в «Голосах украинских песен» Максимовича, оказались в числе песен, любимых Гоголем (см. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***, а также ***1850. Января 16. Понедельник. Москва*** – примечания). Еще три песни из того же числа были обнаружены в записях Гоголя (см. коммент. к разделам *<III> Южнорусские песни. <Тетрадь первая>* и *<XI. Отдельные песни в записях Гоголя>* в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17).

[4] См.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1834. СПб., <1834>. С. 623.

[5] См. ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург***.

[6] О службе С. Д. Шаржинского «в таможнях» Гоголь вновь упоминает в письме к М. А. Максимовичу от 14 августа 1834 г.

[7] См.: *Гоголь 1994*. Т. 5. С. 552–553; *Гоголь 2009–2010*. Т. 10. С. 372–376.

[8] См. также ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***.

[9] Позднее, весной 1840 г. Гоголь получил от Н. Д. Белозерского заметку Н. Д. Мизко «Историко-статистические сведения о раздаче земель в Южной России». Записка представляет тот исторический фон, который, очевидно, имел в виду Гоголь, предоставляя своему герою планы поселения несуществующих крестьян в Таврическую и Херсонскую губернии (см. ***1840. Апреля 12. Страстная пятница. Москва***).

[10] См.: *Гоголь 1937–1952*. Т. 6. С. 18, 213; Т. 7. С. 27.

[11] См. ***1843. Января 26 <февраля 7>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[12] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***.

[13] См. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***.

[14] См. также отрицательный отзыв о Шаржинском А. Г. Венецианова (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург*** – примечания).

[15] См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: Росспэн, 2001. С. 884, 1121.

[16] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 1–2. С. 464.

ИЮЛЯ 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь утвержден адъюнктом по кафедре истории историко-филологического университета Санкт-Петербургского университета[1].

В августовском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г., в разделе «Министерские распоряжения» («Определения и увольнения»), напечатано: «По Университетам. В С. Петербургском: Старший Учитель Патриотического Института *Гоголь-Яновский* определен Адъюнктом по кафедре Истории (19 июля)»[2].

В «Общем отчете, представленном Его Императорскому Величеству по Министерству Народного Просвещения за 1834 год» также сообщалось: «Адъюнкты Устрялов и Никитенко утверждены Экстра-Ординарными Профессорами, первый по части Истории, а второй по части Российской Словесности; на место Устрялова, как Адъюнкта по кафедре Истории, определен Старший Учитель Патриотического Института Гоголь-Яновский»[3].

21 февраля 1835 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Вот случай из его <Гоголя> жизни, который должен был бы послужить ему уроком, если бы фантастическое самолюбие способно было принимать уроки. Пользуясь особенным покровительством В. А. Жуковского, он захотел быть профессором. Жуковский возвысил его в глазах Уварова до того, что тот в самом деле поверил, будто из Гоголя выйдет прекрасный профессор истории, хотя в этом отношении он не представил ни одного опыта своих знаний и таланта[4]. Ему предложено было место экстраординарного профессора истории в Киевском университете. Но Гоголь вообразил себе, что его гений дает ему право на высшие притязания, потребовал звания ординарного профессора и шесть тысяч рублей единовременно на уплату долгов. Молодой человек, хотя уже и с именем в литературе, но не имеющий никакого академического звания, ничем не доказавший ни познаний, ни способностей для кафедры – и какой кафедры – университетской! – требует себе того, что самый Герен, должно полагать, попросил бы со

скромностью. Это может делаться только в России, где протекция дает право на все. Однако ж министр отказал Гоголю. Затем, узнав, что у нас по кафедре истории нужен преподаватель, он начал искать этого места, требуя на этот раз, чтобы его сделали, по крайней мере, экстраординарным профессором. Признаюсь, и я подумал, что человек, который так в себе уверен, не испортит дела, и старался его сблизить с попечителем, даже хлопотал, чтобы его сделали экстраординарным профессором. Но нас не послушали и сделали его только адъюнктом.

Что же вышло? "Синица явилась зажечь море" – и только. Гоголь так дурно читает лекции в университете, что сделался посмешищем для студентов. Начальство боится, чтобы они не выкинули над ним какой-нибудь шалости, обыкновенной в таких случаях, но неприятной по последствиям. Надобно было приступить к решительной мере. Попечитель <князь М. А. Дондуков-Корсаков> призвал его к себе и очень ласково объявил ему о неприятной молве, распространившейся о его лекциях. На минуту гордость его уступила место горькому сознанию своей неопытности и бессилия. Он был у меня[5] и признался, что для университетских лекций надо больше опытности.

Вот чем кончилось это знаменитое требование профессорской кафедры. Но это в конце концов не поколебало веры Гоголя в свою всеобъемлющую гениальность. Хотя, после замечания попечителя, он должен был переменить свой надменный тон с ректором<А. А. Дегуровым>, деканом <И. П. Шульгиным> и прочими членами университета, но в кругу "своих" он все тот же всезнающий, глубокомысленный, гениальный Гоголь, каким был до сих пор.

Это смешное, надутое, ребяческое самолюбие, впрочем, составляет черту не одного Гоголя, но едва ли не всех знаменитых умов наших, видавших свое имя в печати»[6].

27 февраля 1854 г. Д. В. Стасов[7] записал: «Ал. Вас. Никитенко говорил мне, что Гоголь, приехавши в Петерб<ург>, стал добиваться места профессора и хотел именно, чтобы его сделали ординарным профессором, давали бы 6000 р<ублей> жалованья и заплатили б и его долги. На это никак не соглашались, что и примеров таких не бывало, да и штаты были небольшие, и Никитенке (который был тогда адъюнктом и секретарем при правлении округа) было поручено уговорить его ограничить свои желания. Гоголь согласился, и по рекомендациям разным – особенно Жуковского, а также и по тому, что уже были изданы *вечера на хуторе* (?)[8], он б<ыл> сделан адъюнкт-профессором и получал 600 р<ублей> жалованья. Гоголем были все ужасно недовольны. Студенты постоянно после лекций смеялись над его чтениями, п<отому> что постоянно бывали только взгляды и личные впечатления, все – a priori. Гоголь сам это чувствовал, но не сознавался, и раз как-то сказал Ник<итенко>: "Посмотрите когда-нибудь, у меня шесть фолиантов для университетских лекций". Ник<итенко> действительно раз зашел к нему и просил показать. Тот говорил: "да не знаю, где они у меня теперь, я только вчера и<х> обрезал", и более уже никогда не говорил об этом. Никитенке же, кажется, было поручено уговорить его, чтобы он вышел; Ник<итенко> сказал ему обиняком, что, Ник<олай> Вас<ильевич>, ваше место не кафедра, и что вы не довольно к этому приготовлены, а Гоголь на это ответил: "*Да, я вижу, что студенты не подготовлены достаточно, чтобы понимать мои лекции*"[9]. Ник<итенко> говорил вообще, что Гог<оль> старался всеми силами приобресть известность, и считал, что кафедра сделана для того, чтобы делиться внутренними впечатлениями. Смирения, о к<ото>ром он проповедовал, в нем никогда не было. Это б<ыл> чрезвычайно хитрый человек в достижении того, что хотел[10], а хотел он прежде всего – известности, и кинулся на кафедру [думая, что...], пробуя своих сил»[11].

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба (1865): «Жуковский был очень дружен с Плетневым, и по их протекции Гоголь получил место при Петербургском университете, но, кажется, читал только две лекции. Он издал тогда *Вечера на хуторе, Арабески, Миргород* и сделался уже известным. Впрочем, я тогда потерял его из виду и сблизиться с ним мне суждено было уже после, за границей...»[12]

П. А. Кулиш в письме к В. И. Шенроку от 29 апреля 1888 г. также сообщал: «Вспоминал Плетнев с досадой и о том, как устроил Гоголь свою профессуру в университете, будучи вовсе к ней неприготовленным и не думая готовиться»[13].

Шенрок, общавшийся в 1887 г. с А. С. Данилевским, в 1894 г. сообщал: «...Притязания Гоголя на кафедру и ученую репутацию были совсем не напускным шарлатанством, но просто неумением строго и верно судить себя. Таково было убеждение его друга, покойного А. С. Данилевского»[14].

[1] См. также ***1835. В течение года. Санкт-Петербург.***

[2] <Сообщение «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1834. № 8) об определении Гоголя адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории Санкт-Петербургского университета> // *Свод.* Т. 1. С. 770.

[3] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. № 4. С. XXIX–XXX; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 771.

[4] Замечание А. В. Никитенко необъективно и несправедливо. См.: *Виноградов И. А.* Исторические воззрения Гоголя и замысел поэмы «Мертвые души» // Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 77–93.

[5] См. ***1835. Февраля не позднее 21. Санкт-Петербург.***

[6] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726–727.

[7] Дмитрий Васильевич Стасов (1828 – после начала 1890-х), брат В. В. Стасова.

[8] Так в источнике.

[9] См. также ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] Мнение А. В. Никитенко в целом сходствует с высказываниями о Гоголе других западников – П. В. Анненкова, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева.

[11] *Стасов Д. В.* Анекдоты и рассказы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 373.

[12] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 651.

[13] *Крутикова Н. Е.* Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 284; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 416.

[14] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 514. См. также ***1836. Января после 18 – февраль. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (воспоминания В. И. Любича-Романовича).

ИЮЛЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института Л. Ф. Вистенгаузен направляет статс-секретарю Императрицы Н. М. Лонгинову представление о возобновлении выплаты Гоголю жалованья (удержанного с конца 1832 г. за обучение сестер)[1], по его прошению:

«Об учителе Гоголе и жалованьи его, оставленном было для пенсий. <...> В 1832 г., по просьбе учителя Патриотического института Гоголя-Яновского, помещены в сие заведение на воспитание две его родные сестры с тем, чтобы жалованье, ему производимое, 1200 р<ублей> в год оставалось в пользу института. Сумма сия тогда же предназначена на составление пенсионного капитала, в основание коего 1000 р<ублей> внесены в коммерческий банк на проценты. Прочие же ежемесячно вычитаемые остаются в хранении при институте. Ныне учитель Гоголь-Яновский просит о производстве ему того жалованья с 1-го января сего года. О таковой просьбе, по уважению отличных и полезных трудов его по институту, честь имею представить на благорассмотрение Вашего Превосходительства»[2].

[1] См. ***1832. Ноября 13. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1832. Декабря 5. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] <О назначении Гоголю с 1 января 1834 г. прекращенного в ноябре 1832 г. жалованья> / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 740.

ИЮЛЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вручает П. Г. Редкину рекомендательное письмо к М. П. Погодину в Москву:

«Рекомендую тебе доброго товарища моего Редькина[1]. Он только что возвратился из чужих краев, куда был посылан для усовершенствования своего учения, с тем, чтобы занять профессорскую кафедру. Он очень жаждет с тобою познакомиться. Он по юридической части. Впрочем, ты можешь от него узнать и о состоянии прочих наук в Германии. Я на время решился занять здесь кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы через Редькина мне теперь же. Над чем ты теперь сидишь в деревне?»

[1] П. Г. Редкин; в конце 1830 г. он был отправлен из Дерпта за границу для усовершенствования в науках.

ИЮЛЯ 24. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сведения о назначении Гоголя адъюнкт-профессором по кафедре истории историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета внесены в его послужной список[1].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «В 1834 году, 24 июля, Гоголь утвержден был адъюнктом по кафедре всеобщей истории в Санктпетербургском Университете»[2].

[1] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также: «ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК. О службе состоящего по установлению в 8 классе Адъюнкта по кафедре Истории при Императорском С. Петербургском Университете Николая Гоголя-Яновского. За 1834 год» (Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 112; фотокопия).

[2] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

ИЮЛЯ 26. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рукою Н. М. Лонгинова на ходатайстве Л. Ф. Вистенгаузен о возобновлении выплаты Гоголю жалованья[1] написана резолюция Императрицы Александры Феодоровны:

«Ее Императорское Величество действительно соизволила объявить Высочайшую волю еще в начале сего года, чтобы г-ну Гоголю-Яновскому производить положенное ему жалованье, а сестер его считать в институте сверхкомплектными воспитанницами, вменив ему сие в особое награждение; почему и следует показанное жалованье ему производить с 1-го генваря сего года»[2].

Очевидно, что после Высочайшей резолюции Гоголь должен был получить жалованье сразу за семь месяцев, т. е. 700 рублей.

[1] См. ***1834. Июля 22. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] <О назначении Гоголю с 1 января 1834 г. прекращенного в ноябре 1832 г. жалованья> / Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 740.

ИЮЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь составляет первоначальный план сборника «Арабески»[1], включивший в себе следующие произведения (из статей, написанных собственно для сборника, в план помещены две: «Об архитектуре»[2] и «О Пушкине»[3], причем последняя, зачеркнутая в списке, вероятно, к тому времени еще не была закончена)[4]:

«О Средних в<еках>[5]. Дождь[6]. Мысли об истории[7]. [О Пушкине] Глава из романа[8]. Мысли о географии[9]. О малоросс<ийских> песнях[10]. Об архитектуре. [Женщина][11] Учитель[12]. Кровавый бандурист[13]. Женщина. О Малороссии[14]. О естес<твенной?> истории»[15].

Отсутствие «Портрета» в гоголевском перечне статей для «Арабесок» объясняется, вероятно, тем, что повесть предполагалась для совместного (с князем В. Ф. Одоевским) альманаха «Двойчатка», о котором Одоевский упоминал в конце 1833 г. в письме к М. А. Максимовичу[16].

[1] Арабески – арабская роспись, причудливое смешение разнородных элементов.

[2] Позднейшее название «Об архитектуре нынешнего времени». Статья, вероятно, была написана в июле 1834 г. вслед за статьей «О Средних веках», заканчивающейся образом готического храма. В статье нашли отражение впечатления Гоголя от поездки в Германию в 1829 г. (см. ***1829. Августа 14 <2>. Пятница. Любек*** – примечания).

[3] Позднейшее название – «Несколько слов о Пушкине».

[4] См. также ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург.***

[5] Статья была заказана Гоголю С. С. Уваровым в мае 1834 г. (см. ***1834. Мая не позднее 28. Санкт-Петербург***) и закончена не позднее 8 июня (см. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург***).

[6] Подразумевается, вероятно, набросок «Дождь был продолжительный...», сделанный в 1833 г. (из этого замысла позднее возникнут повести «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего»).

[7] См. ***1834. Февраль. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1830. Декабря 24. Среда. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[13] Запрещенный цензурой 27 февраля 1834 г. «Кровавый бандурист» (см. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***) во втором плане «Арабесок» получит название «Отрывок из романа» (см. ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург***), а затем – в окончательном составе сборника – «Пленник (Отрывок из исторического романа)». Не исключено, что, внося в план первоначальное название отрывка и подыскивая ему новое заглавие, Гоголь намеревался в то же время воспользоваться расположением к нему председателя цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова (см. ***1834. Июня 8. Пятница. Санкт-Петербург*** – примечания) и вновь провести «Кровавого бандуриста» через цензуру.

[14] См. ***1834. Апрель. Санкт-Петербург.***

[15] Оставшаяся ненаписанной статья «О естественной истории» должна была, вероятно, представлять собой отклик на книгу М. А. Максимовича «Размышления о природе», прочитанную Гоголем летом 1833 г. (см. ***1833. Июля 2. Воскресенье. Санкт-Петербург*** – примечания).

[16] См. ***1833. Конец года. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 1. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Я получил письмо ваше и был очень огорчен, даже до сих пор не могу совершенно быть спокойным, вообразив, что вам предстоит так малый срок, только до августа, к уплате пяти тысяч рублей. Где вы их возьмете? <...> О, Бога ради, маминька, не заводите никаких новых предприятий и фабрик. Для того, чтобы заводить их, нужно слишком быть сведущим в этом деле; нужно быть самому фабрикантом. – Фабрики и заведения новые не оттого лопают, что они глупость, но оттого, что не всякий знает, как за них взяться. – Старайтесь лучше сохранить и усовершенствовать то, что у нас есть... <...> Если у вас уже выучились выделывать кожи[1], то вы не оставляйте этого вовсе. Пусть выделывают, но только выделывают, и больше ничего, но шить и делать какие-нибудь подряды – Бог с ними. И то выделывать могут тогда только, когда требует этого надобность.

Вы жалуетесь, что я вам не уведомляю ничего о службе... <...> ...Я скинул с себя лишнюю обузу и отказался от других [слу<жб>] занятий. Я теперь только профессор здешнего университета и больше никакой не имею должности, потому что и не имею желания занять и не имею времени».

19 июля 1834 г. Гоголь был назначен адъюнктом по кафедре истории при Петербургском университете[2], но вплоть до июня 1835 г. продолжал состоять и в числе преподавателей Патриотического института.

В 1877 г. Елена Умецкая, посылая в редакцию «Нового Времени» гоголевский автограф «Введения» (в древнюю историю), сообщала: «Я воспитывалась с 1834 по 1840 год в Петербурге, в Патриотическом институте, вместе с сестрами Н. В. Гоголя, Анной и Елизаветой, и была с ними в тесной дружбе. В первый год нашего поступления в институт Н<иколай> В<асильевич> читал нам[3] всеобщую историю. Восхищенная "Вечерами на Хуторе", которые дали прочесть сестры Н<иколая> В<асильевича>, я сделалась его поклонницей и по обычаю всех поклонниц хранила как сокровище разные безделицы, побывавшие в его руках. Сестры Н<иколая> В<асильевича> знали о моем поклонении их брату. Анна Васильевна, желая доставить мне удовольствие, подарила мне, в то время, написанную рукою Н<иколая> В<асильевича> программу введения во всеобщую историю. А

Елизавета Васильевна, с которой я была в постоянной переписке, по выходе нашем из института, зная, как горячо интересовалась я всем, что касалось ее брата, прислала мне его письмо к ней. Обе эти рукописи Н. В. Гоголя я хранила как святыню. К сожалению, с 1846 года сестры Н<иколая> В<асильевича> и я совершенно потеряли друг друга из виду; слышала я только, что обе сестры вышли замуж, но за кого, – не знаю, а с переменой фамилии разыскать их сделалось еще труднее... Письмо к сестре-ребенку <от 10 августа 1840 г.>, писанное им из-за границы, куда он уехал больной, озабоченный литературными трудами, обрисовывает его нежную любящую душу... Елена Умецкая. 12 мая 1877 г. Село Добрыни гг. Калитиных, Лугского уезда, Петербургской губернии»[4].

Далее в письме к матери Гоголь передает привет сестре Марии, ее мужу П. О. Трушковскому, Е. И. Ходаревской, дедушке и бабушке И. М. и М. И. Косяровским, В. И. и Т. И. Чернышам, И. И. Трощинскому. К своему посланию приложил письма к матери сестер Анны и Елисаветы.

[1] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] Вероятно, с 1 августа 1834 г.
[4] Неизданные заметка и письмо Н. В. Гоголя // Новое Время. 1877. 24 мая. № 442. С. 1.

АВГУСТА 4. СУББОТА. КИЕВ

М. А. Максимович посылает Гоголю первое письмо по переезде из Москвы в Киев.

См. ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 7. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет письмо к В. В. Тарновскому в Житомир:

«Извини меня, любезный Василь *(э, Василь! а що, як бы гимназия сгорила...)*[1], извини, что долго не писал к тебе. <...> Посылаю тебе Нибура столько книг, сколько до сих пор переведено на французском[2]. Что, видел ли ты Редькина? Он поехал на месяц полобызаться с батюшкою и потом должен опять возвратиться сюда. <...> Как ты проводишь дома время каникул? Что болящий[3]? Что дядюшка Гриша Степанович[4]? Что поп, который говорит: *чого-б такы сыдить так? вы б такы або гралы, або танцювалы и так, и так.* Бываешь ли ты часто в Киеве? Ведь тебе, кажется, через него лежит дорога домой. Я слышал, что Белоусова дела довольно поправились, я этому очень рад. Да, пожалуста, скажи, если будешь в Киеве, Максимовичу, который там профессор словесности, что я просто приеду и поколочу его на все боки. <...> Вот ровно месяц, если не больше, как я от него ни строки не получаю[5]. По крайней мере из Киева он мне ни двух запятых до сих пор не написал... <...> Ты скажи ему, что я велел ему особенно полюбить тебя и стараться перевести тебя в Киев[6], хотя адъюнктом, потому что киснуть тебе в литовском городе не годится. Что, как твое здоровье? Как <......> ты, в круть или в смятку? и регулярно, или нерегулярно[7]? Так же на счет поясницы и прочих почечуйностей[8]. Каково идет ваша житомирская гимназия? Часто ли посещает вас пресловутый ваш Б<радке>? Ну, какой сволочи набрали в ваш киевский университет! Мне даже жаль бедного Максимовича, что он попался между них. Можно ли это? Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея. Я сам было думал в киевский университет, да, к счастью, не сошелся с вашим Б<радке>, остался в здешнем, и лучше, потому что через четыре месяца получаю здесь экстраординарного профессора».

Спрашивает о нежинских приятелях П. А. Лукашевиче, Г. И. Высоцком, а также о В. М. Маркове («Кажется, мне кто-то говорил, что он намеревался сюда ехать»).

[1] Аналогичные фразы появляются в создававшейся, вероятно, в то же время Гоголем повести «Старосветские помещики»: «А что, Пульхерия Ивановна, <...> если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись? <...> Ну, да положим, что дом наш сгорел, куда бы мы перешли тогда?»

[2] Бартольд Георг Нибур (Niebuhr, 1776–1831), историк. Гоголь имеет в виду его «Римскую историю» (Romische Geschichte), выходившую с 1811 по 1832 г., так и не законченную автором. На русский язык переведена не была.

[3] Возможно, дядя В. В. Тарновского Владимир Васильевич.

[4] Григорий Степанович Тарновский, еще один дядя В. В. Тарновского.

[5] См. ***1834. Июня 23. Суббота. Москва***; ***1834. Августа 4. Суббота. Киев.***

[6] См. также ***1834. Сентября после 20. Санкт-Петербург.***

[7] См. также ***1839. Августа конец <августа средина>. Вена.***

[8] Почечуй – геморрой. Ср. реплику Бобчинского в «Ревизоре»: «А Петр Иванович уж услыхали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву»; и слова Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 12 ноября (н. ст.) 1836 г.: «Будьте всегда здоровы <...> и да хранит вас Бог от почечуев и от встреч с теми физиогномиями, на которые нужно плевать...»

АВГУСТА 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил от М. А. Максимовича первое письмо, отправленное после переезда приятеля из Москвы в Киев.

См. ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 14. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет в Киев ответное письмо М. А. Максимовичу:

«Я получил письмо твое от 4 августа[1] вчера (13)[2]. Во-первых, позволь тебе заметить, что ты страшный нюня! Всё идет как следует, а он еще и киснет! Когда я, который должен остаться в чухонском городе, плюю на всё и говорю, что всё на свете трын-трава. А признаюсь, грусть хотела было сильно подступить ко мне, но я дал ей, по выражению твоему, такого пидплесня[3], что она задрала ноги. Что мне было делать с вашим Б<радке>? Обещать и не исполнить обещанного, разве этак можно делать. Жуковский писал к нему, что министр[4] наконец согласен мне дать экстр<аординарного> проф<ессора> и что от него теперь зависит. В ответ было получено письмо, что он – Б<радке> – согласен мне дать адъюнкта (как будто об адъюнкте его просили) и что это место для меня очень выгодное (как будто я нищий и мне оно дается из милости). Я заключил, что я не нужен, что я не имею счастия нравиться [вашему] попечителю; стало быть, с моей стороны весьма неприлично навязываться самому, а тем более действовать мимо его. Я решился ожидать благоприятнейшего и удобнейшего времени, хотел даже ехать осенью непременно в Гетьманщину, как здешний попечитель князь <М. А. Дондуков>-Корсаков предложил мне, не хочу ли я занять кафедры всеобщей истории в здешнем университете, обещая мне через три месяца экстраорд<инарного> профессора, зане не было ваканции. Я, хорошенько разочтя, увидел, что мне выбраться в этом году нельзя никак из Питера; так я связался с ним долгами и всеми делами своими, что было единственною причиною неуступчивости моих требований в рассуждении Киева. Итак я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более прав к занятию в Киеве. Притом же от меня зависит приобресть имя, которое может заставить быть поснисходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту. Между тем, поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих денежных обстоятельств. На театр здешний я ставлю пиесу[5], которая, надеюсь, кое-что принесет мне, да еще готовлю из-под полы другую[6]. Короче, в эту зиму я столько обделаю, если Бог поможет, дел, что не буду раскаиваться в том, что остался здесь этот год. Хотя душа сильно тоскует за Украйной. Но нужно покориться, и я покорился безропотно, зная, что с своей стороны употребил все возможные силы. Я не знаю, отчего это произошло, что попечитель

согласен теперь, по крайней мере по твоим словам, дать мне экстраор<динарного>. Отчего же он прежде не хотел и отказал напрямик Жуковскому. Видно, Левашев просил его за меня, которому Дашков писал[7] два раза. Но только всё мне непонятно. Письмо[8] Жуковский получил довольно поздно. – Как бы то ни было, но перебираюсь на следующий год, и если вы не захотите принять к себе в Киев, то в отеческую берлогу, потому что мне доктора велят напрямик убираться, да притом и самому становится, чем дале, нестерпимее петербургский воздух. Я тебя попрошу, пожалуста, разведывай, есть ли в Киеве продающиеся места для дома, если можно, с садиком, и если можно, где-нибудь на горе, чтобы хоть кусочек Днепра был виден из него, и если найдется, то уведоми меня; я не замедлю выслать тебе деньги. Хорошо бы, если бы наши жилища были вместе. Пожалуста, напиши мне обстоятельнее о Киеве. Теперь ты, я думаю, его совершенно разнюхал, каков он, и каков имеет характер люд, обитающий в нем: офицеры, поляки, ученый дрязг наш, перекупки и монахи. Тот приятель наш, о котором я рекомендовал тебе[9], есть Семен Данил<ович> Шаржинский; воспитывался в здешнем педагогическом институте, где окончив курс, был отправлен учителем в Феодосию, после в другие места, в южной России, в какие, не помню, а спросить его позабыл, потом служил в таможнях, наконец, нахо<ди>тся у Булгакова в почтовом департаменте. В Нежин не изъявляет желания, зная, что там более трудностей, потому что гимназия имеет особенные права и постановления, да притом знает, что тамошние профессора большие бестии, от которых уже товарищи его, вместе с ним воспитывавшиеся и бывшие там профессорами, пострадали[10].

Спешу к тебе кончить письмо[11], зане страх некогда: сейчас еду в Царское, где проживу две недели, по истечении которых непременно буду писать к тебе».

[1] См. ***1834. Августа 4. Суббота. Киев.***

[2] См. ***1834. Августа 13. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Дал пинка, шлепка (*укр.*).

[4] Уваров.

[5] Вероятно, речь идет о «Женитьбе».

[6] Возможно, имелся в виду «Владимир 3-ей степени» (см. ***1834. Мая не позднее 3. Санкт-Петербург***).

[7] Ср. ***1834. Мая 13. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[8] От второй половины июня 1834 г.

[9] См. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[10] Сообщая, что С. Д. Шаржинский «не изъявляет желания» служить в Нежинской гимназии по той причине, что его друзья по Педагогическому институту пострадали от «тамошних профессоров», Гоголь имеет в виду так называемое «дело о вольнодумстве», начатое в Нежине в 1826 г. и завершившееся в 1830-м наказанием, по личному распоряжению Императора, четырех нежинских профессоров, связанных тесными масонскими узами – противопоставлявших себя остальным преподавателям, в том числе законоучителю протоиерею Павлу Волынскому. – С. Д. Шаржинский, в свою очередь, как и его друзья, был членом масонской ложи (см. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург*** – примечания).

Историками гимназии неоднократно отмечалось, по своему содержанию нежинское дело было «совершенно однородно», «при некоторых особенностях», с тогдашними подобными историями в Петербургском, Казанском и Харьковском университетах (см. ***1821. Апреля между 25 и 30. Между понедельником и субботой. Нежин*** – примечания). С другой стороны, в «деле о вольнодумстве» в Нежине немаловажную роль сыграли не только главные мотивы противостояния (см., в частности: ***1827. Август. Нежин***), но и побочные обстоятельства – личные мотивы распри. Последние для окружающих были если не значительнее, то во всяком случае не менее заметны. Прежде всего этими частными обстоятельствами – широко известными учащимся гимназии (которые принимали непосредственное участие во вражде сторон), и объясняется критический отзыв Гоголя об организаторах следственного дела, высказанный в настоящем письме. Кроме того, в резких словах о «консервативных» профессорах сказалась и обида юного Гоголя на незаслуженно, по его мнению, заниженный при выпуске из гимназии чин 14 класса (вместо ожидаемого 12-го) – по «вине» профессоров-«школяров» (см. ***1828. Июня 27. Среда. Нежин***). По-видимому, Гоголь – не достаточно посвященный в суть раздоров между профессорами Нежинской гимназии – не знакомый в полном объеме с содержанием самого «дела о вольнодумстве» – не вполне верил в серьезность выдвинутых против «пострадавших» профессоров обвинений. Позднее сам Гоголь существенно переосмыслил свое отношение к нежинскому делу, воплотив новое видение в образе Тентетникова во втором томе «Мертвых душ». Такое же переосмысление в отношении к Шаржинскому совершилось еще ранее – в первом томе «Мертвых душ», одним из прототипов героя которых послужил Гоголю Шаржинский (см. ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург*** – примечания). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004; *Виноградов 2015.*

[11] На подлиннике письма имеется помета Максимовича о получении: «25 авг<уста>».

АВГУСТА 17. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин, собиравшийся в июне 1834 г. выйти в отставку, выезжает из Петербурга в Москву (дальнейший маршрут – Полотняный Завод).

Тархова. Т. 4. С. 1654.

АВГУСТА 23. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь вновь[1] пишет М. А. Максимовичу в Киев о С. Д. Шаржинском:

«Приятель наш Семен Данилов<ич> Шаржинский хочет или в Каменец-Подольскую, или в Винницкую гимназию, и потому я тебе еще раз пишу об этом».

Интересуется книгами по истории Украины и сообщает о своей работе, в том числе над Историей Малороссии и произведениями, включенными позднее в сборники «Арабески» и «Миргород»:

«Пронюхай, что есть путнего в вашей библиотеке[2], относящегося до нашего края; весьма было бы хорошо, если бы ты поручил кому-нибудь составить им маленькой реестрец, дабы я мог всё это принять к надлежащему сведению. Я получил много подвозу из наших краев. Между ними есть довольно замечательных вещей. История моя терпит страшную перестройку: в первой части целая половина совершенно новая. Есть ли что-нибудь на руках у Берлинского[3]? ведь он старый корпила. А у монахов неужели ни <...>? Это жаль. Я тружусь, как лошадь[4], чувствуя, что это последний год, но только не над казенною работою, т. е. не над лекциями[5], которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами. На днях Сенков<ский> и Греч перегрызлись, как собаки, но впрочем есть надежда, что сии достойные люди скоро помирятся.

Наши все почти разъехались: Пушкин в деревне[6], Вяземский уехал за границу для поправления здоровья своей дочери[7]. Город весь застроен подмостками для лучшего усмотрения Александровской колонны, имеющей открыться 30 августа. Офицерья и солдатства страшное множество и прусских, и голландских, и австрийских. Говядина и водка вздорожала страшно. Прощай. Пиши, что и как в Киеве».

[1] См. также ***1834. Июля 18. Среда. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа 14. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Подразумевается библиотека только что открытого тогда университета Св. Владимира в Киеве, в которую, помимо других собраний, вошла богатая библиотека Кременецкого лицея.

[3] Максим Федорович Берлинский (1764–1848), историк, археолог, преподаватель, с 1834 г. – инспектор Киевской гимназии; автор «Краткого описания города Киева...» (Киев, 1820. Ч. 1–2) и др.

[4] См. ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1834. Июня после 8–10 – августа не позднее 23. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1834. Августа 17. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

АВГУСТА 30. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Торжественное открытие Александровской колонны[1].

В. А. Жуковский посвятил этому событию статью «Воспоминание о торжестве 30-го августа 1834 года» (СПб., 1834; цензурное разрешение 6 сент.).

Е. П. Гребенка 1 сентября 1834 г. писал родителям: «...Я решился через почту уведомить вас о своем здравии и о торжестве, которое мы видели 30 августа; это был день открытия колос<с>альной гранитной колон<н>ы, поставленной на дворцовой площади в честь Александру I-му. Я видел всю эту церемонию как нельзя лучше, ибо по воле доброго нашего Государя подле дворца был выстроен для гражданских чиновников прелестный амфитеатр, с которого вся площадь, наполненная сто тридцатью тысячами войска, была как на ладони. <...> Молебствие совершал Митрополит <Серафим> со знатнейшим духовенством; во время молебствия Государь преклонил колени, войско сделало то же, и кругом царствовала тишина, прерываемая только церковным пением. <...> Вечером город был иллюминован»[2].

[1] См. также ***1830. Января 1. Среда. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***; ***1834. Июня 15. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа 23. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] *Науменко В.* Письма Е. П. Гребенки к родным // Киевская Старина. 1898. № 12. С. 443–444; см. также: *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 575.

АВГУСТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Картина Карла Петровича Брюллова (1799–1852; принадлежал к протестантскому вероисповеданию) «Гибель Помпеи»[1] выставлена для публичного обозрения в петербургской Академии художеств.

Оценке брюлловской картины – с центральным образом мертвой красавицы на переднем плане – посвящена статья Гоголя в сборнике «Арабески» «Последний день Помпеи», датированная писателем августом 1834 г. Картина повлияла на изображение Гоголем мертвой красавицы в повести «Вий»[2]. «...Его женщина, – писал Гоголь о картине Брюллова, – блещет, но она не женщина Рафаэля, с <...> ангельскими чертами, – она женщина страстная... <...> Когда я глядел в третий, в четвертый раз, мне казалось, что скульптура – та скульптура, которая была постигнута в таком пластическом совершенстве древними <...> перешла наконец в живопись...» О скульптуре Гоголь в другой статье «Арабесок» («Скульптура, живопись и музыка») замечал: «Напрасно хотели изобразить ею высокие явления христианства <...>, возвышенные, стремительные мысли не могли улечься на ее сладострастной наружности»[3]. Соответственно характеристике «языческой» скульптуры Гоголь и оценивает картину Брюллова: «У него нет <...> того высокого преобладания небесно-непостижимых <...> чувств, которыми весь исполнен Рафаэль. Его фигуры <...> при всем ужасе своего положения <...> заглушают его своею красотою...» Подобным образом «заглушает» своею красотою «ужас своего положения» мертвая панночка-ведьма в «Вии»: «Она лежала как живая. Чело прекрасное, нежное как снег <...>, казалось, мыслило...» Главная, по Гоголю, идея картины Брюллова – «нам жалка наша милая чувственность» (для этого, по словам Гоголя, Брюллов и «представил человека как можно прекраснее: его женщина дышит всем, что есть лучшего в мире»), тоже находит себе соответствие в «Вии» – в эпизоде, где Хома видит перед собой умирающую красавицу и испытывает к ней жалость.

Предположительно в этот же период Гоголь составляет конспект «Калмыки. *Волжские* в Астрах<анской> губернии».

Конспект представляет собой сокращенное изложение некоторых частей книги «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым», изданной в 1834 г. в Петербурге (цензурное разрешение – 20 июня). Книга Н. А. Нефедьева одновременно печаталась, с продолжением, в «Журнале Министерства Внутренних Дел» (№ 5; цензурное разрешение 20 июня 1834 г.). С. 220–242; № 6 (цензурное разрешение 30 июля). С. 295–374; № 8 (цензурное разрешение 26 августа). С. 195–292.

А. А. Краевский в последнем номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г. отметил эту публикацию: «...Занимательнейшую статью в истекшем полугодии Журнала Мин<истерства> Вн<утренних> Дел бесспорно составляют *Подробные сведения о Волжских Калмыках, Г-на Нефедьева* (Май и Июнь). Тонкая, глубокомысленная наблюдательность, знание описываемых места и народа, важность выводов, достоверность оснований, на коих утверждаются известия, и приятный, легкий, завлекательный рассказ могут доставить удовольствие не только ученому Статистику, но и всякому образованному читателю»[4].

Появление рецензии Краевского на работу Нефедьева в министерском журнале не случайно; оно находилось в русле постоянных востоковедческих интересов министра народного просвещения С. С. Уварова[5]. Конспект Гоголя «Калмыки» имеет прямую связь с его преподавательской деятельностью в Петербургском

университете, куда он поступил в 1834 г. благодаря Уварову[6]; очерк использован при написании статьи-лекции «О движении народов в конце V века»[7], законченной к ноябрю 1834 г.[8]

Строки из заключительного раздела конспекта – «Религия и духовная образованность и словесность»: «Вокруг горы четыре острова... <...> На четвертом, называемом землей зловещего голоса, люди без болезней достигают до тысячи лет и о времени кончины за несколько дней извещаются каким-то таинственным голосом», – перекликаются с упоминаниями о таком же «голосе» в целом ряде гоголевских произведений – «Кровавом бандуристе», «Старосветских помещиках»[9], драматическом отрывке «Что это?»[10]

Строки из того же раздела конспекта: «Первые люди <...> жили по 80 т<ысяч> лет... <...> Калмык <...> иногда дня по три сряду слушает предания о подвигах сказочных героев, которых очень любит. <...> Герои бывают ростом в несколько верст...» – впоследствие нашли отражение в статье Гоголя *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), в характеристике поэзии Г. Р. Державина: «Остаток ли это нашего сказочного русского богатырства <...> или же это навеялось на него отдаленным татарским его происхождением, степями, где бродят бедные останки орд, распаляющие свое воображенье рассказами о богатырях в несколько верст вышиною, живущих по тысяче лет на свете...»

[1] См. также ***1838. Декабря 16 <4>. Воскресенье. Рим*** (примечания).

[2] См. также ***1834. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] В гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) имеется заметка о греческой скульптуре – «Нечто об истории искусств».

[4] *Краевский А.* Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1834 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 12. С. 501.

[5] См.: *Виттекер Ц. К.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999. С. 29–34, 234–240.

[6] См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

[7] См. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 722, 724.

[8] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург***; ***1834. Ноября 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1834. Февраля конец – марта начало. Санкт-Петербург.***

[10] См. ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 1. СУББОТА. ЖИТОМИР

В. В. Тарновский посылает в Петербург ответное[1] письмо Гоголю[2].

[1] См. ***1834. Августа 7. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Сентября после 20. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает первые две лекции в Петербургском университете – вступительную «О Средних веках» и о переселении народов в V веке.

Н. И. Иваницкий в 1853 г. вспоминал: «Гоголь читал Историю Средних Веков для студентов 2-го курса филологического отделения. Начал он в сентябре 1834... <...> На первую лекцию он явился в сопровождении инспектора[2] студентов. Это было в 2 часа. Гоголь вошел в аудиторию, раскланялся с нами и, в ожидании ректора <А. А. Дегурова>, начал о чем-то говорить с инспектором, стоя у окна. Заметно было, что он находился в тревожном состоянии духа: вертел в руках шляпу, мял перчатку и как-то недоверчиво посматривал на нас. Наконец подошел к кафедре и, обратясь к нам, начал объяснять, о чем намерен он читать сегодня лекцию. В продолжение этой коротенькой речи он постепенно всходил по ступеням кафедры: сперва встал на первую ступеньку, потом на вторую, потом на третью. Ясно, что он не доверял сам себе и хотел сначала попробовать, как-то он будет читать? Мне кажется, однако ж, что волнение его происходило не от недостатка присутствия духа, а просто от слабости нервов, потому что в то время, как лицо его неприятно бледнело и при-

нимало болезненное выражение, мысль, высказываемая им, развивалась совершенно логически и в самых блестящих формах. К концу речи Гоголь стоял уж на самой верхней ступеньке кафедры и заметно одушевился. Вот в эту-то минуту ему и начать бы лекцию, но вдруг вошел ректор... Гоголь должен был оставить на минуту свой пост, который занял так ловко, и даже, можно сказать, незаметно для самого себя. Ректор сказал ему несколько приветствий, поздоровался со студентами и занял приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впал в прежнее тревожное состояние: опять лицо его побледнело и приняло болезненное выражение. Но медлить уж было нельзя: он вошел на кафедру, и лекция началась...

Не знаю, прошло ли и пять минут, как уж Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории. Впрочем, вся эта лекция из слова в слово напечатана в "Арабесках", кажется, под названием: "О характере Истории Средних Веков". Ясно, что и в этом случае, не доверяя сам себе, Гоголь выучил наизусть предварительно написанную лекцию, и хотя во время чтения одушевился и говорил совершенно свободно, но уже не мог оторваться от затверженных фраз, и потому не прибавил к ним ни одного слова.

Лекция продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышел из аудитории, мы окружили его в сборной зале и просили, чтоб он дал нам эту лекцию в рукописи. Гоголь сказал, что она у него набросана только вчерне, но что со временем он обработает ее и даст нам; а потом прибавил: "На первый раз я старался, господа, показать вам только главный характер истории средних веков; в следующий же раз мы примемся за самые факты и должны будем вооружиться для этого анатомическим ножом".

Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал довольно поздно и начал ее фразой: "Азия была всегда каким-то народовержущим вулканом". Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию? Наконец, указав нам на кое-какие курсы[3], где мы можем прочесть об этом предмете, он раскланялся и уехал. Вся лекция продолжалась 20 минут. Следующие лекции были в том же роде, так что мы совершенно наконец охладели к Гоголю, и аудитория его все больше и больше пустела»[4].

Н. М. Колмаков, в свою очередь, сообщал: «Читая из истории то одно, то другое, он всегда переходил к рассказу о движении народов. Ясно, что предмет этот служил ему как бы заручкой или опорою исторических его знаний»[5].

Содержанию лекции Гоголя «о движении народов» в его университетском курсе по истории Средних веков[6] соответствует вторая лекция — «О движениях народов германских, причинивших разрушение Западной Римской империи»; в «Арабесках» — статья «О движении народов в конце V века». В последней статье имеются также переклички с началом третьей из университетских лекций Гоголя — «Взгляд на земли Западной империи по занятии их народами германскими...» — и, частично, с девятой — «Состояние Восточной Римской империи во время религиозных споров...» К статье имеют также отношение шестая и восьмая лекции.

С «движением народов» Гоголь тесным образом связывал происхождение европейской цивилизации. По Гоголю, она возникла в народе, не имевшем основательной оседлости: «Одному из народов германских определено было прежде всех других произвести всеобщее движение. Этот народ был — готы, народ, над которым, казалось, тяготело какое-то проклятие, осудившее его на скитание» (с этих строк начинается изложение темы, вынесенной в заглавие статьи «О движении народов в конце V века»). Соответственно этому «проклятию» готов называется Гоголем и предмет их поклонения: «Поклонялись Водану, бывшему в отдаленные веки их предводителем вместе с Оденом, этим северным Улиссом» (Улисс — латинская форма имени Одиссея, скитающегося героя древности). Вслед за этими строками Гоголь заключает: «Из всех народов германских готы более других способны были принять цивилизацию». Гоголь отмечал: «...Самые опасные <...> это были все, населявшие берега морей и прибалтийские земли. <...> Здесь жили пираты, самые предприимчивые из германцев, которых уже положение земли и моря заставляло отважиться на дерзкие дела. <...> ...По Немецкому морю жили фризы и хавки; за ними самые сильные корсары севера — саксы, в Голштинии — кимвры, по Балтийскому морю — готы, варны, ругии, бургунды, и в Пруссии — ламбарды, вандалы, герулы». В лекции «О движении народов германских...» Гоголь пояснял: «Их можно назвать племенами Одиновыми, по имени чтимого ими героя. <...> Потрясение, произведшее первое большое движение народов, было сделано племенами Одинова происхождения и прежде всего готами, долго и до того времени беспокойно блуждавшими в странах Скандинавии...»[7]

Поклонение готов «Одиссею»-Одину противопоставляется в гоголевской статье почитанию другими германскими народами (гермундурами, маркоманами, квадами, вангионами и др.) матери-земли: «Их божество и предмет поклонения была земля»; «...они приносили свои жертвы богине-матери Герте»; «Поклонение Герте разошлось между всеми почти германскими племенами». В 1849–1850 гг. в отрывке «Земледельческие праздники» Гоголь отметил это почитание земли и для славянских племен: «Мать-земля была искони священною у славян...» В заметках и выписках 1830-х гг. по русской истории Гоголь неоднократно подчеркивал оседлый образ жизни славян: «Славяне были слишком древний и коренной народ. <...> Их расселение по восточной Европе случилось в те темные времена, когда восточная Европа была облечена киммерийскими баснями» (<Наброски очерка о славянах>). В своей выписке «О славянах древних Из византийских хроник» Гоголь отмечал: «582 <г.> Что славяне вели оседлую, уже некочующую жизнь, доказательство, что византийские хроники говорят, что Баян аварский, вступивши в земли славянские, начал грабить и жечь села». Согласно другому наброску Гоголя по русской истории, «славяне жили уже очень давно на местах своих» («Расселение славян...»). «Подобно как германцы аборигены Европы западной, так славяне аборигены восточной. Они, может быть, древни в такой степени, как древни народы древнего мира. <...> Что они древни, доказывают черты оседлой жизни во внутренности их земель, замеченные еще с 4-го столетия» (отрывок «Уже самим положением земли...»). Однако, замечает Гоголь, «многие бродячие народы <...> увлекали часто в свои массы народы покоренные» (там же). Поэтому и среди народов «восточной кочевой Европы» оказались в эпоху Великого переселения ветви некоторых славянских племен, издревле ведших, по Гоголю, оседлый образ жизни. В лекции «Состояние Европы неримской...» Гоголь указывал: «Славяне были самые древние обитатели восточной Европы...»

«Блудяга, бродяга» — читаем в гоголевском «объяснительном словаре» русского языка. Давая в 1850 г. оценку еще одному «бродяге» — герою одноименной поэмы И. С. Аксакова (хорошо известной по строкам: «Приди ты, немощный, / Приди ты, радостный, / Звонят ко всенощной, / К молитве благостной...»), Гоголь говорил: «...Чтоб Бродяга имел не временное и не местное значение <...> надобно показать, как этот человек, пройдя сквозь все и ни в чем не найдя себе никакого удовлетворения, возвратится к матери земле»[8]. Эта мысль Гоголя во многом объясняет и его отношение к Чичикову, европейски цивилизованному «русскому Одиссею», скитающемуся по России (работа над «Мертвыми душами» была начата в 1835 г.[9]).

[1] Ср. ***1834. Сентября 8. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] Инспектором студентов Санкт-Петербургского университета в 1834 г. был Н. П. Филиппов.

[3] См. ***1834. Июня после 8–10 — августа не позднее 23. Санкт-Петербург.***

[4] *Краевский А. А.* <Дополнение к статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе». (Письмо Н. И. Иваницкого к редактору «Отечественных Записок»)> // *Свод.* Т. 1. С. 784–785.

[5] См. ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1834. Июня после 8–10 — августа не позднее 23. Санкт-Петербург.***

[7] Ср. также строки «позднего» Гоголя — из его конспекта книги П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства...», характеризующие быт подобных — оторванных от земли — «предприимчивых германцев» в России XVIII в.: «Немецкие слободы находятся в дальнем расстоянии друг от друга. Собраны из всех областей немецкой земли разных вер. <...> Сами колонисты рукомесленники и побродяги, к земледелию сих стран не привыкшие, долго будут еще входить в неоплатные долги правительству».

[8] См. ***1850. Января 16. Понедельник. Москва.*** — См. также ***1849. Марта 30. Великая среда. Москва*** (примечания).

[9] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 8. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Е. П. Гребенка сообщает брату Аполлону:

«Г-н <И. Г.> Пащенко, прежний мой и твой соквартирант, погулявши у нас в Петербурге, отправляется в Малороссию. Вот случай, — подумал я, — писать к тебе. <...> Гоголь-Яновский, наш студент, читает в университете историю[1]. Каково? Да и все нежинцы знай собі чвалають[2] помалу».

Гребінка Е. П. Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 577.

[1] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[2] Бредут, ступают (*укр.*).

СЕНТЯБРЯ 20. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил из Житомира ответное письмо В. В. Тарновского.

См. ***1834. Сентября после 20. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ ПОСЛЕ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет В. В. Тарновскому ответное письмо в Житомир:

«Хорош, братец, ты! Пишешь с 1 сентября, а я получаю 20, между тем как письмо из Житомира идет никогда не больше 10 дней. Ты, верно, поступаешь со мною так же, как я с почтенными родителями своими, т. е. выставляешь задним числом. <...> ...Что тебе за охота думать о перемещении в Нежин? Охота же возиться с этою дрянью, какова например Мазепич Самойленко, Лопушевский, Урсо и прочие. Мне кажется, нет лучше тебе места, как в Киеве. Если хочешь, я напишу об тебе Максимовичу; но если до того времени увидишься с ним, то скажи ему только, что ты мой товарищ[1]. Мы с ним большие друзья и он для тебя, верно, с большою готовностью будет стараться. Имеешь ли ты нужные пособия для твоих лекций? Какими ты курсами руководствуешься? Есть ли у тебя история Мишеле[2] новая, или средняя Демишеля[3], и если неполные, то, по крайней мере, Precis? Если нет, то уведоми меня, я тебе постараюсь их выслать. <...> Я познакомился здесь с твоим дядюшкою. Видел дорогого нашего Булыча».

[1] См. также ***1834. Августа 7. Вторник. Санкт-Петербург.*** – Гоголь написал Максимовичу о Тарновском 22 января 1835 г. (см. ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург***). См. также письмо М. А. Максимовичу от 22 марта 1835 г.: ***1835. Марта 22. Пятница. Санкт-Петербург.*** Максимович мог представить Тарновского только по кафедре словесности. Тарновский согласился на это, но попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. фон Брадке не утвердил представления Максимовича. В 1868 г. Максимович вспоминал: «...В продолжение 1835 года попечитель не хотел принять мне в адъюнкты желанных мною людей: ни Чистякова, Михаила Борисовича, бывшего учителем могилевским, ни Тарновского, Василия Васильевича, бывшего учителем житомирским. Они оба были известные мне кандидаты московского университета» (Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде, *Михаила Максимовича.* СПб., 1871. С. 59).

[2] Ж. Мишле (Michelet Jules; 1798–1874), французский историк и публицист. Упоминаемые Гоголем книги Мишле: «Tableau chronologique de l'histoire moderne» (1825), «Precis de l'histoire moderne» (1829). В библиотеке Гоголя был также труд Мишле «Introduction à l'histoire Universelle...» (см. коммент. к разделу <Списки книг> в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9). Впоследствии Гоголь относился к Мишле как к историку иронически (см. ***1838. Ноября 19 <7>. Понедельник. Рим***).

[3] О. Х. Демишель (Desmichels Ovide Chrysanthe; 1793–1866), автор книг по истории Средних веков: «Histoire generale du moyen age» (1831 и 1835), «Precis de l'histoire du moyen age» (1827). См. отзыв Гоголя о Демишеле в «Библиографии средних веков». См. также ***1834. Ноября 2. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 29. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь благодарит К. С. Сербиновича за присылку корректуры своей статьи «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем» (статья вышла в № 9 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1834 г.)[1]:

«Если можно, то я бы попросил у вас прислать сегодня же и хвостик ее. Слова *чутья* никак не могу переменить[2]. У нас совершенно нет ему равнозначительного. При том, я его употребил потому, что оно уже получило некоторое право гражданства: его употребил Пушкин[3], и даже Жу-

ковский в Путешествии по Саксонии, в смысле художественном, хотя это прекрасное письмо его, кажется, доселе не напечатано. Нечего делать, нужно нам перенять некоторые добродетели и у четвероногих».

[1] См. ***1834. Октября первая половина. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду следующая фраза статьи: «...нужно быть одарену тем чутьем, которым обладают немногие историки».

[3] Гоголь имеет в виду следующую заметку Пушкина: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную <см. ***1831. Января 25. Воскресенье. Санкт-Петербург***>, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» («Отрывки из писем, мысли и замечания» (август-сентябрь 1827). При публикации «Отрывков из писем, мыслей и замечаний» Пушкина в «Северных Цветах на 1828 год» (СПб., 1827; цензурное разрешение 3 декабря) эта заметка была опущена. Ср. также употребление Пушкиным слова «чутье» в заметке 1830 г.: «Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье»; а также строки письма И. И. Дмитриева к Пушкину от 1 февраля 1832 г.: «По крайней мере я еще жив для чутья к изящному». – См. также ***1844. Октября 26 <14>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

АВГУСТА КОНЕЦ – СЕНТЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь составляет второй[1] план сборника «Арабески»:

«Скульптура, живоп<ись> и музыка[2]. О Средних веках. Глава из историч<еского> ром<ана>. О [плане] преподаван<ии> всеобщей истории. О Пушкине. [Об архитект<уре>] Взгляд на Малороссию. Об архитектуре. Женщина. Миллер, Шлецер и Гердер[3]. О малорос<сийских> песнях. Невский проспект. О преподаван<ии> географии. [Учитель] Тракт<ат?> о правлении[4]. Картина Брюллова[5]. [Учитель] О переселении народов[6]. Отрывок из романа[7]. Учитель. Записки сумасшедш<его> мучен<ика>»[8].

В период создания произведений «Арабесок» и «Миргорода» Гоголь, по-видимому, предпринял также попытку создания драматического произведения, от которого до нас дошли четыре наброска: «Что это? Мне всё как будто слышится чей-то голос»; «Ну что ты теперь скажешь о добродетели женщин?..»; «Боже, Ты правосуден, Ты великодушен, этому ли ангелу оставить землю...»; «Неумолимая, знай, что моя жизнь, что всё мое помышление, желанье, надежда, всё, что похоже на счастье, всё в тебе».

Сравнительно с первоначальным планом «Арабесок», из нового списка были исключены произведения с названием «Дождь» и «О естественной истории»; появились новые статьи «Скульптура, живопись и музыка», «Миллер, Шлецер и Гердер», «Трактат о правлении», «Картина Брюллова», «О переселении народов»; повести «Невский проспект» и «Записки сумасшедшего мученика». Часть этих произведений были созданы Гоголем в период с конца июля по конец августа – сентябрь 1834 г.; работа над другими продолжалась. В окончательную композицию «Арабесок» была включена[9] также повесть «Портрет»; здесь же появилась еще одна статья – «Жизнь»[10]. Об интенсивности работы Гоголя в этот период можно судить по его признанию в письме к М. А. Максимовичу от 23 августа 1834 г.: «Я тружусь, как лошадь, чувствуя, что это последний год, но только не над казенною работою, т. е. не над лекциями, которые у нас до сих пор еще не начинались, но над собственно своими вещами»[11].

В «Невском проспекте» упоминается, в частности, «Перуджинова Бианка». Речь идет о фреске итальянского художника Перуджино (наст. фамилия Ваннуччи) Пьетро (между 1445 и 1452–1523) «Поклонение волхвов» с образом Мадонны в центре, находящейся в часовне Санта-Мария-деи-Бьянки в Пьеве. Как указала Н. М. Молева, появление на страницах гоголевской повести «Перуджиновой Бианки» объясняется, вероятно, тем, что копии с фресок Перуджино были привезены в Петербург из пансионерской поездки художником А. Е. Егоровым, одним из профессоров Академии художеств, под руководством которого Гоголь учился живописи в академических классах[12].

В известных «Записках А. О. Смирновой», изданных ее дочерью О. Н. Смирновой, сообщается, что «Мадонна» Перуджино находилась в семействе Смирновых. Согласно этим «Запискам...», однажды А. О. Смир-

нова советовала Пушкину «сочинить поэму на Рождество и на волхвов»: «Он покачал головой. "Евангелие от Луки, которое читается 25 марта <праздник Благовещения Пресвятой Богородицы>, – лучшая из поэм, никогда мне не написать ничего, что бы хоть сколько-нибудь к этому приближалось". Минуту спустя он продолжал: "Ваша «Мадонна» Перуджино меня чарует: она мне представляется таким типом рабы Господней, той, которая произнесла Magnificat <величание>. Брюллов говорил мне, что младенец написан Рафаэлевской манерой". Он пошел взглянуть на Мадонну...»[13] Далее в «Записках...» сообщается, каким образом картина была приобретена во Флоренции мужем Смирновой Николаем Михайловичем: «Муж обещал Гоголю дать ему письмо <...> к художникам и к Аффендульево, великому знатоку картин и оригиналу, каких мало. Пушкин от души хохотал, слушая рассказы Николая об одиссее этого Аффендульево, корфиота, ученого, великого чудака, близкого друга последнего венецианского дожа Манина, Аффендульево, который ненавидел Наполеона за то, что тот уничтожил всепресветлейшую венецианскую республику. Манин сделал Аффендульево вице-королем Кипра, а впоследствии королем Кандии. Пушкин сказал: «Так это один из королей, которых Кандид встретил в Венеции!» На венском конгрессе было решено, что Австрия и Россия должны производить пенсию этому низверженному королю, так как у него отобрали все его собственное состояние, ему и производят австро-русскую пенсию, на которую он и живет во Флоренции. Одно время он жил в Испании. Это страстный охотник до составления коллекций и большой знаток, он отказывает себе во всем, чтобы покупать эстампы, камеи, всякие objets d'art <предметы искусства; *фр.*>, он разыскивает их на чердаках различных палаццо; он-то и нашел в Перуджии прекрасную "Мадонну", которую Николай купил у одних decaduti <пришедших в упадок; *ит.*>; это произведение Перуджино никогда не выходило из палаццо одного свойства, которое наконец впало в бедность, и Николай купил картину очень дешево, за 35 000 франков, что для картины Перуджино, самой лучшей той эпохи, за подлинной подписью художника, даже и без старинной рамы – сущие пустяки. Орлов познакомил мужа с Аффендульево, он почти всякий день обедал у Орлова, с тех пор как тот узнал, что экс-король питается одними оливками»[14].

В «Невском проспекте», вероятно, нашла также отражение полемика А. С. Пушкина с Ф. Б. Булгариным и ряд черт биографии последнего. В дневнике Ф. И. Буслаева, после записи от 24 мая 1852 г., следует запись от 15 июня 1852 г., где содержатся сведения о личной жизни одного из главных недоброжелателей Гоголя Ф. В. Булгарина (очевидно, они внесены сюда Буслаевым в связи с неприязненными отзывами Булгарина о Гоголе в «Северной Пчеле», упоминаемыми в записи от 24 мая[15]): «Июня 15 дня. Вот любопытные подробности о семейной жизни Ф. В. Булгарина, мною слышанные. Он женат на женщине из распутного дома. При них до сих пор живет так называемая тетка жены его, известная в свое время Танта, содержательница увеселительных девиц. Теперь ей около 80 лет. Жена и эта Танта держат Ф<аддея> В<енедиктович>а в руках, считают его доходы, и выдают ему сколько нужно денег; домы и дачу Карлово Булгарин купил на имя своей жены, которая, впрочем, постоянно имела у себя любовника, какого-то служилого в III-м Отделении г. Ордынского, от которого родились и все дети Булгарина. Сам Ф<аддей> В<енедиктович> это говорит своим детям, в шутку – так они похожи лицом на этого г. Ордынского. Такие странности семейной жизни Булгарина объясняются тем, что – как идет молва – будто Булгарин в смутное время, относящееся к 14 декабря, принес к этой Танте и ее племяннице – с которой тогда куртизанил – какие-то бумаги, чтобы сжечь. Они будто бы бумаги эти сожгли. Между тем связь Булгарина с племянницей бандарши продолжалась – и девица забрюхатела, вероятно, не от одного Булгарина. Тогда Танта коснулась до чувствительных струн любовника, предлагая ему руку ее племянницы, и когда Булгарин стал смеяться ее неуместному предложению – Танта пугнула его теми бумагами, уведомив его, что они вовсе не были сожжены, а хранятся у нее. Делать было нечего – и несчастный Булгарин женился. Говорят, что еще и до сих пор жена и Танта пугают его этими бумагами. Ужасное состояние, если все это правда! Немудрено, что Булгарин постоянно подвизается на поприще доносов, чтобы уравновесить заслугу своему преступлению, которое постоянно держит над его головой заслуженное наказание»[16].

О том, что «Булгарин был женат на публичной женщине», сообщал также барон А. И. Дельвиг[17]. По поводу заключительного стиха о Булгарине в «Моей родословной» (1830) А. С. Пушкина: «...Он в Мещанской дворянин», – Дельвиг также замечал: «Последний стих намекает на то, что жена Булгарина была взята из тех непотребных домов, которыми изобилует Мещанская улица»[18].

«Моя родословная» Пушкина явилась одним из ответов Булгарину на его так называемый «анекдот о Гофмане». В 1830 г. в «Литературной Газете» (от 7 марта, № 14) была помещена отрицательная рецензия барона А. А. Дельвига на роман Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830; в романе отмечались отсутствие художественности и характеров, многочисленные ошибки и «пристрастное предпочтение народа польского перед русским»). Булгарин, убежденный в том, что эта рецензия принадлежит Пушкину, 11 марта 1830 г. напечатал в «Северной Пчеле» (№ 30. С. 1–2; Смесь. *Анекдот*) памфлет на поэта, где под именем «доброго иноземца», литератора-немца Гофмана, вывел самого себя, а в образе «прирожденного француза, служащего усерднее Бахусу и Плутосу, нежели Музам», – Пушкина.

В связи с этой полемикой, в которой были затронуты и Мещанская улица, и Гофман, невольно напрашивается сопоставление с героями «Невского проспекта», живущими в Мещанской улице, – в числе которых есть и Гофман (вместе с Шиллером и Кунцом), и падшая красавица (которые вместе представляют собой воплощение

мысли Гоголя о превращении в торговом веке искусства в ремесло[19]). Есть в повести Гоголя и прямой намек на полемику Пушкина с представителями торгового направления в литературе — Булгариным и Гречем (ироническое замечание о литературных толках пошлых обывателей: «Они любят потолковать об литературе; хвалят Булгарина, Пушкина и Греча...»[20]). Известно, что Пушкин в 1836 г., в рецензии на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», назвал «Невский проспект» Гоголя «самым полным из его произведений»[21]. Возможно, личным отношением к гоголевской повести объясняется, в свою очередь, та неприязнь (доходящая до клеветы), которой неизменно сопровождал свои отзывы о Гоголе Булгарин[22].

О степени неприязни Булгарина в отношении Гоголя в наибольшей мере может свидетельствовать его отзыв о писателе, дошедший до нас в изложении А. Ф. Писемского. В 1930-х гг. И. А. Комиссарова сообщала: «Памятник ненависти иногда приносит больше славы и чести тому, кому он воздвигнут, чем памятник любви. Такой памятник ненависти воздвиг Гоголю Булгарин в своих отзывах и суждениях о нем. <...> ...Оказывалось, что «автор "Ревизора", желая представить Русский уездный городок, изобразил городок малороссийский или белорусский», оказывалось, что вороватые «купцы Гоголя — не русские люди, а просто жиды», и делался вывод: «зачем было и клепать на Россию» («Сев<ерная> Пчела», 1836, № 98[23]). <...> Злоба Булгарина на Гоголя не знала предела. Памятник ненависти, который он воздвиг Гоголю в своих статьях, можно увенчать документом, хранящимся в бумагах Н. С. Лескова в Институте русской литературы Академии наук в Ленинграде. Этот неизданный листок писан весь рукою Лескова; только слова Булгарина писаны А. Ф. Писемским.

«Особенно драгоценный манускрипт Алексея Феофилактовича *Писемского*.
Дубликата не существует.
Отзыв Булгарина о Н. В. Гоголе — письмо А. Ф. Писемского.

Это мальчишка, который г..... пишет на заборе х..[24]

****

7 окт<ября> <18>72 г. мы были у Писемского в гост<инице> "Париж" вечером, и он, рассказывая при дамах о Гоголе, привел вышеписаный отзыв о нем Ф. Булгарина. Отзыв этот, при неудобстве произнести его при дамах, Писемский написал на этом клочке и предъявил мужчинам — мне, Кашпиреву[25] и Авсеенке[26]. Я взял эту бумажку на память о Булгарине и Писемском. *Н. Лесков*»[27].

[1] См. ***1834. Июль. Санкт-Петербург.***

[2] Название повторяет заголовок работы Д. В. Веневитинова, опубликованной впервые в альманахе «Северная Лира на 1827 год».

[3] К тому времени статья, вероятно, еще не была завершена. В окончательной редакции последовательность имен, а значит, и композиция статьи иная — «Шлецер, Миллер и Гердер».

[4] Судя по всему, «Трактат...» имеет прямое отношение к написанной позднее статье «Ал-Мамун». Период, избранный Гоголем для статьи, соответствует разделу «Век аравийского просвещения от Карла и Гарун аль Рашида до крестовых походов» в его программе университетских лекций по истории Средних веков 1834 г. Однако, помимо собственно исторического содержания, статья Гоголя носит определенный «прообразовательный» характер. В соответствии с ее первоначальным названием — «Трактат о правлении», она касается проблем управления государством, обсуждавшихся в русском обществе в первой половине XIX в. (см.: *Куделин А. Б.* К характеристике исторических взглядов Гоголя: От «Арабесок» к «Выбранным местам из переписки с друзьями» // *Куделин А. Б.* Арабская литература. Поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи. М., 2003. С. 414–432).

[5] Позднейшее название — «Последний день Помпеи. (Картина Брюллова)» (см. ***1834. Август. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября 1. Понедельник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург***).

[6] Полное название — «О движении народов в конце V века».

[7] Отрывок «Кровавый бандурист» из романа «Гетьман» (см. ***1834. Июль. Санкт-Петербург***).

[8] О заглавии этой повести см.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 552–555; *Виноградов И.* Крест миролюбцев. К первоначальному названию повести Н. В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Лит. Россия. М., 1994. 18 марта. № 14. — Сюжет повести связан с незавершенной комедией Гоголя «Владимир 3-ей степени» (см. ***1832. Июля начало. Москва*** — примечания).

[9] См. ***1833. Конец года***.

[10] Статья «Жизнь» связана с целым рядом исторических набросков Гоголя 1833 г.: «Введение в древнюю историю»; «Плодотворная почва трех частей света...»; «Финикияне»; «Александр <Македонский>»; и др. Непосредственное отношение к статье имеет набросок «Плодотворная почва трех частей света...», где Гоголь дает общую характеристику Древнего мира от его зарождения до того состояния, когда, согласно строкам «Размышлений о Божественной Литургии» (1843–1852) (в свою очередь перекликающимся с содержанием «Жизни»), человечество, «скорбя от нестроений своих <...>, отвсюду, со всех концов мира взывало к Творцу своему... <...>

И самое чистое воплощение Его от Чистой Девы было предслышиваемо даже и язычниками». «Плодотворная почва трех частей света, — говорится в наброске, — омываемая Средиземным морем, благорастворенный климат и сильная деятельность природы двинули чрезвычайно быстро развитие древнего человечества и наконец [подавили его необыкновенным обилием и роскошью]. <...> Климат и природа пересилили древнего человека и вдвинули в него чувственность. <...> Во всех древних обществах заметны были <...> усилия, предпринимаемые в упор ее. <...> ...Заводили целые общества на одной строгой, грубой умеренности, возрождались секты явно с этой целью, и все это тонуло в массе». Обращение к еще одному гоголевскому наброску 1830-х гг. по древней истории — «Финикияне» — делает более явственной связь статьи «Жизнь» с современностью. Финикийская культура — культура народа, превратившегося «совершенно массой всей своей нации в купцов», лишь косвенно (и однозначно отрицательно) определяется в статье: «Далее корысть и жадность от вольной и гордой души!» (И в черновике: «Беден народ и государство, сохнущее за расчетом торговли...») Именно финикийцы, согласно наброску Гоголя, стали в Средиземноморье проводниками роскоши и подавившего древний мир чувственного изобилия. Эти размышления Гоголь относит и к современности. О новейшей развращающей душу роскоши (и способствующей тому торговле) он пишет в статье «Скульптура, живопись и музыка». Торговый дух финикийцев, сладострастие греков, тщеславие римлян и безверие Египта — все эти черты составляют для Гоголя совокупный лик современности как нового язычества перед близящейся его кончиной.

Умаление и кончину языческих царств перед лицом грядущего Царства Спасителя Гоголь, по-видимому, осмысляет в свете одного из ветхозаветных пророчеств. Содержание статьи «Жизни» перекликается с пророчеством 2-й главы Книги св. пророка Даниила. Здесь повествуется о видении вавилонского царя Навуходоносора. Во сне царю привиделся огромный истукан, составленный из золота, серебра, меди, железа и глины, который был разбит скатившимся с горы камнем. Даниил объяснял царю, что истукан прообразовал четыре языческих царства, которые все будут разрушены новым всемирным царством, воздвигнутым Богом навеки (Дан. 2, 31–45). По распространенному святоотеческому толкованию, сном этим была предвозвещена судьба четырех великих мировых держав — Вавилона, Персии, Греции и Рима, сокрушенных «камнем» — Иисусом Христом, отделившимся от «горы» — Пресвятой Богородицы и положившим начало нового Царства — Церкви Христовой. В статье Гоголя языческие царства как бы стоят на пороге своей кончины перед лицом только что явившегося в мир Спасителя, над Которым склонилась Его Непорочная Мать. Весь замысел «Жизни» словно оказывается укорененным в первой песни канона Пресвятой Богородице 4-го гласа (в «Октоихе»): «Сотрясóшася людие, смятошася языцы, царствия же державная уклонишася, Чистая, от страха Рождества Твоего: прииде бо Царь мой и низложи мучителя, и мир от тли избави».

В конце жизни статью «Жизнь» Гоголь предполагал переиздать (см. ***1851. Октября конец, до 30. Москва*** — примечания).

[11] См. ***1834. Августа 23. Четверг. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1830–1833. Санкт-Петербург.***

[13] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 337.

[14] Там же. Т. 2. С. 341.

[15] См. ***1852. Мая 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[16] *Свод.* Т. 3. С. 19–20.

[17] *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 135.

[18] Там же. С. 139.

[19] См. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург*** (примечания).

[20] См. ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[21] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[22] См. ***1829. Конец сентября — первая половина октября. Санкт-Петербург***; ***1852. Февраля 28. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1852. Марта 21. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1852. Апреля 19. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1852. Мая 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[23] См. ***1836. Мая 1. Пятница. Санкт-Петербург.***

[24] На полях вписано: «Собственноручное начертание руки А. Ф. Писемского».

[25] Василий Владимирович Кашпирев (1836–1875), издатель, публицист, переводчик.

[26] Василий Григорьевич Авсеенко (1842–1913), прозаик, критик, журналист. — См. также ***1852. Марта 25. Великий вторник. Москва.***

[27] *Комиссарова И. А.* Памятник ненависти. (Булгарин о Гоголе). <Заметка А. Ф. Писемского из архива Н. С. Лескова> // *Свод.* Т. 3. С. 979–980.

ОКТЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятно, в этот день состоялось традиционное собрание выпускников Нежинской гимназии[1], на котором, возможно, присутствовал П. В. Анненков.

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Случалось также, что в этих сходках на Гоголя нападала беспокойная, судорожная, горячечная веселость — явное произведение материальных сил, чем-либо возбужденных. Вообще следует заметить, что природа его имела многие из свойств южных народов, которых он так ценил вообще. Он необычайно дорожил внешним блеском, обилием и разнообразием красок в предметах, пышными, роскошными очертаниями, эффектом в картинах и природе. "Последний день Помпеи" — Брюллова привел его, как и следовало ожидать, в восторг[2]. Полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное, громкое слово, все, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины сердца. О метафизическом способе понимания явлений природы и искусства тогда и в помине не было[3]. Он просто благоговел перед созданиями Пушкина за изящество, глубину и тонкость их поэтического анализа, но так же точно с выражением страсти в глазах и в голосе, сильно ударяя на некоторые слова, читал и стихи Языкова. В жизни он был очень целомудрен и трезв, если можно так выразиться, но в представлениях он совершенно сходился со страстными, внешне великолепными представлениями южных племен. Вот почему также он заставлял других читать и сам зачитывался в то время Державина. Чтение его, если уже раз ухо ваше попривыкло к малороссийскому напеву, было чрезвычайно обаятельно: такую поразительную выпуклость умел он сообщать наиболее эффектным частям произведения и такой яркой колорит получали они в устах его! Можно сказать, что он проявлял натуру южного человека даже и светлым, практическим умом своим, не лишенным примеси суеверия... Если присоединить к этому замечательно тонкий эстетический вкус, открывавший ему тотчас подделку под чувство и ложные, неестественные краски, как бы густо или хитро ни положены они были, то уже легко будет понять тот род очарования, которое имела его беседа»[4].

[1] См. ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] Картина К. П. Брюллова «Гибель Помпеи» была привезена в Петербург в конце июля 1834 г. и выставлена для обозрения в Эрмитаже между 12 и 17 августа. Под непосредственным впечатлением от этой картины Гоголь написал статью «Последний день Помпеи», датированную августом 1834 г. (см. ***1834. Август. Санкт-Петербург***).

[3] Заявление Анненкова в данном случае, как и в некоторых других, не соответствует действительности. Как позволяет судить творческая история повести Гоголя «Вий», образ мертвой роскошной красавицы-помпеянки с картины Брюллова послужил Гоголю прототипом для создания образа мертвой панночки-ведьмы (см. ***1834. Август. Санкт-Петербург*** — примечания; а также коммент. в изд.: *Гоголь 1994*. Т. 2. С. 482; Т. 6. С. 505; *Гоголь 2009–2010*. Т. 6. С. 660–663). Несмотря на высокую оценку «Гибели Помпеи», Гоголь хорошо сознавал чувственный характер брюлловской живописи, противопоставляя ее в статье «Последний день Помпеи» религиозному искусству. Такую же оценку картины Брюллова давал позднее святитель Игнатий (Брянчанинов) в письме к художнику от 27 апреля 1847 г.: «Давно видел я, что душа ваша в земном хаосе искала красоты <...> Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна бы быть картиною из вечности. <...> Всякая красота <...> должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. <...> Когда ж из красоты дышит смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры» (Архив Брюлловых // Русская Старина. 1900. Т. 103. № 9. Приложение. С. 163; *Святитель Игнатий Брянчанинов*. Письмо к художнику К. П. Брюллову. Публикация и комментарий И. А. Виноградова // Полн. собр. писем: В 3 т. М.: Паломник, 2011. Т. 3: Переписка с мирянами / Сост. О. И. Шафрановой. С. 593–596).

[4] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод*. Т. 3. С. 434.

ОКТЯБРЯ 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В 10 часов утра А. С. Пушкин вернулся[1] в Петербург из Болдино[2].

[1] См. ***1834. Августа 17. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См.: *Тархова.* Т. 4. С. 1668.

ОКТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел сентябрьский номер «Журнала Министерства Народного Просвещения», где помещена статья «О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем».

ОКТЯБРЯ 25. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Н. А. Мельгунов пишет князю В. Ф. Одоевскому в Петербург:

«С согласия Министра <С. С. Уварова>, в Москве с 1835 <г.> будет издаваться журнал[1], которого программу сообщим вам немедленно. Не говоря о цели, назову вам *непосредственных* и *постоянных* сотрудников, которых имена стоят в программе, представленной Министру: Андросов, Баратынский, Гоголь, М. Дмитриев, Ив. и П. Киреевские, Мельгунов, Н. Павлов, Погодин, Хомяков, Шевырев, Языков. Ваше имя поставлено также. Мы все, зная вас, решились смело включить ваше имя в список постоянных сотрудников, ибо уверены, что дело, близкое нам, и вам близко. С Гоголем и Языковым, из которых один в СПб, а другой в Симбирске, мы поступили так же. Время не позволило списаться заблаговременно. Согласны вы оставить свое имя? Еще будет время снять его».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 758.

[1] Речь идет о «Московском Наблюдателе». – См. также ***1832. Декабря 4. Воскресенье. Санкт-Петербург; 1834. Ноября 16. Пятница. Москва.***

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает в присутствии А. С. Пушкина и В. А. Жуковского или лекцию об Ал-Мамуне (по свидетельству Н. И. Иваницкого), или лекцию о «норманнских витязях» (по свидетельству С. И. Барановского). Гоголь передает Пушкину (вероятно, во второй раз) рукопись «Невского проспекта»[1].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «Как преподаватель, Гоголь не имел больших достоинств. Сначала он горячо принялся за исполнение обязанностей своего звания; он смотрел на свою обязанность не как на средство к жизни, но как на цель, как на призвание; он хотел даже, как увидим ниже, совершенно посвятить себя ученому званию, но деятельность его, требовавшая другого поприща, ослабевала; он чувствовал себя не в своей сфере и должен был навсегда разделаться с несвойственным и наскучившим ему занятием. Лекции Гоголя, по словам присутствовавших на них, не отличались особенным знанием дела или новостью взгляда, но блестящее изложение и уменье овладеть вниманием слушателя были главными достоинствами молодого адъюнкта. Какого мнения о своих лекциях был сам Гоголь – не знаем, но вот факт, доказывающий, что он не слишком доверял себе в этом отношении. Говорят, что Гоголь просил Пушкина и Жуковского приехать когда-нибудь к нему на лекцию. Оба поэта, очень долго собиравшиеся воспользоваться его приглашением, наконец условились, уведомили об этом предварительно Гоголя и в назначенное время отправились в университет. Поэты нашли полную аудиторию студентов, но Гоголя еще не было; они решились его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не являлся. Такой

же маневр был употреблен Гоголем и в день[2], назначенный для испытания студентов по его предмету, с тою только разницею, что за ним послали, но оказалось, что он вовсе уехал из города»[3].

Откликаясь на публикацию Гаевского, Н. И. Иваницкий в 1853 г. писал: «Поставляю себе в обязанность сказать, что автор <...> впал здесь в ошибку. Я учился в здешнем университете <в 1833–1838 гг.>, сам слушал Гоголя, и вот что могу сказать вам о его лекциях. Гоголь читал Историю Средних Веков для студентов 2-го курса филологического отделения. Начал он в сентябре 1834, а кончил в конце 1835 года. На первую лекцию[4] он явился в сопровождении инспектора[5] студентов. <...> Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал[6] довольно поздно <...> поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно... <...> Следующие лекции были в том же роде, так что мы совершенно наконец охладели к Гоголю... <...>

Но вот однажды – это было в октябре – ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь? Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру, и вдруг, как говорится, ни с того, ни с другого, начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в "Арабесках". Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: "увлекательно"...

Все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на беседу живую и одушевленную... Какими-то сонными глазами смотрел он на прошедшие века и отжившие племена. Без сомнения, ему самому было скучно, и он видел, что скучно и его слушателям. Бывало, приедет, поговорит с полчаса с кафедры, уедет, да уж и не показывается целую неделю, а иногда и две. Потом опять приедет, и опять та же история. Так прошло время до мая <до апреля>[7].

Наступил экзамен. Гоголь приехал, подвязанный черным платком[8]: не знаю уж, зубы у него болели, что ли. Вопросы предлагал бывший ректор[9] И. П. Ш<ульгин>[10]. Гоголь сидел в стороне и ни во что не вступался. Мы слышали уж тогда, что он оставляет университет и едет на Кавказ[11]. После экзамена мы окружили его и изъявили сожаление, что должны расстаться с ним. Гоголь отвечал, что здоровье его расстроено и что он должен переменить климат. "Теперь я еду на Кавказ: мне хочется застать там еще свежую зелень; но я надеюсь, господа, что мы когда-нибудь еще встретимся"»[12].

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал: «Помню, что слышал от братьев, бывших в здешнем университете, о том, что он <Гоголь> читает там лекции, что его чтение слушали Жуковский и Пушкин»[13].

В 1854–1855 гг. Ф. В. Чижов[14] рассказывал П. А. Кулишу: «Я познакомился с Гоголем тогда, как он был сделан адъюнкт-профессором в С. Петербургском Университете, где я тоже был адъюнкт-профессором[15]. Гоголь сошелся с нами хорошо, как с новыми товарищами; но мы встретили его холодно. Не знаю, как кто, но я только по одному: я смотрел на науку чересчур лирически, видел в ней высокое, чуть-чуть не священное дело, и потому от человека, бравшегося быть преподавателем, требовал полного и безусловного посвящения себя ей. Сам я занимался сильно, но избрал для преподавания искусство, мастерство (начертательную геометрию), не смея взяться за науку высшего анализа, которую мне тогда предлагали. К тому же Гоголь тогда, как писатель-художник, едва показался; мы, большинство, толпа, не обращали еще дельного внимания на его "Вечера на Хуторе"; наконец и самое вступление его в Университет путем окольным отдаляло нас от него, как от человека. По всему этому сношения с ним у меня были весьма форменные, и то весьма редкие»[16].

В 1856 г. В. В. Григорьев сообщал: «1834–1835 год, когда Грановский был уже на последнем курсе, памятен университету в этом отношении тем, что историю Средних веков читал в нем знаменитый Н. В. Гоголь. Гоголь в это время жил гувернером в доме А. И. Васильчиковой и так же, как под конец жизни, метался, отыскивая себе определенное занятие, положительный круг дея-

тельности, “должность”, как выражается он в “Исповеди”. Между прочим пришла ему мысль, что он создан историком и призван к преподаванию “судеб человечества”. Последствием такого предположения было несколько исторических статей, напечатанных в 1834 г. в журнале Министерства Н<ародного> П<росвещения>, вступление учителем в Патриотический институт, а потом и допущение его к чтению в Петербургском университете лекций истории Средних веков. Весь университет восхищался “Вечерами на хуторе” и с любопытством ожидал появления на кафедре пасечника Рудого Панька. На первую лекцию навалили к нему в аудиторию все факультеты. Из посторонних посетителей явились и Пушкин, и, кажется, Жуковский. Сконфузился наш пасечник, читал плохо, и произвел весьма невыгодный для себя эффект. Этого впечатления не поправил он и на следующих лекциях. Иначе, впрочем, и быть не могло. Образованием своим в Нежинском лицее и дальнейшими потом занятиями Гоголь нисколько не был приготовлен читать университетские лекции истории; у него не было для этого ни истинного призвания, ни достаточной начитанности, ни даже средств приобрести ее, не говоря уже о совершенном отсутствии ученых приемов и соответственного времени взгляда на науку. Как ни плохи были вообще слушатели Гоголя, они, однако же, сразу поняли его несостоятельность. В таком положении оставался ему один исход — удивить фразами, заговорить; но это было не в натуре Гоголя, который нисколько не владел даром слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что после трех-четырех лекций студенты ходили в аудиторию к нему только затем уж, чтобы позабавиться над “маленько сказочным” языком преподавателя. Гоголь не мог этого не видеть, сам тотчас же сознал свою неспособность, охладел к делу и еле-еле дотянул до окончания учебного курса, то являясь на лекцию с подвязанною щекою[17], в свидетельство зубной боли, то пропуская их за тою же болью. На годичный экзамен из читанного им Гоголь также пришел с окутанною косынками головою, предоставил экзаменовать слушателей своих декану и ассистентам, а сам молчал все время. Студенты, зная, как нетверд он в своем предмете, объясняли это молчание страхом его обнаружить в чем-нибудь свое незнание. — “Боится, что Ш<ульги>н (в том же или предшествовавшем году поступивший в университет на кафедру Новой истории) собьет его самого, так и притворяется, будто рта разинуть не может”, — говорили насмешники, и, нет сомнения, была доля правды в словах их: сам еще недавно оставивший студентскую скамью, сознавший, как непрочно здание его исторической мудрости, и робкий и недоверчивый по характеру Гоголь весьма естественно мог побаиваться прицепок такой ученой знаменитости, какою был тогда Ш<ульг>ин, самим Телеграфом провозглашенный за “мыслящего историка”; и вот, чтобы избавиться позора, засевши не в свои сани, незабвенный художник наш признал за безопаснейшее притвориться больным. Вслед за этим экзаменом он оставил университет»[18].

В 1869 г. И. С. Тургенев вспоминал: «...Первое мое свидание с Гоголем происходило гораздо раньше, чем я сказал вначале[19]. А именно: я был одним из его слушателей в 1835 г., когда он преподавал (!) историю в С.-Петербургском Университете. Это преподавание, правду сказать, происходило оригинальным образом. Во-первых, Гоголь из трех лекций непременно пропускал две, во-вторых, даже когда он появлялся на кафедре — он не говорил, а шептал что-то весьма несвязное, показывал нам маленькие гравюры на стали, изображавшие виды Палестины и других восточных стран — и все время ужасно конфузился. Мы все были убеждены (и едва ли мы ошибались), что он ничего не смыслит в истории — и что г. *Гоголь-Яновский*, наш профессор (он так именовался в расписании лекций), не имеет ничего общего с писателем Гоголем, уже известным нам как автор “Вечеров на Хуторе близ Диканьки”. На выпускном экзамене из своего предмета он сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин. Как теперь вижу его худую, длинноносую фигуру с двумя высоко торчавшими — в виде ушей — концами черного шелкового платка[20]. Нет сомнения, что он сам хорошо понимал весь комизм и всю неловкость своего положения: он в том же году подал в отставку. Это не помешало ему, однако, воскликнуть: “Непризнанный взошел я на кафедру — и непризнанный схожу с нее!”[21] — Он был рожден для того, чтоб быть наставником своих современников: но только не с кафедры»[22].

По замечанию И. Я. Айзенштока, «при всей своей кажущейся несомненной убедительности воспоминания Тургенева не могут быть признаны вполне достоверными»: «Подтекстом всего данного эпизода было для Тургенева противопоставление гениального художника Гоголя бездарному Гоголю-профессору, противопоставление, безусловно, целиком вытекавшее из литературно-политической борьбы вокруг Гоголя, которая в конце шестидесятых — начале семидесятых годов приобретала новую остроту и значимость. <...> В полемическом запале Тургенев привнес в свою характеристику Гоголя-профессора преувеличение и шарж, исказил историче-

скую действительность. <...> Говорить всерьез о неявке Гоголя на лекции, после документальных материалов, опубликованных Н. И. Мордовченко (Н. И. Мордовченко. Гоголь в Петербургском университете (Неизданные письма Гоголя <к ректору Петербургского университета А. А. Дегурову> и документы о нем) // Уч. зап. ЛГУ, сер. филол. наук, вып. 3, 1939, стр. 356–359), в настоящее время невозможно»[23]. Так же, как мемуары П. В. Анненкова[24], воспоминания о Гоголе Тургенева, во многих отношениях не могут быть признаны объективными.

7 апреля 1843 г. Я. К. Грот писал П. А. Плетневу: «По-прежнему я очень доволен обращением и дельными разговорами Барановского[25]. От него я узнал, что Гоголь был несколько времени адъюнктом в С.-Петербургском университете; узнал много малороссийских преданий и обычаев и всякой всячины»[26].

Позднее, в 1880 г., сам Барановский в письме к Я. К. Гроту сообщал: «Присутствуя на Пушкинском торжестве в Москве, живо вспоминаю тот случай, когда мне довелось видеть знаменитого Александра Сергеевича. Это было на одной из лекций Гоголя, который недолгое время был профессором Всеобщей Истории во втором курсе С.-Петербургского университета: назначенный на эту должность осенью 1834-го, он уже весною 1835-го расхворался и в начале лета уехал за границу, где и проживал довольно долго. О его профессорстве слышны были спорные мнения[27], и как бы для того, чтоб их проверить, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин решили неожиданно побывать на его лекции. Зная день и час, они оба вместе пришли послушать лекцию Н. В. Гоголя. Что их посещение было совершенною неожиданностию для нашего профессора, ясно выразилось в том, что обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами, студентами, прождать с полчаса времени: лекции в то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находил это время слишком долгим, утомительным и только на своей первой лекции проговорил все положенное время; потом он сокращал продолжительность своих лекций, и для того, чтоб не прерывать лекций слишком рано, он обыкновенно опаздывал приходом на полчаса, иногда и на три четверти часа. Таким образом Жуковский и Пушкин провели несколько времени в беседе со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав Норманнских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии, грозных на морях, и Черном и Каспийском, на берегах и Франции и Англии»[28].

Н. М. Колмаков в 1891 г., в свою очередь, сообщал: «...Студент Павел Зубов <...> был страшный поклонник находившегося тогда в апогее своей славы Александра Сергеевича Пушкина. <...> Раз он нам принес известие о том, что Пушкин с Жуковским и Плетневым будут в университете на лекции Гоголя. Все, разумеется, ждали с нетерпением этого дня. Я видел вошедшими их всех в университет, но сам, к крайнему сожалению, на лекции Гоголя на этот раз не был.

По рассказам других, лекция эта далеко не удовлетворила слушателей. Из других же лекций средней истории все, да и сам Гоголь, убеждался, что он не профессор истории. Тогда было известно, что Гоголь попал в профессора вследствие своей статьи о движении народов в средние века. Статья эта была напечатана в "Журнале Министерства Народного Просвещения" и весьма понравилась бывшему министру графу Сергею Семеновичу Уварову. Она обличала в авторе скорее даровитого живописца и писателя, нежели глубокого мыслителя-историка. Вообще нужно сказать, что профессура Гоголя потерпела фиаско, и сам он начал хворать. Голова его, по случаю ли боли зубов или по другой причине, постоянно была подвязана белым платком; самый вид его был болезненный и даже жалкий, но студенты относились к нему с большим сочувствием, что было, разумеется, последствием его талантливых сочинений.

Но Боже мой, что за длинный, острый, птичий нос был у него. Я не мог на него прямо смотреть, особенно вблизи, думая: вот клюнет и глаз вон. Вот почему на лекциях его я всегда садился сбоку, чтобы не подвергнуться такому мнимому впечатлению.

Читая из истории то одно, то другое, он всегда переходил к рассказу о движении народов. Ясно, что предмет этот служил ему как бы заручкой или опорою исторических его знаний.

Профессура его продолжалась недолго. Уезжая из Петербурга, он нам указал на некоторых авторов, сочинения которых могли служить нам руководством к изучению истории средних веков. Отъезд Гоголя и оставление им лекций были неожиданны и отразились на нас весьма неблагоприятно. Профессор Шульгин на экзамене задавал нам такие вопросы, которые вовсе не входили в

программу лекций Гоголя. <...> ...В числе студентов старшего курса был и присноспамятный Иван Сергеевич Тургенев»[29].

В 1850-х гг. А. С. Андреев[30] в своих воспоминаниях, опубликованных в 1927 г., сообщал (с чужих слов): «Гоголь-Яновский, Николай Васильевич, молодой человек, прибыл в С.-П<етер>бург, по окончании в Нежинском лицее курса, для снискания себе места по службе. Неуспех в этом предприятии заставил его, не имея иных средств, прибегнуть к урокам из истории, которые он давал в частных пансионах девицам. В это время он имел случай познакомиться с В. А. Жуковским, который, заметя в нем талант, хотел ему оказать пособие. При первом свидании с министром просвещения, он сказал ему об Гоголе и просил о пристроении его, как человека даровитого и как ученого.

Вскоре университет получил предписание (1834 года 24 июля) принять Гоголя адъюнктом истории. Назначена была первая его лекция. Все университетское пожелало слушать эту лекцию, да, сверх того, сам Жуковский и с ним Пушкин пришли на оную.

Проходит полчаса, Гоголя нет; еще три четверти прошли, а его все нет, и наконец, почти за полчаса до конца, он явился. Раскланявшись с Жуковским и Пушкиным, он взошел на кафедру, высморкал нос и, обратившись к студентам, сказал:

— Милостивые государи! Старый век с своими пороками, с своими преступлениями, нравами и поверьями погиб и не возвратится. А новый век возрос, и его мы рассмотрим.

Такого рода прелюдия пошевелила всех, и по зале пробежал гул.

Вслед за этим он обратился к гуннам и начал рассказывать их одежду, обувь, вооружение и лодки, на которых они плавали. Четверти часа не прошло, как он, обратясь к студентам, сказал, что он продолжать более не может, потому что не успел подготовиться, но что в следующую лекцию надеется удовлетворить их более.

Следующая лекция назначена через три дня. Собралось слушателей много, но вполовину меньше первой лекции. Гоголь взошел на кафедру вовремя и обратил речь на саксонцев, которых описывал одежду, вооружение и домашний быт, — и через полчаса объявил, что продолжать более не может, потому что приехали к нему родные и должны вскоре отъехать, а потому он прекращает лекцию, дабы воспользоваться их присутствием.

Третья лекция отложена была на несколько дней, и как в продолжение первых двух лекций студенты спрашивали его об годах происшествий, которых он не знал, то и обещал доставить хронологию в эту лекцию, и, действительно, принес с собою листок, на котором написаны были годы. При объявлении их студентам они ему заметили, что это они могут взять из книг. Он замолчал, сошел с кафедры и уже более в университет не являлся.

Несколько времени он сказывался больным, а вскоре вышел указ, объявляющий об утверждении адъюнкт-профессора Гоголя-Яновского коллежским ассессором[31]. Немного спустя, он вышел в отставку и занялся литературой, которая приголубила его лучше, нежели история»[32].

[1] См. ***1834. Между октября 15 и ноября 9. Санкт-Петербург.***

[2] 26 апреля 1835 г. В этот день Гоголь отбыл в отпуск на родину (см. ***1835. Апреля между 23 и 25. Санкт-Петербург***; ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург***).

[3] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.

[4] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[5] Инспектором студентов Санкт-Петербургского университета в 1834 г. был Н. П. Филиппов.

[6] См. ***1834. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[7] Годовой экзамен, о котором вспоминает Н. И. Иваницкий, состоялся 26 апреля 1835 г. (см. примеч. выше).

[8] См. также: ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург***; ***1835. Января 24. Четверг. Санкт-***Петербург; и два примеч. ниже.

[9] В ту пору И. П. Шульгин был еще деканом историко-филологического факультета; ректором университета он был избран в декабре 1835 г.

[10] См. также ***1835. Апреля между 23 и 25. Санкт-Петербург.*** — Сохранился экземпляр первого издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (Кн. 1. СПб., 1831), с надписью: «Ивану Петровичу Шульгину. В знак искреннего уважения и привязанности. От Гоголя».

[11] См. ***1835. Апреля 3. Великая среда. Санкт-Петербург.***

[12] *Краевский А. А.* <Дополнение к статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о

Гоголе». (Письмо Н. И. Иваницкого к редактору «Отечественных Записок»)> // *Свод.* Т. 1. С. 784–785.

[13] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 647.

[14] Федор Васильевич Чижов (1811–1877), математик, адъюнкт-профессор Петербургского университета (1832–1845), литератор, искусствовед, впоследствии крупный промышленный и финансовый деятель, издатель и редактор сочинений Гоголя.

[15] В те годы Ф. В. Чижов был близок к А. В. Никитенко, встречался с К. М. Базили, с 17 января 1835 г. стал давать уроки сыну сенатора П. Г. Галагана Григорию Павловичу (см. ***1836. Марта 12. Четверг. Санкт-Петербург*** – примечания).

[16] Воспоминания Ф. В. Чижова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 3. С. 46.

[17] См. примеч. выше.

[18] *Григорьев В. В.* Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве // *Свод.* Т. 1. С. 790–791.

[19] См. ***1841. Октября 17 – 1842. Марта 26. Москва.***

[20] См. примеч. выше.

[21] Искаженная цитата из письма Гоголя к М. П. Погодину от 6 декабря 1835 г.: «Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее».

[22] *Тургенев И. С.* Литературные воспоминания. III. Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин) // *Свод.* Т. 3. С. 829–830.

[23] *Айзеншток И. Я.* Н. В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия общественных наук. 1952. № 3. С. 25–26, 30–31.

[24] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим*** (примечания).

[25] Степан Иванович Барановский (1817 – около 1890), с 1833 г. студент Петербургского университета, впоследствии профессор русского языка в Гельсингфорсском и Дерптском университетах.

[26] Гоголь в воспоминаниях С. И. Барановского // *Свод.* Т. 1. С. 787.

[27] См., в частности, ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[28] Гоголь в воспоминаниях С. И. Барановского // *Свод.* Т. 1. С. 787.

[29] Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова // *Свод.* Т. 1. С. 788. – Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883), писатель.

[30] См. также ***1836. Октября до 9. Санкт-Петербург.***

[31] Чин коллежского асессора (8 класса) Гоголь получил еще до поступления в Петербургский университет (см. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания).

[32] *Андреев А. С.* Гоголь-профессор // *Свод.* Т. 1. С. 793.

МЕЖДУ ОКТЯБРЯ 15[1] И НОЯБРЯ 9[2]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин, возвращая Гоголю рукопись «Невского проспекта», сообщает:

«Перечел[3] с большим удовольствием; кажется, всё может быть пропущено. Секуцию[4] жаль выпустить: она, мне кажется, необходима для полного эфекта вечерней мазурки. Авось Бог вынесет. С Богом!»

[1] См. ***1834. Октября 14. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1834. Ноября 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] «Выражение "перечел" указывает на то, что Пушкин, вероятно, познакомился с "Невским проспектом" еще до своего отъезда из Петербурга, состоявшегося 16 или 17 августа 1834 г. <см. ***1834. Августа 17. Пятница. Санкт-Петербург***>» (Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 249).

[4] В сохранившейся черновой рукописи сцена «секуции» выглядела так: «Если бы Пирогов был в полной форме, то, вероятно, почтение к его чину и званию остановило бы буйных тевтонов. Но он прибыл совершенно как частный приватный человек в сюртучке и без эполетов. Немцы с величайшим неистовством сорвали с него все платье. Гофман всей тяжестью своей сел ему на ноги, Кунц схватил за голову, а Шиллер схватил в руку пук прутьев, служивших метлою. Я должен с прискорбием признаться, что поручик Пирогов был очень больно высечен».

НОЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от М. П. Погодина из Москвы.

См. ***1834. Ноября 2. Пятница. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 2. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Письмо твое я получил вчера[1]. Очень рад, что московские литераторы наконец хватились за ум, и охотно готов с своей стороны помогать по силам. Только я бы вот какой совет дал: Журнал[2] наш нужно пустить как можно по дешевой цене. <...> Этим одним только можно взять вверх и сколько-нибудь оттянуть привал черни к глупой Библиотеке, которая слишком укрепила за собою читателей своею толщиною. Еще: как можно более разнообразия! и подлиннее оглавление статей! Количеством и массою более всего поражаются люди. Да чтобы смеху, смеху, особенно при конце. Да и везде недурно нашпиговать им листки. И главное, никак не колоть в бровь, а прямо в глаз. Эх жаль, что я не могу для первого листа ничего дать, потому что страшно занят, и печатаю кое-какие вещи[3]! но как только обстрою дела свои, то непременно пришлю что-нибудь. Впрочем оно и лучше, что я теперь ничего не даю: теперь мое имя не слишком видно; но после напечатанья моих небольших мараканий, всё-таки лучше. Охота тебе заниматься и возиться около Герена[4], который далее своего немецкого носа и своей торговли ничего не видит. Чудной человек: он воображает себе, что политика какой-то осязательный предмет, господин во фраке и башмаках, и притом совершенно абсолютное существо, являющееся мимо художеств, мимо наук, мимо людей, мимо жизни, мимо нравов, мимо отличий веков, не стареющее, не молодеющее, ни умное, ни глупое, чорт знает что такое. Впрочем, если ты займешься Гереном с тем, чтоб развить и переделать его по-своему — это другое дело. <...> Я готов плюнуть в башку глупому вашему Каченовскому за эдакие проказы. Мне нужны твои Афоризмы. Это, просто, досадно.

Но обратимся к Журналу. Как ему кличка? Да кто будет более всего работать? Киреевский[5] будет? Пожалуста, работайте не так, как вы всегда работаете. Что за лентяи эти москвичи! Ни дать ни взять, как наши малороссияне. Мне кажется, вам жены больше всего мешают. Ради Бога, не забывайте, что и кроме жен есть еще такие вещи на свете, о которых нужно подумать. Печатаешь ли ты Демишеля[6], которого перевели твои студенты? Пожалуста, печатай скорее хоть новую историю, которую ты, как говоришь, составил. Я сам замышляю дернуть историю средних веков, тем более, что у меня такие роятся о ней [крупные] мысли... но я не раньше, как через год, приймусь писать [о ней]»[7].

В 1880 г. П. В. Анненков писал, что основание в 1835 г. журнала «Московский Наблюдатель» было одной из попыток борьбы с «торговым направлением» в литературе, с «триумвиратом О. И. Сенковского, Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина, выросшем на благодатной почве Смирдинских капиталов». «Московский Наблюдатель» было основан «именно с этою целью»[8]: «Для поддержания этого издания, Гоголь принял на себя роль пропагандиста и собирал подписки со всех своих знакомых в Петербурге – и, прибавим, чрезвычайно настойчиво и энергично. Каждый из нас должен был иметь и имел своего "Наблюдателя"»[9].

В тот же день, 2 ноября 1834 г., Гоголь получил письмо от матери из Васильевки[10].

[1] См. ***1834. Ноября 1. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду «Московский Наблюдатель», разрешение на издание которого было получено 9 декабря 1834 г.

[3] Подразумеваются сборники «Арабески» и «Миргород».

[4] Замечание Гоголя связано с готовившейся М. П. Погодиным к изданию книгой: Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира. М., 1835. Ч. 1 (ценз. разр. 13 июня 1835 г.; цензор М. Т. Каченовский).

[5] Вероятно, Гоголь имеет в виду П. В. Киреевского (см. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***; ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва***.

[6] «История Средних веков» О. Х. Демишеля (см. ***1834. Сентября после 20. Санкт-Петербург*** – примечания), переведенная студентами Московского университета под редакцией М. П. Погодина, была издана в 1836 г.

[7] Погодин получил письмо 12 ноября 1834 г. (см. ***1834. Ноября 12. Понедельник. Москва***).
[8] См. также ***1832. Декабря 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября 25. Четверг. Москва.***
[9] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 505.
[10] См. ***1834. Ноября 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 6. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет ответное письмо матери в Васильевку:

«Письмо ваше я получил 2-го сего месяца[1]. Очень благодарю вас за сообщение разных известий о вас и о наших знакомых. Очень жалею только, что вы не имеете теперь решительно никаких доходов. Может быть, если Бог поможет, после нового года я получу сколько-нибудь денег[2] и, может быть, буду так счастлив, что сколько-<нибудь> облегчу вашу невозможность уплатить хотя самые нужные долги. Жалею, что добрый дедушка мой[3] становится очень слаб[4]. Поцелуйте его за меня и скажите, что я тоже желаю его видеть, а весною постараюсь быть в Малороссию. Вы желаете знать, по какой части профессор я в здешнем университете. Я читаю историю средних веков. Вы до сих пор еще не охладели от страсти к чинам и думаете, что я непременно и чин должен получить выше. Ничуть не бывало, я всё тем же, чем и был, т. е. коллежским асессором[5] и ничего более. Если бы я имел какую-нибудь существенную выгоду для себя в чине, я, верно бы, не упустил этим воспользоваться; я не так глуп, чтобы пренебречь этим. Но мои обстоятельства и мое положение таково... Но мне нельзя этого растолковать вам. <...>

Целую крестников моих Николю и Ваню[6]. Как приеду, привезу им по калачу. С своей стороны я заранее готовлю в желудке место для помещения того пирожного, по поводу которого Мария Васильевна[7] бегает на кухню».

[1] См. ***1834. Ноября 2. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь рассчитывал получить деньги от продажи «Арабесок» и «Миргорода», а также от второго издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки».
[3] И. М. Косяровский.
[4] См. ***1834. Ноября первая половина. Хутор Косяровщина.***
[5] См. ***1832. Июня конец, не позднее четверга 30. Москва.***
[6] Трушковских.
[7] Трушковская, сестра Гоголя.

НОЯБРЯ 10. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение «Арабесок»[1] и второго издания[2] обеих частей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (цензор В. Н. Семенов).

[1] «В «Реестре рукописей и книг, поступивших для рассмотрения в СПб. цензурный комитет. 1834» рукопись «Разные сочинения Н. Гоголя» (как названы здесь «Арабески») записана как поступившая 10 ноября и тогда же одобренная (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, № 198)» (Пушкин. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 248–249).
[2] Вышло из печати в январе 1836 г. (см. ***1836. Февраля 1. Суббота. Санкт-Петербург***).

НОЯБРЯ 12. ПОНДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил из цензуры одобренный сборник «Арабески».

Гоголь 2001–2012. Т. 3. С. 464.

НОЯБРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Ноябрь*. <...> *12*. <...> Смешн<ое> письмо от Гоголя»[1].

Имеется в виду письмо Гоголя к Погодину от 2 ноября 1834 г. из Петербурга[2]. 20 ноября 1834 г. Погодин написал Гоголю ответ (не сохранился), на который Гоголь откликнулся 14 декабря 1834 г.[3]

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 416.
[2] См. ***1834. Ноября 2. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ХУТОР КОСЯРОВЩИНА

Кончина И. М. Косяровского[1], отца М. И. Гоголь; Мария Ивановна сообщает об этом сыну в Петербург (письмо матери и ответное письмо Гоголя не сохранились).

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Дедушка на старости был слеп, его человек водил, а бабушку помню, как она смотрела на меня и говорила матери: Бедненькая, да еще глухая, не выдавай ее замуж. А сама бабушка была тоже глуха, но через ревность свою всегда мучилась. <...> Потом бабушка осталась вдовой, и с нею жила дочь ее, Катерина Ивановна <в замужестве Ходаревская>. <...> ...Тоже приезжали к нам каждую субботу <на воскресную службу>[2]... <...> Потом[3] <...> тетка <Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская)> осталась одна... <...> Мать увидела, что она не сумеет хозяйничать, <...> и взяла ее к себе, <...> и пара лошадей ее у нас осталась, которые еще дедушку возили. Одной лошади было 30 лет, а другой 35 лет...»[4]

М. И. Гоголь вспоминала: «Когда отец мой начал ослабевать, не мог ходить, лежал в постели, я сидела у его постели; он мне сказал: "Да благословит тебя Бог в сем мире и в будущем"; и не мог от слабости поднять руки благословить меня, по обыкновению своему; целуя его руку, я не могла поднять без усилия ее, так она отяжелела. Он послал за священником, не сказавши мне, только одной маменьке, позвал прикащика, велел мне выйти – пройтись по саду; но я, увидя маменьку, остановилась с ней в ближней комнате; он начал ему говорить, рас<с>прося, что делается в хозяйстве: ["Смотри, чтоб ты был честен и верен остающимся моим, как мне был. За что тебя наградит Бог. Вспомни, что служишь не господам, а Богу, который поставил тебя на то место и за сирот и вдову более с тебя взыщется». Потом сделался спокоен, молился, видя нас, старался даже казаться весел по обыкновению своему. «Надеюсь, – сказал нам, – что будете благоразумны, не будете так малодушны, чтоб плакать как простым бабам – о том, что ожидает каждого из вас»]»[5].

По-видимому, рассказом Марии Ивановны о кончине отца (в несохранившемся письме) Гоголь в ноябре-декабре того же года воспользовался в описании последних дней Пульхерии Ивановны в «Старосветских помещиках»: «Смотри мне, Явдоха, – говорила она, обращаясь к ключнице, которую нарочно велела позвать, – когда я умру, чтобы ты глядела за паном... <...> Не своди с него глаз, Явдоха, я буду молиться за тебя на том свете, и Бог наградит тебя. Не забывай же, Явдоха; ты уже стара, тебе не долго жить, не набирай греха на душу. Когда же не будешь за ним присматривать, то не будет тебе счастия на свете. Я сама буду просить Бога, чтобы не давал тебе благополучной кончины. И сама ты будешь несчастна, и дети твои будут несчастны, и весь род ваш не будет иметь ни в чем благословения Божия».

Обращает также на себя внимание упоминание сестры Гоголя о «всегдашней» ревности М. И. Косяровской к мужу. Последнее обстоятельство, вероятно, в свою очередь нашло отражение в «Старосветских помещиках»: «Пульхерия Ивановна обыкновенно бранила виновную и наказывала строго, чтобы вперед этого не было».

В этой связи примечателен и бытовавший в семье Гоголей анекдот, как Екатерина Ивановна Ходаревская (дочь Косяровских) разговаривала с своей горничной: «Раз ночью спрашивает у своей горничной (та спала в другой комнате): "Фекла, с ким ты балакаешь?" – "С котиком, сударыня". Когда через несколько месяцев ее горничная родила, тогда Катерина Ивановна сказала ей: "Так це той котык, що ты балакала". И бедную грешницу отослали на черный двор, а на место ее взяли другую». «Отголосок этого, – замечал В. А. Чаговец, – слышится в идиллии "Старосветские помещики"»[6].

Вероятно, из быта Косяровских в гоголевских повестях и их престарелые (тридцати- и тридцатипятилетние) лошади, на которых они совершали свои еженедельные поездки в Васильевку: «...Омелько, управившись около брички, вывел из конюшни тройку лошадей, немного чем моложе брички...» («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); «...Кучер встряхивал вожжами и лошади, служившие еще в милиции <т. е. в 1805–1807 гг.>, трогались с своего места...» («Старосветские помещики»).

[1] Получив 2 ноября 1834 г. письмо от матери с извещением, что И. М. Косяровский «очень слаб» (см. ***1834. Ноября 6. Вторник. Санкт-Петербург***), Гоголь позднее (начиная с ответного письма к матери от 15 декабря 1834 г.) о дедушке Иване Матвеевиче больше не упоминает. – См. также ***1832. Сентября 29. Васильевка***; ***1836. Март – начало мая. Хутор Косяровщина.***

[2] См. ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка.***

[3] См. ***1836. Март – мая начало. Хутор Косяровщина.***

[4] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 197, 208.

[5] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 59, 55.

[6] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 208, 218.

НОЯБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 260) в разделе «Новые книги» напечатано извещение И. И. Срезневского о том, что читатели, подписавшиеся на первую часть «Запорожской Старины» «в непродолжительном времени получат в добавок к трем книжкам этой части издания[1] <...> книжку первую *литературных прибавлений*». В числе произведений других авторов были обещаны повести «Рудаго Панька» (издание не состоялось)[2].

[1] *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 1 (цензурное разрешение 19 мая); Ч. 1. Кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа); 1834. Ч. 1. Кн. 3 (цензурное разрешение 25 мая).

[2] <Извещение газеты «Северная Пчела» от 15 ноября 1834 г. об издании «Литературных Прибавлений» к «Запорожской Старине» И. И. Срезневского> // *Свод*. Т. 1. С. 772.

НОЯБРЯ 16. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин пишет М. А. Максимовичу в Киев:

«В Москве затеялся журнал[1], по мысли кн<язя> Дмитрия Владимировича <Голицына>[2], который хочет, чтобы Москва учила вкусу и литературе, и т. п. Собралось денег тысяч 20, чтоб платить авторам (150 р<ублей> асс<игнациями> за лист) и переводчикам (40 р<ублей> асс<игнациями> за л<ист>). На веленевой бумаге. Редактор Андросов. Сотрудники – Гоголь, Киреевский, Хомяков, Языков, Шевырев и т. п. Просят вас участвовать. Присылайте скорее что-нибудь».

Из писем М. П. Погодина // *Свод*. Т. 2. С. 409.

[1] «Московский Наблюдатель», издававшийся с марта 1834 по 1839 г. См. также ***1834. Октября 25. Четверг. Москва***; ***1834. Ноябрь – декабря первая половина. Москва***; ***1834. Декабря 9. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Декабря 29. Суббота. Москва***; ***1835. Января 9. Среда. Москва.***

[2] Московский генерал-губернатор.

НОЯБРЯ 20. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин пишет ответное письмо Гоголю в Петербург.

См. ***1834. Ноября 12. Понедельник. Москва***; ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 30. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Петербург возвращается[1] А. Н. Мокрицкий и на первое время останавливается у С. Д. Шаржинского.

Из дневника А. Н. Мокрицкого: «*1834 год.* <...> Под 1 декабря, вечером, часу в восьмом, прибыли мы, наконец, в Петербург. Добрый мой Семен Даниилович дал мне приют и радушным приемом показал прежнее ко мне хорошее расположение»[2].

[1] См. ***1833. Августа конец. Санкт-Петербург.***
[2] Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 35.

ДЕКАБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

У Гоголя обедает А. Н. Мокрицкий.

Из дневника А. Н. Мокрицкого: «*1834 год.* <...> *6<декабря>*. Закупивши мебель, отправился я к Гоголю. Обедал у него, после обеда думал было идти в театр смотреть "*Руку Всев<ышнего>*"[1], но, вспомня, что одному будет скучно, я переменил свое намерение и пошел к Васильчиковым[2], и не без удовольствия просуществовал более часа».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

[1] Пьеса Н. В. Кукольника о подвиге Минина и Пожарского «Рука Всевышнего отечество спасла»; впервые поставлена на петербургской сцене 15 января 1834 года в бенефис В. А. Каратыгина.
[2] А. В. и А. И. Васильчиковы. См. также ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 8. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий в гостях у Гоголя виделся с А. С. Данилевским и И. Д. Халчинским.

Из дневника А. Н. Мокрицкого: «*1834 год.* <...> *8 <декабря>*. Обедал у Казадаева[1]... <...> От Казадаева пошел я к Гоголю, где виделся с Данилевским и Халчинским».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

[1] Александр Васильевич Казадаев (1781–1854), тайный советник, сенатор, писатель и переводчик.

ДЕКАБРЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Главное управление цензуры разрешает издание в Москве нового журнала "Московский Наблюдатель". В издании журнала принимают участие: В. П. Андросов, Е. А. Боратынский, Н. В. Гоголь, М. А. Дмитриев, И. В. Киреевский, П. В. Киреевский, Н. А. Мельгунов, князь В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Н. М. Языков. — Отдельным циркуляром министра народного просвещения С. С. Уварова из программы журнала исключено имя И. В. Киреевского».

Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800–1844 / Составитель А. М. Песков. М., 1998. С. 324.

ДЕКАБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у В. А. Жуковского, где были также А. С. Пушкин, граф Мих. Ю. Виельгорский, князь В. Ф. Одоевский, А. И. Тургенев[1], граф И. Г. Чернышев-Кругликов[2].

В этот день А. И. Тургенев записал в дневнике: «...Вечер у Жуков<ского> до 3 го часа: Пушкин, Велугорский, Чернышев-Кругл<иков>, Гогель[3]. <*пропуск*> напомнил о шутке брата[4]. Князь Адуевский. Пили за здоровье *Ивана Ник<олаевича>*»[5].

[1] Александр Иванович Тургенев (1784–1845), общественный и государственный деятель, литератор, археограф, камергер, брат декабриста Н. И. Тургенева, член петербургской масонской ложи Полярной звезды (1807–1810).

Среди материалов Гоголя по русскому патриархальному быту, собранных в 1848–1850 гг., в списке названий кормовых, лекарственных и декоративных растений на латинском языке, после названия растения Orlaya grandiflora (Орлайя крупноцветковая) — названного так в 1814 г. профессором Г. Ф. Гофманом в уважение ученых заслуг Joannis Orlay — директора нежинской Гимназии высших наук И. С. Орлая (прототипа «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ») — непосредственно следует (как и в книге Г. Ф. Гофмана) название Turgenia latifolia (Тургения широколистная). Последнее растение Гофман назвал так в честь обучавшегося в 1802–1804 гг. в Гёттингенском университете «директора канцелярии князя Голицына» А. И. Тургенева – Alexandri Turgeneff (см.: *Hoffmann G. F.* Genera Plantarum Umbelliferarum... M., 1814 (цензурное разрешение 17 авг.). P. 58–59). (Учеником и другом Г. Ф. Гофмана был также приятель Гоголя М. А. Максимович.)

В 1822 г. архимандрит Фотий (Спасский), выступивший против еретических веяний александровской эпохи, пытался повлиять на министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына и добиться отставки А. И. Тургенева (занимавшего в то время в министерстве пост директора департамента духовных дел). В ответ на это в петербургском обществе была спровоцирована травля архимандрита. В этот период появляются приписываемые А. С. Пушкину эпиграммы на отца Фотия — «Разговор Фотия с гр. Орловой» («Внимай, что я тебе вещаю...»), «Гр. Орловой-Чесменской» («Благочестивая жена...»), «На Фотия» («Полу-фанатик, полу-плут...»).

[2] Граф Иван Гаврилович Чернышев-Кругликов (1787–1847), действительный тайный советник. С 14 января 1832 г. — муж графини Софьи Григорьевны Чернышевой, старшей сестры декабриста графа З. Г. Чернышева.

[3] А. И. Тургенев чаще пишет в дневниках «Гогель» вместо «Гоголь».

[4] Вероятно, подразумевается Николай Иванович Тургенев (1789–1871), помощник статс-секретаря Государственного совета, декабрист, член «Союза благоденствия» и «Северного общества», после 1825 г. эмигрант. «Упоминание о «шутке брата», недавние его именины (6 декабря) наводят на мысль, что тост был провозглашен за декабриста Николая Тургенева. По-видимому, Тургенев зашифровал запись: вместо Николая Ивановича поставил — Иван Николаевич, — и подчеркнул эти слова» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников / Сост., подготовка текста и коммент. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович: В 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 473).

[5] Гоголь в дневниковых записях А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 76.

ДЕКАБРЯ 14. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Москву:

«Я получил письмо твое от ноября 20[1]. Об Герене я говорил тебе в шутку, между нами; но я его при всем том гораздо более уважаю, нежели многие... <...> С твоими мыслями я уже давно был согласен. И если ты думаешь, что я отсекаю народы от человечества, то ты не прав. Ты не гляди на мои исторические отрывки[2]: они молоды, они давно писаны; не гляди также на статью О средних веках в Д<епартаментско>м журнале[3]. Она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое. Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки. Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художескую отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитою через год. – Хоть бы одно студентское существо понимало меня. Это народ бесцветный[4], как Петербург. Но в сторону всё это.

Ты спрашиваешь, что я печатаю. Печатаю я всякую всячину[5]. Все сочинения и отрывки, и мысли, которые меня иногда занимали. Между ними есть и исторические, известные уже и неизвестные. – Я прошу только тебя глядеть на них поснисходительнее. В них много есть молодого.

Я рад, что ты, наконец, принялся печатать. Только мне всё не верится. Ты мастер большой надувать. Пришли, пожалуста, лекции хоть в корректуре[6]. Мне они очень нужны, тем более, что на меня взвалили теперь и древнюю историю, от которой я прежде было и руками и ногами, а теперь постановлен в такие обстоятельства, что должен принять поневоле после нового года[7]. Такая беда! а у меня столько теперь дел, что некогда и подумать о ней.

Кланяйся от меня всем, да скажи журналистам, чтобы думали о том только, чтобы потолще книжки были и побольше было в них всякой пестроты. А в веленевой бумаге, ей Богу, не знают толку наши читатели».

В тот же день Гоголь получил письмо от матери из Васильевки[8].

[1] См. ***1834. Ноября 20. Вторник. Москва.***

[2] Имеются в виду три статьи, напечатанные в 1834 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения»: «План преподавания всеобщей истории» (№ 2), «Отрывок из Истории Малороссии» (№ 4), «О малороссийских песнях» (№ 4), получившие ранее одобрение М. П. Погодина (см. ***1834. Июня 23. Суббота. Санкт-Петербург***).

[3] О Средних веках. Вступительная лекция, читанная в С.-Петербургском Университете Адъюнкт-Профессором Н. Гоголем // Журнал Министерства Народного Просвещения». 1834. Ч. 3. № 9. Отд. 2. С. 409–427.

[4] Вероятно, к этому месту М. П. Погодин при первой публикации письма в 1856 г. сделал примечание: «Пусть извинится несправедливый упрек оскорбленного самолюбия! *Ред.*» (<*Погодин М. П.*> Письма Гоголя. К М. П. Погодину // Москвитянин. 1855. № 19 и 20. Октябрь (цензурное разрешение 19 янв. 1856). Кн. 1 и 2. С. 19).

[5] Речь идет о сборнике «Арабески».

[6] Вероятно, «лекции по Герену» (см. ***1834. Ноября 2. Пятница. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1835. Января начало. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1834. Декабря 15. Суббота. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

Н. А. Мельгунов сообщает А. В. Веневитинову в Петербург:

«...С будущего 1835 года в Москве будет издаваться журнал под названием: *Московский Наблюдатель*[1]. Этот журнал предпринят несколькими литераторами, из числа которых: Баратынский, <П. В.> Киреевский, Павлов, Погодин, Шевырев, Хомяков, Языков и пр. Предложено также Одоевскому и Гоголю. Редактором журнала избран Андросов. <...> Министр <С. С. Уваров>, в бытность свою здесь, изъявил на то свое согласие. Князь Д. В. Голицын взялся ходатайствовать за нас».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 758.

[1] См. также ***1834. Октября 25. Четверг. Москва***; ***1834. Ноября 16. Пятница. Москва***; ***1834. Декабря 9. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1834. Декабря 29. Суббота. Москва***; ***1835. Января 9. Среда. Москва.***

ДЕКАБРЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает матери в Васильевку:

«Вчера получил я письмо[1] ваше, маминька. Очень рад, что вы здоровы. Только вы напрасно тужите о сделанных долгах[2]. Что ж делать? Ведь не вы виноваты, виноваты тяжелые годы. Я почти никого не знаю, кто бы не наделал в продолжение их долгов. Жаль мне очень, что не могу так скоро сделать плана для иконостаса[3]. Если бы вы согласились немного обождать, то я бы прислал вам. — Впрочем, вы сами виноваты: вы не прислали ни меры, [ни] величины его. Так нельзя сообразить; притом вам нужно бы было прислать рисунок прежнего, т. е. того, который хотели вы заказать. Для сметы это необходимо. Необходимо также знать число образов, длину и ширину их. По зимней дороге мне не можно быть к вам; притом я с делами здешними не раньше могу управиться, как к весне, стало быть, месяца два вы еще должны подождать после февраля. Анете и Лизе еще далеко до большого класса. Я вам и прежде говорил, что полтора <года> должны потеряться, потому что они не были так приготовлены дома, чтобы через полтора года вступить в большой класс, или их нужно было везть маленькими, или приготовленными. Впрочем, это не мешает, если они пробудут еще, время не вовсе пропащее. Они более выучатся музыке[4] и другим искусствам.

Но прощайте! Благодарю сестру <Марию> за то, что не забывает меня, и обнимаю малюток ее[5]. Завидую очень Павлу Осиповичу <Трушковскому>, что он разъезжает себе с места на место, между тем как я сижу байбак[6] в своей норе».

[1] См. ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Речь идет о долгах, связанных с неудачным заведением фабрики (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка***; ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург***).

[3] Для церкви в Васильевке.

[4] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1834. Июля 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] Племянников Николая и Ивана.

[6] Сурок; лентяй, лежебока.

ДЕКАБРЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Декабрь.* <...> *23.* <...> Пис<ал> к <...> Гогол<ю>...»[1]

Письмо Погодина, отправленное в ответ на послание Гоголя от 14 декабря 1834 г., не сохранилось[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.
[2] См. ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 29. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение сборника «Миргород. Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”».

Сборнику Гоголь предпослал два эпиграфа: «Миргород нарочито невеликий при реке Хороле город. Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц. *География Зябловского»*; «Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны. *Из записок одного путешественника».*

Источник первого эпиграфа, подписанного Гоголем «География Зябловского», установлен[1]. Это книга Е. Ф. Зябловского «Землеописание Российской Империи для всех состояний»[2] (СПб., 1810. Ч. 6. С. 53). Отмечено, что слова «нарочито невеликий», находящиеся в гоголевском эпиграфе, в источнике отсутствуют и принадлежат самому Гоголю. Кроме того, в цитируемом тексте Гоголь сделал купюру. К книге Зябловского текст выглядит следующим образом: «*Миргород* при реке Хороле; расстоянием от Москвы 708, а от Санктпетербурга 908 верст. Имеет 4 церкви, более 1 000 домов и до 6 500 жителей. Козаки составляют почти половинную часть жителей; немало есть евреев. Ярмарки бывают: 1) на четвертой неделе Великого Поста; 2) в день Вознесения, 3) сентября 8, и 4) декабря 6 чисел. На оных торг производится более мелочными товарами. В нем есть: 1 канатная фабрика, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц».

Эпиграфы призваны «документально» засвидетельствовать изобилие патриархального малорусского и русского быта (при отрадном, по Гоголю, отсутствии в нем излишеств новейшей цивилизации)[3]: «Имеет 1 канатную фабрику, 1 кирпичный завод, 4 водяных и 45 ветряных мельниц»; «...Пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны». Размеры тогдашнего Миргорода действительно были весьма «невеликими». По словам современника той эпохи, он был «наподобие деревни»[4]. В. П. Горленко в 1880 г. сообщал: «...Миргород... – вовсе даже не город, хотя носит давно это название. Разве можно в самом деле назвать городом этот протянувшийся в одно широкую песчаную улицу поселок?»[5]

[1] См.: *Есаулов И. А.* Эпиграфы Н. В. Гоголя к сборнику «Миргород» // Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения. Кемерово, 1987. С. 88.
[2] См. также ***1850. Июня не позднее 13. Москва.***
[3] См. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания).
[4] *Рубан В. Г.* Землеописание Малой России. СПб., 1777. С. 33. – См. также ***1850. Августа 9. Среда. Сорочинцы.***
[5] *Горленко В.* Родина Гоголя. I. Миргород // Молва. 1880. 8 янв. № 8. С. 1; см. также: *Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // Русский Архив. 1893. Кн. 1. Вып. 3. С. 299.

ДЕКАБРЯ 29. СУББОТА. МОСКВА

В «Московских Ведомостях» напечатано объявление об издании журнала «Московский Наблюдатель», с участием Гоголя[1].

«С 1-го марта наступающего 1835 года предполагается в Москве издание нового журнала, под названием: Московский Наблюдатель, журнал энциклопедический. <...> В издании журнала принимают постоянное участие: *Е. А. Баратынский, Н. В. Гоголь, М. А. Дмитриев, Н. А. Мельгунов, князь В. Ф. Одоевский, Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, А. С. Хомяков, С. П. Шевырев, Н. М. Языков».*

Объявление подписано: «*Редактор Василий Андросов*»[2].

[1] См. также ***1834. Октября 25. Четверг. Москва***; ***1834. Ноября 16. Пятница. Москва***; ***1834. Ноябрь – декабря первая половина. Москва***; ***1834. Декабря 9. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1835. Января 9. Среда. Москва.***

[2] <Объявление газеты «Московские Ведомости» от 29 декабря 1834 г. об издании журнала «Московский Наблюдатель»> // *Свод.* Т. 1. С. 773.

МАЙ-ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

Гоголь подарил Н. Д. Белозерскому сборник из восемнадцати украинских народных песен.

Содержание одной из песен этого сборника – *5. Ой на ричци, та на дощечци...* (встречается в еще одном гоголевском сборнике, <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая>, – *153. На риченьки, та на дощечки...*) – угадывается в сюжете «Ночи перед Рождеством» (1832)[1].

Позднее Н. Д. Белозерский сообщал: «Эти 18 нумеров получено Н. Белозерским от незабвенного Н. В. Гоголя в Петербурге между 832-34 годами. В 8 и 12 нумерах вписано в моей тетради по два стиха рукою Гоголя»[2]. Одиннадцать песен в сборнике, переданном Белозерскому, были заимствованы Гоголем из собрания З. Я. Доленги-Ходаковского[3], полученного от М. А. Максимовича во второй половине апреля 1834 г.[4]

Восемь песен из числа переданных Гоголем Н. Д. Белозерскому напечатаны позднее А. Л. Метлинским. В предисловии к изданию 1854 г. А. Л. Метлинский указывал: «...Песни, сообщенные Н. В. Гоголем (записанные, вероятно, в Полтавской губернии) доставлены, в 1832–1834 году, Н. Д. Белозерскому...»[5] Все песни, переданные Гоголем, кроме седьмой, снабжены в издании примечанием: «Сообщил Н. В. Гоголь». По поводу седьмой песни М. А. Максимович 14 ноября 1856 г. писал П. А. Кулишу: «На стр. 122, под песнею "Пани моя, пани влюбленная", не означено, откуда она. А мы с вами хорошо знаем, что она слово в слово из тетради, писанной для меня рукою незабвенного Гоголя (то же самое вступление и то же окончание этой песни, куплетами о вороне и галке!). Мое собрание песен, некогда принимавшее в себя вклады от стольких лиц (в том числе и от вас), было всегда открыто для всех любителей и собирателей песен...»[6]

[1] См. ***1824 – 1825 начало. Васильевка*** (примечания).

[2] *Федорук О.* П. О. Кулиш і М. Д. Білозерський: взаємини на тлі доби // Пантелеймон Куліш. Листи до М. Д. Білозерского. Упорядкування, вступна стаття й коментарі О. Федорука. Львів; Нью-Йорк, 1997. С. 26; *Свод.* Т. 1. С. 644.

[3] См. *Гоголь 2009-2001.* Т. 17. С. 747.

[4] См. ***1834. Апреля 20. Санкт-Петербург.***

[5] *Метлинский Амвросий,* издатель. Предисловие // Народные южнорусские песни. Издание А. Метлинского. Киев, 1854. С. X.

[6] Украинские письма к П. А. Кулишу от М. А. Максимовича // Русская Беседа. 1857. Т. 1. Кн. 5. <Отд. 5>. С. 62. – Подробнее см. коммент. к разделу *V. Южнорусские песни в записи Гоголя из собрания Н. Д. Белозерского* в изд.: *Гоголь 2009-2010.* Т. 17. С. 746–747.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Г. Венецианов написал портрет Гоголя[1].

«Портрет Гоголя представляет собой автолитографию Венецианова, судя по обратной подписи художника, сделанной непосредственно на камне»[2]. По-видимому, настоящим изображением Гоголь предполагал сопроводить свое тогдашнее «собрание сочинений»[3]. Вероятно, портрет должен был быть приложен либо к «Арабескам», либо к «Миргороду»[4]. «Так как дата его совпадает с годом печатания гоголевских "Арабесок" и так как он исполнен литографией и притом в небольшом книжном формате, невольно возникает предположение, что Гоголь думал приложить этот портрет к своей книге»[5]. Примечательно, что ко времени создания литографического портрета Гоголя, Венецианов уже отошел от литографии: «...Известны только две его литографии позднейшего периода: "Голова Христа" (1822) и портрет Н. В. Гоголя (1834)»[6].

[1] См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1836. Января вторая половина – февраль. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Машковцев.* С. 141.

[3] См. ***1836. Марта 31. Светлый вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1833. Декабря 22. Санкт-Петербург.***

[5] *Машковцев.* С. 30.

[6] *Коростин А. Ф.* Начало литографии в России. 1816–1818. М., 1943. С. 95.

ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, возможно, читает на вечерах у А. О. Смирновой, в присутствии А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Плетнева и др., повести «Старосветские помещики» и «Тарас Бульба».

Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна в 1893 г., пересказывая записки матери, сообщала: «Гоголь приходил читать "Миргород". Над Пульхерией Ивановной[1] плакали. <...> Гоголь сказал Плетневу, что думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну. <...> Он мне также сказал, что, работая над "*Старосветскими помещиками*", он думал о своей матери[2]. <...>

Пушкин, Жуковский, Плетнев, Мятлев и Вяземский приехали обедать... <...> Они отправились курить и играть на билиарде, а я осталась с Гоголем и Плетневым. Гоголь говорил нам о своей матери и сестрах; он очень счастлив, что императрица платит за них в Патриотический институт, так как сначала платил сам и это было для него довольно тяжело[3]; я обещала навещать их, если нас не отправят на какой-нибудь заграничный пост, быть может, в Берлин, или Париж, или Лондон, но мне думается, что для дебюта будет Берлин. Лиза Репнина и г-жа Балабина будут к ним ездить, а также г-жа Васильчикова и Варета Репнина, если она будет в Петербурге. Меня поразило, что Гоголь, который еще так молод, говорил о своих сестрах и даже матери, которую любит с большой нежностью, точно будто он отец семейства, обязанный им помогать, а между тем Варета говорила мне, что у них прехорошенькое имение и что он отказался от своей доли в пользу сестер и матери[4], но госпожа Гоголь не особенно опытная хозяйка, и ее часто обманывают. Когда кончилась партия в биллиард, они все возвратились в гостиную, и Гоголь начал читать с перерывами для чая и для ужина после двенадцати. <...>

Пушкин говорил во время роздыха: "Это эпопея, в которой можно было бы найти материал для прекрасной драмы. <...>". Гоголь слушал его и казался счастливым. Наконец он сказал ему: "Александр Сергеевич, если б вы написали драму Тараса, вы бы сделали это по-шекспировски".

Пушкин ответил: "Сюжет шекспировский, но сделать из него драму – дело автора, а не мое. <...>". Гоголь сиял и наконец сказал: "Это исторический эпизод или, вернее, несколько эпизодов, слитых вместе; бывали романы между малороссами и польками, казаки иногда увозили панн на своих конях". <...> Плетнев сделал замечание, которое Пушкин нашел превосходным: "Монтекки и Капулетти ненавидели друг друга, что и помешало Ромео сделаться открыто мужем Джульетты; влюбленные любили в то время, как их милые семейства ненавидели, и они от этого умерли; но любовь тем не менее восторжествовала, так как она сильнее смерти, ибо над трупами обе семьи-соперницы примирились". <...>

Когда Гоголь окончил свое чтение, Пушкин взял его за голову, поцеловал в лоб и сказал: "Пиши, пиши, думай, работай; все, что в этой голове, должно из нее вылиться, не заглушай ничего, ни ума, ни сердца, или воображения, ни души. Ты будешь путешествовать, ты увидишь, что Запад создал в мире искусства, ты уже понял искусство. Мне очень понравились твои статьи об искусстве[5], я завидую тебе, что ты можешь путешествовать"».

Смирнова О. Н. Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 331, 338, 335–337.

[1] Героиня «Старосветских помещиков».

[2] См. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка***; ***1836. Января после 18 – февраль. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1830. Июля 10. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Января 17. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] См. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] Подразумеваются статьи в сборнике «Арабески» – «Скульптура, живопись и музыка», «Об архитектуре нынешнего времени», «Последний день Помпеи».

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Министерство Народного Просвещения. <...> Санктпетербургский Учебный Округ. (Состояние чинов по 9-е Февраля 1835 г.) <...> Санктпетербургский Университет: <...> с) Факультет Историко-Филологический:

Декан, Ордин<арный> Проф<ессор> К<оллежский> С<о>в<етник> Иван Петрович *Шульгин*, орд<енов> с<вятого> Стан<ислава> 3 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>.

Члены: Орд<инарные> Профессоры: Всеобщ<ей> Ист<ории>, К<оллежский> С<о>в<етник> И. П. *Шульгин, з<ри> в<ыше>*; *Росс<ийской> Словесн<ости>*, Ст<атский> С<о>в<етник> Петр Александр<ович> *Плетнев*, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>; *Греч<еской> и Латинск<ой> Словесн<ости>*, Ст<атский> С<о>в<етник> Федор Богдан<ович> *Грефе*, орд<енов> с<вятого> Вл<адимира> 3 <степени> и с<вятой> Ан<ны> 2 ст<епени> с алм<азами> К<а>в<алер>, <награжден> им<енным> зн<аком> за XX л<етнюю> <службу>; *Вост<очных> яз<ыков>*, Ст<атский> С<о>в<етник> Осип Ив<анович> *Сенковский*; *Перс<идской> Слов<есности>*, Ст<атский> С<о>в<етник> Франц Франц<евич> *Шармуа*, орд<енов> с<вятого> Вл<адимира> 3 <степени> и с<вятой> Ан<ны> 2 ст<епени> с алм<азами> К<а>в<алер>; *Статистики*, К<оллежский> С<о>в<етник> Александр Лукич *Крылов*, орд<ена> с<вятого> Стан<ислава> 3 <степени> К<а>в<алер>; – *Экстраорд<инарные> Профессоры: Греч<еской> Словесн<ости>*, Ст<атский> С<о>в<етник> Дмитрий Прокоф<ьевич> *Попов*, орд<енов> с<вятого> Станисл<ава> 3 <степени>, с<вятого> Вл<адимира> 4 <степени> и с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> К<а>в<алер>, <награжден именным знаком за> XXV <летнюю службу>, *он же исправл<яющий> должн<ость> Библиотекаря Универс<итета>*; *Росс<ийской> Слов<есности>*, 8 кл<асса> Александр Вас<ильевич> *Никитенко*; *Росс<ийской> Ист<ории>*, 8 кл<асса> Николай Герас<имович> *Устрялов*, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> К<а>в<алер>; *Адъюнкт-Профессоры: Персид<ской> Словесн<ости>*, Н<адворный> С<о>в<етник> Мирза Джафар Ибн-Али-Меридан Бег *Тобчибашев*, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>; *Арабск<ого> яз<ыка>*, Н<адворный> С<о>в<етник> Михаил Гаврил<ович> *Волков*; *Географии*, Н<адворный> С<о>в<етник> Александр Иван<ович> *Брут, он же Секрет<арь> Историко-Филолог<ического> Факультета*; *Греч<еского> яз<ыка>*, 8 кл<асса> Иван Яков<левич> *Соколов*; *Всеобщ<ей> Ист<ории>*, Николай Вас<ильевич> *Гоголь-Яновский*.

Лекторы: Немецк<ого> языка: Учит<ели> рисов<ания> и черч<ения>, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Иван *Иверсен* и Н<адворный> С<о>в<етник> Карл Федор<ович> *Свенске*, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> К<а>в<алер>; *Итал<ьянского> яз<ыка>*, Докт<ор> прав Людвиг *Манзани*; *Франц<узского> яз<ыка>*, Карл *Сен-Жульен*; *Англин<ского> яз<ыка>*, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Самуил *Варенд*.

Испр<авляющий> должн<ость> Письмоводителя при Совете, Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Николай Степ<анович> *Корсунов*. – *Архивариус*, 12 кл<асса> Александр Ив<анович> *Мейер*. <...>

Воспитательные и Богоугодные заведения... <...> Учреждения, под непосредственным Высочайшим покровительством и управлением ГОСУДАРЫНИ

ИМПЕРАТРИЦЫ состоящие, по делам коих докладывает, в следствие Высочайшего Повеления, Статс-Секретарь Тайн<ый> С<о>в<етник> *Лонгинов*... <...> (Состояние чинов по 19-е марта 1834 г.[1]) <...> ***Патриотический Институт*** Комитета, ***Высочайше*** учрежденного в 18 день Августа 1814 г.

Почетный Совет оного составляют Члены Совета Женского Патриотического Общества... <...> *Председательница,* Агафоклея Марков<на> *Сухарева.*

Члены Совета: Татьяна Борис<овна> *Потемкина;* Александра Прокоп<ьевна> *Алферовская;* Александра Ив<ановна> *Васильчикова;* Наталья Вас<ильевна> *Обрезкова;* Александра Вас<ильевна> *Синявина;* С. И. *Офросимова;* Ольга Федор<овна> *Потемкина;* Княгиня Варвара Серг<еевна> *Голицына;* Графиня Софья Ив<ановна> *Сол<л>огуб;* Графиня Софья Ив<ановна> *Борх;* Графиня *Лаваль.* <...>

Начальница Института, Луиза Федор<овна> *Вистенгаузен.*

По учебной части: Инспектор классов, Ст<атский> С<о>в<етник> Петр Александр<ович> *Плетнев,* орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени>, с<вятого> Стан<ислава> 3 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>, <награжден именным знаком за> XV <летнюю службу>.

Учители: Зак<она> Бож<ия> в высш<их> кл<ассах> Протоиер<ей> Петр *Мысловский,* орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>; в низш<их> кл<ассах> Свящ<енник> *Томаринский;* Евангел<ическо>-Протест<антского> Испов<едания>, Пастор *Ян,* орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> К<а>в<алер>; Р<имско>-Катол<ического> Испов<едания>, Приор *Иодзевич;* Всеоб<щей> Ист<ории>, 14 кл<асса> *Гогель-Яновский;* Геогр<афии> и Арифм<етики>, 8 кл<асса> *Постников,* <награжден именным знаком за> XV <летнюю службу>; Росс<ийской> Слов<есности>, К<оллежский> С<е>к<ретарь> *Правиков;* Франц<узской> Слов<есности>, 8 кл<асса> <Л. И.> *Лустоно;* Нем<ецкой> Слов<есности>, в старш<их> кл<ассах>, 10 кл<асса> *Шрейбер <Э. Ф. Штейберг>,* орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>; Чистопис<ания>, Н<адворный> С<о>в<етник> <Л. И.> *Ломан;* Рисов<ания>, Акад<емик> Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> <И. Е.> *Яковлев,* орд<ена> с<вятого> Стан<ислава> 4 ст<епени> К<а>в<алер>, <награжден именным знаком за> XV <летнюю службу>; Музыки, Т<и>т<улярный> С<о>ветник <И. М.> *Высоцкий;* Церк<овного> Пения, 12 кл<асса> <А. И.> *Макушин;* Итал<ьянского> Пения, Артист *Жулияни;* Танцов<ания>, Г-жа <А. А.> *Шемаева.*

По хозяйственной части: Эконом, 8 кл<асса> Александр Филип<пович> *Кормилев,* орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 <степени> К<а>в<алер>. – *Письмовод<итель>,* Т<и><тулярный> С<о>в<етник> Петр Вас<ильевич> *Леонов. – Полицейм<ейстер>,* К<оллежский> С<е>к<ретарь> Иван Никол<аевич> *Менщиков.*

При Лазарете: Доктор, Ст<атский> С<о>в<етник> *Вальтер,* орд<енов> с<вятого> Стан<ислава> 3 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> К<а>в<алер>»[2].

[1] Те же данные по Патриотическому институту – в «состоянии чинов по 19-е Марта 1835 г.» (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 1. С. 844–845) и – также без исправлений – в «состоянии чинов по 19-е Ноября 1836 г.» (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1837. СПб., <1837>. Ч. 1. С. 952–953). – См. также ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 1. С. 487, 825–826, 828. – См. также ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет А. С. Пушкину:

«Вышла вчера довольно неприятная зацепа по цензуре по поводу Записок сумасшедшего. Но слава Богу, [кажется] сегодня немного лучше. По крайней мере я должен ограничиться выкидкою

лучших мест. Ну да Бог с ними! Если бы не эта задержка, книга моя может быть завтра вышла. Жаль однако ж, что мне не удалось видеться с вами. Я посылаю вам предисловие[1]. Сделайте милость, просмотрите и если что, то поправьте и перемените тут же чернилами. Я ведь, сколько вам известно, сурьезных предисловий еще не писал, и потому в этом деле совершенно неопытен».

В Петербургском университете Гоголь с января 1835 г., помимо курса истории Средних веков, начинает читать лекции по Древней истории[2].

В февральском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1835 г., в разделе «О публичных курсах в университетах на 1834–35 академический год», напечатано: «Исторические науки и словесность. <...> В СПб. <...> Адъюнкт *Гоголь-Яновский*. – Древнюю (2 ч<аса>) и Среднюю Историю (4 ч<часа>), по собственным запискам»[3].

В 1881 г. были опубликованы воспоминания Е. А. Матисена[4], в которых тот, в частности, сообщал: «27-го января 1837 года. Я воспитывался тогда в С.-Петербургском университете... <...> К сему времени относится <...> появление на кафедре Гоголя... <...> Гоголь держал тогда вступительную лекцию древней истории, и, сделавшись уже популярным своими рассказами, в особенности бытовыми из Малороссии, на сей лекции собирал около своей кафедры много юных литераторов; Гоголь не был никогда научным исследователем и по преподаванию уступал специальному профессору истории Куторге, но поэтический свой талант и некоторый даже идеализм, а притом особую прелесть выражения, делавших его, несомненно, красноречивым, – он влагал и в свои лекции, из коих те, которые посвящены были идеальному быту и чистоте воззрений афинян, имели на всех, а в особенности на молодых его слушателей, какое-то воодушевляющее к добру и к нравственной чистоте влияние; жаль, что лекции Гоголя были непродолжительны: болезнь, поездка за границу и собственное его, всегда верное, чутье, что профессура не была природная его колея, стоявшая несравненно выше, – отвлекли его от сего поприща на большую пользу отечеству. Живо помню и последнюю его лекцию: бледное, исхудалое и длинноносое лицо его подвязано было черным платком от зубной боли, и в таком виде фигура его, а притом еще в виц-мундире, производила впечатление бедного, угнетенного чиновника, от которого требовали непосильного с его природными дарованиями труда; Гоголь прошел по кафедре, как метеор, с блеском оную осветивший и вскоре на оной угасший, но блеск этот был настолько силен, что невольно врезался в юной памяти»[5].

[1] К сборнику «Арабески».

[2] См. ***1834. Декабря 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

[3] <Извещение «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1835. № 2) «О публичных курсах в университетах на 1834–35 академический год»> // *Свод.* Т. 1. С. 775.

[4] Егор Андреевич Матисен (1818–1896), товарищ И. С. Тургенева по Берлинскому университету (закончил этот университет в 1841 г.), впоследствии чиновник Петербургской судебной палаты и Сената.

[5] *Матисен Е. А.* Воспоминания из дальних лет // *Свод.* Т. 1. С. 792.

ЯНВАРЯ 4. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме в Васильевку поздравляет мать, сестру с мужем, М. В. и П. О. Трушковских, и всех родных с Новым годом. Сообщает, что вместо князя Н. Г. Репнина-Волконского[1] военным губернатором Киевской губернии назначен граф А. Д. Гурьев. Спрашивает о А. А. Трощинском и «о его поездке».

[1] См. также ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден.***

ЯНВАРЯ 9. СРЕДА. МОСКВА

Н. А. Мельгунов пишет А. В. Веневитинову в Петербург:

«Получил ли ты мое письмо, где говорю о нашем журнале[1]? Что Одоевский и Гоголь? Чтоб скорее высылали свои статьи! Бога ради! Малейшее замедление с их стороны замедлит появление первой книжки; следовательно успех и судьба журнала зависит от них».

Гоголь в письмах Н. А. Мельгунова // *Свод.* Т. 1. С. 759.

[1] См. ***1834. Ноябрь – декабря первая половина. Москва.***

ЯНВАРЯ 12. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В № 10 «Северной Пчелы» напечатано объявление и программа выходящего «с 1 марта 1835 года» журнала «Московский Наблюдатель» (подпись: Редактор В. Андросов). В числе постоянных участников журнала упомянут Гоголь.

См. также ***1834. Декабря 29. Суббота. Москва.***

ЯНВАРЯ ОКОЛО 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышли в свет «Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя»[1].

[1] См. ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Я. Прокопович уволен от «службы по сценической части» по прошению из-за слабости здоровья[1]. (Прошение об увольнении было подано Прокоповичем 15 января 1835 г.)[2].

В тот же день, 21 января 1835 г., К. С. Сербинович выехал в Киевскую губернию, в имение Д. П. Трощинского, для разбора его бумаг[3].

«По высочайшему повелению, последовавшему 14-го мая 1834 г., <Сербинович> командирован в Киевскую губернию, в имение генерал-майора Трощинского, для разбора и приведения в порядок государственных бумаг, оставшихся после смерти д<ействительного> т<айного> с<оветника> Дмитрия Прокофьевича Трощинского – 1835 г., января 21-го; из этой командировки К. С. Сербинович возвратился в мае 1835 г. ...»[4]

[1] *Супронюк. Словарь.* С. 146.
[2] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 111.
[3] См. также ***1833. В течение года.*** – См. также ***1850. Ноября 24. Пятница. День памяти св. великомученицы Екатерины. Калуга.***
[4] *Ред<актор>.* Обзор службы К. С. Сербиновича / Николай Михайлович Карамзин. Воспоминания К. С. Сербиновича // Русская Старина. 1874. № 10. С. 272.

ЯНВАРЯ ОКОЛО 22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет А. С. Пушкину:

«Я до сих пор сижу болен, мне бы очень хотелось видеться с вами. Заезжайте часу во втором; ведь вы, верно, будете в это время где-нибудь возле меня. Посылаю вам два экземпляра Арабесков, которые ко всеобщему изумлению очутились в 2-х частях. Один экземпляр для вас, а другой разрезанный для меня[1]. Вычитайте мой и сделайте милость, возьмите карандаш в ваши ручки и никак не останавливайте негодование при виде ошибок, но тот же час их всех на лицо. – Мне это очень нужно. Пошли вам Бог достаточного терпения при чтении!»

[1] В первой части «Арабесок» была, в частности, напечатана статья «Несколько слов о Пушкине». См.: «Гоголь, Н. В. Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. Часть первая. Санктпетербург. В Типографии вдовы Плюшар с сыном. 1835. 8°, 8 нен. + 287 стр. – Разрезано; заметок нет» (*Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 29).

ЯНВАРЯ 22. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь надписывает несколько экземпляров «Арабесок» и отправляет в Москву М. П. Погодину: «Раздай прилагаемые экземпляры по принадлежности». Просит Погодина поддержать его рецензией в уваровском «Журнале Министерства Народного Просвещения», спрашивает приятеля о его занятиях и делится своими планами:

«Посылаю тебе всякую всячину мою. <...> Изъяви свое мнение об исторических статьях в каком-нибудь журнале. Лучше и приличнее, я думаю, в журнале просвещения. Твое слово мне поможет. Потому что и у меня, кажется, завелись какие-то ученые неприятели. <...> Ну что за страм, до сих пор я не дождусь твоих лекций; говоришь печатаешь, а до сих пор еще не вышли. <...> Я также думаю хватить среднюю историю томиков в 8 или 9, если Бог поможет».

В тот же день Гоголь посылает еще один экземпляр «Арабесок» в Киев М. А. Максимовичу. Спрашивает земляка о причинах долгого молчания, просит поделиться новыми песнями и старинными преданиями. Ходатайствует о переводе в Киевский университет В. В. Тарновского[1], сообщает о литературных новостях и своих планах:

«Есть некто мой соученик, чрезвычайно добрый малый и очень преданной науке. Он, имея довольно хорошее состояние, решился на странное дело: захотел быть учителем в Житомирской гимназии из одной только страсти к истории. Фамилия его Тарновский. Нельзя ли его как-нибудь перетащить в университет? Право, мне жаль, если он закиснет в Житомире. Он был после и в Московском универс<ите>те и там получил канди<да>та. Узнай его покороче. Ты им будешь доволен. – Ну! весною увидимся, нарочно еду на Киев для одного тебя. <...> Вышла Пушкина История Пугачевского бунта[2], а больше ни-ни-ни. Печатаются Жуковского полные сочинения и выдут все 7 томов к маю месяцю. Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9».

[1] См. также ***1834. Сентября после 20. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1833. Мая 8. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 23. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь заходил к А. В. Никитенко[1] и, не застав его дома, оставил для него экземпляр «Арабесок» с дарственной надписью на второй[2] части сборника:

«Земляку и сослуживцу Александру Васильевичу Никитенку от искренне почитающего его Гоголя».

Возможно, около того же времени Гоголь подарил экземпляр первой части «Арабесок» статскому советнику, сводному брату А. А. Трощинского, В. Ю. Леонтьеву[3], с надписью: «Родичу и земляку Владимиру Юрьевичу Леонтьеву от автора»[4]; а также экземпляр той же части сборника «Его превосходительству Федору Семеновичу Гаевскому...»[5]

[1] См. ***1835. Января 24. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1846. Июля 30 <18>. Четверг. Швальбах*** (примечания).

[3] См. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург***; ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[4] Впервые напечатано: *Чаговец В.* Гоголевская выставка (каталог) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 5. С. 46; с пометой: «Собств<енность> А. И. Ксензенка из Миргорода».

[5] *Городецкий.* С. 439; Описание материалов Пушкинского Дома (Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома). Н. В. Гоголь. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 10.

ЯНВАРЯ 24. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к А. В. Никитенко сообщает о своем вчерашнем визите[1] и посылает ему еще один экземпляр «Арабесок», для вручения попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову:

«Я не знаю, как мне поднести князю, прилично ли мне явиться с подвязанною щекою[2] и обмотанным горлом».

[1] См. ***1835. Января 23. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 30. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголя посещает А. С. Данилевский. В тот же день Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку благодарит ее, а также сестру Марию и ее мужа П. О. Трушковского за поздравления с Новым годом. Разделяет надежды матери, что «зима предвещает <...> хороший урожай». Просит передать И. С. Данилевскому просьбу брата:

«Да скажите Ивану Данилевскому, что братец его, который сей час только ушел от меня, приказывал ему крепко-накрепко привезть ему варенья, по крайней мере пять банок. Он бы и сам к нему писал об этом, да не пишет потому, что в десять раз ленивее меня».

Обещает прислать подарок племяннику Н. П. Трушковскому. Просит сестру:

«Пришли, пришли, сестра, песню, о которой пишешь. Очень буду благодарен!»

ЯНВАРЯ 30. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Январь.* <...> *30.* <...> Чит<ал> Гог<оля> и хохотал[1]. <...> Зам<ечания> Гог<оля> о Шлец<е-ре> раззадори<ли> меня и я р<е>ш<аюсь> издать Шлецера»[2].

Ранее Погодиным было издано: Введение во Всеобщую Историю для детей. Соч. *А. Л. Шлецера*, бывшего Профессора Истории в Геттингенском Университете. Перевод с нем. М.: В Университетской Типографии, 1829. Ч. 1 (цензурное разрешение 1 авг. 1828; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 18 марта 1829 г.; посвящение С. Т. и О. Сем. Аксаковым); 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 февр.; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 11 мая).

Реминисценции книги А. Л. Шлецера «Введение во Всеобщую Историю для детей» встречаются в статье Гоголя «Несколько мыслей о преподавании детям географии» 1830 г. и в отрывке «Введение» (в древнюю историю) 1834 г. Характеристике взглядов А. Л. Шлецера, в числе других историков, была посвящена в «Арабесках» статья «Шлецер, Миллер и Гердер» (1834), где Гоголь противопоставил «оппозиционный», «всесокрушающий» гений Шлецера «тихому, размышляющему» «философу-законодателю» швейцарскому историку И. Мюллеру, который, по его словам, «охотнее занимается временами первобытными [европейских народов] и вообще теми эпохами, когда народ еще не был подвержен [цивилизации] образованности и порокам...» Это, впрочем, не помешало Гоголю взять на вооружение некоторые идеи Шлецера, в частности, его «идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы».

[1] Подразумевается сопроводительное письмо Гоголя к Погодину от 22 января 1835 г. при посылке сборника «Арабески» (см. ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург***).
[2] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.

ЯНВАРЯ 31. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к М. П. Погодину в Москву сообщает:

«Я получил твое письмо in 1/1000 долю листа от Одоевского. Скажи нашим господам, что сгораю желанием приклеить свои труды к ихним. Но, ей Богу, раньше как к 3-й книжке[1] не могу прислать им повести[2]. Я теперь в таких хлопотах, что страшно и подумать. Кроме всего прочего, я стараюсь, чтобы чрез три недели вышло мое продолжение Вечеров[3], итак ты посуди сам. Но впрочем всё это для них же лучше: вещь, которую я напишу после, всё же должна сколько-нибудь быть лучше той, которая написана раньше. Я начал даже для них повесть. Но, ей Богу, две недели, по крайней мере, я не буду иметь времени даже подумать о ней».

[1] Журнала «Московский Наблюдатель».
[2] Речь идет о повести «Нос» (см. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург***).
[3] Имеется в виду сборник «Миргород. Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”» (см. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***).

ЯНВАРЯ 31. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Январь.* <...> *31.* <...> Пис<ал> к Гоголю. <...> Чит<ал> Гоголя»[1].

Письмо, где Погодин извещал Гоголя о своем предполагаемом приезде в Петербург, не сохранилось. Ответ Гоголя – от 9 февраля 1835 г. из Петербурга[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 416.
[2] См. ***1835. Февраля 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет февральской части восьмого тома «Библиотеки для Чтения» за 1835 г., где, в частности, в разделе «Разные известия» была напечатана следующая заметка:

«В Москве вышла программа нового журнала, “Московский Наблюдатель, журнал *энциклопедический*”, которая на *девяти* листах печати (8–10) обещает давать ни более ни менее *девяти* отделений, подобных отделениям Б<иблиотеки> для Ч<тения>, и в каждом отделении целую т<ь>му предметов. Критика, по словам, программы, будет в нем под<р>обная, беспристрастная и *строгая*: это верно опечатка, вместо – *скромная*. Скромность – прекрасное качество при разборе чужого ума! Все истинно великие писатели были критиками скромными и снисходительными. Наконец, по словам программы, это не будет какое-нибудь *торговое* предприятие одного человека. И мы так думаем: судя по одной программе, это вероятно будет предприятие *бранное*, а не торговое»[1].

Позднее, в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», Гоголь писал: «...Уже один слух о новом журнале возбудил негодование “Библиотеки для Чтения” и подвинул ее к неожиданному поступку: она уверяла своих читателей и подписчиков с необыкновенным жаром, что новый журнал будет бранчивый и неблагонамеренный»[2].

Сам Гоголь в 1828 г. в экзаменационном сочинении «О том, что требуется от критики»[3] замечал: «Критика должна быть строга, чтобы тем более дать цены прекрасному, потому что просвещенный писатель не ищет безотчетной похвалы...» Именно на «безотчетность» многих новейших критических разборов (принадлежавших, главным образом, перу О. И. Сенковского) указывал Гоголь в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», – таким образом косвенно защищая также заявление «Московского Наблюдателя» (и свое раннее высказывание) о том, что критика должна быть «строгой».

[1] Литературная летопись. Январь, 1835. Новые книги // Библиотека для Чтения. 1836. Т. 8. <Февраль>. С. 66.
[2] См. также ***1836. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

ФЕВРАЛЯ 1. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее письма. Еще раз[1] благодарит ее и зятя П. О. Трушковского за поздравления с Новым годом. Посылает два экземпляра сборника «Арабески». Один – для домашних; другой, «надписанный», – просит вручить «при первой оказии» «Василю Ивановичу Чарнышу» (отчиму А. С. Данилевского).

[1] См. ***1835. Января 30. Среда. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Февраль. 1.* <...> Чит<ал> Гог<оля>».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.

ФЕВРАЛЯ 7. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

М. П. Погодин пишет письмо к Гоголю в Петербург; просит прислать в «Московский Наблюдатель» одну из повестей «Миргорода».

См. ***1835. Февраля 20. Среда. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном[1] письме к М. П. Погодину в Москву сообщает:

«Я только сегодни получил твое письмо, т. е. 9 февраля. Ты слишком крупно выставил титул Смирдина, и он распечатал его, принявши за адресованное к нему. Я рад по самое нельзя твоему приезду, хотя вместе с тем и досадую на проклятый случай, заставивший тебя сделать это. – Я живу теперь в тесноте (выгнат из прежней квартиры по случаю переделки дома). Но если тебе не покажется беспокойным чердак мой, то авось как-нибудь поместимся. Впрочем ведь мы люди такого сорта, которых вся жизнь протекает на чердаке. <...> Издатели Московского Наблюдателя ничего не умеют делать. Разошлите объявления[2] огромными буквами при Московских ведомостях и при нескольких номерах, и говорите смело, что числом листов не уступит Библиотеке для Чтения, а содержанием будет самый разнообразный.

Из Вечеров ничего не могу дать, потому что Вечера[3] на днях выходят. Но я пишу для М<осковского> Н<аблюдателя> особенную повесть»[4].

[1] См. ***1835. Января 31. Четверг. Москва.***
[2] См. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] «Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки»« (см. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***).
[4] «Нос».

ФЕВРАЛЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Петербург.

См. ***1835. Марта 20. Среда. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 16. СУББОТА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Февраль.* <...> *16.* <...> Мысль издать арабески»[1].

Вероятно, такое намерение возникло у Погодина при чтении «Арабесок» Гоголя[2].

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1832–1835 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 416.
[2] См. ***1835. Января 30. Среда. Москва***; ***1835. Января 31. Четверг. Москва***; ***1835. Февраля 1. Пятница. Москва.***

ФЕВРАЛЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

М. П. Погодин выехал из Москвы в Санкт-Петербург, собираясь обратиться к министру народного просвещения С. С. Уварову с жалобой на притеснения московской цензуры, в частности, цензора М. Т. Каченовского.

Барсуков. 1891. Кн. 4. С. 264–265.

ФЕВРАЛЯ 20. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном[1] письме к М. П. Погодину в Москву сообщает:

«Письмо твое от 7 февраля я получил от Смирдина сегодня, т. е. 20 числа. Нельзя ли вперед адресовать прямо на мою квартиру? <...> В Мал<ую> Морск<ую>, в дом Лепена. Хорош и ты. Как мне прислать вам повесть, когда моя книга уже отпечатана и завтра должна поступить в продажу. Мерзавцы вы все московские литераторы. С вас никогда не будет проку. <...> Как! затеяли журнал, и никто не хочет работать! <...> Признаюсь, я вовсе не верю существованию вашего журнала более одного года. Я сомневаюсь, бывало ли когда-нибудь в Москве единодушие и самоотвержение, и начинаю верить, уж не прав ли Полевой, сказавши, что война 1812 есть событие вовсе не национальное и что Москва невинна в нем[2]. Боже мой! столько умов и всё оригинальных: ты, Шевырев, Киреевский[3]. <...> Баратынский, Языков – ай, ай, ай! Ей Богу, вы все похожи на петербургских ширамижников, шатающихся по борделям с мелочью в кармане, назначенною только для расплаты с извозчиками. – Скажи пожалуста, как я могу работать и трудиться для вас, когда знаю, что из вас никто не хочет трудиться. – Разве жар мой не должен естественным образом охладеть? Я поспешу сколько возможно скорее окончить для вас назначенную повесть[4], но всё не думаю, чтобы она могла подоспеть раньше 3-й книжки. <...> Да ожидать ли тебя в Петербург, или нет?»

[1] См. ***1835. Февраля 7. Четверг. Москва.***

[2] Подразумевается следующее высказывание Кс. А. Полевого о 1812 годе: «Говорят об ожесточении крестьян, о народной войне: но ничего этого не было. Может быть на протяжении пути Французов, и с окрестностями Москвы, где прожили они довольно долго, несколько *десятков*, и едва ли *сотен* мужичков, оказали сопротивление фуражирам и мародерам; но разве это значит народная война? Русские Дворяне и Купцы сделали великие пожертвования, но не прежде как при воззвании своего Монарха. Из Москвы бежали, в Петербурге готовились к бегству, но сопротивления народного не было никакого. Как <...> не отдать всей справедливости бессмертным мужам, спасителям России: Александру, мужественному, непоколебимому противнику Западного исполина, и мудрому, великому полководцу Барклаю де Толли?» (*<Полевой Кс. П.> К. П.* Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французов. Сочинение Сира Вальтер-Скотта. Перевел с Английского С. де Шаплет. СПб., 1831 и 1832 гг. 14 т. in-12 // Московский Телеграф, издаваемый Николаем Полевым. 1833. Ч. 51. № 9. Май (цензурное разрешение 27 июня). С. 138–139).

[3] Вероятно, Гоголь имеет в виду П. В. Киреевского (см. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***). – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[4] «Нос».

ФЕВРАЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 21. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь имел объяснение с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа князем М. А. Дондуковым-Корсаковым по поводу своего преподавания в университете.

После этого Гоголь был у А. В. Никитенко и расказал ему о визите к попечителю.

21 февраля 1835 г. Никитенко записал в дневнике: «Попечитель призвал его к себе и очень ласково объявил ему о неприятной молве, распространившейся о его лекциях. На минуту гордость его уступила место горькому сознанию своей неопытности и бессилия. Он был у меня и признался, что для университетских лекций надо больше опытности».

См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 21. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет «Миргород. Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”. Н. Гоголя».

На обложке книги было напечатано объявление о продаже «Миргорода», «Арабесок» и второго издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

В 1830-х гг., печатая свои произведения в составе отдельных сборников («Вечера...», «Миргород», «Арабески»), Гоголь стремился представить их в более широком авторском контексте, чем тот, какой давали рамки отдельного цикла. Конкретно это выразилось в том, что все написанные к 1834 г. произведения Гоголь попытался издать как единое целое – своего рода «собрание сочинений»[1]. Вместе с «Миргородом», написанным в 1834 г. и сопровожденным подзаголовком «Повести, служащие продолжением “Вечеров на хуторе близ Диканьки”», предполагалось переиздание самих «Вечеров...» Тогда же получил окончательную композицию сборник «Арабески», призванный дополнить «Вечера...» и «Миргород» и воплотить достаточно освоенную к тому времени Гоголем тему Петербурга.

Определенную попытку писателя заявить об этом «собрании» можно видеть в объявлении, напечатанном в 1835 г. на обложке вышедшего «Миргорода». Задумано было, таким образом, как бы целое собрание в трех книгах (или в шести «томах») – по 12 рублей каждая, и объявлена подписка. Когда же второе издание «Вечеров...» (цензурное разрешение на которое было получено 10 ноября 1834 г.[2]) со значительным опозданием вышло[3], А. С. Пушкин в своей коротенькой рецензии на это издание (от начала апреля 1836 г.), опубликованной в № 1 «Современника» за 1836 г., дал, по сути, новый обзор всего «собрания» (возможно, это было сделано по просьбе Гоголя). Здесь Пушкин, помимо трех гоголевских циклов, упомянул и о законченном к тому времени «Ревизоре»[4]. В самом издании «Ревизора» было помещено соответствующее объявление о продаже «в книжных магазинах Смирдина, Сленина и в лавках братьев Глазуновых» трех гоголевских книг – «Вечеров...», «Миргорода» и «Арабесок»[5]. Другое объявление о трех книгах Гоголя (в шести частях; по 12 рублей) было напечатано 5 марта 1836 г. в «Русском Инвалиде»[6]. С выходом в свет «Ревизора» в «Русском Инвалиде» появилось новое объявление, в котором, как и в пушкинской рецензии, перечислялись все четыре напечатанные к тому времени книги Гоголя[7].

Пушкин и неизвестный критик «Русского Инвалида» (возможно, сам редактор газеты поэт и журналист А. Ф. Воейков), а вместе с ними разные книгопродавцы («Продается во всех книжных лавках...», «В книжных магазинах Смирдина, Сленина и в лавках братьев Глазуновых...», «...в книжном магазине И. Т. Лисенкова...»), очевидно, не сговариваясь, повторяли либо «подсказанные» им, либо прямо переданные для публикации слова Гоголя.

По-видимому, в 1835 г. предполагалось даже сопроводить гоголевское «собрание» из трех книг портретом автора – работы А. Г. Венецианова 1834 г.[8]

Позднее, в письме к М. П. Погодину от 28 ноября (н. ст.) 1835 г., Гоголь, сообщая о работе над «Мертвыми душами», писал о своих ранних повестях: «Это были бледные отрывки тех явлений, <...> из которых долженствовала некогда создаться полная картина. Но не вечно же пробовать. Пора наконец приняться за дело. <...> Вещь, над которой сижу и тружусь теперь,.. <...> *Мертвые души...*»

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал: «...В 1835 году, когда я был в Царскосельском Лицее, он приносил матушке экземпляры вышедших тогда сочинений своих: “Арабески” и “Миргород”. С поступления в Лицей я несколько лет не видал Гоголя»[9].

В день выхода в свет «Миргорода» А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Гоголь Николай Васильевич. Ему теперь лет 28, 29. Он занимает у нас место адъюнкта по части истории; читает историю средних веков. Преподает ту же науку в женском Патриотическом институте. Литератор.

Обучался в нежинской безбородковской гимназии, вместе с Кукольником, Прокоповичем и т. д. Сделался известным публике повестями, под названием: “Вечера на хуторе: повести пасечника Паньки Рудаго”. Они замечательны по характеристическому, истинно малороссийскому очерку иных характеров и живому, иногда очень забавному, рассказу. Написал он и еще несколько повестей с юмористическим изображением современных нравов. Талант его чисто теньеровский. Но помимо этого, он пишет все и обо всем: занимается сочинением истории Малороссии; сочиняет трактаты о живописи, музыке, архитектуре, истории и т. д., и т. д.[10] Но там, где он переходит от материальной жизни к идеальной, он становится надутым и педантичным, или же расплывается в ребяческих восторгах. Тогда и слог его делается запутанным, пустоцветным и пустозвонным. Та же смесь малороссийского юмора и теньеровской материальности с напыщенностью существует и в его характере. Он очень забавно рассказывает разные простонародные сцены из малороссийского быта, или заимствованные из скандалезной хроники. Но лишь только начинает он трактовать о предметах возвышенных, его ум, чувство и язык утрачивают всякую оригинальность. Но он этого не замечает и метит прямо в гении»[11].

Из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (1860–1861): «Кречетова[12] поразил или, вернее сказать, ошеломил “Бульба”. Он во время моего чтения беспрестанно вскакивал с своего места и восклицал:

– Да это chef d'oeuvre[13]... это сила... это мощь... это... это... это...

– Ах, да не перебивайте, Василий Иваныч, – кричали ему другие слушатели...

Но Кречетов не выдерживал и перебивал чтение беспрестанно, засовывал свои пальцы в волосы и раздирал свои волоски с каким-то ожесточением.

Когда чтение кончилось, он схватил себя за голову и произнес:

– Это, батюшка, такое явление, это, это, это... сам старик Вальтер Скотт подписал бы охотно под этим Бульбою свое имя... У-у-у! это уж талант из ряду вон... Какая полновесность, сочность в каждом слове... Этот Гоголь... да это чорт знает что такое – так и брызжет умом и талантом...

Кречетов долго после этого чтения не мог успокоиться»[14].

П. В. Анненков в 1857 г. сообщал о восприятии одного из эпизодов «Тараса Бульбы» Н. В. Станкевичем: «...Станкевич и весь круг его поняли с первого раза смех, производимый созданиями Гоголя...[15] <...> Станкевич, смешливый от природы, уже не мог никогда вспоминать некоторых подробностей в его картинах без того, чтоб не потерять совершенно хладнокровия. Такое действие производило на него, например, воспоминание о жиде (в «Тарасе Бульбе»), который, сняв верхнюю одежду, стал вдруг похож на цыпленка»[16].

В тот же день, 21 февраля 1831 г., в газете «Северная Пчела» была напечатана анонимная заметка, о которой позднее Гоголь упомянул в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году». В разделе «Смесь» в газете сообщалось:

«На сих днях роздано здесь, в Петербурге, с газетами и афишками, объявление *без подписи* о будущем Журнале, под заглавием “Московский Наблюдатель”, которое привело всех в удивление. В этом любопытном объявлении уверяют, что грядущий Журнал будет равняться числом листов Библиотеке для Чтения... <...> Но этого мало: в объявлении уверяют, что “в составлении этого Журнала принимают *постоянное* участие, *все* лучшие литераторы *здешние* и Московские”!!!... Мы, на нашу долю, знаем уже несколько человек, которые, по мнению публики, литераторы не худшие, но крайне изумились, прочитав в этой безыменной афишке, что они тоже принимают *постоянное* участие в Журнале, о существовании которого только теперь узнают в первый раз. Не мешает известить публику, что они, во всяком случае не принимают участия в шарлатанстве. Впрочем, мы уверены, что составление этого объявления вовсе чуждо Редакции предполагаемого Журнала: нет сомнения, что его смастерил какой-нибудь смышленый книгопродавец»[17].

В статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» Гоголь, говоря о выходе в свет «Московского Наблюдателя», замечал: «Статья, помещенная по этому <...> случаю в “Северной Пчеле”, казалось, была писана человеком, в отчаянии предвидевшим свою конечную погибель. В ней уведомляли публику, что

новый журнал хотел уронить "Библиотеку для Чтения" потому только, что издатели оного объявили, что будут выпускать таковое же число листов, как и "Библиотека для Чтения"»[18].

Раздражение Гоголя по поводу заметки «Северной Пчелы» объяснялось отчасти тем, что именно он посоветовал М. П. Погодину дать новое объявление о журнале[19].

[1] Подробнее см. в коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 856–858.

[2] См. ***1834. Ноября 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Февраля 1. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1836. Марта 13. Пятница. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Марта 5. Четверг. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1836. Апреля 27. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1834. В течение года. Санкт-Петербург.***

[9] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 647.

[10] См. ***1835. Января около 20. Санкт-Петербург.***

[11] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 726.

[12] Василий Иванович Кречетов, преподаватель российской словесности Благородного пансиона при Петербургском университете.

[13] Шедевр, образцовое произведение (*фр.*).

[14] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 280.

[15] См. также ***1836. Марта 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

[16] *Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк // Русский Вестник. 1857. Т. 7 (цензурное разрешение 14 янв.). Кн. 3. С. 485; см. также: Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография, написанная *П. В. Анненковым.* М., 1857 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 77–78; *Анненков П. В.* Н. В. Станкевич (биографический очерк) // *Анненков П. В.* Соч. Воспоминания и критические очерки. Собр. статей и заметок. 1849–1868 гг. СПб., 1881. Отд. 3. С. 305–306; *Свод.* Т. 2. С. 802.

[17] Смесь // Северная Пчела. 1835. 21 февр. № 41. С. 164.

[18] См. также ***1836. Февраля начало. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1835. Февраля 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

1834 ДЕКАБРЯ 7 – 1835 ФЕВРАЛЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у В. А. Жуковского в присутствии М. И. Глинки, графа В. А. Соллогуба, а также, вероятно, А. С. Пушкина, князя П. А. Вяземского и П. А. Плетнева читает комедию «Женитьба».

М. И. Глинка вспоминал: «В течение зимы с 1834 на 1835-й <...> я жил <...> домоседно <...> однако же, постоянно посещал вечера В. А. Жуковского. Он жил в Зимнем дворце, и у него еженедельно собиралось избранное общество, состоявшее из поэтов, литераторов и вообще людей, доступных изящному. Назову здесь некоторых: А. С. Пушкин, князь Вяземский, Гоголь, Плетнев были постоянными посетителями. Гоголь при мне читал свою "Женитьбу"»[1].

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба: «Я помню, что он <Гоголь> читал ее <комедию "Женитьба"> однажды у Жуковского в одну из тех пятниц, когда собиралось общество (тогда немалочисленное) русских литературных, ученых и артистических знаменитостей. При последних словах: "Но когда жених выскочил в окно, то уже...", – он скорчил такую гримасу и так уморительно свис<т>нул, что все слушатели покатились со смеху»[2].

[1] *Глинка М. И.* Записки // *Свод.* Т. 1. С. 794.

[2] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 650. – См. также ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 28. ЧЕТВЕРГ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первой части девятого тома «Библиотеки для Чтения», где О. И. Сенковский дает негативную оценку «ученым» статьям Гоголя в «Арабесках»:

«Это уж полная мистификация наук, художеств, смысла и Русского языка! Автор пишет о всем на свете: он рядит об Истории, Географии, музыке, живописи, скульптуре, архитектуре, Пушкине <...> Это значит, что автор все знает <...> Вообще было бы гораздо лучше, когда б статьи этого рода высказывались не из души, а из предварительной науки. Но ученость, по-видимому, не далась великому писателю»[1].

Позднее, в черновой редакции статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (1836), Гоголь писал: «В разборах и критиках г. Сенковский никогда не говорил о внутреннем, настоящем достоинстве книг и никогда не определял точными верными характеристическими чертами это достоинство. В критике была или безусловная похвала, где рецензент от всей души занимался собственными фразами, беспрестанно варьируя ими обветшалые мысли, или хула, которая отзывалась часто желчью и завистью. Читатели помнят разбор Н. Гоголя».

[1] <*Сенковский О. И.*> Новые книги. Февраль, 1835 // Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Ч. 1. Отд. VI. С. 10.

ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 20 – МАРТА ДО 11.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читал гостившему в Петербурге М. П. Погодину[1] отрывки из двух своих комедий[2].

Вероятно, тогда же Гоголь рекомендовал Погодину для публикации в журнале «Московский Наблюдатель» стихи Н. Я. Прокоповича «Своя семья»[3].

Позднее, 31 августа 1855 г., в наброске воспоминаний о Гоголе Погодин замечал: «Свидание в Петерб<урге> и чтение. В гостин<ице> Серапина у Обух<овского> моста, где я стоял с <Д. М.> Перевощи<ковым>»[4].

[1] См. ***1835. Февраля 18. Понедельник. Москва.***
[2] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава.***
[4] *Погодин М. П.* <Набросок воспоминаний о Гоголе> // *Свод.* Т. 2. С. 520.

МАРТА 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Посылаю вам мой Миргород... <...> Изъявите ваше мнение, наприм<ер>, в Московском наблюдателе. <...> ...Вашим мнением я дорожу. Я слышал также, что вы хотели сказать кое-что об Арабесках. Я просил князя Одоевского не писать разбора, за который он хотел было приняться[1], потому что мнение его я мог слышать всегда и даже изустно. Ваше же я могу услышать только печатно[2]. – Я к вам пишу уже слишком без церемоний. <...> Если мы не будем понимать друг друга, то я не знаю, будет ли тогда кто-нибудь понимать нас. Я вас люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать Московский вестник, который я начал читать, будучи еще в школе[3], и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доныне не совершенно развернулось.

Вам просьба от лица всех, <...> от всего, что есть литературного: поддержите Москов<ский> наблюдатель. Всё будет зависеть от успеха его. Ради Бога уговорите москвичей работать. Грех, право грех им всем. Скажите Киреевскому[4], что его ругнет всё, что будет после нас, за его бездействие. <...> На днях я, может быть, окончу повесть для М<осковского> Набл<юдателя> и начну другую. Ради Бога поспешите первыми книжками. Здесь большая часть потому не подписывается, что не уверенна в существовании его, потому что Сенковский и прочая челядь разглашает, будто бы его совсем не будет и он уже запрещен. <...> Москве предстоит старая ее обязанность спасти нас от нашествия иноплеменных языков. <...> Жму крепко вашу руку и прошу убедительно вашей дружбы[5]. <...> Обнимите за меня Киреевского и вручите ему посылаемый при сем экземпляр. Другой экземпляр прошу вас отправить Надеждину».

[1] Предполагаемое начало статьи Одоевского – в котором упоминается только «Повесть...» о ссоре – см.: *Одоевский В. Ф.* Две заметки о Гоголе (с примечаниями М. А. Брискмана) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 223. Об отношении Одоевского к «Тарасу Бульбе» можно, в частности, судить из позднейших его упоминаний об изображении Гоголем в повести украинских степей, с которыми Одоевский не однажды сравнивал русскую песню: «Подобного разнообразия нет ни у одного народа <...>. Это – гоголевская степь в нашей песне – даль бесконечная!» (*Одоевский В. Ф.* <«Прощай, девки...»> <1860-е гг.> // *Одоевский В. Ф.* Музыкально-литературное наследие. М., 1956. С. 482; см. также: *Одоевский В. Ф.* О музыкальном утре в пользу 9-летнего органиста Антона Яцкевича // Там же. С. 318).

[2] См. ***1835. Мая 1 – мая не позднее 10. Москва.***

[3] См. ***1827. Января 1. Суббота. Праздник Обрезания Господня. Москва.*** – См. также ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к А. О. Смирновой).

[4] Вероятно, Гоголь имеет в виду П. В. Киреевского (см. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***). – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***

[5] См. ***1835. Мая 1 – мая не позднее 10. Москва.***

МАРТА 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

М. П. Погодин пишет в Москву письмо редактору «Московского Наблюдателя» В. П. Андросову, для публикации в журнале[1]. В письме, в частности, сообщает:

«Гоголь читал мне отрывки из двух своих комедий. Одна, под названием – Комедия![2] Другая – Провинциальный Жених[3]. Что за веселость, что за смешное! Какая истина, остроумие! Какие чиновники на сцене, какие канцелярские служители, помещики, барыни! Талант первоклассный. На днях вы получите его Миргород, и должны будете поклониться этим повестям, со всеми наши<ми> повествователями без исключения, стихотворными и прозаическими»[4].

[1] «Пользуясь пребыванием Погодина в Петербурге, Андросов писал ему: "Мне сказали, друг Михаил Петрович, что ты выедешь из Петербурга на днях, я и не писал и рад был радехонек. Дел куча, цензура строга, публика требовательна... Ну что твое пребывание в Питере? В пользу ли? Ты верно увидишь, если уже не увидел нашей первой книжки. Вступись за нее погорячее... Не случится ли узнать мнение Главы?" Исполняя желание Андросова, Погодин подробно описал ему свое пребывание в Петербурге» (*Барсуков.* 1891. Кн. 4. С. 265). – См. также ***1835. Февраля после 20 – марта до 11. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

[2] Вероятно, «Владимир 3-ей степени». – См. также ***1838. Декабря 1 <ноября 19>. Суббота. Рим***; ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва.***

[3] Первоначальное название комедии «Женитьба». – См. также ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва.***

[4] *Погодин М. П.* Письмо из Петербурга // *Свод.* Т. 2. С. 418.

МАРТА СРЕДИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 17. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь передает министру народного просвещения С. С. Уварову для подношения Императору Николаю I сборник «Миргород»[1].

Согласно указу от 6 июня 1833 г. «Об усилении Канцелярии Министерства Народного Просвещения и о рассматривании подносимых Государю Императору сочинений», все книги, представляемые Императору, должны были проходить через Уварова, который при этом подавал Государю свое мнение о предполагаемой «награде сочинителю или переводчику»[2].

Позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. из Рима, Гоголь, отправляя при письме прошение к Императору о помощи, обращался к поэту с просьбой обратить внимание Государя из всех своих произведений на две повести: «Найдите случай и средство указать как-нибудь Государю на мои повести: Старосветские помещики и Тарас Бульба <...> Если бы их прочел Государь! Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо от души...»

[1] <Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова о поднесении сборника Н. В. Гоголя «Миргород», с резолюцией Императора Николая I> // *Свод*. Т. 1. С. 776.

[2] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. XIX–XX.

МАРТА 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров направляет Императору Николаю I докладную записку, с приложением, в числе других книг, сборника Гоголя «Миргород»[1]:

«Имею счастие всеподданнейше поднести Вашему Императорскому Величеству следующие книги: 1) *Царствование Царя Феодора Алексеевича* (по просьбе вдовы служившего в Морском ведомстве Полковника Берга, автора сей книги); 2) Трагедию *Борис Годунов*, соч. Коллежского Советника Лобанова; 3) Трагедию *Петр Басманов*, соч. отставного Майора Барона Розена; 4) *Начальные основания физики*, соч. Адъюнкт-Профессора С. Петербургского Университета Щеглова, и 5) *Миргород*, Повести Адъюнкт-Профессора С. Петербургского Университета Гоголя.

Не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на объявление вдове Берг и Авторам остальных четырех сочинений, что представленные ими книги удостоены Вашим Величеством благосклонного принятия»[2].

Вместе с «Миргородом» были представлены книги: В. Н. Берха «Царствование Царя Феодора Алексеевича и история первого Стрелецкого бунта» (Ч. 1–2. СПб., 1834; цензурное разрешение 15 сент. 1834; книга передана Уварову вдовой писателя Е. К. Берх 9 марта 1835 г.); М. Е. Лобанова «Борис Годунов. Трагедия в трех действиях» (СПб., 1835; цензурное разрешение 2 янв.); барона Е. Ф. Розена «Петр Басманов. Трагедия в пяти действиях» (СПб., 1835; цензурное разрешение 8 янв.; поступила к представлению 17 марта); адъюнкт-профессора Санкт-Петербургского университета Н. Т. Щеглова «Начальные основания физики» (СПб., 1834; цензурное разрешение 15 марта 1834; поступила к представлению 20 янв. 1835 г.).

В тот же день, 18 марта 1835 г., Гоголь отправил М. П. Погодину в Москву свою повесть «Нос»[3] для публикации в журнале «Московский Наблюдатель»:

«Ну, как ты доехал[4]? <...> Посылаю тебе нос. Да если ваш журнал не выйдет, пришли мне его назад. Обо<...>лись вы с вашим журналом. Вот уже 18 число, а нет и духа. Если в случае ваша глупая цензура привяжется к тому, что нос не может быть в Казанской церкве, то пожалуй можно его перевести в католическую».

Повесть Гоголя была отвергнута редакцией «Московского Наблюдателя», в состав которой входил, в числе прочих, С. П. Шевырев. Позднее, 1 октября 1842 г., В. Г. Белинский сообщал: «Когда вышел "Ревизор", один известный критик[5] отказался писать о нем, видя в нем грязное произведение; один журнал отказался напечатать у себя повесть Гоголя "Нос", находя ее грязною...»[6] 1 декабря того же года Белинский повторял: «Из существовавших *прежде* журналов первый оценил Гоголя "Телескоп"[7], а совсем не тот, другой московский журнал, который отказался принять в себя повесть Гоголя "Нос", по причине ее пошлости и тривиальности, и не тот *именитый* критик, который отказался писать о "Ревизоре", как опять о тривиальном и грязном произведении...»[8]

Позднее, в 1842 г., в статье, посвященной выходу в свет первого тома «Мертвых душ», Шевырев писал: «Самые неудачные создания Гоголя из прежних были "Вий"[9] и те повести в "Арабесках", в которых он подчинялся немецкому влиянию. Сюда же мы отнесем и "Нос", напечатанный в "Современнике"»[10] (повесть «Нос» была напечатана в 1836 г. в т. 3 пушкинского «Современника»)[11]. По свидетельству В. П. Андросова, с весомостью «причин», по которым «Нос» не был принят к публикации в «Московском Наблюдателе», согласился в 1835 г. и Погодин[12]. Ср. также письмо К. С. Аксакова к М. Г. Карташевской от 9 мая 1836 г.: «Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его «Носу». В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна»[13].

[1] См. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[2] <Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова о поднесении сборника Н. В. Гоголя «Миргород», с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 776.

[3] Повесть, вероятно, была написана на бумаге с филигранью «Б. У. 1835» — что означает: «Братья Усачевы» (или «Бумага Усачевых»), и год изготовления бумаги — 1835-й (братья Усачевы были владельцами Глинковской бумажной фабрики Богородского уезда Московской губернии; см.: *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 41, 170; *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. С. 14–15, 78). Сохранился двойной лист бумаги с такой филигранью с беловым текстом начала повести «Нос» на первой странице (см.: *РНБ.* Ф. 588. № 218. Л. 6–7; *Степанов Н. Л.* Нос. <Комментарий> // *Гоголь 1937–1952.* Т. 3. С. 651, 653).— См. также ***1835. Сентябрь-декабрь. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] Намек на С. П. Шевырева.

[6] <*Белинский В. Г.*> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842. № 10 (цензурное разрешение 30 сент.; выход в свет 1 окт.). С. 126–134; *Свод.* Т. 3. С. 271.

[7] Подразумевается рецензия на первую часть сборника Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», написанная в 1831 г. Н. И. Надеждиным и опубликованная без имени автора в его журнале «Телескоп» (1831. Ч. 5. № 17–20. С. 558–561). С Надеждиным вплоть до закрытия «Телескопа» в 1836 г. Белинский активно сотрудничал. Однако в 1842 г. в полемике К. С. Аксакова с Белинским по поводу «Мертвых душ» Надеждин занял сторону Константина Аксакова (см. ***1842. Ноября 13 <25>. Пятница. Санкт-Петербург***).

[8] <*Белинский В. Г.*> Литературные и журнальные заметки // Отечественные Записки. 1842. № 12 (цензурное разрешение 30 ноября; выход в свет 1 дек.). С. 105–112; *Свод.* Т. 3. С. 272.

[9] См. ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

[10] *Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Москвитянин. 1842. Часть 4. № 8 (цензурное разрешение 22 авг.). С. 373; см. также: *Шевырев С. П.* Похождения Чичикова, или Мертвые Души. Поэма Н. Гоголя. Статья вторая // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века. М., 1982. С. 77.

[11] См. ***1836. Октября до 9. Санкт-Петербург.***

[12] См. ***1836. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Москва.***

[13] См. ***1836. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

МАРТА 19. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 26 лет.

В этот день Государем был принят поднесенный ему Гоголем через С. С. Уварова[1] сборник «Миргород». На предложение Уварова в докладной записке — «Не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству соизволить на объявление вдове Берг и Авторам остальных четырех сочинений, что представленные ими книги удостоены Вашим Величеством благосклонного принятия»[2] — последовала Высочайшая резолюция: «согласен»[3].

О принятии книги Гоголю позднее было объявлено официально[4].

[1] См. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] <Всеподданнейшая докладная записка С. С. Уварова о поднесении сборника Н. В. Гоголя «Миргород», с резолюцией Императора Николая I> // *Свод.* Т. 1. С. 776.
[4] См. ***1835. Марта 22. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТА 20. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки. В ответном письме сообщает:

«Я получил письмо ваше, писанное вами 10 февраля[1], только сегодня. <...> Я, слава Богу, здоров, хотя много занят. На меня возложили не слишком для меня приятную обузу по университету[2], от которой я, однако же, скоро отделаюсь, и потому покаместь я, вы не сердитесь, что мало пишу. Зато посылаю вам письма сестер[3], которые находятся в хорошем здоровье и начинают понемногу успевать. <...> Обнимаю сестру[4], маленькую Олиньку[5], племянников[6] и Павла Осиповича»[7].

Сестра Гоголя Анна в письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. вспоминала о брате: «Удивительно, какая у него была нежная заботливость о нас, а мы так не умели ценить этого, никогда не хотели ему говорить уроков, когда он преподавал историю в нашем институте; вообразили себе, что брату стыдно говорить урок при всех. Этим, верно, я его огорчала; когда я его спрашивала, отчего он уезжает за границу[8] и не хочет учить у нас, то он нарочно нам сказал, что оттого, что мы не хотим у него учиться»[9].

Сестра Елисавета также вспоминала: «Брат при нас недолго оставался учителем, и когда он вызывал нас отвечать, то всех в классе очень занимало, как мы будем отвечать брату [но именно это нас и конфузило, и мы большею частью совсем не хотели отвечать], когда у него бывали уроки в институте, то по окончании их он всегда оставался с нами на полчаса и всегда приносил лакомства. Впрочем, он и сам был большой лакомка, и иногда один съедал целую банку варенья; когда я, бывало, прошу, чтобы он дал мне, он говорит: "Вот подожди, я покажу тебе, как один мой знакомой ест, вот так, а другой этак", и так дальше, пока вся банка не оканчивалась. [Так как я <...> знала, что брат написал "Вечера на хуторе", хотя я их и не читала <...> хотела <...> писать <...>] У меня была страсть маленькая писать, и я намараковала толстейшую тетрадь разного вздора под названием "Комедии и сказки"; я удивляюсь детскому тогдашнему моему терпенью; я ее отдала брату, [навоображала <...>] который, разумеется, тотчас <*1 нрзб.*> смеяться, после рассказал нашему инспектору Плетневу, тот часто после спрашивал меня шутя в классах об моих соч<инениях>, и я всегда конфузилась; после уже я ничего не пробовала писать, и даже боялась вести журнал, чтобы не попал в руки классной дамы. Брат часто манкировал клас<с>ы по болезни, иногда и от лени...»[10]

Младшая из сестер Ольга Васильевна также замечала: «Как брат заботился о нас, когда отдал сестер в институт! Ради них и сам остался там учителем по истории»[11].

[1] См. ***1835. Февраля 10. Воскресенье. Васильевка.***
[2] См. ***1835. Января начало. Санкт-Петербург.***
[3] Анны и Елисаветы.
[4] М. В. Трушковскую.
[5] Младшую сестру.
[6] Н. П. и И. П. Трушковских.
[7] Трушковского.
[8] По-видимому, такой вопрос А. В. Гоголь задавала брату уже после увольнения его из Патриотического института (см. ***1835. Сентября 1 или 2. Воскресенье или понедельник. Санкт-Петербург***).
[9] *Свод.* Т. 1. С. 144.
[10] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 180.
[11] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 216.

МАРТА НЕ ПОЗДНЕЕ 22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает из Киева письмо от М. А. Максимовича.

См. ***1835. Марта 22. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАРТА 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо М. А. Максимовичу в Киев. Начинает свое послание строками песни, которые употребил ранее, в 1832 г., при знакомстве с М. С. Щепкиным[1]: «Ой, чи живы, чи здорови / Вси родычи гарбузови?» Благодарит земляка за обстоятельное письмо. Посылает ему «Миргород», приоткрывая при этом замысел «Тараса Бульбы» (перечисляет в письме «казацкие» утешения, упоминаемые в повести)[2]. Обещает приехать в Киев, продолжает обсуждать возможность перевода в Киевский университет В. В. Тарновского[3]:

«...Я в конце весны постараюсь припхаться в Киев, хотя мне впрочем совсем не по дороге. Я думал об том, кого бы отсюда наметить в адъюнкты тебе, но решительно нет. Из заграничных всё правоведцы, да при том от них так пахнет семинарией, что уж слишком. Тарновский идет по истории, и потому не знаю, согласится ли он переменить предмет; а что касается до его качеств и души, то это такой человек, которого всегда наподхват можно взять. Он добр и свеж чувствами, как дитя, слегка мечтателен и всегда с самоотвержением. Он думает только о той пользе, которую можно принести слушателям, и детски предан этой мысли, до того, что вовсе не заботится о себе, награждают ли его, или нет. Для него не существует ни чинов, ни повышений, ни честолюбия. Если бы даже он не имел тех достоинств, которые имеет, то и тогда я бы посоветовал тебе взять его за один характер. Ибо я знаю по опыту, что значит иметь при университете одним больше благородного человека. <...> Напиши, в каком состоянии у вас весна. Жажду, жажду весны. <...> Да дай мне ее одну, одну – и никого больше я не желаю видеть, по крайней мере на всё продолжение ее, ни даже любовницы, что казалось бы потребнее всего весною. <...> Желаю тебе больше упиваться ею, а с нею и спокойствием и ясностью жизни, потому что для прекрасной души нет мрака в жизни».

В тот же день, 22 марта 1835 г., министр народного просвещения С. С. Уваров сообщил попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову – «для объявления Г. Гоголю»[4], что поднесенный экземпляр сборника «Миргород»[5] «удостоен Его Величеством благосклонного принятия»[6].

[1] См. ***1832. Июля начало. Москва.***

[2] См. ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. также ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1835. Марта 23. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 26. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 19. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] <Отношение С. С. Уварова к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукову-Корсакову о «Миргороде» Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 1. С. 777–778.

МАРТА НЕ ПОЗДНЕЕ СУББОТЫ 23. МОСКВА

А. И. Герцен пишет своей будущей жене (с 1838 г.) Н. А. Захарьиной:

«...Тут попалась мне повесть Гоголя (“Арабески”, ч<асть> II) “Невский проспект”; во всякое другое время я бы расхохотался над нею, но тут она свернула меня вдосталь. Поэт-живописец влюбился в публичную женщину; ты не знаешь, что такое эти твари, продающие любовь; не может быть более насмешки над всем чистым, как они, я знаю их очень. Поверишь ли, что повесть эта меня тронула, несмотря что она писана смешно. Я вспомнил подобный пример, бывший при моих глазах. Как можно их любить любовью?.. Власть красоты, красота земная есть отблеск Бога».

Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 21. С. 36.

МАРТА 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Так как Московский Наблюдатель не будет существовать, то пришли мне мой нос[1] назад, потому что он мне очень нужен. Да пожалуста напечатай в Московских Ведомостях объявление об Арабесках. Сделай милость, в таких словах: что теперь, дискать, только и говорят везде, что об Арабесках, что сия книга возбудила всеобщее любопытство, что расход на нее страшный (NB. до сих пор ни гроша барыша не получено) и тому подобное. <...> Я немного прихварываю, но утешаюсь предстоящею поездкою, во время которой предстану к вам».

В тот же день, 23 марта 1835 г., попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков препроводил уведомление министра народного просвещения С. С. Уварова — «для объявления Г. Гоголю»[2] — о принятии Императором сборника «Миргород»[3] ректору Петербургского университета А. А. Дегурову (в его отношении фамилия Гоголя была искажена: «Гогель»)[4].

[1] Повесть «Нос».
[2] См. ***1835. Марта 26. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1835. Марта 22. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] <Отношение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова к ректору Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову о «Миргороде» Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 1. С. 781.

МАРТА 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает О. Д. Трощинской:

«...Мой сын старается утешить меня, как только может. Благодарю Бога, на сих днях я получила от него книги, *Арабески*[1], под собственным уже его именем изданные...»[2]

В тот же день Мария Ивановна написала в Петербург ответное письмо сыну, в котором просила его похлопотать о перезакладе имения в ломбард на 24 года; говоря о сочинениях сына, называла его гением[3].

[1] См. ***1835. Февраля 1. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 85.
[3] См. ***1835. Апреля 12. Пятница Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

МАРТА 26. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ректор Петербургского университета А. А. Дегуров выносит резолюцию на уведомлении попечителя Санкт-Петербургского учебного округа князя М. А. Дондукова-Корсакова о принятии Императором сборника «Миргород»[1]:

«Уведомить о сем Г. Адъюнкта Гогеля <так>, на каковой конец сообщить ему выписку сей статьи из журнала, равно как внести Высочайшее внимание к трудам Г. Адъюнкта в послужной его список»[2].

Вероятно, Гоголь был извещен о поднесении книги Императору незамедлительно по вынесении этой резолюции. Спустя некоторое время сообщение о поднесении Гоголем книги Государю в майском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения»[3].

Отметки о «Высочайшем внимании к трудам Г. Адъюнкта» в послужном списке Гоголя сделано не было[4].

[1] См. ***1835. Марта 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] <Отношение попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова к ректору Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову о «Миргороде» Н. В. Гоголя> // *Свод.* Т. 1. С. 781.

[3] См. ***1835. Май. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 27. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Я. М. Неверов пишет С. П. Шевыреву в Москву:

«Одоевский говорит, что невозможно требовать от Гоголя, чтобы он вовсе отказался от “Библиотеки” и не помещал в ней ничего более[1]. Гоголь – небогатый человек, часто нуждающийся в деньгах, и “Наблюдатель” не в силах заплатить ему столько, сколько он получает с Смирдина, да и сам Гоголь никогда не пожелает этого. Впрочем же, это ничуть не может вредить «Наблюдателю», если когда-нибудь встретится в “Библиотеке” статья Гоголя, что, однако, было и будет весьма редко».

Свод. Т. 1. С. 774.

[1] За исключением неудачной попытки напечатать в «Библиотеке для Чтения» «главу из романа» «Кровавый бандурист» (см. ***1834. Февраля 27. Вторник. Санкт-Петербург***), Гоголь своих произведений в этот журнал больше не давал.

МАРТА 30. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение второй части т. 9 «Библиотеки для Чтения» за 1835 г., где на выход в свет «Миргорода» отозвался О. И. Сенковский (без подписи):

«В “Миргороде” четыре повести. Лучшая из них – “Тарас Бульба”. В ней очень живо нарисована картина Запорожской Сечи и казацкого удальства. Изображение материнской любви замечательно по верности и простоте красок... <...> Такие же страницы, в которых проглядывает неподдельное чувство, встречаются и во второй повести, “Старосветских помещиках”. Во второй части их нет. Там автор поместил старую свою повесть, “О том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем”, напечатанную в Новоселье[1], и еще другую, “Вий”, взятую из народного предания. О первой из них мы всегда были того мнения, что она очень грязна. В “Вии” нет ни конца,

ни начала, ни идеи, – нет ничего, кроме нескольких страшных, невероятных сцен. Тот, кто списывает народное предание для повести, должен еще придать ему смысл: тогда только оно сделается произведением изящным».

Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Ч. 2. Отд. VI. С. 31, 33–34.

[1] См. ***1834. Апреля 18. Великая среда. Санкт-Петербург.***

МАРТА 30. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение второй мартовской книжки «Московского Наблюдателя», где напечатано «Письмо из Петербурга» М. П. Погодина[1] и статья С. П. Шевырева о «Миргороде».

Шевырев, которому Гоголь 10 марта 1835 г. выслал книгу и просил высказать о ней свое мнение в журнале[2], отмечал удачу Гоголя в создании фигуры Тараса: «Но Тарас Бульба, выше всего! Этот дивный тип запорожца написан широкими и крупными чертами. Это есть одно из тех созданий, которые отмечены печатью народности и глубоко нарезываются на воображении читателя»[3]. Поражающими воображение критик назвал также картины Запорожья и украинских степей. Особо отметил Шевырев «слышу» Тараса, произнесенное перед казнью Остапа: «Это *слышу!* останется навсегда памятным в нашей литературе, и если бы г. Гоголь не изобрел ничего другого, кроме этого славного *слышу,* то одним этим мог бы заставить молчать всякую злонамеренность критики». О казни Андрия Тарасом критик счел нужным заметить: «Эта картина была бы ужасна, если бы черты воинственной дикости не объясняли ее возможности, и если бы потом не смягчена она была сильным чувством любви родительской». В то же время Шевырев отмечал, что Гоголь увлекается «скорописью» и «слишком эскизует свои прекрасные создания. Даже самый Тарас Бульба отзывается скоростью эскиза»[4].

«Мне бы не хотелось от Тараса Бульбы, – писал Шевырев, – переходить к другой повести, которая, по моему мнению, есть слабейшая в Миргороде: это *Вий*»[5]. По мнению Шевырева, пересказ использованного в повести «народного предания» требует более народного и более поэтического языка, а изображенная в ее начале живая картина бурсы «не гармонирует с фантастическим содержанием продолжения». Устрашающие видения Хомы в церкви критик отметил как неубедительные с художественной точки зрения: «Эти видения не производят ужаса, потому что они слишком подробно описаны. Ужасное не может быть подробно: призрак тогда страшен, когда в нем есть какая-то неопределенность; если же вы в призраке умеете разглядеть слизистую пирамиду, с какими-то челюстями вместо ног, и с языком вверху... тут уж не будет ничего страшного – и ужасное переходит просто в уродливое. Автор говорит: "Он увидел вдруг такое множество отвратительных крыл, ног и членов, *каких не в силах бы был разобрать обхваченный ужасом наблюдатель!"* – После этих слов, описывать эти подробности для меня кажется противоречием, – и все эти наречия: *немного далее, вверху, внизу, на противоположной стороне,* все это обстоятельное размещение чудовищ здесь уже не у места...». Кроме того, в изображении этих сцен Шевырев усматривал недостаточную выразительность и экспрессивность языка: «...пока ваш период в рассказах ужасного будет строен и плавен... я не верю в ваш страх – и просто: не боюсь...»[6]

В свою очередь О. И. Сенковский в 1835 г. в разделе «Литературная летопись» «Библиотеки для Чтения» писал (статья без подписи): «В "Вии" нет ни конца, ни начала, ни идеи, – нет ничего, кроме нескольких страшных, невероятных сцен. Тот, кто списывает народное предание для повести, должен еще придать ему смысл: тогда только оно сделается произведением изящным»[7].

Примечательно также, что, когда в 1843–1844 гг. чешский поэт и публицист К. Гавличек-Боровский, который жил в то время в Москве в доме Шевырева в качестве домашнего учителя, предпринял перевод «Вия» (свой первый перевод из Гоголя), он, вероятно, прислушался к мнению Шевырева и перевел только первую часть повести, содержащую описание быта киевской бурсы, назвав ее «Киевские студенты» (опубл. в 1846 г.). Фантастическая часть повести тоже показалась ему менее художественной[8].

Погодин отозвался лишь о «Старосветских помещиках» и «Тарасе Бульбе», совсем не упомянув о повестях второй части сборника[9]. В «Тарасе Бульбе» Погодин увидел «разнообразие» и «поэзию» описаний, «верность в изображении характеров», сочетание «смешного» и «высокого, трагического»[10].

Оба критика, Шевырев и Погодин, отмечали выход «Миргорода» как крупное событие в истории русской словесности.

[1] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1835. Марта 10. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 406.

[4] Там же. С. 411.

[5] Там же. С. 409.

[6] Там же. С. 409–410. – Замечания Шевырева (поддержанные В. Г. Белинским в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя»; см. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***) были учтены Гоголем при переработке повести в 1842 г. (сокращены были пространные описания «гномов») (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Проблемы текстологии повести Н. В. Гоголя «Вий» // От истории текста к истории литературы. Научное издание / Отв. ред. М. И. Щербакова. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 86–102).

[7] Литературная летопись. Март, 1835. Новые книги // Библиотека для Чтения. 1835. Т. 9. Ч. 2. Отд. 6. С. 33–34.

[8] См.: *Соловьева А. П., Доронина Р. Ф.* Гоголь и развитие реализма в литературах южных и западных славян // Гоголь и мировая литература. М., 1988. С. 87–88.

[9] Также обошли вниманием повесть «Вий» в своих отзывах о «Миргороде» псевдоним *А. в. м. л.* из Дерпта в «Литературных Прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» от 24 апреля 1835 г. (см. ***1835. Апреля 24. Среда. Санкт-Петербург***), П. М-ский (П. И. Юркевич) в «Северной Пчеле» от 25 мая того же года (см. ***1835. Мая 25. Суббота. Санкт-Петербург***) и, позднее, А. С. Пушкин в заметке по поводу выхода в свет второго издания «Вечеров на хуторе близ Диканьки», опубликованной в первом номере «Современника» за 1836 г. (см. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург***).

[10] Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 445.

МАРТА 31. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятная встреча Гоголя с Н. И. Надеждиным.

В 1835 г. Н. И. Надеждин, будучи в Петербурге, записал в своем дневнике: «31 марта, воскресение, 7 часов утра. <...> Честь и слава Гоголю!.. Сегодня пойду, обойму его – расцелую... О, врач всех телесных и душевных болезней... всемогущий Гоголь!.. Разбойник! А ведь у меня сидит, как <*1 нрзб.; в публикации 1962 г.*: путной; *в публикации 1994 г.*: чумной>... Нет, чтоб полечить и меня... чтоб заставить быть также *очень веселым!* Диплом ему, диплом – на звание Доктора!.. Что перед ним Дядьковский с братией?»[1].

Запись Надеждина связана с письмом С. Т. Аксакова от 26 марта 1835 г., в котором тот сообщал Надеждину о здоровье Е. В. Сухово-Кобылиной – тогдашней ученицы и избранницы адресата, родители которой были против брака дочери с Надеждиным. «У *них* теперь *все* здоровы, и *больные* выходят; читали Гоголя и, говорят, – были *очень веселы...*» – писал Аксаков[2]. Получив это письмо, Надеждин 30 марта 1835 г. записал в дневнике: «Я нашел на столе моем письмо из Москвы. У меня билось сердце, но что-то тайное удерживало читать его. Я прочел наконец... Ничего, ничего – молчание (реплика Поприщина из повести Гоголя “Записки сумасшедшего”. – *И. В.*). Фи! какой вздор! Ну что ж! Я очень счастлив. Ведь я желал веселья... Так что ж – ну! *Очень веселы*... Того и было надобно!.. Ну! Ну! Ничего, ничего – молчание! ха! ха! ха! Слава Богу! А я здесь все сокрушался, все горевал... экой я дурак! Ничего, ничего – молчание! Да что ж я пишу? О, бессмысленный! <...> Ничего, ничего – молчание!..»[3] На следующий день, 31 марта, Надеждин пришел к выводу, что его не любят; в дневнике он записывает: ему «все стало <...> ясно: “тайной не дорожат”; “неизвестность” для *нее* не “мучительна” – “все телесные и душевные болезни” прошли: помог “всемогущий врач” Гоголь! В результате пережитого – “усталость”; злой рок “сыграл” человеческими “намерениями”; “надо упиться допьяна из реки забвения”, поспешить к министру и “от сердца” благодарить его за отставку»[4].

[1] *Свод.* Т. 3. С. 136.
[2] *Козмин Н. К.* Николай Иванович Надеждин: Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912. С. 488; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 136.
[3] Там же.
[4] Там же.

АПРЕЛЯ 1. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 74 газеты «Северная Пчела», где Ф. В. Булгарин дал негативную оценку[1] «ученым статьям» Гоголя в «Арабесках»:

«И чего тут нет? и повести, и мысли об Истории и Географии, и рассуждения о Средних Веках, о Брюл<л>ове и Пушкине, об Архитектуре и Живописи, о Скульптуре и Музыке. Автор, по-видимому, обладает обширными сведениями: он толкует обо всем, решительно и смело, но, к сожалению, не всегда впопад. Часто он делает жестокие промахи против общих даже понятий о Науках и Искусствах, против Логики и истины, и почти всегда против языка и вкуса»[2].

[1] См. также ***1835. Февраля 28. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] <*Булгарин Ф. В.*> Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя. С. П. б., в тип. вдовы Плюшар с сыном. 1835... // Северная Пчела. 1835. 1 апр. № 73 (ценз. разр. 30 марта; цензор В. Семенов). С. 289.

АПРЕЛЯ 3. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Адъюнкт Николай Гоголь» подает прошение ректору Императорского Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову о предоставлении ему отпуска на четыре месяца:

«Во всё течение прошедшего и нынешнего года я находил себя весьма расстроенным в здоровьи. Врачи советуют употребить мне как единственное средство для восстановления оного Кавказские минеральные воды в нынешний курс, начинающийся с мая месяца и оканчивающийся августом. Почему я покорнейше прошу вашего превосходительства исходатайствовать мне от высшего начальства отпуск на четыре месяца, начиная с последних чисел сего апреля, по первое число сентября. Должность моя ничего от этого не потерпит, потому что в мае месяце остаются только репетиции и лекции окончены мной в апреле, июнь остается для экзамена, июль же и половина августа составляют время каникулярное».

На подлиннике прошения имеется резолюция (без подписи): «Просить разрешения высшего начальства, по тому уважению, что совет не имеет права давать отпуск на срок превышающий 28 дней. Между тем поручить г-ну ректору <А. А. Дегурову> и декану историко-фил<ологического> факультета <И. П. Шульгину> удостовериться на следующей неделе в познаниях студентов по части средней истории для соображения при переводе их в следующий курс»[1].

По словам Н. И. Иваницкого, Гоголь уже тогда задумал «оставить университет»[2].

[1] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 501. – См. также ***1835. Апреля 17. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Апреля 25. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 7. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 12. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку пространное ответное[1] письмо:

«Хлопотал о порученности вашей перезаложить в ломбард имение[2]. <...> ...Покаместь я получу от вас <...> доверенность, покаместь вы получите позволение из опеки на заложку имений малолетних моих сестер <...>, может пройти по крайней мере полтора месяца; а между тем через три недели, если не раньше, я выезжаю из Петербурга[3]. Во-вторых, <...> перезакладывать имения, заложенного на 12 лет, нельзя до совершенной уплаты долга. Имения по новому уставу не на двадцать четыре, а на 26 лет и на 36 закладываются. <...> Подумали ли вы хорошенько об том, что вам нужно будет от тех пор взносить каждый год почти 2500 рублей в ломбард? <...> До чего наконец возрастут долги наши? Я ужаснулся, когда прочитал в письме вашем 32 тысячи. <...> Вы хотите уплатить все частные долги ваши, сделавши казенный, и остаток употребить на всё: и на устройство хозяйства и на винокурню, и даже мне на печатанье книг (в чем я вовсе не нуждаюсь). Но разочли вы хорошенько количество получаемых денег? Ведь вы получите только (полагая по 250 р<ублей> на душу) 32500. Итак вы пятью стами рублей хотите устроить всё и даже мне выслать! Теперь рассмотрите: большая часть долга вашего следует Андрею Андреевичу[4]. Вы процентов ему не платите, а в казенной вы должны платить проценты. <...> ...Если вы хотите закладывать, то заложите по крайней мере половину так, как было прежде, и получите 18 т<ысяч>. <...> Вы вспомните, как я вам отсоветывывал заводить фабрику кож. Я не отвергал полезности, но разве я не вооружался против этих подрядов и шивки сапогов и разных сложных вещей, которые можно предпринимать тогда только, когда твердое основание положится. Я удивлялся, как вы не видели, что денег вначале больших вовсе не нужно. Я видел, что всё предприятие было до крайности детское. Я не хотел итти явно наперекор и вооружать против себя, но я из Петербурга писал к вам и, чтобы придать более весу словам моим, говорил, что советовался с опытными мастерами[5], между тем как это было просто мое мнение. <...> Я знаю, что ваша вся жизнь была в заботах, что вы вечно должны были бороться с критическими обстоятельствами. От этого не мудрено, что душа ваша ищет успокоения в мечте и что вы любите предаваться ей как верному своему другу и не мудрено, что она вас завлекает иногда. <...> О делах хозяйственных, о средствах к уплате долгов и о прочем поговорим, когда увидимся. Я намерен не шутя приняться за хозяйство[6], и грех на моей душе лежит, что я не сделал этого прежде... <...>

Теперь поговорим о не так важных пунктах вашего письма. Вы слишком предаетесь вашим мечтаниям. Вы, говоря о моих сочинениях, называете меня гением. Как бы это ни было, но это [чрезвычайно смешно] очень странно. <...> ...Не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. Вы в большом заблуждении. Вы воображаете, что умный человек непременно должен судить о литературе и понимать ее — ничуть не бывало. Я знаю очень много умных людей, которые вовсе не обращают внимания на литературу, и тем не менее я их уважаю. Литература вовсе не есть следствие ума, а следствие чувства, — таким самым образом, как и музыка, как и живопись. У меня, например, нет [сочувствия] уха к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною никто не смеется. <...> Вот вы, например, приписали мне сочинения такого автора[7], которым гнушается истинный вкус, автора, который ничего решительно не имеет общего со мною, которым только на хуторах восхищаются и который пользуется презрением даже от не совсем постигающих читателей, а вы его приписали мне, и когда я уверял вас в моем письме, клялся, — вы упрямо стояли на своем. <...> Вас обмануло то, что вам точно дано чувство и вкус вообще и что вам показались понятными и хорошими некоторые места, и вы положили, что можете разобрать и осудить строго творение. Но знаете ли вы, что именно те места, которые вам незаметны, те-то и есть, может быть, истинно достойные и что, может быть, вы видите только сотую долю того, что другой видит или должен бы видеть всё. <...> Я сам, преданный и погрязнувший в этом ремесле, я сам никогда не смею быть так дерзок, чтобы сказать, что я могу судить и совершенно понимать такое-то произведение. Нет, может быть, я только десятую долю понимаю. <...> Посылаю вам в завершение мои повести, довольно давние, которые впрочем недавно вышли из печати[8].

Посылаю вам несколько огородных семян. Поспешите их приказать посеять, только место нужно выбрать хорошее и поливать пред восхождением солнца и по захождении. Сестры[9] посылают племянникам[10] конфект. Не знаю, буду ли я еще к вам писать, или, может быть, уже не удастся – разве из Москвы напишу. <...> Обнимаю сестер[11] и племянников, Павла Осиповича[12] и Катерину Ивановну[13] вместе с моею кузиною[14]...»

[1] См. ***1835. Марта 24. Воскресенье. Васильевка.***
[2] См. также ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***
[3] См. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] Трощинскому.
[5] См. ***1833. Мая 2. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1835. Мая вторая половина, после 17. Васильевка***; ***1835. Июня 1. Суббота. Васильевка.***
[7] Имеется в виду О. И. Сенковский (см. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***).
[8] Речь идет о сборнике «Миргород».
[9] Анна и Елисавета.
[10] Н. П. и И. П. Трушковским.
[11] Марию и Ольгу.
[12] Трушковского.
[13] Ходаревскую.
[14] М. Н. Ходаревской.

АПРЕЛЯ 12. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 15 газеты «Молва», в которой В. Г. Белинский, откликаясь на выход в свет «Арабесок» и «Миргорода», отмечал, что новые произведения Гоголя «принадлежат к числу самых необыкновенных явлений в нашей литературе и вполне заслуживают те похвалы, которыми осыпает их восхищенная публика».

АПРЕЛЯ 17. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к М. П. Погодину в Москву справляется об отправленной ему месяц назад[1] повести «Нос»:

«...Что делается с носом! Я его послал как следует, зашитого в клеенку, с адресом в Московский университет. <...> Через две недели буду в Москве»[2].

В тот же день, 17 апреля 1835 г., совет Петербургского университета обратился к попечителю учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову с отношением о предоставлении Гоголю четырехмесячного отпуска[3]. К этому отношению было приложено прошение Гоголя от 3 апреля 1835 г.[4]

[1] См. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1835. Марта 23. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Мая 1 – мая не позднее 10. Москва.***
[3] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 501.
[4] См. ***1835. Апреля 3. Великая среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 18 – АПРЕЛЯ 22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издатель «Журнала Общеполезных Сведений» (1833–1834) Н. И. Тарасенко-Отрешков[1] в прошении о разрешении научно-популярного энциклопедического издания в 40 томов сообщает, что, помимо «особ, объявивших согласие участвовать трудами в составлении Всеобщей энциклопедии наук», «предполагается, что и нижепоименованные лица примут участие», – и далее, в списке этих лиц, называет имя Гоголя: «Г<-н> Гоголь – <по> Всеобщей и Российской Истории» (издание не состоялось).

<Дело Санкт-Петербургского цензурного комитета от 18 января – 22 апреля 1835 г. об отказе Н. И. Тарасенко-Отрешкову в разрешении издания «Всеобщей Энциклопедии наук» в 40 т.> // *Свод*. Т. 1. С. 783.

[1] См. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка.***

АПРЕЛЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На основании рапорта инспектора студентов, попечитель Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков в специальном отношении за № 992 от 22 апреля 1835 г. сделал запрос ректору университета А. А. Дегурову о причинах неявки в университет по одному разу профессоров историко-филологического факультета И. Я. Соколова и А. Л. Крылова, адъюнкта Н. В. Гоголя-Яновского[1] и лектора С. А. Варранда (Варенда)[2].

Замечание попечителя, вероятно, явилось одной из причин последовавшего увольнения Гоголя из университета (упоминаемого здесь И. Я. Соколова Дондуков-Корсаков тоже предполагал сократить, однако оставил его в университете)[3].

[1] См. ***1835. Апреля между 23 и 25. Санкт-Петербург.***
[2] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 494.
[3] См. ***1835. Августа 16. Пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, НЕ ПОЗДНЕЕ 23. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь обращается к секретарю Совета Императорского Человеколюбивого Общества Г. А. фон Шверину с просьбой ходатайствовать у Н. М. Лонгинова о предоставлении ему отпуска:

«Две недели собираюсь к вам, но болезнь пригвоздила меня к четырем стенам моей квартиры... <...> Я еду на Кавказ[1]. Николай Михайлович <Лонгинов> сказал мне: отпуск выдается, когда я получу увольнение из университета. Попечитель[2] мне сказал, что он разрешает отъезд мой, но отпуска я не могу получить раньше, покамест не пройдет все это канцелярским порядком, что будет в четверг <25 апреля 1835 г.>[3], а между тем я в пятницу <26 апреля 1835 г.>[4] еду, потому что товарищ[5], едущий со мною, не может ждать, да и мне тоже нельзя уже больше откладывать. Итак, я покорнейше прошу вас, приняв в уважение подобное обстоятельство, изъяснить Николаю Михайловичу[6] мою надобность...»

[1] Летом 1835 г. Гоголь побывал в Васильевке и в Крыму.

[2] Князь М. А. Дондуков-Корсаков.
[3] См. ***1835. Апреля 25. Четверг. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***
[5] А. С. Данилевский (см. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург***).
[6] См. ***1835. Апреля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 23. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института Л. Ф. Вистенгаузен направляет статс-секретарю Императрицы Н. М. Лонгинову отношение о предоставлении Гоголю отпуска:

«Учитель Патриотического института Гоголь-Яновский просит об увольнении его в отпуск по болезненному состоянию, в Кавказскую губернию, на четыре месяца»[1].

В тот же день рукою Н. М. Лонгинова на ходатайстве Л. Ф. Вистенгаузен написана резолюция Императрицы Александры Феодоровны: «Высочайше повелено уволить»[2].

[1] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 741.
[2] Там же.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 23 И 25. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к ректору Санкт-Петербургского университета А. А. Дегурову объясняет причины своей неявки на лекцию:

«Вследствие запроса его сиятельства г-на попечителя <князя М. А. Дондукова-Корсакова>[1] о причине небытности моей на лекции, имею честь донести Вашему Превосходительству, что причиною этому была болезнь моя, а во вторых и желание дать студентам сколько-нибудь времени подготовиться к имеющемуся быть испытанию. О чем я заблаговременно их уведомил.

Я был у декана историко-филологического факультета[2] и изъяснился насчет часов. Он теперь отстранил неудобства, препятствовавшие ему быть, и может присутствовать лично от 2 до 4-х в пятницу <26 апреля 1835 г.>»[3].

[1] См. ***1835. Апреля 22. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] И. П. Шульгин.
[3] См. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 24. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Согласно отношению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа князя М. А. Дондукова-Корсакова от 3 мая 1835 г. (в ответ на ходатайство совета Санкт-Петербургского университета от 17 апреля 1835 г.)[1], «г. Министр народного просвещения <С. С. Уваров>, предложением своим от 24 того же апреля, изъявил свое согласие на увольнение адъюнкта здешнего университета Гоголя, в отпуск на четыре месяца, к Кавказским Минеральным водам, для поправления его здоровья»[2].

В тот же день в «Литературных Прибавлениях к “Русскому Инвалиду”» (№ 33) была напечатана заметка некоего *А. в. м. л.* из Дерпта «Мои коммеражи о соч. Н. В. Гоголя “Миргород”». Критик отмечал «простоту» и «отсутствие светскости» в повестях Гоголя, противопоставляя их повестям О. И. Сенковского; выделял «Тараса Бульбу» из повестей «Миргорода»; подчеркивал объективность Гоголя в изображении характеров запорожцев и указывал на значение фигуры главного героя:

«В числе повестей “Миргорода” особенно достойна внимания: “Тарас Бульба”, в которой яркими чертами изображен характер запорожцев в XVI столетии. <...> Настало то время, когда люди уже не так строги к недостаткам ближнего <...> а сожалеют о них. Характер запорожцев <...> несмотря на его зверство, дикость — имел много великого, патриархального. <...> Много поэзии в положении общества людей буйных, разгульных, энтузиастов — между тем робко повинующихся одному человеку — атаману! Но каков же должен быть этот атаман: *Карл Моор! Ермак!*»

[1] См. ***1835. Апреля 17. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 501.

АПРЕЛЯ 25. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает отпуск из Санкт-Петербургского университета на четыре месяца[1], с 24 апреля 1835 по 25 августа 1835 г.[2] (Гоголь вернулся в Петербург 31 августа 1835 г.[3]).

[1] См. ***1835. Апреля вторая половина, не позднее 23. Санкт-Петербург***; ***1835. Апреля 24. Среда. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 26. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Обнародован указ от 20 марта 1835 г. «О малороссийских чинах, дающих право на действительное или потомственное дворянство»[1].

В этот день Гоголь, возможно, после экзамена в университете (с 14.00 до 16.00 часов), на котором присутствовал декан историко-филологического университета И. П. Шульгин[2], выехал с А. С. Данилевским на родину. Вероятно, их провожали Н. Я. Прокопович, П. В. Анненков и др.[3] Слугу Якима Нимченко с женой Матреной Гоголь оставил тогда в Петербурге[4].

Из «Воспоминаний о Гоголе» Анненкова (1857): «Сохраняя практический оттенок во всех обстоятельствах жизни, Гоголь простер свою предусмотрительность до того, что раз, отъезжая по делам в Москву[5], сам расчертил пол своей квартиры на клетки, купил красок и, спасая Якима от вредной праздности, заставил его изобразить довольно затейливый паркет на полу во время своего отсутствия»[6].

В. И. Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «В 1835 году <...> он <Гоголь> вместе с Данилевским ездил домой в Малороссию»[7].

Как отметил в 1897 г. В. И. Шенрок, описание выезда Чичикова из губернского города NN во второй главе первого тома «Мертвых душ» (начатых осенью 1835 г.)[8] почти дословно совпадает с начальными строками черновой редакции статьи «Петербургские записки 1836 года», в основу которой были положены путевые записки Гоголя, сделанные при выезде из Петербурга весной 1835 г.[9]: «Эх, куда забросило русскую столицу! В Чухну, на край света, [сказал я, оборотив<шись>] назад, когда низенький и ровный Петербург утонул и пошли писать по обеим сторонам дороги кочки, обгорелые пни сосен, молодой ельник, торчавший как попало по какому-то серо-зеленому грунту. <...> Бог с ними, с этими видами! На Руси их так много, что уж даже слишком». Ср. в первоначальной редакции первого тома поэмы: «Едва только выехал он за город, как пошла писать по нашему русскому обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор. <...> На все это Чичиков не глядел вовсе <...> потому что таких видов на Руси не наберешься...»[10]

Вероятно, город NN, имеющий, несомненно, собирательный характер – однако расположенный, согласно разговору «русских мужиков» у кабака в первой главе первого тома «Мертвых душ», ближе к Москве, но дальше от Казани, – вобрал в себя немало петербургских впечатлений Гоголя[11].

[1] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1836. Т. 10. Отд. 1. С. 254–255.

[2] См. ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург*** (свидетельство Н. И. Иваницкого); ***1835. Апреля между 23 и 25. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава.***

[4] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава.***

[5] Имеется в виду поездка Гоголя на родину, через Москву.

[6] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 433–434.

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 502.

[8] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[9] См. также ***1832. Июня около понедельника 27. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] *Шенрок В. И.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 7. С. 487.

[11] См.: *Виноградов И. А.* Художник-христианин. Об изучении творчества Н. В. Гоголя // Филология и школа. Труды всероссийских научно-практических конференций «Филология и школа». М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 279.

АПРЕЛЯ 26. ПЯТНИЦА. МИРГОРОД

Ревизской комиссией Миргородского уезда приняты от М. И. Гоголь ревизские сказки «о людях селения Васильевки: дворовых мужеска пола 5 и женска 2, и крестьян мужеска пола 193 и женска 184, всего обоего пола о 384-х душах».

Назаревский. С. 334. – См. также ***1838. В течение года. Миргород.***

МАЯ 1 – МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 10. МОСКВА

Гоголь с А. С. Данилевским проездом в Москве. В первые дни навещает М. П. Погодина, узнает у него о судьбе «повести в стихах» Н. Я. Прокоповича «Своя семья»[1]; заезжает в Большой театр в ложу к Аксаковым. Возможно, знакомится в этот период с С. П. Шевыревым и узнает его отрицательное мнение о своей повести «Нос»[2] (рукопись повести остается, однако, по-прежнему у Погодина[3]); читает вторую мартовскую книжку «Московского Наблюдателя», где напечатано «Письмо из Петербурга» Погодина[4] и статья Шевырева о «Миргороде». Кроме того, после общения с Погодиным Гоголь, вероятно, отправил из Москвы в Петербург распоряжение о пересылке Погодину для продажи 90 экземпляров «Миргорода»[5].

С. Т. Аксаков вспоминал: «В 1835 году мы жили на Сенном рынке, в доме Штюрмера. Гоголь между тем успел уже выдать "Миргород" и "Арабески". Великий талант его оказался в полной силе. Свежи, прелестны, благоуханны, художественны были рассказы в "Диканьке", но в "Старосветских помещиках", в "Тарасе Бульбе" уже являлся великий художник с глубоким и важным значением. Мы с Константином, моя семья и все люди, способные чувствовать искусство, были в полном восторге от Гоголя. Надобно сказать правду, что кроме присяжных любителей литературы во всех слоях общества, молодые люди лучше и скорее оценили Гоголя. Московские студенты все пришли от него в восхищение и первые распространили в Москве громкую молву о новом великом таланте.

В один вечер сидели мы в ложе Большого театра; вдруг растворилась дверь, вошел Гоголь и с веселым дружеским видом, какого мы никогда не видели, протянул мне руку с словами: "Здравствуйте!" Нечего говорить, как мы были изумлены и обрадованы. Константин, едва ли не более всех понимавший значение Гоголя, забыл, где он, и громко закричал, что обратило внимание соседних лож. Это было во время антракта. [Константин побежал в кресла и сказал там покойному Станкевичу[6]] Вслед за Гоголем вошел к нам в ложу Александр Павлович Ефремов[7], и Константин шепнул ему на ухо: "Знаешь ли кто у нас? Это Гоголь". Ефремов, выпуча глаза также от изумления и радости, побежал в кресла и сообщил эту новость покойному Станкевичу и еще кому-то из наших знакомых. В одну минуту несколько трубок и биноклей обратились на нашу ложу, и слова "Гоголь, Гоголь" разнеслись по креслам. Не знаю, заметил ли он это движение, только, сказав несколько слов, что он опять в Москве на короткое время, Гоголь уехал.

Несмотря на краткость свидания, мы все заметили, что, в отношении к нам Гоголь совершенно сделался другим человеком, между тем как не было никаких причин, которые во время его отсутствия могли бы нас сблизить. Самый приход его в ложу показывал уже уверенность, что мы ему обрадуемся. Мы радовались и удивлялись такой перемене. Впоследствии, из разговоров с Погодиным, я заключил (то же думаю и теперь), что его рассказы об нас, о нашем высоком мнении о таланте Гоголя, о нашей горячей любви к его произведениям, рассказы, которыми он вскормил Гоголя при первом свидании, произвели это обращение. После таких разговоров с Погодиным Гоголь немедленно поехал к нам, не застал нас дома, узнал, что мы в театре, и явился в нашу ложу»[8].

[1] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава.***

[2] См. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1836. Октября 21 <ноября 2>. Среда. Москва.*** См. также: *Мордовченко Н. И.* Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 118.

[3] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

[5] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[6] Николай Владимирович Станкевич (1813–1840), писатель.

[7] А. П. Ефремов (1815–1876), товарищ К. С. Аксакова по Московскому университету; доктор философии, преподаватель географии в Московском университете.

[8] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 666–667.

МАЯ 4. СУББОТА. МОСКВА

Гоголь у М. П. Погодина читает комедию «Женихи» («Женитьба»).

Е. А. Боратынский 3 или 4 мая 1835 г. писал М. П. Погодину: «К крайнему моему сожалению почтенный Михаил Петрович, должен я изменить данному слову и лишиться великого удовольствия быть у вас; знаю, что я пропускаю случай познакомиться с новым произведением нашего веселого и глубокого Гоголя, и несказанно сетую на встретившееся препятствие. Препровождаю вам ответ Д. В. Давыдова, который не менее меня сожалеет о невозможности сегодня воспользоваться вашим приглашением»[1].

Давыдов в упомянутом письме к Боратынскому также писал: «Можешь вообразить, любезный

друг Евгений Абрамович, с каким удовольствием я воспользовался бы приятным приглашением Михайла Петровича Погодина, – но у меня хлопоты на счет торгуемой мною деревни, и я невольно должен предпочесть прозу и даже арифметику поэзии; досадно, но что делать»[2].

19 мая 1835 г. В. П. Андросов сообщал А. А. Краевскому: «...Недели с три[3] <...> Гоголь читал свою комедию "Женитьба"... <...> Уморил повеса всю честную компанию, которая собралась к Погодину. В нем, по моему мнению, дар малороссийский – передразнивание в высшей еще степени, нежели дар наблюдения. Я хотел было – или лучше мои сотрудники желали было приобрести комедию для журнала[4], но он не согласился, хочет дать на сцену»[5].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголь вез с собою в Петербург <из Петербурга> комедию, всем известную теперь под именем "Женитьба"; тогда называлась она "Женихи". Он сам вызвался прочесть ее вслух в доме у Погодина для всех знакомых хозяина[6]. Погодин воспользовался этим позволением и назвал столько гостей, что довольно большая комната была буквально набита битком. И какая досада, я захворал и не мог слышать этого чудного, единственного чтения! К тому же это случилось в субботу, в мой день[7], а мои гости не были приглашены на чтение к Погодину. [И <*фамилия нрзб.*> надеялся услы<шать>] Разумеется, Константин мой был там. Гоголь до того мастерски читал или, лучше сказать, играл свою пиесу, что многие, понимающие это дело люди, до сих пор говорят, что на сцене, несмотря на хорошую игру актеров, особенно господина Садовского в роли Подколесина, эта комедия не так полна, цельна и далеко не так смешна, как в чтении самого автора. Я совершенно разделяю это мнение, потому что впоследствии хорошо узнал неподражаемое искусство Гоголя в чтении всего комического. Слушатели до того смеялись, что некоторым сделалось почти дурно; но, увы, комедия не была понята! Большая часть говорила, что пиеса [вздор] неестественный фарс, но что Гоголь ужасно смешно читает»[8].

В своих мемуарах «Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году» (1865) Погодин сообщал: «Читал Гоголь так, скажу здесь кстати, как едва ли кто может читать. Это было верх удивительного совершенства. Прекрасно некоторые вещи читал Шевырев, прекрасно читают другие комические вещи Садовский, Писемский, Островский; но Гоголю все они должны уступить. Скажу даже вот что: как ни отлично разыгрывались его комедии или, вернее сказать, как ни передавались превосходно иногда некоторые их роли, но впечатления никогда не производили они на меня такого, как в его чтении. Читал он однажды у меня, в большом собрании, свою "Женитьбу", в 1834 или 35 году[9]. Когда дошло дело до любовного объяснения у жениха с невестою – "в которой церкви вы были в прошлое воскресенье? какой цветок больше любите?" – прерываемого троекратным молчанием, он так выражал это молчание, так оно показывалось на его лице и в глазах, что все слушатели a' la lettre покатывались со смеху, и долго не могли прийти в себя, а он, как ни в чем не бывало[10], молчал и поводил только глазами»[11].

[1] Гоголь в письмах Е. А. и А. Л. Боратынских // *Свод.* Т. 1. С. 752.

[2] *Свод.* Т. 1. С. 755.

[3] 4 мая 1835 г. (см.: *Мордовченко Н. И.* Гоголь и журналистика 1835–1836 гг. // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 118).

[4] «Московский Наблюдатель», редактором которого был с 1835 по 1837 г. В. П. Андросов.

[5] Гоголь в письмах В. П. Андросова // *Свод.* Т. 1. С. 809.

[6] В 1835 г. в Москве у М. П. Погодина Гоголь читал «Женихов» не на возвратном пути в Петербург в конце августа, а ранее, 4 мая, – по пути из Петербурга на родину.

[7] В день литературных вечеров у Аксакова.

[8] «Впоследствии, много лет спустя, С<ергей> Т<имофеевич> сам ставил эту пиесу, по просьбе Гоголя, на Московской сцене. *Ред.*» (примеч. И. С. Аксакова 1880 г.) (*Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 667).

[9] В феврале 1851 г. Погодин также сообщал: «Мы помним <...> вечер, когда Гоголь, только что явившийся на поприще, в 1834 или 1835 году, читал <...> своих Женихов, и уморил почти со смеху всех слушателей удивительным, неподражаемым своим чтением. Мы помним, что произвело одно его молчание между женихом и не-

вестою, после односложных вопросов и ответов о любимом цвете и прогулках» (<*Погодин М. П.*> Современные известия. Московские // Москвитянин. 1851. № 4. Февраль. Кн. 2. С. 244–245; *Свод.* Т. 2. С. 502).

[10] В публикации: «не бывалый».

[11] *Погодин М. П.* Отрывок из записки о пребывании в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 году // *Свод.* Т. 2. С. 467–468.

МАЯ ПОСЛЕ 4 – НЕ ПОЗДНЕЕ 10. МОСКВА

Знакомство Гоголя с В. Г. Белинским, который был в числе гостей на обеде у С. Т. Аксакова, где Гоголь собирался прочесть (но не прочел) комедию «Женихи». Возможно, Аксаков рассказал тогда Гоголю содержание комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе»[1].

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), критик, публицист. После знакомства с Гоголем у Аксаковых в мае 1835 г. долгое время искал сближения с Гоголем, однако писатель предпочитал общество славянофилов – Аксаковых, А. С. Хомякова, Н. М. Языкова, С. П. Шевырева, М. П. Погодина.

Критические выступления Белинского сыграли в судьбе Гоголя негативную роль[2]. По словам приятеля Белинского И. И. Панаева, «когда впоследствии Белинский начал разъяснять великое общественное значение произведений Гоголя, Гоголь пришел в ужас от этих разъяснений и объявил, что вовсе не имел в виду того, что приписывают ему *некоторые* критики»[3]. Особое влияние в обществе получило известное «зальцбруннское» письмо Белинского 1847 г. С одной стороны, авторитету Гоголя как писателя этим бесцензурным посланием, имевшим широкое хождение в списках, был нанесен определенный урон. И. С. Аксаков 16 мая 1849 г., в частности, сообщал А. О. Смирновой из Москвы: «Оттого ли, что время безусловного поклонения искусству прошло, оттого ли, что у всех в памяти его последняя книга, не знаю; но только Гоголь не только не играет никакой роли в здешнем обществе, но даже весьма небрежно трактуется им»[4]. С другой стороны, вследствие негативной атмосферы, созданной вокруг гоголевского наследия зальцбруннским письмом Белинского, настороженное отношение к сочинениям Гоголя складывалось в цензуре[5]. Жена И. И. Панаева (с 1839 г.) Авдотья Яковлевна (во втором браке (с 1865 г.) Головачева), в 1889 г. вспоминала: «Смерть Белинского[6], может быть, избавила его от больших неприятностей. Только по удостоверению его доктора Тильмана[7], что дни больного сочтены, Белинского оставили в покое. Носились слухи, что ему грозила высылка из Петербурга и запрещение писать»[8].

Негативное влияние оказали статьи Белинского о Гоголе на общественное сознание. На долгие десятилетия определяющим для читателей стало восприятие творчества Гоголя главным образом сквозь призму критики Белинского, причем для представителей самых противоположных партий. В частности, восприятием не столько собственно гоголевских произведений, сколько их радикальных интерпретаций объясняется противоречивое отношение к наследию Гоголя К. Н. Леонтьева, В. В. Розанова, а также некоторых духовных лиц[9]. В силу внелитературных причин в публицистике и ученых статьях о Гоголе уже со второй половины XIX в. творчество писателя, вслед за Белинским, делилось на две части. С одной стороны, гоголевские произведения, прежде всего «Ревизор» и «Мертвые души», истолковывались как прямая политическая сатира, направленная на свержение самодержавия, с другой – утверждалось мнение, будто вследствие изменившегося у писателя в конце жизни мировоззрения он вступил в противоречие со своим гением.

Мнение о гоголевских произведениях, прежде всего «Ревизоре» и «Мертвых душах», как служащих к разрушению традиционных основ русской жизни основывалось не столько на собственном содержании сочинений Гоголя, сколько на их произвольных интерпретациях радикальными критиками, начиная с Белинского. Именно против интерпретаций Белинского Гоголь публично выступил в 1847 г., издав книгу «Выбранные места из переписки с друзьями»[10]. В 1847 г. в неотправленном письме к критику Гоголь также писал: «...Как ни рассмотрю все прежние сочинения мои, вижу, что они не могли соблазнить вас. Как ни смотреть на них, в <них нет лжи некоторых> современных произведений. <...> Когда я писал их, я благоговел п<ред тем, пред> чем человек должен благо<го>веть. Насмешк<а> и нелюбовь слышалась у меня не над Властью, не над коренными законами нашего Государства, но над извращеньем, над уклоненьями, над неправильными толкованьями, над дурным <приложением>, над струпом, который накопился... <...> Нигде не было у меня насмешки <над тем>, что составляет основанье Рус<с>кого характера и его великие силы. <...> Моя ошибка в том, что я мало обнаружил Рус<с>кого человека, я не развергнул его, не обнажил до тех великих родников, которые хранятся в его душе. Но это нелегкое дело».

Использование гоголевских сочинений в разрушительном революционном процессе берет свое начало не в авторском замысле, но объясняется их злоупотреблением. Христианская мысль о воскрешении «мертвых

душ», обращенная в гоголевских произведениях к каждому человеку лично, религиозный призыв к очищению нравов, восстановлению «узаконенного порядка» и «невидимая брань» с мистически реальным злом, превращалась под пером революционно-демократических критиков в прямую проповедь уничтожения и человеконенавистничества. При этом попытка Гоголя остановить такое, несовместимое с подлинной культурой, «употребление» его сочинений выдавалась, вопреки здравому смыслу, за умаление их «общественного звучания». Такую судьбу в руках распространителей противообщественных учений разделили в XIX–XX вв., вместе с гоголевскими произведениями, многие явления отечественной культуры, не исключая текстов Священного Писания. С последним явлением также был знаком Гоголь, о чем свидетельствует его замечание в неотправленном письме к Белинскому о «нынешних ком<м>унистах и социалистах, объясняющих, что Христос повелел отнимать имущества и грабить тех, которые нажили себе состояние». «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен», — замечал Гоголь.

Ф. М. Достоевский, близко знакомый с Белинским в начале своего литературного поприща, позднее, в письме к Н. Н. Страхову от 5 мая (н. ст.) 1871 г., замечал: «...Всякий чуть-чуть значительный и действительный талант <...> всегда кончал тем, что обращался к национальному чувству, становился народным, славянофильским. <...> ...Если же действительного таланта нет, то не только останется в выветревшемся слое, но еще экспатрируется, перейдет в католичество и проч. и проч. Смрадная букашка Белинский (которого Вы до сих пор еще цените) был немощен и бессилен талантишком, а потому и проклял Россию и принес ей сознательно столько вреда...»[11] С другой стороны, В. И. Ульянов (Ленин) в 1914 г. называл зальцбруннское письмо критика к Гоголю «одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати»[12].

Начало противостояния Гоголя и Белинского относится, вопреки распространенному мнению, не к 1847 г., а к гораздо более раннему периоду: оно обозначилось еще в 1835 г. — в самой первой статье критика о гоголевских произведениях — «О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород")»[13]. Главным в этом противостоянии был вопрос веры. В своем зальцбрунском письме Белинский заявлял: «...Смысл учения Христова открыт философским движением прошлого века. И вот почему какой-нибудь Вольтер <...> больше сын Христа, <...> нежели все ваши попы...» При этом Белинский добавлял: «...Русский народ — <...> это по натуре своей глубоко атеистический народ <...> в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем». Таким образом, выдавая себя за последователя «истинного христианства», Белинский тут же от Христа отрекался. Если же указать на свидетельство о Белинском Достоевского — как отзывался критик о христианстве в частных беседах — то его зальбруннское письмо к Гоголю можно назвать еще весьма сдержанным[14]. «Дивное явленье! — восклицал позднее о подобных метаморфозах святитель Игнатий (Брянчанинов), в связи с подобным же выступлением другого деятеля революционной демократии, А. И. Герцена, — ругатель Христа и враг Его принимается объяснять учение Христово»[15]. Сам Гоголь в неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа (н. ст.) 1847 г. обращался к критику: «Опомнитесь... <...> ...Уста ваши дышат желчью и ненавистью. <...> Вы сгорите, как свечка, и других сожжете. <...> ...Какое невежество блещет на всякой странице! <...> Волтера называете оказавшим услугу Христианству... <...> Как <...> получа легкое журнальное образование, судить о таких предметах. <...> ...Нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге...»

Своеобразие гоголевской позиции заключалось в том, что стремление спасти от искажения настоящий смысл своих произведений сочеталось у писателя при создании «Выбранных мест...» с ярко выраженными «примирительными» намерениями по отношению к своим «перетолкователям»-западникам, по слову Апостола: «...Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» (Рим. 9, 3). Это, разумеется, не означало согласия с их взглядами. Отношение Гоголя к западникам определялось его убеждением, что «обратить <...> грешника ко Господу» — это «настоящая милостыня, за которую <...> можно надеяться получения небесного блаженства»[16].

С самого начала знакомства отношение Гоголя к Белинскому носило сдержанный характер. Их первая встреча в мае 1835 г. сопровождалось «неприятным», по словам Аксакова, инцидентом. Присутствие на обеде Белинского, а также Н. В. Станкевича было неожиданностью для Гоголя, и, вероятно, поэтому писатель, незадолго перед тем читавший свою комедию «Женихи» у М. П. Погодина[17] и намеревавшийся познакомить с этой комедией Аксакова и его семейство, внезапно отказался от назначенного чтения. (Впоследствии Гоголь также избегал присутствия Белинского на своих чтениях[18].)

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Гоголь сожалел, что меня не было у Погодина; назначил день, в который хотел приехать к нам обедать и прочесть комедию мне и всему моему семейству. В назначенный день я пригласил к себе именно тех гостей, которым не удалось слышать комедию Гоголя. Между прочими гостями был<и> Станкевич и Белинский[19]. Гоголь очень опоздал к обеду, что впоследствии нередко с ним случалось. Мне было досадно, что гости мои так долго голодали, и в 5 часов я велел подавать кушать; но в самое это время увидели мы

Гоголя, который шел пешком через всю Сенную площадь к нашему дому. Но, увы, ожидания наши не сбылись: Гоголь сказал, что никак не может сегодня прочесть нам комедию, а потому и не принес ее с собой. Все это мне было неприятно и, вероятно, вследствие того и в этот приезд Гоголя в Москву не последовало такого сближения между нами, какого я желал, а в последнее время и надеялся»[20].

[1] См. ***1835. Августа после 18–19 – до 27. Кролевец, Курск (?), Орел, Тула, Москва***; ***1840. Марта 30. Суббота. Санкт-Петербург***.

[2] См.: *Виноградов И. А.* Гоголь и Белинский: К истории полемики // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 1999. Вып. 4. С. 50–73; *Виноградов 2000.* С. 347–369; *Виноградов И. А.* К истории создания и публикации духовной прозы Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 419–542; *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Ніжин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75; *Виноградов И. А.* Гоголь и Лермонтов как «собеседники» Белинского. («Услуги» критика и ответы Гоголя) // Творчество Гоголя и русская общественная мысль. Новосибирск, 2013. С. 262–271. – См. также ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[3] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // Свод. Т. 3. С. 285. – См. также ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим***.

[4] См. ***1849. Мая начало, до 9 числа. Москва***.

[5] См., в частности: ***1851. Июля между 12 и 15. Москва*** (примечания).

[6] См. ***1848. Мая 26. Среда. Санкт-Петербург***.

[7] Карл Андреевич (Karl Henrich) Тильман (1802–1875), главный врач Петропавловской больницы в Петербурге.

[8] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 289.

[9] См., в частности: *Свод.* Т. 3. С. 800–801.

[10] См.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь 2009–2010.* Т. 6. С. 419–445.

[11] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 207–208.

[12] *Ленин В. И.* Из прошлого рабочей печати в России // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1961. Т. 25. С. 94.

[13] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***; ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург***.

[14] См.: *Достоевский Ф. М.* – Страхову Н. Н. 18 (30) мая 1871. Дрезден // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 215; см. также письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину от 7 сентября 1841 г.: *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 483, 485.

[15] <Святитель *Игнатий* (Брянчанинов), епископ Кавказский и Черноморский>. Замечания на отзыв журнала «Колокол» к Кавказскому епископу Игнатию // Богословский Вестник. 1913. № 2. С. 201.

[16] Подробнее см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[17] См. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва***.

[18] См. ***1839. Октября 15. Воскресенье. Москва***; ***1839. Ноября после 3 – декабря не позднее 17. Санкт-Петербург***.

[19] На этом вечере В. Г. Белинский, вероятно, впервые увидел Гоголя.

[20] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 667.

МАЯ ОКОЛО 4. МОСКВА

Гоголь отправляет М. П. Погодину две записки[1]. В первой сообщает:

«Завтра в 3 часа к обеду нагрянет к тебе весь ученый мир, предводимый растением Редькою[2]. Означенное растение Редька нарочно присылал к тебе человека узнать квартиру твою, ибо мы с тобою, по свойственному одним нам благоразумию, забыли выставить место жительства».

Во второй записке к Погодину Гоголь пишет:

«А что же брюки? О Боже мой, Боже мой! Боже мой! Боже мой! что это такое делается с нами! Пожалуста, дай знать, когда мне можно тебя застать дома. Мне хотелось поговорить еще о многих вещах с тобою».

[1] Обе записки Гоголем не датированы. Датируются маем 1835 г. на том основании, что в августе того же года Погодина в Москве не было. 1 июля 1835 г. Погодин выехал из Москвы, через Петербург, за границу и вернулся домой, вместе с Д. М. Княжевичем, Н. И. Надеждиным и П. В. Киреевским, только к концу октября 1835 г. (см.: *Барсуков*. 1891. Кн. 4. С. 309, 312, 329; <*Погодин М. П.*> Погодин, Михаил Петрович... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 258). – См. также ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург***.
[2] Имеется в виду П. Г. Редкин.

МАЯ 9. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

Именины Гоголя. Возможно, Гоголь по традиции[1] проводит этот день в кругу школьных друзей – на этот раз с А. С. Данилевским и П. Г. Редкиным[2].

[1] См. ***1834. Мая 9. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург***.
[2] См. ***1835. Мая около 4. Москва***.

МАЯ ОКОЛО 9. МОСКВА

Накануне отъезда Гоголя и А. С. Данилевского из Москвы на родину Гоголь в доме М. П. Погодина еще раз встречается с С. Т. Аксаковым.

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Я виделся с ним еще один раз поутру у Погодина на самое короткое время и узнал, что Гоголь на другой день едет в Петербург <в Полтаву>»[1].

Позднее, 20 июля 1835 г., Гоголь сообщал М. А. Максимовичу из Полтавы: «О тебе я потерял совершенно все слухи. Не получая долго писем, я думал, что ты занят; к тому же на ухо шепнула мне лень моя, что нечего и тебе докучать письмами, и я решился лучше всего этого явиться к тебе вдруг в Киев[2]. Но вышло не так: ехавшему вместе со мною <А. С. Данилевскому> нужно было поспешать в срок и никак нельзя было делать заездов, и Киев был пропущен мимо».

[1] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 667.
[2] См. ***1835. Января 22. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 22. Пятница. Санкт-Петербург***.

МАЯ ОКОЛО 17 – ИЮНЬ; ИЮЛЯ НАЧАЛО – АВГУСТА ОКОЛО 11. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь в Васильевке. Навещает соседей. По совету полтавского доктора Кричевского[1] начинает принимать «теплые ванны и сарсепарель»[2].

Некоторые из полученных тогда на родине впечатлений, впоследствии нашли отражение в «Ревизоре» (1836) и в шестой («плюшкинской») главе первого тома «Мертвых душ» (1842) (оба произведения были начаты в Петербурге осенью 1835 г.[3]).

И. С. Аксаков, побывавший в Васильевке 2 июля 1854 г., сообщал родным в Москву (в письме из Ромен от 4 июля): «У них хорошо, хотя и нет особенно красивого местоположения. Довольно большой, тенистый, в английском вкусе сад, чрезвычайно запущенный, идет от дома к большому пруду, поросшему камышами, не слишком широкому, но длинному, с двумя или тремя заворотами:

это несколько прудов, соединенных вместе. В этом саду нет особенно замечательных деревьев, а из фруктовых одни вишни, которых бездна»[4].

П. А. Кулиш, посетивший Васильевку после И. С. Аксакова, в сентябре 1854 г., замечал: «В старом саду вам покажут небольшой грот, в темноте которого, в мой приезд, теплилась лампадка перед образом[5], и следы беседки, сорванной с основания бурею, через несколько дней после последнего отъезда Гоголя из Васильевки[6]. Но я заметил без указания один предмет, который оживил в моей памяти картину густого, заглохшего сада, написанную Гоголем, может быть, отчасти по домашним впечатлениям. То была надломанная ветром береза, которой ствол круглился среди осенней зелени, как белая колонна, чернея на небе своею косою оконечностью, похожею на сидящую птицу...»[7]

В. А. Чаговец в 1901 г. добавлял: «...Там же в саду есть любимая поэтом кленовая аллея, разросшиеся ветви которой, сплетаясь между собою, закрывают небо... При взгляде на широкие кленовые листья, вспоминается характерное сравнение, данное им нашим поэтом: лапы-листы... Вообще весь сад и парк, при приближении к нему со стороны Полтавы, представляет ту картину, которая так художественно набросана нашим поэтом в "Мертвых душах". Этот сад Плюшкина, "с трепетнолистными куполами", в особенности красив в осеннее время, когда природа в последний раз одевается в разноцветный пестрый наряд, поражая взоры своими чудными сочетаньями. <...> Что под впечатлением этого сада Гоголь описывает старый, заглохший и, вместе с тем, живописный в своем картинном запустении сад Плюшкина, можно убедиться из того, что многие еще помнят ту старую березу, лишенную верхушки, белый колоссальный ствол которой, по словам самого поэта, подымался из зеленой гущи, как правильная мраморная сверкающая колонна, которая составляла украшение Плюшкинского сада. Еще Кулиш видел эту березу...»[8];

«...Здесь над прудом стояли две березы, старые, толстые, с плакучими ветвями. Их белоснежные стволы были испещрены инициалами, именами и символическими знаками: несколько поколений из рода Гоголей, и отец, и мать, и сестры, и сам поэт в молодости — все вырезывали на ней имена, пронзенные стрелой сердца, кресты и т. п. Теперь их тоже нет, но поэт увековечил их в своих бессмертных произведениях. Всем памятен сад Плюшкина и эта сломленная бурею береза, белоснежный ствол которой, как белая мраморная колонна, блистал на солнце»[9].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Приезжая на родину, Гоголь, составивший уже литературную славу, посещал соседей. Однажды приезжает он к соседке Н. и застает там гостей. У Н. был один только семилетний сын, в котором мать, как говорится, души не слышала и давала ему полную свободу. Закуска была на столе и подают кофе, в это время входит сын хозяйки, бегавший с мальчиками по саду. "Чего же ты, душечка, хочешь?" — спрашивает мать. "Вареныкив хочу", — отвечает мальчик. — "Ах, как можно так говорить! Говори, душечка, по-русски!" А тот еще настойчивее: "Вареныкив хочу, дайте мини вареныкив". Мать сильно сконфузилась и не знала, что делать — давать ли сыну вареников, которые были в числе прочей закуски, или учить сына говорить по-русски. Видит Гоголь, слышит и говорит матери: "Зачем вы мешаете ему, пусть говорит он на своем родном наречии, придет время и всему прочему еще успеет научиться".

Богатый и пожилой помещик Т—о пригласил Гоголя к себе в гости. Гоголь обещал приехать и в назначенный день приехал. Надо заметить, что старик Т. сильно интересовался и самим Гоголем и литературными его произведениями, и потому желал и надеялся узнать что-нибудь новое и необыкновенное из творческой деятельности Гоголя. Гоголь знал это. Вот и начинает Т. вести речь о "материях важных", а Гоголь заводит речь о постройках; Т. — о заграничных и столичных дивах, а Гоголь — об урожаях и скотских падежах. Так провели они часа два: Т. старается выпытать, а Гоголь старается уклониться. "Скажите, пожалуйста, какая это дверь в гостинной?" — "Дубовая", — отвечает Т. — "Хорошая дверь. А это какая в кабинете?" — "Берестовая". — "Прекрасная". — "А вот в передней какая?" — "Ясеневая". — "Отличная дверь". Выходят на крыльцо, рядом с ним пристройка. "Это что у вас за пристройка?" — "Кладовая". — "Интересно видеть". Идут в кладовую. Видит здесь Гоголь разные хозяйственные вещи: полотна, пряжу, полсти, кожу, ремни и проч.[10] До всего дотрагивается, рассматривает и похваливает. Видит Т., что желаемого не допытается, понял

и замолчал. Гоголь простился, вышел на крыльцо, крикнул кучеру, тот подал лошадей, сел Гоголь в тарантас и был таков.

Гоголь был скрытен, не любил высказываться, не любил и любопытных. Он всегда уединялся. Богатый помещик А. В. К<апнист> также пригласил Гоголя к себе в гости в великолепное имение Обуховку. Случилось так, что к К<апнисту> съехалось много родных и соседей, душ тридцать, но наверное не знали, приедет или Гоголь в этот день или нет.

В три часа сели за стол, – вдруг входит лакей и говорит хозяину, что приехал Н. В. Гоголь, узнал, что много гостей, и хочет уезжать... К<апнист> вскочил из-за стола, бежит в переднюю и видит, что Гоголь стоит на крыльце и ожидает своих лошадей. Только с большим трудом удалось К<апнисту> уговорить Гоголя остаться. Остался Гоголь и сел за стол, за которым сидело тридцать человек дам, девиц и мужчин. Все гости притихли и ожидали слышать, что будет говорить Гоголь; но он также притих и не проронил ни одного словечка в продолжении всего обеда... После обеда все гости пошли в гостинную и надеялись здесь слышать Гоголя; но он, несмотря на убедительные просьбы хозяина остаться, простился с ним и уехал. <...>

Иногда Гоголь нанимал мужичьих лошадей, когда свои были заняты, и за тарантасом бежали один или два жеребенка»[11].

Племянник Гоголя В. Я. Головня в 1908 г. сообщал о своей матери, Ольге Васильевне (рожд. Гоголь): «В девять лет <в 1834 г.> ее начали обучать грамоте; но все усилия матери, старшей сестры Марии Васильевны и даже какого-то деревенского учителя оказались тщетными; девочка была настолько тупа, что никак не могла постигнуть тайны складов и арифметических действий; кроме того у нее совершенно не было памяти, и потому все заученное сегодня она совершенно забывала на следующий день. <...> В это время Николай Васильевич Гоголь <...> хотел забрать <в Патриотический институт> и Оленьку; но это оказалось совершенно невозможным.

– Куда ей, бедняжке, в институт? – убеждала Николая Васильевича Мария Ивановна, – ведь она калечка, а главное – совершенно неспособна к обучению, у нее нет памяти, и она настолько тупа, что никак не может постигнуть даже складов.

– Пустяки! – самоуверенно возражал Николай Васильевич, – это только доказывает, что ни вы, маменька, ни сестрица Машенька не умеете взяться за дело; чтобы это вам доказать, я сам возьмусь ее учить, и вы увидите, что в течение этих двух месяцев, которые проведу в деревне, я сумею подготовить ее к поступлению в институт.

Такая самоуверенность была вполне естественна у молодого писателя, находившегося на верху славы.

Ему тогда было только 26 лет, и несмотря на такой молодой возраст, он уже издал три тома своих сочинений[12], нашумевших на всю Россию; кроме того он подготовлял для постановки на петербургской сцене бессмертного "Ревизора". Величайшие русские писатели того времени, Жуковский, Языков и наконец великий Пушкин, были его друзьями, а осенью ему предстояло занять кафедру профессора истории в Петербургском университете.

Николай Васильевич энергично принялся за обучение своей сестренки... Но – увы! – несмотря на новейшие, в то время, педагогические приемы, несмотря на просьбы, убеждения, угрозы и даже наказания, дело не подвигалось вперед; Оленька никак не могла постигнуть всех тайн школьной премудрости, а о том, чтобы заучить что-нибудь наизусть, не могло быть и речи.

Таблица умножения оказалась вещью совершенно непреодолимой, и даже многие буквы долго оставались для нее совершенно непонятными. Бился над ней Гоголь и по утрам, и по вечерам, выходил из себя, сердился, чуть не плакал; но дело не подвигалось ни на шаг вперед. Наконец он вынужден был отказаться от принятой на себя непосильной задачи.

– Да, маменька, вы правы, – с грустью объявил он однажды Марии Ивановне, – Оленька действительно страшно тупа, и ее невозможно отдать в институт; что ж делать, придется дома обучить ее хоть чему-нибудь!

Этим решил он участь Ольги Васильевны, полагая, что все его труды по обучению Оленьки грамоте пропали даром.

Однако это по-видимому безрезультатное обучение имело решающее влияние на всю дальнейшую судьбу Ольги Васильевны.

Несмотря на строгость и даже подчас жестокость брата (он, например, иногда оставлял ее без обеда или без любимого блюда), девочка привязалась к нему всей душой и полюбила его той беспредельной, самоотверженной любовью, на какую способны только чистые, глубокие натуры. <...> Лучшие воспоминания детства у нее были неразрывно связаны с воспоминанием о возлюбленном брате. <...>

"Помню, — рассказывала она, — когда мне было еще лет 10, братец подарил мне стеклянное колечко, которое мне очень понравилось. Я надела его на палец и все любовались блеском его на солнце. Когда сели обедать, я по обыкновению поместилась подле братца, чтобы слышать его приятный голос, и мне захотелось снять колечко и надеть его на другой палец, но нечаянно я уронила его на тарелку; оно издало очень понравившийся мне звук; но, очевидно, этот звук братцу показался очень резким — он в это время вел серьезный разговор, кажется, с приехавшим в гости соседним помещиком Чернышем.

— Оленька, перестань! — сказал он, прерывая свою речь.

Я спрятала колечко, но через минуту мне страшно захотелось снова услышать приятный звон колечка, и я как бы нечаянно снова уронила его на тарелку.

— Оленька, я тебе говорю, перестань! — строго сказал братец.

Я спрятала колечко, но, когда убрали блюдо и передо мной снова очутилась чистая тарелка, я почувствовала непреодолимое желание снова услышать звон колечка — и снова пустила его на тарелку.

Братец молча взял у меня кольцо и спрятал его в карман.

Когда гости разъехались, я подошла к нему и робко попросила его:

— Братец, отдайте мне колечко.

— Не отдам, ты непослушная, — ответил братец с улыбкой, которая дала мне смелость повторить мою просьбу.

— Ну, поди возьми его в гостиной на окне, — сказал, улыбаясь, братец.

Я побежала в гостиную: там на окне действительно лежало мое колечко, но, когда я захотела его взять, оно рассыпалось на кусочки.

Я со слезами возвратилась к братцу и тихо-тихо сказала ему:

— Братец, зачем вы его разбили?

Ему, очевидно, сделалось жаль меня, и он пообещал мне купить другое, еще лучше. <...>

Когда по вечерам или по утрам повар приходил к маменьке спрашивать, что готовить на обед, я всегда старалась не пропустить этого момента, чтобы подсказать матери, какое пирожное, какой соус, какие вареники или галушечки любит братец, и маменька всегда удивлялась, как это я все так хорошо помню, а таблицы умножения никак не могу заучить.

Когда же мне удавалось пришить пуговицу к его сюртуку или жилету, то я чувствовала себя счастливою на целый день. Тогда братец был большим франтом: у него всегда в чемодане было несколько сюртуков, разных цветов, и целая коллекция жилетов, он, видно, очень любил разноцветные жилеты: каких только цветов и из каких только материй не было у него жилетов: и шелковые, и бархатные, и зеленые, и голубые, а однажды он привез с собою жилет из очень дорогой золотой парчи, которого, однако, почти никогда не надевал, а потом подарил его мне, и я из него сделала что-то для церкви. <...>

Обед у нас был всегда около часа, этого момента я поджидала с величайшим нетерпением, так как мне принадлежало великое для меня право приглашать его к обеду.

Я обыкновенно подкрадывалась к дверям его комнаты, тихонько приотворяла их и просовывала туда голову, чтобы заглянуть, что он делает; братец очень часто шутливо ударял меня пальцем или пером по моему длинному носу, а я, счастливая этим вниманием ко мне, произносила стереотипную фразу:

— Братец, маменька просит обедать.

А как я была счастлива, когда братец брал меня с собою, если ехал в гости или в лес "Стенку"... <...> ...К нам тогда чуть не каждый день наезжали соседи; всем хотелось поговорить, посмотреть на великого писателя, хотя многие очень боялись, чтобы он их не пропечатал. Братец со всеми шутил, разговаривал об их делах, о хозяйстве — но некоторых соседей, наоборот, не любил, и когда

они приезжали, он запирался во флигеле и целый день оттуда не выходил, несмотря на просьбы маменьки"»[13].

Сама Ольга Васильевна писала: «Когда мне минуло десять лет <в 1835 г.>, тогда брат приехал, чтобы меня взять в Петербург, но сестра сказала ему, что у меня, кроме глухоты, и памяти нет, а брат сказал: "Это ты не хочешь с нею заниматься, и мать ее балует; у меня будет у нее память!" И задал мне французский разговор целую страницу, а сестра всегда задавала мне по две строчки. И я до самого обеда учила, не уставая, а когда подали обед, брат спрашивает; я не могла ни одного слова ответить. Он оставил меня без обеда, потом до вечернего чая тоже не знала уроков, а до ужина одно или два слова ответила. Тогда брат удостоверился, что нет памяти; кроме того, порешили, что золотушные не переносят петербургского климата, и кончилось тем, что брат сказал матери: "Воспитывайте ее сами", и уехал. <...>

Мать часто ездила в Яреськи, где жила ее тетка Трощинская, Анна Матвеевна <рожд. Косяровская>, у которой мать воспитывалась; и мы там бывали, но ничего не помню, как только две старушки, Анна Матвеевна, и сестра ее, Агафья Матвеевна <Лукашевич (рожд. Косяровская)>, вдова. Говорят, она три раза перенесла пожары, и все имущество ее погорело; за третьим разом ее так потрясло, что она совсем потеряла память, потому сестра и взяла ее к себе. Когда бабушка Анна Матвеевна умерла <в 1833 г.>[14], тогда сын ее, Андрей Андреевич, решил все имущество, что было у его матери, перевезти к моей матери. Я помню, когда привезли вещи: посуду, серебро, столовое белье и мебель; бюро и круглый столик на одной ножке... <...> А другая бабушка, Агафья Матвеевна, осталася одна; пришлось матери взять ее к себе[15]. Она была тихая, покойная, но степенная. Когда бывали у нас гости, то зажигали в гостиной две свечи (в то время были сальные свечи, и постоянно нужно щипцами срезывать), в зале тоже две свечи, а бабушка вошла в залу, увидела — две свечи горят, преспокойно взяла щипцы и потушила. Анна увидела — темнота, говорит: "Какой срам! у нас гости, а в зале темно". А бабушка ей говорит: "Это я потушила". — "Для чего вы потушили?" — Она говорит: "Никто не работает, зачем даром гореть?" Если увидит, книга или ножницы или что другое лежит, берет в свой комод, причем, когда увидит, что ищут, тогда говорит: "Я спрятала", и сейчас же принесет. Если на полу найдет нитку или бумажку, тряпочку — все прячет в комод»[16].

Чаговец по поводу этих строк замечал: «Интересный рассказ приведен у Ольги Васильевны. У них жила двоюродная бабушка, Екатерина Ивановна Трощинская <ошибка; следует: Агафья Матвевна Лукашевич (рожд. Косяровская)>, личность в высшей степени оригинальная. Ее некоторые черты пошли впоследствии под пером гениального внука в характер Плюшкина. Она собирала всякие ненужные вещи, кусочки бумаги, нитки, старые пуговицы и все это тщательно прятала. Когда гости переходили из одной комнаты в другую, немедленно тушила сальные свечи, горевшие в той комнате, чем причиняла огорчение своим внучкам. А зачем им понапрасну гореть? — говорила она и продолжала всегда поступать по-своему»[17].

В. А. Гиляровский в 1889 г. записал рассказ о Гоголе 75-летней уроженки Сорочинец Софьи Захаровны Королевой: «Да, Николай Васильевич большую память о себе оставил, большую! А кто тогда думал! Смирный, тихий был. Сядет за стол, бывало, опустит голову, слушает, что говорят, да изредка нет-нет да и взглянет. А если кому что скажет — как ножом обрежет! Вот с парубками да с дивчатами — другой совсем: веселый, песни поет.

Ольга Захаровна оживилась и, по-видимому, с удовольствием вспоминала далекое былое.

— Бабушка у меня была, — продолжала она, — Софья Матвеевна Аксюкова. Та уж очень часто по-малороссийски говорила, а Николай-то Васильевич хуже говорил, так он к ней часто ездил поговорить с ней. Кроме того, бабушка знала множество рассказов и преданий из старины малорусской, из гетманщины, и сколько она рассказывала Гоголю! Подолгу беседовали, бывало, они. Все это я помню, хорошо помню: молода была тогда и всем интересовалась. Ах, боялись, вот как боялись его многие! Ужинать с ним боялись. Вот какой случай был. Собрались раз у помещика Ч. гости. Приехал сосед, помещик М. Этот М., большой гастроном, любил больше всего голову короп-рыбы. Никому, бывало, ее не уступит. Ч. сказал М., что у него за ужином будет короп. М. весь вечер только и думает, скоро ли ужин, скоро ли коропа подадут! Сели все за стол — вдруг дверь от-

воряется, и входит Николай Васильевич. Уж он тогда многое написал, все его знали у нас. Пришел, а некоторым ужин не в ужин! Мне уже много после сам М. рассказывал так: “Вошел, поздоровался, да и сел, да на грех рядом со мной! Пошевелиться боюсь — вдруг опишет! Кусок в рот не идет. Подают коропа: жирный, зарумянился, головастый. А я дотронуться боюсь, как на иголках сижу. Так ведь и не ел я, и голова осталась. Дождался конца ужина, да и бежать. Приезжаю домой и спрашиваю у жены ужинать, а та удивляется, как это из гостей да голодный приехал. Ну, и объяснил я ей, что Гоголя испугался”. Вот какой был Николай Васильевич. <...>

— Скажите, Ольга Захаровна, любили здесь Гоголя, после того как его произведения появились в печати?

— Далеко не все. Кто попал к нему под перо, те не любили, вот как не любили! Особенно миргородские чиновники ненавидели: ведь весь “Ревизор” с них целиком списан.

— А вы помните тех лиц, с кого он писал?

— Двоих лично знала: городничий списан с миргородского городничего Носенка[18], а почтмейстер — с почтмейстера Мамчича[19]. Умерли оба.

— Смешной этот Носенко был: худой, длинный, чудак такой. А Мамчич — стариком уж я его помню — бритый, седой, все на клиросе пел. Все тогда себя узнали: портреты верные были»[20].

См. также ***1848. Мая 9 – мая 25; июня 3 – августа 24. Васильевка*** (примечания) (сведения о миргородском уездном судье в 1831–1842 гг. И. А. Янкевиче, «не прощавшем Гоголю описания суда в повести о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»).

Л. М. Жемчужников, посетивший Васильевку в сентябре 1854 г. вместе с П. А. Кулишом, со слов матери и сестер Гоголя, также сообщал: «Все жители, особенно чиновники Миргорода сердиты на Николая Васильевича и говорят, что этого у них никогда не было, чтоб свинья вошла “в присутствие”. Жители говорят: “На что было все это писать, чорт зна що! Государь ведь это читал: как живут, да как соломою топят. Зачем это рассказывать? И что такое он хорошего написал? О нем не стоит и говорить, как о писателе, написал, что всякий знает”»[21].

Позднее, в 1902 г., Гиляровский также сообщал: «О<тец> Владимир — троюродный брат Гоголя. Он мне <...> рассказывал много интересного из украинской старины и, между прочим, сказал:

— Я что! Вот покойный отец мой[22], так тот знал! Гоголь к нему не раз, проезжая к Александру Семеновичу Данилевскому в Семереивку <в Семереньки> (2 версты от Олиферовки), заезжал, и отец много ему из старины рассказывал, а он записывал. За это даже отцу свою книгу, “Арабески”, подарил.

Долго мы просидели у отца Владимира. Он хорошо помнит Гоголя, который бывал у своего дяди, о<тца> Саввы, когда о<тец> Владимир <род. в 1821> был взрослым, и о<тец> Савва называл Гоголя племянником»[23].

О посещении имения А. С. Данилевского Семереньки Полтавской губернии, — вероятно, летом 1835 г. — сам Гоголь вспоминал позднее, 16 мая 1848 г., в письме к приятелю, замечая, что видел там малолетнего единоутробного брата Данилевского, Николая Васильевича Черныша, «делающего микроскопические дрожечки вместе с братьями»[24] (другим единоутробным братом Данилевского был Василий Васильевич Черныш). По-видимому, впечатления от изготовления детьми «микроскопических дрожечек» вскоре (в ноябре 1835 г.[25]) нашли отражение в реплике Добчинского о его сыне в «Ревизоре»: «Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с».

В 1913 г. А. А. Дунин[26] в полуапокрифическом рассказе «Прототип Плюшкина» сообщал: «В Курске недавно проживал дворянин Федченко, уроженец, кажется, Полтавской или Херсонской губернии. Его отец, занимавшийся скупкою хлеба и сала, близко знал Н. В. Гоголя и окрестных помещиков, с которыми писатель входил в общение как сосед, а иногда — по деловым отношениям. По его словам, некоторые из этих помещиков были взяты Гоголем в его “Мертвые души” — как типы. Для Плюшкина же прототипом послужил помещик В.,

один из богатейших в Полтавском уезде, феноменальнейший скряга. Вот как описывает его Федченко.

У В. было двое сыновей и дочь. Сыновья – женихи, дочь – невеста. Жены у него не было, и жил он вдовцом со своей ключницей, безобразной, злой и сварливой бабой. Сыновья не получили почти никакого образования и ушли из дома, поступив на службу приказчиками к немецкому колонисту в Херсонской губернии. Дочь бежала с офицером, ремонтером кавалерийского полка. Впоследствии дети просили суд выделить им из отцовского имения долю, довольно значительную, поступившую к В. в виде приданого их матери; но суд ничего не мог поделать со скрягою. Пробовали его увещевать, приезжали к нему уездный предводитель и соседи-дворяне, стыдили его, но В. стоял на своем. "Какой я богач! – говорил он, – бедный я, разбедный, государи мои. И ничего у меня нет и не было. Насилу себя и людей своих пропитываю, где же мне взять?" Так от него и отступились.

– Я, – рассказывает Федченко, – часто заезжал на его хутор – богатейший хутор! – но дела с ним устраивать было трудно. За все просил он втридорога, и обыкновенно дело кончалось тем, что после усиленных торгов приходилось уезжать от него, ничего не купивши и без обеда, так как скряга, едва я вступал в дом его, спешил Христом-Богом уверить, что у него "ничего нет" и что он "сам сидит не жрамши".

Раз приехал к нему осенью, в самую молотьбу. На токах градом стучали десятки цепов, и зерно обильно точилось из полных колосьев, крупное, тяжеловесное.

В. стоял на гумне.

– Купи, милостивец, весь хлеб продам.

Я удивился: никогда он сразу после умолота хлеб не продавал, а держал его в амбарах по году и боле. Иногда до того додержит, что все посгноит.

– Давайте, говорю, я очень рад.

Взял я зерна с току на ладонь.

– Да не этот, не этот хлеб-то! – заторопился В. – Другой, другой!

– Где же он у вас?

– Пойдем, милостивец, пойдем...

Пришли к каменному амбару. Достал он с связки у пояса крюк и стал отпирать дверь (не ключ, а крюк, так как в те времена амбары запирались изнутри деревянным засовом, снабженным зарубками, а отпирались железным крюком, которым зацепляли за эти зарубки).

Из амбара на нас пахнуло сыростью, плесенью, залежалым гнильем... Подошел я к закромам: зерна пудов тысяч пять, не менее. Запустил я руку в закром, да сейчас же и отдернул: под рукой – не зерно, а какая-то ослизлая крупа, прелая каша.

– Это сверху, милостивец, сверху, – поспешил предупредить меня В. – Так, самую малость, с крыши подмочило, а внизу – первый сорт. Говорил бурмистру, разбойнику, починить крышу. А надо, говорит, доски. А где я их возьму? Вот и подмочило зерно-то... Только сверху, а внизу крепкое зерно, как орешек.

Посмотрел я и внизу: кругом гниль. Сказал ему, что такое зерно у него не только никто не купит, – даром не возьмут. Обиделся.

– И не покупайте! И не надо! Высушу, смелю и людей кормить буду и сам буду кушать.

Действительно, зерно было высушено и смолото, и скряга гнилым хлебом кормил дворовых людей или продавал муку гуртовщикам и крестьянам на "болтушку" для скота.

Николай Васильевич Гоголь, прослышал о скряге, пожелал с ним познакомиться. Знакомство это состоялось при участии моего батюшки. Можно сказать, идея "Мертвых душ" зародилась у Николая Васильевича именно при посещении им В.

В. каждому, кто к нему приезжал, обыкновенно предлагал что-нибудь купить – хлеб, гусей, овчины, сало. Гости не из купцов, посещавшие скрягу потехи ради, зло подшучивали над ним. Они серьезнейшим образом торговались, даже не посмотрев товара, и предлагали высокие цены. Обрадованный В., чтобы еще больше задобрить тароватых гостей, в таких случаях раскошеливался: колол курицу или гуся, ставил на стол вино, и гости, посмеиваясь, принимались за трапезу. А потом начиналась потеха.

В. начинал осторожно зондировать почву "насчет задатка".

– Как же, государи мои, насчет задаточка?

– Ах, да... Надо посмотреть товар.

– Да чего его смотреть-то! Товар хороший, добротный...

– Товар лицом покупают.

Гости, помирая со смеху, шли на скотный и птичий двор, в амбары, клуни; щупали, осматривали, критиковали. Птица и скот оказывались тощими, заморенными, сало – прогорклым, хлеб – гнилой, перо иструхло.

– Как же купить у вас, с позволения сказать, такую дрянь! – говорили гости. – Ведь это – срам!

Посмеявшись досыта, гости уезжали, и В. ругал шутников за съеденный обед на чем свет стоит:

– Дармоеды! Якобинцы бесхвостые!

Гоголя старик принял радушно. Осведомился, в каком он чине, сколько у него душ и где служит. Когда Николай Васильевич сказал, что он – писатель, старик поморщился и заметил:

– Гм! Писатель... Был у нас один писатель, и много пил... и на губернатора пашквиль сочинил...

Когда Гоголь уверил его, что он не пьет и не пасквилянт, — старик как будто успокоился, но тотчас заговорил о своей бедности.

— Вот подать надо платить, — жаловался он. — Да хоть было бы за кого платить-то. А то — накось! — и людей-то давно на свете нет. Померши. Они померли, а ты —плати! За этакую дрянь плати. Ведь с них что взять? Умершие души... Их не продашь, не то что хлеб или сало. Никто не купит.

И вот в этот момент, по словам Федченка, в душе Гоголя свершился знаменитый творческий процесс, обессмертивший имя великого творца русской комедии.

Гоголь как-то весь подтянулся, глаза засветились торжеством, каким-то внутренним огнем, и, волнуясь, он спросил скрягу: отчего бы ему не продать эти мертвые души?

— Да кто же их купит, батюшка? Никто не купит.

— Вы еще не пробовали продавать их? — с невозмутимо-серьезным видом спросил Гоголь.

Скряга опешил и пытливо посмотрел на собеседника.

— А разве их уже продают? — весь трепеща, тихо спросил он.

— Да, как будто... Впрочем, я, пожалуй, купил бы у вас несколько штук...

— А почем вы дадите?

— Подать заплачу за них...

— А не будет это дешево? Ведь, вот, милостивец, цены-то я и не знаю. Кабы цена на них была... А цена-то и неизвестна.

— Да больше вам никто не даст.

— Нет, как же, может быть, дадут и больше. Если стали покупать, стало быть, на них и цена есть настоящая. Надо настоящую цену узнать.

Гоголь так и не сошелся со стариком в цене.

Впоследствии В. писал ему, что готов уступить "убылые души" за одну подать; но Гоголь ему не ответил и больше у него не бывал.

— Отец мой, — рассказывал Федченко, — встречаясь с Гоголем, всегда вспоминал его шутку с В.

— Эк вы его высмеяли, Николай Васильевич. Надо же так придумать!

Гоголь в ответ только смеялся одними глазами и всегда при этом воспоминании становился задумчивым и печальным»[27].

В 1952 г. Е. П. Серебровская записала также не вполне достоверные свидетельства о Гоголе, переданные уроженцами с. Гоголево (бывшей Васильевки) Шишакского района Полтавской области братьями Шабельниками, 79-летним Никифором Ивановичем и 71-летним Федором Ивановичем (со слов их отца, Ивана Михайловича Шабельника, 1818–1896): «Плохо отзывался Гоголь о белоручках-дворянах, считал их тунеядцами, смеялся над ними. Больше интересовался он простым народом, песни записывал, расспрашивал обо всем.

Книга "Мертвые души" нам сейчас знакома. Понятно, почему помещики сбывали мертвых душ по дешевке: за них в казну платить надо было, как за живых, до новой ревизской сказки, пока не вычеркнут.

Это одна сторона дела. А была и другая. О ней каждый крестьянин прежде знал. Помещик платил за мертвого не из своего кармана, он взыскивал с семьи покойного. Кормилец помрет, а жена да сыновья за него подушную подать еще лет пяток платят.

И вот, отец рассказывал нам: Николай Васильевич сам купил однажды мертвые души. Зачем? — А чтобы облегчить крестьян. Он у одной дворянки — соседней помещицы — купил эти мертвые души, чтобы с семей больше подушную подать не брали. Заплатил медом и деньгами[28]. Что он сделал с купчей крепостью, с документом на эту покупку, — мы не знаем»[29].

[1] Вероятно, штаб-лекарь, коллежский асессор Иосиф Кричевский или штаб-лекарь, коллежский асессор Степан Кричевский, «ор<денов> Св<ятого> Вл<адимира> 4 <степени> и Св<ятой> Ан<ны> 3 ст<епени> кав<алер>» (Российский медицинский список, по Высочайшему повелению издаваемый Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел. На 1837 год. СПб., <1837>. С. 140).

[2] См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[3] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[4] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 937.

[5] См. ***1846 декабря между 25 и 31 <1847 января между 6 и 12>. Васильевка.***

[6] 22 мая 1851 г.

[7] «Считаю почти излишним напоминать читателям описание сада Плюшкина» (примеч. П. А. Кулиша); *Свод.* Т. 1. С. 41.

[8] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 228.

[9] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 244.

[10] Возможно, воспоминания об этом осмотре имения Т—о были использованы Гоголем впоследствии при

описании имения Плюшкина в шестой главе первого тома «Мертвых душ».

[11] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 595–596.

[12] Имеются в виду три сборника: «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832); «Миргород» (1835); «Арабески» (1835).

[13] *Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 254–256.

[14] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[15] См. также ***1826. Октября 15. Пятница. Нежин.***

[16] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 196, 200.

[17] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 225, 231.

[18] Кирилл Павлович Носенко, капитан, городничий в Золотоноше в 1813–1821 гг. и в Миргороде в 1822–1832 гг.

[19] Игнатий Григорьевич Мамчич, титулярный советник (с 1844 г. — коллежский асессор), миргородский почтмейстер в 1832–1855 гг. См., в частности: «Почтмейстеры в Почтовых Конторах: <...> *Уездные: В* <...> *Миргороде,* Т<и>т<улярный> С<о>в<етник> Игнатий Григор<ьевич> Мамчич» (Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1833. СПб., <1833>. Ч. 1. С. 592).

[20] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине // *Свод.* Т. 1. С. 358.

[21] *Жемчужников Л. М.* Отрывки из моих воспоминаний о пятидесятых годах // *Свод.* Т. 1. С. 393.

[22] Иерей Савва Кириллович Яновский, священник в Олиферовке, двоюродный брат В. А. Гоголя-Яновского, отца Гоголя.

[23] *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 364.

[24] См. ***1848. Мая 16. Воскресенье. Васильевка.***

[25] См. ***1835. Декабря 4. Среда. Санкт-Петербург.***

[26] А. А. Дунин, журналист, в 1897–1900-х гг. сотрудник «Самарской газеты»; в 1910-х гг. печатался в журналах «Исторический Вестник», «Русская Мысль», «Наша Старина».

[27] *Дунин А. А.* Воспоминания о Н. В. Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 987–989.

[28] «Я не рассматриваю здесь вопроса об источниках сюжета “Мертвых душ”. Но, в дополнение к известным уже источникам, добавлю от себя характерное устное предание, слышанное мной от <...> Н. И. Шабельника, поскольку оно характеризует круг интересов Гоголя и его осведомленность в вопросах условий жизни крестьянства. Отец Н. И. Шабельника, помнивший Гоголя лично, рассказывал, что однажды молодой Гоголь... сам покупал мертвые души. По объяснению рассказчика, он делал это с целью освободить разоренные крестьянские семьи от уплаты лишних податей. Суть была в том, что до новой ревизской сказки владелец-помещик платил за умерших крестьян налог не из своего кармана, а взыскивая с родных умершего подушную подать за покойника. По рассказу этого крестьянина, бывшего крепостного матери Гоголя, Николай Васильевич однажды купил у соседней помещицы мертвых душ, уплатив за них деньгами и медом и освободив, таким образом, их семьи от нелепой подати. Это сообщение интересно, даже как легенда, имевшая хождение в народе» (*Серебровская Е.* Белинский и Гоголь. (К истории борьбы за реализм). Л., 1952. С. 78).

[29] *Серебровская Е. П.* Рассказы о Гоголе. <Братья Н. И. и Ф. И. Шабельники о пребывании Гоголя в Васильевке> // *Свод.* Т. 3. С. 972–973.

МАЯ 24. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

Гоголь пишет Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Сижу дома на перепутьи около недели уже, не зная, куда лучше ехать — на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море. Из Москвы никак не мог писать: был страшно захлопотан и при всем том многих не видел. Твоя пиеса[1] за день до моего приезда[2] только получена и еще до сих пор не была в руках Совета. Я поручил Погодину сей же час уведомить тебя и дал ему твой адрес. Получил ли ты от него отзыв или нет?»

Н. Я. Прокопович начал писать стихи еще в Нежине, откуда, в частности, в конце 1825 г. послал в «Московский Телеграф» свой «Сон Ратмира (отрывок из поэмы)»[3]. Будучи в гимназии, Прокопович издал однажды рукописный альманах «Литературный промежуток, составленный в один день + ½ Николаем Прокоповичем 1826 года»[4]. Позднее, в 1831 и 1832 гг., в Петербурге Прокопович напечатал в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» свои стихотворения «Мои мечты» и «К портрету Вальтер Скотта»; в «Северных Цветах на 1832 год» — стихотворение «Полночь». О последнем произведении Гоголь в письме к

А. С. Данилевскому от 1 января 1832 г. заметил: «Сюда затесалась и Красненького Полночь» (Красненький – прозвище, данное Прокоповичу за румяный цвет лица).

В 1835 г. в «Библиотеке для Чтения» (т. 8, ч. 2; цензурное разрешение 28 янв.) появилась баллада Прокоповича «Полнолуние» (она открывала номер, предшествуя «Сербской песне» А. С. Пушкина), а в «Московском Наблюдателе» (ч. 2) – повесть в стихах «Своя семья». Возможно, последней публикацией Прокопович был обязан встрече Гоголя с Погодиным в конце февраля – начале марта 1835 г.[5] 11 марта 1835 г. Погодин в письме к редактору «Московского Наблюдателя» В. П. Андросову, после сообщения о визите к Гоголю[6], замечал: «Поэта пророчат нам в молодом Прокоповиче, которого примечательная баллада помещена в библиотеке <в "Библиотеке для Чтения">»[7]. Повесть Прокоповича была вскоре помещена в майском номере журнала[8]. (В том же номере было напечатано стихотворение княгини З. А. Волконской на смерть в Риме дочери князя П. А. Вяземского Прасковьи[9].)

«П<рокопович> поместил в разных периодических изданиях 11 стихотв<орений>, в т<ом> ч<исле> две повести в стихах. По всей видимости, Гоголь выступил в качестве посредника при публикации первого большого произведения П<рокоповича>, повести в стихах "Своя семья, напечатанного во 2 части "Московского Наблюдателя" за 1835 г.»[10]

Позднее, в 1836 г. Прокопович посвятил себя педагогической деятельности[11], в то время как Гоголь по-прежнему прямо и исподволь стремился приобщить друга к литературному творчеству, в чем полагал настоящее его призвание (см. письма Гоголя к Прокоповичу от 25 января (н. ст.) 1837 г., от 27 апреля – 1 мая (н. ст.) 1838 г., от 20 июня (н. ст.) 1847 г. и статью Гоголя «О Современнике»).

Далее в письме к Прокоповичу Гоголь обращается с просьбой прислать три термометра: «...Два термометра ты можешь снять с крючков у меня в комнате; <...> один <...> нужно купить» (в магазине механика И. А. Роспини); спрашивает, «как пребывают Ге, Гус, Гюго, Жанен[12] и проч.», и просит доставить ему русский перевод книги французского протестанта XVII в. П. Рапена де Туараса «Histoire d'Angleterre» (1724):

«...Сделай милость ступай на мою квартиру и адресуйся к Матрене[13], чтобы она тебе дозволила вход к книгам, и возьми там Историю Англии аббата де Тоараса, на русском, один том, содержащий 1 и 2 часть, он в кожаном переплете, и пришли мне, пожалуста, как можно его поскорее. Крайняя в нем нужда».

Второй частью этого издания – «История Аглинская. Соч. *Рапина де Тоараса.* С фр. переведена Степаном Решетовым» (СПб., 1774. Ч. 2. Кн. 4) – Гоголь пользовался в работе над драмой из английской истории «Альфред». Однако произошло это, очевидно, позднее[14], так как ни термометров, ни книги Гоголь в Васильевке не получил[15].

Позднее, 10 сентября (н. ст.) 1839 г., Гоголь признавался С. П. Шевыреву: «Я <...> в деревне никогда ничего не мог делать[16], и вообще я не могу ничего делать, где я один и где я чувствовал скуку. Все свои ныне печатные грехи я писал в Петербурге и именно тогда, когда я был занят должностью, когда мне было некогда, среди этой живости и перемены занятий, и чем я веселее провел канун, тем вдохновенней возвращался домой, тем свежее у меня было утро...»

[1] «Своя семья. Повесть в стихах».

[2] См. ***1835. Мая 1 – мая не позднее 10. Москва.***

[3] См. ***1825. Декабря 11. Пятница. Нежин***; см. также ***1827. Января 17. Понедельник. Нежин.***

[4] См. ***1826. Января конец. Нежин.***

[5] См. ***1835. Февраля после 20 – марта до 11. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1835. Марта 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[7] *<Погодин М. П.> М. П.* Московский Наблюдатель. 1835. Ч. I. Март. Кн. 2 (цензурное разрешение 30 марта). С. 446.

[8] *Прокопович Н.* Своя семья. Повесть в стихах // Московский Наблюдатель. М., 1835. Ч. II. Май. Кн. 1 (цензурное разрешение 15 июня). С. 5–33.

[9] *Княгиня Зинаида Волконская.* Князю П. А. Вяземскому. На смерть его дочери // Там же. С. 113.

[10] *Супронюк. Словарь.* 2009. С. 185.

[11] См. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева.***

[12] Прозвища петербургских приятелей. Жанен — П. В. Анненков (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***).

[13] Нимченко.

[14] См. ***1835. Октябрь. Санкт-Петербург.***

[15] См. ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[16] См. также ***1832. Июль-сентябрь. Васильевка.***

МАЯ 25. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 115 «Северной Пчелы», с рецензией П. И. Юркевича на «Миргород» Гоголя (подпись: П. М—ский):

«Из всех четырех повестей нам больше всего понравилась одна: "Тарас Бульба". Характер казацкого полковника, его двух сыновей, Запорожская Сечь, битвы, набеги, жиды, Литва и Малороссия, описаны в ней живо и оригинально; рассказ увлекательный; местные краски блестят удивительною свежестию».

МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА, ПОСЛЕ 17. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь занимается с матерью подсчетом годовых доходов по имению (от «хлебопашества», «скотоводства», «пчеловодства», заготовки сена, «рыбной ловли», винокурения и содержания ярмарки)[1].

Позднее, 12 марта (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал матери из Рима: «...Несчастия <...> подавили вас, <...> навалили на вас кучи забот, требовавших сил твердого мужа, а не доброй, чувствительной женщины. <...> ...Эти заботы <...> лишили нас прежнего <мил>ого, веселого характера нежно любимой нами мами<ньки> и навели на него мрачное облако [ме<ланхолии?>] задумчивости, рассеянности, вечно тревожных мыслей, отлучавших и отвлекавших ее невольно от действительности и происходившего перед глазами течения дел и обстоятельств, которые чтобы вести хорошо, нужно было иметь слишком твердый характер, какой имеет мужчина, нужно быть слишком спокойну и не поражену несчастием. <...> Вы не могли быть более чем вы были. <...> Когда я был в последний раз у вас, я был поражен (теперь я этого не скрою и всё расскажу), я был поражен переменой, которую я нашел в вас, переменой, происшедшей в эти даже три небольшие года, после моего первого приезда[2] из Петербурга. Я не могу вам рассказать той грусти, которую я чувствовал, глядя на вас. Эта совершенная ваша рассеянность в словах и задумчивость; это ваше вечно устремленное куда-то внимание, но не к предметам, вас окружавшим, не к тем, о которых шла речь, так что вы казались совершенно среди нас живущею в каком-то другом мире, чуждою всего того, что около вас происходило. Я с содроганием видел следы и читал их на лице вашем, следы, проведенные победившими совершенно вас заботами. Нет, я не обвинял вас, я не обвинял вас, ви<дя> и то и другое не так в хозяйстве, я не обвинял вас за неосмотрительности и за то, что вас легко было обмануть, и чем далее, еще легче, я не обвинял ни в чем этом. Но я обвинял в этом себя, я слышал из глубины души своей едкий упрек самому себе. Я был причиною всему этому: я не облегчил трудов, я не устроил спокойствия моей матери, я не доставил ей беззаботной, счастливой жизни и радостной старости; напротив, я обременил ее, я взвалил на нее всю возможную тяжесть, которую более крепкие силы не вынесли бы. Я был причиною измен<ен>ия ее прежнего светлого спокойного беззаботного характера. Словом, я не исполнил первой обязанности сына. Мне только в утешение оставалось одно оправдание, что я тоже не рожден был хозяином, что я не мог никаким образом [перестроивать свое] по существующим в нашем государстве постановленьям, не приобревши имени, или, как говорят, чина и весу, заняться самому хозяйством, принять на себя все обязанности попечителя нашей всей фамилии и жить в деревне. — Но я хотел вознаградить потом всё и заняться сам ревностно

и дельно. — Увы! мое глупое здоровье отняло у меня эту возможность, заставило меня выехать из России[3] и, можно сказать, бросить неоконченным начатое. <...> Я видел в последний раз, когда был, что дела наши идут плохо, [я видел, как вас можно легко было обмануть] но вместе с этим я видел бессилие мое помочь этому. Но дела хозяйственные — Бог с ними, я не о них горевал, я горевал о вас, видя ваши терзания, ваши печали при вечных неудачах».

12 апреля (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал также сестре Анне в Петербург: «Тебе было грустно читать мое письмо, ты плакала, моя добрая и милая Анет. <...> Ты вся исполнена грусти при мысли о нездоровьи маминьки. Но я не знаю, откуда ты это взяла. Слава Богу, наша маминька физически совершенно здорова. Я разумел душевную и умственную болезнь; о ней была речь. Я разумел следы забот, вечных неудач и неисполнений, проведенные на ее челе, которые нечувствительно и незаметно отнимали живость и любезность ее характера и, наместо спокойного и осмотрительного взгляда в хозяйстве и в распоряжениях по имению, набросили на нее рассеянность, задумчивость, которые ей много мешали в делах и были причиною, что имение наше расстроено совершенно и что она, думая поправлять, расстроивала его еще более, сама не зная этого. Конечно, имение не стоит для меня гроша в сравнении с здоровьем нашей доброй маминьки, но я почел долгом об этом написать вам[4], чтобы приготовить заране вас к неприятностям, необходимым в жизни... <...> Вот для чего почел я долгом не скрывать от вас ничего насчет нашего расстроенного состояния...»

[1] См.: *Гоголь 2001*. С. 162–164, 503–506; *Гоголь 2009–2001*. Т. 9. С. 481–483, 859–862.

[2] См. ***1832. Июля около 20 — октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка***.

[3] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***.

[4] Сестрам Анне и Елисавете.

МАЯ 30. ЧЕТВЕРГ. ДЕРЕВНЯ ЯЗЫКОВО СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. М. Языков пишет В. Д. Комовскому в Петербург:

«“Миргород” мы прочли с удовольствием; “Старосветские помещики” – прелесть; “Бульба” — тоже славная штука. Любите ли Вы Гоголя и как Вы его обсуживаете?»

Из писем А. М. Языкова // *Свод*. Т. 3. С. 180.

МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возвращение К. С. Сербиновича из имения покойного Д. П. Трощинского в Киевской губернии (вероятно, в Кагорлыке)[1].

В майском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», в разделе «Высочайшие повеления», напечатано извещение о поднесении Гоголем Императору сборника «Миргород»[2]:

«Объявлено вдове Полковнице Берх Кол<лежскому> Сов<етнику> Лобанову, отставн<ому> Майору Барону Розену и Адъюнкт-Профессорам С. Петербургского Университета Щеглову и Гоголю, что представленные ими ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ книги: 1) Царствование Царя Феодора Алексеевича, 2) Трагедия: Борис Годунов, 3) Трагедия: Петр Басманов, 4) Начальные основания Физики и 5) Миргород, Повести, удостоены ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ благосклонного принятия»[3].

[1] См. ***1835. Января 21. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1835. Марта средина, не позднее 17. Санкт-Петербург***; ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Пе-***

тербург*; *1835. Марта 19. Вторник. Санкт-Петербург*; *1835. Марта 23. Суббота. Санкт-Петербург*; *1835. Марта 26. Вторник. Санкт-Петербург.

[3] <Извещение «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1835. № 5) о поднесении Императору Николаю I сборника Гоголя «Миргород»> // *Свод.* Т. 1. С. 782.

ИЮНЯ 1. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет в г. Перекоп Г. И. Спасскому, что долго ожидал от него вестей, чтобы узнать, как тот устроился на новом месте. Сообщает, что «вначале было прихворнул», собирался побывать «в Перекопе и в Крыму южном за минеральными грязями и следами татарскими и древних казаков, но куча домашних забот» схватила его «за горло»[1]; теперь, «управившись немного с хлопотами», он читает «старые рукописи, которых удалось выкопать изрядный запасец, все большей частью относящиеся к Малоросс<ийской> Истории».

Извещает, что «намерен отправить подводы за солью», просит уведомить о ценах на нее. Спрашивает, что выгоднее везти в Крым на продажу «из хозяйственных произведений, как-то хлеб, сало и прочее и прочее»:

«Здесь такое безденежье и такая невозможность продать, какой я никогда еще не помню несмотря на все неурожаи прошедшие».

[1] См. ***1835. Мая вторая половина, после 17. Васильевка.***

ИЮНЯ 14. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первого тома «Энциклопедического лексикона», в предисловии к которому сообщалось:

«В самом начале составления Энциклопедического Лексикона[1] изъявили желание участвовать в нем следующие особы: <...> Адъюнкт-Проф<ессор> Н. В. Гоголь[2]. <...> Проф<ессор> П. А. Плетнев. Проф<ессор> М. П. Погодин. <...> Проф<ессор> С. П. Шевырев. <...> В последствие времени, до издания первого тома, к ним приступили еще следующие: <...> К. М. Базили»; «Статьи о Греции обработал К. М. Базили»[3].

[1] 16 марта 1834 г. на собрании у Н. И. Греча по поводу издания энциклопедического словаря присутствовал, в числе около ста ученых и писателей, А. С. Пушкин (см.: *Тархова.* Т. 4. С. 1590). Позднее, 4 ноября 1839 г., Гоголь, отговаривая М. П. Погодина издавать журнал в виде «прибавления к Московским Ведомостям», замечал: «Статья умная, сильная, глубокая в ежедневном листке! <...> Это всё равно, [что если бы] что Пушкин на вечере у Греча между Строевым и прочим литературным дрязгом». – См. также ***1838. Октября 10 <22>. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] Адъюнкт-профессором Петербургского университета Гоголь был назначен 19 июля 1834 г. (см. ***1834. Июля 19. Санкт-Петербург***).

[3] Энциклопедический лексикон. СПб.: В типографии А. Плюшара, 1835. Т. 1. А-Алм. С. XIII–XIV, VIII.

ИЮНЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Конференц-секретарь Академии художеств В. И. Григорович обсуждает с А. Н. Мокрицким возможные сроки написания картины, на которой были бы изображены наиболее известные к тому времени выпускники нежинской Гимназии высших наук – Н. В. Кукольник, П. Г. Редкин, Гоголь и К. М. Базили.

Позднее, 19 августа 1835 г., А. Н. Мокрицкий записал в своем дневнике: «15-го, в субботу, в день выезда моего из Петербурга в Павловск, часу в первом, пошел я к Васил<ию> Иван<овичу> <Григоровичу>. Заведя речь о своих работах, намерениях и предприятиях, договорились под конец до поездки моей в Италию. Положено: в генваре нынешнего <1835/36 учебного> года перейти в натурный класс, заготовить эскиз для картины на медаль 2-ю или даже и на первую золотую; получить за натуру хоть 2-ю серебряную; написать четыре головы — Кукольника, Редкина, Гоголя и Базили на одной холстине, заняв их чтением, выполнить как можно лучше — к сентябрю <1836>. Кончить к июню или июлю <1836> (чихнуть два раза), в июле ехать в Малороссию. Явиться к сентябрю <1836>, представить картину, получить медаль и быть назначенным к отправке за границу. Довольно этого!»

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

ИЮНЯ 19. СРЕДА. ПЕРЕКОП

Г. И. Спасский получает письмо от Гоголя.

См. ***1835. Июня 1. Суббота. Васильевка***; ***1835. Июня 22. Суббота. Перекоп.***

ИЮНЯ 22. СУББОТА. ПЕРЕКОП

Г. И. Спасский в ответном[1] письме к Гоголю в Васильевку сообщает сведения о Перекопе. Пишет, что во второй половине августа отправится на Днепр, а потом в Крым:

«...Получив 19 июня письмо Ваше от 1-го числа, долгом считаю благодарить вас за него... <...> По Днепру надеюсь и для вас кое-что найти от Запорожской Старины. Приездом сюда вы сделали бы нам неоценимый подарок. Но пользоваться грязями не поздно ли? Кому было нужно, все уже приехали».

Советует снаряжать людей за солью «не только на трех, хоть на пол-дюжине и более фур»:

«...Да присылайте всякого хлеба, какой есть в избытке, особенно овса, гречневых круп и проса или пшена, в которых, по крайней мере теперь здесь нуждаются. <...> Из приложенный записки[2] увидите, какие здесь существуют цены».

[1] См. ***1835. Июня 1. Суббота. Васильевка.***
[2] Не сохранилась.

ИЮНЯ 25. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Начальница Патриотического института Л. Ф. Вистенгаузен направляет статс-секретарю Императрицы Н. М. Лонгинову представление об увольнении Гоголя:

«По случаю отсутствия из С.-Петербурга учителя истории в Патриотическом институте Гоголя-Яновского, который, будучи одержим болезнью, может пробыть в отпуске весьма долгое время и тем поставить институт в затруднение, ибо должность его остается никем не занятою, принят на

сие место учитель Исторических Наук в Воспитательном Доме г-н Соколовский. Представляя о сем Вашему Превосходительству, всепокорнейше прошу исходатайствовать Высочайшее Ее Величества повеление об определении Соколовского в Патриотический институт наместо Гоголя-Яновского и увольнении сего последнего».

Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 742.

ИЮНЯ 28. ПЯТНИЦА. С. ЯЗЫКОВО КОРСУНСКОГО УЕЗДА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Н. М. Языков пишет сестрам Е. М. и Пр. М. Языковым[1]:

«Очень рад, что вам понравились повести Гоголя[2] – это прелесть! Дай Бог ему здоровья, он один будет значительнее всей современной французской литературы – не выключая и Бальзака! Я не люблю Бальзака»[3].

[1] Екатерина Михайловна Языкова (1817–1852), сестра Н. М. Языкова, впоследствии жена А. С. Хомякова. Прасковья Михайловна Языкова (в замужестве Бестужева; 1807–1862), сестра Н. М. Языкова.
[2] Вероятно, имеются в виду повести сборника «Миргород».
[3] Из писем Н. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 142.

ИЮНЯ 29. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рукою Н. М. Лонгинова на ходатайстве Л. Ф. Вистенгаузен об увольнении Гоголя из Патриотического института[1] написана резолюция Императрицы Александры Феодоровны:

«Ее Императорское Величество повелеть соизволила представление сие привести в исполнение»[2].

Настоящая резолюция ошибочно датирована 29 июля 1835 г. Решение об увольнении Гоголя было принято не в конце июля, а в конце июня 1835 г. Сам Гоголь узнал об этом в средине июля этого года, будучи на родине[3].

[1] См. ***1835. Июня 25. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Документы о службе Гоголя в Патриотическом институте благородных девиц // *Свод.* Т. 1. С. 741.
[3] См. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава.***

ИЮНЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский сообщает А. И. Тургеневу:

«Жалею очень, что нет здесь Смирновой... <...> она уехала на год и более...»[1]

«...В апреле 1835 г. ее муж <Н. М. Смирнов> получил назначение в Берлин[2], и в России она оказалась только через два с лишним года»[3].

[1] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 267.
[2] См.: «Министерство иностранных дел. <...> В чужих краях: <...> В Берлине... <...> Сверх штата: <...> Н<адворный> С<о>в<етник> Николай Михайл<ович> Смирнов, в зв<ании> Камер-Юнкера...» (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 1. С. 404–405).

[3] *Житомирская С. В.* А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 595.

ИЮНЬ – ИЮЛЯ НАЧАЛО

Гоголь на лечении в Крыму.

См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***; ***1835. Июня 1. Суббота. Васильевка***; ***1835. Июля 11. Четверг. Васильевка***; ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***.

ИЮЛЯ 11. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет ответное письмо И. И. Срезневскому в Харьков:

«Благодарю вас за Ваше поздравление и душевно жалею, что не могу никаким образом быть у вас в Харькове. Маршрут мой теперь на Киев, куда призывают меня кое-какие гербовые заботы, а между прочим нужно видеться и с нашим земляком[1], моим старым приятелем, вам известным Максимовичем, которому я уже дал слово. Эти же три недели, которые остаются мне, я намерен отдохнуть после поездки моей в Крым, где странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его. <...> Очень рад, что вы наконец отпечатали 4 книжки разом вашей Старины[2] и с нетерпением жажду читать их, благодаря заранее вашу доброту, обещающуюся мне прислать их».

[1] И. И. Срезневский родился в Ярославле, в семье профессора Демидовского училища И. Е. Срезневского – рязанского уроженца из с. Срезнева. Первую половину жизни (до 1847 г.) И. И. Срезневский провел в Харькове.

[2] В 1835 г. вышла пятая, по счету, книга этого издания: *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1835. Ч. 2. Кн. 2 (цензурное разрешение 1 февраля). – См. также ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург***.

ЯНВАРЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ; ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь составляет записную книгу с лекциями и статьями по истории и географии.

В книгу вписаны, под общим заглавием «Древняя Всеобщая История», лекции: «Введение», «Разделение Истории по времени», «Обозрение главнейших периодов». Далее следуют лекции под общим заглавием «Обозрение Всеобщей Истории»: «Знатнейшие народы древних времен», «Знаменитые народы с Рождества Христова», «Обозрение периодов <древней истории>», «История Средних веков». Затем в книге находится шмуцтитул с заглавием «Две статьи: О Средних Веках и О преподавании Всеобщей Истории. Н. Гоголя», после которого следуют подряд обе эти статьи. При сличении автографов статей в книге с их прижизненными печатными изданиями в «Журнале Министерства Народного Просвещения» и в «Арабесках» обнаруживается, что текст этих статей в рукописной книге отличается от опубликованного в журнале и представляет собой редакцию, напечатанную в «Арабесках»[1]. Как показывает анализ, переписывая статьи, Гоголь пользовался изданием «Арабесок». Завершает тетрадь сокращенный конспект первой половины раздела «Введение в Географию» учебника К. И. Арсеньева «Краткая Всеобщая География» (С. 1–11, по 7-му и 8-му изданиям: СПб., 1832; СПб., 1833), с некоторыми содержательными и стилистическими исправлениями и дополнениями по другим источникам (в частности, по книге Е. Ф. Зябловского «Всеобщая География». СПб., 1831. Ч. 1)[2]. Поскольку в качестве самостоятельного курса Гоголь читал географию только в Патриотическом институте, то, вероятно, с известием об его увольнении из института[3], он должен был прекратить работу над составлением книги.

В составлении лекций по всеобщей истории Гоголь пользовался следующими изданиями: учебником Е. Ф. Зябловского» Курс Всеобщей Истории, читанный на публичных лекциях, учрежденных при Санкт-Пе-

тербургском Педагогическом Институте для чиновников, обязанных Гражданскою службою, оного Института Профессором, *Евдокимом Зябловским»*. (Часть первая, содержащая Введение во Всеобщую Историю и Древнюю Историю. СПб., 1811; Часть вторая, содержащая Среднюю Историю. СПб., 1811; Часть третья, содержащая Новую Историю. СПб., 1812); учебником К. А. Беттигера «Всеобщая История» (перевод с нем. М., 1832; перевод был выполнен студентами Московского университета под редакцией М. П. Погодина)[4]; книгой «Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингского университета и кавалером ордена Св. равноапостольного Князя Владимира 4 степени. Перевел с Немецкого Дмитрий Языков, член С. Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств» (СПб., 1809. Ч. 1).

Гоголю также были хорошо известны учебники, употреблявшиеся в 1820-х гг. в нежинской Гимназии высших наук: Достопамятные происшествия во всемирной истории, описанные *Г. Г. Бредовым*, для начального учения Истории; особенно же в уездных и приходских училищах. Перевел с Немецкого Михайла Зубакович, Учитель Истории и Географии в С. Петербургской Губернской Гимназии. Второе издание, исправленное и пополненное (СПб., 1818; с посвящением попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову)[5]; Руководство к познанию Всеобщей политической Истории, сочиненное Профессором Императорского Царскосельского Лицея *Иваном Кайдановым* (Ч. 1–3. СПб., 1821; с синхронистическими таблицами; 2-е изд. 1823)[6].

Кроме того, Гоголю были известны следующие учебники: Основания Всеобщей политической Истории. Часть первая. Древняя История. Изданная по повелению Министерства Народного Просвещения в пользу воспитанников Императорского Царско-Сельского Лицея Адъюнкт-Профессором *И. Кайдановым*. СПб., 1814 (с пятью синхронистическими таблицами); Краткое начертание Всемирной истории с принадлежащими к нему большими хронологическими таблицами, сочиненное для руководства при первоначальном изучении Истории, Императорского Царско-сельского Лицея Профессором *Иваном Кайдановым*. СПб., 1822 (цензурное разрешение 15 мая); цена 3 руб. («принадлежащие к ней три большие Хронологические таблицы стоят особо 5 рублей»); Учебная книга Всеобщей Истории. (Для юношества). Соч. Профессора *И. Кайданова*. Древняя История. СПб., 1834 (цензурное разрешение 13 авг.); Представление Всеобщей Истории, сочиненное *Августом Лудвигом Шлецером*, профессором в Геттинге. Пер. с нем. СПб.: При Святейшем Правительствующем Синоде, 1809; Введение во Всеобщую Историю для детей. Соч. *А. Л. Шлецера*, бывшего Профессора Истории в Геттингенском Университете. Перевод с нем. М.: В Университетской Типографии, 1829. Ч. 1 (цензурное разрешение 1 августа 1828; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 18 марта 1829 г.; посвящение С. Т. и О. Сем. Аксаковым); 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 19 февраля; предисловие М. П. Погодина «От Переводчика» от 11 мая)[7].

Известна была также Гоголю статья К. И. Арсеньева «О колониях древних времен», опубликованная в 1821 г. в журнале «Сына Отечества» (№ 26. С. 264–267). Кроме того, для составления «Плана преподавания всеобщей истории» (позднейшее название – «О преподавании всеобщей истории») и лекции «О Средних веках» Гоголь использовал работы С. С. Уварова, написанные им в период пребывания в должности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа: «О преподавании Истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1813); «Речь президента Имп. Академии наук, попечителя Санктпетербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института» (СПб., 1818; произнесена по случаю учреждения в Педагогическом институте двух кафедр восточных языков и возобновления кафедры истории)[8]; а также лекцию М. П. Погодина: «О всеобщей истории», опубликованную в первом номере основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения» (1834. № 1). См. также «Библиографию Средних веков», составленную Гоголем в 1834 г. для студентов Петербургского университета.

Периодизация всемирной истории в разделах «Древняя Всеобщая История», «Обозрение Всеобщей Истории» в целом не совпадает ни с одним из источников, использованных Гоголем при составлении лекций. Как указал Н. С. Тихонравов, к периодизации древней истории в книге К. А. Беттигера «Всеобщая История» (М., 1832) близко разделение истории, предложенное Гоголем в его отрывке 1833–1834 г. «Введение» (введение во всеобщую историю), опубликованном в 1887 г. одной из учениц Гоголя, Е. Умецкой[9]. Однако, в тетради 1835 г. разделение древней истории отличается от периодизации Беттигера. Зато в периодизации истории Средних веков Гоголь определенно следует книге Беттигера. Периодизация Новой истории наиболее близка к разделению истории в книге А. Л. Герена «Руководство к Истории политической системы европейских государств и колоний...» (В 3 т. СПб., 1831. Ч. 1 (цензурное разрешение 20 февраля). С. 23; 1834. Ч. 2 (цензурное разрешение 27 марта). С. 1; 1834. Ч. 3 (цензурное разрешение 27 марта). С. 1).

[1] См. ***1835. Января около 20. Санкт-Петербург***.

[2] Астрономические чертежи по «математической географии», приложенные к конспекту, свидетельствуют о том, что при его составлении Гоголь обращался к одному из первых изданий книги Арсеньева – 1818, 1820 и 1823 гг. Именно в этих трех ранних изданиях имеются соответствующие рисунки, которые при последующих переизданиях книги были исключены. Вероятно, одно из этих изданий употреблялось при преподавании географии в Нежинской гимназии высших наук (см. ***1823. Августа 20. Понедельник. Нежин***), так как начатая

Гоголем в Нежине в 1826 г. рукописная «Книга всякой всячины, или подручная Энциклопедия» уже содержит рисунки, соответствующие чертежам в книге Арсеньева.

[3] См. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава.***

[4] См. ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1822. Конец года. Нежин.***

[6] См. ***1821. Ноября 19. Суббота. Нежин.***

[7] См. ***1835. Января 30. Среда. Москва*** (примечания).

[8] См. ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 5. С. 682.

ИЮЛЯ 15. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛТАВА

Гоголь сообщает В. А. Жуковскому (в Царское Село или в Петербург):

«Всё почти мною изведано и узнано, только на Кавказе не был, куда именно хотел направить путь. Проклятых денег не стало и на половину вояжа. Был только в Крыму, где пачкался в минеральных грязях. <...> Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество, так что если бы не жаркое лето, то много бы изошло теперь у меня бумаги и перьев. Но жар вдыхает страшную лень, и только десятая доля положена на бумагу и жаждет быть прочтенною Вам. Через месяц я буду сам звонить колокольчик у ваших дверей, крехтя от дюжей тетради. А теперь докучаю вам просьбою: вчера я получил [странное] извещение из Петербурга о странном происшествии, что место мое в Пат<риотическом> инст<итуте> долженствует заместиться другим господином[1]. Что для меня крайне прискорбно, потому что, как бы то ни было, это место доставляло мне хлеб, и притом мне было очень приятно занимать его, я привык считать чем-то родным и близким. Мне странно, потому что не имеет права сделать этого Лонгинов, и вот почему. Когда я просился на Кавказ для поправления здоровья, он мне сказал, что причина моя законна, и никакого препятствия нет на мой отъезд. Зачем же он мне тогда не сказал, что поезжайте, но помните, что вы чрез это лишитесь своего места, тогда другое дело, может быть я бы и не поехал. Впрочем, Плетнев мне пишет, что еще о новом учителе[2] будет представление в августе месяце первых чисел, и что если императрица не согласится, чтобы мое место отдать новому учителю, то оно останется за мною. И по этому-то поводу я прибегаю к вам, нельзя ли так сделать, чтобы императрица не согласилась. Она добра и, верно, не согласится меня обидеть. Впрочем что то будет, то будет, а верно будет так, как лучше. Всё, что ни случалось, доброе и злое, всё было для меня хорошо. Дай Бог, чтобы и вперед так было».

Возможно, к этому времени относится появление у Гоголя мысли о заграничном путешествии[3], которую он, по-видимому, высказал тогда матери[4].

[1] См. ***1835. Июня 29. Суббота. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Санкт-Петербург.***

[2] Соколовском (см. ***1835. Июня 25. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1835. Сентября 28. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[3] См. также ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород.***

[4] См. ***1835. Ноября 10. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ МЕЖДУ 15 И 20. ГАДЯЧ

Вероятное посещение Гоголем, вместе с полтавским гражданским губернатором П. И. Могилевским, Гадяча.

В 1886 г. А. А. Тихонов сообщал: «Сидели мы как-то с моим гадячским приятелем в доме его деда, глубокого старика, и за чашкой чаю толковали о памятнике великому нашему писателю. <...> Вслушавшись в наш спор, старик неожиданно обратился к нам с вопросом: “Та про якого се Гоголя

вы говорите?" Мы обстоятельно объяснили ему, кто такой Гоголь, зная, что старик никогда никаких книг, кроме разве божественных, не читал и о Гоголе-писателе ничего не слыхал.

К удивлению нашему, оказалось, что старик знал Гоголя, хотя и не по книгам, видел его лично и сохранил о нем понятие, какое имели о нем многие из его современников, даже не из гадячского круга.

— Це, значиця, той, що прыиздыв до вас на ревизию з губернатором[1], — заметил на наше объяснение старик. <...>

Мы попросили старика рассказать, когда и при каких обстоятельствах он видел Н. В. Гоголя с губернатором на ревизии, и он передал нам следующее.

"Було се в 1833 чи в 1834 годи,— гаразд не памятаю. Настал у нас новый губернатор, а як на прозвище, тако ж не памятаю, — багато их перевернулось на моим вику. Пишла чутка, якось литом, що буде издити по губернии, а мы в ратуши служили. От прыйшла бумага така; прыбиг засидатель[2] и написав докладчикови рапорт якийсь и нам всим членам росказав, як одягтись, як стоять и що казать. Струс великий був; сказано: губернатор. Коли прыиздить. Входит до ратуши, а за ним слидком якийсь чиновник, так худенький, трошки довгобразый, русявый и очима все так зырк, зырк. Стоимо мы в паради, а И. П.[3], наш докладчик, выступив перед губернатора, одставив трохи ногу для поваги, та як вриже той рапорт на память: сам аж трусиця, а все риже та риже. Губернатор шось трошки насупивсь, а той, що позад ёго стояв, хмыкав-хмыкав, та як зарегочеця на всю ратушу, аж мы здивувались. Тут струс, присутствие, начальство, а вин регочеця. Губернатор трохи озырнувся, щось стиха промовив до того, а дали каже: довольно, довольно. А потом спитав щось голову, повив очима по ратуши, та зараз посьпихом з ратуши, а той за ним. От мы й стали тоди роспитувать, що вино за блазен; що регочеця при всих; то нам и росказали, що то Гоголь, писатель такий, и сами так чули, як губернатор казав до ёго: Миколай Василевич. «Оттак, казали, издить вин всюды та розглядуе, а потом пише, а паны читают та соби регочуця». Дивовались мы за того, и гнивались таки, та що робить? Писатель, кажуть; думали, що то чин такий на ему и що мае вин таке право. А то... ат, не знать що".

Ничего нет невероятного в том, что Гоголь, который подмечал всякую несообразность, противоречие, фальшь, не мог удержаться от смеха при виде благодушных, полусонных гетманцев, нарядившихся в залежавшиеся в их скрынях мундиры и трехугольные шляпы, с несмертоносным оружием при боку, и этого докладчика с его гадячским проносом, "режущего" наизусть сочиненный заседателем рапорт»[4].

Возможно, поездка Гоголя в Гадяч нашла отражение в замысле комедии «Ревизор».

[1] С 1830 по 1838 или 1840 г. гражданским губернатором в Полтаве был П. И. Могилевский; с 1840 по 1843 г. — А. Е. Аверкиев; с 1845 по 1853 г. — Н. И. Ознобишин (последний — Николай Ильич Ознобишин (1798–1853), 17 августа 1848 г. подписал выданное Гоголю свидетельство на проезд в Санкт-Петербург и Москву; см. ***1848. Августа 17. Вторник. Полтава***). Однако свидетельство очевидца, что описанное пребывание Гоголя в Гадяче относится к 1833 или 1834 г., заставляет предполагать, что на ревизию в Гадяч Гоголь ездил с губернатором Павлом Ивановичем Могилевским (позднее, 31 января 1836 г. Могилевский подписал свидетельство о займе денег сроком на 26 лет в сумме 18450 рублей, сделанном Гоголем и его сестрой М. В. Трушковской; Гоголь в то время жил в Петербурге). По-видимому, Гоголь общался с П. И. Могилевским в 1830-х гг. в один из двух тогдашних приездов на родину: либо во второй половине июля — сентябре 1832 г., либо во второй половине мая — начале августа 1835 г. (в частности, в Полтаве Гоголь провел несколько дней с 15 по 20 июля 1835 г.; см. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Июля 20. Суббота. Полтава***).

[2] Заседателями гадячского уездного суда были в то время П. И. Шкларевич, О. Л. Штишевский и Я. А. Соколович.

[3] Вероятно, гадячский уездный судья коллежский асессор Иван Прокопьевич Цацкин. Городничим в Гадяче был А. П. Лейхт.

[4] *Тихонов А. А.* Гоголь в Гадячской ратуше // *Свод.* Т. 1. С. 795–796.

ИЮЛЯ 17. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров в секретном предложении попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову пишет о необходимости преобразования штатов Петербургского университета (с сокращением некоторых профессоров – в число таких профессоров Дондуков-Корсаков вскоре включил Гоголя[1]).

«При предстоящем преобразовании университетов встречается одно значительное затруднение. Известно, что между господами профессорами находится несколько лиц *без* заслуг, но без нарекания, *опоздалых на их поприще, мало способных к преподаванию*, одним словом, просто доживающих срок к получению пенсии. С другой стороны, из числа молодых ученых наших, из Берлина прибывших[2], из числа готовящихся к выпуску студентов главного педагогического института имеются многие, которые могли бы с величайшею пользою занять сии места... <...> <Так> как сии меры будут первым приступом к преобразованию С.-Петербургского университета и введению его в новые штаты, то я покорнейше прошу представить мне в самом скорейшем времени ваши по сему предмету подробные соображения и заключения. Излишним почитаю присовокуплять, что сия конфиденциальная бумага должна оставаться в ваших руках без всякого официального хода»[3].

[1] См. ***1835. Августа 16. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] «Это были: Редкин, М. Куторга, Лунин, Порошин, Печерин, Крюков, Чевилев. Калмыков возвратился еще в 1834» (примеч. А. А. Кочубинского).
[3] *Кочубинский Ал.* Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // *Свод.* Т. 1. С. 797.

ИЮЛЯ 20. СУББОТА. ПОЛТАВА

Гоголь пишет М. А. Максимовичу в Киев:

«Теперь я живу в предковской деревне и через три недели еду опять в Петербург к 13 или к 14[1]. Впрочем буду непременно в Киев[2], нарочно сделавши 300 верст кругу, и проживу два дни с тобою. И тогда поговорим о том и о другом, и о прочем <...> Тупая теперь такая голова сделалась, что мочи нет. Языком ворочаешь так, что унять нельзя, а возьмешься за перо – находит столбняк».

[1] См. ***1835. Апреля 25. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев.***

ИЮЛЯ 21. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения С. С. Уваров в новом секретном отношении к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа князю М. А. Дондукову-Корсакову повторяет просьбу высказать предложения о преобразования штатов Петербургского университета[1], «просит попечителя поторопиться сообщением сведений – "какие из профессоров могут, по способности, сведениям и усердию, остаться в новом составе университета, означив и кафедры, на кои надо будет определить новых"».

Кочубинский Ал. Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // *Свод.* Т. 1. С. 797.

[1] См. ***1835. Июля 17. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЯ 26. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Утверждение Императором Николаем I Общего Устава Императорских Российских Университетов.

Новым уставом, в частности, впервые[1] предписывалось изучение в университетах «Истории и Литературы Славянских Наречий»[2].

Введение новой дисциплины, вероятно, сказалось в одном из научных замыслов Гоголя, предполагавшего написать сочинение «о духе и характере народной поэзии славянских народов»[3]. (Ранее Гоголь ориентировался также на востоковедческие штудии Уварова[4] и на его программные статьи, посвященные преподаванию мировой истории[5].)

[1] См. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва*** (примечания).
[2] Июля 26 <1835>. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов // Полн. собр. законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1836. Т. 10. Отделение 1. С. 842.
[3] См. ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1834. Август. Санкт-Петербург*** (примечания).
[5] См. ***1833. Декабря 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ ЧЕТВЕРГА 8. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет А. С. Данилевскому (в Семереньки или в Толстое):

«Не позабудь меня уведомить в случае какого-нибудь изменения по части нашего выезда, то есть если он подвинется подальше воскресенья <11 августа> (пославши верхового из Сорочинец в пятницу или субботу). Если же всё по-старому, то мы все будем в Сорочинцы в воскресенье на обед, никак не позже 2 часов, а если можно, то и раньше, чтобы пораньше и выехать после обеда в то же воскресение».

АВГУСТА ОКОЛО 11. ВАСИЛЬЕВКА, ВЕЛИКИЕ СОРОЧИНЦЫ, МИРГОРОД

Гоголь выехал из Васильевки в Петербург (через Киев). Вероятно, перед выездом говорил матери о намерении отправиться на год за границу.

Позднее, 10 февраля 1836 г., Гоголь писал матери в Васильевку: «...Напрасно <...> принимаете вы на чистые деньги слова, сказанные мною Татьяне Ивановне <Черныш> или кому другому. Разве вы не видите, что я шутил? Я одному говорил, когда меня спрашивали, скоро ли я буду, что я буду через пять лет, другому — через десять. Вам я сказал ближе всего к тогдашним моим мыслям; потому что я действительно думал тогда через два года приехать опять в Васильевку на неделю и через год на три месяца, воротившись из-за границы»[1].

В Великих Сорочинцах Гоголь встретился с А. С. Данилевским[2] и отправился с ним, — вероятно, через Миргород, Лубны и Пирятин — в Киев.

[1] См. также ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Ноября 10. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Августа не позднее четверга 8. Васильевка.***

АВГУСТА 14 – 18–19. КИЕВ

Гоголь с А. С. Данилевским проездом в Киеве у М. А. Максимовича. Совершает продолжительные прогулки по старому Киеву и его святым местам. Максимович, возможно, напоминает Гоголю о невозвращенном рукописном сборнике украинских песен З. Я. Доленги-Ходаковского (сборник Гоголь оставил тогда, по забывчивости, в Васильевке)[1].

На письме Гоголя от 20 июля 1835 г.[2] М. А. Максимович сделал примечание: «Он прожил у меня, в доме Катеринича, дней пять»[3].

В 1853 г. Максимович рассказывал П. А. Кулишу: «Гоголь исполнил обещание, данное земляку и другу в письме от 20 июля 1835 года: он посетил его в Киеве, на пути в столицу, и прожил у него около пяти суток. Г. Максимович занимал тогда квартиру в доме Катеринича, на Печерске (недалеко от старого Никольского монастыря с одной и Царского сада с другой стороны. – *Примеч. П. А. Кулиша. – И. В.*). Отсюда Гоголь отправлялся в разные прогулки по Киеву и его окрестностям, в сопровождении г. Максимовича или кого-нибудь из товарищей по Нежинской гимназии, служивших в Киеве. На лаврской колокольне, откуда открывается обширная панорама гористого Киева и его окрестностей, можно видеть собственноручною его надпись. Он долго просиживал на горе у церкви Андрея Первозванного[4] и рассматривал вид на Подол и на днепровские луга»[5].

В 1870 г. Максимович писал М. П. Погодину: «...Уцелел еще от сломки, на Никольской улице, тот знакомый тебе Катериничев домик, в которой переместился я к весне 1835 года... <...> Там прежде всех гостивших у меня друзей был *Гоголь*, нарочно приезжавший ко мне в конце июля[6], возвращаясь из своей полтавской Васильевки, или Яновщины, в Петербург. Он пробыл у меня пять дней, или, лучше сказать, пять ночей: ибо в ту пору все мое дневное время было занято в университете, а Гоголь уезжал с утра к своим нежинским, лицейским знакомцам[7], и с ними странствовал по Киеву. Возвращался он вечером, и только тогда зачиналась наша беседа... Нельзя было мне не заметить перемены в его речах и настроении духа: он каждый раз возвращался неожиданно степенным и даже задумчивым[8]. Ни *крепкого* словца, ни грязного анекдотца не послышалось от него ни разу. Он, между прочим, откровенно сознавался в своем небрежении о лекциях в петербургском университете и жалел очень, что его не принял фон-Брадке в университет киевский. Я думаю, что именно в то лето начался в нем крутой переворот в мыслях – под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у Малороссиян 17-го века назывался *Русским Иерусалимом*»[9] (имеется в виду Киево-Печерская Лавра).

По позднейшему свидетельству самого Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847), именно к этому времени относится одно «необыкновенное», по его словам, «душевное событие»[10], которое ознаменовало новую ступень в его нравственном образовании и еще более углубило в нем дар изображать «пошлость пошлого человека»[11]. Это умение, признавался Гоголь, обострилось в нем «еще сильней от соединенья с ним некоторого душевного обстоятельства». «Но этого, – прибавлял Гоголь, – я не в состоянии был открыть тогда даже Пушкину». (Речь идет о чтении Гоголем Пушкину начальных глав «Мертвых душ» в ноябре-декабре 1835 г.[12]) «Я <...> от многих своих гадостей избавился тем, что передал их своим героям <...> Я оторвался <...> от многого тем, что, лишивши картинного вида и рыцарской маски, под которою выезжает козырем всякая мерзость наша, поставил ее рядом с той гадостью, которая всем видна. <...> Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это <...> моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души...» («Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"»).

Можно предположить, что упоминаемое Гоголем «необыкновенное душевное событие» было тесно связано с тем «крутым переворотом в мыслях – под впечатлением древнерусской святыни Киева», о котором вспоминал Максимович. Гоголь, вернувшись в конце августа 1835 г., в Петербург[13], вскоре приступил к работе над «Мертвыми душами»[14], а затем, в поразительно короткий срок, почти за месяц, с конца октября[15] по начало декабря[16], написал «Ревизора».

Будучи профессором Киевского университета, Максимович, которому Гоголь 22 марта 1835 г. послал из Петербурга свой сборник «Миргород»[17], занимался критическим разбором «Тараса

Бульбы» со слушателями университета (среди которых был будущий биограф Гоголя П. А. Кулиш) и во время пребывания Гоголя в Киеве передал ему свое мнение о повести. Об этом отзыве известно из позднейшего пересказа М. А. Максимовича. По его словам, Гоголь «очень *достаточно* знал историю Малороссии, язык и песни ее народа, и всю народную жизнь ее, и понимал их глубже и вернее многих новейших писателей Малороссийских, то известно мне положительно и достоверно, как по прежним его занятиям, особенно 1834 и 1835 г., так и по его беседам со мною 1849 и 1850 г.[18] Но свойство его поэтического гения было уже таково, что действительную жизнь он своевольно пересоздавал, преображал в новое бытие, художественно-образцовое; и в этом отношении наш другой великий художник, Пушкин, по свойству своего гения, в поэме "Полтава" был покорней исторической действительности, чем Гоголь в своем "Тарасе Бульбе"»[19].

В 1861 г. Максимович, процитировав эти строки, пояснял: «Тут высказано мое давнее мнение о Гоголе, известное тем университетским слушателям моим, с которыми в 1835 году я разбирал критически "Тараса Бульбу"; оно известно было и Гоголю, приезжавшему ко мне того же года в Киев»[20].

В 1892 г. В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского (которого он расспрашивал в 1887 г.), в свою очередь, сообщал: «На обратном пути он <Гоголь> нарочно сделал 300 верст крюку и заехал с Данилевским к Максимовичу, у которого они остановились»[21].

Возможно, к этому времени – когда, чтобы заехать к Максимовичу, Гоголь «сделал 300 верст крюку» – относится его высказывание, о котором Максимович сообщил много лет спустя, 9 ноября 1859 г., в письме к М. П. Погодину: «Версты боковых дорог покойный Гоголь называл *приятельскими*»[22]. Ср. во второй главе первого тома «Мертвых душ»: «Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать».

[1] См. ***1838. Февраля 5 <января 24>. Понедельник. Рим.***

[2] См. ***1835. Июля 20. Суббота. Полтава.***

[3] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 496; см. также: *Кулиш 1854 (2).* С. 82–83.

[4] См. также ***1835. Августа 15. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Киев.***

[5] Воспоминания М. А. Максимовича в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 633.

[6] С 14 по 18–19 августа 1835 г.

[7] Вероятно, в Киеве к Гоголю и А. С. Данилевскому присоединился И. Г. Пащенко, который отправился с ними в Петербург (см. ***1835. Августа после 18–19 – до 27. Кролевец, Курск (?), Орел, Тула, Москва***).

[8] К этому месту Максимович сделал в книге примечание, касающееся «цинических песен», записанных Гоголем в Петербурге в период создания «Вия» (1834) в рукописном сборнике украинских песен З. Я. Доленги-Ходаковского (см. ***1833. Ноября 9. Санкт-Петербург***).

[9] *Максимович М. А.* Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде // *Свод.* Т. 1. С. 637–638.

[10] Позднее на просьбу В. И. Белого рассказать ему об этом событии подробнее (см. ***1849. Мая 2. Понедельник. Одесса***) Гоголь не отозвался (см. ***1849. Мая 16. Понедельник. Москва***).

[11] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Завязка «Ревизора» // *Гоголь Н. В.* Ревизор. С приложениями. М.: МИД «Синергия», 1995. (Серия «Новая школьная библиотека»). С. 10–12; *Виноградов 2000.* С. 278–280; *Виноградов И. А.* Завязка «Ревизора» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3-4. С. 621–623. – См. также ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[12] См. ***1835. Ноябрь-декабрь. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[15] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1835. Декабря 4. Среда. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1835. Марта 22. Санкт-Петербург.***

[18] См. ***1850. Августа 10 – августа около 20. Васильевка.***

[19] *Максимович М. А.* Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада», 1857 г.: (Письмо к Г. П. Галагану) // *Свод.* Т. 1. С. 640–641.

[20] *Максимович М. А.* Оборона украинских повестей Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 641.

[21] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 511.

[22] *Максимович М.* О приезде Богдана Хмельницкого в Киев из Замостья. (Пятое письмо к М. П. Погодину) // Русская Беседа. 1859. Кн. 6. С. 100.

АВГУСТА 15. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. КИЕВ

Гоголь с М. А. Максимовичем на праздничной службе в Андреевском храме.

В 1870 г. Максимович вспоминал: «Вместе с Гоголем мне удалось <...> на другой день его приезда, побывать у Андрея Первозванного[1]. Там я оставил его на северо-западном угле балкона, отлучась по делам к попечителю[2], жившему своим гостеприимным домом возле Михайловского монастыря; а когда вернулся я, нашел его возлежащим на том же самом месте. <...> ...Из представляющейся оттуда обширной панорамы Киева <...> Гоголю особенно полюбился вид на Кожемяцкое удолье и Кудрявец. Когда же мы снова обходили с ним вокруг той высоты, любуясь ненаглядною красотою киевских видов, стояла неподвижно малороссийская молодица, в белой свите и намитке, опершись на балкон и глазея на Днепр и Заднепровье. "Чего ты глядись там, голубко?" — мы спросили. "Бо гарно дивиться!" — отвечала она, не переменяя своего положения; и Гоголь был очень доволен этим выражением эстетического чувства в нашей землячке. Мы расстались в Киеве надолго, до нашего свидания в октябре 1849 года[3], в Москве».

Максимович М. А. Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде // *Свод.* Т. 1. С. 638.

[1] См. также ***1835. Августа 14 — 18–19. Киев.***
[2] Е. Ф. фон Брадке.
[3] См. ***1849. Конец октября. Москва.***

АВГУСТА 16. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь М. А. Дондуков-Корсаков в ответ на предложение С. С. Уварова[1] составил список профессоров Петербургского университета, подлежащих сокращению. В их числе упоминается Гоголь[2].

«Князь Дондуков-Корсаков <...> затребованный роковой список составлял медленно, обдуманно. Список помечен 16-м августа. Во главе его стоял сам ректор университета, знаменитый <А. А.> Дегуров из Клермона... <...> Далее следовали: декан филологического факультета, политико-эконом и словесник <Н. И.> Бутырский; профессор астрономии <В. К.> Вишневский, в свое время хороший работник, но теперь совсем одряхлелый; отставной эллинист <Д. П.> Попов и др.; из адъюнктов: <И. Я.> Соколов[3], <А. И.> Брут и между прочими Гоголь, "ежели, – прибавляет попечитель, — последний не выдержит испытание на степень доктора философии[4] для занятия профессорской должности". Но выполнение этого условия Гоголем попечитель считал невозможным. "По моему мнению, — писал он далее, – Гоголь едва ли может выдержать докторский экзамен", а потому должен быть уволен из университета.

Список был принят без колебания: все получили пенсии (Дегуров 4 тысячи, хотя попечитель просил 4 ½) или единовременные пособия (Гоголь 800 р<ублей>[5], его товарищи-адъюнкты — только по 600) (Архив мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>...)»[6].

[1] См. ***1835. Июля 17. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Июля 21. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] См. также ***1835. Апреля 22. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] И. Я. Соколов был оставлен в университете (см.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 1. С. 495).
[4] Историко-филологический факультет был преобразован тогда в первое отделение философского факультета. Второе отделение этого нового факультета составил бывший физико-математический факультет.
[5] См. ***1836. Января 1. Среда. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[6] *Кочубинский Ал.* Граф Сперанский и университетский устав 1835 года // *Свод.* Т. 1. С. 797.

АВГУСТА 18–19. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. КИЕВ

Гоголь с А. С. Данилевским и И. Г. Пащенко[1] выехал из Киева в Санкт-Петербург.

[1] См. ***1835. Августа после 18–19 – до 27. Кролевец, Курск (?), Орел, Тула, Москва.***

АВГУСТА ПОСЛЕ 18–19. НЕЖИН; ХУТОР НИКОЛАЕВ ПОД БОРЗНОЙ

Гоголь с А. С. Данилевским и И. Г. Пащенко, вероятно, проезжают Нежин и заезжают в имение Н. Д. Белозерского под Борзной.

Позднее, 21 февраля 1836 г., Гоголь писал Белозерскому: «Прежде всего, каково здоровье ваше? потом, как ваши обстоятельства? О втором вопросе я интересуюсь потому, <что> здесь пронеслись слухи, которые я желал бы со всем участием моего сердца, чтобы были ложны. Говорят, что ваш дом сгорел. Мне очень неприятно было слышать об этом, зная, как вам дорого отцовское гнездо ваше. Вы, сделайте милость, известите меня об этом. Еще занеслись для меня другие вести, также очень, очень неприятные для меня, будто бы сгорел Нежинский лицей. Признаюсь, это так меня огорчило, как не огорчило бы известие о сгоревшем моем собственном отцовском доме. И когда я вспомнил, как безжалостно поступила со мною судьба, или, может, какое-нибудь предопределение, или, может быть, я сам, — но не тот я, который я есть во глубине души моей, но я, раздосадованный, дорожный, рассерженный станционными смотрителями, — то, признаюсь, невыразимый упрек кипит во мне. И, как нарочно, какое было тогда прекрасное утро! одно из тех самых, которые принадлежат невозвратной нашей юности. Я и у вас был после того смутен и не с такой ясностью вас встретил».

АВГУСТА ПОСЛЕ 18–19 – ДО 27. КРОЛЕВЕЦ, КУРСК (?), ОРЕЛ, ТУЛА, МОСКВА

Гоголь на почтовых станциях между Кролевцем и Москвой с помощью А. С. Данилевского и И. Г. Пащенко выдает себя за ревизора.

В 1892 г. В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского (которого биограф посетил в 1887 г.), сообщал: «Пробыв у Максимовича дня два, они принуждены были взять напрокат коляску, так как дилижансов тогда еще не существовало, и отправились из Киева в Москву, где Гоголь хотел повидаться с Погодиным и другими своими друзьями. Поездку они совершали втроем; к ним присоединился еще один из бывших нежинских лицеистов-сотоварищей, Иван Григорьевич Пащенко, находившийся с обоими в наилучших отношениях.

Здесь была разыграна оригинальная репетиция “Ревизора”, которым тогда Гоголь был усиленно занят[1]. Гоголь хотел основательно изучить впечатление, которое произведет на станционных смотрителей его ревизия с мнимым инкогнито. Для этой цели он просил Пащенка выезжать вперед и распространять везде, что следом за ним едет ревизор, тщательно скрывающий настоящую цель своей поездки. Пащенко выехал несколькими часами раньше и устраивал так, что на станциях все были уже подготовлены к приезду и встрече мнимого ревизора. Благодаря этому маневру, замечательно счастливо удавшемуся, все трое катили с необыкновенной быстротой, тогда как в другие раза им нередко приходилось по нескольку часов дожидаться лошадей. Когда Гоголь с Данилевским появлялись на станциях, их принимали всюду с необычайной любезностью и предупредительностью. В подорожной Гоголя значилось: “адъюнкт-профессор”, что принималось обыкновенно сбитыми с толку смотрителями чуть ли не за адъютанта Его Императорского Вели-

чества. Гоголь держал себя, конечно, как частный человек, но как будто из простого любопытства спрашивал: “Покажите, пожалуйста, если можно, какие здесь лошади; я бы хотел посмотреть их”; и проч. Так ехали они с самого Харькова[2]»;

«...По свидетельству А. С. Данилевского, он <Гоголь> сам во время одной из поездок устроил своеобразную импровизированную репетицию “Ревизора” на постоялых дворах...»[3]

[1] «Мысль “Ревизора”» была сообщена Гоголю А. С. Пушкиным позднее (см. ***1836. Октября конец. Санкт-Петербург***). Очевидно, что розыгрыш (если таковой был на самом деле) был устроен Гоголем безотносительно к замыслу комедии (но полученный опыт, несомненно, пригодился при создании пьесы). В воспоминаниях брата И. Г. Пащенко Тимофея Григорьевича Пащенко об этом розыгрыше не сообщается (см. ***1835. Августа около 27–28. Москва***; *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 592–597). Возможно, к розыгрышу Гоголя подтолкнуло содержание комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе», о которой писатель к тому времени уже «слышал» (см. ***1835. Мая после 4 — не позднее 10. Москва***; ***1840. Марта 30. Суббота. Санкт-Петербург***).

[2] Маршрут движения от Киева до Москвы через Харьков маловероятен. Учитывая возможное пребывание Гоголя (вместе с Данилевским и Пащенко) проездом в Нежине и Борзне (см. ***1835. Августа после 18–19. Нежин; хутор Николаев под Борзной***), можно предположить, что далее они двинулись на Кролевец и — возможно, через Курск — на Орел.

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 511–512.

АВГУСТА 25. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. С. Щепкин в театре Петровского парка играет Фамусова в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Гриц. С. 209.

АВГУСТА ОКОЛО 27–28. МОСКВА

Гоголь с А. С. Данилевским и И. Г. Пащенко по дороге в Санкт-Петербург останавливаются проездом в Москве. Гоголь в присутствии М. С. Щепкина читает «Женитьбу» у И. И. Дмитриева. У Аксаковых, вероятно, знакомится с П. В. и В. А. Нащокиными. Возможно, посещает Н. П. Боткина[1]. С. Т. Аксакову Гоголь запомнился тогда «франтиком»[2].

В 1880 г. В. К. Пашков, со слов Т. Г. Пащенко, сообщал: «Проездом чрез Москву <...> Гоголь, Данилевский и <И. Г.> Пащенко остановились в гостинице. На другой день вбегает к ним лакей их и говорит, что Н. В. Гоголя спрашивает какой-то господин, а вслед за этим входит и самый этот господин и спрашивает: “Здесь г. Гоголь?” Гоголь, Данилевский и Пащенко были неодеты и скорей за ширму: “Извините – мы не одеты”,– говорят из-за ширмы. “Ничего; прошу вас не стесняться, я желаю и мне очень приятно познакомиться с вами”. А за ширмой суматоха: один другого выпихивают вперед. Наконец выходит Гоголь и рекомендуется тому господину, который оказывается — бывший министр народного просвещения <И. И.> Дмитриев. Старик жил в Москве и желал лично познакомиться с Гоголем, с которым и познакомился[3], и очень любезно, а также и с товарищами Гоголя и пригласил к себе на вечер. Дали слово. На вечере у Дмитриева собралось человек 25 московских литераторов, артистов и любителей, в числе которых был и знаменитый Щепкин с двумя своими дочерьми. Гостеприимный хозяин и все просили Гоголя прочесть “Женитьбу”. Гоголь сел и начал читать. По одну сторону Гоголя сидел Дмитриев, а по другую Щепкин. Читал Гоголь так превосходно, с такою неподражаемою интонацией, переливами голоса и мимикой, что слушатели

приходили в восторг, не выдерживали и прерывали чтение различными восклицаниями. Кончил Гоголь и свистнул...[4] Восторженный Щепкин сказал так: "Подобного комика не видал в жизни и не увижу!" Потом, обращаясь к дочерям, которые готовились поступить на сцену: "Вот для вас высокий образец художника, вот у кого учитесь!"»[5].

В. А. Нащокина[6] вспоминала: «С Гоголем Павел Войнович познакомился в Москве, кажется, у С. Т. Аксакова и пригласил его к себе. Это случилось до поездки Николая Васильевича в Италию, но в каком именно году — не помню. Гоголь скоро стал своим человеком в нашем доме. Он был небольшого роста, говорил с хохлацким акцентом, немного ударяя на *о*, носил довольно длинные волосы, остриженные в скобку, и часто встряхивал головой, любил всякие малороссийские кушанья, особенно галушки, что у нас часто для него готовили. Общества малознакомых людей он сторонился. Обыкновенно разговорчивый, веселый, остроумный с нами, Гоголь сразу съеживался, стушевывался, забивался в угол, как только появлялся кто-нибудь посторонний, и посматривал из своего угла серьезными, как будто недовольными глазами или совсем уходил в маленькую гостиную в нашем доме, которую он особенно любил.

Когда Гоголь бывал в ударе, а это случалось часто до отъезда его за границу, он нас много смешил. К каждому слову, к каждой фразе у него находилось множество комических вариаций, от которых можно было помереть со смеха. Особенно любил он перевирать, конечно, в шутку, газетные объявления. Шутил он всегда с серьезным лицом, отчего юмор его производил еще более неотразимое впечатление»[7].

[1] См. ***1835. Августа 27. Вторник. Москва***; ***1835. Августа 28. Среда. Москва.***

[2] См. ***1839. Сентября 29. Пятница. Москва.***

[3] И. И. Дмитриев познакомился с Гоголем ранее, летом 1832 г. (см. ***1832. Июля начало. Москва***).

[4] См. также ***1836. Между мая 27 и июня 6. Санкт-Петербург.***

[5] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 595.

[6] Вера Александровна Нащокина (1811 (?) – 1900), жена П. В. Нащокина (с 1834 г.), побочная дочь его троюродного брата камергера А. П. Нащокина.

[7] *Родионов И.* Воспоминания В. А. Нащокиной о Пушкине и Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 552.

АВГУСТА 27. ВТОРНИК. МОСКВА

Гоголь пишет записку Н. П. Боткину:

«Обедать не соберусь покуда. Но если вы завтра ввечеру (т. е. в середу <28 августа>) дома и никого у вас не будет, кроме люду домашнего, то мы с Данилевским[1] заглянем к вам около 8-ми часов».

[1] См. также ***1849. Февраля 16. Среда. С. Анненское Сумского уезда Харьковской губернии.***

АВГУСТА 28. СРЕДА. МОСКВА

Гоголь и А. С. Данилевский около 8 часов вечера, возможно, посетили Н. П. Боткина[1].

После визита Гоголь, Данилевский и И. Г. Пащенко, по-видимому, поздно вечером выехали в Петербург (дорога до Петербурга занимала в то время по обыкновению четверо суток)[2].

[1] См. ***1835. Августа 27. Вторник. Москва.***

[2] См. ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 31. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с А. С. Данилевским и И. Г. Пащенко поздно вечером прибыли в Петербург. (Гоголь и Данилевский вернулись сюда после четырехмесячного отсутствия[1].)

В «Прибавлении № 201 к Санктпетербургским Ведомостям» от 5 сентября 1835 г., в разделе «Приехавшие в Столичный город С. Петербург Августа 28, 29, 30 и 31 дня 1835 года», напечатано извещение: «Из Москвы <...> здешн<его> Университета Адъюнкт-Профессор *Гоголь*»[2].

[1] См. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 796.

СЕНТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Цензурное разрешение № 7 журнала Н. И. Надеждина «Телескоп» за 1835 г., где помещено начало (первая треть) статьи В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя (“Арабески” и “Миргород”)».

См. также ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

СЕНТЯБРЯ 1 ИЛИ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ ИЛИ ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь навестил в Патриотическом институте сестер Анну и Елисавету[1]. При этом, по-видимому, окончательно убедился, что вопрос об его увольнении из института – дело решенное[2].

Сестра Гоголя Анна в письме к В. С. Аксаковой от 24 марта 1853 г. вспоминала о брате: «...Когда я его спрашивала, отчего он уезжает за границу и не хочет учить у нас, то он нарочно нам сказал, что оттого, что мы не хотим у него учиться»[3].

[1] См. ***1835. Сентября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава.***
[3] См. ***1835. Марта 20. Среда. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Пишу к вам на другой день после приезду моего в П<етер>б<у>рг[1]... <...> Был у сестер[2]. Обе они, как Анет, так и Лиза, довольно подросли за эти 4 месяца и во всё продолжение их были совершенно здоровы».

[1] См. ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Сентября 1 или 2. Воскресенье или понедельник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ СУББОТЫ 7. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь встречается с А. С. Пушкиным, оставляет ему «Женитьбу», чтобы тот сделал свои замечания. Пушкин передает Гоголю сюжет «Мертвых душ»[1].

Хронологию событий помогают восстановить письма самого Гоголя. 31 августа 1835 г. он вернулся в Петербург после четырехмесячного отсутствия[2]. Спустя более месяца, в письме от 7 октября 1835 г., он обратился к Пушкину с просьбой: «Пришлите <...>, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний <...> пришлите *Женитьбу*». В этом же письме содержится упоминание о «Мертвых душах»: «Начал писать Мертвых душ. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется, будет сильно смешон. [Но теперь остановился] Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтиться. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь. Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию».

Поскольку Пушкин 7 сентября 1835 года выехал в Михайловское[3] и вернулся в Петербург лишь 23 октября[4], то, очевидно, его встреча с Гоголем (и передача Гоголем Пушкину «Женитьбы») могла состояться лишь в период с 1 по 7 сентября.

Согласно позднейшему рассказу Гоголя в «Авторской исповеди», в эти дни (с 1 по 7 сентября 1835 г.) он прочел Пушкину «небольшое изображение небольшой сцены» (вероятно, именно отрывок из «Женитьбы»[5]), после чего Пушкин дал ему сюжет «Мертвых душ»: «Он <Пушкин> уже давно склонял меня приняться за большое сочинение и наконец один раз, после того как я ему прочел одно небольшое изображение небольшой сцены, но которое, однако ж, поразило его больше всего мной прежде читанного, он мне сказал: "Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!" Вслед за этим начал он представлять мне слабое мое сложение, мои недуги, которые могут прекратить мою жизнь рано; привел в пример Сервантеса[6], который хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за "Донкишота", никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями, и в заключенье всего отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому. Это был сюжет "Мертвых душ". (Мысль "Ревизора" принадлежит также ему.)[7]. <...> Пушкин находил, что сюжет "Мертвых душ" хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Рассказ Гоголя в «Авторской исповеди» 1847 г. является главным источником сведений о передаче Гоголю Пушкиным сюжета «Мертвых душ». Однако об этом же Гоголь упоминал ранее — за несколько лет до выхода в свет первого тома поэмы — в письмах к друзьям: к П. А. Плетневу, от 27 марта (н. ст.) 1837 г. («Нынешний труд мой, внушенный им, его создание...»); к М. П. Погодину, от 30 марта (н. ст.) 1837 г. («И теперешний труд мой есть его создание»); к В. А. Жуковскому, от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. («Я должен продолжать мною начатый большой труд, который писать с меня взял слово Пушкин, которого мысль есть его создание...»), а также рассказывал А. И. Тургеневу во время встречи с последним во Франкфурте 1 сентября (н. ст.) 1837 г.[8] Тургенев сообщал об этом позднее, в письме к своему двоюродному брату И. С. Аржевитинову от 17 октября 1842 г.: «Мысль принадлежит Пушкину: он завещал ее Гоголю...»[9]

В 1865 г., граф В. А. Соллогуб также указывал: «Сюжет Мертвых Душ <...> сообщен Пушкиным. "Никто, — говаривал он, — не умеет лучше Гоголя подметить всю пошлость русского человека"»[10].

К этим словам Соллогуба П. И. Бартенев тогда же сделал примечание: «...Рассказывают за верное, что <...> мысль о Мертвых Душах <...> принадлежала Пушкину. В Москве Пушкин был с одним приятелем на бегу. Там был также некто П. (старинный франт). Указывая на него Пушкину, приятель рассказал про него, как он скупил себе мертвых душ, заложил их и получил большой барыш. Пушкину это очень понравилось. "Из этого можно было бы сделать роман", сказал он меж-

ду прочим. Это было еще до 1828 года. Гоголь в оставшейся между его бумагами Исповеди подтверждает сам <...> эти показания»[11].

В 1854 г. Ф. В. Булгарин, прочитав в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша строки о том, что Пушкин «по целым ночам» просиживал у Гоголя[12], замечал: «Много в этой книге ссылаются на Пушкина, и усердно ставят два имени рядом, чтобы этим возвеличить одно имя Гоголя. В таком случае да позволено будет сделать еще маленькое приношение на пользу биографических материалов — суждение Пушкина о Гоголе, высказанное перед одним литератором, незнакомым лично с автором "Вечеров на Хуторе"[13]. За точность слов можно поручиться. Разговор происходил на французском языке: "J'estime Gogol peu comme écrivain, mais je l'aime. Il s'est élevé au sublime du trivial. C'est quelque chose, en absence du vraiment bon. *J'aime aussi Paul de K****, quoiqu'il ne sache pas le français, a ce qu'on dit". (Гоголя, как писателя, я мало уважаю, но я люблю его. В пошлости он достиг высокого. И это не дурно, за исключением истинно хорошего. Я люблю тоже Поль-де-К<о-ка>[14], хотя говорят, он не знает французского языка (1835)»[15].

Цитируя эти строки, С. С. Дудышкин в «Отечественных записках», заключал: «Помечено 1835 годом. <...> Мы отказываемся верить этому мнению Пушкина и оставляем его на ответственность "Библиотеки"»[16].

Спустя три года, в 1857 г., П. В. Анненков в «Воспоминаниях о Гоголе» сообщал: «Пример правильной оценки Гоголя дал Пушкин. Известно, что Гоголь взял у Пушкина мысль «Ревизора»[17] и "Мертвых душ", но менее известно, что Пушкин не совсем охотно уступил ему свое достояние. Однако ж, в кругу своих домашних, Пушкин говорил смеясь: "С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя"[18]. Глубокое слово! Пушкин понимал неписанные права общественного деятеля. Притом же Гоголь обращался к людям с таким жаром искренней любви и расположения, несмотря на свои хитрости, что люди не жаловались, а, напротив, спешили навстречу к нему»[19].

Л. Н. Павлищев в 1872 г., со слов своей матери Ольги Сергеевны Павлищевой (рожд. Пушкиной), сестры А. С. Пушкина, сообщал: «Гоголь <...> сблизился с Пушкиным в 1832–1833 годах. Посещая Александра Сергеевича, он часто пользовался его советами. Беседовали же они, большею частию, глаз-на-глаз, так как Николай Васильевич в присутствии дам конфузился, в чем неоднократно сознавался Александру Сергеевичу. В одну их этих бесед, Пушкин передал Гоголю слышанную им новость, что какой-то господин, живший в Псковской губернии (неподалеку от Михайловского), занимаясь покупкою мертвых ревизских душ, попался в этих подвигах властям предержащим. Рассказав об этом, он прибавил: "Знаете ли, Гоголь, что это отличный материал и как раз мне на руку: я им займусь... К стихам я ныне охладел и, как вам известно, занимаюсь прозою"... Николай Васильевич выслушал историю о первообразе своего "Чичикова" с видом полнейшего равнодушия, не подавая вида, что он принимает ее к сведению. Между тем, впоследствии, Александр Сергеевич показывал своей сестре самую программу повести, или романа, на сюжет похождений скупщика мертвых душ. Но Гоголь предупредил его и когда труд его настолько продвинулся, что он сообщил о нем Жуковскому и Плетневу — Александр Сергеевич был этим крайне недоволен. "Язык мой — враг мой, — говорил он жене своей. — Гоголь, хитрый малоросс, воспользовался моим сюжетом. Историю г-на N. N., которую я ему рассказывал, он как будто пропустил мимо ушей... Впрочем, — прибавил он, — я не написал бы лучше. В Гоголе бездна юмору и наблюдательности, которых во мне нет". Чтение самим Гоголем первых глав его "Мертвых Душ" Пушкину не только примирило великого поэта с похитителем его идеи, но заставило еще более прежнего поощрять Николая Васильевича к его литературным трудам» (опубл. в 1880 г.)[20].

В 1888 г. Павлищев добавлял: «Мать моя была тоже в искренно родственных отношениях и с женою брата Александра Сергеевича — Натальей Николаевной; сохранила она отношения эти и после вторичного брака тетки с П. П. Ланским. <...> У брата своего <...> моя мать встретила и Николая Васильевича Гоголя. Творец "Мертвых Душ" произвел на нее впечатление оригинала. Играя большею частию в молчанку, a la Мицкевич, Гоголь редко читал свои произведения, но когда

читал их, то неподражаемо; в особенности мастерски передразнивал хохлов — каковым, впрочем, был сам, — и жидов[21]. Александр Сергеевич очень благоволил к нему, и только раз, как передала моей матери Наталья Николаевна, попенял ему, при появлении в свет "Мертвых Душ". Думая напечатать в стихах правдивый рассказ о скупавшем мертвые души псковском помещике, Пушкин сообщил об этом сюжете Николаю Васильевичу в разговоре; Николай Васильевич и предупредил его, создав Чичикова. "Хитрый, хитрый малоросс, — говорил Пушкин жене, — перебил мне поэму; впрочем, Бог с ним; хорошо сделал: ни за что бы мне не удалось так изобразить «Похождения Чичикова», как он"[22]. Этот эпизод, повторяю, слышал я от матери, а потом и от самой Натальи Николаевны»[23].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. также сообщал: «..."Мертвые Души" — так это прямо идея Пушкина, возникшая в его уме еще в то время, когда он жил в Новороссии. И если он не претендовал на то, что Гоголь ее похитил у него, то лишь потому, как говорил он сам мне потом, "что я, может быть, и не осуществил бы ее, потому что у меня много было другого дела, также важного по существу своему и требующего немедленного осуществления"... Вот что Пушкин говорил мне о Гоголевском творчестве...»[24]

Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна в 1893 г., пересказывая записки матери, сообщала: «...Пушкин <...> провел четыре часа у Гоголя и дал ему сюжет для романа, который, как Дон-Кихот, будет разделен на песни. Герой объедет провинцию. Гоголь воспользуется своими путевыми записками»[25].

Осенью 1835 г., когда состоялась передача Гоголю Пушкиным сюжета «Мертвых душ», Смирновой не было в Петербурге[26]. Последние встречи Смирновой с Пушкиным относятся к зиме 1834/35 г. — весне 1835 г. Об обстоятельствах передачи сюжета Смирнова могла узнать со слов самого Гоголя в 1837 г., когда общалась с ним в Париже[27]. Дополнительные сведения о передаче Гоголю Пушкиным сюжета «Мертвых душ» были почерпнуты О. Н. Смирновой из гоголевской «Авторский исповеди» 1847 г.

[1] См. также ***1814 июля после 4 — 1815 апреля конец — мая начало. Полтава, Васильевка.***

[2] См. ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1835. Сентября 7. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1835. Октября 23. Среда. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1835. Октября 7. Санкт-Петербург.***

[6] См. также ***1837. Июня 28 — июля не позднее 15 <июня 16 — июля не позднее 3>. Турин, Марсель, Барселона, Мадрид, Лиссабон, Турин, Баден-Баден.***

[7] «Первую идею» к созданию «Ревизора» Пушкин подал Гоголю полтора-два месяца спустя (см. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург***).

[8] См. ***1837. Сентября 1 <августа 20>. Пятница. Франкфурт-на-Майне.***

[9] См. ***1842. Октября 17 <29>. Суббота. Москва.***

[10] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 651. — См. также ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (свидетельство П. И. Мартоса).

[11] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 651.

[12] Кулиш заимствовал эти сведения у Г. П. Данилевского, которому рассказал о посещениях Пушкина слуга Гоголя Яким Нимченко (см. ***1833. Декабря 21. Четверг. Санкт-Петербург***).

[13] См. ***1829. Конец сентября — первая половина октября. Санкт-Петербург.***

[14] См. также ***1829. Конец сентября — первая половина октября. Санкт-Петербург.***

[15] <*Булгарин Ф. В.*> Литературная летопись. Июнь 1854. Новые книги. 1. Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. (Спб., 1854)... // Библиотека для Чтения. 1854. Т. 126. Ч. 2. Август. Отд. 6. С. 7.

[16] *Дудышкин С. С.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение Николая М. Санктпетербург. 1854 // Отечественные Записки. 1854. № 11 (цензурное разрешение 1 ноября). Отд. 3. С. 9.

[17] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[18] Вероятно, слова А. С. Пушкина были переданы Анненкову в первой половине 1850-х гг. вдовой поэта Н. Н. Ланской (рожд. Гончаровой), когда мемуарист стал издателем и биографом Пушкина (см. ***1851. Сентябрь. Москва***). Это предположение подтверждается сведениями, сообщаемыми по поводу передачи Пушкиным Гоголю сюжета «Мертвых душ» племянником поэта Л. Н. Павлищевым (см. ниже).

[19] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 428–429, 431–432.

[20] Александр Сергеевич Пушкин. Составлено под редакцией П. А. Ефремова // *Свод.* Т. 1. С. 717.

[21] См. также ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург*** (автобиография А. Н. Мокрицкого).

[22] После публикации этого свидетельства в «Историческом Вестнике» Л. Н. Павлищеву было высказано критическое замечание, на которое тот тут же отвечал: «Мне сообщены две поправки к напечатанному в февральской книжке "Исторического Вестника" отрывку из моей "Семейной хроники", за которые я весьма признателен лицу, их сообщившему. Моя "Хроника" касается, преимущественно, событий, происходивших почти полстолетия назад, а потому естественно, что в некоторых мелочных подробностях у меня могут встретиться невольные промахи, или, вернее, обмолвки. Так, приводя (на стр. 296 февральской книжки "Ист<орического> В<естника>"), со слов моей матери, отзыв дяди о "Мертвых душах", я отнес его ко времени появления в свет этого сочинения Гоголя, тогда как дядя высказал свое мнение после прочтения ему автором первых глав "Мертвых душ", находившихся еще в *рукописи*, ибо "Мертвые души" были напечатаны лишь в 1841 году <точнее: в 1842-м>, когда дяди уже не было в живых» (*Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // Исторический Вестник. 1888. № 3. С. 560).

В следующем номере журнала с возражением Л. Н. Павлищеву выступил Д. Бородин: «В февральской книжке "Исторического Вестника", Л. Н. Павлищев <...> рассказывает <...> каким образом сюжет "Мертвых душ" заимствован Гоголем у Пушкина. Рассказ этот не особенно лестно рисует нам личность Н. В. Гоголя и я, с ведома и с согласия родной его сестры, Анны Васильевны Гоголь, позволю себе несколько подробнее остановиться на рассказе г. Павлищева и в интересах правды восстановить светлый образ почившего писателя. <...> Ошибка, сделанная г. Павлищевым в февральской книжке и оговоренная в мартовской, дает нам повод думать, что и в передаче отзыва А. С. Пушкина о Н. В. Гоголе и о том, что хитрый малоросс перебил у Пушкина поэму, г. Павлищев впал также в ошибку <...> В этой ошибке г. Павлищева мы убеждаемся, читая следующее место из авторской исповеди Н. В. Гоголя: "Пушкин <...> уже давно склонял меня приняться за большое сочинение <...> Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» хорош для меня тем, что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров". <...> Сомневаться в искренности и правдивости слова Н. В. Гоголя нет никакого основания... <...> очевидно, что сюжет "Мертвых душ" не похищен Н. В. Гоголем у А. С. Пушкина, а добровольно отдан этим последним Николаю Васильевичу. В оговорке своей, в мартовской книжке, г. Павлищев утверждает, что автор "Мертвых душ" читал свое произведение Александру Сергеевичу в рукописи. Этот факт, если считать его справедливым, говорит, что сюжет "Мертвых душ" был обработан Н. В. Гоголем с ведома А. С. Пушкина, следовательно, также опровергает мысль, проведенную в рассказе г. Павлищева, о заимствовании сюжета без согласия А. С. Пушкина» (*Бородин Д.* Поправка к «Семейной хронике» г. Павлищева // Исторический Вестник. 1888. № 4. С. 237–239).

М. Н. Марковский позднее замечал, что «если и было у Пушкина добродушное негодование на Гоголя за то, что он его обирает, то оно возникало не потому, что Гоголь хитро пользовался неосторожно оброненными мыслями Пушкина, а потому, что он быстро пользовался указаниями своего друга и претворял их в дело, возбуждая тем невольную, добродушную зависть в Пушкине, который видел такое быстрое осуществление своих сюжетов. Иначе трудно объяснить, как мог Пушкин, при всем своем добродушии и незлобивости, так восторженно встретить первые главы «Мертвых Душ» и так участливо следить за дальнейшим созданием поэмы и вообще находиться в прекрасных дружеских отношениях с Гоголем» (*Марковский М.* История возникновения и создания «Мертвых Душ». (Оттиск из XVI-й книги «Чтений в Историч<еском> Обществе Нестора-летописца»). Киев, 1902. С. 5).

С другой стороны, П. В. Нащокиным было высказано мнение о том, что чтения Гоголем Пушкину первых глав «Мертвых душ» вообще не было. Об этом 4 ноября 1851 г. записал в своем дневнике П. И. Бартенев (познакомившийся с Гоголем 1 мая 1849 г.): «По словам Нащокина, Гоголь никогда не был близким человеком к Пушкину. Пушкин, радостно и приветливо встречавший всякое молодое дарование, принимал к себе Гоголя, оказывал ему покровительство, заботился о внимании к нему публики, хлопотал лично о постановке на сцену Ревизора, одним словом, *выводил Гоголя в люди*. – Нащокин никак не может согласиться, чтобы Гоголь читал Пушкину свои *Мертвые души* (см. Переписку, стр. 145). Он говорит, что Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении. О Мертвых же душах не говорил. Хвалил он ему Ревизора, особенно Тараса Бульбу <см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***>. <...> От себя прибавлю, что здесь верно есть недоразумение и много можно сделать вопросов. Иначе, что за лгун Гоголь перед публикой. – Нащокин, уважая талант Гоголя, не уважает его как человека, противопоставляя его искание эффектов, самомнение – простодушию и доброте, безыскусственности Пушкина – в этом он, конечно, до некоторой степени прав» (*Бартенев П. И.* Рассказы о Пушкине. Тетрадь 1851–1860 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 550–551).

М. А. Цявловский, опубликовавший эту запись Бартенева, замечал, что «нельзя согласиться с Нащокиным, утверждавшим, что Гоголь не читал "Мертвых Душ" Пушкину, основываясь лишь на том, что последний ничего ему не говорил об этом» (*Цявловский М.* Комментарий // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей *П. И. Бартеневым* в 1851–1860 годах. Вступит. статья и примеч. М. Цявловского. Л., 1925. С. 116). Исходя из утверждения Нащокина, что «Пушкин всегда рассказывал ему о всяком замечательном произведении», Цявловский предположил, что чтение Гоголя «не оставило у Пушкина сильного впечатления».

Думается, однако, что и с таким объяснением нельзя согласиться. Рассказ самого Гоголя о глубоком впечатлении, которое произвело на Пушкина чтение первых глав поэмы, представляется невыдуманным. Все указанные свидетельства — критически оспоренные при самом их появлении — могут выступать лишь в качестве дополнительных материалов к истории создания «Мертвых душ» и не опровергают сведений, сообщаемых Гоголем.

Добавим ко всему этому, что барон Е. Ф. Розен в 1847 г. отрицал даже достоверность сообщения Гоголя в «Выбранных местах...» о том, что Пушкин определил «главное свойство» таланта Гоголя как способность ярко изображать «пошлость пошлого человека». Розен высказал мнение, будто эти слова Гоголя восходят к его же, барона Розена, отрицательному разбору гоголевской статьи «Об Одиссее, переводимой Жуковским», опубликованному 14 августа 1846 года в № 181 «Северной Пчелы»: «Я молчал долго, и промолчал бы об этом целый век свой, не говори Гоголь, что Пушкин в *похвальном смысле* возвел его в *певцы пошлости*, в Гомеры Терситовы. <...> *Есть чем* хвалиться! Кому охота разведывать пошлость пошлого человека, показывать ее в увеличительное стекло, чтобы всякая *мелочь* ее бросалась *крупно* в глаза? Это ли цель искусства? <...> ...Его изумительная поэма "об Одиссее, переводимой Жуковским" <...> доказала, что <...> автор <...> считает себя чем-то высшим Гомера <...> Я подал голос в Северной Пчеле против такого громадного высокомерия <...> надобно было <...> действовать едкими сарказмами. К ним принадлежит и "Гомер Терситов". Посудите же о моем удивлении, когда Гоголь, в своей последней книге, принял этот титул, на который будто бы выдан был ему диплом самим Пушкиным <...> Нет! невозможно, чтобы мой едкий *сарказм* сошелся в смысле с мнимым *похвальным* словом покойного Пушкина...» (*Розен <Е. Ф.>*, барон. Ссылка на мертвых // Сын Отечества. 1847. № 6. Отд. 3. С. 29–30).

Утверждая, что Гоголь воспользовался его статьей для определения сущности своего таланта, барон Розен имел в виду следующее отрывочное замечание в своей статье по поводу оценки Гоголем перевода «Одиссеи»: «...Гоголь намекает на то, что перевод *лучше* оригинала! Надобно быть Гомером Малороссийских Терситов, Чичикова и Собакевича, чтоб произнести подобное суждение!» (*Розен <Е. Ф.>*, барон. Поэма Н. В. Гоголя об Одиссее // Северная Пчела. 1846. 14 авг. № 181. С. 722). Отметим однако, что брошенное вскользь замечание Розена не получило никакого развития в его статье — и потому смысл его «сарказма» никак не может претендовать на то принципиальное значение, какое придавал понятию «пошлости пошлого человека» Гоголь. С другой стороны, хотя Гоголь и отправил свою статью об «Одиссее» П. А. Плетневу в Петербург для печатания 31 августа (12 сентября н. ст.) 1846 г. (спустя две недели после появления в печати рецензии Розена), однако датировал ее гораздо более ранним временем — 1843 г.

Таким образом, несмотря на сомнения, высказанные современниками по поводу достоверности рассказа Гоголя о начальном этапе творческой истории его произведения, факты свидетельствуют о том, что этот этап был именно таким, каким мы знаем его из рассказа Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями». В целом этот период (от передачи Пушкиным сюжета «Мертвых душ» до чтения ему первых глав поэмы) занял около двух месяцев — с первой недели сентября до конца октября 1835 г. Затем последовал долгий, почти в год, перерыв, после которого осенью 1836 г. Гоголь возобновил работу над поэмой, переписав заново начатые ранее главы. Работа эта проводилась, однако, уже за границей (см. ***1836. Октября между 7–12 и 23. Веве***).

[23] *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // Исторический Вестник. 1888. № 2. С. 296; *Павлищев Л. Н.* Из семейной хроники // *Свод.* Т. 1. С. 718.

[24] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // *Свод.* Т. 1. С. 562.

[25] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 329.

[26] См. ***1835. Июня 30. Воскресенье. Санкт-Петербург***; см. также: *Цявловский М.* Комментарий // Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей *П. И. Бартеневым* в 1851–1860 годах. Вступит. статья и примеч. М. Цявловского. Л., 1925. С. 116.

[27] См. ***1837. Марта 1–2 <февраля 17–18>. Среда-четверг. Париж.***

СЕНТЯБРЯ 7. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин уезжает в Михайловское.

Тархова. Т. 4. С. 1769.

СЕНТЯБРЯ 10. ВТОРНИК. МОСКВА

Решение Университетского совета Московского университета о напечатании № 3 «Ученых записок...» за сентябрь 1835 г., со статьей О. М. Бодянского «Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов»[1].

«Все нынешние Славянские племена, – писал Бодянский в статье, – суть ветви одного древа, и говорили некогда также одним языком... <...> С принятием Христианства являются у некоторых из них памятники оного, и прежде всего Священные книги. Из того, как легко сии книги были приняты различными Славянскими племенами: Сербами, Болгарами, Русскими вообще[2], Славянами в Боснии, Штирии, Каринтии, Карниолии, Венгрии, Хорватии, заключаем, что наречия, коими они говорили, были не слишком еще отделены одно от другого... <...> ...Церковный язык следует, кажется, признать *родоначальником* всех диалектов Славянских племен (как Латинский в отношении к языкам Италиянскому, Француз<скому>, Испанск<ому> и Португ<альскому>)... <...> Сей язык можно назвать *древним Славянским*, а касательно Руссов вообще, Северных и Южных, *древним Русским языком*... <...> ...С XIV стол<етия> все славянские наречия видимо удаляются от сего общего языка... <...> Разность эта <...>, с политическим разделением народов Славянских, увеличиваясь, произвела то, что каждое из сих наречий сделалось особенным языком. Сему много способствовало случившееся в то же самое время потеряние политической своей самобытности почти всеми ими, подпадение игу чуждому... <...> ...Сербы, Болгары, Босняки, Черногорцы и Далматы покоряются Турками; Чехи, Моравы, Словаки, Славоны, Хорваты, Кроаты, Иллирийцы, Краинцы, Лузатцы (Сорабы или Венды) – Немцами; Северные Руссы – Монголами; Южные – сперва Татарами, но вскорости потом Литовцами; от сего первые приняли много в свой язык слов Турецких; вторые – Немецких; третьи и четвертые – несколько татарских, потом Польских и др. Польский язык терпит от Латинского. <...>

Но когда в Южной Руси <...> долго тлевшая искра казачества наконец вспыхнула, <...> тогда вместе с таким переворотом во внутренней и внешней жизни Южных Руссов и простой обыкновенный язык решительно сделался всем общим... <...> К сему-то времени должно отнести появление Исторических дум, в которых воспеваются подвиги Южных чудо-богатырей. Так, нет почти ни одного славного предводителя сих рыцарей, <...> не увековеченного народом в звучных, мелодических стихах. Удачи и неудачи, любовь, разлука, тоска по милом, печаль матери по сыне, увлеченном бурным потоком наездничества и павшем в схватке с неверными, или захваченном в плен и преданном мучительной смерти, безотрадная грусть сестры по брате, буйное пиршество козаков по возвращении своем из походов, прелести привольной, независимой жизни: все это было темою песней. Можно сказать, не преувеличивая, что Южная Россия с половины XV ст<олетия> стала как бы одною огромною *эпопеей*. Ни один из Славянских народов столько не богат песнями, как Южные Руссы; после них стоят, без сомнения, северные их братья»[3].

Вслед за Гоголем[4] Бодянский писал: «...Случается, что народ, не всегда имеет у себя летописи своей жизни, или не все, не вполне; в таковом положении Поэзия поясняет собой историю, заменяет ее. <...> Песня – дневник Малороссиянина, в который он вносит все, что ни мыслить, ни чувствует, ни делает. "В этом отношении, – справедливо замечает один из лучших наших писателей, хорошо постигающий Малороссию (*Н. Гоголь*), – песни для Малороссии – все: и Поэзия, и История, и отцовская могила. (См. ст<атью> о Малоросс<ийских> песнях, в его Арабесках.) Они могут вполне назваться историческими, потому что не отрываются ни на миг от жизни и всегда верны тогдашней минуте, тогдашнему состоянию чувств". <...> Песни составляют собою начало, исходный пункт как вообще Словесности, так в особенности Поэзии народной...»[5]

При этом Бодянский замечал, что «из нынешних Европейских народов Славяне всех *богаче* песнями, своей народной Поэзией, суть самый *песенный*, поэтический народ»[6]. Из любви Гоголя к поэмам Гомера и украинским песням (учитывая также сравнение В. Г. Белинским «Тараса Бульбы» с «Илиадой»[7]) можно предположить, что Гоголю были близки также следующие размышления Бодянского: «Мы уверены, что из тщательно собранных исторических песен Сербов и

Малороссиян человек, с истинным поэтическим чувством и сметливостию, очень мог бы составить одно систематическое целое... <...> свою *Славянскую Илиаду.* <...> ...Из песень семейственных и т. п. можно бы образовать *Славянскую Одиссею...*»[8]

В высокой оценке русской и славянской народной поэзии[9] Бодянский и Гоголь были не одиноки. П. В. Киреевский, которому Гоголь в конце апреля – мае 1834 г. выслал часть своего собрания южнорусских песен[10], 14 октября 1833 г. писал Н. М. Языкову: «Знаешь ли ты, что готовящееся собрание русских песен будет не только лучшая книга всей нашей литературы, не только из замечательнейших явлений литературы вообще, но что оно, если дойдет до сведения иностранцев в должной степени и будет ими понято, то должно ошеломить их так, как они ошеломлены быть не ожидают! Это будет явление беспримерное. У меня теперь под рукою большая часть знаменитейших собраний иностранных народных песен, из которых мне все больше и больше открывается их ничтожество в сравнении с нашими... Мне кажется, можно доказать, что живая народная литература там *никогда не была* распространена *до такой* степени, как у нас»[11].

В 1836 г. А. С. Хомяков, отвечая на известное «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, восклицал: «Есть ли у кого из народов Европы, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и песни? у кого столько своей, родной, души? откуда вьются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов? Прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого христианского народа есть Нестор? у кого из народов есть столько ума в пословицах? а пословицы не есть ли плод пышной давней народной жизни?»[12]

Поэт граф А. К. Толстой отдавал даже предпочтение – в познавательном отношении – украинским песням перед художественными и историческими сочинениями – именно перед произведениями Гоголя и «Историей Русов». В письме к неустановленному адресату от 3 ноября 1852 г. он замечал: «Мой двоюродный брат <вероятно, Л. М. Жемчужников> приехал из Малороссии и привез с собою такие великолепные национальные мотивы! Они мне перевернули сердце... Никакая национальная музыка не выразила свою народность с таким величием и силой, как малороссийская музыка, даже лучше великорусской, которая так выразительна. Слушая ее, ты бы постепенно видела перед тобою всю историю Малороссии, ты бы лучше поняла характер народностей, чем читая Гоголя или Консиского»[13].

Вполне разделял Гоголь и представление Бодянского о том, что «все нынешние Славянские племена суть ветви одного древа, и говорили некогда также одним языком» – и что «сей язык можно назвать <...> *древним Русским языком*». В раннем наброске к своему незавершенному очерку о славянах (1832 – начало 1834) Гоголь писал: «...А народов славянских 60 народов <...>, а между народами теми множество наречий: *русское, польское, богемское, крайнинское, кроатское <то есть хорватское>, боснийское, иллирийское*, или *долматское, луазицкое*, или *венедское* и пр. Но корень всех этих языков – славянский язык. Было же время, когда все говорили одинаким славянским, так, как было время, в которое был один только язык немецкий – германский... <...> Честь сохранения славянского языка принадлежит исключительно русским»[14]. Двадцать лет спустя, незадолго до смерти, Гоголь, занятый переизданием своих сочинений, говорил Бодянскому: «Нам, Осип Максимович, надо писать по-русски <...>, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая Святыня – язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков, лютеран и гернгутеров»[15].

Взгляды на значение русского языка как общего достояния славянской культуры были свойственны еще целому ряду современников Гоголя и Бодянского. Суждения Гоголя о важности славянского и русского языков как средств межславянского общения объясняются прежде всего влиянием одного из его школьных наставников, директора нежинской Гимназии высших наук И. С. Орлая. Именно Орлай, уроженец Карпатской Руси, ученый с мировым именем, бывший лечащий врач Императора Александра I, послужил впоследствии Гоголю прототипом «идеального» школьного наставника Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ»[16]. Установлено, что именно устные беседы и сочинения Орлая, в которых проводилась мысль о единстве славянских земель и о пагубности междоусобных раздоров[17], послужили Гоголю одним из главных источников исторических сведений о Закарпатье при создании повести «Страшная месть»[18], а затем нашли прямое отражение в замысле «Тараса Бульбы»[19]. Карпатороссу Орлаю в полной мере были присущи взгляды об объединительной роли русского языка. «Что ж касается до богатства Российского языка, – писал в 1825 г. Орлай, – то он без сомнения может почесться самым богатым. Сила, высокость, великолепие и богатство его несравненно превосходят все новейшие языки, судя по сочетанию с настоящим Русским наречием Славянского корня его <...> А обширность языка Российского, судя по бесчисленному множеству Славян, в различных Государствах на необъятном просторе поселившихся, до изумления может удивить иноплеменника, не ведающего об оной. Россиянин с одним Славяно-Русским языком может пройти от Петропавловского на Восточном берегу Камчатки порта, и даже от Северо-западных берегов Америки до Балтийского моря, отселе чрез Польшу в Австрийскую Монархию, где находится более четырнадцати миллионов Славян – с лишком две трети подданных сей Империи; оттуда вниз до Рагузы <город в Хорватии, ныне Дубровник>[20], <до> Венеции и даже до конца берегов

Адриатического моря, не говоря уже о южных странах России, об Украйне, Малороссии, о жителях берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, и сопредельных Северо-восточным Азиатским Государствам...»[21]

В 1769 г. В. Н. Татищев, в частности, писал: «Стрыковский <в> кн. I гл. 2 <своей «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» (1582)> и с ним прочие Польские писатели мнят быть в Руси целу древнему Славенскому языку, сказуя, сущий язык Славенский древний является быть Рус<с>кий Московский, зане они, как по пришествии из Азии мало по чужим странам скитались, так язык и обычаи древние сохранили»[22]. Словенский поэт, ученый и публицист В. Водник, откликаясь на приход в Австрию Суворова с русскими войсками, замечал в издаваемой им газете «Люблянские Новости» (от 29 июня 1799 г.): «...Русские суть коренные Словенцы <...> постоянно охраняют чистый словенский язык. Мы должны от них заимствовать, когда хотим очистить свой язык...»[23] Д. Н. Бантыш-Каменский, совершивший путешествие в Сербию в 1808 г., писал: «Язык Сербский, происходя от одного корня с Российским, совершенно походит на него»[24]. Словацкий писатель и общественный деятель К. Кузмани, как бы отвечая на вопрос А. С. Пушкина в стихотворении «Клеветникам России»: «Славянские ль ручьи сольются в русском море?», называл в 1838 г. русский язык «панславянским»[25]. Другой словацкий культурный деятель и поэт Л. Штур во второй половине 1850-х гг. писал: «...При вопросе об общеславянском литературном языке может быть выбор только между древне-славянским и русским языком. Но древне-славянский язык уже вышел из общежития <...> остается только русский язык, как исключительно на то способный...»[26] Представление о русском языке как будущем общем литературном языке для всех славянских народов было характерно для чешского ученого-слависта и поэта В. Ганки[27], личное знакомство которого с Гоголем состоялось в 1845 г.[28] Один из друзей Гоголя славянофил Ф. В. Чижов 1 сентября 1845 г. писал художнику А. А. Иванову о славянских народностях: «По их верованиям, русский язык должен сделаться языком славян, по крайней мере книжным и политическим...»[29] М. П. Погодин в 1851 г. замечал: «...Для того, чтобы сделать Русский язык общелитературным языком всего Славянского мира, не нужно никаких литературных собраний и брошюр, которые, можно заранее сказать, не поведут ни к какому результату. Пусть тот, кто надлежащим образом понимает эту идею, осуществит ее тем, что начнет писать по-Русски, и таким образом докажет, что идея эта не мечта, а уже быль. Публика, читающая сочинения Пушкина, Гоголя и Лермонтова, будет читать и ваши произведения, если они только будут этого стоить. Право, публики этой достанет и на десять тысяч писателей, пишущих по-Русски в славянстве»[30].

В средине 1830-х гг. Гоголь и Бодянский были заняты одним и тем же трудом: изучением народной поэзии славянских народов[31]. «...Влияние и фактический вклад О. М. Бодянского и Н. В. Гоголя в формирование славянофильской идеологии в России сложно переоценить»[32]. Бодянский читал в Московском университете курс лекций по «истории и литературе славянских наречий» с 1842 по 1848 и с 1849 по 1868 г. «Можно предположить, что посещение лекций Бодянского способствовало тому, что молодое поколение славянофилов, период высшей общественной и политической активности которых пришелся на 1850–1870-е гг., получило солидный багаж научных знаний по славистике. <...> ...Плодотворные контакты между русскими славянофилами и русской общественностью в целом, с одной стороны, и славянскими "будителями" — с другой, возникли во многом благодаря личным связям и знакомствам Бодянского. В почетные члены Общества истории и древностей российских по настоянию Бодянского были избраны: Д. Зубрицкий (автор "Истории о Червонной (Галицкой) Руси"), а также ученые, литераторы и деятели национального просвещения ряда славянских стран — чехи В. Ганка, Ф. Палацкий и Й. Юнгман, словак Я. Коллар. Несколько позднее почетными членами общества стали профессор славянских наречий, истории и литературы при Братиславском университете Ф. Челаковский и известный польский историк В. Мацеёвский. В "Чтениях" Бодянский впервые опубликовал свой перевод важнейших работ П. Й. Шафарика[33]... <...> ...В силу специфики поля своей деятельности, Гоголь охватил своей литературной популяризацией "славянской идеи" гораздо более широкую общественную аудиторию, нежели та, на которую мог рассчитывать в близких к науке кругах О. М. Бодянский»[34]. (Ограниченность «общественной аудитории» Бодянского объяснялось также его украинофильскими пристрастиями[35].)

[1] *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов // Ученые записки Императорского Московского университета. 1835. Сентябрь. № III. С. 472–491.

[2] Т. е. русскими, украинцами и белорусами.

[3] *Бодянский И.* Рассмотрение различных мнений о древнем языке Северных и Южных Руссов // Ученые записки Императорского Московского университета. 1835. Сентябрь. № III. С. 472–473, 474, 476–477, 481, 482.

[4] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества).***

[5] О народной поэзии Славянских племен. Рассуждение на степень Магистра Философского Факультета первого Отделения, Кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского. М., 1837 (цензурное разрешение 7 мая). С. 14, 137, 18.

[6] Там же. С. 153. — В своем украинофильстве Бодянский даже замечал: «...Мы не думаем, чтобы какой-нибудь другой народ, не исключая даже и остальных Славян, мог быть столько *песнелюбивым, песенным,* как

Южные Руссы (Украинцы, Малороссияне»...» (Там же. 136). Крайних увлечений своего земляка Гоголь не разделял (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** – примечания; ***1851. Октября конец, до 30. Москва***).

[7] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***.

[8] О народной поэзии Славянских племен. Рассуждение на степень Магистра Философского Факультета первого Отделения, Кандидата Московского университета, Иосифа Бодянского. М., 1837. С. 104.

[9] См. также ***1832. Декабря 12. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[10] См. ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***.

[11] Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову / Ред., вступ. ст. и коммент. М. К. Азадовского. М.; Л., 1935. С. 48.

[12] *Хомяков А. С.* Несколько слов о философическом письме (напечатанном в 15 книжке «Телескопа») // Соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 455.

[13] Из переписки гр<афа> А. К. Толстого. 1851–1875 гг. // Вестник Европы. 1897. № 4. С. 603; см. также: Киевская Старина. 1897. № 5. Отд. 2. С. 70.

[14] Строки представляют собой сокращенное изложение фрагмента из книги «Нестор. Русские летописи на Древле-Славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Августом Лудвиком Шлёцером», надворным советником, доктором и профессором Гёттингского университета и кавалером ордена Св. равноапостольского Князя Владимира 4 степени. Перевел с Немецкого Дмитрий Языков, член С. Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств» (СПб., 1809. Ч. 1. С. 71–78. – § 18 «Язык» из «Введения в древнюю Русскую историю вообще»; этот фрагмент Гоголь использовал также при составлении наброска «Летописи»): «Известно, что между 60-ю Славенскими народами (до такого числа полагает их уже Конрад *Геснер*), есть множество *наречий:* Рус<с>кое, Польское, Богемское, Краинское, Кроатское, Боснийское, Иллирийское или Далматское, Лаузицкое ли Вендское и пр. и пр. *Корень* всех оных есть преимущественно так называемый *Славенский* язык, с которым все они имеют ближайшее сходство, нежели один с другим. Как некогда должно было быть время, в которое был один только язык, называемый *Германским,* превратившийся в течение веков в Саксонский, Франкский, Исландский, Шведский, Датский, Голландский и пр. и пр.; то верно было также время, в которое говорили только одинаким *Славенским* языком. <...> ...Этим *древним* Славенским языком нигде более *не говорят* <...>, а остался он только языком *книжным,* как Еврейский, Греческий и Латинский. Он еще существует только в *письменных* памятниках, имеющих 700, может быть 800 (или даже 900?) лет. И честь сохранения оного принадлежит исключительно *Рус<с>ким.*

Из всех новейших народов нашей части земли Рус<с>кие начали *первые* обработывать язык свой: а из Славян они только *одни* писали времянники на своем языке. – Хотя *Англо-Саксы* получили письмена своего языка за сто лет прежде их, а *Исландцы* в одно с ними время, однако же *Руссы* не только что писали на своем языке, но даже очень рано начали искусно *образо<вы>вать* его. <...> ...Еще в I половине XI столетия в Киеве ревностно трудились над Славенскими переводами с Греческих книг. Кажется, что *Греческая грамматика* была одною из первых наук, пришедших вместе с азбукою и религиею из Царяграда в Киев. По этому образцу составили Славянский язык: правописание, которое у нас, Немцов, столь долгое время было неопределенно, у них утвердилось, и новообразующийся язык завалили даже ненужными буквами, си<г>лами, ударениями и прочими бесполезными тонкостями, которые собственно никак не могли перейтить из Греческого языка в Славенский. Но с другой стороны, последний отменную получил пользу от первого: он обязан Греческому языку частию своего богатства, своего величия и своей удобности к составлению.... <...> Все народы, призывавшие своих *крестителей* <...> из *Рима,* должны были отправлять свое богослужение на неизвестном для них *Латинском* языке, который у полуварваров превратился в тарабарский. Нельзя исчислить вреда, нанесенного этим религии, словесности и общему просвещению. *Образование* в народах начинается с того только времени, когда они начнут писать на собственном своем языке».

[15] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва***.

[16] См. ***1821. Сентября 3. Суббота. Санкт-Петербург***.

[17] Эти взгляды разделял и Бодянский: «Вспомните Юг Русский за девять и более пред этим веков: вечные, бессмысленные ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участок земли и т. п. довели их до крайнего ослабления и передали первенство на несколько времени Северу, пока и он, от тех же причин, не расстроился и не потерял его, и, наконец, оба не сделались добычей Монголов и Татар. <...> ...Народ не почтил этих усобиц ни одной своей песней... <...> Он их предал забвению, как <явление> недостойное имени Русского... <...> ...Эпоха Козачества у Южных Руссов заслонила собой эпоху междуусобиц их Князей» (О народной поэзии Славянских племен. Рассуждения на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Осипа Бодянского. М., 1837. С. 124, 99). – См. также ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)***.

[18] «...В "Страшной мести" он <Гоголь> несколько раз упоминает Карпаты, причем им употребляется название Карпатских гор в единственном числе "Карпат" – в такой форме, которая была обычна для Закарпатья» (*Линтур П. В.* Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові

записки Ужгородського державного університету. 1956. Т. 20. С. 140–141). В такой же форме Гоголь употребляет это слово в незавершенном очерке о славянах: «Горы сторожат эту непомерную безмерность и равнину. Пустынными рядами уральскими, снегоглавым Кавказом, ветвистым Карпатом они окружили ее как бы с тем, что<бы> здесь сохранилась долговременно особая своеобразность, особый отпечаток на здешних народах». Об отражении взглядов Орлая в повести Гоголя «Страшная месть» см. также: *Tardy L.* Az országos orvostörténeti könyvtár közleményei communicationes ex bibliotheca historiae medicae hungarica. Dr. Orlay János. 1770–1829. Budapest, 1959. S. 58; *Шультейс Э., Тарди Л.* Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 205; Історія міст і сіл Украинської РСР. В 26 т. Закарпатська область. Київ, 1969. С. 700; *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, 1971. С. 120; *Чумак Т. М.* Исторические реалии в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. 1983. Вып. 2 (42). С. 79–86.

[19] По словам карпатского исследователя, Орлай, «впервые открыв для русской науки и общественности подлинный лик карпатороссов <...> оказал непосредственное влияние на своего воспитанника <...> Гоголя. Последний впервые в русской литературе заговорил о карпатороссах ("Страшная месть") и с большим вдохновением и пониманием сущности рассказал о религиозно-национальной борьбе западно-русских ("Тарас Бульба"). Кроме статей и, вероятно, воспоминаний о рассказах Орлая, у Гоголя <в то время> и не могло быть материалов к познанию подъяремной Руси» (*Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. Ужгород, 1932. С. 112). См. также: *Жаркевич Н. М.* Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов. (К постановке проблемы) // Наследие Н. В. Гоголя и современность. Нежин, 1988. Ч. 1. С. 8.

[20] Рагауза, Рагуза (Ragusa) – ныне Дубровник, город в Хорватии.

[21] <*Орлай И. С.*> О необходимости обучаться преимущественно отечественному языку и нечто о обучении языкам иностранным // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. 1825. Кн. 1. С. 323–324.

[22] История Российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 492.

[23] *Воскресенский Г.* Валентин Водник. Очерк из истории словенской литературы. СПб., 1883. С. 3.

[24] <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> *Д. Б. К.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810. С. 137.

[25] См.: *Францев В. А.* Державин у славян. Из истории русско-славянских литературных взаимоотношений в XIX ст. Прага, 1924. С. 43.

[26] Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная *Людевита Штура*. М., 1867. С. 189.

[27] См.: *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. 2-е изд., доп. СПб., 1881. Т. 2. С. 939–940.

[28] См. ***1845. Августа 17 <5>. Воскресенье. Прага.***

[29] Ф. В. Чижов к художнику А. А. Иванову // Русский Архив. 1884. Кн. 1. С. 403–404.

[30] <*Погодин М. П.*> *М. П.* Об обще-славянском литературном языке // Москвитянин. 1851. № 18. Сентябрь. Кн. 2. С. 183–184. См. также: *Свенцицкий И. С.* Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. СПб., 1906. С. 79–108; *Казанский П. Е.* Русский язык в Австро-Венгрии. Одесса, 1912. С. 1–80; *Виноградов В. В.* Великий русский язык. М., 1945. С. 8–9, 50–77; *Водовозов Н. В.* Славянские интересы Гоголя // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина. Кафедра рус. литературы. 1960. Т. 107, вып. 10. С. 109–110.

[31] См. ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург.***

[32] *Аристова Л. Ю.* О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 150.

[33] Павел Иосиф Шафарик (1795–1861), чешский ученый-славист.

[34] *Аристова Л. Ю.* О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России. С. 157–158, 161.

[35] См. примеч. выше.

СЕНТЯБРЯ 17. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает сыну письмо в Петербург.

См. ***1835. Октября начало. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 21. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 8 журнала Н. И. Надеждина «Телескоп» за 1835 г., с окончанием[1] статьи В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород")».

Статья Белинского вышла в свет спустя восемь месяцев после появления «Арабесок» и «Миргорода» и в основном лишь повторяла и обобщала суждения о произведениях Гоголя предшествующей критики (в том числе отрицательные; см. ниже). Ее отличие от других рецензий заключалось в том, что творчество писателя рассматривалось в контексте общего развития русской прозы, в результате чего делался вывод о первостепенной роли Гоголя в этом процессе, — последнее в некоторой степени могло повлиять на самооценку писателем своего творчества.

В статье Белинский, в частности, повторял суждения критики о колоссальности фигуры главного героя «Тараса Бульбы», о «полноте» и яркости картин Запорожской Сечи, лиризме описаний днепровских степей, страдающей матери, о «могучей» поэзии повести в целом, простоте ее вымысла, народности, беспристрастности автора в изображении героев. Новым был итог, который подводил Белинский: «..."Тарас Бульба" <...> <это> дивная эпопея, написанная кистию смелою и широкою, <...> резкий очерк героической жизни младенчествующего народа, <...> огромная картина в тесных рамках, достойная Гомера. <...> Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!.. Если говорят, что в "Илиаде" отражается вся жизнь греческая в героический ее период, то разве одни пиитики и риторики прошлого века запретят сказать то же самое и о "Тарасе Бульбе" в отношении к Малороссии XVI века...»[2]

В статье Белинского Гоголь мог, в частности, почерпнуть некую «программу» будущего «Ревизора»[3]. Говоря в статье о значении «беспощадного», бичующего юмора, Белинский писал: «...Надобно <...> чтобы люди иногда просыпались от своего бессмысленного усыпления и вспоминали о своем человеческом достоинстве <...> надобно <...> чтобы гром иногда раздавался над их головами и напоминал им о их Творце <...> надобно <...> чтобы за пиршественным столом, посреди остатков безумной роскоши, среди утех беснующейся масленицы <...> торжественный звук колокола возмущал внезапно их безумное упоение и напоминал о храме Божием, куда каждый должен предстать с раскаянием в сердце...»[4] (Белинскому эти размышления навеяли повести князя В. Ф. Одоевского).

После завершения «Ревизора» в «Петербургских записках 1836 года» появляются у Гоголя такие строки: «Спокоен и грозен Великий Пост. Кажется, слышен голос: "Стой, христианин, оглянись на жизнь свою"». Они прямо предваряют позднейшее истолкование Гоголем своей комедии в «Развязке Ревизора» — пьесе, которою он предполагал в 1846 г. заключить отдельное издание «Ревизора» в пользу бедных: «...Этот настоящий ревизор, о котором одно возвещенье в конце комедии наводит такой ужас, есть <...> настоящая наша совесть, которая встречает нас у дверей гроба». Эту нравственную цель комедии — стремление разбудить уснувшую совесть человека, заставить каждого заглянуть в собственную душу — Гоголь подчеркнул и в 1842 г., поставив на титульном листе «Ревизора» эпиграф-пословицу «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» и вложив в уста городничего знаменитую реплику: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь!..» В этом же заключается главный смысл многочисленных гоголевских «комментариев» к пьесе. Спустя три недели после первой постановки комедии на сцене Александринского театра Гоголь отправляет М. П. Погодину письмо (от 10 мая 1836 г.), в котором отчетливо звучит осознание писательства как высокого, «пророческого» служения: «Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку [нет приюта] нет славы в отчизне. Что против меня уже решительно восстали теперь все сословия, я не смущаюсь этим, но как-то тягостно, грустно, когда видишь против себя несправедливо восстановленных своих же соотечественников, которых от души любишь...» Само удаление из отечества за границу для дальнейшего писания «Мертвых душ» Гоголь осмысляет как своеобразный уход в «затвор», в «монастырь» — предуготованный ему Провидением. На это он указывает в «Авторской исповеди», в письмах к друзьям, в первоначальной редакции «Театрального разъезда...»: «Я удалюсь <...> пустыня мне нужна...» Еще за полтора года до отъезда за границу, в первой редакции повести «Портрет», в судьбе молодого художника Гоголь как бы предопределил свою будущую судьбу: «Этот художник <...> оторвавшись от друзей, от родных, от милых привычек, бросился без всяких пособий в неизвестную землю; терпел бедность, унижение, даже голод <...> был бесчувствен ко всему, кроме <...> искусства». Свою последующую жизнь в Италии Гоголь в письме к А. С. Данилевскому от 15 апреля (н. ст.) 1837 г. называет «художнически-монастырской». 28 ноября (н. ст.) 1836 г. он писал М. П. Погодину: «Бросивши оте-

чество, я бросил вместе с ним все современные желания <...> Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как молчаливый монах, живет он в мире не принадлежа к нему, и его <...> душа умеет только беседовать с Богом».

Повесть «Вий» Белинский хвалил главным образом за портрет бурсака, который, по мнению критика, выкупал ее недостатки в «фантастическом» роде. Вслед за негативной оценкой «фантастики» гоголевского «Портрета» Белинский замечал: «Вообще надо сказать, фантастическое както не совсем дается г. Гоголю, и мы вполне согласны с мнением г. Шевырева, который говорит, что "ужасное не может быть подробно <...>"[5]. Но зато картины малороссийских нравов, описание бурсы (впрочем, немного напоминающее бурсу Нарежного), портреты бурсаков и особенно этого философа Хомы, философа не по одному классу семинарии, но философа <...> по взгляду на жизнь. О несравненный *dominus* Хома! как ты велик в своем стоистическом равнодушии ко всему земному, кроме горелки! <...> Пусть судит всякий как хочет, а по мне так философ Хома стоит философа Сковороды!»[6] Статья Белинского была опубликована в той части «Телескопа»[7], где и статья А. Ф. Хиджеу «Григорий Варсава Сковорода. Историко-критический очерк»[8]. Хиджеу, подразумевая, по-видимому, неоднозначное отношение к наследию философа[9], приводил в своем очерке высказывание Сковороды в духе Православия, Самодержавия, Народности: «Рус ли ты? будь им: верь православно, служи Царице правно, люби братию нравно»[10]. Неприязненно относившийся к программе С. С. Уварова Белинский полемически противопоставлял такому философу гоголевского героя.

С выходом в свет статьи Белинского вполне обнаружилось идейное расхождение критика с Гоголем. Высоко оценив гоголевские повести в целом, Белинский в то же время с большой неприязнью отозвался об «ученых статьях» писателя, помещенных в сборнике «Арабески» («...избавь нас Бог от такой учености!»[11]).

Ранее такую же оценку статей Гоголя в «Арабесках» дали О. И. Сенковский[12] и Ф. В. Булгарин[13]. Насколько справедливы были эти отзывы об «ученых статьях» «Арабесок», можно судить из того, что читанные Гоголем с кафедры Петербургского университета статьи-лекции этого сборника произвели большое впечатление не только на студентов, но и на А. С. Пушкина и В. А. Жуковского[14]. Достоинство взглядов Гоголя как мыслителя отмечали в то время В. В. Стасов[15], В. К. Кюхельбекер[16], В. П. Боткин[17], К. Н. Бестужев-Рюмин[18], архимандрит Феодор (Бухарев)[19], В. Т. Плаксин[20]. Позднее С. А. Венгеров[21], благодаря публикациям Г. П. Георгиевского гоголевских материалов по истории и географии[22], окончательно опроверг представление о «ненаучности» ранних статей писателя[23]. В 1842 г. сам Белинский оценил их иначе[24].

В основе неприятия Белинским «ученых статей» Гоголя лежали идеологические причины. С первых своих статей Белинский вступает в литературу как убежденный западник, апологет петровских преобразований, откровенно сочувствующий протестантизму[25]. Истолковав повести Гоголя в «Арабесках» и «Миргороде» как проявление родственного европейскому прогрессу национального «просвещения», Белинский столкнулся с открыто выраженным иным отношением к идее прогресса в гоголевских статьях. Раздражение критика в 1835 г. вызвала и поднятая Гоголем в «Арабесках» (в статье об архитектуре) тема оцерковления жизни, в частности, обращения европейской цивилизации на служение религиозным целям, что Белинский назвал «детскими мечтаниями»[26]. (Небезызвестным для Белинского было, конечно, и то, что четыре «ученые статьи» «Арабесок» первоначально были напечатаны в «Журнале Министерства Народного Просвещения» Уварова.)

Неприемлемым для Гоголя было и определение его Белинским в статье как гениального, но лишь бессознательного художника («...только поэт, а не другое что-нибудь <...> большое участие ума <...> есть недостаток»[27]). Пользуясь теорией о якобы бессознательности подлинного художественного творчества[28], Белинский в своей статье выступил не только против содержания «ученых статей» Гоголя, но и против вполне определенного смысла некоторых его художественных произведений, в частности, своеобразного литературно-художественного «манифеста» Гоголя, повести «Портрет».

По позднейшему свидетельству П. В. Анненкова в мемуарных записках «Замечательное десятилетие» (1880), Гоголь в 1835 г. «был доволен» статьей Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя»: «Статья

эта <...> пришлась очень кстати. Она подоспела к тому горькому времени для Гоголя, когда, вследствие претензии своей на профессорство и на ученость *по вдохновению*, он осужден был выносить самые злостные и ядовитые нападки не только на свою авторскую деятельность, но и на личный характер свой. Я близко знал Гоголя в это время и мог хорошо видеть, как, озадаченный и сконфуженный не столько ярыми выходками Сенковского и Булгарина[29], сколько общим осуждением петербургской публики, ученой братии и даже приятелей, он стоял совершенно одинокий, не зная, как выйти из своего положения и на что опереться. <...> Я имел случай видеть действие этой статьи на Гоголя. Он еще тогда не пришел к убеждению, что московская критика, т. е. критика Белинского, злостно перетолковала все его намерения и авторские цели[30], – он благосклонно принял заметку статьи, а именно, что "чувство глубокой грусти, чувство глубокого соболезнования к русской жизни и ее порядкам слышится во всех рассказах Гоголя"[31], и был доволен статьей, и более чем доволен, он был осчастливлен статьей, если вполне верно передавать воспоминания о том времени. С особенным вниманием остановился в ней Гоголь на определении качеств истинного творчества, и раз, когда зашла речь о статье, перечитал вслух одно ее место: "Еще создание художника есть тайна для всех, еще он не брал пера в руки, – а уже видит их (образы) ясно, уже может счесть складки их платья, морщины их чела, изборожденного страстями и горем, а уже знает их лучше, чем вы знаете своего отца, брата, друга, свою мать, сестру, возлюбленную сердца; также он знает и то, что они будут говорить и делать, видит всю нить событий, которая обовьет и свяжет между собою..." – "Это совершенная истина, – заметил Гоголь[32], и тут же прибавил с полузастенчивой и полунасмешливой улыбкой, которая была ему свойственна, – только не понимаю, чем он (Белинский) после этого восхищается в повестях Полевого". Меткое замечание, попавшее прямо в больное место критика; но надо сказать, что, кроме участия романтизма в благожелательной оценке рассказов Полевого, была у Белинского и еще причина для нее. Белинский высоко ценил тогда заслуги знаменитого журналиста и глубоко соболезновал о насильственном прекращении его деятельности по изданию "Московского Телеграфа"; все это повлияло на его суждение и о беллетристической карьере Полевого»[33].

К свидетельству Анненкова, близкого приятеля Белинского, о том, что будто бы Гоголь, «сконфуженный <...> осуждением <...> даже приятелей», «стоял совершенно одинокий, не зная, <...> на что опереться», – и был «осчастливлен» статьей критика, следует относиться с осторожностью. Одобрение и поддержку в то время Гоголь получил от своих друзей-«славянофилов», причем «славянофильская» критика намного опережала Белинского и в «открытии» таланта Гоголя, и в понимании мирового значения его творчества. Два отклика на «Миргород» Гоголя – М. П. Погодина и С. П. Шевырева – были напечатаны в «Московском Наблюдателе» еще в марте 1835 г.[34] Обширная статья Белинского о «Миргороде» и «Арабесках», значение и уникальность которой в судьбе Гоголя Анненков явно преувеличивает, появилась лишь полгода спустя. Среди обобщенных в ней суждений о Гоголе предшествующей критики определенно угадываются высказывания Погодина и Шевырева, причем Белинский даже пытался оспорить высокую оценку Шевыревым знаменитого «Слышу!» Тараса Бульбы[35]. Кроме того, Анненков умалчивает о том, что в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя...» Белинский поддержал язвительные отзывы об «Арабесках» Гоголя О. И. Сенковского и Ф. В. Булгарина.

Сам Гоголь в черновых набросках статьи «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (опубликованных после смерти Анненкова) называл «вкус» Белинского «молодым и опрометчивым» – и лишь обещающим «будущее развитие»[36] (такое суждение, конечно же, не исключает того, что какие-то замечания критика в 1835 г. были приняты Гоголем во внимание). Определение Гоголем «вкуса» Белинского как «молодого и опрометчивого» – «необразовавшегося», но основанного «на чувстве и душевном убеждении» – во многом повторяет гоголевскую характеристику в той же статье европейской литературы, в которой, по словам писателя, вследствие «политических волнений» во Франции, «распространился беспокойный, волнующийся вкус. Являлись опрометчивые, бессвязные, младенческие творения, но часто восторженные, пламенные[37] <...> эти явления <...> отражались и в России...» «Опрометчивость» же людей, «какими производятся мятежи в обществах», Гоголь объяснял в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» (также оставшейся неизвестной Анненкову) тем, что «они не видят границ, ломают без рассуждения все и всегда, и желая исправить несправедливость <...> в обратном количестве наносят столько же зла». (Кроме того, обращает на себя внимание прямо противоположная рецензиям Белинского оценка Гоголем в начале 1836 г. исторических сочинений М. П. Погодина и Н. А. Полевого – одобрение первого и порицание второго[38].)

Тот же Анненков в «Замечательном десятилетии» неоднократно выражал недоумение, почему Гоголь в 1841 г. совершенно забыл «услуги», будто бы оказанные ему Белинским в 1835 г.; по словам мемуариста, в отзывах писателя «о русских людях той эпохи Белинский не занимал никакого места»[39]. Это важное свидетельство мемуариста также оказывается не вполне точным[40]. Оценка Гоголя деятельности Белинского никогда не была нейтральной или безразличной. Сам Анненков в написанных двадцатью годами ранее «Замечательного десятилетия» «Воспоминаниях о Гоголе» (1857) указывал, что в Риме в 1841 г. Гоголь «несколько раз выражал недовольство свое критикой Белинского»[41]. Анненкову запомнился следующий отзыв Гоголя 1835–1841 гг. о Белинском: «Голова недюжинная, но у нее всегда чем вернее первая мысль, тем нелепее вторая»[42]. «Замечание <это>, – пояснял Анненков, – касалось выводов, добываемых Белинским из своих эстетических и философских оснований и о приложении этих выводов прямо и непосредственно к лицам и фактам русского происхож-

дения, хотя тот же Гоголь указывал позднее на статьи Белинского о его собственной, Гоголевской деятельности, как на образцовые, по своей неотразимой истине и мастерскому изложению»[43].

Последнее пояснение Анненкова вновь требует оговорки. Основанием для заявления мемуариста о том, что будто бы Гоголь «позднее» указывал на статьи о его произведениях Белинского как на «образцовые», послужили, судя по всему, строки письма Гоголя к Белинскому от 20 июня (н. ст.) 1847 г.[44], а также, вероятно, сходные высказывания из письма Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от того же числа[45].

Слова Гоголя о Белинском в этих двух письмах 1847 г. — в год выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» — представляют собой единственный (хотя и помноженный двумя автографами) комплиментарный отзыв Гоголя о статьях критика. (Писатель явно расчитывал, что Прокопович даст прочесть Белинскому не только то письмо, которое предназначалось ему лично, но и то, которое Гоголь адресовал самому Прокоповичу; Белинский, однако, в то время был уже в Зальцбрунне.)

Сравнивая тексты этих писем с воспоминаниями Анненкова, можно сказать, что между действительным содержанием гоголевских посланий и их «мемуарной» интерпретацией существует принципиальное различие. «Свидетельство» Анненкова представляет собой явное искажение слов Гоголя — и определенно противоречит тому контексту, в котором находится отзыв писателя о Белинском: Анненков возводит элементарное тактичное «снисхождение» Гоголя к трудам раздраженного критика до превосходной степени.

Восстанавливая контекст высказываний Гоголя 1847 г. о трудах Белинского, следует прежде всего отметить, что даже та публичная оценка критиком гоголевского творчества, которую можно назвать наивысшей («...г. Гоголь <...> становится на место, оставленное Пушкиным», — заявлял Белинский в 1835 г. в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород")»[46], конечно, могла польстить, но вряд ли могла встретить одобрение Гоголя, в силу ее определенной провокационности, способной породить напряженность в отношениях между писателями.

Такая же сдержанность в оценке суждений Белинского ощутима и в письме Гоголя к Прокоповичу 1847 г., рассчитанном на то, чтобы гоголевский школьный приятель смягчил раздражение критика против «Выбранных мест из переписки с друзьями». Преследуя эту цель, Гоголь, тем не менее, неспроста замечает, что Белинский мог принять прямо в свой адрес следующие строки в статье об «Одиссее» против западнической литературы: «...Эти судорожные, больные произведения века, с примесью всяких непереварившихся идей, нанесенных политическими и прочими броженьями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных вождей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои».

Гоголь полагал, что не только эти строки, но и «всю книгу» Белинский мог принять «написанною на его собственный счет» и увидеть в ней «формальное нападение на всех разделяющих его мысли». Имея в виду раздражение критика по поводу вышедшей «Переписки» и желая умерить его, Гоголь, не отрицая указанной цели книги, писал самому Белинскому, что намерения его были и более широкими, и более миролюбивыми: «Я вовсе не имел в виду огорчить вас <...> я имел в виду небольшой щелчок каждому <...> Я думал, что мне великодушно простят и что в книге моей зародыш примирения всеобщего, а не раздора». Сходным «зародышем примиренья всеобщего» и стало напоминание в письме к Прокоповичу 1847 г. о прежних работах Белинского о гоголевских произведениях: «Вероятно, он принял на свой счет козла, который был к журналисту вообще. Мне было очень прискорбно это раздраженье ... <...> ...Как бы то ни было, человек этот говорил обо мне с участием в продолжение десяти лет. Человек этот, несмотря на излишества и увлечения, указал справедливо, однако ж, на многие такие черты в моих сочинениях, которых не заметили другие, считавшие себя на высшей точке разумения перед ним. И я заплатил бы этому человеку неблагодарностью, когда я умею отдавать справедливость даже тем, которые выставляют на вид и отыскивают во мне одни недостатки! Напротив, я в этом случае только обманулся: я считал Белинского возвышенней, менее способным к такому близорукому взгляду и мелким заключеньям. <...> Пожалуста, переговори с Белинским и напиши мне, в каком он находится расположении духа ныне относительно меня».

В письме к самому Белинскому Гоголь, указывая на «оплошные выводы», которыми исполнена статья критика о «Выбранных местах из переписки с друзьями», в свою очередь, замечал: «Как можно, например, из того, что я сказал, что в критиках, говоривших о недостатках моих, есть много справедливого, вывести заключение, что критики, говорившие о достоинствах моих, несправедливы? Такая логика может присутствовать в голове только раздраженного человека, продолжающего искать уже одно то, что способно раздражать его, а не оглядывающего предмет спокойно со всех сторон. Ну а что, если я долго носил в голове и обдумывал, как заговорить о тех критиках, которые говорили о достоинствах моих и которые по поводу моих сочинений разнесли много прекрасных мыслей об искусстве? И если я беспристрастно хотел определить достоинство каждого и те нежные оттенки эстетического чутья, которыми своеобразно более или менее одарен был из них каждый? И если я выжидал только времени, когда мне можно будет сказать об этом, или, справедливей, когда мне *прилично* будет сказать об этом, чтобы не говорили потом, что я руководствовался какой-нибудь своекорыстной целью, а не чувством беспристрастья и справедливости? <...> ...Мне тяжело <...> когда против меня питает личное озлобление даже и злой человек, не только добрый, а вас я считал за доброго человека».

Очевидно, что увидеть в этих, призванных ослабить гнев критика, словах превосходную оценку Гоголем статей Белинского, можно лишь при очень предвзятом подходе. Не скупясь на добрые слова, Гоголь пытался лишь расположить критика — как представителя определенной части русского общества — к более объективным суждениям. Помимо указанных писем к Прокоповичу и Белинскому, это «снисхождение» к критику явно проглядывает и в послании Гоголя к князю П. А. Вяземскому того же 1847 г. — от 11 июня (н. ст.). Здесь Гоголь, имея в виду Белинского и его сторонников, которым Вяземский публично выразил в печати свое неодобрение, указывал: «...Выразились вы несколько сурово о некоторых моих нападателях <...> может быть <...> многие из них <...> влекутся даже некоторым <...> желанием добра <...> может быть, и нам будет сделан упрек в гордости за то, что несколько жестоко оттолкнули их...» В письме к С. П. Шевыреву от 11 февраля (н. ст.) 1847 г. Гоголь, порицая его за излишнюю осторожность по отношению к себе, в свою очередь, замечал: «Лучше бы ты эту осторожность наблюдал в своих прежних перепалках с Белинским и другими литераторами; подслащиванье можно употреблять в деле с людьми, стоящими на низшей перед нами ступеньке воспитанья...»

Своеобразие гоголевской позиции заключалось в том, что стремление спасти от искажения настоящий смысл своих произведений сочеталось у писателя при создании «Выбранных мест...» с ярко выраженными «примирительными» намерениями по отношению к своим «перетолкователям»-западникам, по слову Апостола: «...Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» (Рим. 9, 3). Это, конечно, не означало согласия с их взглядами. «Разумеется, правды больше на стороне славянистов и восточников...» — замечал Гоголь в статье «Споры»[47]. Гоголевская мысль заключалась в том, что, вместо бесплодной вражды, дружеские отношения с кем бы то ни было, а тем более со своими соотечественниками, приносят гораздо более пользы для распространения истины. В «Выбранных местах...» он прямо сравнивает гордого своей чистотой непримиримого «праведника» с евангельским богачом, отталкивающим «покрытого гноем нищего от великолепного крыльца своего». «Не нужно отталкивать от себя совершенно дурных людей и показывать им пренебрежение, — писал Гоголь сестре Елисавете 15 сентября (н. ст.) 1844 г., — лучше стараться иметь на них доброе влияние». 20 января (н. ст.) 1847 г. он писал также сестре Ольге: «Обратить преступного и грешника ко Господу — вот настоящая милостыня, за которую несомненно можно надеяться получения небесного блаженства. Ибо ты сама уже, вероятно, узнала из Евангелия, что на небесах больше радуются обратившемуся грешнику, чем самому праведнику». (См. также письмо Гоголя к Н. М. Языкову от 5 апреля (н. ст.) 1845 г.[48] и коммент. к письму И. С. Гагарина Н. Н. Шереметевой от 28 марта (н. ст.) 1849 г.[49]) «"Наблюдайте святыню со всеми!" Вот что мне сказал один раз один святой отшельник», — замечал также Гоголь 29 октября 1848 г. в письме к графине А. М. Виельгорской. Этим строкам соответствует помета Гоголя: «Мир со всеми», — сделанная на полях принадлежавшей ему Библии 1820 г. издания, рядом со словами св. апостола Павла: «...Со всеми человеки мир имейте» (Рим. 12, 18).

Христианское отношение к любому человеку лежало в основе отношения Гоголя к Белинскому, — тем более, что и оказание «доброго влияния», и распространение истины объединялись для Гоголя в едином понятии любви. В письме к Шевыреву из Одессы от 21 апреля 1848 г. (по поводу полемики критика с петербургскими журналистами в связи со статьей о «Переписке с друзьями»), Гоголь замечал: «Мне кажется подчас, что все то, о чем так хлопочем и спорим, есть просто суета, как и все в свете, и что об одной только *любви* следует нам заботиться. Она одна только есть истинно верная и доказанная *истина*».

Неким залогом примирения с Белинским должны были, по замыслу Гоголя, стать в его книге многочисленные переклички «Выбранных мест из переписки с друзьями» со статьями, написанными критиком в так называемый «примирительный» период его деятельности[50].

В неотправленном письме к Белинскому Гоголь дважды обращался к нему: «Позвольте мне напомнить прежние ваши работы и сочинения. Позвольте мне напомнить вам прежнюю вашу дорогу <...> Литератор существует для другого. Он должен служить искусству, которое вносит в души мира высшую примиряющую истину, а не вражду...»; «Зачем вам было переменять раз выбранную мирную дорогу? <...> Дорога эта привела бы вас к примиренью с жизнью, дорога эта заставила бы вас благословлять все в природе»[51]. Последние строки прямо перекликаются с содержанием второй редакции «Портрета» (1842) — одна из частей которого, посвященная художнику, достойно употребившему свой талант, завершается утверждением, что «для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое созданье искусства», а другая, — повествующая о художнике, совокупившем в себе «хулу и отрицанье» и погубившем свою душу, оканчивается сравнением его с «тем страшным демоном, которого идеально изобразил Пушкин» (в стихотворении «Демон», 1823)[52]. Слова Гоголя в письме к Белинскому — «благословлять все в природе» — явная реминисценция из этого пушкинского стихотворения: «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел». (Ранее, в черновых набросках «Театрального разъезда...», начатого вскоре после первого представления «Ревизора», Гоголь, пораженный истолкованием его комедии некоторыми зрителями, так объяснял ее настоящую цель: «Ожесточенный и огорченный обидой, несправедливостью человек уже бы поднял, может быть, руку на своего врага; но, увидя достойно осмеянным в театре, уже почти примиряется <...> он готов был вознести руку на самого себя и прекратить свои мученья, — но вдруг божественно потряслась душа, — <...> и выходит он примиренный с жизнью».)

В свою очередь, предполагавшееся к публикации в новом издании «Переписки» письмо к Жуковскому от

10 января (н. ст.) 1848 г. «Искусство есть примирение с жизнью»[53] также преследовало цель напомнить Белинскому (который в то время был еще жив) о «примирительной» эпохе его жизни[54].

[1] См. также ***1835. Сентября 1. Воскресенье. Москва.***

[2] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 298, 304; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 175, 181.

[3] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

[4] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. С. 300–301; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 177–178.

[5] См. ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

[6] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 303–304; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 181.

[7] Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7–8.

[8] Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 5–6 (ценз. разр. 19 авг.).

[9] В XIX в. сочинения Сковороды запрещались к печати как содержащие «мысли, относящиеся к поколебанию учения Православной Греческий Церкви, ее преданий и обрядов, и выражения, оскорбительные для Росссийского духовенства» (доклад цензора И. М. Снегирева на заседании Московского цензурного комитета 10 апреля 1836 г.: *ЦИАМ.* Ф.31. Оп. 1. Д. 107. Л. 5–6).

[10] Телескоп. 1835. Ч. XXVI. С. 161.

[11] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 1. С. 307; *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 184.

[12] См. ***1835. Февраля 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1835. Апреля 1. Великий понедельник. Санкт-Петербург.***

[14] См.: *Краевский А. А.* <Дополнение к статье П. А. Кулиша «Выправка некоторых биографических известий о Гоголе». (Письмо Н. И. Иваницкого к редактору «Отечественных Записок»)> // *Свод.* Т. 1. С. 784–785; *Матисен Е. А.* Воспоминания из дальних лет // *Свод.* Т. 1. С. 792; Гоголь в воспоминаниях С. И. Барановского // *Свод.* Т. 1. С. 787.

[15] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 366–367.

[16] *Кюхельбекер В. К.* Дневник (1831–1845) // *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 360.

[17] <*Боткин В. П.*> *В. Б–н.* Выставка Императорской Санктпетербургской Академии художеств в 1842 г. // Отечественные Записки. 1842. № 11 (цензурное разрешение 31 октября). Отд. 2. С. 28. – См. также ***1842. Декабря 3 <15>. Четверг. Москва.***

[18] <*Бестужев-Рюмин К. Н.*> *К. Б. Р.* Выбранные места из переписки с друзьями Н. Гоголя. С. П. Б. 1847 // Нижегородские Губернские Ведомости. Редактор П. Мельников. 1847. 14 мая. № 30. Часть неоффициальная. С. 418.

[19] <*Феодор (Бухарев А. М.), архимандрит*>. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. С. 147

[20] *Плаксин В. Т.* Голос за прошедшее // Сборник литературных статей, посвященный русскими писателями памяти покойного книгопродавца-издателя А. Ф. Смирдина. СПб., 1858. Т. 1. С. 298–299.

[21] *Венгеров С. А.* Гоголь – ученый // Собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 143–164; *Венгеров С. А.* Писатель – Гражданин // Там же. Т. 2. С. 45–50.

[22] Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. (Гоголевские тексты. Изданы Г. П. Георгиевским.) СПб., 1909. Вып. 3.

[23] В 1909 году Г. П. Георгиевский, отправляя В. Я. Брюсову свои работы, писал, в частности, по поводу доклада Брюсова «Испепеленный: К характеристике Гоголя»: «Считаю необходимым поправить одну Вашу фактическую неточность. Вы говорите: "...от работ над всеми этими книгами (т. е. историей и географией)... не осталось никаких следов в его бумагах". Этих "следов" осталось настолько достаточно, что я напечатал уже 18 листов (для 2-го академического выпуска в память Гоголя), а конца еще далеко не видно...» (*Довгалло Г. И.* Из истории отдела рукописей по материалам архива Г. П. Георгиевского // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1986. Вып. 45. С. 64). Новые публикации гоголевских материалов по истории и географии см.: *Гоголь 1994.* Т. 8. С. 68, 76; *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1996. С. 544–545; *Гоголь 2001.* С. 41–123.

[24] *Белинский В. Г.* – Гоголю Н. В. 20 апреля 1842. Петербург // Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. С. 514; *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки // Там же. Т. 5. С. 378.

[25] Подробнее см.: ***1840. Декабря 11 <23>. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

[26] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 184.

[27] *Белинский В. Г.* О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 161–162.

[28] Сама по себе теория о непременной «бессознательности» подлинного художественного творчества не выдерживает критики. Даже пророк, являющийся послушным орудием Бога, не есть, согласно с святоотеческими представлениями, некая лишенная сознания «труба», только озвучивающая Высшую волю. Известный толкователь Псалтири ученый монах Евфимий Зигабен (XII в.) писал: «...Пророки не были подобны волхвам, которые, хотя говорят много, но не понимают, что говорят... <...> Господь не ослепляет ума, Им Самим устроенного, но просвещает его...» (Толковая Псалтырь Евфимия Зигабена (греческого философа и монаха), изъясненная по святоотеческим толкованиям. Перевод с греческого / Репринтное издание — Киев: Киево-Печерская Лавра, 1882. М.: Издание Донского монастыря, 1993. Т. 1. С. 271). В ветхозаветном Израиле существовали даже школы пророков, воспитанники которых проходили обучение, готовились к будущему служению.

[29] «Выражение "ярые выходки" к написанным в это время статьям Сенковского и особенно Булгарина — не применимо. Об исторических статьях "Арабесок" отозвались отрицательно все (в том числе и Белинский). О повестях были разные отзывы, но даже Сенковский, нападавший на Гоголя, похвалил некоторые из них. Критика Булгарина о повестях "Арабесок" и "Миргорода" была, в общем, сочувственной» (Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 109; *Свод.* Т. 3. С. 524).

[30] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

[31] Строк о том, что «чувство глубокой грусти, чувство глубокого соболезнования к русской жизни и ее порядкам слышится во всех рассказах Гоголя», — *нет* в статье Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя ("Арабески" и "Миргород")», — следовательно, сочувствовать этому высказыванию Гоголь, вопреки заявлению Анненкова, не мог. С большой натяжкой можно сказать, будто «передача» Анненковым «слов Белинского здесь приблизительная» (см.: Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 110). В таком случае следует предположить, что сам Гоголь именно так интерпретировал статью Белинского, как это позднее «приблизительно» передавал Анненков. Между тем содержание «всех рассказов» Гоголя в «Миргороде» и «Арабесках», да и самой статьи Белинского определенно шире предложенного Анненковым толкования.

[32] Свидетельство Анненкова в данном случае подтверждается другими высказываниями Гоголя. Так, в 1839 г. писатель рассказывал С. Т. Аксакову, что «у него составлена в голове трагедия из истории Запорожья, в которой все готово, до последней нитки, даже в одежде действующих лиц», и он считает, что «ему будет с лишком достаточно двух месяцев, чтобы переписать ее на бумагу» (см. ***1839. Ноября 13. Понедельник. Санкт-Петербург***; см. также ***1842. Июля 6 <18>. Понедельник. Гаврилково***). 18 июня 1842 г. В. С. Аксакова писала М. Г. Карташевской: «...Написана ли вторая часть <"Мертвых душ"> — этого никто не знает; т. е. что она у него является уже ясною в голове, это он сам говорит; но он был даже недоволен, когда спросили его, написал ли он вторую часть, недоволен потому, что это не может делаться так скоро. Прежде еще он говорил отесеньке, что он до тех пор не начинает писать и описывать какое-нибудь лицо, пока оно совершенно ясно, отчетливо с ног до головы, не явится перед ним» (см. ***1842. Июня 18 <30>. Четверг. Гаврилково***). 22 января 1850 г. И. С. Аксаков замечал также в письме к родным по поводу второго тома «Мертвых душ»: «Я думаю, что у Гоголя *все* написано, что он уже дал полежать своей рукописи и потом вновь обратился к ней для исправления и оценки, словом, поступает так, как сам советует другим. В противном случае он не стал бы читать и заниматься отделкою подробностей и частностей» (см. ***1850. Января 22. Воскресенье. Ярославль***). Как вспоминал Н. В. Берг, в 1850 г. Гоголь, говоря о том, как он обычно пишет свои произведения, замечал, что "сначала нужно набросать все как придется <...> плохо, водянисто, но решительно все..."» (см. ***1851. Октября 18. Четверг. Москва***) (ср. также письмо Гоголя к А. А. Иванову от 18 марта (н. ст.) 1844 г.: ***1844. Марта 18 <6>. Понедельник. Ницца***). По свидетельству А. О. Смирновой, в 1851 г. Гоголь говорил И. С. Тургеневу: «...Главное — не спешите печатать. Обдумывайте хорошо, пусть скорее создастся повесть в вашей голове и тогда возьмитесь за перо...» (см. ***1851. Октября между 26 и 31. Москва***). (Е. М. Феоктистов писал позднее И. С. Тургеневу: «Помните ли, что Гоголь сам говорил Вам о том, до какой степени надо выносить и вырастить в себе самом лицо, предполагаемое для изображения»; письмо от 18 февраля 1853 г.; см. ***1851. Октября между 26 и 31. Москва.***) «Верю, что если придет урочное время, — замечал также Гоголь о работе над вторым томом «Мертвых душ» в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — в несколько недель совершится то, над чем провел пять болезненных лет». Здесь же Гоголь замечал, что второй том «уже сидит» у него «в голове», — и вновь напоминал о «той старой истине, которую век мы должны помнить <...>, а именно: по тех пор не приниматься за перо, пока все в голове не установится <...> в <...> ясности и порядке». С этими признаниями перекликаются и слова Гоголя в письме к В. А. Жуковскому от 2 декабря (н. ст.) 1843 г.: «Я продолжаю работать, то есть набрасывать на бумагу хаос, из которого должно произойти создание Мертвых душ».

[33] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 505–506.

[34] См. ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

[35] Это же относится и к восприятию «Мертвых душ» К. С. Аксаковым, который и «приватно», и печатно ранее и глубже Белинского оценил содержание гоголевской поэмы. В 1839 г. Константин Аксаков под влиянием авторского чтения «Тяжбы» и «Мертвых душ» замечал: «...Те тупы, которые только видят в его сочинениях *смешное.* Гоголь — великий, гениальный художник, имеющий право стоять, как и Пушкин, в кругу первых

поэтов, Гете, Шекспира, Шиллера и проч.» (письмо К. С. Аксакова к братьям от 24–25 октября 1839 г.; см. ***1839. Октября 14. Суббота. Москва***). Именно Аксакову принадлежит более глубокое, сравнительно с отзывами Белинского, понимание замысла «Мертвых душ» (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Спор К. С. Аксакова и В. Г. Белинского: Культурно-исторические аспекты полемики о жанре «Мертвых душ» // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Нежинский гос. ун-т им. Н. Гоголя, Гоголеведческий центр; Ин-т литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины. Нежин, 2012. Вып. 2 (19). С. 17–75; ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** – примечания).

[36] «...Отзыв Гоголя о Белинском, – замечал М. П. Еремин, – при внимательном рассмотрении оказывается положительным, может быть, только наполовину» (*Еремин М. П.* Пушкин – публицист. 2-е изд., переработанное и доп. М., 1976. С. 384).

[37] Ср. слова Гоголя, сказанные в 1851 году о революционных событиях во Франции 1848 года: «Не одни женщины увлеклись, но и умные пламенные люди» (см. ***1851. Января 19. Пятница. Одесса***).

[38] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).

[39] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.*** – См. также: *Конобеевская И.* Несколько слов о Гоголе // Вопросы литературы. 1987. № 12. С. 272. – Примечательно, что даже отчество Белинского – Григорьевич – Гоголь помнил нетвердо. В 1847 г., в неотправленном письме к критику он даже называл его Виссарионом *Ивановичем*: «Нет, Вис<с>арион И<ванович>, нельзя судить о Русском народе тому, кто прожил век в Петербурге...» (*РГБ.* Ф. 74. К. 7. Ед. хр. 1. Л. 5). На постоянное подчеркивание самим Белинским своих «заслуг» в «открытии» таланта Гоголя С. П. Шевырев, в частности, отвечал: «Но вот с другой стороны, из тесных рядов толкучего рынка литературы, выскочило наглое самохвальство в виде крикливого пигмея, с медным лбом и размашистою рукою; обрадовавшись случаю из-за похвалы таланту похвалить самого себя, оно, ставши перед произведением, пялит на нем свою тощую фигуру, силится прикрыть его собою, и потом показать вам, и уверить вас, что точно оно вам его показало, а без того вам бы его и не увидеть» (*Шевырев С.* Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Статья первая // Москвитянин. 1842. № 7. С. 207). 6 ноября 1846 г. Шевырев писал П. А. Плетневу о Гоголе: «...Давно пора ему для славы своей скинуть с себя пятно похвал и восклицаний, которые приносил ему Белинский» (см. ***1846. Ноября 6 <18>. Среда. Москва***).

[40] Еще один отзыв Гоголя о Белинском – не совпадающий с заявлениями Анненкова см.: ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн*** (примечания).

[41] См. ***1841. Апреля 28 <16>. Среда. Рим.***

[42] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод.* Т. 3. С. 504.

[43] Там же. Т. 3. С. 504–505.

[44] Письмо было опубликовано в 1855 г. А. И. Герценом в «Полярной Звезде», но стало известным Анненкову ранее, еще в 1847 г., от самого Белинского (см. ***1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***).

[45] Опубликовано позднее в изд.: П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. С. 512–514.

[46] *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. С. 183.

[47] См. также ***1846. Сентября 16 <28>. Понедельник. Тверь*** (примечания).

[48] См. ***1845. Апреля 5 <марта 24>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[49] ***1849. Марта 28 <16>. Среда. Лаваль.***

[50] См. ***1839. Ноября около 9. Москва***; ***1842. Декабря 1 <13>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[51] См. ***1847. Июля конец – августа начало <июля вторая половина>. Остенде.***

[52] См. ***1824. Октября 16. Четверг. Москва.***

[53] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[54] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: идейные предпосылки и мотивы создания // *Гоголь* 2009–2010. Т. 6. С. 419–445.

СЕНТЯБРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с возвращением из Белгорода (куда она ездила, вероятно, на богомолье, к гробнице прославленного позднее, в 1911 г., святителя Иоасафа Белгородского) и с наступающими именинами:

«Лиза и Анна <...> не успели написать вам своего поздравления[1]. Я посылаю при сем их прежние письма, которые у них несколько залежались».

Интересуется хозяйственными делами:

«Очень прискорбно мне было от вас слышать, что хлеба у нас дурны. Я не знаю, как вы в состоянии будете прокормить крестьян. Как вы сделались с Татьяной Ивановной[2]? ведь, кажется, кроме этого едва ли теперь вам приходится взносить в ломбард. Но впрочем Бог, верно, устроит всё хорошо».

Спрашивает о Ф. Я. Данилевском, И. И. и А. А. Трощинских, Косяровских, А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской). В приписке к Е. И. Ходаревской замечает: «Припасли ли вы мне песенок?»

[1] Поздравление А. В. Гоголь см.: ***1835. Между сентября 22 и октября 1. Санкт-Петербург.***

[2] У соседки-помещицы Т. И. Черныш (по первому мужу Данилевской), М. И. Гоголь брала деньги в долг.

СЕНТЯБРЯ 28. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вечером в гости к Гоголю заходил А. Н. Мокрицкий.

После вечера А. Н. Мокрицкий записал в своем дневнике: «Вечер провел у Гоголя, ничего порядочного в продолжение целого дня не встретил. Ничто, кроме живописи, не радует меня. Нужда, нужда, скоро ли ты меня оставишь?»

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

ЯНВАРЬ-СЕНТЯБРЬ

Приезд в Петербург П. А. Лукашевича, готовившего к изданию свою книгу «Малороссийские и червоно-русские думы и песни, изданные П. Лукашевичем» (СПб., 1836; цензурное разрешение 6 мая).

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь предлагает П. А. Плетневу, для задуманного А. С. Пушкиным альманаха, повесть «Коляска»[1].

Сюжет «Коляски» обычно ставят в связь с анекдотом из жизни хорошо известного Гоголю графа Мих. Ю. Виельгорского, о котором его зять писатель граф В. А. Соллогуб рассказывал: «Граф Виельгорский <...> был рассеянности баснословной[2]; однажды, пригласив к себе на огромный обед весь находившийся в то время в Петербурге дипломатический корпус, он совершенно позабыл об этом и отправился обедать в клуб: возвратясь, по обыкновению, очень поздно домой, он узнал о своей оплошности и на другой день отправился, разумеется, извиняться перед своими озадаченными гостями, которые накануне, в звездах и лентах, явились в назначенный час и никого не застали дома; все знали его рассеянность, все любили его и потому со смехом ему простили; один баварский посланник не мог переварить неумышленной обиды; и с тех пор к Виельгорскому ни ногой»[3].

[1] См. ***1835. Октября не позднее 11. Михайловское.***

[2] О «забывчивости» Виельгорского Гоголь упоминал позднее в письме к его дочери, Анне Михайловне, от 8 декабря (н. ст.) 1846 г. (см. ***1846. Декабря 8 <ноября 26>. Вторник. Неаполь***).

[3] Воспоминания графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 654.

ОКТЯБРЯ 1. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку еще раз[1] поздравляет ее с именинами.

«Я Вашими молитвами здоров и спокоен, прочее всё пустое и трынь-трава. Сестры[2] тоже здравствуют и без сомнения будут писать вам поздравления»[3].

Передает поклоны В. И. и Т. И. Чернышам, А. С. Данилевской («Что она еще не вышла замуж?»), бабушке М. И. Косяровской, Е. И. Ходаревской, М. Н. Ходаревской («сестрица», с которой «до сих пор незнаком»), сестре Марии и ее мужу П. О. Трушковскому. Просит последнего справиться о судьбе посылок из Петербурга:

«...Какой плут полтавской почтмейстер[4]... <...> Мне были посланы[5] отсюда две посылки, которые я должен был получить еще в июне месяце, а он ни об одной из них не объявил. Сделайте милость, поручите Павлу Осиповичу справиться. В одной из них находятся термометры, а в другой книги[6]. Термометры оставьте у себя, а книги мне пришлите назад. Не дурно, если случатся у вас готовые пары три шерстяных чулок, присообщите к книгам».

В этот же день, 1 октября, состоялось традиционное собрание в Петербурге выпускников Нежинской гимназии[7].

А. Н. Мокрицкий записал вечером в своем дневнике: «1 октября положено у нас праздновать, и праздник этот ознаменовать не каким-нибудь добрым делом, а банкетом, где, кроме яств и напитков, ничего не употребляется. Такова наша молодежь! Собрались мы — я, Кукольник, двое Данилевских, Гоголь, двое Прокоп<овичей>, Пащенко[8], Данченко, Лукашевич и Базили. И что же? Ели, пили, шумели, и только. Веселости особенной не было, да и могла ли она быть? Разнохарактерность собравшихся во имя Нежинской гимназии не позволяла состояться банкету как следовало. За обедом соединяло нас лишь одно вино, после обеда все разбрелись куда попало. <...> Я, присутствовавший там без платы, не должен быть неблагодарным, спасибо им, особливо моему доброму Нестору <Кукольнику>»[9].

Собрание товарищей-нежинцев в день Покрова Пресвятой Богородицы заставляет вспомнить о «товарищах»-запорожцах в «Тарасе Бульбе», которые, по словам Гоголя, после одного из походов привезли «на Покров, что на Запорожье, оклад из чистого серебра». Запорожцы всегда почитали Божию Матерь своею покровительницею. «Деревянная небольшая церковь» на Сечи была Покровской.

Замечено, в частности, что в изображении «битв» бурсаков в классах перед приходом учителя в «Вии» Гоголь использовал статью своего школьного приятеля П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год» (1826)[10]. Согласно содержанию «Тараса Бульбы», эти школьные битвы являются своего рода подготовительным этапом перед боевыми сражениями выпускников киевской бурсы — героев повести. Именем одного из товарищей по «нежинской бурсе»[11], Н. Я. Прокоповича, Гоголь прямо воспользовался в «Тарасе Бульбе»: «...был Череватый, добрый старый казак Покотыполе, Лемиш, Прокопович Хома...» Как заметил П. А. Кулиш (высоко оценивавший в 1843 г. гоголевскую повесть), имена запорожцев в ней Гоголь «сочиняет»: «Жаль только, что, вычисляя, как и в Илиаде, множество ратующих героев, он сочиняет их имена. А я в этом случае взял бы все их или <из> народных песен, или из старинных бумаг»[12].

Этими же размышлениями Гоголя объясняются и многочисленные переклички между «Тарасом Бульбой» и «Выбранными местами из переписки с *друзьями*» (курсив наш. — *И. В.*), где главной является мысль о построении России на началах «небесного братства». Эта мысль выражена Гоголем и в предсмертной молитве «Молюсь о друзьях моих...» и в его завещании «Друзьям моим».

[1] См. ***1835. Сентября 22. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] Анна и Елисавета.
[3] См. ***1835. Октября начало. Санкт-Петербург.***
[4] А. И. Ротмистров.
[5] Н. Я. Прокоповичем (см. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***).
[6] Имеется в виду «История Аглинская. Соч. *Рапина де Тоараса*» (см. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***).
[7] См. также ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж.***
[8] Вероятно, И. Г. Пащенко.
[9] Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.
[10] См. ***1826. Апреля 4. Нежин.***
[11] См. ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж.***
[12] Киевская Старина. 1899. № 2. С. 188.

ОКТЯБРЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь посылает матери в Васильевку письмо сестры Анны, датированное сентябрем 1835 г., в котором та поздравляет мать с именинами:

«Посылаю вам моей работы карточные щеточки. Я нашла братца гораздо лучше против прежнего, он очень пополнел. <...> Вот уж 3-тий год[1], как я не была на ваших именинах».

В приписке к поздравлению сестры Гоголь сообщает:

«Письмо Ваше я получил посла<нное> вами от 17 октября <сентября>[2]. <...> Больше не могу писать, потому что сию минуту прислали за мною и я должен ехать в наше правление[3]. Обнимая сестру <Марию> и Павла Ос<иповича> <Трушковского>, отлагаю до следующего письма»[4].

[1] См. ***1832. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Полтава.***
[2] См. ***1835. Сентября 17. Вторник. Васильевка.***
[3] Вероятно, в университетское правление историко-филологического факультета.
[4] См. ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет А. С. Пушкину в Михайловское; просит вернуть ему «Женитьбу»[1]:

«Решаюсь писать к вам сам; просил прежде Наталью Николаевну, но до сих пор не получил известия. Пришлите, прошу вас убедительно, если вы взяли с собою, мою комедию, которой в вашем кабинете не находится и которую я принес вам для замечаний. Я сижу без денег и решительно без всяких средств, мне нужно давать ее актерам на разыграние, что обыкновенно делается, по крайней мере, за два месяца прежде. Сделайте милость, пришлите скорее и сделайте наскоро хотя сколько-нибудь главных замечаний. Начал писать Мертвых душ[2]. Сюжет растянулся на предлинный роман и, кажется; будет сильно смешон. Но теперь остановил его на третьей главе. Ищу хорошего ябедника, с которым бы можно коротко сойтиться. Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь.

Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или не смешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать тем временем комедию[3]. Если ж сего не случится, то у меня пропадет даром время, и я не знаю, что делать тогда с моими обстоятельствами. Я, кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест. Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и клянусь, будет смешнее чорта. Ради

Бога. Ум и желудок мой оба голодают. И пришлите *Женитьбу*. <...> Мои ни Арабески, ни Миргород не идут совершенно. <...> Книгопродавцы такой народ, которых без всякой совести можно повесить на первом дереве».

[1] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.*** – Вероятно, рукопись «Женитьбы» Пушкин вернул Гоголю по возвращении из Михайловского в Петербург в конце октября 1835 г. (см. ***1835. Октября 23. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург***).

[2] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 9. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий присутствует на вечере у П. А. Плетнева (где, возможно, был также Гоголь).

В этот день А. Н. Мокрицкий записал в своем дневнике: «Вечером был у Плетнева. Много было гостей, много. Собрались все литераторы и ученые, люди молодые, но старые по знаниям».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

ОКТЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 11. МИХАЙЛОВСКОЕ

А. С. Пушкин пишет ответное письмо П. А. Плетневу в Петербург.

Письмо Плетнева к Пушкину не сохранилось. Плетнев сообщал поэту о получении из цензуры «Путешествия в Арзрум» (рукопись была представлена цензору 16 сентября 1835 г. и возвращена 29 сентября)[1], а также о том, что Гоголь предложил для задуманного поэтом альманаха повесть «Коляска»[2].

Из письма Пушкина: «Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску[3], в ней альманах далеко может уехать[4]; но мое мнение: даром Коляски не брать, а установить ей цену; Гоголю нужны деньги. Ты требуешь имени для альманаха: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему. <В. П.> Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла. Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартере Александра Ивановича в комедии Гоголя <подразумевается отрывок «Утро делового человека» из комедии «Владимир 3-ей степени»>. Это будет очень натурально»[5].

[1] См.: *Тархова.* Т. 4. С. 1772, 1776.

[2] См. ***1835. Сентября конец – октября начало. Санкт-Петербург.***

[3] Неизвестно, читал ли до этого Пушкин повесть Гоголя.

[4] Повесть Гоголя «Коляска» была впервые напечатана в первом томе «Современника» (1836; цензурное разрешение 31 марта).

[5] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 707. – Письмо имеет почтовые штемпели: «Остров 1835 11 октябр<я>»; «Получено 1835 окт<ября> 16 утро», а также помету Плетнева: «20 <октября>. Из Михайловского».

ОКТЯБРЯ ПОСЛЕ 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. А. Плетнев, возможно, известил Гоголя о благодарности Пушкина за повесть «Коляска», переданную для задуманного поэтом альманаха.

См. ***1835. Октября не позднее 11. Михайловское.***

ОКТЯБРЯ 23. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин вернулся[1] из Михайловского в Петербург[2].

С приездом Пушкина в Петербург – и второй[3] его встречи осенью 1835 г. с Гоголем[4] – последний, по-видимому, получил от поэта сюжет «Ревизора» и, оставив работу над «Мертвыми душами», в поразительно короткий срок, почти за месяц, с конца октября по начало декабря 1835 г., создал первоначальную редакцию нового произведения[5].

[1] См. ***1835. Сентября 7. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] *Тархова.* Т. 4. С. 1784.
[3] Ср. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1835. Декабря 4. Среда. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь продолжает[1] работу над драмой «Альфред».

«В записной книге <Гоголя>[2] <...> “Альфреду” предшествует “Коляска”, уже переписанная для Пушкина в октябре 1835 года[3]. Позволяем себе сделать предположение, что в октябре написаны и наброски “Альфреда”. Они остались без продолжения, потому что весь ноябрь посвящен был окончательной обработке для театра “Ревизора”, который и был готов 5-го декабря того же года»[4].

Эпоха, избранная Гоголем для своей драмы, соответствует разделу «Время норманских наездов» в его программе университетских лекций по истории Средних веков, составленной во второй половине июня – августе 1834 г.[5]: «Эпоха появления норманнов. <...> Страх в Европе, производимый их нападениями, вторжения их во Францию, в Англию. Встреча с Альфредом. Мудрые распоряжения этого государя к отражению и польза, принесенная государству».

Главный герой драмы – король Уэссекса Альфред Великий, правивший Англией с 871 по 899 или 900 г., причислен в Англиканской церкви к лику святых за свои исключительные заслуги в религиозно-политическом объединении Англии перед угрозой норманнского завоевания; основатель четырех учебных заведений в Оксфорде, послуживших началом Оксфордского университета. В первых строках «Альфреда» упоминается еще одно лицо, канонизированное к церковному почитанию, – святая мученица Эбба Младшая, игумения Калдингамская (870). С именем Альфреда связывают перелом в английской истории. Ему удалось приостановить опустошительные набеги на Англию норманнов, начавшиеся с конца VIII и особенно с начала IX в., – датчан на восточную Англию и норвежцев на ее северо-западные области. Вошел в историю также как преобразователь и устроитель государства, законодатель, ученый и писатель.

[1] См. ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава***; ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[2] *РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 3. 67 л.
[3] См. ***1835. Октября не позднее 11. Михайловское.***
[4] *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 5. С. 646.
[5] См. ***1834. Июня после 8–10 – августа не позднее 23. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вернувшийся из Михайловского в Петербург[1] А. С. Пушкин сообщает Гоголю «мысль “Ревизора”»[2]. (Вероятно, тогда же Пушкин вернул Гоголю рукопись «Женитьбы»[3].)

В 1847 г. Гоголь в «Авторской исповеди», сообщая об обстоятельствах, при которых Пушкин передал ему сюжет «Мертвых душ», заметил, что «мысль "Ревизора" принадлежит также ему»[4].

Спустя более четырех лет, 31 октября 1851 г., на вечере у С. Т. Аксакова Гоголь рассказал о передаче ему Пушкиным сюжета «Ревизора» несколько подробнее. О. М. Бодянский, присутствовавший на этом вечере, записал в дневнике: «Вечер у Аксакова с <...> Г. П. Данилевским... <...> ... Гоголь, пришедший в 8 часов вечером, при разговоре между прочим заметил, что первую идею к "Ревизору" его подал ему Пушкин, рассказав о Павле Петровиче Свиньине, как он, из Бессарабии, выдавал себя за какого-то петербургского важного чиновника, и только зашедши уж далеко (стал было брать прошения от колодников), был остановлен. "После слышал я, – прибавил он, – еще несколько подобных проделок, напр<имер>, о каком-то Волкове"»[5].

Спустя год О. М. Бодянский вновь записал в своем дневнике: «29/I. <1853> <...> Разговорившись о последнем его (К<ули>ша) сочинении о Гоголе, которое должно показаться в февральской книжке "Современника" <"Отечественных Записок">[6] и т. п., я ему рассказал, что повод к сочинению "Ревизора" был истинное происшествие, случившееся, как было мною уже замечено, в Бессарабии с П. Свиньиным и рассказанное мне его близкими родственниками, что он тут же и записал, для памяти, при дальнейшей оценке его»[7].

Запись П. А. Кулиша, сделанная со слов Бодянского в ноябре 1852 г., сохранилась: «Павлушка Медный Лоб (Свиньин) в Бессарабии обобрал нескольких Городничих, как Хлестаков; наконец попался, но при своих больших связях вывернулся. Пушкин жил в то вр<емя> в Бесс<арабии> и знал это и пересказал Гоголю. <...> Ревизор – Павлушка Медный Лоб – до того, что начал принимать просьбы от колодников. (Гоголь у Аксаковых)»[8].

29 июня 1852 г. сестра Гоголя Анна Васильевна писала из Васильевки В. С. Аксаковой: «У нас недавно был г. Данилевский, который нам много говорил о нашем незабвенном брате и как он его познакомил с вами»[9].

Сам Г. П. Данилевский в 1855 г., вспоминая о вечере 31 октября 1851 г., сообщал: «Гоголь в своей "Авторской Исповеди" говорит прямо, что сюжеты "Ревизора" и "Мертвых Душ" ему переданы Пушкиным. За несколько месяцев до смерти Гоголя, в 1851 году, в одном известном семействе, в Москве у А<ксаковых>, произошел такой разговор. Один из гостей спросил у Гоголя, бывшего здесь, получил ли он посланное ему в Остенде собрание провинциальных анекдотов о балагурах-солдатах и о солдатской медицине? Гоголь ответил, что получил и при этом прибавил: "В последнее время мною, на вызов, получено немало подобных посылок; между прочим, я приобрел из Петербурга довольно любопытную характеристику тамошних меломанов!" Тут разговор зашел о сюжетах вообще, и Гоголь чистосердечно объявил, что мысль "Ревизора" передана ему Пушкиным, с которым едва ли не было подобного же события во время его поездки, за материалами для истории Пугачева, в Оренбург. (Именно, услужливый знакомый <М. П. Бутурлин, нижегородский гражданский губернатор>, в одном из городов, куда должен был заехать Пушкин <имеется в виду Оренбург>, опередил поэта письмом к градоначальнику <В. А. Перовскому>, где было сказано: "Пушкин едет к вам за материалами, но вы на это не смотрите; он скрывается, а наверно едет вас ревизовать!" Можно вообразить, какой прием Пушкину сделали вследствие такого письма.) Пушкин прибавил Гоголю, что подобная история случилась и с Свиньиным, редактором первых "Отечественных Записок". Рассказ Гоголя о Свиньине дополнил при этом г. Бо<дянск>ий, прибавивший, что Свиньин, в свою поездку в Бессарабию, где, с карандашом в руках и записною книгою, останавливался перед каждым камешком и говорил с каждою торговкою, был также принят за ревизора и послужил причиною любопытнейшей мистификации, которая увлекла его до того, что он сам забылся, вообразил себя действительным ревизором и кончил тем, что стал принимать просьбы. Все это едва не кончилось для него очень и очень печально»[10].

В бумагах Пушкина (который, как указано, и сам летом 1833 г. был принят за ревизора в Нижнем Новгороде; см. также ниже) сохранился набросок: «[Свиньин] Криспин приезжает в губернию NB на ярмонку – его принимают за ambassadeur <посланника; *фр.*>. Губернатор честный дурак. – Губернаторша с ним кокетничает. – Криспин сватается за дочь»[11].

Отметим при этом, что П. П. Свиньин, в журнале которого «Отечественные Записки» Гоголь сотрудничал в 1830 г.[12], не всегда являлся «самозванцем». Как явствует из докладной записки министра народного просве-

щения А. С. Шишкова 1826 г., Свиньин при его поездке на Кавказ был действительно наделен полномочиями тайного «ревизора»: «Кроме <...> общих мер касательно осмотра учебных заведений, министерство народного просвещения не упускало пользоваться случаями узнавать о состоянии их от посторонних и даже не принадлежащих к нему лиц. В сем намерении, и имея в виду, что путешественник, не обнаруживающий поручения осматривать учебные заведения, нередко гораздо более имеет возможности открывать настоящее их положение, нежели нарочно посылаемые на сей конец визитаторы, поручено было статскому советнику Свиньину сделать замечания об учебных заведениях, которые встретятся ему на пути его в Грузию. Г. Свиньин, окончив путешествие свое, представил общие замечания о ходе просвещения в Южном крае России, которые, будучи прочитаны в главном правлении училищ, переданы для соображения комитету составления проекта устава учебных заведений»[13].

Граф В. А. Соллогуб в 1865 г. указывал: «Пушкин познакомился с Гоголем и рассказал ему про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии, о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей. Кроме того Пушкин сам, будучи в Оренбурге, узнал, что о нем получена гр<афом> В. А. Перовским секретная бумага, в которой последний предостерегался, чтоб был осторожен, так как история Пугачевского бунта была только предлогом, а поездка Пушкина имела целью обревизовать секретно действия оренбургских чиновников. На этих двух данных задуман был "Ревизор", коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом»[14].

К этим словам Соллогуба П. И. Бартенев тогда же сделал примечание: «В одних неизданных записках о жизни Пушкина это рассказано следующим образом: "В поездку свою в Уральск, для собирания сведений о Пугачеве, в 1832 г., Пушкин был в Нижнем, где тогда губернатором был М. П. Б<утурлин>. Он прекрасно принял Пушкина, ухаживал за ним и вежливо проводил его. Из Нижнего Пушкин поехал прямо в Оренбург, где командовал его давнишний приятель гр<аф> Василий Алексеевич Перовский. Пушкин у него и остановился. Раз они долго сидели вечером. Поздно утром Пушкина разбудил страшный хохот. Он видит: стоит Перовский, держит письмо в руках и заливается хохотом. Дело в том, что он получил письмо от Б<утурлина> из Нижнего, содержания такого. "У нас недавно проезжал Пушкин. Я, зная, кто он, обласкал его, но должно признаться, никак не верю, чтобы он разъезжал за документами об Пугачевском бунте; должно быть ему дано тайное поручение собирать сведения об неисправностях. Вы знаете мое к вам расположение; я почел долгом вам посоветовать, чтоб вы были осторожнее, и пр.". Тогда Пушкину пришла идея написать комедию: Ревизор. Он сообщил после об этом Гоголю, рассказывал несколько раз другим и собирался сам что-то написать в этом роде. (Слышано от самого Пушкина.)"»[15].

В 1836 г. князь П. А. Вяземский, возможно, со слов Пушкина, также сообщал: «В одной из наших губерний, и не отдаленной, был действительно случай, подобный описанному в "Ревизоре". По сходству фамилии приняли одного молодого проезжего за известного государственного чиновника. Все городское начальство засуетилось и приехало к молодому человеку *являться*. Не знаем, случилась ли ему тогда нужда в деньгах, как проигравшемуся Хлестакову, но, вероятно, нашлись бы заимодавцы»[16].

Соответствующее свидетельство содержится также в «Записках А. О. Смирновой» О. Н. Смирновой: «...Сверчок <А. С. Пушкин> дал Гоголю сюжет для комедии: какой-то игрок приезжает в провинцию и его принимают за важное лицо; эта история не выдуманная»[17].

Сообщаемые Бодянским слова Гоголя о «проделке» «какого-то Волкова», а также свидетельство Соллогуба о случае с «проезжим господином» в Устюжне подтверждаются документально.

Под «каким-то Волковым» подразумевается Платон Григорьевич Волков (1801–1850), поэт, журналист, критик, сын вологодского помещика, воспитанник иезуитов, с 1822 г. подпоручик в отставке, в 1829–1830 гг. канцелярист департамента государственных имуществ Министерства финансов, карточный игрок. Об этом прототипе своего героя Гоголь мог узнать либо от А. С. Пушкина, либо от П. И. Балабина.

20 марта 1829 г. новгородский гражданский губернатор Август Ульянович Денфер (1785–1859) запрашивал устюжнского городничего (с 1824 г.) Ивана Александровича Макшеева: «...Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам Городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того, к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей, даже и сами Вы не знаете, почему необходимостию считаю иметь от Вас сведение, по какому случаю проживал он в Устюжне, не входил ли в общественные собра-

нии <так> и в присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, ежели же он и ныне находится в Устюжне, спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить»[18].

В ответ И. А. Макшеев 29 мая 1829 г. извещал губернатора, что «точно 10 маия был приехавший в вверенной мне город отставной подпоручик Вологодской помещик Платон Григорьев Волков, прибыл в город на почтовых лошадях с Вологодского тракта, а на другой день прибыли его лошади в карете; прислуга при нем: два лакея и кучер; сам был в партикулярном платье, имел Мальтийский знак. По приезде в город расположился в квартире, а на другой день пригласил к себе штаб-лекаря, брал у него лекарства, за которые его удовлетворил, я у него был, и он мне объявил, что по случаю болезни пробудет дней пять в городе, в домах был у меня два раза, у г-на исправника, у откупщика и на имянинах у штаб-лекаря. В присутствие не входил, а был у меня в Городническом правлении частно, просил показать ему острог, где смотрел его расположение и сие делал, по моему заключению, из любопытства, в лазарет его пригласил штаб-лекарь, где он только посмотрел Аптеку, в училище духовном и Городовом был сам по себе, в соборе служил Молебен и просил протопопа показать ему ризницу, и все оное делал отношением к лицам, до коего касалось, самым вежливым образом, а 17 маия отсюда отправился в С.-Петербург и будет иметь жительство у дяди его Боборыкина в собственном его доме в Литейной части Фурштатской улице близ кирки св. Анны». В заключение Макшеев добавлял: «Я за нужное не полагал об партикулярном человеке довести до сведения Вашего Превосходительства, зная совершенно, что он не из числа подозрительных людей»[19].

5 июля 1829 г. начальник I округа корпуса жандармов (с 1826 по 1832 г.) генерал-майор П. И. Балабин сообщал А. Х. Бенкендорфу на основании доклада вологодского жандармского подполковника Дейнера: «Платон Волков после отъезда жены <имеется в виду бегство жены Волкова 1 января 1829 г.> надел на себя монашеский подрясник, вырастил бороду и ходил по церквам, говоря, что идет в монастырь. Но через месяц выбрился, надел фрак и отправился будто бы в Санкт-Петербург. А теперь в Вологде есть слухи, что он, проезжая через Устюжну, выдавал себя за чиновника канцелярии Вашего Высокопревосходительства, требовал себе квартиру, продовольствие для людей и лошадей, был на нескольких обедах у разных чиновников, обещал всем свою протекцию и, как говорят, оставлял адресы в канцелярию Вашего Высокопревосходительства, но неизвестно на чье имя. Г. Дейнер хотя и не может удостоверить в справедливости сих слухов, но счел обязанностью донести об оных, ибо такой дерзкий человек, как господин Волков, может еще выдумать что-нибудь вреднее»[20].

4 декабря 1834 г. вологодский жандармский полковник Соколов, в свою очередь, докладывал начальнику I округа корпуса жандармов (с 1833 г.) генерал-майору Д. П. Полозову о «проступках» П. Г. Волкова: «Довел имение, будучи опекуном, до расстройства, расточил свое имущество и приобрел долгов до 50000 рублей, которых уплатить не в состоянии. Из имения дочери взял карету и 4-х лошадей, отправился в Петербург и все в Тихвине промотал, во время проезда в Устюжне, пользуясь легкомыслием некоторых лиц, выдавал себя за какого-то ревизора»[21].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. вспоминал: «Вот что Пушкин говорил мне о Гоголевском творчестве...

— "Ревизор" — тоже[22] моя идея. Это как раз относилось к двадцатым годам, когда я был в Новороссии... Тип Хлестакова у меня был намечен в живом лице... Это своего рода Митрофанушка, только более обтесанный и менее отрочен... Но по характеру своему также наивен и скромен,.. чего, однако, Гоголь не дал своему Хлестакову, вложив в его речь дозу нахальства и уверенной глупости... Да, именно "уверенной глупости", потому что Хлестаков сознает свое глупое положение среди семьи глупого городничего, но все-таки его поддерживает, уверенный в том, что его глупый ум, по сравнению с глупостию уездного начальства, много значительнее... Даже высшая одесская губернская власть, в ведении которой я находился тогда как полуссыльный, и та ничем не уступала Гоголевскому Сквознику-Дмухановскому... По своему мягкому и доброму характеру, знаменитый административный муж в эпоху "Николаевских войн", граф Киселев, этот господарь Молдавии и Валахии и впоследствии министр государственных имуществ, тоже был Сквозник в своем роде, потому что он весь уходил в авторитет своего камердинера, который ему говорил, что "этого" надо наказать, а "того" помиловать и т. д.

Но такой оборот дела, однако, не умаляет достоинства Гоголевских произведений... С этим соглашался и сам Пушкин. Но он только не одобрил стиля Гоголевского.

— В этом есть что-то недосказанное, — говорил он, — ибо растянутость речи уменьшает впечатлительность читателя, дает ему случай скоро забывать только что прочитанное... Совсем другое — сжатость письма, — это сама сила, дающая себя чувствовать каждому, когда она его поглощает... Как выражение ума, речь должна быть конкретна... Абстрактность же Гоголя нам этого не дает. Живые типы, им выведенные, далеко не натуральны, напротив, они сказочны... Делать повесть из

быта данной среды нельзя в образе кузнеца Вакулы с чортом под небесами... Это нечто в духе бабушкиных сказок, рассказанных на печи, под влиянием кирпичного жара, пылко действующего на живое сновидение человека...

Таков Гоголь, по заключению Пушкина. Но поэт, однако, не отрицал в нем творческого дарования и самобытности...»[23]

В «мысли "Ревизора"», данной Гоголю Пушкиным, по-видимому, заключался еще один важный аспект. Известный духовный писатель XIX–XX вв. иерей Александр Клитин указывал: «В комедии "Ревизор" разве не слышится вам отголосок истории Страшного Суда? Эта заключительная немая сцена разве не иллюстрация известных слов Спасителя: *Бдите, яко не весте дне, ни часа, в оньже Сын человеческий приидет* (Мф. XXV, 13)»[24]. Как заметил Д. И. Чижевский, некоторыми современниками Гоголя и Пушкина конец света ощущался в самой непосредственной близости. Популярный тогда в России немецкий сектант и мистик И. Г. Юнг-Штиллинг, влияние которого испытал, в частности, Император Александр I[25], в своем толковании на Апокалипсис, «Победной повести» (Нюренберг, 1799), предсказывал его в 1836 г. – в год выхода в свет «Ревизора»[26]. «...Заключение сатаны последует в 1836 году... <...> ...Чрез 38 лет от сего 1798 года Господь благоволит явиться», – пророчил Штиллинг в своем толковании[27]. «Победная повесть» Юнга-Штиллинга, в переводе А. Ф. Лабзина, имелась в библиотеке Пушкина[28].

(В 1825 г. книга Штиллинга была запрещена[29]. В 1820-х гг., подобные издания, в том числе изданные при участии Лабзина, по-видимому, распространялись среди учащихся Нежинской гимназии, где учился Гоголь, группой профессоров-масонов – К. В. Шапалинским, И. Я. Ландражиным, Ф. И. Зингером[30]. Пророчества Штиллинга о 1836 г. разделял, в частности, священник г. Балты под Одессой, св. праведный Феодосий Балтский (Левицкий, 1791–1845; прославлен в лике святых в 2009 г.; память совершается 9 марта ст. ст.). В мае 1823 г. отец Феодосий был вызван в Петербург к Александру I; спустя полтора года, в ноябре 1824 г., по подозрению в причастности к масонским ложам, отправлен на три года в заточение в Коневский монастырь на Ладожском озере[31].)

Отметим, что апокалиптический подтекст присущ целому ряду гоголевских произведений, предшествовавших созданию «Ревизора», – в частности, опубликованным в сборнике «Арабески» (1835) – «О преподавании всеобщей истории»[32], «Портрет», «Жизнь»[33], «Последний день Помпеи». Такой же подтекст присутствует и в «Ревизоре», где обстоятельства появления в уездном городе мнимого «значительного лица» – обольщение чиновников на счет Хлестакова и попущение Божие как первопричина обольщения («Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум») – прямо повторяют предсказанные в Новом Завете обстоятельства явления в мире к концу времен такого же мнимого «лица» – лже-Христа, «антихриста»: «...Тогда откроется беззаконник <...> которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи...» (2 Фес. 2, 9–11). Явление вестника о настоящем ревизоре в финале комедии завершает эту апокалиптическую тему гоголевской пьесы, охватывающей ее от явления в мир антихриста до Второго Пришествия Христова и Страшного Суда.

Этому смыслу «Ревизора» вполне соответствует его истолкование в гоголевской «Развязке Ревизора» (1846)[34]: «Лучше <...> сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни <...> да побывать теперь же в безобразном нашем городе <...> в котором бесчинствуют наши страсти <...>. Клянусь, душевный город наш стоит того, чтобы подумать о нем, как думает добрый Государь о своем государстве! Благородно и строго, как он изгоняет из земли своей лихоимцев, изгоним наших душевных лихоимцев! <...> ...Взглянем на себя не глазами светского человека, – ведь не светский человек произносит над нами суд, – взглянем хоть сколько-нибудь на себя глазами Того, Кто позовет на очную ставку всех людей...»[35]

Можно предположить, что своим толкованием «Ревизора» в «Развязке» Гоголь сам косвенно указывает на один из литературных источников замысла своей комедии, связанный опять-таки с Юнгом-Штиллингом. Переводчиком еще одного из произведений Штиллинга был знакомый Пушкина в 1830-х гг., племянник З. Я. Карнеева и приятель М. М. Сперанского, Ф. П. Лубяновский (1777–1869). Последний перевел в 1817–1818 гг. сочинение Штиллинга «Das Heimweh» (1793–1795), или, в переводе Лубяновского, «Тоска по отчизне»[36], содержание которого, возможно, через Пушкина, и нашло отражение в замысле «Ревизора».

В «Тоске по Отчизне» описываются события, случающиеся с неким Христаном-Евгением Остенгеймом, в которых, по замыслу автора, изображаются этапы, которые проходит душа на пути к небесной отчизне. Одно из первых событий – встреча героя в гостинице с «ревизором» Угрозом Световостоковым. «В первой гостинице сел я за теплую печь, а *Честомысл*, принесши мое имение, расседлав лошадей и дав им корму, пошел в хозяйскую избу. <...> Нас было не много: какой-то Капитан, купец, Секретарь, Неизвестный, Судья, Стряпчий, хозяин и я. <...> Сухой, длинный, в темном сером платье, просто одетый старик сидел у стены неподвижно. <...>

Товарищи мои не примечали его, покуда хозяин не спросил, не хотел ли он вместе с нами обедать? Он отвечал: *нет!* – но таким голосом, каким не всякий может ответствовать. Один за другим они щурились и поглядывали на *Угроза Световостокова*... <...> Секретарь <...> хотел пошутить над стариком, взял салфетку, обтер губы, подошел к нему и говорил:

– Позвольте спросить вас, Государь мой, конечно вы имеете дела в здешнем городе?

Твердым голосом, после коего не скоро можно сделать другого такого рода вопрос, *Угроз Световостоков* ответствовал:

– Имеете ли вы полномочие от моего Государя, по коему, как посланник его, можете ко мне относиться? Мое право, по которому я так отвечаю *вам, лежит в Счетном Архиве.*

Секретарь остановился, как громом пораженный: отчего? – знает то он и *Угроз Световостоков.* Довольно: он не выдержал, взял шляпу, трость и ушел.

Судье казалось, что долг его был заступиться за Секретаря. <...> ...Он начал проповедовать о благоустройстве и о строгости, с коею надлежит наблюдать в городах за иностранцами... <...>

Хозяин потряс головою и дал ему знать, чтоб молчал. Судья еще более разгорячился, покраснел, встал, подошел к *Угрозу Световостокову* и спрашивал: Государь мой! кто вы? <...> Я в службе здешнего Государя и имею власть осматривать каждого подозрительного иностранца.

– *А я,* – поразительным голосом отвечал *Угроз Световостоков, – имею от Царя всех Царей препоручение описывать всякий запрещенный товар в царствии Божием. Кстати ныне страшное дело вдовы Сердцеправы Главным Судом решено в ее пользу; соперник ее проиграл тяжбу и будет наказан.*

Судья оцепенел и бледный, как смерть, упал на стул... <...>

Угроз Световостоков <...> не был в праздности <...> дом Судьи окружен стражею: прислан нарочный произвесть следствие со всею строгостию...»[37]

Приведенное описание находится в первой части сочинения Штиллинга – и, подобно «Приезжему из столицы» Г. Ф. Квитки-Основьяненко[38], весьма отдаленно напоминает пьесу Гоголя (гостиница, ревизор, следствие). Зато объяснение, которое дает автор этой сцене в заключительной, пятой части своего произведения – снабженной подзаголовком: «Содержащая в себе Ключ или изъяснение предыдущих Частей» (ср. в «Развязке»: «Ключ! не хотим больше ничего слышать. Ключ!»), прямо напоминает гоголевское толкование в «Развязке Ревизора» чиновников, как бесчинствующих в душе страстей[39]: «Явление за общим столом в гостинице очень важно. <...> Хозяин означает застарелые склонности, или, по словам Священного Писания, *Ветхого Адама,* у коего новый должен жительствовать, как некий пришлец. *Адвокат, или Стряпчий,* означает *естественное легкомыслие,* которое в самих нас есть как ходатай и заступник за все пороки и преступления, нами содеваемые. *Судья* представляет *Господствующую страсть в человеке в необращенном его состоянии.* Я имел в виду *сладострастие,* с *властолюбием* соединенное... <...> *Секретарь* означает *змииную хитрость,* с коею злые страсти пролагают дорогу к своей цели. <...> *Купец* есть образ *корыстолюбия*... <...> Угроз Световостоков, или *человек в сером платье,* <...> с грозным безмолвием сидит в углу у стены. <...> Сие почтенное лице названо в подлиннике *человеком в сером платье* за тем, что серый цвет означает старость, смерть и истление, и потому одежда такого цвета свойственна званию строгого Судии, Совести. В переводе оно названо *Угрозом Световостоковым.* Суд совести часто грозен, но он всегда есть истинный от Востока. <...> Коварный Секретарь, с хитростию древнего змия служащий соглядатаем всем прочим собеседникам, начинает, смотря в свое стекло, испытывать сего нового гостя. О! он охотно желал бы изгнать его: злая совесть его не может сносить сурового вида и поразительного взгляда Угроза Световостокова. За то, однако ж, он сам получил громовой удар: наказующая благодать обнаружила явно пред всеми смертоубийство его, сокровенное от всего мира. Умерщвленный и в счетном Архиве зарытый младенец означет тяжкие грехи юности, о коих *Давид* воздыхал еще и в мужестве; Пс. 25, 7, и кои змиина хитрость, положив в Архиве, почитает никому в мире неведомыми, не помышляя, что в Архиве-то и хранятся все списки с требований от начальства с подчиненными, и что Угроз Световостоков имеет ключ от всякого Архива, как Генерал Ревизор. Горе! <горе!> тому, чьи долги еще в Архиве! Сей Ревизор некогда окажет их: он есть всеобщий истец пред судом Божиим»[40].

Секрет популярности немецкого мистика в России[41] объяснялся, во-первых, его созвучным русскому обществу неприятием антихристианского духа французской революции 1789–1799 гг. В изданной в 1810 г. одной из частей своего сочинения «Der graue Mann» («Серый человек»; *нем.*; в русском переводе «Угроз Световостоков») Юнг-Штиллинг, в частности, замечал: «Покойный *Бенгель* в тридцатых и сороковых годах прошедшего столетия вычислял апокалиптические времена и <...> определил эпоху пришествия Господня в 1836 году, с величайшею вероятностию и основательностию. <...> Во мне, однако ж, осталось оно <...> в тайне души сокрытым, до 1792 года, когда Французская революция, потрясшая и всю Немецкую землю, возбудила во мне вновь оное. С сего самого времени я чувствую долгом моим свидительствовать о сей истине...»[42]

Репутация консерватора и сугубого «обскуранта», которую заслужил Штиллинг в Европе, также служила русскому читателю неким залогом «благонадежности» немецкого мистика. В заблуждение вводило и явное

осуждение Штиллингом «иллюминатства» (с противопоставлением якобы «истинного» масонства «ложному», приведшему к Французской революции). Но особенное впечатление на читателя в России производило восторженное отношение Штиллинга к победе русского народа над Наполеоном и высокая оценка Императора Александра I, о личной встрече с которым летом 1814 г. не без гордости сообщал сам Штиллинг в одной из своих книг. (Впрочем, сам Александр I за несколько лет до этой встречи в своей записке «О мистической словесности», адресованной сестре, великой княгине Елене Павловне, замечал о «сочинениях Штил<л>инга», что «большой важности» эти сочинения «не содержат»: «Во всех сих сочинениях есть великая смесь истины с заблуждением»[43].) Есть у Штиллинга и «похвалы» Русской Церкви — в свою очередь призванные ввести в заблуждение неискушенного читателя. («Похвалы» эти лукаво перемежаются у Штиллинга с резкой критикой и католической, и Православной Церквей.)

Можно предположить, что, создавая пьесу, Гоголь прямо имел в виду настроения определенной части русского общества, связанные с предсказаниями Штиллинга о 1836 годе. Это следует как бы из самого финала комедии. Но при этом очевидно и то, что в целом с хилиастическим толкованием Апокалипсиса Юнгом-Штиллингом, который полагал, что «дух Христов сохраняется и сохранится до конца мира» только в протестантской «богемо-моравской, гернгутерской[44] братской церкви»[45], замысел «Ревизора» не имеет ничего общего. Содержание гоголевской пьесы прямо противоположно этим толкованиям. Архимандрит Фотий (Спасский), подавший в 1824 г. Императору Александру I записку «О революции под именем тысящелетнего Христова царствия, готовимой к 1836 году в России чрез влияние тайных обществ и англичан-методистов», в частности, писал: «1836 год назначили враги веры и спокойствия временем для новыя веры и церкви, и какого-то нового царя...»[46] Гоголь в статье «О преподавании всеобщей истории» отмечал: «...Цель моя — образовать сердца юных слушателей <...> чтобы <...> не изменили они своему долгу, своей Вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю». В 1830 г., при принятии присяги на верность Государю, сам Гоголь, согласно установленному порядку, дал подписку «о непринадлежности его к масонским ложам»[47]. По свидетельству А. О. Смирновой, рассказывавшей, со слов графа Мих. Ю. Виельгорского, об одной из масонских реликвий — карандаше, принадлежавшем И. К. Лафатеру — а затем, через Юнга-Штиллинга и баронессу В. Ю. Крюденер, доставшемся Александру I, — Гоголь неприязненно относился к масонам; он ставил их в один ряд с модными гадалками: «Гоголю были равно ненавистны Ленорманы и масоны»[48] (М. А. Ленорман — французская гадалка). (В частности, судя по дошедшим материалам, неодобрительно относился Гоголь к взглядам бывшего декабриста и масона И. А. Фонвизина, племянника известного писателя[49].) Явная критика масонских обычаев и представлений дана Гоголем в комедии «Игроки» — героям которых, по их словам, «знакомы высшие тайны»[50]. Масонство высмеивается и в самом «Ревизоре», в образе судьи Ляпкина-Тяпкина, вольнодумно размышляющего о сотворении мира и обнаруживающего знакомство с масонской литературой («Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...»).

Примечательно, что встречной неприязнью платили Гоголю и представители масонства. Наиболее показательной среди них фигурой был, в московском окружении писателя, поэт М. А. Дмитриев, отозвавшийся о Гоголе в своих воспоминаниях весьма неприязненно. За редкими исключениями, все лица, упоминаемые в мемуарах Дмитриева, так или иначе состояли в ордене. Согласно признанию самого Дмитриева, он был принят в масоны в 1830 г. (т. е. уже после официального запрещения масонства)[51]. Масонами были упоминаемые им в мемуарах, с превосходными эпитетами, московский военный генерал-губернатор князь Д. В. Голицын[52] (на литературных вечерах которого с неохотой бывал Гоголь[53]), поэт Ф. Н. Глинка (которому Гоголь однажды намекнул на бесплодность его переложений псалмов[54]), М. Н. Загоскин, П. Я. Чаадаев, Ф. Ф. Вигель, князь-литератор П. И. Шаликов (произведения которого Дмитриев ставил выше гоголевских[55]) и мн. др. О Гоголе Дмитриев вспоминал: «Попал он на руки к Аксаковым. А кто попадет, бывало, в милость к их горластому семейству, они поднимутся все кричать и прославлять своим широким горлом... <...> Все это свихнуло Гоголя и вскружило ему голову... <...> он был неуч, но неуч гордый, малороссийский медвежонок, которому было неловко в высшем обществе. <...> Он худо знал русский язык, и впоследствии пустившись в изображение грязного захолустья, перешел границы истины и был родоначальником тех грязных произведений, которые ныне завалили нашу литературу...»[56] Мнение о том, что Аксаковы вскружили Гоголю голову — и что он незаслуженно пользуется своей славой, было среди московских масонов почти единодушным. Его, кроме Дмитриева, высказывали и Загоскин[57], и Чаадаев[58], и Вигель[59]. Знаменательно при этом, что все они единодушно негативно относились и к «Ревизору». И хотя ни один из них, по понятным причинам, не оставил свидетельств о том, как воспринято было в масонской среде использование Гоголем наследия Штиллинга (в частности, его «пророчеств» о 1836 годе), однако по их согласному осуждению «Ревизора» можно отчасти судить о характере той оценки, которая, вероятно, была вынесена в этой среде «неблаговейному» обращению Гоголя с масонской литературой. Вопреки «пророчествам» о «новом царе», гоголевская пьеса заканчивается напоминанием о законном русском государе, «изгоняющем из земли своей» вольнодумных Ляпкиных-Тяпкиных и лицемерно-набожных Сквозников-Дмухановских.

В «Авторской исповеди» Гоголь сообщал также об истории создания «Ревизора»: «На этот раз и я сам уже задумался серьезно, — тем более что стали приближаться такие годы, когда сам собой

приходит запрос всякому поступку: зачем и для чего его делаешь? Я увидел, что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не зная зачем. Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеянья всеобщего. В "Ревизоре" я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем».

В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г., являющемся продолжением «Авторской исповеди» (предназначавшемся к публикации во втором (несостоявшемся) издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью»), Гоголь, в свою очередь, замечал: «...Мой смех вначале был добродушен; я совсем не думал осмеивать что-либо с какой-нибудь целью[60], и меня до такой степени изумляло, когда я слышал, что обижаются и даже сердятся на меня целиком сословия и классы общества, что я наконец задумался. "Если сила смеха так велика, что ее боятся, стало быть, ее не следует тратить по-пустому". Я решился собрать все дурное, какое только я знал, и за одним разом над ним посмеяться, — вот происхождение "Ревизора"! Это было первое мое произведение, замышленное с целью произвести доброе влияние на общество, что, впрочем, не удалось: в комедии стали видеть желанье осмеять узаконенный порядок вещей и правительственные формы, тогда как у меня было намерение осмеять только самоуправное отступленье некоторых лиц от форменного и узаконенного порядка»[61].

[1] См. ***1835. Октября 23. Среда. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1835. Октября 7. Санкт-Петербург.*** — Сохранился также рисунок «Городничий», подаренный Гоголю Пушкиным «для постановления им сцен к к<омедии> "Ревизор"», который Гоголь подарил впоследствии Н. Я. Прокоповичу, а тот — А. А. Комарову (см.: <Надписи к рисунку «Городничий»> // *Свод.* Т. 1. С. 814).

[3] См. ***1835. Октября 7. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[5] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1849–1851 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 227–228.

[6] *Кулиш 1853.* С. 109–121.

[7] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 233. — Датировка дневниковой записи уточнена.

[8] Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя) // *Свод.* Т. 3. С. 36, 37.

[9] *Свод.* Т. 1. С. 143.

[10] *Данилевский Г.* Основьяненко (Г. Квитка). Материалы для истории украинской литературы // *Свод.* Т. 1. С. 295.

[11] *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1975. С. 460. См. также: *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л.: АН СССР, 1938. С. 431.

[12] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[13] *Шишков А. С.* О главнейших распоряжениях министерства народного просвещения с июня 1824 года по январь 1826 года // Русская Старина. 1896. № 9. С. 580–581.

[14] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод.* Т. 1. С. 650. — В ответ на эту публикацию П. И. Мартос 16 февраля 1866 г. писал П. И. Бартеневу: «В 5 и 6 выпусках "Русского Архива" напечатаны воспоминания гр. Соллогуба, в которых он рассказывает о своем знакомстве с Гоголем. Мне кажется, в рассказе этом не все верно: не знаю, насколько участвовал Пушкин в создании "Ревизора", но в 1840 году в «Пантеоне Русского и всех европейских театров» был напечатан прототип "Ревизора": Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе. Оригинальная комедия в пяти действиях, сочинение Грицка Основьяненка (Квитки). Написана в 1827 году. Сличите обе комедии — и найдете разницу только в изящной отделке Гоголем одного и того же предмета <см. также ***1840. Марта 30. Санкт-Петербург***>. — Так же насчет "Мертвых Душ" <см. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург***> могу рассказать следующее:

В Нежине, где мы воспитывались в пансионе, при гимназии высших наук князя Безбородко, был некто К—ач, серб; огромного роста, очень красивый, с длиннейшими усами, страшный землепроходец, — где-то купил он землю, на которой находится — сказано в купчей крепости — 650 душ; количество земли не означено, но границы указаны определительно. Не знаю, какое присутственное место решилось совершить купчую крепость на эту землю, заложенную впоследствии К—чем за значительную сумму. Что же оказалось? Земля эта была — запущенное кладбище. Этот самый случай рассказывал Гоголю за границей князь Н. Г. Репнин — это я слышал от самого князя Николая Григорьевича» (Письмо П. И. Мартоса к П. И. Бартеневу. 16 февраля 1866 г. // *Свод.* Т. 1. С. 548). См. также ***1836. Октября 13. Одесса.***

[15] Там же. Т. 1. С. 650–651.

[16] <*Вяземский П. А.*, князь> *В.* «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литтературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 294–295; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 231.

[17] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 332.

[18] *Поздеев А. А.* Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1953. Т. 4. С. 32; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 231.

[19] *Панов В.* Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 125; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 231–232.

[20] *Панов В.* Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 126–127; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 232.

[21] *Панов В.* Еще о прототипе Хлестакова // Север. 1970. № 11. С. 127; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 232. См. также: *Аринин В. И.* Неразгаданные тайны Пушкина. М., 1998. С. 189–211; *Аринин В.* Хлестаков в Устюжне. Документальная повесть. Из стихов Платона Волкова. Вологда, 2008. С. 1–58.

[22] См. также ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[23] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // *Свод.* Т. 1. С. 562.

[24] Памяти Н. В. Гоголя. Речь пред панихидою 17-го марта 1902 года. Профессора Богословия, священника А. М. Клитина // Записки Императорского Новороссийского ун-та. Одесса, 1902. Т. 88. Отд. 3. С. 81.

[25] См. также ***1826. Января 29. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[26] *Чижевский Д.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 140.

[27] Победная повесть, или Торжество веры христианской. Творение *И. Г. Юнга-Штиллинга.* СПб.: В Морской Типографии, 1815. С. 289, 209. – Ср. также: ***1826. Января 13. Среда***; <*Ширинский-Шихматов С. А., князь.*> Записка о крамолах врагов России / Сообщил священник М. Я. Морошкин // Русский Архив. 1868. № 5. Стб. 1352; Повествование священно-архимандрита отца *Фотия* <*Спасского*> // Русская Старина. 1894. № 7. С. 164–171, 182–186; № 8. С. 430–434.

[28] См.: Книги, бывшие в библиотеке Пушкина и не сохранившиеся / Библиотека Пушкина. Новые материалы. Исследование Л. Модзалевского // Лит. наследство. Т. 16–18. М., 1934. С. 1012. – О том, что подобная мистическая литература бывала в круге чтения Пушкина, свидетельствует, в частности, его стихотворение «Странник. (Из Bunyan)» (1835), которое представляет собой вольное переложение начальных страниц книги английского мистика Дж. Беньяна «Любопытное и достопамятное путешествие Христианина и Христианки с детьми к блаженной вечности...» С этой книгой, русский перевод которой впервые был издан в 1782 г. Н. И. Новиковым, Пушкин был знаком по «Сочинениям Иоанна Бюниана» (СПб., 1819), также находившимся в его библиотеке. Примечательно, что об этом пушкинском стихотворении Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» упоминал дважды. По словам Гоголя, в этих стихах Пушкин «звуками почти апокалипсическими» изобразил «побег из города, обреченного гибели, и часть его собственного душевного состояния» (см. ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания).

[29] См. ***1825. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[30] См., в частности, ***1827. Октября 31. Понедельник. Нежин.***

[31] «...В разборах журнальных статей попадаются иногда обвинения на о. архимандрита Фотия в каком-то будто бы слепом его фанатизме и обскурантизме. Покойный архимандрит-подвижник, конечно, не сыщет себе защитников в нынешних духовных прогрессистах: опасясь показать себя отсталыми, они не станут защищать о. Фотия от несправедливых нападений, да и по летам своим не быв свидетелями эпохи мистицизма, не знают, сколь вредно и злостно было это протестантское направление, которое, под видом распространения Библии, распространяло лютеранский пиэтизм, янсенизм и разные темные масонские идеи, тот была чисто-мистическая тьма: сами не знали, чего хотели: все было в смешении. О. Фотий был только голосом строго-православных людей, которые с омерзением видели, как появлялись в печати книги, весьма роскошно, по тогдашнему времени, издаваемые, подобные *Победной повести,* где Православная Церковь гласно поносилась и осмеивалась и ей предпочиталось собрание методистов. <...> И это, с поддержкою и покровительством высшей власти, продолжалось не один год. <...> Уже некоторые из духовных заражены были до безумия мистицизмом: между ними явились последователи Штиллинга. Один священник, известный Феодосий Балтовский, до того увлекся, что счел себя за одного из пророков Апокалиптических. (Собственноручные его записки я видел в 1852 году на Афоне у Святогорца, а ему они были переданы Иннокентием Херсонским для просмотрения. Феодосий был вызываем из Балты в Петербург к Императору Александру, потом отправлен в Коневец после фотиевской реакции и умер в 1845 году, если не ошибаюсь, переживши год свето-преставления 1836 г., во что он искренно верил.) И это был еще самый незлобивый и кроткий мистик: другие были фанатиками ложных учений и гнали, где было можно, всякого православного, защищавшего чистое верование Св. Церкви» (*И. А.* Два слова об архимандрите Фотии // Русский инвалид. Ведомости военные, политические, ученые и литературные. 1868. 16/28 июля. № 192. С. 3–4).

Упомянутый «Святогорец» – иеросхимонах Афонского Пантелеимоновского монастыря Сергий (в мире Веснин Семен Авдиевич; 1814–1853), духовный писатель, – по-видимому, в 1852 г. написал жизнеописание

св. праведного Феодора Балтского: *Святогорец I. Серафим.* Священник города Балты о. Феодосий Несторович Левицкий // Отец Феодосий Левицкий, священник г. Балты, Подольской епархии, и некоторые его сочинения. СПб., 1876 (цензурное разрешение 11 июня; цензор – протоиерей Вас. Гречулевич). С. 1–70.

Отец Феодосий в своем сочинении «Гласы седми громов», отправленном в 1822 г. Императору Александру I, в частности, писал: «...Знаменитый Г. Юнг-Штиллинг в известной свету книге своей, "Победной повести", <...> пишет <...>: "С самой реформации началось ожидание исполнения пророчеств апокалиптических, <...> один же беглый патер и Иоанн Генрих Зейц осмелились даже назначить время пришествия Господа, первый в 1806, а последний в 1836 году. В сие же время <...> появились книги Бенгеля и возжгли новый свет, при котором Апокалипсис стал проясняться". <...> Сие о иностранном повсюдном чувстве и потрясении духа, представшего земле последнего времени ея. Что касается России в особенности, то не менее и сия великая часть вселенной в то же время таковым же чувством и таковым же духом потрясена была. Сие всем известно. <...> ...Никак не должно презирать или к суеверию относить таковое всея вселенныя во едино время, к удивлению, бывшее потрясение духа. <...> ...Известный миру, Богопросвещеннейший муж, великим делом царствия Христова совершенно занят бывший, предостойный святого откровения Иоаннова толкователь в славной Англии, Юнг-Штиллинг, в книге своей, оное же достопримечательное Апокалипсиса изъяснение составляющей, победною повестию, или торжеством веры христианской названной, <...> пишет <...>: "<...> ...Явление человека беззакония <...> ведет за собою день Господень, <...>; и хотя мы года верно назначить не можем, но сим не опровергается, а еще более подтверждается вычисленный срок по Апокалиптической прогрессии". <...> Истинный раб Христов, Юнг-Штиллинг, коего и в прежних отделениях к подкреплению нашего слова мы употребляли, и здесь нам прежде всех предстоит. <...> ...Сие число мы взять можем от 1789 года, в которой началась французская революция, до 1836 года, до которого, по чудесным вычетам славнейших мужей Бенгеля и Юнга Штиллинга, наидалее пришествие Христово исполниться должно» (*<Феодосий Балтский, св. праведный>*. Гласы седми громов. О пришедшем часе великой последней Божественной брани и вечной совершенной победы Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа над мучителем диаволом, или Глас Невесты Иисус-Христа Господа к братии своей. О приближающемся втором пришествии Господнем... // Священник Феодосий Левицкий и его сочинения, поднесенные Императору Александру Первому. Материалы к истории мистицизма в начале XIX века. Сообщил Л. К. Бродский. СПб., 1911. С. 263–265, 308–309, 358, 443).

9 февраля 1823 г. отец Феодосий писал князю А. Н. Голицыну: «В прежние веки если бывали случаи, что некоторые люди якобы настоящую кончину мира проповедовать хотели, но это обыкновенно бывали самые только люди совсем не основательные <...>; ныне же совсем напротив того, все просвещеннейшие и основательнейшие и самые достойные мужи из всего христианства во вселенной сильно в приближении часа сего убеждаются и ничего к противоречию твердого и надежного сыскивать уже ниоткуду не могут. Здесь можно сказать о книге Юнга Штиллинга, толкование Апокалипсиса составляющей, победною повестию названной. Несмотря на то, что он чужеземец и по внешности якобы от нас исповеданием отделенный, но книга его совершенным разумом и благочестием, не без многого содействия и подкрепления от самой благодати Духа Божия написана, самою же историею мира оправдается, и никакого действительного порока в себе не имеет, – и того ради в сие время совершенно должна быть уважена. Сия книга от осязания премудрости и истории кончину века твердо определила» (Священник Феодосий Левицкий и его сочинения, поднесенные Императору Александру Первому. С. 637–638).

Накануне 1836 г., в письме от 23 августа 1835 г., отец Феодосий, в частности, замечал: «Дай Бог всем верным таковую благодать, чтоб открылись их душевные очи, дабы познали они приблизившееся святое царствие Божие и действующий над землею страшный суд Его... <...> *Это есть особенная служба моя, по благодати Его – свидетельствовать о приближении Его*» (Феодосий Левицкий, священник г. Балты, Подольской епархии, и некоторые его сочинения. С. 135).

[32] См. ***1815. Сентября 26 <14>. Вторник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Париж*** (примечания).

[33] См. ***1834. Августа конец – сентябрь. Санкт-Петербург*** (примечания).

[34] Содержание «Развязки» было изложено Гоголем, в другой форме, но почти в той же последовательности, задолго до ее написания в заключении первого тома «Мертвых душ» – т. е. в значительной мере служит автокомментарием ко всему гоголевскому творчества, а не только к «Ревизору» (см. ***1839. Октября 17. Вторник. Москва*** – примечания).

[35] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Завязка «Ревизора» // *Гоголь Н. В.* Ревизор. С приложениями. М.: МИД «Синергия», 1995. (Серия «Новая школьная библиотека»). С. 5–52; *Виноградов 2000.* С. 275–312; *Виноградов И. А.* Завязка «Ревизора» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 618–655.

[36] Тоска по отчизне. Сочинение *Генриха Штиллинга.* М.: В Университетской Типографии, 1817. Ч. 1–3 (цензурное разрешение – май 1817); Ч. 4 (цензурное разрешение 4 июня 1817); 1818. Ч. 5, содержащая в себе Ключ или изъяснение предыдущих частей (цензурное разрешение 28 марта 1818). – Об этой книге св. Феодосий (Левицкий) в 1824 г., в частности, писал Императору Александру I: «Сие о "Тоске по отчизне" слово Тебе, Государь, того ради я здесь приложил, дабы сказать, что третья и четвертая (да еще пятая) часть сей

книги Г. Штиллинга в настоящее и тут же наступающее время, подлинно, заслуживают особеннейшее Твое пред Господом внимание» (<*Феодосий Балтский, св. праведный*>. Свидетельство вечного Евангелия Царствия Божия // Священник Феодосий Левицкий и его сочинения, поднесенные Императору Александру Первому. С. 554).

[37] Тоска по отчизне. Сочинение *Генриха Штиллинга*. М., 1817. Ч. 1. С. 57–60, 73–74.

[38] ***1840. Марта 30. Санкт-Петербург.***

[39] Отмечено впервые: *Винницкий И.* Николай Гоголь и Угроз Световостоков. (К истокам «идеи ревизора») // Вопросы литературы. 1996. Сентябрь-октябрь. С. 171–176.

[40] Тоска по отчизне. Сочинение *Генриха Штиллинга*. М., 1818. Ч. 5. Содержащая в себе Ключ или изъяснение предыдущих частей. С. 38, 40–41, 42, 43–44.

[41] По выражению архимандрита Фотия (Спасского) в 1821 г., сочинения Штиллинга «яко мед лижут прельщенные сыны века сего» (*Фотий (Спасский), архимандрит.* Житие Епископа Пензенского и Саратовского Иннокентия (Смирнова) // *Фотий (Спасский), архимандрит.* Борьба за веру. Против масонов / Сост. предисл. и примеч. В. В. Улыбин. М., 2010. С. 108).

[42] Угроз Световостоков, сочинение *Иоанна Генриха Юнга*, называющегося иначе *Генрихом Штиллингом*. Ч. 6, содержащая книжки 21, 22, 23 и 24. СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1813. Кн. 22. Издана в 1810 году. С. 102, 110–111; ср.: То же. СПб., 1806. Ч. 1. Кн. 2. С. 123, 137, 153.

[43] *Николай Михайлович, Великий Князь.* Переписка Императора Александра I с сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 289.

[44] О «гернгутерах» Гоголь упоминал в конце жизни в разговоре с О. М. Бодянским (см. ***1851. Октября конец, до 30. Москва***). К секте гернгутеров (моравских братьев) принадлежал бывший министр народного просвещения (с 1828 по 1833) светлейший князь К. А. Ливен.

[45] См.: *Чистович И.* История перевода Библии на русский язык // Христианское Чтение. 1872. № 4. С. 704.

[46] Повествование священно-архимандрита отца *Фотия* <*Спасского*> // Русская Старина. 1894. № 8. С. 433–434.

[47] ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[48] См. ***1842. Мая 26. Вторник – июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[49] См.: ***1851. Июня между 5 и 25. Москва.*** – См. также: *Виноградов И. А.* Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И. А. Фонвизина и Н. Н. Шереметевой // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 229–245.

[50] См.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Гоголя // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 91–140; *Виноградов И. А.* Смысл игры в комедии Гоголя «Игроки» // Вестник славянских культур. 2016. № 2 (40). С. 140–148.

[51] *РГБ*. Ф. 178. Музейное собрание. К. 8184. Ед. хр. 2. Л. 39.

[52] Там же. Л. 41.

[53] См. ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва.***

[54] См. ***1851. Августа 20–23. Понедельник-четверг. Москва.***

[55] См.: *Дмитриев М.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1854. С. 59–60; см. также: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. Вторым тиснением, с значительными дополнениями по рукописи автора. Издание Русского Архива. М., 1869. С. 99. – См. также ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва***; ***1847. Апреля 4 <16>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[56] *Дмитриев М. А.* Главы из воспоминаний моей жизни // *Свод.* Т. 2. С. 178. См. также ***1842. Февраля 19. Четверг. Москва.***

[57] См. ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва.***

[58] См. ***1847. Апреля 29 <мая 11>. Вторник. Москва.***

[59] См. ***1847. Февраля 18 <марта 2>. Вторник. Москва.***

[60] Ср., в частности: ***1832. Июля начало. Москва*** (примечания).

[61] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

НОЯБРЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий на вечере у Гоголя встречает И. П. Симановского.

Мокрицкий записал в этот день в своем дневнике: «Поутру <...> просидел я дома. <...> Пошел к Гоголю. Свидание с Симановским после пятилетней разлуки чрезвычайно меня обрадовало. У Гоголя по-прежнему было шумно и скучно».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

НОЯБРЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет ответное письмо матери в Васильевку:

«Я получил ваши два письма почти вдруг одно после другого. <...> Вас тревожат всякие мелочи, вы ищете непременно предчувствий, предзнаменований, вы начинаете верить самым пустым приметам. <...> Хотите ли, я вам объясню ваш сон. <...> ...Вам с идеею о мне вспомнились <...> те часы, о которых я писал к вам из Любека[1], что когда бьет на них 12 часов, показываются 12 человеческих фигур. При этом, может быть, вы часто думали о моем будущем путешествии по Европе[2] и вот вместе с этим что-нибудь взбрело вам на ум и о моем прежнем пребывании за границею. Итак вы видите, маминька, что сон есть больше ничего, как бессвязные отрывки, не имеющие смысла... <...> Истинный и добрый христианин никогда не бывает суеверен и не верит пустякам. <...> Мы все здесь здоровы. Сестры растут, и учатся, и играют. Я тоже надеюсь кое-что получить приятное. Итак чего же вам более, годка через два я приду в такую возможность, что может быть приглашу вас в П<етер>Бург посмотреть на них, а до того времени вам нечего досадовать. <...> Напишите мне о том, писали ли в опекунский совет о рассрочке, или нет. Напишите также, куда баб<ушка> Мар<ья> Или<ни>чна <Косяровская> подала просьбу и которого числа и месяца».

В приписке к сестре Марии благодарит за известие о ее муже и сыне П. О. и Н. П. Трушковских и за старание «наделить» его «старинными картами»[3] («только это мне вовсе не нужно и не относится к моему предмету»).

[1] См. ***1829. Августа 14 <2>. Пятница. Любек***.
[2] См. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород***.
[3] См. также ***1836. Марта 30 – апреля 4. Светлая седмица. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 12. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получил письмо от матери из Васильевки.

См. ***1835. Ноября 19. Вторник. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 19. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Письмо ваше получил 12-го сего месяца. <...> Об Олиньке я хлопотал[1]. Мало имею надежды; на свой счет покамест не могу. Впрочем это дело еще впереди. Посылаю вам письма сестер <Анны и Елисаветы>, которые, слава Богу, здоровы. Благодарю очень сестру <Марию> за приписку, а еще более за любовь, в награду за которую затерял я письмо к ней от Анет. Целую Николиньку и Ваничку[2] и постараюсь привезть им гусаров или лошадей».

[1] Об устройстве младшей сестры Ольги в Патриотический институт (см. ***1835. Мая около 17 – июнь; июля начало – августа около 11. Васильевка***).
[2] Племянники Трушковские.

НОЯБРЯ 19. ВТОРНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение № 12 журнала «Московский Наблюдатель», где напечатано стихотворное послание Н. М. Языкова о 1812 годе «Д. В. Давыдову».

См. ***1835. Ноября конец – декабрь. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЬ-НОЯБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Возможно, в этот период Гоголь и И. Г. Пащенко, в присутствии А. С. Данилевского и В. Я. Прокоповича, заключили между собой шутливое пари:

«Мы, нижеподписавшиеся Николай Гоголь-Яновский и Иван Пащенко, сирота, сын Григорьев, заклад держали о имеющемся родиться от Николая Прокоповича и супруги его Марии чаде, утверждая первый, что оное чадо будет мужеска пола, второй же, Иван Пащенко, что оно имеет быть женского пола. А заклад оный состоял в том, что проигравший угощает обедом как оного выигравшего, так равномерно и четырех персон про приличию избранных...»

Пари, по-видимому, выиграл Гоголь, так как в 1835 г. в семье Н. Я. и М. Н. Прокоповичей родился сын Николай[1].

[1] Пари может относиться также к более раннему времени, так как брак Н. Я. Прокоповича и М. Н. Трохневой был заключен еще в 1833 г., после 19 апреля (см. ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург*** – примечания); ***1832. Декабря 20. Вторник. Санкт-Петербург*** – примечания); ***1833. Апреля 9. Фомино воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1833. Апреля 19. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург***).

ДЕКАБРЯ 4. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь закончил комедию «Ревизор»[1], сюжет которой дал ему в конце октября 1835 г. А. С. Пушкин[2].

[1] См. ***1835. Декабря 6. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 6. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Спасибо тебе, что ты приехал[1] и написал ко мне. <...> Я жадно читал твое письмо в Журнале просвещения[2], но еще хотел бы слушать изустных прибавлений. Уведомь, какие книги привез и что есть такого, о чем нам неизвестно.

Я расплевался с университетом, и через месяц опять беззаботный козак. Неузнанный я взошел на кафедру и неузнанный схожу с нее. Но в эти полтора года – годы моего бесславия, потому что общее мнение говорит, что я не за свое дело взялся[3] – в эти полтора года я много вынес оттуда и прибавил в сокровищницу души. Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня... Мир вам, мои небесные гости, наводившие на меня божественные минуты в моей тесной квартире, близкой к чердаку! Вас никто не знает. Вас вновь опускаю на дно души до нового пробуждения, когда вы исторгнетесь с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дер-

зость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... [Бог с ними] и проч. и проч... Я тебе одному говорю это; другому не скажу я: меня назовут хвастуном, и больше ничего. Мимо, мимо всё это! Теперь вышел я на свежий воздух. Это освежение нужно в жизни, как цветам дождь, как засидевшемуся в кабинете прогулка. Смеяться, смеяться давай теперь побольше. Да здравствует комедия! Одну наконец решаюсь давать на театр[4], прикажу переписывать экземпляр для того, чтобы послать к тебе в Москву, вместе с просьбою предуведомить кого следует по этой части. Скажи Загоскину, что я буду писать к нему об этом, и убедительно просить о всяком с его стороны вспомоществовании, а милому Щепкину: что ему десять ролей в одной комедии; какую хочет, пусть такую берет, даже может разом все играть. Мне очень жаль, что я не приготовил ничего к бенефису его. Так я был озабочен это время, что едва только успел третьего дни[5] окончить эту пиесу. — Той комедии, которую я читал у вас в Москве[6], давать не намерен на театр».

[1] См. также ***1835. Мая около 4. Москва*** (примечания).

[2] Письмо Ординарного Профессора Московского Университета Погодина к Г. Министру Народного Просвещения <С. С. Уварову> из Германии, от 7/15 Сентября 1835 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1835. № 9. Сентябрь. Отд. 6. С. 544–552. – Письмо представляет собой главным образом обзор новейших для того времени трудов по славистике.

[3] См. ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***.

[4] Речь идет о «Ревизоре».

[5] См. ***1835. Декабря 4. Среда. Санкт-Петербург***.

[6] Комедия «Женитьба». Известно о чтении Гоголем этой комедии в Москве сначала у М. П. Погодина, 4 мая 1835 г. (под названием «Женихи») (см. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва***), затем, в конце августа 1835 г., под названием «Женитьба», у И. И. Дмитриева (см. ***1835. Августа около 27–28. Москва***).

СЕНТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятно, в этот период Гоголь читает «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел» (М., 1813–1826. Т. 1–4).

Из первой части собрания Гоголь сделал тогда две выписки: «Семен Иоаннович купил чрезвычайно много сел у своих бояр»; «О имениях и доходах» (Ч. 1. С. 37–38)[1]. Бумага автографа имеет водяной знак «БУ. 1835».

Такая же бумага была употреблена Гоголем для повести «Нос»[2], а также (предположительно, в том же 1835 г.) для списков стихотворений М. В. Ломоносова «Гимн бороде» и «Гимн бороде за суд» (1757)[3].

Список обоих «гимнов» Ломоносова сохранился также в бумагах А. С. Пушкина — «Неизданные стихи Ломоносова и Димитрия Сеченова»[4]. Списки стихотворений Ломоносова рукою Пушкина несколько отличаются от списков, сделанных Гоголем (так, текст второго «гимна» в списке Гоголя более исправен, чем у Пушкина). Тем не менее, можно предположить, что списки Пушкина и Гоголя восходят к одному общему источнику (пушкинские списки датируются 1835–1836 гг.)[5].

Распространение сатирических «гимнов» Ломоносова в первой половине XIX в. в России объясняется прежде всего западным влиянием. Именно вследствие активного влияния Запада отношение к бороде и понимание ее значения (знак мужества) оставляло в тогдашнем светском образованном обществе желать лучшего. В официальных кругах в бороде видели даже подражание «жидам» и «французским модам». 2 апреля 1837 г. был издан специальный указ «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду»[6], где говорилось: «...Государь Император, сверх доходящих до Его Величества из разных мест сведений, Сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды по образцу жидов, или подражая Французским модам. Его Императорское Величество изволит находить сие совершенно неприличным...»[7] Ср. также реплику Императора, обращенную к князю А. С. Долгорукому в октябре 1834 г.: «Здравствуй, Долгорукий! Что ты, просишься в евреи, что это за безобразная борода, прошу ее обрить, чтобы завтра не было!»[8] Ф. В. Чижов 17 марта 1827 г. писал матери из Петербурга: «Вот я вам расскажу анекдот, который был при моих глазах. 15 августа <1826>, в день Коронации, Царская фамилия была в Казанском соборе. С бородами туда не пускают никого. Подходят два купца, довольно хорошо одетые, с небритыми бородами. Жандармы, толкая их, говорят: "Куда вы, бородачи, идете, здесь вас не велено пускать!"

Тогда бедные купцы пошли прочь, и один из них сказал с горестию другому: "Пойдем отсюда, здесь, видно, лютеранская кирха, потому что русских не пускают, а пускают больше немцев"...»[9]

[1] См. также ***1659. Октября 17. Понедельник. Переяславль*** (примечания); ***1672. Марта 12–13. Вторник-среда. Батурин*** (примечания); ***1672. Июня 17. Понедельник. Козацкая Дуброва, между Конотопом и Путивлем*** (примечания); ***1674. Марта 17. Вторник. Переяслав*** (примечания); ***1687. Июля 25. Понедельник*** (примечания).

[2] См. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] Опубл.: *Гоголь 2001.* С. 352–357; см. также: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 627–633.

[4] См.: *Цявловский М. А., Модзалевский Л. Б., Зенгер Т. Г.* Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 563–566, 569–572.

[5] См.: *Тархова.* Т. 4. С. 1802.

[6] См. также ***1849. Мая начало, до 9 числа. Москва***; ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва*** (доклад графа А. А. Закревского).

[7] Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. С. 206.

[8] Император Николая Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. Изд. подг. М. Д. Филин. М., 2002. С. 210.

[9] *Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 20.

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает А. С. Пушкину первые главы «Мертвых душ»[1], сюжет которых был дан ему поэтом в начале сентября 1835 г.[2]

В 1843 г. в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь сообщал: «...Взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званье и на другом поприще, старался себе изобразить его в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобой, насмешкой и всем чем ни попало. Если бы кто увидал те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы, точно, содрогнулся. Довольно сказать тебе только то, что когда я начал читать Пушкину первые главы из "Мертвых душ", в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: "Боже, как грустна наша Россия!" Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда, и в каком ужасающем для человека виде может быть ему представлена тьма и пугающее отсутствие света. С этих пор я уже стал думать только о том, как бы смягчить то тягостное впечатление, которое могли произвести "Мертвые души". Я видел, что многие из гадостей не стоят злобы; лучше показать всю ничтожность их, которая должна быть навеки их уделом. Притом мне хотелось попробовать, что скажет вообще русский человек, если его попотчеваешь его же собственной пошлостью».

По свидетельству О. Н. Смирновой в 1893 г., ее мать А. О. Смирнова однажды записала (возможно, со слов Гоголя): «Пушкин приказал хохлу, всегда неподатливому, когда он должен читать, принести рукопись начала его романа Мертвые души. Пока он читал, Пушкин, по своей привычке, ходил взад и вперед по комнате. Наконец он остановился перед Гоголем, положил ему обе руки на плечи, долго смотрел на него и сказал: "Умница!"; затем поцеловал его в лоб, в знак одобрения. Потом он снова заходил по комнате, подошел ко мне и сказал: "Невеселая штука – Россия!" Над некоторыми сценами он от всей души хохотал, потом сделался чрезвычайно задумчив... <...> Одно удивительно – это что Гоголь не жил в провинции в Великороссии[3], но прослужил несколько месяцев в одной из петербургских канцелярий»[4].

После чтения Пушкину работа над «Мертвыми душами», вероятно, была временно оставлена. В конце декабря 1835 г. последовало увольнение Гоголя из Петербургского университета[5], что позволило писателю уделять больше времени литературным занятиям. Однако работа над созданием и постановкой «Ревизора», активное сотрудничество в пушкинском «Современнике» (статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», более двух десятков рецензий на вышедшие в свет книги для «Современника», статья «Петербург и Москва (из записок Дорожного)», статья «Петербургская сцена в 1835–36 г.» и др.), а также отсутствие каких-либо свидетельств о работе Гоголя в этот период над «Мертвыми душами» говорят о том, что эта работа была продолжена уже после отъезда писателя за границу (последовавшего 6 июня 1836 г.)[6]. Новые упоминания о «Мертвых душах» появляются в заграничных письмах Гоголя осенью 1836 г.[7]

[1] *Макогоненко Г. П.* Пушкин и Гоголь. Л., 1985. С. 210.
[2] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***
[3] Подробнее см.: *Виноградов 2000.* С. 316–346.
[4] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 337–338.
[5] См. ***1835. Декабря 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***
[7] См. ***1836. Сентября 22 <10>. Четверг. Женева***; ***1836. Октября между 7–12 и 23. Веве.***

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Чтение А. С. Пушкиным в присутствии Гоголя стихотворения Н. М. Языкова «Д. В. Давыдову».

В 1846 г. в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь сообщал: «Живо помню восторг его <Пушкина> в то время, когда прочитал он стихотворение Языкова к Давыдову, напечатанное в журнале[1]. В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина...»

Позднее, 14 апреля 1836 г., сам Пушкин писал Языкову: «Ваши стихи: вода живая... <...> Послание к Давыдову – прелесть!»

[1] См. ***1835. Ноября 19. Вторник. Москва***; ***1844. Апреля 2 <марта 21>. Великий вторник. Дармштадт.***

ДЕКАБРЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Младший брат А. Н. Мокрицкого Петр читает ему вслух «Тараса Бульбу» и «Старосветских помещиков».

Мокрицкий записал в этот день в своем дневнике: «Приятно и с пользой провел я сегодняшний день. С утра до трех часов писал я свою “Хижину”[1]... <...> Занятие мое сопровождено было чтением. Брат Петя читал мне повесть Гоголя “Тарас Бульба” и “Старосветских помещиков”».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.

[1] Картина «Хижина в Саардаме».

ДЕКАБРЯ 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение книги «Письма леди Рондо, супруги Английского министра при Российском Дворе, в Царствование Императрицы Анны Иоанновны. Перевел с Английского М. <И.> К<асторский>» (СПб., 1836).

В 1836 г. Гоголь написал для пушкинского «Современника» рецензию на эту книгу, где, в частности, замечал: «Книжка замечательная. Леди Рондо пишет к приятельнице своей о себе, о своих чувствах... <...> Несколько беглых слов... <...> об императрице Анне Ивановне, о Бироне прибавляют новые черты к их портретам».

Упомянутая характеристика Бирона содержится в 28-м из 37-ми писем леди Рондо, прочитанных Гоголем: «Герцог и Герцогиня <...> Бирон <...> пользуются милостию Государыни; от их сурового или ласкового взгляда зависит бедствие или благополучие всех жителей Империи. <...> Здесь нет никого, что бы мог им противиться, напротив, все у них в руках. Герцог весьма горд, вспыльчив; когда рассержен, говорит с неумеренною запальчивостию. <...> Он презирает Русских и это показывает публично самим вельможам; я думаю, что это будет некогда причиною его падения...»[1]

Интерес Гоголя к Бирону, сказавшийся в его рецензии, примечателен тем, что в том же году в Петербурге он познакомился с родной внучкой временщика, графиней Луизой Карловной Виельгорской[2] (а также с ее мужем, графом Михаилом Юрьевичем Виельгорским[3], и со всем их семейством).

Принцесса Курляндская Луиза Карловна Бирон (1791–1853), а также ее младшая сестра Екатерина Карловна (1793–1813; первая жена графа Мих. Ю. Виельгорского), внучки герцога Э. И. Бирона, воспитанницы Смольного монастыря, католического вероисповедания, пожалованные в 1810 г. во фрейлин, кичились, по свидетельству барона Ф. А. Бюлера, тем, что «если бы дядя их, герцог Петр <Бирон>, не уступил Курляндии России[4], то сами они могли бы иметь при себе фрейлин»[5].

16 мая 1846 г. А. О. Смирнова писала Гоголю: «Меж нами будь сказано, я, живши в Павлине, разлюбила вашу графиню Вьельгорскую[6] и Нази[7]. Они обе заражены бароновской спесью...»[8]

16 января (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал самой Л. К. Виельгорской: «...Вы <...> имеете преимущественно перед другими из вашей семьи некоторые несовершенства, как-то: уменье гневаться, огорчаться, унывать, не обдумывать и не воздерживаться...»[9] В адресованном ей же письме «Страхи и ужасы России» «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) Гоголь замечал: «Прежде чем приходить в смущенье от окружающих беспорядков, недурно заглянуть <...> в свою собственную душу. Загляните также и вы в свою. Бог весть, <...> может быть, там еще таится тщеславное желанье гоняться за тем, что блестит и пользуется известностью светской; может быть, там обитает гордость...»[10]

Всего потомкам Бирона — графине Виельгорской и ее семейству — Гоголь адресовал с 1839 по 1846 г. произведения трех разных жанров: как поклонникам немецкой романтики — утешительные и скрыто нравоучительные «Ночи на вилле»[11]; как русским, намеревающимся «сделаться действительно русскими»[12], — «Правило жития в мире» и трактат «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии»[13], и, в заключение, — дружеское эпистолярное напутствие «Страхи и ужасы России».

[1] Письма леди Рондо, супруги Английского министра при Российском Дворе, в Царствование Императрицы Анны Иоанновны. Перевел с Английского М. <И.> К<асторский>. СПб., 1836 (цензурное разрешение 10 декабря 1835). С. 92–93.

[2] См. ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1832. Ноября 5 или 12 или 19 или 26. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1834. Декабря 10. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. Октября не позднее 11. Михайловское*** (примечания).

[4] Герцог Курляндский и Семигальский Петр, сын Э. И. Бирона, отрекся от престола в 1795 г.

[5] *Тимощук В. В.* Императрица Мария Феодоровна в ее заботах о Смольном монастыре // Русская Старина. 1890. № 3. С. 831. — См. также: ***1845. Августа конец — сентября до 5 <сентября до 17>. Москва***; Герцог Бирон, регент Российской Империи // Русская Старина. 1873. № 1. С. 62–65.

[6] Луиза Карловна.

[7] Графиня Анна М. Виельгорская, дочь Л. К. Виельгорской.

[8] См. ***1846. Мая 16 <28>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.*** — См. также ***1848. Сентября 17. Пятница. День памяти св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. Павлино*** (воспоминания графа В. А. Соллогуба).

[9] См. ***1847. Января 16 <4>. Суббота. Неаполь.***

[10] См. также ***1847. Марта 22 <апреля 3>. Великая Суббота. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1839. Июня после 5 — июля начало <мая после 24 — июня конец>. Рим, Чивитавеккья, Марсель.***

[12] См. ***1848. Октября 29. Пятница. Москва.***

[13] См. ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

ДЕКАБРЯ 25 <13>. ПЯТНИЦА. ДРЕЗДЕН

А. П. Елагина пишет В. А. Жуковскому в Петербург:

«Прикажите Одоевскому *через посольство* прислать мне <...> Арабески Гоголя и все, чем ему вздумается меня потешить».

Гоголь в письмах А. П. Елагиной // *Свод.* Т. 2. С. 131.

ДЕКАБРЯ 14 ИЛИ 21 ИЛИ 28. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь после завершения работы над «Ревизором» на одном из субботних вечеров у В. А. Жуковского встречается с В. Г. Тепляковым, готовившим к изданию второй том собрания своих «Стихотворений»[1].

Поэт и путешественник Виктор Григорьевич Тепляков (1804–1842), находившийся в Петербурге с 15 октября 1835 г. по 21 июля 1836 г.[2], в своем дневнике в конце 1835 г. сделал запись об этой встрече: «Вечера кн<язя> <В. Ф.> Одоевского и Жуковского. Соболевский, <А. С.> Норов <*1 нрзб.*> – Плетнев. – <А. П.> Величко. Пушкин. Гр<аф> М<их>. Виелгурский. – Крылов. – Бенедиктов. – Гоголь и его "Ревизор"»[3].

Позднее, 31 мая 1836 г., Ф. Ф. Вигель писал М. Н. Загоскину о Гоголе: «Я знаю Г. Автора[4], это юная Россия, во всей ее наглости и цинизме. Он под покровительством Жуковского, но ведь это Жуковский не прежний. Посудите, нынешнюю зиму он по субботам собирал у себя литераторов и я иногда являлся туда как в неприятельский стан. Первостепенные там князья Вяземской и Одоевской и Г. Гоголь: всегда бывал там и Пушкин, но этот все придерживается Руси; еще видел я там Теплякова, холодного поэта, и молодого Бенедиктова, который явился в таком блеске и которого, боюсь, заря скоро затмится. Разумеется, все сии Господа в совершенной противоположности с другим обществом, которое еженедельно собирается у Г. Греча: там вы находите Булгарина, Воейкова, Сеньковского, Масальского и мало ли кого там увидишь: также Европа, но в другом духе, менее умеренном. Как старику везде и нигде, мне случалось и там быть и, кажется, один раз, как бес, мелькнул мне там Полевой. Признаюсь, первые мне только что досадны, а последние почти ненавистны»[5].

[1] Стихотворения *Виктора Теплякова.* СПб., 1836 (цензурное разрешение 17 апр.). Т. 2. Ч. 1. Фракийские элегии. (Писаны в 1829-м году). Ч. 2. Стихотворения разных годов; с предисловием, от 16 марта 1836 г., князя В. Ф. Одоевского; книга вышла в свет осенью 1836 г.; рецензия А. С. Пушкина на это издание появилась, без подписи, в 1836 г. в третьем томе журнала «Современник».

[2] См. также ***1836. Февраля 5. Санкт-Петербург.***

[3] *Фрейдель К. В.* Пушкин в дневнике и письмах В. Г. Теплякова // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 278; *Свод.* Т. 3. С. 671.

[4] См. ***1833. Июля 14. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] *Свод.* Т. 1. С. 840.

ДЕКАБРЯ 18. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери в Васильевку поздравляет ее с наступающим Новым годом. Сообщает, что здоров, «сестры также»:

«Они посылают вам конфекты и кое-что из работ своих. Я, при этой оказии, приложил семена огородные: оно же и кстати на новый год: это эмблема и девиз, и вместе желание, чтобы вы насеяли много хорошего в начале этого <года>...»

Дает зятю П. О. Трушковскому советы по выращиванию семян. Посылает сестре Марии книги, «какие нашлись»[1]. Передает поклон «всем родным и знакомым».

[1] См. ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Гоголь отправляет записку А. С. Данилевскому:

«Не хочешь ли вкусить старины? В таком случае приходи ко мне в начале 2-го часу и отправимся к Гаку сразиться в бильярд и пообедаем. Это хорошо для моциона и геморроид».

1830-Е, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет неустановленному лицу:

«Эге-ге-ге! Что это делается с тобою, скажи, пожалуста? Ни слуху, ни духу! Положим, занятия... Но всё не можно никак подумать, чтобы не нашлось времени».

КОНЕЦ ГОДА, НЕ ПОЗДНЕЕ ДЕКАБРЯ 31. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Составлен «Отчет по Санкт-Петербургскому учебному округу за 1835 год», в котором, в частности, сообщалось:

«Адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или 9 томов. Также намерен он издать особенное извлечение из оной истории в одном томе. Из трудов своих, кроме означенной истории средних веков, которой, если только обстоятельства позволят, первые три тома надеется он издать в следующем году, готовит к печатанию о духе и характере народной поэзии славянских народов[1]: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих; также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые, однако ж, он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть тех многих мест, где происходили некоторые события»[2].

Спустя два года исследование аналогичного содержания — «о духе и характере народной поэзии славянских народов» — опубликовал О. М. Бодянский (готовившийся тогда к заграничной поездке по славянским землям, чтобы занять в будущем (с 1842 г.) славянскую кафедру в Московском университете[3]). Его магистерская работа была напечатана весной 1837 г.: О народной поэзии Славянских племен. Рассуждения на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Осипа Бодянского. М., 1837[4]. — «Эта работа явилась первым в России подлинно академическим исследованием фольклора славянских народов...»[5] В своем сочинении Бодянский рассматривал произведения народной поэзии чехов, моравцев, словаков (словенцев), поляков, сербов, великороссиян и малороссиян (включая русинов), а также других славян. Совпадение предмета исследования Гоголя и Бодянского было не случайным[6]. (При всем сходстве их взглядов следует, однако, иметь в виду, что сепаратистских пристрастий своего земляка Гоголь не разделял[7].)

[1] Ср. ***1835. Июля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] Документы об увольнении Гоголя из Санкт-Петербургского университета // *Свод.* Т. 1. С. 798.
[3] Ср. ***1835. Июля 26. Пятница. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1837. Мая 7 <19>. Пятница. Москва.***

[5] *Аристова Л. Ю.* О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России // Славянский альманах 2009. М., 2010. С. 154.

[6] См. ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва.***

[7] См. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** (примечания); ***1851. Октября конец, до 30. Москва.*** – См. также: *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Н. В. Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта – 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2017. С. 69–77.

ДЕКАБРЯ 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь уволен из Петербургского университета[1].

В январском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения», в разделе «Министерские распоряжения» («Определения и увольнения»), сообщалось: «По С. Петербургскому <университету>: По случаю преобразования по новому Уставу уволены от службы: <...> Адъюнкты: *Андреевский, Брут, Постельс, Семенов* и *Гоголь-Яновский*»[2].

В апрельском номере «Журнала Министерства Народного Просвещения» был напечатан «Общий отчет, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству Народного Просвещения за 1835 год», в котором также отмечалось: «Уволены из Университета за реформою: <...> Адъюнкты: Андреевский, Брут[3], Постельс, Семенов и Гоголь-Яновский»[4].

В. П. Гаевский в 1852 г. сообщал: «По новому распределению кафедр между профессорами и адъюнктами, начальство Университета предполагало уволить Гоголя в том только случае, если он не выдержит испытания на степень доктора философии[5] для занятия профессорской должности; но так как Гоголь и не приступал к испытанию на ученую степень, то с 1 января 1836 года уволен от службы, за преобразованием Университета, с выдачею ему годового оклада его жалованья 800 рублей ассигнациями»[6].

П. А. Кулиш также указывал: «...Когда в конце 1835 года вышло постановление, по которому он должен был выдержать испытание на степень доктора философии, если бы пожелал занять профессорскую должность, – он предпочел <...> оставить государственную службу...»[7]

Аттестат о службе и послужной список были выданы Гоголю из правления университета позднее[8].

В тот же день, 31 декабря 1835 г., А. С. Пушкин обратился к начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу с просьбой[9]:

«Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews <обозрений; *англ.*>»[10].

Позднее, в статье «О Современнике» (1847), Гоголь писал: «...Пушкин <...> хотел сделать четвертное обозренье вроде английских, в котором могли бы помещаться статьи более обдуманные и полные, чем какие могут быть в еженедельниках и ежемесячниках, где сотрудники, обязанные торопиться, не имеют даже времени пересмотреть то, что написали сами».

[1] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1837. Июля 8 <20>. Четверг. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1836. Января 1. Среда. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[2] Документы об увольнении Гоголя из Санкт-Петербургского университета // *Свод.* Т. 1. С. 798.

[3] *В публикации вместо:* Брут – *опечатка:* Грут

[4] Документы об увольнении Гоголя из Санкт-Петербургского университета // *Свод.* Т. 1. С. 798.
[5] См. ***1835. Августа 16. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).
[6] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 329.
[7] *Кулиш 1854.* С. 53; *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 103; *Свод.* Т. 1. С. 331–332.
[8] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***
[9] О разрешении Императора Николая I издавать журнал (названный вскоре «Современником») Пушкин узнал 15 января 1836 г. (см. ***1836. Января 15. Среда. Санкт-Петербург***).
[10] *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 16. С. 69–70.

1836

ЯНВАРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По случаю увольнения из Петербургского университета[1] Гоголю выдано единовременное пособие в размере годового оклада жалованья[2] – 800 рублей[3].

[1] См. ***1835. Декабря 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1835. Августа 16. Пятница. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у А. А. Краевского рассказывает «замысловатые» малороссийские анекдоты.

А. Н. Мокрицкий записал в этот день в своем дневнике: «Вечер провел у Краевского. Там было довольно молодежи, был и Гоголь, всякую всячину рассказывал, множество анекдотов, очень замысловатых»[1].

В 1881 г. князь А. И. Урусов сообщал: «Задатки мистицизма и будущей меланхолии <...> около 1836 года, в эпоху создания "Ревизора", только острый опытный глаз невропатолога заметил бы <...> в Гоголе. По словам одного из современников, г. К<раевско>го[2] (с которым я на днях беседовал и которого благодарю здесь за любезное сообщение некоторых сведений о Гоголе), в то время господствующим качеством (qualité maîtresse) Гоголя была необыкновенная сила сообщительного юмора при большой скрытности характера. Когда Гоголь читал или рассказывал, он вызывал в слушателях неудержимый смех, в буквальном смысле слова – смешил их до упаду. Слушатели задыхались, корчились, ползали на четвереньках в припадке истерического хохота. Любимый род его рассказов в то время были скабрёзные анекдоты, причем рассказы эти отличались не столько эротическою чувствительностью, сколько комизмом во вкусе Раблэ. Это было малороссийское сало, посыпанное крупною аристофановскою солью»[3].

[1] Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 599.
[2] Фамилия «К–го» – Краевский – устанавливается на основании соответствия его свидетельств с приведенной дневниковой записью А. Н. Мокрицкого.
[3] *Урусов А. И., князь.* Театр. Заметки и наблюдения // *Свод.* Т. 1. С. 805–806.

ЯНВАРЯ 8. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Январь 8.* <...> Вечером Щепкин. Об упадке театра и комедии. – Комедии Гоголя должны сделать эпоху в истории театра Русского и восстановить его».

Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг. // *Свод*. Т. 2. С. 418.

ЯНВАРЯ 15. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин узнает о данном ему Императором Николаем I разрешении издавать журнал[1] (журнал вскоре был назван «Современником»).

Через день, 17 января 1836 г., А. А. Краевский писал М. П. Погодину по поводу публикации в сентябрьской книжке «Московского Наблюдателя» за 1835 г. стихотвоного памфлета А. С. Пушкина на министра С. С. Уварова «На выздоровление Лукулла»: «...Зачем Наблюдатель напечатал стихи *На выздоровление Лукулла?* Нехорошо. <...> По-моему, это – большая неосторожность. На Пушкина смотреть нечего: он – сорви-голова! Третьего дня получил он от Государя позволение издавать журнал вроде Quarterly Review <трехмесячное обозрение; *англ.*>, четырьмя книжками в год, и начинает с марта»[2].

[1] См. ***1835. Декабря 31. Вторник. Санкт-Петербург.***
[2] Пушкин по документам архива М. П. Погодина / Публ. М. Цявловского // Лит. наследство. Т. 16–18. М., 1934. С. 716.

ЯНВАРЯ ПОСЛЕ 15[1]. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин приглашает Гоголя к сотрудничеству в журнале «Современник».

Позднее, в статье «О Современнике» (1847), Гоголь писал: «“Современник” даже и при Пушкине не был тем, чем должен быть журнал... <...> Впрочем, сильного желанья издавать этот журнал в нем не было, и он сам не ожидал от него большой пользы. Получивши разрешение на изданье его, он уже хотел было отказаться. Грех лежит на моей душе: я умолил его. Я обещался быть верным сотрудником. В статьях моих он находил много того, что может сообщить журнальную живость изданию, какой он в себе не признавал. Он действительно в то время слишком высоко созрел для того, чтобы заключать в себе это юношеское чувство; моя же душа была тогда еще молода; я мог принимать живей к сердцу то, для чего он уже простыл. Моя настойчивая речь и обещанье действовать его убедили...»

[1] См. ***1836. Января 15. Среда. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у В. А. Жуковского читает комедию «Ревизор».

19 января 1836 г. князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Твои письма так и попадают в субботы Жуковского. <...> Вчера Гоголь читал нам новую комедию “Ревизор”: петербургский департаментский шалопай, который заезжает в уездный город и не имеет чем выехать в то самое время, когда городничий ожидает из Петербурга ревизора. С испуга принимает он проезжего за ожидаемого ревизора, дает ему денег взаймы, думая, что подкупает его взятками и прочее. Весь этот быт описан очень забавно, и вообще неистощимая веселость; но действия мало, как и во всех произведениях его. Читает мастерски и возбуждает un feu roulant d'eclats de rire dans l'auditoire[1]. Не знаю, не потеряет ли пиеса на сцене, ибо не все актеры сыграют, как он читает. Он удивительно живо и верно, хотя и карикатурно, описывает наши moeurs administratives[2]. Вигель его терпеть не может за то, что он где-то отозвался о подлой роже директора департамента. У нас он тем замеча-

тельнее, что, за исключением Фонвизина, никто из наших авторов не имел истинной веселости. Он от избытка веселости часто завирается, и вот чем веселость его прилипчива»[3].

В статье о «Ревизоре», напечатанной во втором томе «Современника» (1836), Вяземский писал[4]: «В чтении комедия выдержала театральный успех, если еще не превзошла его...»[5]

В позднейшей приписке 1876 г. к этой статье Вяземский также сообщал: «При появлении "Ревизора" было <...> много толков и суждений в обществе и в журналах. Кроме самого литературного достоинства ее входила в разноречивые соображения о ней и задняя, затаенная мысль. Комедия была признана многими либеральным заявлением в роде, например, комедии Бомарше "Севильский цирюльник", признана за какой-то политический брадскугель[6], брошенный в общество под видом комедии. <...> Помню первое чтение этой комедии у Жуковского на вечере при довольно многолюдном обществе. Все внимательно слушали и заслушивались, все хохотали от доброй души, никому в голову не приходило, что в комедии есть тайный умысел. Тайный умысел открыли уже после слишком зоркие, но вполне ошибочные глаза»[7].

В 1847 г. барон Е. Ф. Розен сообщал: «За год с небольшим до смерти Пушкина на блистательных литературных вечерах у В. А. Жуковского Гоголь частенько читал свою комедию "Ревизор". Я и теперь ощущаю в себе тяжелый отзыв ужасного состояния моей души во время чтения. Представьте себе: сижу в кругу именитейших литераторов и нескольких почтеннейших, образованнейших особ; все вокруг меня аплодируют, восхищаются, тешатся. Напрягаю всячески внимание, чтобы понять причину этой общей потехи столь образованного, блистательного общества: не разумею ничего, кроме неестественности, несообразности, карикатурности пиесы. <...> ...Отправляюсь на второе чтение "Ревизора"[8]... <...> Начинается чтение. Напрягаю опять внимание; блистательное общество так же, как в первый раз, аплодирует, восхищается, тешится; а я опять не понимаю причины общей потехи... <...> Гоголь, конечно, зная наизусть свою комедию, не всегда глядел в рукопись и часто прогуливался гениальным взглядом по рядам дышащих живейшим участием слушателей... <...> ...Когда при ужасе многогрешного по службе городничего от неожиданного появления рокового посла богини правосудия, то есть при выразительной гримасе Гоголя, определявшей меру и степень этого ужаса, весь блистательный собор слушателей расходился перекатным смехом, разыгрался несравненно большим еще восторгом, нежели сколько было в первое чтение комедии, тогда из темной для меня атмосферы этого общего смеха ударила в мою апатию зажигательная молния; весь внутренний мир мой воспылал, и я только что хотел грянуть серьезным вопросом о причине этой потехи <...>, когда требуют виновного на суд, когда ведут осужденного на казнь, когда случаются тому подобные, вовсе не комические происшествия... Разумеется, *такой* вопрос был бы, среди рассмеявшегося общества, весьма резким диссонансом; к счастью, я удержался... <...> ...Я оставался в бездействии, и никто не догадался, какой тяжелой *трагедией* отзвался во мне мнимо-комический "Ревизор"!

Мне довелось слушать его, по крайней мере, еще раз десять, как единственное чтение на тех литературных вечерах; но я слушал его с ненарушимым спокойствием. <...>

Однако я не отделался своим философским спокойствием, при "Ревизоре". В эпоху этого чтения, только не на литературном вечере своем, Жуковский, наедине, сказал мне однажды:

– Гоголь заметил, что вы, при чтении его комедии, всегда слушая внимательно, никогда не изъявляете ни малейшего знака ни одобрения, ни порицания.

Я высказал напрямки свое мнение о "Ревизоре".

Вскоре после того, на одном из этих вечеров, когда общество разъезжалось и я также хотел идти, меня остановил Пушкин:

– Останьтесь еще: нам *одна* дорога! За мною приедет экипаж: я вас отвезу!

Все разъехались... <...> ...Экипаж Пушкина все не приезжал – и вовсе не приехал! Мы отправились пешком. <...> Пушкин обратил разговор на комедию Гоголя. Я признался во всех тяжелых, до ужаса доводивших меня впечатлениях от этой комедии. Он слушал внимательно. Что ж он отвечал? Благоговение к памяти Пушкина вменило бы мне в обязанность передать здесь с величайшею

точностию все, что бы ни говорил он в защиту "Ревизора"; я, в этом случае, пометил бы и свои возражения, и отдал бы дело на суд беспристрастной публики. Но я, в защиту "Ревизора", *ничего* не имею сообщить от имени Пушкина! Мы подошли к его дверям <...>; он позвонил и, прощаясь со мною, обратился ко мне с неожиданною, но меня уже нисколько не поразившею просьбою... <...> Очень может быть, что Пушкин никому из своих друзей не говорил об этом, по крайней мере, я так думаю... <...> Стало быть, мне не на кого сослаться! Могу только сказать, что с тех пор я ни с кем не рассуждал более о Гоголе; никому не мешал восхищаться "Ревизором", а впоследствии и "Мертвыми Душами"»[9].

Из «Материалов для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (1855): «В 1835 <1836> году, когда Гоголь знакомил Петербургских друзей своих с первым из сих произведений и довольно часто читал комедию на вечерах у разных лиц, Пушкин не уставал слушать его. Наклонность поэта к веселости (самому драгоценному и самому редкому свойству в писателе, по его мнению) нашла здесь полное удовлетворение, как прежде в рассказе о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем[10] — и над обоими произведениями смех его был почти неистощим»[11].

Из «Литературных воспоминаний» И. И. Панаева (1860–1861): «Барон Розен был уверен в том, что он глубокий и единственный в России знаток драматического искусства и величайший драматический поэт. <...> Впоследствии он гордился тем, что, когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз прочел своего "Ревизора", он один из всех присутствовавших не показал автору ни малейшего одобрения и даже ни разу не улыбнулся, и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбительным для искусства фарсом и во время чтения катался от смеха»[12].

15 декабря 1853 г. князь П. А. Васильчиков записал в дневнике: «Виельгорский мне рассказывал, как он присутствовал у Волконского[13] при первом чтении "Ревизора". Пушкин присутствовал. Все были в восхищении. Михаил Юрьевич Виельгорский и князь Вяземский (Петр) одни позволили себе некоторые замечания»[14].

В тот же день, 18 января 1836 г., вечером, Гоголь, вероятно, откликаясь на реакцию своих слушателей во время чтения комедии, принимается за переработку отдельных сцен пьесы. В письме к М. П. Погодину, сетуя на то, что до сих пор не получил ответа на свое прежнее письмо[15], замечает:

«Извини, что до сих пор не посыла<ю> тебе комедию. Она совсем готова была и переписана, но я должен непременно, как увидел теперь, переделать несколько явлений. Это не замедлится, потому что я во всяком случае решился непременно дать ее на Светлый Праздник[16]. К посту она будет совсем готова, и за пост актеры успеют разучить совершенно свои роли. Да скажи, пожалуйста, ты меня не уведомил, как распорядился с посланными к тебе еще в мае месяце 90 экземплярами "Миргорода"[17]. Если они не проданы еще и если тебе нужны взятые мною 500 руб<лей>, то я постараюсь прислать тебе, потому что я должен получить кое-что за комедию. Да сделай милость, пришли мне моего "Носа"[18]. Мне теперь он до крайности нужен. Я хочу его немного переделать и поместить в небольшое собрание, которое готовлю издать[19]. Благодарю тебя много за твои подарки: Самозванца[20], Русскую Историю[21] и Лекции по Герену[22].

Самозванец мне очень нравится. Он не движется на сценической интриге, но тем не менее составляет полную, исполненную правды, стало быть историческую и поэтическую картину. История твоя составляет замечательное явление, но в ней есть следующий недостаток. Она больше похожа на сочинение, назначенное быть темою для профессора университета, а не для гимназического курса. В ней слишком сжато, даже, может быть, много уложено в тесные рамки. Притом в ней, мне кажется, необходимо было бы тебе именно развить тот эскиз, который ты поместил в Наблюдателе[23]. Он мне очень нравится. Это до самого Петра чрезвычайно полное изложение, ясное,

исполненное дальновидного верного вывода. Верно, ты эскиз свой писал уже после. Впрочем, во всяком случае твоя "История" останется лучшею, и я буду очень рад, если она введется во всеобщее употребление и изгонит беспрестанно перевирающиеся записки, составленные вначале Бог знает кем, не поверенные умом и наблюдательностью. Жаль очень, что я не могу тебя видеть. Мне бы хотелось потолковать с тобою о весьма многом.

Да кстати об истории! Мне наговорили, что детская история Полевого[24] хорошее сочинение. Я взял ее в руки, но увидел, что яблоко от яблони не далеко падает. К счастью, я получил твою и отвел немного душу».

В 1835 г. в № 36 «Молвы» (цензурное разрешение 13 сентября) были напечатаны две рецензии В. Г. Белинского (с подписью: *— он — инский*): отрицательная — на книгу Погодина «Начертание русской истории для училищ», и хвалебная — на «Русскую историю для первоначального чтения» Полевого. Гоголь, возможно, непосредственно имея в виду эти рецензии, но не желая лишний раз напоминать Погодину о Белинском, — своими прямо противоположными отзывами: положительным — о книге Погодина, и отрицательным — о сочинении Полевого, — вновь обнаруживает полярность своих взглядов высказываниям критика[25].

Завершая письмо к Погодину, Гоголь спрашивает:

«...Не можешь ли ты чего-нибудь мне выкопать о славянах[26]? Сделай милость. Может быть, ты составил какие-нибудь выписки из разного сору и особенно что-нибудь о Галиции древней и новой. Нет ли где какого-нибудь описания обрядов, обычаев их и проч.?»

[1] в аудитории непрерывные взрывы смеха *(фр.)*

[2] административные нравы (*фр.*)

[3] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 848.

[4] См. также ***1836. Мая 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] <*Вяземский П. А.*, князь> *В.* «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литтературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 287; *Свод.* Т. 1. С. 842.

[6] Брандскугель (от *нем.* Brand — пожар, Kugel — ядро) — зажигательный артиллерийский снаряд.

[7] *Вяземский П. А.* Приписка / *Вяземский П. А.* «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. Сост., подготовка текстов, вступ. ст. и коммент. Л. В. Дерюгиной. М., 1984. С. 154. — См. также ***1847. Июня 12 <мая 31>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См. ***1836. Января 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[9] *Розен Е. Ф., барон. Ссылка на мертвых // Свод.* Т. 1. С. 811–812. — Далее в статье Розена следует негативная оценка опубликованной Пушкиным в «Современнике» повести Гоголя «Нос».

[10] См. ***1833. Декабря 2. Суббота. Санкт-Петербург.***

[11] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 3. С. 416.

[12] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 279.

[13] Имеется в виду министр Императорского Двора князь П. М. Волконский. Первое чтение «Ревизора» состоялось у В. А. Жуковского 18 января 1836 г.

[14] Граф Мих. Ю. Виельгорский о первом авторском чтении «Ревизора», в дневниковой записи князя П. А. Васильчикова // *Свод.* Т. 2. С. 73.

[15] См. ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1836. Марта 29. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи.***

[17] См. ***1835. Мая 1 — мая не позднее 10. Москва.***

[18] См. ***1835. Мая 1 — мая не позднее 10. Москва; 1836. Апреля 4. Суббота Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[19] Издание не состоялось. Вероятно, «"Нос" нужен был Гоголю для "Современника"» (сотрудничать в журнале А. С. Пушкин пригласил Гоголя в средине января 1836 г.) (см. ***1836. Января после 15. Санкт-Петербург***; *Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М.* Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1969. Т. 6. С. 213).

[20] Имеется в виду книга: История в лицах о Димитрии Самозванце. Сочинение М. Погодина (М., 1835).

[21] Начертание русской истории для училищ. Сочинение профессора Погодина (М., 1835). — См. также ***1834. Марта 13. Вторник. Санкт-Петербург.***

[22] Лекции профессора Погодина по Герену о политике, связи и торговле главных народов древнего мира (М., 1835. Ч. 1).

[23] «Очерк русской истории» М. П. Погодина, опубликованный в первом номере «Московского Наблюдателя» за 1835 г.

[24] Первые две части «Русской истории для первоначального чтения» Н. А. Полевого (СПб., 1835–1841. Ч. 1–4).

[25] См. также ***1835. Мая после 4 – не позднее 10. Москва***; ***1835. 1835. Сентября 21. Суббота. Москва.***

[26] См. также ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Встреча Гоголя с поэтом-партизаном Д. В. Давыдовым, который присутствовал на новом авторском чтении «Ревизора» на квартире В. А. Жуковского в Шепелевском доме Зимнего дворца. Здесь же был барон Е. Ф. Розен[1].

Вероятно, новое публичное чтение комедии понадобилось Гоголю по завершении последовавшей за первым чтением переделки пьесы[2].

В. В. Жерве сообщал: «Весьма интересный и ценный материал для биографии Давыдова в последние годы его жизни представляют собою его письма к жене и сыновьям за 1836–1838 года. Переписка с женою была вызвана его поездкою в Москву и Петербург в начале 1836 г., что было необходимо в виду хлопот о помещении в учебные заведения Петербурга старших сыновей его, Василия и Николая. Большинство из этих писем совсем не были в печати... <...> В одном из писем (27 января 1836 г.) он упоминает, что обедал у Вяземского en famille <в семье; *фр.*>, а вечером был у Пушкина, “don't la femme est vraiment d'une beauté extraordinaire” <жена которого действительно чрезвычайной красоты; *фр.*>. В том же письме, очень длинном, в виде дневника, он упоминает, что проводил вечер у Жуковского, у которого собираются каждую субботу его приятели и литераторы; у него Давыдов встретил Крылова, Плетнева, Пушкина, Вяземского, Теплякова и множество других. В то время Жуковский жил в Зимнем Дворце. Этот вечер, по словам Д. В. Давыдова, был его триумфом. “Вообрази, – писал он жене, – что из 25 умных людей я один господствовал, все меня слушали et je tenais le dé de la conversation pendant toute la soireé” <и я владел разговором в течение всего вечера; *фр.*>. На следующий день, 26 января утром, он представлялся Императору, который был очень милостив к нему, а затем Наследнику. Описывая впечатления этого дня, он сообщал жене, что после представления Высочайшим Особам, он вместе с Жуковским прошел весь Эрмитаж, смотрел картинную галлерею, а также работу живописца Чернецова (в письме Д<ениса> В<асильевича> ошибочно названного Чернецким), который, по приказанию Государя, в то время писал две картины парадов на Марсовом поле. Художник просил разрешения на одной из его картин изобразить и фигуру старого партизана и потому, как писал Давыдов, пока он сидел у Жуковского и слушал Гоголя, читавшего свою бесподобную и чудесную комедию “Ревизор”, Чернецов нарисовал его портрет во весь рост»[3].

[1] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] *Жерве В. В.* Партизан-поэт Денис Васильевич Давыдов. Очерк его жизни и деятельности. 1784–1839. По материалам семейного архива и другим источникам. СПб., 1913. С. 147–148; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 871–872.

ЯНВАРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий записывает в дневнике:

«30 число генваря 1836 года ознаменовано для меня чрезвычайным известием. В<асилий> И<ванович> <Григорович> сообщил мне об открытии, сделанном Гершелем на Луне. <...> ...Он

приступил к наблюдению Луны и, о счастие, изумлен был увидеть на ней горы, воды, животных и растения. <...> Он увидел существа человеческого вида. О чудо, они не ходят, как мы, но летают посредством тонких перепонок, идущих от рук к ногам (соединяющих ноги с руками)»[1].

Григорович был введен в заблуждением мистификацией Р. А. Локка (1800–1871). Теория Локка изложена в книге «Новые толки об открытиях на Луне, приписываемых астроному Гершелю» (СПб., 1836). Пушкин, к примеру, не был столь легковерен и сразу воспринял это «научное открытие» как обман.

По-видимому, мистификация нашла отражение в 1834 г. в гоголевских «Записках сумасшедшего» (1834), в бредовых размышлениях Поприщина: «Но меня, однако же, чрезвычайно огорчало событие, имеющее быть завтра. Завтра в семь часов совершится странное явление: земля сядет на луну. Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет. <...> ...Луна — такой нежный шар, что люди никак не могут жить, и там теперь живут только одни носы».

Анонимная брошюра об «открытии» английского астронома Джона Гершеля вышла в Нью-Йорке еще в 1834 г. В ней сообщалось, что Гершель с помощью мощного телескопа обнаружил на луне атмосферу, животный и растительный мир и, наконец, разумных существ, напоминающих людей. Брошюра была переведена на французский и немецкий языки. В европейской прессе разгорелась ожесточенная полемика по поводу «открытий» Гершеля. Гоголю эта мистификация могла стать известна по французским источникам[2].

[1] Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 69–70.

[2] См.: *Макогоненко Г. П.* Гоголь и Пушкин. Л., 1985. С. 157–161.

ЯНВАРЯ 31. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

В Приказе общественного призрения Полтавы сделан займ на имя Гоголя и его сестры М. В. Трушковской в размере 18450 рублей ассигнациями сроком на 26 лет[1].

Позднее, 29 декабря 1839 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому: «...Еще не так давно в руках у маминьки были деньги, что при перезакладке имения года три тому назад она выиграла почти 10 тысяч, которые, кажется, могли бы в руках даже неуча помочь и неурожаю и быть полезными на запас и на всякой будущий случай. Ничего не бывало, эти деньги канули как в воду».

[1] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 386; *Назаревский.* С. 348. — См. также ***1835. Апреля 12. Пятница Светлой седмицы. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 20. Полтава.***

ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поступило в продажу второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

См. ***1836. Февраля 1. Суббота. Санкт-Петербург.***

1834–1836 НАЧАЛО

К указанному периоду относится создание А. С. Пушкиным незавершенного отрывка «Москва», представляющего собой одну из глав его неозаглавленного очерка о А. Н. Радищеве[1]. Отрывок заканчивается фразой:

«Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости.

Москва и Петербург»[2].

Далее глава обрывается; после заглавия: «Москва и Петербург», — статьи в рукописи нет; в других бумагах Пушкина статья не обнаружена.

Неоднократно высказывалось предположение, что под «великим меланхоликом» Пушкин имел в виду Гоголя, а под статьей «Москва и Петербург», — его статью «Петербург и Москва (Из записок Дорожного)». Эта статья Гоголя позднее предполагалась для публикации в первом томе «Современника»[3] и впервые была напечатана после смерти Пушкина, без имени автора, в качестве первой части статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года» в изд.: Современник, литературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его в пользу его семейства. СПб., 1837. Т. 6 (подпись под текстом: * * *)[4].

(Второй частью статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года» стала другая его статья — «Петербургская сцена в 1835–36 г.», написанная, предположительно, в конце апреля 1836 г. и, вероятно, также предназначавшаяся ранее для пушкинского «Современника»[5].)

Отдельные главы неозаглавленной статьи Пушкина о А. Н. Радищеве («Шоссе», «Москва» (без настоящего фрагмента), «Ломоносов», «О Цензуре» <Торжок>, «Русская изба», «Этикет») были опубликованы, с пропусками, еще при жизни Гоголя, в 1841 г.[6] Однако статья, по-видимому, стала известна Гоголю еще ранее, в рукописи. 21 декабря (н. ст.) 1844 г. он, в частности, сообщал С. Т. Аксакову: «...Пушкин <...> нарезавши из бумаги ярлыков, писал на каждом по заглавию, о чем когда-либо потом ему хотелось припомнить. На одном писал: *Русская изба* <название одной из глав статьи Пушкина о Радищеве; см. выше>, на другом: *Державин;* на третьем имя тоже какого-нибудь замечательного предмета, и так далее. Все эти ярлыки накладывал он целою кучею в вазу, которая стояла на его рабочем столе, и потом, когда случалось ему свободное время, он вынимал на удачу первый билет; при имени, на нем написанном, он вспоминал вдруг всё, что у него соединялось в памяти с этим именем, и записывал о нем тут же, на том же билете всё, что знал. Из этого составились те статьи, которые напечатались потом в посмертном издании его сочинений и которые так интересны именно тем, что всякая мысль его там осталась живьем, как вышла из головы. (Из этих записок многие, еще интереснейшие, не напечатаны потому, что относились к современным лицам)»[7].

Вопрос о том, подразумевал ли Пушкин под «великим меланхоликом» Гоголя, или сам Гоголь, после знакомства в начале 1836 г. с незаконченной статьей Пушкина, воспользовался его сюжетом[8], остается открытым.

[1] Позднейшие редакторские названия статьи: <Мысли на дороге. (Возражения на книгу Радищева)>; <Путешествие из Москвы в Петербург>.

[2] *Пушкин А. С.* <Путешествие из Москвы в Петербург> // *Свод.* Т. 1. С. 710.

[3] См. ***1836. Марта 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1837. Мая 2 <14>. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] См. коммент. к этой статье в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 757.

[6] *Пушкин А. С.* Смесь // Соч. *Александра Пушкина.* СПб., 1841. Т. 11 (цензурное разрешение 29 апр. 1840 г.). С. 5–54. – См. также ***1840. Апреля 29. Понедельник. Санкт-Петербург.*** – Пропущенные в первой публикации фрагменты (в том числе отрывок о «великом меланхолике») напечатаны: *<Якушкин Е. И.> Е. Я.* Проза А. С. Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта // Библиографические Записки. 1859. № 6. Стб. 165–176 (указанный фрагмент – стб. 165). Полностью опубликовано: *Пушкин А. С.* Мысли на дороге. (Возражения на книгу Радищева) // *Пушкин А. С.* Соч. Изд. 3-е, испр. и доп., под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1881. Т. 5. С. 202–235 (указанный фрагмент – с. 209).

[7] См. ***1844. Декабря 21 <9>. Суббота. Франкфурт-на-Майне.***

[8] См.: «Пушкин хотел сам написать "шутливую параллель" <между Москвой и Петербургом>, но Гоголь сделал это раньше, – быть может, воспользовавшись пушкинским "сюжетом", как уже бывало неоднократно» (*Вацуро В. Э.* «Великий меланхолик» // *Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 330–332).

ФЕВРАЛЯ 1. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет № 26 «Северной Пчелы», с рецензией на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:

«Уже два года[1] публика наша с нетерпением ожидала второго издания этой прекрасной книги, которая, при первом своем появлении, была принята с восторгом. <...> Г. Гоголь первым своим

появлением выказал необыкновенный талант и стал наряду с лучшими нашими литераторами. Его повести неоспоримо лучшие народные повести в нашей литературе...»

[1] См. ***1834. Ноября 10. Суббота. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕДЕЛЯ МАСЛЕНАЯ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Пожар Леманова балагана на Адмиралтейской площади, в огне которого погибло 127 человек и тяжело пострадало 32.

Пожар произошел во время одного из балаганных представлений, которые традиционно устраивались на протяжении всего XIX в. в Петербурге на масленицу – а также на Светлой, Пасхальной неделе (наибольший сбор устроителям давали масленичные представления). Эти представления давались, начиная с 1827 г., на петербургских народных гуляньях «под горами» (то есть вокруг ледяных катальных гор) на Дворцовой и Адмиралтейской площадях (к концу XIX в. эти представления были запрещены). Неизменный интерес у зрителей вызывала среди этих представлений французская пантомима-арлекинада (с участием Коломбины, Пьеро и Арлекина), составлявшая «гвоздь программы» масленичного балагана И. А. Лемана.

В 1834 г. Ф. В. Булгарин в «Северной Пчеле» писал о представлениях Лемана: «У нас идея о масленице неразрывно соединена с идеею о Лемане. Спросить у кого-нибудь: *скоро ли будет масленица?* – значит то же, что сказать: *скоро ли Леман начнет представления?*»[1]. О содержании пантомимы Лемана Булгарин в 1831 г. сообщал: «Необходимые лица в каждой пантомиме суть: Арлекин, производящий чудеса с помощью волшебного жезла, Коломбина, его любовница, старик, которого она обманывает, и Пиерро, над которым все забавляются. Превращения составляют одну из важнейших частей представления, заменяя богатство декораций балета»[2]. Как вспоминал впоследствии один из актеров и авторов пьес для народного театра А. Я. Алексеев-Яковлев, из многочисленных номеров и иллюзионистских трюков – «превращений» французской пантомимы, «особым вниманием пользовалось оживление раздробленного на части Арлекина. Этот иллюзионный эффект достигался на фоне черного бархата и не ближе третьего плана сцены, но производился так искусно, что даже из первого ряда кресел сохранялась полная иллюзия. Недоброжелатели Арлекина убивали его выстрелом из ружья, затем шашкой разрубали его на части – вы видели, как тело его распадается на отдельные члены, особенно забавно выглядела отсеченная от туловища голова с застывшей улыбкой. Затем начиналась операция оживления Арлекина: к его обрубленному туловищу приставляли ноги, руки, голову, он хлопал себя по бедрам и радостно вскрикивал, возвращенный к жизни...»[3] В 1831 г. тот же Булгарин писал о представлениях Лемана: «Пред глазами зрителя производятся такие чудеса, что едва верится! <...> Арлекин, убитый из ружья, распадается на части, и вдруг начинается операция. Ему приклеивают ноги, руки, голову к туловищу, и он воскресает <...> и все производится в действо так ловко, что глаз не успевает следовать за движениями, и не примечает обмана»[4].

С представлениями балагана Лемана связан сразу целый ряд гоголевских художественных образов 1830-х гг. 8 февраля 1833 г. Гоголь писал матери из Петербурга: «Каково вы провели масленицу? Уж верно не так, как здесь ее проводят. Теперь только Матрена с супругом <Яким Нимченко с его жена Матрена, слуги Гоголя> возвратилась из балаганов и, крестясь от страха, рассказывает, как при ее глазах разрезали человека на несколько частей, даже кровь лилась, и он, как ни в чем не бывало, ожил и начал ходить, кривляться и паяцничать, как прежде...» Речь в гоголевском письме идет именно о представлениях балагана Лемана, где только и ставились тогда французские пантомимы-арлекинады с «разрезанием» человека «на несколько частей».

Немного позднее описанное Гоголем в письме к матери восприятие Матреной Нимченко балаганных представлений Лемана было прямо использовано в «Тарасе Бульбе» в описании казни запорожцев в Варшаве – в частности, в изображении любопытствующей праздной толпы: «Множество старух, самых набожных, множество молодых девушек и женщин, самых трусливых <...> не пропускали, однако же, случая полюбопытствовать. “Ах, какое мученье!” – кричали из них многие с истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда

довольно времени». (А. В. Никитенко, посетив 22 марта 1831 г. балаган Лемана, также отмечал: «Многие дамы кричали, что им дурно...»[5])

Гоголь трезво оценивал ту «всеобщую веселость», которая царила в Петербурге во время масленицы — недели, являющейся, согласно установлениям Церкви, преддверием Великого Поста, началом подвигов воздержания. Так, в гоголевских «Петербургских записках 1836 года» как напоминание о страшном пожаре 2 февраля 1836 г. встречается, в частности, — после описания театрального «зимнего карнавала» — упоминание о вывеске ярмарочного масленичного балагана на Адмиралтейской площади, с нарисованным на вывеске «пребольшим рыжим» нечистым «с топором в руке». О «страшном леманском пожаре» Гоголь упоминал и в письме к Н. Д. Белозерскому от 21 февраля 1836 г.[6] и, чуть ранее, в письме к матери от 10 февраля: «Я к вам пишу, выпроводивши масленицу, которая была здесь не так шумна, потому что смущена была несчастным приключением. Во время представления сгорел балаган со всеми зрителями, из которых едва половину могли спасти. Это много помешало всеобщей веселости, которая всегда бывает в это время». (После пожара своего балагана Леман перенес представления в цирк у Симоновского моста и открыл их уже на Светлой седмице 1836 г.[7])

Как отметил в том же 1836 г. в дневнике А. В. Никитенко, увеселительный масленичный балаган Лемана к тому времени «уже несколько лет» занимал среди петербургских балаганов «первое место». «У дверей его храма удовольствий, — добавлял Никитенко, — так тесно, как в церкви в большой праздник до проповеди»[8].

В день трагического происшествия сам «Государь Император изволил прибыть на место бедствия» и «принял в судьбе страждущих истинно родительское участие»[9].

А. Н. Мокрицкий в день трагедии отметил в дневнике: «Сегодня началась масленая ужасным происшествием: сгорел Леманов балаган во время самого представления. Множество несчастных жертв устлали обгорелыми трупами своими позорище. Завтра узнаем об этом подробнее»[10].

В тот же день В. А. Жуковский также записал в дневнике: «День замечательный бедствиями. В 4 часа загорелся или лучше сказать, вспыхнул Леманов балаган... <...> Через час на этом месте осталась одна куча обгорелых дымящихся головешек и трупов. <...> Есть какое-то ужасающее равнодушие, исходящее и из характера народного и из положения вещей. Можно сказать, что в России один только человек по своему положению принимает живое участие и в общем счастии и в общем бедствии <*нрзб.*>, зато Государь и был самым участвующим лицом в этой трагедии. Он почти сам бросился в огонь, был бледен, услышав, возвратившись домой в ужасном расстройстве. <...> ...Когда загорелся балаган, никто не подумал тронуться с места для спасения; ждали полицию, а полиция подошла, когда уже спасать было некого. Если бы хотя одному пришло в голову крикнуть: ребята, спасайте; все бы кинулись, и балаган был бы вовремя разобран. Но никому этот крик не мог прийти на ум. Другая замечательная черта, обидная для нашего характера. Через три часа после этого общего бедствия, почти рядом с тем местом, на коем еще дымились сожженные тела 300 русских, около которого выли недопускаемые к мертвым полицией родственники, осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию; никому не пришло в голову (есть исключения), что случившееся несчастие есть общее; танцевали и смеялись и бесились до 3-х часов и разъехались, как будто ничего и не было. И для чего съезжались: для того, что бывает ежедневно. И у <П. И. и Е. Н.> Мещерских был вечер... были танцы, и С. Н. Карамзина, тридцатилетняя дева, танцевала с своею обыкновенною жадностью, и даже смеялась, когда я сказал ей, что считаю неблагопристойным бал дворянский. <...> Это ругательство над народным несчастием. Наш народ составлен из отдельных лиц, не связанных никаким общим союзом, исходящим из твердой морали, долга. Есть ли какое-нибудь христианство, есть ли какая-нибудь нравственность, есть ли какой-нибудь ум в таком холодном бесчувствии к общему... <...> На этом всеобщем бесчувствии стоит теперь, пока стоит, самодержавие. <...> Наш народ составлен из множества зверей, сидящих каждый отдельно на цепи в клетке. Каждый сидит про себя и не заботится о своем товарище; они в одном балагане и кажутся одним обществом, но все порознь, и кажется готовы даже рвать своего товарища; спусти их всех с цепи, они разорвут и хозяина и перегрызут друг друга»[11].

8 февраля 1836 г. князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Ты, верно, уже знаешь о несчастном происшествии, коим открылась наша масленица в первое воскресенье: пожар балагана Лемана, в котором сгорело более 125 человек, по полицейским ведомостям, а может быть, и более. Ужасы рассказывают: мучения ада, огнь, плач и скрежет зубов в буквальном значении. Будь этот пожар несколькими днями позже, и половина петербургского общества была бы в трауре; но в первый день масленицы была одна чернь, лавочники, сидельцы. <...> Сказывают, что тут была картина под пару "Последнему дню Помпеи", когда одна из разгоревшихся стен обрушилась, и посреди пламени открылись на местах неподвижные задохшиеся зрители, черные обгорелые лица,

группы трупов, группы семейные, захваченные пламенем в ту минуту, когда муж спасал жену на плечах своих, матери — детей; кто без руки, кто без ноги, то одно туловище без головы. Я нечаянно попал на пожар и минут десять стоял пред ним, любуясь, как декорациею, и ни мне, ни толпе, окружавшей меня, не приходило в голову, что это не пожар, а человеческий костер. Сам Государь стоял тут возле самого балагана и приказывал делать распоряжения для спасения загорающегося рядом Губернского правления, не зная, что за ужас тут происходил, car les avaient cessés <так как их прекратили; *фр.*>. Наконец, когда кто-то выбежал из этого ада и объявил о том, что тут делается, Государь так и зарыдал и остался тут на месте, пока не вытащили до последней жертвы, до последнего трупа, до последней человеческой головни. Много было поступков, действий прекрасных, самоотвержения, мужества, чадолюбия, но у нас все это пропадает без вести»[12].

Пожар был долго памятен современникам. «У всех нас еще свеж на памяти Леман...» — писал, в частности, в 1843 г. В. Фурманн[13].

Из всех, кто так или иначе писал о пожаре балагана Лемана, только у Гоголя эти события, случившиеся в день праздника Сретенья Господня, получили религиозное осмысление.

Еще в Нежине, в 1820-х гг. Гоголь внес в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» выписку «Нечто о русской старинной масленице» соответствующего содержания, почерпнутую из немецкого издания книги иностранного путешественника по России XVI века, П. Одерборна, «Жизнь царя Иоанна Васильевича Грозного» (Гоголь пользовался публикацией «Московского Вестника» за 1827 г.[14]). Гоголь выписал отсюда следующие строки: «Масленица начинается за 8 дней до Великого Поста; в продолжение ее обжорство, пьянство, игра и убийство только и слышны. <...> Нынешний патриарх, напрасно хотевший уничтожить сие бесовское празднество, сократил его только <до> 8 дней <...> Страсть к игре невероятна. Русский проигрывает все, даже жену, детей и наконец становится рабом и с отчаяния убивает своего счастливого соперника». В самой публикации «Московского Вестника», откуда Гоголь сделал свою выписку, кроме того говорится: «В то самое время, когда всякой бы должен с сердечным раскаянием во грехах своих приготовляться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают диаволу свою душу. <...> Масленица напоминает мне итальянский карнавал, который в то же время и таким же образом отправляется. <...> Карнавал тем только отличается от масленицы, что в Италии день и ночь в это время ходит дозором конная и пешая городская стража и не позволяет излишнего буйства. <...> В обыкновенное время ни одна честная женщина во всей Италии не показывается из окошка, но в это время карнавала они не только ложатся на окнах, украшенных коврами драгоценными, но кидают конфеты и пряники в нарядную толпу беснующегося народа»[15]. (Вероятно, содержание этой заметки Гоголь имел в виду, когда позднее изображал в повести «Тарас Бульба» забавляющуюся плодами и пирожными польскую панну, а также высовывающихся из окон во время карнавала итальянских красавиц в повести «Рим». В критическом описании немецкого автора «русской старинной масленицы» Гоголь не без оснований усматривал выражение не столько собственно «русских», сколько общечеловеческих пороков. Характеризуя в 1834 г. в статье «О движении народов в конце V века» быт древних германцев, он, в частности, замечал: «Азартность их более всего оказывалась в игре, в которую заигрывался древний германец до того, что проигрывал свой дом, оружие, жену, детей, наконец, самого себя и становился рабом, — состояние нестерпимее для него самой смерти!»)

Похожее (как на вывеске сгоревшего на масленицу балагана Лемана) соседство «топора» и нечистого, описанное в гоголевских «Петербургских записках...», встречается позднее у Гоголя в повести «Рим», в образе одного из участников римского карнавала итальянца Пеппе — у которого «нос» был «как большой топор» и которому однажды приснилось, «что сатана потащил его» за этот «нос». (Согласно одноименной гоголевской повести, «нос» в данном случае являет собой прообраз вожделения и падкости на греховные развлечения и удовольствия.) Страсть же к игре итальянца Пеппе — избавившая его от опасной (но весьма любопытной для зрителей) — «кровавой сцены» с толстым Рафаэлем Томачели, прямо перекликается с упомянутой выше выпиской Гоголя из Одерборна, повествующего о языческих обычаях римского карнавала и старинной русской масленицы (азартные игры, убийства).

В своих письмах из Италии Гоголь также не раз сравнивал римский карнавал с русской масленицей. 2 февраля (н. ст.) 1838 г. вслед за рассказом А. С. Данилевскому о римском карнавале он замечал: «Маминька пишет, что и у нас есть маски». Три месяца спустя, 28 апреля (н. ст.), о карнавале — «то, что называется у нас масленицею» — Гоголь рассказывал сестрам. На римском карнавале Гоголь встретил и своих старых «петербургских знакомых» — карнавальные маски Арлекина и Коломбины, о чем тоже упомянул в повести «Рим»: «...Пестрый арлекин ударил его по плечу трещоткою, пролетев мимо с своей коломбиною...»

Ни римскую карнавальную жизнь, ни русское масленичное гулянье Гоголь в своих произведениях не идеализировал. В то же время, как позволяют судить многочисленные гоголевские высказывания, в круг размышлений Гоголя о петербургских масленичных балаганах – и о «двойнике» русской масленицы римском карнавале – входили и наблюдения писателя над тогдашним «серьезным» театральным репертуаром, – который, по гоголевской оценке, порой мало чем отличался от балаганных представлений. Во всяком случае вкусы петербургских зрителей разных сословий – высших и низших – были подчас очень схожи.

«Северная Пчела» неоднократно свидетельствовала, что, начиная с 1827 г., постоянными посетителями балагана Лемана стали «зрители высшего круга»: «Балаганы под качелями сделались с некоторого времени увеселением и местом сходбища очень хорошей публики. <...> Первые ряды кресел заняты многими из особ, которых мы привыкли встречать в театрах Французском и Русском»[16]. По отзывам современников, во многом сродни представлениям Лемана был петербургский «карнавал» в театрах, предназначавшихся собственно для этой «хорошей публики». «Мы были бы слишком несправедливы, – с иронией отмечал Булгарин в 1834 г., – если бы не признались, что Леман имеет чудесный дар предупреждать наших драматургов. Все, что теперь влечет нас в театр, все это мы давно уже видели у Лемана <...> Только Леман не так злопамятен, как Виктор Гюго, не так разрушителен, как Дюканж, не так закоренел в злодействе, как Дюмас. Леман добр по природе, и потому, если убьет кого-нибудь, то через минуту опять воскресит; если оторвет у Пьеро голову, то, из жалости, опять скоро возвратит ее туловищу; если разрежет Арлекина на части, то немедленно склеит их...»[17]

Гоголь в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.», написанной после премьеры «Ревизора», в свою очередь, писал о европейском репертуаре петербургских театров: «Что сильнее бросается в глаза: каторга, убийство. Чем можно испугать и произвести судороги, что движет эшафот кровавою тенью. Вся мелодрама состоит из убийств и преступлений <...> Эффекты – те, которые действуют на грубую черствую и притом притупленную площадною развратностью природу <...> Какое странное явление! в наш век, когда во всяком обществе существует число людей, исполненных тонко-возвышенного вкуса, и вдруг такие зрелища <...> на которые собиралась смотреть вся римская чернь, стало быть, властительная масса государства...» «...Мелодрамы и водевили завладели театрами всего света, – продолжал он в "Петербургских записках 1836 года". – <...> И пусть бы еще поветрие это занесено было могущественным мановением гения! <...> Но Дюма, Дюканж и другие стали всемирными законодателями!..»

Говоря об этой всеобщей – примитивного уровня – «любви» петербургской публики «к театру», Гоголь не без горечи и иронии замечал: «Тут вы увидите, как русский офицер, потеряв наконец терпение, доходит, к необыкновенному изумлению всех, по плечам к окошку и получает билет. Тогда только увидите, в какой степени видна у нас любовь к театру»[18]. – Эту черту петербургского общества Гоголь опять-таки использовал в «Тарасе Бульбе» в описании кровавой казни казаков: «В тогдашний грубый век это составляло одно из занимательнейших зрелищ, не только для черни, но и для высших классов <...> Иной, и рот разинув, и руки вытянув вперед, желал бы вскочить всем на головы, чтобы оттуда посмотреть повиднее <...> Крыши домов были усеяны народом <...> На балконах, под балдахинами, сидело аристократство». В этом описании собравшегося на любопытное «представление» народа Гоголь как бы изобразил огромный заполненный публикой театр под открытым небом – вызывая этим вполне определенные ассоциации с римским Колизеем и подчеркивая страсть собравшихся – как низших, так и «высших» классов – к языческим кровавым зрелищам.

Следующее далее в «Тарасе Бульбе» замечание автора об «адских муках», которым был подвергнут поляками Остап, – что «король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер» (но что, однако, «не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов») тоже тесно связано с тогдашними представлениями в Петербурге балагана Лемана. Дело в том, что на Светлой неделе 1830 г. балаган Лемана – «в котором искусная его труппа давала пантомимические представления, с превращениями», – посетил со всем своим семейством сам Государь Император Николай Павлович. «Невозможно изъяснить радости народной! – восклицал по этому поводу Булгарин в "Северной Пчеле". – <...> Государь Император, не довольствуясь в свободное от Своих занятий время участием в забавах высших сословий, хотел освятить Своим высоким присутствием и забавы простого русского народа»[19].

Останавливают на себе внимание в этой заметке слова Булгарина об *«освящении»* Государем «забав простого народа», т. е., иначе говоря, о Высочайшем «утверждении» или официальном признании представлений лемановского балагана. Спустя год Булгарин вновь вернулся к этой теме, сопроводив свои размышления соответствующим «историческим» комментарием: «Пантомима была любимою забавою римского народа во время первых Императоров <...> В Римской Империи не только простые граждане и сенаторы пристрастились к пантомимам, но и сам Август, любитель всего изящного, и покровитель поэтов Меценат, чрезвычайно любили сей род представлений»[20].

В своих неумеренных (возможно, не бескорыстных) похвалах балагану Лемана Булгарин не стеснялся и прямо ставил лемановские представления – в соответствии с предложенной им исторической «справкой» – на уровень, а то и выше – драматических представлений серьезного жанра: «В Италии долго существовала мода на пантомимы, которые заменяли балеты; и ныне, в каждый карнавал, сии представления столь же необходимы для италианцев, как новая опера. <...> Балет есть расцвеченная, усовершенная, возвышенная пантомима. Балет и пантомима содержатся так друг к другу, как сказка к поэме. Но как часто случается, что хорошая сказка гораздо занимательнее поэмы и более привлекает охотников, нежели методическая, скучная, или дурно написанная поэма, точно так и хорошая пантомима привлекает иногда более зрителей, чем иной балет. Что до нас касается, то мы отдаем преимущество хорошей пантомиме пред всеми *веселыми* трагедиями и *плачевными* комедиями»[21].

Именно идеологической интерпретации Булгариным посещения Императором Николаем I балагана Лемана в пользу даваемых здесь арлекинад (вопреки цели самого Императора, стремившегося подчеркнуть этим лишь свое единство – в пасхальные дни – с народом) Гоголь противопоставил в «Тарасе Бульбе» и в других произведениях свое освещение этого события.

Во-первых, разбирая в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846) стихотворение А. С. Пушкина «К Н***» (1832), Гоголь подчеркнул обычное «снисхождение» Императора Николая I к суетным забавам своих подданных – далеких от совершенства, – которых Царю, как Божьему избраннику, назначено «стремить <...> к тому свету, в котором обитает Бог <...> к которому просится Россия».

С другой стороны, Гоголь неизменно подчеркивал развращающее влияние зрелищ, подобных представлениям балагана Лемана. Исторический «экскурс» Булгарина о любви римских императоров к «пантомиме» встречает у Гоголя – в двух его работах, в статье «О преподавании всеобщей истории» (1834) и в университетской лекции «Взгляд на состояние Римской империи в последнее время ее существования и на причины, произведшие разрушение ее» (1834), принципиально иное осмысление. Вопреки рассуждениям Булгарина о похвальном пристрастии Августа к зрелищам, Гоголь упоминает в статье о «развратных» римских императорах, «тиранствовавших над миром» вместе с «своевольным войском, отпущенниками и содержателями зрелищ», а в лекции замечает: «Слабость, недостаток душевной твердости последующих кесарей, оглушенных приливом роскоши и страшного изобилия империи, их серальная жизнь была причиною, что образ правления Августа обратился в деспотизм. Начальники преторианского войска увидели наконец, что имеют власть низводить и свергать императоров[22]. Императоры для утверждения своего стали употреблять два опасные средства, льстить войску и усыплять чернь зрелищами и раздачею денег. Отсюда ввелась в Рим ужасная праздность, искоренившая все правила в народе, жажда к наслаждениям настоящим, начиная от двора до низших сословий». – Едва ли при этом Гоголь не имел в виду соответствующее место в заметке Булгарина, предварявшее сообщение газеты о посещении Николаем I лемановского балагана. «С некоторого времени, – писал Булгарин, – общественная жизнь в здешней столице приняла другое направление. Во всех сословиях видно более живости, более стремления к наслаждениям, что почитается всюду несомненными признаками благосостояния и спокойствия духа. <...> Никогда не было здесь столько частных балов, как нынешнею зимою <...> Будем признательны и откровенны: всем обязаны мы обожаемому нашему Монарху! Балы, маскерады, гульбища, удостоиваясь посещения любимого Государя и Августейшей Его Фамилии превращаются в торжества народные...»[23]

Полемичны по отношению к похвалам Булгарина пантомимам Лемана и строки статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года», посвященные театральному «зимнему карнавалу», которые завершаются здесь упоминанием о Великом Посте и сгоревшем лемановском балагане. Соглашаясь с критикой Булгариным современного репертуара петербургских театров – «*веселых* трагедий и *плачевных* комедий», Гоголь, однако, отнюдь не усматривает в этом повода для предпочтения «высоким» драматическим жанрам – жанрам трагедии и комедии – низкопробных представлений Лемана, но оценивает последние в одном ряду со столь же вульгарными произведениями Дюма и Дюканжа: «Невольно передвигаются перед глазами те кровавые ристалища, на которые собирался смотреть весь Рим в эпоху величайшего владычества своего и притупленного пресыщения. Но, слава Богу, мы еще не римляне и не на закате существования, но только на заре его!» По Гоголю, петербургская публика была «пра́ва», когда в 1830-х гг. оставила безобразную мелодраму и пустой подражательный водевиль и предпочла им оперу и балет. Однако и последние в свою очередь обладают все-таки весьма относительной ценностью. «Балет и опера – царь и царица петербургского театра, – замечал Гоголь в пору создания и первой постановки "Ревизора" в "Петербургских записках..." – Они явились блестящее, шумнее, восторженнее прежних годов <...> И упоенные зрители позабыли <...> что есть род зрелищ <...> более возвышенный, более

отвечающий глубоко обработанному вкусу <...> что существует величавая трагедия, вдыхающая невольно высокие ощущения в согласные сердца <...> что есть комедия — верный список общества, движущегося перед нами, комедия строго обдуманная, производящая глубокостью своей иронии смех, — не тот смех <...> для которого нужны конвульсии и карикатурные гримасы природы, но тот электрический, живительный смех, который <...> рождается из спокойного наслаждения и производится только высоким умом. <...> Из театра мы сделали игрушку <...> позабывши, что это такая кафедра, с которой читается разом толпе живой урок...» Позднее, в статье «О театре...» Гоголь добавлял: «Театр и театр — две разные вещи <...> Отделите <...> собственно называемый высший театр от всяких балетных скаканий, водевилей, мелодрам и тех мишурно-великолепных зрелищ для глаз, угождающих разврату вкуса или разврату сердца <...> Иное дело — слезы оттого, что какой-нибудь заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека[24] <...> и <...> иное дело — слезы оттого, когда живым представленьем высокого подвига человека насквозь просвежается зритель...»

Именно в полемике с Булгариным, под непосредственными петербургскими впечатлениями, складывалось у Гоголя представление об «истинно общественной комедии», которую он мыслил себе в соединении достоинств обоих драматических жанров «высшего» театра — современности комедии и «нравственной силы» трагедии. Употребляя пришедшее ему кстати суждение князя П. А. Вяземского о комедиях Д. И. Фонвизина и А. С. Грибоедова, Гоголь, несомненно, и своего «Ревизора» расценивал как «современную трагедию» («...комедии Фонвизина "Недоросль" и Грибоедова "Горе от ума" <...> весьма остроумно назвал князь Вяземский двумя современными трагедиями»). В «Развязке Ревизора» Гоголь прямо высказывался об этом устами главного героя: «Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества? <...> Нет <...> речь <...> о том, чтобы в самом деле наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедию, да не кончилась бы такой трагедией, какою <...> кончилась эта комедия...»

Как явствует из письма директора Императорских театров А. М. Гедеонова к Гоголю от 7 марта 1836 г. (письмо является ответом на недошедшее до нас письмо Гоголя), сам Гоголь представлял себе свою комедию как некую антитезу тогдашнему «балаганному» репертуару русских театров. Гоголь писал Гедеонову, что его комедия «со времен Фонвизина <...> будет первым оригинальным явлением» на русской сцене[25]. Не случайно постановка «Ревизора» была намечена Гоголем в 1836 г. именно на Светлую седмицу — на второй, после масленицы, в году период активной деятельности петербургских балаганов и театров. 18 января 1836 г. он писал М. П. Погодину о своей комедии: «...Я во всяком случае решился непременно дать ее на Светлый Праздник». (Премьера «Ревизора» состоялась 19 апреля[26]; Светлый Праздник отмечался 29 марта.)

С этими же размышлениями — проникнутыми верой Гоголя в конечное исправление русского человека, в воскрешение его души — и связаны представления писателя об отношении монарха к современному театру. Как известно, именно благодаря Императору Николаю I гоголевский «Ревизор» и был разрешен к постановке и печатанию[27]. (Император присутствовал и на премьере комедии[28].) В опубликованной посмертно статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» Гоголь, таким образом, не без оснований писал: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, недостойные слабости и привычки в слоях нашего общества и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону».

Трагический пожар в балагане Лемана, в свою очередь, по оценке Гоголя, словно явился грозным «предупреждением» низкопробному развлекательному репертуару и его потребителям в пользу высокого вдохновляющего искусства[29].

[1] <*Булгарин В. Ф.*> Масленичные балаганы // Северная Пчела. 1834. № 48. 28 февр. С. 190.

[2] <*Булгарин Ф. В.*> Пантомима г. Лемана и компании // Северная Пчела. 1831. № 38. 17 февр.

[3] Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. Л.; М., 1948. С. 69, 67. См. также: *Бенуа А.* Предисловие // *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922. С. 10–12; Рождение Арлекиново. Комедия италианская в Санктпетербурге 1733 года // *Перетц В. Н.* Италианские комедии и интермедии, представленные при Дворе Императрицы Анны Иоанновны в 1733–1735 гг. Тексты. Пг., 1917. С. 79–82.

[4] <*Булгарин Ф. В.*> Пантомима г. Лемана и компании // Северная Пчела. 1831. № 38. 17 февр. См. также: <*Строев В. М.*> *В. В. В.* Масленица 1834 года в Петербурге // Северная Пчела. 1834. № 76. 4 апр.; *А. Г.* Взгляд на балаганы // Северная Пчела. 1835. № 37. 14 февр.

[5] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Без м. изд., 1955. Т. 1. С. 105–106.

[6] См. ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См.: <*Булгарин Ф. В.*> Нынешние балаганы // Северная Пчела. 1836. № 73. 2 апр. С. 276.

[8] *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. Т. 1. С. 180, 106.

[9] <*Смирнов П.*> *С. П.* Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1836. 5 февр. № 33. С. 131.

[10] Дневник художника А. Н. Мокрицкого / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. Н. Л. Приймак. М., 1975. С. 71.

[11] *Жуковский В. А.* Из дневников 1827–1840 годов. Публикация А. С. Янушкевича // Наше наследие. М., 1994. № 32. С. 46; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 40–41.

[12] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 848.

[13] *Фурманн В.* Физиономия масляничных балаганов // Репертуар и Пантеон. Зеркало современных театров, русского и иностранных. 1843. Кн. 3 (цензурное разрешение 28 февраля). С. 225.

[14] См. ***1827. Февраля около 23. Москва.***

[15] О старинной русской масленице // Московский Вестник. 1827. Ч. 1. № 4. С. 353–355.

[16] *Площадной наблюдатель.* Статистика балаганов под качелями // Северная Пчела. 1833. № 74. 6 апр. С. 295; см. также: *Б<улгарин> Ф.* Народные увеселения // Северная Пчела. 1827. № 43.

[17] <*Булгарин Ф. В.*> Масленичные балаганы. С. 190.

[18] «Петербургская сцена 1835–1836 г.»

[19] <*Булгарин Ф. В.*> Внутренние известия. Санктпетербург, 16-го апреля // Северная Пчела. 1830. № 46. 17 апр.

[20] <*Булгарин Ф. В.*> Пантомима г. Лемана и компании // Северная Пчела. 1831. № 38. 17 февр.

[21] Там же.

[22] См. также ***1839. Апреля 5 <марта 24>. Страстная пятница. Рим.***

[23] <*Булгарин Ф. В.*> Внутренние известия. Санктпетербург, 16-го апреля // Северная Пчела. 1830. № 46. 17 апр.

[24] По свидетельству А. О. Смирновой, «Гоголь очень любил, но только духовную музыку и ходил к певчим» (*Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 263).

[25] См. ***1836. Марта 7. Суббота. Санкт-Петербург.***

[26] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[27] См. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

[28] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1836. Апреля 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

[29] См.: *Виноградов И. А.* Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя // Русская литература. 1999. № 1. С. 36–44.

ФЕВРАЛЯ 3. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатано (очевидно, по обращению А. С. Пушкина) извещение о подписке на готовящийся к изданию журнал «Современник»:

«*Александр Сергеевич Пушкин*, в нынешнем 1836 году, будет издавать литературный журнал под названием: СОВРЕМЕННИК. Каждые три месяца будет выходить по одному тому»[1].

Позднее, в черновой редакции статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (1836), Гоголь, имея в виду это объявление, замечал: «Странно требовать, чтобы писатели с большим талантом опустились и погрязли в низкую журнальную сферу, где бойцы всякого рода завели свой рынок. <...> Но, с другой стороны, на талантах лежит ничем незагладимый упрек, если они совершенно закрыли глаза на мнения, беспрестанно родящиеся и обращающие<ся> повсюду, занимающие всех, потому что эти мнения как бы то ни было созидают и воспитывают большинство читающей публики, и неправильное, испорченное воспитание должно лежать на душе великих писателей, если они не подали своего голоса. [По этому-то самому меня обрадовало так объявление о новом журнале, под которым подписано было Ваше знакомое всей России имя. Это объявление было причиною рождения посылаемой к Вам статьи.]».

[1] Известие // Северная Пчела. 1836. 3 февр. № 27. С. 105.

ФЕВРАЛЯ НОЧЬ С 3 НА 4. НЕЖИН

В правом (южном) крыле главного здания Лицея князя Безбородко на третьем этаже возник пожар, от которого постадали крыша и потолки третьего этажа. Причина пожара осталась невыясненной.

Егоров А. Д. Лицеи России. Опыт исторической хронологии. В пяти книгах. Книга вторая. Лицей князя Безбородко. Иваново, 1994. С. 51. – См. также ***1836. Февраля 21. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 5. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вечер у П. А. Плетнева, на котором присутствует Гоголь.

А. Н. Мокрицкий записал в этот день в своем дневнике: «Вечером, после класса, пошел к Плетневу. Там был Никитенко с женой[1], Гоголь, Краевский, Семен Данилович[2], Прокопович и Тепляков. Последний много рассказывал про свой вояж в Грецию и, между прочим, много анекдотов, довольно смешных».

Свод. Т. 1. С. 599.

[1] Казимира Казимировна Никитенко (в девичестве Любощинская, ум. в 1893).
[2] Шаржинский.

ФЕВРАЛЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в ответном письме к матери в Васильевку сообщает о получении от нее писем. Пишет, что медлил отвечать, потому что ожидал ответа князя Н. Г. Репнина-Волконского по «делу» П. О. Трушковского[1], и что ответ, «к сожалению, заключает в себе отказ». Одобряет заклад имения[2] в Полтавский приказ общественного призрения; сообщает о пожаре балагана Лемана[3]; пишет, что сестры Анна и Елисавета здоровы и «учатся, как говорят, очень недурно»: «Аннет приготовляет вам какой-то большой подарок». Передает поклон «всем родным и знакомым».

[1] См. также ***1836. Февраля 22. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***
[3] См. ***1836. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 21. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет письмо к Н. Д. Белозерскому (вероятно, в Борзну[1], в пятидесяти верстах от Нежина) и письмо к М. П. Погодину в Москву.

В письме к Белозерскому Гоголь сообщает о дошедших до него слухах[2], «будто бы сгорел Нежинский лицей»[3]: «Вы уведомите меня поскорее; может быть, это неправда, и страшный леманский пожар[4] породил всю эту <...> историю <...> только на словах». Сообщает новости о находящихся в Петербурге школьных товарищах[5] А. А. Божко, В. И. Любиче-Романовиче, И. П. Симоновском, А. С. Данилевском, Н. Я. Прокоповиче, об общем знакомом С. Д. Шаржинском. Пишет, что собирается ставить комедию («Ревизор»). Спрашивает, не имеет ли он каких-либо известий об актере К. Т. Соленике: «Данилевский видел его в Лубнах и был в восхищении. <...> ...Куда адресовать к нему».

Гоголь, по-видимому, собирался привлечь актера к участию в «Ревизоре». «Желание Гоголя по какой-то неизвестной нам причине не осуществилось: Соленик в Петербург не приехал и здесь не играл. Но в Харькове,

Одессе и других городах Украины им были исполнены роли Хлестакова, Бобчинского и Осипа в "Ревизоре", Кочкарева в "Женитьбе"»[6]. «В 1837 г. был он в Вознесенске, во время пребывания там Высочайшей фамилии, и играл (в труппе Ерохина) вместе с Щепкиным. <...> Одно значительное лицо, заметив блестящее дарование Соленика, предлагало ему свое покровительство, приглашая его на Петербургскую сцену. "Нет, ваше сиятельство", — отвечал Соленик, — я — Малоросс, люблю Малороссию, и мне жаль расстаться с нею. <...> ...Соленик играл всякого рода роли <...> в "Ревизоре" — Хлестакова и Бобчинского, в "Женитьбе" — Кочкарева»[7].

Из письма к Погодину: «Никак не могу разрешить причины твоего молчания. Два письма я писал к тебе, и ни на одно ответа. <...> Я теперь занят постановкою комедии[8]. Не посылаю тебе экземпляра потому, что беспрестанно переправляю. Не хочу даже посылать прежде моего приезда актерам, потому что ежели они прочтут без меня, то уже трудно будет переучить их на мой лад. Думаю быть если не в апреле, то в мае в Москве. Не можешь ли прислать мне каталога книг, приобретенных тобою и не приобретенных относительно славянщины[9], истории и литератур... <...> О журнале Пушкина[10], без сомнения, уже знаешь. Мне известно только то, что будет много хороших статей, потому что Жуковский, князь Вяземский и Одоевский приняли живое участие. Впрочем, узнаешь подробнее о нем от него самого, потому что он, кажется, на днях едет к вам в Москву»[11].

[1] Белозерский проживал в Борзне, где владел имением и служил. С 1824 г. он был избран подсудком Борзенского уездного суда, с 1830 до 1841 г. — судьей; с 1833 по 1837 г. исправлял также должность Борзенского уездного предводителя дворянства. — См. также ***1836. Августа после 18–19. Нежин; хутор Николаев под Борзной.***

[2] См. ***1835. Августа после 18–19. Нежин; хутор Николаев под Борзной.***

[3] См. ***1836. Февраля с 3 на 4, ночь. Нежин.***

[4] См. ***1836. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретенья Господня. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1836. Января вторая половина — февраль. Санкт-Петербург.***

[6] *Клинчин.* С. 179.

[7] *Мизко Н.* Воспоминание о Соленике, знаменитом украинском актере // Основа. 1861. № 2. С. 179–180.

[8] Имеется в виду «Ревизор».

[9] См. ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.*** — Показательно, что Гоголь, уже будучи уволен из Петербургского университета, продолжает разыскания в области славянской истории, запрашивая у сестры карты «западных славянских земель и Австрии» ***(см.*** 1836. ***Марта 30 — апреля 4. Светлая седмица. Санкт-Петербург***), а у Погодина — «выписки» о Галиции и каталог книг «относительно славянщины». — См. также ***1836. Мая 27. Среда. Москва.***

[10] См. ***1836. Января после 15. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 22. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет ответное письмо матери в Васильевку:

«Письмо ваше я получил. Рад, если вы точно избавились от хлопот взятием денег из ломбарда[1] и душевно желаю, чтобы не случилось так, как в первый раз, когда вы должны были всякий раз занимать, чтобы уплачивать проценты, что было несколько похоже на человека, отрезывающего себе фалды с тем, чтобы заплатать локти. <...> ...Пришлите мне небольшой счет, из которого бы я мог видеть, сколько кому назначено и уплачено вами, сколько осталось и на что намерены вы употребить их. <...> Еще: я не знаю, хорошо ли вы сделали, что решились остаться без управителя. <...> Вам даже при управителе было очень трудно... <...>

Поклон Павлу Осиповичу <Трушковскому>, Катерине Ивановне <Ходаревской>, Олиньке и всем родным и знакомым. А сестре Марии, которую при сем случае обнимаю заочно, скажите, что я ничего не мог успеть по ее просьбе, о чем я известил Павла Осиповича особенным письмом. Я заклялся о чем-нибудь просить после этого случая, и при этом случае я только подтвердил старую свою истину, которой я всегда следовал, что человек должен возлагать надежду только на Бога

и на себя. Я никогда для себя не просил и только для Павла Осиповича решился нарушить это правило»[2].

[1] См. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***
[2] См. также ***1836. Февраля 10. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 27. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Управляющей конторой дирекции Императорских Санкт-Петербургских театров А. Д. Киреев отправляет на рассмотрение III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии пьесу «Ревизор»[1]:

«Контора Императорских С<анкт>-Петербургских театров, препровождая при сем пиесу под названием *Ревизор*, – покорнейше просит III-е Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии по надлежащем рассмотрении пиесы сей доставить оную в контору по возможности в скорейшем времени, с уведомлением может ли быть таковая представлена на здешних театрах»[2].

[1] См. также ***1836. Марта 1. Воскресенье. Утро. Санкт-Петербург***; ***1836. Марта 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] <Из официальной переписки о постановке «Ревизора»> // *Свод.* Т. 1. С. 816.

ФЕВРАЛЯ 28. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение т. 15 журнала «Библиотека для Чтения», где в перечне новых книг за февраль помещена рецензия на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (Отд. 6. С. 3–4).

ФЕВРАЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, предположительно, знакомится с запиской Н. М. Карамзина «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (в 1811 г. эта записка была вручена Императору Александру I).

25 февраля 1836 г. князь П. А. Вяземский писал из Петербурга в Москву И. И. Дмитриеву: «...На днях отыскалась здесь (вероятно, известная вам по слуху и которая почиталась доныне пропадшею) *политическая записка о России,* писанная Никол<аем> Мих<айловичем> <Карамзиным> для <великой княгини> Екатерины Павловны. <...> Пушкин подвизается на журнальном поприще, и вероятно уже вам известно о скором появлении его *Современника*»[1].

В первой половине марта 1836 г. В. А. Жуковский писал А. С. Пушкину: «Завтра пошлю Карамзина статью к Екатерине Андреевне[2]. У нее возьмешь»[3].

В следующем письме к Дмитриеву, от 15 марта 1836 г., Вяземский сообщал: «Рукопись Ник<олая> Михайл<овича>, о которой я извещал вас, не может быть напечатана, разве одно начало "*Взгляд на древнюю Россию*", который, может быть, будет помещен в Современнике Пушкина»[4].

Во втором томе «Современника», в заключении статьи «Российская Академия», А. С. Пушкин, сообщая о заседании членов академии 18 января 1836 г., писал: «Наконец князь Ширинский-Шихматов прочел написанную г. президентом <А. С. Шишковым> краткую статью под заглавием: "Нечто о Карамзине". <...> При сем случае А. С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны... <...> По вызову государыни великой княгини, женщи-

ны с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всею искренностию прекрасной души, со всею смелостию убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел и остался по-прежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота...»[5] (На заседании цензурного комитета 28 апреля 1836 г. цензор А. Л. Крылов выразил сомнение о разрешении к печати этого фрагмента[6]. 15 августа 1836 г. Пушкин получил извещение цензурного комитета, что статья Карамзина «О древней и новой России» будет отправлена «в Главное Управление цензуры»[7].)

23 августа 1836 г. Жуковский писал Дмитриеву: «Имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству список с Записки Николая Михайловича Карамзина о России, составленной им для в<еликой> к<нягини> Екатерины Павловны. Вы уже знаете о том, что счастливый случай доставил ее мне в руки; может быть, вы уже и читали ее, ибо Вяземский ее переписал для себя. Я не мог прежде доставить вам копии оттого, что манускрипт ходил по рукам и долго не мог ко мне возвратиться. Прочитав это творение, которое к несчастию должно остаться в неизвестности, вы с новым чувством благословите память незабвенного друга...»[8]

В средине сентября 1836 г. Пушкин представил в цензуру фрагменты из трактата Карамзина для публикации в четвертом томе «Современника»[9]. 28 октября 1836 г. министр народного просвещения С. С. Уваров известил председателя Петербургского цензурного комитета князя М. А. Дондукова-Корсакова о запрещении печатать статью Карамзина «О древней и новой России» в «Современнике» на том основании, что она «не предназначалась сочинителем для напечатания и при жизни издана им в свет не была[10]. Начало (почти половина) записки «О древней и новой России» Карамзина, с цензурными изъятиями, было напечатано в пятом томе «Современника», вышедшего в 1837 г. после смерти Пушкина[11].

Позднее, в 1846 г., в статье *XIII. Карамзин* «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей... <...> И как смешны после этого из нас те, которые утверждают, что в России нельзя сказать полной правды и что она у нас колет глаза!» Это место статьи вызвало возражение С. П. Шевырева, который писал Гоголю 30 января 1847 г.: «Странно еще говоришь ты, что в наше время можно сказать вслух всякую правду, и в доказательство приводишь Карамзина, которого "Записка о древней Руси" до сих пор не напечатана...»[12]

[1] <*Бартенев П. И.*> Письма к И. И. Дмитриеву // Русский Архив. 1868. № 4. Стб. 644.
[2] Вдова Карамзина.
[3] Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 123.
[4] <*Бартенев П. И.*> Письма к И. И. Дмитриеву // Русский Архив. 1868. № 4. Стб. 645.
[5] <*Пушкин А. С.*> Российская Академия // Современник, литтературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб., 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 13.
[6] *Тархова.* Т. 4. С. 1681–1682.
[7] *Тархова.* Т. 4. С. 1918.
[8] <*Бартенев П. И.*> Письма разных лиц к Ивану Ивановичу Дмитриеву // Русский Архив. 1866. № 11 и 12. Стб. 1639.
[9] *Тархова.* Т. 4. С. 1927, 1928, 1929, 1936, 1938,
[10] *Тархова.* Т. 4. С. 1947, 1952.
[11] Отрывок из рукописи Карамзина. О древней и новой России, в ее политическом и гражданском отношениях. (До смерти Екатерины II) // Современник, литтературный журнал А. С. Пушкина, изданный по смерти его Кн<язем> П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. А. Краевским, Кн<язем> В. Ф. Одоевским и П. А. Плетневым. 1837. Т. 5 (вышел в свет в конце апреля – мае 1837). С. 89–112.
[12] Историю публикации этого сочинения Карамзина см.: *Сергень А. Ю.* История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 132–135.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ФЕВРАЛЬ. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На одной из суббот В. А. Жуковского А. С. Пушкин знакомится с А. В. Кольцовым. На вечере, возможно, присутствовал Гоголь, но знакомство между ним и Кольцовым не завязалось[1].

А. А. Краевский 29 апреля 1877 г. сообщал М. Ф. Де Пуле: «В 1835 г.[2] Кольцов приехал в Петербург и остановился у Януария Михайловича Неверова (ныне попечитель Кавказского округа). <...> Тогда у Жуковского собирались по субботам литераторы и знакомые. Он жил в части

Зимнего дворца, называвшейся Шепелевским домом, где теперь Эрмитаж. Почти постоянными посетителями этих вечеров были Пушкин, Крылов, Гоголь, Плетнев, Одоевский, Вяземский, граф Михаил Виельгорский, Соболевский, Вигель, М. И. Глинка и молодые люди, в числе которых был и я. Памятником этих вечеров осталась картина, изображающая большую часть посетителей, между которыми изображен и Кольцов, приглашенный Жуковским. Тут он познакомился с Пушкиным, взявшим тетрадь его стихов для "Современника"[3]. <...> На сведения, сообщаемые о Кольцове Панаевым, очень трудно положиться. С Лермонтовым он был вовсе не знаком, но я всегда слышал от Лермонтова большие похвалы непосредственному таланту Кольцова. С Гоголем, сколько мне кажется, он также знаком не был; по крайней мере я ничего не слыхал о нем от Гоголя»[4].

Позднее группа художников, учеников А. Г. Венецианова (вероятно, А. Н. Мокрицкий, Г. К. Михайлов и другие) по заказу князя П. А. Вяземского составляют картину, изображающую кабинет В. А. Жуковского в одну из суббот во время визита Кольцова. На условном групповом «портрете» – сам Жуковский, Пушкин, Кольцов, Гоголь, а также Ф. Ф. Вигель, граф Мих. Ю. Виельгорский, А-р Н. Карамзин, И. А. Крылов, князь В. Ф. Одоевский, А. А. Перовский и П. А. Плетнев[5].

В 1902 г. М. Н. Сперанский писал: «...Напрасно бы мы искали жизнерадостного настроения в лице Гоголя, отмеченного на Венециановском портрете[6]. Наружно Гоголь еще продолжал "франтить", но в душе давно уже это увлечение веселостью прошло: перелом уже совершался. Подтверждение этому состоянию Гоголя, когда наружность еще не выдавала той глубокой перемены, которая совершалась внутри, служит отчасти и изображение Гоголя в группе писателей в кабинете В. А. Жуковского в 1836 г.: группа, состоящая из Кольцова, Пушкина, кн<язя> Одоевского, Крылова и Гоголя, довольно плохо написанная неизвестным художником. (Картина – собственность кн<язя> П. П. Вяземского... <...> Присутствие на группе Кольцова дает возможность точнее определить время и момент, который изображен на картине и, может быть, самой картины. В пушкинском альбоме отмечены 1835–36 года, когда "у Жуковского появился и Кольцов, незадолго перед тем приехавший в Петербург" <...> Кольцов приехал первый раз в Петербург в 1835 г. (Древн<яя> и Нов<ая> Россия, 1878, IV, 319), затем в конце февраля или начале марта 1836 г. (ср. письмо к Белинскому от 3 марта; Стихотв<орения> и письма Кольцова. Спб., 1895, стр. 172), а в мае был уже в Воронеже (письмо 21 мая к Вяземскому; см. там же, <с.> 174). В какой приезд Кольцова была писана группа, сказать, однако, трудно... <...>)»[7].

Из наблюдений Н. Г. Машковцева (1959): «Картина <...> имеет весьма ограниченное документальное значение. Детально и отчетливо на картине представлен кабинет Жуковского в его квартире, в так называемой Шепелевской половине Зимнего дворца, где Жуковский жил по должности воспитателя наследника. <...> Справа – мягкий, обитый кожей, диван; на диване – Пушкин и Крылов. Стоя, облокотился на ручку того же дивана несуразно маленького роста Гоголь. Сзади (неизвестно на чем) поместился В. Ф. Одоевский. В некотором отдалении от этой группы, слева, стоит Кольцов... <...> По-видимому, картина должна была изображать петербургских поэтов и писателей, впервые знакомившихся с Кольцовым... <...> ...Даже поверхностный анализ убеждает, что мы имеем дело не с групповым портретом, написанном на основании этюдов, сделанных с натуры, <...> а с совершенно беспомощной и, возможно, более поздней композицией, сработанной, однако, под руководством человека, знавшего все обстоятельства и частности изображенного события. <...> ...Голова Гоголя изображена в точности по литографии Венецианова... <...> ...Картина интересна как свидетельство признания Гоголя петербургскими литераторами, группировкой персонажей (Гоголь рядом с Пушкиным) и очевидным стремлением передать подвижность, юркость Гоголя»[8].

[1] См. ***1840. Августа 15 <27>. Четверг. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Воронеж.***

[2] В средине января 1836 г.

[3] Во втором томе «Современника» за 1836 г. было напечатано стихотворение А. В. Кольцова «Урожай».

[4] Гоголь в письмах А. А. Краевского // *Свод.* Т. 1. С. 805.

[5] *Машковцев.* С. 142–143; см. также: *Измайлов Н. В.* Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 36–37.

[6] ***1834. В течение года. Санкт-Петербург.***

[7] *Сперанский М. Н.* Портреты Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 837.

[8] *Машковцев.* С. 142–143.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ФЕВРАЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, вероятно, читал «Ревизора» в кружке нежинских однокашников[1].

10 марта 1836 г. Е. П. Гребенка сообщал Н. М. Новицкому: «Пушкин издает журнал[2]... <...> Гоголь написал комедию “Ревизор”»[3].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. вспоминал: «В роли чтеца своих драматических произведений <...> я узнал Гоголя только в Петербурге, когда уже он приехал сюда ставить своего “Ревизора” на казенной сцене Александринского театра... И читал Н<иколай> В<асильевич> свою пьесу, нужно сказать, изумительно хорошо, талантливо с артистическим пошибом... Где он научился этой сценической декламации, мы так и не узнали своевременно... В чтении Гоголя “Ревизора” можно было слышать весь сценический ансамбль со всеми его оттенками речи и характеров... Так артистически читал Н<иколай> В<асильевич> свою пьесу... Мы думали при этом, что Гоголь знал всех своих героев “Ревизора” лично, по собственному своему знакомству с ними, и потому, изучив характеры и говор, передал потом все это в своем чтении... Но на сцене “Ревизор” шел менее характерно в своих тонах и репликах и потому слушался не так интересно, как в чтении самого Гоголя. Это сопоставление я мог произвести сам лично, как слушавший пьесу в чтении ее автора и как видевший ее потом на сцене!.. Здесь, в театре, я не чувствовал подле себя живых лиц, говоривших передо мною своим собственным классовым, им одним присущим языком... Но у Гоголя все это было слышно в чтении “Ревизора”, все герои его пьесы ходили живыми перед нами, а не говорящими манекенами, как то было видно на сцене... Замечательное чтение своих драматических произведений Гоголем на голоса давало слушателю его полное представление о том, что он случает целую гармонию жизни в лице многих, различных между собою классов, ведущих общественную беседу... Словом, Гоголь был артист в прямом значении этого слова, и метода его чтения своих пьес на голоса была принята потом и другими авторами, но только она мало имела успеха, так как не всякий из них обладал таким голосовым органом, при помощи которого можно было бы произвести перед публикою полную картину жизни данного общества, ведущего между собою ту или другую оживленную беседу... Но у Гоголя во всем этом была полная гармония... Нужно было удивляться только тому, что откуда это у него, такого тщедушного человека, каким он был, взялся такой голосовой орган, посредством которого можно было производить перед слушателями все голоса его пьесы... Это был какой-то чревовещатель, говоривший одновременно языком городничего и Хлестакова, вдовы Пошлепкиной и купцов-самоварников, и все это в непринужденной и не деланной форме, а так естественно, как будто бы все эти герои его пьесы сидят в него в груди, и самостоятельно каждый из них говорит, когда ему подана та или другая реплика...

После Гоголя мне не случалось более слышать такого искусного декламатора своих литературных произведений вообще... <...>

Как ни противен он был мне по школьным воспоминаниям о нем[4] <...>, но тут я полюбил его за это артистическое чтение “Ревизора”... Но что все-таки мне казалось странным в Гоголе, так это его постоянная застенчивость во всем, нежелание показать себя крупным декламатором своих драматических произведений... И чтобы упросить его прочитать что-нибудь из своих литературных творений, – так на это требовалось немало времени и страшных усилий: он все чего-то боялся, чего-то робел, хотя, видимо, и сознавал все свое декламаторское превосходство над другими... Была ли это общая его скромность держать себя среди своих друзей и знакомых ниже их всех, или же еще что другое, сказать трудно, но тем не менее, однако, застенчивость Гоголя для нас всех была совершенно очевидна... Естественным последствием сего этого оказалась данная ему кличка – «нелюдима». – Этот титул в то время мог легко заслужить всякий, кто был в своем обществе неразговорчив, молчалив и застенчив. А Гоголь именно был таким всегда и везде, где ему случалось быть в обществе. Это было в нем природное качество, всосанное с молоком матери... Хохол по рождению, почти плебей по воспитанию, мог ли он чувствовать себя хорошо, как дома, среди столичной знати, в которую он вошел по приезде в Петербург по делам своей новой, еще не снившейся ему тогда карьеры, на которую он был приглашен... Но он и тут струсил, как и всегда, и с первой же лекции

по истории, — кафедру которой ему предложили в С.-Петербургском университете, — он сбежал, как сконфуженный мальчик, не выдержавший экзамена...

Тут не повезло ему потому, что он чувствовал себя хорошим общественным деятелем только у себя в кабинете, дома, но не в общественном месте, где на него смотрят сотни глаз, слушают тысячи ушей... Гоголь для такой аудитории считал себя непригодным... Тут требовалось холодное присутствие духа, ловкая находчивость, отсутствие мысли на тот счет, что его слушают, на него смотрят...

И все это было создано не для Гоголя, человека нервного, замкнутого в самом себе, привыкшего к жизни уединенной, затворнической, но не общественной, аудиторной, открытой для всех...»[5]

Далее Любич-Романович добавлял: «Душою Гоголя было его одиночество, а не университетская кафедра[6] с ее сотнями глаз и тысячею ушей... Он чужд был общественности, его натура привыкла к затвору со школьной скамейки, с тех именно детских дней его, как я стал знать его, — с Нежинского лицея 20-х годов минувшего столетия... <...> Во всяком случае Гоголь мог быть плохим профессором, потому что он не рожден был для открытой университетской аудитории, а его призванием была аудитория скрытая, кабинетская, литературная, где он всегда чувствовал себя свободным от всех общественных суждений, и сам являлся судьею всего общества, его окружавшего... Вот что побудило Н<иколая> В<асильевича> бежать из университета с первой своей лекции, читанной им по кафедре русской истории... Эту свою закрытую кабинетскую аудиторию Гоголь возлюбил еще со школьной скамейки, когда он в своем “Навозе Парнасском”[7] осмеивал нас, учеников лицея и других, причастных к этому учебному заведению лиц, в тиши своего уединения, а не с университетской кафедры...

Эта отличительная черта жизни Гоголя останется за ним навсегда, как его особенная психика, присущая людям замкнутым, пребывающим в самих себе и не любящих никакую общественность... Если бы он пережил свой средний возраст и не умер бы сорока четырех лет от роду, то его конечным пунктом жизни был бы монастырь...

Вот почему он и впал в мистицизм в последний год своей жизни, когда почувствовал за собою приближение смерти, и отдался всецело дружбе своего духовника[8], пришедшего к нему с словом напутствия... Эта черта склонности к мистицизму была заметна в Гоголе еще с детского возраста, когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском уезде и был окружен людьми богобоязливыми и вполне религиозными... Но его задержала на некоторое время вне монастыря высшая школа, где он отчасти забылся от детской религиозности своей и предался на время научным познаниям... А как только этот пыл литературного увлечения погас в нем, так он вновь уже впал — в свой первоначальный мистицизм и готов был заменить свою светскую жизнь монастырем, тихим пристанищем его вечно мятущейся души... Это мнение всех выдающихся людей того времени, когда жил Гоголь, <...> и я только привожу его в моих воспоминаниях о Н<иколае> В<асильевиче>, но своего здесь я ровно ничего не прибавляю... Этим мнением не воспользовались биографы Гоголя своевременно потому, что каждый из них боялся взять на себя такую большую ответственность, как раскрытие души поэта перед современным ему обществом и показание его обнаженного сердца перед всеми людьми: в то время это считалось кощунством и отступлением от обычных правил не говорить ни о ком ни одного лишнего слова... Но эта застенчивость биографов Гоголя привела его читателей к тому, что они стали смотреть на Н<иколая> В<асильевича> как на сумасшедшего человека, когда он готов был сжечь все свои литературные произведения перед его смертью... Тогда как это было вовсе не сумасшествие, а только возврат к прошедшему времени, когда ему все казалось “суетою сует”.

Во всяком случае это было большою ошибкою биографов Гоголя не заглянуть в душу поэта и не сказать о нем сущей истины... И сатира-то Н<иколая> В<асильевича> вся была проникнута духом отрицания земного бытия, если строго разобрать его смех, идущий через льющиеся слезы, или “Мертвые души”, взятые Чичиковым за живые лишь потому, что в них реяла в небесах та же жизнь, что и на земле — в образах человеческих... В этом смысле только и можно было понимать Гоголя в его отрицании всей культурности во всей интеллигенции города, где появился ревизор — Хлестаков...

А “Женитьба”?.. Разве это не то же отрицание земного?..

Все это в сатиру было обращено Гоголем только потому, что ведь иначе трудно же было ему выразить все его отрицание земли... Во всяком случае он думал, что его поймут и отведут ему здесь подобающее место...

Но он ошибся в этом, и его не поняли... И понять этого не хотят даже и до сих пор, когда уже общество давно сбросило с себя всякую личину лицемерия и говорит обо всем одну свою непритворную правду...

Так чтобы оправдать Гоголя в его предсмертном мистицизме, принятом называть сумасшествием поэта, нам необходимо утвердить здесь ту основную мысль за обществом, которую мы высказали тут о Н<иколае> В<асильевиче>, как о человеке, после среднего периода своей жизни готовом быть монахом. И оно так бы и кончилось, если бы преждевременная смерть не скосила его слабой природы...

Ведь он вечно физически был болен и никогда не чувствовал себя вполне жизнерадостным человеком... Было ли это главной причиной того, что Гоголь от первых дней своей жизни стал мистиком, или что другое, сказать трудно, но факт тот, что он никогда не готовился быть карьеристом, подтверждается уже его ско-

рым бегством с университетской кафедры, на которую было его возвели ближайшие поклонники дарований поэта...

Все это так было понятно для нас, знавших Гоголя со школьной скамейки, но непонятно для тех, кто его знает только по отзывам историков... Но последняя мерка очень слабая для характеристики личности Н<иколая> В<асильевича>, как человека, как мыслителя, как мистика, способного закончить дни своей земной жизни в монастыре, у тихой пристани, где дух поэта мог обрести для себя покой и уединение, которых он искал во всю свою непродолжительную жизнь...»[9]

[1] См. ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***
[3] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 586.
[4] См. ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин.***
[5] *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 570–571.
[6] См. также ***1834. Июля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин.***
[8] Имеется в виду протоиерей М. А. Константиновский.
[9] *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 571–573.

МАРТА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. УТРО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«...<Император> Николай I принимал с докладами лиц, ведающих всеми театральными делами: министра Императорского Двора <князя> П. М. Волконского и начальника III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии <графа> А. Х. Бенкендорфа».

Гоголь 2001–2012. Т. 4. С. 594. – См. также ***1836. Февраля 27. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ ПОСЛЕ 21 – НЕ ПОЗДНЕЕ МАРТА 2. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшее разрешение к постановке и печатанию комедии «Ревизор»[1].

Позднее, 29 апреля 1836 г., Гоголь писал М. С. Щепкину: «Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене...»

В письме к матери от 5 июня 1836 г. Гоголь также сообщал о своей комедии: «Если бы сам государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то вероятно она не была бы никогда играна или напечатана».

В письме к В. А. Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г. Гоголь, имея в виду Государя, добавлял: «Он милостив, мне памятно до гроба то внимание, которое он оказал к моему Ревизору».

В тот же день, 18 апреля (н. ст.) 1837 г., Гоголь обращался к самому Императору: «Вы склонили Ваше Царское Внимание к слабому труду моему, тогда как против него неправо восставало мнение многих».

За экземпляр «Ревизора», поднесенный Императору, Гоголь получил в 1836 г. бриллиантовый перстень[2]. Вскоре после постановки Гоголь отвечал в «Театральном разъезде...» своим недоброжелателям: «Великодушное правительство глубже вас прозрело высоким разумом цель писавшего». В опубликованной посмертно статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» он замечал: «Благосклонно склонится око монарха к тому писателю, который, движимый чистым желанием добра, предпримет уличать низкий порок, недостойные слабости и привычки в слоях нашего общества и этим подаст от себя помощь и крылья его правдивому закону». С надеждой получить «ободрение и помощь от правительства, доселе благородно ободрявшего все

благородные порывы», Гоголь создавал и свои «Мертвые души» (согласно строкам его письма к С. С. Уварову весной 1842 г.).

Князь П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 8 мая 1836 г. сообщал, что Государь «читал» «Ревизора» «в рукописи»[3].

С. Т. Аксаков в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) вспоминал: «В 1835 <1836> году дошли до нас слухи из Петербурга, что Гоголь написал комедию "Ревизор", что в этой пиесе явился талант его, как писателя драматического, в новом и глубоком значении. Говорили, что эту пиесу никакая бы цензура не пропустила, но что Государь приказал ее напечатать и дать на театре»[4].

В 1859 г. Р. М. Зотов, вспоминая об управлении Санкт-Петербургскими Императорскими театрами А. М. Гедеоновым, сообщал: «...Новое управление наиболее отличалось роскошными и изящными постановками. Однако же были и замечательные драматические сочинения. Ревизор Гоголя впервые тогда явился на сцену, и я всеми своими силами содействовал к постановке его. Автор был ко мне очень хорошо расположен, и я имею от него автографы и книги его сочинения, которые он мне подарил. Ему наиболее покровительствовал граф Михайло Юрьевич Виельгорский (который был прежде членом театрального комитета), известный своим прекрасным музыкальным дарованием и бывший всегда истинным меценатом для литераторов и художников. Долго затруднялась цензура в пропуске Ревизора к представлению, но воля Государя все решила, и театр обогатился этим образцовым произведением юмора и нравоописательной комедии»[5].

В 1877 г. А. И. Вольф, следуя статье неизвестного автора под названием «Russisches Theater», напечатанной 25 августа (6 сентября) 1875 г. в № 224 «St. Petersburger Zeitung» («Die Censur hat das Stück verboten, der Kaiser aber erlaubt...»), сообщал: «Гоголю, как и всем сатирическим писателям, нападающим на недостатки современного общества и особенно администрации, большого труда стоило добиться до представления своей пьесы. При чтении ее цензура перепугалась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое решение в высшую инстанцию. Он так и сделал. Жуковский, князь Вяземский, граф Виельгорский решились ходатайствовать за Гоголя, и усилия их увенчались успехом. "Ревизор" был вытребован в Зимний дворец, и графу Виельгорскому поручено его прочитать. Граф, говорят, читал прекрасно; рассказы Добчинского и Бобчинского и сцена представления чиновников Хлестакову очень понравились, и затем по окончании чтения последовало Высочайшее разрешение играть комедию»[6].

А. О. Смирнова[7] в своих записках «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (1880–1881) сообщала: «Ее <комедию «Ревизор»> не решались допустить для представления, но Государь приказал выдать ему четыре тысячи[8] и поставить ее[9]. <...>

Император, невзирая на всех своих подлых министров, приказал играть эту пьесу, велел включить ее в репертуар театра, заплатив ему <Гоголю> 4000 рублей за рукопись, которая находится в архиве Малого театра. <...>

Он <Гоголь> представил в дирекцию свою комедию. Дирекция нашла, что нападки на взяточников могут оскорбить великих мужей, у которых рыльце в пушку, и не решилась поставить ее на сцену. Михаил Юрьевич Вьельгорский это узнал от Жуковского и доложил государю. Государь приказал выдать ему <Гоголю> 4000 р<ублей> асс<игнациями>...»[10]

В 1881–1883 гг. великая княгиня Ольга Николаевна, королева Вюртембергская, вспоминая о русской сцене 1844 г., замечала: «Артисты были прекрасные, но репертуар неважный. После грибоедовского "Горе от ума" не ставили больше ни одной значительной пьесы, кроме гоголевского "Ревизора", который, благодаря поддержке Папа, миновал цензуру»[11].

В 1883 г. сын П. А. Каратыгина Петр Петрович[12] сообщал: «В Великом посту 1836 года[13] при театре начались репетиции новой комедии, по слухам запрещенной цензурою, но дозволенной к представлению самим государем, по усердному ходатайству Жуковского»[14].

В 1886 г. Ф. А. Бурдин[15], со слов М. С. Щепкина, рассказывал: «Вот как был пропущен "Ревизор". Жуковский, покровительствовавший Гоголю, однажды сообщил государю, что молодой талантливый писатель Гоголь написал замечательную комедию, в которой с беспощадным юмором клеймит провинциальную администрацию и редкой правдой и комизмом рисует провинциальные нравы и общество. Государь заинтересовался.

– Если Вашему Величеству в минуты досуга будет угодно ее прослушать, то я ее прочел бы вам.

Государь охотно согласился. С удовольствием выслушал комедию, смеялся от души и приказал поставить на сцене. Впоследствии он говаривал: "В этой пьесе досталось всем, а мне в особенности"[16]. Рассказ этот я слышал неоднократно от М. С. Щепкина, которому, в свою очередь, он был передан самим Гоголем»[17].

Актер Л. Л. Леонидов также свидетельствовал: «Известно, что "Ревизор" был пропущен с высочайшего разрешения...»[18]

Косвенным свидетельством того, что именно Государь разрешил «Ревизора» к постановке и печатанию, служит то, что в мае того же, 1836 г. на его рассмотрение была представлена и пьеса князя Д. И. Цицианова «Настоящий Ревизор, комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии, сочиненной Гоголем»[19].

[1] См. также ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1843. Апреля 20 <мая 2>. Вторник. Радоница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Мая 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 667–668.

[5] *Зотов Р. М.* Театральные воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 830.

[6] *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года // *Свод.* Т. 1. С. 829.

[7] См. также ***1842. Января между 2 и 7. Москва.***

[8] 2500 рублей (см. ***1836. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург***).

[9] См. ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

[10] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 282, 287, 289–290. См. также: *Свод.* Т. 2. С. 275.

[11] Сон юности. Воспоминания Великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I: Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н. И. Азаровой. М., 2000. С. 299.

[12] П. П. Каратыгин (1832–1888), литератор.

[13] Начинался в 1836 г. 10 февраля.

[14] *Каратыгин П. П.* Портрет Гоголя, рисованный П. А. Каратыгиным // *Свод.* Т. 1. С. 833.

[15] А. О. Смирнова в своих записках «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (1880–1881) сообщала: «Он <Гоголь> мне говорил, что всех лучше играл Бурденков <Бурдин> на провинциальном театре. <...> Гоголь мне говорил, что роль Хлестакова самая трудная и что ее лучше всего играл в Калуге Бурдин» (*Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 289, 291).

[16] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[17] *Бурдин Ф. А.* Воспоминания артиста об Императоре Николае Павловиче // *Свод.* Т. 3. С. 33.

[18] Воспоминания Л. Л. Леонидова // *Свод.* Т. 1. С. 835.

[19] См. ***1836. Июля 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург.***

МАРТА 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Статс-секретарь III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии А. Н. Мордвинов выносит резолюцию о разрешении к представлению комедии «Ревизор».

Барон Н. В. Дризен (в 1907 и 1917 гг.) сообщал: «В марте 1836 г. "Ревизор" Гоголя попал в драматическую цензуру III отделения. Рассматривал его известный цензор Евстафий Ольдекоп. Он представил о пьесе пространный рапорт, по обыкновению на французском языке. <...> Пере-

вод: “Эта пьеса остроумно и великолепно написана. Автор ее принадлежит к числу выдающихся русских писателей-новеллистов. <...> Пьеса не заключает в себе ничего предосудительного”. <...> На этом докладе рукою генерала Дубельта <на самом деле – рукою Мордвинова> написано: “Позволить, 2 марта 1836 г.”»[1].

В тот же день Мордвинов сообщал в контору дирекции Императорских Санкт-Петербургских театров: «III-е Отделение Собственной Его Императорского величества канцелярии честь имеет возвратить при сем одобренную к представлению пиесу под названием *Ревизор*, препровожденную в оное отделение при отношении конторы от 27 февраля сего года[2] № 1013»[3]. «На верхнем поле канцелярская помета: “Г. Гоголю, а по получении обратно Г-ну Храповицкому”. Письмо было получено Конторой 3 марта»[4].

В тот же день, 2 марта 1836 г., Гоголь отправил А. С. Пушкину записку по поводу трех своих произведений, назначенных в первый номер «Современника»:

«Посылаю вам Утро чиновника. Отправьте ее, если можно, сегодня же или завтра поутру к цензору, потому что он может ее <взять> в Цензурный комитет вместе с Коляскою, ибо завтра утром заседание[5]. Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе[6]. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста. Я прошу сделать так, чтоб эта сцена шла вперед, а за ней уже о литературе»[7].

[1] *Дризен Н. В.*, барон. Заметки о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 815.
[2] См. ***1836. Февраля 27. Четверг. Санкт-Петербург.***
[3] <Из официальной переписки о постановке «Ревизора»> // *Свод.* Т. 1. С. 816.
[4] *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 590.
[5] См. ***1836. Марта 3. Вторник. Санкт-Петербург.***
[6] «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году».
[7] Вопреки просьбе Гоголя, статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» была помещена в журнале перед «Утром делового человека» (см. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург***).

МАРТА 3. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета обсуждается повесть Гоголя «Коляска» (и, возможно, «Утро чиновника»[1] – заглавие было изменено цензурой на «Утро делового человека»[2]):

«*Слушали:* <...> 4. Представленную г. цензором Крыловым статью для Современника под заглавием Коляска, соч. Гоголя Яновского. Г. цензор испрашивал разрешения о пропуске оной статьи, сомневаясь по себе допустить в особенности несколько мест, которые по сатирическому направлению могут быть различно принимаемы в публике. Комитет разрешил подписать одобрение, за исключением только <...> <четырех> выражений, признанных неприличными»[3].

В 1855 г. К. С. Аксаков вспоминал: «...Станкевич достал как-то в рукописи *Коляску* Гоголя, вскоре потом напечатанную в “Современнике”. У Станкевича был я и Белинский; мы приготовились слушать, заранее уже полные удовольствия. Станкевич прочел первые строки: “Городок Б. очень повеселел с тех пор, как начал в нем стоять кавалерийский полк...”, – и вдруг нами овладел смех, смех несказанный; все мы трое смеялись, и долго смех не унимался. Мы смеялись не от чего-нибудь забавного или смешного, но от того внутреннего веселия и радостного чувства, которым преисполнились мы, держа в руках и готовясь читать Гоголя. – Наконец, смех наш прекратился, и мы прочли с величайшим удовольствием этот маленький отрывок, в котором, как и в других созданиях Гоголя, – и полнота и совершенство искусства. – Станкевич читал очень хорошо; он любил и комическую сторону жизни[4] и часто смешил товарищей своими шутками»[5].

[1] См. ***1836. Марта 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[3] <Постановление Санкт-Петербургского Цензурного комитета о повести Гоголя «Коляска»> // *Свод.* Т. 1. С. 822.

[4] См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] Воспоминание студентства 1832–1835 годов. К. С. Аксакова // День. 1862. 6 окт. № 40. С. 4; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 801–802.

МАРТА 5. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» напечатано объявление о продаже трех книг Гоголя (в шести частях; по 12 руб.):

«Новая книга. Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасечником *Рудым-Паньком*. Сочинение *Гоголя*. Издание второе; в 2-х частях.

Прежде сего изданные сочинения того же Автора продаются по следующим ценам:

Миргород – повести, служащие продолжением вечеров на хуторе близ Диканьки. В 2-х частях. Цена 12 рублей.

Арабески – повести и разные <со>чинения. В 2-х частях. Цена 12 рублей.

Все сии книги продаются в книжном магазине И. Т. *Лисенкова*, под № 3-м в 4-м, в доме Пажеского Его Императорского Величества Корпуса, против Гостиного двора; иногородние адресуются к нему же, со всякою благонадежностию.

Необыкновенное дарование г. *Гогеля-Яновского* <так в источнике> живописать нравы Малороссиян и картины тамошней природы всем известно. Никто лучше, острее и смешнее не рассказывает Малороссийских повестей. Г. *Гоголь* <так в источнике> один из гениальных наших прозаических писателей».

Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1836. 5 марта (цензурное разрешение 4 марта). № 58. С. 231.

МАРТА 7. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор Санкт-Петербургских Императорских театров А. М. Гедеонов в ответном письме к Гоголю обсуждает форму оплаты за постановку «Ревизора»:

«В ответ на письмо Ваше[1] долгом поставляю себе объяснить Вам следующее: По Высочайше утвержденному положению (от 13 ноября 1827 г.)[2] все пиесы разделены на 5 классов, <...> а Государь Император неоднократно повелевал: *чтобы изъятий из законов никогда и ни для кого* не делать, то я не только не могу перевести Вашей пиесы в 1 класс из 2 класса, в который она по положению принадлежит (потому что в § 3 сказано, ко второму классу принадлежат *трагедии* оригинальные и *комедии* в стихах в 3 действ<иях>, оригинальные трагедии, комедии и драмы прозою в 5 или 4 действиях), но и входить к Е<го> С<иятельству>. Г. Министру <светлейшему князю П. М. Волконскому> с представлением, нарушающим существующий закон, не имею права.

По §§ 8 и 10 сего положения следует за Вашу пиесу 15 часть с 2/3 сбора за каждое представление оного. Единовременная же плата по § 13 производится только с обоюдного согласия Автора с Дирекциею,– и в сем случае положены границы сему соглашению, за которые Директор не властен переступать, а именно за пиесу 2 разряда платить единовременно не свыше 2500 р<ублей>. <...> ...Покорнейше прошу Вас, М<илостивый> Г<осударь>, известить меня, которое из двух условий угодно Вам принять? поспектакльную плату? или единовременное награждение 2500 р<ублей> (без бенефиса, коих также по Высочайше утвержденному постановлению не назначено Г. Г. Авторам)?

В 1<-м> случае Вы будете пользоваться тем же правом и на Московском Театре,– и если пиеса Ваша будет иметь ожидаемый Вами успех, то будучи часто играема она доставит с обоих Театров

Вам <в> продолжение первых лет значительный доход. Во втором случае она безвозмездно принадлежит уже и Московскому театру.

В заключение, поставляю себе обязанностию сказать Вам, что до сего времени все Г. Г. Авторы и переводчики беспрекословно довольствовались наградою, назначенною им по Высочайшей воле в упомянутом положении – и никто из них еще не исчислял Дирекции *барышей*, <...> Дирекция <...> руководствуется в своих действиях не *барышами*[3], а постановлениями, Государем Императором утвержденными... <...>

Отдавая всю возможную справедливость Вашей пиесе, я не могу однако согласиться с Вами, что Русская драматическая Литература была в столь бедном и ничтожном положении, как Вы предполагаете, и что будто бы со времен Фонвизина, Ваша Комедия будет первым оригинальным явлением на нашей сцене[4]. Не исчисляя Вам пиес, сделавших с тех пор честь нашей Литературе, я назову только Авторов: Крылов, Ильин, Шаховской и Загоскин вполне заслужили благодарность и Публики и национального Театра своими произведениями, коих достоинства верно никто оспоривать не будет. Остается надеяться и желать, что Вы с первого драматического опыта с ними сравняетесь, а будущими может быть и превзойдете.

Наконец позвольте мне не согласиться в том, что будто бы мои распоряжения в отношении к Вам такому же подвергаются общему суждению, как и Ваша пиеса. Я полагаю, что параллель между *нами не вовсе верна*. Всякое Литературное произведение действительно может быть обсуждено Публикою и по произволу рецензента. Я же в распоряжениях по Высочайше вверенному управлению моему месту, руководствуясь существующими постановлениями, отдаю отчет в своих действиях и нахожусь в ответственности только пред Государем Императором и Министром Императорского Двора. Для расписания ролей и раздачи оных буду ожидать Вашего отзыва»[5].

Р. М. Зотов в 1859 г. вспоминал о Гоголе: «...Он был человек образованный и самых благородных правил, но чрезвычайно щекотлив и самолюбив. Когда дело дошло до платы за *Ревизора*, он непременно требовал, чтоб ему выдана была сумма, как бы за пиесу *в стихах*. Как ни убеждали его, что дирекция не имеет права нарушить Высочайше утвержденного штата, он почел себя обиженным и всем жаловался на то, что дирекция не умеет ценить его дарования»[6].

В. И. Родиславский сообщал: «...Лучшая русская комедия, на которую Гоголь рассчитывал, чтобы "выпутаться из своих денежных обстоятельств", которая выдержала сотни представлений и долго, долго не сойдет с нашей сцены, одним словом, его комедия *Ревизор*, была куплена дирекциею императорских театров всего только за 3000 руб<лей> ассигн<ациями>. – По "Положению о правах сочинителей и переводчиков драматических пиес и опер", Высочайше утвержденному 13 ноября 1827 г., *Ревизор* Гоголя должен был быть причислен к пиесам 2-го класса, так как "Положение" основанием для разделения пиес на классы принимает не внутреннее достоинство пиес, а только число актов и то, чем пиеса писана, – стихами или прозою, и оригинальные ли они, или переводные. Пиесы пятиактные оригинальные в прозе причислены ко 2-му классу, и автор мог получить за них единовременно 3000 р<ублей> ас<сигнациями> (maximum) или поспектакленную плату 1/15 часть из 2/3 сбора с каждого представления пиесы. Гоголь предпочел взять за *Ревизора* единовременную плату (3000 р<ублей>), но энергически настаивал, чтоб пиеса его была отнесена к 1-му классу и горько жаловался, что желание его не было исполнено. (См. *Драматический Сборник* 1859 года, книга XI, стр. 6)»[7].

[1] Письмо не сохранилось.

[2] См.: 1533.– 1827. Ноября 13. (Распубликовано Сенатом 28 Декабря.) Положение об управлении Императорскими С. Петербургскими Театрами // Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 2. С. 970–982.

[3] Слово подчеркнуто двумя чертами.

[4] Возможно, в своем письме к Гедеонову Гоголь повторил мнение о комедии тех лиц, что слушали ее в авторском чтении (см. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Января 26. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Января вторая половина – февраль. Санкт-Петербург***). См. также отзыв А. С. Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: ***1836. Марта 31. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1836. Марта 8. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[6] *Зотов Р. М.* Театральные воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 830.

[7] *Родиславский В. И.* О комедии Н. В. Гоголя «Владимир 3-й степени» // *Свод.* Т. 3. С. 31. – Ссылка на «Драматический Сборник 1859 года» указывает на опубликованные в этом издании «Театральные воспоминания» Р. М. Зотова (см. выше).

МАРТА 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор Санкт-Петербургских Императорских театров А. М. Гедеонов, получив ответ Гоголя (не сохранился)[1], дает предписание конторе дирекции возглавляемых им театров[2]:

«Рассмотрев представленную ко мне от г. Гоголя пьесу под заглавием *Ревизор* в 5-ти действиях и найдя ее достойною к принятию на Императорской театр, предписываю конторе: выдать за ее автору пьесы г. Гоголю *две тысячи пять сот рублей*»[3].

Единовременную (а не поспектакльную, более выгодную) оплату Гоголь выбрал с тем, чтобы в ближайшее время ехать за границу[4].

[1] См. ***1836. Марта 7. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] См. также ***1836.* Марта *9. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[3] Гоголь в письмах директора Императорских Санкт-Петербургских театров А. М. Гедеонова // *Свод.* Т. 1. С. 819.
[4] См. ***1836. Марта 21. Лазарева суббота. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород.***

МАРТА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь по предписанию А. М. Гедеонова[1] получает в конторе Императорских Санкт-Петербургских театров 2500 рублей за «Ревизора».

Н. С. Тихонравов в 1886 г. писал: «*Ревизор* продан был петербургской театральной дирекции за 2500 рублей. В “Ресконтро” дирекции под рубрикой: “За принятие на театр пьес”, – записано: “1836 г. марта 9. Г<-ну> Гоголю за коммедию (sic!) *Ревизор,* в 5 действ<иях> – 2500 р<ублей>” (Сообщено И. Ф. Горбуновым)»[2].

[1] См. ***1836. Марта 8. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] *Тихонравов Н. С.* Первое представление «Ревизора» на московской сцене // *Свод.* Т. 1. С. 818.

МАРТА ПОСЛЕ 9. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Александринском театре начинаются репетиции «Ревизора». Гоголь устраивает для актеров публичное чтение комедии у И. И. Сосницкого[1] – исполнителя роли Городничего.

В 1883 г. сын П. А. Каратыгина П. П. Каратыгин сообщал: «В Великом посту 1836 года[2] при театре начались репетиции новой комедии... <...> При ее чтении самим автором у Сосницкого, в присутствии артистов, которым предназначены были роли, большинство их, воспитанное на оригинальных комедиях Княжнина, Шаховского, Хмельницкого, Загоскина или на переводах скучнейшего Дюсиса и напыщенного Мариво, новая комедия, написанная каким-то молодым малороссиянином, Гоголем, год тому назад напечатавшим несколько забавных повестей под заглавием «Миргород», – большинство артистов, говорим мы, пришло в какое-то недоумение. «Что же это такое? – шептали слушатели друг другу по окончании чтения, – разве это комедия? Читает-то он хорошо, но что же это за язык? Лакей так-таки и говорит лакейским языком, а слесарша Пошлепкина – как есть простая баба, взятая с Сенной площади... Чем же тут наш Сосницкий-то восхищается? Что тут хорошего находят Жуковский и Пушкин?»

Так отнеслись к “Ревизору” первые исполнители этой комедии; к числу порицателей принадлежал, скажем с сожалением, — П. А. Каратыгин[3]. Ученик старой классической школы, он, до времени, не мог отрешиться от классических традиций. Преобразователь отечественной словесности, основатель реальной, или, как тогда называли, ***натуральной*** школы, Гоголь был для классиков тем же, чем Петр Великий для староверов. Как последним тяжело было расставаться с бородами и платьем старого покроя, так <и> здесь, наоборот, и артисты, и многие писатели не могли решиться сбросить с голов пудреные парики, с плеч — французские кафтаны и облечься в русское платье, в настоящую сибирку купца “Абдулина” или затасканный и засаленный сюртук “Осипа”. Новое вино в старые меха не наливают, сказали бы мы по этому поводу, если бы враждебные отношения артистов к произведению Гоголя не сопровождались явлением крайне замечательным: два ***старейшие*** актера обеих столичных сцен, Щепкин — московской и Сосницкий — петербургской, отнеслись к “Ревизору” с живейшим сочувствием»[4].

Актер Л. Л. Леонидов в 1888 г. сообщал: «Постановка в 1836 году гоголевского “Ревизора” было событием на русской сцене и реализмом в драматическом классе. А во мне она пробуждает особые школьные воспоминания, вследствие того, что в этой комедии участвовали мои однокашники — Крамолей, Петров, Марковецкий, Ахалин и Горшенков, готовившиеся к выпуску.

Избраны они были самим автором, как впосле подходившие к назначенным ролям: Добчинского, Бобчинского, Держиморды, Люлюкова и Мишки, — как по фигурам, так и по сценическим способностям. <...> ...“Ревизор” <...> в театре имел усиленный интерес, и мы, воспитанники, следили, по возможности, за всеми репетициями, и записывая чрез участвующих в комедии наших товарищей, — заучивали остроумный юмор Гоголя во всех его действующих лицах»[5].

Дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева), А. Я. Головачева[6], в 1889 г. вспоминала: «Я помню, что, когда ставили “Ревизора” на сцену, все участвующие артисты как-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголем в пиесе, новы для них и что эту пиесу нельзя так играть, как они привыкли разыгрывать на сцене свои роли в переделанных на русские нравы французских водевилях»[7].

Актер А. А. Алексеев в 1892 г., в свою очередь, вспоминал: «В сороковых годах служил в Александринском театре небольшой актер Осип Осипович Прохоров, большой анекдотист и невоздержный любитель предательской рюмочки. Он был родом француз и настоящая его фамилия — Дальмаз. Этот самый Прохоров упоминается Гоголем в бессмертном «Ревизоре», когда городничий спрашивает квартального:

Городничий. ...да другие-то где? Неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный: Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Эта сценка вписана была Николаем Васильевичем на одной из репетиций, когда на оклик городничего, которого изображал И. И. Сосницкий, вбежал какой-то выходной актер и стал читать роль квартального, а так как на предыдущих репетициях эту роль репетировал Прохоров, то Сосницкий спросил от себя:

— А Прохоров где?

— Опять запьянствовал...

Гоголю так понравился этот частный разговор, что он тут же вставил его в свою комедию в вышеприведенной редакции[8]. Таким оригинальным образом Осип Осипович “попал в литературу”, как сам он выражался про этот эпизод»[9].

[1] См. также ***1829. Сентябрь-октябрь. Санкт-Петербург***; ***1839. Ноября 26. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] Начался 10 февраля 1836 г.

[3] Актриса А. И. Шуберт (в девичестве Куликова, во втором браке Яновская) вспоминала: «Брат <В. А.> Каратыгина, П. А., играл сначала любовников. Он был очень красив, высокого роста и с прекрасными голубыми глазами. Черный фрак и голубая лента через плечо очень шли к нему. Потом он перешел на роли комиков. В то время комические роли считались самыми легкими: это называлось "дураков представлять". Он бранил Гоголя и называл его грязным писателем. Припоминаю здесь одну беседу с ним, происшедшую уже много позднее. <...> ...Однажды, во время антракта, он берет меня под руку, подводит к одной декорации (сцена представляла сельский пейзаж) и спрашивает:

– Что это изображает?

– Навоз, – отвечаю.

– И вы не плачете?

– О чем?

– Это не напоминает вам вашего Гоголя?

И прочел целую диссертацию на тему о том, что сцена должна воспроизводить только изящное. Очень умно говорил, я не умела бы ему прекословить. Даже <А. Е.> Мартынов говорил:

– Как я мог не верить ему? Я соглашался с его суждениями, а на сцене инстинктивно исполнял дело Гоголя.

Это мне передал потом Островский» (*Шуберт А. И. (рожд. Куликова).* Моя жизнь // *Свод.* Т. 3. С. 792–793).

[4] *Каратыгин П. П.* Портрет Гоголя, рисованный П. А. Каратыгиным // *Свод.* Т. 1. С. 833–834.

[5] Воспоминания Л. Л. Леонидова // *Свод.* Т. 1. С. 835.

[6] Авдотья (Евдокия) Яковлевна Головачева (1820–1893, в девичестве Брянская, в первом браке Панаева), дочь актера Я. Г. Брянского (Григорьева), с 1839 г. жена И. И. Панаева (после замужества оставила театральную карьеру и переехала из Москвы в Петербург), со второй половины 1840-х гг. подруга («гражданская жена») Н. А. Некрасова, с 1865 г. жена А. Ф. Головачева, писательница.

[7] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 288.

[8] Первоначально имя героя в описанном эпизоде было не Прохоров, а Кнут.

[9] Воспоминания артиста Императорских театров А. А. Алексеева // *Свод.* Т. 1. С. 832.

МАРТА 10. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

На заседании Санкт-Петербургского цензурного комитета рассматривается статья Гоголя «Петербург и Москва. (Из записок Дорожного)»[1], предназначенная для публикации в «Современнике»:

«5. Слушали: представленную г. цензором Крыловым статью, назначенную для помещения в *Современнике,* под названием "Петербург и Москва. (Из записок Дорожного)". Комитет, выслушав статью сию, разрешил цензору одобрить ее к напечатанию, за исключением некоторых мест»[2].

«Характерно, что имя Гоголя в протоколе нигде прямо не названо. <...> <Позднее> все <эти> требования цензуры, как свидетельствует проведенное нами сличение журнального текста "Петербургских записок" с напечатанным нами протоколом, <...> выполнены были безоговорочно»[3].

[1] См. также ***1834 – 1836 начало.***

[2] <Постановление Санкт-Петербургского Цензурного комитета о статье Гоголя «Петербург и Москва»> // *Свод.* Т. 1. С. 823.

[3] *Оксман Ю.* Москва и Петербург. Неизвестная страница Гоголя // Литературный Ленинград. 1934. 31 марта. № 15. С. 3.

МАРТА 12. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Г. П. Галаган записал в своем дневнике:

«В вечеру <Ф. В.> Чижов у нас был и прочел второе отделение *Джулио Мости*[1] и *Ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем,* от которой мы все так рассмеялись, что в боку кололо...»[2]

Григорий Павлович Галаган (1819–1888), богатый помещик, видный украинский общественный деятель, этнограф. Большое влияние на Галагана оказал славянофил Ф. В. Чижов, готовивший Галагана, с 17 января 1835 г., к поступлению на юридический факультет Петербургского университета[3]. После окончания университета в 1840 г. Галаган поступил на службу в Черниговскую палату государственных имуществ. Приезжал в Рим с Чижовым весной 1842 г.[4]; в следующий раз приехал сюда в средине – конце декабря (н. ст.) 1842 г. и познакомился с Гоголем[5]; уехал из Рима в конце апреля (н. ст.) 1843 г.[6]

Позднее, в 1848–1851 гг., Галаган исполнял обязанности предводителя дворянства Борзенского уезда Черниговской губернии, в 1851–1854 гг. был совестным судьей Черниговской губернии. В 1858 г. был назначен в Черниговский комитет «об улучшении быта помещичьих крестьян». Позднее исполнял обязанности вице-президента временной комиссии по устройству быта крестьян Юго-Западного края при Киевском генерал-губернаторе (1863–1865). Для крестьян своего родового имения Секиренец (Сокиренец) Прилуцкого уезда создал в 1871 г. «ссудосберегательное товарищество» имени Павла Галагана (отца Г. П. Галагана). С 1869 по 1882 г. был председателем съезда мировых судей в Прилуках. В 1871 г. в Киеве на средства Г. П. Галагана была открыта Коллегия Павла Галагана – закрытое учебное заведение, насчитывавшее более пятидесяти учащихся. Являлся членом Киевской Археологической комиссии и председателем юго-западного отдела Русского географического общества; с 1883 г. состоял членом Государственного совета.

[1] «Драматическая фантазия в четырех частях» Н. В. Кукольника, напечатанная в 1836 г. в т. 15 «Библиотеки для Чтения» (цензурное разрешение 28 февр.).

[2] <*Лазаревский А. М.*> *А. Л.* Материалы для биографии Г. П. Галагана // Киевская Старина. 1898. № 9. С. 196.

[3] См. ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1842. Марта 29 <17>. Вторник. Рим*** (примечания).

[5] См. ***1842. Декабря 4 <ноября 22>. Воскресенье.***

[6] См. ***1843. Апреля конец <апреля средина>. Рим.***

МАРТА 13. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Подписано цензурное разрешение первого издания «Ревизора».

На шмуцтитуле книги было помещено объявление о продаже «в книжных магазинах Смирдина, Сленина и в лавках братьев Глазуновых» трех гоголевских книг – «Вечеров...», «Миргорода» и «Арабесок»[1] (к каждой было сделано примечание: «Цена за обе части 12 руб<лей>»).

[1] См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАРТА 17. ВТОРНИК. МОСКВА

М. П. Погодин записал в дневнике:

«*Март* <...> *17*. Насилу дотянул лекцию. – К Щепкину. – Он находит новые затруднения по делу. Тьфу, чорт возьми! Когда кончится все это. Самое глупое дело, как оно велось по всем инстанциям. – Передали Гоголю»[1].

Речь, вероятно, идет о предполагаемой постановке «Ревизора», осуществить которую в Москве Гоголь назначал М. С. Щепкину. Спустя полтора месяца, 29 апреля 1836 г., Гоголь извещал Щепкина, что еще до своего «знакомства» «с здешнею театральною дирекциею», т. е. до основных репетиций комедии в Петербурге[2], он поручал Погодину передать актеру свое желание: «Я писал к ленивцу 1-й гильдии и беспутнейшему человеку в мире, Погодину, чтобы он уведомил вас. Хотел даже посылать к вам его <имеется в виду список “Ревизора”>, но раздумал, желая сам привезти к вам и прочитать собственногласно, дабы о некоторых лицах не составились заблаговременно превратные понятия, которые, я знаю, чрезвычайно трудно после искоренить. Но, познакомившись с здешнею театральною дирекциею, я такое получил отвращение к театру, – что одна мысль о тех приятностях, которые готовятся для меня еще и на московском театре, в силе удержать и поездку в Москву и попытку хлопотать о чем-либо». – Ответных писем Погодина Гоголь тогда долгое время не получал, о чем из-

вещал его 10 мая 1836 г.: «Теперь только я получаю письма твои, писанн<ые> в феврале, генваре и марте. <...> На что и как теперь отвечать тебе? Многие вопросы твои уже потеряли свою современность».

[1] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 418.
[2] Ср. ***1836. Марта после 9. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю исполняется 27 лет.

МАРТА 21. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Директор Санкт-петербургских Императорских театров А. М. Гедеонов отправляет в Москву письмо к директору Московских Императорских театров М. Н. Загоскину:

«По предварительному моему с Вами сношению куплена мною Комедия "Ревизор" за 2500 р<ублей>[1], вследствие чего прошу Вас покорнейше приказать отправить следующие с Московской Конторы театров 1250 р<ублей> в С<анкт>-П<етер>б<ургскую> контору. Вместе с тем имею честь Вас уведомить, что за поспектакльную плату сочинитель не мог согласиться отдать свою пиесу по той причине, что расстроенное здоровье принуждает его ехать за границу[2] и он нуждался в наличных деньгах, которые мною сполна ему и заплачены»[3].

А. В. Кольцов в тот же день сообщал В. Г. Белинскому в Москву:

«Слышно, на Фоминой в понедельник <6 апреля 1836 г.> дадут на театре комедию Гоголя, новую; все заняты ею»[4].

[1] См. также ***1836. Марта 8. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. также ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород***; ***1836. Марта 8. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – Решение Гоголя ехать за границу было принято задолго до премьеры «Ревизора» (см. ***1827. Июня 26. Воскресенье – июня конец. Нежин, Васильевка***; ***1828. Сентября 8. Суббота. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка***; ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург***; ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород***; ***1835. Ноября 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***).
[3] *Зайцева И. А.* К цензурной и сценической истории первых постановок «Ревизора» Н. В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 130; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 7.
[4] Гоголь в письмах А. В. Кольцова // *Свод.* Т. 1. С. 807.

МАРТА 21. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. МОСКВА

Подписано цензурное разрешение № 5 журнала «Телескоп», где помещена статья В. Г. Белинского «О критике и литературных мнениях "Московского Наблюдателя"», в которой тот, в частности, полемизирует со статьей С. П. Шевырева 1835 г. о «Миргороде» Гоголя.

См. ***1835. Марта 30. Лазарева суббота. Москва.***

МАРТА 26. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. Н. Мокрицкий записывает в своем дневнике:

«Вечер провел у Гоголя».

Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 600.

МАРТА 26. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

С. Т. Аксаков пишет Н. И. Надеждину:

«Скажи Гоголю, если он не совсем забыл меня, что я от него без ума и что "Старосветских помещиков" предпочитаю даже "Тарасу", хотя многими местами в нем истинно очарован. К чорту гофманщину: он писатель действительности, а не фантасмагорий».

Из писем С. Т. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 575.

МАРТА 28. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Инспектор российской театральной труппы А. И. Храповицкий подписывает монтировку «Ревизора»[1].

Опираясь на данные монтировки, можно, в частности, выделить общую черту, объединяющую героев «Ревизора» в их костюмах – тщеславие. Эта черта проявляется, с одной стороны, в их франтовстве (франты и франтихи при том делятся на современных и старинных), с другой, – в стремлении гражданских чинов выглядеть на военный манер[2].

По-видимому, в костюмировке своих героев Гоголь принимал определенное участие, однако пожелания его были, вероятно, только общего характера. Исполнение же задачи вызвало резкое недовольство Гоголя произведенным «карикатурным» эффектом. 10 мая 1836 г., после первых представлений пьесы он, в частности, писал М. С. Щепкину: «...Не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий. Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному». В «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору» Гоголь также замечал: «Бобчинский и Добчинский вышли, сверх ожиданий, дурны. <...> Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтоб сделать хоть одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали немного, я оставил их в покое».

При втором издании «Ревизора» Гоголь снял в заметке «Характеры и костюмы» описание костюмов Бобчинского и Добчинского, Земляники и гостей городничего. Можно предположить, что, принимая участие в оформлении спектакля, Гоголь, который был знаком с монтировкой пьесы еще до подписания ее А. И. Храповицким (монтировка подписана 28 марта 1836 г., цензурное разрешение «Ревизора» дано 13 марта 1836 г.), действительно, не ожидал (а только «предчувствовал»), что из его героев могут выйти «карикатуры» от того, как «их одел Храповицкий».

[1] См.: Монтировка первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра в 1836 году // *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 624.
[2] Подробнее см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 807–808.

МАРТА 29. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

МАРТА 31. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение первого номера пушкинского «Современника»[1], где напечатаны повесть Гоголя «Коляска» (девятое по порядку место в журнале), его статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»[2] (на одиннадцатом месте), «петербургские сцены» «Утро делового человека» (тринадцатое место), а также несколько рецензий Гоголя на новые книги (шестнадцатая, заключительная публикация журнала) (еще несколько гоголевских рецензий остались неопубликованными)[3].

Здесь же напечатаны, без подписи, статья А. С. Пушкина «Собрание сочинений Георгия Конис<с>кого, Архиепископа Белорусского, изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. С. П. б. 1835» (с обширными фрагментами из «Истории Русов»[4], приписывавшейся в то время перу святителя Георгия) и отзыв Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»:

«Читатели наши, конечно, помнят впечатление, произведенное над ними появлением "Вечеров на хуторе": все обрадовались этому живому описанию племени, поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал Арабески, где находится его Невский проспект, самое полное из его произведений. Вслед за тем явился Миргород, где с жадностию все прочли и Старосветских помещиков, эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтер-Скотта[5]. Г<-н> Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале».

Далее следует примечание: «На днях будет представлена на здешнем театре его комедия *Ревизор*»[6].

Обращает на себя внимание то, что в рецензии Пушкин не только откликнулся на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», но и перечислил все известные к тому времени произведения Гоголя (упомянув даже о готовящейся постановке «Ревизора»). Вероятно, это было сделано по просьбе Гоголя, стремившегося в то время представить все свои опубликованные произведения как некое «собрание сочинений»[7].

И. И. Панаев вспоминал (1860–1861): «..."Современник" был довольно холодно принят и в литературе и в публике. (Одна только статья Гоголя в 1 № "Современника": "О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году" наделала большого шуму в литературе и произвела очень благоприятное впечатление на публику[8].) Большинство говорило, что поэту не следовало пускаться в журналистику, что это не его дело»[9].

Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба (1865): «Журнал его <Пушкина>, "Современник", шел плохо. Пушкин не был рожден журналистом»[10].

По позднейшему свидетельству Гоголя в статье «О Современнике» (1846), Пушкин, едва получив разрешение на издание журнала, «уже хотел было отказаться», но Гоголь «умолил его», обещав «быть верным сотрудником»[11].

В 1836 г. в газете А. Ф. Воейкова «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду» (от 29 апреля) гоголевская статья «О движении журнальной литературы...» была названа важнейшей из всех публикаций первого номера пушкинского журнала: «...Не <...> два прекрасные стихотворения <"Пир Петра Великого" А. С. Пушкина[12] и "Ночной смотр" В. А. Жуковского>, не <стихотворение> Роза и Кипарис князя *Вяземского*, не повесть <"Коляска"> и рассказ <"Утро делового человека"> *Гоголя*,

от которых помираешь со смеху, не путешествие в Арзрум А. С. *Пушкина*[13], не умное рассуждение о рифме барона *Розена*, составляет характеристическую черту *Современника*, но *честная* и *дельная* критика, которая без ругательств, без площадных острот, не осыпая бранью подсудимого писателя, высказывает ему истины, почтительно снимает повязку с глаз Публики и подает ей светозарную светочь освещения темных и позорных мест нашей журналистики»[14].

4 мая 1836 г. И. И. Дмитриев писал князю П. А. Вяземскому из Москвы в Петербург: «Примите <...>, хотя и позднюю, но искреннюю признательность мою за <...> доставление *Современника*[15]. <...> Всего <...> более полюбился мне обзор новой нашей словесности, изложенный с искусством или по-нынешнему художественно и с беспристрастием. Чей это, Пушкина или Плетнева?»[16]

Благожелательный отзыв о статье Гоголя высказал тогда же В. Г. Белинский[17].

15 августа 1845 г. Я. К. Грот спрашивал П. А. Плетнева: «Кто печатал первые два тома Современника вместо Пушкина, о чем он говорит в III-м?»[18] 22 августа 1845 г. Плетнев отвечал: «Пушкин упоминает о небольшом отсутствии своем из Петербурга[19], когда смотрел за Современником, помнится, Гоголь»[20].

«Первая книга "Современника"[21] выпущена была Пушкиным в свет при ближайшем участии Гоголя, взявшего на себя все редакционно-технические и типографские хлопоты по изданию. При комплектовании и печатании второй книги[22] функции Гоголя перешли к Одоевскому и Краевскому, участие которых в "Современнике" было особенно деятельным во время пребывания Пушкина в первой половине мая 1836 г. в Москве»[23].

«Первая книжка Пушкинского *Современника*, разрешенная цензурой 31 марта 1836 г., подготовлялась к печати в условиях, крайне неблагоприятных для ее редактора и вдохновителя. Все обостряющееся положение в свете и при дворе, хлопоты, связанные с предстоящей работой в архивах и поездкой в Москву, тяжелые семейные неурядицы, болезнь и смерть матери, наконец выезд на ее погребение в Михайловское – не позволили Пушкину в самом начале серьезно заняться новым изданием и, положившись на своих сотрудников, поэт, по собственному признанию, "не имел ни времени, ни духа" даже "порядочно рассмотреть" выпускаемый материал (Переписка Пушкина, т. III, 300)[24]. Программная статья, которая с таким нетерпением ожидалась друзьями и недругами "Современника", неожиданно признана была Пушкиным (быть может, в силу только что отмеченных обстоятельств) излишней. Ее отсутствие – ничем в первом номере не мотивированное – придавало совершенно особое декларативное значение большому анонимному обзору <Гоголя> "О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году", открывавшему критический отдел нового органа. <...> Как известно, журнал допечатывался в отсутствие поэта, и ознакомиться с последними листами его Пушкин мог не раньше получения их в Михайловском, т. е. около середины апреля 1836 г. Признаваясь в письме от 14 апреля к М. П. Погодину[25], что он не имел "ни времени, ни духа" даже для самого общего просмотра сдаваемого под конец в набор материала, редактор "Современника", разумеется, не тольк не мог серьезно прокорректировать обзор журнальной литературы, но едва ли успел даже познакомиться с теми его "хвостами", о которых был незадолго до выезда осведомлен Гоголевской запиской[26]: "Да возьмите из типографии статью о журнальной литературе. Мы с вами пребезалаберные люди и позабыли, что туды нужно включить многое из остающегося у меня хвоста". <...> Вопрос о замене Гоголя, как ближайшего сотрудника по изданию, другим – более опытным и осторожным литератором, поставлен был Пушкиным тотчас по ознакомлении его с первою книжкою журнала. И, если до выхода последнего в свет не было и речи о привлечении в "Современник" новых ответственных сотрудников, то уже в письме от 14 апреля из Михайловского Пушкин настоятельно предлагает М. П. Погодину войти с ним в сношения "литературные и торговые" и "объявить без обиняков" свои "требования". Решительно отмежевываясь в этом же письме от рецензии Гоголя на погодинские "афоризмы", Пушкин при свидании с Погодиным через месяц в Москве не скрывает своего отрицательного отношения к некоторым положениям статьи "О движении журнальной литературы" (Соч. Гоголя, изд. X, т. 5, стр. 651)[27] и на месте пытается разрешить проблему вхождения в его журнал некоторых из вдохновителей "Московского Наблюдателя" (Переписка Пушкина, III, 308–314)[28]. Впечатления от "наблюдателей" оказываются, однако, мало благоприятными, и перед поэтом, учитывающим еще предстоящий уход кн<язя> В. Ф. Одоевского и А. А. Краевского в организуемый ими "Русский Сборник" ("Русск<ая> Стар<ина>" 1903, III, 588)[29], встает вопрос о привлечении в "Современник" Белинского (Переп<иска>, III, 325, 396)[30]. Между тем, большой материал, заготовленный для "Современника" Гоголем, остается в портфеле автора (Соч. Гоголя, VI, 732–733) – и уже во втором номере журнала нет в критико-библиографическом отделе ни одной Гоголевской строки. О том, что этот отход Гоголя от "Современника" если и прямо не был вызван, то во всяком случае был связан с недостаточно корректным отношением к нему Пушкина, как редактора и издателя, свидетельствуют, помимо обстоятельств, отмеченных нами выше, помещение в третьем номере журнала прямо направленного против Гоголя "письма А. Б."[31] с сочувственным примечанием "издателя"[32], едкая цитата из Гоголевского обзора в известном Пушкинском разборе "Мнения М. Е. Лобанова"

(стр. 99)[33] и, наконец, обидные для автора разъяснения "от редакции", где как "цель, недостойная литератора", определялась близкая Гоголю тенденция "уронить Биб<лиотку> для Чтения" и как досадное "недоразумение" трактовалось обещание его дать разбор ряда "новых книг", отмеченных в библиографическом перечне первых номеров звездочкою (стр. 331–332)[34]. <...> ...Возвратившись 24 апреля из Михайловского[35], Пушкин не мог, как известно, сразу заняться "Современником", а выехав через неделю в Москву[36], по самым условиям пребывания в последней, оторвался от какой бы то ни было литературной работы. К 23 мая, когда Пушкин прибыл, наконец, в Петербург[37], второй том "Современника", порученный заботам П. А. Плетнева и кн<язя> В. Ф. Одоевского, еще не был до конца отпечатан ("Шесть листов *Современника* теперь уже отпечатаны, 7-го листа корректуру я подписал сегодня" – писал кн<язь> В. Ф. Одоевский Н. Н. Пушкиной 10 мая 1836 г. – "Искусство". Журнал Росс<ийской> Акад<емии> Худ<ожественных> Наук, М., 1923, стр. 325), и, если бы редакционный корректив к статье "О движении журнальной литературы" был готов, то нет никаких сомнений, что он вошел бы в этот номер ("Второй № Современника – писал Пушкин 27 мая П. В. Нащокину – очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам *начинаю* его любить, и вероятно *займусь* им деятельно"), дозволенный цензурою к выпуску в свет лишь 30 июня 1836 г. Но, вместо предрешенного возражения Гоголю, на последней странице второго тома появилось "От Редакции" следующие лаконичные строки: "Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени. Мы получили также статью г. Косичкина. Но к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей". <...> ...Предупреждая за три месяца до выхода третьего тома "Современника" в свет о получении редакциею статей А. Б. и *Косичкина*, не вошедших во второй номер журнала якобы по недостатку времени и места, Пушкин явно предполагал тогда распределить свои возражения Гоголю между двумя оппонентами, причем вторым должен был явиться как раз тот *Косичкин*, именем которого он уже воспользовался в 1831 г. для подписи известных своих выступлений против Булгарина в Надеждинском "Телескопе" ("Торжество дружбы, или оправданный А. А. Орлов". – "Телескоп" 1831 г., ч. IV, № 13, стр. 135–144. Подпись "Феофилакт Косичкин. Москва", помета редакции: "Сообщено") и "Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем" ("Телескоп" 1831 г., ч. IV, № 15, стр. 412–414. Подпись "Ф. Косичкин", помета: "Сообщено"). От начального своего предположения Пушкин при спешном составлении третьей книги, очевидно, отказался, как от слишком сложного, и материал, заготовленный для двух – совершенно не сходных между собою "авторов" – ему пришлось наскоро объединить в одном "письме" А. Б., официозный характер которого подчеркивался уже не косвенно – обещанной статьей "Косичкина" (Своеобразный взгляд на этот свой псевдоним Пушкин с достаточной определенностью выразил в письме от первой половины сентября 1832 г. к М. П. Погодину: "браниться с журналами хорошо раз в 5 лет, и то Косичкину, а не мне" – Переписка Пушкина, II, 389) (кстати сказать, исчезновение ее <статьи "Косичкина"> так и осталось в "Современнике" ничем не мотивированным), а непосредственно – деловым примечанием "издателя"»[38].

15 августа 1845 г. Я. К. Грот спрашивал П. А. Плетнева: «Кто *А. Б.*, писавший из Твери письмо о статье Гоголя, касательно журнальной литературы?»[39] 22 августа 1845 г. Плетнев отвечал: «*А. Б.*, писавший из Твери, остался неизвестным»[40].

[1] См. также ***1836. Апреля 11. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Заглавие статьи – «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» – напоминает заглавие написанной ранее статьи-лекции «О движении народов в конце V века» (1834). Эта перекличка связана с представлением Гоголя о журнальной литературе (и журналисте) как новом «вожде» общества и нации в целом (подробнее см.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 106).

[3] В одной из таких рецензий – на книгу М. А. Байкова «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832-м и 1833-м годах» (СПб., 1836) – Гоголь, в частности, писал о «необыкновенном пространстве» русской земли, «еще несоразмерно превышающем население» – о «страшном преобладании земли над жителями в России»: «Что <...> такое русской крестьянин? Он раскинут или, лучше сказать, рассеян нечасто, как семена по обширному полю, из которого будет густой хлеб, но только не скоро. <...> Во всяком случае правительство действует...»

Позднее в одиннадцатой главе «Мертвых душ» Гоголь писал о будущем рождении народа-«богатыря»: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу... <...> Открыто-пустынно и ровно все в тебе... <...> неприметно торчат среди равнин невысокие твои города... <...> Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? <...> Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда сама ты без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?»

Среди строк, посвященных объяснению этого знаменитого воззвания в одном из гоголевских «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"» (1843), есть следующие: «Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не заселенные и бесприютные пространства не чувствуется тоска... <...> Но правительство во все время

действовало без устани». Такая авторская интерпретация этого лирического отступления позволяет предполагать его прямую связь с содержанием рецензии, написанной в 1836 г. для пушкинского «Современника».

[4] См. ***1829 апрель – 1831 октябрь***.

[5] Позднее положительный отзыв Пушкина о «Тарасе Бульбе» поставил под сомнение первый биограф Гоголя П. А. Кулиш. Связано это было со стремлением Кулиша противопоставить «Тарасу Бульбе» свой роман «Черная рада». В 1846 г. в т. 41 «Современника» Кулиш предпослал публикации отрывка из своего романа адресованное ему письмо польского критика М. А. Грабовского от 17 ноября 1843 г., которое главным образом заключало в себе негативную оценку «Тараса Бульбы» (см. ***1846. Январь. Санкт-Петербург***). В 1857 г. суждение Грабовского о «Тарасе Бульбе» Кулиш повторил – уже от своего имени – в эпилоге к отдельному изданию «Черной рады». «Судя строго, – писал здесь Кулиш, – малороссийские повести Гоголя мало заключают в себе этнографической и исторической истины <...> Наступил момент исторической разработки, до которого далеко еще было автору "Тараса Бульбы"...» (*Кулиш П. А.* Черная рада. Хроника 1663 года. М., 1857. С. 236, 239). Кулишу и Грабовскому – последнему как историку (Кулиш в своих «Записках о Южной Руси» (1856–1857) поместил статью Грабовского) – возражал М. А. Максимович (см.: *Максимович М. А.* О причинах взаимного ожесточения поляков и малороссиян, бывшего в XVII веке. (Письмо к М. А. Грабовскому) // Русская Беседа. 1857. Т. 4. Кн. 8; *Максимович М. А.* Об историческом романе г. Кулиша «Черная рада» // Русская Беседа. 1858. Т. 1. Кн. 9). Именно тогда, отвечая на статью Максимовича о «Черной раде», Кулиш упомянул о некоем «предании», что будто бы Пушкин в свое время высказал недовольство по поводу «Тараса Бульбы». «...Сохранилось предание, – заявлял Кулиш, – что Пушкин, заинтересованный в начале чтения *Тараса Бульбы*, стал потом обнаруживать неудовольствие и наконец начал говорить автору-чтецу: "Дурно! дурно! никуда не годится!" <...> г. Максимович <...> называет Тараса Бульбу "дивным созданием", не видя в нем недостатков, которые, по преданию, очень ясно видел Пушкин» (*Кулиш П. А.* Гоголь как автор повестей из украинской жизни // Основа. 1861. № 4. <Отд. 3>. С. 69).

Можно предположить, что мнимое «предание» Кулиша основывается, с одной стороны, на известном письме Гоголя к В. А. Жуковскому от 18 апреля (н. ст.) 1837 г., где сам писатель сообщал, что в «Старосветских помещиках» и «Тарасе Бульбе» «все недостатки» были заметны только ему самому, Пушкину и Жуковскому, а с другой, – на положительном отзыве Пушкина о «Тарасе Бульбе», где говорится лишь о «начале» повести – «достойном Вальтер Скотта». Такую ориентацию на пушкинский отзыв обнаруживают, в частности, строки Кулиша о «Тарасе Бульбе» из эпилога к «Черной раде», где он замечал, что Гоголь «брался за историю Малороссии, за исторический роман в Вальтер-Скоттовском вкусе, и кончил все это "Тарасом Бульбою"...» (*Кулиш П. А.* Черная рада. С. 237.) Позднее, приводя в своих письмах «литературное предание» о якобы неодобрительном отношении А. С. Пушкина к «Тарасу Бульбе», Кулиш так и не сообщил источника этого «предания», что он обычно делал, будучи биографом Гоголя. Можно предположить, что за «пушкинское» он выдал мнение о «Тарасе Бульбе» П. А. Плетнева, положительно оценивавшего в 1845 г. упомянутое письмо Грабовского к Кулишу о гоголевской повести (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь и юный Достоевский // Домашний лицей. 2003. № 3. С. 20–31; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Русский литературоведческий альманах: Сб. научных трудов, посвященный 75-летию со дня рождения В. Н. Аношкиной (Касаткиной). М., 2004. С. 229–246; *Виноградов И. А.* «Тарас Бульба» и юный Достоевский // Наш современник. 2005. № 8. С. 249–256; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 509–520). «Предание» Кулиша не только не подтверждается другими источниками, но и прямо опровергается, помимо положительного отзыва Пушкина о «Тарасе Бульбе» в рецензии на «Вечера...», свидетельством П. В. Нащокина о том, что, наряду с «Ревизором», Пушкин «хвалил <...> особенно Тараса Бульбу» (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***). За пять лет до обнародования «предания» сам Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» (СПб., 1856) и еще ранее в «Опыте биографии Н. В. Гоголя» (СПб., 1854) об этом предании не упоминал. Биограф, напротив, объяснял, в частности, «ликующее» состояние души «автора "Тараса Бульбы"» – отразившееся в его письме к Максимовичу от 22 марта 1835 г. – тем, что, «вероятно, такие судьи, как Пушкин, Жуковский, князь Вяземский и Плетнев, не замедлили увенчать чело поэта свежими, вполне заслуженными лаврами...» (О безусловном одобрении А. С. Пушкиным «Тараса Бульбы» сообщается также в известных «Записках А. О. Смирновой» (см. ***1834. Декабрь. Санкт-Петербург***) – хотя в иных отношениях эти «Записки...» и не могут быть признаны достоверными.) Влияние Пушкина сказалось и при создании «Тараса Бульбы» – как в частностях, так и в самом замысле повести (см.: *Гоголь 1889–1896*. Т. 1. С. 664; *Жданов И. Н.* История русской литературы. Н. В. Гоголь. СПб., 1904. С. 225–226; *Оксман Ю.* Неосуществленный замысел истории Украины // Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 215–216, 219; *Ермакова М. Я.* «Тарас Бульба» Гоголя как исторический роман-эпопея. Дис. ...канд. филол. наук. Горький, 1955. С. 202; *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959; *Докусов А. М.* «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя. Л., 1963. С. 29; С. 165; *Докусов А. М.* «Миргород» Н. В. Гоголя. Л., 1971. С. 106–107; *Казарин*. С. 99–110; *Слюсарь А. А.* Проза А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Опыт жанрово-типологического сопоставления. Киев; Одесса, 1990. С. 51; *Звиняцковский В. Я.* Николай Гоголь. Тайны национальной души. Киев, 1994. С. 260, 296–297; *Виноградов И.* Наследие Богдана. А. С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя // Десятина. 1999. № 9–10. С. 6; *Виноградов И. А.* Наследие Богдана: А. С. Пушкин и «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и А. С. Пушкин: Четвертые Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2005. С. 299–310).

[6] *Пушкин А. С.* Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д<олю> л<иста>, XIV, 203 и X, 233, в тип<ографии> Д<епартамента> внешн<ей> торговли // *Свод*. Т. 1. С. 711.

[7] См. ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

[8] См., в частности: ***1826. Октября 26. Вторник. Нежин*** (примечания).

[9] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод*. Т. 3. С. 281.

[10] *Соллогуб В. А., граф.* Из воспоминаний // *Свод*. Т. 1. С. 649–650.

[11] См. ***1836. Января после 15. Санкт-Петербург.***

[12] Об этом стихотворении Гоголь упоминал позднее, говоря о Пушкине, в статье *X. О лиризме наших поэтов* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «Он сумел также оценить и другую черту в жизни другого венценосца, Петра. Вспомни стихотворенье “Пир на Неве”, в котором он с изумленьем спрашивает о причине необыкновенного торжества в царском доме...»

[13] Реминисценцию из «Путешествия в Арзрум» Пушкина представляет собой сцена появления Чичикова в доме Коробочки в третьей главе первого тома «Мертвых душ». Чичиков является к Коробочке ночью, измазанный в грязи, встречаемый лаем собак и, к тому же, по словам «просто приятной дамы» в девятой главе, «вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина». Ср. у Пушкина: «Мне сказали, что до города Душета оставалось не более как десять верст... <...> Эти десять верст стоили добрых двадцати. Наступил вечер; я шел вперед... <...> местами глинистая грязь <...> доходила мне до колена. <...> Я слышал вой и лай собак... <...> Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов... <...> Появление мое <...> произвело большое действие. Я требовал <...> комнаты, где бы мог раздеться... <...> К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо Ринальдини». Ринальдо Ринальдини – герой романа немецкого писателя Х. А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников» (1797). В России роман вышел вторым изданием в 1818 г.

[14] *Смирнов П. <Воейков А. Ф.?>* Новые книги // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1836. 29 апреля (цензурное разрешение 27 апреля). № 35. С. 279; с пометой: «Сергиевская пустыня. 14 апреля».

[15] См. ***1836. Апреля 18–24. Санкт-Петербург.***

[16] Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // Старина и Новизна. 1898. Кн. 2. С. 187.

[17] См. ***1836. Мая 2. Суббота. Москва***; *<Белинский В. Г.> В. Б.* Несколько слов о «Современнике» // Молва. 1836. Ч. XI. № 7 (цензурное разрешение 30 апреля). С. 167–178; *<Белинский В. Г.> В. Б.* Вторая книжка «Современника» // Молва. 1836. Ч. XII. № 13 (цензурное разрешение 3 августа). С. 3–12.

[18] *Свод*. Т. 1. С. 672.

[19] См. ***1836. Апреля 8. Среда. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 18. Четверг. Санкт-Петербург.***

[20] *Свод*. Т. 1. С. 672.

[21] Цензурное разрешение 31 марта, выход в свет 11 апреля 1836 (см. ***1836. Апреля 11. Суббота. Санкт-Петербург***).

[22] Цензурное разрешение, от 30 июня 1836 г., получено Пушкиным из цензурного комитета 3 июля 1836 г.

[23] *Оксман Ю.* <Комментарий> / Неизданные письма к Пушкину // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 291.

[24] См. ***1836. Апреля 14. Вторник. Михайловское, Голубово.***

[25] См. там же.

[26] См. ***1836. Марта 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[27] Имеется в виду следующее свидетельство Н. С. Тихонравова: «М. П. Погодин передавал мне, в 1853 году, что Пушкин сообщал ему о невозможности напечатать некоторые, очень игривые, *выражения* в статье <Гоголя> “о журнальной литературе”» (*Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Свод*. Т. 1. С. 717).

[28] 4 мая 1836 г. Пушкин писал жене: «Чадаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которых Нащокин называет les treize <тринадцать; *фр.*>) еще не успел видеть. С Наблюдателями и Книгопродавцами намерен я кокетничать и постараюсь как можно лучше распорядиться с Современником» (*Пушкин А. С.* Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии наук. Переписка / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. Т. 3 (1833–1837). С. 308). 11 мая 1836 г. Пушкин сообщал жене: «На днях обедал я у Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели, между прочим жених Хомяков <см. ***1836. Июля 5 <17>. Воскресенье. Москва***>» (Там же. Т. 3. С. 312). 14 мая Пушкин вновь писал жене: «С Литературой Московскою кокетничаю, как умею; но Наблюдатели меня не жалуют. Любит меня один Нащокин. <...> Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. <...> Баратынский, однако ж, очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу» (Там же. Т. 3. С. 313–314).

[29] Ссылка на статью В. В. Стасова «Цензура в царствование императора Николая I» (см. ***1836. Июня не позднее 6 <18>. Санкт-Петербург***).

[30] См. ***1836. Мая 2. Суббота. Москва.***

[31] *Свод*. Т. 1. С. 713–715.

[32] *Свод*. Т. 1. С. 715.

[33] *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 70.

[34] *Свод.* Т. 1. С. 716.

[35] См. ***1836. Апреля 18. Четверг. Санкт-Петербург.***

[36] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[37] См. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[38] *Оксман Ю. Г.* Примечания / Пушкин. Новые тексты. <...> *А. Б.* Письмо к издателю // Атеней. Историко-литературный временник. Под ред. Б. Л. Модзалевского, Ю. Г. Оксмана и П. Н. Сакулина. Л., 1924. Кн. 1–2. С. 15–17, 22–23.

[39] *Свод.* Т. 1. С. 672.

[40] *Свод.* Т. 1. С. 672.

МАРТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Имя Гоголя означено в списке лиц, «участвующих <...> трудами своими» в издании энциклопедического журнала «Северный Зритель».

Среди других участников в списке – подписи В. Г. Бенедиктова, Я. И. Бередникова, А. Г. Венецианова, В. А. Жуковского, братьев Анд. и А–ра Н. Карамзиных, А. В. Кольцова, А. А. Краевского, П. А. Плетнева, А. С. Пушкина, Ф. Ф. Сидонского, С. А. Соболевского, В. Г. Теплякова, Ф. В. Чижова и др. Акционерами вызвались быть А. В. Веневитинов, князь П. А. Вяземский, князь В. Ф. Одоевский (список сохранился в его архиве), С. С. Хлюстин[1].

Ближайшим предшественником «Северного Зрителя» был несостоявшийся журнал Пушкина и Одоевского «Современный летописец политики, наук и литературы» (1835). Все подписи в «Списке...» собственноручные. А. П. Могилянский датировал их ноябрем 1835 – январем 1836 г., в связи с тем, что 31 декабря 1835 г. Пушкин подал прошение о разрешении ему издавать журнал «Современник». Разрешение было получено 14 января 1836 г. и, по мнению исследователя, мысль об издании в ближайшее время журнала «Северный Зритель» была оставлена. «Невыясненными остаются причины, побудившие инициаторов “Северного Зрителя” отказаться от мысли издавать его с начала 1836 г. В связи с этим отказом Пушкиным и было подано 31 декабря 1835 г. прошение об издании журнала с упрощенной программой»[2].

На самом деле с разрешением издавать «Современник» мысль об издании «Северного зрителя» не была оставлена. 16 февраля 1836 г., две недели спустя после газетного объявления о подписке на «Современник»[3], Одоевский писал С. П. Шевыреву в Москву: «Краевский думает с 1837-го года издавать большой Енциклопедический Журнал (но это секрет) – и Наблюдатель хорошо бы сделал, если бы к нам присоединился. Мы вам доставим нашу программу и наши условия»[4].

В свою очередь В. П. Андросов 4 марта 1836 г. сообщал Краевскому из Москвы: «Секрет ваш я принял к сердцу. Дай Бог, чтобы ваша затея не походила на многое другое на нашей святой Руси... На “Современник” вам надеяться не должно. –Если “Современник” будет хорошо и пойдет удачно, т. е. выгодно, то едва ли Пушкин выпустит его из рук; если же обманет общие ожидания, то такое приготовление почвы будет для вас не прибыльно. Мой опытный совет – не надеяться ни на кого, заготовить самим или приготовить бедную трудящуюся молодежь»[5].

В письме к И. М. Снегиреву[6] от 3 апреля 1836 г. Краевский также сообщал о предполагаемом издании «Северного зрителя» с 1837 г. (при этом Краевский среди участников назвал еще имена И. А. Крылова и барона Е. Ф. Розена, отсутствующие в списке)[7].

О. С. Соловьева датировала список мартом-маем 1836 г.: «В письме к А. А. Краевскому 4 марта 1836 года В. П. Андросов упоминает о “затее” издавать журнал как о деле пока еще секретном (о том же 16 февраля В. Ф. Одоевский пишет С. П. Шевыреву), а 29 мая выражает свою радость уже по поводу хлопот Краевского о “Северном зрителе” (см.: А. П. Могилянский, ук. статья, стр. 213–214). Если бы к середине января “Список” был уже составлен, вряд ли было бы возможно в течение полутора месяцев удерживать в секрете то, что известно тридцати четырем лицам»[8].

Продолжением «Северного Зрителя» стал журнал «Русский Сборник»[9].

[1] Список лиц, желающих участвовать в издании журнала «Северный Зритель» // *Свод*. Т. 1. С. 801–802.

[2] *Могилянский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 226.

[3] См. ***1836. Февраля 3. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] *Могилянский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». С. 214.

[5] *Оксман Ю.* <Комментарий> // Неизданные письма к Пушкину. Публикация В. Ерофеева, Ю. Оксмана и Ф. Приймы // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 291.

[6] Иван Михайлович Снегирев (1793–1868), археолог, фольклорист, этнограф, профессор Московского университета, цензор.

[7] См. ***1836. Апреля 3. Пятница. Санкт-Петербург.***

[8] *Соловьева О. С.* Новейшие приобретения пушкинского текста (1955–1956) // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 399–400.

[9] См. ***1836. Июня не позднее 6 <18>. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин пишет князю В. Ф. Одоевскому:

«У меня в 1 № <журнала “Современник”> не будет ни одной строчки вашего пера. Грустно мне; но времени нам не достало, — а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать *Совр<еменник>* на Фоминой <5 апреля 1836 г.>. Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и сильной, и которую хочется мне наименовать *О вражде к просвещению*... <...> Разговор Недовольных[1] не поместил я, потому что уже Сцены[2] Гоголя были у меня напечатаны, — и что Вы могли друг другу повредить в ефекте»[3].

Позднее, 30 августа 1862 г., Одоевский писал А. А. Краевскому: «Кожанчиков прислал мне от 24-го августа остаток моего с ним счета в 174 р<убля>, чего я не ожидал, ибо думал покрыть его моими статьями в “С.-Петербургские Ведомости”; некоторые из сих статей у вас залежались, между прочим, статья с автографами Пушкина, Гоголя, Грибоедова, к которой вы собирались что-то прибавить...»[4]

9 сентября 1862 г. Краевский отвечал Одоевскому: «...О какой статье с автографами Пушкина, Гоголя и Грибоедова вы говорите? У меня никакой статьи нет. Я собственноручно, в Михайловском дворце, взял у вас *копии* с вашей переписки с Пушкиным, обещав приделать к ней кое-что из своих воспоминаний о первоначальном “Современнике”, о котором упоминается в ней не раз; но и только же. Всего-на-все вы передали мне одиннадцать копий с ваших писем к Пушкину и его к вам, да еще одну с письма князя Козловского. Но ни Гоголя, ни Грибоедова не давали вы мне ни строки»[5].

В 1864 г. упоминаемую переписку Одоевского с Пушкиным, а также письма к Одоевскому Грибоедова и Гоголя напечатал сам Одоевский в «Русском Архиве»[6].

[1] Драматический отрывок Одоевского.

[2] «Утро делового человека».

[3] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1864. № 7 и 8. Стб. 820–821.

[4] *Бычков И. А.* Из переписки князя В. Ф. Одоевского // Русская Старина. 1904. № 6. С. 588.

[5] Там же. С. 586.

[6] Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1864. № 7 и 8. Стб. 808–824, 838–841.

АПРЕЛЯ 3. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. А. Краевский предлагает И. М. Снегиреву участвовать в журнале «Северный Зритель»[1]:

«Теперь слушайте *секрет*. Мы с Одоевским предпринимаем с будущего 1837 года журнал, под названием “Северный зритель” — журнал энциклопедический и эклектический. Все отрасли человеческого ведения войдут в него... <...> У нас коновод — Жуковский. Кроме того, исключительно

участвуют Крылов, Вяземский, Пушкин, Гоголь, барон Розен, два Карамзиных, Сидонский, Бередников и пр. и пр. <...> Не знаем, получим ли разрешение от правительства; дай то Бог; <...> мочи нет от брамбеусов, булгариных и других мерзавцев»[2].

[1] См. ***1836. Март. Санкт-Петербург.***
[2] Гоголь в письмах А. А. Краевского // *Свод.* Т. 1. С. 804.

МАРТА 30 – АПРЕЛЯ 4. СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, вероятно, навещает сестер Анну и Елисавету в Патриотическом институте.

Позднее, 15 ноября (н. ст.) 1838 г., Гоголь писал сестрам из Рима: «Душеньки мои, я о вас очень часто вспоминаю и хотел бы вас перецеловать много раз. Помните ли, как мы виделись с вами в этой узенькой, маленькой комнате в институте, где стоит обыкновенно фортепиано и где г. Высоцкий[1] с нетерпением ожидал своих учениц? Я помню как теперь, как Лиза просит меня не позабыть о том, что скоро ее именины[2] и что нужно купить орехов 4 фунта, конфектов два фунта, варенья две банки, желе банку, пряников, яблок, изюму и проч. и проч; и всё это не только на словах, но даже было написано с чрезвычайною аккуратностью на записке; и всё это сопровождается словами: "Да смотрите, не позабудьте, за день прежде купите и пришлите". И вслед за сим ты, Лиза, бывало, расскажешь... какой у тебя новый друг и о том, как у тебя хорошо в пульпитре, — в каком порядке лежат книги, тетрадки и бонбоньерки, и как ты на днях поменялась с той-то или другой. И при этом у тебя, Лиза, пальцы были в черниле, и на переднике было чернильное пятно, величиною в месяц. Всё это я помню и помню даже, как Анет была больна и лежала в лазарете, и я у вас был; и потом помню, помню еще об одном, но не хочу говорить... о, я все помню!»

В те же дни, после посещения сестер, Гоголь отправил письмо в Васильевку, в котором поздравлял мать с праздником Пасхи и сообщал, что Анна и Елисавета «здоровы, учатся хорошо»:

«Христос Воскресе!

Поздравляю вас с праздником, почтеннейшая маминька! Вы что-то давно уж не пишете ко мне. Уж не сердитесь ли вы на меня, или за почтою опять начал водиться старый грех, и письма пропадают, или задерживаются? <...> ...Хотел-было к празднику прислать вам и сестре <Марии> красных яичек, но так был захлопотан, что никак не успел. <...> Праздники здесь очень хороши. Всё время стоит прекрасная погода, совершенное лето, или самая теплая весна. Я слышу, в ваших местах еще лучше. <...> Я думаю, уже Павел Осипович <Трушковский> насадил огород и любуется первыми всходами, а сестра моя хворает, охает и приготовляет новые философские и мудрые изречения по поводу весны. Я прошу ее убедительно написать на особой записке, которую да приложит она к вашему письму, обстоятельно и подробно, сколько раз она в этом году поспорила. Это будет очень любопытная и занимательная вещь. Я советую ей особенным родом науки это сделать. Для этого я пришлю ей очень красивый альбом. Под каждым числом и днем написать: сегодня я поспорила столько-то раз и благодарение Богу очень успешно; сегодня, увы! я не поспорила больше одного раза, но с помощью Божиею, может быть завтра за всё вознагражу. И так далее».

К сестре Марии Гоголь обращался с просьбой:

«...Она писала мне о картах[3], которые где-то видела. Если там есть карты Галиции, Буковины, Кроации, Венгрии, Богемии, Трансильвании, Померании и вообще западных славянских земель и

Австрии, то пусть приобретет. Но мне не нужно ни Франции, ни Голландии, ни Испании, ни Швеции, ни Англии, ни Италии, ни Швейцарии, ни Дании. А я ей за это пришлю нот».

Датировка письма уточнена. Ранее письмо было датировано исследователями апрелем 1834 г. Основанием датировки служило лишь то, что «в письме говорится о "прекрасной погоде, совершенном лете" на пасхальной неделе (пасха была 22 апреля); это было именно в 1834 г. (ср. письмо М. И. Гоголь, 20 апреля 1834 г.)»[4]. Между тем такая же «летняя» погода стояла в Петербурге и на Пасху 1836 г. В письме к матери от 12 мая 1836 г. Гоголь сообщал: «В средине апреля было так тепло, как летом...» С другой стороны, датировать письмо апрелем 1834 г. не позволяет то обстоятельство, что перерыва в письмах к Гоголю матери в тот период не было[5], тогда как в комментируемом письме Гоголь замечает: «Вы что-то давно[6] уж не пишете ко мне». Последнему замечанию вполне соответствуют слова Гоголя в еще более позднем письме к матери 1836 г. – от 12 мая: «Я получил письмо ваше после долгого молчания...» Предпасхальные хлопоты, о которых упоминает Гоголь в комментируемом письме, очевидно, относятся к постановке «Ревизора». Безусловно, к 1836 г. относится и упоминание Гоголя в приписке к сестре о географических картах, которые та обещала прислать брату осенью 1835 г.[7]

[1] И. М. Высоцкий, учитель музыки в Патриотическом институте.

[2] Е. В. Гоголь родилась весной 1823 г. (см. ***1823. Март-апрель. Ярески***) и, вероятно, была названа в честь преподобной Елисаветы чудотворицы (VI–VIII), память которой совершается 24 апреля (ст. ст.).

[3] Позднее, в письме к матери из Рима от 12 июня (н. ст.) 1837 г., Гоголь замечал: «Карты <...>, о которых пишет сестра, мне теперь совсем не нужны. Здесь я могу иметь лучше».

[4] *Гоголь 1937–1952*. Т. 10. С. 478.

[5] См. ***1834. Марта конец – апреля первая половина. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***.

[6] С февраля 1836 г. (см. ***1836. Февраля 22. Суббота. Санкт-Петербург***).

[7] См. ***1835. Ноября 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

АПРЕЛЯ 4. СУББОТА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь читает у В. А. Жуковского повесть «Нос»[1] (рукопись которой была незадолго перед тем возвращена ему по почте М. П. Погодиным[2]). Вероятно, в этот же день состоялась передача повести А. С. Пушкину для публикации в журнале «Современник»[3].

Спустя несколько дней, в четверг 9 апреля 1836 г., князь П. А. Вяземский сообщал А. И. Тургеневу: «Субботы Жуковского процветают, но давно без писем твоих[4]. Один Гоголь, которого Жуковский называет Гоголек (никто не равняется с Жуковским в перековеркании имен; помнишь ли, когда он звал Дашкова Дашенькою?) оживляет их своими рассказами. В последнюю субботу читал он нам повесть о носе, который пропал с лица неожиданно у какого-то коллежского ассесора и очутился после в Казанском соборе в мундире Министерства просвещения. Уморительно смешно! Много настоящего hummour. Коллежский ассесор, встретясь с носом своим, говорит ему: "Удивляюсь, что нахожу вас здесь; вам, кажется, должно бы знать свое место". И чтобы и мое письмо не пропало, а попало к своему месту, то есть тебе под нос, а я не остался бы с носом, кончаю и отправляю письмо в Министерство иностранное»[5].

Позднее, 28 июня (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал Жуковскому из Гамбурга: «...Где бы я ни был, в каком бы отдаленном уголке ни трудился, я всегда буду возле вас. Каждую субботу я буду в вашем кабинете, вместе со всеми близкими вам. Вечно вы будете представляться слушающим меня читающего. Какое участие, какое заботливо-родственное участие видел я в глазах ваших!..»

[1] См. также ***1833. Первая половина года. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1837. Октября до 9. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***.

[5] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод*. Т. 1. С. 845.

АПРЕЛЯ 8. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. С. Пушкин выехал в Михайловское, сопровождая гроб с телом матери.

Тархова. Т. 4. С. 1852.

АПРЕЛЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет первый том журнала А. С. Пушкина «Современник»[1] (цензурное разрешение 31 марта)[2].

[1] *Тархова.* Т. 4. С. 1853.
[2] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 14. ВТОРНИК. МИХАЙЛОВСКОЕ, ГОЛУБОВО

А. С. Пушкин пишет М. П. Погодину из Михайловского:

«Журнал мой <первый том “Современника”> вышел без меня, и вероятно Вы его уж получили. Статья о Ваших афоризмах писана не мною[1], и я не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня – если вы ею недовольны»[2].

Письмо Пушкина было опубликовано М. П. Погодиным еще при жизни Гоголя[3].

В тот же день, 14 апреля 1836 г., Пушкин, перед отправлением из Голубово в Петербург, сообщил Н. М. Языкову:

«Вы получите мой Современник; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение. Из статей критических моя одна: о Кониском»[4].

[1] Рецензия написана Гоголем.
[2] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 707.
[3] См.: <*Погодин М. П.*> Письма Пушкина к Погодину // Москвитянин. 1842. Ч. 5. № 10 (цензурное разрешение 26 октября). С. 468.
[4] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 708.

АПРЕЛЯ 17. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отвечает на записку С. А. Соболевского с просьбой достать билеты на премьеру «Ревизора» для Карамзиных (вероятно, для вдовы Н. М. Карамзина Екатерины Андреевны, его дочери Софьи Николаевны и сыновей Андрея и Александра):

«Высокорослый и аппетитный для дам Соболевский! Вашего поручения вполне исполнить я не мог, потому что вы изволили дать знать мне очень поздно. Мне очень жаль, что для Карамзиных недостало ложи. Что же касается до кресел, то я могу достать около пяти и оставлю их для тех, которым вы прочите их. <...> Впрочем, скажите Карамзиным, что если им угодно на второе представление, на котором будет и царская фамилия[1], то я приготовлю билеты».

[1] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Утром в Александринском театре состоялась репетиция «Ревизора» (без костюмов)[1], во время которой П. А. Каратыгин, исполнитель роли Ляпкина-Тяпкина (с 28 апреля 1836 г.)[2], нарисовал портрет Гоголя.

В 1883 г. сын П. А. Каратыгина П. П. Каратыгин сообщал: «Подобно всем своим сослуживцам, П. А. Каратыгин отнесся к комедии Гоголя если не с пренебрежением, то с полнейшим равнодушием; но самая личность автора обратила на себя особенное внимание артиста и глубоко врезалась в его памяти. Во время одной из репетиций “Ревизора” Каратыгин, находясь за кулисами, набросал карандашом на обертке своей роли, сложенной пополам, <...> портрет Гоголя[3]. <...>. По рассказам покойного П. А. Каратыгина, это было на утренней репетиции, в воскресенье <в субботу> 18-го апреля 1836 г., т. е. накануне первого представления “Ревизора”. Гоголь был сильно встревожен и, видимо, расстроен; часто вполголоса говорил с Сосницким, почти исключительно с ним, и лишь изредка с начальником репертуара А. И. Храповицким. Последний, пощипывая усы, во многих сценах ехидно улыбался и пожимал плечами. Некоторые из молодых актеров и актрис тайком перемигивались. Их нескромную веселость возбуждала не комедия, но ее автор. Невысокого роста блондин с огромным тупеем, в золотых очках на длинном птичьем носу, с прищуренными глазками и плотно сжатыми, как бы прикуснутыми губами. Зеленый фрак с длинными фалдами и мелкими перламутровыми пуговицами, коричневые брюки и высокая шляпа-цилиндр, которую Гоголь то порывисто снимал, запуская пальцы в свой тупей, то вертел в руках. Все это придавало его фигуре нечто карикатурное. Никто не догадывался, какой великий талант скрывался в этом слабом теле, какие страдания он испытывал, предугадывая, что ни актеры-исполнители, ни большинство публики не оценят и не поймут “Ревизора” при его первом представлении...»[4]

В тот же день, 18 апреля 1836 г., А. С. Пушкин вернулся[5] из Михайловского в Петербург после похорон матери[6].

В тот же день Г. С. Аксаков[7] писал родным в Москву:

«Здесь появился новый журнал “Современник”[8], издаваемый Пушкиным, который, я думаю, много подорвет “Библиотеку”[9]. Первый номер его очень хвалят. В нем есть повесть Гоголя[10], критика Пушкина на Сенковского[11]. Желал бы прочесть, но, я думаю, не удастся, потому что негде взять»[12].

[1] См. ***1836. Марта 28. Страстная пятница. Санкт-Петербург.***

[2] Ежегодник Императорских театров. Сезон 1897–1898 гг. Ред. А. Е. Молчанов. СПб., 1899. С. 119.

[3] См. также ***1836. Мая 17. Воскресенье. Праздник Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[4] *Каратыгин П. П.* Портрет Гоголя, рисованный П. А. Каратыгиным // *Свод.* Т. 1. С. 833–834.

[5] См. ***1836. Апреля 8. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] *Тархова.* Т. 4. С. 1857.

[7] Григорий Сергеевич Аксаков (1820–1891), сын С. Т. и О. Сем. Аксаковых, выпускник Императорского Училища правоведения (открытого в 1835 г.), служил прокурором в Симбирске, впоследствии губернатор самарский и оренбургский.

[8] См. ***1836. Апреля 11. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] Журнал «Библиотека для Чтения».

[10] «Коляска».

[11] Имеется в виду статья Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», напечатанная в т. 1 «Современника» за 1836 г. без имени автора.

[12] Гоголь в письмах Г. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 903.

АПРЕЛЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера «Ревизора» на сцене Александринского театра. На спектакле присутствовал Император Николай I с Наследником.

В этот день в «Санкт-Петербургских Ведомостях» было напечатано извещение: «ЗРЕЛИЩА. Сего дня, 19-го апреля. На Александринском театре, в первый раз, Ревизор, оригинальная комедия в пяти действиях[1]; — Сват Гаврилыч, или Сговор на яму[2], картина русского народного быта»[3].

В афише первого представления «Ревизора» сообщалось: «На Александрынском театре. Сего дня в Воскресенье, 19 апреля. Российскими придворными актерами представлены будут в первый раз: Ревизор. Оригинальная комедия в 5-ти действиях. Соч. Н. Гоголя. <...> Сват Гаврилыч, или Сговор на яму. Картина русского народного быта...»[4]

На полях этой афиши инспектор российской театральной труппы А. И. Храповицкий записал: «Государь Император с Наследником внезапно изволил присутствовать и был чрезвычайно доволен, хохотал от всей души. Пьеса весьма забавна, только нестерпимое ругательство на дворян, чиновников и купечество. Актеры все, особенно Сосницкий, играли превосходно. — Вызваны: автор, Сосницкий и Дюр»[5].

«В Петербурге первое представление "Ревизора" в Александринском театре состоялось в воскресенье, 19 апреля 1836 г. В этот день в камер-фурьерском журнале записано: "Его Величество <...> с Государем Наследником проезжал в Александринский театр, где и присутствовал в ложе при представлении пиесы, откуда и возвратился во дворец в 10-ть часов"; 24 апреля, в пятницу[6]: "45-ть минут 8-го часа полудня Их Величества выезд имели в карете в Александринский театр, где изволили присутствовать при <третьем> представлении российскими актерами пиесы <«Ревизор»> <...> возвратились 35 минут 11-го часа вечера"; там же были они и 29 апреля»[7].

20 апреля 1836 г. актер П. И. Григорьев[8] сообщал Ф. А. Кони: «Когда же мы играли в 1-й раз *Ревизора*, то Государь был так милостив, что Сам лично хвалил и благодарил меня за бенефис! Воля ваша, а это внимание весьма приятно тому, кто десять лет трудился донельзя.

Итак, присылайте ко мне скорее ваших парочку водевилей, мы их теперь при удобном случае пустим в ход на славу и потеху! — Я, право, не больно еще самолюбив, а, право, думаю теперь, что с нашей незначительной помощью Царь опять не откажется нас посмотреть, он любил на сцене веселинькое.

Ревизор г. Гоголя сделал у нас большой успех! Гоголь пошел в славу! Пиэса эта шла отлично, не знаю только, долго ли продержится на сцене; эта пиэса пока для нас всех как будто какая-то загадка, в первое представление смеялись громко и много, поддерживали крепко,— надо будет ждать, как она оценится со временем всеми, а для нашего брата актера, она такое новое произведение, которое мы (может быть) еще не сумеем оценить с одного или двух раз. Как быть! Не все же вдруг!»[9]

28 апреля 1836 г. А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «Комедия Гоголя "Ревизор" наделала много шуму. Ее беспрестанно дают — почти через день. Государь был на первом представлении, хлопал и много смеялся. Я попал на третье представление. Была Государыня с Наследником и великими княжнами. Их эта комедия тоже много тешила. Государь даже велел министрам ехать смотреть "Ревизора". Впереди меня, в креслах, сидел князь <граф> Чернышев и граф Канкрин. Первый выражал свое полное удовольствие; второй только сказал:

— Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу.

Многие полагают, что правительство напрасно одобряет эту пьесу, в которой оно так жестоко порицается. Я виделся вчера с Гоголем[10]. Он имеет вид великого человека, преследуемого оскорбленным самолюбием. Впрочем, Гоголь действительно сделал важное дело. Впечатление, произ-

водимое его комедией, много прибавляет к тем впечатлениям, которые накопляются в умах от существующего у нас порядка вещей»[11].

Сам Гоголь в письме к А. С. Пушкину, датированном 25 мая 1836 г.[12] (отправлено С. Т. Аксакову из Рима 17 марта (н. ст.) 1841 г.)[13], сообщал: «..."Ревизор" сыгран – и у меня на душе так смутно, так странно... Я ожидал, я знал наперед, как пойдет дело, и при всем том чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое же создание мне показалось противно, дико и как будто вовсе не мое. Главная роль пропала; так я и думал. Дюр ни на волос не понял, что такое Хлестаков. Хлестаков сделался чем-то вроде Альнаскарова[14], чем-то вроде целой шеренги водевильных шалунов, которые пожаловали к нам повертеться из парижских театров. Он сделался просто обыкновенным вралем, – бледное лицо, в продолжение двух столетий являющееся в одном и том же костюме. <...> ...Хлестаков вышел детская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.

С самого начала представления пьесы я уже сидел в театре скучный. О восторге и приеме публики я не заботился. Одного только судьи из всех бывших в театре я боялся, – и этот судья был я сам. Внутри себя я слышал упреки и ропот против моей же пьесы, которые заглушали все другие. А публика вообще была довольна. Половина ее приняла пьесу даже с участием: другая половина, как водится, ее бранила, по причинам, однако ж, не относящимся к искусству. <...>

Вообще с публикою, кажется, совершенно примирил "Ревизора" городничий. В этом я был уверен и прежде, ибо для таланта, каков у Сосницкого, ничего не могло остаться необъясненным в этой роли. Я рад, по крайней мере, что доставил ему возможность выказать во всей широте талант свой, об котором уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются так щедро рукоплесканиями во вседневных водевилях и прочих забавных пьесах. На слугу тоже надеялся, потому что заметил в актере[15] большое внимание к словам и замечательность. Зато оба наши приятели, Бобчинский[16] и Добчинский[17], вышли, сверх ожиданий, дурны. Хотя я и думал, что они будут дурны, ибо, создавая этих двух маленьких человечков, я воображал в их коже Щепкина и Рязанцева, но все-таки я думал, что их наружность и положение, в котором они находятся, их как-нибудь вынесет и не так обкарикатурит. Сделалось напротив: вышла именно карикатура. Уже пред началом представления, увидевши их костюмированными, я ахнул. Эти два человечка, в существе своем довольно опрятные, толстенькие, с прилично приглаженными волосами, очутились в каких-то нескладных, превысоких седых париках, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, с выдернутыми огромными манишками; а на сцене оказались до такой степени кривляками, что просто было невыносимо. Вообще костюмировка[18] большей части пьесы была очень плоха и бессовестно карикатурна. Я как бы предчувствовал это, когда просил, чтоб сделать хоть одну репетицию в костюмах; но мне стали говорить, что это вовсе не нужно и не в обычае и что актеры уж знают свое дело. Заметивши, что цены словам моим давали не много, я оставил их в покое. Еще раз повторяю: тоска, тоска! Не знаю сам, отчего одолевает меня тоска.

Во время представления я заметил, что начало четвертого акта[19] холодно; кажется, как будто течение пьесы, дотоле плавное, здесь прервалось или влечется лениво. Признаюсь, еще во время чтения сведущий и опытный актер сделал мне замечание, что не так ловко, что Хлестаков начинает первый просить денег взаймы и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замечание довольно тонкое, имеющее свои справедливые стороны, я, однако же, не видел причины, почему Хлестаков, будучи Хлестаковым, не мог попросить первый. Но замечание было сделано; "стало быть, – сказал я сам себе, – я плохо выполнил эту сцену". И точно, теперь, во время представления, я увидел ясно, что начало четвертого акта бледно и носит признак какой-то усталости. Возвратившись домой, я тот же час принялся за переделку. Теперь, кажется, вышло немного сильнее, по крайней мере, естественнее и более идет к делу. Но у меня нет сил хлопотать о включении этого отрывка в пьесу. Я устал; и как вспомню, что для этого нужно ездить, просить и кланяться, то Бог с ним, – пусть лучше при втором издании или возобновлении "Ревизора".

Еще слово о последней сцене. Она совершенно не вышла. Занавес закрывается в какую-то смутную минуту, и пьеса, кажется, как будто не кончена. Но я не виноват. Меня не хотели слушать. Я и теперь говорю, что последняя сцена не будет иметь успеха до тех пор, пока не поймут, что это просто немая картина, что все это должно представлять одну окаменевшую группу[20], что здесь

оканчивается драма и сменяет ее онемевшая мимика, что две-три минуты должен не опускаться занавес, что совершиться все это должно в тех же условиях, каких требуют так называемые *живые картины*. Но мне отвечали, что это свяжет актеров, что группу нужно будет поручить балетмейстеру, что несколько даже унизительно для актера, и пр., и пр., и пр. Много еще других *прочих* увидел я на минах, которые были досаднее словесных. <...> Я устал и душою и телом. Клянусь, никто не знает и не слышит моих страданий. Бог с ними со всеми; мне опротивела моя пьеса. Я хотел бы убежать теперь Бог знает куда, и предстоящее мне путешествие, пароход, море и другие, далекие небеса могут одни только освежить меня. Я жажду их, как Бог знает чего».

2 ноября (н. ст.) 1846 г. в письме к И. И. Сосницкому Гоголь добавлял: «Из заключительной пиесы "Развязка Ревизора" вы постигнете, почему я так хлопочу об этой последней сцене и почему мне так важно, чтобы она имела полный эффект. Я уверен, что вы взглянете сами другими глазами на "Ревизора" после этого заключения, которого мне, по многим причинам, нельзя было тогда выдать и только теперь возможно»[21].

В мае 1836 г. Г. С. Аксаков писал родным: «О "Ревизоре" слышал, что эта пьеса была принята отлично; автор был вызван; но также слышал, что в ней много простонародных бранных слов, что не совсем приятно»[22].

Позднее в «Истории нашего знакомства с Гоголем...» Аксаков сообщал: «На сцене комедия имела огромный успех, но в то же время много наделала врагов Гоголю. Самые злонамеренные толки раздавались в высшем чиновничьем круге и даже в ушах самого Государя»[23].

31 мая 1836 г. Ф. Ф. Вигель писал М. Н. Загоскину: «Я переехал на дачу и пользуюсь искус<с>твенными минеральными водами; поэтому и не мог быть на представлении Недовольных; мне сказывали, что пьеса принята хорошо и это меня удивило. Более всего у нас шуму делает раек во время представления пиесы и первые ряды кресел и первый ярус лож после представления, а как ваша Комедия написана не для райка и против лож и первых кресел, то я и полагал, что одни ее не поймут, а другие рассердятся; но видно прочие места в Театре были на сей раз наполнены.

То ли дело Ревизор; читали ли вы сию Комедию? видели ли вы ее? я ни то, ни другое, но столько о ней слышал, что могу сказать, что издали она мне воняла. Автор выдумал какую-то Россию и в ней какой-то городок, в который свалил он все мерзости, которые изредка на поверхности настоящей России находятся: сколько накопил он плутней, подлостей, невежества! Я, который жил и служил в Провинциях, смело называю это Клеветой в пяти действиях. А наша-то чернь хохочет; а нашим-то боярам и любо; все эти праздные трутни, которые далее Петербурга и Москвы России не знают, половину жизни проводят за границей, которые готовы смешивать с грязью и нас, мелких дворян, и чиновников, и всю нашу Администрацию, они в восторге от того, что приобретают новое право презирать свое Отечество и, указывая на сцену, говорят: вот ваша Россия. Безумцы!»[24]

Князь П. А. Вяземский в 1836 г. в статье, посвященной «Ревизору», писал[25]: «Комедия сия имела полный успех на сцене: общее внимание зрителей, рукоплескания, задушевный и единогласный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздавшийся после в повсеместных разговорах, — ни в чем не было недостатка»[26].

М. Н. Лонгинов в 1854 г. вспоминал: «Когда сыгран был в начале 1836 года "Ревизор", все мы в Лицее нетерпеливее обыкновенного ожидали праздников, чтобы видеть эту превосходную комедию; это было тем труднее, что в Петербург отпускали нас только на Святки, на четыре последние дня Масленицы и на Пасху»[27].

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Хлопотливость автора во время постановки своей пьесы, казавшаяся странной, выходящей из всех обыкновений и даже, как говорили, из всех приличий, горестно оправдалась водевильным характером, сообщенным главному лицу комедии[28], и пошло карикатурным, отразившимся в других. Гоголь прострадал весь этот вечер.

Мне, свидетелю этого первого представления, позволено[29] будет сказать – что изображала сама зала театра в продолжение 4-х часов замечательнейшего спектакля, когда-либо им виденного. Уже после первого акта недоумение было написано на всех лицах (публика была избранная в полном смысле слова), словно никто не знал, как должно думать о картине, только что представленной. Недоумение это возрастало потом с каждым актом. Как будто находя успокоение в одном предположении, что дается фарс, – большинство зрителей, выбитое из всех театральных ожиданий и привычек, остановилось на этом предположении с непоколебимой решимостию. Однако же в этом фарсе были черты и явления, исполненные такой жизненной истины, что раза два, особенно в местах наименее противоречащих тому понятию о комедии вообще, которое сложилось в большинстве зрителей, раздавался общий смех. Совсем другое произошло в четвертом акте: смех по временам еще перелетал из конца залы в другой, но это был как<ой>-то робкий смех, тотчас же и пропадавший; аплодисментов почти совсем не было; зато напряженное внимание, судорожное, усиленное следование за всеми оттенками пьесы, иногда мертвая тишина показывали, что дело, происходившее на сцене, страстно захватывало сердца зрителей. По окончании акта прежнее недоумение уже переродилось почти во всеобщее негодование, которое довершено было пятым актом. Многие вызывали автора потом за то, что написал комедию, другие за то, что виден талант в некоторых сценах, простая публика за то, что смеялась, но общий голос, слышавшийся по всем сторонам избранной публики, был: "это невозможность, клевета и фарс". По окончании спектакля Гоголь явился к Н. Я. П<рокопови>чу в раздраженном состоянии духа. Хозяин вздумал поднесть ему экземпляр "Ревизора", только что вышедший из печати[30], со словами: "Полюбуйтесь на сынку". Гоголь швырнул экземпляр на пол, подошел к столу и, опираясь на него, проговорил задумчиво: "Господи Боже! Ну, если бы один, два ругали, ну и Бог с ними, а то все, все..."»[31]

Из воспоминаний Р. М. Зотова 1859 г.: «Говорят, что [высокое лицо, бывшее] император Николай I, бывший в первом представлении комедии, [сказало] сказал, уезжая: "тут всем досталось, а мне больше всех!"[32] Это означало, что великая и историческая эта особа, тридцать лет трудившаяся о искоренении в России взяточничества, с сокрушением видела, однако же, что еще не вполне успела достигнуть цели»[33].

В 1860 г. И. И. Панаев вспоминал: «Когда появился Гоголь с своим "Ревизором" и ввел впервые на сцену жизнь без всяких сентиментальных, реторических и других прикрас, жизнь действительную во всей беспощадной, неумолимой и изобличительной наготе – актеры, зрители и литераторы ахнули... <...> Страшный гвалт поднялся со всех сторон. Я как сейчас вижу перед собою, после представления "Ревизора", автора "Руки Всевышнего", "Шуйского", "Роксоланы" и прочего, окруженного толпою бесчисленных поклонников (у него были тогда бесчисленные поклонники!). Поклонники г. Кукольника, озадаченные произведением Гоголя, спрашивали у своего учителя:

– Ну что? Какого вы мнения о новой пиесе?

И я как теперь слышу его слова, произнесенные свойственным ему доктринерским тоном:

– В Гоголе много таланта, бесспорно; но пиеса его жалкий фарс, не только недостойный искусства, но оскорбляющий его...

И автор «Роксоланы» глубоко вздохнул за униженное автором "Ревизора" искусство»[34].

Из «Литературных воспоминаний» Панаева (1860–1861): «В обществе неопределенно и смутно уже чувствовалась потребность нового слова и обнаруживалось желание, чтобы литература снизошла с своих художественных изолированных высот к действительной жизни и приняла бы хоть какое-нибудь участие в общественных интересах. Художники и герои с реторическими фразами всем страшно прискучили. Нам хотелось видеть человека, а в особенности *русского человека.* И в эту минуту вдруг является Гоголь, огромный талант которого первый угадывает Пушкин своим художественным чутьем и которого уже совсем не понимает Полевой, на которого еще все смотрели в то время как на передового человека.

«Ревизор» Гоголя имел успех колоссальный, но в первые минуты этого успеха никто даже из самых жарких поклонников Гоголя не понимал вполне значения этого произведения и не предчувствовал, какой огромный переворот должен совершить автор этой комедии. Кукольник после

представления «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта в Гоголе, замечал: "А все-таки это фарс, недостойный искусства"»[35].

Бывшая жена Панаева (с 1839 г.), Авдотья Яковлевна, дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева) (во втором браке (с 1865 г.) Головачева), в 1889 г. вспоминала: «В. И. Панаев <дядя И. И. Панаева> не признавал современную литературу; по его мнению, Гоголю надо было запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет тем же запахом, как от лакея Чичикова. Он приходил в ужас от того, что "Ревизора" дозволили играть на сцене. По его мнению, это была безобразная карикатура на администрацию всей России, которая охраняет общественный порядок, трудится для пользы отечества, и вдруг какой-то коллежский регистраторишка[36] дерзает осмеивать не только низший класс чиновников, но даже самих губернаторов. В. И. Панаев занимал видное место по службе, был в генеральском чине, считал себя очень важным лицом в администрации и очень заботился о сохранении почета, который обязаны оказывать таким лицам»[37].

В 1877 г. А. И. Вольф сообщал: «Первое представление ее состоялось на Александринском театре 22-го <19-го> апреля 1836 г. Зала наполнилась блистательнейшею публикою, вся аристократия была налицо, зная, что Государь обещал быть в театре. Роли распределили как нельзя лучше: Сосницкий играл городничего, Сосницкая – жену его, Асенкова – дочь, Дюр – Хлестакова, Афанасьев – Осипа, Каратыгин 2[38] – Тяпкина-Ляпкина, Толченов – Землянику, Гусева – Пошлепкину, Сосновский – Абдулина. Прочие роли, в том числе Добчинского и Бобчинского <роли исполняли В. В. Крамолей (Прусаков) и А. Петров>, розданы были второстепенным артистам, имен коих не помню. Успех был колоссальный. Публика хохотала до упаду и осталась очень довольною исполнителями. Государь, уезжая, сказал: "Тут всем досталось, а более всего мне". Несмотря на то запрещения комедии не последовало, и она игралась беспрестанно»[39].

А. О. Смирнова в своих записках 1880–1881 гг. «Биография Александры Осиповны Чаграновой», написанных в форме диалогов с ее знакомым, дипломатом Н. Д. Киселевым, писала: «Гоголь – автор романа "Мертвые души" и малороссийских сказок[40]. Пушкин от них в восторге. Еще есть комедия под названием "Городничий"[41], в ней выставлены на вид наши взяточничества... <...> Государь <...> сам приехал в театр <на первое представление>, постоянно аплодировал и смеялся. В партере были все первые чины, многие в душе морщились, но ваш брат Павел Дмитриевич <Киселев>[42], граф Нессельрод[43] и двое Горчаковых веселились от души, за ними не водятся эти грешки. <...>

На этом представлении император был в эполетах, партер блистал мундирами и орденами; министры и Павел <Киселев> в первую очередь должны были аплодировать, когда аплодировал государь, хлопавший, высовываясь из ложи наружу. Хохотали, а Павел больше других, так как ему не в чем было себя упрекнуть. Я не была на этом первом представлении, думаю, что я была в Берлине. <...>

Государь <...> сам приехал в театр в маленькую ложу в эполетах. Хохот был постоянный, государь сам начинал аплодировать и более других смеялся. В первом ряду партера сидели тузы, ваш брат <П. Д. Киселев>, двое Горчаковых, Владимир Федорович Адлерберг[44], Нессельрод, люди чистые и честные смеялись от души, остальной партер громко хохотал, но были такие, кто смеялся принужденно»[45].

В 1893 г. дочь Смирновой Ольга Николаевна также сообщала: «Уверяют, что Государь сказал после представления "Ревизора": "Всем досталось, а мне больше всех", – что, однако, не помешало пиесе удержаться в репертуаре, несмотря на все усилия, какие делались, чтобы добиться запрещения, и невзирая на ярость критиков»[46].

В 1881 г. князь А. И. Урусов, со слов А. А. Краевского, сообщал: «Первое представление "Ревизора" было в Александринском театре, 19-го апреля 1836 года, <...> в обыкновенный, не бенефисный спектакль. Театр был полон. Вся петербургская интеллигенция была в сборе. В партере, между прочим, сидел И. А. Крылов, никогда не бывавший в театре[47]. На вызовы автора Гоголь не

вышел. Его не оказалось в театре. Волнуемый новыми для него ощущениями, он в тот же вечер заезжал к знакомым, был у Плетнева, не застал его, поехал к другому (сообщ. г. К<раевский>). <...>

В исполнении "Ревизора", как он идет теперь на Александринском театре, несомненно, заметен некоторый прогресс. На первом представлении 1836 г., рассказывал мне г. К<раевский>, (или на генеральной репетиции?) Гоголь сам распорядился вынести роскошную мебель, поставленную было в комнаты городничего, и заменил ее простою мебелью, прибавив клетки с канарейками и бутыль на окне. Осип был наряжен в ливрею с галунами. Гоголь снял замасленный кафтан с ламповщика и надел его на актера, игравшего Осипа[48]. С тех пор этот кафтан и стал традиционным. Теперь обстановка, игра – как-то яснее стали. Поняли необходимость соблюдения исторического колорита. Обратили внимание на верность костюмов»[49].

В 1883 г. сын П. А. Каратыгина П. П. Каратыгин свидетельствовал: «Единственным верным и справедливым ценителем комедии Гоголя был покойный император Николай Павлович. Приехав неожиданно в театр, он пробыл до окончания пьесы, от души смеялся и выходя из ложи сказал:

– Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!

(Эти слова покойный <П. А.> Каратыгин, в числе некоторых других артистов, сам слышал, находясь за кулисами, при выходе государя из ложи на сцену.)

Эти слова были как бы сетованием блюстителя чести и величия России – на существование в ней Сквозников-Дмухановских, Ляпкиных-Тяпкиных и Хлестаковых, которые, к сожалению, не переводятся до сих пор»[50].

Актер Л. Л. Леонидов в 1888 г. также сообщал: «Государь, выходя из театра после первого представления "Ревизора", как известно, сказал:

– Всем досталось, а мне более всех!

Но исполнением был вполне доволен и велел благодарить артистов. Все отличившиеся получили от двора подарки; иные от дирекции прибавку к жалованью, а мой однокашник, игравший Бобчинского и пользовавшийся за эту роль особою высокою милостью, получил совершенно неожиданно сюрприз. В антракте одного из балетов Государь пожаловал на сцену и, заметив Петрова, вышедшего пофигурировать вперед, сказал:

– А! Бобчинский! Так так и сказать, что в таком-то городе живет Петр Иваныч Бобчинский?

– Точно так, Ваше Величество... – отвечал тот бойко.

– Ну, хорошо, будем знать, – заключил Государь, обратившись к другим присутствующим на сцене.

Училищное начальство, имеющее тонкие виды, даром, что далеко, намотало себе на ус, – почему Петров, получив отпуск домой по своим надобностям, очутился в балете, где он не занят; пригласило его к допросу и нашло, что от него разило винным запахом, который, вероятно, и соблазнил его повертеться на аван-сцене, с целью обратить на себя высочайшее внимание и доказать, что он хоть мало да удал! И сколько мы ни старались спасти его от предстоящего наказания, уверяя строгих карателей, словами судьи Ляпкина-Тяпкина: "Что это мамка его в детстве ушибла и с тех пор от него отдает немного водкой", – ничего не помогло, – его отпотчивали на закуску березовой кашей.

По окончании несносной церемонии, на которой должны были присутствовать все воспитанники для нравственного умозрения, – я, недовольный ее обыденностью, заявил окружающим:

– Все одно, розги да розги, этим при нынешнем образовании ничего не возьмешь.

– Как ты смеешь это говорить, – закричал на меня помощник управляющего.

– Это не мои слова, а Гоголя, – отвечал я.

– А вот я тебе задам гоголю-моголю, – сострил немец, – и я попал как кура во щи для товарищеского угощения.

И с этого времени Гоголь сделался для меня еще более незабвенным»[51].

В 1881 г. В. В. Стасов[52] вспоминал: «...Мы <...> крепко любили Пушкина, а статья Гоголя в "Арабесках" <"Несколько слов о Пушкине"> и восторженные декламации Оголина[53] скоро укрепили нас еще сильнее в нашем обожании той жизненной правды, той близости к настоящей, всем нам известной жизни, в восхищении красотой стихов. <...> Но Гоголя мы полюбили еще гораздо больше, и тут уже у нас было (наверно, как и в

доброй половине России) настоящее маленькое помешательство. Первое, что я прочитал из Гоголя, это была "Повесть о том, как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем", напечатанная в "Новоселье"[54], сборнике, составившемся из статей лучших тогдашних писателей, по поводу переезда книгопродавца Смирдина в новый магазин[55]. Вот где можно сказать, что новое поколение подняло великого писателя на щитах с первой же минуты его появления. Тогдашний восторг от Гоголя – ни с чем несравним. Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще неизвестный никому юмор – все это действовало просто опьяняющим образом. С Гоголя водворился на России совершенно новый язык; он нам безгранично нравился своей простотой, силой, меткостью, поразительною бойкостью и близостью к натуре. Все гоголевские обороты, выражения быстро вошли во всеобщее употребление. Даже любимые гоголевские восклицания: "чорт возьми", "к чорту", "чорт вас знает", и множество других, вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали. Вся молодежь пошла говорить гоголевским языком. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили от нее в такой же восторг, как и от его юмора. В начале же всех поразил, прежде всего остального, юмор его, с которым нам нельзя было сравнить ничего из всего, до тех <пор> нам известного. Мы раньше всего купили для нашего класса "Новоселье", и тотчас же толстый том был совершенно почти в клочках от беспрерывного употребления. Тогда не только в Петербурге, но даже во всей России было полное царство Булгарина, Греча и Сенковского. Но нас мало заинтересовали "Похождения квартального" Булгарина и "Большой выход <у> сатаны" Сенковского, появившиеся в этом томе. Ложный и тупой юмор Брамбеуса был нам только скучен, и мы только и читали, что "Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича"! Скоро потом купили два томика "Арабесок". Тут "Невский проспект", "Портрет" нравились нам до бесконечности, и я разделял общий восторг[56]. Не могу теперь сказать – как другие, но что касается до меня лично, то я был тогда в великом восхищении и от исторических статей Гоголя, напечатанных в "Арабесках". "Шлецер, Миллер и Гердер", "Средние века", "Мысли об изучении истории" – все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложения. Что, кабы нам на этот манер читали историю в классе, думал я сто раз, сравнивая статьи Гоголя с тою мертвечиною, тоской и скукой, какою нас угощали наши учителя под названием «истории», конечно и не подозревая, что у нас есть воображение, потребность жизни и пластичности. И, мне кажется, эти статьи не пропали даром. Они имели значительное влияние на отношение мое и моих товарищей к истории. Если б нашлись наши тогдашние тетради "сочинений", можно было бы увидать и прочесть там (как ни плохи и ни ординарны были наши детские эти "сочинения"), что, например, на тему русского учителя "О пользе истории" мы именно писали, под влиянием Гоголя, о том, как пластично и картинно надо изображать в наше время историю, оставив в стороне сухую номенклатуру королей и принцев. Я живо помню эти наши тогдашние сочинения, читанные нами один другому, раньше чем подать учителю. Статьи Гоголя – отрывки из его несостоявшихся лекций в университете. Принесли ли они пользу тогдашнему университету и студентам, того я не ведаю, но что они были, Бог знает, как дороги и полезны нам, в училище правоведения, если не всем, то многим – это верно. <...>

Некоторые из нас видели тогда тоже и "Ревизора" на сцене. Все были в восторге, как и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потом друг другу, подправляя и пополняя один другого, целые сцены, длинные разговоры оттуда. Дома или в гостях нам приходилось нередко вступать в горячие прения с разными пожилыми (а иной раз, к стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на нового идола молодежи и уверявшими, что никакой натуры у Гоголя нет, что это все его собственные выдумки и карикатуры, что таких людей вовсе нет на свете, а если и есть, то их гораздо меньше бывает в целом городе, чем тут у него в одной комедии. Схватки выходили жаркие, продолжительные, до пота на лице и на ладонях, до сверкающих глаз и глухо начинающейся ненависти или презрения, но старики не могли изменить в нас ни единой черточки, и наше фанатическое обожание Гоголя разрасталось все только больше и больше.

Из училищной библиотеки мы доставали, я помню, в те же самые времена "Бригадира" и "Недоросля", по совету гоголевских оппонентов из учителей или знакомых. Фонвизин нельзя сказать, чтоб нам не нравился, но при сравнении, насколько еще выше и блестящее выходил Гоголь! <...> Мне очень памятны пламенные схватки, доставшиеся на мою долю и происходившие по праздникам или на каникулах, всего чаще в доме у нашего родственника, старого архитектора Аничкина дворца, Дильдина[57]... <...> Там я встречал народ самый разнокалиберный и, в числе других, несколько учителей из штатских и военных заведений. Несмотря на значительное расстояние лет (все они были, по малой мере, втрое старше меня), я постоянно вел с ними жаркую войну, и оттого именно любил бывать в этом доме. Всего чаще моим врагом и оппонентом был некто Олимпиев, учитель русского языка и словесности в одной из гимназий, точно такой же смешной и отсталый педант, как наши училищные Георгиевский[58] и Кайданов[59], человек, никогда не ходивший в гости иначе как с орденом на шее и в белом галстуке. Господи, сколько у меня произошло с ним битв уже из-за одного Гоголя, в особенности за "Ревизора", за "Невский проспект", за всю его «вечную грязь и непристойность»! А тут еще вмешивался от времени до времени, за обедом или в антракте между кофеем и вистом, тот или другой из старших. Иные из них уже кое-что слыхали про Гоголя и даже, может быть, немножко читали его. Натурально, все были на стороне Олимпиева, – ведь он учитель, да и насколько же старше...»[60]

Сам Гоголь в «Авторской исповеди» писал о появлении «Ревизора» на сцене и в печати: «...Это, как известно, произвело потрясающее действие. Сквозь смех, который никогда еще во мне не появлялся в такой силе, читатель услышал грусть. Я сам почувствовал, что уже смех мой не тот, какой был прежде, что уже не могу быть в сочиненьях моих тем, чем был дотоле, и что самая потребность развлекать себя невинными, беззаботными сценами окончилась вместе с молодыми моими летами».

В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г., являющемся продолжением «Авторской исповеди» (предназначавшемся к публикации во втором (несостоявшемся) издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью»), Гоголь сообщал: «Представленье "Ревизора" произвело на меня тягостное впечатление. Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего. Душа требовала уединенья[61] и обдуманья строжайшего своего дела»[62].

[1] Имя автора не указано.

[2] Сходным образом «"Театральный разъезд после представления новой комедии" открывается в то время, как должен был начаться незначительный водевиль. <...> Так даже эта незначительная черта в *Разъезде* верна действительности» (*Тихонравов Н. С.* Первое представление «Ревизора» на московской сцене // Русская Мысль. 1886. Май. С. 84).

[3] <Объявление газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 19 апреля 1836 г. о премьере «Ревизора» в Александринском театре> // *Свод.* Т. 1. С. 824.

[4] Книга для наклейки афиш с означением дневных замечаний инспектора российской труппы <А. И. Храповицкого> // *Свод.* Т. 1. С. 825.

[5] Книга для наклейки афиш с означением дневных замечаний инспектора российской труппы <А. И. Храповицкого> // *Свод.* Т. 1. С. 825. См. также: Ежегодник Императорских театров. Сезон 1897–1898 гг. Ред. А. Е. Молчанов. СПб., 1899. С. 116–117. – Николай Осипович Дюр (1807 – 16 мая 1839), актер Александринского театра.

[6] ***1836. Апреля 24. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] *Теребенина Р. Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 266; *Свод.* Т. 3. С. 33.

[8] Петр Иванович Григорьев (1806 или 1807–1871), актер Александринского театра, водевилист. Исполнял роль Ляпкина-Тяпкина.

[9] *Свод.* Т. 1. С. 826.

[10] См. ***1836. Апреля 27. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[11] Записи о Гоголе в дневнике А. В. Никитенко // *Свод.* Т. 1. С. 727.

[12] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[13] По свидетельству Гоголя, письмо к Пушкину осталось неотправленным, так как поэт вскоре сам приехал в Петербург (см. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 25. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***).

[14] Герой комедии Н. И. Хмельницкого «Воздушные замки» (1818).

[15] Роль Осипа исполнял А. И. Афанасьев.

[16] Роль Бобчинского исполнял А. Петров.

[17] Роль Добчинского исполнял В. В. Крамолей.

[18] См. ***1836. Марта 28. Великая суббота. Санкт-Петербург.***

[19] «Изменение четвертого акта» (1–5 явления IV действия) Гоголь послал М. П. Погодину в марте 1841 г. (см. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***). В принадлежавшем Гоголю экземпляре первого издания «Ревизора» были вырезаны 1–3 явления IV действия; вместо них вклеены новые 1–5 явления, текст которых был переписан рукою В. А. Панова (см. ***1841. Февраль <января вторая половина – февраля средина>. Рим***). Это «изменение» составляет самое существенное исправление, отличающее окончательную редакцию комедии от текста 1836 г.

[20] Описание «окаменевшей группы» в последнем явлении «Ревизора» (отсутствовавшее в первоначальной редакции комедии) Гоголь выслал Н. Я. Прокоповичу 27 июля (н. ст.) 1842 г., с пояснением: «...Я совсем позабыл, что "Ревизор" без конца. Писец не разобрал примечания об немой сцене и оставил чистое место» (см. ***1842. Июля 29 <17>. Пятница. Гастейн***).

[21] См. ***1846. Ноября 2 <октября 21>. Понедельник. Ницца.***

[22] Гоголь в письмах Г. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 903.

[23] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 667.

[24] *Свод.* Т. 1. С. 840. См. также ***1836. Декабря 14 или 21 или 28. Суббота. Санкт-Петербург.***

[25] См. также ***1836. Мая 8. Пятница. Санкт-Петербург.***

[26] <*Вяземский П. А.*, князь> *В.* «Ревизор». Комедия. Соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836 // Современник, литтературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. 1836. Т. 2 (цензурное разрешение 30 июня). С. 309; *Свод.* Т. 1. С. 842.

[27] *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о Гоголе. (По поводу «Опыта» его биографии) // *Свод.* Т. 1. С. 647.

[28] Роль Хлестакова («главное лицо комедии») играл Н. О. Дюр. Ср. выше сходную оценку игры Дюра в гоголевском «Отрывке из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору».

[29] Вместо: «Мне, свидетелю этого первого представления, позволено», — в первом издании мемуаров 1857 г. было: «Свидетелю этого первого представления позволено». 16 августа (н. ст.) 1876 г. Анненков на вопрос М. М. Стасюлевича: «Были Вы сами на *первом* представлении "Ревизора"? Это у Вас не ясно», — отвечал: «Вот подите! Мне казалось, что не может быть и сомнения в том, что только очевидец способен рассказать так подробно физиономию публики в вечер первого представления "Ревизора", а затем еще и ночной чай в квартире Прокоповича, но, однако ж, вышло не ясно. Уясните это как-нибудь: я очень дорожу воспоминанием о знаменитом театральном вечере, на котором присутствовал вместе с императором Николаем Павловичем» (*Свод.* Т. 3. С. 540, 537–538).

[30] Отпечатанная книга (с цензурным разрешением от 13 марта 1836 г.) поступила в цензурный комитет 19 апреля 1836 г.; билет на выпуск книги из типографии был выдан цензором П. А. Корсаковым 20 апреля 1836 г. (см.: *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 597).

[31] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 437.

[32] См. также ***1836. Февраля после 21 – не позднее марта 2. Санкт-Петербург.***

[33] *Зотов Р. М.* Театральные воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 830.

[34] *Панаев И. И.* Петербургская жизнь. Заметки Нового Поэта // *Свод.* Т. 3. С. 278–279.

[35] *Панаев И. И.* Литературные воспоминания // *Свод.* Т. 3. С. 281.

[36] В. И. Панаев был непосредственным начальником Гоголя в Департаменте уделов, где начинающий писатель служил с апреля 1830 по март 1831 г. и где 3 июня 1830 г. был утвержден в чине коллежского регистратора (см. ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург***; ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург***). Отдельными чертами В. И. Панаева Гоголь, возможно, воспользовался при создании образа «значительного лица» в «Шинели» (см.: *Виноградов 2000.* С. 252).

[37] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод.* Т. 3. С. 289.

[38] Роль Ляпкина-Тяпкина на премьере «Ревизора» исполнял П. И. Григорьев (см. выше его письмо к Ф. А. Кони). П. А. Каратыгин стал исполнять эту роль с четвертого представления комедии, 28 апреля 1836 г. (см. ***1836. Апреля 28. Вторник. Санкт-Петербург***).

[39] *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года // *Свод.* Т. 1. С. 829.

[40] Имеются в виду «Вечера на хуторе близ Диканьки». Многими современниками они были восприняты именно как переложение украинских народных сказок (см. ***1831. Сентября 10. Четверг. Санкт-Петербург*** – примечания).

[41] «Ревизор».

[42] Старший брат дипломата Николая Дмитриевича Киселева (1800–1869) Павел Дмитриевич Киселев (1788–1872), граф (с 1839 г.), министр государственных имуществ.

[43] Граф Карл Васильевич (Карл Роберт) Нессельроде (1780–1862), государственный канцлер (с 1844), министр иностранных дел (с 1814 по 1856).

[44] Граф Владимир (Эдуард) Федорович Адлерберг (1792–1884), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, начальник Военно-Походной Канцелярии Императора и член Военного Совета.

[45] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 282, 287, 290. См. также: *Свод.* Т. 2. С. 275.

[46] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 341.

[47] «...Последнее сообщение нельзя считать достоверным в виду данных, сообщенных в дневнике П. А. Каратыгина и в некоторых других источниках (см. Зап. Каратыгина, "Летопись Русского театра" <П. Н.> Арапова, стр. 211 и "Биографию И. И. Сосницкого, артиста Императорского театра" (брошюра). С.-Петербург, 1861, стр. 8)» (*Шенрок.* Т. 3. С. 31–32).

[48] Сведения, сообщенные А. А. Краевским, недостоверны, поскольку противоречат данным монтировки первой постановки «Ревизора» на сцене Александринского театра в 1836 г. (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 615–624).

[49] *Урусов А. И., князь.* Театр. Заметки и наблюдения // *Свод.* Т. 1. С. 806.

[50] *Каратыгин П. П.* Портрет Гоголя, рисованный П. А. Каратыгиным // *Свод.* Т. 1. С. 834.

[51] Воспоминания Л. Л. Леонидова // *Свод.* Т. 1. С. 835.

[52] Владимир Васильевич Стасов (1824–1906), критик; в 1836 г. поступил в только что открытое Императорское Училище правоведения.

[53] Александр Степанович Оголин (род. в 1821), соученик В. В. Стасова по Училищу правоведения; чиновник Департамента юстиции, впоследствии сенатор.

[54] Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. (Одна из неизданных былей Пасечника рудаго Панька) // Новоселье. (Альманах). Издатель А. Ф. Смирдин. СПб., 1834. Ч. 2 (цензурное разрешение 29 дек. 1833). С. 479–569.

[55] См. ***1832. Февраля 19. Пятница. Санкт-Петербург.***

[56] В свою очередь, В. П. Бурнашев, вспоминая о своих посещениях в 1836–1839 гг. петербургского Удельного земледельческого училища, писал: «...Из всех книг и книжечек, подаренных мною в течение всех годов моих "неофициальных" сношений с воспитанниками, *Вечера на хуторе близ Диканьки* и *Тарас Бульба* бессмертного Гоголя им наиболее нравились, даже больше *Бурсака* Нарежного, *Юрия Милославского* Загоскина, *Солдатской переписки* Скобелева и моего *Старосты Мирона Иванова...*» (*<Бурнашев В. П.> Петербургский старожил.* Воспоминания об эпизодах из моей частной и служебной деятельности (1834–1850) // Русский Вестник. 1872. № 9. С. 118–119).

[57] Захар Федорович Дильдин, архитектор.

[58] Петр Егорович Георгиевский (1791–1852), профессор русской словесности в Царскосельском лицее, с 1835 г. – в Училище правоведения.

[59] Иван Кузьмич Кайданов (1782–1843), профессор истории Царскосельского лицея и затем в Училище правоведения; автор учебников по истории.

[60] *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 366–368.

[61] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт*** (примечания).

[62] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

АПРЕЛЯ 22. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Второе представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

На афише второго представления А. И. Храповицкий записал: «Все играли отлично. Вызваны: автор, Сосницкий, Дюр и громогласно Афанасьев, который играл гениально»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] Ежегодник Императорских театров. Сезон 1897–1898 гг. Ред. А. Е. Молчанов. СПб., 1899. С. 117.

АПРЕЛЯ 18–24. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет А. С. Пушкину:

«Я взял у Гоголя три книжки <"Современника">: 1 Дмитриеву[1], 1 Г. Бобринскому <...>, 1 Смирновой»[2].

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 845.

[1] См. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] См. ***1836. Мая 4. Понедельник. Берлин.*** – Ранее, 29 февраля 1836 г., А. О. Смирнова писала князю П. А. Вяземскому из Берлина: «Я подписываюсь на "Современник" и прошу вас выслать мне его» (А. С. Пушкин: Новонайденные его сочинения; Его черновые письма; Письма к нему разных лиц; Биографические и критические статьи о нем / <Собр. П. И. Бартенев>. Вып. 2. К биографии А. С. Пушкина. М., 1885. С. 62).

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 23[1]. МОСКВА

К. С. Аксаков[2] пишет брату Григорию в Петербург:

«Вчера же поутру приехал к нам Михаил Семеныч[3] с письмом от Сосницкого[4], который пишет[5], что была играна в Петербурге комедия Гоголя "Ревизор", с блистательным успехом <...> Ты также

принимаешь участие в делах искусства, — итак, изволь собрать сведения об этой комедии, о ее представлении, о Гоголе, и напиши обо всем этом к нам в Москву[6]. Мы надеемся, что Гоголь будет сюда»[7].

[1] См.: *Гриц*. С. 212.
[2] Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860), публицист, критик, поэт, историк, лингвист.
[3] Щепкин.
[4] И. И. Сосницкий.
[5] Письмо не сохранилось.
[6] См. ответное письмо Г. С. Аксакова от начала мая 1836 г. из Санкт-Петербурга (***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***).
[7] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод*. Т. 2. С. 785.

АПРЕЛЯ 24. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Третье представление «Ревизора» в Александринском театре[1]. На спектакле присутствовали Император Николай I, Императрица Александра Феодоровна с Наследником Александром Николаевичем и великими княжнами Ольгой, Александрой и Марией Николаевнами, а также военный министр граф А. И. Чернышев, министр финансов граф Е. Ф. Канкрин и А. В. Никитенко[2].

На афише третьего представления А. И. Храповицкий записал: «Государь с Императрицею и всею Фамилиею изволили быть. Вызваны: Сосницкий и Дюр»[3].

В тот же день князь П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу:

«“Ревизор” сыгран и отпечатан. Посылаю его также в Берлин. Успех был блистательный и замечательный. Толков много»[4].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.
[2] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[3] Ежегодник Императорских театров. Сезон 1897–1898 гг. Ред. А. Е. Молчанов. СПб., 1899. С. 117.
[4] Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод*. Т. 1. С. 846.

АПРЕЛЯ 25. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По Высочайшему повелению актерам И. И. Сосницкому и Н. О. Дюру, игравшим в «Ревизоре» Городничего и Хлестакова, выданы подарки (табакерки) в восемьсот рублей, а исполнителю роли Осипа — А. И. Афанасьеву, в семьсот рублей.

«Высочайше повелено дать подарки российским актерам за представление комедии Ревизора. Сосницкому и Дюру перстни по 800 р<ублей> каждому и Афанасьеву в 700 р<ублей>, которые и послать к г-ну Гедеонову для вручения».

<Из официальной переписки о постановке «Ревизора»> // *Свод*. Т. 1. С. 816.

АПРЕЛЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь виделся с А. В. Никитенко[1] и подарил ему первое издание «Ревизора» (СПб., 1836), с надписью:

«Александру Василье<вичу> Никитенко. От Гоголя».

Около того же времени Гоголь подарил экземпляр «Ревизора» актеру Н. О. Дюру, с надписью:

«Николаю Осиповичу Дюру от Автора».

Возможно, в те же дни Гоголь подарил экземпляр печатного издания комедии дяде И. Д. Халчинского, Ф. Л. Халчинскому, с надписью:

«Федору Лаврентьевичу Халчинскому. От Автора».

В этот же день, 27 апреля 1836 г., В. А. Каратыгин сообщал Ф. А. Кони:

«В числе наших новостей, которые вы, без сомнения, любопытствуете знать, есть 1-е) отставка Зотова (гнездившегося при театре 25 лет) за вызов на дуэль Гедеонова, 2-е) Комедия Ревизор, соч. Гоголя. Публика бегает смотреть и восхищается, что же касается до достоинства ее, то она есть печатная – прочтите и судите!»[2]

В тот же день в газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» было напечатано объявление:

«Новая книга. Ревизор, комедия в пяти действиях, сочинение Н. Гоголя. 1836 года. Цена 5-ть рублей, за пересылку в города 1 руб<ль>.

Перед сим изданные сочинения *Гоголя* продаются по следующим ценам:

1-е) *Вечера на хуторе близь Диканьки*, повести в 2-х частях 1835 года <так в источнике>. Цена 12 руб<лей>.

2-е) *Миргород* – повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки, в 2-х частях 1835 года. Цена 12 р<ублей>.

3-е) *Арабески* – повести и разные сочинения, в 2-х частях 1835 года. Цена 12 руб<лей>.

За пересылку в города прилагается за каждое звание за два фунта <так в источнике>.

Продаются в книжном магазине И. Т. *Лисенкова*, под № 3-м в 4-м, в доме Пажеского Его Императорского Величества Корпуса, против Гостиного двора»[3].

[1] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] *Свод.* Т. 1. С. 827.

[3] Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1836. 27 апреля. № 104. С. 415. – См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 28. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Четвертое представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

«...Про четвертое представление (28-го апреля), в котором явилось большинство новых исполнителей, заменивших первоначальных, <...> <инспектор российской труппы А. И. Храповицкий в "Книге для наклейки афиш с означением дневных замечаний..." записал>: "Григорьев б.[2] был несколько слабее Сосницкого, Максимов[3] и Дюр – между ними была почти незаметная разница, <П. А.> Каратыгин м. понял свою роль[4] и был в оной выше Григорьева б., но Бобчинский и Добчинский (Мартынов и Прохоров) – несравненно выше своих предшественников[5]. Весьма слабый

вызов заслужили Григорьев б. и Максимов; впрочем, так как окончание пьесы самое сухое (sic), то и прежние вызовы были подобные сему"»[6].

Дочь петербургского актера Я. Г. Брянского (Григорьева), А. Я. Головачева, в 1889 г. вспоминала: «После смерти Дюра[7] Максимову дали роль Хлестакова; он явился к отцу, чтобы тот его прослушал.

Когда Максимов прочел свою роль, отец сказал ему:

– В глупом водевиле кривлянье нехорошо, а в такой комедии актера надо высечь. Ты запомни это»[8].

В 1877 г. А. И. Вольф сообщал: «В следующие представления Максимов чередовался с Дюром в роли Хлестакова, и был чуть ли не лучше его. Сцена вранья после обеда передавалась им великолепно»[9].

[1] *Ельницкая 1978*. С. 305.

[2] П. И. Григорьев, исполнявший на первых трех спектаклях роль Ляпкина-Тяпкина, на четвертом представлении играл, вместо И. И. Сосницкого, Городничего.

[3] Алексей Михайлович Максимов (Максимов 1-й) (1813–1861), актер Александринского театра.

[4] Роль Ляпкина-Тяпкина.

[5] А. Петрова и В. В. Крамолея (Прусакова).

[6] Ежегодник Императорских театров. Сезон 1897–1898 гг. Ред. А. Е. Молчанов. СПб., 1899. С. 117.

[7] См. ***1839. Мая 16 <28>. Вторник. Санкт-Петербург***.

[8] Воспоминания А. Я. Головачевой // *Свод*. Т. 3. С. 288.

[9] *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года // *Свод*. Т. 1. С. 829.

АПРЕЛЯ 28. ВТОРНИК. МОСКВА

М. С. Щепкин отправляет в Петербург ответное[1] письмо И. И. Сосницкому:

«Пришли мне с первой почтой комедию "Ревизор"; здесь до сих пор нет в к<нижных> лавках. Комиссию твою я охотно готов исполнить, но против обыкновения, дружок, ты неаккуратно написал, ты пишешь, чтобы послать 4 фу<нта> хорошенького чаю, но ведь чай есть Маюкон, цветочный и Сквозник[2], и всех сих сортов бывают хорошие и похуже, и потому я не знаю, какого выслать. <...> Ожидаю от тебя удовлетворительного ответа и тот же час вышлю в Великие Луки...»[3]

[1] См. ***1836. Апреля после 23. Москва***.

[2] Сквозник (часть фамильного прозвища Городничего в «Ревизоре») – «хитрый, зоркий умом, проницательный человек, пройда, пройдоха, опытный плут и пролаз» (словарь В. И. Даля); здесь: сорт чая. Примечательно, что о посылке Щепкиным, по просьбе Сосницкого, чая в Великие Луки (возможно, чая сорта «сквозник», или «сквозный») Гоголь был извещен (см. ***1836. Мая 26. Вторник. Москва***; ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***). Чай этого сорта упоминается в черновой редакции первого тома «Мертвых душ», где помещица Коробочка говорит Чичикову: «...А что ж вы переворотили чашку. Ведь это сквозник по 10 рублей фунт. Выкушайте, батюшка, чашечку. Я нарочно приготовила покрепче». Возможно, и само фамильное прозвище своего будущего героя – Сквозника-Дмухановского – Гоголь «подслушал» во время своего пребывания проездом в Москве либо в июле или октябре 1832 г., либо в мае или августе 1835 г.

(См. одно из рекламных объявлений, приложенное к № 85 «Московских Ведомостей» от 22 октября 1832 г.: «Имею честь известить сим всех высокопочтеннейших иногородных Особ, что на сих днях получена мною с Нижегородской Макарьевской ярмарки отличнейшая партия разных сортов Китайских чаев, как то: черных обыкновенных, полуторных в бумаге, сквозных, цветочных, лянсинных, белых, душистых, Ханских и Ароматических букетных, равно и зеленых... <...> Магазины мои состоят здесь, в Санктпетербурге. <...> *<Подпись:> Михайла Барсуков*». Далее в «Прейс-куранте вновополученным Китайским чаям, продающимся в магизинах Михайла Барсукова» сообщалось: «Черные чаи. <...> Фамильной, настоящий Маюкон-дзи. Цена за фунт 7 рублей. Сковзной, именуемый Хы-син-чень тюмы. Цена за фунт 8 рублей. <...> Цветочной, именуемый Юн-сун-чо-Дзи. Цена за фунт 9 рублей <и пр.>». См. также рекламное объявление в № 35 «Московских Ведомостей» от 1 мая 1835 г.: «В магазине Китайских чаев Михайлы Иванова Бостанжогло, на Никольской улице

в собственном доме под № 9, поступили чаи нового привоза, отличной доброты... <...> Чаи цветочные. Лянсин мыюкон китайской укладки весом 4 фун<та>, за ящик 75 руб<лей>. <...> Байховый сквозник – 9 руб<лей> <за фунт>»; С. 1745.) См. также ***1834. Февраля конец – марта начало. Санкт-Петербург.***

Беседы в 1832 г. в Москве с Аксаковым нашли отражение в гоголевских «Женихах», «Вии», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (см. ***1832. Июля 2. Суббота. Москва***). Со Щепкиным в 1832 г. Гоголь также сдружился, общался с ним и даже делился творческими планами (в частности, Гоголь познакомил тогда Щепкина с своей незавершенной комедией «Владимир 3-й степени»; см. ***1832. Октябрь 18–23. Вторник-воскресенье. Москва***); в 1835 г. Гоголь читал ему свою комедию «Женитьба» (см. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва***; ***1835. Августа около 27–28. Москва.*** – См. также ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург***).

[3] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 4.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 19 И 29. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет статью «Петербургская сцена в 1835–36 г.», с которой знакомит А. С. Пушкина.

Из «Материалов для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова (1855): «...Он <А. С. Пушкин> не мог быть вполне доволен всем содержанием Гоголя в эту эпоху его развития. От зоркости Пушкинского взгляда не могли укрыться и резкое, по временам, изложение мысли, и еще жесткое проявление силы, не покоренной искусством. И та и другая часто еще у Гоголя вырывались наружу помимо эстетических условий, ограничивающих и умеряющих их. Притом же Гоголь не обладал тогда и необходимою многосторонностию взгляда. Ему недоставало еще значительного количества материалов развитой образованности, а Пушкин признавал высокую образованность, как известно, первым, существенным качеством всякого истинного писателя в России. Но мысли свои о людях Пушкин высказывал чрезвычайно осторожно, ценя всего более лицевую сторону их жизни, как знаем. Наедине, однако ж, с особами, которым хотел показать признаки всей своей доверенности, он любил представлять образцы своего меткого определения характеров и наблюдательной способности. Отсюда и причина некоторых недоразумений как в отношении самого Гоголя, так и в отношении других его знакомых. Люди, слышавшие доверчивые его суждения, принимали их за нечто противоположное с теми, какие высказывал он перед светом, публично, когда собственно никакого противоречия между ними не существовало и одни не исключали других. Пишущий эти строки сам слышал от Гоголя о том, как рассердился на него Пушкин за легкомысленный приговор Мольеру: "Пушкин, – говорил Гоголь, – дал мне порядочный выговор и крепко побранил за Мольера. Я сказал, что интрига у него почти одинакова и пружины схожи между собой. Тут он меня поймал и объяснил, что писатель, как Мольер, надобности не имеет в пружинах и интригах, что в великих писателях нечего смотреть на форму и что куда бы он ни положил добро свое – бери его, а не ломайся"»[1].

Сообщаемое Анненковым свидетельство Гоголя о том, что Пушкин дал ему «выговор» в ответ на замечание об однообразии «интриги» у Мольера, перекликается с историей создания статьи Гоголя «Петербургские записки 1836 года». Первоначальная редакция первой части этой статьи носила название «Петербургская сцена в 1835–36 г.» и готовилась для публикации в пушкинском «Современнике» в период между 19 и 29 апреля 1836 г. (между днем премьеры «Ревизора»[2] и днем отъезда Пушкина из Петербурга[3]). Здесь встречается следующая характеристика Мольера: «...сам Мольер на сцене теперь длинен, со сцены скучен. Его план обдуман искусно, но он обдуман по законам старым...» Очевидно, именно за эти строки Гоголь и получил «выговор» от Пушкина, вследствие чего характеристика Мольера в окончательной редакции стала иной: «О Мольер, великий Мольер! ты, который так обширно и в такой полноте развивал свои характеры...»

Позднее рассказ о различном отношении Гоголя и Пушкина к сценическим принципам Мольера (более или менее объективно переданный Анненковым в «Материалах для биографии А. С. Пушкина») превратился под пером мемуариста в свидетельство полного незнания Гоголем

произведений французского драматурга. В «Воспоминаниях о Гоголе» (1857) Анненков заявлял: «...Он решительно ничего не читал из французской изящной литературы и принялся за Мольера только после строгого выговора, данного Пушкиным за небрежение к этому писателю»[4].

Произведения Мольера были знакомы каждому тогдашнему гимназисту со школьной скамьи. Комедии французского автора не раз ставились на сцене нежинского школьного театра, одним из организаторов и активных участников которого был Гоголь. Сам Гоголь упоминает о пьесах Мольера в письме к матери из Нежина от 26 февраля 1827 г. Содержание упомянутой статьи Гоголя и изменения, внесенные в нее после разговора с Пушкиным, не дают никаких оснований интерпретировать эту историю как свидетельство «недостатка <...> материалов развитой образованности» Гоголя, как это сделал Анненков уже в «Материалах для биографии А. С. Пушкина», и еще менее — допустить, будто Гоголь «решительно ничего не читал из французской изящной литературы», как заявил Анненков в «Воспоминаниях о Гоголе». Дело в том, что Анненкову статья «Петербургская сцена в 1835-36 г.» (опубликованная впервые лишь в 1896 г.) осталась неизвестна. В противном случае мемуарист, вероятно, воздержался бы от столь тенденциозных суждений, призванных подтвердить западнические суждения о Гоголе В. Г. Белинского[5].

Навязчивое стремление Анненкова во что бы то ни стало подтвердить тезис Белинского о «невежестве» Гоголя — при его гениальной «бессознательности» (тезис, открывавший дорогу к произвольным истолкованиям гоголевских произведений[6]), сказалось и в следующем утверждении мемуариста: «Также мало знал он и Шекспира (Гёте и вообще немецкая литература почти не существовали для него)...»[7]

В. В. Гиппиус по поводу этих слов Анненкова замечал: «По-видимому, сильно преувеличено. Гоголь не мог не иметь понятия о Гете, Шиллере, Тике, Гофмане, хотя бы по русским переводам; те же имена упоминаются в письмах и сочинениях Гоголя»[8].

«...Из всех имен иностранных поэтов и романистов, — продолжал Анненков, — было знакомо ему не по догадке и не по слухам одно имя — Вальтер Скотта. Зато и окружил он его необычайным уважением, глубокой почтительной любовью. Вальтер Скотт не был для него представителем охранительных начал, нежной привязанности к прошедшему, каким сделался в глазах европейской критики; все эти понятия не находили тогда в Гоголе ни малейшего отголоска и потому не могли задобривать его в пользу автора... Гоголь любил Вальтер Скотта просто с художнической точки зрения, за удивительное его распределение материи рассказа, подробное обследование характеров и твердость, с которой он вел многосложное событие ко всем его результатам. В эту эпоху Гоголь был наклонен скорее к оправданию разрыва с прошлым и к нововводительству...»[9]

Как показывает текстологический анализ, псевдо-свидетельство Анненкова о том, что Гоголь любил В. Скотта якобы «просто с художнической точки зрения», представляет собой простой пересказ характеристики Гоголем «драматического искусства» В. Скотта, а также Шиллера и Шекспира, в статье «Шлецер, Миллер и Гердер» (1834). По мнению Гоголя, историку, способному написать всемирную историю, необходимо владеть, помимо прочего, «высоким драматическим искусством» — искусством, состоящим «в драматическом интересе всего творения, который сообщил бы ему неодолимую увлекательность», и в умении «развивать крупные черты характеров в тесных границах», а также «занимательностью рассказа Вальтера Скотта и его умением замечать самые тонкие оттенки». Отсутствие в этой гоголевской статье какой-либо характеристики творчества В. Скотта с содержательной стороны дало Анненкову смелость утверждать, будто отношение Гоголя к шотландскому писателю — это лишь восхищение «художественным мастерством». Рассчитанное на то, что других свидетельств об отношении Гоголя к В. Скотту не существует, заявление Анненкова оказалось ошибочным. В той же статье «Петербургская сцена в 1835-36 г.», которая, как указывалось, была опубликована спустя девять лет после смерти Анненкова (и потому осталась неизвестной мемуаристу), сам Гоголь противопоставляет шотландского романиста писателям «отчаянно дерзким, какими производятся мятежи в обществах». Из этой статьи вполне определенно явствует, что уже «ранний» Гоголь вполне разделял взгляды критиков, видевших в Вальтере Скотте «представителя охранительных начал»[10].

[1] *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 3. С. 417.
[2] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 435.

[5] См. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим.***

[6] Как замечал сам Белинский, «"российская словесность" преимущественно сподручна для шарлатанов <...>: в нее можно класть что угодно, и оттуда можно вынимать какие угодно теории, без опасения заплатить пошлину за болтовню» (*Белинский В. Г.* Педант. Литературный тип // Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 6. С. 71). Стремление отрицать или дискредитировать авторскую мысль в художественном произведении, придав ему иное толкование, наряду с восторженными похвалами, пронизывает большинство критических выступлений Белинского, посвященных гоголевскому творчеству.

[7] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 435.

[8] Гоголь в письмах и воспоминаниях. Составил В. Гиппиус. М., 1931. С. 79.

[9] *Анненков П. В.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 435.

[10] См.: *Виноградов И. А.* Обретение жанра: Народная песня и «Тарас Бульба» Гоголя // Н. В. Гоголь и народная культура: Седьмые Гоголевские чтения: Материалы докладов и сообщений Международной конференции / Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2008. С. 71–72.

АПРЕЛЯ 29. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр императорского двора князь П. М. Волконский предписал кабинету доставить «вещь в 800 рублей» для подарка Гоголю за поднесенный Императору Николаю I экземпляр «Ревизора»:

«По Высочайшему повелению предлагаю кабинету доставить ко мне вещь в 800 рублей, для подарка г. Гоголю, за поднесенный им *экземпляр комедии* его сочинения, под названием: *Ревизор*»[1].

«Предписание зарегистрировано Кабинетом 30 апреля. В графе "Резолюция" записано: "На представление подарка последовала резолюция Кабинета 30 апреля". В графе "Исполнение" помечено: "Представлен при рапорте от 30 апреля за № 1888 перстень бриллиантовый с аметистом под № 586 в 745 рублей". В графе "Последствия исполнения" записано: "Его Светлость на означенном предложении написать изволили: «Перстень получен: 30 апреля 1836»[2].

Возможно, тогда же или позже, в мае – первой половине июня 1836 г. В. А. Жуковский, от имени Гоголя, поднес экземпляр "Ревизора" императрице Александре Феодоровне[3].

В тот же день, 29 апреля 1836 г., Гоголь отправил письмо М. С. Щепкину в Москву:

«Наконец, пишу к вам... <...> Едва ли, сколько мне кажется, это не в первый раз происходит. Явление точно очень замечательное: два первые ленивца в мире, наконец, решаются изумить друг друга письмом».

Посылает экземпляры «Ревизора», с дарственными надписями, для раздачи в Москве «по принадлежности» – М. Н. Загоскину (на экземпляре, который сохранился, надпись: «Михаилу Николаевичу Загоскину от Автора»), П. В. Киреевскому, С. П. Шевыреву[4] и, вероятно, другим знакомым москвичам; неподписанный экземпляр просит отдать кому-либо по своему усмотрению. На титульном листе экземпляра, предназначенного Щепкину («Посылаю вам "Ревизора". Может быть, до вас уже дошли слухи о нем»), пишет:

«Моему доброму и бес<ценному> Михайлу Семеновичу Щепкину от Гоголя».

Далее в письме сообщает:

«Я писал к ленивцу 1-й гильдии и беспутнейшему человеку в мире, Погодину, чтобы он уведомил вас[5]. <...> К довершению, наконец, возможнейших мне пакостей здешняя дирекция, то есть директор Гедеонов вздумал, как слышу я, отдать главные роли другим персонажам после четырех представлений ее, будучи подвинут какой-то мелочной личной ненавистью к некоторым главным актерам в моей пьесе, как-то: к Сосницкому и Дюру. — Мочи нет. Делайте, что хотите, с моей пьесой, но я не стану хлопотать о ней. Мне она сама надоела так же, как хлопоты о ней. Действие, произведенное ею, было большое и шумное. Все против меня. Чиновники пожилые и почтенные кричат, что для меня нет ничего святого, когда я дерзнул так говорить о служащих людях. Полицейские против меня, купцы против меня, литераторы против меня. Бранят и ходят на пьесу; на четвертое представление нельзя достать билетов. Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя не была бы ни за что на сцене, и уже находились люди, хлопотавшие о запрещении ее. Теперь я вижу, что значит быть комическим писателем. Малейший призрак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия. Воображаю, что же было бы, если бы я взял что-нибудь из петербургской жизни, которая мне более и лучше теперь знакома, нежели провинциальная. Досадно видеть против себя людей тому, который их любит, между тем, братскою любовью. Комедию мою, читанную мною вам в Москве[6], под заглавием "Женитьба", я теперь переделал и переправил, и она несколько похожа теперь на что-нибудь путнее. Я ее назначаю таким образом, чтобы она шла вам и Сосницкому в бенефис здесь и в Москве[7]... <...> Стало быть, вы можете адресоваться к Сосницкому, которому я ее вручу[8]. Сам же через месяца полтора, если не раньше, еду за границу и потому советую вам, если имеется ко мне надобность, не медлить вашим ответом и меньше предаваться общей нашей приятельнице лени».

Сообщение о переделке «Женитьбы» позволяет предположить, что в это время Гоголь прочел первую часть рассказа И. И. Срезневского о Г. С. Сковороде «Майор, майор!», где повествуется о том, как странствующий философ влюбился однажды в хуторянку Лёну. Первые две части публикации Срезневского посвящены истории знакомства Сковороды с героиней — «Еленой Павловной»[9]. В третьей части рассказывается, как герой, подобно гоголевскому Подколёсину, сбежал от Лёны прямо из-под венца[10]: «...Священник взял за руку прежде жениха и потом он взял за руку невесту. "По доброй ли воле соединяете вы руки свои?" Григорий Савич вздрогнул и вырвал свою руку из руки Священника. <...> ...Григорий Савич скрылся из храма, — и никто никогда не видал его в тех местах»[11].

Хотя внезапная развязка излагается лишь в третьей части рассказа Срезневского (напечатанной к концу мая 1836 г.), однако само вступление к повести (появившееся в печати уже в средине апреля 1836 г.) однозначно предполагает подобный финал. Лишь такой поступок можно ожидать от бродячего философа, бежавшего отовсюду, где он ни бывал, как об этом сообщается в предисловии: «Странный человек был Григорий Савич. Был он когда-то сиротой и бежал от родных... <...> Был он придворным певчим <...>, но испросил себе отставку... <...> ...Когда вздумали его склонить к монашеской жизни и рясе, он сумел притвориться сумасшедшим.. <...> ...Надел он стихарь дьячка Грекороссийской церкви в Оффене, и только для того, чтоб убежать из Оффена и постранствовать на свободе по Европе... <...> Потом пришел Григорий Савич в Харьков — навсегда, и убежал из Харькова...»[12] Даже если Гоголь до этого ничего не знал о жизни Сковороды, не догадаться о его скором бегстве от Лёны было невозможно.

В этом свете гоголевская «Женитьба», подобно рассказу о бежавшем от брачной жизни Сковороде, являет собой реминисценцию житийного повествования об Алексии, человеке Божием, — расставшемся с своей невестой сразу после обручения. (Сходным образом повесть Гоголя «Вий» (1834) является в творчестве писателя своеобразным «житием» грешника, с определенными агиографическими реминисценциями[13].)

В этот же день, 29 апреля 1836 г., А. С. Пушкин выехал из Петербурга в Москву[14].

[1] <Из официальной переписки о постановке «Ревизора»> // *Свод.* Т. 1. С. 817.

[2] *Зайцева И. А.* К цензурной и сценической истории первых постановок «Ревизора» Н. В. Гоголя в Москве и Петербурге (по архивным источникам) // Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 128. — См. также ***1836. Мая 3. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[4] См. ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[5] См. ***1836. Марта 17. Вторник. Москва.***

[6] См. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва***; ***1835. Августа около 27–28. Москва.*** – См. также ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] См. также ***1842. Октября 22 <10>. Суббота. Рим.***

[8] «Вручение» «Женитьбы» И. И. Сосницкому произошло в конце мая 1836 г., однако, выслушав комедию, актер нашел, что она не завершена, после чего Гоголь обещал ее переделать и выслать из-за границы «месяца через два» (см. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***).

[9] *Срезневский И. И.* Майор, майор! Рас<с>каз // Московский Наблюдатель. 1836. Ч. VI. № 2. (Март. Кн. II) (цензурное разрешение – 10 апр.). С. 205–238; № 3. (Апрель. Кн. I) (цензурное разрешение – 30 апр.). С 435–468.

[10] *Срезневский И. И.* Майор, майор! Рас<с>каз // Московский Наблюдатель. 1836. Ч. VI. № 4. (Апрель. Кн. II) (цензурное разрешение – 19 мая). С. 721–736.

[11] Там же. С. 733.

[12] *Срезневский И. И.* Майор, майор! Рас<с>каз // Московский Наблюдатель. 1836. Ч. VI. № 2. (Март. Кн. II) (цензурное разрешение – 10 апр.). С. 205–206.

Ко времени чтения Гоголем «Женитьбы» у Вяземских (см. ***1836. Июня 2. Санкт-Петербург***), он мог уже ознакомиться с окончанием рассказа в четвертом номере журнала, дата цензурного разрешения которого (19 мая 1836 г.) указывает на его выход в свет в последней декаде мая 1836 г.

[13] См.: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1996. С. 64–70; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 97–100; *Виноградов 2000.* С. 151–156; *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 620–625.

[14] *Тархова.* Т. 4. С. 1862.

АПРЕЛЬ – МАЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Три письма – и ни <на> одно не отвечать[1]! Можно ли так делать! Что с тобой? где ты? что ты? Я ничего не знаю. Я не знаю, что писать к тебе, и нужно ли писать к тебе, и нравится ли тебе, что к <тебе> пишу. Сердит я на тебя, ужасно сердит».

[1] Судя по письму Погодина к Гоголю от 6 мая 1836 г. (см. ***1836. Мая 6. Среда. Москва***), а также по письму Погодина к И. Н. Вагилевичу от 27 мая того же года (см. ***1836. Мая 27. Среда. Москва***), по крайней мере одно из тогдашних гоголевских писем (где Гоголь сообщал о своей предполагаемой поездке по славянским землям) Погодин тогда получил.

АПРЕЛЯ 30. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» (№ 97) напечатан отзыв Ф. Б. Булгарина о постановке «Ревизора»[1].

В тот же день А. В. Никитенко было подписано цензурное разрешение т. 16 «Библиотеки для Чтения», с пренебрежительной рецензией О. И. Сенковского на комедию Гоголя:

«Красоты и пятна растут у него с одинаковою силою, до того, что он не производил еще ничего забавнее и ничего грязнее последнего своего творения»[2].

[1] См. также ***1836. Мая 1. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] <*Сенковский О. И.*> Критика // Библиотека для Чтения. 1836. Т. 16. Отд. 5. С. 31.

АПРЕЛЯ 30. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

А. М. Языков сообщает В. Д. Комовскому в Петербург:

«Вчера Х. читал нам “Ревизора” – он прелесть! Впрочем, сначала странно, как глупо обманываются чиновники в проезжем регистраторе. – Как всё смешно, как верны характеры, как верно всё, что они ни говорят! На сцене это должно быть ужасно забавно. Говорят, что Гоголь будет сюда – ставить “Ревизора” на здешнем театре. Мы, кажется, дождемся этого удовольствия».

Из писем А. М. Языкова // *Свод.* Т. 3. С. 180.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Ф. Н. Глинка отправляет С. Т. Аксакову экземпляр «Ревизора», с запиской:

«Генерал Бартоломей[1], задержанный несносною погодою, заехал к нам. Я поспешил выпросить у него комедию, желая Вам угодить, почтеннейший Сергей Тимофеевич! – Вот “Ревизор”! Но он дан мне под *условием*: завтра в 9-ть часов утра Бартоломей непременно уезжает. Итак, если можете возвратить нам книгу к 9-ти часам утра, то оставьте ее до завтра у себя. 10 часов вечера»[2].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «Ни с чем нельзя сравнить нашего нетерпения прочесть “Ревизора”, который как-то долго не присылался в Москву. Я прочел его в первый раз самым оригинальным образом. Однажды, поздно заигравшись в Английском Клубе, я выходил из него вместе с Великопольским. В это время швейцар подал мне записку из дому: меня уведомляли, что какой-то проезжий полковник, привез Ф. Н. Глинке печатный экземпляр “Ревизора” и оставил у него до 6-ти часов утра; что Глинка прислал экземпляр нам и что все ожидают меня, чтобы слушать “Ревизора”. Сгоряча я сказал об этом Великопольскому и не мог уже отказать ему в позволении услышать “Ревизора”, и мы поскакали домой. Я жил тогда в Старой Басманной, в доме Куракина[3]. Было уже около часу за полночь. Никто не спал, все сидели в ожидании меня, в моем кабинете, даже m<ademoise>lle Potot, жившая у нас с матерью. Я не мог в первый раз верно прочесть “Ревизора”; но, конечно, никто никогда не читал его с таким увлечением, которое разделяли и слушатели»[4].

[1] Иван Иванович Бартоломей (ум. в 1845), генерал-майор, псковский гражданский губернатор (с 1839 г.).
[2] *Свод.* Т. 1. С. 828.
[3] Князь Борис Алексеевич Куракин (1783 – 2 октября 1850), тайный советник, сенатор.
[4] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 667–668.

МАРТ – МАЯ НАЧАЛО. ХУТОР КОСЯРОВЩИНА

Кончина М. И. Косяровской, матери М. И. Гоголь.

26 мая 1836 г. Гоголь писал матери: «Ко мне дошли <...> слухи, что бабушка моя Марья Ильинична умерла».

Мария Ивановна вспоминала о родителях: «Через год[1] <...> и маменька скончалась. <...> Оба они скончались на 71-м году от роду»[2].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Потом бабушка умерла, тетка <Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская)> осталась одна в своем хуторе Косяровщина и тоже приезжала к нам каждую субботу»[3].

[1] См. ***1834. Ноября первая половина. Хутор Косяровщина.*** – См. также ***1832. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка, Полтава.***

[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 60.

[3] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 197.

МАЯ 1. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Пятое представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В тот же день в газете «Северная Пчела» (№ 98) напечатано продолжение[2] заметки Ф. В. Булгарина о постановке «Ревизора»:

«Весьма жаль, если кто-нибудь из зрителей, не знающий наших провинций, подумает, будто, *в самом деле,* в России существуют такие нравы и будто может быть город, в котором нет ни одной честной души и порядочного человека. <...> Вообще автор Ревизора, желая представить Русский уездный городок, с его нравами, изобразил городок Малороссийский или Белорусский. Купцы его не Русские люди, а просто Жиды. <...> Словом, городок автора Ревизора не Русский городок, а Малороссийский или Белорусский: так незачем было и клепать на Россию»[3].

В 1840 г. Ф. В. Булгарин также заявлял: «Г<-н> Гоголь написал одну комедию прозою: *Ревизор*, за которую дружеская литературная партия превозносит его превыше не только Грибоедова, но даже Мольера! <...> В *Ревизоре* нет, во-первых, никакого вымысла и завязки; во-вторых, нет характеров; в-третьих, нет натуры; в-четвертых, нет языка; в-пятых, нет ни идей, ни чувства, т. е. нет ничего, что составляет высокое создание! Сюжет избитый во всех Немецких и Французских фарсах, тот же, что *Мнимая Каталани* (Die vermeinte Catalani) <А. Бойерле (Bäuerle)>, *Немецкие горожане* (Die deutschen Kleinstädter) <А. Ф. фон Коцебу>, Ложная *Тальони* (die falsche Taglioni <опера «Зефир и Флора, или Ложная Тальони»>), *Городишко*, соч. Пикара (la Petite ville) и т. п., с тою разницею, что в *Ревизоре* более невероятностей. Действующие лица – ряд преувеличенных карикатур, небывалых никогда в Великороссии! Это образчики какой-то пешей Малороссийской и Белорусской шляхты, которых нам выдают за Русских помещиков. Все действующие лица пошлые дураки или отъявленные плуты, которые хвастают своим плутовством. Одно превосходное комическое лицо здесь – лакей! Вот что мастерски, так мастерски! И за отделку именно этого лица мы признаем комический талант в г. Гоголе...»[4]

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] См. также ***1836. Апреля 30. Четверг. Санкт-Петербург.***

[3] *<Булгарин Ф. В.> Ф. Б.* Ревизор, оригинальная Комедия в пяти действиях, в прозе, соч. Н. Гоголя // Северная Пчела. 1836. 1 мая. № 98. С. 389, 391–392. – См. также ***1836. Мая 6. Среда. Москва.***

[4] *Булгарин Ф.* Панорамический взгляд на современное состояние театров в Санктпетербурге, или характеристические очерки театральной публики, драматических артистов и писателей // Репертуар Русского Театра, издаваемый И. П. Песоцким, на 1840 год. СПб.: В типографии А. А. Плюшара, 1840. Т. 1. Кн. 3. С. 21–22.

МАЯ 1. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Редактор «Московского Наблюдателя» В. П. Андросов с возмущением пишет А. А. Краевскому:

«...Пушкин удостоил меня вспомнить в статье о движении “Рус<ских> жур<налов>”[1]: Там, помнится мне, сказано, что я не высказал еще моего литературного мнения. Боже мой! Что это у них <за> литература?»

Свод. Т. 3. С. 479.

[1] Андросов был критически охарактеризован в «Современнике» (1836. Т. 1) в анонимной статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году»: «...г. Андросов явился в “Московском Наблюдате-

ле" вовсе незаметным лицом». Андросов полагал, что автором этой статьи был А. С. Пушкин. См. также ***1836. Мая 26. Вторник. Москва***.

МАЯ 2. СУББОТА. МОСКВА

В Москву после полуночи приехал А. С. Пушкин[1].

В тот же день вышел № 7 газеты «Молва» (Ч. XI. № 7; цензурное разрешение 30 апреля) со статьей В. Г. Белинского «Несколько слов о “Современнике”».

В статье Белинского, в частности, были отмечены гоголевские произведения: «Коляска», «Утро делового человека»; самыми интересными в номере названы статья «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» и раздел «Новые книги» («...в них видны дух и направление нового журнала...»). В статье также говорилось, что в Москве «очень трудно достать “Современника” за какие бы то ни было деньги».

Пушкин, прочитав около 6–7 мая 1836 г. статью Белинского[2], будучи до 20 мая 1836 г. в Москве[3], оставил для Белинского экземпляр своего журнала. 27 мая 1836 г. он сообщал П. В. Нащокину из Петербурга: «Я оставил у тебя два порожних экз<емпляра> Современника. Один отдай кн<язю> Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому (тихонько от Наблюдателей[4], NB) и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться»[5]. Позднее, в конце октября – начале ноября 1836 г., Нащокин, отвечая на не дошедшее до нас письмо Пушкина, сообщал: «Белинский получал от Надеждина, чей журнал <“Телескоп”> уже запрещен, 3 <тысячи рублей ассигнациями>. <Московский> Наблюдатель предлагал ему 5. – Греч тоже его звал. – Теперь коли хочешь, он к твоим услугам – я его не видал – но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать[6]. – Ты мне отпиши, – и я его к тебе пришлю»[7].

П. В. Анненков в 1880 г., имея в виду опубликованное им самим письмо Пушкина к Нащокину от 27 мая 1836 г., сообщал, что поэт «по свидетельству самого Белинского, <...> посылал к нему тайно книжки своего “Современника”, да говорил про него: “Этот чудак, почему-то очень меня любит”. (Пушкин прибавлял, по тому же свидетельству, секретно и еще замечание, что у Белинского есть чему поучиться и тем, кто его ругает.)»[8]

Весной 1849 г. А. Н. Афанасьев, со слов М. С. Щепкина, записал: «От М. С. Щепкина слышал, будто Пушкин пригласил Белинского участвовать в своем “Современнике” в качестве рецензента, только с условием – подчинять свои личные воззрения в статьях тем мнениям, какие скажет ему сам Пушкин. Белинский, как ни худы были его финансовые средства в то время, не согласился на такое предложение»[9].

Свидетельство о предложении Белинскому Пушкина участвовать в «Современнике» – «подчиняя свои личные воззрения» мнениям Пушкина – передано Щепкиным, возможно, со слов самого Белинского, с которым Щепкин был близок. 20 апреля 1842 г. Белинский сообщал самому Гоголю: «...Больше всего этого меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников»[10].

[1] *Тархова*. Т. 4. С. 1865.

[2] Там же. Т. 4. С. 1869–1870.

[3] См. ***1836. Мая 20. Среда. Москва.***

[4] Имеются в виду издатели журнала «Московский Наблюдатель».

[5] *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 16. С. 121; см. также: *Анненков П. В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 373; согласно почтовому штемпелю, письмо было отправлено 2 июня.

[6] Ср. характеристику Белинского Гоголем в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** – примечания).

[7] *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 16. С. 181.

[8] *Анненков П. В.* Замечательное десятилетие // *Свод*. Т. 3. С. 504.

[9] *Афанасьев А. Н.* Отрывки из моей памяти и переписки // *Свод*. Т. 3. С. 25.

[10] См. ***1842. Апреля 20. Понедельник Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

МАЯ 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Шестое представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В этот же день Гоголь, вероятно, читал «Ревизора» у министра Императорского двора светлейшего князя П. М. Волконского.

«По свидетельству М. Ю. Виельгорского, 3 мая 1836 г. Гоголь читал "Ревизора" у П. М. Волконского, но в семейной переписке Волконских упоминаний об этом мы не нашли»[2].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. писал: «Однажды к квартире Гоголя подъехала великолепная карета, посланная за ним одной высокопоставленною особой. Гоголя не было дома – был в кружке своих друзей. Карета поехала туда; входит лакей, говорит, что карета приехала за г. Гоголем и что его ожидают. Услыша это, Гоголь сильно встревожился и сначала наотрез отказался ехать. Но тут уже все товарищи начали уговаривать его, чтобы ехал непременно и без всяких отговорок. "Да у меня и фрака здесь нет!" Нашли фрак и натянули на Гоголя: рукава оказались коротковаты, а фалды чересчур длинные... Снарядили наскоро, как могли, и Гоголь поехал. У пригласившей Гоголя высокой особы он читал "Ревизора" в присутствии большого общества, генералов и других сановников. Говорили потом, что прочел он "Ревизора" неподражаемо. Каждое действующее лицо этой комедии говорило у Гоголя *своим* голосом и с *своей* мимикой. Все слушатели много и от души смеялись, благодарили талантливого автора и превосходного чтеца за доставленное удовольствие, и Гоголь получил в подарок[3] превосходные часы»[4].

В 1854 г. П. А. Кулиш сообщал: «Живя в Петербурге, еще во времена "Миргорода" и "Ревизора", Гоголь был принят очень радушно в одном доме, где к обеду непременно надобно было являться во фраке. Чтоб уклониться от соблюдения этой церемонии, Гоголь подкалывал булавками полы своего сюртука и являлся таким образом к обеду. Хозяева, по доброте своей, старались не замечать этой выходки и прощали ее поэту»[5].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Теребенина Р. Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 266.

[3] См. также ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 595.

[5] *Свод.* Т. 3. С. 240.

МАЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. БЕРЛИН

А. О. Смирнова пишет ответное[1] письмо князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«Благодарю за "Современник": я его вкушаю с чувством и расстановкой, разом проглотив Чиновников[2] и Коляску Гоголя, смеясь, как редко смеются, а я никогда; ведь это, однако, Плетнев открыл это маленькое сокровище; у него чутье очень верное, он его распознал с первой встречи»[3].

[1] См. ***1836. Апреля 18–24. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду «Утро делового человека».

[3] Из писем А. О. Смирновой // *Свод.* Т. 2. С. 195.

МАЯ 5. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Седьмое представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

МАЯ 6. СРЕДА. МОСКВА

А. С. Пушкин пишет жене в Петербург:

«Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина[1], который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П<етер>Б<ург>е»[2].

В тот же день, 6 мая 1836 г., М. П. Погодин написал письмо Гоголю, которое передал М. С. Щепкину[3]. В письме сообщал, что послал Гоголю, с оказией (не по почте), пять писем, которые, вероятно, до адресата не дошли:

«Ведь это, братец, ни на что не похоже. Я писал к тебе писем пять, неужели ни одно не дошло[4]? <...> И сам ты виноват! Никогда не мог прислать адреса. На имя Смирдина я не мог писать, ибо и ты, и я с ним не имеем дела. Я и писал все с попутчиками, а они, проклятые, видно... Я еще в одном письме послал целой каталог книг, сделанный для меня Шаффариком, о Славянских племенах[5].

Но приезжай ты к нам, и непременно. Щепкин плачет. Ты сделал с ним чудо. При первом слухе о твоей комедии на сцене[6] он оживился, расцвел, вырос, сделался веселым, всюду ездил и рассказывал. Надо почтить это участие таланта. Ставить пиесу я сам тебе не советую. Я как-то с год был знаком с кулисным миром, впрочем, как постороннее лицо, и убедился, что ничего не может быть мучительнее, как кланяться Директорам, Инспекторам, спорить со всеми этими егоистами и просить режиссера, машиниста и даже суффлера, и все эти господа думают еще, что они одолжают бедного автора, выучивая роль, ставя стул и проч. – Нет, <...> не ставь ни за что никакой пиесы, если не хочешь испортить себе крови, но ты должен непременно раз прочесть пиесу актерам, а там пусть делают они, что хотят. Итак, приезжай непременно и поскорее. Мы все просим тебя.

Еще. – Говорят, ты сердишься на толки. Ну как тебе, братец, не стыдно. Ведь ты сам делаешься комическим лицом. Представь себе: автор хочет укусить людей не в бровь, а прямо в глаз. Он попадает в цель. Люди щурятся, отворачиваются, бранятся и, разумеется, кричат: да нас таких нет. Так ты должен бы радоваться, ибо видишь, что достиг цели. Каких доказательств яснее истины в комедии. А ты сердишься? Ну не смешон ли ты? Я расхохотался, читая в "Пчеле"[7], которая берется [защищ<ать>] доказывать, что таких бессовестных и наглых мошенников нет на свете. Есть, есть они, вы такие мошенники, – говори ты всем и отворачивайся с торжеством. <...>

Еще я расскажу тебе о чужих краях, и это будет полезно для твоего путешествия[8]! Словом, ты будешь вместо ответа сам в Москву, прямо ко мне, на Девичье Поле...»

[1] 4–5 мая 1836 г. (*Тархова.* Т. 4. С. 1867).
[2] Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 708.
[3] См. ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***
[4] См. также ***1836. Апрель – мая начало. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1835. Декабря 6. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1836. Января 18. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1836. Марта 17. Вторник. Москва.***
[7] См. ***1836. Апреля 30. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 1. Пятница. Санкт-Петербург.***
[8] См. ***1836. Мая 27. Среда. Москва.***

МАЯ 6. СРЕДА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение книги П. А. Лукашевича «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» (СПб., 1836) (напечатана без имени составителя).

МАЯ 7. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Восьмое представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В тот же день в списке «Отъезжающих за границу», напечатанном в «Прибавлении к Санкт-Петербургским Ведомостям», появляется первое извещение об отъезде за границу графини Л. К. Виельгорской с дочерьми Аполинарией, Софьей и Анной:

«Двора Его Императорского Величества Шталмейстера Тайного Советника супруга Графиня Луиза Карловна Виельгорская, урожденная Принцесса Бирон[2], с дочерьми: Графинями Аполинариею, Софьею и Анною Виельгорскими... <...> Спрос<ить> 3-й Адм<иралтейской> части 1-го кварт<ала> в доме Графа Голенищева-Кутузова, под № 332»[3].

Очевидно, в период первой постановки «Ревизора» Гоголь мог быть знаком не только с графом Мих. Ю. Виельгорским, но и со всей его семьей, – вопреки ошибочному заявлению на этот счет В. И. Шенрока (в 1889 г.): «Женский персонал семьи <Виельгорских>, безусловно, не мог быть знаком Гоголю в тридцатых годах, так как еще в 1828 году, до переезда его из Малороссии в Петербург, Виельгорские почти целым домом переселились в Вюрцбург для лечения хворавшего с младенчества младшего сына, Михаила Михайловича. (Впоследствии <с 1853 г.> его фамилия была Виельгорский-Матюшкин. <...>) С тех пор они оставались за границей почти безвыездно вплоть до сороковых годов. В Петербурге находился в это время только сам Михаил Юрьевич (он встречался тогда с Гоголем на субботних вечерах Жуковского и в кружке Смирновой) с старшим сыном, Иосифом Михайловичем, жившим во дворце»[4].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] См. ***1835. Декабря 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] Прибавление № 101 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Четверток, 7-го мая 1836 года. С. 907; см. также: Прибавление № 104 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник, 12-го мая 1836 года. С. 934; Прибавление № 107 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, 15-го мая 1836 года. С. 962.

[4] *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и Виельгорские в их переписке. 1839–1849 г. // Вестник Европы. 1889. № 10. С. 447; см. также: *Шенрок.* Т. 4. С. 263.

МАЯ 7. ЧЕТВЕРГ.
ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ.
МОСКВА

М. С. Щепкин отправляет в Петербург письма к И. И. Сосницкому и к Гоголю, с вложением письма М. П. Погодина к Гоголю от 6 мая 1836 г.

Из письма Щепкина к Сосницкому: «Дружище, прилагаемое письмо доставь как можно поскорее к Николаю Васильевичу Гоголю, который, кажется, жил в Малой Морской в доме Лепеня. <...> Он нам подарил пьесу на бенефис[1], и потому, если получишь от него, то поторопись об цензуре и потом доставь мне, разумеется, переписав. Как я рад, что ты удовлетворил его в комедии, он без ума от тебя. <...> Жду от тебя письма насчет чаю[2]. Гони к нам Гоголя»[3].

Из письма Щепкина к Гоголю: «Письмо[4] и "Ревизора" несколько экземпляров получил и по назначению все роздал, кроме Киреевского[5], который в деревне, и потому я отдал его экземпляр С. П. Шевыреву для доставления[6]. Благодарю вас от души за "Ревизора", не как за книгу, а как за комедию, которая, так сказать, осуществила все мои надежды... <...> ...Не грех ли вам оставлять его на произвол судьбы, и где же? в Москве, которая так радушно ждет вас *(так от души смеется в "Горе от ума")*. И вы оставите ее от некоторых неприятностей, которые доставил вам "Ревизор"? Во-первых, по театру таких неприятностей не может быть, ибо М. Н. Загоскин, благодаря вас за экземпляр, сказал, что будет писать к вам, и поручил еще мне уведомить вас, что для него весьма приятно бы было, если бы вы приехали, дабы он мог совершенно с вашим желанием сделать все, что нужно для поставки пиэсы. Со стороны же публики чем более будут на вас злиться, тем более я буду радоваться, ибо это будет значить, что она разделяет мое мнение о комедии и вы достигли своей цели. Вы сами лучше всех знаете, что ваша пиэса более всякой другой требует, чтобы вы прочли ее *нашему начальству* и действующим. <...> ...Вы твердо знаете, что вы нам нужны, и не хотите приехать. Воля ваша, это эгоизм. <...> Вы, пожалуй, не ставьте ее у нас, только прочтите два раза... <...> Прилагаю письмо Погодина[7]. Если вы решитесь ехать к нам, то скорее, ибо недели чрез три, а может быть и ранее, она (постановка) будет готова[8], к ней пишут новую декорацию».

[1] Комедию «Женитьба» (см. ***1835. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург***).
[2] См. ***1836. Апреля 28. Вторник. Москва.***
[3] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 6.
[4] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***
[5] Вероятно, Петра (см. ***1834. Января 11. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург***). – См. также ***1846. Ноября 24 <декабря 6>. Воскресенье. Москва.***
[6] По свидетельству В. Г. Белинского, С. П. Шевырев отказался тогда написать для «Московского Наблюдателя» статью о «Ревизоре», найдя комедию «тривиальным и грязным произведением» (см. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург***).
[7] См. ***1836. Мая 6. Среда. Москва.***
[8] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***

МАЯ 8. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Князь П. А. Вяземский пишет А. И. Тургеневу:

«Вот тебе "Современник" и "Ревизор". Прочти "Ревизора" и заключи, сколько толков раздаются о нем. Tout le monde se pique d'etre plus royaliste que le roi[1], и все гневаются, что позволили играть эту пиесу, которая, впрочем, имела блистательный и полный успех на сцене, хотя не успех общего ободрения. Неимоверно, что за глупые суждения слышишь о ней, особенно в высшем ряду общества! "Как будто есть такой город в России?" Во-первых, вероятно, и есть, а во-вторых, мог бы быть, и для комика довольно и этой возможности. Комик не историк, не статистик нравов. Комик в некотором отношении каррикатурный живописец нравов, Гогарт общества и только. "Как не представить хотя одного честного, порядочного человека? Будто их нет в России?" Разумеется, есть, но честный человек не входит в объем плана, который расчертил пред собою автор. Вы требуете фасада, а он хотел показать вам один угол, чтобы тем сильнее сосредоточить les effets de lumiere[2] и внимание ваше. "D'ailleurs il y a un honnete homme dans la piece, – сказал я всенародно, – c'est le gouvernement qui en a autorise la representation, car il ne se reconnaît pas dans ce tableau, admet l'existence de ces abus, plus au moins inherent a la nature humaine, les réprime quand ils parviennent a la connaissance et la preuve en est dans le titre de la pièce «Ревизор», et veut en inspirer le degout en les immolant au ridicule et au mepris sur la scene"[3]. Кажется, после этого надобно бы замолчать? Куда, кричат пуще прежнего! Козловский один из малого числа ратоборцев за пиесу, Жуковский, да я, не говоря уже о государе, который читал ее в рукописи. Я готовлю для "Современника" разбор комедии[4], а еще более разбор зрителей».

Гоголь в письмах князя П. А. Вяземского // *Свод.* Т. 1. С. 846.

[1] Все стараются быть более монархистами, чем царь (*фр.*).

[2] световые эффекты (*фр.*)

[3] Впрочем, имеется честный человек в пьесе <...> а именно, правительство, разрешившее представление, так как оно не узнает себя в этой картине, признает существование этих злоупотреблений, более или менее присущих человеческой природе, подавляет их, когда они становятся известны, чему доказательство в названии пьесы «Ревизор», и хочет этим внушить к ним отвращение, принося в жертву смешному и презрению на сцене (*фр.*).

[4] См. ***1836. Июля не позднее 7 <не позднее 19>. Санкт-Петербург.***

МАЯ 9. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именины Гоголя. Присутствуют, вероятно, Н. Я. Прокопович, П. В. Анненков[1] и др.

[1] См. ***1834. Мая 9. Среда. День памяти св. Николая Мирликийского. Санкт-Петербург.***

МАЯ 9. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. МОСКВА

В Прибавлениях к № 38 «Московских Ведомостей» за 1836 г. напечатано объявление:

«В непродолжительном времени представлена будет в первый раз: “Ревизор”, оригинальная комедия в 5 действиях, в прозе, соч. Г-на Гоголя».

В тот же день К. С. Аксаков писал М. Г. Карташевской[1] в Петербург:

«Я уже читал “Ревизора”; читал раза четыре и потому говорю, что те, кто называет эту пьесу грубою и плоскою, не поняли ее. Гоголь — истинный поэт; ведь в комическом и смешном есть также поэзия. Мне жаль, что Вы в первый раз узнали Гоголя только по его “Носу”[2]. В этой шутке есть свое достоинство, но <она>, точно, немножко сальна[3]. Как бы мне хотелось, чтобы Вы прочитали “Вечера на хуторе близ Диканьки”! Я уверен, что, узнав и поняв Гоголя, Вы перемените об нем мнение и увидите, что он истинный поэт, что в нем есть глубокое чувство. Если он смеется над жизнию, над нелепостями, которые в ней встречает, то поверьте, что в это время на сердце у него тяжело, и он, смеясь над людьми, любит их и огорчается их недостатками[4]. Многие из его повестей оттенены грустию, которая прямо из души вырывается»[5].

[1] Мария Григорьевна Карташевская (1818–1906), двоюродная сестра К. С. Аксакова.

[2] С М. Г. Карташевской Гоголь познакомился лишь в 1839 г. (см. ***1839. Ноября 4. Суббота. Санкт-Петербург***); «Нос» был опубликован осенью 1836 г. (см. ***1836. Октября до 9. Санкт-Петербург***). Очевидно, Карташевская прочла гоголевскую повесть по одному из распространившихся тогда списков (см. ***1836. Апреля 4. Суббота Светлой седмицы. Санкт-Петербург***).

[3] «Аналогичная оценка К. С. Аксаковым “Носа” Гоголя встречается еще в одном неизданном письме его к М. Г. Карташевской» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 785).

[4] «В другом неизданном письме к Карташевской, от 19 января 1837 г., К. С. Аксаков, сравнивая “Ревизора” с “Вечерами на хуторе близ Диканьки”, отдает явное предпочтение последним, называя гениальную комедию Гоголя “безделицей”, хотя и отмечает ее художественные достоинства» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 550; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 785–786).

[5] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 785.

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 29 – МАЯ ОКОЛО 10. МОСКВА

С. Т. Аксаков посылает Гоголю в Петербург «горячее письмо» с предложением взять на себя хлопоты по постановке «Ревизора» в Москве (письмо не сохранилось)[1].

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) С. Т. Аксакова: «“Ревизор” был продан петербургской дирекции самим Гоголем за 2 500 руб<лей> ассигн<ациями>[2], а потому немедленно начали его ставить и в Москве. Гоголь был хорошо знаком с Мих. Сем. Щепкиным и поручил ему письменно постановку “Ревизора”[3], снабдив притом многими, по большей части очень [справедливыми] дельными наставлениями[4]. В то же время узнали мы, что сам Гоголь, сильно огорченный и расстроенный чем-то в Петербурге, распродал с уступкою все оставшиеся экземпляры “Ревизора” и других своих сочинений и сбирается немедленно уехать за границу. Это огорчило меня и многих его почитателей. – Вдруг приходит ко мне Щепкин и говорит, что ему очень неловко ставить “Ревизора”, что товарищи этим как-то обижаются, не обращают никакого внимания на его замечания и что пиеса от этого будет поставлена плохо; что гораздо было бы лучше, если бы пиеса ставилась без всякого надзора, так, сама по себе, по общему произволу актеров; что если он пожалуется репертуарному члену или директору, то дело пойдет еще хуже: ибо директор и репертуарный член ничего не смыслят и никогда такими делами не занимаются; а господа артисты, назло ему, Щепкину, совсем уронят пиесу. Щепкин плакал[5] от своего затруднительного положения и от мысли, что он так худо исполнит поручение Гоголя. Он прибавил, что единственное спасение состоит в том, чтоб я взял на себя постановку пиесы, потому что актеры меня уважают и любят и вся дирекция состоит из моих коротких приятелей; что он напишет об этом Гоголю, который с радостью передаст это поручение мне. Я согласился и ту же минуту написал сам в Петербург к Гоголю горячее письмо, объяснив, почему Щепкину неудобно ставить пиесу и почему мне это будет удобно, прибавя, что, в сущности, всем будет распоряжаться Щепкин, только через меня. Это было первое мое письмо к Гоголю, и его ответ[6] был первым его письмом ко мне»[7].

[1] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Марта 17. Вторник. Москва***; ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1836. Мая 10. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[5] «Что, впрочем, бывало с ним при каждом сильном ощущении, не только печальном, но и радостном. Ред<актор>» (примеч. И. С. Аксакова в изд.: Отрывок из рукописи Сергея Тимофеевича Аксакова: «История моего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852» // Русь. 1880. 6 дек. № 4. С. 17).

[6] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод.* Т. 2. С. 668.

МАЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь отправляет в Москву письмо к М. С. Щепкину, с вложением писем к М. Н. Загоскину[1] и М. П. Погодину.

В послании к Щепкину Гоголь пишет: «Я забыл вам, дорогой Михаил Семенович, сообщить кое-какие замечания предварительные о “Ревизоре”. Во-первых, вы должны непременно из дружбы ко мне взять на себя всё дело постановки ее. Я не знаю никого из актеров ваших, какой и в чем каждый из них хорош. Но вы это можете знать лучше, нежели кто другой. Сами вы, без сомнения, должны взять роль городничего, иначе она без вас пропадет. Есть еще трудней роль во всей пьесе – роль Хлестакова. Я не знаю, выберете ли вы для нее артиста. Боже сохрани, <если> ее будут играть с обыкновенными фарсами, как играют хвастунов и повес театральных. Он просто глуп, болтает потому только, что видит, что его расположены слушать; врет, потому что плотно позавтракал и выпил порядочно вина. Вертляв он тогда только, когда подъезжает к дамам. Сцена, в которой он завирается, должна обратить особенное внимание. Каждое слово его, то есть фраза или речение, есть экспромт совершенно неожиданный и потому должно выражаться отрывисто. Не должно упустить из виду, что к концу этой сцены начинает его мало-помалу разбирать. Но он вовсе не должен

шататься на стуле; он должен только раскраснеться и выражаться еще неожиданнее и, чем далее, громче и громче. Я сильно боюсь за эту роль. Она и здесь была исполнена плохо, потому что для нее нужен решительный талант. Жаль, очень жаль, что я никак не мог быть у вас: многие из ролей могли быть совершенно понятны только тогда, когда бы я прочел их. Но нечего делать. Я так теперь мало спокоен духом, что вряд ли бы мог быть слишком полезным. Зато по возврате из-за границы я намерен основаться у вас в Москве... С здешним климатом я совершенно в раздоре. За границей пробуду до весны, а весною к вам.

Скажите Загоскину, что я все поручил вам. Я напишу к нему, что распределение ролей я послал к вам. Вы составьте записочку и подайте ему, как сделанн<ое> мною. Да еще: не одевайте Бобчинского и Добчинского в том костюме, в каком они напечатаны. Это их одел Храповицкий[2]. Я мало входил в эти мелочи и приказал напечатать по-театральному. Тот, который имеет светлые волосы, должен быть в темном фраке, а брюнет, т. е. Бобчинский, должен быть в светлом. Нижнее обоим — темные брюки. Вообще, чтобы не было фарсирован<ия>. Но брюшки у обоих должны быть непременно и притом остренькие, как у беременных женщин.

Покаместь прощайте. Пишите. Еще успеете. Еду не раньше 30 мая или даже, может, первых <дней> июня»[3].

В письме к Загоскину Гоголь сообщает: «Препроводив к вам моего Ревизора[4], смею льстить себя надеждою, что окажете ему ваше покровительство в постановке на московскую сцену. В рассуждении многих обстоятельств сценических уполномочиваю Щепкина, которому я передал свои замечания насчет распределения ролей, костюмов и прочего».

Из письма к Погодину: «Я виноват, очень виноват, мой добрый, мой милый Погодин, что бранил тебя за твое невнимание к моим письмам[5]. Дело теперь объясняется само собою: всему виноваты знакомые и приятели, через которых ты писал и которые имели обыкновение проживать на дороге у знакомых или жить в Петербурге по целому месяцу, и потом уже припомин<али> о твоих письмах. Теперь только я получаю письма твои, писанн<ые> в феврале, генваре и марте. <...> На что и как теперь отвечать тебе? Многие вопросы твои уже потеряли свою современность[6]. <...> Я хотел было ехать непременно в Москву и с тобой наговориться вдоволь. Но не так сделалось. Чувствую, что теперь не доставит мне Москва спокойствия, а я не хочу приехать в таком тревожном состоянии, в каком нахожусь ныне. Еду за границу, там размыкаю ту тоску, которую наносят мне ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комический, писатель нравов должен подальше быть от своей родины. Пророку [нет приюта] нет славы в отчизне. Что против меня уже решительно восстали теперь все сословия, я не смущаюсь этим, но как-то тягостно, грустно, когда видишь против себя несправедливо восстановленных своих же соотечественников, которых от души любишь, когда видишь, как ложно, в каком неверном виде ими всё принимается, частное принимается за общее, случай за правило. Что сказано верно и живо, то уже кажется пасквилем. Выведи на сцену двух-трех плутов — тысяча честных людей сердится, — говорит: мы не плуты. Но Бог с ними. Я не оттого еду за границу, чтобы не умел перенести этих неудовольствий[7]. Мне хочется поправиться в своем здоровьи, рассеяться, развлечься и потом, избравши несколько постояннее пребывание, обдумать хорошенько труды будущие. Пора уже мне творить с большим размышлением. Лето буду на водах, август месяц на Рейне, осень в Швейцарии, уединюсь и займусь. Если удастся, то зиму думаю пробыть в Риме или Неаполе. Может быть, там увидимся с тобою, если только это правда, что ты тоже думаешь ехать. Отправляюсь или в конце мая, или в начале июня[8]. Письмо твое еще может застать меня. Только, пожалуйста, не пиши чрез приятелей: они чрезвычайно долго задерживают письма. Лучше по почте, хотя и за почтой нашей, которая до сих пор была пример исправности, начали водиться грехи. Я писал к тебе три письма и адресовал их прямо в университет. Кажется, довольно точный адрес, а между тем, как вижу из слов твоих, ты ни одного не получил. Это письмо я вкладываю в письмо к Щепкину. Авось-либо это будет вернее».

[1] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Марта 28. Великая суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***
[4] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1836. Апрель – мая начало. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1836. Марта 17. Вторник. Москва.***
[7] См. ***1835. Июля 15. Понедельник. Полтава***; ***1835. Августа около 11. Васильевка, Великие Сорочинцы, Миргород***; ***1836. Марта 21. Лазарева суббота. Санкт-Петербург*** (примечания).
[8] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

МАЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. Н. Демидов[1] как ежегодный жертвователь Российской Императорской Академии наук 25-ти тысяч рублей посылает письмо секретарю академии П. Н. Фуссу с предложением удостоить Гоголя за комедию «Ревизор» золотой медали:

«Нельзя не отдать полной справедливости точнейшему описанию нравов, поставленных им на сцену лиц и национальности изречений. Словом, по живоописанию характеров сие сочинение Г. Гоголя в своем роде может считаться образцовым. Это уже и подтверждается тем восторгом, с каким оно принято публикою, а еще более вниманием Государя Императора, удостоившего первые представления сей Комедии Своим присутствием[2]. Мне весьма бы желалось, Милостивый Государь, чтоб сие творение Г. Гоголя было увенчано одною из золотых медалей, учрежденных на счет суммы, мною ежегодно жертвуемой в Российскую Императорскую Академию Наук... <...> В ожидании на сие ответа я приостанавлюсь письмом моим к самому Г. Гоголю по сему предмету»[3].

[1] Павел Николаевич Демидов (1798–1840), владелец уральских чугуноплавильных заводов, курский гражданский губернатор в 1831–1834 гг.
[2] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1836. Апреля 24. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая между 18 и 21–22. Санкт-Петербург.***

МАЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

А. С. Пушкин пишет жене в Петербург:

«Ты пишешь о статье Гольцовской. Что такое? Кольцовской или Гоголевской? – Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть. Впрочем это не важно».

Гоголь в письмах А. С. Пушкина // *Свод.* Т. 1. С. 708.

МАЯ 12. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В тот же день Гоголь написал ответное письмо матери в Васильевку:

«Я получил письмо ваше после долгого молчания[2]... <...> Насчет поездки моей за границу я еще не решил, но думаю, что это исполнится в этом году. Намерение мое – побывать на водах, потом быть в Швейцарии и Италии[3] и наконец возвратиться сухим путем чрез Москву в Малороссию, пожить несколько времени дома. Всё путешествие, полагаю, займет год или полтора года[4]. У нас в Петербурге <...> в мае, кажется, сама Сибирь переехала в Петербург. Благодарю сестру Марию за приписку. Очень рад, что ей понравились мои книги»[5].

В тот же день, 12 мая 1836 г., в «Прибавлении к Санкт-Петербургским Ведомостям» напечатано второе извещение об отъезде за границу графини Л. К. Виельгорской с дочерьми Аполинарией, Софьей и Анной[6].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] См. ***1836. Февраля 22. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.***

[4] К этому времени, т. е. к концу весны – началу осени 1837 г., Гоголь, вероятно, предполагал окончить «Мертвые души» (см. ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден***). – См. также ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[5] См. ***1835. Декабря 18. Среда. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

МАЯ ОКОЛО 11–13. МОСКВА

А. С. Пушкин, встретившись с К. П. Брюлловым, восторженно отзывается о задуманной художником картине «Нашествие Гензериха на Рим»[1].

Н. А. Рамазанов в 1852 г. сообщал: «1835 года 26 Декабря Карл Павлович приехал в Москву. <...> ...Брюллов сам сознался, что у него “уже пять месяцев не было кисти в руке”. *Наконец я дорвался до палитры,* говорил он, потирая руки, и вскоре написал эскиз: *нашествие Гензерика на Рим,* о котором отзываются видавшие его с восторгом, и когда А. С. Пушкин, посетивши К<арла> П<авловича>, заметил ему, что картина, произведенная по этому эскизу, может стать выше *Последнего дня Помпеи,* то он ответил: *сделаю выше Помпеи!..* <...>

В один из <...> вечеров кто-то привез только что вышедшего из печати *Ревизора* Гоголя. Когда он был прочитан, Брюллов был вне себя от восторга: *Вот она, истинная натура,* говорил он, и сам начал читать его вслух, говоря за каждый персонаж особенным голосом. Весь этот вечер был посвящен Брюлловым Ревизору Гоголя»[2].

Э. Н. Ацаркина полагала, что эскиз «Нашествие Гензериха на Рим» будто бы мог быть написан под влиянием статьи Гоголя «О движении народов в конце V века»[3]. Однако, это предположение опровергается уточненной самой Ацаркиной датировкой замысла картины – его возникновение относится к концу 1834 г. – тогда как статья Гоголя была напечатана в «Арабесках» в 1835 г. «Выбор сюжета, – писала Э. Н. Ацаркина, – был навеян, видимо, статьей Н. В. Гоголя “О движении народов в конце V века”. В 1834 году ученик А. П. Брюллова А. М. Горностаев писал из Рима своему учителю о его брате: “Он мне сообщил свою гигантскую мысль представить в картине то время, когда варвары разграбляют Рим” (Архив Брюлловых, <принадлежащий В. А. Брюллову. Сообщил Ив. Кубасов. СПб., изд. «Русской Старины», 1900>, стр. 148. Письмо А. Горностаева А. Брюллову от 28 декабря 1834 г. Рим). Указание Горностаева, выбор темы и принципы его раскрытия заставляют отнести эскиз “Нашествие Гензериха на Рим” ко времени пребывания Брюллова в Италии, то есть к концу 1834 – началу 1835, а не к 1836 году, как обычно полагали исследователи его творчества. Обратиться к римскому сюжету Брюллов мог только в Италии, в России его исторические замыслы были направлены в сторону отечественной тематики»[4].

Вызывает возражение и предложенная Э. Н. Ацаркиной новая датировка эскиза: конец 1834 – начало 1835 г.[5] И. А. Кубасов, опубликовавший письмо Горностаева, полагал, что, в отличие от «проекта картины», эскиз был сделан Брюлловым «лишь в 1836 году»[6], – что подтверждается свидетельством Рамазанова.

[1] *Тархова.* Т. 4. С. 1872.

[2] *Скульптор Рамазанов.* Воспоминания о Карле Павловиче Брюллове // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 16. Август. Кн. 2. Отд. 1. С. 105, 108.

[3] См. также ***1836. Мая 24–31. Воскресенье, заговенье на Петров пост, – воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] *Ацаркина Э. Н.* Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. М., 1963. С. 136–137, 504. – Ошибочное предположение Э. Н. Ацаркиной разделяли позднее Е. И. Гаврилова и А. В. Корнилова; см.: *Гаврилова Е.* Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова // Искусство. 1971. № 2. С. 55; *Корнилова А. В.* Карл Брюллов в Петербурге. Л., 1976. С. 62.

[5] *Гаврилова Е.* Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова // Искусство. 1971. № 2. С. 55.
[6] Архив Брюлловых, принадлежащий В. А. Брюллову. Сообщил Ив. Кубасов // Русская Старина. 1900. Т. 103. Приложение. С. 148.

МАЯ 13. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь получает письмо от С. Т. Аксакова из Москвы[1] с предложением взять на себя хлопоты по постановке «Ревизора» на московской сцене[2].

[1] См. ***1836. Апреля после 29 – мая около 10. Москва.***
[2] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

МАЯ 14. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголю из правления Санкт-Петербургского университета выдан аттестат о службе:

«Состоящий по установлению в 8-м классе Николай, Васильев сын, Гоголь, бывший адъюнкт по кафедре Истории при Императорском С.-Петербургском университете, как из формулярного о службе его списка видно, происходит из дворян; по окончании курса учения в Лицее высших наук Князя Безбородко поступил на службу в Департамент уделов с правом на чин 14 класса 1830, апреля 10[1]; указом Правительствующего Сената утвержден в чине Коллежского Регистратора со старшинством со дня вступления в службу 1830, июня 3[2]; помещен Помощником Столоначальника в том же Департаменте 1830, июля 10[3]; по прошению его из оного Департамента уволен 1831, марта 9[4]; с Высочайшего соизволения Ее Императорского Величества определен в Патриотический Институт старшим учителем Истории, состоя по силе Высочайшего указа 1-го апреля 1831 года[5] в чине титулярного советника. Со дня вступления в сию должность 1831, марта 10-го[6], в награду отличных трудов пожалован от Ее Императорского Величества бриллиантовым перстнем 1834, марта 9-го[7]. Определен адъюнктом по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете 1834, июля 24-го[8]. По случаю преобразования университета остался за реформою с выдачею годового оклада жалованья 1836, января 1-го[9]. От роду ему 27 лет. Благоприобретенного имения за ним не состоит; родового имеет 86 душ крестьян и 700 десятин земли[10] в Миргородском уезде Полтавской губернии. Холост. Исповедания грекороссийского. В отпуске был с 1-го мая по 1-е сентября 1835 года[11] и возвратился в срок. В отставке, в штрафах и под судом не был, и ни одному из случаев, лишающих права на получение знака отличия беспорочной службы, не подвергался. Аттестован был всегда способным и достойным и во все продолжение своей службы вел себя как подобает приличному благородному человеку. В уверение чего и дан ему сей аттестат из правления Императорского С.-Петербургского университета за надлежащим подписанием и приложением казенной печати. В С.-Петербурге мая 14-го 1836 года.

Его Императорского Величества Всемилостивейшего Государя моего статский советник, ректор Императорского С.-Петербургского университета ординарный профессор и разных орденов кавалер И. Шульгин»[12].

Аттестат был выдан ректором Петербургского университета И. П. Шульгиным, очевидно, по прошению Гоголя, для его отъезда за границу[13]. Этот аттестат был Гоголем впоследствии утерян. 7 марта 1840 г. он писал П. А. Плетневу из Москвы: «А где делся выданный мне когда-то из Университета документ, не могу никаким образом придумать. Ради Бога, вытребуйте мне университетское свидетельство и пришлите скорее». Копия аттестата была выписана для Гоголя, по ходатайству П. А. Плетнева, 12 марта 1840 г.[14]

Возможно, в тот же день И. П. Шульгиным был подписан и послужной список Гоголя:

«Послужной список Н. В. Гоголя

Копия	Звание	Какое получает содержание	Есть ли имение	Когда в службу вступил
Послужной список о службе состоящего по установлению в 8 классе адъюнкта по кафедре истории при Императорском С.-Петербургском университете Николая Гоголя-Яновского. За 1834 год. Состоящий по установлению в 8 классе Николай Васильевич Гоголь-Яновский, адъюнкт по кафедре истории при Императорском С. Петербургском Университете. 25 лет.	Из дворян	———	80 душ крестьян и 700 десятин в Полтавской губернии, Миргородского уезда.	По окончании курса учения в лицее высших наук князя Безбородко с правом на чин 14 класса поступил на службу в департамент уделов в 1830, апреля 10. Указом правительствующего сената того же 3 июля <июня> утвержден в чине коллежского регистратора со старшинством со дня вступления в службу. Помещен помощником столоначальника в том же департаменте уделов 1830 июля 10. По прошению своему уволен из департамента уделов 1831 марта 9. С Высочайшего соизволения Ея Императорского Величества определен в Патриотический институт старшим учителем истории, состоя в исполнение указа 1 апреля 1831 года в чине титулярного советника со дня вступления в нынешнюю должность 1831 марта 10. В награду отличных трудов пожалован от Ея Императорского Величества бриллиантовым перстнем 1834 марта 9. Определен адъюнктом по кафедре всеобщей истории при С.-Петербургском университете 1834 июля 24. По случаю преобразования С.-Петербургского университета от должности адъюнкта уволен 1835 дек<абря> 31. Подлинный подписал Ректор университета *Шульгин*»[15].

В аттестате и послужном списке не нашли отражения служба Гоголя в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий зимой 1829/30 г.[16], «Высочайшее внимание к трудам Г. Адъюнкта» за поднесение «Миргорода» в марте 1835 г.[17], а также увольнение из Патриотического института в конце июня 1835 г.[18]

[1] См. ***1830. Апреля 10. Четверг Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1830. Июля 10. Четверг. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1831. Марта 9. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1831. Апреля 1, среда, и 13, Великий понедельник. Санкт-Петербург.***
[6] См. ***1831. Марта 10. Вторник. Санкт-Петербург.***
[7] См. ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург.***

[8] См. ***1834. Июля 24. Вторник. Санкт-Петербург.***

[9] См. ***1836. Января 1. Среда. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург.***

[10] Ср. ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[11] В копии аттестата от 12 марта 1840 г. (см. ***1840. Марта 12. Вторник. Санкт-Петербург***) срок, определенный Гоголю для отпуска, обозначен точнее: «в отпуске был с 24 Апреля 1835 по 25 Августа» (см. ***1835. Апреля 26. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1835. Августа 31. Суббота. Санкт-Петербург***).

[12] Документы об увольнении Гоголя из Санкт-Петербургского университета // *Свод.* Т. 1. С. 799; печатается с уточнениями по фотокопии в изд.: Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 112.

[13] Ср. ***1836. Мая 17. Воскресенье. Праздник Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[14] См. ***1840. Марта 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

[15] *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя. <Из бумаг С. П. Шевырева, «приобретенных в 1892 г. Императорской Публичной библиотекой у наследников покойного ученого»> // Русская мысль. 1896. № 5. С. 173.

[16] См. ***1829. Октября 27–31. Санкт-Петербург***; ***1830. Февраля 25. Вторник. Санкт-Петербург.***

[17] См. ***1835. Марта 26. Вторник. Санкт-Петербург.***

[18] Судя по всему, Гоголь, фактически уволенный из Патриотического института летом 1835 г. (см. ***1835. Июня 29. Суббота. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Санкт-Петербург***), продолжал числиться в штате до конца 1836 г. (см. ***1835. В течение года. Санкт-Петербург*** – примечания).

МАЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь пишет в Москву письма друзьям – С. Т. Аксакову, М. С. Щепкину и М. П. Погодину.

В письме к Аксакову Гоголь сообщает о получении от него письма[1], благодарит за готовность принять на себя хлопоты по постановке «Ревизора» в Москве. Однако на предложение Аксакова сразу не соглашается, а говорит, что уже поручил это дело Щепкину[2] «и писал об этом <в> письме к Загоскину»[3]: «Если же ему <Щепкину> точно нет возможности ладить самому с дирекцией и если он не отдавал еще письма, то известите меня: я в ту же минуту приготовлю новое письмо к Загоскину». Добавляет, что сам приехать в Москву не может, потому что занят приготовлениями к отъезду за границу, «который будет если не 30 мая, то 6 июня[4] непременно»: «Но по возвращении из чужих краев я постоянный житель столицы древней».

Из «Истории нашего знакомства с Гоголем...» (1854–1855) Аксаков, процитировав письмо Гоголя (вплоть до надписи на конверте: «Его высокородию[5] Милостивому Государю Сергею Тимофеевичу Аксакову...»), сопроводил послание следующим пояснением: «Как это странно, что письмо такое простое, искреннее не понравилось всем и даже мне. Отсюда начинается долговременная и тяжелая история *не полного понимания* Гоголя людьми самыми ему близкими, искренно и горячо его любившими, называвшимися его друзьями! Безграничной, безусловной доверенности в свою искренность Гоголь не имел до своей смерти. Нельзя предположить, чтоб все мы были виноваты в этом без всякого основания; оно заключалось в наружности обращения и в необъяснимых странностях его духа. Это материя длинная и, чтобы бросить на нее некоторый свет, заранее скажу только, что впоследствии я часто говаривал для успокоения Шевырева и особенно Погодина: "Господа! ну как мы можем судить Гоголя по себе? Может быть, у него все нервы вдесятеро тоньше наших и устроены как-нибудь вверх ногами!" На что Погодин со смехом отвечал: "Разве что так!"[6]

Вследствие письма Гоголя ко мне Щепкин писал к нему[7], что письмо к Загоскину отдано давно, о чем он его уведомлял; но, кажется, Гоголь не получал этого письма, потому что не отвечал на него и уехал немедленно за границу.

Итак, "Ревизор" был поставлен[8] без моего участия. Впрочем, эта пиеса игралась <...> в Москве довольно хорошо, кроме Хлестакова[9], роль которого труднее всех»[10].

В письме к Щепкину Гоголь также извещает, что в Москву приехать не может, поскольку «остающиеся две недели» будет «погружен в хлопоты» по случаю отъезда за границу: «...Если бы я даже приехал, я бы не мог быть так полезен вам, как вы думаете. Я бы прочел ее <комедию "Ревизор"> вам дурно, без малейшего участия к моим лицам. Во-первых, потому что охладел к ней; во-вторых,

потому что многим недоволен в ней, хотя совершенно не тем, в чем обвиняли меня мои близорукие и неразумные критики. <...> Мне кажется, что вы сделали бы лучше, если бы пиесу оставили к осени или зиме». Сообщает о предложении Аксакова взять на себя постановку «Ревизора» в Москве: «Я получил письмо от Серг<ея> Тим<офеевича> Аксакова[11] тремя днями после того, как я писал к вам[12], со вложением письма к Загоскину. Аксаков так добр, что сам предлагает поручить ему постановку пьесы. Если это точно выгоднее для вас тем, что ему, как лицу стороннему, дирекция меньше будет противуречить, то мне жаль, что я наложил на вас тягостную обузу. Если же вы надеетесь поладить с дирекцией, то пусть остается так, как порешено». Извещает о своих планах: «...Я дорогою буду сильно обдумывать одну замышляемую мною пиесу[13]. Зимой в Швейцарии буду писать ее, а весною причалю с нею прямо в Москву, и Москва первая будет ее слышать».

В письме к Погодину Гоголь сообщает о получении от него письма[14]: «Приглашение твое убедительно, но никаким образом [воспользоваться им] не могу: нужно захватить время пользования на водах. Лучше пусть приеду к вам в Москву обновленный и освеженный. Приехавши, я проживу с тобою долго, потому что не имею никаких должностных уз и не намерен жить постоянно в Петербурге. Я не сержусь на толки, как ты пишешь, не сержусь, что сердятся и отворачиваются те, которые отыскивают в моих оригиналах свои собственные черты и бранят меня. Не сержусь, что бранят меня неприятели литературные, продажные таланты, но грустно мне это всеобщее невежество, движущее столицу, грустно, когда видишь, что глупейшее мнение ими же опозоренного и оплеванного писателя действует на них же самих и их же водит за нос. Грустно, когда видишь, в каком еще жалком состоянии находится у нас писатель. Все против него, и нет никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. "Он зажигатель! Он бунтовщик!" И кто же говорит? Это говорят люди государственные, люди выслужившиеся, опытные, люди, которые должны бы иметь на сколько-нибудь ума, чтоб понять дело в настоящем виде, люди, которые считаются образованными и которых свет, по крайней мере русский свет, называет образованными. Выведены на сцену плуты, и все в ожесточении, зачем выводить на сцену плутов. Пусть сердятся плуты; но сердятся те, которых я не знал вовсе за плутов. Прискорбна мне эта невежественная раздражительность, признак глубокого, упорного невежества, разлитого на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тем, что выведены нравы шести чиновников провинциальных; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ее собственные нравы? Я огорчен не нынешним ожесточением против моей пиесы; меня заботит моя печальная будущность. Провинция уже слабо рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны, но жизнь петербургская ярка перед моими глазами, краски ее живы и резки в моей памяти. Малейшая черта ее — и как тогда заговорят мои соотечественники? И то, что бы приняли люди просвещенные с громким смехом и участием, то самое возмущает желчь невежества; а это невежество всеобщее. Сказать о плуте, что он плут, считается у них подрывом государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и верную черту — значит в переводе опозорить всё сословие и вооружить против него других или его подчиненных. Рассмотри положение бедного автора, любящего между тем сильно свое отечество и своих же соотечественников, и скажи ему, что есть небольшой круг, понимающий его, глядящий на него другими глазами, утешит ли это его? Москва больше расположена ко мне, но отчего? Не оттого ли, что я живу в отдалении от ней, что портрет ее еще не был виден нигде у меня, что, наконец... но не хочу на этот раз выводить все случаи. Сердце мое в эту минуту наполнено благодарностью к ней за ее внимание ко мне. Прощай. Еду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские, свои будущие творения и возвращусь к тебе, верно, освеженный и обновленный. Всё, что ни делалось со мною, всё было спасительно для меня. Все оскорбления, все неприятности посылались мне высоким провидением на мое воспитание. И ныне я чувствую, что не земная воля направляет путь мой. Он, верно, необходим для меня. <...> Пиши ко мне. Еще успеешь».

В тот же день, 15 мая 1836 г., секретарь Российской Императорской Академии наук академик П. Н. Фусс ответил П. Н. Демидову отказом на предложение удостоить Гоголя золотой медали академии за комедию «Ревизор»[15]:

«...Пунктом 2-м IX-й статьи Высочайше опробованного положения об утвержденных Вами в 1831 году наградах[16] постановлено: Изъемлются от права соискания: Стихотворения, романы, повести, *драматические сочинения* и т. п., ибо излишне было бы поощрять денежными наградами сочинения, легко находящие у нас издателей и скоро раскупаемые публикой. Сбыт оных в России, как и везде, так значителен, что прибыль, от них получаемая Авторами, далеко превышает установленную награду[17]. <...> Учреждение же медалей, с Вашего согласия и по утвержденному Государем Императором образцу имело исключительною целию вознаградить посторонних ученых за труд, принимаемый ими на себя, по приглашению Академии...»[18]

Далее в черновике письма следует текст, возможно, не вошедший в окончательную редакцию. Здесь Фусс высказал свое личное отношение к гоголевской комедии: «...Во многих случаях самая благонамеренная и беспристрастная критика не найдет награды достойным того, что наиболее нравится современной публике, и наоборот, <...> она увенчает премиею такое произведение, которое заслужило одобрение лишь немногих, основательных знатоков. Не всякое обогащение театрального репертуара может почесться обогащением сло<весности>. Во всяком случае суждение о произведениях изящной словесности не может подлежать Академии. Академия же, для собственной чести своей, не может и не должна назначать премии за такие произведения, которые при малейшей перемене местностей и вкуса теряют свое достоинство и предаются забвению, сколь бы они, впрочем, при известных обстоятельствах и в известное время ни привлекли внимание публики».

В тот же день в «Прибавлении к Санкт-Петербургским Ведомостям» напечатано третье, последнее извещение об отъезде за границу графини Л. К. Виельгорской с дочерьми Аполинарией, Софьей и Анной[19].

[1] См. ***1836. Апреля после 29 – мая около 10. Москва***; ***1836. Мая 13. Среда. Санкт-Петербург***.

[2] См. ***1836. Марта 17. Вторник. Москва***; ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[3] См. ***1836. Мая 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[4] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***.

[5] «Я был тогда титулярным советником; но Гоголь, по фигуре моей, вообразил, что я непременно должен быть статским советником» (примеч. С. Т. Аксакова на полях).

[6] См. также ***1841. Ноябрь-декабрь. Москва***.

[7] Письмо неизвестно.

[8] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва***.

[9] Первым исполнителем роли Хлестакова в Москве был Д. Т. Ленский (см. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва***; ***1838. Апреля 13 <25>. Среда. Москва***).

[10] *Аксаков С. Т.* История нашего знакомства с Гоголем, с включением всей переписки с 1832 по 1852 <с 1832 по 1843 гг.> // *Свод*. Т. 2. С. 668–669.

[11] См. ***1836. Мая 13. Среда. Санкт-Петербург***.

[12] См. ***1836. Мая 10. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

[13] Возможно, речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1836. Ноября 12 <октября 31>. Суббота. Париж***).

[14] См. ***1836. Мая 6. Среда. Москва***.

[15] См. ***1836. Мая 11. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[16] См.: 4520. – 1831. Апреля 28. Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. – О жертвуемых Камергером Демидовым ежегодно по 20.000 руб<лей> на награды за лучшие по разным частям сочинения в России // Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. 2-е. СПб., 1832. Т. 6. Отд. 1. С. 318–322.

[17] Строки представляют собой дословную цитату из министерского постановления 1831 г.

[18] «Демидов, прочитав ответ академии, сразу же написал в академию о своем желании исключить из действующего положения своего имени второй пункт IX статьи, не допускающий к соисканию наград литературные и в том числе драматические произведения... <...> Однако просьба Демидова не была удовлетворена» (*Кулябко Е. С.* Из архива Академии наук СССР. Несостоявшееся премирование Гоголя // Русская литература. 1967. № 4. С. 172). 18 мая 1836 г. Фусс отвечал Демидову: «В последней (XVIII-ой) статье Высочайше утвержденного положения об учрежденных Вашим Прев<осходительст>вом в 1831 году наградах постановлено: Академия *одна* имеет право предлагать изменения и поправки в предлежащем положении... <...> На сей конец Академия чрез каждые пять лет будет подвергать сей регламент тщательному рассмотрению. По истечении

ныне первого пятилетия со времени учреждения Вами наград, Академия, тщательно рассмотрев положение и сообразив все обстоятельства, представившиеся ей в течение пятилетнего опыта, не находит никакого повода изменить что-либо в составе Положения...» (*СПбФ АРАН.* Ф. 2. Оп. 1–1836. Ед. хр. 1. Л. 8–9; опубл.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 11. С. 389–390).

[19] См. ***1836. Мая 7. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

МАЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (№ 109), в разделе об отъезжающих, сообщалось:

«Николай Гогель[1], 8-го класса; спрос<ить> в малой Морской в доме Лепена».

<Извещения газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» от 17, 21 и 25 мая 1836 г. об отъезде Гоголя за границу> // *Свод.* Т. 1. С. 839.

[1] Фамилия искажена во всех трех публикациях.

МАЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. МОСКВА

А. С. Пушкин, будучи в гостях у М. С. Щепкина, подарил ему тетрадь и сам вписал начало будущих записок актера:

«17 мая 1836. Москва. Записки актера Щепкина. Я родился в Курской губернии, Обоянского уезда, в селе Красном, что на речке Пенке».

Гриц. С. 222; *Тархова.* Т. 4. С. 1877.

МАЯ 20. СРЕДА. ПОЛТАВА

В Полтавском приказе общественного призрения был сделан займ на имя Гоголя и его сестры М. В. Трушковской в размере 6150 рублей.

Сохранилось свыше ста квитанций, из которых «видно, что при погашении первого займа 1836 г.[1] заемщикам пришлось платить за просрочку 21 раз, а при погашении второго – 15 раз».

Назаревский. С. 348.

[1] См. ***1836. Января 31. Пятница. Полтава.***

МАЯ 20. СРЕДА. МОСКВА

А. С. Пушкин выехал из Москвы в Петербург.

Тархова. Т. 4. С. 1880.

МАЯ 21. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (№ 111), в разделе об отъезжающих появляется второе (из трех) извещений об отъезде Гоголя за границу.

См. ***1836. Мая 17. Воскресенье. Праздник Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

МАЯ МЕЖДУ 18 И 21–22. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

П. Н. Демидов посылает Гоголю копии своего письма академику П. Н. Фуссу[1] и ответного письма последнего, с отказом наградить писателя, за комедию «Ревизор», золотой медалью Российской Академии наук[2]:

«Из препровожденных при сем копий, с предложения моего здешней Императорской Академии наук, и с ответа ее на оное, вы изволите усмотреть, милостивый государь, как я ценю драматический талант ваш, доказанный вами новым сочинением пиэсы — Ревизор. Сожалея, что не мог достигнуть исполнения моего желания, я по крайней мере удовольствуюсь извещением вас об оном»[3].

[1] См. ***1836. Мая 11. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***; ***1839. Марта 10 <февраля 26>. Воскресенье. Рим.***

МАЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

МАЯ 23. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В ночь с 22 на 23 мая из Москвы в Петербург приехал К. П. Брюллов.

«Исходя из точной даты отъезда Брюллова <18 мая 1836 г.>, легко рассчитать, что художник приехал в столицу <...> в ночь с 22-го на 23-е мая. Это вполне согласуется с газетным объявлением о приехавших в Петербург “маия 23, 24, 25, 26, 27 и 28 дня”, где значится имя Брюллова (Прибавления к “Санкт-Петербургским ведомостям”, № 126, от 7 июня)»[1].

Позднее «Художественная Газета» сообщала: «Редакция считает обязанностью уведомить читателей, что Карл Павлович Брюллов прибыл в С.-Петербург еще в исходе мая; 25 июня отправился в город Псков, осмотрел там местность для задуманной им новой картины большого размера <“Осада Пскова”> и 6 истекшего июля возвратился в С.-Петербург»[2].

В этот же день поздно вечером из Москвы в Петербург вернулся А. С. Пушкин[3].

[1] *Гаврилова Е.* Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова // Искусство. 1971. № 2. С. 54.
[2] Смесь // Художественная Газета. 1836. Август. № 1. С. 16; см. также: К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников / Составитель книги и автор предисловия проф. Н. Г. Машковцев. 2-е изд., доп. М., 1961. С. 133.
[3] *Тархова*. Т. 4. С. 1880.

МАЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Объявленная ранее премьера «Ревизора» в Большом театре отменена по случаю ремонта театра.

Молва. 1836. № 9; *Гриц.* С. 222.

МАЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (№ 111), в разделе об отъезжающих, появляется третье, последнее извещение об отъезде Гоголя за границу[1].

В тот же день Гоголь пишет А. С. Пушкину письмо о премьере «Ревизора»[2] 19 апреля 1836 г.[3], которое заканчивет словами:

«Ради Бога, приезжайте скорее[4]. Я не поеду, не простившись с вами. Мне еще нужно много сказать вам того, что не в силах сказать несносное, холодное письмо...»

По позднейшему свидетельству Гоголя в письме к С. Т. Аксакову от 17 марта (н. ст.) 1841 г., письмо к Пушкину «вслед за первым предст<авлением> Ревизора» он писал по «собственному желанию» поэта, пожелавшего поместить «полный разбор» комедии в «Современнике»[5]: «Письмо осталось у меня неотправленным, потому что он скоро приехал сам»[6].

[1] См. ***1836. Мая 17. Воскресенье. Праздник Святой Троицы. Санкт-Петербург.***

[2] Впервые опубликовано в журнале «Москвитянин» (1841. Ч. 3. Кн. 6) и в приложении к изд.: Ревизор, комедия в пяти действиях, соч. Н. Гоголя (2-е изд. М., 1841), под названием: «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления "Ревизора" к одному литератору».

[3] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – Письмо было отправлено С. Т. Аксакову из Рима 17 марта (н. ст.) 1841 г. (см. ***1841. Марта 17 <5>. Среда. Рим***).

[4] В то время Пушкин уже был в Петербурге (см. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург***).

[5] См. также ***1836. Апреля конец – май. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Премьера «Ревизора» в Малом театре[1].

«Ревизор. На Московской сцене. 1836, май 25, понедельник. Состав при первом представлении: Городничий – *<М. С.> Щепкин;* Жена его – *<М. Д.> Львова Синецкая*[2]; Дочь – *<А. Ф.> Ленская*[3]; Хлопов – *<М.> Волков;* Жена его – *<Т. П.> Кашина;* Судья – *П. <Г>. Степанов;* Земленика – *<М.> Румянов;* Почтмейстер – *<Ф. С.> Потанчиков*[4]; Добчинский – *Горшков;* Бобчинский – *<М. Н.> Никифоров;* Хлестаков – *Д. <Т.> Ленский;* Осип – *<И. В.> Орлов*[5]; Гибнер – *<Н. П.> Зеленин;* Люлюков – *Кочетовский;* Ростановский – *Прохонцев;* Коробкин – *Богданов 2 <А. Ф.>;* Жена его – *<Л. П.> Златопольская;* Частный пристав – *В. <А.> Степанов;* Свистунов – *Щеглов 1;* Пуговицын – *Живокини 2 <Д. В.>;* Держиморда – *Максин 1 <П. Н.>;* Абдулин – *В. <Ф.> Соколов;* Пошлепкина – *<А. М.> Божановская;* Мишка – *<М. А.> Шуберт*[6]; Половой – *Максин 2 <Н.>;* Жандарм – *Калинин*»[7].

На следующий день, 26 мая 1836 г., М. С. Щепкин сообщал к И. И. Сосницкому: «Теперь "Ревизор" дал немного мне приятных минут и вместе горьких, ибо в результате сказались недостаток в

силах и в языке. Может быть, найдутся люди, которые были довольны, но надо заглянуть ко мне в душу. Ну, меня в сторону. Ежели Н. В. Гоголь не уехал за границу[8], то сообщи ему, что вчерашний день игрался "Ревизор", – не могу сказать, чтобы очень хорошо, но нельзя сказать, чтобы и дурно. Игран был в абонемент, и потому публика была высшего тона, которым, как кажется, она <комедия> многим не по вкусу. Несмотря на то, хохот был беспрестанно. Вообще принималась пьеса весело; на завтра билеты на бельэтажи и бенуары, а равно и на пятницу разобраны»[9].

М. П. Погодин записал в дневнике: «*16 апреля – 17 июня.* <...> Ужасны известия о связи Уварова с Сенковским, Булгариным и проч.[10], и об союзных действиях. Вот вам и блюститель просвещения! Он же и жандарм. <...> Ревизор в Москве и известие преследований Гоголя. Звал его[11] в Москву»[12].

Спустя несколько дней, 29 мая 1836 г., К. С. Аксаков сообщал брату Григорию в Петербург: «У нас давали "Ревизора". Публика хлопала и хохотала, но не вызвала ни одного актера. До театра еще я условился с Катковым[13], чтобы вызывать Гоголя, хотя он и в Петербурге: мы показали бы этим, по крайней мере, что мы ценим автора. Как скоро кончилась пьеса, я тотчас бросился в кресла (я был в ложе), чтобы исполнить условие. Прихожу – все расходятся; несколько голосов слабо кричат: "*Щепкина*!" Мне попадается Катков: "Что же вы!" – говорит он мне. – "Я только сейчас пришел в кресла, а вы что?" – "Я крикнул раз пять: «*Гоголя*!» – отвечал он, – меня никто не поддержал, да и тут я имел историю с одним".– Тогда рассказал он мне, что какой-то, с крестом, вздумал его удерживать. Катков отвечал ему. Слово за слово, дошло до того, что незнакомый сказал ему: "Я вас проучу", а Катков в ответ: "Я сам тебя проучу". Дело, казалось, тем и кончилось, я пошел опять в ложу; это было в понедельник; во вторник и середу экзамен у Каткова. Вчера, т. е. в четверг, я посылал к Каткову за книгами: дело известное, что уже четыре дня как Каткова нет у Васькова[14], и не знают, где он. Каково это тебе покажется? Если б это была дуэль[15], об этом, верно, бы знали»[16].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305. – Следующие представления «Ревизора» в 1836 г. состоялись на московской сцене 26 и 29 мая, 2, 9, 12, 22 и 26 июня, 3, 21 июля, 16 и 30 августа, 13 и 29 октября, 10 ноября, 18 декабря 1836 г. (см. ниже).

[2] Мария Дмитриевна Львова-Синецкая (1795–1875), московская актриса.

[3] Анна Федоровна Ленская (ум. 14 апреля 1845), московская актриса.

[4] Федор Семенович Потанчиков (1800–1871), московский актер.

[5] Илья Васильевич Орлов (наст. фамилия Копылов; ум. в 1852), актер-комик, первый исполнитель роли Осипа в Малом театре, муж актрисы П. И. Орловой (рожд. Куликовой, сестры Н. И. Куликова и А. И. Шуберт); с 1825 г. играл на петербургской сцене; с 1828 по начало 1845 г. – на московской; в 1847–1850 г. вместе с женой служил в Одесском театре; в 1850/51 г. играл в Калуге, в 1852 г. – в Курске (см.: *Клинчин П.* Какой же Орлов играл Осипа и Скалозуба // Вопросы театра. М., 1970. С. 239–241). Ср. также: «Нашу сцену оставил замечательный актер, в продолжении семнадцати лет служивший усердно искусству, *И. В. Орлов.* <...> Лучшие роли его были *Скалозуба* в "Горе от ума" и *Осипа* в "Ревизоре". Г. Орлов играл на нашей сцене в последний раз в воскресенье, перед постом, 25 февраля <1845 г.>, и именно в роли *Осипа*» (*В. Р.* Московский Театр // Репертуар и Пантеон. 1845. Кн. 7. С. 16).

[6] Михаил Андреевич Шуберт (1821–1854), актер Малого театра с 1833 г., актер Одесского театра в 1847–1853 гг.

[7] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 1; см. также: *Свод.* Т. 3. С. 7.

[8] См. также ***1836. Марта 21. Лазарева суббота. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 27. Среда. Москва.***

[9] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 6–7. – См. также ***1836. Июня 3. Среда. Москва.***

[10] 8 августа 1835 г. А. В. Никитенко, в частности, записал в дневнике следующие слова Уварова: «Я знаю, что хотят наши либералы, наши журналисты и их клевреты: Греч, Полевой, Сенковский и проч. <...> Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно» (*Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. <Л.>, 1955. Т. 1. С. 174).

[11] Имеется в виду письмо от 6 мая 1836 г. (см. ***1836. Мая 6. Среда. Москва***), на которое Гоголь отвечал 15 мая (см. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург***).

[12] Гоголь в дневниковых записях М. П. Погодина 1836–1838 гг. // *Свод.* Т. 2. С. 418.

[13] Михаил Никифорович Катков (1817 или 1818 – 1887), в ту пору студент Московского университета, впоследствии известный критик, публицист и издатель.

[14] Федор Иванович Васьков (1790–1855), генерал-майор, гродненский гражданский губернатор (с 1844 по 1848 г.), новгородский гражданский губернатор (до 1850 г.), начальник костромского ополчения, друг С. Т. Аксакова, охотник и рыболов.

[15] «В конце <...> письма К. С. Аксаков не без разочарования отметил, что "с Катковым история вышла вздор", т. е. что до дуэли дело не дошло» (Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публикация и комментарии Л. Ланского <Л. Р. Каплана> // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 552; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 786).

[16] Гоголь в письмах К. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 786.

МАЯ 26. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь сообщает матери в Васильевку:

«Пишу к вам во время всеобщего разъезда. Из моих окон даже видны беспрестанно переезжающие фуры и телеги на дачи. <...> Я полагаю, что в Петербурге не проживу более двух недель[1]... <...> Попутчиков мне много[2]. Никогда не отправлялось за границу такое множество, как теперь. <...> За границей полагаю пробыть более года. <...> Ко мне дошли еще слухи, что бабушка моя Марья Ильинична умерла[3]. <...> Впрочем, вы бы, верно, меня уведомили и не стали бы секретничать, потому что это делается только с маленькими детьми. Напишите, что делается нового в нашем крае и довольны ли Левашевым[4]. Дети вам готовят какой-то сюрприз. Анет что-то вышивает. Лиза сочиняет».

Сестра Гоголя Елисавета вспоминала: «Брат <...> наконец <...> уехал за границу, оставил нам немного денег у клас<с>ной дамы и на уроки музыки[5], Ане<т> брала два раза, я же один в неделю, не знала почти никаких правил, музыкальная дама очень дурно занималась: заставит меня, бывало, играть, а сама не слушает, сидит в другой комнате и читает вслух с другими клас<с>ными дамами, и ко мне долетают только возгласы удивления или восторга при чтении; наконец, услышав, что я уже не играю, она берет журнал и пишет assez-bien[6], и так она со всеми занималась»[7].

В тот же день, 26 мая 1836 г., в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (№ 115), в разделе об отъезжающих, появилось первое (из трех)[8] извещений об отъезде за границу А. С. Данилевского:

«Александр Данилевский, Дворянин, 14-го класса; спрос<ить> у Обухова моста в доме Липгарта»[9].

В 1887 г. Данилевский сообщал В. И. Шенроку: «В 1836 г. мы с ним вместе собрались за границу. Перед выездом, как прежде перед поездками из Нежина домой, он беспрестанно ждал отъезда, делал приготовлеиия, — только о том и говорил»[10].

[1] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[2] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[3] См. ***1836. Март – мая начало. Хутор Косяровщина.***

[4] В 1836 г. графа В. В. Левашова на посту киевского военного губернатора сменил граф А. Д. Гурьев. Левашов 5 декабря 1835 г. был назначен малороссийским военным губернатором в Черниговской, Полтавской и Харьковских губерниях. Год спустя, 29 декабря 1836 г., уволен от этой должности.

[5] См. ***1833. Октября 2. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим.***

[6] Достаточно (*фр.*).

[7] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 180.

[8] См. также ***1836. Мая 28. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 30. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] Отъезжающие за границу // Прибавление № 115 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник 26-го мая 1836 года. С. 1037; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 839.

[10] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 514.

МАЯ 26. ВТОРНИК. МОСКВА

Второе[1] представление «Ревизора» в Малом театре[2]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[3].

В тот же день Щепкин писал к И. И. Сосницкому в Петербург:

«Чаю 4 фунта[4] в Великие Луки на имя е<го> б<лагородия> Егора Николаевича Коведяева отправлено 13-го мая. Цена за фунт 15 р<ублей> ассигнациями и 5 р<ублей> ассиг<нациями> за пересылку. Чай, смею уверить, превосходный; я отправил чай без письма...[5] <...> Ежели получил от г. Гоголя пьесу "Женитьба", то, пожалуйста, переписав, пришли, а то, несмотря ни на какие неудобства, я сам за ней приеду»[6].

В тот же день, 26 мая 1836 г., В. П. Андросов сообщал А. А. Краевскому в Петербург:

«Современника я не получаю, неужели Пушкин так дорого ценит? Я с ним тут виделся. Он извинялся в отзыве обо мне[7], но я нахожу его справедливым и буду отвечать в свое время»[8].

[1] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***
[2] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[3] *Гриц.* С. 224.
[4] См. ***1836. Апреля 28. Вторник. Москва.***
[5] См. ответное письмо И. И. Сосницкого: ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург.***
[6] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 6–7.
[7] Речь идет о характеристике «Московского Наблюдателя», данной Гоголем в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (см. ***1836. Мая 1. Пятница. Москва***).
[8] Гоголь в письмах В. П. Андросова // *Свод.* Т. 1. С. 810.

МАЯ 27. СРЕДА. МОСКВА

М. П. Погодин, сообщая о новостях русской словесности, пишет И. Н. Вагилевичу:

«Гоголь прославился малороссийскими повестями, а теперь пишет комедии – он в нынешнем году приедет во Львов»[1].

Заграничное путешествие в славянские земли с научными целями было необходимым, если бы Гоголь намеревался занять впервые учреждаемую тогда в университетах, по инициативе министра С. С. Уварова, кафедру славистики[2].

[1] Отрывок из письма М. П. Погодина был напечатан в львовском журнале «Rozmaitošti» (1836. № 38; 1837. № 41) (*Свенцицкий И. С.* Материалы по возрождению Карпатской Руси. Львов, 1906. Т. 1. С. 154; *Свод.* Т. 3. С. 7). – См. также ***1836. Февраля 21. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1836. Апрель – мая начало. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1835. Июля 26. Пятница. Санкт-Петербург***; ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург***; ***1839. Октября 10. Вторник. Москва.***

МАЯ 28. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1].

В тот же день в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» от 28 мая 1836 г. (№ 117), в разделе об отъезжающих, появляется первое извещение об отъезде княгини В. Ф. Вяземской с детьми за границу[2], а также второе извещение об отъезде А. С. Данилевского[3].

А. Н. Мокрицкий записывает в дневнике:

«*1836 год.* <...> *28 мая.* <...> Вечером <...> отправился к Гоголю. Человек восемь гостей. Есипов[4] занимал нас своими рассказами про вояж в чужих краях»[5].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] «Княгиня Вера Федоровна Вяземская, с детьми: Князем Павлом и Княжною Надеждою; при них Московская мещанка Прасковья Наумова и Великобританский подданный Игнатий Портелли; спрос<ить> 3-й Адм<иралтейской> части 1-го кварт<ала> в доме под № 4» (Отъезжающие за границу // Прибавление № 117 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Четверг 28-го мая 1836 года. С. 1058; см. также: Прибавление № 119 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Суббота 30-го мая 1836 года. С. 1078; Прибавление № 121 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Вторник 2-го июня 1836 года. С. 1096; *Свод.* Т. 1. С. 839). – См. также ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт.***

[3] См. также ***1836. Мая 26. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1836. Мая 30. Суббота. Санкт-Петербург.***

[4] См. также ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж.***

[5] Гоголь в дневниковых записях А. Н. Мокрицкого // *Свод.* Т. 1. С. 600.

МАЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Третье[1] представление «Ревизора» в Малом театре[2]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[3].

В тот же день В. П. Андросов писал А. А. Краевскому в Петербург:

«Пожалуйста, поблагодарите при свидании любезного Гоголя за присылку его Ревизора: для меня это чудо. В пятой книжке Вы прочтете мой отзыв об этой комедии[4]: у нас она возбудила толки разнообразные, и усладительные и горькие для автора. Но многие ли в состоянии понять ее: это комедия *сущностей*, а не лиц, комедия *типов*, а не индивидов. Чудо. Что тут до завязки, до правдоподобия. Это *началы стихи:* вот лакейское *начало* – Осип; вот чиновничье – Хлестаков; вот *почтовое* – вот *полицейское* – вот коммерческое – глубина! У нас давали ее в первый раз в понедельник, кажется 25 мая[5], на Малом театре и следственно при небольшом числе зрителей, которые, само собою разумеется, все люди были чиновные или такие, которые не привыкли к сырой правде, и потому смеялись много, но приняли пьесу с заготовленным равнодушием. Да и актеры не поняли *ключа* к этой музыке: играли *очень* скоро, и большая часть комических тонкостей проскользнула незамеченной. Во второй раз я не был. Сегодня иду: хочется взглянуть, как примут люди более расположенные к чистосердечному смеху. Пожалуйста, поблагодарите: да получает ли он Наблюд<атель>? – Дайте ему, если он не получил еще»[6].

[1] См. ***1836. Мая 26. Вторник. Москва.***

[2] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[3] *Гриц.* С. 224.

[4] *Андросов В. П.* Ревизор, комедия, в 5 действиях, соч. Н. Гоголя // Московский Наблюдатель. 1836. Май. Кн. 1 (цензурное разрешение 25 мая). С. 120–131. – Здесь В. П. Андросов, в частности, писал: «...Если, возбуждая смех, комик в этом смехе готовит или казнь или угрозу для какого-нибудь постыдного свойства нашей природы, то этот смех имеет всю святость добродетели, все достоинство нравоучения, всю заслугу добра» (С. 121); «...Готовится другая комедия, комедия цивилизации, где человек семейный уступает место общественному, где частные отношения заменяются общими... <...> Дурное свойство человека, поддерживаемое общественным его положением, должно быть преследуемо нещадно...» (С. 122–123); «Но <...> скажут, не ослабляем ли мы этим уважение к таким предметам, которые для блага общественного должны быть благоговейно уваже-

ны? Нисколько; напротив, это очищает, укрепляет наше уважение к ним. Власть всегда свята...» (С. 123–124); «...В “Ревизоре” мы будет напрасно искать <...> *наружной* истины, которой мы привыкли до сих пор требовать от комедии. Тут есть истина *Идеи*, истина *внутренняя*...» (С. 127–128).

[5] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***

[6] Гоголь в письмах В. П. Андросова // *Свод.* Т. 1. С. 809.

МАЯ 30. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Прибавлениях к Санкт-Петербургским Ведомостям» (№ 115), в разделе об отъезжающих появляется третье, последнее[1] извещение об отъезде за границу А. С. Данилевского.

[1] См. также ***1836. Мая 26. Вторник. Санкт-Петербург. 1836. Мая 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

МАЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 30. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь, по обещанию, данному ранее в письме к М. С. Щепкину[1], прочел «Женитьбу» актеру И. И. Сосницкому, который, однако, выслушав комедию, нашел, что она незавершена, после чего Гоголь обещал ее переделать и выслать из-за границы «месяца через два».

30 мая 1836 г. Сосницкий писал М. С. Щепкину: «Скажи, пожалуйста, ленивой кабан, разве можно так писать к человеку, который интересуется знать об успехе пиэсы? Я из твоего письма[2] только и узнал, что “Ревизора” сыграли и чай выслан. Но как сыграли? Кто что играл? Какой успех сделала пиэса? Ничего не знаю. <...> Как путный пишешь к Н. В. Гоголю[3], что будешь писать завтра ко мне; тот приходит, чтобы узнать — что, как? А мне совестно и письмо показать ему. Он спрашивает меня: “Ну, что?” А я ему отвечаю: “Чай выслан, но без письма”. Тот вытаращил глаза на меня, думал: не помешался ли я, — но в убеждение, что точно выслан, я показал письмо и говорю: “Ничего! Я к этому привык. Вам бы надобно было написать ему об чае, то он бы написал ко мне об «Ревизоре»!” Николай Васильевич едет 6-го июня[4], и потому ты еще успеешь; поторопись, напиши или вели написать поподробнее.

“Женитьбу” ты раньше осени не получишь. Николай Васильевич ее взял переделать. Я побранил его за беспечность. Вообрази, что он читал мне пиэсу так, как она у него была написана прежде — как и ты знаешь ее. Две прекрасные сцены не могут искупить целой комедии. А комедии-то и нет. Сюжета никакого — Бог знает зачем люди приходят и уходят. Он мне в оправдание говорит, что она у него написана три года назад. Я ему отвечаю, что зритель и критик этого не хочет знать, хоть бы она была писана 10 лет назад, а потребует от вас отчета, почему вторая пиэса еще слабее первой? Ну, он согласился со мною и обещал переделать всю совсем. Я ему дал некоторые смешные идеи об обычаях купеческих невест. Он берет комедию с собою и месяца через два ее вышлет. Как я получу и она выдет из цензуры, то ты тотчас получишь ее в Москве»[5].

[1] ***1836. Апреля 29. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Мая 26. Вторник. Москва.***

[3] Письмо не сохранилось.

[4] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[5] *Свод.* Т. 1. С. 39.

МАЯ 24–31. ВОСКРЕСЕНЬЕ, ЗАГОВЕНЬЕ НА ПЕТРОВ ПОСТ, – ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Знакомство Гоголя с К. П. Брюлловым. Встреча состоялась, предположительно, в доме нарвского купца первой гильдии Х. Я. Таля на Невском проспекте (ныне – дом № 6), на квартире, которую предоставил только что прибывшему в Петербург[1] Брюллову С. А. Соболевский.

«...В доме Таля, на квартире Соболевского и <И. С.> Мальцова, Брюллов прожил по приезде в Петербург свыше двух месяцев. Есть основания полагать, чтот здесь посетил его Гоголь. <...> Нет никаких известий <...> об исполнении Брюлловым портрета писателя. И тем не менее такой портрет существует[2]. Он считался доныне портретом неизвестного. Брюллов мог сделать его лишь в мае 1836 года, незадолго до отъезда Гоголя за границу. <...> Натурный набросок сделан уверенно и быстро. <...> (Линию гоголевского профиля Брюллов проверяет по натуре еще раз, отдельно.) <...> Гоголь не позировал художнику. Брюллов зарисовал его быстро и незаметно, в то время, когда писатель, прподняв голову, что-то пристально рассматривал. Недавнему адъюнкту Петербургского университета по кафедре истории средних веков (и автору статей по истории средневековья) Брюллов мог предложить нечто весьма интересное – свой новый эскиз “Нашествие Гензериха на Рим”[3]. Не он ли вызвал у Гоголя столь напряженную, граничащую со страданием думу? <...> Первая встреча Гоголя и Брюллова едва ли обошлась без участия “организатора контактов” Соболевского. Дом Лепена на Малой Морской, где жил Гоголь, стоит всего в пяти минутах ходьбы от дома Толя, а радушный хозяин брюлловской квартиры – приятель Гоголя. <...> Знакомство могло состояться лишь в первую неделю пребывания Брюллова в Петербурге. 31 мая Брюллов заболел, а 6 июня из Кронштадта вышел пароход “Николай I” с Гоголем на борту. Первым учеником, вступившим летом 1836 года в брюлловскую мастерскую и жившим у него на квартире в Академии, стал товарищ Гоголя по Нежинскому лицею А. Н. Мокрицкий. (Его судьба весьма занимала писателя, он вспоминает о нем в письмах к друзьям в 1837 и 1839 году.)»[4]

«Встреча их произошла в конце мая 1836 года, между 24 и 31 числами. Как проходила она – свидетельств не сохранилось, и единственное, что напоминает о ней, – беглый карандашный портрет Гоголя, который Брюллов сделал на листе рисовальной бумаги. (Этот рисунок был недавно обнаружен и аттрибутирован искусствоведом Е. И. Гавриловой.) Тонкими штрихами очерчен сухощавый, длинный и острый нос, линия которого повторена дважды: один раз в самом рисунке, а другой – несколько в стороне на том же листке бумаги. “Птичий” нос. Завитые волосы, в форме кока, как тогда носили, высоко подняты. Гладко выбритое лицо, аккуратно подстриженные височки, высокие, туго накрахмаленные воротнички – все придает Гоголю тот щеголеватый вид, который, как отмечали современники, был свойственен ему тогда»[5].

[1] См. ***1836. Мая 23. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. также ***1839 октября начало – октября 26; 1839 декабря конец – 1840 апреля средина. Москва.***

[3] См. ***1836. Мая около 11–13. Москва.***

[4] *Гаврилова Е.* Пушкин, Гоголь и Соболевский в рисунках К. Брюллова // Искусство. 1971. № 2. С. 55, 57–59.

[5] *Корнилова А. В.* Карл Брюллов в Петербурге. Л., 1976. С. 59; между 96 и 97. – См. также: Советская культура. 1975. 14 марта. С. 8; *Порудоминский В. И.* «Половина жизни моей...»: Рассказы. М., 1987. С. 146–147.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь работает над «Театральным разъездом после представления новой комедии».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 27 июля (н. ст.) 1842 г., Гоголь сообщал об этой пьесе: «Она написана сгоряча, скоро после представления “Ревизора”...» 22 октября (н. ст.) 1842 г.,

посылая пьесу Прокоповичу для помещения в собрании сочинений, Гоголь также замечал: «...Она всё еще вовсе не в том <виде, в> каком бы желал, и <...> многое следовало бы выправить и <переделa>ть, но так и быть. Авось либо простят и припишут времени <неопытнос>ти и молодости автора, как оно действительно и есть, ибо писано давно».

«Театральный разъезд...», как и письмо к А. С. Пушкину о первой постановке «Ревизора»[1], вероятно, предназначался к публикации в журнале «Современник». На «журнальный» характер «Театрального разъезда...» в свое время указал Белинский: «Эта пьеса есть как бы журнальная статья в поэтически-драматической форме, — дело, возможное для одного Гоголя!»[2]

[1] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[2] <*Белинский В. Г.*> Сочинения Николая Гоголя // Отечественные Записки. 1843. Т. 26. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 6. С. 46.

ЯНВАРЬ-МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь на вечере у И. И. Козлова, где присутствуют также В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, А. С. Даргомыжский и, возможно, М. И. Глинка[1].

На вечере у Козлова Гоголь и Пушкин, вероятно, виделись в последний раз. 27 сентября 1839 г. Гоголь в письме к П. А. Плетневу вспоминал о Пушкине: «...Я расстался с ним, как будто бы разлучаясь на два дни»[2].

В 1852 г. Г. П. Данилевский, со слов А. С. Даргомыжского, сообщал: «На днях в одном музыкальном семействе познакомили нас с новою оперою г. Даргомыжского "Торжество Вакха". Сюжет этой оперы, либретто, составляет антологическое стихотворение Пушкина, того же имени... <...> Вот происхождение оперы. В 1836 году у Козлова сидели Жуковский, Пушкин, Гоголь и другие литераторы. Зашли толки о русской опере и русских композиторах. Пушкин сказал, что он желал бы видеть оперу лирическую, в которой соединялись бы все чудеса хореографического, музыкального и декоративного искусства. Композитор нескольких романсов, заслуживших уже некоторую известность, еще молодой и робкий человек, о котором шли толки, что он написал оперу на сюжет "Эсмеральды", <А. С. Даргомыжский>, — вмешался в разговор и заметил, что охотники до подобной оперы всегда найдутся между русскими композиторами, но найдутся ли между русскими литераторами охотники написать либетто для такой оперы?.. Жуковский взглянул на Пушкина, Пушкин взглянул на молодого композитора и заметил: у меня для этого есть два сюжета.

— Какие же это сюжеты?

— Один — оканчиваемая мною драматическая фантазия "Русалка"[3], а другой — небольшое антологическое стихотворение "Торжество Вакха". Из первой пьесы может выйти большая опера, из второй — лирическая, небольшая опера-балет.

Слова поэта заронились в душу композитора, и вследствие приведенного нами разговора, явились ныне две оперы г. Даргомыжского: лирическая опера-балет, в одном действии, "Торжество Вакха", которая совершенно окончена, и опера, написанная в духе русской народной музыки, "Русалка", еще никем не известная, и также приводимая к окончанию»[4].

По свидетельству О. Н. Смирновой, ее мать А. О. Смирнова однажды записала: «Глинка говорил мне о молодом композиторе, у которого он находит более таланта, чем у Верстовского; его фамилия — Даргомыжский. <...> Даргомыжский собрал песни; я посоветовала ему попросить Гоголя выписать для него "Думы". Надо бы их собрать: кобзари поют лучше, чем русские мужики»[5].

[1] М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества / Сост. А. Орлова. М., 1952. С. 125; Летопись жизни и творчества М. И. Глинки: В 2 ч. / Сост. А. А. Орлова. М., 1978. Ч. 1. С. 97.

[2] См. также ***1836. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] См. также ***1839. Марта 18 <6>. Понедельник. Рим.***

[4] *<Данилевский Г. П.> Д.* Петербургская летопись. <...> Новая опера г. Даргомыжского // Санктпетербургские Ведомости. 1852. 25 сент. № 214. С. 865; *Свод.* Т. 1. С. 794.

[5] *Смирнова О. Н.* Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // *Свод.* Т. 2. С. 332.

МАЙ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Перед отъездом за границу Гоголь сделал распоряжение дать вольную своему крепостному слуге Я. Нимченко (написав об этом матери; письмо не сохранилось), но тот сам не захотел этого.

См. ***1829. Января первая половина (после 5 числа). Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с друзьями, в преддверии близкого отъезда его слуги Я. Нимченко с женой Матреной на родину[1], сочиняет шуточное стихотворение «И с Матреной наш Яким...»[2]

Из «Воспоминаний о Гоголе» П. В. Анненкова (1857): «Помню, что несколько вечеров Гоголь беспрестанно тянул (мотивы для куплетов выбирались из новейших опер — из Фенеллы[3], Роберта[4], Цампы[5]) кантату[6], созданную для прославления будущего предполагаемого его путешествия в Крым, где находился стих:

И с Матреной наш Яким
Потянулся прямо в Крым»[7].

[1] См. ***1836. Июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт.***

[3] Речь идет об опере французского композитора Ф. Обера (1782–1871) «Фенелла» или «Немая из Портичи» (1828) (либретто Э. Скриба и Ж. Делавиня). См. ***1833. Вторая половина года. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Имеется в виду опера французского композитора Дж. Мейербера (наст. имя и фамилия Якоб Либман Беер; 1791–1864) «Роберт-Дьявол» (1831), приобретшая европейскую известность; в России поставлена в 1834 г. на сцене Большого театра в Петербурге.

[5] «Цампа» (1831) — опера французского композитора Л. Ж. Ф. Герольда (1791–1833).

[6] См. также ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[7] *Анненков П.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 434.

1833 СЕНТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА – 1836 ИЮНЯ НАЧАЛО. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По свидетельству П. В. Анненкова (1856), Гоголь «в одной из литературных бесед своих» однажды сказал:

«Умное слово — никогда не доказывает себя; только художник доказывает умное слово»[1].

В феврале-марте 1836 г. в рецензии на книгу Е. И. Ольдекопа «Картины мира», написанной для пушкинского «Современника», Гоголь, в частности, замечал: «Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется нам <...> так оглушительна своим величием, как когда <...> разрешается пред нами живым, знакомым миром... <...> Божественный <...> Спаситель наш первый открыл эту высокую тайну, облекши <...> божест<венные> мысли Свои в притчи, которые слушали и понимали тысячи народов. <...> И вот уже история

показывает умам соединение с философией и образует великое здание. И вот уже <...> во всех нынешних попытках романов и повестей, видно стремление <...> доказать какую-нибудь мысль...»[2]

[1] *Анненков П.* О значении художественных произведений для общества // *Свод.* Т. 3. С. 419.
[2] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Гоголь о поэзии и схоластике. (К авторскому определению жанра «Мертвых душ») // Творчество Н. В. Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 23–24 марта; Вена, 26–27 марта 2015 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя – мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.: Новосиб. изд. дом, 2016. С. 226–233.

ИЮНЯ 2. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» появляется третье, последнее извещение об отъезде княгини В. Ф. Вяземской с детьми за границу[1].

В этот день Гоголь присутствует на вечере у Вяземских в честь дня рождения сына Павла, где читает комедию «Женитьба».

На вечере, возможно, присутствовал А. С. Пушкин[2].

5/17 июня 1836 г. С. Н. Карамзина писала брату Андрею: «На днях мы провели вечер у Вяземских; у них, по случаю рождения Поля, Гоголь читал свою комедию “Женитьба”; мы смеялись до слез, так как он читает чудесно. Но во всех его произведениях один и тот же недостаток: полное отсутствие выдумки и интриги и большое однообразие смешных мест, всегда вульгарных и тривиальных; впрочем, самый русский дух, без примеси европейского. Сегодня <6 июня> он уезжает с тетушкой <княгиней В. Ф. Вяземской> и надеется повидать тебя в Эмсе»[3].

[1] См. ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт.***
[2] *Тархова.* Т. 4. С. 1885. – Предположение исследователей представляется маловероятным. Гоголь, зная о том, что уже 6 июня он едет за границу, вряд ли мог попрощаться 2 июня с Пушкиным, «как будто бы разлучаясь на два дни» (см. ***1836. Январь-май. Санкт-Петербург***).
[3] *Свод.* Т. 1. С. 839.

ИЮНЯ 2. ВТОРНИК. МОСКВА

Четвертое[1] представление «Ревизора» в Малом театре[2]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[3].

[1] См. ***1836. Мая 29. Пятница. Москва.***
[2] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[3] *Гриц.* С. 223.

ИЮНЯ 3. СРЕДА. МОСКВА

М. С. Щепкин пишет И. И. Сосницкому ответное письмо в Петербург:

«Сейчас получил от тебя, дружище, письмо[1], и сейчас отвечаю. Бранишь, что я не написал подробно об успехе пьесы, но я написал тебе все, что мог написать. Публика была изумлена новостью, хохотала чрезвычайно много, но я ожидал гораздо большего приема. Это меня чрезвычайно изумило; но один знакомый забавно объяснил мне этому причину: *“Помилуй, говорит, как можно*

было ее лучше принять, когда половина публики берущей, а половина дающей". И последующие разы это оправдали, принималась чрезвычайно хорошо, принимали с громкими вызовами, и она теперь в публике общим разговором, и, до кого она не коснулась, все в восхищении, а остальные морщатся. <Д. Т.> Ленский в Хлестакове очень недурен. <И. В.> Орлов[2] в слуге хорош. Бобчинский[3] и Добчинский[4] порядочны, а особливо в сцене, где они являются с просьбой, один об сыне, а другой хлопочет о том, чтобы привести в известность о его местопребывании; а первой сценой я недоволен. Собой я большею частию недоволен, а особливо первым актом. Петр Степанов в судье бесподобен. Женщинами я вообще недоволен, а особливо женой и дочерью[5], чрезвычайно нежизненны. Вчера[6] играли ее в четвертый раз, и публика каждый раз принимает ее теплее и теплее. Театр бывает всегда полон. Теперь доволен ли моим отчетом? Благодарю за хлопоты об моей поездке к вам, но я должен предупредить тебя, что я не иначе могу быть отпущен, как с половины августа до половины сентября, ибо дирекции нельзя раньше отпустить меня, потому что <В. И.> Живокини уехал на четыре месяца, <П. С.> Мочалов отпущен в Нижний, <А. О.> Бантышев[7], кажется, к вам в Питер по делу, <М. Д.> Синецкая начнет с половины месяца пить воды, а я остаюсь рабочим волом. Я для того известил тебя о сем, чтобы ты знал о времени, когда случится говорить с директором. Что же касается до пьесы Н. В. Гоголя[8], то ежели он взял ее переправить, нечего делать, будем ждать. Душевно желаю, чтобы письмо это его застало[9]. Ежели это случится, поцелуй его за меня на дорогу»[10].

[1] См. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва.***
[3] Роль исполнял Н. М. Никифоров.
[4] Исполнитель роли – актер Горшков.
[5] Роли исполняли М. Д. Львова-Синецкая и А. Ф. Ленская.
[6] См. ***1836. Июня 2. Вторник. Москва.***
[7] Александр Олимпиевич Бантышев (1804–1860), оперный артист московских театров.
[8] Имеется в виду комедия «Женитьба».
[9] Гоголь уехал за границу 6 июня 1836 г. (см. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***).
[10] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 7.

ИЮНЯ 5. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь в письме к матери, которое он поручает доставить слуге Я. Нимченко (отправляющемуся на родину), сообщает о своем отъзде за границу, «который имеет быть завтрашнего дня». Пишет, что, по его расчетам, Яким должен быть в Васильевке 6 июля. Посылает родным подарки:

«Посылаю вам на платье витепажеского ситцу и алый платок – шали, другой же платок, по черному фону, прочил я для Марии Ильиничны <Косяровской>, если же она не существует[1], то передайте его Катерине Ивановне <Ходаревской>. Для сестры <Марии> посылаю шляпку и платье. Посылаю вам также несколько книг и в том числе моего *Ревизора*, который наделал здесь чрезвычайно много шума, приобрел мне новых благоприятелей и еще большее число неблагоприятелей. Если бы сам государь не оказал своего высокого покровительства и заступничества, то вероятно она не была бы никогда играна или напечатана. Посылаю вам вид Невского проспекта со всеми домами, которые на нем есть[2]. Вы можете повесить его в комнате под самым карнизом и непременно в одной; в другую не переносите: иначе это будет смешно. Павлу Осиповичу <Трушковскому> посылаю трубку. Сестры <Анна и Елисавета> посылают вам своей работы поддончики для чернильниц, колокольчиков и подсвечников. <...> Из-за границы вы верно получите первое письмо мое прежде, нежели Аким успеет дотащиться с своею фурою и семьею».

[1] См. ***1836. Март – мая начало. Хутор Косяровщина.***

[2] Гоголь послал родным литографии, составляющие панораму Невского проспекта 1830–1835 гг. (выполнены И. А. Ивановым и П. С. Ивановым по акварелям В. С. Садовникова; изданы А. М. Прево; 30 лл.).

МЕЖДУ МАЯ 27 И ИЮНЯ 6. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь навещает княгиню А. И. Васильчикову, находящуюся в трауре по случаю кончины ее матери[1]. Рассказывает случай, напоминающий финал «Женитьбы», работу над которой недавно завершил[2] (в конце мая 1836 г. Гоголь читал комедию И. И. Сосницкому[3] и 2 июня того же года – Вяземским[4]).

«В ночи на 27-е мая, в двенадцать часов, безмятежно совершила осьмидесятилетнее поприще жизни супруга покойного Генерала от Инфантерии Ивана Петровича Архарова и Кавалерственная Дама ордена Св. Екатерины, *Екатерина Александра Архарова* <рожденная Римская-Корсакова>»[5].

Граф В. А. Соллогуб в 1865 г. вспоминал о Гоголе: «После незабвенного для меня чтения[6] я, разумеется, сблизился с Гоголем и находился с того времени постоянно с ним в самых дружелюбных отношениях, но никогда не припоминал он о нашем первом знакомстве: видно было, что, несмотря на всю его душевную простоту (отпечаток возвышенной природы), он несколько совестился своего прежнего звания толкователя картинок. Впрочем, он изредка посещал мою тетку[7] и однажды сделал ей такой странный визит, что нельзя о нем не упомянуть. Тетушка сидела у себя с детьми в глубоком трауре, с плёрезами, по случаю недавней кончины ее матери <Е. А. Архаровой>. Докладывают про Гоголя. – "Просите". Входит Гоголь с постной физиогномией. Как обыкновенно бывает в подобных случаях, разговор начался о бренности всего мирского. Должно быть, это надоело Гоголю: тогда он был еще весел и в полном порыве своего юмористического вдохновения. Вдруг он начинает предлинную и преплачевную историю про какого-то малороссийского помещика, у которого умирал единственный, обожаемый сын. Старик измучился, не отходил от больного ни днем, ни ночью по целым неделям, наконец утомился совершенно и пошел прилечь в соседнюю комнату, отдав приказание, чтоб его тотчас разбудили, если больному сделается хуже. Не успел он заснуть, как человек бежит. "Пожалуйте!" – "Что, неужели хуже?" – "Какой хуже! Скончался совсем!" При этой развязке все лица слушавших со вниманием рассказ вытянулись, раздались вздохи, общий возглас и вопрос: "Ах, Боже мой! Ну что же бедный отец?" – "Да что ж ему делать, – продолжал хладнокровно Гоголь, – растопырил руки, пожал плечами, покачал головой, да и свистнул: фю, фю". – Громкий хохот детей заключил анекдот, а тетушка, с полным на то правом, рассердилась на эту шутку, действительно, в минуту общей печали, весьма неуместную. Трудно объяснить себе, зачем Гоголь, всегда кроткий и застенчивый в обществе, решился на подобную выходку. Быть может, он вздумал развеселить детей от господствовавшего в доме грустного настроения; быть может, он, сам того не замечая, увлекся бившей в нем постоянно струей неодолимого комизма. Впрочем, он очень любил это окончание едва внятным свистом и кончил им свою комедию "Женитьба"»[8].

Имеется в виду финал первоначальной редакции комедии: «*Агаф<ья> Александровна.* Как! улизнул в окно! Фю, фю! *(Слегка посвистывает, как обыкновенно делается в случае несбывшихся надежд. Занавес опускается)*»[9].

В 1909 г. внучка А. И. Васильчиковой А-ра А. Милорадович (рожд. Васильчикова), со слов своего отца А-ра Ал. Васильчикова, также сообщала: «Приезжает раз Гоголь, входит, бабушка сидит грустная, в глубоком трауре. Гоголь, чтобы развлечь ее, начинает длинный рассказ о том, что такие ли бывают еще утраты, что он знавал одного отца, у которого был единственный, нежно любимый сын... сын этот заболевает, отец с отчаяния сзывает на консилиум лучших врачей, волнуется, терзается, везет сына за границу... ничего не помогает... силы угасают... сын умирает.

– Ну что же отец? – в волнении спрашивает бабушка.

– Отец? Да ничего! Дунул себе на ладонь и сказал только: фью!..

Бабушка страшно рассердилась такому неуместному утешению.

В рассказе "Нос"[10] Гоголь выводит бабушку в следующей фразе: "Одна знатная, почтенная особа просила особенным письмом смотрителя за садом показать детям ее этот редкий феномен и, если можно, с объяснением наставительным и назидательным для юношей"»[11].

[1] «До 1836 года Васильчиковы постоянно жили в Петербурге... <...> Смерть матери, случившаяся в 1836 году, была эпохою в жизни Александры Ивановны и заставила ее переменить место жительства. Осенью этого года Васильчиковы переселились в Киев, где и прожили около трех лет, уезжая по временам то в Яготин, великолепное имение родственника своего, кн<язя> Н. Г. Репнина-Волконского, то в собственные Украинские поместья. <...> В 1840 году, проведя зиму в Москве, она поехала в Петербург представить Двору, родным и знакомым старшую дочь свою, Анну Алексеевну (ныне графиню Баранову) и следующим летом, для поправления здоровья второй дочери, Екатерины Алексеевны (ныне княгини Черкасской), отправилась с семейством <на два года> в чужие краи. Васильчиковы объехали Италию <см. ***1842. Июнь <мая средина – июня средина>. Монтекатини***>, жили в Париже и проезжали большую часть Германии. Зиму 1842</43> года они провели в Париже, лето 1843 – в Эмсе, где Александра Ивановна сблизилась и подружилась с В. А. Жуковским <см. ***1843. Июля 2–3 <июня 20–21>. Воскресенье-понедельник. Эмс***>. <...> С 1844 года Васильчикова жила постоянно в Москве» (*Бартенев П.* Александра Ивановна Васильчикова (некролог) // Московские Ведомости. 1855. 20 сент. № 113 / Литературный отдел Московских Ведомостей 1855 года, сентября 20-го дня, № 113. С. 463). – См. также ***1848. Декабря 4 или 5. Суббота или воскресенье. Москва***; ***1850–1851. Москва***.

[2] См. ***1836. Апреля 29. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург.***

[4] См. ***1836. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.***

[5] *П. Д. А.* <Некролог> // Северная Пчела. 1836. Июня 2. № 123. С. 489.

[6] См. ***1831. Июня конец. Павловск.***

[7] Княгиню А. И. Васильчикову (рожденную Архарову).

[8] Из воспоминаний графа В. А. Соллогуба // *Свод.* Т. 1. С. 650. См. также ***1834 декабря 7 – 1835 февраля 22. Пятница. Санкт-Петербург.***

[9] *Гоголь 1937–1952.* Т. 5. С. 333. См. также ***1835. Августа конец. Москва.***

[10] См. ***1833. Вторая половина года. Санкт-Петербург.***

[11] *Милорадович А.* О Гоголе. (Со слов покойного А. А. Васильчикова) // *Свод.* Т. 1. С. 657.

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 6 <18>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятно, незадолго до отъезда за границу Гоголь дает согласие А. А. Краевскому и князю В. Ф. Одоевскому на участие в ежеквартальном «Русском Сборнике»[1], предполагаемом к изданию с 1837 г.

16 августа 1836 г. А. В. Враским, князем В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским министру народного просвещения С. С. Уварову была представлена «Программа для издания книги под названием: *Русский Сборник* с принадлежащим к нему *Литературным Летописцем*», с сопроводительной запиской Одоевского[2].

В «Программе...» Гоголь упоминается среди двенадцати лиц, которые «обещали доставлять» в «Русский Сборник» свои произведения «по отделу *Словесности*»: В. Г. Бенедиктов, князь П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, В. Г. Тепляков, братья А-р и Анд. Н. Карамзины и др. (А. С. Пушкина среди них нет)[3].

По мнению Ю. Г. Оксмана, замысел нового издания вызван «разногласиями внутри редакционного аппарата» журнала «Современник»: «В августе 1835 г. два ближайших сотрудника Пушкина – кн<язь> В. Ф. Одоевский и А. А. Краевский – противопоставляют "Современнику", при молчаливом сочувствии большинства других литераторов, участвовавших в издании, план нового журнала, который они предполагают организовать в 1837 г. под названием "Русский сборник"»[4].

«Дело канцелярии Главного управления цензуры о журнале *Русский Сборник* с принадлежащим к нему *Литературным летописцем*» началось 17 августа 1836 г. В этот день была рассмотрена программа издания и вынесено постановление: «О дозволении сего журнала представить на Высо-

чайшее Государя Императора разрешение, по возвращении Его Величества в столицу». 16 сентября 1836 г. в Коломне на докладной записке С. С. Уварова от 10 сентября 1836 г. Государь написал: «И без того много»[5].

В период делопроизводства (после 17 августа – не позднее 16 сентября 1836 г.), Краевский и Одоевский, полагая, что «сосуществование двух Журналов в одном и том же духе издаваемых может только вредить им обоим», обратились к Пушкину с предложением слияния обоих журналов – «Современника» и «Русского Сборника» – в один, под названием «Современник»[6].

29 августа 1836 г. А. Ф. Воейков писал А. А. Краевскому из с. Рыбацкое: «О, как я молю Бога, чтобы осуществились слухи, по которым вы, соединяясь с Пушкиным и Одоевским, примете с наступающего нового года живое участие в *Современнике*, не имеющем и полутораста иногородних подписчиков! Тогда издавайте его в 24, а не в 4-х книжках»[7].

Уже после запрещения «Русского Сборника» А-р Н. Карамзин 30 сентября 1836 г. писал брату Андрею: «Одоевский готовится издавать свой журнал, но еще нет ничего. Я буду у него послезавтра. Пришли ему статейку»[8]. О запрещении журнала Александр Карамзин известил брата в письме от 6 ноября 1836 г.: «...Одоевскому запретили издавать журнал. Наша литературная слава оказалась недолговечной, дорогой мой, наши имена были напечатаны в объявлении, и на том все кончилось»[9].

После запрета «Русского Сборника» Одоевский и Краевский добиваются осуществления нового проекта. «К началу декабря 1836 г. между Одоевским, Краевским и А. А. Плюшаром, с одной стороны, и А. Ф. Воейковым – с другой, состоялось соглашение о временной передаче прав на издание "Литературных прибавлений", печатавшихся с 1830 г. к «Русскому инвалиду». <...> ...Сохранилось дело канцелярии главного управления цензуры об издании этого журнала в 1837 г. В этом деле мы находим программу издания под названием "Об издании Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду на 1837 год". <...> ...Документ <...> представляет собою легкую переработку и сокращение программы "Русского сборника" применительно к условиям еженедельного органа. <...> В программе "Литературных прибавлений" указаны 14 основных постоянных сотрудников: Краевский (редактор), Вяземский, Жуковский, Крылов, Одоевский, Пушкин, Тепляков, Гоголь[10], Розен, Арсеньев, Бередников, <П. П.> Максимович, Плетнев и Струйский. Из этих имен в программе "Русского сборника" отсутствовало лишь имя А. С. Пушкина. В "Списке" "Северного зрителя" отсутствовали лишь Крылов и Розен[11]. Среди фактических сотрудников "Литературных прибавлений" мы находим и других сотрудников "Северного зрителя" и "Русского сборника": Бенедиктова, Александра Карамзина, Кольцова, Снегирева. <...>

В 1839 г. Одоевскому при содействии ряда лиц, наконец, удалось осуществить свою мечту в виде "Отечественных записок"... <...> Историческое значение "Литературных прибавлений" к "Русскому инвалиду" 1837 и 1838 гг., таким образом, в первую очередь состоит в том, что они явились связующим звеном между "Русским сборником" и "Отечественными записками", сохранив основную группу сотрудников, восходящую еще к "Северному зрителю" 1835 года[12]. <...> Несмотря на то, что со времени "Списка" "Северного зрителя" до момента возникновения "Отечественных записок" полностью истекло три года (1835–1838), среди лиц, объявленных сотрудниками "Отечественных записок" в их программе[13] или действительно сотрудничавших в них, мы находим 19 человек из числа выразивших свою готовность сотрудничать в "Северном зрителе". Лица эти следующие: К. И. Арсеньев, В. Г. Бенедиктов, А. В. Веневитинов, А. Г. Венецианов, П. А. Вяземский, Н. В. Гоголь, В. В. Григорьев, В. А. Жуковский, А. П. Заблоцкий-Десятовский[14], Александр Н. Карамзин, А. В. Кольцов, А. А. Краевский, П. П. Максимович, Г. П. Небольсин, Я. М. Неверов, В. Ф. Одоевский, М. Д. Резвой, Д. Ю. Струйский, Ф. В. Чижов»[15].

[1] См. также ***1835. Март. Санкт-Петербург.***

[2] *Могилянский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 218.

[3] Программа для издания книги под названием: *Русский Сборник* с принадлежащим к нему *Литературным Летописцем* // *Свод.* Т. 2. С. 5.

[4] *Оксман Ю.* Переписка Белинского. Критико-библиографический обзор // Лит. наследство. Т. 56. М., 1950. С. 233–234.

[5] <*Стасов В. В.*> Цензура в царствование императора Николая I // Русская Старина. 1903. № 3. С. 588–589; *Могилянский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных "Отечественных записок" // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 215, 219.

[6] Неизданные письма к Пушкину. Публикация В. Ерофеева, Ю. Оксмана и Ф. Приймы // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 289.

[7] Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894. Приложение. С. 3.

[8] Письмо написано в период с двадцатых чисел сентября по 1 октября 1836 г. (*Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 173; см. также: Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов/ <Публ. письма М. П. Султан-Шах>. М.; Л., 1960. С. 119).

[9] *Андроников И.* Тагильская находка // Новый мир. 1956. № 1. С. 174.

[10] См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

[11] См. ***1835. Март. Санкт-Петербург***; ***1835.*** **Апреля 3. Пятница. Санкт-Петербург.**

[12] См. в наст. изд. «Объявление об издании Отечественных Записок в 1839 году» А. А. Краевского.

[13] См. ***1838. Октября 22 <ноября 3>. Суббота. Санкт-Петербург.***

[14] Андрей Парфенович Заблоцкий-Десятовский (1807–1881), писатель, экономист, статистик, историк, издатель альманаха «Сельское Чтение» (1843–1848; совместно с князем В. Ф. Одоевским); предназначавшегося специально для крестьянина-земледельца. – См. также ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Санкт-Петербург.***

[15] *Могилянский А. П.* А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок» // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1949. Т. 4. № 3. С. 220; см. также: *Свод.* Т. 2. С. 7.

ИЮНЯ 6 <18>. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, КРОНШТАДТ

Гоголь вместе с А. С. Данилевским, – оставив в Петербурге у Н. Я. Прокоповича свою библиотеку[1], «рукописные книги и бумаги»[2], простившись незадолго перед тем с П. А. Плетневым[3], – отправился – на «год или полтора»[4] – за границу. Для Гоголя главной целью путешествия был Рим. Князь П. А. Вяземский, который провожал тогда за границу жену и детей[5], простился с Гоголем на кронштадтском причале, снабдил его рекомендательными письмами (в частности, к русскому посланнику в Швейцарии Д. П. Северину)[6], письмом к врачу И. Г. Коппу[7], а также поделился своими воспоминаниями о Риме. На том же пароходе за границу отправился И. Ф. Золотарев, с которым Гоголь и Данилевский вскоре познакомились.

Сразу после отъезда Гоголя его слуга Я. Нимченко с женой Матреной отправились, на нанятом Гоголем извозчике[8], домой в Васильевку[9].

В письме к матери от 5 июня 1836 г. Гоголь писал: «Заплатите за меня довезшему извозчику остающие<ся> 130 рублей – у меня лишних не случилось – и прикажите всыпать сколько-нибудь овса в его ненасытную телегу».

В. И. Шенрок, общавшийся с Данилевским в 1887 г., писал: «...В половине 1836 года <...> Гоголь двинулся в сообществе своего неразлучного друга Данилевского за границу. <...> Сестры Гоголя простились с ним в институте (оставляя их одних в институте, он всячески заботился, чтобы им было хорошо, чтоб их почаще навещали и пр. <...>); но на пароход приехал дружески проводить Гоголя князь Вяземский, расположенный к своему молодому литературному собрату...»[10]

Позднее, в <Письме из Рима к редактору журнала «Современник» П. А. Плетневу> (1837), Гоголь замечал: «Князь Вяземский очень справедливо сравнивает Рим с большим прекрасным романом или эпопеею, в которой на каждом шагу встречаются новые и новые, вечно неожиданные красы»[11].

Спустя полгода, в письме к самому князю Вяземскому из Рима, от 25 июня (н. ст.) 1838 г., Гоголь отмечал: «Живя в Риме, я припомнил всё то, что вы говорили мне о нем. Всё это справедливо, так же как и верное ваше сравнение его с Неаполем. Я читаю этот роман каждый день с новым и новым наслаждением...»

В том же году И. Ф. Золотарев, отправившийся в 1836 г. за границу на одном с пароходе с Гоголем и Данилевским[12], в письме к последнему из Рима в Париж от 19 апреля (н. ст.) 1838 г., в свою очередь, замечал: «Гоголь и я ждем тебя и не дождемся... <...> В Рим – как в роман, или в огромную повесть все вчитываешься далее и более, и более и более находишь красоты...»[13]

Сравнение Золотаревым Рима с «романом», очевидно, также восходит к суждениям князя П. А. Вяземского. Хотя этот отзыв Золотарев мог слышать непосредственно от Гоголя в 1838 г., однако, поскольку его

знакомство с Гоголем и Данилевским состоялось еще в 1836 г. – сразу после их прощания с князем Вяземским в Кронштадте, то можно предположить, что слова князя о Риме были сообщены Гоголем новому знакомому еще в то время.

Сравнение Рима с романом (с упоминанием о Неаполе) Гоголь, во-первых, мог прочесть в письме Вяземского к А. О. Смирновой от 21 августа 1835 г. Напутствуя в этом послании Смирнову, также отправлявшуюся в то время в Рим, Вяземский писал: «Я был очень тронут, дорогая и хорошая Александра Осиповна, вашею благосклонною памятью обо мне, и участие, которые вы принимаете в моей скорби, не удивляет меня...»[14] (Вяземский подразумевает здесь кончину в 1835 г. в Риме его восемнадцатилетней дочери Прасковьи Петровны. Обратим внимание, что в письме к Вяземскому от 25 июня (н. ст.) 1838 г. из Рима Гоголь сообщает ему о посещении могилы княжны П. П. Вяземской: «Еще не так давно был я вместе с княгиней Зин<аидой> Волхонской на знакомой и близкой вашему сердцу могиле»[15].) «Как мне жаль за вас, – продолжает Вяземский в письме к Смирновой, – что холера хочет вторгнуться в Италию и, вероятно, помешает вам провести зиму в Риме, как вы намеревались. Что за жизнь в Риме! Это единственный уголок на земле, заставляющий еще биться мое сердце надеждой и будущностью. Это *общая родина для всех* (курсив наш. – *И. В.*), у кого есть душа, воображение и потребность внутренней жизни. <...> *Неаполь* (курсив наш. – *И. В.*) произвел на меня впечатление оперы-феерии; он волшебен и опьяняющ; но мне кажется, что нужно быть суетным, чтобы находить удовольствие в постоянном пребывании там и не пресытиться в конце концов. Я бы сравнил *Рим с хорошим романом* Вальтер-Скотта (курсив наш. – *И. В.*), который с каждой страницей завладевает все больше и больше вашим вниманием... <...> Когда вы там будете, вспомните обо мне: там вы встретитесь легче всего с моими мыслями, воспоминаниями и надеждами; там я живу сердечной жизнью под тенью кипариса, который, без сомнения, вы пойдете посмотреть»[16] (Вяземский вновь вспоминает могилу дочери).

Из содержания настоящего письма видно, что под Римом как «общей родине для всех, у кого есть душа, воображение и потребность внутренней жизни», Вяземский подразумевает вполне традиционное для того времени представление о Риме как «родине художников». Такое воззрение было, к примеру, широко распространено в стенах тогдашней петербургской Академии художеств, которую посещал Гоголь в первой половине 1830-х гг. (это мнение о Риме разделял, в частности, выпускник этой Академии, друг Гоголя художник А. А. Иванов). Потому, видимо, отзыв Вяземского о «вечном городе» и пришелся Гоголю по душе и отразился в целом ряде его писем, где он называет Рим и Италию своей «второй родиной».

Так, 3 сентября (н. ст.) 1837 г. Гоголь писал Н. М. Смирнову: «Вообразите себе мое несчастие: в Риме холера. Меня это как громом хватило; а я уже помышлял, с какою радостью увижу я знакомый купол и места, сделавшиеся для меня второю родиною»; 30 ноября (н. ст.) 1837 г. – В. А. Жуковскому: «Если бы вы знали, с какою радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! <...> Я родился здесь. <...> Я проснулся опять на родине...»; в апреле (н. ст.) 1838 г. – М. П. Балабиной: «И когда я увидел наконец во второй раз Рим, о, как он мне показался лучше прежнего! Мне казалось, что будто я увидел свою родину, в которой несколько лет не бывал я, а в которой жили только мои мысли. Но нет, это всё не то, не свою родину, но родину души своей я увидел, где душа моя жила еще прежде меня, прежде чем я родился на свет»[17]. Сходные размышления об Италии встречаются и в цитированном письме Гоголя к Плетневу, предназначавшемся к публикации, где Гоголь приводит сравнение Вяземского Рима с «прекрасным романом»: «Когда вам всё изменит, когда вам больше ничего не останется такого, что бы привязывало вас к какому-нибудь уголку мира, приезжайте в Италию. Нет лучшей участи, как умереть в Риме; целой верстой здесь человек ближе к Божеству».

Судя по отмеченным реминисценциям в письмах Гоголя послания князя Вяземского к Смирновой от 21 августа 1835 г., оно вполне могло быть прочитано Гоголю Смирновой во время их совместного пребывания в Париже зимой 1836/37 г. Однако вероятнее то, что свое напутствие Смирновой при отъезде ее в Рим в 1835 г. Вяземский «повторил» устно самому Гоголю – либо при прощании с ним на кронштадтском причале 6 июня 1836 г., либо чуть ранее на праздновании дня рождения сына Вяземского Павла 2 июня[18].

Интерес к Риму – городу-музею, городу «археологов, нумизматов, историков» (выражение П. В. Анненкова)[19], по-видимому, возник у Гоголя еще в отроческом возрасте, в родной семье, при чтении многочисленных житий святых, при узнавании о путешествиях в Рим и мученической кончине здесь «апостола языков» Павла, о трагических и высоких судьбах многих других христианских мучеников и исповедников, подвизавшихся в Риме. Восхищением поэтической Италией, страной «вдохновенья», пронизано самое первое из опубликованных его произведений – стихотворение «Италия» (1829). Интерес к «вечному городу» возрастал у Гоголя при изучении мировой истории, в которой его привлекал и период древнего имперского Рима, и, еще более, эпоха средневекового, православного Рима (до разделения Церквей). Даже современный Гоголю Рим был, среди всех тогдашних европейских столиц, прежде всего городом прошлого, городом «беспрестанно убывающим, разрушающимся, покидаемым, пустеющим»[20] – при этом исполненным старых благочестивых обычаев и добрых патриархальных нравов, вскоре по приезде напомнившим Гоголю родную Малороссию[21].

После премьеры «Ревизора»[22] Гоголь замечал в «Театральном разъезде...»: «Я удалюсь: пустыня мне нужна...» «И нынешнее мое удаление из отечества, – писал он также в письме к В. А. Жуковскому от

28 июня (н. ст.) 1836 г., – оно послано свыше, тем же великим Провидением, ниспосылавшим все на воспитание мое».

В письме к А. О. Смирновой от 9 января (н. ст.) 1845 г. Гоголь сообщал: «С тех [только] пор, как я оставил Россию, [началось мое внутреннее истинное воспитание] произошла во мне великая перемена. *Душа* заняла меня всего, и я увидел слишком ясно, что без устремления моей души к ее лучшему совершенству не в силах я был двигнуться ни одной моей способностью, ни одной стороной моего ума во благо и в пользу моим собратьям, и без этого воспитания душевного всякий труд мой будет только временно блестящ, но суетен в существе своем. Как Бог довел меня до этой мысли, как воспитывалась незримо от всех моя душа – это известно вполне Богу. Об этом не расскажешь. Для этого потребовались бы томы, и эти томы всё бы не сказали всего. Да и к чему рассказывать о том, какие вещества горели и перегорали во мне? Когда услышите потом раздавшееся благоухание, сами тогда догадаетесь, от горения каких веществ произошло благоуханье; если ж не услышите благоухания, то нечего и знать о том, что горело в душе моей. Скажу вам только то, что небесно милостив был ко мне Бог, что святая милость Его помогла мне в стремлении моем и что теперь, каков я ни есть, хотя вижу ясно неизмеримую бездну, отделяющую меня от совершенства, но вижу вместе с тем, что я далеко лучше от того человека, каким был прежде. Но всего этого, что произошло во мне, не могли узнать мои литературные приятели».

В «Авторской исповеди» (1847)[23] Гоголь также вспоминал: «После "Ревизора" я почувствовал, более нежели когда-либо прежде, потребность сочиненья полного, где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться. <...> Я начал было писать[24], не определивши себе обстоятельного плана, не давши себе отчета, что такое именно должен быть сам герой. Я думал просто, что смешной проект, исполненьем которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными. Но на всяком шагу я был останавливаем вопросами: зачем? к чему это? что должен сказать собою такой-то характер? что должно выразить собою такое-то явление? Спрашивается: что нужно делать, когда приходят такие вопросы? Прогонять их? Я пробовал, но неотразимые вопросы стояли передо мною. Не чувствуя существенной надобности в том и другом герое, я не мог почувствовать и любви к делу изобразить его. Напротив, я чувствовал что-то вроде отвращенья: все у меня выходило натянуто, насильно, и даже то, над чем я смеялся, становилось печально.

Я увидел ясно, что больше не могу писать без плана, вполне определительного и ясного, что следует хорошо объяснить прежде самому себе цель сочиненья своего, его существенную полезность и необходимость, вследствие чего сам автор возгорелся бы любовью истинной и сильной к труду своему, которая животворит все и без которой нейдет работа. <...> Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить так же службу государственную, я бросил все: и прежние свои должности, и Петербург, и общества близких душе моей людей, и самую Россию, затем чтобы вдали и в уединенье от всех обсудить, как это сделать, как произвести таким образом свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей. Чем более обдумывал я свое сочинение, тем более чувствовал, что оно может действительно принести пользу. Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены. Мне хотелось сюда собрать одни яркие психологические явления, поместить те наблюдения, которые я делал издавна сокровенно над человеком, которые не доверял дотоле перу, чувствуя сам незрелость его, которые, быв изображены верно, послужили бы разгадкой многого в нашей жизни, – словом, чтобы по прочтенье моего сочиненья предстал как бы невольно весь русский человек, со всем разнообразьем богатств и даров, доставшихся на его долю преимущественно перед другими народами, и со всем множеством тех недостатков, которые находятся в нем, – также преимущественно перед всеми другими народами. Я думал, что лирическая сила, которой у меня был запас, поможет мне изобразить так эти достоинства, что к ним возгорится любовью русский человек, а сила смеха, которого у меня также был запас, поможет мне так ярко изобразить недостатки, что их возненавидит читатель, если бы даже нашел их в себе самом. Но я почувствовал в то же время, что все это возможно будет сделать мне только в таком случае, когда узнаешь очень хорошо сам, что действительно в нашей природе есть достоинства и что в ней действительно есть недостатки. Нужно очень хорошо взвесить и оценить то и другое и объяснить себе самому ясно, чтобы не возвести в достоинство того, что есть грех наш, и не поразить смехом вместе с недостатками нашими и того, что есть в нас достоинство. Мне не хотелось даром тратить силу. С тех пор как мне начали говорить, что я смеюсь не только над недостатком, но даже целиком и над самим человеком, в котором заключен недостаток, и не только над всем человеком, но и над местом, над самою должностью, которую он занимает (чего я никогда даже не имел и в мыслях), я увидал, что нужно со смехом быть очень осторожным, – тем более, что он заразителен, и стоит только тому, кто поостроумней, посмеяться над одной стороной дела, как уже вослед за ним тот, кто потупее и поглупее, будет смеяться над всеми сторонами дела. Словом, я видел ясно, как дважды два четыре, что прежде, покамест не определю себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека

вообще и душу человека вообще: без этого не станешь на ту точку воззрения, с которой видятся ясно недостатки и достоинства всякого народа.

С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений. Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнанье тех вечных законов, которым движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. Все, где только выражалось познанье людей и души человека, от исповеди светского человека до исповеди анахорета и пустынника, меня занимало, и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека и что еще никто из душезнателей не всходил на ту высоту познанья душевного, на которой стоял Он. Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно. К этому привел меня и анализ над моею собственной душой... <...>

Итак, на некоторое время занятием моим стал не русский человек и Россия, но человек и душа человека вообще. Все меня приводило в это время к исследованию общих законов души нашей: мои собственные душевные обстоятельства, наконец обстоятельства внешние... <...> Несколько раз, упрекаемый в недеятельности, я принимался за перо. Хотел насильно заставить себя написать хоть что-нибудь вроде небольшой повести или какого-нибудь литературного сочинения – и не мог произвести ничего. Усилия мои оканчивались почти всегда болезнию, страданиями и наконец такими припадками, вследствие которых нужно было надолго отложить всякое занятие. Что мне было делать? Виноват я разве был в том, что не в силах был повторять то же, что говорил или писал в мои юношеские годы? Как будто две весны бывают в возрасте человеческом! И если всяк человек подвержен этим необходимым переменам при переходе из возраста в возраст, почему же один писатель должен быть исключеньем? Разве писатель также не человек? Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою. Предмет у меня был всегда один и тот же: предмет у меня был – жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, и пришел к Тому, Кто есть источник жизни. От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движеньях его, которые пропускаются без вниманья людьми, – и я пришел к Тому, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу. Я не успокоился до тех пор, покуда не разрешились мне некоторые собственные мои вопросы относительно меня самого. И только тогда, когда нашел удовлетворенье в некоторых главных вопросах, мог приступить вновь к моему сочинению, первая часть которого составляет еще поныне загадку, потому что заключает в себе некоторую часть переходного состоянья моей собственной души, тогда как еще не вполне отделилось во мне то, чему следовало отделиться».

В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1847 г., являющемся продолжением «Авторской исповеди» (предназначавшемся к публикации во втором (несостоявшемся) издании «Выбранных мест из переписки с друзьями» под названием «Искусство есть примирение с жизнью»), Гоголь также сообщал: «Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы. Я видел и обнимал порознь много частей, но план целого никак не мог предо мной выясниться и определиться в такой силе, чтобы я мог уже приняться и начать писать. На всяком шагу я чувствовал, что мне многого недостает, что я не умею еще ни завязывать, ни развязывать событий и что мне нужно выучиться постройке больших творений у великих мастеров. Я принялся за них, начиная с нашего любезного Гомера[25]. Уже мне показалось было, что я начинаю кое-что понимать и приобретать даже их приемы и замашки, – а способность творить все не возвращалась. От напряженья болела голова. С большими усилиями удалось мне кое-как выпустить в свет первую часть "Мертвых душ"[26], как бы затем, чтобы увидеть на ней, как я был еще далек от того, к чему стремился. После этого нашло на меня вновь безблагодатное состояние. Изгрызалось перо, раздражались нервы и силы – и ничего не выходило. Я думал, что уже способность писать просто отнялась от меня. И вдруг болезни и тяжкие душевные состоянья, оторвавши меня разом от всего и даже от самой мысли об искусстве, обратили к тому, к чему прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюденью внутреннему над человеком и над *душой человеческой*. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься *ближе с* Тем, Который Один из всех доселе бывших на земле показал в Себе полное познанье души человеческой, божественность Которого если бы даже и отвергнул мир, то уж этого последнего свойства никак не в силах отвергнуть, разве только в таком случае, когда сделается уже не *слеп*, а просто *глуп*. Этим крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет. И, может быть, будущий уездный учитель словесности прочтет ученикам своим страницу будущей моей прозы непосредственно вослед за твоей, примолвивши: "Оба писателя правильно писали, хотя и не похожи друг на друга". Выпуск книги "Переписка с друзьями"[27], с которою (от радости, что расписалось перо) я так поспешил, не подумавши, что, прежде чем принести какую-нибудь пользу, могу сбить ею с толку многих, пришелся в пользу мне самому. На этой книге я увидел, где и в чем я перешел в то излишество, в которое, в эпоху нынешнего переходного состоянья общества, попадает почти всякий идущий вперед человек. Несмотря на пристрастье суждений об этой книге и разномыслие их, в итоге послышался об-

щий голос, указавший мне место мое и границы, которых я, как писатель, не должен переступать. В самом деле, не мое дело поучать проповедью. Искусство и без того уже поученье. Мое дело говорить *живыми образами*, а не рассужденьями. Я должен выставить *жизнь* лицом, а не трактовать о жизни»[28].

[1] См. ***1837. Сентября 19 <7>. Вторник. Женева.***

[2] См. ***1836. Июня 27–30 <15–18>. Гамбург.***

[3] См. ***1839. Сентября 27. Среда. Москва.***

[4] См. ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург.*** – См. также ***1837. Июля 20 <8>. Четверг. Баден-Баден***; ***1838. Августа 14 <2>. Вторник. Кастелламаре.***

[5] См. ***1836. Мая 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

[6] См. ***1836. Августа около 18 <6>. Накануне или в день праздника Преображения Господня. Берн.***

[7] См. ***1836. Июня 27 <15>. Понедельник. Травемюнде, Любек, Гамбург.*** – Иоганн Генрих (Johann Heinrich Kopp; 1777–1858), известный немецкий врач.

[8] См. ***1829. Января первая половина (после 5 числа). Санкт-Петербург*** (примечания).

[9] См. ***1836. Июня 5. Пятница. Санкт-Петербург.*** – 17/29 июня 1836 г. Гоголь писал матери из Гамбурга: «Без сомнения, Аким с семейством своим достиг уже Васильевки и рассказал вам о моем выезде довольно подробно».

[10] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 515.

[11] См. ***1837. Ноября 30 <18>. Четверг. Рим.***

[12] См. ***1836. Июня 6–14. Санкт-Петербург – Травемюнде. Борт парохода «Николай I»***; ***1838. Апреля около 8. Рим.***

[13] *Свод.* Т. 3. С. 118.

[14] *Свод.* Т. 1. С. 843.

[15] См. также ***1834. Августа 23. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1839. Марта 27 <15>. Среда. Рим.***

[16] *Свод.* Т. 1. С. 843.

[17] См. ***1837 ноября не позднее 30 <не позднее 18> – 1838 июля начало <июня вторая половина>. Рим.***

[18] См. ***1836. Июня 2. Вторник. Санкт-Петербург.*** – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неузнанное произведение Гоголя // Духовная традиция в русской литературе. Сб. науч. статей / Науч. ред., сост. Г. В. Мосалевой. Ижевск, 2013. С. 236–248.

[19] См. ***1838. Апреля конец <апреля средина>. Рим*** (примечания).

[20] См. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

[21] См. выше письмо к Балабиной 1838 г., а также: ***1837. Апреля 15 <3>. Суббота. Рим***; ***1838. Апреля 23 <11>. Понедельник. Рим***; ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим.*** – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* От «Невского проспекта» до «Рима» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 505–570.

[22] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[23] См. ***1847. Июня 10 <мая 29> – июля 10 <июня 28>. Франкфурт-на-Майне***; ***1847. Августа 10 <июля 29>. Вторник. Остенде.***

[24] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1840. Января 2. Вторник. Москва*** (примечания).

[26] См. ***1842. Мая 15–17. Пятница-воскресенье. Москва.***

[27] См. ***1846 декабря 31 <1847 января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

[28] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

ИЮНЯ 6 <18>. СУББОТА. МОСКВА

Цензурное разрешение № 8 газеты «Молва» с анонимным откликом (принадлежащим В. Г. Белинскому или Н. И. Надеждину) на московскую постановку «Ревизора».

«Внезапное оживление нашей сцены составляет теперь самую занимательную новость. Г. Гоголь, заслуживший громкую известность своими повестями, отличающимися высокой художественностью, обратил деятельность своего таланта на другую сторону искусства, комедию. <...> Его оригинальный взгляд на вещи, его уменье схватывать черты характеров, налагать на них печать типизма, его неистощимый гумор – все это дает нам право надеяться, что театр наш скоро воскреснет, скажем более – что мы будем иметь свой национальный театр, который будет нас уго-

щать не насильственными кривляньями на чужой манер, не заемным остроумием, не уродливыми переделками, а художественным представленнем нашей общественной жизни... <...> Посмотрите, какие толпы хлынули на его комедию, посмотрите, какая давка у театра, какое ожидание на лицах! Не приписывайте этого одной *новости:* русский человек часто поддается обману, увлекается мишурою, принимает новость за достоинство, но у него есть свое чутье, которое, против его воли, заставляет его ценить истинно изящное... <...> "Ревизор" г. Гоголя был дан *четыре* раза[1]; но мы пока ничего не будем говорить ни о самой пьесе, ни об ее представлении: мы хотим глубже всмотреться, полнее изучить ее, потому что эта комедия есть истинно художественное произведение, требующее основательного изучения. Самая игра актеров достойна особенного внимания: она доказывает, что и артисты смотрят на эту пьесу не как на что-нибудь обыкновенное, но обдумывают и изучают свои роли. Мы скоро дадим полный отчет, как в пьесе, <так> и в ее представлении, а эти строки просим принять только за извещение».

Московские записки. Новая комедия Гоголя // Телескоп. 1836. № 8 (цензурное разрешение 6 июня). <Отд. II>. Молва. С. 209–211.

[1] См. ***1836. Мая 25. Понедельник. Москва***; ***1836. Мая 26. Вторник. Москва***; ***1836. Мая 29. Пятница. Москва***; ***1836. Июня 2. Вторник. Москва***.

ИЮНЯ 6–14 <18–26>. КРОНШТАДТ – ТРАВЕМЮНДЕ. БОРТ ПАРОХОДА «НИКОЛАЙ I»

Пароход, на борту которого находятся Гоголь, А. С. Данилевский, И. Ф. Золотарев, княгиня В. Ф. Вяземская с сыном Павлом и дочерью Надеждой и др., следует из Кронштадта в Травемюнде.

16/28 июня 1836 г. Гоголь сообщал В. А. Жуковскому из Гамбурга: «Наше плавание было самое несчастное: вместо четырех дней, пароход шел целые полторы недели <восемь дней>, по причине дурного и бурного времени и беспрестанно портившейся пароходной машины. Один из пассажиров, граф М<усин->Пушкин <1783 – 12 июня 1836 г.> умер <от болезни легких>»[1].

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал также сестрам о своем путешествии: «...У нас было очень большое общество, дам было чрезвычайно много, и многие страшно боялись воды, одна из них, m-me Барант[2], жена французского посланника, просто кричала, когда сделалась буря».

19 июля (н. ст.) 1836 г. юный князь Павел П. Вяземский в письме к отцу из Нордерная (остров в Северном море, один из немецких курортов) рассказывал о своем переезде из Кронштадта в Травемюнде вместе с Гоголем, Данилевским и Золотаревым: «Восемь дней, проведенных на пароходе, показались мне очень приятными, хотя разлука с Вами наводила на меня грусть и временами я страдал от морской болезни[3]. Ни страх, ни беспокойство не мучили меня в течение переезда, – наоборот, неловкость и растерянный вид слуг во время бури возбуждали во мне смех. Только мы, четыре молодых человека, г-н Гоголь и его спутник, г-н Данилевский, сохраняли хорошее настроение среди самого ужасного шквала. Однажды вечером, когда качка мешала нам спать, мы принялись сочинять песенку, два стиха из которой, относящихся ко мне, я запомнил. Военный салют из трех пушечных залпов объявил о нашем прибытии в Травемюнде»[4].

В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского (с которым беседовал в 1887 г.), сообщал: «Выехав из Петербурга на пароходе, Гоголь в продолжение почти двух недель <восьми дней> ехал до Травемюнде. <...> ...Во время пути у него, кроме его друга и постоянного спутника Данилевского, были еще другие знакомые попутчики, одного из которых, Золотарева, молодого человека, только что окончившего курс в Дерптском университете, он нередко встречал впоследствии во время своих заграничных скитаний»[5].

[1] См.: Мусин-Пушкин Иван Алексеевич // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1996. Т. 7. С. 483–484.

[2] Баронесса Мария-Жозефина де Барант (рожд. графиня де Удето), жена французского посла в Петербурге в 1835–1841 гг. барона Проспера де Баранта (*Черейский Л. А.* Барант // *Черейский Л.* А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. Отв. ред. В. Э. Вацуро. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1989. С. 25–26)

[3] См. также ***1847. Ноября 20 <8>. Суббота. Неаполь*** (примечания).

[4] *Свод.* Т. 1. С. 851.

[5] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 515.

ИЮНЯ 8 <20>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

В. П. Андросов пишет А. А. Краевскому в Петербург:

«В 5 книжке[1] я поместил небольшое замечание свое о Ревизоре, который здесь, как и у вас, произвел толки разные. Мне хотелось высказать кое-что о нашем обществе, и то, что цензура вынесла, буду иметь честь представить на Ваше благоусмотрение. Шевырев, в свою очередь, напишет критику в Перечне, я только *введение*»[2].

Критика С. П. Шевырева на «Ревизора» не появилась. В 1842 г. В. Г. Белинский, намекая на Шевырева, сообщал, что «один известный критик отказался писать о нем <"Ревизоре">, видя в нем грязное произведение»[3] – «тривиальное и грязное произведение»[4].

[1] См. ***1836. Мая 29. Пятница. Москва***

[2] Гоголь в письмах В. П. Андросова // *Свод.* Т. 1. С. 809.

[3] *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки. <Октябрь 1842> // *Свод.* Т. 3. С. 271.

[4] *Белинский В. Г.* Литературные и журнальные заметки. <Декабрь 1842> // *Свод.* Т. 3. С. 272.

ИЮНЯ 9 <21>. ВТОРНИК. МОСКВА

Пятое[1] представление «Ревизора» в Малом театре[2]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[3].

[1] См. ***1836. Июня 2. Вторник. Москва.***

[2] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[3] *Гриц.* С. 226.

ИЮНЯ 12 <24>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Шестое[1] представление «Ревизора» в Малом театре[2]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[3].

[1] См. ***1836. Июня 9 <21>. Вторник. Москва.***

[2] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[3] *Гриц.* С. 226.

ИЮНЯ 14 <26>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮНЯ 26 <14>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ТРАВЕМЮНДЕ

Пароход «Николай I», на борту которого находились Гоголь, А. С. Данилевский, И. Ф. Золотарев, княгиня В. Ф. Вяземская с детьми и др., прибыл в Травемюнде.

«В городском архиве Любека <...> сохранились пожелтевшие листы со списками пассажиров, прибывших в 1836 году из Санкт-Петербурга в Травемюнде. На этой балтийской (остзейской) линии уже курсировали тогда три российских парохода: "Николай I", "Александра" и "Наследник". В списке пассажиров, прибывших на "Николае I" в Травемюнде 26 июня <н. ст.>, среди девяноста фамилий можно встретить и немало русских, в том числе небезызвестных. Это, к примеру, "княгиня Вяземская с детьми и прислугой (5 человек)", "коллежский асессор Галахов", "граф Кутузов", а также "господин Гоголь, чиновник" (Archiv der Hansestadt Lübeck. Amt Travemünde. VIII. b. Liste der mit dem Damfschiffe "Nicolay I" von St. Petersburg am 26 Iuni 1836 in Travemünde angekomenen Passagiere. Unzahl I. Очевидно, Гоголь сам по прибытии отрекомендовался "чиновником" (Beamter), не назвав своей *свободной* профессии). Выехать из Травемюнде прибывший *чиновник* мог разве что на следующий день, то есть одну ночь, как мимимум, пришлось провести ему в курортно-портовом городке[1]. Скорее всего, остановился он в расположенной поблизости от порта, на набережной, гостинице "Hotel de Russie", переименованной осенью 1914 года (начавшаяся Первая мировая война продиктовала срочную смену "вывесок") в "Deutsche Kaizer" и сохраняющей это анахроничное название до сих пор»[2].

[1] Сам Гоголь в письме к сестрам от 17 июля (н. ст.) 1836 г. сообщал о своем пребывании в Любеке: «Пообедавши в городе Любеке, я отправился в Гамбург». – См. также ***1836. Июня 27 <15>. Понедельник. Травемюнде, Любек, Гамбург***.

[2] *Соколянский М. Г.* Гоголь в Любеке // Литературные мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова. Сборник научных статей. Коломна, 2001. С. 91, 93; *Соколянский М. Г.* Гоголь: грани творчества: Статьи. Очерки. Одесса, 2009. С. 11, 14; *Свод.* Т. 3. С. 483. – См. также ***1836. Июня 6–14 <18–26>. Кронштадт – Травемюнде. Борт парохода «Николай I»*** (примечания).

ИЮНЯ 15 <27>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение газеты «Молва» с рецензией А. Б. В. (Н. И. Надеждина) на московскую постановку «Ревизора».

<*Надеждин Н. И.*> *А. Б. В.* Театральная хроника. Ревизор, комедия г. Гоголя // Телескоп. 1836. № 9 (цензурное разрешение 15 июня). <Отд. II>. Молва. С. 250–264.

ИЮНЯ 27 <15>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ТРАВЕМЮНДЕ, ЛЮБЕК, ГАМБУРГ

Гоголь, А. С. Данилевский и И. Ф. Золотарев, выехав утром из Травемюнде и пообедав в Любеке, в тот же день прибыли в Гамбург. Гоголь посылает оттуда в Ахен письмо доктору И. Г. Коппу, с описанием своей болезни, и выполняет поручение князя П. А. Вяземского – посылает его письмо к Коппу[1].

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал в Петербург сестрам Анне и Елисавете: «Гамбург прекрасный город, и жить в нем очень весело. Там есть одна набережная, которая называется Jungfernsteig, на которой такая гибель гуляющих, что упасть некуда, по ней везде павильоны, в которых беспрестанно играет музыка; за городом тоже очень много мест, где собираются гуляющие слушать музыку и обе-

дать. Лавок и магазинов страшное множество, и в них так много прекрасных вещей, и всё очень дешево. Я вам купил одну вещицу... не скажу что, как привезу, тогда увидите. Вот какие домы в Гамбурге. Не правда ли, странные? <*Следует рисунок.*> Окошек чрезвычайно много. Я был в театре, который дается в саду на открытом воздухе. Вы бы верно смеялись, если бы посидели там. Немцев чрезвычайное множество приходит смотреть, а немки приходят сюда со всем хозяйством, ставят перед собою рабочий столик тут же в креслах и ложах и все сколько ни есть вяжут чулок во всё продолжение представления. Я был и на бале. Дам немного, но мужчин чрезвычайное множество и с усами и без усов. Больше всё — англичане. Англичанин есть человек довольно высокого роста, который садится всегда довольно свободно, поворотившись спиною к даме и положивши одну ногу на другую. Ах, я расскажу вам один пресмешной бал, на который попал я случаем! Гуляя за городом, я увидел один дом, довольно большой и великолепно освещенный. Музыка и толпа народа заставила и меня войти. Зал огромный, люстры и освещения много, но меня удивило, что танцующие одеты, как сапожники, в чем ни попало. Вы бы умерли со смеху. Танцовали вальс. Такого вальса вы еще в жизни не видывали: один ворочает даму свою в одну сторону, другой в другую. Иные просто взявшись за руки, даже не кружатся, но, уставив один другому глаза, как козлы, прыгают по комнате, не разбирая, в такт ли это или нет. После я узнал, что это был знаменитый матросский бал».

25 июля / 6 августа 1836 г., Вяземский писал Анд. Н. Карамзину: «Когда увидишь Коппа, скажи ему, пусть отошлет все свои сочинения Арендту для того, чтобы поднести их Государю, а когда увидишь Гоголя, спроси у него, что он сделал с моим письмом к Коппу: мне хотелось, чтобы оно было ему непременно вручено»[2].

К. П. Ободовский в 1893 г., со слов И. Ф. Золотарева (ум. в 1881), сообщал: «К числу особенностей Гоголя принадлежали, по словам И<вана> Ф<едоровича>, его оригинальность в одежде и чрезвычайный аппетит.

Оригинальность Гоголя в выборе костюмов доходила иногда просто до смешного. Так, когда он был в Гамбурге, то заказал себе все платье из тика[3], и когда ему указывали на то, что он делает себя смешным, писатель возражал: “Что же тут смешного: дешево[4], моется и удобно”.

Между прочим, сделав себе упомянутый костюм, он написал четверостишие[5]:

Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки.
Благодарен он судьбе
За свои делишки.

Четверостишие это он повторял потом целую неделю.

Вообще у Н<иколая> В<асильевича> была привычка, поймав какое-нибудь слово или рифму, которые ему почему-либо понравились, повторять их в течение нескольких дней»[6].

[1] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 839.
[3] Тик — дешевая, идущая на обивку льняная или хлопчатобумажная ткань.
[4] См. ***1829. Сентября 22. Санкт-Петербург.***
[5] Об этом же четверостишии сообщал В. И. Шенроку А. С. Данилевский (см. ***1836. Июля 1 <июня 19>. Пятница. Гамбург, Бремен, Оснабрюк, Мюнстер***).
[6] *Ободовский К. П.* Рассказы о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 121.

ИЮНЯ 28 <16>. ВТОРНИК. ГАМБУРГ

Гоголь отправляет письмо В. А. Жуковскому в Петербург; описывает свое плавание на пароходе[1]; сообщает, что едет в Ахен; выражает сожаление, что в Петербурге не смог проститься ни с Жуковским, ни с А. С. Пушкиным:

«Мне очень было прискорбно, что не удалось с вами проститься перед моим отъездом, тем более, что отсутствие мое, вероятно, продолжится на несколько лет. <...> Клянусь, я что-то сделаю, чего не делает обыкновенный человек. Львиную силу чувствую в душе своей и заметно слышу переход свой из детства, проведенного в школьных занятиях, в юношеский возраст. <...> ...Нынешнее мое удаление из отечества, оно послано свыше, тем же великим Провидением, ниспославшим всё на воспитание мое. <...> И хотя мысли мои, мое имя, мои труды будут принадлежать России, но сам я, но бренный состав мой будет удален от нее. Не знаю, как благодарить вас за хлопоты ваши доставить мне от Императрицы на дорогу[2]. Если это сопряжено с неудобствами или сколько-нибудь неприлично, то не старайтесь об этом. <...> Правда, разделавшись с Петербургом, я едва только вывез две тысячи, но, может быть, с ними я протяну как-нибудь до октября, а в октябре месяце должен мне Смирдин вручить тысячу с лишком[3]. С петербургскими моими долгами я кое-как распорядился, иные выплатил из моей суммы, другие готовы подождать. Если же на случай вы получите для меня деньги, то вручите их Плетневу, который мне может переслать, если мне придется большая надобность. – Я еду теперь прямо в Ахен. Письмо же к Коппу[4] отправил по почте вчера. <...> В Ахене я дождусь совета Коппа, к которому послал описание моей болезни, впрочем не слишком важной. В Ахене я займусь месяца два языками, потому что мне чрезвычайно трудно изъясняться, и потом еду на Рейн. Передайте мой поклон князю Вяземскому и благодарите его от меня за его участие и письмо. Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься; впрочем, он в этом виноват. Для его журнала я приготовлю кое-что, которое, как кажется мне, будет смешно: из немецкой жизни. Плетневу скажите, что я буду писать к нему из Ахена...»

Позднее, 16 февраля 1837 г., Е. П. Гребенка сообщал Н. М. Новицкому: «Гоголь в Париже и там, говорят, готовит какую-то критику на немцев»[5].

19 ноября (н. ст.) 1838 г. сам Гоголь, отвечая на письмо М. П. Балабиной из Петербурга, писал: «Вы мне показались теперь очень привязанными к Германии. Конечно, не спорю, иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента, как, кажется, выразились вы. Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какою ее мы представляем себе. Не кажется ли она нам такою только в сказках Гофмана? Я по крайней мере в ней ничего не видел, кроме скучных табльдотов и вечных, на одно и то же лицо состряпанных кельнеров и бесконечных толков о том, из каких блюд был обед и в котором городе лучше едят; и та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле[6], так, как исчезает прелестный голубой колорит дали, когда мы приблизимся к ней близко. Я знаю, есть эта земля, где всё чудно и не так, как здесь; но к этой земле не всякие знают дорогу».

Спустя полгода, 30 мая (н. ст.) 1839 г., он вновь писал Балабиной: «Летом еду в Мариенбад на один месяц[7]. Вы не поверите, как грустно оставить на один месяц Рим и мои ясные, мои чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем... Но я позабыл, что вы ее так любите, и чуть было не сказал еще несколько приличных ей эпитетов. Впрочем, совершенно не понимаю вашей страсти. Или, может быть, для этого нужно жить в Петербурге, чтобы почувствовать, что Германия хороша? И как вам не совестно! Вы, которые так восхищались в вашем письме Шекспиром, этим глубоким, ясным, отражающим в себе, как в верном зеркале, весь огромный мир и всё, что составляет человека, и вы, читая его, можете в то же время думать о немецкой дымной путанице! И можно ли сказать, что всякий немец есть Шиллер?! Я согласен, что он Шиллер, но только тот Шиллер, о котором вы можете узнать, если будете когда-нибудь иметь терпение прочесть мою повесть "Невский проспект". По мне, Германия есть не что другое, как самая неблаговонная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива. Извините маленькую неопрятность этого выражения. Что ж делать, если предмет сам неопрятен, несмотря на то, что немцы издавна славятся опрятностью? Но вы, я думаю, на меня сердитесь за это ужасным образом и, может быть, даже имеете маленькое желание поджарить меня за это на медленном огне. Но полно! больше не буду вас сердить».

5 сентября (н. ст.) 1839 г. Гоголь еще раз отвечал Балабиной: «Нет, больше не буду говорить ни слова о немцах[8]. Боюсь, право, боюсь. Может быть, вы в эти три года, как я не имел удовольствия вас видеть, переменились совершенно. Ведь как бы то ни было вам теперь 18 лет. Я ничего не знаю, что могло случиться с вами в это время. Может быть, вы сделались теперь высокого росту, у вас явилась страшная сила в руках. Я же человек щедушный, худенькой и после разных минеральных вод сделался очень похожим на мумию или на старого немецкого профессора с спущенным чулком на ножке, высохшей как зубочистка. Долго ли в таком случае до греха. Вы мне дадите кулака – и я пропал. Вы в себе точно имеете много страшного. Я помню, когда еще вам было 14 и 15 лет, у вас любимою поговоркою было: "Я вас выброшу за окно". И потому, следуя правилам бла-

горазумия, лучше поберечься и ни слова не говорить о немцах. Но знаете ли что? в сторону пустяки и шутки. Когда я прочел ваше письмо и свернул его, я поникнул головою, и сердцем моим овладело меланхолическое чувство. Я вспомнил мои прежние, мои прекрасные года, мою юность, мою невозвратимую юность и, мне стыдно признаться, я чуть не заплакал. Это было время свежести <...> молодых сил и порыва чистого, как звук, произведенный верным смычком. Это были лета поэзии, в это время я любил немцев, не зная их, или может быть я смешивал немецкую ученость, немецкую философию и литературу с немцами. Как бы то ни было, но немецкая поэзия далеко уносила меня тогда в даль, и мне нравилось тогда ее совершенное отдаление от жизни и существенности. И я гораздо презрительней глядел тогда на всё обыкновенное и повседневное. Доныне я люблю тех немцев, которых создало тогда воображение мое. Но оставим это. Я не люблю, мне тяжело будить ржавеющие струны во глубине моего сердца. Скажу вам только, что тяжело очутиться стариком в лета еще принадлежащие юности. Ужасно найти в себе пепел вместо пламени[9] и услышать бессил<ие> восторга. Соберите в кучу всех несчастливцев, выберите между ними несчастнее всех и этот несчастливец будет счастливцем в сравнении с тем, кому обрекла судьба подобное состояние. Из вашего письма (которое расшевелило во мне кое-что старого, за что вас благодарю) видно, что вы приняли то, что я сказал в частности о юге и севере[10], за решительное положение, что поэзия только на юге. Нет, на севере, может быть, еще более и чаще загоралась она. И для того, чьи силы молоды, и душа чувствует свежесть, для того север — разгул. Но вы простите прежние слова тому несчастному, чья душа, лишившись всего, что возвышает ее (ужасная утрата!), сохранила одну только печальную способность чувствовать это свое состояние. И вообразите теперь этого несчастливца, скитающегося под северным небом в виду деятельности и всего, что тревожит душу и влечет ее на то, чтобы творить. Можете ли вы понять те ужасные упреки, те терзания адские, невыносимые, которые он слышит в себе. Теперь, вообразите, над этим человеком, не знаю почему, сжалилось великое милосердие Бога и бросило его (за что — право не понимаю, ничего достойного не делал он), бросило в страну, в рай, где не мучат его невыносимые душевные упреки, где душу его обняло спокойствие, чистое как то небо, которое теперь окружает, и о котором ему снились сны на севере во время поэтических грез, где в замену того бурного, силящегося ежеминутно вырываться из груди фонтана поэзии, который он носил в себе на севере и который иссох, он увидел поэзию не в себе, а вокруг себя <... >, в небесах, солнце, в прозрачном воздухе и во всем тихую, несущую забвение мукам. Теперь мне нет ничего в свете выше природы. Передо мной исчезли люди, города, нации, отношения и всё, что <ло>мает людей, волнует и томит. Ее одну я вижу и живу ей. Вот почему я пристрастен к ней: она мое последнее богатство. Кто испытал глубокие душевные утраты, тот поймет меня. Вы не тогда увидели Италию, когда нужно. Не во время юности и свежести сил ее нужно увидеть, нет! Но тогда, когда много, много отнимет у вас неумолимая судьба. Но письмо мое приняло слишком сурьезную физиогномию. Прочитавши, изорвите его в куски, я об этом вас прошу. Этого никто не должен читать, да оно, впрочем, никому не нужно. Я не знаю сам, почему я написал это, но ваше письмо возбудило...»

17 февраля 1842 г. Гоголь еще раз писал Балабиной: «Вам пора быть здоровым, и я хочу вас застать не за Жан-Поль Рихтером, а за Шекспиром и [Вальтер Скоттом] Пушкиным, которые читаются только в здоровом расположении духа, но эту песню, я думаю, вы слышите часто и без меня. Я вам сделаю один вопрос. Приходило ли вам когда-нибудь желание, непреодолимое сильное желание читать Евангелие? Я не разумею то желание, которое похоже на долг и которое всякий положил себе иметь, нет, сердечный порыв... но оставляю неоконченною мою речь. Есть чувства, о которых не следует говорить, и произносить о них что-нибудь уже значит профанировать их».

[1] См. ***1836. Июня 6–14 <18–26>. Кронштадт — Травемюнде. Борт парохода «Николай I»***.

[2] См. ***1836. Апреля 29. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1837. Июня 3 <мая 22>. Суббота. Рим***.

[3] Имеется в виду выручка от продажи первого издания «Ревизора».

[4] От князя П. А. Вяземского (см. ***1836. Июня 27 <15>. Понедельник. Травемюнде, Любек, Гамбург***).

[5] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 590.

[6] См. также ***1836. Июля 26 <14>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1837. Сентября 3 <августа 22>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне***.

[7] См. ***1839. Июля 13 <1>. Суббота — августа около пятницы 23 <около пятницы 11>. Мариенбад***.

[8] См. также ***1841. Октября 15. Среда. Санкт-Петербург***.

[9] См. также ***1840. Декабря 28 <16>. Понедельник. Рим***.

[10] См. ***1839. Мая 30 <18>. Четверг. Рим***.

ИЮНЯ 29 <17>. СРЕДА. ГАМБУРГ

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«После довольно продолжительного и утомительного путешествия морем, наконец, отдыхаю я на несколько времени в Гамбурге... <...> Без сомнения, Аким[1] с семейством своим достиг уже Васильевки и рассказал вам о моем выезде[2] довольно подробно. Письмо мое тоже вы, вероятно, уже получили. Выбравшись из парохода, который мне надоел жестоко, я проехал очень скоро Травемунде, Любек и несколько деревень, не останавливаясь почти нигде до самого Гамбурга. Места эти все мне знакомы. Гамбург тоже старинный знакомый. <...> Это торговый город, один из огромнейших, который, можно сказать, потонул в магазинах. Тут продаются вещи, собранные со всей Европы. В какую улицу ни заглянешь, она кажется похожею на ряд лавок. Всё дешево и прекрасно, и эта дешевизна невыгоднее всего для бедного путешественника, потому что поневоле заставляет его разоряться»[3].

Описывает город и его окрестности; сообщает о дальнейших планах:

«Я не знаю еще наверно, когда я выеду отсюда, завтра или послезавтра[4]. Во всяком случае письма ко мне прошу вас адресовать в Aix la Chapelle[5], в тамошний почтамт... <...> Через четыре или пять дней я полагаю быть в Ахен (Aix la Chapelle), где пробуду месяц или два и, может быть, попробую тамошних вод».

[1] Яким Нимченко.
[2] См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт***.
[3] См. ***1829. Сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).
[4] См. ***1836. Июля 1 <июня 19>. Пятница. Гамбург, Бремен, Оснабрюк, Мюнстер***.
[5] Французское название города Ахен.

ИЮНЯ 27–30 <15–18>. ГАМБУРГ

А. С. Данилевский отправляет в Петербург письмо Н. Я. Прокоповичу; Гоголь делает приписку к этому письму (не сохранилась).

Позднее, 27 сентября (н. ст.) 1836 г., Гоголь писал Прокоповичу из Женевы: «Получил ли ты письмо Данилевского, писанное из Гамбурга, при котором была моя приписочка? Помнишь ли ты мою просьбу насчет портрета и насчет аккуратного сбережения оставленных мною тебе рукописных книг и бумаг?»

ИЮНЯ 18 <30>. ЧЕТВЕРГ

И. И. Лажечников пишет В. Г. Белинскому:

«Высоко уважаю талант автора “Старосветских помещиков” и “Бульбы”; но не дам гроша за то, чтобы написать “Ревизора”...»

Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1908. С. 104.

ИЮЛЯ 1 <ИЮНЯ 19>. ПЯТНИЦА. ГАМБУРГ, БРЕМЕН, ОСНАБРЮК, МЮНСТЕР

Гоголь, А. С. Данилевский и И. Ф. Золотарев путешествуют из Гамбурга в Ахен (следуя через Бремен, Оснабрюк и Мюнстер). Выехав утром из Гамбурга, ночевать останавливаются, по-видимому, в Мюнстере[1].

В. И. Шенрок, со слов А. С. Данилевского (с которым беседовал в 1887 г.), в 1894 г. сообщал: «С Золотаревым <...> (Иваном Федоровичем), по словам покойного Данилевского, они ехали потом из Гамбурга в Ахен и пели песенку:

Счастлив тот, кто сшил себе
В Гамбурге штанишки...
Благодарен он судьбе
За свои делишки[2].

Вообще такие шаловливые, а иногда и не совсем скромные стишки Гоголь и Данилевский любили сочинять, когда были в веселом настроении и скучали без дела, как это случалось, напр<имер>, во время путешествий[3]. Золотарев был веселый молодой человек, сообщество которого также много способствовало развлечениям в дороге. (Без сомнения, это был тот самый Золотарев, о котором упоминает в своих воспоминаниях, как о бывшем дерптском студенте, граф В. А. Соллогуб)»[4].

Соллогуб, вспоминая о своем обучении в 1829–1834 гг. в Дерптском университете, сообщал: «Золотарев был тип добронравного, благодушного юноши, воспитанного в благочестивом доме. <...> Насколько я уже начинал быть неряшлив, настолько Золотарев был аккуратен и рассудителен. У него были, однако, две слабости: первая из них состояла в том, что он ежедневно отправлялся на почту осведомляться, нет ли для него писем — ему никто никогда не писал... <...> ...Вторая его слабость была менее игривого свойства. Он был страстный охотник играть на скрипке, а природа отказала ему решительно в музыкальных способностях; мы жили на одной квартире, и читатели легко могут себе представить мой ужас, постепенно превращавшийся в негодование, как только в комнате моего соседа начинали раздаваться жалобные звуки терзаемого неопытной рукой инструмента»[5].

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал матери из Ахена: «...Я решился <ехать в Ахен> сухим путем чрез Бремен, Оснабрюк и Дюссельдорф. Места мало чем лучше наших. Примечательного мало. В Бремене заглянул в погреба, где покоится знаменитый рейнвейн несколько сот лет, который не продается за деньги, но отпускается только опасным больным и знаменитым путешественникам. Так как я не принадлежу ни к тем ни к другим, то и не беспокоил моими просьбами граждан города Бремена, которые решают дела такого рода в собрании сената. Видел там же старинный катедраль (соборную церковь) и подвал, имеющий силу сохранять тела нетленными. Тел около 15; все они лежат в гробах; под ними даже простыни не истлели. Немцы обращаются с ними без всякого уважения, подымают их и бросают на места их. В Минстере я видел только наружность прекрасных готических церквей».

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал также в Петербург сестрам Анне и Елисавете: «Из Гамбурга я поехал на Бремен. Это город очень старинный. Если бы вы увидели здешнюю церкву! Такой старины вы еще никогда не видели. Слушайте, еще что я видел в Бремене: я видел погреб, который имеет такое странное свойство, что все тела, которые похоронены там, не тлеют. Мне показывали и раскрывали все гробы. На мертвецах кожа только немного высохла, но я знаю, что вам бы страшно было взглянуть на них. Вы обе трусихи. Что еще сказать вам? Тут такой странный обычай, что когда вы едете, маленькие девчонки бегут за вашею каретою и бросают к вам на всем лету в окна цветы; за это вы должны им бросить какую-нибудь мелкую монету; если же вы выбросите им назад букет, то они опять будут бросать к вам в карету до тех пор, покамест вы не бросите им маленькую монету».

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «В Бремене они посетили знаменитый погреб с рейнвейном, искусно сберегаемым целые сотни лет. По словам Гоголя[6], этот рейнвейн отпускался только опасным больным и знаменитым путешественникам, но им с Данилевским удалось достать его за большие деньги. Произошло это, по рассказу А. С. Данилевского, следующим образом. Обедая в гостинице вместе с Данилевским, Гоголь неожиданно сказал ему торжественным тоном: "Потребуем старого, старого рейнвейна". Но вино ни ему, ни Данилевскому не понравилось вовсе. По воспоминанию Данилевского, оно было слишком "capiteux"[7] (его соб-

ственное выражение) и не понравилось также соседям, бывшим с ними вместе за табль-д'отом[8]. За это удовольствие путешественники должны были заплатить наполеондор (20 франков) – цена довольно внушительная. По словам Данилевского, оба они далеко не обладали хорошими средствами[9] и вообще ездили очень экономно, но тут решились непременно испробовать этот знаменитый рейнвейн»[10].

[1] См. ***1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен.***

[2] «О том же рассказывает, со слов Золотарева, г. Ободовский...» (примеч. В. И. Шенрока в изд. 1895 г.). См. ***1836. Июня 29 <17>. Гамбург.*** – В публикации В. И. Шенрока 1890 г. этот фрагмент отсутствовал (см.: *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 106–118).

[3] «Подобных стихов покойный Данилевский припоминал нам множество. Все они относятся к предыдущему периоду их жизни и большею частью сочинялись сообща; это были, кажется, из последних. К нежинским же и петербургским относятся известные: "Да здравствует нежинская бурса" <см. ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж***> и

"С Матреной наш Яким
Потянулся прямо в Крым" <см. ***1836. Июня начало. Санкт-Петербург***>.

Также:

"Кохинович, Кобеляцкий,
Петя, Миша, Скоропадский,
Бравые молодцы!" – и тому подобные» (примеч. В. И. Шенрока).

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 515.

[5] Воспоминания графа Владимира Александровича Соллогуба. СПб., 1887. С. 111.

[6] В письме к матери от 17 июля (н. ст.) 1836 г. из Ахена.

[7] Крепко (*фр.* capiteux – хмельной, опьяняющий).

[8] «Вероятно, это был другой сорт рейнвейна, который продается без разрешения в собрании сената» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 391).

[9] Выезжая из Петербурга, Гоголь располагал 2000 рублями (см. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург***).

[10] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 516.

ИЮЛЯ 2 <ИЮНЯ 20>. СУББОТА. МЮНСТЕР, ДЮССЕЛЬДОРФ, АХЕН

Гоголь, А. С. Данилевский и И. Ф. Золотарев, выехав рано утром из Мюнстера и позавтракав в Дюссельдорфе, прибыли в Ахен.

Спустя две недели, 17 июля (н. ст.) 1836 г., Гоголь сообщал матери из Ахена: «В Дюссельдорфе только остановился позавтракать. Это город уже не старинный, но совершенно новый и столица нижнерейнских провинций. В один день[1] почти я медленною немецкою ездою переехал земли мекленбургские, ганноверские, прусские и датские. <...> Ахен, один из самых старинных городов, лежит в долине и виден весь, как на ладоне, если взойти на одну из окружающих его гор. Вид его издали очень хорош, но вблизи ничто не поразит сильно, выключая разве только вони. Все ванны находятся внутри самого города в гостиницах, так что вы, живя в городе, не будете знать, где они. Во многих домах минеральные воды проведены подземными трубами. Только за городом можно встретить источники в натуральном виде, в виде маленького ручейка, от которого клубится горячий пар. На водах здешних ведут жизнь самую скучную, потому что все воды находятся в городе, а не за городом, как в других местах. Оттого все почти отделены друг от друга. Притом сюда приезжают только старики и уже слишком больные. Воды здешние очень сильны. Так как я чувствую себя совершенно здоровым, то и не намерен брать. В Ахене находится прекрасный старинный катедраль в готическом вкусе. Окна идут от земли до самого верха. Вся церковь светла, как оранжерея. Здесь хранится стул Карла Великого, на котором он погребен сидящим».

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал также в Петербург сестрам Анне и Елисавете: «Много городов я проехал и, наконец, приехал в Ахен, откуда теперь пишу вам. Это один из самых старинных городов. Если вы будете учить среднюю историю, то вы узнаете, что здесь похоронен Карл Великий и что это была столица его империи. Вы, кажется, обе не любите восхищаться хорошими видами и потому вам нечего говорить о том, что вид Ахена с горы чудо как хорош. Весь город у вас под ногами, так что вы можете перечесть все домы. Вообразите, что в Ахене есть воды, то есть ручьи, которые текут и кипят вместе и такие горячие, что в них с трудом можно купаться. Однако же кто купается в них, тот выздоравливает, в какой бы ни был болезни. Так как я не болен, то и не намерен оставаться долго в Ахене... <...> Здешний катедраль (так называется здесь соборная церковь) очень хорошо выстроен, хотя тоже большая старина. Вы таких строений никогда не видывали. Вот он. <*Следует рисунок.*> <...> Церковь очень высока и внутри так светло, как в оранжерее или бельведере. Вот вам, в придачу, портрет того содержателя или хозяина гостиницы, у которого я стою. <*Следует рисунок.*> Смотри, Лиза, не влюбись!»

Спустя около трех лет, 8 мая (н. ст.) 1839 г, Гоголь в ответ на приглашение Данилевского приехать в Ахен замечал: «...одна уже мысль об Ахене и о трактире Карломановом, и об несчастнейшем, покрытом пылью гулянье, и об моей болезни в горле, которая там приключилась, и об тоске, которая там задает свои балы во всем своем разгулье, и об красном Энгельгардте[2], которому там посчастливилось узнать врага своего — словом, ничто, ничто не может заманить туда во второй раз».

В. И. Шенрок из рассказа Данилевского 1887 г. записал: «“Ахен, где мы проскучали несколько дней, обильно, но плохо обедали в нарядных гостиницах, задыхались от пыли на гулянье, понятно, оставил в Гоголе не особенно приятное впечатление”, — рассказывал Данилевский. <...> В Ахене Гоголь расстался с Данилевским[3], и они стали выбирать маршрут каждый по своему вкусу»[4].

27 сентября (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу из Женевы: «Пишет ли к тебе Данилевский? Я три месяца как расстался с ним и не получаю от него ни строки и не знаю даже, где он теперь».

3 октября (н. ст.) 1836 г. он спрашивал также мать в письме из Лозанны: «Не пишет ли Данилевский к своей матери? Узнайте и известите меня о его адресе. Я ничего о нем не знаю с того времени, как с ним расстался».

[1] См. ***1836. Июля 1 <июня 19>. Пятница. Гамбург, Бремен, Оснабрюк, Мюнстер***.

[2] А. Е. Энгельгардт.

[3] Гоголь отправился через Кельн и Крейцнах (Кройцнах) во Франкфурт-на-Майне (см. ***1836. Июля 26 <14>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***); Данилевский, возможно, вслед за ним, — сначала в Крейцнах (см. ***1836. Октября 23 <11>. Воскресенье. Лозанна***), затем, несмотря на данное Гоголю обещание приехать к нему в Швейцарию, — в Париж (см. ***1837. Марта около 6 <февраля около 22>. Париж***).

[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 516.

ИЮЛЯ 3 <ИЮНЯ 21>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. АХЕН

П. Д. Дурново записал в своем дневнике (на фр. яз.):

«*3 июля <н. ст. 1836. Экс-ла-Шапель (Аахен)>*. <...> Только что[1] прибыл наш писатель Гоголь, это очень талантливый молодой человек. Он сочинил водевиль под названием “Ревизор”, который, говорят, очень хорош. Это злая критика провинции, и говорят даже, что он вынужден был отправиться путешествовать, чтобы избежать неприятностей»[2].

«В письме к матери от 5/17 июля 1836 г. Н. В. Гоголь писал: “Наконец неделю назад, как приехал я в Ахен (Aix la Chapelle)” <...>. Дурново пишет, что Гоголь “только что прибыл” (vient d'arriver), хотя, на наш взгляд, не исключено, что писатель мог прибыть туда ранее, а заметить его могли только

3 июля. Запись свидетельствует, что приезд Гоголя в Аахен привлек внимание русской колонии. Кроме П. Д. Дурново, там в это время, судя по упоминаниям в дневнике, находились А. Е. Энгельгардт, Н. В. Путята, П. А. и Ф. И. Шуваловы, А. А. Бехтеев и др. Отзыв о “Ревизоре”, о Гоголе и причинах его отъезда за границу сделан, по-видимому, со слов Н. В. Путяты, 10 июня прибывшего в Аахен»[3].

[1] См. ***1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен.***
[2] Запись о Гоголе в дневнике П. Д. Дурново // *Свод.* Т. 2. С. 3.
[3] *Теребенина Р. Е.* Записи о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Т. 8. Л., 1978. С. 266.

ИЮНЯ 22 <ИЮЛЯ 4>. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 226.

ИЮНЯ 24 <ИЮЛЯ 6>. СРЕДА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 7 <ИЮНЯ 25>. ЧЕТВЕРГ. АХЕН

Гоголь встретился с Н. В. Путятой, который в этот день записал в дневнике:

«*Аахен, 25 июня.* Встреча с Гоголем».

Свидетельства о Гоголе Н. В. Путяты // *Свод.* Т. 2. С. 4.

ИЮНЯ 26 <ИЮЛЯ 8>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 226.

ИЮЛЯ 3 <15>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

«Роль Хлестакова играл артист Петер<бургских> театров <Н. О.> Дюр»[3], открывший свои гастроли в Москве.

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 226.
[3] *Черневский С. А.* <Перечень спектаклей Малого театра в Москве, в которых исполнялись пьесы Гоголя. 1836–1897 гг.> // *ГЦТМ.* Ф. 299. Ед. хр. 1853. Л. 1.

ИЮЛЯ 17 <5>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. АХЕН

Гоголь пишет письма матери в Васильевку и сестрам Анне и Елисавете в Петербург.

В письме к матери спрашивает, получила ли она его письмо из Гамбурга[1], описывает дорогу до Ахена[2], Ахен[3]; сообщает о своем намерении отправиться в Кельн[4] и, далее, во Франкфурт: «Письмо адресуйте ко мне во Франкфурт на Майне, потому что к тому времени буду там».

В шутливом письме к сестрам описывает пароход, дилижанс, плавание до Травемюнде[5], впечатления от немецких городов («Улицы узенькие, есть даже такие, что можно из окошка протянуть руку и пожать руку того, который живет против вас. Домики маленькие, но зато чрезвычайно высокие, есть в шесть и семь этажей»), рассказывает о Гамбурге[6], Бремене[7], Ахене[8]. Сообщает о своих планах: «Так как я не болен, то и не намерен оставаться долго в Ахене и взял уже билет в дилижанс, который довезет меня до другого города, тоже старинного[9]. <...> Адресуйте во Франкфурт на Майне».

Как автор Повести о ссоре обращается к сестрам: «Об одном прошу: сделайте милость, если вы меня хоть каплю, хоть крошку любите, живите между собою дружно. Если вы этого не исполните, то значит вы меня ни на волос не любите».

Спустя около трех лет, 12 апреля (н. ст.) 1839 г., Гоголь писал также сестрам: «Когда вам захочется или придет на ум поссориться, вообразите тотчас меня печального, больного, смотрящего на вас с невыразимым чувством грусти. Если вы вообразите только меня в таком виде и живо, я вас уверяю, что у вас вдруг пройдет всякое желание ссориться; иначе — будет значить, что вы не имеете ко мне любви ни на крошку»[10]. В 1840 г. Гоголь писал также сестре Анне — 3 мая: «Я знаю, что ты меня любишь, и что для тебя свято мое желание»; 17 мая: «...Всякое слово мое должно быть для тебя приказанием, которое ты должна исполнять с любовью»; 13 октября (н. ст.): «...Скажи прямо, коротко и твердо: <...> Я люблю своего брата и потому всякое малейшее его желание для меня закон». В том же году воспитательнице своих сестер П. И. Раевской он пишет о сестре Елизавете: «Если вы заметите только в лице ее, что она не с радостью и не с охотою исполнила какое-нибудь ваше приказание, то вам стоит только сказать "Лиза! ты, видно, мало меня любишь!" — и она — я вас уверяю — бросится опрометью исполнить то, что ей сказано» (письмо от 25 июня н. ст.). Самой Елизавете Васильевне он замечает в письме от 10 августа (н. ст.): «Если бы ты меня любила сильно, то ты мое всякое малейшее желание, всякое наставление, которое я говорю тебе, считала бы святым и исполнить его для тебя было бы уже такое наслаждение, что и выразить нельзя». Такого же рода обращения Гоголя к друзьям. 27 сентября (н. ст.) 1841 г. он писал Н. М. Языкову: «...Если при расставании нашем, при пожатии рук наших не отделилась от моей руки искра крепости душевной в душу тебе, то, значит, ты не любишь меня»; А. А. Иванову 25 декабря: «...Идите бодро и ни в каком случае не упадайте духом, иначе будет значить, что вы не помните и не любите меня...»

30 июня (н. ст.) 1838 г. он обращался к А. С. Данилевскому: «...Твой старый, верный <...> друг <...> заклинает тебя <...> слова мои должны быть для тебя священны и иметь силу завещания». В ноябре 1842 г. в письме к неизвестному адресату он повторял: «Мои слова должны теперь иметь силу, ибо я <от> вас отдален. Они подобны голосу из-за гроба, завещанью из гроба, и должны быть священны. [Иначе нет] любви». — Ср.: «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» (Ин. 14, 15); «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня...» (Ин. 14, 21); «...Кто любит Меня, тот соблюдет слово Мое... Нелюбящий Меня не соблюдает слов Моих...» (Ин. 14, 23–24); «...Аще мя любите, заповеди моя сохраните...»[11]

Эта же мысль слышна в строках гоголевских «Предисловия» и «Завещания» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846) (см. коммент. к строкам статьи *I. Завещание* «Выбранных мест...» — *...что могло иметь значение по смерти, то не имеет смысла при жизни* — к строкам — *...не ставить надо мною никакого памятника... Кому же из близких... я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник... в самом себе...* — в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 6; сопроводит. статью к т. 10 указ. изд.; письмо Гоголя к К. С. Аксакову от 28 ноября (н. ст.) 1842 г.). — См. также ***1841. Августа 7 <июля 26>. Суббота. Рим*** (примечания).

[1] См. *1836. Июня 29 <17>. Среда. Гамбург.*
[2] См. *1836. Июля 1 <июня 19>. Пятница. Гамбург, Бремен, Оснабрюк, Мюнстер.*
[3] См. *1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Дюссельдорф, Ахен.*
[4] См. *1836. Июля между 17 и 26 <между 5 и 14>. Ахен, Кёльн, Майнц, Франкфурт-на-Майне.*
[5] См. *1836. Июня 6–14 <18–26>. Кронштадт – Травемюнде. Борт парохода «Николай I».*
[6] См. *1836. Июня 27 <15>. Понедельник. Травемюнде, Любек, Гамбург.*
[7] См. *1836. Июля 1 <июня 19>. Пятница. Гамбург, Бремен, Оснабрюк, Мюнстер.*
[8] См.*1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен.*
[9] Имеется в виду Кёльн.
[10] См. также *1839. Апреля 12 <марта 31>. Пятница Светлой седмицы. Рим.*
[11] Житие преподобного отца нашего Евфимия Великого // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Іаннуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 239 об.

ИЮЛЯ 5 <17>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Венчание А. С. Хомякова и Е. М. Языковой.

Лясковский В. Н. Алексей Степанович Хомяков. Его биография и учение // Русский Архив. 1896. № 11. С. 362.

ИЮЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 7 <НЕ ПОЗДНЕЕ 19>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вышел в свет второй том журнала А. С. Пушкина «Современник» (цензурное разрешение 30 июня), где, в частности, напечатана статья князя П. А. Вяземского о «Ревизоре»[1] (с подписью: В.)[2].

[1] См., в частности, *1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург*; *1842 декабря 24 <1843 января 5>. Рождественский сочельник. Санкт-Петербург.*
[2] *Тархова.* Т. 4. С. 1900.

ИЮЛЯ МЕЖДУ 17 И 26 <МЕЖДУ 5 И 14>. АХЕН, КЁЛЬН, МАЙНЦ, ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь из Ахена путешествует в Кельн, затем плыл два дня по Рейну на пароходе, высадился в Майнце и в тот же день прибыл во Франкфурт-на-Майне.

17 июля (н. ст.) 1836 г. Гоголь писал матери о предполагаемом путешествии: «Из Ахена отправляюсь в Кельн, старинный и очень примечательный город, в котором катедраль считается первым в Европе по своей архитектуре. Из Кельна предстоит мне самое приятное путешествие на пароходе по реке Рейну. Это совершенная картинная галлерея: с обеих сторон города, горы, утесы, деревни, словом – виды, которых даже на эстампах вы редко встречали. Очень жаль, что вы не можете видеть всего этого. Когда-нибудь, под старость лет, когда поправятся и ваши и мои обстоятельства, отправимся мы поглядеть на это».

Прибыв во Франкфурт, Гоголь 26 июля (н. ст.) 1836 г. сообщал матери: «Река Рейн – очень замечательная вещь в Германии. Она уставлена с обеих сторон горами и усыпана городами. Два дня шел пароход наш, и беспрестанные виды наконец надоели мне. Глаза устают совершенно, как в панораме или в картине. Перед окнами вашей каюты один за другим проходят города, утесы, горы и старые рыцарские развалившиеся замки. Очень многие из них картинны и до сих пор еще прекрасны. Все горы, которые состоят почти из голого камня, покрыты виноградными грядками. Это родина рейнвейна, кроме которого здесь почти не употребляют других вин и которого здесь множество сортов, из коих многие никогда не заходили к нам. В Майнце, большом и старинном городе, вышел я на берег, не остановился ни минуты, хотя город очень стоил того, чтобы посмотреть его, и сел в дилижанс до Франкфурта».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.) 1836 г., Гоголь сообщал: «Европа поразит с первого разу, когда въедешь в ворота, в первый город. Живописные домики, которые то под ногами, то над головою, синие горы, развесистые липы, плющ, устилающие вместе с виноградом стены и ограды, всё это хорошо, и нравится, и ново, потому что всё пространство Руси нашей не имеет этого, но после, как увидишь далее то же да то же, привыкнешь и позабудешь, что это хорошо».

ИЮЛЯ 10 <22>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 26 <14>. ВТОРНИК. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Гоголь в письме к матери в Васильевку спрашивает, получила ли она его письмо из Ахена[1], описывает свое путешествие по Рейну[2], делится впечатлениями от Франкфурта:

«Франкфурт называют Парижем Германии. Он точно шумен и наполнен иностранцами, съезжающимися со всех сторон — из Парижа, Лондона, Петербурга, Италии и проч. Город очень хорошо выстроен, уютный, светленький и окружен со всех сторон предлинным и прекрасным садом. Летом он бывает не так весел, как зимою, потому что зимою остаются в нем жить и нарочно съезжаются для этого, а летом разъезжаются на воды, которых в окружности находится чрезвычайное множество. Я не могу до сих пор выбраться из минеральных вод; проехал Ахен — теперь пошли другие: Крейценах, Баден-Баден, Эмские, Висбаденские, Швальцбахские, Ланген-швальбахские, словом — несчетное множество. Во Франкфурте очень хорошо дают оперу. Оркестр франкфуртский один из первых в Европе. Не знаю, просил ли я вас адресовать ко мне письма во Франкфурт или нет. Если просил, то теперь прошу опять переменить адрес и писать в Лозанну, в Швейцарии, куда я на следующей неделе полагаю быть. <...> Но пора кончить письмо и убираться из Франкфурта. Почтовая карета меня ожидает».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.) 1836 г., Гоголь сообщал: «Из город<ов> немецких после Гамбурга лучше других — Фра<нкфур>т. Это — городок щеголь. Прелестнейший сад окружает весь город и служит ему стеною. Говорят, в нем жить весело, особливо зимою; но я имею антипатию к жидовским городам».

В тот же день, 26 июля (н. ст.) 1836 г., Гоголь выехал из Франкфурта-на-Майне в Баден.

[1] См. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен.***

[2] См. ***1836. Июля между 17 и 26 <между 5 и 14>. Ахен, Кёльн, Майнц, Франкфурт-на-Майне.***

ИЮЛЯ 14 <26>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера комедии князя Д. И. Цицианова[1] «Настоящий ревизор» на сцене Александринского театра[2].

«...Князь Дмитрий Иванович Цицианов 14 мая 1836 года секретно представил в Петербургский Цензурный комитет письмо следующего содержания: “Имею честь представить рукописную коме-

дию под заглавием «Настоящий ревизор», покорнейше прося оную, по утверждении, возвратить в запечатанном конверте на мое имя: в Главную улицу, в дом Военной Академии"»[3].

«2-го июня 1836 года министр двора, князь Волконский, секретно писал из Петергофа директору театров Гедеонову: «Возвращая у сего представленную при записке Вашего Превосходительства от 22 минувшего мая комедию под названием "*Настоящий Ревизор*", уведомляю вас, что Государь Император Высочайше повелеть соизволил — *послать оную в цензуру*». <...> «Настоящий ревизор», как значится в сопроводительной бумаге, отправлен 4 июня в Третье отделение, и уже 6 июня вернулся оттуда «одобренный к представлению» <...> Мордвиновым[4], а 14 июля того же, 1836 года, он появился на сцене Александринского театра. <...> ...В библиотеке государствпенных театров в Ленинграде по каталогам удалось <...> установить, что автор этой <...> пьесы некий князь Тицианов <Цицианов>. <...> «"Настоящий Ревизор" — комедия в трех днях или действиях — служащая продолжением комедии, сочиненной Гоголем» — таково заглавие этой пьесы»[5].

А. И. Храповицкий в своем дневнике записал: «1836. <...> 14-го июля. В первый раз "Настоящий ревизор". Оригинальная комедия в 3-х действиях, служащая продолжением комедии "Ревизор". — Г. настоящего ревизора ошикали. Туда ему и дорога! Такой галиматьи никто еще не видал»[6].

Позднее в «Библиотеке для Чтения» (1836. Т. 18; цензурное разрешение 29 авг.) отмечалось: «"Настоящий Ревизор" доказывает две истины, первую ту, что у отцов весьма умных бывают дети, далеко уступающие в уме отцам, и вторую ту, что всякой шалости и шутке есть пределы, за которыми то и другое становится вовсе не смешным и не умным» (Отд. 6. С. 18).

[1] Князь Дмитрий Иванович Цицианов (род. в 1800), в 1836 г. состоял полковником лейб-гвардии Преображенского полка и служил одним из старших адъютантов при дежурном генерале Главного Штаба Его Императорского Величества генерал-лейтенанте П. А. Клейнмихеле.

[2] *Ельницкая 1978.* С. 281–282.

[3] *Ахвердян Р. С.* Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. (Художественные произведения авторов-грузин, изданные на русском языке в дореформенной России). Тбилиси, 1985. С. 79.

[4] 22 июня 1836 г. А. В. Никитенко было выдано цензурное разрешение на отдельное издание пьесы (без указания имени автора): Настоящий Ревизор, комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением Комедии: Ревизор, сочиненной Г. Гоголем. СПб., 1836. 125 с. (Рукопись была рассмотрена на заседании цензурного комитета 16 июня 1836 г.; см.: *Ахвердян Р. С.* Из истории русско-грузинских литературных взаимосвязей. С. 80.) Издание открывала гоголевская заметка «Характеры и костюмы» (без указания имени Гоголя; с. III–VI).

[5] *Петров Ал.* Николай I как репертуарный цензор // Советский театр. 1930. № 5–6. С. 44; см. также: *Гоголь 2001–2012.* Т. 4. С. 730–731.

[6] Дневник Александра Ивановича Храповицкого, инспектора репертуара российской труппы. 1829–1839 г. // Русская Старина. 1879. Т. 24. № 2. С. 348–349.

ИЮЛЯ 15 <27>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Второе представление комедии князя Д. И. Цицианова «Настоящий ревизор» на сцене Александринского театра.

Ельницкая 1978. С. 281–282.

ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА СРЕДИНА <ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТА НАЧАЛО>. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь живет в Бадене. Встречает здесь А. О. Смирнову[1]. У Балабиных и Репниных-Волконских читает «Записки сумасшедшего» и «Ревизора».

Позднее, в письме к Н. Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.) 1836 г. из Женевы, Гоголь сообщал: «Веселее всех других <городов> в продолжение лета Баден-Баден. Это дача всей Европы. Из Парижа, из Англии, из Испании, из Петербурга наезжает сюда народ на лето вовсе не для того, чтобы лечиться, но чтобы сколько-нибудь веселее профинтить время. Его местоположение так картинно, что можно только кистью, а не пером нацарапать. Город между горами раскинут на уступе одной из них. Магазины, театр, зала для балов, всё в саду и все вместе. Я прожил почти месяц в Бадене довольно весело, потому что встретил много знакомых».

Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной-Волконской[2] в пересказе А. В. Марковича (1856–1859): «Кн<яжна> В. Н. Р<епни>на видела в первый раз Гоголя в Баден-Бадене, в 1836 году... <...> В Баден-Бадене она слышала, как он читал "Записки Сумасшедшего"[3] (о которых один, очень искусный врач сказал, что последовательность, с которою Гоголь описывает постепенное расстройство рассудка, так хорошо представлено, что если бы доктор описывал в самом деле такого роду больного, он не мог бы лучше представить прогресса болезни) и "Ревизора", изменяя, при чтении последнего, тон, сообразно с характерами лиц этой комедии. Мимика и артистическая декламация Гоголя произвела на ее впечатление в пользу его высокого сценического таланта. (О комедии "Ревизор" слышала она, что переведший ее француз поклонник Гоголя, не мог найти издателя в Париже. Публика, говорили ему, не стерпела бы представление, в котором все бездельники.)»[4]

В 1880 г. Репнина-Волконская также вспоминала: «В одно время с нами в Бадене находилась княгиня Лобанова[5], сестра моего зятя Кушелева[6], с четырьмя дочерьми: Екатериной, Любовью, Надеждой и Сашей – и очень приятной англичанкой мадемуазель Форстер. У княгини и ее дочерей были прекрасные голоса, и когда все пятеро пели при раскрытых окнах, то на улице толпились слушатели. Гоголь тоже приехал в Баден, а поскольку он был хорошо знаком с Балабиными, то и мы с ним познакомились. Он замечательно читал у нас "*Записки сумасшедшего*" и "*Ревизора*". Не бывая в театре, я не видела представления этой пьесы, но, казалось, присутствовала на нем, потому что Гоголь, можно сказать, разыграл ее один, настолько он входил в каждую роль, изменяя голос, с изумительной мимикой. Мы близко познакомились, и он сделал мне честь, упомянув в одном из писем компоты[7], которые я для него варила. Мы встречались в разные времена в различных местах»[8].

Из воспоминаний Репниной-Волконской 1890 г.: «В первый раз я его увидела в Баден-Бадене. Нас с ним познакомила Варвара Осиповна Балабина, милая, умная, добрая и смиренная женщина. Ее старшая дочь <Елизавета> была замужем за моим братом <Василием>; вся семья Балабиных была со мною коротко знакома. Отец, Петр Иванович, оригинального характера, честный и прямой человек. По настоянию императора Николая он надел жандармский мундир, но, кажется, недолго вынес его. Я помню, что на вопрос Натальи Кирилловны Загряжской генеральше Мёрдер (которая воспитывалась вместе с Варварой Осиповной у княгини Шаховской), почему Балабин подал в отставку, она отвечала: «Parce que cet uniforme lui pesait»[9]. У Балабиных было три сына и две дочери. Старший Иван Петрович был женат на моей двоюродной сестре Уваровой; он был милый, веселый человек. Второй – Виктор Петрович, был умен; я помню, что в Одессе у графини Остен-Сакен я про него сказала, что у Виктора ум беса и сердце ангела, и Озеров, который возвращался с посольства из Константинополя, нашел мое мнение о Викторе Петровиче справедливым. Я очень была дружна с Виктором. Третий брат, Евгений, не знаю, как и кем был увлечен в католичество[10]. Меньшая дочь Марья Петровна, очень красивая и даровитая, была замужем <с 1844 г.[11]> за доктором Вагнером. В Бадене Гоголь читал нам "Ревизора". Я не бываю в театре, но могу сказать, что я присутствовала на представлении "Ревизора": потому что Гоголь представлял всех действующих лиц, переменяя голос, разнообразя мимику каждого лица. Он читал изумительно хорошо; он тогда же прочитал нам "Записки Сумасшедшего", которые под конец вызвали слезы у Варвары Осиповны»[12].

В 1894–1895 гг. В. И. Шенрок, со слов Репниной-Волконской (ум. в 1891), также сообщал: «В числе семейств, встреченных Гоголем в Баден-Бадене, он особенно сблизился с Балабиными и Репниными. По слышанным нами воспоминаниям княжны В. Н. Репниной, родные ее находились

в то время в Баден-Бадене, потому что там временно проживала жена графа Кушелева-Безбородко, мать известного впоследствии основателя и первого редактора "Русского Слова"[13]. В недавнее время от этого далекого прошлого покойная Репнина припоминала лишь немногое; но общее настроение Гоголя в Бадене ей было хорошо памятно. "Мы скоро с ним сошлись, – рассказывала она нам, – он был очень оживлен, любезен и постоянно смешил нас". По словам княжны Репниной, Гоголь ежедневно заходил к ним, сделался совершенно своим человеком и любил беседовать с бывшей своей ученицей, Марьей Петровной Балабиной (ныне госпожой Вагнер) и с ее матерью, Варварой Осиповной. Варвара Николаевна Репнина, заметив пристрастие Гоголя к дессерту и лакомствам, старалась ему угодить и, желая доставить ему удовольствие, собственноручно приготовляла для него компот, который чрезвычайно нравился Гоголю; такой компот он обыкновенно называл "главнокомандующим всех компотов". В это время Гоголь неподражаемо-превосходно читал Марье Петровне Балабиной "Ревизора" и "Записки Сумасшедшего", и своим чтением приводил всех в восторг; а когда он дошел однажды до того места, в котором Поприщин жалуется матери на производимые над ним истязания, Варвара Осиповна Балабина не могла выдержать и зарыдала. О себе княжна Репнина прибавляет по этому поводу, что, с молодых лет никогда не посещая театра, она, – единственно благодаря необыкновенно мастерскому чтению Гоголя и особенно его искусству, переменяя голос, произносить весьма типично диалоги действующих лиц, – заранее составила себе удовлетворительное и верное представление о театре. <...> По воспоминаниям В. Н. Репниной, Гоголь был чрезвычайно ласков и почтителен со старухой Балабиной и всегда целовал у нее руку; он с нею состоял отчасти в переписке[14] и был еще дружнее, нежели с ее молодой дочерью... <...>

....<Князь> Николай Григорьевич Репнин-<Волконский> был в опале[15]. Еще когда Репнины жили в 1836 году в Баден-Бадене, они неожиданно узнали об этом. В письме к своей жене Н. Г. Репнин извещал ее, что на маневрах в Красном Селе неожиданно подъехал к нему Бенкендорф и сказал: "Отдайте вашу шпагу! Из уважения к вашей старости государь позволил вас наказать домашним арестом"»[16].

Спустя год, 16 июля (н. ст.) 1837 г., Гоголь, опять приехав в Баден, сообщал В. О. Балабиной: «В Бадене я встретился еще раз с Смирновой; она живет даже в том самом доме, где жила прежде...»[17]

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, писал: «...Замечательно, что Гоголь во время своих многолетних странствований за границей весьма редко не вращался в дружеском кругу современников. В Италии он долго жил с Балабиными[18] и Репниными (особенно в Неаполе и Кастелламаре[19]) и с ними же был одновременно в Баден-Бадене; в Ницце и также в Риме он жил не раз с Ивановым, Смирновыми и Виельгорскими, в Риме в 1839 г. летом с Жуковским, Погодиными (мужем и женой) и Шевыревыми; несколько раз встречался в разных городах и жил вместе в Риме с П. В. Анненковым и проч. (Данилевский не был введен в светский кружок своего друга, и из названных лиц знал еще с 1832 <1833>[20] г. Анненкова, а с остальными познакомился только поверхностно через Гоголя за границей; но все существенное, касавшееся отношений к кружку Гоголя, ему было хорошо известно.)»[21]

[1] К тому времени в Бадене Смирнова только что родила дочь Софию. 21 июля / 2 августа 1836 г. она писала: «4 недели прошли, я очистилась, и сегодня утром, 21 июля, взяла первую ванну. Софи через 8 дней после рождения держали над купелью Теодор Голицын и Клеопатра <Трубецкая>, священник приехал из Штутгарта <речь идет о протоиерее И. М. Певницком; см. ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***>...» (*Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 293).

Тогда же Смирнова завязала близкие отношения с дипломатом Н. Д. Киселевым, которого позднее, год спустя, познакомила – также в Бадене – с Гоголем (роман Смирновой с Киселевым нашел впоследствии отражение во втором томе «Мертвых душ»; см. ***1837. Июля около 15 – августа не позднее 27–28 <июля около 3 – августа не позднее 15–16>. Баден-Баден, Страсбург, Баден-Баден***). Знакомство Гоголя с Киселевым в Бадене в июле-августе 1836 г. не могло состояться, поскольку последнего ко времени приезда туда Гоголя там уже не было. 22 июня (н. ст.) 1836 г., Смирнова писала об отъезде Киселева из Бадена: «Николай,

мой возлюбленный, ты уехал. Мне кажется, что солнце не светит более в Бадене...» (*Смирнова-Россет А. О.* Автобиографические записки. Баденский роман. Продолжение // *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 512; датировка записи уточнена). 30 июня (н. ст.) 1836 г. Смирнова также писала: «Ничего нового, все время одна мысль — болезненное воспоминание об отсутствии того, кого люблю более всего на свете, больше, чем детей — этим, я полагаю, все сказано, мой ангел-хранитель. Ты прочтешь этот дневник, обещанный мной тебе, когда я покину Париж» (*Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 292–293).

Н. Д. Киселев в 1830–1837 гг. в звании камергера служил младшим секретарем русского посольства в Париже (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1830. СПб., <1830>. Ч. 1. С. 288; Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1837. СПб., <1837>. Ч. 1. С. 444); в 1838 г. был назначен советником русского посольства в Лондоне (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1838. СПб., <1838>. Ч. 1. С. 455); впоследствии, с 1839 г., опять служил в Париже, будучи назначен сюда советником посольства (Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1840. СПб., <1840>. Ч. 1. С. 409; Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1845. СПб., <1845>. Ч. 1. С. 143).

[2] Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская (псевдоним Лизверская, 1809–1891), дочь Н. Г. и В. А. Репниных-Волконских, фрейлина, писательница; племянница княгини З. А. Волконской. (Княгиня З. А. Волконская была замужем (с 1810 г.) за князем Никитой Григорьевичем Волконским (1781–1841), младшим братом князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского (1878–1845), отца княжны В. Н. Репниной-Волконской. Их средний брат, князь Сергей Григорьевич Волконский (1878–1865), был декабристом, а сестра, княгиня Софья Григорьевна (1785–1868), была замужем за министром Двора и уделов князем П. М. Волконским.) Княжна В. Н. Репнина-Волконская была знакома также с Т. Г. Шевченко, осужденным в 1847 г., вместе с Н. И. Костомаровым и П. А. Кулишом, за участие в сепаратистской деятельности Украино-Славянского Общества (см. ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава***).

[3] Сохранился неоконченный перевод «Записок сумасшедшего» на французский язык В. Н. Репниной-Волконской (см.: *ГЛМ.* Ф. 1. Оп. 2. Д. 23. 6 лл.).

[4] Записка, составленная А<фанасием> В<асильевичем> М<аркович>ем из письма к нему Кн<яжны> В. Н. Р<епни>ной о Гоголе. <Письмо к П. А. Кулишу от 31 декабря 1856–1859 гг.> // *Свод.* Т. 3. С. 96. — Афанасий Васильевич Маркович (1822–1867), этнограф; в 1847 г. также был осужден по делу Украино-Славянского Общества; в октябре 1850 г. встречался с Гоголем у В. А. Лукашевича в селе Мехедовка Золотоношского уезда (см. ***1850. Октября 4–5. Среда-четверг. С. Мехедовка Золотоношского уезда Полтавской губернии***). Записка написана рукою жены А. В. Марковича писательницы Марии Александровны Маркович (рожд. Вилинской, псевдоним Марко Вовчок, 1833–1907).

Ранее, 12 декабря 1853 г., еще один знакомый П. А. Кулиша, осужденный по делу Украино-Славянского Общества, писатель Александр Александрович Навроцкий (1823–1892) писал княжне Репниной-Волконской: «...Вы когда-то были в переписке с Гоголем и, следовательно, у Вас, сохранились его письма. Здесь, в Петербурге, один талантливый литератор <П. А. Кулиш> занимается составлением полной биографии Гоголя, и, если действительно сохранились у Вас письма Гоголя, то, без сомнения, Вы не откажетесь служить этими материалами для общей пользы. Будьте уверены, что письма эти напечатаются на тех условиях, на каких Вы сами пожелаете, то есть с сохранением Вашего полного адреса или только под буквами, словом, какие Вы не предложите условия, они примутся с благодарностию и исполнятся со всевозможною точностию. За добросовестность этого человека я смело ручаюсь» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 140). На это письмо Репнина-Волконская, вероятно, не откликнулась, вследствие чего Кулиш предпринял новую попытку получить от нее сведения о Гоголе, на этот раз через Марковича.

[5] Княгиня Александра Григорьевна Лобанова-Ростовская (рожд. графиня Кушелева, 1796–1848), жена князя Алексея Александровича Лобанова-Ростовского (1786–1848), тайного советника, сенатора (см. также ***1828. Июня 28. Четверг. Нежин***); их дочери — Екатерина (в замужестве баронесса Саратога, или Сарасага); Любовь (в замужестве Рибейра-да-Сильва; ум. в 1874); Надежда (в замужестве Румбольд).

[6] Граф А. Г. Кушелев-Безбородко, почетный попечитель Гимназии высших наук в Нежине, муж сестры В. Н. Репниной-Волконской, графини Александры Николаевны Кушелевой-Безбородко (рожд. княжны Репниной-Волконской, ум. в 1836–1837 гг.)

[7] См. в письме Гоголя к М. П. Балабиной от 12 октября (н. ст.) 1836 г. из Веве: «Но я едал (продолжал я) компот, который приготовляли собственные ручки княжны Варвары Николаевны Репниной и которого можно назвать королем компотов и главнокомандующим всех пирожных» (впервые опубликовано: *Кулиш 1854 (1).* № 3. С. 38. *Кулиш 1854 (2).* С. 94).

[8] Воспоминания княжны Варвары Николаевны Репниной (1808–1839) / Пер. и публ. Е. Л. Яценко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 2007. <Т. 16>. С. 362.

[9] Потому что этот мундир тяготил его (*фр.*).

[10] См. также ***1831. Февраль (?). Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1844. Марта 3 <15>. Пятница. Санкт-Петербург.***

[12] *Бартенев П. И.* Из воспоминаний княжны В. Н. Репниной о Гоголе <1890> // *Свод.* Т. 3. С. 100.

[13] Имеется в виду граф Г. А. Кушелев-Безбородко.

[14] См. письма Гоголя к В. О. Балабиной от 16 июля (н. ст.) 1837 г., от января 1840 г., около 31 мая 1842 г., от 7 апреля (н. ст.) 1844 г.

[15] См. также ***1835. Января 4. Среда. Санкт-Петербург.***

[16] Воспоминания княжны В. Н. Репниной-Волконской в записи В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 3. С. 106, 110.

[17] «Прежде» – т. е. летом 1836 г.

[18] В. О. Балабина и ее дочь М. П. Балабина выехали из Петербурга за границу почти в одно время с Гоголем (см. ***1836. Июня 6. Суббота. Кронштадт***), о чем свидетельствует список «Отъезжающих за границу», напечатанный 15, 17 и 21 мая 1836 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях»: «Генерал-Лейтенантша Варвара Осиповна Балабина с дочерью Марьею Петровною, при них крепостная горничная девушка Наталья Никитична Чижова; спрос<ить> 1-й Адм<иралтейской> части 4-го кварт<ала> в собственном доме под № 18» (Прибавление № 107 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Пятница, 15-го мая 1836 года. С. 960; Прибавление № 109 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Воскресенье, 17-го мая 1836 года. С. 981; Прибавление № 111 к Санкт-Петербургским Ведомостям. Четверток 21-го мая 1836 года. С. 1000; *Свод.* Т. 1. С. 521).

[19] См. ***1838. Июля после 5–6 – сентября 5 <июня после 23–24 – августа 24>. Неаполь, остров Капри, Кастелламаре, Неаполь.***

[20] См. ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***

[21] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 516.

ИЮЛЯ 21 <АВГУСТА 2>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

В этот день А. И. Тургенев писал князю П. А. Вяземскому: «Сегодня в первый раз увижу “Ревизора”»[3].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 226.

[3] Из писем А. И. Тургенева // *Свод.* Т. 3. С. 86.

ИЮЛЯ 23 <АВГУСТА 4>. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ИЮЛЯ 27 <АВГУСТА 8>. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре[1]. После пьесы Гоголя игрался «Настоящий Ревизор» (комедия в трех действиях, «служащая продолжением комедии “Ревизор”») князя Д. И. Цицианова[2].

«“Настоящий Ревизор” уже сразу после первого[3] <после второго>[4] представления давался вместе с “Ревизором” Гоголя. Таким образом, публика, просмотрев 5 актов гоголевского “Ревизора”, не выходя из театра, уже утомленная, смотрела три акта Тициановского <Цициановского> производства, в которой “порядок восстанавливался высокой властью”»[5].

В тот же день, 27 июля 1836 г., цензор А. Л. Крылов писал А. С. Пушкину по поводу повести «Нос»:

«...Может быть я в состоянии буду удержать <...> в статье г. Гоголя намеки о сахаре и ассигнациях; соблаговолите прислать ко мне эту часть статьи; завтра вечером <после заседания цензурного комитета>[6] я буду иметь честь возвратить ее с окончательным заключением»[7].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Ельницкая 1978.* С. 281–282.
[3] См. ***1836. Июля 14 <26>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1836. Июля 15 <27>. Среда. Санкт-Петербург.***
[5] *Петров Ал.* Николай I как репертуарный цензор // Советский театр. 1930. № 5–6. С. 44.
[6] См. ***1836. Июля 28 <августа 9>. Вторник. Санкт-Петербург.***
[7] *Свод.* Т. 3. С. 271.

ИЮЛЯ 28 <АВГУСТА 9>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензор А. Л. Крылов пишет А. С. Пушкину по поводу повести «Нос»[1]:

«Возвращая находившиеся у меня статьи, имею честь известить, что в сочинении г. Гоголя Комитет согласился допустить шутку на предпочтение *Ассигнаций,* оставив только исключенным другое место *о Сахаре»*[2].

[1] См. также ***1836. Июля 27 <августа 8>. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] *Свод.* Т. 3. С. 271.

ИЮЛЯ 30 <АВГУСТА 11>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 226.

АВГУСТА 14 <2>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БАДЕН-БАДЕН

Гоголь в письме к матери в Васильевку спрашивает, получила ли она его письмо из Франкфурта[1]:

«До сих пор еще ни одного письма вашего не получил... <...> Теперь я живу на знаменитых водах Баден-Баденских, куда заехал только на три дня и откуда уже три недели не могу выбраться. Встретил довольно знакомых[2]. Больных сурьезно здесь никого нет. Все приезжают только веселиться. Местоположение города чудесно. Он построен на стене горы и сдавлен со всех сторон горами. Магазины, зала для балов, театр – всё в саду. В комнату здесь никто почти не заходит, но весь день сидят за столиками под деревьями. Горы почти лилового цвета даже изблизи. Между гостями есть много известных европейских лиц. Мест для гулянья в окружности страшное множество; но на меня такая напала лень, что никак не могу приневолить себя все обсмотреть. Каждый раз собираюсь пораньше встать и всегда почти просплю. Лето здесь хорошо. Слишком жарких дней нет. <...> ...Адресуйте письма ко мне в Швейцарию, в Лозанну. <...> ...Я дня через четыре буду в Швейцарию и проживу там всю осень».

[1] Гоголь встретил в Бадене семейство своей ученицы М. П. Балабиной. Через Балабиных Гоголь познакомился с семьей князя Николая Григорьевича Репнина-Волконского; одна из сестер М. П. Балабиной, Елизавета Петровна, была замужем за его сыном князем Василием Николаевичем Репниным-Волконским (см. ***1836. Июля 26 <14>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***).
[2] См. ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден***.

АВГУСТА НАЧАЛО <АВГУСТА СРЕДИНА>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет августовского номера «Журнала Министерства Народного Просвещения», где, в частности, Я. М. Неверов в «Обозрении русских газет и журналов за первую половину 1835 года», имея в виду высокую оценку В. Г. Белинским «Тараса Бульбы»[1], писал:

«Достоинство, прелесть большей части повестей г. Гоголя неоспорима; но ставить их выше всего, наравне с самыми драгоценнейшими, высочайшими творениями человеческого гения есть преувеличение, понятное впрочем в том, кто нашел писателя, удовлетворяющего его собственным понятиям об искусстве»[2].

[1] См. ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва***.
[2] *Неверов Я.* Обозрение русских газет и журналов за первую половину 1835 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1836. № 8. С. 433.

АВГУСТА ОКОЛО 15 <3>. РАШТАТТ

Гоголь в письме к матери в Васильевку, начатом в Бадене 14 августа (н. ст.) 1836 г.[1], сообщает, что на следующий день садится в дилижанс и «через двое суток <т. е. к празднику Преображения Господня (6/18 августа)>, а может быть и раньше» будет в Берне[2], «где уже горы с снежными вершинами».

[1] См. ***1836. Августа 14 <2>. Воскресенье. Баден-Баден***.
[2] См. ***1836. Августа около 18 <6>. Накануне или в день праздника Преображения Господня. Берн.***

АВГУСТА ОКОЛО 16 <4>. РАШТАТТ

Гоголь выезжает из Раштатта в Базель.

См. ***1836. Августа около 15 <3>. Раштатт***.

АВГУСТА ОКОЛО 17 <5>. БАЗЕЛЬ

Гоголь в Базеле.

См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева***.

АВГУСТА ОКОЛО 18 <6>. НАКАНУНЕ ИЛИ В ДЕНЬ ПРАЗДНИКА ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ[1]. БЕРН

Гоголь в гостях у русского посланника в Швейцарии Д. П. Северина[2]; познакомился здесь с его шурином А. С. Стурдзой[3].

20 сентября (н. ст.) 1836 г. Д. П. Северин писал князю П. А. Вяземскому: «Гоголь привез мне рекомендательное письмо твое[4], на дачу вечером и перед отъездом в горы Бернского оберланда. Обещал по возвращении посетить нас снова, но по сю пору не является. <...> Я не обманул его насчет здешнего края и советовал ехать далее для лучших вдохновений»[5].

Осенью 1852 г. Стурдза вспоминал: «С Гоголем, – давно уже известным русской публике по некоторым замечательным повестям и по Аристофановской комедии Ревизор, – я встретился очень поздно и вдобавок за границею. В 1836 году у подошвы Швейцарских гор и в окрестностях Берна я увидел впервые нашего умного и своеобразного наблюдателя и живописца русских нравов и жизни. Это было в гостях у нашего посланника Д. П. Северина. Я был только немым свидетелем приятной, но мимолетной беседы...»[6]

[1] См. ***1836. Августа около 15 <3>. Раштатт.***

[2] Дмитрий Петрович Северин (1792–1865), дипломат, член литературного «Арзамаса». Первая жена Северина, Елена Скарлатовна (1794–1818), была сестрой А. С. Стурдзы.

[3] Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854), сын молдавского боярина С. Д. Стурдзы, дипломат, член Ученого комитета Министерства иностранных дел, духовный писатель, публицист.

[4] Не сохранилось. См. ***1836. Июня 6 <18>. Суббота. Санкт-Петербург, Кронштадт.***

[5] *Свод.* Т. 2. С. 8.

[6] *Стурдза А. С.* Дань памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя // Москвитянин. 1852. № 20. Октябрь. Кн. 2 (цензурное разрешение 22 окт.). Отд. I. С. 224–228; с подписью: «Окна. Сентябрь 1852 года»; *Свод.* Т. 3. С. 631.

АВГУСТА 20 <6>. СУББОТА. ЛОЗАННА, ЖЕНЕВА

Гоголь через Лозанну приехал в Женеву.

См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.***

АВГУСТА 23 <11>. ВТОРНИК. ЖЕНЕВА

Гоголь пишет матери в Васильевку:

«Уже около недели, как я в Швейцарии[1]; проехал лучшие швейцарские города: Берн, Базель, Лозанну и четвертого дня[2] приехал в Женеву. Альпийские горы везде почти сопровождали меня. Ничего лучшего я не видывал. Из-за синих гор вдали показываются ледяные и снеговые вершины Альп. Во время захождения солнца снега Альп покрываются тонким розовым и огненным светом. Часто, когда солнце уже совсем скроется и всё уже темно, всё блестит, горы покрыты темным светом, Альпы одни сияют на небе как будто транспарантные. Передо мной Женевское озеро, которого воды кажутся бирюзового цвета...»

Ранее, в черновой редакции повести «Невский проспект» (1834), Гоголь, в частности, замечал: «Он опасен необыкновенно, этот Невский проспект <...> но более всего тогда, когда <...> огни сделают его почти транспарантом <...> И <...> сам демон зажигает обольстительные лампы для того, чтобы все показать не в настоящем виде».

Сходный образ «танспарантного», мнимо-«просвещенного» европейского Петербурга встречается в гоголевских «Петербургских записках 1836 года»: «...Это было накануне Светлого Воскресения вечером... <...> ...Розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом, строения стороны Петербургской оделись почти лиловым цветом, скрывшим их неказистую наружность, <...> церкви <...> казались нарисованными или наклеенными на розовой материи...»

(Один из действительных светящихся транспарантов сам Гоголь изготовил в Нежине в 1825 г.[3] Еще один транспарант он сделал в 1849 г. для детей А. О. Смирновой[4].)

«Транспарантные» образы встречаются также в отправленном Гоголем в 1822–1823 гг. в письме к А. С. Данилевскому стихотворении Н. И. Гнедича «Рыбаки»; в незавершенной повести самого Гоголя «Страшный кабан» 1831 г.[5] В этом же ряду находится описание Гоголем окрестностей Неаполя в письме к матери от 30 июля (н. ст.) 1838 г.: «Передо мною море, голубое как небо, лиловые и розовые горы с городами вокруг его. Предо мною Везувий. <...> Спектакль удивительный! (Ср. также замечание Гоголя в письме к Н. Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.) 1836 г. из Женевы: «Боковые кулисы занимают с одной стороны синефиолетовые горы Савойские...» – *И. В.*) Вообразите себе огромнейший феерверк... <...> Ожидают извержения». (В одном из набросков к не дошедшим до нас главам второго тома «Мертвых душ»[6] Гоголь, в свою очередь, замечал: «...Когда разъехалось все это <...> в доме остались пустота и следы битвы: разбитые плошки, изорванные транспаранты и обгорелые фейерверки...»)

В письме к М. П. Погодину от 22 сентября (н. ст.) 1836 г. из Женевы, Гоголь сообщал: «Я не пишу тебе ничего о моем путешествии. <...> Два предмета только поразили и остановили меня: Альпы да старые готические церкви». В цитированном письме к Н. Я. Прокоповичу (от 27 сентября (н. ст.) 1836 г.) он повторял: «...Только ледяные богатыри Альп да старые готические церкви меня поразили».

Образ «транспарантных» Альп в письме Гоголя к матери, а также упоминания в письмах к Погодину и Прокоповичу о поразивших его «готических церквях» и Альпах, позволяет предположить, что уже в то время в творческом сознании Гоголя начинает складываться образ «прелестного» – «транспарантного» – католического храма, появившийся позднее во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842) в сценах обольщения Андрия.

Изображение в начале шестой главы новой редакции «Тараса Бульбы» великолепного католического богослужения, наблюдаемого – «с полуоткрытым ртом» – Андрием (незадолго до окончательного предательства) сориентировано Гоголем на описание «могильного» подземелья в опубликованном им прежде отрывке «Пленник» (первоначальное название «Кровавый бандурист», 1834), а также на образ «гнома» веельзевула в повести «Вий» (1834). На перекличку между «Пленником» и «Тарасом Бульбой» указал еще в 1890 г. В. И. Шенрок: «Некоторые образы из "Пленника" вошли впоследствии в переработанном виде в VI главу "Тараса Бульбы" (описание церкви во время осады)»[7]. Вся красота и великолепие католического костела представлены в повести как гибельный соблазн, «прелесть», перед которой, как и перед красотой панночки, не смог устоять Андрий. Весь путь героя через подземный ход в осажденный Дубно Гоголь последовательно соотносит с описанием монастырского подземелья в раннем отрывке.

В «Пленнике»: «Тщательно осматривал он находившиеся в земляных стенах норы, совершенно обсыпавшиеся, служившие когда-то кельями и единственными убежищами...» – В «Тарасе Бульбе»: «Так же как и в пещерах Киевских, тут видны были углубления в стенах... <...> Видно, и здесь также были святые люди и укрывались также от мирских бурь, горя и обольщений».

В «Пленнике»: «Обсыпавшаяся со сводов земля лежала кучами на полу. На одной из них торчали человеческие кости...» – В «Тарасе Бульбе»: «...Местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпа́вшиеся в муку...»

В «Пленнике»: «Как только опустились они под земляные безобразные своды, могильная сырость обдала всех». – В »Тарасе Бульбе»: «Сырость местами была очень сильна...»

В «Пленнике»: «Наконец показалась деревянная, заросшая мхом, зацветшая гнилью дверь...» – В «Тарасе Бульбе»: «Наконец перед ними показалась маленькая железная дверь».

Следующие далее соответствия между «Тарасом Бульбой» и текстом «Пленника» открывают перед нами и смысл, с которым Гоголь сориентировал одно описание на другое: свет, играющий в разноцветных витражах костела, куда попадает Андрий подземным ходом («Окно с цветными стеклами, <...> озарилось розовым румянцем утра, и упали от него на пол голубые, желтые и других цветов кружки света, осветившие внезапно темную церковь»), оказывается мнимым. Он сравнивается Гоголем с тем светом, который видится пленнику в его захлопнувшейся, подобно «крышке гроба», пещере: «Совершенного мрака нет для глаза. Он всегда, как ни зажмурь его, рисует и представляет цвета, которые видел. <...> Иногда стройный переплет окна, – которого, увы! не было в его темнице, – проносился перед ним. Лазурь <...> обращалась в черную, усеянную или желтыми, или голубыми, или неопределенного цвета крапинами». (В свою очередь, в «Пленнике» Гоголь пересказывал строки своей ранней статьи «О поэзии Козлова» (1831) о представляющихся слепому поэту во мраке ярких цветах и красках: «Глядя на радужные цвета <...>, тотчас узнаешь <...>, что они уже утрачены для него...»[8].)

Соответственно мнимому «сиянию» костела в «Тарасе Бульбе» («Весь алтарь в своем далеком углублении показался вдруг в сиянии...») текстом «Пленника» «поверяется» и прельстительное благоухание католическо-

го храма: «...Кадильный дым остановился в воздухе радужно освещенным облаком» — «Запах гнили пахнул так сильно, что сначала заняло у всех дух».

Апофеоз «прелести» в «Тарасе Бульбе» — описание звуков органной музыки: «В это время величественный стон органа наполнил вдруг всю церковь; он становился гуще и гуще, разрастался, перешел в тяжелые раскаты грома и потом вдруг, обратившись в небесную музыку, понесся высоко под сводами своими поющими звуками, напоминавшими тонкие девичьи голоса...» — Для находящегося «на самом деле» в безысходном, по-прежнему глухом мраке подземелья Андрия (как представляется автору его герой в духовном смысле) этот центральный в описании костела впечатляющий образ органной музыки не находит в тексте «Пленника» никакого иного соответствия, кроме как изображения одного (и единственного) из упоминаемых здесь «адских гномов» — «почти исполинского роста жабы»: «...А под голову подмости ту жабу али возьми ее за женку на ночь!» (слова воеводы представляют собой очевидную реминисценцию украинской пословицы: «Тут тебе жаба и цицьки даст» — тут тебе и гроб будет[9]).

Как бы ни было неожиданно соотнесение «величественных» звуков органа с «исполинской» жабой, оно, однако, выводит нас к действительному смыслу гоголевского образа. Ибо еще одно, более подробное и развернутое описание этого «гнома» в другой гоголевской повести — в «Вии» — обнаруживает уже прямые переклички с изображением захватывающих органных звуков в «Тарасе Бульбе». Здесь это жаба, как бы ловящая своим языком («своими поющими звуками») мух, — точнее, это сам веельзевул, «повелитель мух», его пасть[10]. Как и в «Пленнике», образ демонической жабы в «Вии» так же является первым и главным из описываемых «гномов»: «Выше всех возвышалось странное существо в виде правильной пирамиды, покрытое слизью. Вместо ног у него было внизу с одной стороны половина челюсти, с другой другая; вверху, на самой верхушке этой пирамиды, высовывался беспрестанно длинный язык и беспрерывно ломался на все стороны». Очевидно, что если для «Вия» гном жабы представляет собой некий единый образ панночки и ее мстительного отца-сотника (ведьмы и Вия), — то для «Тараса Бульбы» образ впечатляющей органной музыки (с ее ревущим басом и «тонкими девичьими голосами») является своеобразным предызображением прекрасной — соблазнившей Андрия на предательство и конечную гибель — полячки и незримо присутствующего при этом ее отца-воеводы. (Сама идея близкой к материальному воплощению органной музыки могла быть почерпнута Гоголем у князя В. Ф. Одоевского, изобразившего в своей повести «Себастиан Бах» (1834), как эта музыка в видении героя превращается в некий величественный архитектурный готический ансамбль.)

Последняя, заключительная перекличка образов шестой главы «Тараса Бульбы» с текстом «Пленника» обнаруживается в изображении площади осажденного Дубно: «Площадь, имевшая квадратную фигуру, была совершенно пуста; посредине ее оставались еще деревянные столики, показывавшие, что здесь был <...> рынок съестных припасов. Улица <...> была просто засохшая груда грязи». — Ср. в «Пленнике»: «Это была четырехугольная, без всякого другого выхода, пещера. <...> Обсыпавшаяся со сводов земля лежала кучами на полу. На одной из них торчали человеческие кости...» («кости» — очевидно, — «съестные припасы» Дубно; ср.: «Ни ли уразумеют вси делающие беззаконие, снедающие люди моя в снедь хлеба?»; Пс. 13, 4). Итоговая перекличка с образами «Пленника» еще раз указывает, что выход Андрия из подземного хода на свободу является мнимым — герой движется навстречу своей смерти.

В целом можно сделать вывод, что красоту готического храма Гоголь изображает в «Тарасе Бульбе» в соответствии со словами, сказанными им 30 мая (н. ст.) 1839 г. в письме к М. П. Балабиной, накануне смерти в Риме юного графа И. М. Виельгорского, которого княгиня З. А. Волконская пыталась тогда же «обратить» в католичество[11]. Гоголь писал Балабиной: «Я ни во что теперь не верю, и если встречаю что прекрасное, тотчас же жмурю глаза и стараюсь не глядеть на него. От него несет мне запахом могилы». Ср. в «Пленнике»: «Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Там царствует в оцепенелом величии смерть, распустившая свои костистые члены под всеми цветущими городами... <...> Почти исполинского роста жаба остановилась неподвижно, выпучив свои страшные глаза на нарушителей ее уединения». С содержанием «Пленника», с текстом шестой главы «Тараса Бульбы» и взглядом Вия на Хому Брута («Две черные пули глядели прямо на него») перекликается также описание угасающих впечатлений Чичикова от покинутого им губернского города в первом томе «Мертвых душ», которые сравниваются здесь (согласно строкам черновой редакции 1840–1841 гг.) с «пятнами, которые мы видим, поглядевши пристально на солнце и потом зажмурив глаза»: «Сначала они круглятся горячо и ярко, потом понемногу темнеют и, наконец, становятся темными, как свинцовые пули».

Далее в письме к матери (от 23 августа (н. ст.) 1836 г.) Гоголь сообщал:

«Женева очень хороший город и называется уголком Парижа. Язык французский здесь самый чистый. Костюмы поселянок швейцарских так хороши, как вы себе вообразить не можете. В каждом кантоне или республике они переменяются. Совершенные картинки! Дороги везде почти живописны.

В Италии[12] я вряд ли буду в этом году, я думаю, что останусь всю осень и начало зимы в Женеве, если не поеду в Париж. <...> Адресуйте письма ко мне в Женеву или Лозанну[13] <...>, лучше в Женеву. <...> Обнимая сестру <Марию> и также Павла Осип<овича> <Трушковского>, прошу их извинить меня перед племянником моим Колею, что не присылаю ему никакого гостинца. Посылки очень затруднительно отсюда пересылать».

В упомянутом письме к Прокоповичу (от 27 сентября (н. ст.) 1836 г.) Гоголь также писал: «Увы, мы приближаемся к тем летам, когда наши мысли и чувства поворачивают к старому, к прежнему, а не к будущему. <...> Что тебе сказать о Швейцарии? Всё виды да виды, так что мне уже от них наконец становится тошно, и если бы мне попалось теперь наше подлое и плоское русское местоположение с бревенчатою избою и сереньким небом, то я бы в состоянии им восхищаться, как новым вид<ом>. <...> Изо всех воспоминаний моих остались только воспоминания о бесконечных обедах, которыми [безжалос<тно>] преследует меня обжорливая Европа[14]... <...> Я ем через одно блюдо, по капле, но чувствую в своем желудке страшную дрянь. <...> Города швейцарские мало для меня были занимательны. Ни Базель, ни Берн, ни Лозанна не поразили. Женева лучше и огромнее их и остановила меня тем, что есть что-то столично-европейское. Почти каждый дом облеплен афишами и объявлениями о книгах, печатанными в Париже на желтой бумаге буквами страшной величины: каждая буква больше Данченка. Ощутительна близость к Франции. Женева над самим Женевским озером, которое почти как море. Боковые кулисы занимают с одной стороны синефиолетовые горы Савойские, а из-за них Монблан вытыкает снежную свою вершину[15]; с другой стороны синяя цепь гор, называемых Юра, которые принадлежат Франции».

[1] См. ***1836. Августа около 17 <5>. Базель.***

[2] См. ***1836. Августа 20 <6>. Суббота. Лозанна, Женева.***

[3] См. ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин.***

[4] См. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево.***

[5] См.: ***1822–1823. Нежин, Васильевка или Кибинцы.***

[6] См. ***1839 июня первая половина (после 5 числа) <мая конец (после 24 числа)> или 1841 августа средина <августа начало>. Рим.***

[7] *Шенрок В.* Н. В. Гоголь в начале литературной карьеры. (1829–1831) // Вестник Европы. 1890. № 7. С. 257; *Шенрок.* Т. 1. С. 254.

[8] См. ***1830. Октябрь. Санкт-Петербург.***

[9] См.: *Данилевский П.* Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской Империи в 1812 году. СПб., 1813. С. 15.

[10] См. ***1841. Июня 14 <2> (понедельник) или 26 <14> (суббота). Рим, Альбано*** (примечания). – См. также выписанную для себя Гоголем в «Книге всякой всячины...» «Виршу, говоренную гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения», где есть и «мухи», и веельзевул, и его «ненасытный рот»; и письмо Гоголя к В. А. Жуковскому из Варшавы от 28 сентября (н. ст.) 1839 г. с новым упоминанием о веельзевуле.

[11] См. ***1839. Июня 2 <мая 21>. Воскресенье. Рим.***

[12] См. ***1836. Мая 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1836. Сентября около 5 <около 17>. Васильевка.***

[14] См. также ***1836. Сентября 22 <10>. Четверг. Женева***; ***1836. Октября 12 <сентября 30>. Среда. Веве.***

[15] См. также ***1837. Октября с 1 по 13 <сентября с 19 по октября 1>. Женева.***

АВГУСТА 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

АВГУСТА 16 <28>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора», прошедшее, как было намечено, либо в театре Петровского парка, либо, «в случае неблагоприятной погоды», в Малом театре; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин.

Гриц. С. 226; *Ельницкая 1978.* С. 305.

АВГУСТА 27 <СЕНТЯБРЯ 8>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

В Малом театре, в первый раз, «Настоящий ревизор» князя Д. И. Цицианова, оригинальная комедия в 3 действиях в прозе, «служащая продолжением комедии “Ревизор”».

Гриц. С. 227; *Ельницкая 1978.* С. 281–282.

АВГУСТА 29 <СЕНТЯБРЯ 10>. СУББОТА. СЕЛО РЫБАЦКОЕ

А. Ф. Воейков пишет А. А. Краевскому в Петербург:

«О, как я молю Бога, чтобы осуществились слухи, по которым вы, соединяясь с Пушкиным и Одоевским, примете с наступающего нового года живое участие в *Современнике*, не имеющем и полутораста иногородних подписчиков! Тогда издавайте его в 24, а не в 4-х книжках».

Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1891 г. СПб., 1894. Приложение. С. 3.

АВГУСТА 30 <СЕНТЯБРЯ 11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Представление «Ревизора», прошедшее, как было намечено, либо в театре Петровского парка, либо, «в случае неблагоприятной погоды» – в Малом театре; роль Городничего исполнял М. С. Щепкин.

Гриц. С. 226; *Ельницкая 1978.* С. 305.

СЕНТЯБРЯ 1 <13>. ВТОРНИК. МОСКВА

В Малом театре «Настоящий ревизор» князя Д. И. Цицианова, оригинальная комедия в 3 действиях в прозе, «служащая продолжением комедии “Ревизор”».

Гриц. С. 227; *Ельницкая 1978.* С. 281–282.

СЕНТЯБРЯ 2 <14>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

СЕНТЯБРЯ 4 <16>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

В Малом театре «Настоящий ревизор» князя Д. И. Цицианова, оригинальная комедия в 3 действиях в прозе, «служащая продолжением комедии “Ревизор”»[1].

В тот же день М. С. Щепкин писал И. И. Сосницкому:

«Теперь о Гоголе: где он? имеешь ли ты о нем какие сведения? Ты, Ваня, сделал маленькую оплошность, что оставил ему комедию для поправки[2]. Он, занявшись другой комедией, забудет о ней совершенно. Если же ты ее получишь, то, ради Бога, тотчас переписав оную, вышли ко мне как можно скорее»[3].

[1] *Гриц.* С. 227; *Ельницкая 1978.* С. 281–282.

[2] Речь идет о комедии «Женитьба» (см. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***).

[3] Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 8.

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 5 <ОКОЛО 17>. ВАСИЛЬЕВКА

Кончина П. О. Трушковского. М. И. Гоголь пишет сыну письмо в Лозанну[1].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала о П. О. Трушковском: «Помню, как он ездил на охоту, несмотря ни на какую погоду, даже по ночам, отчего сильно простудился и умер, оставив жену с двумя сыновьями. После его смерти, через шесть недель, родился третий сын <Михаил>[2]. И так до самой смерти жила она с нами. Незавидная ее доля. <...> Вскоре после смерти Трушковского два младшие сына умерли, и потому, вероятно, сестра не могла со мной заниматься»[3].

[1] См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева***; ***1836. Октября 3 <сентября 21>. Понедельник. Лозанна***.

[2] См. ***1836. Октября 18 <30>. Воскресенье. Васильевка.***

[3] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 196.

СЕНТЯБРЯ 22 <10>. ЧЕТВЕРГ. ЖЕНЕВА

Гоголь пишет М. П. Погодину в Москву:

«Мне жаль, слишком жаль, что я не видался с тобою перед отъездом. <...> Но на Руси есть такая изрядная коллекция гадких рож, что невтерпеж мне пришлось глядеть на них. Даже теперь плевать хочется, когда об них вспомню. Теперь передо мною чужбина, вокруг меня чужбина, но в сердце моем Русь, не гадкая Русь, но одна только прекрасная Русь: ты, да несколько других близких, да небольшое число заключивших в себе прекрасную душу и верный вкус. <...> Осень наступила, и я должен положить свою дорожную палку в угол и заняться делом. Думаю остаться или в Женеве, или в Лозанне, или в Веве, где будет теплее (здесь нет наших теплых домов). Принимаюсь перечитывать вновь всего Вальтера Скотта[1], а там, может быть, за перо. Письма адресуй ко мне в Лозанну[2]. <...> Уведоми меня о том, что говорят обо мне в Москве. Я не имею до сих пор ни об чем никаких известий. Ни одного русского журнала не вижу».

Осенью 1836 г. А. А. Краевский сообщал Погодину[3]: «Гоголь живет теперь в двух верстах от Женевы, в деревне[4]. Говорит, что бросил страннический посох и принялся за *большое дело*, за какое — не пишет; читает прилежно Мольера, Вальтера Скотта. Вся пройденная им Европа показалась ему трактиром[5]: путешественники на каждом шагу; все только и делают, что пьют, едят, да газеты читают. Все города оценяет он одною меркою, запахом: в этом городе нет вони, а в этом очень воняет, потому что льют нечистоты на улицу»[6].

[1] См. также ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева.***

[2] См. ***1836. Ноября 28 <16>. Понедельник. Париж.***

[3] По предположению В. И. Шенрока, Краевский в этом письме к Погодину пересказал содержание послания Гоголя к Н. Я. Прокоповичу от 27 сентября (н. ст.) 1836 г., прочитанного Прокоповичем Краевскому (см. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева***; *Шенрок.* Т. 3. С. 127). Однако содержание письма Краевского лишь в незначительной мере перекликается с указанным посланием Гоголя.

[4] Гоголь жил в предместье Женевы aux eaux vives, в пансионе Жанена. Позднее, в письме к А. С. Данилевскому от 15 апреля (н. ст.) 1837 г., Гоголь писал: «...Почему тебе захотелось так пригнездиться к Жанену? Тебе будет дьявольски скучно, ты будешь голоден, и больше ничего (ибо хотя твой желудок не то, что мой, однако ж всё-таки нагрузиться любит). <...> Ей Богу, даже смешно, как воображу, что ты сидишь и мерзнешь у Жанена. Я никак сначала не мог взять в толк, про какого Анненкова ты пишешь <Анненков носил от Гоголя прозвище Жюль Жанен; см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***>, и думал, уж не свихнул ли ты, Боже сохрани, с разума, говоря, что я у него стоял. Но при конце письма, не видя ни адреса, ничего, догадался, что это aux eaux vives. Вряд ли ты, мне кажется, высидишь месяц». В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с Данилевским, сообщал: «Жанен (Jeanin), по словам А. С. Данилевского, был в одном знатном доме гувернером, потом переселился в Женеву, женился и открыл пансион для мальчиков в предместье les eaux vives» (Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 518).

[5] См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.***

[6] Гоголь в письмах А. А. Краевского // *Свод.* Т. 1. С. 804.

СЕНТЯБРЯ 27 <15>. ВТОРНИК. ФЕРНЕЙ, ЖЕНЕВА

Утром Гоголь посетил имение Вольтера Ферней.

В тот же день Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу в Петербург:

«Сегодня поутру посетил я старика Волтера. Был в Фернее. Старик хорошо жил. <...> На стене портреты всех его приятелей – Дидеро, Фридриха, Екатерины. Постель перестланная, одеяло старинное кисейное, едва держится, и мне так и представлялось, что вот-вот отворятся двери, и войдет старик в знакомом парике, с отстегнутым бантом, как старый Кромида, и спросит: что вам угодно? Сад очень хорош и велик. Старик знал, как его сделать. Несколько аллей сплелись в непроницаемый свод, искусно простриженный, другие вьются не регулярно, и во всю длину одной стороны сада сделана стена из подстриженных деревьев в виде аркад, и сквозь эти арки видна внизу другая и аллея в лес, а вдали виден Монблан. Я вздохнул и нацарапал русскими буквами мое имя, сам не отдавши себе отчета для чего».

Позднее, 6 октября (н. ст.) 1836 г., Гоголь писал также матери в Васильевку (тоже из Женевы): «Вчера я был в Фернее и посетил Волтера. Видел его дворец, куда приезжали короли и принцы. К нему ведет прекрасная каштановая аллея в три ряда. Перед домом маленькая церковь, с надписью: *Волтер Богу!* Комнаты его в том же виде. В спальне его перестлана даже кровать с тем же самым одеялом, которым он укрывался, которому уже почти сто лет. Те же картины висят. Путешественники до сих пор стекаются толпами. Сад прекрасен, тени много; на одной стороне его сделана из подстриженных деревьев стена с арками. Сквозь эти арки виден вдали Монблан, синеющие горы Савойские, деревни и мызы».

Если следовать этому письму Гоголя, то он посетил Ферней не 27 сентября (н. ст.) 1836 г. (как следует из цитированного выше письма к Прокоповичу от того же числа), а 5 октября (н. ст.): «Вчера я был в Фернее...» Однако сходство описаний этого посещения в том и в другом письме заставляет предполагать, что Гоголь посетил Ферней лишь однажды. При этом более свежими и «неоформленными» представляются впечатления, изложенные Гоголем в письме к Прокоповичу, тогда как «вторичными», получившими литературную обработку, – описанные в более позднем послании к матери. На этом основании следует признать датой действительного посещения Гоголем Фернея 27 сентября (н. ст.) 1836 г., а слова в письме к матери от 5 октября (н. ст.) о посещении накануне имения Вольтера, объяснить стремлением писателя сохранить ощущение непосредственной близости описываемого события, а также избежать излишних подробностей в обобщающей картине его накапливающихся впечатлений (согласно совету Гоголя в позднейшей статье «О науке» (1845): «Смело поступи, как наш сказочный конь: мелкие кусты и травник промеж ног пропускает»).

В письме к Прокоповичу (от 27 сентября (н. ст.) 1836 г.) Гоголь описывал также свои впечатления от Германии[1] и Швейцарии[2] и сообщал:

«В Женеве я прожил больше месяца, но наконец не стало мочи от здешнего глупого климата. Ветры здесь грознее петербургских. Совершенный Тобольск. Еду теперь в маленький городок Веве, который находится на этом же озере недалеко от известного тебе замка Шильона. Там климат совершенно другой, потому что с севера заслоняет гора. <...> Кланяйся всем нашим от меня: Жюлю[3], <И. Г.> Пащенку и проч. <...> Не забудь адресовать письма в *Лозанну*[4]. <...> Марии Никифоровне[5] поклон».

Позднее, в письме к А. С. Данилевскому от 23 октября (н. ст.) 1836 г. из Лозанны, Гоголь также писал: «Более месяца слишком прожил в Женеве (если ты когда-нибудь будешь в сем городе, то увидишь в памятнике Руссо начертанное русскими буквами к тебе послание). В сем городе я был в пансионе, где начинал было собачиться по-французски, но, смекнувши, что мы с тобой для пансионов несколько поустарели, и озлобившись на иркутский климат Женевы и на гадкое время, удрал оттуда в Веве...»

В письме к В. А. Жуковскому от 12 ноября (н. ст.) 1836 г. из Парижа Гоголь сообщал: «Пропитавшись лето на водах, я перебрался на осень в Швейцарию. Я хотел скорее усесться на месте и заняться делом; для этого поселился в загородном доме близ Женевы. Там принялся перечитывать я Мольера, Шекспира и Вальтер Скотта[6]. Читал я до тех пор, покамест сделалось так холодно, что пропала вся охота к чтению. Женевские холода и ветры выгнали меня в Веве».

Кроме того, в письме к Прокоповичу Гоголь спрашивал приятеля, как идут его «учительские дела».

В 1836 г., 10 июля, «студент»[7] Н. Я. Прокопович, оставив актерское и литературное поприща[8], поступил на службу рядовым учителем русского языка в первый кадетский корпус в Петербурге. (Прокопович числился в корпусе последним из семи преподавателей русского языка, которых возглавлял В. Т. Плаксин.) Бывший ученик Прокоповича вспоминал: «В первом и во втором общих классах <первого кадетского корпуса> преподавателем русского языка у меня был Н. Я. Прокопович, известный друг и товарищ Гоголя. Панаев, в своих литературных воспоминаниях, говорит о Прокоповиче, между прочим, следующее: "он был большой чудак, а, главное — добряк"[9]. Если бы Панаев поучился у Прокоповича, то, конечно, никогда не сказал бы последнего. Мы, ученики его, вынесли о нем совершенно другое мнение и говорили, что это *злой* и *мстительный* человек. Мы трепетали, ожидая его в классе. Едва начинался грамматический разбор, Прокопович требовал, чтобы мы с первого же урока могли производить разбор безошибочно. Каждая ошибка или остановка выводила его из себя: он бросал в пол или доску мелом, топал ногами, словом, выказывал все признаки крайнего раздражения, наконец, прогонял отвечающего на место и ставил ему в журнал единицу.

Но все это проделывалось только тогда, когда он был один в классе; если же в класс приходил директор[10] или инспектор[11], то Прокопович делался совершенно другим человеком. Откуда только у него являлось терпение: он объяснял ученикам то, что они плохо понимали, поправлял их, и все это таким мягким, любезным голосом, что мы считали себя счастливыми, если кто-нибудь посетил класс. Вдобавок ко всему этому у Прокоповича были любимцы и отверженцы; к числу последних нередко принадлежали некоторые из лучших учеников класса, так что нам делалась непонятною причина нелюбви, а вместе с тем и бросавшегося нам в глаза несправедливого преследования таких учеников. Хотя крайняя раздражительность Прокоповича отчасти и объяснялась его чахоточным состоянием, но для учеников это нисколько не было легче»[12].

[1] См. ***1836. Июля между 17 и 26 <между 5 и 14>. Ахен, Кёльн, Майнц, Франкфурт-на-Майне***; ***1836. Июля 26 <14>. Вторник. Франкфурт-на-Майне***; ***1836. Июля конец — августа средина <июля средина — августа начало>. Баден-Баден.***

[2] См. ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.***

[3] Жюль Жанен — прозвище П. В. Анненкова.

[4] Ср. ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж.***

[5] Жена Прокоповича.

[6] См. также ***1836. Сентября 22 <10>. Четверг. Женева.***

[7] См.: Месяцеслов и Общий штат Российской Империи на 1837. СПб., <1837>. Ч. 1. С. 890.

[8] См. ***1835. Января 21. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1835. Мая 24. Пятница. Полтава.***

[9] См. ***1839. Ноября после 3 — декабря не позднее 17. Санкт-Петербург.***

[10] Генерал-лейтенант П. П. Годеин.
[11] А. Я. Кушакевич.
[12] *Фон-Бооль В. Г.* Воспоминания педагога // Русская Старина. 1904. № 7. С. 216. – См. также ***1845 декабря 22 <1846 января 3>. Суббота. Санкт-Петербург.***

ОКТЯБРЯ 3 <СЕНТЯБРЯ 21>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЛОЗАННА

Гоголь вернулся[1] в Лозанну; сообщает матери в Васильевку:

«Я получил сегодня, приехавши в Лозан<н>у, два письма ваши: одно, адресованное в Ахен[2], другое – в Лозан<н>у[3]. <...> Здешние почты так хорошо устроены, что куда бы вы ни написали ко мне, письма ваши найдут меня... <...> Неприятная новость, которую вы сообщаете в письме вашем[4], поразила меня. <...> Но мы должны быть тверды и считать наши несчастия за ничто, если хотим быть христианами. <...> Нет, никто из нас не вправе назвать себя несчастным или говорить, что он испытывает долгие или беспрерывные несчастия, – и вы первые, маминька, не можете сказать этого. Правда, вы имели большую утрату: вы потеряли редкого друга, а нашего нежного отца[5], которого до сих пор никто из нас не позабыл; а 17 <19> лет непрерывного, невозмущаемого счастия[6], которым вы наслаждались с ним, разве ничего не значит? <...> Нет, маминька, мы должны благодарить за всё, что мы имели хорошего. <...> Подобно вам и сестра моя не должна крушиться, если она точно достойна назваться христианкою. Вы очень заботитесь насчет Олиньки. Сердечно жалею, что вы не можете доставить ей приличного воспитания. Я с своей стороны всеми силами готов бы пособить, если бы это было возможно. Я послал письмо в Петербург[7] просить о ней государыню, но сомневаюсь, чтобы был какой-нибудь успех, потому что все институты наполнены, и притом теперь нет приема. <...> Я еще ничего не знаю о том, где я проведу конец осени. Теперь я еду в Веве, маленький городок недалеко от Лозанны. В этом городе съезжаются путешественники, и особенно русские, с тем, чтобы пользоваться виноградным лечением. <...> Я еду с тем, чтобы повидаться с некоторыми знакомыми и посмотреть городок, который хотя очень невелик, но занимает одно из лучших мест Швейцарии. Письма вы можете мне адресовать по-прежнему в Лозанну. <...> Насчет замечания вашего об итальянках замечу, что мне скоро будет 30 лет».

[1] См. ***1836. Августа 20 <6>. Суббота. Лозанна, Женева.***
[2] Ср. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен.***
[3] См. ***1836. Сентября около 5 <около 17>. Васильевка.***
[4] Речь идет о кончине П. О. Трушковского, мужа сестры Гоголя Марии (см. ***1836. Сентября около 5 <около 17>. Васильевка***).
[5] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***
[6] См. ***1805. Ноября 12. Воскресенье.***
[7] См. также ***1837. Февраля 15 <3>. Среда. Париж.***

ОКТЯБРЯ 6 <СЕНТЯБРЯ 24>. ЧЕТВЕРГ. ЖЕНЕВА

Гоголь после восхождения в горы опять[1] в Женеве. Пишет матери в Васильевку:

«Поздравляю вас с наступающим днем вашего Ангела. <...> Я в Женеве не более как на один день[2], по дороге. Таскался по горам и возвращаюсь уже назад. Видов такая бездна и таких великолепных, что писать в письме о них нет возможности. До сих пор, во всё время путешествия моего, облака были под моими ногами. Четыре дня нужно для того, чтобы взойти на верхушку Монблана, одной из высочайших гор. Другие горы, тоже ужасной величины, служат ей ступенями. Они все покрыты лесом, за ними следуют покрытые кустарниками, потом начинается, там где оканчивается их верхушка, Монблан, который также начинается кустарниками, еще выше растет на нем одна

дикая трава, наконец, когда поднимешься еще выше, один мох и потом прекращаются все произрастения, начинаются снега, и вы совершенно очутитесь среди зимы. Перед вами снега, над вами снега, вокруг вас снега, внизу земли <нет>, вы видите вместо нее в несколько рядов облака. Целые ледяные стены, сквозь которые просвечивает солнце, висят вокруг. Иногда слышатся трещины с таким сильным звуком, как удар грома, и потом целая лавина летит вниз, — и сверху слышен весь гром, который она производит, катаясь по горам и низвергаясь в долину. Здешние проводники так знают время, когда лавина должна упасть, что скажут вам даже минуту. Дождь и гром — всё это у вас под ногами, а наверху солнце. Когда я был внизу, была дождливая погода, которая продолжалась несколько дней; когда я наконец поднялся выше дальних облаков, солнце светило и день был совершенно ясен, только было холодно, и легкий мороз сверкал светлыми искрами на снегу, и я, вместо легкого сертука, надел теплый плащ; спускаясь вниз, делалось теплее и теплее, наконец облака проходили мимо, наконец спряталось солнце, наконец я опять очутился среди дождя, должен был взять зонтик и уже таким образом спустился в долину.

Какова у вас осень? Здесь теперь снова начались теплые дни, как летом, и спешу в Веве опять воспользоваться ими, потому что там климат гораздо лучше нежели в Женеве. Здесь на одном и том же озере один город имеет климат не теплее нашего полтавского, а другой тут же в каких-нибудь в пятидесяти верстах от него теплее Одессы. Здесь можно беспрестанно любоваться костюмами швейцарок. Почти в каждом городе все розные и все так хороши и так ловко сидят на них, как на картинках. <...> Женева хотя велик и хорош город и можно в нем провести время веселее нежели в других окружных местах, но не по мне, ветров много и слишком ощутительна сырость в воздухе».

На первом листе письма, над текстом, литография: «Briquet et F. à Genève. Genève. Sourrien d'après Du Bois. Lith. de Lemercier»[3].

Позднее, 28 августа (н. ст.) 1839 г., М. П. Погодин, будучи в Швейцарии[4], записал в своем дневнике: «Все тот же дождь. <...> ...Мы решились съездить на *Монтанвер* <...>, дабы увидеть хоть что-нибудь; наняли ослов и отправились смотреть знаменитое так называемое *Море льда* — mer de glace. <...> Проводник рассказывал мне о приключениях нашего Г<оголя>, который действительно показал здесь неустрашимость, и вместе безрассудство, не послушав проводников, не советовавших ему идти далее»[5].

[1] См. ***1836. Сентября 27 <15>. Вторник. Ферней, Женева.***

[2] См. ***1836. Октября 7 <сентября 25>. Пятница. Женева.***

[3] См.: *Городецкий.* С. 446.

[4] Глава «Швейцария» из дорожного дневника М. П. Погодина впервые была напечатана автором в качестве отдельной статьи: *Погодин М.* Швейцария. (Из путевых записок) // Москвитянин. 1843. № 9 (цензурное разрешение 18 авг.). С. 190–233. Из этого номера журнала Гоголь выписал для себя стихотворение М. Н. Лихонина «Век ума» (с. 17–18) и прочел «Отрывки из нового романа: Михайло Чарнышенко» П. А. Кулиша (без подписи) (с. 243–264).

Сохранился гоголевский список стихотворения Лихонина «Век ума» (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17). В списке примеров «од, гимнов и лирических воззваний» «Учебной книги словесности для русского юношества» (1846; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> — 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** — примечания) Гоголь поставил это стихотворение после «Думы» М. Ю. Лермонтова, дав им одинаковое заглавие «К XIX веку».

[5] Из книги «Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник М. Погодина» (ч. 2–4) // *Свод.* Т. 2. С. 462.

ОКТЯБРЯ 7 <СЕНТЯБРЯ 25>. ПЯТНИЦА. ЖЕНЕВА

Гоголь отправляется из Женевы в Лозанну.

См. ***1836. Октября 6 <сентября 24>. Четверг. Женева.***

СЕНТЯБРЯ 27 <ОКТЯБРЯ 9>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 7 И 12 <СЕНТЯБРЯ МЕЖДУ 25 И 30>. ЛОЗАННА

Гоголь перед отъездом в Веве навещает В. О. и М. П. Балабиных. Обедает в гостиничном трактире.

См. ***1836. Октября 12 <сентября 30>. Среда. Веве.***

ОКТЯБРЯ МЕЖДУ 7–12[1] И 23[2]. ВЕВЕ

Гоголь живет в Веве. Возобновляет[3] работу над «Мертвыми душами».

В письме к А. С. Данилевскому от 23 октября (н. ст.) 1836 г. из Лозанны, Гоголь сообщал: «...В Веве <...> прожил <...> чуть не месяц. Я никого почти не нашел там русских, но этот городок мне понравился. С прекрасными синими и голубыми горами, его обнесшими, я сделался приятель; старая тенистая каштановая аллея над самим озером видала меня каждый день, сидящего на скамье и, наклонившись несколько на правый бок, предававшего варению свой желудок, побежденный совершенно тем же убийственно обильным столом, на который ты имел такую справедливую причину жаловаться. Каждый <день> ровно в три часа я приходил, вместе с немноголюдными жителями Веве, зевать на пристававший к берегу пароход, где каждый раз я думал встретить тебя, и каждый раз вылезали только энглиши с длинными ногами, после чего я чувствовал почти полчаса какую-то бесчувственную скуку и уходил ее разветривать в мои прекрасные горы. Я даже сделался более русским, чем французом, в Веве, и это всё произошло оттого, что я начал здесь писать и продолжал моих "Мертвых душ", которых было оставил».

В письме к В. А. Жуковскому от 12 ноября (н. ст.) 1836 г. из Парижа Гоголь также писал: «Никого не было в Веве; один только Блашне[4] выходил ежедневно в 3 часа к пристани встречать пароход. Сначала было мне несколько скучно, потом я привык и сделался совершенно вашим наследником: завладел местами ваших прогулок, мерил расстояние по назначенным вами верстам, колотя палкою бегавших по стенам ящериц, нацарапал даже свое имя русскими буквами в Шильонском подземелье, не посмел подписать его под двумя славными именами творца и переводчика "Шиль<онского> Узник<а>"[5]; впрочем, даже не было и места. Под ними расписался какой-то Бурнашев, – внизу последней колонны, которая в тени; когда-нибудь русской путешественник разберет мое птичье имя, если не сядет на него англичанин. Не доставало только мне завладеть комнатой в вашем доме, в котором живет теперь великая кн<ягиня> Анна Федоровна[6].

Осень в Веве наконец настала прекрасная, почти лето. У меня в комнате сделалось тепло, и я принялся за Мертвых душ, которых было начал в Петербурге. Всё начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись. Швейцария сделалась мне с тех пор лучше, серо-лилово-голубо-сине-розовые ее горы легче и воздушнее. <...> Каждое утро, в прибавление к завтраку, вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день».

[1] См. ***1836. Октября между 7 и 12 <сентября между 25 и 30>. Лозанна.***

[2] См. ***1836. Октября 23 <11>. Воскресенье. Лозанна.***

[3] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург; 1835. Ноябрь-декабрь. Санкт-Петербург.***

[4] Содержатель пансиона, где жил Жуковский во время своего пребывания в Шильоне в 1832–1833 гг.

[5] Дж. Байрон и Жуковский.
[6] Бывшая супруга великого князя Константина Павловича.

ОКТЯБРЯ 12 <СЕНТЯБРЯ 30>. СРЕДА. ВЕВЕ

Гоголь, возобновивший работу над «Мертвыми душами»[1], пишет в Лозанну шутливое послание к М. П. Балабиной, с заглавием «Путешествие из Лозанны в Веве»:

«Хотя вы, милостивая государыня Мария Петровна, не изволили мне описать вашего путешествия в Антверпен и Брюссель и хотя следовало бы и с моей стороны сделать то же, но, несмотря на это, я решаюсь описать вам путешествие мое в Веве, во-первых, потому что я очень благовоспитанный кавалер, а во-вторых, потому что предметы так интересны, что мне было бы грех не писать о них. Простившись с вами, что, как вы помните, было в исходе 1-го часа, я отправился в hotel du faucon <гостиница "Сокол"; *фр.*> обедать. Обедало нас три человека. Я посереди, с одной стороны почтенный старик-француз с перевязанною рукою, с орденом, а с другой стороны почтенная дама, жена его. Подали нам суп с вермишелями. Когда мы все трое суп откушали, подали нам вот какие блюда: говядину отварную, котлеты бараньи, вареный картофель, шпинат со шпигованной телятиной и рыбу средней величины к белому соусу. Когда я откушал картофель, который я весьма люблю, особливо когда он хорошо сварен, француз, который сидел возле меня, обратившись ко мне, сказал: "Милостивый государь", или нет, я позабыл, он не говорил: "Милостивый государь", он сказал: "Monsieur, je vous servis <Милостивый государь, потчую вас; *фр.*> этою говядиною. Это очень хорошая говядина", на что я сказал: "Да, действительно, это очень хорошая говядина". Потом, когда приняли говядину, я сказал: "Monsieur, позвольте вас попотчевать бараньей котлеткой". На что он сказал с большим удовольствием: "Я возьму котлетку, тем более, что, кажется, хорошая котлетка"[2]... Потом приняли и котлетку и поставили вот какие блюда: жаркое цыпленка, потом другое жаркое, баранью ногу, потом поросенка, [потом третье жаркое] потом пирожное, компот с грушами, потом другое пирожное с рисом и яблоками[3]. <...>

Когда я пришел к дилижансу, то увидел, к крайнему своему изумлению, что внутри кареты всё было почти занято, оставалось одно только место в середине. Сидевшие дамы и мужчины были люди очень почтенные, но несколько толстые... <...> Это обстоятельство заставило меня взять место наверху кареты. Место мое было так широко и покойно, что нашел приличным положить вместе с собою и мои ноги, за что, к величайшему моему изумлению, не взяли с меня ничего и не прибавили платы, что заставило меня думать, что мои ноги очень легки. Таким образом, поместившись лежа на карете, я начал рассматривать все бывшие по сторонам виды. Горы чрезвычайно хороши и почти ни одной не было такой, которая бы шла вниз, но все вверх. <...> С кареты сходил я сначала левою ногою, а потом правою. <...> По сошествии с кареты отправился я по набережной встречать пароход. <...> Из пассажиров, бывших на пароходе, не оказалось ни одной физиогномии русской даже такой, на которой бы выстроен был хотя немецкой город. Выгружались три дамы Бог знает какого происхождения, два кельнера и три энглиша с такими длинными ногами, что насилу могли выйти из лодки. Вышедши из лодки, они сказали гопш и пошли искать table d'hote <общий обеденный стол (табльдот); *фр.*>. Потом я пошел к себе в комнату, где сначала сидел на одном диване, потом пересел на другой, но нашел, что это всё равно и что ежели два равные дивана, то на них решительно сидеть одинаково. <...> Как вы хотите, но ответ вы непременно должны написать мне. Если вы затрудняетесь, каким образом писать, то вам могу дать небольшой образец. Вы можете написать в таком духе:

"Милостивый государь, почтеннейший Николай Васильевич! Я имела честь получить почтеннейшее письмо ваше сего октября такого-то числа. Не могу выразить вам, милостивый государь, всех чувств, которые волновали мою душу. Я проливала слезы в сердечном умилении. Где обрели вы великое искусство говорить так понятно душе и сердцу? Стократ, стократ желала бы я иметь искусное перо подобное вашему, чтобы быть в возможности изъявить такими же словами при-

знательную и растроганную благодарность". Потом вы можете написать: покорная ко услугам или готовая ко услугам, или что-нибудь подобное... и письмо, я вас уверяю, будет хорошо. <...>

P. S. Еще одно не в шутку весьма нужное слово. Присоедините вашу просьбу к моей и упросите вашу маминьку приехать сегодня же или завтра в Веве, если не состоится ваша поездка в Женеву. При свидании с вами я был глуп, как швейцарский баран, совершенно позабыл вам сказать о прекрасных видах, которые нужно вам непременно видеть. Вы были и в Монтрё и в Шильоне, но не были близко. Я вам советую непременно сесть в омнибус, в котором очень хорошо сидеть и который отправляется из вашей гостиницы в семь часов утра; вы поспеете сюда к завтраку, и я вас поведу садами, лесами, вокруг нас будут шуметь ручьи и водопады, с обеих сторон горы, и нигде почти нам не нужно будет подниматься на гору. Мы будем идти прекраснейшею долиною, которая, я знаю, вам очень понравится. Усталости не будете чувствовать. Вы знаете, что меня трудно расшевелить видом; нужно, чтобы он был очень хорош. Здесь пообедаете, если вам будет угодно, в 1 час или можете отправиться к обеду в Лозанну; во всяком случае, если вам не противно будет, я опять провожу вас до Лозанны».

[1] См. ***1836. Октября между 7–12 и 23. Веве***.

[2] См. также ***1843. Июля 8 <июня 26>. Суббота – августа 27 <15>. Воскресенье. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Баден-Баден, Карлсруэ, Баден-Баден***.

[3] См. также ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева; 1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***.

СЕНТЯБРЬ <СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – ОКТЯБРЯ СРЕДИНА>. КАЗАНЬ

Во время гастролей в Казани М. С. Щепкин играет Городничего в «Ревизоре».

Гриц. С. 228; *Клинчин*. С. 153.

ОКТЯБРЯ ДО 9 <ДО 21>. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет третьего тома пушкинского «Современника»[1] (цензурное разрешение 28 сентября)[2], где помещены стихотворения А. С. Пушкина «Родословная моего героя. (Отрывок из сатирической поэмы)» (без подписи), «Полководец» (без подписи), «Сапожник. (Притча)» (без подписи), а также многочисленные возражения поэта на гоголевскую статью в первом номере «Современника» «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (изложены в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной», в «Письме к издателю»[3] и в двух редакционных примечаниях)[4] и др.

Суть разногласий сводилась к тому, что Пушкин хотел видеть свой журнал исключительно «литературным» – «продолжением "Литературной Газеты"», – тогда как Гоголь предполагал, наряду с этим, придать журналу более определенный религиозно-патриотический характер, в духе провозглашенной министром народного просвещения С. С. Уваровым программы Православия, Самодержавия, Народности[5].

В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности...» Пушкин, в числе прочего, замечал: «Вопреки мнению г. Лобанова цензура не должна *проникать все ухищрения пишущих*. "Цензура долженствует обращать особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора *и в суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону*" (*Устав о цензуре, § 6*)».

Имеется в виду цензурный устав 1828 г., в разработке которого значительное участие принимал князь В. Ф. Одоевский[6].

Позднее, в статье *XIV. О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846), Гоголь писал: «Я не могу даже понять, как могло прийти в ум критику печатно, в виду всех, возводить на Пушкина такое обвиненье, что сочинения его служат к развращению света, тогда как самой цензуре предписано, в случае если бы смысл какого сочинения не был вполне ясен, толковать его в прямую и выгодную для автора сторону, а не в кривую и вредящую ему. Если это постановлено в закон цензуре, безмолвной и безгласной, не имеющей даже возможности оговориться перед публикою, то во сколько раз больше должна это поставить себе в закон критика, которая может изъясниться и оговориться в малейшем действии своем».

В том же, третьем, томе «Современника» была напечатана повесть Гоголя «Нос», с примечанием Пушкина:

«Н. В. Гоголь долго не соглашался[7] на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись»[8].

Сохранился экземпляр «Современника» с написанной на А. С. Пушкина эпиграммой по поводу публикации в журнале повести Гоголя:

«У Гоголя валялся "*Нос*",
От публики его он прятал,
Но вот вопрос:
Кто поднял нос:
И вздор как дело напечатал?»[9]

В 1881 г. В. В. Стасов вспоминал: «Повесть "Нос" мне привелось узнать при совершенно исключительных обстоятельствах. Однажды меня оставили в училище на воскресенье, в наказанье за какую-то шалость... <...> И вот, в классе, где я печально сидел один и немножко сентиментально раскисал, до меня долетел громадный хохот, несшийся из зала. Я долго не вытерпел, выскочил из своего пустынного класса и увидал целую толпу наших правоведов, стоявшую около воспитателя, Алексея Симоновича Андреева[10], и во все горло дружно хохотавшую от того, что он им читал. <...> Недавно только перед тем вышел тот номер "Современника", где напечатан был «Нос», и, даром что сам уже пожилой человек, А. С. Андреев разделял восхищение лучшей части России и страстно любил Гоголя. Я не знал в первую минуту, что такое читают, чье это сочинение — спрашивать было некогда, но меня, как и всех, поражала и приводила в безграничный восторг эта изумительная правда, натуральность разговоров, эта неслыханная комичность сцен. Алексей Симонович читал мастерски, и еще тем лучше, что сам был в восхищении и что окружавшая его толпа молодежи аплодировала зараз и читаемому и чтецу. С каким мастерством он воспроизводил нам речи и размышления майора Ковалева! Какой голос он ему придавал! Серьезный, важный, чиновничий, полувоенный, немножко надменный, немножко трусоватый, глупый и подчас подобострастный! Мы были в глубоком восхищении. Когда все кончилось, я спросил: что такое читали, и чье это? А, так вот кто! Опять Гоголь, тот самый, чьи "Иван Иванович и Иван Никифорович" наше вечное восхищение[11]! Еще бы нам не восторгаться. И мы провели потом блаженно остальное воскресенье.

Впоследствии мы также в первый раз в чтении А. С. Андреева узнали "Коляску"[12]. Восторг и энтузиазм были те же. Как сам бывший немножко военным, Алексей Симонович не хуже настоящего талантливого актера передал нам голоса, мины, интонации, даже лица всех этих генералов, полковников, майоров и тоненьких офицериков, не заставших хозяина дома и от нечего делать отправившихся смотреть на дворе его лошадь и коляску»[13].

В третьем томе «Современника» были также напечатаны статьи Пушкина «Джон Теннер»[14] (с подписью: The Reviewer) и «Вольтер» (без подписи). В последней поэт замечал:

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради

или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов».

Вероятно, именно эти строки были позднее оспорены Гоголем в статье *IV. О том, что такое слово* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «Приятель наш П<огоди>н имеет обыкновение, отрывши, какие ни попало, строки известного писателя, тот же час их тиснуть в свой журнал, не взвесив хорошенько, к чести ли оно или к бесчестью его. Он скрепляет это дело известной оговоркой журналистов: "Надеемся, что читатели и потомство останутся благодарны за сообщение сих драгоценных строк; в великом человеке все достойно любопытства", — и тому подобное. Все это пустяки. Какой-нибудь мелкий читатель останется благодарен; но потомство плюнет на эти драгоценные строки, если в них бездушно повторено то, что уже известно, и если не дышит от них святыня того, что должно быть свято».

[1] См. также ***1836. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж.***

[2] См.: *Рыскин Е. И.* Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836–1837. Указатель содержания. М., 1967. С. 50; *Тархова.* Т. 4. С. 1932, 1933, 1937.

[3] Вероятным откликом Гоголя на пушкинское «Письмо к издателю» являются строки позднейшей статьи *XVI. Советы* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846): «Уча других, также учишься». Свое «Письмо...» Пушкин начинает цитатой из Георгия Конисского: «...Учители добрые и нелукавые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедуют, нежели чужим». Эта мысль восходит к словам св. апостола Павла из Послания к Римлянам: «Как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» (гл. 2, ст. 21). – См. также ***1846. Июля 6 <июня 24>. Понедельник. Праздник Рождества Иоанна Предтечи. Карлсбад.***

[4] См.: *Пушкин.* Полн. собр. соч.: В 16 т. <Без м. изд.> Изд-во АН СССР, 1949. Т. 12. С. 70; *Свод.* Т. 1. С. 713–716; см. также: ***1836. Марта 31. Светлый вторник. Санкт-Петербург***; ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж.***

[5] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Н. В. Гоголь и С. С. Уваров: Православие, Самодержавие, Народность // Духовный путь Н. В. Гоголя. Ч. 2. Гоголь в русской религиозно-философской критике. М., 2009. С. 184–227.

[6] См.: Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1874. № 7. Стб. 11–30; Из бумаг князя В. Ф. Одоевского // Русский Архив. 1897. № 6. Стб. 284.

[7] Ср. ***1836. Апреля 4. Суббота Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[8] *Пушкин А. С.* <Примечание к повести Гоголя «Нос»> // *Свод.* Т. 1. С. 713.

[9] *Шляпкин И. А.* Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 262; *Свод.* Т. 3. С. 272.

[10] См. также ***1834. Октября вторая половина. Санкт-Петербург.***

[11] См. ***1836. Апреля 19. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[12] Повесть Гоголя «Коляска» была впервые напечатана в первом томе «Современника» (1836; цензурное разрешение 31 марта).

[13] *Стасов В. В.* Училище правоведения сорок лет тому назад, в 1836–1842 гг. // *Свод.* Т. 3. С. 367–368.

[14] См. ***1834. Июня 27. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 23 <11>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЛОЗАННА

Гоголь в ответном письме к А. С. Данилевскому в Париж сообщает, что получил от него письмо «в тот самый почти день, как <оно> пришло»:

«Как будто знал, что приехал сегодня в Лозанну (я живу в Веве). <...> Как можно до сих пор не дать совершенно о себе никакой вести! Я писал, писал, несколько раз писал в Крейцнах[1], разослал к тебе письма во все немецкие дорожные города <...> и всё понапрасно! <...> Я не знаю, так ли бы я был обрадован, если бы получил миллион денег, как я был обрадован твоим письмом. Почти в продолжение целого месяца я видел тебя беспрестанно во сне и всё в самых неблагоприятных положениях, так что я уже со страхом начинал о тебе разведывать и думал уже, не лучше ли оставаться в неизвестности; но слава Богу, ты жив и здоров, и я, посылая к тебе это письмо, лечу вслед за ним сам в Париж».

Согласно почтовым штемпелям, письмо было отправлено из Лозанны 24 октября (н. ст.) 1836 г. и пришло в Париж 28-го числа.

Позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 12 ноября (н. ст.) 1836 г. из Парижа, Гоголь также писал: «Но наконец и в Веве сделалось холодно. Комната моя была нимало ни тепла; лучшей я не мог найти. Мне тогда представился Петербург, наши теплые домы, мне живее тогда представились вы, не в том самом виде, в каком встречали меня приходившего к вам и брали меня за руку, и были рады моему приходу... и мне сделалось страшно скучно, меня не веселили мои Мертвые души, я даже не имел в запасе столько веселости, чтобы продолжить их. Доктор мой отыскал во мне признаки ипохондрии, происходившей от геморроид, и советовал мне развлекать себя, увидевши же, что я не в состоянии был этого сделать, советовал переменить место. Мое намерение до того было провести зиму в Италии. Но в Италии бушевала холера страшным образом; карантины покрыли ее как саранча. Я встречал только бежавших оттуда итальянцев, которые от страху в масках проезжали свою землю. Не надеясь развлечься в Италии, я отправился в Париж, куда вовсе не располагал было ехать».

В письме к Н. Я. Прокоповичу от 25 января (н. ст.) 1837 г. Гоголь, в свою очередь, замечал: «Я попал в Париж почти нечаянно. В Италии холера, в Швейцарии холодно. На меня напала хандра, да притом и доктор требовал для моей болезни перемены места. Я получил письмо от Данилевского, что он скучает в Париже, и решился ехать разделять его скуку».

[1] См. ***1836. Июля 2 <июня 20>. Суббота. Мюнстер, Дюссельдорф, Ахен.***

ОКТЯБРЯ 11 <23>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ОКТЯБРЯ 13 <25>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего — М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 228.

ОКТЯБРЯ 13 <25>. ВТОРНИК. ОДЕССА

П. И. Мартос отправил в Петербург А. С. Пушкину письмо в защиту Гоголя.

См. ***1826. Октября 26. Вторник. Нежин*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 18 <30>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. В. Трушковская родила третьего сына Михаила[1].

М. И. Гоголь посылает письмо сыну в Лозанну[2].

[1] См. ***1836. Сентября около 5 <около 17>. Васильевка.***
[2] См. ***1837. Января 14 <2>. Суббота. Париж.***

ОКТЯБРЯ 20 <НОЯБРЯ 1>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вдова Н. М. Карамзина Екатерина Андреевна[1] пишет сыну, Анд. Н. Карамзину, в Париж:

«...Вчера или позавчера мы много говорили о “Современнике”; ты так и не написал, получил ли его, а между тем князь Петр <Вяземский> тебе его послал; я дала ему для этого тот экземпляр, который ты сам себе присвоил, постараюсь выслать тебе третий том, который только что вышел: все находят, что он лучше остальных и должен вернуть Пушкину его былую популярность; у меня его еще нет, но нам из него читали превосходные вещи самого издателя, очень милые – Вяземского и несказанное сумасбродство Гоголя “Нос”; Софи <С. Н. Карамзина> возмущена, я же, слушая его, смеялась, хотя и не обнаружила в нем, не скажу здравого смысла, – фантастический род может без него обойтись, – но хоть какого-нибудь правдоподобия в воображении; я вышлю тебе его, как только ты где-нибудь поселишься...»[2]

[1] Екатерина Андреевна Карамзина (рожд. Колыванова, побочная дочь князя Анд. Ив. Вяземского, 1780–1851), сводная сестра князя П. А. Вяземского, вторая жена Н. М. Карамзина.

[2] Гоголь в письмах Анд. Н. Карамзина к Е. А. Карамзиной // *Свод.* Т. 2. С. 31.

ОКТЯБРЯ 21 <НОЯБРЯ 2>. СРЕДА. МОСКВА

В. П. Андросов пишет А. А. Краевскому в Петербург:

«Прошу Вас отдать это письмо Н. В. Гоголю[1]. Он писал ко мне[2]; письмо его у меня взяли, и я без него не знаю, куда к нему писать. Да, если будет кстати, попеняйте ему за Наблюдателя. Как ни единой страницы?[3] Если он недоволен тем, что не поместили повести его *Нос*[4], то на это были особенные причины, с которыми согласился и Погодин, располагавший и удержавший у себя эту повесть. Что он теперь делает? В Москве в нем берут большое участие. Что его комедия?»[5]

Гоголь в письмах В. П. Андросова // *Свод.* Т. 1. С. 810.

[1] Письмо не сохранилось.

[2] Письмо также не сохранилось.

[3] В декабре 1836 г. В. П. Андросов писал также А. А. Краевскому в Петербург: «Сотрудников у Вас найти можно гораздо более, нежели у нас. Я окружен гениями, которые никак не хотят низойти до вещей обыкновенных, тогда как у Вас можно делать заказы: ты переводи это, ты пиши о том, ты ходи в театр и т. д.» (*Мордовченко Н. И.* <Комментарий к письму Гоголя М. П. Погодину от 20 февраля 1835 г.> // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 490).

[4] См. ***1835. Марта 18. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[5] Речь идет о «Женитьбе» (см. ***1835. Мая 4. Суббота. Москва***).

1836–37

1836 НОЯБРЯ НАЧАЛО <ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА> – 1837 МАРТА НАЧАЛО <ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА>. ПАРИЖ

Гоголь в Париже в обществе А. С. Данилевского[1] (с которым – начиная, вероятно, с 1837 г. – ходит в кафе, играет иногда в бильярд[2]); встречается также с Н. М. и А. О. Смирновыми, Анд. Н. Карамзиным; нежинским товарищем И. П. Симоновским; у француза Ноэля берет уроки итальянского языка; продолжает работу над «Мертвыми душами».

7 марта (н. ст.) 1839 г. Гоголь писал Данилевскому: «В письме твоем мне приятно было более увидеть выглянувшее имя Ноэля. Оно мне напомнило вечерние чаи, madame Courtain, Семеновского <Симоновского>, который пропал совершенно как в воду, и совершенное незнание храмов и вообще невежество в религии».

Под «храмами» Гоголь подразумевал парижские кафе, а под «невежеством в религии» — неискушеность в блюдах французской кухни. Точнее понять смысл именования Гоголем парижских ресторанных заведений «храмами», обедов в них — «жертвоприношениями» (а «содержателей ресторанов» — «жрецами») помогает обращение к известной книге жизнеописаний Святых Отцов под названием «Лавсаик»[3] Палладия Еленопольского (368–430). Автор «Лавсаика», путешествуя (еще до избрания его в епископы) по Египту, был спрошен однажды преподобным Иоанном Ликопольским, прозорливым затворником Фиваидской пустыни: «Хочешь быть епископом?» «Я уже епископ», — отвечал Палладий. «Какого города?» — спросил святой. «Я надзираю за яствами, столами и глиняными чашами... <...> Вот мое епископство! (от греч. episkopeo — смотреть, наблюдать; отсюда "епископ", то есть надзиратель, блюститель. — *И. В.*). Поставило меня чревоугодие». Преподобный, улыбнувшись, сказал: «Оставь шутки! ты будешь рукоположен во епископа, и много испытаешь трудов и скорбей»[4]. — В сравнениях Гоголя кафе с «храмами» речь идет именно о чревоугодии и сластолюбии, превратившемся в настоящий «культ», в служение чреву[5]. Именно чреву, как некоему «божеству», приносятся, согласно с высказываниями Гоголя, «жертвы» в ресторанах-«храмах» Парижа. Основанием для этих гоголевских уподоблений послужили, по-видимому, слова св. апостола Павла в Послании к Филиппийцам: «...Многие <...> поступают как враги креста Христова; их конец — погибель, их бог — чрево...» (гл. 3, ст. 18–19); и в Послании к Римлянам: «...Такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву» (гл. 16, ст. 18). Свою оценку парижских «жертвоприношений» Гоголь не скрывал и от других своих друзей. К примеру, А. О. Смирнова 6-го мая (н. ст.) 1844 г. писала Гоголю из Парижа: «Вчера я была у обедни, потом в Версале, обедала в 7 часов у Frères provençaux <Провансальские братья; *фр.* — известный парижский ресторан>; так угождала мамону, что вечером, лежа в постели, мне стало очень гадко, и родилось большое желание почитать апостола Павла, а потом с вами поговорить»[6].

В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с Данилевским о «храмах»-ресторанах Парижа, сообщал: «В ноябре 1836 года приехал Гоголь в Париж. К тому времени Данилевский успел уже хорошо изучить город и мог явиться в качестве достаточно опытного чичероне. "Первое время, — рассказывал мне Данилевский, — после того, как мы расстались и встретились снова в Париже, я узнал в нем прежнего Гоголя. В Париже он не поехал в гостиницу, а прямо ко мне. Потом взял номер в гостинице, но там мерз, потому что не было печей, а были камины. Мы хотели найти теплую квартиру и поселились на углу Place de la Bourse и Rue Vivienne; в этом доме мы нашли, наконец, печь. Здесь Гоголь писал «Мертвые Души». Я к нему не заглядывал, потому что он был постоянно занят; только по вечерам мы часто собирались в театр". В первые же недели жизни Гоголя в Париже они впрочем успели вдвоем осмотреть все выдающиеся достопримечательности его: картинные галереи Лувра, известный ботанический сад (Jardin des Plantes)[7], съездили в Версаль и проч. Часто отправлялись они вместе в театр, преимущественно в оперу, где Данилевский со страстью увлекался особенно Рубини[8] и Гризи, до того, что Гоголь, сам горячий любитель оперы, стал подтрунивать в ежедневных беседах, а потом и в письмах над его обожанием последней. Вместе ходили они обедать в разные кафе, которые называли обыкновенно в шутку "храмами", а после обеда подолгу оставались там играть на бильярде. В Париже Гоголь уже нередко удручал Данилевского своею убийственною мнительностью: вдруг вообразит, что у него какая-нибудь тяжелая болезнь (всего чаще он боялся за желудок), и носится с своим горем до того, что тяжело и грустно на него смотреть, а разубедить его в основательности ужасных призраков не было никакой возможности. <...> По словам Данилевского, Гоголь лечился от желудочной болезни у доктора Маржолена и строго следовал его наставлениям, хотя это было для него большим лишением, потому что он любил покушать и очень любил сладкое. <...> Вот в связи с этими-то недугами и находились усиленные заботы об обедах в ресторанах. Отправлениям желудка приходилось придавать чрезвычайно важное значение, и потому обед получил у Гоголя название жертвоприношения, а содержатели ресторанов величались жрецами»[9].

В 1877 г. Смирнова вспоминала: «В 1837 г. я проводила зиму в Париже: Rue du Mont Blanc, 21, на дворе, т. е. entre cour et jardin[10], но Гоголь называл этот hotel Трущобой. Он приехал с лицейским

товарищем Данилевским, был у меня раза три, и я уже обходилась с ним дружески, но как <с> человеком, которого ни в грош не ставят. Опять странность, потому что я читала с восторгом "Вечера на хуторе близ Диканьки"; они так живо переносили меня в нашу великолепную Малороссию. Оставив 8-ми лет этот чудный край, я с необыкновенным удовольствием прислушивалась ко всему, что его напоминало, а "Вечера на хуторе" так ею и дышат. С ним в это время я обыкновенно заводила разговор о высоком камыше, о бурьяне, белых журавлях с красным носиком, которые при захождении солнца прилетают на знакомые хаты, крытые старновкой, о том, как плечистый Яким с чубом гонит лошадей в поле, и какая пыль поднимается их копытами; потом заводилась речь о галушках, варениках, коржиках и пампушках, вспоминали хохлацкое пение: "Грицько, не ходы на вечерницы, / Там увси девки чаровницы"[11]. Или: "На бережку у стрелочка..." Или любимая его песня: "Цвыли лози при дорози". <*1 нрзб.*> потом: "Ходы козак по улицы / В свитлой белой котулицы".

Он, вообще, не был говорлив и более любил слушать мою болтовню; вообще, он был охотник заглянуть в чужую [жизнь] душу. Я полагаю, что это был секрет, который создал его бессмертные типы в "Мертвых душах"; в каждом из нас сидит Ноздрев, Манилов, Собакевич и прочие фигуры его романа. О Париже мало было речи, он уже тогда не любил его. Он, однако, посещал театры с Данилевским, потому что рассказывал мне, как входят в оперу a la queue[12] и как торгуют правом на хвост, с свойственной <ему> способностью замечать то, что другим не кажется ни замечательным, ни смешным. <...>

Когда дело шло о воспоминаниях малороссийских, у него было все картинно. Вот как после блюд и песен он рассказывал захождение солнца: "Солнце при закате, плечистый хохол с чупруном на макушке летит во весь опор без седла на степной лошади, за ним бежит хромоногий пес, оглядываясь назад, как будто боится, чтобы не отстала кобыла, жеребец или жеребенок. <*3 нрзб.*> на запад. Журавли их провожают, и на розовом небе летят в чинном порядке и кажутся красивыми платочками". (Вы помните, что в "Тарасе Бульбе" он не забыл этой детали.) Весь рассказ уже живее и картиннее»[13].

В 1854 г. Смирнова также вспоминала: «Он более слушал, потому что я очень болтала, но однажды описывал мне малороссийский вечер, когда солнце садится, табуны гонят с поля и отсталые лошади несутся, подымая пыль копытами, а за ними с нагайками в руках пожилой хохол с чупруном; он описывал это живо, с любовью, хотя прерывисто и в коротких словах»[14].

В своих записках 1880–1881 гг., озаглавленных «Биография Александры Осиповны Чаграновой», Смирнова, в свою очередь, отмечала: «Oui, c'est charmant, comme tout ce qui est petite Russie, c'est toujours original au moins et comme les chansons sont jolies! Гоголь me citait souvent celles que je ne connaissais pas <Да, это прелестно, как все малороссийское, это всегда по меньшей мере оригинально, а как прекрасны песни! Гоголь часто приводил мне те, которых я не знала; *фр.*>: "Цвели лози / При дорози, / Синесеньким свитом"; "Ходи́ казак по улици / В свитлой белой кошуленци". <...>

Гоголь удивительно как читает стихи и вообще великий актер; он очень любил русскую песню: "Пантелей государь ходит по двору, / Вахрамеич государь по широкому, / Шапка на нем соболья". Il dit cela avec une expression tres expressive <Он говорил это очень выразительно; *фр.*>»[15].

Вокруг Гоголя завязывается интрига представителей польской эмиграции[16], бывших участников польского восстания 1830–1831 гг.[17] В Париже Гоголь общается с двумя представителями этого круга, поэтами А. Мицкевичем и Б. Залесским.

Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «В последнее время Гоголя только и удерживала <в Париже> разве возможность видеться часто с Мицкевичем, который жил тогда в Париже, еще не бывши профессором в College de France, и с другим польским поэтом, Залесским. (Так как Гоголь не знал польского языка, то разговор обыкновенно происходил на русском или чаще — на малороссийском языке[18].) Все остальное ему прискучило, и он впал в жестокую хандру»[19].

В шуточном письме к Б. Залесскому на украинском языке, написанном перед отъездом из Парижа во второй половине февраля (н. ст.) 1837 г., Гоголь называет его «очень близким земляком» («а по серцю ще блыжчый, чим по земли») и желает ему здоровья «на славу усій козацкій земли»[20].

Б. Залесский – уроженец Украины, участник польского восстания и один из основателей «украинской школы» в польской литературе – своеобразной «третьей унии» (по определению позднейших исследователей) – унии поэтической, после политической и религиозной, – действительно, имел отношение к упрочению «славы казацкой земли». В своих «думах» и поэмах, написанных как на Украине и в Варшаве, так и в эмиграции (например, в поэмах «Януш Бенявский», 1823; «Золотая дума», 1836; «Збаражский поход», 1839), он воспевал Украину, казачество, Запорожскую Сечь, которая виделась ему «словно огромный военный монастырь необычайно сурового устава». Однако, воскрешая в своих произведениях XV и XVI века, воспевая первых казацких гетманов, олицетворявших собою союз Польши и Украины в борьбе с татарами и турками, «казакофил» Залесский в общем предпочитал не касаться той эпохи, которая по преимуществу была изображена в «Тарасе Бульбе», – XVII века – века Богдана Хмельницкого (Залесский отчасти признавал справедливость казацких выступлений против притеснений поляков)[21].

По наблюдениям позднейших исследователей, на сближение с Б. Залесским, А. Мицкевичем (и позднее, в Риме, с их друзьями, бывшими польскими повстанцами и будущими ксендзами (с 1841 г.) И. Кайсевичем и П. Семененко[22]) Гоголь шел главным образом для изучения новых знакомых. Отчасти польские эмигранты интересовали Гоголя потому, что проповедуемые ими идеи польского мессианизма, возрождения «рыцарской» Польши, внешним образом напоминали собственные устремления Гоголя к духовному преображению России, его веру в то, что всякий русский человек способен «вдруг» «поступить в рыцарство»[23]. (Эти устремления и определили, с одной стороны, пафос «Мертвых душ» (в его критическом и утверждающем началах), с другой – обусловили создание «Тараса Бульбы» – как произведения о запорожских «рыцарях».)

В 1933 г. В. А. Десницкий в статье «"Мертвые души" Гоголя как поэма дворянского возрождения» отметил: «Идея возрождения поместного дворянства и его культуры были органически присуща исторической действительности первой половины XIX в. <...> Не говоря уже о славянофильской линии, мы найдем отражение дворянских реставрационных чаяний в обширной литературе исторического романа 30-х и 40-х годов. В этом смысле и пушкинский Петр ("Полтава", "Медный всадник", "Арап Петра Великого") включен в ту же реставрационную идеологию поместного дворянства, которая создала гоголевского Тараса Бульбу, определила социальную направленность "Мертвых душ". <...> В польском обществе и в польской литературе <...> идеи феодальной реставрации зародились и обсуждались ранее, чем в русской литературе. Идеи дворянского «возрождения» острее, чем в России, ставила историческая действительность Польши, потерявшей государственную самостоятельность <...> Вполне возможно, что <...> через близкое отношение Гоголя к польской эмиграции (в Париже, в Италии), к Залесскому, к Мицкевичу с его идеями польского мессианства, реставрационного возрождения феодально-рыцарской Польши, эти идеи могли приобрести у Гоголя те же внешние очертания, как и у польских реставраторов»[24].

М. Н. Марковский в 1902 г. указывал: «...Мессианистическое настроение Гоголя <...> могло придерживаться и примером польского поэта Мицкевича... <...> Даже между <...> "Перепиской с друзьями" Гоголя и "Книгами польского народа и странничества" Мицкевича (изданной в Париже в 1832 г.), чувствуется какое-то родство...»[25]

«Родство» это, однако, не следует преувеличивать. Так, отношения Гоголя в Риме с Кайсевичем и Семененко обнаруживают скрытое противостояние и борьбу – при настойчивом желании поляков привлечь Гоголя на свою сторону[26]. Такое же скрытое противостояние характерно и для общения Гоголя с Мицкевичем и Залесским. Гоголь продолжает считать «Тараса Бульбу» одной из лучших своих повестей и просит В. А. Жуковского «указать» на нее Государю: «Он же так расположен ко всему, где есть [верные] теплота чувств и что пишется прямо из души...» (письмо от 18 апреля (н. ст.) 1837 г.). Ко времени пребывания Гоголя в Париже зимой 1836/37 г. относится и появившееся в его статье «Петербургские записки 1836 года» противопоставление «раздольного мотива русской песни» «опрометчивому мотиву польской мазурки» (эти строки из характеристики Гоголем оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя» имеют прямую связь с изучением писателем народной песни при создании «Тараса Бульбы»).

Несмотря на патриотические взгляды Гоголя, польские эмигранты проявляют заинтересованное стремление представить его в числе своих сторонников. Это характерно как для свидетельств о Гоголе Кайсевича и Семененко, так и для воспоминаний Залесского. Сблизившись в конце 1850-х гг. с создателем пресловутой теории о «туранстве» русских Франциском Духинским[27], Залесский 19 февраля 1859 г., благодаря последнего за присылку книги, писал: «Твоя книжка, уважаемый земляк, отличается ученостью, поучительностью и патриотизмом. <...> ...Предпочитаю

присоединить небольшую подробность, которая может пригодиться тебе при дальнейших исследованиях. Лет 25 назад гостил в Париже знаменитый русский поэт Гоголь. С Мицкевичем и со мной соукраинцем (spolukraincem) он был в тесной дружбе (zostawal w sciely zazylosci). Мы сходились тогда часто по вечерам для литературно-политических бесед. Конечно, мы говорили более всего о великоруссах (moskalach), внушавших отвращение (wstretnych) и нам и ему[28]. Вопрос о финском их происхождении (kwestya finskosci) был беспрерывно предметом обсуждения. Гоголь подтверждал его со всею своею малорусской запальчивостью. Он имел под рукой у себя замечательные сборники народных песен на разных славянских наречиях. Итак по вопросу о финском происхождении великоруссов (moskalow) он написал и читал нам прекрасную статью (wyborne pisemko). В ней он указывал на основании сравнения и детального сопоставления песен чешских, сербских, украинских и т. д. с великорусскими[29] (moskie wskiemi), бьющие в глаза отличия в духе, обычаях и в нравственных взглядах (moralnosci) у великоруссов и у других славянских народов. Для характеристики каждого человеческого чувства (okazdem uczuciu ludzkiem) он подобрал особую песню: с одной стороны, нашу славянскую — сладостную, нежную (slodka, lagodna) и рядом великорусскую (moskiewska) — угрюмую, дикую, нередко каннибальскую (ponura, dzika, nie rzadko kanibalska), словом, — чисто финскую. Уважаемый земляк, ты легко можешь себе представить, как эта статья искренно обрадовала Мицкевича и меня. Много лет спустя, в Риме я думал раздобыть (zazadac) у Гоголя эту параллель, но тогда Гоголь уже превратился в защитника Царя и Православия, и мне пришлось отказаться от этой попытки. Какова же, однако, судьба этой статьи? Неужели в посмертном собрании сочинений Гоголя нет ничего подобного? Она послужила бы прекрасным подтверждением твоих выводов. Во всяком случае найдется или же не найдется эта статья между сочинениями Гоголя, и в настоящее время нетрудно составить подобную параллель. Но достойна сожаления утрата многих и характерных анекдотах о великоруссах[30], — анекдотов, которые мог знать только сам Гоголь и которые он один мог рассказать с особым ему свойственным остроумием»[31].

Известно, что Гоголь только собирался, но не написал предполагаемого исследования «о духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих»[32] (это «за него» сделал позднее О. М. Бодянский, опубликовав в 1837 г. свое магистерское сочинение «О народной поэзии Славянских племен»[33]). В гоголевских бумагах обнаружены сборники народных песен лишь на русском и украинском языках[34]. Возможно, Гоголь зачитывал Б. Залескому фрагменты своих статей «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях» (из сборника «Арабески»). В первой встречается упоминание о том, что после татаро-монгольского нашествия «мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле <в Южной Руси>, настоящей отчизне славян, земле древних полян, северян, чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими...» Во второй статье Гоголь приводит следующие слова М. А. Максимовича (восходящие к суждениям А. А. Бестужева (Марлинского) 1820-х гг.): «Русская заунывная музыка выражает, как справедливо заметил М. Максимович, забвение жизни; она стремится уйти от нее и заглушить вседневные нужды и заботы; но в малороссийских песнях она слилась с жизнью...» — Однако сделать из этих слов вывод о том, что Гоголю великорусская песня представлялась «угрюмой, дикой, нередко каннибальской», можно, безусловно, лишь при очень предвзятом подходе. В 1834 г. — до встречи с Залесским — Гоголь в еще одной из статей «Арабесок» замечал, что постичь стихи Пушкина может только тот, «чья душа способна понять неблестящие с виду русские песни». А спустя около трех лет после встречи с Залесским, в письме к Погодину от 5 мая (н. ст.) 1839 г., указывал: «Есть в русской поэзии особенные, оригинально-замечательные черты, которые теперь я заметил более... <...> Эти черты очень тонки, простому глазу незаметны, даже если бы указать их. Но, будучи употреблены, как источник, как золотые искры рудниковых глыб, обращенные в цветущую песнь языка и поэзии нынешней доступной, они поразят и зашевелят сильно».

К словам Залесского о русской песне гораздо ближе суждения Бодянского — продиктованные тогдашними чаяниями украинского сепаратизма (отвергаемого Гоголем[35]). В 1837 г. Бодянский в упомянутом магистерском сочинении писал: «Прежде нас уже было другими сказано, хоть и не доказано, что отличительный признак песень Северных Руссов (Великороссиян) составляют глубокая унылость, величайшее забвение, покорность своей судьбе, какое-то раздолье и плавная протяжность. <...> Тут много было причин, выработавших этот характер Русских песень; во-первых, вспомните <...> этот хладный, угрюмый Север <...>, бедность природы <...> и наконец страстную привязанность Северного Русса к отделению себя ото всего существующего, к какой-то забывчивости <...>, к отвлечению от мира действительного... <...> Он на этот шумный, усеянный скалами и подводными камнями театр глядит, без сомнения, не как на чуждый себе мир, но как на такой, который не его сфера, не за обычай ему, на котором действуют для его и общего

всем блага Володеющие им; а потому он считает неприличным, чуждым себе, не делом проникать в тайные, сокровенные причины и цель предприятий Водивших его на поля битв, будучи уверен, что все это необходимо для счастия его родины, что с его стороны требуется одно орудие, преданность, доверие, послушание и ревностное выполнение велений своих Государей. <...> Совсем другое — народная Поэзия *Южных Руссов* (Украинцев, Малороссиян), Поэзия всем своим составом, внутренним и внешним, e diametro противоположная Поэзии Руссов Северных. Да иначе и быть не могло. Из всех Славянских Племен Северные и Южные Руссы — самые несходственные между собою, несмотря на одинакость их общего названия, обращая внимание на происхождение их, в истинном смысле совершенно чуждого как тем, так и другим, перешедшего на них совсем от другого народа, некогда сильно действовавшего на нашем Юге и владевшего тамошними Славянами. (См. С<ын> О<течества> и С<еверный> А<рхив> 1835, №№ 37, 38 и 39.)[36] Но сколько Север и Юг различаются один от другого, столько различаются друг от друга и их обитатели... <...> ...Широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля nec plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полного разлива в летописи, одушевленную и неодушевленную природу и память людей, особенно в XVI и XVII в. ... <...> В эту самую пору провидению угодно было, чтобы Северная Русь, Турция, Швеция и Польша ближе столкнулись между собою... <...> Сыны Украйны должны были войти в систему Белого Царя после 8-го Генваря 1654 г.[37]... <...> Козаки покорились своей судьбе. <...> ...Такая жизнь народа <...>, у которого железная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, <...> неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой на пути величайшего своего расширения, <...> что, спрашиваем, такая жизнь такого народа должна была произвести в нем самом? <...> Чувствуя свое достоинство и полное право на лучший жребий, <...> естественно из груди их должны были вырваться горькие жалобы[38]... <...> ...Песни Южно-Руские — единственные в своем роде, стоят выше песень всех прочих Славянских племен, у коих редко, очень редко, встретите драматическое положение...»[39]

Противоположное мнение об украинских думах высказывал Д. Н. Бантыш-Каменский: «Запорожец играл на бандуре, припевая песни, но песни сии уподоблялись жестокому его нраву. Вместо любви и семейственного счастию он воспевал знаменитые убийства и разбои, предками его или им самим учиненные»[40].

Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Славянофильство русское, польское и украинское: Н. В. Гоголь, А. Мицкевич и О. М. Бодянский // Н. В. Гоголь и славянский мир. Шестнадцатые Гоголевские чтения. Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конф. Москва, 29 марта; Белград, 30 марта — 4 апреля 2016 г. / Департамент культуры г. Москвы; «Дом Гоголя — мемориальный музей и научная библиотека»; под общ. ред. В. П. Викуловой. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2017. С. 69–77; а также коммент. к упомянутым строкам статьи «Взгляд на составление Малороссии» — *...в... земле... чистых славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности...* — в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7; и сопроводит. статью к т. 17 указанного издания.

[1] См. ***1836. Октября 23 <11>. Воскресенье. Лозанна.***

[2] См. ***1838. Декабря 31 <19>. Понедельник. Рим.***

[3] См. ***1851. Июль. Москва.***

[4] *Палладия, епископа Еленопольского,* Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцев. Перевод с греческого. СПб., 1850 (цензурное разрешение 2 дек. 1849 г.). С. 131 (глава «О Иоанне Ликопольском»).

[5] См. также ***1836. Октября 12 <сентября 30>. Среда. Веве.***

[6] Подробнее об этом см.: *Виноградов И.* Гоголь и Литургия: К истолкованию одного письма // Литературная учеба. 1995. № 2–3. С. 202–206. См. также ***1838. Октября 28 <16>. Воскресенье. Лион***; и коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 11. С. 420–422.

[7] См. ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж.***

[8] Джованни Батиста Рубини (1794 или 1795–1854), итальянский певец (тенор).

[9] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 516.

[10] Между двором и садом (*фр.*).

[11] См. также ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[12] По очереди (*фр.*).

[13] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 248–249, 273.

[14] <Воспоминания о Гоголе и его друзьях в альбоме А. О. Смирновой, предназначенном для ее сына Михаила> // *Свод.* Т. 2. С. 227; см. также: Воспоминания А. О. Смирновой в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 215–216; <Воспоминания А. О. Смирновой о Гоголе в записи А. Н. Пыпина> // *Свод.* Т. 2. С. 241–242.

[15] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 282–283.

[16] См. также ***1838. Марта 17 <5>. Суббота. Рим.***

[17] См. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[18] «Данилевский мне рассказывал, что так как Гоголь не мог объясняться по-польски, то разговор шел обыкновенно на русском — гораздо чаще на малороссийском языке» (Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 431).

[19] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 517.

[20] См. ***1837. Февраля вторая половина <февраля первая половина>. Париж.***

[21] См.: *Пыпин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. 2-е изд., доп. СПб., 1881. Т. 2. С. 622–623; *Франко І.* Юзеф Богдан Залеський // Зібрання творів: У 50 т. Київ, 1980. Т. 27. С. 27–32; *Євшан М.* Богдан Залєсский і Україна // Літературно-Науковий Вістник. 1912. № 3. С. 266–267; *Козловский Л.* Польские романтики «Украинской школы». II. Богдан Залесский // Голос Минувшего. 1913. № 8. С. 45–48.

[22] См. письма Б. Залесского к И. Кайсевичу (начиная с 1833 г.) и к П. Семененко (с 1837-го) в изд.: *Zaleski D.* Korespondencya Jozefa Bohdana Zaleskiego // Przewodnik naukowy i literacki. Lwow, 1899, 1900, 1901.

[23] Слова Гоголя из письма к С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г.

[24] *Десницкий В. А.* «Мертвые души» Гоголя как поэма дворянского возрождения // *Десницкий В. А.* На литературные темы. М.; Л., 1933. С. 224, 231, 220.

[25] *Марковский М.* История возникновения и создания «Мертвых Душ». Киев, 1902. С. 56–57.

[26] См. ***1838. Марта между 17 и 25 <между 5 и 13>. Рим***; ***1838. Мая 25 <13>. Пятница. Рим.***

[27] По этой русофобской псевдонаучной теории великороссы, ничтоже сумняшеся, исключались из числа славянских народов, что служило оправданием «польского патриотизма», т. е. распространения Польши на «родственные» украинские и белорусские земли.

[28] «...Уверение Залеского, будто Гоголь питал отвращение к великоруссам, мы безусловно отвергаем» (*Лященко А. И.* Украйнофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залесского) // *Свод.* Т. 2. С. 20).

[29] Ср. ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург.***

[30] «Нужно думать, однако, что Гоголь рассказывал с обычным юмором комические эпизоды не только из жизни великоруссов, но и из быта других народностей» (*Лященко А. И.* Украйнофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залесского) // *Свод.* Т. 2. С. 20).

[31] *Лященко А. И.* Украйнофильство Гоголя. (Свидетельство Богдана Залесского) // *Свод.* Т. 2. С. 19–20.

[32] См. ***1835. Конец года, не позднее декабря 31. Санкт-Петербург.***

[33] См. ***1837. Мая 7 <19>. Пятница. Москва.***

[34] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 7–432.

[35] См. ***1851. Октября конец, до 30. Москва.***

[36] Имеется в виду статья самого Бодянского «О мнениях касательно происхождения Руси». В своей статье, представляющей собой его кандидатскую работу, защищенную в 1834 г. в Московском университете, Бодянский, будучи учеником М. Т. Каченовского, родоначальника «скептической школы» в русской историографии (известной своим гиперкритицизмом), заявлял, что «летопись нашего Нестора <...> не имеет совершенно канонической важности и принадлежит к категории грубых компиляций новейшего времени»: «...<Это> летопись, в которую Новгородец внес составленное им по политическим целям производство Руси от двух совсем различных и никогда не имевших ничего между собою общего народов, т. е. Варгов, или Варагов, Немецких Славян при Балтийском море, и Руссов, народа, обитавшего издревле на берегах Черного моря. <...> ...Те и другие были Славяне, но происшедшие совсем от различных племен. <...> Наши Критики-Историки, поверив сказаниям такой летописи, стали усердно доказывать происхождение Руси с Севера от этих небывалых Варяго-Руссов...» (*Бодянский И.* О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества и Северный Архив. 1835. № 38 (цензурное разрешение 20 сент.). С. 131; № 39 (цензурное разрешение 27 сент.). С. 192).

От подобных размышлений Бодянского оставался лишь шаг до «туранской» теории Духинского. Отличие заключалось только в том, что не северных, но, напротив, *южных* «Руссов» Бодянский называл — хоть не «туранским», — но «турецким племенем», а неких исконных славянских «Черноморских Руссов» считал бесследно растворившимися среди других народов: «Руссы были народ Турецкого племени, обитавший в Нынешней Южной России... <...> От сих-то Руссов, смешавшихся с Славянскими племенами и составивших одно целое, и должно <...> выводить нынешнее название нашего отечества Россиею, сначала составлявшее собственно одного только Юга, а после <...> перешедшее и на Великую и Белую Русь. <...> О Черноморских Руссах можно сказать словами Царя-Поэта: «И прейдоша от языка в язык, и от царствия в люди ины» (Пс. CIV, 13)» (*Бодянский И.* О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества и Северный Архив. 1835. № 39. С. 199). Впрочем, теория о «туранстве» русских (великорусов) как бы напрашивалась сама собой из определения Бодянским варягов как племени неких «прибалтийских Германских Славян <...>, основавших Новгородскую республику» (Там же. С. 199).

В отличие от Бодянского Гоголь, вслед за Н. М. Карамзиным и М. П. Погодиным, разделял норманскую теорию, с доверием относясь к «Несторовой Летописи».

[37] См. ***1854. Января 8. Воскресенье. Переяслав.***

[38] Сходные размышления Гоголь воплотил в 1834 г. — в своей незавершенной «Истории Малороссии» — в воображаемом внутреннем монологе самого изменника Мазепы, «преступного гетьмана» (см. ***1708. Сентябрь — первая половина октября***).

[39] О народной поэзии Славянских племен. Рассуждения на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета Осипа Бодянского. М., 1837. С. 114–117, 122–123, 129–133, 135.

[40] <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 10–11; глава «О Запорожцах и их Сече».

ОКТЯБРЯ 29 <НОЯБРЯ 10>. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин.

Н. В. Станкевич, который присутствовал на этом спектакле, писал 3 декабря 1836 г. М. А. Бакунину и В. Г. Белинскому, находившимся в Премухине (имении Бакуниных): «Щепкин превосходен в последнем акте, но в первом не постиг, кажется, Гоголя»[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.

[2] *Гриц.* С. 228.

НОЯБРЯ 12 <ОКТЯБРЯ 31>. СУББОТА. ПАРИЖ

Гоголь пишет два письма в Петербург – к В. А. Жуковскому (второе[1] после выезда за границу) и к П. А. Плетневу (не сохранилось).

В письме к Жуковскому сообщает о возобновлении в Веве[2] работы над «Мертвыми душами»: «Если совершу это творение так, как нуж<но> его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, вещь, которая вынесет мое имя». Описывает свою парижскую жизнь: «Здесь встретил я своего двоюродного брата[3], с которым выехал из Петербурга. Это лучший из выпущенных вместе со мною из Нежина. Жаль, что вы не знаете его стихов, которые под величайшим страхом показал он только одному мне, и то не прежде, как затворивши все двери, чтобы и французы не услышали.

Париж не так дурен, как я воображал, и, что всего лучше для меня: мест для гулянья множество – одного сада Тюльери и Елисейских полей достаточно на весь день ходьбы. Я нечувствительно делаю препорядочный моцион, что для меня теперь необходимо. Бог простер здесь надо мной свое покровительство и сделал чудо: указал мне теплую квартиру, на солнце, с печкой, и я блаженствую; снова весел. Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом вся православная Русь. Мне даже смешно, как подумаю, что я пишу Мертвых душ в Париже. Еще один Левиафан затевается. Священная дрожь пробирает меня заранее, как подумаю о нем: слышу кое-что из него... божественные вкушу минуты...[4] но... теперь я погружен весь в Мертвые души. Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждовать с моими земляками. *Терпенье!* Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом. Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня, и потомки тех же земляков моих, может быть, с глазами влажными от слез, произнесут примирение моей тени. Пришлите мне портрет ваш. <...> Акварелью в миниатюре, чтобы он мог не сворачиваясь уложиться в письмо, и отдайте его для отправления Плетневу. Я вам пришлю свой, который закажу я налитографировать только в числе пяти экземпляров, чтобы никто, кроме моих ближайших, не имел его. <...> Я думаю, что я пробуду в Париже всю зиму, тем более, что здесь жить для меня несравненно дешевле, нежели было доселе в Германии и Швейцарии. А с началом февраля отправлюсь в Италию, если только холера прекратится, и души потекут тоже за мною.

Адрес мой: Place de la Bourse <Биржевая площадь; *фр.*>, № 12.

Не представится ли вам каких-нибудь казусов, могущих случиться при покупке мертвых душ? Это была бы для меня славная вещь потому, как бы то ни было, но ваше воображение верно, увидит такое, что не увидит мое. Сообщите об этом Пушкину, авось-либо и он найдет что-нибудь с своей стороны. Хотелось бы мне страшно вычерпать этот сюжет со всех сторон. У меня много есть таких вещей, которые бы мне никак прежде не представились; но несмотря <на это>, вы всё еще можете мне сказать много нового, ибо что голова, то ум[5]. Никому не сказывайте, в чем состоит сюжет Мертвых душ. Название можете объявить всем. Только три человека, вы, Пушкин да Плетнев, должны знать настоящее дело. Прилагаемое письмо[6] прошу вас покорнейше вручить Плетневу немедленно, оно нужное.

Будьте всегда здоровы и веселы, и да хранит вас Бог от почечуев[7] и от встреч с теми физиогномиями, на которые нужно плевать...»

[1] См. ***1836. Июня 28 <16>. Вторник. Гамбург***.

[2] См. ***1836. Октября между 7–12 и 23. Веве***; ***1836. Октября 23 <11>. Воскресенье. Лозанна***.

[3] Имеется в виду А. С. Данилевский. В 1834 г. Гоголь познакомил Данилевского с А. С. Пушкиным (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***).

[4] Вероятно, речь идет о драме из эпохи Богдана Хмельницкого, задуманной Гоголем еще до отъезда за границу (писать эту «пьесу» он предполагал зимой 1836/37 г. в Швецарии; см. ***1836. Мая 15. Пятница. Санкт-Петербург***). По-видимому, какая-то предварительная работа вскоре началась. По воспоминаниям Б. Залесского о встречах с А. Мицкевичем и Гоголем в Париже в конце 1836 – начале 1837 г., «он имел под рукой у себя замечательные сборники народных песен на разных славянских наречиях» (см. ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж***). 3 июня (н. ст.) 1837 г. Гоголь сообщал Н. Я. Прокоповичу: «Теперь <...> принимаюсь не на шутку за важное дело». Для этого «дела» Гоголь просил Прокоповича выслать ему оставленные в Петербурге «рукописные книги»: «Там у меня выписки и материалы всего». Свою просьбу Гоголь повторял в письмах к Н. Я. Прокоповичу от 2 ноября (н. ст.) 1837 г. (где упоминал и об оставленных «малороссийских песнях», а также о русских летописях), от 15 апреля 1838 г. (где просил дополнительно о присылке книг, «особенно <...> относительно истории славянской и русской») и в письме от 2 июля (н. ст.) 1838 г.

[5] Эти и подобные размышления нашли отражение в замысле «Мертвых душ» (см. ***1834. Апреля 20. Страстная пятница. Санкт-Петербург***; ***1844. Марта 12 <февраля 29>. Вторник. Ницца***; *Виноградов И. А.* Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2017 (в печати).

[6] Не сохранилось.

[7] Почечуй – геморой. Ср. реплику Бобчинского в «Ревизоре»: «Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву...»

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ – НОЯБРЯ НАЧАЛО <НОЯБРЯ СРЕДИНА>. МОСКВА

П. В. Нащокин, отвечая на не дошедшее до нас письмо Пушкина из Петербурга, спрашивает:

«Не можешь ли уведомить, где Гоголь. Куды ему писать – меня просили узнать».

Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 16. С. 181.

НОЯБРЯ 15 <3>. ВТОРНИК

П. И. Шафарик в письме к А. Мареку извещает его о получении из Москвы русских книг, среди которых упоминается «Миргород» Гоголя.

Францев В. А. Н. В. Гоголь в чешской литературе. СПб., 1902. С. 5.

НОЯБРЯ 10 <22>. ВТОРНИК. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 228.

НОЯБРЯ 15 <27>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

НОЯБРЯ 28 <16>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

Гоголь пишет ответное письмо М. П. Погодину в Москву. В тот же день, вероятно, отправляет ответные послания родным – матери в Васильевку и сестрам Анне и Елисавете в Петербург (последнее письмо не сохранилось).

В недатированном послании к матери пишет: «Письмо ваше я получил и не отвечал так долго, потому что ожидал ответа на прежние мои письма. Прожект мой ехать в Италию зимовать разрушен. Там теперь холера свирепствует страшным образом и потому я отправился в Париж, – где нашел по крайней мере теплую комнату. Здесь встретил я и Данилевского. Я не знаю, что вам писать об Париже. В нем столько много всего, что не знаешь, с которой стороны приняться. Жить в нем можно как хотите, и дорого и дешево, как нельзя даже в Петербурге. В вашем письме вы заботитесь и беспокоитесь, что у меня не достанет денег. Неужели вы думаете, что я похож на некоторых наших помещиков, которые думают только о том, как бы теперь прожить, а о будущем и не помышляют и говорят: авось Бог милосердный поможет как-нибудь выпутаться, между тем запутываются более и более в долги. Я знаю очень хорошо пословицу: *"Береженого и Бог бережет"* и потому никогда не полагаюсь на чудеса и чрезвычайные случаи. Еще не выезжая из Петербурга, я уже так устроил дела, что в каком городе бы я ни был, банкир, живущий в нем, по первому моему востребованию выдаст мне сумму, какую я захочу. Кроме того, одно слово, написанное в Петербург, который у меня под рукою, потому что письма доходят менее нежели в две недели, одно слово уже достаточно, чтобы мне выслали сумму, мною требуемую. Но если бы я даже и ничего этого заблаговременно не устроил, то, явившись к нашему посланнику в каком бы то ни было месте и государстве, я бы мог всегда занять сколько мне хотелось. Итак вы видите, что обо мне нечего вам беспокоиться. Как бы то ни было, но мои дела всегда лучше ваших и потому советую вам более обратить внимание на ваши дела. Я очень ценю те заботы, которые имеет обо мне ваше родительское сердце. Но весьма будет не благоразумно с вашей стороны тревожить себя пустыми беспокойствами и неосновательными предположениями. <...> В Париже я проживу, может быть, всю зиму и потому буду иметь много еще времени, чтобы о нем написать вам. Вчера я был в Лувровской картинной галерее во второй уже раз и всё насилу мог выйти. Картины здесь собрались лучшие со всего света. Был на прошлой неделе[1] в известном саду (Jardin des plantes[2]), где собраны все редкие растения со всего света и все на вольном воздухе. Слоны, верблюды, строусы и обезьяны ходят там, как у себя дома. Это первое заведение в этом роде в мире. Кедры растут там такие толстые, как только в сказке говорится. Для всех зверей и птиц особенный даже павильон и беседки и у каждого из этих обитателей свой садик. Весь Париж наполнен теперь музыкантами, певцами, живописцами, артистами и художниками всех родов. Улицы все освещены газом. Многие из них сделаны галереями, освещены сверху стеклами. Полы в них мраморные и так хороши, что можно

танцовать. <...> Я спешу скорее окончить, потому что мне еще много нужно писать сегодня писем. Адрес мой: Place de la Bourse, № 12. Да что сестра Марья ничего не пишет? Я получил от Анет и Лизы не так давно письма»[3].

В письме к Погодину сообщает: «Письмо твое[4] я получил в Париже. Холера, свирепствующая в Италии, не пустила меня туда. Я сижу здесь и, думаю, пробуду всю зиму. <...> Пошли тебе Бог успехов во всем. <...> Но берегись слишком увлечься и рассеяться многосторонностью занятий. Избери один труд, влюбись в него душою и телом, и жизнь твоя потечет полнее и прекраснее, а самый труд будет проникнут тем одушевлением, которое недоступно для истрачивающего талант свой на повседневное. Я не одобряю предприятия твоего издавать журнал[5] по задуманному тобою плану. Дело журнала требует более или менее шарлатанства. <...> ...Ты замышляешь с генваря начать его издание, а между тем в мае думаешь ехать за границу. Стало быть, он не очень горячо будет издаваться. Повести, конечно, могли бы доставить небольшое развлечение зевающим, но где их набрать? У меня нет ни одной, и не подымется больше рука моя писать их. Пиши их тот, кому нечего больше писать. Когда я писал мои незрелые и неокончательные опыты, которые я потому только назвал повестями, что нужно же было чем-нибудь назвать их, – я писал их для того только, чтобы пробовать мои силы и знать, так ли очинено перо мое, как мне нужно, чтобы приняться за дело. Видевши негодность его, я опять чинил его и опять пробовал. Это были бледные отрывки тех явлений, которыми полна была голова моя и из которых долженствовала некогда создаться полная картина[6]. Но не вечно же пробовать. Пора наконец приняться за дело. В виду нас должно быть потомство, а не подлая современность.

Вещь, над которой сижу и тружусь теперь и которую долго обдумывал, и которую долго еще буду обдумывать, не похожа ни на повесть, ни на роман, длинная, длинная, в несколько томов, название ей *Мертвые души* – вот всё, что ты должен покаместь узнать об ней. Если Бог поможет выполнить мне мою поэму так, как должно, то это будет первое мое порядочное творение. Вся Русь отзовется в нем.

Жребий мой кинут. Бросивши отечество, я бросил вместе с ним все современные желания. Неперескочимая стена стала между им и мною. Гордость, которую знают только поэты, которая росла со мною в колыбели, наконец не вынесла. О, какое презренное, какое низкое состояние... дыбом волос подымается. Люди, рожденные для оплеухи, для сводничества... и перед этими людьми... мимо, мимо их! и доныне недостает духа назвать их. Не тревожь меня мелочными просьбами о статейках [журнальных]. Я не могу и не в силах заняться ими. Никакие толки, ни добрая, ни худая молва не занимает меня. Я мертв для текущего. Не води речи о театре: кроме мерзостей, ничего другого не соединяется с ним. Я даже рад, что вздорную комедию[7], которую я хотел было отдать в театр, зачитал у меня здесь один земляк, который, взявши ее на два дни, пропал с нею, как в воду, и я до сих пор не знаю о теперешнем ее местопребывании. Сам Бог внушал ему это сделать. Эта глупость не должна была явиться в свет. Если б я услышал, что что-нибудь мое играется или печатается, то это было бы мне [нож в сердце] только неприятно и больше ничего. – Я вижу только грозное и правдивое потомство, преследующее меня неотразимым вопросом: "Где же то дело, по которому бы можно было судить о тебе?" И чтобы приготовить ответ ему, я готов осудить себя на всё, на нищенскую и скитающуюся жизнь, на глубокое, непрерываемое уединение, которое отныне я ношу с собою везде: было ли бы это в Париже или в африканской степи. Пиши ко мне. Есть несколько друзей, от которых письма [слова] что благоухающий ветер с родины. Зловоние не долетит ко мне. Всё, что относится собственно к тебе, литературное и не литературное, для меня дорого, и ты меня этим обяжешь. О Париже тебе ничего не пишу. Здешняя сфера совершенно политическая, а я всегда бежал политики. Не дело поэта втираться в мирской рынок. Как [строгий] молчаливый монах, живет он в мире, не принадлежа к нему, и его чистая, непорочная душа умеет только беседовать с Богом. <...> Адрес мой: Place de la Bourse, № 12».

[1] Т. е. в период с 21 по 26 ноября (н. ст.) 1836 г.

[2] Ботанический сад (*фр.*). Имеется в виду Парижский зоологический и ботанический сад. – См. также ***1836. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж***.

[3] Возможно, письма сестер были адресованы во Франкфурт-на-Майне (см. ***1836. Июля 17 <5>. Воскресенье. Ахен***).

[4] Письмо Погодина к Гоголю было адресовано, вероятно, в Лозанну (см. ***1836. Сентября 22 <10>. Четверг. Женева***). К своему письму Погодин, возможно, приложил послание к Гоголю М. С. Щепкина, с просьбой прислать к его бенефису «Женитьбу», «хотя без поправок» (см. ***1836. Ноября 22 <декабря 4>. Воскресенье. Москва***).

[5] К изданию журнала «Москвитянин» М. П. Погодин приступил в 1841 г. (см. ***1841. Января 31 <февраля 12>. Пятница. Москва***).

[6] См. также ***1835. Февраля 21. Четверг. Санкт-Петербург***.

[7] Речь идет о «Женитьбе» (см. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***).

НОЯБРЯ 21 <ДЕКАБРЯ 3>. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. МОСКВА

Д. В. Давыдов сообщает князю П. А. Вяземскому в Петербург:

«...Уже от Булгарина осыпан выговорами за две эпиграммы мои, из которых одна тебе принадлежит, Гоголь вместе со мною зацеплен. От такого товарищества, как вы оба, я не прочь»[1].

Речь идет о фельетоне Ф. В. Булгарина в «Северной Пчеле» с нападками на эпиграммы Давыдова «Меринос собакой стал...» и «Ученый разговор», а также на повесть Гоголя «Нос», напечатанные в третьем томе журнала «Современник»[2].

[1] *Свод.* Т. 3. С. 872.

[2] <*Булгарин Ф. В.*> Литературная юмористика // Северная Пчела. 1836. 6 ноября. № 255. С. 1020.

НОЯБРЯ 22 <ДЕКАБРЯ 4>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

М. С. Щепкин пишет И. И. Сосницкому в Петербург:

«Не знаю ничего, получил ли ты пьесу от Гоголя, которую ваша милость имели большую неосторожность отдать ему оную для переправки[1]. Ежели получил, то, пожалуйста, вышли поскорей, а если нет и не знаешь ничего об нем, то я тебе скажу, что он в Лозанне, и я писал чрез Погодина[2], чтобы он выслал свою пьесу хотя без поправок, ибо у меня до сих пор нет ничего на бенефис».

Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 9.

[1] Речь идет о комедии «Женитьба» (см. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***).

[2] Тогдашние письма М. П. Погодина и Щепкина, полученные Гоголем в Париже (см. ***1836. Ноября 28 <16>. Понедельник. Париж***), не сохранились.

ДЕКАБРЯ 4 <НОЯБРЯ 22>. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАРИЖ

А. С. Данилевский получает на свое имя письмо с вложенными в него посланиями Н. Я. Прокоповича и И. Г. Пащенко из Петербурга.

На следующий день[1] Данилевский отвечал Прокоповичу: «Вчера едва мы, я и Гоголь, сели за чайный столик, как явился наш portier (человек весьма интересный: отставной воин и карлист) и положил письмо на стол с надписью на мое имя. Окончив чай и закурив сигару, я расположился в креслах, Гоголь стал позади меня. Распечатав письмо, я вытащил, во-первых, твои каракули, а потом листок с красивым почерком Ивана Григорьевича...»

[1] См. ***1836. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж***.

ДЕКАБРЯ 5 <НОЯБРЯ 23>. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПАРИЖ

В ответном[1] шуточном письме к Н. Я. Прокоповичу и И. Г. Пащенко в Петербург А. С. Данилевский замечает, что Прокопович «нехотя, предаваясь воспоминаниям, написал нечто вроде <...> глубокой траурной элегии в прозе, нечто имеющее <...> образ осеннего листа», а Пащенко – «не элегию», а «скорее что-то вроде куплетов», которые послужили для Гоголя и Данилевского поводом к созданию своих «куплетов» «Да здравствует нежинская бурса!», которые Данилевский и посылает адресатам.

В стихотворении упоминаются учителя гимназии Ф. Е. Севрюгин, М. В. Билевич, О. Д. Урсо и несколько бывших учеников по местам их тогдашнего пребывания и службы (без имен): подразумеваются те, кто «теперь в Петербурге», – «учители в корпусе» (братья Н. Я. и В. Я. Прокоповичи), чиновник «юстиции» (И. Г. Пащенко), «поэты» и художники («артисты») (Ап. Н. Мокрицкий, А. Н. Горонович, Н. В. Кукольник, В. И. Любич-Романович); в Стамбуле (К. М. Базили); в Оренбурге (И. С. Шапошников); в Париже (сам Данилевский с Гоголем); в завершение куплетов говорится о «гусарах» (Н. Ф. Романович, Ф. К. Бороздин, П. И. Мартос, Н. П. Григоров, Н. Н. Миллер).

Далее в письме Данилевский сообщает о приезде в Париж в тот же день (5 декабря) И. П. Симоновского и описывает прогулки с Гоголем по Парижу:

«...Из Парижа мы с Гоголем сделали совершенный Петербург: Итальянский бульвар называем Невским проспектом, Тюльери – Летним садом, Палерояль – Гостиным двором, и прочее. Сегодня по случаю приезда Симановского банкетуем у Вефура, знаменитого ресторатора в Палерояле, а вы? Было ли у вас что-нибудь первого октября[2], вы что-то ничего не пишете, верно нет. Скажи мой усерднейший поклон, расцелуй за меня Есипова[3], хотел бы написать и к нему что-нибудь особенно, да теперь, право, не сидится и не пишется, отправляемся скитаться; немудрено, что в Париже столько зевак, право до сих пор засматриваемся на магазины, а Гоголь сделался ужасным зевакою. Недавно мы были с ним в Jardin des plantes[4], чудная вещь этот Jardin des plantes, другого нет в мире, конечно. Слоны, бегемоты, медведи, гиппопотамы прогуливаются перед тобою чинно и свободно; целый полк обезьян производит свои обыкновенные занятия в виду зевающей публики; птиц, баранов, коз, львов, тигров сколько душе угодно. “Славный собака[5] Париж”, как говорит Гоголь[6]. <...>

Пришлите стихи Пушкина из “Современника”[7] и хотя оглавление одного номера невинного журнала Кукольника[8]. <...>

У вас теперь зима, конечно, а у нас прелестные осенние дни. Никого не увидишь в плаще, даже Гоголь ходит в одном сюртуке, а между тем – 5 декабря. Право, Париж стоит Петербурга»[9].

В. И. Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «5 декабря приехал к ним в Париж, по приглашению Данилевского, давно поджидаемый из Висбадена сотоварищ их по нежинской гимназии Симоновский, так что в Париже образовался так же небольшой нежинский кружок, как в Петербурге. <...> Вскоре нежинцы познакомились и близко сошлись с одним молодым французом, Ноэлем, жившим в верхнем этаже одного из самых высоких домов Латинского квартала. К нему они ежедневно собирались обедать и оставались потом брать уроки разговорного итальянского языка, ввиду предстоявшего путешествия в Италию. (Впоследствии Александр Семенович рекомендовал его своему хорошему полтавскому знакомому, Алексею Васильевичу Капнисту, в гувернеры к детям, но это не состоялось, потому что Ноэль переехал в Брюссель, и следы его были потеряны. По словам А. С. Данилевского, он был даже немного поэт.). <...> ...Гоголь вместе с Данилевским ежедневно посещал в Париже разные роскошно меблированные cafes[10] и близко познакомился с их порядками и обычными посетителями. <...> В эти годы Гоголь страшно страдал от желудка»[11].

[1] См. ***1836. Декабря 4 <ноября 22>. Воскресенье. Париж.***
[2] См. ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1836. Мая 28. Четверг. Санкт-Петербург.***

[4] В период с 21 по 26 ноября (н. ст.) 1836 г. (см. ***1836. Ноября 28 <16>. Понедельник. Париж***).

[5] Слово «собака» в укр. языке мужского рода.

[6] Впечатления от Парижа Гоголь передал в письме к матери от ноября 1836 г. (см. ***1836. Ноября 28 <16>. Понедельник. Париж***).

[7] Речь идет о третьем томе «Современника» (см. ***1836. Октября до 9. Санкт-Петербург***).

[8] О «Художественной газете», издававшейся в Петербурге с августа 1836 г. под редакцией Н. В. Кукольника, Гоголь в письме к Н. Я. Прокоповичу от 25 января (н. ст.) спрашивал: «Ты очень легко упомянул о "Художественной газете". Можно бы даже привести отрывочек».

[9] *Свод.* Т. 1. С. 490–491.

[10] См. ***1836. Ноября начало (н. ст.). Париж.***

[11] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 517.

НОЯБРЯ 27 <ДЕКАБРЯ 9>. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Премьера оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя» в Большом театре.

В «Петербургских записках 1836 года»[1] Гоголь замечал: «У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк; у одного дышит раздольный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки».

[1] См. также ***1837. Март-апрель <февраля средина – апреля средина>. Париж – Рим.***

ДЕКАБРЯ 9 <21>. СРЕДА. МОСКВА

М. С. Щепкин пишет И. И. Сосницкому в Петербург:

«Вчерашний день мне сказали, что у вас ставится пьеса Гоголя под названием "Сваха". Хотя и другое название, но это, я думаю, та же[1], что он нам давал. Если это точно правда, что оная ставится, то как? В казну или кому-либо на бенефис? Если в казну, то, пожалуйста, извести, что дирекция за оную платит; если же на бенефис кому-либо, то попроси у бенефицианта переписать и вышли, от этого никакой помехи, я думаю, быть не может, ибо мой бенефис 8-го февраля. Только, пожалуйста, поскорее все вышли».

Из писем М. С. Щепкина // *Свод.* Т. 3. С. 9.

[1] Щепкин подразумевал комедию «Женитьба» (см. ***1836. Мая не позднее 30. Санкт-Петербург***), однако он ошибался.

ДЕКАБРЯ 16 <28>. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Представление «Ревизора» в Александринском театре.

Ельницкая 1978. С. 305.

ДЕКАБРЯ 18 <30>. ПЯТНИЦА. МОСКВА

Представление «Ревизора» в Малом театре[1]; в роли Городничего – М. С. Щепкин[2].

[1] *Ельницкая 1978.* С. 305.
[2] *Гриц.* С. 228.

1836 ДЕКАБРЯ 22 <1837 ЯНВАРЯ 3>. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет[1] четвертого тома «Современника» (цензурное разрешение 11 ноября), где напечатана «Капитанская дочка»[2] А. С. Пушкина (с подписью и датой: «Издатель. 19 Окт<ября> 1836») и др.

[1] *Тархова.* Т. 4. С. 1982.
[2] См. также ***1837. Января 25 <13>. Среда. Париж***; ***1837. Ноября средина. Санкт-Петербург*** (примечания).

Список сокращений

Гоголь 1889–1896 – Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1–5; Соч. *Н. В. Гоголя.* Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6; СПб., 1896. Т. 7.

Гоголь 1937–1952 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1994 – Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент., В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 – Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2001–2012 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 23 т. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Ю. Винницкий, Е. Е. Дмитриева, Ю. В. Манн, К. Ю. Рогов. М.: Наследие, 2001 (2 изд., стереотипное – М.: Наука; ИМЛИ РАН, 2003); Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М.: Наука, 2003; Т. 3 / Тексты подготовила Л. В. Дерюгина; Коммент. подготовили С. Г. Бочаров, Л. В. Дерюгина. М.: Наука, 2009; Т. 7. Кн. 1–2 / Тексты и коммент. подготовили Н. Л. Виноградская, П. Ю. Гуревич, Е. Е. Дмитриева, И. А. Зайцева, Ю. В. Манн, О. К. Супронюк, А. С. Шолохова. М.: Наука, 2012.

Гоголь 2009 – Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 – Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Барсуков – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 1–22. СПб., 1888–1910.

Виноградов 2000 – Виноградов И. А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 – Виноградов И. А. Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 – Виноградов И. А. Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.

Городецкий – Городецкий Б. П. Описание автографов Н. В. Гоголя в собрании Института Литературы Академии Наук СССР // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1.

Гриц – Гриц Т. С. М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Ельницкая 1978 – Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1826–1845 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Ельницкая 1979 – Ельницкая Т. М. Репертуарная сводка. Репертуар петербургского Александринского и московского Малого театров. 1846–1861 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1979. Т. 4.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

Казарин – Казарин В. П. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986.

Клинчин – Клинчин А. П. Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Кулиш 1852 – *<Кулиш П. А.>* Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 – *<Кулиш П. А.>* Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Кулиш 1854 (1) – *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92; Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) – *<Кулиш П. А.>* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 – *<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

Машинский 1940 – *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя. М., 1940.

Машинский 1959 – *Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959. 294 с.

Машковцев – *Машковцев Н. Г.* Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. 170 с.

Назаревский – *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 315–357.

НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

Попов 1868 – *Попов А. Н.* Записка Дмитрия Прокофьевича Трощинского об учреждении министерств // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 1–22.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Свод – *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Сребницкий 1902 – *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Коммиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902.

Сребницкий 1902 (отд. изд.) – *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук. Киев, 1902.

Супронюк. Словарь – *Супронюк О. К.* Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

Тархова – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 3. 1829–1832 / Сост. Н. А. Тархова; Т. 4. 1833–1837 / Сост. Н. А. Тархова. М., 1999.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Цявловский, Тархова – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т. 2. 1825–1828 / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999.

Шенрок – *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Именной указатель

Географическая канва
жизни и творчества Гоголя
1829–1836

Географическая канва

Содержание

ИМЛИ РАН

Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя

Том 3

Москва 2017